

А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров, С.М. Шамин

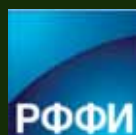
РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1686–1700 ГОДОВ

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА
1686–1700 ГОДОВ

А.Г. Гуськов
К.А. Кочегаров
С.М. Шамин

ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА
В ИСТОРИИ РОССИИ

СОВРЕМЕННЫЙ
НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

А.Г. ГУСЬКОВ, К.А. КОЧЕГАРОВ, С.М. ШАМИН

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА
1686–1700 ГОДОВ

МОСКВА
«РУССКОЕ СЛОВО»
2022

УДК 94(70)“1686/1700”

ББК 63.3(2)511–68

Г96

Исследование и издание выполнены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42015 «Русско-турецкая война 1686–1700 годов» (конкурс «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд»).

Рецензенты:

к.и.н. В.А. Артамонов, к.и.н. О.А. Курбатов, к.и.н. А.В. Малов

Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М.

Г96

Русско-турецкая война 1686–1700 годов / А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров, С.М. Шамин. — М.: ООО «Русское слово — учебник», 2022. — 528 с.

ISBN 978-5-533-02732-8

Монография представляет собой первое в историографии комплексное исследование малоизвестной и самой долгой в истории Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Авторы последовательно раскрывают ход военных действий в течение всех четырнадцати лет противостояния, вплетая в них наиболее крупные и известные кампании 1687–1689 и 1695–1696 гг. (так называемые Крымские и Азовские походы). Среди находок исследователей — освещение кампании 1697 г., которая оказалась самым серьезным вкладом России в дело коалиционной антиосманской борьбы с точки зрения отвлечения на себя сил противника. В работе проводится анализ механизмов военно-политического планирования, показывается связь войны с важнейшими шагами России на международной арене, эволюция идеологической матрицы в освещении войны внутри страны и за ее пределами, влияние военных действий на взаимоотношения Москвы и зависимых от нее политических образований (Кавказ, Украина, Калмыцкое ханство и др.). Одна из центральных задач исследования — показать место войны в формировании идеологических и политических основ внешней политики России эпохи Петра I.

Книга предназначена для ученых-историков, специалистов по внешней политике России и военной истории, а также для всех интересующихся прошлым своего Отечества.

УДК 94(70)“1686/1700”

ББК 63.3(2)511–68

ISBN 978-5-533-02732-8

© А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров, С.М. Шамин, 2022

© Институт российской истории РАН, 2022

© ООО «Русское слово — учебник», 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY

ANDREY GUS'KOV, KIRILL KOCHEGAROV, STEPAN SHAMIN

THE RUSSO-TURKISH WAR
OF 1686–1700

MOSCOW
«RUSSKOE SLOVO»
2022

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42015 «The Russo-Turkish War of 1686–1700» («The Petrine Epoch in the history of Russia: the modern view» initiative)

Reviewers:

Vladimir Artamonov (PhD), Oleg Kurbatov (PhD), Aleksandr Malov (PhD)

Andrey Gus'kov, Kirill Kochegarov, Stepan Shamin

The Russo-Turkish War of 1686–1700 / A. Gus'kov, K. Kochegarov, S. Shamin. — Moscow: Russkoe slovo — uchebnik, 2022. — 528 p.

ISBN 978-5-533-02732-8

This collective monograph is the first scholarly study of the Russo-Turkish War of 1686–1700, the least-known and most-protracted of Russia's wars against the Sublime Porte and the Crimean khanate. The authors' systematic investigation of the course of military events during the entirety of this 14-year-long conflict interweaves analyses of the largest and best studied Crimean (1687–1689) and Azov (1695–1696) campaigns. It also brings to light the heretofore unacknowledged importance of the campaign of 1697, which was Russia's most serious contribution as a member of the international coalition known as the Holy League. The work also deals with the mechanisms of military planning, the evolution of both internal and external ideology, and the influence of war on the relations between Moscow and dependent political formations (such as Caucasian tribal polities, the Ukrainian Hetmanate, and the Kalmyk Horde). One of the central tasks of the study is to show the role of the war in the process of creating the political and ideological bases of Russian foreign policy in the era of Peter the Great.

The book is intended for historians, specialists in Russian foreign policy and military history, as well as anyone interested in the history of Russia.

© A. Gus'kov, K. Kochegarov, S. Shamin, 2022

© Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2022

© Publishing house «Russkoe slovo — uchebnik», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Глава 1. Причины и предпосылки войны. Русско-крымско-османские отношения в 1682–1686 гг. и присоединение России к Священной лиге.....	25
Глава 2. Кампания 1686 г. и первый Крымский поход 1687 г.	43
Глава 3. Оборонительная кампания 1688 г. и строительство Новобогородицка	131
Глава 4. Второй Крымский поход 1689 г.	168
Глава 5. Военные действия в 1690–1694 гг.	257
Глава 6. Кампания 1695 г. Взятие днепровских городков	297
Глава 7. Военная кампания и дипломатия в 1696 г. Взятие Азова. Венское соглашение	318
Глава 8. Военные действия в 1697–1700 гг.	365
Глава 9. Война на Северном Кавказе и в Северном Прикаспии	403
Глава 10. Война и идеология: распространение информации и презентация событий в публичном пространстве.....	434
Глава 11. Российская дипломатия на завершающем этапе войны. Константинопольский мир.....	463
Заключение.....	503
Именной указатель.....	509
Список сокращений.....	527

ВВЕДЕНИЕ

В последние полтора десятилетия отечественная историография переживает взрывной рост исследований, посвященных войнам и военному делу в России раннего Нового времени. Особенно это касается судьбоносных событий середины XVII в., когда Русское государство оказалось вовлечено в конфликты практически со всеми крупнейшими странами региона — Речью Посполитой и союзным ей Крымским ханством (война 1654–1667 гг.), а также Швецией (война 1656–1658 гг.). Появляются новые исследования и по военным событиям эпохи Смуты, Смоленской войны и Русско-турецкой войны 1672–1681 гг. Основная часть их посвящена детальному описанию отдельных кампаний, но встречаются и обобщающие работы¹. Нельзя сказать, чтобы подобный научный интерес, отражающий в том числе и запросы современного российского общества, совсем не затрагивал «последнюю» войну Московского царства — Русско-турецкую войну 1686–1700 гг., однако внимание исследователей к данной теме на фоне остальных военных конфликтов следует признать явно недостаточным.

И дело здесь даже не в задачах изучения частных событий указанной войны, которые постепенно решаются отдельными исследователями. Основной лакуной, на наш взгляд, является отсутствие концептуального осмысления войны как целостного военно-политического процесса от момента заключения Русским государством союза с Речью Посполитой 1686 г. до подписания Константинопольского мира 1700 г. В отечественной науке это противостояние до сих пор дробится на отдельные крупные кампании: «бесславные» Крымские походы 1687 и 1689 гг. В.В. Голицына и «удачные» Азовские походы 1695–1696 гг. Петра I. Одной из очевидных причин этого является устоявшаяся традиция противопоставления «петровского» и «допетровского» периодов истории России, водораздел между которыми как раз проходит по рубежу конца 1680-х — начала 1690-х гг. И хотя общее понимание того, что юридически Россия находилась в состоянии войны с Османской империей и Крымским ханством все эти годы, несомненно, присутствует во многих работах, в том числе современных, оно мало влияет на сложившуюся историографическую традицию.

Само представление о данной войне в научном и общественном сознании, отраженное в таких системообразующих сводах человеческого знания, как энциклопедии, словари и учебные пособия, долгое время было (а частично и остается) весьма нечетким и противоречивым. В изданиях XIX — начала XX в. военные операции

¹ Вот лишь некоторые работы монографического характера, появившиеся в последнее десятилетие: Александров С.В. Смоленская осада. 1609–1611. М., 2011; Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014; Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом. 1658–1659 годы. М., 2015; Бабулин И.Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичах 1654 года. М., 2018; Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656–1658 гг. М., 2018; Курбатов О.А. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2019; Великанов В.С., Нечитайлов М.В. «Азиатский дракон перед Чигирином». Чигиринская кампания 1677 г. М., 2019; Лобин А.Н., Смирнов Н.В. Борьба за Юрьев-Ливонский в годы Русско-шведской войны 1656–1658 гг. М., 2021; Ракитин А.С. Северский поход и осада Чернигова. Боевые действия на юго-западном порубежье Московского государства и Речи Посполитой в период Смоленской войны (1632–1634 гг.). М., 2021; Бабулин И.Б. Война за возвращение Украины 1668–1669 гг. М., 2021; Бабулин И.Б. Московский поход короля Яна II Казимира 1663–1664 гг. М., 2022 и др.

1687–1689 и 1695–1696 гг. определялись исключительно как локальные события. Крымские походы объяснялись ответными действиями на нападения татар, Азовские — пониманием Петром важности владения Азовом и желанием получить выход к морю «по кратчайшему направлению»². События же войны Священной лиги с Турцией 1683–1699 гг. никак не сопоставлялись с действиями России. Впервые о взаимосвязи боевых действий различных государств против Османской империи сказано в обобщающей статье «Турецкие войны России», написанной А. Василенко для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Автор прямо указал на «присоединение России к священному союзу против турок» и на ее обязанность после заключения Вечного мира с Речью Посполитой вступить в войну и напасть на Крым. Действия Петра против Азова соотнесены с «исполнением священного союза», а поездка в Европу, переговоры в Карловицах и подписание Константинопольского мира представлены звеньями единой цепи событий³.

В советский период авторы словарных статей постепенно перешли к системному описанию самой войны 1686–1700 гг. Так, в первом издании «Большой советской энциклопедии» в разделе, посвященном русско-турецким войнам, в перечислении действий русских правителей упоминается, что Петр I «продолжал неоконченную Софьей войну с Турцией»⁴. Первое же выделение конфликта в качестве самостоятельной «Русско-турецкой войны 1686–99 гг.» состоялось в 1969 г. в «Советской исторической энциклопедии»⁵. Аналогичное описание обнаруживается в «Советской военной энциклопедии» 1980 г.⁶ «Русско-турецкую войну 1686–1700 гг.» видим в новом справочнике по военному делу⁷ и электронной версии Большой российской энциклопедии⁸.

Подобная эволюция словарно-энциклопедических дефиниций определенным образом свидетельствует о формировании общественно-научных представлений о войне как о целостном феномене, пусть и в самом общем, справочном, виде. Это, как представляется, дополнительно свидетельствует о необходимости появления комплексного научного описания ее событий, тем более что как факт российской истории война до сих пор отсутствует в специализированных учебных пособиях. В качестве примера можно привести новейшее издание книги «Военная история России», где упоминаются лишь Крымские и Азовские походы, а о самой войне — не сказано ни слова⁹.

А.И. Филюшкин — известный отечественный специалист по истории Ливонской войны 1558–1583 гг. — отмечал, что ее изучение идет путем накопления «кри-

²Энциклопедия военных и морских наук. Т. 1. СПб., 1883. С. 89; Т. 4. СПб., 1889. С. 426; История русской армии и флота. Вып. I. М., 1911. С. 77–78, 84.

³Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. Т. 34: Трумп — Углеродистый кальций. СПб., 1902. С. 126–128.

⁴Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. [1-е изд.]. Т. 49: Робер — Ручная граната. М., 1941. Стб. 868.

⁵Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 12: Репарации — Славяне. М., 1969. Стб. 375.

⁶Советская военная энциклопедия. Т. 7. М., 1980. С. 188–189.

⁷Селезнев Ю.В., Курбатов О.А. Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1914 гг.: справочник. Т. 1: 860–1700 гг. М., 2019. С. 1094–1098.

⁸Русско-турецкие войны // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/3522580 (Дата обращения: 08.10.2022).

⁹Военная история России: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / под общ. ред. В.Р. Мединского. 4-е изд., испр., доп. М., 2019. С. 148–149.

тической массы» работ, позволяющей изложить в обобщающем фундаментальном труде новую концепцию предмета исследования¹⁰. Однако, учитывая историографическую специфику избранной темы, авторы настоящей книги решили пойти иным путем, видя свою основную задачу в формировании целостной картины войны 1686–1700 гг. на основе комплексного описания и анализа событий, происходивших на разных театрах военных действий. При этом, что важно подчеркнуть, многие из них, включая походы на Крым, Азов и днепровские городки, рассматриваются с привлечением значительного количества малоизвестных либо не введенных в научный оборот источников. Предложенная работа, таким образом, сочетает и концептуальное обобщение, и новый фактический материал и поэтому может стать дальнейшим импульсом для более детального исследования отдельных кампаний Русско-турецкой войны и связанных с ней событий политического или экономического характера.

Изучение Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. как единого процесса может способствовать преодолению ее недооценки в историографии. Например, в сравнении с Северной войной 1700–1721 гг., начавшейся немедленно после подписания мира с Портой. Между тем война 1686–1700 гг. продемонстрировала не только исключительно военные, но и военно-экономические и военно-организационные возможности, которых достигло в своем развитии Московское царство первых Романовых и которые потом подверглись фундаментальной трансформации в ходе Петровских реформ. С другой стороны, война, несомненно, повлияла на систему взглядов самого Петра I, и в первую очередь — касавшихся вопросов внешней политики и военного строительства. Именно в ходе нее он получил первые навыки ведения боевых действий, а также опыт реализации крупных инфраструктурных проектов, в дальнейшем пригодившийся в ходе Северной войны. Достаточно вспомнить, что одним из итогов данной войны стало создание военно-морского флота. Кроме того, в те годы Россия впервые в своей истории выступила членом международной коалиции — Священной лиги. Важность этого опыта для российской дипломатии трудно переоценить.

В связи с этим в рамках основной исследовательской задачи авторы не замыкаются лишь на описании военных действий, но и затрагивают, по возможности, военно-мобилизационные усилия, логистику, специфику малой войны в отдаленных и периферийных регионах, идеологическое обрамление кампаний и военно-дипломатическую активность русского правительства. Последняя, в частности, имеет определяющее значение для понимания причин войны, оценки ее результатов и осмысления ключевых итогов противостояния. Может быть, не все указанные аспекты в рамках обобщающей работы удалось рассмотреть в равной степени систематически, однако в целом представленный материал выполняет задачу обеспечения комплексного взгляда на историю войны.

В процессе работы удалось выделить три основных хронологических периода хода войны, обусловленных как активностью в ходе боевых действий, так и внутригосударственными конфликтами — борьбой за власть между Милославскими и Нарышкиными, движением старообрядцев, стрелецким восстанием и др.: 1) «Крымский» период — 1686–1689 гг.; 2) «Оборонительный» период — 1690–1694 гг.; 3) «Османский» (или «Турецкий») период — 1695–1700 гг. За рамками данной хронологии остались боевые действия на Кавказе, специфика которых заставила выделить их в отдельную главу.

¹⁰ *Филюшкин А.И.* Как изучать Ливонскую войну? // *Российская история.* 2015. № 4. С. 3.

Русско-турецкая война не была первым столкновением России и Османской империи и в определенном смысле предопределялась наследием предыдущего конфликта, разворачивавшегося в 1672–1681 гг. В более широком смысле истоки этого противоборства были обусловлены ростом международного влияния Русского государства в Восточной Европе и нараставшим вмешательством Порты в дела региона, начиная со второй половины XVII в. Сам исследуемый конфликт стал частью Великой турецкой войны 1683–1699 гг. — многолетнего противостояния Османской империи и ее сателлитов, с одной стороны, и участников Священной лиги (римский папа, Священная Римская империя германской нации, Речь Посполитая, Венеция и Россия) — с другой. На завершающем этапе конфликта активные действия России подтолкнули Османскую империю к миру, повлияв, таким образом, на ход европейской истории. При подготовке мира Московское государство, опять-таки впервые, участвовало в качестве полноправной стороны в международном конгрессе — Карловицком (1698–1699 гг.), итоги которого стали составным элементом так называемой Вестфальской системы международных отношений. В войне 1686–1700 гг. Россия не была главным противником Порты, а днепровский, донской и прочие театры военных действий являлись для Стамбула почти до самого окончания боевых действий военно-политической периферией. Тем не менее этот конфликт стал прелюдией многочисленных русско-турецких войн XVIII–XIX вв., имевших для обеих стран уже решающее значение. Неудача Прутского похода 1711 г. свела на нет большую часть достижений России на южном направлении, достигнутых в результате войны 1686–1700 гг. Последнее стало и причиной того, что этот конфликт редко привлекал внимание ученых, изучавших формирование противоречий между Россией и Турцией в Северном Причерноморье и последовавшее геополитическое противостояние двух держав.

Как уже отмечалось, акцентирование внимания исследователей на Крымских и Азовских походах как на отдельных кампаниях не позволило ученым адекватно оценить реальные масштабы войны. Между тем боевые действия затронули огромные пространства. На западе они достигали территории Белгородской (Буджакской) орды и Очаковского вилаята Османской империи; на севере — городов и крепостей засечных черт Московского государства; на юге — акватории Азовского моря и Северного Причерноморья. На юго-востоке и востоке отдельные события проходили на Северном Кавказе, Каспийском море и в Поволжье.

В ходе войны 1672–1681 гг. Россия ограничивалась отстаиванием своих позиций на Правобережной Украине и стремлением объединить все казацкие земли под властью царя. В связи с этим именно османам пришлось посылать значительные массы войск далеко за пределы своих границ, чтобы взять обороняемый русскими войсками Чигирин, а затем поддерживать вооруженной рукой марионеточного гетмана на Правобережной Украине — Юрия Хмельницкого. В ходе конфликта 1686–1700 гг. положение принципиально изменилось. Теперь Россия вела наступательные действия сначала на Крым, а затем на Азов и турецкие крепости в нижнем течении Днепра. Последние имели для османских властей большое значение с точки зрения блокирования выхода донских и запорожских казаков в Черное море. Данные крепости также позволяли контролировать наиболее удобную для татар днепровскую переправу. Первоначально были построены два укрепления: на правом берегу Днепра — Казы-Кермен (Дуган, Казикермень); на левом, крымском берегу — Ислам-Кермен (Аслан, Аслам-Кермен, Шах-Кермен, Шин-

гирей, Шахин-Керман, Ислам-городок и др.). Между крепостями лежал Таванский остров, омываемый Днепром и его протокой — Конскими Водами. В 1679 г. турки дополнительно соорудили на Таванском острове вспомогательные крепостицы — Мустрит-Кермен (Тавань) напротив Казы-Кермена и Муберек-Кермен (Шингирей) напротив Ислам-Кермена. В период паводков на острове между Мустрит-Керменом и Муберек-Керменом появлялась еще одна протока. Очевидцы строительства укреплений на Таванском острове сообщали о намерении османов соединить их цепями с городами на берегах Днепра, перекрыв таким образом русло и Днепра, и Конских Вод¹¹. Устье Днепра и его лиман контролировались из Очакова и Кинбурна, сооруженного напротив. Дельту Дона перекрывали укрепления Азова и связанные с ним форты (крепость Лютик и башни-«каланчи»). Последним из опорных пунктов, за который шла упорная борьба, был город Терки в низовьях Терека, недалеко от побережья Каспийского моря. Город оставался единственным опорным пунктом русского правительства на Кавказе. Он позволял контролировать важные торговые пути данного региона.

В связи с уже отмеченными особенностями восприятия Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. в науке и общественном сознании сложно говорить о существовании разветвленной историографии этого конфликта. Войне в целом посвящено лишь небольшое число публикаций, среди которых нет ни одной научной монографии.

Одним из первых общих обзор военных действий 1686–1700 гг. через призму участия в них украинского казачества сделал харьковский историк В.Н. Заруба. В концептуальном плане его изложение несет отпечаток, с одной стороны, советской историографии о прогрессивности борьбы России и Украины с турецко-татарской экспансией, с другой — не лишено тенденций, свойственных находившейся в 1990-е гг. в процессе становления современной украинской историографии, гиперболизирующей и героизирующей роль запорожского (украинского) казачества в истории Восточной Европы¹².

В исследовательской литературе достаточно подробный анализ всех событий с 1686 по 1700 г. впервые осуществил В.А. Артамонов, который рассмотрел их в рамках политико-дипломатических взаимоотношений Речи Посполитой, России и Крыма¹³, а затем в качестве составной части более масштабного события — Великой турецкой войны 1683–1699 гг.¹⁴ Позднее понятие «Русско-турецкая война 1686–1700 гг.» стало регулярно использоваться в статьях, посвященных локальным сю-

¹¹Подробнее об этих укреплениях см: *Кочегаров К.А.* Запорожская Сечь и государства Восточной Европы в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // *Он же.* Украина и Россия во второй половине XVII в.: политика, дипломатия, культура. Очерки. М., 2019. С. 82–89; *Апанович О.М.* Запорозька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. Київ, 1961. С. 291–292.

¹²*Заруба В.Н.* Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993. Издание на украинском языке см.: *Заруба В.* Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ, 2001.

¹³*Артамонов В.А.* Россия, Речь Посполитая и Крым 1686–1699 годов // *Славянский сборник.* Вып. 5. Саратов, 1993. С. 3–31.

¹⁴*Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке.* Ч. 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 295–323.

жетам военной истории данного периода. К примеру, походам калмыков¹⁵, боевым действиям казаков¹⁶, российской дипломатии¹⁷ и проч.

Здесь надо отметить, что не все историки согласны с принятыми нами хронологическими рамками войны. К примеру, П.А. Аваков в своих работах пишет о «Русско-турецкой войне 1686–1699 гг.»¹⁸ Вопрос о том, считать ли завершением войны 1699 или 1700 г., по-разному может решаться даже внутри одного справочного издания. Так, в электронном варианте Большой российской энциклопедии в статье «Русско-турецкие войны» имеется раздел «Война 1686–1700»¹⁹, а в тексте статьи «Азовские походы 1695–96» говорится уже о войне 1686–1699 гг.²⁰

Разница в датах связана с тем, что одни исследователи считают окончанием войны официальное прекращение боевых действий по Карловицкому перемирию 1699 г., а другие — Константинопольский мир 1700 г., окончательно утвердивший итоги конфликта. Нам представляется более правильным использовать вторую дату, поскольку в промежутке между перемирием 1699 г. и миром 1700 г. стороны активно готовились к возможному возобновлению боевых действий, российские войска высылались на рубежи для отражения возможных нападений, экономика не переводилась «на мирные рельсы», по-прежнему имели место отдельные вооруженные столкновения. Кроме того, поддержанная нами датировка более широко распространена в текущей историографии. Подчеркнем, что указание на 1699 г., как на время окончания войны, нельзя считать ошибкой.

В целом ныне существующая историография войны 1686–1700 гг. по сути является суммой историографий отдельных ее кампаний, часто никак друг с другом концептуально не связанных. Некоторые из них, как, например, победоносные и поэтому наиболее значимые Азовские походы, относительно неплохо исследованы, другие, такие как события осады Терков, не знакомы даже специалистам по военной истории второй половины XVII в. В связи с этим авторы не видят смысла анализировать во введении все работы, касающиеся отдельных эпизодов четырнадцатилетнего конфликта, либо исследования, затрагивающие его опосредованно, в связи с анализом иной, хронологически смежной темы. Те из них, что сохраняют научное значение для комплексного изучения Русско-турецкой войны 1686–1700 гг., читатель обнаружит в примечаниях, снабженных при необходимости критическими комментариями.

Остановимся поэтому на ключевых, наиболее дискуссионных проблемах войны 1686–1700 гг., связанных в первую очередь с ее самыми заметными составляющими — Крымскими и Азовскими походами.

¹⁵ Басхаев А.Н. Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1686–1700 гг. // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2007. Т. 2. № 2(15). С. 134–137.

¹⁶ Шаповалов С.Н. Морские походы донских казаков на таманские владения Османской империи в первые годы Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 7. С. 61–63.

¹⁷ Дегоев В.В. Дипломатия Петра I на заключительном этапе Русско-турецкой войны 1686–1700 годов // Россия XXI. 2016. № 1. С. 54–85.

¹⁸ Аваков П.А. Зачем Петр I предпринял поход на Азов? // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 659.

¹⁹ Русско-турецкие войны // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/3522580 (Дата обращения: 08.10.2022).

²⁰ Азовские походы 1695–96 // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/1803870 (Дата обращения: 08.10.2022).

Говорить о серьезном научном изучении Крымских походов можно, пожалуй, только начиная с Н.Г. Устрялова, чей нарратив до сих пор задает тенденции отображения этого события, причем сугубо в хронологических рамках правления царевны Софьи Алексеевны и князя В.В. Голицына. Причины походов историк излагал на основе официальных царских манифестов, говоривших о необходимости покончить с татарскими набегами, захватом пленных, выплатой казны (первый поход) и желанием воспользоваться сложным положением Крыма и Турции, которые терпят поражения от христианских государей на остальных фронтах (второй поход). Желая оттенить успехи и прогрессивность петровских преобразований, историк не жалел черных красок для характеристики правления Софьи и Голицына, что нашло свое отражение и в оценке Крымских походов. Первый поход, закончившийся поспешным отступлением, был, по мнению ученого, попросту «бесславленным». Устрялов подробно (на материале розыска по делу Ф.Л. Шакловитого) рассмотрел переговоры Голицына с крымцами под Перекопом во время второго похода, однако, не увидев в них никакой логики, объяснял их как реакцию русской стороны на крымские предложения о мире на условиях 1681 г. Голицын, по мнению Устрялова, только и ждал завершения переговоров, чтобы поспешно отступить. Действия главнокомандующего под Перекопом для него «странны и непостижимы». Очень много в оценке событий упирается в личность боярина, «малодушие» которого заставило войско отойти назад с такой поспешностью²¹.

С.М. Соловьев в рамках своего фундаментального труда пытался нащупать основы политики голицынского правительствa в отношении ханства (военный натиск на Крым с целью заставить его согласиться на выгодные условия мира), однако в последующей историографии эта тенденция развития не получила. Историк трактовал причину первого похода в духе официального манифеста, целью второго — считал взятие Крыма, имевшего для Голицына важное значение и с точки зрения внешней политики, и для победы над «внутренними врагами». Он частично очертил политическую стратегию боярина («освободиться от дани татарской»), отметив недооценку им военных аспектов всего предприятия: «Голицын испытал эту трудность в первом походе, избежал ее во втором, достиг Крыма и тут только увидел, что не решен был заблаговременно главный вопрос: что такое Крым и как его завоевывать? Думали, что стоит только вторгнуться в Крым с большим войском, татары испугаются и отдадутся на волю победителя; не подумали об одном, что и за Перекопью та же безводная степь, как и на дороге к полуострову, что татары могут истребить все и заморить врага голодом и жаждою». Мирные переговоры под Перекопом Соловьев считал вынужденными, начатыми в надежде, что хан, «испугавшись нашествия, согласится на выгодные для России условия». В целом, резюмировал ученый, «результаты движений русского войска были ничтожны»²².

Известный русский военный историк князь Н.С. Голицын именно Крымскими походами завершил в своем обширном нарративе военную историю «Древней России». Описав достаточно подробно походы на основе данных Н.Г. Устрялова и С.М. Соловьева с использованием дневника П. Гордона, он вынес, пожалуй, самый суровый в дореволюционной историографии приговор военным предприятиям ца-

²¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 190–215, 356–384.

²² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 7. История России с древнейших времен. Т. 13–14. М., 1991. С. 379–380, 395–398.

ревны Софьи и канцлера В.В. Голицына, оценив участие России в антиосманской коалиции как «ничтожное и жалкое в сравнении с употребленными на то силами, средствами и пожертвованиями». Единственную пользу походов Н.С. Голицын видел в отвлечении крымского хана «от подания помощи турецкому султану». Для историка «неискусные и потому неудачные походы» символизировали очевидный кризис и упадок военного искусства «старой» России, подчеркивая необходимость и своевременность Петровских реформ²³.

Из специальных трудов особенно ценным в дореволюционной историографии является статья А.Х. Востокова, сохранившая научное значение до сих пор. Автор сумел отыскать текст тайного наказа В.В. Голицыну в первый Крымский поход, который раскрывал истинные цели московской политики: путем переговоров добиваться перехода крымского хана под верховную власть царей. Помимо этого, А. Востоков привел и ряд других уникальных фактов, не указав, правда, ни фондов (предположительно это архив Разрядного приказа), ни архивных шифров документов, которыми он пользовался²⁴. К сожалению, эта замечательная заметка практически не привлекала внимания исследователей Крымских походов.

Оценки Крымских походов советской историографией были весьма противоречивыми. С одной стороны, историками советской эпохи была воспринята устряловская тенденция негативной оценки политики регентства, в том числе военной, в качестве противопоставления ее последующим Петровским реформам. С другой — в их работах международная роль России в коалиции держав Священной лиги всячески гиперболизировалась и неоправданно преувеличивалась.

Оригинальную, но мало соответствующую действительности концепцию походов в 1687 г. привел в своей статье М.Н. Белов, оперировавший донесениями нидерландского резидента Г. ван Келлера и материалами польских посольских книг. По его мнению, первый поход в Крым носил разведывательный характер, поскольку царские рати «не имели плана движения по степи» (на самом деле имели и разрабатывали) и шли на Крым крайне медленно. Главная задача похода 1687 г., с его точки зрения, состояла в том, чтобы «лишить союзников всякого предлога обвинить Россию в неисполнении взятых на себя обязательств». Автор полагал, что московский двор не отважился атаковать Крым из-за трудностей мобилизации и недостатка средств (на самом деле мобилизация и сбор ресурсов прошли довольно успешно); боязни восстания в тылу царских войск нерусских народов и населения южных окраин; отсутствия помощи от союзной Речи Посполитой (ее и не ждали, и это ясно из русско-польских переговоров конца 1686 — начала 1687 г.). Причины неудачи второго похода Белов совершенно безосновательно видит в отказе союзной Польши поддержать действия армии Голицына. Анализируя переговоры под Перекопом, исследователь ошибочно утверждает, что Крым якобы уже заключил сепаратный мир с Польшей при участии Австрии, что давало Голицыну «право на аналогичные действия». Условия, которые обсуждались на переговорах, остались Белову неизвестными²⁵.

²³ Голицын Н.С. Русская военная история. Ч. 2. От Иоанна III до Петра I. СПб., 1878. С. 660–668.

²⁴ Востоков А. К истории первого Крымского похода // Киевская старина. 1886. № 2. С. 267–278.

²⁵ Белов М. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1686–1689 гг.) // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Т. 14. Л., 1949. С. 154–188.

По сравнению со статьей М.Н. Белова более взвешенной и основательной выглядит работа Г.К. Бабушкиной, опубликованная в те же годы в рамках подготовки кандидатской диссертации. Автор уже традиционно трактовала главную причину походов как постоянное нарушение мира Крымом, не совсем обоснованно рассуждая о возможности заключения ханом союза со Швецией и Польшей. Причину неудачи походов она видела в природных условиях, прежде всего в степном пожаре 1687 г. и в плохой подготовке Голицыным всего предприятия. В духе общей линии советской исторической науки она подчеркнула и отказ союзников — Польши и Австрии (последняя, на самом деле, не имела официального соглашения с Россией) — от выполнения своих обязательств. Традиционным является и общий вывод, сформулированный в виде распространенного в советской историографии утверждения, что, предпринимая походы, Голицын пытался «осуществить назревшую задачу борьбы с турецкой опасностью»²⁶.

Примерно также, то есть предельно обще (ликвидация угрозы России и Украине со стороны Крымского ханства), была сформулирована основная причина Крымских походов и в текстах советских специалистов по внешней политике России раннего Нового времени А.Н. Мальцева и И.Б. Грекова. Они также подчеркивали, что походы оказали существенную помощь «союзникам» России по Священной лиге. Совместный раздел Грекова и Мальцева в «Очерках истории СССР» подводил своего рода черту под разработками советской историографии в отношении событий 1687–1689 гг. В нем констатировалось, что завоевание Крыма оказалось сложной задачей, но одновременно подчеркивалось важное международное значение Крымских походов²⁷.

В новейшей российской историографии (после 1991 г.) обозначенную проблематику напрямую затрагивают в своих работах А.С. Лавров и В.А. Артамонов. Первый автор, учитывая основную направленность его монографии (политическая борьба в 1682–1689 гг.), описывает историю Крымских походов как необходимый, но второстепенный сюжет. В связи с этим исследователь не пытается выяснить военно-стратегические цели походов. Он констатирует неудачу первого похода, называет второй «бесславленным», а переговоры с крымцами под Перекопом в 1687 г. по каким-то причинам объявляет «тайными». Историк пишет о них на основе лишь показаний капитана Филиппа Сапогова от 30 августа 1689 г., но почему-то опускает все остальные свидетельства участников переговоров, которые также опубликованы в третьем томе «Розыскных дел о Федоре Шакловитом и его сообщниках». Лавров не совсем точно реконструирует обсуждавшиеся на них условия, по свидетельствам иностранцев И. Давида и де ла Невилля, проигнорировав официальную отписку Голицына с сообщением о переговорах, опубликованную Н.Г. Устряловым²⁸.

Наиболее объективными и научно обоснованными на сегодняшний момент являются оценки Крымских кампаний В.В. Голицына, данные В.А. Артамоновым. Он отметил, что при подготовке первого похода были допущены серьезные просчеты:

²⁶ *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. Вып. 33. М., 1950. С. 158–172.

²⁷ *Греков И.Б., Мальцев А.Н.* Международное положение России в начале 80-х гг. «Вечный мир» 1686 г. и Крымские походы 1687 и 1689 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / под ред. А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова. М., 1955. С. 536–540; *Греков И.Б.* Московско-польский договор 1686 г. о союзе и «вечном мире» // Советское славяноведение. 1987. № 3. С. 27–43.

²⁸ *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах русского государства в 1682–1689 годах. СПб., 2017. С. 138–156.

не намечено промежуточных баз (это все же не совсем так), не проведено учений. При этом ученый подчеркивает высокий потенциал русской мобилизационной системы. Справедливым стоит считать его замечание, что одна из ошибок Голицына состояла в отказе от атаки на османские крепости на Днестре. Второй поход, с точки зрения В.А. Артамонова, был вынужденной платой правительства Софьи за мир с Польшей 1686 г. Оценивая его, автор, пожалуй, впервые сформулировал цели, которые хотело достигнуть правительство на минимальном уровне: заставить Крымское ханство отказаться от поминок и набегов. Важным, но заслуживающим конкретизации, стало также наблюдение, что экспедиции Голицына мало чем помогли Священной лиге²⁹.

Помимо В.А. Артамонова, из современных исследователей, чьи труды значимы для изучения истории Крымских походов, следует выделить А.П. Богданова. Его работы помогают получить представление о формах и содержании пропаганды русского правительства, призванной сформировать представление о военных акциях России у союзников по антиосманской коалиции. Кроме того, они содержат ряд интересных наблюдений о том, как воспринимало Крымские походы само русское общество³⁰. Следует, однако, с осторожностью относиться к попыткам проецирования этих публицистических оценок на реальный ход военно-политических событий. В отличие от своих коллег, Богданов считал, что отряды «царственной печати оберегателя» (В.В. Голицына) смогли полностью выполнить в 1689 г. задачу блокады Крыма: «Политическая цель похода была достигнута: хан молил о милости и обещал «покориться под державу великих государей»³¹. Последнее не находит подтверждения ни в дипломатических документах, ни в материалах Разряда.

Из работ зарубежных историков следует выделить монографии англоязычных русистов — Л. Хьюз (Великобритания) и П. Бушковича (США). Цели походов Л. Хьюз характеризует, основываясь на царских манифестах, подчеркивает, что Голицын стремился к славе завоевателя Крыма, а в оценке первого похода принимает точку зрения М.Н. Белова. Описывая обстановку под Перекопом с опорой на донесения Голицына, опубликованные Устряловым, исследовательница, тем не менее не сообщает содержание переговоров и считает, что военный аспект покорения ханства составлял основное содержание голицынской политики³². П. Бушкович считал, что первый Крымский поход по вине Голицына обернулся «позорным провалом», так же как, впрочем, и второй. Неудачу переговоров под Перекопом он связывает с отказом Голицына заключить предложенный ханом мир, поскольку якобы это противоречило союзу с Польшей³³.

Таким образом, Крымские походы и как часть Русско-турецкой войны 1686–1700 гг., и как самостоятельный ее этап до сих пор не изучены на уровне, отвечающем современному развитию исторической науки. Несмотря на конкретные факты, присутствующие в вышеупомянутой работе А.Х. Востокова, и свидетельства о переговорах 1689 г., содержащиеся в издании «Розыскные дела о Федоре Шакловитом...»

²⁹ Артамонов В.А. Страны Восточной Европы... С. 303–308.

³⁰ Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 142–198; Богданов А.П. Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 36–43 и др.

³¹ Богданов А.П. Московская публицистика... С. 184 и др. работы.

³² Хьюз Л. Царевна Софья. СПб., 2001. С. 250–272.

³³ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 152–163.

и в опубликованных Н.Г. Устряловым отписках В.В. Голицына, в историографии по-прежнему отсутствует внятное понимание того, зачем В.В. Голицын ходил на Крым, какие цели были скрыты за пресловутой «ликвидацией крымской/османской угрозы» и какими средствами «оберегатель» планировал их добиться. Военные меры главнокомандующего воспринимаются чересчур буквально, их военно-дипломатический аспект либо игнорировался, либо рассматривался (переговоры 1689 г.) как некая случайность, побочное, вынужденное обстоятельство неудачной кампании. Отсутствие достоверных и подробных сведений о том, как вело себя Крымское ханство во время и после походов Голицына, вызывает веер конъюнктурных оценок от указания на важное международное значение якобы «бесславных» и «провальных» походов (тезис этот до сих пор жив в некоторых учебниках истории) до отрицания их существенного значения в борьбе Священной лиги против османов. Причем оценки эти в обоих случаях не подкреплены анализом конкретно-исторического материала.

В отношении событий 1695–1696 гг. (Азовские походы)³⁴, пожалуй, наиболее сложным остается вопрос о том, почему же для Петра приоритетом стал именно Азов, а не Перекоп или Казы-Кермен? Первоначально выяснить ответ на него пытались через определение автора идеи: кто из соратников Петра I предложил юному государю идти на Азов?³⁵ Однако такая постановка проблемы оказалась необоснованно упрощенной. Беспристрастный взгляд на военно-политическую историю России того времени позволяет убедиться, что в случае начала наступательной войны против Османской империи и Крыма у московского командования при выборе объекта нападения имелось всего три варианта — Азов, Перекоп и Казы-Кермен. У всех этих городов российские войска уже успели побывать между началом войны в 1686 г. и петровскими походами. Соответственно специально привлекать к ним внимание царя не требовалось, но выбор одного из трех направлений удара все равно предстояло сделать.

Утверждалось также, что Азов стал первоочередной целью, поскольку царь желал построить там флот. Однако П.А. Аваков в недавней работе убедительно показал, что строить морской флот в Азове Петр до лета 1695 г. не планировал. По крайней мере, в современных событиях источниках об этом не говорится. Появление

³⁴Историография Азовских походов является, наверное, самой объемной в общей проблематике войны 1686–1700 гг. О штурме Азова в 1695–1696 гг. написаны сотни статей и исследований. Единственным монографическим исследованием, носящим, однако, научно-популярный характер, является книга, вышедшая в 1940 г. — *Лукин Б.В., Потапов Н.И.* Азовские походы Петра I (1695–1696 гг.). Ростов н/Д, 1940. Работа основана на опубликованных источниках и литературе и не вносит ничего принципиально нового в изучение проблемы. В некотором роде, ее противоположностью оказалось исследование М.М. Богословского, вышедшее в том же году. Автор посвятил походам половину первого тома своего многотомника о первом российском императоре. См.: *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 3. М., 1940. С. 207–350. В своем труде, используя в том числе и архивные источники, историк сумел подробнейшим образом описать все события 1695–1696 гг., выделив причины и последствия захвата донской крепости. Работа Богословского остается основным источником информации для большинства авторов, так или иначе касающихся данной темы. В последнее время значительный вклад в изучение истории событий, связанных с Азовом, сделан П.А. Аваковым. Ссылки на его исследования см. в соответствующей главе.

³⁵Историографию по данному вопросу см.: *Станков К.Н.* Генерал Патрик Гордон и борьба за Азов в конце XVII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2021. № 4(86). С. 76–77.

идеи о строительстве флота стало результатом первого похода, а не его причиной. Целью же похода было активизировать участие России в войне с Османской империей³⁶. С тем, что Петр хотел возобновить активные боевые действия, трудно не согласиться, но выбора направления удара это не объясняет.

Не удалось найти ответа и в указе о начале первого Азовского похода от 12 февраля 1695 г., приведенном в главе 6³⁷. В нем причиной похода названы «неправды» крымского хана. Крымские набеги действительно разоряли окраины России. Татары убивали и уводили в плен множество русских людей. Нападения со стороны Крыма были хорошим объяснением повода для походов, обращенным к подданным, которым приходилось платить дополнительные налоги. Однако бросается в глаза, что русские войска отправлялись не к Перекопу, являвшемуся воротами в Крым, а к османским крепостям, хотя турецкий султан в документе не упомянут.

С.М. Соловьев писал о причинах похода на Азов следующее: «Лефорть хотел, чтоб Петр предпринял путешествие за границу, в Западную Европу; но как показаться в Европе, не сделавши ничего, не принявши деятельного участия в священной войне против турок. Не забудем, что тотчас по взятии Азова предпринимается путешествие за границу: эти два события состоят в тесной связи»³⁸. При таком подходе получается, что Азов был выбран в качестве наиболее легкой добычи, призванной создать для Петра славу победителя турок. Против высказанной Соловьевым гипотезы выступил еще А.Г. Брикнер, отметивший, что не существует данных, позволяющих утверждать, что Петр планировал поездку за границу до похода на Азов³⁹. В результате вопрос о выборе направления удара в кампанию 1695 г. так и остается открытым.

Одним из важнейших эпизодов Русско-турецкой войны стала оборона днепровских городков в 1697 г. Боевые действия этого года получили освещение в основном в работах по украинской истории. Впервые описание оборонительных действий вокруг днепровских городков мы встречаем в работе Д.Н. Бантыша-Каменского, охарактеризовавшего ключевые события осады Казы-Кермена и Тавани на основе документов из архива Коллегии иностранных дел («Малороссийские дела») ⁴⁰. Более объемно их осветил Н.И. Костомаров в труде «Мазепа», впервые опубликованном в 1882 г. ⁴¹ Автор расширил источниковую базу исследований и высказал некоторые критические замечания в оценке действий российских и украинских военачальников: «Поход под Таванск гетмана и князя Долгорукова никак не может быть признан славным подвигом. Правительство, однако, не поставило гетману на вид неудачи этого похода...» ⁴² Д.И. Яворницкий (Эварницкий) в трехтомной монографии о запорожских казаках привел новые факты о походе по Днепру войск белгородского воеводы и украинского гетмана, о нюансах обороны Тавани, высказал несколь-

³⁶ *Аваков Р.* Azov v strategicheskikh planakh tsaria Petra I, 1695–1696 gg.: Reviziia istoriograficheskoi traditsii // Cahiers du Monde russe. 2020. № 61/1–2. Janvier – juin. P. 177–204.

³⁷ Публикацию документа см.: *Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Молодой Петр как стратег: планирование военной кампании 1695 г. // Российская история. 2022. № 2. С. 34–46.

³⁸ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 508.

³⁹ *Брикнер А.Г.* История Петра Великого. Т. 1. СПб., 1882. С. 132.

⁴⁰ *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. Т. 3. 2-е изд. М., 1830. С. 23–27.

⁴¹ *Костомаров Н.И.* Мазепа // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. СПб., 1905. С. 465–472.

⁴² Там же. С. 472.

ко предположений о причинах отхода от городков основных сил Я.Ф. Долгорукова и И.С. Мазепы, называя его для последнего «бесславленным»⁴³.

После долгого перерыва исследования событий 1697 г. были продолжены уже упомянутым В.Н. Зарубой. В своей монографии, используя новый архивный материал, историк вновь остановился на основных эпизодах боев июля — сентября 1697 г., уточнив несколько дат и количественные характеристики войск⁴⁴.

Из работ последнего времени следует выделить параграф «Кампания 1697 г. на Днепре» в справочнике О.А. Курбатова и Ю.В. Селезнева. В нем перечислены основные действия войск обеих сторон, обозначены ключевые воинские формирования, участвовавшие в кампании, указано, что «летом 1697 г. русско-казацкое войско кн. Я.Ф. Долгорукова и гетмана Мазепы отразило масштабное наступление турецко-татарских сил». Авторы подвергли критике прежние оценки событий, отвергнув ее «бесславный» характер для гетмана и князя. По их мнению, «своими продуманными действиями царские командующие сковали главные силы крымского хана и сераскер-паши в низовьях Днепра», а героизм защитников Тавани и Казы-Кермена способствовал провалу всего наступления турецкой армии в Причерноморье⁴⁵.

В целом же историография событий 1697 г., по сути, не получила серьезного развития после работ XIX столетия. Исключением является последняя работа, в которой была обобщена информация предшествующих исследований и предложена принципиально иная оценка действий руководства российско-украинских войск. Вместе с тем до сих пор остается малоизученным сам ход обороны городков, взаимодействие их гарнизонов, численность войск, атаковавших российские опорные пункты. Исследователям не удалось найти объяснение того, как воевода В. Бухвостов сумел отразить натиск почти десятикратно превосходящих сил врага.

О боевых действиях на Северном Кавказе систематических исследований до настоящего времени вообще не проводилось. Между тем упоминания об отдельных событиях встречаются на страницах разных публикаций уже более столетия. В частности, о походе крымских татар в черкесские владения в 1688 г. писал П.Л. Юдин⁴⁶, а Д.И. Яворницкий публиковал документы об аналогичной акции 1692 г.⁴⁷ Тем не менее даже в обобщающих работах последнего времени данному сюжету уделяется не более одной-двух страниц⁴⁸. Отдельные эпизоды фигурируют в исследованиях

⁴³ *Яворницкий Д.И.* История запорожских козаков. Т. 3. СПб., 1897. С. 251–268.

⁴⁴ *Заруба В.Н.* Украинское казацкое войско... С. 132–138. В новом издании этого труда на украинском языке новых фактов по указанной проблематике не появилось: *Заруба В.* Українське козацьке військо... С. 399–406.

⁴⁵ *Селезнев Ю.В., Курбатов О.А.* Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1914 гг.: справочник. Т. 1: 860–1700 гг. М., 2019. С. 1094–1098.

⁴⁶ *Юдин П.Л.* Калмыки в борьбе с Турцией. (К истории турецких интриг на Кавказе) // Русский архив. 1915. № 6. С. 166.

⁴⁷ *Яворницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков. Т. 1. Владимир, 1903. С. 416.

⁴⁸ *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008. С. 326–327; *Дзамихов К.Ф.* «В службе и обороне...». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е — начало 1770-х годов). Нальчик, 2017. С. 137; *Тхамокова И.Х.* Кабардинские князья в городе Терки в конце XVII — начале XVIII в. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 2 (41). С. 74–78.

на смежные темы. К примеру, в работах по калмыцкой истории данного периода⁴⁹. Исключением является вопрос об участии в войне бежавших с Дона на Аграхань казаков-старообрядцев. Исследования по этой теме были начаты еще В.Г. Дружининым⁵⁰ и успешно продолжают в наше время. Значительный вклад в изучение данного вопроса сделан Д.В. Сенем⁵¹.

Спорные темы имеются и при обращении к вопросам дипломатии периода Русско-турецкой войны. Особо следует выделить вопрос о вхождении России в состав Священной лиги. Он имеет значительную историографию, группирующуюся вокруг двух точек зрения. Часть исследователей полагали, что заключение Вечного мира с условием проведения военных операций против Крымского ханства, вассала Османской империи, обусловило присоединение России к войне Священной лиги, что приравнивалось к включению в ее состав⁵². Еще С.М. Соловьев писал, что с 1686 г. «Россия вступала в общее действие с европейскими державами, с Польшей, Австрией и Венецией, явилась членом этого союза, который назывался священным»⁵³. Ему же приписываются слова, что в 1686 г. Российское царство вступило «в концерт европейских держав»⁵⁴. Данной точки зрения придерживается и ряд современных исследователей⁵⁵. Причем, по мнению одного

⁴⁹ *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста, 2018. С. 135–136 и др.

⁵⁰ *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 184, 194–196.

⁵¹ *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII — начало XVIII в.). Ростов н/Д, 2009; *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. — начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и Средневековье. М., 2011. С. 290–291; *Сень Д.В.* Казачество во внешней и внутренней политике Крымского ханства // История татар. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 264–265; *Сень Д.В.* «Крымской хан принял их... с великою любовью»: казачество Крымского ханства (Кубани) в конце XVII–XVIII в. // Казачество в тюркском и славянском мирах / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов. Казань, 2018. С. 489–497 и др.

⁵² *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 3. М., 1946. С. 338; *Бабушкина Г.К.* Международное значение крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. Т. 33. М., 1950. С. 158–172; *Илиева (Шварц) И.* Русия и Свещената Лига: 1684–1699 // 300 години Чипровско въстание: Принос към историята на Българите през XVII в. София, 1988. С. 277, 279, 281, 285; *Бобылев В.С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 13–14; *Лещиловская И.И.* Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 46–47.

⁵³ *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом / отв. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1984. С. 58.

⁵⁴ Цит. по: *Крылова Т.К.* Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII вв. // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена. 1939. Т. 19. С. 47. Цитата использовалась некоторыми исследователями — см., например: *Ястребов А.О.* Обзор русско-венецианских связей в эпоху Петра I (1695–1722 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. 2015. № 3. С. 14. Однако обнаружить ее в трудах классика пока не удалось, так как цитирование не сопровождалось точными ссылками. Искомую фразу можно найти у другого видного историка — В.О. Ключевского (*Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 332.). Возможно, Т.К. Крылова перепутала «столпов» российской историографии.

⁵⁵ См., например: *Молчанов Н.Н.* Петр I. М., 2003. С. 62, 65; *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг.: учеб. пособие. М., 2004. С. 27; *Кобзарева Е.И.* Россия в Вестфальской системе. 1648–1686 гг. // От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.; СПб., 2015. С. 112; *Ястребов А.О.* Обзор русско-венецианских связей... С. 14.

из них, «платой за ее (России. — *Авт.*) вхождение в антиоттоманский союз с европейскими державами была ненужная ей война с крымцами, однако она соглашается на “меньшее зло”, чтобы оставить за собой завоеванные земли Украины и Смоленщины»⁵⁶. Кстати, некоторые авторы без тени сомнения доходили до утверждений, что Москва внесла основополагающий вклад в борьбу с «бусурманами» в 1680–1690-х гг.: «Своими успехами союзники были в значительной степени обязаны России»⁵⁷.

Оппоненты вышеизложенной концепции утверждали, что помощь полякам и военные операции против Крыма и Азова являются «внешними действиями» по отношению к конфликту и лишь в 1697 г. с подписанием Венского договора К. Нефимовым Россия стала полноправным членом Священной лиги⁵⁸.

Точка зрения второй группы представляется более аргументированной, однако не такой однозначной. Дело в том, что представление о деятельности антиосманского союза во многом исходит из понимания системы международных отношений более поздней эпохи. Обязательность выполнения условий договоров, надежность союзнических обязательств, их содержание, гарантии участникам переговоров — все это в XVII в. находилось еще в процессе становления. Представляется, что для московского правительства смысловые различия «вступления» в Лигу или «присоединения» к ней не несли особой содержательной нагрузки в рамках борьбы с «бусурманами». Все участники боевых действий против османов и турок — и в 1687, и в 1689, и в 1695, и в 1696 гг. — полагались соратниками по борьбе. Поэтому российские дипломаты вполне осознанно заявляли в 1690 г.: «ваше Цесарское Величество общей наш союзник»⁵⁹. Таким образом, по нашему мнению, стремление исследователей однозначно определить точную дату вступления России в антитурецкую коалицию не может быть реализовано.

Остаются дискуссионными или малоисследованными и многие другие вопросы. Например, миссия К.Н. Нефимонова, результатом которой стало заключение первого в истории страны многостороннего соглашения, до сих пор не являлась объектом специального исследования. Единственным исключением стал анализ действий российского посланника, носивший, впрочем, вспомогательный характер, в работе Д. и И. Гузевичей, посвященной истории Великого посольства⁶⁰.

В заключение остановимся на вопросе источников по истории Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Попытка осуществить общую характеристику использованных источников показала, что они гораздо более многочисленны и разнообразны, чем предполагалось перед началом работы над книгой. Нам пришлось отказаться от намерения полностью охватить даже выявленный источниковый материал и сосредоточиться на документах, которые позволяют систематически изложить основные события.

⁵⁶ *Ястребов А.О.* Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. Россия и греческая община Венеции. М., 2018. С. 106.

⁵⁷ *Крылова Т.К.* Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709 гг.) // Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 249.

⁵⁸ История внешней политики России: XVIII век: От Северной войны до войн России против Наполеона. М., 2000. С. 10–11; *Артамонов В.А.* Россия, Речь Посполитая и Крым... С. 4–5; *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006. СПб., 2008. С. 44–48; и др.

⁵⁹ ПДС. Т. 7. СПб., 1864. Стб. 612.

⁶⁰ *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Первое европейское путешествие... С. 20–31.

Совокупность источников, использованных в работе, включает походные журналы, мемуаристику, но в первую очередь — актовый материал военного и дипломатического характера⁶¹. Публикация походных журналов была начата еще в XVIII столетии. Журналы 1695 и 1696 гг., составлявшие в походной канцелярии Петра I⁶², изучены с источниковедческой точки зрения Т.С. Майковой⁶³. В числе их недостатков — крайняя лапидарность. Кроме того, журналы велись лишь во время крупнейших походов. К источникам данного типа примыкают Дворцовые разряды, которые также ограничены сведениями лишь о важнейших событиях и назначениях⁶⁴.

Из мемуарной литературы наиболее ценны дневники П. Гордона. Благодаря личности составителя они во многом остаются непревзойденным источником информации по важнейшим военным предприятиям исследуемого периода. Тем более что в настоящее время все тексты Гордона стали доступны широкому кругу исследователей благодаря блестящей публикации Д.Г. Федосова⁶⁵. Следует, однако, помнить, что и у этого источника есть свои недостатки. Во-первых, в ряде случаев Гордон тенденциозен, что для источников личного происхождения естественно. Во-вторых, далеко не все данные сам генерал получал из первых рук. Иногда доходившая до него информация оказывалась сильно упрощенной, а то и искаженной. Это следует учитывать, когда речь идет о тех событиях, очевидцем которых Гордон не являлся. В целом же дневниковые материалы и другие нарративные источники оказались для нашей темы существенно менее ценными, чем делопроизводственные документы, поскольку последние содержат более полную и точную информацию. К примеру, изначально мы широко привлекали такие источники, как «Дневные записки» И.А. Желябужского⁶⁶, «Сказание о взятии города Азова»⁶⁷ и др., однако постепенно, по мере расширения знакомства с документами РГАДА, отказались от них в пользу документов Разрядного приказа. Из

⁶¹Часть документов была опубликована в нескольких систематических собраниях XIX в.: АИ. Т. 5. СПб., 1842; ДАИ. Т. 11. СПб., 1869; Т. 12. СПб., 1872; АИЗР. Т. 5. СПб., 1853; ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2. 1676–1688; Т. 3. 1689–1699.

⁶²Поход боярина и большого полка воеводы Алексея Семеновича Шейна к Азову. СПб., 1773; Походный журнал 1695 года. СПб., 1853; Статейный список похода в Азов боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина в 1697 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. 1868. С. 135–165; Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов / отв. ред. Е.Е. Лыкова; сост. Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева. М., 2006. С. 179–187.

⁶³Майкова Т.С. Военные «Юрнaлы» петровского времени (По материалам ЦГАДА) // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969. С. 368–390.

⁶⁴Дворцовые разряды. Т. 4 (с 1676 по 1701 г.). СПб., 1855.

⁶⁵Гордон П. Дневник, 1684–1689 // пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова / отв. ред. М.Г. Рыженков. М., 2009; Гордон П. Дневник, 1690–1695 // пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова / отв. ред. М.Г. Рыженков. М., 2014; Гордон П. Дневник, 1696–1698 // пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова / отв. ред. М.Р. Рыженков. М., 2018. См. также публикацию на языке оригинала: *Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries 1635–1699* / ed. Dimitry Fedosov. 6 vols. Aberdeen, 2009–2016.

⁶⁶Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 261–358.

⁶⁷Сказание о взятии города Азова // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся / изд. Н.И. Новиковым. 2-е изд. Ч. 16. М., 1791. С. 251–281.

опубликованных эпистолярных материалов широко использовались письма Петра I, Лефорта и Мазепы⁶⁸.

Основой работы стал актовый и делопроизводственный материал, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Базовым следует считать фонд № 210 «Разрядный приказ». Именно в нем аккумулировались документы, связанные с самыми разными аспектами боевых действий — от шпионских донесений и расспросов пленных до ведомостей о выдаче жалованья и росписей полков. Поскольку важнейшую роль в войне играло украинское казачество, то еще двумя опорными собраниями стали фонд № 124 «Малороссийские дела» и фонд № 229 «Малороссийский приказ». Важным участником конфликта являлось донское казачество, что потребовало глубокой проработки фонда № 111 «Донские дела».

Второй по значимости блок — коллекции дипломатических материалов, из которых систематически опубликованы лишь документы по связям с Австрией⁶⁹. В исследовании активно использовались архивные материалы фондов «Сношения России с Турцией» (№ 89) и «Сношения России с Крымом» (№ 123)⁷⁰. Особое внимание к ним связано с тем, что именно Османская империя и Крымское ханство выступали основными противниками России. Из других собраний нами привлекались дела из фонда № 79 «Сношения России с Польшей».

Были использованы также отдельные документы из фондов № 115 «Кабардинские, черкесские и другие дела», № 119 «Калмыцкие дела», № 155 «Иностранные ведомости (куранты) и газеты», № 138 «Дела о Посольском приказе и служивших в нем» и № 248 «Сенат и его учреждения».

Специфической источниковедческой проблемой стал поиск документов, освещающих события войны на Северном Кавказе. Данный регион ведался в приказе Казанского дворца, документы которого не сохранились. В какой-то мере их удалось заменить материалами Терской и Астраханской приказных изб, дела которых отложились в Научном архиве СПБИИ РАН в фонде № 178 и частично опубликованы Е.Н. Кушевой⁷¹.

Привлеченные источники, в том числе и впервые вводимые в научный оборот, позволили создать целостную картину Русско-турецкой войны 1686–1700 гг., выявить ее основные этапы и обосновать предлагаемую нами периодизацию. В работе показано, что выступление России на стороне антитурецкой коалиции обусловлено совокупностью политических, экономических, военных и иных факторов. Рассмотрен вопрос о вовлечении в события различных социальных, религиоз-

⁶⁸ ПБПВ. Т. 1. СПб., 1887; 3 епістолярної спадщини гетьмана Івана Мазепи / упорядник та автор передмови В.В. Станіславський. Київ, 1996; Листи Івана Мазепи. Т. 1. 1687–1691 / упор. та авт. передм. В. Станіславський. Київ, 2002; Листи Івана Мазепи.. Т. 2. 1691–1700 / упор. та авт. вступн. дослідж. В.В. Станіславський. Київ, 2010; Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов.

⁶⁹ ПДС. Т. 6. СПб., 1862; Т. 7. СПб., 1864; Т. 8. СПб., 1867; Т. 9. СПб., 1868. Часть неопубликованных документов из Ф. 32 РГАДА («Сношения с Австрией») также использована в исследовании.

⁷⁰ Одно из важнейших дел этого собрания опубликовано: Статейный список подьячаго Василия Айтемираева в Крым, 1692–1695 гг. Одесса, 1896.

⁷¹ Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в.: сб. док. / выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушева. М., 1997.

ных и национальных групп населения — казаков, старообрядцев, калмыков, татар, башкир, горских народов Кавказа и др. Проанализированы связанные с войной политические, дипломатические и идеологические, военно-организационные и другие вопросы.

Исследования дополняют карты и иллюстрации. Карты Крымских и Азовских походов неоднократно публиковались как в учебной, так и в научной литературе. Есть такие карты и в данной монографии. Их принципиальная новизна состоит в том, что мы поставили перед собой задачу представить походы в комплексе с другими боевыми действиями, отразив не отдельные походы, а кампании соответствующего периода в целом. К примеру, походы В.В. Голицына дополнены рейдом Г.И. Косагова по Арабатской Стрелке, походы Петра к Азову — действиями армий И.С. Мазепы и Б.П. Шереметева и турецко-татарских войск и т.д. (рис. 2–5). Впервые в историографии подготовлена карта, дающая общее представление о театрах боевых действий, на которых разворачивались события Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Поскольку поместить на одну карту все походы и сражения технически невозможно, мы отметили населенные пункты, которые непосредственно подвергались нападению противника, а также те, в чьих окрестностях появлялись отряды врага. Карта не является полной, особенно в части городков донских казаков, а также поселений Османской империи и Крымского ханства. Добиться желаемой полноты не позволяет характер источников. Тем не менее карта позволяет в полной мере оценить масштабы исследуемых событий. Здесь же отражены территориальные изменения, произошедшие по итогам войны (рис. 8). Проведенные границы основаны на статьях заключенного в 1700 г. Константинопольского перемирия и материалах размежеваний, осуществленных пограничными комиссиями в 1704–1705 гг. Из-за отсутствия точной привязки объектов граница показана с большой степенью допущения (например, относительно ее западной части указывалось, что линия разграничения давалась «на письме» без установки межевых знаков и шла «через степь», пересекая несколько рек без каких-либо ориентиров места их пересечения). Найти документальные свидетельства того времени по размежеванию территории в центральной части (от р. Днепр до устья р. Миус), к сожалению, не удалось. Поэтому картографирование данного отрезка проводилось по информации, приведенной А.И. Ригельманом⁷².

Изначально авторы планировали подготовить целый ряд карт, посвященных отдельным сражениям и осадам. Однако в ходе работы выяснилось, что составлению таких карт должны быть предпосланы масштабные историко-географические исследования. Поэтому мы ограничились схемами обороны Тавани 1697 г. (рис. 6, 7). При ее подготовке впервые реконструирован общий план Таванской переправы (в настоящее время о. Тавань скрыт водохранилищем) и находившихся здесь укреплений. Недостаток карт в определенной степени компенсируется публикацией планов XVII–XVIII столетий. В их числе — планы месторасположения новопостроенных городов Новобородицка и Новосергиевска (рис. 9, 10), план построенной в 1698 г. новой крепости Казы-Кермен (рис. 15), а также план осады Азова в 1695 г. (рис. 11), который в значительной степени является основой для представленных в научной литературе схем осады города.

⁷² Ригельман А.И. Ростов на Дону 150 лет назад. «Ведомость и географическое описание крепости св. Димитрия Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненная по указу Правительствующего сената 1768 года». Ростов н/Д, 1918. С. 47.

Несколько иллюстраций посвящено теме идеологического «сопровождения» боевых действий. Из имеющегося обилия иллюстративного материала мы остановились на малоизвестных гравюрах Л. Тарасевича, восхваляющих Б.П. Шереметева за взятие Казы-Кермена и других городков на Таванской переправе (1695 г.). На первой из них изображено изготовление победоносного меча для воеводы (рис. 1), а на второй — «Ликование днепровских вод» по поводу освобождения от иноверного ига (рис. 17). Тема триумфа продолжена гравюрой А. Шхонебека, изображающей фейерверк в Москве в честь взятия Азова. Она лучше всего показывает, какие новации внес царь Петр в дело прославления своих побед. Иллюстративный ряд продолжен портретами полководцев Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. — В.В. Голицына, Б.П. Шереметева и Я.Ф. Долгорукова (рис. 12–14).

Авторы выражают свою благодарность за помощь, советы и ценные замечания при написании монографии: П.А. Авакову, О.Г. Агеевой, В.А. Артамонову, Н.В. Башнину, А.В. Белякову, Н.Ю. Болотиной, А.В. Виноградову, Э. Зицеру, Д.Ю. Козлову, О.А. Курбатову, Д.В. Лисейцеву, А.В. Малову, С.Б. Манышеву, Я.В. Мартыновой, Е.Е. Рычаловскому, Д.В. Сеню, А.В. Топычканову, И.А. Устиновой, В.Г. Ченцовой, И. Шварц.

Отдельную благодарность за поддержку издания книги авторский коллектив выражает издательству «Русское слово» и его генеральному директору Марине Ивановне Лобзиной.

**ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЙНЫ.
РУССКО-КРЫМСКО-ОСМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1682–1686 гг.
И ПРИСОЕДИНЕНИЕ РОССИИ К СВЯЩЕННОЙ ЛИГЕ**

**Итоги Русско-турецкой войны 1672–1681 гг.
Мирные переговоры в Крыму и Турции**

Говоря о причинах и предпосылках вступления России в войну с Османской империей и Крымским ханством, следует прежде всего принять во внимание итоги предыдущей «долгой» войны, продолжавшейся с 1672 по 1681 г. Такая датировка включает период 1672–1676 гг. — попытки подчинить власти России Правобережную Украину, во главе которой стоял турецкий вассал П. Дорошенко. Это позволяет более объективно оценить поставленные Россией цели. К 1676 г. главная из них, казалось, была достигнута — Дорошенко капитулировал, царский гарнизон занял Чигирин, знаки гетманской власти, пожалованные правобережному гетману султаном, отправились в Москву¹. Однако этот несомненный успех привлек к действиям России пристальное внимание уже самой Порты, которая в том же году победоносно завершила войну с Польшей, добившись от последней уступки Подолии и значительной части Правобережной Украины. Теперь России пришлось отстаивать завоевания предыдущих лет: в походы на Чигирин в 1677 и особенно в 1678 г. двинулись крупные османские контингенты. В ходе второго похода Чигирин был взят османской армией. Это означало, что все завоевания предыдущих лет оказались утеряны². Более того, в 1679–1680 гг. турецкие инженеры и крымско-турецкие войска укрепили систему крепостей на нижнем Днепре, значительно ограничив военные возмож-

¹О военном аспекте кампаний 1672–1676 гг. см.: *Великанов В.С.* Чигиринский поход кн. Г.Г. Ромодановского в 1676 г.: низложение гетмана П.Д. Дорошенко и установление формального контроля над Правобережьем // *Славянский альманах*. 2019. Вып. 1–2. С. 160–170; *Великанов В.С.* «Заднепровский поход 182 г.» войск князя Г.Г. Ромодановского и Переяславская рада 1674 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2021. № 4 (86). С. 63–74; *Великанов В.С.* Чигиринский поход 1674 г.: неудачная попытка установления российского контроля над Правобережьем // *Славянский альманах*. 2021 г. Вып. 3–4. С. 28–49; *Аваков П.А.* Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье // *Славяноведение*. 2020. № 4. С. 14–29 и др.

Политический аспект военных действий изучен *Б.Н. Флорей*: *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* Ч. 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001; *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 г.) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2016. № 3 (65). С. 76–90; *Флоря Б.Н.* Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673–1676 гг.) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2017. № 1. С. 61–75; *Флоря Б.Н.* Поход османов на Речь Посполитую и Россия // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. № 1. С. 74–88 и др.

²*Яфарова М.Р.* Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017; *Великанов В.С., Нечитайлов М.В.* «Азиатский дракон перед Чигирином». Чигиринская кампания 1677 г. М., 2019.

ности запорожских казаков, а русское правительство и гетманская администрация, ожидавшие турецкого нападения на Киев, не решились этому помешать³.

Советская историография, сводившая войну 1672–1681 гг. лишь к ее последней, оборонительной фазе (1676/1677–1681 гг.) и акцентировавшая внимание на героизме защитников Чигирина, порой стремилась изображать итоги русско-османского противостояния, по которым Россия смогла отстоять перед лицом крымско-татарской экспансии Левобережье и Киев, излишне оптимистично⁴. Между тем мирные соглашения, заключенные Россией в 1681–1682 гг. с Турцией и Крымским ханством, не принесли ей особых выгод. Попытки послов В.М. Тяпкина и Н.М. Зотова добиться признания за Россией части Правобережной Украины ни к чему не привели. После трудных переговоров хан Мурад-Гирей одобрил образец соглашения (черновой вариант был ему представлен 3 января, белой на татарском — 9 января), по которому перемирие заключалось на 20 лет, границей между Портой и Россией объявлялся Днепр, на правом берегу за царем признавался Киев с пригородами и земли Запорожской Сечи. При этом хану и султану запрещалось строить города и заселять территории Правобережной Украины (в том числе за счет перебежчиков из царской державы) между Днепром и Южным Бугом, позволялись вольные промыслы запорожских казаков и свободная кочевка татар в нижнеднепровских степях. Однако после консультаций с султанским двором текст грамоты, на которой должен был присягать Мурад-Гирей, переписали «с убавкой». Тяпкин и Зотов отказались принимать новую грамоту, им угрожали заковать их в кандалы. Из новой редакции договора были удалены пункты о вольных промыслах для казаков, условие сохранения пустой территории между Бугом и Днепром трансформировалось в обязательство обеих сторон «на Днепре по обоим сторонам городов и городков не делать». На этом тексте, датированном 3 января, Мурад-Гирей принес присягу 4 марта 1681 г., после чего он был все-таки принят Тяпкиным и Зотовым в ходе отпусковой аудиенции. Также им вручили и грамоту великого везира Кара-Мустафы с одобрением мира, территориальные условия которой были еще более жесткими: о русской власти над Запорожьем в ней не говорилось. Наконец, по условиям заключенного договора Россия, должна была выплатить хану «казну» за три прошедших года⁵.

Несмотря на принятие Тяпкиным и Зотовым ханской перемирной грамоты, Россия продолжила добиваться пересмотра положения о Правобережной Украине. Выехавшим в Константинополь в июле 1681 г. для ратификации мира окольничему И.И. Чирикову и дьяку П.Б. Возницыну было поручено добиваться сохранения за царем Запорожья и хотя бы части земель Правобережья⁶. Однако и эти планы пош-

³ *Кочегаров К.А.* Запорожская Сечь и государства Восточной Европы в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М., 2019. С. 54–127.

⁴ *Водарский Я.Е.* Международное положение русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / под ред. А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова. М., 1955. С. 530–531.

⁵ *Мурзакевич Н.* «Список с статейного списка великаго государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова...» // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1850. С. 569–643; *Лашков В.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь, 1891. С. 175–180.

⁶ *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М., 1946. С. 166–167.

ли прахом. Согласно конечным условиям русско-турецкого соглашения, содержащимся в султанской «утвердительной грамоте», врученной Возницыну (Чириков по дороге умер), границей между двумя державами стал Днепр, за Россией на Правобережье признавался лишь Киев с пригородами, левобережным казакам позволялось заниматься промыслами в низовьях Днепра и на Правобережье только при условии уплаты соответствующих пошлин. Также запрещалось строить новые города вдоль Днепра и препятствовать свободному переходу жителей Лео- и Правобережной Украины на противоположный берег⁷. Для Москвы соглашения, «подписанные» в Бахчисарае и Адрианополе, фиксировали положение, фактически существовавшее до начала войны: Россия удержала за собой Левобережье с Киевом. При этом главная цель, ради которой Москва ввязалась в 1672 г. в противостояние с османским вассалом Дорошенко, а затем и с самой Портой — присоединение казацких земель на правом берегу Днепра, выполнена не была. Османская империя же закрепила за собой уступленные Польшей территории — Правобережье с разоренным Чигирином и Немировым.

Хотя и В. Тяпкин в Крыму, и П. Возницын в Стамбуле приняли ханскую шертную грамоту и султанскую ратификационную грамоту («ахджамэ»), Москва не признавала пункты русско-крымско-османских договоров о свободном переселении жителей между крымско-турецкими и российскими владениями, о запрете восстания старых и постройки новых городов на обоих берегах Днепра, требовала признания за землями между Южным Бугом и Днестром статуса незаселенной буферной зоны. Все это убедительно показывает, что заключенные мирные соглашения отнюдь не устраивали русское правительство, ставившее задачи их ревизии. Подобные инструкции давались направленным в Крым русским посланникам Н. Мельницкому и Ф. Мартынову. Однако их переговоры в начале июня 1682 г. с ханским везиром Ахмед-агой ничего не дали. Крымская сторона заявляла «что де Василей Тяпкин отдал образцовую запис и в той де образцовой записе те статьи, что от Днепра до Богу городов не строить, хотя и написаны были, а ханово де величество в шертную грамоту велел писать то, на чем возможно миру состоятца». Все претензии русской стороны на изменение договора и возвращение к проекту Тяпкина от 3 января 1681 г. отвергались⁸.

В августе 1682 г., получив неутешительные известия об условиях договора с султаном, в Москве начали подготовку нового посольства в Османскую империю во главе с окольным К.О. Хлоповым и дьяком В. Постниковым. С царскими грамотами к султану и великому везиру Кара-Мустафе для «обвещения» о посольстве был послан подьячий Михаил Тарасов. Главной задачей посольства Хлопова было добиться от турок признания Запорожской Сечи и ее земель владениями царя, запрета заселения земель между Южным Бугом и Днестром и приема переселенцев из цар-

⁷ПСЗ. Т. 2. СПб., 1830. С. 388–392. О переговорах см.: *Ходырева Г.В.* Российско-турецкие переговоры 1681–1682 гг. о ратификации Бахчисарайского мирного договора // *Отечественная история.* 2003. № 2. С. 151–162.

⁸См. подробнее: *Кочегаров К.А.* Правление молдавского господаря Г. Дуки на землях Правобережной Украины и его отношения с Россией и левобережным гетманом И. Самойловичем. 1681–1683 // *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М., 2019. С. 179–180. Ср.: *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // *Исторические записки.* Т. 33. М., 1950. С. 159–161.

ской державы. Если бы султан отказался пересматривать соглашение, выдав новую подтвердительную грамоту против старого образца, Хлопову и Постникову велено было «такой салтановой грамоты не принимать»⁹.

Между тем М. Тарасов прибыл 11 ноября в Адрианополь, куда должен был прибыть и султанский двор. К султану его не допустили, царские грамоты ему пришлось отдать в ходе аудиенции у везира. А 20 декабря Кара-Мустафа-паша вызвал Тарасова, вручил ему ответную грамоту султана и свое письмо, заявив, что Порта отказывается принять русских послов, о чем посланнику следовало «наскоро» написать в Москву. Также русскому дипломату были высказаны претензии касательно враждебности левобережных казаков в отношении подданных султана — жителей Правобережной Украины. Отписка Тарасова была получена в Москве 6 февраля 1683 г. При получении этих известий Хлопов и Постников были задержаны в Севске, а затем и вовсе возвращены в Москву¹⁰. Более того, по сведениям польского резидента Самуэля Проского, Порта приняла Тарасова весьма враждебно. На аудиенции у везира его всячески унижали (*contempserunt*): ответные грамоты ему вручили без традиционной церемонии, стоя, не получил он и обычного в таких случаях кафтана и вообще никаких подарков. Тарасову было предписано в течение десяти дней покинуть Адрианополь, перед выездом ему даже запретили посетить православное богослужение в связи с наступающим Рождеством. Проский считал, что русских дипломатов просто «вытолкали... в шею»¹¹.

Мир с Портой и Крымом не принес и спокойствия на южные рубежи России. В марте 1682 г. ехавший на воеводство в Тор М.Г. Мезенцев подвергся нападению татарского отряда и вместе со своими спутниками попал в плен. В апреле донские казаки писали в Москву о набегах «азовцев» на пограничные города Тор, Изюм и Маяцкий¹².

Несмотря на это, направленные осенью 1682 г. в Крым очередные «годовые посланники» — стольник Никита Тараканов и подьячий Петр Бурцов — должны были убедить хана в намерении России нерушимо сохранять мир. Также как и их предшественники, русские дипломаты должны были добиться пересмотра не признававшихся Россией статей мирных договоров и освобождения захваченного в плен воеводы М.Г. Мезенцева.

Однако крымская сторона встретила посланников недружелюбно. Уже при встрече на «розменном месте» крымцы обещали подвесить их за ноги. В течение двух месяцев после приезда в Крым посланники выслушивали угрозы «доправить» на них недостающую, по мнению татар, часть поминков. А в конце декабря 1682 г. Тараканова и Бурцова избили, подвергли пыткам, а их имущество разграбили. Возможно, подобное грубое обращение с Таракановым и Бурцовым косвенно было связано с интригами ксендза Костанецкого — неофициального польского представителя в Бахчисарае. Он получил от короля Яна Собеского инструкции всячески по-

⁹РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 23. Л. 16–27, 138–143 об., 184–246. Царский указ о посольстве датирован 14 августа 1682 г.

¹⁰Там же. Л. 287 об. — 316 об., 330–335 об.

¹¹Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Teki Naruszewicza. Rękopis 179. S. 346–347.

¹²Глаголев В.П. Движение на Дону и Юге России весной 1682 года // Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института. Т. 1. М., 1958. С. 123–126; Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 214–216; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 4. СПб., 1828. С. 471.

ощрять агрессивные шаги Крымского ханства в отношении России, указывая на слабость Москвы из-за недавних стрелецких волнений в столице¹³.

Угрозы и оскорбления, хотя и в меньшей степени, сопровождали и пребывание в Крыму последующих русских годовых посланников. Так, 3 апреля 1684 г., после того как посланники И. Протопопов и Д. Парфеньев вручили «любительные поминки» «калгиной матери и женам ево, и детям, и бекчам», а ближним людям калги — «великих государей жалованье по росписи», к ним на двор прибыл «дворецкой» с «кормом» и с объявлением, что калга велел «на них, посланниках, им подарков взять десять пар соболей, десять шуб, хребты бельи, десетеры цки черева бельи». Однако Протопопов и Парфеньев «в тех дачах им отказали и говорили, на Москве у великих государей послом их корм даетца, а подарков на них не спрашивают и тово корму посланники не взяли». Дворецкий уехал, но вместо него вскоре явился «копычейской голова да копычейской кегья с копычией», требуя «вышпомянутых дач». Когда русские дипломаты опять отказали, татары на них «кричали с великим шумом и словами бесчестили и на коем дворе стояли, тот двор заперли и животов золотых и денег, и соболей, и шуб, и цков белых искали». П. Хивинца, толмача посольства, арестовали и увезли для расспросов на двор калги. В дальнейшем люди калги неоднократно приезжали к послам, настаивая на выдаче требуемых подарков якобы в соответствии с прецедентом: их выдавали предыдущие годовые посланники Мельницкий и Тараканов. После очередных отказов татары «взяли сильно у посланников у Дмитрия Парфеньева двои цки хребтовые да двои цки черевьи бельи», а потом «из двора пошли и ворота отперли». Вслед за ними поехал разменный бей Велиша Сулешев, который добился частичного возврата награбленного («привез двои цки хребтовые, которые взяты и отдал, а сказал, калга салтан тех цков имать не велел»). В дальнейшем копычьи калги вновь привозили «корм», но посланники отказывались брать его, даже когда от них не требовали подарков немедленно, опасаясь, что домогательства немедленно последуют вскоре после этого¹⁴.

Стабилизация внутривосточного положения в России, выразившаяся в том числе в возникновении правительства регентши царевны Софьи Алексеевны при малолетних царях Иване и Петре, в котором главную роль играл глава Посольского, Иноземского и других приказов — князь Василий Голицын, давала возможность русскому правительству подумать об укреплении позиций страны во внешней политике. Одним из важнейших внешнеполитических направлений было, безусловно, крымско-турецкое. Навязанные русской стороне невыгодные условия мирных договоров, пренебрежительное обращение (вплоть до пыток и прямых издевательств) в отношении русских дипломатов, необходимость выплачивать поминки не обладавшему полным суверенитетом правителю — крымскому хану, не платившиеся аж с 1658 года¹⁵, — все эти вопросы, подрывавшие престиж самодержавного государя и ограничивавшие укрепление российского влияния на южном и юго-западном на-

¹³ Kočegarov K. The Moscow Uprising of 1682: Relations between Russia, the Crimean Khanate, and the Polish-Lithuanian Commonwealth // Denise Klein (ed.). The Crimean Khanate between East and West (15th—18th century) (=Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 78). Wiesbaden, 2012. P. 59–73.

¹⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 76. Л. 182–184.

¹⁵ Фаизов С. Ф. Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 49–55.

правлениях, требовали первостепенного внимания. Возможность исправить ситуацию представилась с началом новой войны Османской империи против коалиции христианских государств.

Начало войны Османской империи с коалицией христианских держав и Россия. Первые переговоры о русско-польском союзе

В 1683 г. османы организовали грандиозный поход на Вену, осадив город. Началась длительная война Порты с европейскими странами (1683–1699). На помощь австрийцам пришел известный польский полководец и король Речи Посполитой Ян Собеский, который, возглавив союзное войско, нанес османам под стенами Вены сокрушительное поражение. В 1684 г. был заключен союз Австрии, Польши, Венеции и папы римского, получивший название Священная лига. Союзники стремились втянуть в него и Москву, рассчитывая, что она сможет взять на себя борьбу с Крымским ханством¹⁶.

В.В. Голицын понимал, что Австрия и Речь Посполитая видят в России желанного союзника по антитурецкой коалиции. Еще накануне Венской битвы, весной – летом 1683 г., в Варшаве и Москве прошли русско-польские переговоры. Они были вызваны желанием русской дипломатии подтвердить мир от имени новых царей Ивана и Петра. В ходе них Россия выдвинула обязательное общее условие антиосманского союза с Речью Посполитой: признание условий перемирия 1667 г. основой для «вечного» русско-польского мира¹⁷.

После победы под Веной в Варшаве рассчитывали, что под влиянием новостей о военном триумфе польского короля Москва станет более уступчивой. Ян Собеский отправил осенью 1683 г. в русскую столицу своего представителя Яна Окрасу, предлагая немедленно заключить антитурецкий союз. В.В. Голицын отказался, заявив, что все вопросы должны обсуждаться на пограничной Андрусовской комиссии двух государств, начало которой было намечено на январь 1684 г. Однако одиннадцать съездов русской и польской делегаций, прошедших в январе – марте 1684 г., не принесли никакого результата. Польско-литовская сторона не соглашалась на «вечную» уступку в пользу России Левобережной Украины, Киева и Смоленска. В результате переговоры закончились ничем¹⁸.

Правительство царевны Софьи и князя В.В. Голицына все же рассчитывало, что Речь Посполитая заключит в Андрусово союз и Вечный мир на условиях Москвы. В поддержку планов Вечного мира в столице был созван собор служилых людей¹⁹, а русские переговорщики во главе с боярином князем Я.Н. Одоевским получили

¹⁶ *Wimmer J.* Wedeń 1683. Dzieje kampanii i bitwy. Warszawa, 1983; *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. С. 295–299.

¹⁷ *Koćęgarov K.* Początek wojny polsko-tureckiej a stosunki polsko-rosyjskie w pierwszej połowie roku 1683 // *Kwartalnik Historyczny. Rocznik CXII.* 2005. № 1. S. 53–76.

¹⁸ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 163–199; *Королюк В.Д., Рогов А.И.* Битва под Веной в 1683 г. и русско-польские отношения // *Австро-Венгрия и славяно-германские отношения.* М., 1965.

¹⁹ *Никольский В.К.* Земский собор о Вечном мире с Польшей 1683–1684 гг. // *Научные труды индустриально-педагогического института. Серия социально-экономическая.* Вып. 2. М., 1928.

в марте 1684 г. официальный царский выговор за слишком быстрое возвращение в Москву после подписания «разъезжих писем», не предприняв попыток продолжить переговоры неофициально²⁰.

Осенью 1684 г. русско-польские отношения обострились из-за захвата украинским гетманом Иваном Самойловичем земель Великого княжества Литовского между реками Сож и Днепр (так называемое Посожье или Засожье). Гетман сделал это самовольно, без какого-либо распоряжения из Москвы. Он представил русскому правительству дело как акт восстановления давней справедливости, обещал предоставить «подлинные свидетельства» принадлежности Посожья Войску Запорожскому со времен Б. Хмельницкого, одновременно выражая готовность очистить спорные земли, если появится соответствующее царское распоряжение. Самойлович, очевидно, был недоволен возможным русско-польским сближением, которое в случае заключения прочного мира делало невозможным объединение некогда единого казачьего Гетманства (Правобережной и Левобережной Украины) в ближайшее время.

Между тем в Польше отказывались воспринимать захват так называемых Посожских сел как локальный пограничный конфликт, видя в нем новую угрозу эскалации отношений с Россией в условиях, когда Речь Посполитая была связана войной с Османской империей и Крымским ханством. Приезжавшие в Москву польские представители требовали немедленного возврата земель, а шляхта на варшавском сейме 1685 г. всю трубила об угрозе нового московского нашествия. Русское правительство оказалось в сложной ситуации. С одной стороны, оно было не готово резко одергивать Самойловича за его самовольные действия, с другой — было вынуждено прикрывать их перед польско-литовской стороной формулировками о локальном пограничном споре, который может быть разрешен на съезде порубежных судей. Договор о таком съезде был заключен в июле 1685 г. с прибывшим в Москву польским посланником Яном Зембоцким. Однако теперь уже и Варшава была не довольна действиями своего дипломата, посчитав, что своим согласием на межевание ныне существующих границ он фактически признал их как постоянный рубеж между двумя государствами. Речь Посполитая саботировала пограничную комиссию. В итоге она не состоялась²¹.

Военные кампании против турок и татар 1684–1685 гг. оказались для Польши неудачными²². Поэтому Варшава вынуждена была поторопиться урегулировать Посожский конфликт, который изначально задумывался украинским гетманом как средство обострения русско-польских отношений. На сейме 1685 г. было принято решение об отправке посольства в Россию для заключения мира и союза. Теперь польская сторона в целом готова была удовлетворить территориальные претензии Москвы, хотя и надеялась выторговать хоть небольшие уступки для поддержания престижа республики. Взамен в Варшаве ожидали от России активных действий, которые бы полностью парализовали военный потенциал Крымского ханства. На формирование этой позиции в немалой степени повлияли папская и австрийская дип-

²⁰ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 198–199.

²¹ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 204–215; Кочегаров К.А. К истории «Посожского конфликта». Поездка стольника Ф.А. Головина к украинскому гетману Ивану Самойловичу в 1685 г. // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 489–500.

²² Wasilewski W. Wyprawa bukowińska Stanisława Jabłonowskiego w 1685. Warszawa, 2002; Wagner M. Kampania żwanięcka 1684 roku. Warszawa, 2013.

ломатии, которые не только оказывали давление на королевский двор, подталкивая его к союзу с Россией, но и предпринимали собственные дипломатические усилия в русской столице²³.

14 мая 1684 г. в Москву торжественно въехали австрийские послы С. Блюмберг и И. Жировский, которые были направлены в Россию одновременно с переговорами по созданию Священной лиги в Линце. Блюмберг и Жировский объявили В.В. Голицыну и его товарищам, что готовы заключить с Россией антитурецкий союз и от имени австрийского императора Леопольда I, и от имени польского короля Яна III Собеского. В Вене рассчитывали, что русские войска будут действовать на черноморском направлении, организовав поход на Азов, а на Крым отправят запорожских казаков в сопровождении «пеших» полков. Австрийские дипломаты выразили также готовность посредничать в заключении мира между Москвой и Варшавой, но официальных полномочий не предъявили. Российская сторона твердо отстаивала ранее сформулированную позицию: союз может быть заключен только одновременно с Вечным миром, по которому будут признаны ныне существующие русско-польские границы.

Пытаясь переубедить русскую дипломатию, Блюмберг и Жировский предлагали заключение отдельного русско-австрийского союза, без участия Польши, но Голицын вновь отказал, потребовав гарантий от «цесаря», что Речь Посполитая заключит Вечный мир. Таких гарантий австрийцы дать не могли. В июне 1684 г. они покинули русскую столицу. Отказывая Австрии в посредничестве между Польшей и Россией и заключении отдельного союза с Веной, В.В. Голицын подталкивал австрийскую дипломатию убеждать Яна Собеского принять условия Москвы²⁴.

В апреле 1685 г. в Москву прибыл гонец от императора Леопольда I И.И. Курц с сообщением, что «цесарь» готов содействовать заключению Вечного мира между Россией и Речью Посполитой, которая склоняется к его подписанию «на пристойных статьях». В задачу Курца входило и налаживание отношений между Святым престолом и Москвой. Он передал в Посольский приказ грамоту папы римского Иннокентия XI с официальным объявлением о заключении Священной лиги и призывом к царям присоединиться к ней. Курц уверял, что царский титул в послании написан в соответствии с выдвигавшимися ранее российской стороной требованиями и сообщал от имени папы, что Святой престол будет добиваться смягчения позиции польского короля в отношении России. В Посольском приказе, правда, в последний момент отказались дать ответную царскую грамоту на имя Иннокентия XI, но это не заставило Вену и Рим отказаться от давления на Яна Собеского с целью принятия им территориальных условий, выдвигаемых Россией²⁵. Папский нунций в Речи Посполитой Опцио Паллавиччини еще осенью 1684 г. пытался добиться этого от польского короля. Решение о снаряжении польско-литовского посольства в Россию летом 1685 г. также было принято не без его усилий²⁶.

Таким образом, события второй половины 1683 — первой половины 1684 г. показали России, что вступление в антиосманскую коалицию вполне реально. Более

²³ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 300–312.

²⁴ ПДС. Т. 6. СПб., 1862. Стб. 486–539, 550–570, 591–616, 619–634, 665–677, 755–764, 786–798.

²⁵ Там же. Стб. 893–907, 919–920, 922–959, 966–970, 986–990.

²⁶ Bendza M. Tendencje unijne względem cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674–1686. Warszawa, 1987. S. 111–113; Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 245–246.

того, Москва являлась для Вены и папского престола достаточно желанным партнером по Священной лиге, учитывая регулярные действия крымских и белгородских татар на венгерском и польском театрах военных действий. Даже несмотря на неудачу Андрусовских переговоров 1684 г., в Москве могли надеяться, что достижение взаимоприемлемого соглашения с Варшавой возможно в обозримом будущем. В этих условиях русская дипломатия считала возможным частично попытаться усилить свои позиции в отношениях с Портой и особенно Крымским ханством.

Россия, Турция и Крым в 1683 – начале 1685 г.

После поражения под Веной политика Османской империи в отношении России смягчилась, поскольку султанский двор опасался ее возможного присоединения к Священной лиге. Об этом свидетельствовал более теплый прием в Турции подьячего Алексея Васильева, который отправился туда в 1683 г. Так же как и его предшественник, М. Тарасов, он должен был требовать учесть мнение русского правительства в вопросах касательно Запорожской Сечи, земель между Южным Бугом и Днестром и др. В грамоте султана Мехмеда IV, привезенной в Москву Васильевым в августе 1684 г., Порта уверяла в своем намерении нерушимо соблюдать мир, однако в просьбе Москвы пересмотреть невыгодные для нее положения мирного договора было отказано²⁷.

В отношениях с Крымом русская сторона также настаивала на пересмотре не устраивавших ее статей Бахчисарайского и Адрианопольского договоров. 28 марта 1684 г., ознакомившись с информацией о переговорах гетмана И. Самойловича с посланником крымского хана Хаджи-Гирея, правительство предписало гетману направить к хану своего представителя. Последний должен был убедить Хаджи-Гирея, чтобы турецкий султан «уступил им, великими государем на той стороне Днепра земли по Днестр или б по Бог или хотя по самой последней мере по Рось реку и по урочища, как неперед сего написано было о том в наказе Василью Тяпкину, да чтоб и запорожцом против прежняго во всяких добычах допускали чинить свободной промысл и проход безо всякого отягчения в пошлинах и в ымании добычи половины»²⁸.

В условиях понятного миролюбия Порты, которая терпела поражения в боях с союзниками по Священной лиге, в русской столице взяли курс на ужесточение позиции в отношении Крыма. Это намерение русского правительства окончательно определилось осенью 1684 г., после переговоров с Польшей и Австрией, в ходе подготовки новой крымской «размены» — операции по обмену годовыми посланниками и передачи направлявшимся в Крым русским дипломатам новой казны для хана. В указанные годы она проходила под Переволочной, сотенном центре на территории Полтавского полка. Важность событий размены зимы 1684/85 г. и отсутствие даже кратких ее описаний в историографии²⁹ заставляет нас уделить ей несколько страниц в данной главе.

Царские указы об очередной посольской размене под Переволочной появились в августе 1684 г. Крымские послы в Москве — Дербеш имельдеш-ага, Умер-ага и Бу-

²⁷ ДАИ. Т. 11. СПб., 1869. С. 212–213. См. также: *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов... С. 160.

²⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1684 г. Д. 14. Л. 26–27.

²⁹ См., например: *Артамонов В.А.* О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII вв. // *Общественно-политическое развитие феодальной России.* М., 1985. С. 76.

рю-челибей должны были отправиться домой в сопровождении русских дипломатов — стольника Евдокима Савина сына Языкова и неназванного подьячего, тогда как русские посланники И. Протопопов и Д. Парфеньев вместе с новыми крымскими посланниками — прибыть в Москву. Организацию размены, в том числе передачу крымской стороне казны, предполагалось поручить окольному и воеводе Белгорода князю Дмитрию Нефедьевичу Щербатову. 7 сентября Щербатов выехал в Ахтырку во главе направленного на размену отряда³⁰.

К октябрю в Москве окончательно определились с решением о прекращении миссии русских годовых посланников в Крыму и татарских в Москве. Более-менее точную дату и официальные мотивы такого решения мы знаем благодаря отпуску царской грамоты к гетману И. Самойловичу от 14 октября 1684 г., в которой они были изложены. Гетмана информировали, что правительство предписало Щербатову передать казну крымской стороне, «приняв посланников наших Ивана Протопопова и Дмитрия Парфеньева», новых посланников к хану не отпускать и татарских дипломатов не принимать, «и впредь в обоих сторонах как... царского величества посланником в Крыму, так и хановым послом на Москве годовым не быть для того, что в прежние времена живучи, хановы послы на Москве чинили и ныне чинят всякие мирным договором и дружбе противности, от чего в прошлых годах... учинилась с предками хановыми недружба и ссора, и война всчалась, и была многие годы». Другой причиной отмены миссий годовых посланников было «ругательное мучение» в отношении Н. Тараканова и П. Бурцова. Оно оценивалось как «великих государей... превысокому имени... великое безчестие». В то же время Россия сохраняла обязательства выплаты ежегодной казны в полном объеме. Щербатов должен был до последнего отстаивать указанную позицию и «розъехаться» с главой крымской делегации на размене — разменным беом Велишой Сулешевым, если тот откажется принять казну без посланников³¹.

21 ноября Щербатов вдруг получил указ, что вместо него проведение размены поручено Л.Р. Неплюеву. Сдав дела, Щербатов через два дня отбыл в Белгород³². Не исключено, что замена была произведена намеренно. Неплюев был одним из доверенных людей В.В. Голицына, и вполне вероятно, что именно ему «посольских дел обергегатель» хотел доверить важную и ответственную миссию прекращения обмена годовыми посланниками с Крымом. Назначение Неплюева, видимо, свидетельствовало о решительном намерении русского правительства понизить уровень дипломатических отношений с ханством.

Леонтий Неплюев получил царский указ о выезде на размену 17 ноября. 25 ноября, по пути в Ахтырку, на территории Сумского полка Неплюева встретил подьячий Посольского приказа Михаил Ларионов, который вручил севскому воеводе «большой» и «тайный» указы³³. Неплюев выступил на размену из Ахтырки 5 января. 7 января на территории Полтавского полка, в селе Стасовцах к Неплюеву присоединился с казацким отрядом (1 тыс. человек «казаков и компанейщиков») гадячский полковник М. Василевич³⁴. Татары во главе с разменным беом Велишой Сулешевым подошли к Переволочне 10 января. Неплюев пришел на разменное место спустя три

³⁰РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 76. Л. 232–244 об.

³¹РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1684 г. Д. 20. Л. 253–267.

³²РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 76. Л. 274 об. — 277 об.

³³Там же. Л. 279–279 об., 281–284, 286 об.

³⁴Там же. Л. 308 об. — 312.

дня. 13 января в Переволочне севский воевода «ропечатал тайной наказ», который предписывал «с розменным беем съехатись и розмену учинить и казна отдать по указу великих государей и по ноказу, а *новых крымских посланников на розменном месте у Велиша бея отнюдь не принимать и к Москве не пропускать и великих государей посланников в Крым никоторых не отпускать* (курсив наш. — Авт.)»³⁵.

13 января Неплюев уговорил Сулешева отпустить в русскую ставку Протопопова и Парфеньева. Одновременно Терешка, человек Протопопова, тайком вывез из крымского стана посольские документы³⁶. На следующий день Неплюев отпустил в крымский стан татарских посланников, а 15 января на переговорах заявил Сулешеву об отказе посылать в Крым русских годовых посланников и принимать таковых с татарской стороны. При этом Неплюев подтвердил готовность выплатить поминки для Селим-Гирея, но потребовал от Велиши-бея заключить соглашение об изменении порядка их вручения: «впредь казну, золотые и птицы, и соболи, и шубы и всю крымскую кладь принимать ему бею и хто вpredь по нем будет по росписям» на «розменном» месте, а не в Крыму, как это было ранее³⁷.

Крымцы неоднократно просили Неплюева изменить решение, однако воевода, не уставая, повторял, что годовые посланники «отставлены вовсе безо всякого повороту». Татары просили Неплюева подождать до получения ханского ответа, собирались на совет, обсуждая что делать — уехать без казны с риском быть подвергнутым наказанию либо принять «крымскую кладь» без посланников. Воевода после долгих споров согласился подождать ответа Селим-Гирея. Крымского посланника ожидали не раньше 8 февраля, но не дождались: в татарском стане вспыхнуло недовольство из-за голода и зимней стужи. Крымцы не хотели слушать уговоров Велиши-бея и «почели вьючитца на лошади». Попытки Неплюева задержать татар успеха не имели. 5 февраля посланный Неплюевым за Днепр отряд убедился, что крымский лагерь пуст, и Сулешев со всеми при нем бывшими отрядами «с розменного места пошел в Крым подлинно». В тот же день русские войска выступили из Переволочны, прибыв в Севск 13 февраля. Так и не врученная разменному бею казна отправилась назад в Москву³⁸.

Русско-крымские отношения в 1685 — начале 1686 г.

Твердая позиция русской стороны на зимней размене и решительный отказ возобновлять миссию годовых посланников вызвали определенное беспокойство в Крыму. По свидетельству толмача Леонтия Посникова (покинул Бахчисарай 21 февраля 1685 г.), где-то в первой половине марта Селим-Гирей созвал в Бахчисарае съезд с участием калги, нураддина и других крымских «старшин», после которого гонец Чек-ага, который ехал в Москву с Л. Посниковым, был задержан в Перекопе, а затем 24 марта заменен на другого — Айтемир-мурзу Сулешева. Заменена была и ханская грамота, предназначавшаяся царям. Какие решения были приняты на ханском съезде, доподлинно неизвестно, но Чек-ага говорил Посникову, что по распоряжению Селим-Гирея «крымскою кладь ныне возьмут и вpredь имать будут без посланников»³⁹. Учитывая последовавшие дипломатические шаги Крыма вес-

³⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 20. Л. 315 об. — 321.

³⁶ Там же. Л. 321–326.

³⁷ Там же. Л. 328 об. — 353 об.

³⁸ Там же. Л. 367 об. — 369 об., 372–373 об., 374–383.

³⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1686 г. Д. 13. Л. 5–6.

ной — летом 1685 г., с уверенностью можно предположить, что при ханском дворе решили смягчить позицию в отношении Москвы, особенно накануне новой военной кампании. Среди прочих миссий об этом особенно свидетельствовало уже упомянутое посольство Айстемир-мурзы.

Весной 1685 г. в Крым направился толмач Василий Козлов с уведомлением хана Селим-Гирея о необходимости выдачи новой шертной грамоты (привезенная Протопоповым и Парфеньевым грамота хана русское правительство не устроила) и подтверждением позиции русского правительства, что казна будет передаваться только на разменном месте. Крымскую сторону, учитывая длительность стояния русских войск в Ахтырке осенью 1684 г., просили впредь заблаговременно сообщать о выезде из Крыма разменного бей⁴⁰. По возвращении В. Козлов сообщил, что хан Селим-Гирей на разменного Велишу-бей «кручинился, что он казны и без посланников не принял»⁴¹.

27 апреля в сопровождении Л. Посникова в Москву прибыл Айстемир-мурза (Устемир-мурза) Сулешев (племянник разменного бей Велиши Сулешева), получив аудиенцию у царей 29-го числа. Перед ней он, судя по всему, встречался с В.В. Голицыным, который заявил, что «никогда отнюдь посланников в Крым не пошлют». Крымский же гонец привез грамоту Селим-Гирея, в которой хан настаивал на возобновлении миссии годовых посланников, считая, что отказ от нее направлен против «учиненному миру и дружбе». Однако одновременно, видимо понимая тщетность указанных требований, Селим-Гирей заявлял, что Велиша-бей уехал с разменного места без его распоряжения из-за голода и «нестерпимой стужи» и выражал готовность принять казну и поминки за один год и без посланников, при условии, что все будет отдано «с телеги». Хан просил дать знать, когда российская сторона будет готова провести новую встречу под Переволочной. Наиболее, однако, удивительным было признание Селим-Гиреем фактов насилия в отношении русских дипломатов и их осуждение: «А что при Мурат-Гирее хане послом вашим утеснение и мучение было и то и нашему ханову величеству непригоже показалось и послов мучить — государем непригожешь». Вместе с тем хан подчеркивал, что вина за это лежит на его предшественнике, Мурат-Гирее: «а после того бесчестья которые приезжали в Крым с казною послы ваши, и мы, ханово величество тех послов ваших с честью отпустили». Поэтому в конце своего послания Селим-Гирей выражал надежду на сохранение дружественных и мирных отношений с Россией.

Ханская грамота была заслушана русским правительством 30 апреля. В результате последовал указ о подготовке новой посольской размены для передачи крымцам казны за два года — «на нынешней 193-й и впредь на 194-й годы по старым росписям сполна». Одновременно подтверждалось предыдущее решение: «крымских послов не принимать и на Москве им не годовать». Все эти предложения должны были быть изложены в царской грамоте к Селим-Гирею с подтверждением намерений России пребывать с ханством «в дружбе и в миру». С этими решениями были, несомненно, связаны памяти, данные из Посольского в Сибирский приказ о подготовке «крымской кладки» («всю крымскую кладь и на розмену роз-

⁴⁰ Это следует из описи дела: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 6. Само дело не микрофильмировано, а в его выдаче авторам по причине ветхости было отказано по решению специальной комиссии архива.

⁴¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 25. Л. 12. Это же подтверждал и бывший в Крыму Л. Посников (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 13. Л. 5).

менное платье и мяхкую рухлядь готовить»). 7 мая Айстемир-мурза получил отпускную аудиенцию⁴².

С возвращавшимся в Бахчисарай Айстемир-мурзой выехал русский толмач П. Хивинец. Он вез для Селим-Гирея царскую грамоту от 13 мая с уверением, что цари «изволяют» содержать мир «без нарушенья», готовы провести новую размену и выдать хану казну на два года, но посылать новых годовых посланников категорически отказываются. Помимо прочего, в послании содержались обвинения крымской стороны в затягивании сроков посольской размены, которая по договору, заключенному еще К.О. Хлоповым в 1683 г., должна была проходить в августе, а также касательно «упорства» Велиши-бея Сулешева, который отказывался взять казну без посланников и ушел в Крым без объявления российской стороне и без ханского указа⁴³.

26 мая из Бахчисарая выехал новый крымский гонец — Котлуша-мурза Сулешев, который прибыл в Москву в сопровождении В. Козлова (из Севска он поехал наперед) в июле 1685 г. (аудиенция у царей была дана гонцу 14 июля). Его миссия свидетельствовала об определенных колебаниях российского курса крымской политики. Котлуша-мурза должен был добиться, чтобы «великие государи указали свое государево жалованье, казну, давать против прежнего с посланники». О том же хан говорил в Бахчисарае на отпуске и В. Козлову. Кроме того, татарский гонец привез новую шертную грамоту Селим-Гирея (список в деле отсутствует), а также «листы» хана, калги и нураддина. Из последних сохранились только тексты послания калги Девлет-Гирея, а также письмо ханского визира Батыр-аги В.В. Голицыну. Девлет-Гирей, вторя, по-видимому, грамоте отца, Селим-Гирея, требовал, чтобы «впредь на нынешней и за прошлой год на два годы казны и поминки для обновления нашего и дачи по-прежнему отдавать велите в августе месяце с посланники». Батыр-ага подтверждал отправку ханской шерти и выражал готовность жить с Россией «в покое и в тишине». 7 августа Котлуша-мурза получил отпускную аудиенцию⁴⁴.

Однако не успел он покинуть столицу, как туда прибыло еще одно татарское посольство во главе с ханским гонцом — Зорумом-агой (Зурум-батыром) в сопровождении возвращавшегося из Крыма толмача Петра Хивинца. Оно, наоборот, скорее сигнализировало о смягчении позиций Крымского ханства. В доставленной посланниками грамоте Селим-Гирей выражал готовность принять казну за два года «хотя и бес посланников, буде с телегами и со всем отдадут», однако просил, чтобы «для отдачи поминок по росписям» был прислан толмач, «которой бы умел грамоте». Одновременно хан заверял царей в своем намерении сохранять с Россией мир и настаивал на возобновлении миссий годовых посланников, полагая, что в предыдущие годы им «безчестья не было». Он обещал вскоре выслать на «разменное» место Велишу-бея Сулешева. 10 августа грамоты были заслушаны правительством. Принятое решение подтверждало намерение русской стороны выдать казну за два года, но посланников в Крым не посылать. На новую размену указали готовиться

⁴²РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 13. Л. 1–7, 10–11, 15, 28, 36–52, 62; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 18. Л. 5. Публикацию грамоты Селим-Гирея см.: Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / сост. и транслит. Р.Р. Абдужемилев; науч. ред. И.М. Миргалиев. Симферополь, 2017. С. 269–270.

⁴³РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 17. Л. 2–30. Текст договора о сроке размены см.: *Лашков В. Памятники...* С. 195–197.

⁴⁴РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 25. Л. 7–13, 40–56, 74–79. Текст шертнаме Селим-Гирея см.: *Документы Крымского ханства...* С. 271–272.

Л.Р. Неплюеву и дьяку М. Жадену. Им же велели передать крымской стороне казну «с телегами, на которых будет привезена, и с коробами» (как показано выше, Селим-Гирей специально акцентировал на этом внимание). Но если «бей учнет просить под ту казну подвод до Крыму и в том ему отказывать, а буде учнет говорить с прошением и отговоритца в том от него будет не мочно и ему давать за подводы сто рублей, а по самой конечной мере дать ему вместо подвод двесте рублей, а подвод не давать». 14 августа крымским посланникам дали царскую аудиенцию. Указ о выдаче «корма» в дорогу, означавший отпуск из Москвы, был получен только 4 сентября⁴⁵.

Несмотря на колебания Крыма в вопросах годовых посланников и постоянные попытки зондирования намерения Москвы восстановить этот дипломатический институт, в целом позиция ханского двора в отношении России очевидно стала более дружественной. Об этом свидетельствовало и изменение отношения к русским дипломатам в Крыму, что подтверждается свидетельством П. Хивинца. Если год назад ему угрожали и держали под арестом, то теперь, по прибытии в Крым 25 июня его «поставили» на армянском дворе. Уже на третий день Селим-Гирей дал ему аудиенцию, сам принял царскую грамоту. «Съестной и конской» корм Хивинец получал «нескудной». На отпускной аудиенции в начале июня Селим-Гирей уверял русского дипломата, что «с великими государи, с их царским величеством в дружбе и любви быти желает наипаче прежних ханов»⁴⁶. По сообщениям Хивинца, заверения России о намерении соблюдать мир даже после отмены годовых посланников оказали влияние на ханский двор. Когда в Крым приехал польский посланник с предложениями мирных переговоров, Селим-Гирей, сначала принял и отпустил его «с честью», поскольку опасался «за нерозменую прошлую великих государей с стороны войны», однако когда «после розмены присланы великих государей грамоты к хану, что мирной договор здержан будет без нарушения, и хан де тех полских гонцов з дороги поворотил и велел посадить их в Козлове (Гезлев. — *Авт.*) за караулом, а животы их все у них отобрал»⁴⁷.

С возвращавшимся в Крым Котлушой-мурзой Сулешевым поехал с царской грамотой от 14 августа толмач Иван Иванов. Грамота отвечала на послания хана, доставленные не только указанным крымским дипломатом, но и с Зорумом-агой. Великие государи подтверждали готовность соблюдать мир и провести размену в установленные сроки, заявляли о строгих запретах казакам и иным царским подданным нападать на крымские владения. При этом послание содержало длинный перечень нарушений мира со стороны Крыма и Турции, которые выражались в частых набегах подданных хана и султана на русские и украинские пограничные города⁴⁸.

21 августа Л.Р. Неплюев и дьяк М. Жаденов выехали из Севска на новую посылскую размену. Сбор войска проходил в Красном Куте почти месяц. Во второй

⁴⁵РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 30. Л. 1–2, 17–22, 34, 53–56.

⁴⁶РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 17. Л. 36–37.

⁴⁷РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 17. Л. 42–43. Речь идет о польском посольстве Т. Гольчевского. Информация об ограблении польского посольства, скорее всего, является преувеличением. Подробнее см.: *Chowaniec Cz. Sobieski wobec Tatarszczyzny 1683–85 // Kwartalnik Historyczny*. 1928. Rocznik XLII. S. 62–64. Автор полагает, что изменение позиции ханского двора в отношении миссии из Речи Посполитой произошло под влиянием прибывшего в Крым представителя османского султана.

⁴⁸РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 31. Л. 1–43 об.

половине сентября Неплюев двинулся в Переволочну. 28 сентября, вскоре после выступления, под Рублево к нему присоединился посланный из Москвы обоз с казной и подарками хану и его окружению. Встреча с Велишой-беем под Переволочной произошла в начале октября. В этот раз в ходе переговоров 5 октября споры разгорелись из-за требований крымской стороны доставить казну до Бахчисарая с русскими лошадьми и извозчиками, а посланных Селим-Гирею охотничьих птиц — с русскими кречетниками. Неплюев категорически отказывался, предлагая Велише 200 руб. жалованья (за два года) за доставку. Бей не желал брать деньги и вместе с сопровождавшими его татарами трижды демонстративно выходил из Разрядного шатра и садился на коня. «У вас по вся годы во всем новая перемена, — недовольно заявлял Велиша Сулешев, — прежде посланников годовых не захотели есте давати, а ныне уже подвод и кречетников не даете». Он настаивал, что транспортировка казны русской стороной — это требование самого хана, и просил согласия Неплюева написать Селим-Гирею письмо. Окольный не желал ждать и тем более уступать, поэтому через несколько дней Велиша-бей и его товарищи согласились принять казну на условиях Неплюева. К 10 октября русские уполномоченные передали крымцам охотничьих птиц, «любительные поминки» за два года, 200 руб. жалованья Сулешеву, «розменное платье» представителям крымской делегации и проч. В ходе переговоров Неплюев и представитель гетмана Самойловича — гадячский полковник Михаил Василевич в очередной раз подчеркнули неприемлемость для России условий перемирия 1681 г., навязанных В.М. Тяпкину. От крымской стороны требовали не заселять правобережных городов до Южного Буга и не «перезывать» туда людей с левого берега Днепра. В договорной грамоте (шерти), на которой присягнули Велиша Сулешев и остальные члены крымской делегации, эти условия были зафиксированы как обязательства крымско-турецкой стороны (дополнительно тут было записано, что Запорожская Сечь — владение великих государей), так же как отмена годовых посланников, необходимость принимать «крымскую кладь... на розменном месте» и писать царский титул в ханских грамотах полностью.

Дополнительно «для высокой монаршеской чести» Неплюев добился, чтобы крымцы принимали царское жалованье, положенное им лично, стоя, а не сидя, как раньше. Уже завершив все дела, окольный принимал у себя Велишу-бея и остальных «знатных татар». Здесь Неплюев использовал еще один дипломатический трюк. Он впервые уговорил гостей стоя выпить за царей, султана и хана заздравную чашу под залп из пушек. Причем, когда дошла очередь до Селим-Гирея, артиллеристы по приказу Неплюева дали залп, «убавив» четыре пушки и подчеркнув тем самым неравенство крымского хана султану и царям. Уже 12 октября Неплюев с Жаденовым прибыли на р. Коломак, где распустили войско. В Севск окольный и дяк вернулись 16 октября⁴⁹.

Ханский гонец Усеин-челибей, прибывший 4 января 1686 г. в Москву, сообщал, что где-то во второй половине ноября Селим-Гирей «пришел... из войны к Днепру в Казыкермень», где «дождался с розмены с казною розменного бея», после чего «пошел с розменным беем и с казною в Крым». Это была последняя в истории выдача царских поминков крымским ханам.

⁴⁹РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 27. Л. 184–186, 283–304, 322–323, 366, 392–394, 396–405, 428–431.

Довольный удачной военной кампанией в Польше⁵⁰, Селим-Гирей, с одной стороны, всячески старался сохранить мир с Россией, с другой стороны, вновь корректировал свой курс в отношении нее. Будучи в Казы-Кермене, Селим-Гирей «бею и всем татаром тутошним жителем заказал жестоко под смертною казнью, чтоб они с казаками и з запорожцы жили смирно и задоров и грабежу никакова не чинили, и торговых бы казаков в Крым пропускали без задержания». Вместе с тем он уже в который раз указывал Москве, что прекратить отправку в Крым годовых посланников «было непристойно, потому что положено изстари, что посылать с казною годовых посланников». Хан просил восстановить этот дипломатический институт. Ему вторил ханский везир Батыр-ага: «...казна без посланников подобна тому, как конь без узды»⁵¹.

В ответной царской грамоте хану и письме Голицына Батыр-аге (от 20 января 1686 г.) русская сторона окончательно ставила точку в претензиях Крыма на возобновление миссий годовых посланников. Внимание Селим-Гирея обращалось на то, что Л.Р. Неплюев заключил с Велишой-беем договор о присылке казны без обмена дипломатами. В Москве ожидали скорой присылки подтверждающей его ханской шерстной грамоты⁵². 20 января гонец был отпущен без царской аудиенции, после встречи с В.В. Голицыным в Посольском приказе⁵³.

В целом политику Крымского ханства в отношении России следует оценить как весьма чуткую и осторожную, при этом не лишенную колебаний в зависимости от обстоятельств. До военной кампании против Польши тон ханских грамот был более мягким, после ее успешного завершения он вновь ужесточился: в Бахчисарае не теряли надежду возобновить миссии годовых посланников. Россия же окончательно отказала в этом Крымскому ханству, но вместе с тем не была готова идти на дальнейшее обострение отношений и прекратить выплату поминков, продемонстрировав, впрочем, в том числе языком дипломатического ритуала, что текущая ситуация в русско-крымских отношениях Москву не устраивает. Причиной подобной двойственности было, по-видимому, то, что переговоры с Австрией и особенно с Речью Посполитой как главным партнером Москвы по будущей антиосманской коалиции так и не были завершены. С этой точки зрения дальнейшая политика России в крымском вопросе зависела от итога русско-польских переговоров о мире и союзе, которые начались в Москве в феврале 1686 г.

⁵⁰ В своей грамоте царям Ивану и Петру хан писал: «На поляков войною мы ходили и их воевали, и таборы их розбили, и городов их уезды разорили, и о том воздаем хвалу Господу Богу, что их, недругов своих, победили, подай Бог и впредь им такое ж разорение [...]. А я милостию Божию ис того походу возвратился с великою добычею» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1686 г. Д. 3. Л. 32). См. также: Документы Крымского ханства... С. 267–268 (грамота Селим-Гирея датирована публикатором 1684 г., возможно, неточно).

Усеин-челибей сообщал: «Хан в войне в полских городех будучи, многую добычь получил и полону татары побрали мужского и женского полу множество и села, и местечка выжгли многие, а полской обоз осажен от них был осмнатцать дней и поляков в том осаде многих побили и обозу многую часть оторвали, а побраной полской полон татары ис Казыкерменя повезли в Крым» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1686 г. Д. 3. Л. 11).

⁵¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1686 г. Д. 3. Л. 1–7, 10–13, 31–38, 41–44, 47–48, 53. О приеме казны Селим-Гирей сообщил также в своей грамоте на имя царей в январе 1686 г. См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 78. Л. 50–57 об. См. также: Документы Крымского ханства... С. 273–278.

⁵² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1686 г. Д. 3. Л. 56–68, 70–77, 89 (порядок листов нарушен). В.В. Голицын также уведомлял Батыр-агу об отправке к нему дополнительного жалованья.

⁵³ Там же. Л. 78–79.

Посольство Н. Алексева в Турцию и переговоры о заключении Вечного мира и союза с Речью Посполитой в 1686 г.

В 1685–1686 гг. Россия, пользуясь стремлением османов не обострять с ней отношений, сумела решить важный для себя религиозно-политический вопрос — добилась перехода Киевской митрополии из-под власти Константинопольского патриарха под верховенство патриарха Московского и всея Руси⁵⁴. Ездивший с этой целью в Константинополь русский агент, грек Захарий Иванов (Софир), сообщал, что в самой империи ситуация была весьма нестабильной: он стал свидетелем восстания сипахов (воинов, служивших за земельный надел в кавалерии) в Адрианополе в августе 1685 г. Русский агент узнал, что османское правительство рассчитывает и далее сохранять мир в отношениях с Россией⁵⁵. Направленный в Турцию для окончательного решения вопроса о митрополии подьячий Н. Алексеев не только с санкции великого везира Сары Сулеймана-паши получил грамоты константинопольского патриарха Иакова о передаче Киевской митрополии под власть Московского патриарха, но и добился ряда уступок, включая отказ султана от заселения полосы земель на Правобережной Украине и отмену пошлин для казаков с соляной добычи и рыбной ловли в низовьях Днепра. Успех посольства Алексева стал возможен в том числе и благодаря тому, что до Стамбула не успели дойти известия об очередных союзных переговорах России и Речи Посполитой в первой половине 1686 г.⁵⁶

Решение о заключении Вечного мира с Польшей и вступлении в антиосманскую коалицию далось русскому правительству не просто. Уже Андрусовские переговоры 1684 г. показали, что в русских правящих кругах существуют трения на этот счет. Накануне переговоров влиятельная группировка боярства выступала против мира с Речью Посполитой, и даже за то, чтобы «всчать» с ней войну⁵⁷. В кругу этих людей идеи украинского гетмана Самойловича, не желавшего урегулирования отношений с Речью Посполитой на условиях признания за ней Правобережной Украины, должны были найти понимание и поддержку. Сам же он сообщал в Москву, что ему «учинилось ведомо, будто некоторые из особ честных в царствующем граде то говорят, что против полской стороны воевать не хотят, паче же будто советовати починают, чтоб с нею ласково во всем поступати»⁵⁸. Гетман недвусмысленно намекал в первую очередь на персону самого «оберегателя посольских дел» В.В. Голицына и регентшу цареву Софью.

В феврале 1686 г. в Москву прибыло великое посольство Речи Посполитой во главе с познанским воеводой К. Гжимултовским и литовским канцлером М. Огинским для переговоров о мире и союзе. Первоначально польско-литовские дипломаты требовали немедленного возвращения захваченных И. Самойловичем Посожских сел. После долгих споров В.В. Голицын, возглавлявший русскую делегацию, согласился возвратить Посожье, однако далее переговоры застопорились. В итоге девять официальных встреч прошли безрезультатно: стороны не могли окончательно договориться ни по территориальному вопросу, ни по сумме русской компенсации шляхте

⁵⁴ См. подробнее: *Флоря Б.Н., Кочегаров К.А., Чеснокова Н.П., Яфарова М.Р.* Киевская митрополия, Московский патриархат и Константинопольский патриархат в 1676–1686 годах // *Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью 1676–1686 гг. Исследования и документы.* М., 2019. С. 33–137.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 79–81.

⁵⁶ *Флоря Б.Н., Кочегаров К.А., Чеснокова Н.П., Яфарова М.Р.* Киевская митрополия... С. 103–133.

⁵⁷ *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 51–52.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1728. Л. 51 об.

за утраченные имения, ни по условиям союза. В конце марта официальные переговоры были прерваны, продолжившись через «обсылки» между Посольским приказом и квартирой польско-литовских дипломатов в Москве. В апреле послам Речи Посполитой были выдвинуты новые требования — передачи России полосы земель на Правобережье от Киева до Запорожья, включая города Канев, Чигирин, Черкассы, Бужин и др. Есть все основания полагать, что требования эти были сформулированы под нажимом антипольской группировки в русском правительстве. Более того, русская сторона предлагала после заключения договора обратиться с предложениями о мире к хану и султану, а срок организации похода на Крым в проекте соглашения не оговаривался. Послы категорически отказались идти на подобные уступки. Наконец компромисс по всем вопросам был найден. 26 апреля 1686 г. юные цари Иван и Петр утвердили заключенный мир и союз торжественной присягой в Грановитой палате.

По итогам Вечного мира Россия закрепила за собой все завоевания 1667 г. — Левобережную Украину, Киев и Смоленскую землю. Дополнительно она получила полноту власти над Запорожской Сечью, которая по Андрусовскому перемирию признавалась совместным владением двух стран, а также значительно увеличила свои территории вокруг Киева. Возникший на переговорах вопрос о спорных землях на Правобережье Днепра был отложен до дальнейших переговоров, пока же они должны были оставаться пустыми. В качестве компенсации за утраченные имения шляхте Польши и Литвы выплачивалось 146 тыс. руб. Оборонительный союз против Крыма и Порты заключался навечно, наступательный — до конца войны. Россия должна была организовать вооруженные походы на Крым уже в следующем году, а в текущем — перекрыть пути нападения татар из Крыма на Речь Посполитую.

Отдельным русско-польским соглашением было оформлено возвращение Посожья. Гетман Самойлович послушно вывел оттуда своих казаков, но в преддверии ратификации договора польской стороной без согласования с Москвой отправил посланцев к королю и коронному гетману С. Яблоновскому, настаивая на передаче России спорных территорий вдоль правого берега Днепра. Этот демарш ни к чему не привел, лишь усилив недовольство Самойловичем со стороны правившей политической группировки во главе с В.В. Голицыным⁵⁹.

* * *

Вечный мир и союз свидетельствовали об осторожности внешнеполитической стратегии Москвы, которая не присоединилась к Священной лиге непосредственно, а лишь через отдельный союз с Речью Посполитой. Это позволяло России участвовать на равных в будущих переговорах участников Лиги с Портой, но давало относительную свободу в реализации союзнических обязательств, по которым Москва де-юре несла ответственность только перед Варшавой, чье положение в коалиции слабело из-за ряда неудачных кампаний. Сложившаяся ситуация открывала перед Русским государством возможность не только добиться в отношении Крымского ханства и Османской империи реализации тех целей, которые казались недостижимы ранее как военным, так и дипломатическим путем, но и сформировать новые. В первую очередь речь шла о русско-крымских отношениях, баланс которых Москва, недовольная теми преимуществами, которые ханы получили по соглашениям 1681–1682 гг., надеялась решительно изменить, предприняв для этого ряд шагов уже в конце 1684–1685 гг. Именно поэтому крымский фактор был важнейшим военным аспектом присоединения России к антиосманской коалиции, что со всей очевидностью проявилось в Крымских походах 1687 и 1689 гг.

⁵⁹ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 300–370.

КАМПАНИЯ 1686 г. И ПЕРВЫЙ КРЫМСКИЙ ПОХОД 1687 г.

Отношения с Речью Посполитой после заключения Вечного мира и дипломатическая подготовка первого Крымского похода

По договору о Вечном мире Москва обещала начать войну в текущем 1686 г., послав войска в Сечь и на переправы через Днепр, «где крымския войска обыкли переправлятися», а также повелев начать войну донским казакам. В следующем, 1687 г. должен был состояться поход «многими силами на самой Крым». Стороны обязались помогать друг другу при наступлении противника, ссылаться между собой и не заключать сепаратный мир. Польский король также «обнадеживал» нового союзника, что «цесарь» и Венеция не заключат мира, пока Россия продолжает войну¹.

После заключения договора с Речью Посполитой Россия отнюдь не спешила объявлять войну Крымскому ханству. Прибывшие весной в русскую столицу крымские гонцы были отпущены из Москвы 7 июня 1686 г. без каких-либо официальных заявлений на этот счет. Более того, сопровождавший их толмач Василий Козлов вез в Бахчисарай царскую грамоту, в которой подтверждалось намерение царей пребывать с ханом «в дружбе». Лишь 21 августа новому крымскому гонцу, Мубарекше-мурзе Сулешеву, въехавшему в Москву в конце мая, было официально объявлено об «убавке» царского жалованья, поскольку «ныне с ханом и с крымским юртом война». Одновременно ему сообщили о задержании в русской столице. Весь май и лето русская дипломатия не только скрывала от Бахчисарая свое фактическое присоединение к антиосманской коалиции, но даже попыталась через посредство гетмана Левобережной Украины Ивана Самойловича передать хану Селим-Гирею предложения выхода из-под верховной власти османского султана и принятия протектората русских царей².

Вскоре после заключения договора о Вечном мире и союзе с Россией польский король Ян III Собеский двинул войска в Молдавию. Эта летне-осенняя кампания закончилась неудачей, что обусловило некоторое разочарование польско-литовских правящих кругов заключенным союзом, тем более что отдельные крымские отряды сумели пройти в Молдавию и Венгрию³. В связи с этим выехавшие в Речь Посполитую для принятия королевской присяги на договор русские послы Б.П. Шереметев и И.И. Чаадаев объявляли польской стороне, что появившиеся в Молдавии татары — лишь «малая часть» крымцев, проникших туда прежде заключения мира и направления царских войск на Запорожье. Был предъявлен и подлинник грамоты Селим-Гирея с утверждением, что он остался в Крыму. Со-

¹ ПСЗ. Т. 2. 1676–1688. СПб., 1830. С. 777–780.

² Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 397–400.

³ См. подробнее: *Chowaniec Cz. Wyprawa Sobieskiego do Mołdawii w 1686 r.* Oświęcim, 2015.

общая о подготовке похода на ханство (была оглашена роспись разрядных полков), русские послы ставили его осуществление в зависимость от ратификации Вечного мира. Поэтому, после некоторых колебаний, Ян Собеский подтвердил его. В ходе дальнейших переговоров в декабре 1686 г. русская сторона, опираясь на ст. 10 договора, требовала от польских коллег выступить в поход на Белгородскую орду в марте 1687 г. Коронные и литовские дипломаты отвергли этот план, предложив России иную схему действий в течение года: переправиться на правобережье Днепра, атаковать турецкие крепости на Днестре (Казы-Кермен и др.) и Очаков, захватить их и уже оттуда двинуться на Крым синхронно с ударом Речи Посполитой на земли Белгородской Орды. Однако план этот согласован не был. Русская сторона отказалась также заключать отдельные военные соглашения с представителями Австрии или Венеции⁴.

В конце декабря Ян Собеский направил в Москву гонца Александра Скопа, который вновь попытался убедить русское правительство и в первую очередь В.В. Голицына принять разработанный им план кампании. Доказывая, что изнуренные прошлогодними кампаниями коронные и литовские войска не смогут выйти в поле раньше мая, Собеский предлагал союзнику план из трех этапов. На первом этапе, ранней весной, русское войско должно было осадить и взять турецкие крепости в низовьях Днепра, а также Очаков и Кинбурн. Король полагал, что часть русских сил можно будет направить и для взятия Азова. На втором этапе король просил Россию выслать ему в подкрепление около 20–30 тыс. московских и казацких войск, которые совместно с армией Речи Посполитой должны были ударить на Белгородскую Орду, численность которой, по мнению Собеского, выросла до 70 тыс. человек из-за переселения ногайцев из Крыма. Разгромив ее, на третьем этапе, Собеский обещал не только отправить русские войска назад, но и прибавить к ним часть своего войска для совместного с главными силами русской армии овладения Крымом.

В ответной царской грамоте предложенный польским двором план полностью отвергался. Марш на турецкие городки и Очаков объявлялся весьма трудной задачей для русской армии. Лишь только после исполнения операции против Крыма Россия соглашалась штурмовать днепровские крепости при возможной поддержке польско-литовской стороны. Более того, королю напоминали о необходимости хотя бы в апреле отправить войска против Белгородской Орды (согласно букве союзного договора) и сообщали о скором выступлении в поход русских войск. В Польше, однако, не собирались выполнять просьбы Голицына о начале кампании весной. Сам же главнокомандующий, убежденный в необходимости нанесения главного удара именно по Крымскому ханству с целью его военно-политического подчинения в той или иной форме, также не собирался принимать польские предложения, даже перед лицом того, что никакой помощи (хотя бы в виде отвлечения на себя сил Белгородской Орды) московская армия в ближайшее время не получит⁵.

⁴ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 394–395, 399–400, 409, 441, 443, 451–452.

⁵ См. подробнее: Кочегаров К.А. Русско-польские отношения накануне первого Крымского похода. Миссия в Москву Александра Скопа в начале 1687 г. // Славянский альманах. 2022. Вып. 1–2. С. 12–27.

Боевые действия донских и запорожских казаков в 1686 г.

Речь Посполитая ожидала от России более активных действий, тем более что одним из условий договора о Вечном мире и союзе было обязательство организовать походы донских и запорожских казаков на османские владения, Крым и направить войска в низовья Днепра, чтобы перекрыть маршруты татарских набегов на Речь Посполитую⁶. Распоряжения казакам действительно были направлены с уведомлением об этом представителей Речи Посполитой⁷. Вскоре донцы опустошили окрестности Темрюка (800 человек под предводительством атамана Фомы Голодного), а затем осадили Лютик. Осада не увенчалась успехом из-за мелководья р. Донец, по которому казацкие челны не смогли подойти к укреплению. На обратном пути под Азовом путь им преградил турецкий гарнизон. Казаки не сумели прорваться речным путем вверх на Дон и отошли на р. Миус, где отряд разделился. Часть возвратилась домой по суше, а остальные остались охранять суда. Вскоре атаман Фрол Минаев прислал туда «запасы и на перемену свежих людей». Казаки числом в 600 человек вышли в море и разорили окрестности Азова, после чего беспрепятственно вернулись домой по реке. В 1686 г. донской атаман сообщал также в Москву о выходе 30 казацких судов на морской промысел к берегам Турции⁸. Известно также, что донцы вместе с запорожцами совершили набег под Казы-Кермен — главный из четырех турецких фортов в низовьях Днепра, но были разбиты. Об этой вылазке долгое время было практически ничего не известно. В опубликованной Д.И. Яворницким отписке царского генерала Г.И. Косагова последний приводил жалобы кошевого атамана, как триста казаков «пропало под Казыкерменем»⁹, а донской атаман Фрол Минаев, прибыв в Москву в декабре 1686 г., сообщал, что в неудачном походе под турецкую крепость участвовало 600 донцов¹⁰. Из другой, более ранней отписки Косагова выясняется, что около 22 июля донских казаков, запорожцев и калмыков, «которые хаждали ис Сечи для промыслу на поле... под Казыкерменем... казыкерменские тотаровя побили и в полон побрали многих людей, данских казаков триццать человек да запорожских четьыряста человек, а калмык де убит адин». Об этом русскому генералу сообщили сами запорожцы во главе с кошевым, прибывшие в его лагерь на Великом Лугу в тридцати верстах от Сечи 29 июля¹¹. Наконец, прибывший в Москву 1 августа 1686 г. гетманский гонец, сотник наемного полка Ильи Новицкого Иван Михайленко, сообщил, что три недели назад (то есть где-то в начале второй декады июля) «под

⁶ ПСЗ. Т. 2. С. 778. О соответствующем указе казакам Запорожской Сечи в тексте договора прямо не говорилось, но их набеги на ханство и участие в действиях русских отрядов в низовьях Днепра, несомненно, подразумевались.

⁷ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 388, 392–393; *Сень Д.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII — начало XVIII в.). Ростов н/Д, 2009. С. 88–89; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 142–144.

⁸ Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Т. 2. Новочеркасск, 1872. С. 492–494; Тушин Ю. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978. С. 150.

⁹ *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Т. 1. Владимир, 1903. С. 45. См. также: *Яворницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. 3. Киев, 1991. С. 14.

¹⁰ Сухоруков В.Д. Историческое описание... Т. 2. С. 493.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1257. Л. 75.

Казыкермен подходили запорожские казаки человек с 400 да донцов и калмыков со 100 человек, и как пришли запорожцы под Казыкермень и турки и татаровя побили с полтора человека, а з 250 человек взяли живьем»¹².

Можно предположить, что совместный отряд донцов, запорожцев и калмыков (около 500 человек; свидетельство Ф. Минаева явно грешит преувеличением), ходивший под турецкий «городок» с целью захвата добычи и пленных, нарвался на многочисленное войско противника либо на засаду. Казаки не только понесли достаточно значительные потери (от полтора до нескольких сотен), но большое количество их, видимо попав в окружение, сдались на милость победителя. Поражение стало одним из крупнейших для запорожцев в последние годы и, несомненно, сказалось на падении их боеспособности в текущем и следующем году. Не случайно вскоре после этого кошевой атаман в ответ на призывы к военным акциям против турок и татар заявлял, что сил для войны с Крымом у него в данный момент нет¹³.

Поход к Запорожью корпуса Г.И. Косагова

Казацкие набеги не были в 1686 г. столь активными, чтобы однозначно свидетельствовать об открытии Россией полномасштабных военных действий против Крыма. Подобных локальных конфликтов с обеих сторон было немало и в мирные годы¹⁴. Важным индикатором этого должна была стать посылка обещанного полякам экспедиционного корпуса к Перекопу¹⁵. Корпус этот, численностью около 6 тыс. солдат и рейтар при 13 пушках под командованием генерал-поручика Григория Косагова, действительно был направлен в район Запорожской Сечи в июне 1686 г.

Указ о направлении в Запорожье Косагов получил в первых числах мая, непосредственно после заключения договора о Вечном мире. Уже 6 июня он прибыл в Колонтаев — слободской город Белгородского полка, располагавшийся недалеко от Полтавы, где был назначен сбор войск. В пути он получил наказ и «списки ратным людям». Из полков Белгородского разряда по наряду в походе должны были принять участие рейтарский полк И.М. Гопта (1000 солдат и 32 начальных человека); солдатский Старооскольский полк полуполковника Ивана Гранковского (1324 рядовых и начальных людей); солдатский Хотмыжский полк полковника Готфрида Эрнеста (Яков Эрнест) (958 рядовых и начальных людей), а также полк «новоприборных» солдат (1166 рядовых, из них 166 отправлены в Брянск для «стругового дела», и 14 начальных людей), направленный из Москвы. Кроме того, к войску Г.И. Косагова должны были присоединиться по 500 человек казаков из Сумского,

¹²РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 213. Л. 42–43.

¹³*Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 45–47.

¹⁴См., например: *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия... С. 285–287; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // *Его же.* Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 114–115; *Сухоруков В.Д.* Историческое описание... Т. 2. С. 485–491.

¹⁵В ходе контактов с польской стороной московская дипломатия указывала также на сбор войск летом 1686 г. в Изюме под командованием полкового воеводы князя Г.А. Козловского как свидетельство военных мероприятий России в рамках заключенного союза (*Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия... С. 423). Однако эта мера была сугубо оборонительной, представляя собой рутинный образец ежегодных мероприятий по выходу войск на черту для противодействия возможным татарским набегам. В связи с этим подробно в данном исследовании меры по мобилизации войск князя Г.А. Козловского не рассматриваются.

Ахтырского и Острогжского слободских полков (всего 1500 человек), 230 конных донских, яицких и орешковских казаков, поселенных в городах Белгородского полка (Курск, Ливны, Воронеж, Новый Оскол, Лебедин и др.), 20 пушкарей «розных городов», 19 курских новокрещеных калмыков. Всего русское войско по спискам, включая двух жильцов и двух городских детей боярских, а также Косагова, должно было насчитывать 6278 человек (в наряде ошибочно — 6268 человек). Орудия и полковые припасы Косагов получил из Севского и Белгородского полков. Продовольствие (700 четвертей муки) было направлено из Киева по Днепру уже 1 июня. Сопровождавшие провиант 60 солдат и стрельцов должны были дожидаться Косагова в районе Запорожья. 8 июня Косагов сообщал в Москву о прибытии в Колонтаев сумских и ахтырских казаков во главе со стольником Иваном Литвиновым, а также рейтарского полка И.М. Гопта. Между тем задерживалось прибытие денежной казны на жалованье ратным людям, пушек, пороха и свинца для «новоприборного» полка из Рыльска, пушек, барабанов и знамен для всего войска. «А бес того, — сетовал генерал-поручик в письме главе Севского разряда Л.Р. Неплюеву, — и не в такой дальней поход итить непристойно». Косагов был «зело опасен, что походу ево медлитца, чтоб де ему не поставлено было в леность и не в раденье». Наконец необходимые припасы прибыли, и после сбора всех войск Григорий Косагов провел им смотр и раздал жалованье рейтарскому и солдатским полкам. В целом явка на службу была высокой и к 20 июля составила 5569 человек, или почти 90% от наряда¹⁶.

25 июля корпус Косагова пришел «в запорожские места в Великой Луг», 29 июля сотня казаков и кошевая старшина во главе с атаманом Федором Иваном прибыли в расположение русских войск, заявив, как писал Косагов, что «о приходе нашем... с... ратными людьми в Запорожье они радосны». Запорожская делегация предложила царскому отряду идти к Каменному Затону, расположившись у Днепра. Косагов послал «для осмотру тамошних мест» отряд ратных людей с рейтарским подполковником Дмитрием Моконаловым и сумских казаков во главе с наказным полковником — межирецким сотником Иваном Штепой. С ними пошли и запорожцы Лукьян Андреев и Алексей Семенов, которых кошевой оставил Косагову «для вожества». Вернувшись, посыльные сообщили, что «у Каменного Затону войсковые запорожские казаки стоят куренями», в связи с чем там не будет достаточно фуража для русской конницы, да и запорожцам, в свою очередь, «от ратных людей конскими кормами учинитца великая скудость». В результате 1 августа Косагов, перейдя реку Конские Воды, расположился «укрепя обоз у изрогу Ушковского против перебоины Конской (значение топонимов не ясно. — *Авт.*) от Сечи за четыре мили¹⁷». Ратные люди укрепили лагерь со стороны степи: «для крепости зделали окопец земляной». 8 августа Косагов поехал к Ф. Иванику, чтобы вручить ему царскую грамоту и окончательно договориться о месте размещения

¹⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1172. Л. 535, 633; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1257. Л. 21–24, 47–48; Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 393–395. Роспись войск дана по более полному наряду, нежели приведенный ранее в книге К.А. Кочегарова (в нем не указаны цифры кормовых казаков Белгородского разряда и курских калмыков). В численности остальных подразделений между разными вариантами наряда также имеется различие, однако оно не принципиально, кроме разницы в количестве «новоприборных» солдат (у К.А. Кочегарова — 700 человек).

¹⁷По-видимому, речь идет о русской миле, равной 7 верстам, или ок. 7,5 км.

русских войск¹⁸. Судя по всему, соглашение об освобождении запорожцами стоянки у Каменного Затона было достигнуто. Покинувший русский лагерь в конце августа и прибывший в сентябре 1686 г. в Москву с отпиской Косагова донской казак сообщал, что генерал и воевода стоит «обозом у реки Днепра на берегу в урочище на Каменном броду»¹⁹.

В дальнейшем в течение 1686 г. никаких активных действий Косагов не вел, ограничившись постройкой земляной крепости в Каменном Затоне. Крепость строилась на «крымской стороне» Днепра — на левом берегу реки в районе современной Каменки-Днепровской, напротив располагавшейся на правом берегу Запорожской Сечи. Строительство Каменного Затона было вторжением на татарскую территорию, вызовом Крымскому ханству.

Важными задачами Косагова были охрана провианта для российских войск, которые должны были действовать на нижнем Днепре, взаимодействие с запорожскими казаками, сбор информации о действиях крымских татар²⁰. С приближением зимы, пережить которую солдатам Косагова предстояло в диком и необжитом крае, в Каменном Затоне стало расти число дезертиров. В своих отписках Косагов неоднократно жаловался, что царские ратные люди «из Запорожья многие... бежали». Часть беглецов посланные Косаговым отряды отлавливали и возвращали в лагерь, после чего подвергали наказанию кнутом²¹. Видимо, отчасти в связи с этим прибывший к гетману Самойловичу в начале января 1687 г. русский представитель Семен Алмазов должен бы предложить ему «помыслить», не стоит ли отозвать корпус Косагова из Каменного Затона, чтоб «могли те ратные люди к весне на ту ж их царского величества службу пригодитца», либо же «пристойно и неприятелю страшнее в том месте стоять и зимовать»²². Гетман высказался против вывода корпуса Косагова с Запорожья, считая, что зимующие там ратные люди «згодятца на грядущую их монаршескую службу», когда царские войска двинутся на Крым²³.

В целом в 1686 — начале 1687 г. русская политика в отношении Крымского ханства и тем более Османской империи не отличалась активностью. Россия вполне сознательно избегала резкого разрыва мирных отношений с ханом, стремясь, с одной стороны, дезориентировать его относительно своих истинных военных планов на будущий год, а с другой — воспользоваться ситуацией, чтобы прозондировать настроения в Бахчисарае касательно перехода под верховную власть царей. При этом Москва всеми силами стремилась создать впечатление у своего польского союзника, что она полностью выполняет положения договора о союзе, очер-

¹⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1257. Л. 102–103.

¹⁹Там же. Л. 122.

²⁰*Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия... С. 395, 401–405. 22 сентября Косагов отправил к Перекопу для захвата языков небольшой отряд во главе с курским калмыком — мурзой Алексеем Кобиным. Разведчики вернулись 26 сентября, доставив двух пленников, взятых под Перекопом «на шляху, которым шляхом ездят ис Перекопу в городки в Козыкермен и в Тованские». Языки оказались турками, один Сулейман, пушкарь из Казы-Кермена, другой Магомет, «перекопской житель». Они рассказали, что хан Селим-Гирей стоит в Перекопе. Пленников отправили в Москву (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1257. Л. 375–376).

²¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1257. Л. 488.

²²РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 162. Л. 283.

²³Там же. Л. 303, 305.

чивавшие ее военную активность в текущем году. По субъективным (бездействие отряда Косагова и запорожских казаков, неудачи донцов) и объективным (невозможность полностью блокировать сообщение между Крымом и Белгородской Ордой) причинам удавалось ей это с трудом. При этом русское правительство стремилось сохранять свободу рук в рамках своего опосредованного присоединения к Священной лиге, не обременяя себя дополнительными обязательствами.

Состояние корпуса Г.И. Косагова к весне 1687 г.

Зимовка далась солдатам Косагова непросто. В конце января — начале февраля 1687 г. он писал в Москву, что ратные люди «многие заскорбели, во ртах вкинулась цынга и ноги пухнут». Лекарств в нужном количестве в отряде не оказалось, лишь в мае в Каменный Затон были отправлены необходимые запасы из Киева²⁴.

7 марта в Сечи был допрошен взятый в плен татарин Алей, а также вышедшие из Очакова «волохи», сообщившие, что «хан де крымской имеет намерение многолюдством приходит под Сечю и под... обоз х Каменному Затону по нынешнему вешнему времени вскоре». 10 марта кошевой Филон Лихопой предложил русскому военачальнику послать с запорожцами «на сторожу вопче» ниже по Днепру своих ратных людей на пятидесяти лодках, чтобы предупредить возможное нападение татар или гарнизонов турецких крепостей («поставить заставу крепкую»). Косагов, однако, не мог этого сделать, поскольку не имел пригодных для похода судов («а которые... лотки присланы из городов Белгородцкого полку и те худы, к походу не годятца»). Здоровых ратных людей в отряде Косагова также было немного, «многие болны цынгою, рты и ноги попухли, а иные мытом и огневою лежат, такими ж болезнями, какими болели ратные люди на Дону». Русский военачальник, сообщая об этом Голицыну, полагал, что в случае нападения крупных сил крымцев на его лагерь «от наступления многих воинских сил обронитца будет неким» и в связи с этим просил прислать подкрепление. К отписке прилагалась «перечневая роспись», фиксирующая состояние корпуса Косагова на исходе зимы на 11 марта (см. таблицу 2.1, с. 50)²⁵.

Кошевой, однако, не удовлетворился отказом Косагова и 11 марта направил к нему посланца — знатного казака Мартина, избранного полковником для похода на низ Днепра, настаивая, что «той посылке не быть ни по которой мере не мочно», поскольку сечевикам стало известно о приходе в Очаков и Казы-Кермен турецких судов с «прибавочными людьми». По настоянию запорожцев Косагов купил отсутствующие у него для похода лодки (надо думать, у сечевиков) и снарядил отряд из старатных людей, донских казаков, «черкас» Сумского, Ахтырского и Острогжского полков во главе с наказным полковником последнего Демьяном Хижняком. Вместе с запорожцами они двинулись в путь 13 марта. Через месяц «заставу» должны были сменить²⁶.

²⁴ Новомбергский Н. Материалы по истории медицины в России. Т. 2. СПб., 1906. С. IX, 315 и след.; Великанов В.С. Днепровский поход Л.Р. Неплюева в 1687 г. // Крым — связующее звено и неприступный форпост на стыке двух империй: сборник научных статей [отв. ред. С.И. Лукьяшко]. Ростов н/Д, 2015. С. 40.

²⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 16–18 (отписка Косагова от 11 марта).

²⁶ Там же. Л. 19–19 об. (оригинал письма Ф. Лихопоя — Косагову от 10 марта), 21 (отписка Косагова от 13 марта).

**Таблица 2.1. Количество больных и здоровых солдат
в корпусе Г.И. Косагова на начало весны 1687 г.**

	Здоровых	«Цынгою огневою и мытом болных»
Рейтар	555	296
Донских казаков	215	7
Калмыков	21	—
Солдат:		
Старооскольского полка	607	218
Хотмыжского полка	445	262
Новоприборного	403	250
Слободских казаков:		
Сумского полка	388	53
Ахтырского полка	433	20
Острогожского полка	404	18
«Землянцов» ²⁷	80	—
Пушкарей	19	2
Итого	3570	1126

Как видно, численность корпуса Косагова из-за дезертирства упала ниже 5 тыс. человек, а в строю из-за болезней и вовсе находилось 3,5 тыс. С возвратом дезертиров обратно в Каменный Затон возникали проблемы. Острогожский воевода стольник Борис Леонтьев распорядился отправить обратно 50 бежавших из Запорожья казаков, однако до Каменного Затона добралось только 30, остальные «не доходя Корочи, з дороги бежали». Да и пришедшие жаловались на воеводу, что он «страшал их казнью, а иных хотел бить кнутом и от того имал взятки». Косагов считал, что часть указанных в привезенной провожатыми росписи острогожских казаков как высланных на службу на самом деле «из домов не высланы», кроме того, Леонтьев «староосколского полку салдат, нетчиков и беглецов и пушкарей» также до сих пор не прислал на Запорожье («знатно в высылке им наровит»). Генерал считал, что острогожский воевода берет с дезертиров и назначенных на службу взятки в обмен на негласное разрешение остаться дома. Роспись высланных острогожцев, их челобитную и «взяткам роспись» Косагов отправил Голицыну. Тот, впрочем, лишь переслал жалобу в Москву, сообщив генералу, что ждет указа великих государей²⁸.

Отписки Косагова были доложены Голицыну 21 марта. Главнокомандующий решил, чтобы его солдаты, несмотря на угрозу нападения, по-прежнему оставались

²⁷ Видимо, служилые люди г. Землянска. Дополнительно посчитаны вместе с «жителями» Острогожского полка (483 чел.).

²⁸ Отписка Косагова о дезертирах не сохранилась. Ее содержание восстановлено на основе ответной грамоты В.В. Голицына от 26 марта. (Там же. Л. 25–26). Краткое упоминание об этой проблеме есть в отписке Косагова от 11 марта (Там же. Л. 16).

в Каменном Затоне и в случае необходимости «советуя с кошевым атаманом и с Войском низовым запорожским, тем неприятелем чинили отпор и чинили поиск и промысл». Голицын обещал послать на Сечь подкрепление в случае необходимости²⁹. Чтобы поддержать боевой дух Косагова и его людей, 26 марта Голицын распорядился отправить к ним царское жалованье — 4 тыс. руб. с капитаном Иваном Оберучовым³⁰. А днем ранее главнокомандующий написал гетману Самойловичу (с распоряжением направить свою грамоту запорожцам и кошевому Ф. Лихопою), «чтоб они от неприятелей были во осторожности и з генералом и воеводою з Григорьем Ивановичем имели совет и согласие и от того ж неприятеля были во осторожности и чинили над ним промысл как возможно и где пристойно сопча, а легкомысленных людей ото всяких непристойных слов унимали»³¹. В Киев воеводе И.В. Бутурлину 31 марта была послана грамота немедленно отправить в Каменный Затон «з добрыми гребцы» собранные в городе специально «для запорожского отпуску» железные скобы, пеньку, а также «смолу всю» для ремонта неисправных судов. Начальнику речного каравана следовало приказать, чтобы он «плыл с теми припасы днем и ночью безо всякого замедления, не мешкая нигде ни малого времени»³². Наконец, в тот же день в Курск воеводе А.И. Хитрово был послан указ срочно (не дожидаясь царской грамоты из Разряда) выслать в Киев «курских стрельцов и казаков, и пушкарей, а половину... коренных, а не наймитов и малых робыт с добрым отставным дворянином». Отряд должен был «однолично» прибыть туда до 15 апреля, чтобы затем двинуться на стругах «з хлебными запасы» в Запорожье «по первой полой воде»³³.

Подготовка похода на Крым: сбор служилых людей

Осенью 1686 г. Россия начала подготовку к полномасштабному походу против Крымского ханства. Официальное объявление служилым людям и шире — всему русскому обществу — о начале войны против Крымского ханства проходило в несколько этапов. 3 сентября было издано распоряжение о необходимости готовиться к будущей кампании в связи с намерением крымского хана прийти войной «к их государским украинным и малороссийским городам»³⁴. 19 сентября были посланы соответствующие окружные грамоты по городам. Сроки и места сбора войск обеща-

²⁹РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 16 об. (запись решения на обороте отписки Косагова), 22–24 (отпуск грамоты Голицына к Косагову от 26 марта).

³⁰Там же. Л. 27–28 (письмо казацкому сотнику в Переволочну с указанием дать капитану лодки и провожатых до Сечи), 29–29 об. (черновик письма Голицына — Косагову). Гетман Самойлович, правда, выражал уверенность, что с отправкой казны непременно выйдет задержка, и в письме Голицыну от 28 марта сокрушался, что тот не уведомил его об отправке денег раньше, поскольку переволоченский сотник после получения указа все равно бы запрашивал разрешения у полковника, а тот — у гетмана. Кроме того, Самойлович отмечал, что в Переволочне «чолнов таких великих нет, а хотя у ково и есть чолны, то держат их для своих на Днепре промыслов и с тех всегда кормятца и разве их у кого там взять» (Там же. Л. 60). Окончание письма не сохранилось.

³¹Там же. Л. 30–31. Тут Голицын отмечал, что он также выслал Лихопою аналогичную грамоту, но ее текста в деле нет.

³²Там же. Л. 33–35. Чинить неисправные суда Косагов должен был по совету с кошевым и запорожцами, поскольку «они, кошевой атаман и запорожские казаки то знают, как те лотки для морского походу строить».

³³Там же. Л. 36–37.

³⁴ПСЗ. Т. 2. С. 812.

ли объявить позже³⁵. Спустя две с половиной недели — 7 октября грамоты послали повторно, и вновь без указания мест и сроков сбора³⁶.

22 октября был объявлен указ о составе войск и местах их сосредоточения для последующего направления в малороссийские города с целью «береженья и поиску над неприятельскими людьми». *Большой полк* поручался боярину князю В.В. Голицыну и его товарищам: боярину князю К.О. Щербатову, окольному В.А. Змееву, думному генералу А.А. Шепелеву, думному дьяку Е.И. Украинцеву, дьякам Перфилию Оловенникову, Михаилу Воинову, Григорию Протопопову. *Новгородским разрядом* командовал боярин А.С. Шеин, в товарищах у него значились князь Д.А. Бярятинский, дьяки Еремей Полянский и Андрей Юдин. Главой *Рязанского разряда* в будущем походе назначался боярин князь В.Д. Долгоруков с товарищами — окольным П.Д. Скуратовым, дьяками Львом Протопоповым и Автономом Ивановым; главой *Севского полка* — окольный Л.Р. Неплюев с дьяком Михаилом Жаденовым; *Низовой полк* передавался стольнику И.Ю. Леонтьеву и дьяку Артемию Волкову. Большой полк и ополчение «Низовых городов» должны были собираться в Ахтырке (позднее местом сбора Низового полка стал Чугуев³⁷), Новгородский разряд — в Сумах, Рязанский разряд — в Хотмыжске, Севский полк — в Севске, а затем идти в Красный Кут³⁸. 25 октября грамоты с информацией об этом были посланы в города. Служилым людям велено было ждать приказа «о высылке», после чего ехать «в те вышеписанные указные места... тотчас безо всякого мотчанья и переводу, не отымаясь ничем»³⁹. 9 ноября роспись полков была отправлена царской грамотой польскому королю Яну Собескому вместе с грамотами о крымском «промысле», предназначенными для Австрии и Венеции⁴⁰.

9 ноября была дана отдельная грамота Л.Р. Неплюеву — готовить на будущую кампанию Севский полк. Причем, так же как и в предыдущих подобных документах, никаких четких указаний именно о походе на Крым в ней не было, а формулировка о целях и задачах кампании была такой же, как и в указе 22 октября. Время сбора вновь обещали объявить дополнительно⁴¹. Это произошло лишь 28 ноября, ког-

³⁵ Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся / изд. Н.И. Новиковым. 2-е изд. Ч. 16. М., 1791. С. 372–378. В разрядной книге грамота датирована 20 сентября (здесь же роспись городов, куда посланы грамоты). См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 45–48 об. В грамотах по городам упоминалось об отсрочке служилым людям судебных дел в соответствии с указами от 14 сентября (ПСЗ. Т. 2. С. 816).

³⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 98–101 (здесь же роспись городов).

³⁷ Там же. Л. 289 об.

³⁸ Древняя российская вивлиофика... Ч. 16. С. 378–385. См. запись указа в разрядной книге, в том числе об объявлении его служилым людям в тот же день «после ходу» (то есть после крестного хода): РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 38–49. Дьяк Низового полка А. Волков в росписи не указан. Он появляется только в росписи бояр и воевод, получивших царскую отпускную аудиенцию 20 февраля. См.: Там же. Л. 170. О сосредоточении Севского полка в Красном Куте: Там же. Л. 289 об. Краткий анализ биографий и военно-административного опыта командующих разрядных полков и их товарищей см.: *Великанов В.С.* Просопографический анализ высшего командного состава русской армии в Первом Крымском походе 1687 года // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 633–635.

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 102–105 (здесь же роспись городов).

⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 227. Л. 253 об. — 255, 259 об. — 270 об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 114–115 об.

да московским чинам с Постельного крыльца были оглашены даты сосредоточения войск: к 25 февраля, крайний срок — к 1 марта 1687 г. Словно оправдываясь за такое позднее объявление, правительство подчеркивало, что служба «сказана» всем участникам кампании «до нынешних сроков за долгое время». Грамоты в города с объявлением сроков датированы 1 декабря, формулировки целей и задач грядущей «службы» в них были по-прежнему крайне размытыми и неконкретными⁴². Отдельно был назначен срок сбора для формирований Белгородского полка — 15 марта для «дальних» городов, 25 марта — для «ближних»⁴³.

С целью сбора ратных людей в города послали стольников и дворян с денежным жалованьем рейтарам, копейщикам и солдатам. Раздав жалованье, они должны выслать первые партии ратных людей в полки «без мотчанья», а с остальными идти в пункты сбора самим⁴⁴. В грамоте от 9 февраля 1687 г. воеводу Ахтырки стольника Афанасия Ивановича Левшина информировали о сборе там Большого полка к 25 февраля и 1 марта и приказывали записывать приезды «всяких чинов» ратных людей. Аналогичные грамоты были посланы воеводам в Сумы и Хотмыжск. Курский стрелец Ганка Варфоломеев повез из Разряда книги для записей приездов во все три города⁴⁵. Записывать приезды в Большой полк Левшину поручалось до появления в Ахтырке кого-либо из уполномоченных на это товарищей главного воеводы. Этим уполномоченным стал В.А. Змеев, которому 15 февраля было приказано срочно выехать к месту службы. Он также должен был принять у Левшина «полковой наряд и пушки, и зелье, и свинец, и всякие пушечные припасы, которые присланы из городов». В помощь Змееву из Путивля решили послать дьяка Петра Исакова. Оба они должны были внимательно следить, чтобы «хто чюжим именем за очи и подставою в приезды не записался»⁴⁶. Змеев прибыл в Ахтырку 22 февраля, через некоторое время послав Голицыну списки приехавших на службу до 2 марта⁴⁷.

12 января 1687 г. московским чинам велено было «к нынешней службе совсем быти наготове и по нынешнему наряду ехать в указные места в полки бояр и воевод». Объявлялось, что и возглавляющие разрядные полки военачальники во главе с В.В. Голицыным будут вскоре отпущены из Москвы. Глава Разрядного приказа думный дьяк В.Г. Семенов отметил на указе распоряжение послать в города новые грамоты «о высылке ратных людей»⁴⁸. Однако мобилизация проходила медленно, в том числе, возможно, из-за поздно объявленных сроков сбора. 28 февраля, уже когда миновало три дня с наступления первого срока явки в места сосредоточения войск, царское правительство обратилось к столичному дворянству: «А из вас многие на их государскую службу в те полки по се число не едут, живут на Москве и в деревнях и домех своих». Тех, кто не выедет на службу «тотчас», не дожидаясь «государ-

⁴² Древняя российская вифлиофика... Ч. 16. С. 385–393. Запись указа и образцовой грамоты в города в разрядной книге см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 122–128. См. также образцовую роспись чинов, которым «быти на службе» и список городов, по которым она рассылалась вместе с грамотами от 1 декабря (Там же. Л. 128 об. — 131).

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 241 об. — 242.

⁴⁴ Там же. Л. 273–276.

⁴⁵ Там же. Л. 150–151 об. Образец вступительной преамбулы к записным книгам см.: Там же. Л. 152–153.

⁴⁶ Там же. Л. 154–156.

⁴⁷ Там же. Л. 198–203.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 142–148.

ского гнева и опалы», грозили «имать и приводить в Розряд и чинить им наказание, а у иных поместья и вотчины отписаны будут на них, великих государей и розданы в роздачу безвозвратно»⁴⁹. 14 марта в царской грамоте В.В. Голицыну правительство, оценивая явку служилых людей «из многих городов» в целом удовлетворительно, все же отмечало, что из отдельных городов стольники и дворяне «ратных людей выслали немногих, и в приезде объявилось самое малое число, а сами они, стольники и дворяне в полки наших великих государей ратных людей с собою никою не привели». Более того, в Разряде узнали, что в некоторых городах царские уполномоченные «от роздачи» царского жалованья «имали... у ратных людей взятки и чинили себе вычеты». От Голицына требовали похвалить тех стольников и дворян, кто привел ратных людей полностью и в срок и не уличен во взятках и вычетах. Их разрешали отпустить к Москве. Тех же, кто плохо провел мобилизацию, предписывалось отставить в Большом полку до царского указа, расписав их в чины и сотни. Все жалобы на взятки и вычеты полагалось расследовать, допросив ратных людей «сполна». Уличенных в указанных преступлениях приказывалось «при всех... бить кнутом нещадно и те все взятки и вычеты доправить на них сполна и отдать тем людям, с ково что взято или у ково что вычтено», а после наказания записать их на службу «з городами». Распоряжение касалось и остальных воевод разрядных полков⁵⁰.

13 октября из Разряда послали память в Аптекарский приказ с требованием назначить в войско доктора, аптекаря, 13 лекарей и столько же их учеников, а также сторожа для лекарств. Только 16 февраля из Аптекарского приказа сообщили, что на службу «наряжены» доктор Захарий ван дер Гульст; аптекарь Юрий Госен; лекари-иноземцы Яган Термонт, Андрей Бекер («в полку гетмана Ивана Самойловича»), Адольф Евенгаген, Яков Вульф, Александр Квилон, Яган Фолт, Петр Рабкеев, Карлус Еленгузен; русские лекари Артемий Петров, Яков Починской, Василей Подуруев, Кузьма Семенов, Федор Чаранда, Иван Венедихтов, Андрей Харитонов, Данила Либедев; 13 «лекарского дела учеников» и отдельно — ученик и сторож для заведования «лекарственной казной» — всего 33 человека⁵¹.

Для службы в Большом полку назначили переводчиков Посольского приказа Ивана Тяжкогорского (переводчик «полского, латинского и цесарского языков»), «с турецкого и татарского» Сулеймана Тонкачова (Тонкачеева) и Петра Татарина, толмачей «татарского языку» Полуекта Кучумова, Петра Хивинца и Василия Козлова⁵².

Сбор оружия, амуниции и прочего

27 октября из Разряда была послана память в Оружейную палату с указом «в полки бояр и воевод... взять в Розряд полковые болшие знамена»; в Большой полк — «знамя большое, на котором писан образ Спасов Нерукотворенной», в Новгородский и Рязанский разряды, а также в Низовой полк — «полковые знамена, которые в тех полках наперед сего бывали». Кроме того, в указанные полки следовало выдать 80 «сотенных знамен камчетых и тавтяных розных цветов теми ж образцы,

⁴⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 179–181.

⁵⁰Там же. Л. 273–276 (царская грамота В.В. Голицыну). См. здесь также докладную выписку на этот счет и указ от 30 марта послать отдельные царские грамоты в Новгородский и Рязанский разряды.

⁵¹Там же. Л. 160–167. Прецедентом послужило число лекарей в разрядных полках во время так называемых Киевских походов 1679 и 1680 гг.

⁵²Там же. Л. 167 об.

каковы наперед сего деланы». Если в Оружейной палате были уже готовые знамена, их следовало прислать немедленно, а остальные «в указное число делать»⁵³.

Оружие и снаряжение для армии посылалось в пункты сбора из Москвы, Киева, городов Белгородского и Севского разрядов, а также некоторых других. В сентябре в Белгород из столицы было отправлено оружие для копейщиков и рейтар — 3270 «карабинов с курки и с перевезми», 4370 «пар пистолей с олстры», а также мушкеты для солдатских полков — 2959 шт. Общий вес оружия, разместившегося на 193 подводках, составил почти 3 тыс. пудов. В Севск на 165 подводках выслали 2861 карабин и 4436 пар пистолетов в олстрах для рейтар и копейщиков, 1753 мушкета для солдат; а также 2 тыс. пудов ружейного пороха и столько же пушечного на 267 подводках. Грамоты воеводам Севска (Л.Р. Неплюеву) и Белгорода (М.А. Голицыну) об отправке всего вышеперечисленного датированы 8 сентября. А 25 ноября последовал указ переправить все оружие и снаряжение в Ахтырку (грамоты воеводам посланы спустя три дня). Неплюев получил грамоту и отправил груз в Ахтырку 10 декабря. Тамошний воевода А. Левшин принял его в конце декабря «и устроил все в одном анабре»⁵⁴. 24 января появился указ отправить в Ахтырку 3603 «мушкета добрых», 101 «мушкет з замками» и другую амуницию из Киева⁵⁵.

Наконец 8 декабря последовал царский указ об отправке полковых припасов, знамен, полковых пушек, пушечных и гранатных ядер, огнестрельного оружия, пороха, свинца и фитиля, кузнечных и окопных снастей из мест хранения в пункты сосредоточения Большого полка, Рязанского и Новгородского разрядов⁵⁶. В Большой полк (в Ахтырку) следовало доставить оружие и снаряжение из Белгорода, Курска, Суджи, Тамбова и Козлова, Нового Оскола; в Новгородский разряд (в Сумы) — из Путивля, Рыльска, Переяславля-Рязанского (из последнего — солдатские знамена); в Рязанский разряд (в Хотмыжск) — также из Путивля и Рыльска и дополнительно из Севска и Ряжска⁵⁷. Кроме того, в городах Белгородского полка было приказано изготовить для «безоружейных» копейщиков и солдат 1017 копий и 13 146 бердышей. 13 февраля в Разряде был дан указ об отправке указанного оружия в Ахтырку⁵⁸. 1 марта в Большой полк были отправлены знамена для посыльных воевод и сотенные знамена, большой полковой (разрядный) шатер, а также «полковые припасы» для нужд шатра (свечи, бумага, щипцы, стулья, ведра с чернилами и др.)⁵⁹.

⁵³РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 113–113 об.

⁵⁴Там же. Л. 911–923 об.

⁵⁵Там же. Л. 992 об. — 994 об. Грамота ахтырскому воеводе о приеме груза датирована тем же днем.

⁵⁶Там же. Л. 924–926 об.

⁵⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 927–927 об. См. «отпуски» грамот воеводам Севска — Л.Р. Неплюеву, Рыльска — С.Н. Дордунову и Белгорода — М.А. Голицыну о высылке припасов по росписям, отправленным к ним из Разряда: Там же. Л. 930 об. — 934, 978–981 об. Грамоты воеводам Ахтырки (А. Левшину) и Хотмыжска (Г. Елагину) о приеме припасов были посланы 11 декабря. См.: Там же. Л. 934–936, 988–991. Подробную роспись оружия и снаряжения (в том числе полковых артиллерийских орудий), отправленных в Ахтырку из Путивля, см.: Там же. Л. 939–970. Росписи отправленных припасов из городов Белгородского полка см.: Там же. Л. 999–1036.

⁵⁸Там же. Л. 1037–1039 об. Грамота А. Левшину о приеме оружия датирована тем же днем, аналогичная грамота В.А. Змееву — 15 февраля.

⁵⁹Там же. Л. 182–183. Реестр соболей, знамен с описанием и прочего имущества см.: Там же. Л. 183–187. См. также: Там же. Л. 1042 об.

Обеспечение войска продовольствием и прочими хозяйственными припасами

Одной из наиболее насущных задач русского правительства была подготовка баз снабжения огромной по тем временам армии, которая должна была идти в небывало дальний поход, несравнимый с предыдущими подобными мероприятиями (Чигиринские кампании 1677–1678 гг., Киевский поход 1679 г.) по масштабам, длительности и природным условиям театра военных действий. Поэтому важным элементом организации снабжения стала подготовка продовольственных баз в местах сосредоточения войск и недалеко от маршрута движения армии.

10 августа 1686 г. правительство с участием патриарха Иоакима обсуждало подготовленный Разрядом обширный доклад, касавшийся изыскания для войска основных продовольственных запасов. Оно утвердило предложение сбора «сверх окладу стрелецкого хлеба в запрос» по следующей норме: ржаной муки по полуосьмине, овсяных круп и толокна — по четверти четверика⁶⁰ с одного двора. Таким образом, для снабжения войска провиантом в дополнение к сборам стрелецкого хлеба вводился чрезвычайный налог, рассчитанный исходя из количества тяглых дворов по переписи 7186 (1677/1678) г. Обложению не подлежали только дворы участников Крымского похода. Отдельно с 60 тыс. податных дворов Белгородского разряда было решено взять вместо запросного хлеба «сухарей по осмине з двора». Хлебные запасы субъектам налогообложения следовало собрать осенью и «по первому зимнему пути» доставить «на своих подводках и в готовых четвертных кулях» в назначенные места в декабре 1686 г. — первых числах февраля 1687 г.

В августе — сентябре 1686 г. в Разрядном приказе энергично составляли и пересчитывали сметы, определяли места поставок и закрепляли за ними соответствующие города. 22 августа «хлебной збор» было поручено «ведать» думному дворянину и печатнику Д.М. Башмакову в Печатном приказе. При этом спустя два дня новый наряд для сбора хлеба и круп велено было составить в Разряде. 28 августа по городам были посланы грамоты с указанием собирать запросный и стрелецкий хлеб (брался вместо ржи мукою) «вместе» и отвозить в назначенные для сбора продовольствия пункты «с великим поспешением»⁶¹. Этими пунктами стали места сосредоточения разрядных полков — Ахтырка, Сумы и Хотмыжск, а также Смоленск и Брянск. В последние два предназначенный для армии продовольственный резерв следовало доставлять для дальнейшего сплава по Днепру и Десне через Киев в Запорожскую Сечь и Каменный Затон. Предполагалось, что потребление провианта войском за три месяца составит 42500 четвертей (3,4 тыс. т) всех вышеозначенных припасов (30 тыс. четвертей сухарей, 5 тыс. четвертей муки, 7,5 тыс. четвертей круп и толокна). Для их перевозки в походе предполагалось мобилизовать 11 667 подвод⁶².

⁶⁰То есть 20 кг ржаной муки и по 2,5 кг овсяных круп и толокна (25 кг с двора). Здесь и далее принимается, что четверть ржаной муки по весу соответствовала 5 пудам. См.: *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М., 1975. С. 103–108. Крупы и толокно приравниваются по весу к ржаной муке с определенной долей условности.

⁶¹В дальнейшем окружные грамоты о сборе хлеба неоднократно рассылались повторно: 22 сентября 1686 г.; 9, 25, 29 октября, 20 декабря, 16 января 1687 г.; 1 и 18 февраля, 4 марта.

⁶²РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1047–1095 об. См. также: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1067. Л. 374. О подготовке хлебных запасов в 1686 г. в общем контексте эволюции процесса сбора запросного хлеба в 1680–1690-е гг., а также об организации брянского и смоленского «стругового отпуска» см.: *Belkin Stevens C.* Soldiers on the Steppe. Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. De-Kalb, 1995. P. 93–96, 105–111, 116–118, 168.

Для приема хлеба во все указанные города были направлены стольники И.А. Аничков (Смоленск), Ф.Г. Давыдов (Брянск), Д.Г. Баранчеев (Сумы), А.И. Левшин (Ахтырка), Г.К. Елагин (Хотмыжск)⁶³. Они получили специальные указные статьи «под наказами» — «для приему хлебных запасов велено им учинить по городам приходные книги и под статьями хто помещики и вотчинники платили и которые не платили, подписывать имянно и те книги прислать в Розряд с подлинною очисткою»⁶⁴. Для «весу муки ржаные» и прочих продуктов уполномоченным были посланы из Разряда наборы гирь разной массы⁶⁵.

В царских грамотах, рассылавшихся воеводам на местах, «огурщикам», которые не поставят хлеб в феврале, грозили батогами. Воеводы в городах, получив царские грамоты, рассылали по уездам для контроля сбора «хлеба» подьячих и служилых людей. Где-то в середине февраля 1687 г. в очередных посланиях из столицы приказывалось должников, до сих пор не сдавших «хлеб», «в торговые дни бить батоги нещадно и учиня наказанье давать на крепкие поруки, что им поставить припасы в феврале месяце»⁶⁶.

Инциденты, которые при этом происходили, можно рассмотреть на примере Переяславля-Рязанского. Уже в апреле 1687 г. тамошний воевода Лаврентий Усов жаловался в Москву, что он неоднократно посылал в уезд площадных подьячих и служилых людей «для справки и записки» так называемых отписей о платеже запросного и стрелецкого хлеба (судя по всему, выдавались в пункте назначения, в данном случае в Хотмыжске, куда обложенное податью население должно было доставлять «хлеб» самостоятельно) и сбора «сказок» о том, «которым помещиком и вотчинником» велено быть на государевой службе либо разрешено остаться дома. Однако население («уездные люди») крайне неохотно выполняло эти распоряжения: «прикащики и старосты и крестьяне сказок о том (о службе помещиков и вотчинников. — *Авт.*) не дают и в платеже тех хлебных запасов отписки для справки и записки в Переяславль Рязанской апреля по 9-е число... многие не едут, толко в том платеже с отписми уездных людей объявилось самое малое число». Более того, когда площадной подьячий Сенька Сарыков со служилыми людьми приехал с вышеозначенными целями в село Строевское помещика Петра Михайлова, местный староста Сенька Андреев и крестьяне царскому указу «учинились не послушны и собрався многолюдством и з дубьем за ними посыльными людьми гонялись и хотели бить, в платеже стрелецкого хлеба сказак им не дали, что тот хлеб послан ли в Хатмышской и отписей в том платеже не кладут». Л. Усов жаловался, что ему не хватает людей для исполнения царских распоряжений («переяславских многих служилых людей посылать мне холопу вашему некого»), так как их в Переяславле-Рязанском «самое малое число» — половина местных стрельцов на службе в Астрахани, пушкари и приставы «ныне посланы» на службу в Крымский поход, а остальные стрельцы и пушкари все в «россылках за... великих государей денежною казною до Москвы и в розные города в праважатых и в уезд для высылки ратных людей на... великих государей службу в полки и для иных... великих государей многих дел из розных приказов». Воевода

⁶³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1098 об. — 1099. В документах именуются также воеводами.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1067. Л. 364–372.

⁶⁵ Там же. Л. 3–8. Отписки о приеме гирь Баранчеева, Елагина и Давыдова. См. также: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1099.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1067. Л. 10–16. Обобщение сделано на примере Шацка (две отписки шацкого воеводы А. Ханыкова).

предупреждал, что уже жаловался на нехватку людей неоднократно, и просил не подвергать его опале за медленный сбор «хлеба» и задержку с отправкой в полки ратных людей⁶⁷. В Москве не обратили внимания на жалобы Усова касательно нехватки служилых людей, выслав ему грамоту с приказом арестовать старосту С. Андреева и «за то ослушанье в торговой день при многих людех... у съезжей избы бить батоги нещадно и вкинуть в тюрьму, покамест отписи положат»⁶⁸.

Запасы начали поступать в намеченные пункты в конце 1686 — начале следующего года. Ф. Давыдов, впрочем, сообщал, что к 26 ноября в Брянске «не объевился не один человек». У Д. Баранчеева на 6 января в Сумах с запасами было не лучше: привезли лишь 184 четверти с осьминой ржаной муки, круп — 35 четвертей с четвериком, столько же толокна, сухарей — 35 четвертей с осьминой⁶⁹.

13 февраля на Постельном крыльце был объявлен царский указ. В нем со ссылкой на посланных для приема провианта стольников сообщалось, что на данный момент в Смоленске, Брянске, Ахтырке, Сумах, Хотмыжске «хлебных запасов в привозе... самое малое число». В свою очередь, городовые воеводы жаловались, что во многих уездах крестьяне «чинятца непослушны, с тем хлебом по указным местам не едут». В связи с этим правительство делало выговор дворянству, что оно не исполнило требование послать в свои поместья и вотчины письма с требованием сбора и доставки окладного хлеба: «И вы о том в поместья свои и вотчины знатно, что не писали и людей своих с письмами не посылали, их великих государей указу учнились ослушны ж». Землевладельцам, которые не заплатят запросный хлеб в феврале, грозили изъятием поместий и вотчин, их приказчикам — торговой казнью и сибирской ссылкой⁷⁰.

После указа дело пошло активнее, уже в феврале Баранчеев сетовал (отписка подана в Разряд 8 марта), что «ныне государи... из городов всякие полковые казны Новгородцкого разряду многое число в привозе и городовые всякие росправные дела записать, государи, некому, подъячих нет, а сам грамоте не умею, а которой, государи, подъячей со мною с Москвы, и тот непрестанно у хлебова приему сидит, и день, и ночь, а сумских, государи, жителей, хто б умел по рускому писать, нет не одново человека»⁷¹.

К февралю поступление припасов еще более активизировалось, что видно на примере Ахтырки. Воевода А. Левшин сообщал в конце февраля, что, приняв с 17 по 27 февраля запросный и стрелецкий хлеб с Комарицкой волости и Шацких дворцовых волостей, заполнил все имевшиеся на тот момент для хранения запасов помещения (три сарая, выделенных ахтырским слободским полковником И. Перекрестовым, два сарая, построенных заново): «хлебных и всяких ратных припасов класть стала негде и делать не в чем и некому, а белгородская, государи, казна множественная февраля в 23 день пришла и до конца меня погубила». Остро встала проблема с соломой для накрытия амбаров («и всего пуши на крышку соломы добытца негде»). Из-за «скудости великой... анбарной» Левшин разместил более 1 тыс. четвертей сухарей у себя на дворе, заполнив помещения до самого потолка («сверх потолков под крепкими крышками»). Прибывший к тому времени один из полковых воевод — В.А. Зме-

⁶⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1067. Л. 127–128.

⁶⁸Там же. Л. 129–130.

⁶⁹Там же. Л. 10–16.

⁷⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1095 об. — 1098.

⁷¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1067. Л. 9–9 об.

ев, «видя... скудость анбаров», отдал под хранение продовольствия построенную его работниками конюшню, в которой Левшин разместил 1863 пуда 10,5 фунтов коровьего масла, а также «хлеб» из Шацких волостей. Пытаясь обеспечить подвоз соломы из ближайших к Ахтырке городов, Левшин писал в Белгород к воеводе М.А. Голицыну. В отписке на царское имя ахтырский воевода жаловался, что не может привлечь к работам и подводной повинности население близлежащих местечек (ахтырских казаков), которое «живет лготно», и просил соответствующего указа из Москвы. В то же время он отмечал, что «охтырчане... горадавые службы с роботы не сходят и подводы на обе стороны безпрестанно гоняют и уголь жгут и многия в целовалниках, и стоят на карауле, и от нестерпимыя государи работы почели горадавые службы бегать»⁷². Из Разряда о нехватке площадей для хранения припасов отписали В.В. Голицыну, поручив ему решать вопрос «по своему рассмотренью»⁷³. 30 марта Левшин подал роспись собранных хлебных запасов прибывшему в Ахтырку главнокомандующему⁷⁴. В итоге Левшин принял «на корм... ратным людем» около 27 тыс. четвертей хлеба, построив для их хранения семь сараев и три погреба, а также починив уже три имевшихся погреба. Помимо хлеба, воевода «многую казну, пушки, и зелье, и свинец, и ружье и всякие полковые припасы принял и устроил по местом и подводчиков отпустил, не замотчав». В июле 1687 г. Левшину была отправлена царская грамота с похвалой за то, что он не только принял и разместил провиант и иные припасы, вовремя отправил их в полк к Голицыну, но и организовал хранение тех, которые «остались за походом» («и то все свозил и собрал вместе, и устроил тот наряд в сараи, а припасы в новые погребы, а остаточные хлебные запасы отпустил в Китай» (городок на р. Орели. — *Авт.*), прислав в Разряд соответствующие книги⁷⁵.

Хотмыжский воевода Г. Елагин, готовивший запасы для войск Рязанского разряда, тоже получил царскую грамоту с милостивой похвалой за то, что «хлебные запасы и всякие припасы принимал», сделав два больших сарая, «с великим радением и поспешением, и устроил все в пристойных местех и бережение к тем хлебным запасом и к всяким полковым припасом держал большое», позаботившись и об «остаточных хлебных запасах» и «полковых припасах», которые войска не забрали с собой⁷⁶.

Не утомляя читателя цифрами нарядов, которые несколько раз менялись, приведем количественные данные тех запасов, которые в итоге удалось аккумулировать в пунктах сбора. В Смоленске к 25 июня 1687 г. было собрано 30 674 четверти муки, 9628 четвертей круп и толокна; в Брянске (в росписи дата не указана) — 20 341 четверть муки, 2618 четвертей круп и 2636 четвертей толокна; в Сумах (здесь и далее с пометой — «за расходом») на 10 апреля — 9403 четверти муки, 2934 четверти круп и толокна, 10 245 четвертей сухарей; в Ахтырке на 24 марта — 5124 четвертей муки, 2122 четверти овсяных круп, толченого проса и толокна, 15 428 четвертей сухарей; в Хотмыжске на 10 апреля — 9528 четвертей муки, 4719 четвертей круп и толокна, 9897 четвертей сухарей⁷⁷. Всего в пяти городах, таким образом, было собрано более

⁷²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1067. Л. 20–22.

⁷³Там же. Л. 25–29. Об этом решении также был уведомлен А. Левшин.

⁷⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 302 об. — 303.

⁷⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1087. Л. 199–200.

⁷⁶Там же. Л. 201–203.

⁷⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1101–1104. Здесь опущены более мелкие единицы мер — осьмина, четверик и др., поэтому общие цифры могут отличаться на 1–2 четверти от тех, что указаны в источнике. Ср.: *Belkin Stevens C. Soldiers on the Steppe*. P. 111–116.

135 тыс. четвертей хлебных запасов, то есть почти 11 тыс. т продовольствия! Следует подчеркнуть, что в целом заявленные валовые суммы нарядов были исполнены почти на 90% (по последнему наряду планировалось собрать 155 911 четвертей с осьминой⁷⁸).

Хлеб, собранный в Брянске и Смоленске, необходимо было водным путем отпустить в Киев и далее вниз по Днепру до Запорожья. Для этого 22 августа в Брянске было велено изготовить 150 стругов «болших и пространных» по 10 сажень в длину, полторы сажени в ширину, вместимостью на 200 четвертей хлеба каждый. Помимо этого, приказывалось починить струги, оставшиеся от прошлого киевского «стругового отпуска», а в случае если они не подлежат починке — «розбить и делать заново». Струговое дело, как и хлебное, было поручено стольнику Ф.Г. Давыдову. Повинность по постройке речных судов была возложена на близлежащие города, которые в связи с этим были освобождены от сдачи запросного хлеба. В итоге мастеровыми людьми из Белева было сделано 42 струга, из Болхова — 13, из Карачева — 17, из Орла — 19, из Кром — 6, из Брянска — 35, из Калуги — 20; всего 152 струга. 26 апреля из собранных в Брянске запасов было отправлено в Киев по Десне и Днепру на 127 стругах (дополнительно был послан один запасной) с головой брянских стрельцов В. Щеголевым 19 958 четвертей муки, 2607 четвертей круп, 2600 четвертей толокна — всего 25 145 четвертей. В Брянске осталось 24 струга, да 11 старых, которые «в починку не годятца»⁷⁹. Из Смоленска караван из 177 стругов вышел почти на месяц позже — 25 мая. Он вез 23 446 четвертей муки, 5930 четвертей круп и толокна. 21 августа в Москве получили отписку из Смоленска, что «остаточные запасы» по 6 августа в Киев не отпущены, поскольку «людей, которым быть на стругах», недостаточно: из Москвы и других городов прислано 150 человек, из Новгорода — 71 солдат. В ответ послан царский указ расписать по 7 человек на 31 струг и отпустить суда в Киев «безо всякого мотчания»⁸⁰.

27 января по указу великих государей на жалованье 55 тыс. ратным людям Большого полка было послано 5625 пудов соли в Ахтырку из Орла. Соль по наряду из Приказа Большой казны была доставлена туда из Нижнего Новгорода «на болховских, на карачевских и на орловских... подводех» (281 шт.), которые были собраны «для полковых подъемов»⁸¹.

23 февраля было указано отпустить с Сытного дворца на жалованье ратным людям рыбий жир, рыбий кавардак, сушеные снетки и коровье масло. В Сумы состряпчим Афанасием Буториним и подводчиком Федором Мальгиным было послано 449 пудов 3 четверти рыбьего кавардаку, 1007 пудов 30 гривенок «з деревом» рыбьего жира, 664 пуда снетков; в Ахтырку состряпчим Михаилом Кашинцевым — 961 пуд снетков («куплены в Осташкове»). Подьячие Большой таможи Герасим Богданов повез 1863 пуда 10,5 фунта «з деревом» коровьего масла в Ахтырку, а Иван Невежин — столько же в Сумы. По отпискам воевод весь ценный груз был принят в пунктах назначения сполна. Дополнительно в Севске велено было изготовить 1 тыс. ведер сбитню и 1 тыс. ведер уксусу, для чего туда из Москвы, из Приказа Большого дворца, было послано 10 пудов перца и солод, а также деньги на покупку хмеля, «всякой посуды» и 200 ведер вина (для сбитня). 200 пудов меда на те же

⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1089 об.

⁷⁹ Там же. Л. 1092 об. — 1093, 1102, 1116–1117.

⁸⁰ Там же. Л. 1101 об. — 1102.

⁸¹ Там же. Л. 1110.

цели велено было собрать «с рьльских и з севских дворцовых бортных ужожаев». Севский воевода Неплюев рапортовал, что «збитню и укусу указное число зделано сполна»⁸².

Помимо хлеба и другого продовольствия, в места сбора разрядных полков шли и другие запасы, в частности деготь и пенька, причем в немалых количествах. Во второй половине марта 1687 г. в города Белгородского разряда — Болховец, Боровлю, Верхососенск, Добрый, Карпов, Коротояк, Краснополье, Мирополье, Олешню, Ольшанск, Салтов, Сокольск, Суджу, Усерд, Усмань, Хотмыжск — были направлены грамоты В.В. Голицына, подкрепленные чуть позднее царскими указами из Разряда за подписью дьяка И. Ляпунова, с распоряжениями о высылке под Ахтырку дегтю и пеньки «против прежних таких же полковых зборов, как збирано в прошлых годех по наряду ис Курска и из Белгорода с прибавкою». Норма сбора дегтя составляла примерно одно ведро с десяти дворов (в случае Коротояка оно было семивершковое, в остальных — восьмивершковое). Касательно пеньки нормативы были разные, доходя до пуда пеньки также с десяти дворов. Жители указанных городов должны были «устроить» деготь в бочки и доставить его на подводах в лагерь за свой счет. В соответствии с этими указаниями в течение апреля в Большой полк Голицына было направлено из Коротояка 73 ведра дегтю и 50 пудов пеньки; при этом воевода Иван Большой Кульбакин жаловался, что в Коротояке своего дегтя не было и жители купили его «с великою нуждою в Землянску, на селце на Воронежи, на Усмони и в ыных розных городех самую дорогою ценою по полтине и алтын по двадцати ведро». Из Сокольска прислали 50 ведер дегтю и 50 пудов пеньки; из Суджи — только 19 с половиной ведер дегтю; из Доброго — 80 ведер дегтю и 80 пудов пеньки («конапати»), при этом с 206 дворов деготь (20 ведер) «не взято», поскольку «тех дворов жители городовые службы» уже были по царскому указу отправлены с подводами «и со всякими путевыми припасы» в полк А.С. Шеина; из Усмани — 94 ведра и три четверти дегтю и 47 пудов 16 гривенок пеньки; из Усерда — 39 с половиной ведер дегтя, из Олешни — две бочки по двадцать ведер; из Болховца — 37 ведер дегтя, пеньки — 10 пудов 20 гривенок; из Салтова — 16 ведер дегтя, из Краснополя — 10 ведер⁸³. Всего с указанных городов в Большой полк было доставлено почти 423 ведра дегтя и более 237 пудов пеньки. Воеводой Харькова В. Сухотиным было выслано в Большой полк 133 ведра дегтя, да «поскони» (холст из волокна конопли) 50 пудов⁸⁴.

Сено на корм подъемным лошадям, «которые бывают под шатровою казною и под нарядом и подо всякими припасы», также было велено заготавливать в Севском и Белгородском полках, причем в последнем главным образом в слободских городах Сумского, Харьковского и Ахтырского полков. Сенная подать составила два «зимних воза» с двора. В итоге в Севском полку было заготовлено 24 390 возов, городах Белгородского полка — 116 427 возов; всего 140 817 возов⁸⁵.

Помимо государственного снабжения, для организации торговли в походе в войско были привлечены и члены Гостиной сотни. Именным указом купцу Ивану Молявке велели «быть» на царской службе «для купецких дел в полку» В.В. Голицына. В январе 1687 г. Молявка подал челобитную с просьбой выехать в Ахтырку заранее,

⁸²РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1113–1115.

⁸³РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1087. Л. 59–71, 73–79; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1144–1149.

⁸⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1087. Л. 72а–72б.

⁸⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1150–1154 об.

чтобы строить там «для торгового промыслу всякие строения». 21 января воеводе Левшину была послана специальная грамота с указанием не препятствовать купцу и его людям «торговать и всякие торговые промыслы заводить»⁸⁶.

Мобилизация подвод и численность обоза

16 июля по царскому указу, данному в ходе похода двора в село Коломенское, решено было мобилизовать для военной экспедиции на Крым 5321 «лошадь с телеги и с хомуты, и с узды, и с возжи, и с ужищи, как им в том походе быть». Подводы предназначались для Разряда под хлебные запасы и для Иноземского приказа «под пушки и под полковые припасы, и под церковную утварь». Деньги на указанный транспорт велено было собрать «с татарских и с черемиских, и всяких ясачных людей, которые ведомы в Казанском приказе» (по 6 алтын 4 деньги с 53211 дворов). Сумма на покупку подвод должна была быть собрана к 4 ноября 1686 г. Для сбора денег следовало послать выборных посадских людей из тех городов, уезды которых были обложены подводной податью, а «дворян и подьячих ис тех городов для того збору не посылать, для того..., что от них тем ясачным и иным уездным людям чинятца напрасные напатки и великие убытки». В итоге было собрано 30200 руб. и все они были отосланы в Иноземский приказ для приобретения лошадей под артиллерию и полковые припасы.

Для Разряда подводы были изысканы двумя другими указами. Первый появился 24 августа и носил скорее частный характер, поскольку по нему подводной податью (лошадь с телегой с 5 дворов) облагались служилые люди отдельных городов: Тамбова, Верхнего и Нижнего Ломова, Наровчатовского городища и расположенных в Темниковском уезде Красной Слободы и Троицкого острога. Лошади с подводами должны были быть присланы в Белгород к 1 декабря. Второй указ — от 19 сентября носил более всеобъемлющий характер, касаясь всех городов Севского и Белгородского полков, с которых полагалось также с 5 дворов взять по подводе «с подводчики». В оклад должны быть положены даже дворы тех служилых людей, кто участвовал в походе. В итоге по этим двум указам было мобилизовано и отправлено: в Большой полк — 6906 подвод с подводчиками (в том числе 454 подводы, собранные с Тамбова и других городов по указу 24 августа); в Новгородский разряд — 1664 подводы; в Рязанский разряд — 1366 подвод; в Низовой полк, собиравшийся в Красном Куте, — 35 подвод. К этому числу надо прибавить еще 340 подвод, пункт отправки которых в документах Разряда не был указан, но которые были высланы по назначению. Всего, таким образом, с Белгородского и Севского полков, а также отдельных городов, упомянутых в указе от 24 августа (Тамбов и др.), было мобилизовано 11311 подвод⁸⁷. К этому количеству стоит добавить еще около 4,3 тыс. подвод с лошадьми (считая по 6 руб. лошадь и по 1 руб. подвода), которые должны были быть закуплены в Иноземском приказе. Учитывая частные телеги и подводы воевод, начальных людей, служилых людей московских чинов, общую численность русского обоза в первом Крымском походе можно оценить примерно в 20 тыс. повозок⁸⁸. Это

⁸⁶Привилегированное купечество России во второй половине XVI—XVIII в.: Сборник документов. Т. 1 / сост. Т.Б. Соловьева (отв. сост.), Т.А. Лаптева. М., 2004. С. 342–343; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 1–6. Отпуск проезжей грамоты купцу датирован тем же числом.

⁸⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1120–1140 об.

⁸⁸Примерно также его оценивает и П. Гордон. См.: Гордон П. Дневник, 1684–1689 / пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Г. Рыженков. М., 2009. С. 137. Ср.: *Belkin Stevens C. Soldiers on the Steppe*. P. 114, 118.

в целом коррелирует с одним из нарядов Разрядного приказа, который оценивал численность подвод, необходимых для перевозки хлебных запасов, в 11,7 тыс. (см. об этом выше). Цифра в 20 тыс., однако, не учитывает другую, приводившуюся выше, которая ее многократно перекрывает. Речь идет о 141 тыс. возов сена, собранных на корм лошадям. Не ясно, однако, был ли в данном случае воз с сеном конкретной единицей транспорта, прибывшей в армию, или скорее единицей меры собранного сена. В любом случае вряд ли вся 141 тыс. возов была поставлена в войско одновременно. Указанные проблемы затрудняют окончательное определение численности обоза в первом Крымском походе. С уверенностью можно утверждать, что она варьировалась в рамках нескольких десятков тысяч единиц гужевого транспорта.

Финансовое обеспечение первого похода

В сентябре были приняты решения о введении единовременного денежного налога на жалование служилым людям по прибору — копейщикам и рейтарам (ок. 20 тыс. человек), солдатам и стрельцам (ок. 40 тыс. человек). Исходя из заявленной численности, изыскать следовало от 560 до 700 тыс. руб. В итоге с церковных и светских (включая дворцовые имения) владений следовало собрать по рублю с двора. Служилые люди, участвующие в грядущем «крымском промысле», от подати освобождались. Посадские люди должны были заплатить по полтине со двора, «именитые люди» Строгановы — 20 тыс. руб., торговые иноземцы — 2 тыс. руб.⁸⁹

Правительство осознавало могущие возникнуть трудности при достаточно срочном сборе столь огромной суммы. Об этом свидетельствуют предпринятые летом усилия по организации в Севске монетного двора, который для финансирования Крымского похода должен был чеканить так называемые чехи — низкопробную монету, равную номиналом копейке и аналогичным польским деньгам (полугрошевику), обращавшимся в южных регионах России. Попытки эти были не слишком удачными — много чехов отчеканить не удалось. Известно также о попытке изыскать дополнительные средства путем обмена 10 тыс. золотых червонных на польские чехи в южных регионах, в том числе в Севске. В результате этой операции к апрелю 1687 г. было получено более 12,5 тыс. польских полугрошевикув. Все они были приняты в казну на жалование ратным людям⁹⁰.

Мы не знаем, сколько в итоге было аккумулировано в казне денег на нужды похода, однако можем подсчитать суммы, отправленные на жалование войску в течение весны — лета 1687 г. 27 февраля на жалование ратным людям Севского и Белгородского полков, которые должны быть в Большом полку, Новгородском и Рязанском разрядах, из Новгородского приказа было истребовано 53 тыс. руб., а из Печатного — 27 тыс. руб. Вся эта сумма (80 тыс. руб.) была отправлена в Ахтырку с подьячим приказа Большой казны Семеном Белым⁹¹. 1 марта в полк к В.В. Голицыну с разрядным подьячим Любимом Судейкиным была послана «соболиная казна» стоимостью 1 тыс. руб. «для полковых расходов»⁹². 10 марта на

⁸⁹ ПСЗ. Т. 2. С. 817–820.

⁹⁰ *Зверев С.В.* Финансовое обеспечение Первого Крымского похода 1687 г. // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 919–921.

⁹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1042. Ср.: *Зверев С.В.* Финансовое обеспечение... С. 922.

⁹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 182–183. Реестр соболей, знамен с описанием и прочего имущества см.: Там же. Л. 183–187. См. также: Там же. Л. 1042 об.

жалованье ратным людям Большая казна и Печатный приказ выдали в Разряд 19 и 13 тыс. руб. соответственно. Деньги эти (32 тыс. руб.) были высланы в Большой полк с подьячими Кузьмой Рудеевым и Федором Кляусовым. Они же повезли 1900 руб. на всякие полковые расходы (из Большой казны)⁹³. 17 апреля последовал царский указ отправить в Большой полк очередную порцию жалованья ратным людям: из Большой казны 26 700 руб., из Печатного приказа — 3300 руб. 19 апреля с этими деньгами (30 тыс. руб.) из Москвы выехал подьячий Василий Русинов⁹⁴.

Голицын указанную казну получил 1 мая⁹⁵. Копейщикам и рейтарам была выдана половина жалованья (по 10 руб. человеку) с обязательством, что другая его половина будет выдана «в полках». Однако на нее полученных денег не хватило. 26 мая в Москве получили отписку Голицына с известием, что «приходят к Розрядному шатру, бьют челом... великим государем о... жалованье начальные люди разных чинов о кормовых месячных денгах, а копейщики и рейтары о другой половине о десяти рублех, а салдаты разных полков о кормовых денгах». «А у меня, холопа вашего, — жаловался главнокомандующий, прося прислать деньги, — вашей великих государей денежной казны в Болшом полку нет»⁹⁶. В ответной царской грамоте (от 30 мая) обещалось, что «денежная казна прислана будет»⁹⁷. Однако вплоть до середины июня, когда русские войска уже маршировали под палящим солнцем по безводным и выжженным степям, этого так и не случилось. В отписках от 10 и 19 июня Голицын жаловался, что не получил денег, а между тем офицеры и солдаты приходят к нему «с болшою доукою», напоминая об обещанных выплатах⁹⁸. Лишь 1 июля, когда войска уже возвращались из неудачного похода, подойдя к Самаре, появилась царская грамота Голицыну с уведомлением о скором отпуске из Москвы «многой казны» с дьяком Исаем Ляпиным. Голицыну предписывалось выслать эскорт для встречи и сопровождения денег в Полтаву⁹⁹. Дополнительно о посылке Ляпина должен был во всеуслышание объявить отправленный в армию с важной миссией думный дьяк Ф.Л. Шакловитый¹⁰⁰.

В соответствии с принятым решением 5 июля было приказано доставить в Разряд из Приказа Большой казны — 40 тыс. руб., из Новгородского приказа — 10 тыс. руб., из Приказа Большого дворца — 5 тыс. руб., из Казанского приказа — 3361 руб. 5 алтын 3 деньги, из Сибирского — 1 тыс., из Печатного — 3 тыс. Всего предполагалось собрать 62361 руб. 5 алтын 3 деньги. В результате деньги были собраны по указанной разнарядке, за исключением Большой казны, откуда было изъято 32199 руб. 20 алтын 2 деньга «да чехов на восмсот на тринацать алтын». Всего удалось собрать 55361 руб. 5 алтын 3 деньга. Чтобы покрыть разницу, дополнительно «в тое ж посылку по грамотам из Приказу Болшие казны велено послать из городов ис Колуги и из ыных» 1 тыс. руб., из Севска — чехов на 6 тыс. руб. Как видно,

⁹³РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1042 об. Ср.: *Зверев С.В.* Финансовое обеспечение... С. 922.

⁹⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 346–349, 1043. Ср.: *Зверев С.В.* Финансовое обеспечение... С. 922.

⁹⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 349–350 об.

⁹⁶Там же. Л. 483–483 об.

⁹⁷Там же. Л. 528–529.

⁹⁸Там же. Л. 529–530.

⁹⁹Там же. Л. 530–532 об. См. также: Там же. Л. 620–621.

¹⁰⁰Там же. Л. 608–609.

в отличие от первых «траншей», в этот раз необходимую сумму (62300 руб.) собрали с большим трудом, выгребая деньги буквально отовсюду. 8 июля транспорт с деньгами из 15 ямских подвод (не считая подвод дьяку и подьячим) выехал из Москвы с дьяком Исаем Ляпиным и подьячими: приказа Большой казны Никитой Алферьевым, Судного дворцового приказа Тимофеем Антроповым, Приказа княжества Смоленского Леонтием Березиным¹⁰¹. Всего за время крымской кампании в Большой полк было выслано 198099 руб. 20 алтын 3 деньги; чехами 1100 руб. 13 алтын, то есть почти 200 тыс. руб.¹⁰² Эта сумма не учитывает денег, посланных со стольниками и дворянами для сбора ратных людей по городам и высылки их в полки. Есть данные об отправке в январе 1687 г. 42300 руб. ратным людям Новгорода, Пскова и других городов, готовившихся к выезду на службу¹⁰³.

В целом известные траты правительства на жалованье ратным людям составляли от чуть менее половины до трети суммы, ассигнованной царскими решениями в сентябре 1686 г. Однако даже эти деньги летом 1687 г. собирались с определенными трудностями и напряжением финансовых сил Российского государства.

Сбор информации о маршруте

По требованию Москвы гетман Иван Самойлович прислал подробное описание нескольких путей возможного наступления на Крым, составленное со слов казацкой старшины Полтавского полка, отметив места переправ и указав необходимые расстояния и время в пути. Двигаясь от пограничных с Диким полем городков Полтавского полка вдоль левого берега Днепра, войску предстояло переправиться через его приток Орель (где «мосты и гребли суть»), приток последней Чаплинку (переправа на «Песчаном» у «водяных плесов»), Кильчень, впадающую в Самару, где для переправы было необходимо наводить мосты. Двигаться вдоль берега Днепра, как ранее шел корпус Косагова, основной армии идти не рекомендовалось. Предлагался путь на расстоянии 5–15 верст от берега Днепра с подходом к самой реке лишь в двух местах, через урочище Татарка, речки Вороная, Оскоровка, Московка, Конские Воды, Янчокрак к «урочищу» Плетенинский Рог, располагавшемуся «против Сечи», и к речке Рогачик. Отмечалось, что на описанном пути «вода бывает наипаче же милостивого и несухого лета... и дрова суть, чтоб есть сварить». Оттуда войску через Черную долину следовало двигаться на небольшую речушку Каланчак, откуда до Перекопа оставалось 20 верст. Возле перешейка в пяти верстах «в леве и в праве много есть колодезей водяных», при этом «за Перекопью внутри самого Крыму глубокие колодези, а в леве по-над морью Гнилому и в праве по-над морью Черному мелкие колодези в пять, в шесть или в семь сажен». От Перекопа до Карасу-базара (ныне Белогорск) было четыре дня ходу с тяжелыми «торговыми телегами», где уже «обретаются речки и после ровнины начинаютца горы»¹⁰⁴. Позднее гетман особенно предупреждал, что на расстоянии шестидесяти верст от Ислам-Кермена (Шах-Кермена) до Перекопа «совершенно дров нет»,

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 614–615 об., 619, 1043 об. 61 руб. 3 деньги 5 алтын из собранных денег оставили в Разряде. Ср.: Зверев С.В. Финансовое обеспечение... С. 922.

¹⁰² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 1043 об.

¹⁰³ Зверев С.В. Финансовое обеспечение... С. 922.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 26. Л. 18–21. «Путь шествия в Крым» составлен на основе свидетельств полкового полтавского судьи К. Кублицкого, сотника белицкого Ф. Шепеля, сотника кобыляцкого Л. Петренко, сотника санжаровского Г. Бута и др., «которые давно теми шляхами хаживали».

а «воды колодезные» лишь «в двух местах», одно из которых — на Каланчаке. Самойлович полагал, что, запасшись водой там, можно взять Перекоп и идти «внутри Крыму», однако на самом полуострове войска будут ждать еще более тяжелые испытания, поскольку «за Перекопью на полтораста верст, вплоть до Ак-Мечети (ныне Симферополь. — *Авт.*) и Корасова (Карасу-базар. — *Авт.*) вод текущих нет и леса там не обретаются», а колодцы, если и есть «глубиною великою по несколько надесять сажен», которые татары к тому же могут «заметьвать или воды в них портить». И лишь добравшись до этих городков, царские войска смогут «вод доволных достать», поскольку там «суть речки текущие и дрова там уже будут». Однако до этих мест, на расстоянии двухсот верст, начиная от Ислам-Кермена (Шах-Кермена), «дров не будет и воды суть скудны», резюмировал гетман. Он полагал, что потребуется заготовка больших запасов воды на Каланчаке и дров на днепровских берегах¹⁰⁵.

Информация Самойловича, несмотря на ее ценность, в целом, однако, не была абсолютной новостью для русского правительства. Благодаря тому, что на протяжении десятилетий в Крым регулярно ездили русские «годовые» посланники, послы и гонцы, в архивах Посольского приказа должно было сохраниться немало и собственных описаний пути в ханство, было немало и очевидцев, которые могли дополнить их при необходимости. Еще в 1677 г. «в дому» В.В. Голицына была переписана «книга», называвшаяся «История о приходе турецкаго и татарского воинства под Астрахань», который состоялся в далеком 1569 г. Это был рассказ очевидца похода, возможно пленного казака, описывавшего не только саму экспедицию, но и управление и тактику войск противника¹⁰⁶. Описание пути в ханство, одно из наиболее свежих и хронологически близких к рассматриваемым событиям, принадлежит известному дипломату В.М. Тяпкину, который вместе с дьяком Н. Зотовым в начале 1681 г. заключил Бахчисарайское перемирие¹⁰⁷. Таким образом, русское правительство должно было прекрасно представлять себе трудности пути, которые могли ожидать войско, характер будущих боевых действий и могло по крайней мере частично к ним подготовиться.

Крымское ханство накануне похода.

Русско-крымские отношения осенью 1686 — в начале 1687 г.

В октябре 1686 г. в русскую столицу пришла грамота Селим-Гирея. Он сообщал царям о получении известий, «что недружба и война с вами зачалась», ссылаясь на послания донских атаманов в Азов. Хан заявлял, что ему известно о посылке царских «ратных людей» на Крым (корпус Косагова) и Азов (донских казаков). Ввиду

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 162. Л. 312–313.

¹⁰⁶ «185 году генваря в 22-й день писана сия 7185 книга в дому боярина князя Василья Васильевича Голицина, глаголемая: сия книга история о приходе турецкаго и татарского воинства под Астрахань лета от создания мира 7185, а от Рождества Христова 1677» // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. Одесса, 1872. С. 479–488. Издательский заголовок отсутствует. Н.А. Смирнов, который обратил внимание на факт переписывания данной книги в доме В.В. Голицына, иронично заметил: «Приходится пожалеть, что русский военачальник, отправившийся в поход на Крым спустя 109 лет, не усвоил поучительных уроков первой войны» (*Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1. XVI век. М., 1946. С. 94).

¹⁰⁷ «Список с статейного списка великаго государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова...» // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1850. С. 571–578. Стоит отметить, что описание содержит конкретные рекомендации военного характера.

этих угроз крымское войско во главе с ханом в текущем году якобы так никуда и не выступило из-за Перекопа. Ответная царская грамота от 6 октября не подтверждала и не опровергала опасения Бахчисарая, одновременно предлагая Селим-Гирею вместе с султаном заключить мир с Речью Посполитой, возвратив ему завоеванные ранее земли (Подолию). В начале ноября в Москве наконец-то официально отпустили гонца Мубарекшу-мурзу Сулешева, предписав, однако, гетману Самойловичу задержать его до Рождества — «до больших снегов», чтобы в Бахчисарае не получили информации о готовящемся походе и не упредили его набегом на российское пограничье. Селим-Гирей не ответил на предложения мирных переговоров с Речью Посполитой, заметив лишь, что обороняется от польских войск, но выразил готовность возобновить мир с Москвой на условиях выплаты поминков. В ответной царской грамоте от 4 января 1687 г. крымской стороне предложили провести пограничный съезд «меж Запорожья и Казыкерменя» для обсуждения спорных проблем¹⁰⁸.

Несмотря на отказ России открыто объявить войну хану, в Крыму готовились к вооруженному отпору. Захваченные в плен крымцы сообщали в начале марта 1687 г., что Селим-Гирей «прибирается на оборону Перекопа и имеет там поставить девять тысяч человек пехоты с мушкетой». Помимо этого, хан велел мобилизовать население Крыма «для поделки валу перекопского», собираясь выступить туда с войском «скоро по весне». Пленники сомневались, что Порта окажет Крыму какую-то помощь («о посылке янычман на помощь Крыму от турчина не слышно никаких вестей, а сказывают насилие то будет, понеже турки и без того много дела имеют»), хотя, как было показано выше, турки послали дополнительные контингенты в Очаков и Казы-Кермен¹⁰⁹. По свидетельству татарских пленников, доставленных по приказу гетмана И.С. Мазепы в Москву в январе 1689 г., крымцы, узнав о подготовке первого похода на ханство, «встали перекопского замку на башню 4 пушки, а всех де в Перекопи будет пушек по всему городу малых и болших со 100»¹¹⁰. Другие пленные, пойманные уже во время самого похода 1687 г., сообщали, что, узнав о подготовке русского наступления, Селим-Гирей велел еще зимой «переписывать людей всякого чину, которой бы мог лошадей владеть и велит покупать лошадей, чтоб были у всех лошади». Они не знали, сколько войска хан собрал по переписи, но оценивали общую численность ханской армии в 40 тысяч всадников¹¹¹. Даже если это приуменьшенная цифра, крымская орда, без сомнения, значительно уступала в численности русской армии, которая должна была выступить в поход на Крым.

Вышедший из Крыма в июле 1687 г. уроженец Каменца-Подольского Ивашко рассказал, что когда на полуостров пришли известия о походе Голицына, «то по всему Крыму заказ был под смертью, чтоб у всех пленные были в день скованы, а ночью в ямах, а сажали их в ямы такая: у села или у деревни или улицею выкопана одна яма, чтоб в ней вместились человек пятьдесят и болши в такая ямы в ночь неволников сажали. А в день всякой своево имали на работу, а ноч придет и паки также в ямы метали, при нем у них того было с месяц»¹¹².

21 марта крупный татарский отряд совершил набег под Тор — крепость, расположенную в пределах Белгородского разряда. Неприятель, внезапно появившись из

¹⁰⁸ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 402–406.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 43.

¹¹⁰ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 204.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 178–179.

¹¹² РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 106.

близлежащего леса, застал жителей врасплох: «многих людей в полон взяли, на лугах, по дорогам без щету». Местные казаки пытались дать отпор налетчикам, но понесли потери. Захватив около двухсот пленных, татары отошли в неизвестном направлении. «А на бою товарищей многих поранили, из русских людей и из наших, и сторожей двух полевых, и много учинилось нам пропажи», — сообщал харьковскому полковнику Григорию Донцу торский сотник Максим Корсунец. Донец, в свою очередь, сообщил об этом В.В. Голицыну¹¹³. Трудно сказать, был ли татарский набег под Тор разведывательным или обычным походом за добычей (тем более что начавшаяся война освобождала татарских военачальников от ответственности за нарушение мира).

Помимо военных, Селим-Гирей предпринял и дипломатические усилия с целью создания антирусской коалиции, обратившись к правителям соседних с Россией государственных образований — Калмыцкой орды, Хивинского и Бухарского ханств и др. 15 апреля 1687 г. атаман яицких казаков Яков Васильев послал с царской грамотой к калмыцкому тайше Аюке казака Григория Жегулу в сопровождении толмача. При встрече Аюка рассказал посланцам Яицкого войска, что к нему «приехали послы крымские, а говорят де те крымские послы, что идут де они в Хиву и в Каракалпаки, и в Бухары, и в ыные земли от крымского хана с писмами, те земли подымать на... государские города, где кому спорушны которые... государские города, те бы земли, на те... великих государей города ишли войною». Тайша не скрывал от Жегулы, что откликнулся на просьбу Крыма о помощи и отправил к Селим-Гирею отряд в 3 тыс. человек и 20 тыс. лошадей. Казаки возвратились на Яик 8 мая, доложив «в кругу» о результатах миссии. Полученные известия встревожили яицких казаков, которые писали на имя царей и царевны в своей отписке: «И мы, холопи ваши, Яицким войском слыша такие вести, живем с великою опаскою». Ее доставил в Москву 4 июня 1687 г. станичный атаман Иван Хлынов¹¹⁴. В результате из Москвы срочно (10 июня) направили грамоты воеводе Белгородского полка князю М.А. Голицыну, его сходному воеводе князю М.Г. Ромодановскому и воеводе Воронежца В.И. Лаговчину. Голицыну предписывалось, чтобы он жил в Белгороде «с великим береженьем и осторожностью и про приход их (калмыков или иных отрядов. — *Авт.*) проводывал всякими мерами», оповестив об угрозе сходных воевод М.Г. Ромодановского и А.И. Хитрово, наказных полковников Ахтырского, Сумского и Харьковского полков и воевод городов по черте и за чертой, «чтоб воинские никакие люди безвесно не пришли и грацким и уездным жителем на полях и на всяких изделиях какова дурна не учинили»¹¹⁵.

Подготовка Крымского похода сопровождалась разработкой политических планов в отношении ханства, намеченных ранее. Русское правительство в конце декабря 1686 г. направило к гетману Самойловичу своего представителя Семена Алмазова. Данный ему наказ проливает определенный свет на ту стратегию, которой придерживалось русское правительство в первые месяцы после заключения русско-польского договора о союзе и какие дипломатические шаги оно готово было предпринимать. Алмазов должен был объявить, чтобы Войско Запорожское было готово

¹¹³ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 47–50. К своему письму Г. Донец приложил некий список из нескольких десятков казаков разных куреней (Там же. Л. 51–53), однако не было ясно, что это перечень пленных, погибших при набеге и т.д. В.В. Голицын, не понявший содержание документа, сделал полковнику выговор (Там же. Л. 54–55).

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1087. Л. 15–18.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1087. Л. 19–30. М.А. Голицын получил эти указания уже 16 июня и сообщил о рассылке предупредительных грамот (см. его отписку: Там же. Л. 80–83).

к выступлению к 1 марта 1687 г., но при этом подчеркнуть, что Россия не отказывается от созыва пограничной комиссии, которую она предлагала Крыму ранее и о которой Самойлович был извещен, с целью приглашения хана к мирным переговорам с Россией и Речью Посполитой. В Москве полагали, что «хотя тот съезд и будет, однако мочно выразуметь и познать неприятелские намерения, а их государскому намерению и воинскому... походу помешкою то быть не имеет, а имеет то способно быть к лутчей и безопасной свободности к тому воинскому приготовлению, а ему хану в нынешнее зимнее время от воинского ж незапного зимняго нахождения одержание». В подобных переговорах русское правительство видело средство «к лучшему и способному впредь примирению» между Варшавой, Москвой и Бахчисараем. Гетман Самойлович, хотя и сомневался, что крымцы согласятся на проведение пограничной комиссии (в том числе и из-за зимней бескормицы) и что ее удастся организовать до 1 марта, предлагал поручить «съездное дело» Григорию Косагову, зимовавшему со своим корпусом в новопостроенном Каменном Затоне. Туда должен был отправиться русский представитель с соответствующими полномочиями. Самойлович, впрочем, не разделял опасения Москвы, что хан может организовать какой-то набег в конце зимы из-за наступающего «разливания вод» и конской бескормицы. Он также сомневался, что крымцы согласятся обсуждать что-либо, кроме возобновления выплат царской «казны».

У гетмана было свое видение развития ситуации в случае русско-украинского наступления на Крым, которое, несомненно, отражало в себе и общие представления политических кругов Москвы о возможных итогах кампании против ханства или оказывало влияние на их формирование. Самойлович полагал, что даже если в результате похода на полуостров «хан или салтаны, или мурзы, или беи помышляти учнут о побежищи своим во время утеснения своего за море», то население Северного Крыма — «многие татары горние, которые на побежищи способности не имеют», возможно пожелают вести переговоры с царским правительством, чтобы «о целости своей им, великим государем, челом ударить»¹¹⁶.

В русле этих консультаций в феврале 1687 г. в подготовленные для Голицына «тайные статьи» о походе (см. о них подробнее далее) было включено и положение о переговорах с Крымским ханством. Если Селим-Гирей станет просить мира и будет готов заключить его и за «сторону салтана турского», В.В. Голицыну следовало действовать в соответствии с буквой русско-польского договора о Вечном мире, предложив крымской стороне принять на себя мирные обязательства и в отношении Речи Посполитой. Предусматривалась и вторая возможность, что хан «придет в познание и не похотя себе и юртам своим от наступления полков разорения», начнет «бить челом великим государем... в вечное подданство». В этом случае Голицын должен был «хана и всего ево владения людей под высокодержавную руку великих государей принять и их государскою милостию обнадежить». Условия принятия царского подданства главнокомандующий должен был определить сам, в ходе переговоров¹¹⁷. Московское правительство, таким образом, надеясь, что хан уступит перед демонстрацией военной мощи русского государства и примет предложения о царском подданстве. Голицын как глава русской дипломатии и главнокомандующий армией должен был сформулировать условия этого акта.

¹¹⁶РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 162. Л. 276, 297–299, 301, 304, 306, 307.

¹¹⁷Востоков А. К истории первого Крымского похода // Киевская старина. 1886. № 2. С. 271.

При этом официально провозглашалось, что Россия намерена «бусурманское гнездо... искоренить» и, захватив полуостров, заселить его казаками и «верными» татарами¹¹⁸. Распространялись слухи, что в Крыму будет создано вассальное царям государство во главе с имеретинским царем Арчилом, изгнанном турками со своей родины и получившим убежище в России¹¹⁹. Это, несомненно, должно было сделать Крым более уступчивым на будущих переговорах и податливым на московские альтернативы.

Наказы В.В. Голицыну: тайный и официальный

В ходе аудиенции у царей 20 февраля старший воевода В.В. Голицын традиционно должен был получить из царских рук наказ и списки служилых людей. Однако вместо этого великие государи лично заверили главнокомандующего, что «нынешнее настоящее воинское дело изволили» они «положить на него, ближнего боярина и оберегателя». Голицыну таким образом следовало действовать «по своему усмотрению, как Бог вразумит и наставит, а наказу ему не будет» (выделено курсивом А.Х. Востоковым. — *Авт.*). А.Х. Востоков, описавший указанный случай, считал отсутствие наказа фактом беспрецедентным, объясняя его «неограниченной привязанностью правительницы к своему любимцу и желанием ее как можно выше поставить его в глазах войска и двора». По его мнению, Голицын, «смущенный» подобным обхождением, все же просил Софью Алексеевну дать ему некие инструкции — в виде «тайных статей». 27 февраля, буквально вслед покинувшему столицу главнокомандующему, с указанными статьями к нему выехал другой доверенный человек царевны — глава Стрелецкого приказа Федор Шакловитый. Князь получил статьи уже на следующий день, 28 февраля. Статьи известны нам в подробном изложении А.Х. Востокова, не указавшего, к сожалению, шифр использованного им архивного дела¹²⁰.

В разрядной книге тайный наказ, посланный с Шакловитым, отсутствует, но при этом в ней сохранился другой «наказ к ближнему боярину и оберегателю», с которым к В.В. Голицыну спустя две недели, 15 марта отправился сын одного из полковых товарищей главного воеводы — князь Иван Осипович Щербатов¹²¹. 28 марта Голицын сообщал о его прибытии в Ахтырку¹²². Этот шаг, судя по всему, свидетельствовал о решении правительства, пусть и с опозданием, все же полностью соблюсти положенные нормы, выдав большому воеводе официальный полковой наказ. Сравнение этого текста с пересказом А.Х. Востокова показывает, что во многом оба наказа были схожи, однако между ними существовало и несколько принципиальных

¹¹⁸ Богданов А.П. Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 39; *Его же*. «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского Средневековья. Сборник статей. М., 1982. С. 65, 76; ПСЗ. Т. 2. С. 960.

¹¹⁹ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 346.

¹²⁰ Востоков А. К истории... С. 269–272.

¹²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 213 об.— 262 об. Здесь же см. царскую грамоту, посланную Голицыну с Щербатовым (Там же. Л. 203 об. — 205; ошибочно датирована 15 мая) и наказ самому посланцу ехать к главнокомандующему «с милостивым словом, и с наказом и с списками» служилых людей «наспех не мешкая нигде ни за чем ни малого времени» (Там же. Л. 205–208 об.).

¹²² Там же. Л. 300 об. — 302.

отличий, в частности официальный наказ содержал объяснение причин начала войны с Турцией и Крымом (см. подробнее в гл. 10).

Значительная часть обоих наказов была посвящена сбору, организации армии, ведению военных действий, обращению с продовольственными запасами, заготовленным фуражом и др. Здесь в содержании тайных статей Шакловитого и официального наказа Щербатова имеются некоторые различия, однако они не принципиальны и могут быть в том числе объяснены неполным пересказом А.Х. Востоковым введенного им в научный оборот документа. Указания по подготовке войска к походу носили в основном, видимо, традиционный характер: запись приездов «по чинам, по городам и по полкам», проведение смотра, выявление нетчиков; инструктирование генералов и полковников, чтобы они провели смотры своих полков, в том числе обучив новобранцев («и стрельбе и всякому ратному строю велеть их учить почасту, чтоб у них у всех ружье было всегда вцелю и стрельбе и всякому ратному строю навычны и к походу и к бою всегда были наготове») и др. Служилых людей московских чинов следовало расписать по ротам/сотням, назначить им сотенных голов и вручить знамена¹²³. Рекомендации по ведению военной кампании также имели общий характер (время и место выступления, соединения с остальными корпусами и гетманом, маршрут до Крыма и др.) и отдавались целиком на усмотрение бояр и воевод, а фактически — В.В. Голицына. Главнокомандующему, остальным боярам и воеводам, а также гетману следовало «имети между собою совет и любовь не лицемерную, а розни б никакие меж собою и безсовета отнюдь не было». Различных нарушителей установленных порядков полагалось судить по уложению и «градским законам». В случае попыток крымцев атаковать пограничье русского государства необходимо было направить войска на перехват набега и сообщить об этом в малороссийские и другие пограничные города. Важной была констатация и тайных статей, и официального наказа, что «дело» Крымского похода «положено на нем, ближнем боярине и оберегателе с товарищами».

В наказе Голицыну были расписаны все воеводы разрядных полков и их товарищи, а также состав Большого полка и остальных подчиненных непосредственно главнокомандующему полков (Севского, Низового, а также полка Косагова), места и срок сбора войск и др. Сходным товарищем Голицына был написан также киевский воевода И.В. Бутурлин, кроме того, воеводы городов Севского и Белгородского полков должны были быть «послушными» приказам главнокомандующего. Воеводами у большого наряда были назначены стольники, отец и сын Михаил Петрович и Иван Михайлович Беклемишевы.

Было в обоих наказах и несколько конкретных указаний. Во-первых, перед выходом из Ахтырки, основного места сосредоточения Большого полка, Голицыну следовало объявить о запрете ратным людям отпускать из войска домой лишних людей и лошадей после начала похода — все это надлежало сделать до выступления в поход, чтобы тем они «в обозе меж ратными людьми смуты не чинили». Следить за этим должны были специальные заставы. Во-вторых, необходимо было «приказать накрепко» запретить чинить обиды и убытки жителям городов, через земли которых войску предстояло пройти, брать у них безденежно еду и фураж. Русским рат-

¹²³ При этом даточных людей («людей... з боем») московских чинов и городских дворян, которых в текущем году по царскому указу велено было взять по 1 человеку с 50 дворов (а не с 25 «указных» дворов, как ранее), было велено расписать по отдельным ротам или сотням, а не вместе со своими господами. См.: *Востоков А. К истории...* С. 269; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 244–244 об.

ным людям главнокомандующий и остальные бояре и воеводы должны были приказать, чтобы они с казаками, которые будут в походе с гетманом Самойловичем, «задоров и ссор, и нелюбья никакова не чинили и никаких им досадных и поносных слов не говарили и ничем их не укоряли, для того, что они, Войска Запорожского казаки (в тайном наказе упомянуты также калмыки «и иных народов» люди. — *Авт.*) великим государем служат верно и всегда на их государских службах бывают с ними ратными людьми вместе и над неприятельскими людьми промышляют за одно». В третьих, Голицыну и остальным воеводам следовало «над генералы и над полковники и над начальными людьми смотреть и беречь, и приказывать им с великим страхом, чтоб они, будучи на их, великих государей службе полков своих ратных людей для своих прихотей и корыстей ничем не теснили и обид и налог никаких им не чинили и никакова изделья делать и работы никакие работать на себя и на друзей своих не заставляли». Запрещалось также отпускать домой без разрешения из полков ратных людей, тем более за взятки (этой рекомендации в статье А.Х. Востокова нет, возможно, она просто пропущена автором). В четвертых, взятых пленных полагалось немедленно допрашивать, после чего возвращать тому, кто их захватил с правом держать у себя или продавать русским и служилым иноземцам. Если пленник мог себя выкупить, «окуп» также полагался тому, кто его захватил, если пленника меняли на русского человека, то его хозяин получал с него выкупную сумму (эта рекомендация почему-то есть только в тайном наказе).

Большое значение придавалось поддержанию боевого духа русских войск в ходе полевых сражений и осад крепостей, в котором ведущую роль должно было сыграть духовенство во главе с протопопом Рождественского кремлевского собора Захарием и сопровождавшим его причтом. Перед генеральным сражением следовало провести молебен для войска: «петь молебное пение с прошением о победе», в ходе битвы возить по полкам животворящий крест, воодушевляя ратных людей сражаться «за святые Божие церкви и за них, великих государей, и за все Московское государство против врагов креста Христова» (в тайном наказе эта тема изложена более развернуто; сражаться полагалось в том числе и за «избавление единокупельной братии своей, православных христиан»). В случае победы требовалось «петь благодарствие по чиновной книге»¹²⁴.

Дипломатическая часть тайного наказа касательно переговоров с Крымом¹²⁵ уже освещалась выше. В официальном наказе боярам и воеводам предписывалось в случае получения сведений о направлении послов в Москву из Крыма и Турции не пропускать их в столицу, но «чинить договоры» с ними «по тайным статьям», посланным с Шакловитым, информируя об этом великих государей. Никаких условий заключения соглашения с Крымом, обнародованных в тайных статьях, здесь не сохранилось¹²⁶ — и это, пожалуй, было главным принципиальным различием обоих наказов. А. Востоков также отмечает, что Голицын получал право непосредственно сноситься с союзником — польским королем¹²⁷. В официальном наказе главнокомандующий, бояре и воеводы получали право переписки с коронными и литовскими гетманами, а также с сенаторами Речи Посполитой¹²⁸.

¹²⁴ Востоков А. К истории... С. 268–272; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 223–262 об.

¹²⁵ Востоков А. К истории... С. 271.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 258–258 об.

¹²⁷ Востоков А. К истории... С. 271.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 258 об. — 259 об.

В целом несомненно, что сам отпуск воеводы Большого полка без наказа был неслыханным прецедентом, и поэтому правительство Софьи после некоторых колебаний предоставило Голицыну не только «тайные статьи», но и официальный наказ. Оба документа давали главнокомандующему обширные военные и политические полномочия, однако выделить в них особенное и общее с другими подобными документами (особенно в военной части) сложно без сравнительного изучения в контексте других подобных источников. Можно, однако, сравнить тайные статьи 1687 г. и, например, статьи от 8 апреля 1678 г., направленные главнокомандующему русской армией на юге Г.Г. Ромодановскому и гетману Ивану Самойловичу касательно ведения военных действий или постановления царя и Боярской думы от 12 апреля 1678 г. о полномочиях Г.Г. Ромодановскому для переговоров с Турцией. Следует отметить, что оба последних документа по сравнению с тайными статьями Голицыну были приняты при участии не только царя, но и патриарха, и широкого круга думных чинов, скреплены боярским приговором. Несмотря на полномочия действовать в зависимости от ситуации, и в первом, и во втором случаях правительственные инструкции все же гораздо более конкретно очерчивали те условия, в которых гетман и боярин могли вести военные действия (укреплять Чигирин, снабжать его продовольствием и др.), на которых Ромодановский (с ведома Самойловича) мог договариваться с турецкой стороной; содержали возможные варианты переговоров и предлагали примерные аргументы русской стороны, подчеркивали необходимость информировать о ходе дипломатических контактов посольских дьяков¹²⁹. В сравнении с этими инструкциями политические полномочия Голицына были чрезвычайно широкими, по сути, подменяя собой власть царей и Боярской думы. Более того, в случае «тайных статей» Шакловитого их делегирование, судя по всему, произошло совершенно непублично, без официального правительственного утверждения. Наказ, посланный с Щербатовым, должен был частично исправить это положение (хотя утверждался ли он царями и думой, также не ясно). Однако что касается военных функций Голицына, то здесь суждение А.Х. Востокова, относящего к «чрезвычайно широким полномочиям» главнокомандующего среди прочего «право суда и расправы в войске»¹³⁰, представляется излишне преувеличенным. Скорее думается, что конкретные военные рекомендации и традиционные военно-гражданские компетенции воеводы Большого полка должны были «прикрыть» в тайных статьях именно фактически неконтролируемые возможности Голицына принимать важные политические решения без оглядки на Москву.

Подготовка выступления

Выехав из Москвы в конце февраля, в начале марта Голицын проехал Тулу, в 15 верстах от которой, в Ясной Поляне, главнокомандующему «явились» запорожские казаки, которые везли отписку Косагова и грамоту царям от крымского хана. «Оберегатель» отправил запорожцев в Москву со своим сыном Алексеем, провожавшим отца¹³¹.

16 марта на пути к месту сосредоточения войск, в Белополье (сотенный город Сумского полка), Голицын встретился с гетманом Иваном Самойловичем для об-

¹²⁹ Яфарова М.Р. Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 224–229; ПСЗ. Т. 2. С. 155–162.

¹³⁰ Востоков А. К истории... С. 272.

¹³¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 30.

суждения будущего похода. Выступать было решено в день св. Георгия, 23 апреля, поскольку стало очевидно, что ранее войска собраться в «указные» места не смогут, а фураж для лошадей не будет доставлен. Соединиться русская армия с гетманскими отрядами должна была за Ворсклой, не доходя р. Орели. Кроме того, было решено направить подкрепление в Каменный Затон к Косагову, чтобы устрашить «неприятеля» и «привести его к замешанию и войск ево разделению»; выслать гонцов на Дон с призывом к донским казакам атаковать крымские владения, а к калмыкам — с указом соединиться с русскими войсками для похода на Крым, наконец, к коронным и литовским гетманам, а также к молдавскому и валашскому господарям — с призывом активизировать борьбу против турок и татар. Для снабжения войска провиантом гетман также должен был разослать универсалы по Украине, приглашая купцов везти продовольствие в распоряжение русских войск.

Однако самым важным решением было постановление Голицына и Самойловича отправить посланника к крымскому хану с обвинениями в нарушении мира путем набегов и захвата людей на российском пограничье (в том числе 2 тыс. человек в Полтавском полку) и одновременно с предложением «наградить те помянутые убытки», заключив за себя и за османского султана мир с царем и польским королем. Хану следовало предложить прислать послов прямо в русский лагерь¹³².

2 апреля последовало распоряжение Голицына, адресованное харьковскому слободскому полковнику Г. Донцу о выделении в распоряжение Большого полка десятерых проводников («вожей»), которые знают маршруты до Перекопа, на которых есть «лес и вода на многих ратных людей и конские кормы и чтоб там и переправ великих не было и от Днепра б (путь. — *Авт.*) был не в далеких местех»¹³³.

Упомянутые выше письма донским казакам были направлены Голицыным 11 апреля с «нарочным посыльщиком» Алексеем Дуровым. Тогда же в полк к Косагову было отправлено обещанное подкрепление — 1 тыс. казаков Харьковского полка с «полными запасы», с указанием «чинить промысл» над неприятелем¹³⁴. Дуров прибыл на Дон 30 апреля, предъявив свои послания в войсковом кругу. Казаки во главе с атаманами Фролом Минаевым и Семеном Лаврентьевым охотно откликнулись на призыв, заявив что «в скорых числах» снарядят отряды на судах для набега на османские владения на Дону и отправят конное войско в Большой полк к Голицыну, как только придут калмыцкие отряды¹³⁵. Аюке царская грамота была направлена еще раньше из Москвы с находившимся там станичным атаманом Яицкого войска Андреем Головачем. Ее отвез уже упоминавшийся Жегула, которому тайша, отправивший к тому времени помощь крымцам (см. об этом выше), заявил, что намеревался послать на службу царям «своих калмык тысячу, а пошлет ли или нет, того подлинно не ведомо»¹³⁶. В итоге Аюка в текущем году саботировал оказание помощи России, не отправив на царскую службу даже символический тысячный отряд¹³⁷.

¹³²РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 38–45; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 388–389.

¹³³Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 57.

¹³⁴Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 63–64. Указ Г. Донцу о высылке 1 тыс. казаков «с полными запасы» содержится и в направленной ему памяти от 28 марта (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 55), еще раз подтвержденной указом Голицына от 2 апреля (Там же. Л. 56).

¹³⁵РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 85–87.

¹³⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1087. Л. 16–18.

¹³⁷Тепкеев В. Т. Джунгары на юге России в конце XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1 (23). С. 15.

29 марта, уже после отъезда В.В. Голицына из Москвы, появился указ об учреждении сотен с должностями поручиков, ротмистров и хорунжих и росписи по ним московских чинов. Этим же указом в Большом полку назначались посылочные воеводы (стольники князь И.М. Кольцов-Мосальский, князь Б.Е. Мышецкий, В.М. Дмитриев-Мамонов) и воевода у знамени (стольник князь П.Л. Львов). В.В. Голицын, получив указ и списки начальных ротных должностей, объявил о нем московским чинам и городовым дворянам в Разрядном шатре Большого полка 8 апреля, велел расписать их всех по ротам, а городовым — еще и выбрать из своей среды ротмистров, поручиков и хорунжих¹³⁸. Этот указ, данный в том числе по инициативе главнокомандующего, доставил ему немало хлопот. Часть московской знати восприняла его в штыки, некоторые отказались принимать ротные списки и осуждали принятое решение. Лишь высланные из Москвы по просьбе Голицына грозные указы успокоили недовольных¹³⁹.

В.В. Голицын писал сыну о своем прибытии в Ахтырку «в добром здравии» 22 марта¹⁴⁰. Вместе с ним на место сбора прибыли Л.Р. Неплюев, Е.И. Украинцев, П. Оловянников, М. Воинов и товарищ воеводы Рязанского разряда окольный П.Д. Скуратов. Отсюда главнокомандующий написал Долгорукову и Шеину, интересуясь, как у них обстоят дела со сбором войск¹⁴¹. В.Д. Долгоруков с товарищами прибыл в Хотмыжск 23 марта (по другим данным, днем позже). К этому времени в его разрядном полку в наличии было 6895 человек, то есть меньше половины от назначенных по наряду. Шеин прибыл в Сумы 27 марта¹⁴².

12 апреля из Москвы «для высылки ратных людей в полки» были посланы стольники Борис Гаврилович Леонтьев — в города по Тульской дороге (Серпухов — Тула — Орел — Мценск — Ахтырка), его брат Иона — в города по Калужской дороге (Калуга — Лихвин — Белев — Болхов — Карачев — Севск — Рыльск). Им велено было всячески подгонять тех, кто идет медленно на государеву службу и «в дороге на станех и в городех на посадах, и в слободах, и в уездех в селех, и в деревнях стоят многие дни и недели», да к тому же еще «побивают и грабят» местных жителей, насильно забирая у них «всякие их пожитки и съесные харчи и конские кормы». Стольники должны были объявлять с «великим подкреплением», что царским указом «велено итить на крымские улусы кончае апреля з 23-го числа». Ослушникам грозили лишением поместий, а также «быть в торговой казни безо всякого милосердия и пощады». Допускалась и насильственная высылка ратных людей в полки, для чего стольникам следовало брать стрельцов и пушкарей ближайших городов (их воеводам отправлены грамоты чинить царским уполномоченным всяческое содействие)¹⁴³.

Состав и численность русской армии в первом походе

В основной поход должна была выступить огромная по тем временам армия в составе пяти разрядных полков: Большого, Новгородского, Рязанского, Севского, Низового. Севский и Низовой были также подчинены Голицыну, поэтому основ-

¹³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Кн. 131. Л. 314, 312–338 об., 365–366 об., 682–710.

¹³⁹ Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 годах. СПб., 2017. С. 143–144.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 30.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 289–290 об.

¹⁴² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 702. Л. 721 об. — 722 об., 746–749.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 305–311 об.

ных оперативных соединений было три: Большой полк, Новгородский и Рязанский разряды (это со всей ясностью следует и из текущих документов Разрядного приказа). Н.Г. Устрялов наряд на первый поход был неизвестен, историк оценивал численность русской армии в 100 тыс. человек, опираясь на известную ему численность войска во втором походе (что в целом логично) и ограничившись публикацией перечневой росписи Большого полка на 15 апреля (29833 человека)¹⁴⁴. Заслуга обнаружения общих данных наряда на первый Крымский поход принадлежит, по всей вероятности, крупному исследователю русского военного дела XVII в. А.В. Чернову, опубликовавшему основные параметры численности армии по категориям служилых людей и оценивавшего ее в 112902 тыс. человек¹⁴⁵. Спустя более чем полвека эти данные еще раз обнародовали И.В. Ширяков¹⁴⁶ и В.С. Великанов, причем последний дал раскладку уже по типам ратных людей, указав общую численность стрелецких, солдатских, конных полков «нового строя»¹⁴⁷. В другой статье Великанов повторил эти данные, добавив к ним роспись Севского полка¹⁴⁸. Полная роспись русского войска в первом походе, таким образом, ранее не публиковалась и не анализировалась. Особенно важно, что в литературе нет данных о численности трех главных соединений: Большого полка, Новгородского и Рязанского разрядов. Учитывая, что данные по составу и численности русской армии имеют большое значение не только для истории Крымских походов, но и вообще для истории русского военного дела раннего Нового времени, ниже данные наряда на первый поход приводятся полностью. Помимо текста в книге Московского стола № 75, обнаруженного А.В. Черновым и использованного В.С. Великановым, существует еще один список — в разрядной книге первого похода (№ 131). Оба этих списка в целом идентичны, хотя сличение их позволило устранить несколько мелких ошибок. Данные по разрядным полкам приводятся ниже в соответствующих таблицах в том порядке, как это дано в наряде.

Таблица 2.2. Наряд для Большого полка¹⁴⁹

Московские чины	Стольники	1105
	Стряпчие	730
	Дворяне	1036
	Жильцы	1055
	Всего	4376 (в реальности 3926) ¹⁵⁰

¹⁴⁴ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 196, 304–306.

¹⁴⁵ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 195–196.

¹⁴⁶ Ширяков И.В. Пожалования «золотыми» за Крымские походы // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XIX. Труды ГИМ. М., 2012. С. 171.

¹⁴⁷ Великанов В.С. Детали похода армии В.В. Голицына в 1687 г. // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2016. С. 32.

¹⁴⁸ Великанов В.С. Днепровский поход... С. 39.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 75. Л. 70–82; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 51–61 об.

¹⁵⁰ Неточность (разница в 450 человек) присутствует в обоих списках наряда.

Новокрещены и иноземцы-кормовщики, которые из Разряда высланы в Иноземский приказ	Стольники	18
	Стряпчие	7
	Дворяне	35
	Жильцы	36
	Мурзы	3
	Романовские мурзы и татары	31
	Ярославские мурзы-новокрещены и татары	256
Всего	386	
Полк смоленской шляхты генерал-майора В.И. Швейковского	Смоленская шляхта	446
	Бельская шляхта («что велено писаться смоленской»)	120
	Рославльская шляхта	77
	Дети смоленской шляхты, написанные в стольники, стряпчие и в жилецкие списки	84
	Смоляне	11
	Кормовые иноземцы	4
	Всего	742
Городовые дворяне и дети боярские	Замосковные города	228 (Владимир: 35; Суздаль: 37; Муром: 19; Юрьев-Польский: 2; Нижний Новгород: 47; Романов: 78; Лух: 10)
	Украинные города	61 (Тула: 23; Соловский уезд: 28; Кашира: 3; Алексин: 2; Одоев: 5)
	Заоцкие города	10 (Лихвин: 1; Мещовск: 3; Козельск: 1; Серпейск: 5)
	Белгородский полк	406 (Курск: 112; Мценск: 14; Белгород: 130; Ельня: 3; Хотмыжск: 1; Салтов: 3; Козлов: 3; Воронеж: 46; Новосиль: 2; Обоянь: 59; Ливны: 19; Лебедянь: 14)
	Всего	705
Копейщики	Полк полковника Мартина Болмана начальные люди рядовые (Москва, Владимир и др.)	47 1446
	Полк полковника Тобиаса Колбрехта начальные люди рядовые (Мценск и др.)	43 1483
	Всего	3021

Рейтары	Полк генерала Ивана Лукина начальные люд рядовые (Владимир, Москва и др.)	45 1259
	Полк полковника Петра Рыдара начальные люди рядовые (Тула и др.)	35 877
	Полк полковника Андрея Гулица начальные люди рядовые (Ярославль и др.)	36 987
	Полк полковника Николая Фанвердина начальные люди рядовые (Можайск и др.)	32 1041
	Полк полковника Богдана Корсака начальные люди рядовые (Смоленск и др.)	37 785
	Полк полковника Данилы Пулста начальные люди рядовые (Белгород и др.)	36 1028
	Полк полковника Ягана Фанфеник-бира (Фанфеника) начальные люди рядовые (Ливны и др.)	32 875
	Полк полковника Ицыхеля Булирта (Буларта) начальные люди рядовые (Мценск и др.)	32 764
	Всего	7909 (8 полковников; 285 начальных людей; 7616 рейтар)
Слободские казаки	Сумский полк Герасима и Андрея Кондратьевых	6 000
	Ахтырский полк Ивана Перекрестова	4 000
	Харьковский полк Григория и Константина Донцов	4 000
	Всего	14 005
	Всего конницы	31 144 ¹⁵¹
Московские выборные полки	Полк думного генерала А.А. Шепелева ¹⁵² полковники	5 (Иван Захаров, Никита Борисов, Иван Кишкин, Алексей Битяговский, Алексей Чаплин)
	начальные люди рядовые	172 6716

¹⁵¹ Так указано в сводной ведомости. В реальности по отображенным числам общее количество конницы — 30694 человека (разница возникла из-за ошибки в численности московских чинов).

¹⁵² В подсчете не учтен.

	Полк генерал-поручика П. Гордона полковники начальные люди рядовые	2 (Алексей Бюст, Кондратий Кром) 115 3379
	Всего	10 390 (1 генерал-поручик, 7 полковников, 287 начальных людей, 1095 рядовых)
Стрельцы	Полк полковника Ивана Цыклера капитаны стрельцы	10 1000
	Полк полковника Бориса Щербачева капитаны стрельцы	7 709
	Полк полковника Бориса Головнина капитаны стрельцы	8 803
	Полк полковника Семена Резанова капитаны стрельцы	9 912
	Полк полковника Сергея Сергеева капитаны стрельцы	8 842
	Белгородский жилой полк московских стрельцов полковника Данилы Юдина капитаны стрельцы	8 787
	Всего	5114 (6 полковников, 5 подполковников ¹⁵³ , 50 капитанов, 5053 стрельца)
Солдаты	Полк генерал-майора графа Давида Вильгельма фон Граама (Давыда Вилгеймона), барона мор- финского 1-й полк: начальные люди рядовые (Белгород и др.)	40 1528
	2-й полк: начальные люди рядовые (Яблонов и др.)	28 1011
	Полк полковника Михаила Вестова начальные люди рядовые (Курск и др.)	32 1763
	Полк полковника Юрия Фамендина начальные люди рядовые (Ефремов, Землянск)	28 1489

¹⁵³ В росписях по полкам не указаны.

Полк полковника Елизария Кро начальные люди рядовые (Ливны)	31 1592
Полк полковника Михаила Горезина начальные люди рядовые (Добрый)	31 1309
Полк полковника Петра Эрланта начальные люди рядовые (Мценск и др.)	28 1205
Полк полковника Александра Ливен- стона начальные люди рядовые (Ельня и др.)	29 1245
Полк полковника Гаврилы Фантор- нера начальные люди рядовые (Усмань и др.)	29 1129
Солдаты, не расписанные по полкам	467 (Валуйки: 162; Чугуев: 174; Салтов: 62; Харьков: 69)
Всего	13 023 (1 генерал-майор; 8 пол- ковников; 276 начальных людей; 12 438 солдат)
Всего пехоты	28 527 человек
Всего войск	59 671 человек (в реальности 59 221 ¹⁵⁴)

Таблица 2.3. Наряд для Севского разряда¹⁵⁵

Московские чины	Стольник	1
	Дворяне	16
	Жилец	1
	Всего	18
Дворяне и дети боярские пол- ковой службы	Брянск	112
	Белев	88
	Болхов	90
	Карачев	99

¹⁵⁴ Разница возникает из-за расхождений в численности московских чинов (450 человек).

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 75. 82–84 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 62–64 об.

	Орел	80
	Стародуб	92
	Почеп	37
	Рославль	31
	Трубчевск	67
	Новгород-Северский	109
	Рыльск	108
	Чернигов	41
	Путивль	128
	Каменный	15
	Всего	1097
Полки копейного и рейтарского строя	Полк генерал-майора Андрея Цея начальные люди рядовые (Брянск и др.)	34 1113
	Полк полковника Томаса Юнгора начальные люди рядовые (Белев и др.)	32 1426
	Всего	2607 (1 генерал-майор, 1 полковник, 66 начальных людей, 2539 ¹⁵⁶ рядовых)
Солдаты	Полк полковника Тимофея Фандервидена начальные люди рядовые (Брянск и др.)	29 1191
	Полк полковника Франца Фангольстена начальные люди рядовые (Белев и др.)	29 1753
	Полк полковника Юрия Шкота начальные люди рядовые (Путивль, Недрыгайлов и др.; донские казаки)	29 1057
	Всего	4091 (3 полковника, 87 начальных людей, 4001 солдат)
Итого		7808 (в реальности 7813) ¹⁵⁷

¹⁵⁶ В книге № 75 ошибка: 2532. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 75. Л. 83 об.

¹⁵⁷ В действительности численность составляет 7813 человек из-за разницы в численности конницы (в наряде — 3717 человек; в действительности — 3722 человека).

Таблица 2.4. Наряд для Низового полка¹⁵⁸

Служилые города	Категории служилых людей	Численность
Астрахань	Дети боярские	18
	Ногайские мурзы и табунные головы	50
	Конные стрельцы	500
	Всего	568
Терки	Дети боярские	14
	Новокрещены	61
	Окочены	75
	Уздени	80
	Гребенские казаки	200
	Всего	430
Царицын	Дети боярские	5
Саратов	Дети боярские	9
	Иноземцы	10
	Конные стрельцы	100
	Всего	119
Самара	Дети боярские	20
	Иноземцы	50
	Конные стрельцы	50
	Яицкие казаки	300
	Всего	420
Уфа	Дворяне, дети боярские, стрелецкие сотники	60
	Иноземцы	30
	Новокрещены	15
	Конные стрельцы	100
	Конные казаки	100
	Всего	305
Итого		1847

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 75. Л. 85–86 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 65–66 об.

Таблица 2.5. Наряд для Новгородского разряда¹⁵⁹

Московские чины	Стольники	45
	Стряпчие	10
	Дворяне	54
	Жильцы	32
	Всего	141
Дворяне и дети боярские полковой службы	Новгород	464
	Псков, Пусторжев, Невель («служат со псковичи»)	116
	Ржев	175
	Зубцов	65
	Торопец	59
	Великие Луки, Пусторжев и Невель («служат с лучаны»)	49
	Тверь	8
	Новый Торг (Торжок)	28
	Старица	7
	Новокрещены и кормовые черкасы Новгорода	138
	Всего	1109
Гусары	Полк полковника Михаила Челищева начальные люди рядовые (Новгород, Псков и др.)	14 465
Копейщики	Полк полковника Ивана Лопухина начальные люди рядовые (Новгород, Псков и др.)	14 499
	Всего в гусарском и копейном полках	994 (2 полковника, 28 начальных людей, 964 гусара и копейщика)
Рейтары	Полк генерал-поручика Афанасия Траурнихта начальные люди рядовые (Новгород)	38 1300
	Полк полковника Михаила Зыкова начальные люди рядовые (Новгород, Псков и др.)	32 1145

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 75. Л. 87–92 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 67–72 об.

	Полк полковника Карлуса (Карла) Ригимана (Ригимона) начальные люди рядовые (Зубцов и др.)	30 945
	Полк полковника Данилы Цея начальные люди рядовые (Кострома и Галич)	31 700
	Полк полковника Ивана Вуда начальные люди рядовые (Галичане и др.)	32 668
	Полк полковника Ивана Барова начальные люди рядовые (Обоянь и др.)	32 850
	Всего	5809 (1 генерал-поручик, 5 полковников, 195 начальных людей, 5608 рейтар)
	Всего конницы	8053
Стрельцы	Полк полковника Родиона Остафьева капитаны ¹⁶⁰ стрельцы	7 750
	Полк полковника Ильи Дурова капитаны стрельцы	9 909
	Всего	1679 (2 полковника, 2 подполковника, 16 капитанов, 1659 стрельцов)
Солдаты	Полк полковника Владислава Сербина начальные люди рядовые (солдаты из Новгорода, олонечкие и новгородские стрельцы)	26 1082
	Полк полковника Якова Ловзина начальные люди рядовые (Псков и др.)	28 1019
	Полк полковника Артемия Росформа начальные люди рядовые (Торопец и др.)	26 1601
	Полк полковника Николая Фливерка начальные люди рядовые (Владимир и др.) смоленские стрельцы четырех полков	30 1669 921
	Полк полковника Варфоломея Ронорта начальные люди рядовые (Кострома и др.)	25 1595

¹⁶⁰ В обоих стрелецких полках указано «подполковники и капитаны», но первые на самом деле, судя по всему, не подсчитаны.

	Два полка смоленских солдат полковника Павла Менезия (Мезениуса) начальные люди рядовые	30 1505
	Всего в солдатских полках	9023 (в реальности 9563 ¹⁶¹)
	Всего пехоты	10 702 (в реальности 11 242)
Итого		18 755 (в реальности 19 295)

Таблица 2.6. Наряд для Рязанского разряда¹⁶²

Московские чины	Стольники	9
	Стряпчие	15
	Дворяне	18
	Жильцы	26
	Всего	68 ¹⁶³
Дворяне и дети боярские полковой службы	Рязань	83
	Мещера	27
	Коломна	9
	Рязск	24
	Казанцы, иноземцы старого и нового выезда, новокрещены	500
	Всего	681
Рейтары	Полк полковника Ягана Фанговена начальные люди рядовые (4 стана Рязани; Шацк, Мещера)	34 1091
	Полк полковника князя Никифора Мещерского начальные люди рядовые (Каменский стан Рязани)	29 1106
	Полк полковника Федора Коха начальные люди рядовые (3 стана Рязани, Рязск, Михайлов)	29 806
	Полк полковника Христофора Ригимана (Ригимона) начальные люди рядовые (Ефремов, Козлов)	28 964

¹⁶¹ По росписи: 6 полковников, 165 начальных людей, 8852 солдата. Ошибка в подсчете числа солдат, которое по ведомостям составляет 9392 человека. Разница составляет 540 солдат. В дальнейшем она влияет на все общие суммы ведомости.

¹⁶² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 75. Л. 93–98; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. 73–77.

¹⁶³ В книге № 75 ошибочно указано 69 человек. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 75. Л. 93.

	Полк полковника Ивана Кулика Дорогомира начальные люди рядовые (Нижний Новгород и др.)	32 704
	Всего	4828 (5 полковников, 152 начальных человека, 4671 рей- тар)
	Всего конницы	5577
Стрельцы	Полк полковника Сергея Головцына капитаны ¹⁶⁴ стрельцы	9 967
	Полк полковника Василия Боркова капитаны стрельцы	7 710
	Всего	1697 (2 полковни- ка, 2 подполковни- ка, 16 капитанов, 1677 стрельцов)
Солдаты	Полк полковника Василия Кунингама начальные люди рядовые (Рязань и др.)	31 1995
	Полк полковника Ивана Францбекова начальные люди рядовые (Тула и др.)	29 1148
	Полк полковника Ивана Девсона начальные люди рядовые	29 1038
	Полк полковника Николая Балка начальные люди рядовые (Рязск, с. Поплевино)	29 1629
	Полк полковника Мартина Болдвина начальные люди рядовые (Козлов и др.)	29 1696
	Полк полковника Петра Бансыря начальные люди рядовые (Касимов и др.)	28 1361
	Всего	9048 (6 полковников, 175 начальных людей, 8867 солдат)
Итого		16 322

¹⁶⁴В обоих стрелецких полках указано «подполковники и капитаны», но первые на самом деле, судя по всему, не подсчитаны.

Всего в главной армии по наряду должно было быть 104 403 человека, более 50 тыс. конницы и около 54 тыс. пехоты¹⁶⁵, а с учетом погрешностей даже больше — 104 498 человек. Поскольку мы не знаем, где были допущены ошибки — в конкретных или обобщающих цифрах, оба варианта численности как всей армии, так и Большого полка, Севского и Новгородского разрядов (при подсчете их численности обнаружены погрешности) можно считать релевантными, тем более что количественная разница во всех случаях небольшая.

Отдельно от войск для главной армии в наряд были включены находившиеся при гетмане И. Самойловиче два стрелецких полка полковников Петра Борисова (10 капитанов, 1 тыс. стрельцов) и Андрея Нармацкого (10 капитанов, 1 тыс. стрельцов)¹⁶⁶, а также корпус Г.И. Косагова в Запорожье, численность которого была посчитана, судя по всему, по нарядам 1686 г. в количестве 6085¹⁶⁷. Сложение этих сил с численностью основной армии дает цифру, близкую к той, которая приведена А.В. Черновым (см. выше). К этой армии должны были присоединиться казаки Войска Запорожского, численность которых традиционно оценивается в 50 тыс. человек¹⁶⁸. Хотя точных данных о количестве гетманских войск в источниках выявить не удалось.

Ядро армии составлял Большой полк, куда было включено более половины войска, а с учетом подчиненных Голицыну Севского разряда и Низового полка — почти две трети всей армии. Под непосредственной властью главнокомандующего оказалось 2 московских выборных полка — элитных частей русской армии, 9 солдатских полков, 8 рейтарских и 6 стрелецких; еще 3 солдатских полка и 2 полка копейного и рейтарского строя было в Севском разряде. Низовой полк даже по наряду имел самую малую численность, не имея в своем составе полков нового строя и комплектуясь служилыми людьми поволжских городов.

По наблюдениям В.С. Великанова, в Большой полк влилась основная часть формирования Белгородского разряда, который как отдельный разрядный полк в походе не участвовал¹⁶⁹. Это касалось и слободских казаков. По спискам 7195 г. в Белгородском полку насчитывалось четыре полка «черкас» полковой службы: Сумский полк — 8008 человек, Ахтырский — 5096 человек, Харьковский — 7557 человек, Острогжский — 2295 человек; всего 22 956 человек.¹⁷⁰ Как видно, казаки этих полков участвовали в Крымском походе отнюдь не в полном составе, часть из них была включена в резервную армию прикрытия, которая должна была расположиться на южных границах (см. об этом далее). Наряд по слободским казакам для Большого полка был прислан в Разряд из Иноземского приказа еще 26 ноября 1686 г., а 2 февраля 1687 г. из Разряда направили соответствующие грамоты полковникам трех самых крупных полков — Андрею Кондратьеву (Сумский полк), Ивану Перекрестову (Ахтырский полк) и Григорию Донцу (Харьковский полк). Они должны были вы-

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 75. Л. 98; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 77 об.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 78; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 75. Л. 99.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 80–81 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 75. Л. 100–101 об. Сравнение общей цифры с суммой конкретных дает небольшое расхождение (меньше 10 человек).

¹⁶⁸ См., например: *Устрялов Н.Г.* История... Т. 1. С. 197; *Яворницкий Д.И.* История... Т. 3. С. 21. Эти оценки восприняли и позднейшие исследователи.

¹⁶⁹ *Великанов В.С.* Организация и численность Белгородского разрядного полка в Крымских походах 1687–1689 гг. // *Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты.* 2020. Вып. 5. С. 28–29.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 82.

брать «самых лутчих и знатных и пожиточных и конных и оружных людей». Слободские полки должны были быть «во всякой готовности» к «приходу бояр... и воевод» в пункты сосредоточения войск¹⁷¹.

Следующим по значимости и мощи был Новгородский разряд А.С. Шеина, включавший один гусарский, один копейный, шесть рейтарских, два стрелецких и семь солдатских полков. Несколько меньше формирований вошло в Рязанский разряд: пять рейтарских, два стрелецких и шесть солдатских полков.

16 мая В.В. Голицын провел общий смотр собравшегося войска, отправив в Москву перечневую роспись ратных людей. Всего под командой главного воеводы насчитывалось: московских чинов — 3389 человек; кормовщиков московского чина (иноземцы, романовские и ярославские мурзы и татары, новокрещены) — 353 человека; в полку смоленской шляхты В. Швейковского — 638 человек; смоленских, дорогобужских, бельских и рославльских грунтовых рейтар — 152 человека; смоленских и вяземских копейщиков и рейтар, включая начальных людей — 663 человека. В двух копейных полках (московском и белгородском) было 3032 человека; в трех московских рейтарских полках — 3169 человек; в первом выборном полку А.А. Шепелева — 8437 человек; во втором полку П. Гордона — 3504 человека; в трех солдатских белгородских полках — 6135 человек; в пяти стрелецких полках — 4077 человек; в Сумском полку — 4528 человек. Всего в основной части *Большого полка* оказалось 15926 человек конницы и 22153 пехоты. Итого 38079 человек¹⁷². Отдельно в составе *Большого полка* были сформированы полки князя К.О. Щербатова и В.А. Змеева. Под командой К.О. Щербатова числилось 112 человек московских чинов, 313 человек городских дворян и детей боярских, 1950 человек в двух рейтарских полках, 2667 человек в солдатских полках, 709 человек в московском стрелецком полку. Всего 5751 человек (2375 человек конницы, 3376 человек пехоты). Более многочисленным был полк В.А. Змеева, состоявший из служилых людей сотенной службы городов Белгородского полка (54 завоеводчика, 28 есаулов, 226 сотенных людей; всего 308 человек); двух рейтарских полков (1761 человек); трех солдатских полков (4407 человек); харьковского слободского полка (4569 человек). Общая численность полка Змеева составляла 11045 человек (6638 человек конницы, 4407 человек пехоты).

В полку И. Леонтьева состояло всего 1211 человек¹⁷³, в *Севском полку* — 8207 человек¹⁷⁴ (3809 человек конницы, 4398 человек пехоты), включая 11 человек московских чинов и 975 человек городских дворян и детей боярских. В копейных, солдатских и рейтарских полках Севского разряда насчитывалось: начальных людей — 153 человека, копейщиков — 382 человека, рейтар в двух полках — 2288 человек; в пяти солдатских полках — 3971 человек, у большого наряда — 422 человека «севских и иных городов казаков и пушкарей и кузнецов».

В *Новгородском разряде* насчитывалось: 163 человека московских чинов и 939 человек городских чинов («новгородцов всех пятин и пскович и пусторжевцов и невлян, ржевич, зубчан, торопчан, лучан, пусторжевцов, старшичан полковые службы») — всего 1102 человека; 321 человек начальных людей у гусар, копейщиков, рейтар, солдат и 257 гусар, 378 копейщиков, 4824 рейтар — итого 5780 чело-

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 82–85 об.

¹⁷² Сумма всех цифровых значений на две единицы меньше — 38 077.

¹⁷³ Дворян и детей боярских — 123, ротмистр — 1, иноземцев — 81, новокрещенов — 27, сотников — 6, прапорщиков — 1, конных стрельцов — 731, казаков — 199, юртовских мурз, табунных голов и сотников татарских — 42 человека.

¹⁷⁴ Сумма всех цифровых значений дает 8202 человека.

век; в шести солдатских полках насчитывалось 4426 человек, в четырех московских стрелецких полках — 2315 человек. Всего в Новгородском разряде было 13 623 человека (6882 человека конницы, 6741 — пехоты).

Рязанский разряд был укомплектован в составе: 81 человек московских чинов (9 стольников, 20 стряпчих, 24 дворянина, 28 жильцов); городских дворян и детей боярских — 177 человек; казанцев, иноземцев старого и нового выездов — 172 человека; новокрещенов — 131 человек; рязанцев — 96 человек; мещерян — 15 человек; коломничей — 7 человек; ряшен — 20 человек; в пяти рейтарских полках насчитывалось 5288 человек, в шести солдатских полках — 5497 человек, в двух московских стрелецких полках — 1638 человек. Всего под командой князя В.Д. Долгорукова было 13 122 человека (5987 человек конницы, 7135 — пехоты).

Вся выступившая в поход главная армия насчитывала 91 038 человек (42 828 человек конницы, 48 210 — пехоты)¹⁷⁵. Таким образом, несмотря на поздние объявления сроков сбора, неоднократные жалобы правительства и военачальников на медленный сбор ратных людей, их явка на службу оказалась в итоге весьма высокой и составила почти 90%! Все это свидетельствовало об эффективности московской военной машины, сумевшей мобилизовать столь значительные силы за весьма короткий период. Важным фактором, однако, было то, что сделать это удалось почти на два месяца позже запланированного. На юге наступал летний зной, и это должно было значительно осложнить действия столь крупной армии, выступавшей на Крым.

Первый Крымский поход¹⁷⁶

23 апреля, в день св. Георгия (эта дата официально считалась днем начала похода) Голицын отпустил из Ахтырки «полку своего генералов, полковников с... конными и пешими людьми» в обоз на речку Мошенку. В следующие два дня он отправил туда «шатровой наряд и пехотные ж московские стрелецкие полки», и, наконец, 27 апреля, «прося у всемогущего Бога помощи, а при том у предстательницы и надежды нашей христианские, у пресвятыя и преславные владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, заступления и взяв непобедимое оружие животворящий крест Христов», двинулся в поход сам с оставшимися ратными людьми, «устроясь обозным ополчением». Одновременно главнокомандующий написал Шеину и Долгорукому, чтобы они шли к нему «в сход... не омедлясь». Соединение войск планировалось у р. Мерло. Гетман Иван Самойлович выступил в поход из Батурина в Гадяч вместе с гетманской артиллерией 23 апреля, как и было уговорено с Голицыным, разослав универсалы о выступлении во все полки. Сбор украинского войска, видимо, состоялся в Гадяче, откуда оно двинулось к Полтаве. Гетман должен был соединиться с основным войском уже за р. Мерло¹⁷⁷.

¹⁷⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 465 об. — 477. Общую цифру итогов смотра впервые привел И.В. Ширяков. См.: Ширяков И.В. Пожалования «золотыми»... С. 171. Еще один список см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1275. Л. 437–453. Этот документ смотрел В.С. Великанов, не знавший о работе И.В. Ширякова.

¹⁷⁶Ср. описание первого похода у Н.Г. Устрялова: Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 194–200, 211–212. На основе дневника П. Гордона путь русской армии в Крым подробно описывает также Д.И. Яворницкий. См.: Яворницкий Д.И. История... Т. 3. С. 22–23.

¹⁷⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 389–390. Отписка В.В. Голицына на царское имя послана 27 апреля с капитаном московских стрельцов В. Сапоговым. Подробное описание начала похода см. у А.Х. Востокова: Востоков А. К истории... С. 273–274. См. также: Літопис Самовидця / видання підготував к.ф.н. Я.І. Дзира. Київ, 1971. С. 143.

Русское войско стояло «обозом на речке Мошонке» до 30 апреля. В этот день Большой полк, «устрояся воинским ополчением», пошел к р. Мерло, намереваясь переправиться через нее и уже на другом берегу соединиться с Шеиным и Долгоруким¹⁷⁸. 30 апреля из Сум выдвинулся Новгородский разряд боярина А.С. Шеина, а из Хотмыжска — Рязанский разряд боярина князя В.Д. Долгорукова¹⁷⁹.

2 мая Голицын ездил за Мерло, чтобы обозреть местность, где предстояло разбить лагерь¹⁸⁰. В этот день произошла трагедия: товарищ В.Д. Долгорукова, П.Д. Скуратов, упав «с лошади, убился, ногу правую в берце переломил пополам и от того лежит конечно болен». Осмотревший его лекарь заявил, что «за тою болезнью вести ево в дорогу никоторыми мерами невозможно». Сообщая об этом в Москву, Голицын добавлял, что назначил вместо него товарищем Долгорукова Ивана Петровича Скуратова, сына упавшего с лошади окольничего¹⁸¹. В Москве, однако, 11 мая указали назначить иного товарища — стольника князя Бориса Ефимовича Мышецкого¹⁸². Уже 17 мая в столице стало известно, что Скуратов умер. Голицыну предписывалось отпустить сына с телом умершего отца в Москву¹⁸³.

Между тем подошедшие к Мерло полки переправлялись через реку. Сам боярин и воевода переправился 5 мая. 8 мая армия выступила на юго-запад «прямоугольным вагенбургом», который только по фронту занимал более километра, а в длину — более двух, в составе которого, по уже упоминавшемуся свидетельству П. Гордона было 20 тыс. подвод. Сам он двигался в авангарде, защищая левое крыло лагеря, а генерал А.А. Шепелев — правое и часть фронта. В середине двигалось пять стрелецких полков. За день войско прошло 6 верст, разбив лагерь недалеко от Рублевки, которая, в свою очередь, располагалась вблизи р. Ворсклы¹⁸⁴.

9 мая Большой полк «против города Рублева» случился с Рязанским и Новгородским разрядами. Выступив 10 мая, войско прошло 8 верст и разбило лагерь в верховьях речушки Свинковка. 13 мая (у Гордона — 12 мая) объединенная армия пришла на Коломак, переправившись через реку «против Полтавы» на следующий день. Здесь, по наблюдению Гордона, войско имело хорошие запасы травы, леса и воды. Далее марш шел в междуречье Коломака и Ворсклы. В своей отписке 14 мая Голицын писал в Москву, что по царскому указу ожидает высланный в полк образ Донской Богоматери (о его отправке см. подробнее в главе 10 с. 441–442). Он жаловался, что это замедляет поход: «того образа ожидаю и для того иду в пути медленно и походу нашему чинитца от того мотчание... — А время нам, холопом вашим, приспело поспешать в предпристой путь». Голицын сетовал, что гетман Самойлович «присылает... безпрестанно, что случатца ему с нами и итит в поход без замедления»¹⁸⁵. 15–18 мая войско вновь простояло на месте, в том числе из-за праздника Св. Троицы¹⁸⁶, а также по причине общего смотра войск, устроенного

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 390 об. — 391.

¹⁷⁹ Востоков А. К истории... С. 275.

¹⁸⁰ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 137.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 447 об. — 448 об.

¹⁸² Там же. Л. 448 об. — 450. Грамота о том же В.Д. Долгорукову: Там же. Л. 450 об. — 451 об.

¹⁸³ Там же. Л. 454 об. — 455.

¹⁸⁴ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 137.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 461–462. По другим данным, Долгорукий пришел в лагерь за Мерло 7 мая: Там же. Л. 452–454.

¹⁸⁶ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 137–139.

16 мая (см. об этом выше). В.В. Голицын в очередной отписке вновь недовольно сообщал о своем стоянии в обозе до 19 мая за Коломаком в ожидании иконы. Он нервничал, что от посланного с Донским образом Жирово-Засекина до сих пор нет вестей¹⁸⁷. «Изволь донести, что в той посылке?» — недовольно восклицал по поводу указанной миссии Голицын в грамотке своему соратнику Ф.Л. Шакловитому в Москву¹⁸⁸. 16 мая Голицын, вновь жалуясь на «мотчание», сообщал, что отправил Л.Р. Неплюева к И. Самойловичу, чтобы разрешить охватившее гетмана «сумнение» из-за задержки марша. Самойлович, располагавшийся с войском в 30 верстах от русского лагеря (в Новых Санжарах), нарекал через своих посланцев, что войску от долгого стояния на одном месте не хватает конских кормов, и интересовался причинами промедления¹⁸⁹. Неплюев, помимо ряда текущих вопросов, должен был подтвердить гетману намерение Голицына послать гонца к хану и вручил список с грамоты, которая будет отправлена в Крым. Самойлович ответил, что напишет от себя к хану, опираясь на его содержание¹⁹⁰.

19 мая армия, пройдя «около 2 черкасских миль»¹⁹¹, разбила лагерь у верховья р. Томлик, «что впадает в Ворсклу в полутора милях¹⁹² ниже Полтавы» (видимо, р. Тагамлык). В этих местах все еще были обильные запасы воды, но уже трудно было достать дерево. 20 мая войска двинулись в путь, перейдя через два истока р. Липянки (приток Орели; впадала в нее недалеко от Нехворощи). Поменяв направление марша, армия двинулась на юг, добравшись до р. Орчик. Здесь на привале уже была выставлена вооруженная охрана: Гордон пишет, что от каждого полка выделили по 100 «мушкетеров» и орудию. Заставы окружали лагерь на расстоянии 300 сажен. Каждый пост был прикрыт рогатками. Движение ускорилося: за 19–20 мая было пройдено более 30 км (4 «черкасских» мили), а за 12–13 мая — 18 верст (около 20 км)¹⁹³.

24 мая армия Голицына пришла к р. Орели. Главнокомандующий сообщал в Москву о намерении переправиться через реку и уже там «ожидать чудотворного пресвятыя Богородицы образа». Он вновь раздраженно подчеркивал, что это ожидание замедляет продвижение войска, в которое царский посланец — князь Жиро-

¹⁸⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 464 об. — 465.

¹⁸⁸Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 1103–1104.

¹⁸⁹РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 131–133, 149.

¹⁹⁰Там же. Л. 147–148.

¹⁹¹Черкасская (казацкая) миля равнялась около 8,5 км.

¹⁹²Если П. Гордон использует милю как единицу измерения без уточнения, то здесь и далее под ней понимается русская миля (ок. 7,5 км).

¹⁹³*Гордон П.* Дневник, 1684–1689. С. 138–139. Далее записи прерываются до 11 июня. В одной из разрядных записей указано, что дяк Василий Степанов, посланный из Курска в Большой полк вместе с В.Ф. Жирово-Засекиным, якобы приехал в лагерь В.В. Голицына возле местечка Царичанка (РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Кн. 61. Л. 623 об.). Это противоречит маршруту, указанному П. Гордоном, согласно которому армия Голицына переправлялась через Орель недалеко от впадения в нее р. Орчик, не дойдя до Нехворощи и повернув на юг. Между тем Царичанка находилась юго-западнее, располагалась на Орели ближе к устью Днепра, и, чтобы дойти до нее, надо было пройти Нехворощу и значительно отдалиться от устья Орчика. Странно к тому же предполагать, чтобы Голицын решил переправляться через Орель там, где она, по идее, должна быть шире и глубже. Суммируя, следует подчеркнуть, что описание П. Гордона вызывает в данном случае больше доверия.

во-Засекин до сих пор не прибыл¹⁹⁴. Вообще в отписках Голицына этого периода сквозит нескрываемое раздражение организованной Софьей акцией в поддержку своего фаворита. Посылка иконы оказалась медвежьей услугой, очевидно замедлявшей марш на Крым, и в своих отписках главнокомандующий ясно давал это понять.

27 мая к лагерю русской армии у р. Орели наконец-то прибыл князь Жирово-Засекин в сопровождении архимандрита Донского монастыря Никона. На следующий день, за полторы версты от ставки главнокомандующего, протопоп Захарий с остальным духовенством встречал присланные реликвии «с животворящими кресты и со святыми иконы». За ним шел В.В. Голицын с товарищами и сходными воеводами, московскими чинами, начальными людьми и рядовыми разных полков, которые встречали Донскую икону и мощи св. Георгия, как писал главнокомандующий, «с великим усердием и радостью, а многие со слезами, моля у Господа Бога и у ней, пресвятой его Богоматере о победе над неприятели креста святого». Приняв икону и мощи, протопоп и священники торжественно, «с молебным пением» препроводили их в полковую церковь, где был отслужен молебен о здравии великих государей и о победе «над враги креста Христова». Во время службы была освящена вода, которой окропили «знамя великих государей», а также полковые и ротные знамена, «всяких чинов ратных людей, так же наряд и всякие полковые припасы». Позднее Жирово-Засекина Голицын отпустил в Москву, а архимандриту Никону с прибывшим духовенством велел быть «при образе»¹⁹⁵. В день приезда Жирово-Засекин объявил ратным людям о царской милости и торжественно вручил В.В. Голицыну, остальным воеводам и их товарищам привезенные мечи, палаши и сабли. К Самойловичу вручать меч и объявлять казакам о царской милости Жирово-Засекин ездил отдельно¹⁹⁶. Однако чувство раздражения миссией Жирово-Засекина не оставило Голицына, несмотря на внешне торжественный прием царского посланца. «А Засекин у нас зело поступал спесиво и хотел делать прихоти, толко я ему мало чего спускал», — писал главнокомандующий Шакловитому¹⁹⁷.

28 мая, как отмечается в описании пути Донской иконы (фактически статейном списке Жирово-Засекина), войско Голицына начало переправу через Орель, переправлялось два дня, 30-го числа пришло на р. Чаплинку (в тот же день состоялась переправа через нее), куда пришел и Самойлович. Голицын поехал к гетману, где «ближняго боярина встретили гетманские дети Григорей и Яков с компаниею за пять верст, а гетман Иван Самойлович з генералною старшиною и с полковники в ратном ополчении за две версты и приятно и любовно меж собою увиделись и переговора, гетман поехал к себе в обоз, а боярин и воевода стал ставитца на стан». В тот же день русские военачальники ужинали у Самойловича «в великом приятстве и между собою в согласии». На этой встрече решено было двинуться к р. Самаре на следующий день. 31 мая обозы «рушились на первом часу дня»¹⁹⁸. За 20 верст до Самары, в районе р. Кильчени, войско начал донимать зной. Сама река полностью пересохла от жары и для добычи воды войску пришлось копать колодцы глубиной в аршин (ок. 70 см). Через Самару армия переправлялась 4–7 июня по 12 наведенным мостам, пропускавшим две телеги в ряд. Пока войска готовились к переправе

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 498–498 об.

¹⁹⁵ Там же. Л. 499–502.

¹⁹⁶ Там же. Л. 503–504 об. Подробнее об этом см. в главе 10, с. 442.

¹⁹⁷ Розыскные дела... Т. 3. Стб. 1105.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 502 об., 517 об.

и переходили реку, русские военачальники и казачья старшина приглашали друг друга на обеды. 3 июня гетман обедал у Голицына. Хозяин и гости пили заздравную чашу за государское здоровье, а в это время в лагере Большого полка дали троекратный залп из полковых орудий. 4 июня бояре и воеводы обедали у ахтырского полковника И. Перекрестова, а 5 июня — у полтавского. Теперь во время осушения «государевой чаши» трижды палили казацкие пушки. 7 июня Самару перешли последние отряды: роты московских чинов во главе с Голицыным¹⁹⁹. Украинские источники несколько нарушают идиллию русско-украинской дружбы, отраженную в русских источниках, использованных А. Востоковым. По сообщениям «Летописи Самовидца» и доноса на гетмана, полки Самойловича переходили реку первыми и по каким-то причинам спалили за собой мосты, построенные служилыми людьми Севского разряда. Это стало причиной инцидента («спора») между гетманом и русским командованием, а также замедлило переправу²⁰⁰.

3 июня на р. Овечьи Воды шедшие на соединение с войском Голицына донские казаки и джунгары («черные калмыки») натолкнулись на татарский отряд, направленный ханом на разведку. Крымцы (ок. 1 тыс. человек «выборных» татар из Перекопа, «и из иных городов и деревень») под предводительством Маметжана-мурзы перекопского, сына некоего Билуш-аги, вышли из Перекопа три с половиной недели назад, то есть в начале мая. Селим-Гирей послал их для «взятия языков под полки и под украинные города», чтобы проверить показания ранее захваченного языка — «русского человека», который сообщил, что «войска великих государей московские и черкаские многочисленные идут на Крым войною и уже те войска в Ахтырке». Отряд двигался правее наступавшей на Крым армии: из Перекопа на Молочные и на Конские воды «по вершинам речек, которые тянут к Днепру», добравшись около 20 мая (через 14 дней после выхода) под Коломак и оказавшись, таким образом, в тылу войска Голицына. Здесь татары захватили «под городом и по дорогом» около 90 пленных «и поворотились назад, а под полки бояр и воевод итить не посмели». На р. Овечьи Воды крымцы заметили погоню. Они «поворотились... навстречу» нападавшим, «а кош отпустили наперед». Казаки и калмыки, «немного постреляв, ударили на них вдруг и их сломили, не дали им ни мало исправитца и розшибли их надвое». В ходе ожесточенной схватки около 500 человек были убиты, 50 захвачены в плен, кроме того, донцы и калмыки «русской полон отбили весь», бросившись преследовать остальных татар. Захваченные и допрошенные позднее пленники не знали, сколько человек спаслось, но полагали, что среди спасшихся был их предводитель Маметжан-мурза. Победители не только освободили 90 пленников, но и захватили

¹⁹⁹ Востоков А. К истории... С. 275–276.

²⁰⁰ Літопис Самовидця. С. 143; Яковлева Т.Г. Донос старшины на І. Самойловича: аналіз першоджерела // Український історичний журнал. 2006. № 4. С. 196. Гетман Самойлович жаловался по этому поводу своему сыну Григорию в июле 1687 г. (буквально за пару недель до свержения), а тот, в свою очередь, пересказал сетования отца Л.Р. Неплюеву. Г. Самойлович рассказал, что отец писал «к нему рукою сына своего Якова, что де ему и слову ево места отнюд не было. Алексей Семенович (Шейн. — Авт.) ево зело обезчестил и приложил к изменнику за то, бутто он зажег мосты и водил всех по неведомым непогожим и безводным и бескормным местам, а он бутто говорил, хто мосты зажег, того ему неведомо, а по полям он, гетман, никого не водил, водили де ево, а он бутто о непогожих и о не добытых татарских местех во многих предлагал статьях и бутто как поворотились, все ево покинули назад и шли в страхе до Сомари, а как де пришли на Килчень, в то де число души в них обратилися и почили де говорить, что Крым взять и городки поломать» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 76).

400 лошадей, сабель и саадаков и «многое число» другого оружия. 8 июня в лагерь к В.В. Голицыну явились А. Дуров, донской станичный атаман Петр Кондратьев, есаул Иуда, 12 рядовых казаков и три человека джунгар. Они привезли двух захваченных на Овечьих Водах пленных крымских «черных» татар — Дунайко Маметева (из Перекопа) и Арзакая Муслина («из-за Чингару из деревни Кенегеса»), которые дали вышеприведенное описание стычки на Овечьих Водах²⁰¹.

Перейдя Самару, русская армия расположилась в следующем порядке: Большой полк в центре на берегу реки, с правой стороны — Новгородский и Рязанский разряды, с левой — Севский разряд и московские выборные полки, далее вверх по реке — войско И. Самойловича. Стрелецкий капитан Еремей Дмитриев, посылавшийся из Москвы с серебряным окладом к Донской иконе, сообщал 7 июня в Стрелецкий приказ, что в русских войсках не наблюдается каких-то проблем с продовольствием и фуражом, в том числе потому, что лошадям достаточно подножного корма. Свидетельством этого были цены на «хлебы и калачи», которые немногим превышали московский уровень. Дмитриев также сообщал об удивлении «черкас», никогда не видевших столь многочисленного войска²⁰². Путь русской армии лежал далее к речке Татарке, где был разбит лагерь у Острой Могилы, а затем через реки Вороная и Оскоровка²⁰³. Последнюю русское войско достигло 8 июня²⁰⁴.

9 июня русские войска пришли к р. Московке, «которая в Днепр впадает близ урочища Великого Луга не в давном разстоянии от Сечи Запорожской»²⁰⁵. Перейдя, по выражению Гордона, этот «ручей с некоторым трудом и потерей времени», русские и украинские отряды расположились в полях двумя верстами далее, пройдя за день около 3 миль. Шотландец отмечал отсутствие в этих местах леса, недостаток травы и воды. Видимо в связи с этим, армия разделилась на несколько колонн, часть из которых, перейдя р. Московку, пришла к еще одному притоку Днепра, р. Конские Воды (Конка, Конская), 11 июня²⁰⁶. В этот день к реке подошли Севский разряд Л.Р. Неплюева, Новгородский разряд А.С. Шеина, а за ними, «часов за пять до вечера», гетманские войска. Самойлович расположился «от устья речки Каменки по Конской вниз неподалеку от реки» и собирался выслать разъезды, чтобы «осмотреть, до которых мест горело поля и мочно ль у урочища Ганчакрака, до которого от Конской днище, конскими кормами удовольствоватца». Неплюев, сообщая об этом подходившему к Конским Водам Голицыну, рекомендовал главнокомандующему расположить войско «между полков Алексея Семеновича и гетманского», поскольку «на той стороне близ Конской стоять негде, потому что поля погорело»²⁰⁷.

На следующий день, 12 июня, к Конским Водам подошли остальные отряды, среди которых был и regiment Гордона. За Конкой начинались угодья запорожских

²⁰¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 176–178. О захваченных трофеях упоминается в отпуске царской грамоты В.В. Голицыну с похвалой за победу на Овечьих Водах (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 518–523). На основе отписки, посланной в Посольский приказ и сохранившейся в донских делах, сражение схожим образом описано в издании В.Д. Сухорукова (Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Т. 2. Новочеркасск, 1872. С. 495–496) и статье В.Т. Тепкеева (Тепкеев В.Т. Джунгары на юге России... С. 15).

²⁰² Востоков А. К истории... С. 276.

²⁰³ Літопис Самовидця. С. 143.

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 176.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 524–525 об.

²⁰⁶ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 139.

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 1.

казаков. 13 июня, переправив армию через Конку, В.В. Голицын устроил военный совет, на котором, по свидетельству Гордона, «было много прений и мало здравомыслия». К этому моменту стало очевидно, что степи впереди выжжены татарами (впереди виднелись дымы и даже языки пламени), что делало переход по и так наиболее безводным и безлесным местам до Перекопа еще затруднительнее. По результатам долго длившегося совета было принято решение двигаться вперед, «в надежде, — как писал Гордон, — услышать что-либо о нашем вестнике, посланном к татарам», или встретить крымское войско²⁰⁸.

Балтазар де Лозьер, французский офицер на русской службе, участвовавший в первом Крымском походе и произведенный за это в подполковники, сообщал своему корреспонденту, шведскому дипломату и переводчику Ю. Спарвенфельду, что татары, которые «отнюдь не зевали», лишили русскую армию фуража. Армия, приблизившись к Запорожью, «внезапно оказалась окруженной огнем, и все вокруг нас было покрыто золой, так как пожар застал нас посреди знойной пустыни». «Все это дьявольски поразило нашего генералиссимуса», — писал де Лозьер, чье описание кампании в целом составлено в довольно ироничном тоне²⁰⁹.

Подходя к Великому Лугу и владениям запорожских казаков, Голицын писал в Каменный Затон к Г.И. Косагову, приказывая ему, чтобы он «над неприятели над турецкими и крымскими людьми сухим и водяным путем чинил промысл». 11 июня Косагов сам прибыл к Голицыну в обоз на р. Конские Воды. Он рассказал о походе на судах по Днепру к Казы-Кермену русско-запорожского отряда. Вылазка была организована по договоренности с кошевым атаманом Филоном Лихопоем, который участвовал в ней во главе запорожцев. Русскими ратными людьми командовал подполковник «салдацкого строю» Михаил Гепник. Напротив урочища Каратябеня русская судовая рать встретила «казыкерменцев» на трех легких морских судах — ушколах (ушкалах). Они в самом начале июня отправились из Казы-Кермена вверх по реке по приказу тамошнего коменданта Бекир-бея «для языков под Сечю». Возглавил турецкую флотилию Галиль-ага. Между русскими и турецкими судами произошел бой, в ходе которого турки были разбиты, казаки и солдаты Косагова захватили два ушкола, «а на тех ушколах знамена да пять пушек, да турков дватцать девять человек». Галиль-аге удалось уйти на третьем ушколе «с небольшими людьми». Казаки и русские ратные люди «пришли все с того бою в целости». Трех турок Косагов доставил в полк к Голицыну 11 июня. Они рассказали, что Селим-Гирей находится в Крыму, ожидая себе на помощь против русской армии «нагайской орды с Урак-улою». Хан планировал выйти за Перекоп, получив известия о подходе русской армии к Крыму «в ближние места» и «за Перекопью дать бой». По словам пленников, на городках, расположенных на Таванском острове и в Ислам-Кермене (Шах-Кермене), «ратных людей по тысячи человек», в самом Казы-Кермене и остальных крепостях — 130 пушек²¹⁰.

Между тем 14 июня русская армия продолжила свой поход по выжженным степям, страдая от пыли, докучавшей людям начиная от р. Самары, и удушливого запаха гари. Войско шло по выгоревшей земле, пересекло речки Ольбу (здесь

²⁰⁸ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 139–140.

²⁰⁹ Ватейшвили Д.Л. Грузия и европейские страны: Очерки истории взаимоотношений, XIII–XIX века. Т. 2. Побратим Петра Великого: Жизнь и деятельность Александра Багратиони. М., 2003. С. 71–72.

²¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 552–554. Ср.: Великанов В.С. Днепровский поход... С. 40.

еще было «изобилие травы и воды») и Янчокрак (ныне впадает в Днепр в районе современного с. Каменского в Запорожской обл.). 16 июня армия подошла к р. Карачекрак (ныне впадает в Днепр возле города Васильевка). Трехдневный марш (пройдено было 6 миль) сильно истощил войско. Травы для лошадей не хватало, дров не было вообще. Люди, по свидетельству Гордона, начали болеть «и выглядели очень уныло». В тот же день прошел ливень, несколько прибивший пыль и дававший надежду на скорое появление травы, однако состояние войска было тяжелым, лошади были крайне истощены и не могли далее тянуть орудия и везы с продовольствием²¹¹.

Голицын в своих отписках свидетельствовал, что армия пришла к р. Карачекрак, расположенной в 20 верстах от Сечи, 15 июня. До Перекопа оставалось пройти 120 верст, однако путь этот представлялся весьма затруднительным. Главнокомандующий жаловался, что «от Перекопи до речек Карачакрака и до Янчакрака и до Олбы и до реки Конской орды крымские степи все выжгли и конские кормы добываем с великою трудностью, а близ полков наших нигде крымские орды не явятца и бою с нами не дают». С целью обнаружения невыжженных мест с запасами травы Голицын выслал отряды на Плетенинский Рог, до р. Белозерки и до Черной долины «и до иных урочищ, которые близ Перекопи». В зависимости от вестей, которые принесут высланные вперед разъезды, главнокомандующий собирался принять решение о дальнейших действиях. «А зачем в пути нашем до сего времени замедление чинилось и о том к вам, великим государем, писали мы, холопи ваши, во многих отписках», — заканчивал Голицын послание, вновь напоминая о задержавшей армию миссии Жирово-Засекина²¹².

Перейдя Карачекрак, войска «шли подле той речки, пришли на устье ее к Днепровым заливам, и в том месте стали на жженных местех». Главнокомандующий с горечью констатировал, что «конских кормов в том месте нигде добыть не могли», хотя посылали новые отряды «подле Днепра в дальные места верст по дватцати и по тритцати и болши и нигде никакими мерами конских кормов добыть не могли ж». Те разъезды, которые ранее были посланы к Черной долине, вернувшись, сообщили, что до р. Белозерки и далее, к турецким крепостям на Днепре и до самого Перекопа «все степи по самой днепровой берег выжжены без остатку». Идя к Днепру, Голицын рассчитывал добыть фураж на многочисленных днепровских островах в районе Великого Луга, но обманулся. «А река Днепр, — писал он, — велика и по островам везде залило водою». Г.И. Косагов сообщил Голицыну, что вода обычно уходит, обнажая острова, только к Успению (15 августа), однако до этого времени, констатировал боярин и воевода, «ратным людям конскими кормами пробыть отнюдь невозможно». Более того, те, кто с севера нагонял двигавшийся к Перекопу обоз, сообщали, что позади армии многие территории также выжжены²¹³.

Тяжелейшие условия, в которых русская армия продвигалась на Крым в течение почти двух недель, начиная с 9 июня, красочно описал известный в дальнейшем как ближайший сподвижник царя Петра I Франц Лефорт, участвовавший в первом походе на Крым. Обширные фрагменты его письма брату Ами были переведены с французского языка еще в XIX в. для «Военного сборника». Лефорт отмечал, что одной из главных проблем для огромной армии были не только

²¹¹ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 140.

²¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 524–525 об.

²¹³ Там же. Л. 536–540.

степные пожары и жара, но и недостаток питьевой воды. Проблемы с ней начались, когда войско подошло к р. Конские Воды (хотя не совсем «здоровая» вода была уже в р. Самаре), «скрывавшей в себе сильный яд, что обнаружилось тотчас же, как из нее стали пить». «Эта вода, — пишет далее Лефорт, — для многих была пагубна, смерть произвела еще бльшие опустошения. Ничего не могло быть ужаснее мною здесь виденного. Целые толпы несчастных ратников, истомленные маршем при палящем жаре, не могли удержаться, чтобы не глотать этого яда, ибо смерть была для них только утешением. Некоторые пили из вонючих луж или болот; другие снимали наполненные сухарями шапки и прощались с товарищами; они оставались там, где лежали, не имея сил идти от чрезмерного волнения крови». В.В. Голицын, несмотря на начавшиеся проблемы, не желал отказываться от дальнейшего продвижения, хотя, как пишет Лефорт, «мы уже не имели травы, все степи были выжжены». Вода Ольбы также оказалась «ядовитую, а все кругом было уничтожено: мы видели только черную землю да пыль и едва могли рассмотреть друг друга. К тому же вихри свирепствовали постоянно. Все лошади были изнурены и падали во множестве. Мы потеряли голову». Единственной надеждой оставалось наконец найти татарское войско, чтобы дать хоть какое-то сражение, которое оправдало бы столь тяжелый поход. Однако все было напрасно. После подхода к реке Янчокрак (Anziakra, в переводе «Анцике») «армия расстроилась в конец; все роптали, потому что болезни свирепствовали страшно; артиллерию везли те солдаты, которые еще не совсем изнурились» (последнее свидетельство перекликается с известием П. Гордона). Чтобы добраться до Карачекрака (Karaakra, в переводе ошибочно «Янчакрак»), пришлось, по выражению Лефорта, напрячь последние силы. «Здесь, — пишет он, — армия очутилась в бедственном положении. Вода повсюду была черная, в малом количестве и нездоровая; жара стояла невыносимая; дождя не выпало ни капли; во весь поход ни следа травы; и солдаты, и лошади едва тащили ноги». В описании Лефорта, несомненно, присутствуют некоторые элементы литературности, стремление сгустить краски в описании, предназначенном для брата Ами, тех трудностей, через которые прошло русское войско, включая и его самого. Однако, с другой стороны, швейцарец приводит и конкретные примеры тяжелого положения армии. В частности, от тягот похода погибло трое иностранцев-полковников Во (Voud; возможно, И. Вуд), Фливерс (Flivers; возможно, Н. Фливерк) и Бальцер (Balzer; возможно, П. Бансырь), а также до двадцати офицеров (подполковников, майоров, капитанов). Голицын, по словам Лефорта, был в отчаянии и даже «горько плакал»²¹⁴.

В этих условиях 17 июня был устроен новый военный совет. Традиционно в литературе он описывается с основой на краткое известие П. Гордона²¹⁵. Дневник шотландца во многих аспектах, касающихся крымского похода, является незаменимым в своих подробностях источником, однако в данном случае наиболее информативной оказывается отписка В.В. Голицына с описанием прений о дальнейших действиях войска. Поскольку этот совет имеет судьбоносное значение для истории первого похода, рассмотрим его подробнее. Итак, 17 июня обсуждались вопросы, «как в том деле поступать и какой промысл над Крымом или над городки учинить и мочно ль нам с войски на ту сторону реки Днепра переправитца и конскими кормами про-

²¹⁴Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов / отв. ред. Е.Е. Лыкова; сост. Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева. М., 2006. С. 92–93.

²¹⁵Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 140.

быть и над городками промышлять и сенами запастись». Против марша к городкам выступил Самойлович, заявивший, что он посылал разведчиков в указанные места, но и там «все степи выжжены». «А за Днепр нам с полки переправлятца нельзя, — пересказывал Голицын гетманские слова, — и не на чем, потому что Днепр широк полою водою, а естли б и суды были, и менши б месяца переправитца невозможно и в том время... великих государей полковые и ратных людей лошади от бескормицы померли, потому что конских кормов отнюдь добыть нигде невозможно, да и на той стороне Днепра поля выжжены и итить тою стороною под городки невозможно». Степи, полагал Самойлович выгорели «для того, что жары великие, а дождей нет». Языки, доставленные к гетману, заявили, что дождей в указанной местности якобы не было уже три года. Дополнительно, как писал Голицын, положение армии ухудшалось то, что «от тех пожаров и от сухой земли стоят пыли великие и от земли зной великой».

В этих условиях воеводы и гетман решили послать Л.Р. Неплюева с русским отрядом и черниговского полковника Г. Самойловича с казаками к Каменному Затону на соединение с Г.И. Косаговым, чтобы всем вместе «промышлять» над днепровскими крепостями «сухим и водяным путем, чиня доволство мирным договором с полским королем и чтоб хана удержать и ис Крыму на полские войски не пустить». Полагалось, что на свободных от воды днепровских островах корма для лошадей объединенного войска Неплюева и Самойловича будет достаточно («а лошади свои пустить им на острова, где пристойно»). Остальное войско должно было отступить «в те места, где обыщутца конские кормы и ожидать в тех местех... великих государей указу и смотреть над неприятелем к промыслу удобного времени, буде где войско случай употребляти будет». В тот же день о решении было объявлено по армии. Новость была воспринята войском с облегчением, поскольку многие солдаты и офицеры свидетельствовали, что «лошади у них многие померли, а иные стали». 18 июня Неплюев и Самойлович двинулись к Каменному Затону. Посылая роспись его войск, Голицын пояснял, что пехоты в отряде Неплюева больше, нежели конницы, поскольку «конным ратем конскими кормами прокормитца будет невозможно». После этого в тот же день главная армия двинулась в верховья р. Карачекрак, намереваясь затем повернуть к днепровскому берегу в поисках стоянки с обилием травы для лошадей²¹⁶.

Поход Л.Р. Неплюева и Г. Самойловича. Сражения у Каменного Затона и на р. Каменке

Вместе с Л.Р. Неплюевым в поход отправился Севский разряд в полном составе, усиленный рядом формирований Большого полка, включая 11 человек московских чинов (двух стольников, шесть дворян и трех жильцов), два солдатских полка (генерал-майор Д.В. фон Граам, полковник, 98 начальных людей и 5030 «урядников и салдат»), 2 тыс. сумских казаков во главе с полковником А. Кондратьевым, 1500 казаков харьковского и 500 — ахтырского полка. Формирования собственно Севского разряда включали 981 человек городских дворян и детей боярских, копейный полк (401 копейщик), два рейтарских (2734 рядовых) и пять солдатских (4216 рядовых; всего в копейном, рейтарских и солдатских полках насчитывалось 154 начальных человека), 502 казака из Севска и других городов, пушкарей и куз-

²¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 536–540. Отписка В.В. Голицына от 20 июня.

нецов, бывших «у наряду»²¹⁷. Всего полк Неплюева насчитывал 18 129 человек. С Г. Самойловичем отправились Черниговский, Переяславский, Миргородский, Прилуцкий полки, два сердюцких полка (в том числе сердюцкий полк Герасима Василевича), конный охотный полк И. Новицкого, глуховская сотня, «в которой болши 1000 человек добрых», компания Г. Пашковского (500 человек), возвратившаяся «с полской стороны» (то есть с правобережья Днепра); всего около 20 тыс. человек. Вместе с полком Косагова, численность которого составляла на тот момент около 5 тыс. человек, объединенный русско-украинский корпус насчитывал более 43 тыс. человек²¹⁸. Сопровождавший войско обоз с провиантом насчитывал 554 подвод, на которых разместилось 6296 четвертей сухарей, муки и круп²¹⁹.

Семь дней добирались Неплюев и Самойлович «от речки Карачакрака... самыми бескормными горелыми месты» до Каменного Затона. В ходе марша «от всеко-нечныя бескормицы под нарядом шатровым, и под полковым, и под припасами полковыми, и под хлебными запасами... подъемныя полковыя, и подводныя у... ратных людей многия лошади от великия и необъятныя бескормицы попадали». В отписках В.В. Голицыну и великим государям Неплюев сообщал, что от Каменного Затона вниз до р. Белозерки «к Перекопу и к Шахкермену, и около Сечи и речки Бозавлука, и вниз по Днепру до самого Казикерменя, а в верх по Кадак по обе стороны Днепра поля все выжжены по самую днепровую воду без отстатку». На протяжении марша до Каменного Затона Неплюев и Самойлович нигде не обнаружили не только противника, но и даже следов его передвижения²²⁰.

Из-за выжженной степи по обим берегам реки идти к Казы-Кермену вдоль Днепра было невозможно. А придя в Каменный Затон, Неплюев обнаружил, что и по реке сплавиться нельзя — у Косагова не оказалось достаточного числа судов. Имевшиеся в наличии 120 лодок были слишком «уски и шатки» для транспортировки провианта, амуниции, пушек и могли вместить лишь самое «мало число» ратных людей. Подножного корма в горелых степях не было, полая вода от берегов отступала крайне медленно, и ее падение ожидалось лишь к концу июля — началу августа (падение уровня воды давало надежду на появление у берегов травы). Конских кормов не хватало даже запорожцам и людям Косагова, не говоря уже о казаках Самойловича и ратных людях Неплюева. Имевшегося продовольствия могло хватить на месяц с небольшим (по расчетам Неплюева, войску требова-

²¹⁷ Непонятно при этом, отправилась ли в путь какая-то часть большого наряда (артиллерии). Также следует отметить, что 11 московских чинов, обозначенные здесь как переведенные из Большого полка, ранее, судя по всему, писались в Севском разряде (ср. роспись разрядного полка от 16 мая, данные которой приведены выше).

²¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 540 об. — 542 об.; РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 34. См. также: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 198–200. Ср.: *Великанов В.С.* Днепровский поход... С. 40 (недостатком указанной статьи является неиспользование автором первичного комплекса документов по теме переписки Неплюева и Голицына во время днепровского похода, на который указал А.С. Алмазов, что привело к ряду неточностей в изложении событий похода); *Алмазов А.С.* Участие гетмана Ивана Самойловича и его сына Григория в Первом Крымском походе (1687) // Гетьман Петро Дорошенко та його доба в Україні: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, приуроченої до 350-ї річниці початку гетьманування Петра Дорошенка (16 жовтня 2015 р., м. Київ) / упор. Є.М. Луняк. Ніжин, 2015. С. 288.

²¹⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 5, 18–19.

²²⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 2–4, 14–16; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 624 об. Ср.: *Великанов В.С.* Днепровский поход... С. 40.

лось на месяц 5 тыс. четвертей провианта). Дополнительный провиант из Кодака доставить также не представлялось возможным — лодки оттуда не могли спуститься ниже из-за порогов, а провести продовольствие по суше было нельзя «за безлошадством»²²¹.

В одной из несохранившихся цедул (записок, прилагавшихся к письмам) глава Севского разряда предлагал главнокомандующему ограничиться постройкой форта вблизи Казы-Кермена на одном из ближайших днепровских островов или высылкой разъезда для разорения окрестностей крепости (содержание известно из ответа Голицына).

Голицын получил послания от Неплюева 23 июня, написав ему ответ в тот же день (отправлен 24 июня) с приказом действовать по ранее согласованному плану и, переправившись на правый берег Днепра, попытаться атаковать днепровские крепости: «х Казыкермену притить и ошанцоватца, и над ним чинить промысл». При этом Косагов должен был остаться в Каменном Затоне «для того, чтоб было на что оглядоватца хану». «А буде вам с Григорья взять с собою, — рассуждал далее главнокомандующий, — то хан с ордами будет свободен и пошлет часть орды против вас на оборону Казыкермену, а достолные орды все или пополам розделя, волно ему будет обратить великих государей наших на украинные городаы или на полского короля». Вообще Голицын, судя по всему, не слишком был доволен жалобами Неплюева на невозможность двигаться к Казы-Кермену, который лишал его последней надежды одержать в кампании 1687 г. хоть какой-то крупный успех. «А буде почаяте себе на той стороне Днепра какую трудность и неудобной над Казыкерменем промысл, — писал он, — то не для чего на ту сторону и переправливатца и в переправе ратным лишние труды принимать, стоять вам пристойно на сей стороне в Григорьеве обозе». В этом случае Голицын предлагал «кормы конские добывать с островов и с той стороны Днепра» и требовал «промышлять над Шахкерменем (Ислам-Кермен. — *Авт.*) и плавною [ратью] над Таванскими городками». Князь полагал, что если войско Неплюева и Г. Самойловича «будет оборачиватца на сей стороне Днепра», хану даже будет «страшнее», а у русских солдат поубавится поводов «во отчаяние впадывать». По мнению Голицына, продовольствие из Кодака можно попытаться «отискать», а падеж лошадей пережить («что некоторые лошади падут и в том воля Божия»). Предложение Неплюева построить «городок» на одном из днепровских островов вблизи Казы-Кермена он отвергал²²², полагая что нет смысла делать это, не предприняв попытки взять османские укрепления, да и удержать такую крепость будет крайне сложно («и надобно великими людьми держать, а не держать великими людьми и тем толко стыд набыть, а городка не удержать, придетца покинуть или неприятель, пришед, выгонит»). Не одобрял главнокомандующий и идею Неплюева послать разъезд под Казы-Кермен: «прилично тем неприятеля не устраишь, разве бы и послать сколко возможно, чтоб пашню и огороды потоптать и обжечь». «Выбирай из сего, что пристойнее», — резюмировал Голицын, заканчивая письмо²²³.

24 июня Голицын получил отписку Неплюева на имя великих государей, содержание которой уже разбиралось выше, среди прочих документов. Это окончатель-

²²¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 4–6, 16–18.

²²² В отписке Неплюева на царское имя об этом не говорится, из чего следует, что Неплюев писал Голицыну отдельно и более подробно.

²²³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 7–10.

но вывело главнокомандующего, чьи военно-политические планы терпели крах, из равновесия. «А отписку твою к Москве не пошлю, — возмущался Голицын, — и посылать неприлично, а тебе прежнее мое намерение объявляю, что быть тебе с ратными людьми там, где ты ныне». Далее излагались рекомендации и требования из предыдущего письма, причем еще раз четко подчеркивалась главная цель «промысла» над днепровскими крепостями: «тем доволсты мирным договором с полским королем учинить и хана с ордами в Крыму удержать, а великих государей на украинные города и на полского короля не допустить»²²⁴.

Отдельно Голицын написал Косагову, призывая его не только «в делех государских и в промыслу не слабеть», но и поддержать упавшего духом Неплюева, убеждая его, чтобы он «к промыслу потрудился с прилежанием неоплошно». Косагов передал эти пожелания главе Севского разряда, и тот, несомненно, уже получивший персональный выговор от Голицына за малодушие, уверял главнокомандующего в письме от 28 июня, что «готов даже до смерти сиротской мой подвиг неотменно имети», но при этом продолжал настаивать на огромных трудностях, ставивших под угрозу продолжение похода. Теперь Неплюев указывал не только на массовый падеж лошадей, но и на активное дезертирство харьковских и ахтырских казаков («одни сумские еще держатца», — писал он), вслед за которыми стали разбегаться и остальные ратные люди. Более того, сотник ахтырского полка Никита Уманец заявил «на соблазн» бывшим в полку Косагова слобожанам, что их отряд прислан «на перемену» гарнизону Каменного Затона «и теми словами учинил им к побегу повод», что, видимо, усилило недовольство в их рядах, позже вылившееся в открытый бунт. Что касалось плана похода, то окольный, командовавший экспедиционным корпусом, колебался: сам он склонялся к тому, чтобы все же идти вниз по Днепру «воденным путем», тогда как запорожцы предлагали русско-украинскому войску переправиться через реку на правый берег и маршировать вдоль него. В конце концов Неплюев решил переправляться, задержавшись у реки на некоторое время из-за «немерных ветров»²²⁵.

1 июля Неплюев, Косагов и Г. Самойлович получили информацию от выходца из Крыма о передвижениях крымского хана (позднее она была подтверждена прибывшим в расположение войск Неплюева П. Хивинцем и сопровождавшим его полтавским казаком Ивашко, а также другими выходцами из плена). Суммируя все эти известия, реконструировать действия армии Селим-Гирея в конце весны — начале июля можно следующим образом.

Как уже отмечалось, известия о планирующемся русском походе на ханство заставили Селим-Гирея мобилизовать все доступные силы и средства. К лету 1687 г. все «татаровя, у которых добрые и худые лошади», были «высланы на голову» в войско, вышедшее за Перекоп навстречу Голицыну. Крепость на перешейке прикрывали «пешия татаровя» (4 тыс. человек), которые были «поставлены по валу». Как свидетельствовал побывавший в ставке хана русский гонец П. Хивинец, «в

²²⁴РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 11–12. Письмо В.В. Голицына от 27 июня.

²²⁵Там же. Л. 19–20. Голицын в ответ на это послание, не будучи уверен, что его предыдущие письма получены, писал к Неплюеву 30 июня с р. Вороной, повторяя прежние распоряжения. «Та твоя посылка и тамошнее твое с ратными людьми бытѣ зело прилично и надобно, и ты се лехко не ставь и не почитай», — назидательно писал князь. Он требовал от Неплюева жестко пресекать дезертирство и сообщал, что дал распоряжения бывшим в Большом полку слободским полковникам ловить и высылать беглых казаков обратно в полк к Неплюеву (Там же. Л. 21–24). Разбирательство по делу Н. Уманца см.: Там же. Л. 40–43.

Крымю кроме малых ребят, которые на лошedah ездить не смогут, никого не осталось». Под знамена Селим-Гирея прибыли отряды «темрюцких и шавколовых черкес и едисанцов, [всего] тысяч с пять», а также азовские татары. В конце мая Селим-Гирей находился недалеко от Перекопа. В течение июня крымские войска, не имея возможности из-за палящего зноя длительно находиться на одном месте («от великих жаров конские кормы худы»), двигались на восток к Тонким Водам (пролив рядом с Арабатской косой), далее на север к верховью Молочных и Конских Вод, а затем, повернув, «перешли на другую сторону Перекопи на колодез Колончак, а с Колончака под Шахкермен». Оттуда ханское войско двинулось вверх по Днепру до р. Рогачик²²⁶.

По сведениям, полученным Неплюевым, стоя на Молочных Водах, Селим-Гирей ожидал подхода русской армии, намереваясь «у Конской... учинить бой». В это время из Сечи в османские крепости «передался казак» с сообщением о разделении русского войска, «чтоб одним стоять против крымских войск, а другим идти от Запорожья на Крым и ис тех де разделенных войск много число уже в Запорожья пришли». Именно поэтому Селим-Гирей откочевал с Молочных Вод на Каланчак и выслал в район Каменного Затона «для языков» два отряда («станции») числом 12 и 40 человек. Отправленные в разведку татары добрались до р. Рогачик и, простояв в засаде («в скрыте») пять дней, выяснили, что корпус Неплюева и Самойловича действительно подошел к лагерю Косагова. Однако языков им взять не удалось. Недовольный Селим-Гирей якобы даже «на тех посыльных кричал с великим сердцем и поставил на том, что ему, перебрався на самых добрых лошedah притти безвестно» на Каменный Затон. При этом часть орды хан решил переправить через Днепр, чтобы атаковать те русские войска, которые уже находились на правом берегу. По оценкам выходца из плена, татарского нападения следовало ожидать 1 или 2 июля. В этих условиях Косагов и Неплюев, «оставя за Днепр переправу, дожидались ханского приходу у Каменного Затону» до 4 июля, укрепляя вал Каменного Затона («укрепилися валовою крепостию»). К этому времени на правый берег Днепра переправились рейтары и копейщики генерал-майора А. Цея и солдаты генерал-майора Д.В. фон Граама. Переправа шла медленно из-за малого количества судов и сильных ветров. Однако атака крымцев не состоялась, и Самойлович с Неплюевым все-таки переправили остальные назначенные в поход войска «на казикерменскую сторону», оставив с Косаговым на левом берегу «в окопе в заставе» пять пехотных полков и рейтарский полк.

Между тем 4 июля подойдя к р. Рогачик, Селим-Гирей послал к Каменному Затону шеститысячное войско нураддина Азамат-Гирея, султана Шан-Гирея, азовского бея, двух черкесских мурз с крымскими, азовскими татарами, едисанцами и черкесами. 5 июля на рассвете («в отдачу часов ночных») это войско атаковало передовые разъезды у лагеря Косагова («заставных» ратных людей) в Каменном Затоне. Начался бой. Часть нападавших бросилась «на стада конские за реку Конскую». Л.Р. Непюлев, «послыша пушечную и мелкого ружья стрелбу», переправился обратно за Днепр. Вместе с Косаговым и остальными войсками они двинулись на противника «наступателным образом, и был бой до шестаго часу дни». В результате «те неприятельские люди, видя от... ратных людей наступление и крепкой бой и от пушечной и из мелкого ружья стрелбы во своих босурманских силах

²²⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 52–53, 62–63, 129–130.

на люди и на лошади упадок, боевое спорное место уступили... ратным людям». Русские «многих турских и крымских людей побили», кроме того посланные Косаговым курские калмыки и донские казаки на конях и на лодках преследовали тех татар, которые во время боя переправились «через реку Конскую на острова» и отогнали пасшихся там лошадей. Стада удалось отбить, многие татары были перебиты, а остальные, «оставя ружья и платья, плыли на острова наги». Донские казаки и курские калмыки преследовали их, захватив «немалое число кафтанов и саадаков, и иного ружья». Остатки разбитого противника «пошли по Днепру вниз» к Ислам-Кермену.

Несмотря на выигранное сражение, положение русско-украинского отряда у Каменного Затона продолжало оставаться сложным. Еще до нападения татар Неплюев выслал Голицыну очередное письмо с жалобами на катастрофическое состояние своего отряда, голод, конскую бескормицу и падение лошадей («клячи все стали, а иные померли»), нарастающее дезертирство, особенно среди слободских и городских казаков (последние к тому же, убегая, «лошадей крадут и людей побивают и грабят непрестанно»), огромное число больных (500 человек) в своем отряде и особенно в корпусе Косагова («а все лежат с болезнью цынжалую»), где в строю осталась якобы едва тысяча человек (на самом деле больше: см. об этом далее). В отряде Г. Самойловича и вовсе началось брожение. «И хто как хотят, те так и делают казаки, толко Черниговской полк да сотня глуховская да кумпанейцы и сердюки держатца», — писал Неплюев. Сам гетманский сын в этих условиях не желал и слышать о походе на Казы-Кермен («А з гетманским сыном о таком добывании я говорил, и он говорил, чтоб я такого намерения не писал, а ево де полчания ждать не будут»). Неплюев уговаривал Голицына отложить казыкерменский «промысл» до весны, отмечая, что дойти туда «сухим путем... за многими причинами невозможно», а на лодках сможет доплыть лишь небольшой отряд в 600 человек, что даже в случае взятия крепости удержать ее будет крайне трудно. «Милости у тебя, государя моего прошу, не погневайся государь мой, что я преже сего к тебе, государю моему писал о нуждах бескормных, а то писал самую правду», — заканчивал письмо Неплюев²²⁷. Жалобы Неплюева подкреплял Косагов, направивший главнокомандующему подробную роспись большого количества больных и дезертиров из своего корпуса²²⁸. Голицына, как это часто бывает, «самая правда» от Неплюева не только не удовлетворила, но скорее усилила его и без того немалые раздражение и досаду. В результате окольный получил от князя новую порцию нотаций. Голицын порицал Неплюева за разделение войск, хотя сам рекомендовал это делать ранее, за мед-

²²⁷РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 25–37, 52–53, 130; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 649–652. Ср. описание боя: *Великанов В.С.* Днепровский поход... С. 40–41.

²²⁸РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 38–39. Здоровых служилых людей в корпусе Косагова на 1 июля было 3046 человек (в том числе 483 рейтара, 166 кормовых донских казаков, 741 человек в Старооскольском полку, 341 — в Хотмыжском, 541 — в Новоприборном, 500 сумских казаков, 400 острогожских, 100 харьковских, 40 ахтырских). Больными числились 794 человека, в том числе 184 рейтара, 36 донских казаков, 200 солдат Старооскольского полка, 148 — Хотмыжского полка, 85 — Новоприборного полка, 65 ахтырских казаков, 71 острогожский казак и др. Дезертировали 1363 человека, в том числе 157 человек из Старооскольского полка, 32 — из Хотмыжского, 105 — из Новоприборного, 612 харьковских казаков, 403 ахтырских и др. Наконец, умерло к означенному времени 1300 человек, в том числе 253 рейтара, 26 донских казаков, 83 солдата Старооскольского полка, 299 — Хотмыжского, 326 — Новоприборного, 37 сумских казаков, 17 ахтырских, 38 острогожских и т.д.

ленное продвижение, за просьбу отложить «промысл» до весны и проч. и по прежнему требовал проведения операции против турецких крепостей²²⁹.

Однако все настойчивые требования главнокомандующего результата не возымели. Единственной военной активностью, которую проявили русские военачальники в сложившихся условиях, стала их переправа на правый берег (хотя Голицын вполне допускал и действия вдоль левого берега, против Ислам-Кермена) и отправка 13 июля вниз по Днепру разведывательного отряда для захвата языков во главе с дворянским ротмистром Федором Юрасовым (10 калмыков, 20 копейщиков, 10 донских казаков, 70 сумских, ахтырских и харьковских казаков, казаки Терновой сотни). Неплюев сообщал Голицыну, что отряд послан на шесть дней, а люди в нем «самыя добрыя»²³⁰. Рейд не был успешным. Ратные люди Юрасова «ходили шесть дней, от салтана насилу крепостми открались», не добыв языков²³¹.

На правом берегу Днепра русские и украинские войска расположились лагерем: Неплюев «в Запорожье в урочище на Микитином Рогу, где была старая казацкая сеча»²³², где-то рядом Косагов, несколько дальше от днепровского берега находился лагерь казаков Г. Самойловича, которые пустили пастись своих лошадей на р. Томаковку. Ожидая дальнейшего развития событий, военачальники вели безуспешную борьбу с внутренними проблемами: конской бескормицей, своеволием подчиненных, ширившимися среди них голодом и болезнями.

15 июля Г. Самойлович провел переговоры с Неплюевым и Косаговым, жалуясь, что у его казаков «запасов ничего нет, у немногих де дни на три и от голоду казаки на них кричат и хотят все бежать в домаы». Во главе недовольных встали переяславский полковник Л. Полуботок и миргородский Д. Апостол, которые заявили гетманс-

²²⁹ Там же. Л. 44–50. Приведем фрагмент письма Голицына от 3 июля как яркий образец стиля главнокомандующего: «Пишешь ко мне, что уж полки Цеев и графов и иные чрез Днепр переправились, и мне видитца, что то учинено напрасно. Для чего было с людьми розрозниватца, сам ты пишешь, что бутто хан с ордами хочет на вас приходить и естли чаяшь ево приходу, чего было людей за Днепр отпускать, пристойно бы было и прибылнее дать неприятелю отпор всеми людьми на сей стороне Днепра, а хотя б ханова приходу не было и сею стороною Днепра удобно было вам итить всеми полки под Шахкермень и под иные городки, а теперь учинилось у вас сверх чаяння моево, люди полков ваших розрознились и под городками под Казыкерменем и под Шахкерменем не ведомо как вам придетца чинить промысл. И увидев хан такой твой у городков слабой промысл и обгоняв ветры около вашего обоза, а вам в окопе никакой шкоды учинить ему будет не мочно и он похочет итить с ордами в Полшу или под наши полки. А ты там, розбився переправою с людьми и в месяц не зберешься. Да и люди все от той розни в таких переправах розбегутца. Пишешь ты ко мне, что естли Бог даст Казыкермень в руки, держат ли ево и какими людьми держать. И я тому дивлюсь, откуда тебе сие пришло и ответу на то не мог тебе у себя сискать, однако ж хотя коротко объявляю: не печался ты о том, естли подал бы Господь Бог ту крепость в руки, мочно бы тогда изыскать способ как ее держать и для чего бы се в руках не держать, потому что зело б была она надобна и потребна, и прибылна. Ты ж пишешь, что не лутчи ль тот промысл до весны отложить. И я естли бы ведал такое твое намерение, то бы и не послал тебя туды, все знаешь, да не то ко мне пишешь, естли до весны отложить, а тебя отпустить, то в далнюю проволоку то дело пойдет и не одержит никакова не токмо промыслу, ни начала, когда будет вешней наряд и посылка и каким убытком станет, то ты все сам ведаешь. Ныне все то дело прилично делать, когда ты со мн[ог]-ими людьми туды зашел и гетманского регимента там многие войска, а и весною добро б такое собрание было, да не чаю я».

²³⁰ Там же. Л. 108.

²³¹ Там же. Л. 95–96.

²³² Там же. Л. 65. 18 июля Неплюев писал об этом Е.И. Украинцеву.

кому сыну: «за что их морит голодом и стоять им не для чего!». Неплюев встретился с недовольными полковниками, заявив, что он не может уйти от Запорожской Сечи без царского указа, и предложив им уходить самостоятельно, если они считают, что положение городских казаков столь катастрофично. Полуботок и Апостол, однако, не решались уходить одни. Резонно опасаясь, что крымцы разгромят разделившиеся отряды поодиночке. Они указывали Неплюеву, что ему будет также трудно без них, как им без русского войска. «И я им говорил, чтоб они о мне попечения изличного не имели, при помощи Божией буду поступать поелику возможно», — сообщал Неплюев Голицыну. Столкнувшись с таким упорством окольничего, Г. Самойлович и старшина стали уговаривать его подняться вверх по Днепру хотя бы на десять верст, «а по самой нужде хотя б поотступить мало», но русский военачальник был непреклонен, подчеркивая, что ввиду опасения скорого нападения крымцев «паче же без указа великих государей и пяди поступить в верх под Днепру не мочно». Резюмируя итог переговоров в послании главнокомандующему, Неплюев приходил к неутешительным выводам: в полках Г. Самойловича массовое дезертирство, продовольствия нет, казаки «не надежны и за люди»²³³ их почитать не мочно». Он был уверен, впрочем, что, несмотря на все угрозы, старшина в любом случае сохранит лояльность, хотя «и при них мало кого останетца»²³⁴.

16 июля Неплюев сообщал Голицыну, что казаки Г. Самойловича «самовольничая меж пожарных мест где найдут траву, хотя бы немерно далеко там, и стерегут» лошадей, тем самым облегчая задачу татарским ватагам по захвату языков. Ночью того же дня лагерь Г. Самойловича самовольно покинули две сотни Переяславского полка (ок. 900 человек). Гетманский сын послал за ними в погоню сотников, которые «гоняли верст з десят и казаков догнать не могли, а слышали впереди из ружья великую стрельбу и знатно де, что на тех беглецов напали татаровя»²³⁵.

Несмотря на поражение у Каменного Затона, крымцам удалось взять трех пленных, которых лично видел П. Хивинец (некий «начальный человек», поручик, родом поляк; казак из-под Чернигова; третий «с чуприною знатной черкашенин»²³⁶). Допросив поручика и узнав, что русское войско отошло к Самаре, Селим-Гирей двинулся вниз по Днепру «в поля». 6 июля хан послал Азамат-Гирея «с ыными прибавочными войски» с приказом переправляться у Казы-Кермена на правый берег Днепра и идти навстречу российским отрядам. П. Хивинец сообщал, что с нураддином якобы собиралось пойти 40 тыс. охочих татар и черкес, но это явно преувеличенная цифра. Полтавский казак Ивашко, сопровождавший П. Хивинца и отпущенный крымцами позднее, сообщал более точные сведения: Азамат-Гирей отправился в поход «с войски, которые были с ними в первой посылке и с прибавочными людьми всего тысяч з дватцать и болши». Характерно, что, по свидетельству русского дипломата, «мурзы де многие и нурадын салтан просились у хана в войну под государевы украинные города и хан де их не отпустил, учинил заказ, чтоб с московским государством тою войною болших не побудить ссор». Полоняник Ивашко родом из Каменца-Подольского, допрошенный Неплюевым 11 июля, сообщил, что Селим-Гирей

²³³ Имеются в виду боееспособные воины.

²³⁴ Там же. Л. 108–109.

²³⁵ Там же. Л. 107.

²³⁶ Так описывал пленников П. Хивинец в лагере Л.Р. Неплюева. В лагере Голицына он говорил, что в плен взяли «языков трех человек, одного поруччика да двух человек работных людей, которые пасли лошадей» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 309).

отправил на правый берег лучшую часть своих войск («войск своих мурз и черных татар и семеней, у которых добрые лошади, большую половину»). Отряд этот, взяв продовольствия на пятнадцать дней, переправился через Днепр у Казы-Кермена около 7 июля и двинулся вверх по реке, чтобы атаковать Неплюева и Г. Самойловича. Сам Селим-Гирей, по мнению Ивашки, вряд ли мог куда-то двинуться в текущем году, «потому что у тех татар, которые при хане, лошади от бескормицы немерно худы». Более того, «черкесы и едисанцы, и шавкаловы [люди] голодны; и просились у хана темрюцкие черкесы в дома свои для того, ведомо им учинилось подлинно, что от донских казаков на темрюцкие места войною чинятца приходы и много поде-ялося им разоренья и стада отогнаны да и они де у него хана оголодали». Полоняник свидетельствовал, что в Крыму второй год подряд случился неурожай, а ныне от «великих жаров» все засохло «и всякого хлеба жать будет нечего». По его же рассказу, султан прислал к Селим-Гирею двух послов, требуя, чтобы он послал к нему на «помочь татар против цесаря», но хан ответил, «что де ему послать татар не мочно и Крыму покинуть не на кого, ожидает на себя приходу московских войск». Ивашко был уверен, что «против поляков де и никуды на иные государства татар не послано». Не были даже усилены гарнизоны османских крепостей на Днепре («прибавочных людей в те городки не прислано») ²³⁷.

Подходя к расположению русско-украинских войск, татары, «подкратчися подле Днепра, заехав от Кадаку», 16 июля захватили на Томаковке стада пасшихся там лошадей полков Г. Самойловича и находившихся при них казаков, а также 12 беглецов из войска гетманского сына. По словам одного из взятых в плен (и позднее освободившихся) пастухов — казака из Тора Василия Иванова сына Грека, в тот же день войско Азамат-Гирея подошло на речку Соленая Россошь. Пленный казак был допрошен перед нураддином. Крымцы хотели узнать численность войск Неплюева и Самойловича, сколько у них орудий «и на каких крепостях стоят». В.И. Грек сказал, что русско-украинское войско весьма многочисленное, а в его великороссийской части — сто пушек (их число у Г. Самойловича было ему неизвестно) ²³⁸.

17 июля на рассвете («в отдачу часов ночных») отряд Г. Самойловича, стоявший у речки Каменки, был атакован войском Азамат-Гирея «со многими турецкими и крымскими и колмыцкими и горских черкес с воинскими людьми» ²³⁹. По разным оценкам, численность и состав этого войска были более значительными, нежели в сражении при Каменном Затоне. Казак В.И. Грек описывал войско Азамат-Гирея так: «Турчан и янычан четыре знамяни, а всех ево войск по смете тысяч с восьм и болши, да знамен с ними со сто» ²⁴⁰. По мнению самого Неплюева, атаковавшее их крымское войско насчитывало 10 тыс. человек, выступая под 40 знаменами ²⁴¹. При этом в другой цедуде окольный уточнял, что речь идет только о тех отрядах, что непосредственно участвовали в столкновении, но были еще другие, которые «стояли, прикрывся долинами и курганами, тех сметить было не мочно» ²⁴².

²³⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 52–53, 63–64, 129–131; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 309.

²³⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 68–70, 90, 107.

²³⁹ Там же. Л. 66.

²⁴⁰ Там же. Л. 72.

²⁴¹ Там же. Л. 67.

²⁴² Там же. Л. 112.

Единственное, но зато подробное описание боя с рядом тактических приемов обеих сторон сохранилось в реляции Л.Р. Неплюева, которую он выслал главнокомандующему сразу после его окончания. Итак, «послыша бой», Косагов и Неплюев немедленно двинулись на подмогу гетманскому сыну с конными и пешими полками, «которым было... в поля выходить пристойно». Крымцы, увидев подходящие русские отряды, разделили свое войско, направив часть его навстречу русским военачальникам. Косагов со своим полком и сумскими казаками Г. Кондратьева двинулся на соединение с Г. Самойловичем. Неплюев же, обогнав пехоту, пошел на противника с рейтарами и дворянскими сотнями, перед которыми были высланы так называемые стравщики «из рот дворянских и копейных, и рейтарских». Задачей стравщиков было пикироваться с выезжавшими навстречу татарскими охотниками. Также они должны были выманивать более крупные соединения ближе к русским боевым порядкам, чтобы подставить их под удар сомкнутого строя копейщиков и рейтар. Свои стравщики были и в войске Азамат-Гирея. Вот как их действия и с той, и с другой стороны описывает Неплюев: «Стравщики с теми неприятельскими людьми чрез многократные помычки... одни з другими смешався, билися, и как наведут на полки копейной и рейтарские и на дворянские роты стравщики неприятелей, и те заставные, неприятельских людей збив, поворотятца в указные места, а стравщики учнут их уганивать, и те босурманя стравщиков наведут на свои заставные, и как те заставные учинят напуск на стравщиков, и государские ратные люди стравщики и от рот охочия да с своим полком Григорей Иванович Косагов да с охотники ж, Андрей Цей, да по приказу моему у тех стравщиков в обороне велено быть сумскому полковнику, те все скочат против неприятелей». Первые, более ожесточенные, схватки длились около получаса («полчаса времени съехався имели бои великие»), затем темп сражения снизился, но стычки, подобные описанным выше, продолжались еще три часа: «...а как наведут на копейной и на рейтарские полки, и на дворянские роты, то те стройные конные неприятелем учинят отворот, а охочие за ними по версте и по две гоняли, было того часа с три». Азамат-Гирей, впрочем, не спешил вводить в бой часть войск, расположившись с ними в трех верстах от поля боя «в долинах за курганами». Вместе с тем группировка татар, действовавшая против Неплюева и Косагова, усилилась за счет того, что те отряды, которые бились против казаков Г. Самойловича, как писал Неплюев, «перебрались на нас же». Видя это, и гетманский сын с конницей «подался к нашей же стороне». За это время, по подсчетам севско-го окольничего, произошло как минимум четыре крупных столкновения. Наконец характер боя изменился: «часу в шестом» Азамат-Гирей двинул все свои войска на основные боевые порядки Неплюева. Неплюев поменял строй, введя в промежутки между конными полками пехотные части с артиллерией, ошетилившиеся рогатками («я, раб твой, укрепив конных людей пехотою, а пехоту пушками и рогатками, и учинил пристойныя пробеги в том ж месте, где бой зачался»). При этом вперед вновь были высланы русские стравщики. Встретив плотный артиллерийский и ружейный огонь пехотных частей, Азамат-Гирей «учинил отворот, а конные наших и гетманского сына полков на тех неприятельских людей учинили напуск и проводжали их верст з две, а иные и болши и часу в седмом с того бою розвелися», — заканчивал описание русский военачальник²⁴³. Описание Неплюевым последней фазы боя совпадает со свидетельством казака В.И. Грека: «...в последнем де их татарском напуске, видя они с стороны государских ратных людей ополчение крепкое,

²⁴³РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 66–67, 104.

что перемешены конные с пехотой и от тех конных ратных людей напуски на них жестокие, а из отводных городков, где устроена на боевом месте пехота, ис пушек стрелбу и в силах своих босурманских на лошадей упадок, приехал к нурадуну салтану знатной человек и говорил ему по-татарски, и с тех де слов велел салтан войскам своим уступать и того числа, отшел от обозу государевых ратных людей верст з дватцат и болши, перешед речку Базавлук, ночевали». Переночевав на Базавлуке, Азамат-Гирей пошел к Казы-Кермену²⁴⁴. Другой выходец из плена, казак Переяславского полка Иван Григорьев сын Филипенко, отмечал, что к Базавлуку многие татары подтянулись лишь к ночи, потому что их лошади были загнаны. Отходя, татары поджигали участки степей, еще не затронутые пожарами. 20 июля войско Азамат-Гирея достигло Казы-Кермена и в кратчайшие сроки («судов перевозных под Казикерменем много»), все до одного, переправилось через Днепр на крымскую сторону. Хан Селим-Гирей тем временем отошел в Крым (отхода пленник не видел, но видел оставленную татарами сакму). Филипенко утверждал, что от бескормицы у крымцев больше половины лошадей «худых»²⁴⁵.

В адресованной Голицыну реляции Неплюев пытался подчеркнуть ожесточенность боя. «Ими ми государь мой веру», — приговаривает он, когда пишет о масштабе столкновений. Бой «зело были великие и ис стороны государских людей... в напусках было великое дородство такое, что все конница, не допуская до пехоты, держали», — подчеркивает Неплюев в конце текста²⁴⁶. Однако даже вышеприведенное донесение со всей ясностью показывает, что сражения главных сил не состоялось, а все дело ограничилось стычками стравщиков и передовых отрядов. Этому соответствовало и небольшое число потерь. У русских был убит один копейщик — Иван Терентьев сын Жилин. Количество потерь противника Неплюев оценить не смог, отметив лишь, что его бойцы многих татар «с лошадей позбивали и ранили и побили». Пленных русским отрядам взять не удалось²⁴⁷. Явившийся в русский лагерь 26 июля выходец из плена казак И. Филипенко (захвачен 17 июля на р. Каменке, где пас казацких лошадей) сообщил, что от других полоняников слышал о многих раненых и убитых татарах, но сам видел только троих раненых и убитого, одежда которого была вся в крови²⁴⁸. Казак Василий Грек в ходе боя видел «убитых татар дву человек, а иные многие и их татарские лошади переранены»²⁴⁹. В любом случае по всем имеющимся данным число убитых (да и раненых) исчислялось единицами, что также не свидетельствовало об ожесточенности и, главное, массовости вооруженного столкновения.

Таким образом, Азамат-Гирей не решился атаковать сомкнутый строй русской пехоты и конницы, Неплюев не стал всеми силами преследовать отходящего противника. Оборонительная тактика Неплюева, принимая во внимание условия его похода, вполне понятна, тогда как действия нураддина требуют некоторых пояснений. С одной стороны, задача Азамат-Гирея состояла не в том, чтобы разгромить многочисленный и численно превосходящий его корпус Неплюева — Самойловича, а в том, чтобы не допустить марша русских войск вниз по Днепру. С этой задачей

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 72.

²⁴⁵ Там же. Л. 133.

²⁴⁶ Там же. Л. 66–67.

²⁴⁷ Там же. Л. 67.

²⁴⁸ Там же. Л. 133.

²⁴⁹ Там же. Л. 71–72.

крымцы успешно справились, потому что после сражения у Каменки планы подгоняемого Голицыным Неплюева идти на османские крепости окончательно развеялись. Вторая задача похода Азамат-Гирея лежала скорее в политической плоскости. Не случайно одного из казацких пленников, взятых татарами 16 июля, допрашивали, «с которой стороны бьетца великороссийское и малороссийское войска и соединятца ль казаки с ними» (с татарами)²⁵⁰. А в ходе самого боя 17 июля крымцы не только сосредоточили основные усилия на русском войске, но и, привязав к стреле «прелесной татарского писма лист», запустили его в боевые порядки войска Г. Самойловича. Письмо попало в руки челядника миргородского полковника Даниила Апостола, было переведено и доставлено самим Г. Самойловичем Неплюеву 17 июля (по другим данным — на следующий день). Окольниковый послал перевод Голицыну, а подлинник вернул черниговскому полковнику, который собирался отослать текст отцу²⁵¹. Краткое содержание письма известно из недатированной грамотки В.В. Голицына Ф.Л. Шакловитому: «о писме, какое перестрелили крымцы на бою, и то писмо такое: пишут, некакой человек, безымянной, к малороссийским жителем, чтоб пребывали с ними в миру, а Москва де вам не верит, и болшого (гетмана. — *Авт.*) хотят убить»²⁵². Помимо агитации городовых казаков Г. Самойловича, аналогичную акцию крымцы и турки предприняли и в отношении Запорожской Сечи. Хан не случайно задержал казака, сопровождавшего русского дипломата П. Хивинца (см. об этой поездке далее), отправив его к казыкерменскому Бекир-бею. Последний вручил гетманскому представителю письмо от 10 (20) июля 1687 г. для казаков Запорожской Сечи на польском языке. Перевод с него сохранился в бумагах переписки Неплюева и Голицына. Письмо кошевой атаман Филон Лихопой выдал Г. Самойловичу, а тот — севскому окольниковому. В послании сечевым казакам Бекир-бей писал, что разрыв мирных отношений с ними произошел из-за России, а турки и татары желают сохранять мир с запорожцами. Он уговаривал их «тых грубителей, москвы, не слушать, прислать до хана» послов. Бекир-бей подчеркивал, что «лепей в приязни жить добро с ханом его мости, нежели вечными часы московскими быть подданными, бо панство крымское ведает о Войску Запорожском, а Войско Запорожское ведает о панстве крымском, то яко ближние соседи лепей с собою жить по приятелству в приязни доброй»²⁵³.

«Не столко для боев, сколко для прелести салтану был приход», — признавался Неплюев в письме Голицыну на следующий день после боя, 18 июля. Если на Г. Самойловича и городовую старшину агитация крымцев, как считал Неплюев, особенно влияния не оказала, то «народ зело шетаецца». В этот день миргородские и переяславские казаки «мало не все пообежали» и «на гетманского сына зело роптали». Недовольство передавалось и слободским казакам, которые Г.И. Косагова «в самой бой лаяли и мало бить не стали»²⁵⁴.

Хотя Азамат-Гирею и не удалось склонить украинских казаков к измене царям напрямую, его приход и бой 17 июля стали, несомненно, мощным катализатором дальнейшего усиления брожения и недовольства в их рядах. Вскоре после сражения Г. Самойлович направил к Неплюеву представительную делегацию — Л. Полуботка,

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 90.

²⁵¹ Там же. Л. 103, 180.

²⁵² Розыскные дела... Т. 3. Стб. 1110.

²⁵³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 126–128.

²⁵⁴ Там же. Л. 180.

прилуцкого полковника Л. Горленко и писаря Черниговского полка И.И. Скоропадского. Они вновь заявляли, что их войско охватил голод, и требовали отступления от Сечи, указывая, что представитель Неплюева может лично приехать и осмотреть скудные остатки их провианта. Более того, старшина заявлял, что хан прекрасно осведомлен о плачевном состоянии русских и украинских отрядов, в том числе о масштабах болезней и дезертирства, а главное — о недовольстве запорожцев долговременным нахождением столь крупных воинских сил в их владениях. В этих условиях Селим-Гирей якобы намеревается переманить сечевых казаков на свою сторону, обещая предоставить им в безвозмездное пользование рыбные и соляные угодья в нижней части Днепра. Хан якобы хочет всеми силами ударить на корпус Неплюева — Самойловича и просит запорожцев пропустить часть его сил, которые пойдут на судах от Казы-Кермена. Свои предложения Селим-Гирей передал на Сечь через отпущенного пленного казака, которого запорожцы умышленно скрывают. 19 июля в Сечи якобы прошла рада, на которой обсуждался план примирения с татарами и пропуска их судов на лагерь Неплюева и Косагова. Сечевые казаки будто бы массово выражали недовольство тем, что московское и городское войско потравило на Запорожье все луга и высекло весь лес, разорило пасеки и т.д. Яркими красками рисовали посланцы Г. Самойловича перед Неплюевым картину приближающейся катастрофы: все городские казаки скоро сбегут по наговору запорожцев, русские ратные люди взбунтуются и перейдут на сторону последних. В результате с корпусом Неплюева «учинитца так ж, что учинилось над боярином Васильем Борисовичем Шереметевым и будет на нас ропот такой же, что на боярина князя Григорья Григорьевича Рамодановского за чигиринские бои». Устами своих посланцев Григорий Самойлович предлагал русским военачальникам «съехатца и собрать к себе генералов и полковников, и начальных людей, и дворян» и объявить им предложение украинской старшины об отступлении. В тот же день Неплюев и Косагов посылали к Г. Самойловичу дьяка Петра Исакова, который заявил гетманскому сыну, чтобы он «мало задержался и великих государей указу пообождал, и о лутчем обмыслил крепко». При этом русские военачальники выразили готовность тем казакам, у которых кончился провиант, «по невелику дать хлебных запасов». Г. Самойлович, однако, ответил, что «ево де полков казаком за крайнюю бесхлебицею и за бескормицею конскою ни по которому образу стоять невозможно, а хлеба де ему взять хотя б тысячу чети, то разве кумпанейским да сердюцким полком, а всего ево войска хлебом прокормить не мочно». Гетманский сын продолжал настаивать на необходимости «конечно, не дожидаяся на себя от неприятелей, паче же от запорожцов вредительства, отступить х Кодаку» и именно там стоять до получения царского указа. Сообщая обо всем этом Голицыну, Неплюев и Косагов явно нервничали и требовали от него разрешения отойти к Кодаку вместе с Г. Самойловичем в том числе и для того, чтобы не допустить дальнейшего обострения отношений с черниговским полковником и чтобы «порознить» казаков его полка с запорожцами²⁵⁵.

Встревоженные Неплюев и Косагов 20 июля послали в Сечь посланца — ахтырского казака Никиту Уманца для проверки сообщенных представителями Г. Самойловича «вестей про неприятельских людей и о казацких поведениях», при этом харьковский полковник Г. Донец от себя направил туда же торского сотника Максима Ильина сына Корсунца для доставки в полк пришедшего на Сечь казака своего полка, бежавшего из татарского плена. И Уманец, и Корсунец вернулись обратно на следующий день. Первый переночевал в курене атамана Ивана Погорелого и «меж казаков в переговорах ни х какой шатости слов никаких не слышал». Уже перед

²⁵⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 77–81.

отъездом атаман Роговского куреня Г. Сагайдачный сообщил, что его казаки видели «около Великой Воды орды крымския болшие». В связи с этим сечевые казаки отогнали «из лугов с низу» табуны пасшихся там лошадей, а кошевой Ф. Лихопой приказал послать на трех липах (лодках) казаков на разведку «к Великой Воде для проводыванья тех татарских орд, подлинно ль в тех местех стоят». Корсунец донес, что запорожские казаки интересовались у него, как долго Неплюев и Косагов собираются еще стоять в Запорожье, и жаловались, что из-за русских ратных людей «в угодьях их казацких и во всяких промыслах учинились убытки великие». Наконец, Корсунец слышал разговоры запорожцев, что хорошо бы им помириться с ханом «для своих рыбных и соленого промыслов» и «промышлять водою и берегом... свободно». 22 июля все эти вести Неплюев и Косагов выслали Голицыну²⁵⁶. Г. Самойлович и старшина, таким образом, с определенными и вполне понятными целями преувеличивали степень «шатости» в рядах запорожцев, желая заставить Неплюева и Косагова отойти от Сечи вверх по Днепру, однако, безусловно, верно изображали вызревавшие среди них настроения. Все это заставляло русских военачальников быть на чеку, а Неплюева — просить Голицына о выводе войск с удвоенной силой, тем более что брожение перекинулось и на русских ратных людей. 20 июля челобитную о невозможности продолжать службу подали кормовые донские казаки из полка Косагова, которые, по их словам, «оцынжали и опухли»²⁵⁷, а 25 июля начальные люди севских и белгородских рейтарского и солдатских полков потребовали выплаты жалованья, ссылаясь на тяжелые условия службы²⁵⁸.

К последней декаде июля 1687 г. относится обширная цедула Л.Р. Неплюева, адресованная В.В. Голицыну, в которой он по пунктам излагал свои мысли касательно требований главнокомандующего, содержащихся в не дошедшем до нас письме. Вообще, рассматриваемая здесь и выше переписка двух военачальников является крайне ценным и в чем-то даже уникальным источником по истории первого Крымского похода, поскольку не только дает в руки исследователя ценнейшие подробности днепровского похода Л.Р. Неплюева и Г. Самойловича, но и показывает личное, порой весьма эмоциональное отношение Голицына к неудаче всего задуманного им предприятия, а также его опасения за судьбу русско-польского союза. В своих письмах Неплюеву он продолжал категорично настаивать «над неприятелем каким способом ни есть показати бы промысл», извещал севского воеводу о получении известия от коронного гетмана С. Яблоновского, что будто польские войска «пошли в улусы очаковские». Поэтому Неплюеву приказывалось «хана на Полшу не пропустить, а побыть в Запорожье до сентября».

Неплюев, который, если верить его письмам, занимал суровую и непреклонную позицию в отношении любых требований Г. Самойловича и городской старшины вывести войска, в письмах к Голицыну вел себя совершенно иначе, на все лады расписывая безнадежную ситуацию своего корпуса и буквально умоляя князя дать приказ на его отвод хотя бы к Кодаку. В ответ на приказ Голицына стоять в Запорожье до сентября он сообщал, что от Г. Самойловича разбежались все казаки, кроме Стародубского полка и Глуховской сотни, что его ратные люди собираются посылать к князю челобитчиков, что они и «со слезами» просили окольного отступить до Кодака, где выражали готовность стоять до начала сентября. В против-

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 86–88.

²⁵⁷ Там же. Л. 82–83 об.

²⁵⁸ Там же. Л. 92–93.

ном случае солдаты и начальные люди его полков, считал Неплюев, «все разбегутца, потому что от болезней и от смерти великой страх на них». В другой цедуде он выражал готовность стоять в Запорожье до «Спожина дни» (15 августа). Окольный жаловался, что гетманский сын и старшина теперь не только «нарекают» на него, но и подстрекают русских ратных людей, чтоб «приходя ко мне, о отступлении кричали непрестанно». «И сколко моя бедная голова, о чем и прежде тебе государю моему упоминал, не от посторонних, от своих носит напасти, а описать ныне не могу», — сообщал он Голицыну. Окольный предлагал оставить в Запорожье отряд товарища Г.И. Косагова Сидора Каменева²⁵⁹ (пока придет «большой воевода») с полком Михаила Вестова (2 тыс. человек), Яблоновским солдатским полком (1700 человек), сумских казаков (500 человек), харьковских казаков и добровольцев разных полков, всего около 5 тыс. человек. Больше, полагал Неплюев, оставить «невозможно», так как сейчас, как он писал, «нас ныне и много, а болных половина».

В ответ на просьбы Голицына вести боевые действия в отношении османских крепостей Неплюев настаивал, что его корпус не в состоянии делать этого ни по суше (из-за падежа лошадей), ни по реке (из-за отсутствия достаточного количества судов, в которых солдаты и офицеры могли «соблюсть себя от потопления»).

Что касалось отношений с Польшей, то Неплюев полагал, что она должна по достоинству оценить уже предпринятые Россией усилия по отвлечению сил крымского хана с остальных театров военных действий. Основываясь на приводившихся выше подробных показаниях пленных, он указывал Голицыну, что Селим-Гирей ушел в Крым, а нураддин Азамат-Гирей, скорее всего, стережет переправу через Казы-Кермен. Стремясь подольститься к Голицыну, Неплюев хвалил и его «от крымских юртов в толь ближних местех восприятой труд, а ратных людей нужду и многое истрашение их государской казны и самое правое на ту их босурманскую войну желание и многочисленных ратей собрание» — все это польская сторона, несомненно, «причтет... за самой истинной союз». «А что волею Божию учинилось тому святому делу ото внешних или ото внутренних врагов препона, — восклицал Неплюев, — то есть зажигание степей, которыми полями за бескормицею лошадей толь многочисленным собранием идти было невозможно, то весь свет разсудит, а разсудив, стороне великих госдарей ко неудовольствованию договоров не причтет». Окольный уверял Голицына, что на стороне России «самая правда», поскольку «по самой истине на того босормана христианское наострено было оружие». Он выражал уверенность, что хан с крупными силами в текущем году на Польшу не пойдет, потому что татары «безлошадны и голодны». К тому же, если в Крыму услышат, что русское войско оставило пушки и припасы в пограничных городах для ведения кампании следующего года, то крымцы будут готовиться «в домех» на будущую войну «и о своем защищении мыслить, разве что под города украинские будут подбегать, потому что им поближе Полши»²⁶⁰.

Наконец 29 июля В.В. Голицын, видимо окончательно поняв, что заставить Неплюева и Косагова атаковать днепровские крепости невозможно, снизошел на просьбы окольного. Главнокомандующий предписал Неплюеву, «устроясь обозным ополчением, итить из Запорогов тою стороною подле Днепра с великим обережением, чтоб неприятель на вас не напал и в людех убытку какова не учинил». Вмес-

²⁵⁹ По свидетельству Неплюева, С. Каменев имел обширные связи и знакомства в Сечи: «на Запорожье у него старшина самой ближней свойственник, их же Каменев» (то есть родственник С. Каменева. — *Авт.*). Сам Сидор «человек доброй и побожной, да и запорожцы с ним Сидором в согласии нарочеты».

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 94–102, 140, 143.

те с казаками Г. Самойловича русский отряд должен был идти до Кодака, а оттуда «к малороссийским городом которыми месты пристойно». Там следовало устроить смотр участникам днепровского похода и распустить войско. При этом «окоп», построенный Косаговым в 1686 г., и «обозовые земляные крепости» солдат Неплюева (если они были сооружены), приказывалось «розрыть и заровнять, чтоб впред в том месте неприятелю пристанища не было». Перед выходом Неплюев должен был «призвать к себе кошевого атамана и старшину и сказать, что отход ваш из Запорогов не для чего иного, толко от нужды конских кормов», велеть запорожцам вести против неприятеля боевые действия «сухим и водяным путем где пристойно» и обещать, что в Запорожье еще будут присланы «многие великих государей ратные люди». Здесь же Неплюеву и Косагову сообщалось, что ввиду их ухода с Запорожья, по договоренности с новым гетманом И.С. Мазепой, «для удержания и отвращения неприятельского, буде бы пошли они на полские города войною», на правый берег Днепра, к Чигирину и Черному лесту, будут высланы наемные конные и пехотные полки, «чтоб там над неприятелем поиск чинить и походу ему в Полшу мешать»²⁶¹.

Известие о свержении отца, Ивана Самойловича, полученное его сыном Григорием в последних числах июля, смешало весь разработанный В.В. Голицыным стройный план отступления. Черниговский полковник с городовыми казаками самовольно покинул лагерь. В погоню за ним направился Неплюев, оставив на Запорожье корпус Г.И. Косагова²⁶².

«Напасть государь мой немалая, один Григорей от меня побежал, а другого ратные люди не хотят оставаться», — иронично писал Голицыну не лишенный чувства юмора Неплюев, отправляясь в погоню за теперь уже бывшим черниговским полковником²⁶³. Между тем уход Неплюева спровоцировал в полку «другого Григория» — Косагова — перерастание недовольства, вызванного тяжелыми условиями службы, в открытый бунт. 1 августа взбунтовавшиеся полки самовольно покинули лагерь. Попытки Косагова задержать их успеха не имели, мятежники вели себя агрессивно, заявляя, что офицеры и сам командир скрывают от них якобы имевший место царский указ об отзыве корпуса из Запорожья. В итоге Каменный Затон был русскими войсками оставлен, но по результатам самовольного оставления крепости и неподчинения командирам произвели розыск, выявивший 248 человек «пущих заводчиков». 167 человек из них были наказаны кнутом, 9 главных зачинщиков отправили в тюрьму в Путивль²⁶⁴. Бунт полка Косагова стал последним аккордом кампании на Крымском театре военных действий в 1687 г.

Отдельные успехи в 1687 г. имели место в стороне от основного театра боевых действий. Донские казаки на стругах нападали также на селения по Азовскому морю, но на обратном пути столкнулись с азовцами и потеряли 400 человек. В августе 1687 г. они (2000 человек) ходили под Азов с трехтысячным отрядом джунгар Цаган-Батура, однако захватить город им не удалось²⁶⁵.

²⁶¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 113–116.

²⁶² РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 148–153; *Востоков А.Х.* Суд и казнь Григория Самойловича // Киевская старина. 1889. Т. 24. Январь. С. 41–47. См. также: *Алмазов А.С.* Участие гетмана Ивана Самойловича... С. 290–292.

²⁶³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 145.

²⁶⁴ *Кочегаров К.А.* Бунт «полка» Григория Косагова на Запорожье: малоизвестный эпизод первого Крымского похода 1687 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 218–224.

²⁶⁵ *Сухоруков В.Д.* Историческое описание... Т. 2. С. 496–499.

Неудача русско-крымских переговоров

5 июня 1687 г. из лагеря на Самаре в соответствии с предыдущими соглашениями Голицын и Самойлович выслали к хану толмача Петра Хивинца в сопровождении гетманского казака Степана Бута (по другим данным — полтавского казака Ивашка). С ними был отпущен и татарин, взятый в плен под Киевом, который ехал с русским войском «в обозех» от р. Мерло, видел «многочисленные великороссийские и малороссийские войска» и должен был поведать о них в Крыму «подлинно».

Голицын направил два письма: хану Селим-Гирею и разменному бею князю Велеше Сулешеву. Послание хану содержало уже традиционные обвинения в нарушении шерти и мира путем набегов крымских, нагайских и азовских татар на русское пограничье с требованием возвращения пленных без выкупа и наказания виновных; в пытках и издевательствах в отношении русских посланников Н. Тараканова и П. Бурцова в 1682 г. Селим-Гирею сообщалось о заключении русско-польского оборонительного союза, что не во всем соответствовало действительности (союз был наступательный до конца войны), и выдвигалось требование прекратить войну против Речи Посполитой. В.В. Голицын уведомлял хана, что цари «за те ваши вышеписанные нестерпимые досадительства, которых уж болши терпети не изволили», велели ему и гетману Самойловичу «итить на вас для отмщения христианские крови». Не желая все же «разлития крови», русский канцлер заявлял о готовности начать мирные переговоры и предлагал прислать к нему в лагерь послов, чтобы заключить соглашение от имени хана и султана с обязательством «наградить» Россию за «помянутые досады». Сулешеву русский князь написал, что тот, как «в крымском юрте знатной человек», должен понимать, что «все христианские государи на ваш агарянской народ соединились», включая и Московское царство. Сообщая, что идет на Крым с войсками, Голицын предлагал Сулешеву поискать «здравии способы» вместе с другими «первыми честными родами Крымского юрта», чтобы с царями «учинить соединение». При этом он советовал присылать послов «с подлинным делом» побыстрее, не затягивая его под предлогом необходимости испросить позволение султанского двора. «А я того с войсками ожидати не буду», — заканчивал Голицын письмо²⁶⁶.

Петр Хивинец, наехавший на передовые отряды крымских татар недалеко от Перекопа через шесть дней после выезда из русского лагеря, был встречен не слишком дружелюбно. У него и гетманского посланца отобрали сабли и лошадей, держали под караулом «на поварне», а затем посадили в телегу и везли в ханском обозе, отказав посланникам в корме. В аудиенции у хана с целью личного вручения грамот Хивинцу также было отказано, сами грамоты по приказу ханского везира Батыр-аги у него отобрали силой. При этом Батыр-ага поинтересовался у Хивинца численностью русского войска и имевшейся при нем артиллерии. Русский дипломат, по его словам, ответил: «...з бояры и воеводы войск будет с тысячу тысяч (то есть миллион. — Авт.), кроме гетманского, а пушек в одном Большом полку семьсот». Батыр-ага в ответ «ево толмача бранил». Желая вбить клин в русско-польский союз, ханский везир сообщил Хивинцу, что Ян Собеский не выполняет своих союзнических обязательств: начав было поход на Белгородскую орду, он прекратил его даже «не вышед из своих городов». Более того, Собеский якобы прислал направленные ему царями грамоты «о походе ево на белгородцкую орду».

Русский гонец провел в татарском обозе в общей сложности месяц. За это время крымская орда, как уже было сказано, сначала подошла к Тонким Водам, затем под-

²⁶⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 161–171.

нялась в верховья рек Молочные Воды и Конские Воды, но русские войска к этому моменту уже отступили выше по Днепру, остался лишь «след великой, и овсы по следу сыпаны, и телеги ломаны». Узнав от одного из захваченных в ходе боя под Каменным Затонам языков, что русское войско отошло к р. Самаре, Батыр-ага 6 июля распорядился отпустить Хивинца. Он вручил ему грамоту к В.В. Голицыну, написанную от своего имени. Гетманского гонца татары решили задержать с целью попытаться использовать его для налаживания сепаратных контактов с украинским казачеством. Имущество русскому посланнику не вернули, заявив, что это будет сделано, когда между Россией и ханством вновь воцарится мир. На прощание московскому дипломату было сказано следующее: «а хотя в степи он и пропадет, и они том не тужат»²⁶⁷.

Батыр-ага начал свое послание В.В. Голицыну с выговора, что подобных писем, какое написал русский канцлер хану, «писать таким людям, как ты, не довелось», поскольку это нарушало прежний порядок дипломатической корреспонденции, когда «писывали государи государем». Голицын должен был по сложившейся традиции адресовать свое письмо «ближнему человеку» Селим-Гирея, то есть везиру Батыр-аге. На заявление главнокомандующего, что он идет на Крым с большим войском, везир отвечал, что крымская орда во главе с ханом искала встречи с русским войском, но «нигде вас не видали». Крымская сторона отвергала все обвинения в нарушении мира, выдвигая встречные упреки в набегах на ханские и османские владения со стороны донских и запорожских казаков, отзыве годовых посланников и невыплаты в соответствии с договором 1681 г. годовой казны, строительства укрепления в Каменном Затоне и размещении там гарнизона. «И будет кто в словах не стоит по правде, и тому на главу от железной сабли венец, а на государство его разорение будет», — резюмировал Батыр-ага. Заключить мир Бахчисарай соглашался лишь на условии восстановления старой шерти, в том числе выплаты поминков и возобновления института «годовых посланников». Отвергались и претензии России требовать мира и заключать его от имени Речи Посполитой²⁶⁸. Письмо ханского везира к гетману Самойловичу было более кратким. На его претензии о захвате в крымский плен малороссийских жителей Батыр-ага отвечал аналогичными упреками: «Свои беды к нам пишете, а наших не поминаете». Он просил более не адресовать крымской стороне подобных «непристойных вымыслов» и заявлял, что гетманский посланец задержан в связи с болезнью, обещая позднее отправить его на Запорожье²⁶⁹.

П. Хивинец возвратился в русский лагерь 12 июля²⁷⁰. Ответ, которую получил В.В. Голицын в ответ на свой дипломатический зондаж, не сулила политическим планам князя ничего хорошего. Особенно уязвил главнокомандующего упрек Батыр-аги по поводу недопустимости корреспонденции между ним и самим ханом. Выход своему раздражению Голицын дал в ответном письме, отправленном в ханскую ставку опять лично Селим-Гирею через посредничество Неплюева и кошевого атамана 29 июля. Князь выражал недовольство, что вместо ханского ответа получил «лист» Батыр-аги, наполненный «непристойных слов». Особое возмущение его вызвало то, что хан ранее принимал письма от своего «друга» гетмана Самойловича (ныне свергнутого, см. об этом далее), который, как писал Голицын, «менши меня

²⁶⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 304–311; РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 51–56.

²⁶⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 312–321.

²⁶⁹ Там же. Л. 287–289.

²⁷⁰ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 144.

чином и породю», также как и от гетманов и канцлеров Речи Посполитой, а ему ответить отказывается. Главнокомандующий не верил, что хан якобы доходил до Конских Вод и до Карачекрака, где Голицын «мешкал» с русским войском, ожидая крымской орды; заявлял, что татар не обнаружили выезжавшие в степь многочисленные русские разъезды. «И потому узнаваю я малолюдство и безсилie твое, что ты нигде мне с войсками своими не явился и бою со мною не дал», — высокомерно заключал Голицын, отмечая, что ханское распоряжение «поля все от Перекопи до Конских Вод и до самых днепровых берегов выжечь» явно свидетельствует о его желании уклониться от схватки с русским войском. Вместе с тем, несмотря на резкий тон и обвинения Селим-Гирея в трусости, Голицын не отказывался от переговоров, предлагая хану вновь прислать «добрых и разумных» послов для переговоров о мире²⁷¹. Однако в ставке главнокомандующего, несомненно, понимали, что фактический отказ хана от дипломатического контакта подводил черту под окончательной неудачей первого Крымского похода. Предпринятого военного давления на ханство оказалось недостаточно.

Отступление войска и завершение похода

Начав 18 июня отступление, армия двинулась к Янчокраку, который миновала в тот же день. Пройдя за день 10 верст, войско расположилось на возвышенности у Великого Луга, где была вода и скромные запасы травы. Следующий день прошел без движения, а 20 июня армия, миновав Ольбу, двинулась к р. Конские Воды, где, по свидетельству Гордона, «имелось довольно травы и леса». 20 июня Голицын и Самойлович пришли к устью указанной реки, «в которых местех впала та река в днепровые заливы». Гетман с казаками перешел реку и разбил лагерь на другом берегу. Здесь войско стояло 5 дней, до 25 июня. И хотя Гордон отмечает в дневнике, что в указанной местности «имелось довольно травы и леса», Голицын в отписках жаловался: «конские кормы добываем с великою трудностью», от их недостатка многие лошади «повалились, а которые и остались и те з бескормицы пристали». Л.Р. Неплюеву он 23 июня сообщал: «Мы стоим на устье Конской, где она пришла к Великому Лугу, кормы есть, толко добываем из луга заводами с трудностью, посылали в разъезд да Самари, приехав, сказали нам, что по Самарь все поле выгорело, мы готовим сено, сколко возможно, чем бы до Самари перетянуть, а за Самарью, сказывают приезжие, что будто не горело». Главнокомандующий решил послать туда «для береженья полки, чтоб стерегли от пожаров, мосты поправили и меня дожидались». Гордон также отмечает усилившийся падеж лошадей, неспособных везти орудия и припасы, по причине плохой воды в округе, от которой умирали и люди. 25 июня русское войско переправилось через Конскую и вновь встало лагерем при «днепровых заливах». Видя, что «конских кормов нигде добыть невозможно», Самойлович и Голицын 26 июня от реки Конской пошли к р. Московке²⁷². Переправившись через нее «при великих нуждах конских кормов и за упадком лошадиным», русская армия 27 июня вышла к р. Вольной. Через нее объединенное войско перешло на следующий день, намереваясь двигаться к р. Самаре, поскольку «на Московке и на Вольной, — как писал Голицын, — конских кормов нет ж, все выгорело». По пути, как рассчитывал главнокоман-

²⁷¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 322–329.

²⁷² Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 141; РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 10; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 623–625 об. Отписка В.В. Голицына от 26 июня (в Москве получена 6 июля).

дующий, войско ожидало «три стана (то есть привала. — *Авт.*) — на речках Сокоревке (Оскоровке. — *Авт.*), Вороной и на Татарке», но, как донесли Голицыну, и «на тех речках конских кормов нет ж, все вызжено». Поэтому он планировал перейти в поисках фуража за Самару, где ожидать царского указа о дальнейших действиях²⁷³.

1 июля войска пришли к Самаре и расположились против городка Кодака «в целости». Как писал Голицын, до Самары армия шла «с великою нуждею, бес кормов конских», из-за чего пало множество лошадей, как полковых (тягловых), так и верховых. Лишь «от реки Самари кормы конские являтца почали». Войск противника армия при отходе так нигде и не встретила²⁷⁴. 6 июля Голицын получил с В. Сапоговым царскую грамоту и приложенные к ней некие статьи. Текста этих статей в разрядной книге первого похода нет. По всей видимости, в них предлагались какие-то варианты продолжения военных действий, поскольку Голицын отвечал на них пространными сентенциями о невозможности держать столь крупную армию в опустошенном пожарами крае. Он подчеркивал, что войско отступило от Карачекрака «от самых великих нужд», в связи с массовым падением лошадей, для которых тут «не токмо в запас сен наготовить, но и на самую нужду на один день конских кормов никакими мерами нигде добыть не могли». Главнокомандующий напоминал, что степи выжжены вдоль Днепра с обеих сторон, в связи с чем, отступая «степми горелыми», ратные люди «кормили лошадей своих сухарями и крупами, и мукою и многие запасы издержали». В результате истощения хлебных запасов и отсутствия травы «на такие великие войска для коней не токмо хлеба напечь, но и сена наготовить никакими мерами нигде было не мочно»²⁷⁵.

8 июля армия достигла р. Кильчень, 9 добралась до ее истока и уже 10 июля встала на р. Орель, чуть выше впадения в нее р. Липянки, где наконец-то были хорошие запасы травы, воды и леса. В тот же день были наведены гати для переправы, которая началась на следующий день. Перейдя реку, войско прошло 2,5 тележной версты и расположилось лагерем, где отдыхало три дня, до 15 июля²⁷⁶.

28 июня в Москве получили отписку Голицына от 20 июня с известием о военном совете, решении прекратить марш и об отправке к Каменному Затону корпуса Л.Р. Неплюева. В ответ в армию 3 июля срочно выехал Ф.Л. Шакловитый с царской грамотой и секретными статьями. Грамота, впрочем, не содержала конкретных указаний о дальнейших действиях, ограничиваясь дежурной похвалой воеводам и всему войску за службу и общими рекомендациями «чинить» дальнейший «над неприятели промысл и поиск»²⁷⁷. Текст статей Шакловитому не был включен в разрядную книгу

²⁷³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 566–567 об.; РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 10.

²⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 627–628. Отписка В.В. Голицына от 6 июля.

²⁷⁵ Там же. Л. 628 об.

²⁷⁶ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 144. Ср.: Великанов В.С. Детали... С. 35–36.

²⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 543 об.— 551 об. Указ об отправке Шакловитого появился 28 июня (Там же. Л. 563). Проезжую грамоту ему от 3 июля см.: Там же. Л. 564–565. Скорости и безопасности проезда Шакловитого правительство предавало особое значение. См. целый комплекс грамот, на этот счет, в том числе воеводам белгородского полка и самому Голицыну, который должен был выслать эскорт для встречи думного дьяка в Полтаву: Там же. Л. 568–591, 610–612. Из наказа Шакловитому от 3 июля ясно следует, что дьяк был снаряжен в войско при вестях о неудаче похода и об отступлении армии. По приезде Шакловитого необходимо было объявить общий сбор войск у Разрядного шатра, на котором думный дьяк должен был торжественно спросить Голицына «о здравии» и похвалить за «радетельную службу» главнокомандующего и остальных ратных людей (Там же. Л. 592–609 об.).

первого похода, но их черновики сохранились в одном из столбцов Московского стола Разрядного приказа и были введены в научный оборот С.М. Соловьевым.

Прибыв в ставку Большого полка, думный дьяк должен был похвалить Голицына, остальных военачальников и все войско за службу, подчеркнув, чтобы они в связи с неудачей похода «никакова оскорбления и сумнительства не имели потому, что то учинилось праведною волею Божиею», а великим государям известно их «тщание и охотное радение» к воинскому делу. Стоит отметить, что в официальном наказе подобных утешений главнокомандующему и всему войску не содержалось.

После этого Шакловитому следовало предложить В.В. Голицыну на выбор несколько вариантов дальнейших действий: во-первых, по совету с гетманом и остальными военачальниками «коим ни есть намерением, наготовя конских кормов, сена китнова и овса, и сухарей толченых нарочных на конские кормы, и запасясь своими и ратных людей запасы» вновь идти «на крымские юрты для промыслу и поиску к Перекопи»; во-вторых, послать гонца к донским казакам, «которые ныне на море в промыслу», чтобы они, «усмотря в воинском деле промыслу, с моря х крымским городкам били и крымских людей тревожили и сколко возможно над ними промышляли, чтоб им (боярам и воеводам. — *Авт.*) на крымские юрты свободные притить»; в-третьих, если собрать провиант для повторного марша не получится, рекомендовалось «наготовить судов для водяного походу» и отправить корпус Л.Р. Неплюева и Г. Самойловича по Днепру. Предполагалось, что он возьмет османские крепости в низовьях реки (прямо об этом, впрочем, не говорилось), а затем на судах, по реке и по морю, двинется на Крым. Одновременно на Перекоп должна была выйти сухопутная рать — часть наиболее боеспособной конницы и пехоты, транспортируя «запасы и пушки, и на конницу корм... на волах». Оба корпуса в назначенный срок должны были «с обеих сторон притить на Крым вместе».

В случае если реализация всех указанных предложений окажется невозможной, В.В. Голицыну рекомендовалось «по Орели и по Самаре построить города впредь неприятелю на страх, а украинным великороссийским и малороссийским городом в заступление, такж и под теми неприятели для скорого в походех их над ними промыслу». В городах следовало разместить гарнизоны служилых людей и оставить часть наиболее громоздкой амуниции, «чтоб впредь было их государским ратем надежное пристанище». Строить новые опорные пункты предписывалось «в вершинах тех речек или к устью, чтоб где были леса доволные к городовому строенью и людем к поселению»²⁷⁸.

Шакловитый прибыл «в полк в обоз к реке Ореле» 13 июля. В тот же день он объявил собравшемуся войску о царской милости, а на следующий день состоялся совет по привезенным думным дьяком статьям. Об обсуждении одной из них кратко сообщает П. Гордон. Речь шла о строительстве «фортов на реке Самаре для лучшего продолжения войны в будущем». Однако, надо думать, что обсуждались и другие статьи. Кроме того, Шакловитый публично поинтересовался у И. Самойловича о слухах, что он якобы велел поджечь степи на пути наступающих войск. Гетман отрицал все подобные обвинения. Голицын в своих отписках не раскрывает суть дебатов на совете, отмечая лишь, что воеводы и гетман о «великих государей делех мыслили и говорили пространно, и ему думному дьяку... на те предложенные дела

²⁷⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 703. Столпик 2. Л. 1–40. Сохранилось несколько черновых вариантов статей Шакловитому, но существенной смысловой разницы между ними нет. См. также: *Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 7. История России с древнейших времен. Т. 13–14. М., 1991. С. 382.*

объявили». Главнокомандующий сообщал в Москву, что причины, по которым «тех дел к совершенству привести ныне невозможно», сообщит Шакловитый, отпущенный в столицу из русского лагеря на р. Орчик 16 июля²⁷⁹. Все предложения Москвы по продолжению кампании были таким образом главнокомандующим отвергнуты.

С Ф.Л. Шакловитым В.В. Голицын послал в столицу обширную отписку, суммирующую итоги первой крымской экспедиции. Главной причиной ее неудачи он объявлял степные пожары, охватившие обширные территории южнее Самары. По его словам, уже от р. Московки войско двигалось в условиях «великих пожаров», полыхавших «в день и по ночам». В результате до Карачекрака армия шла «все выжженными степями с великою нуждою от великих жаров, и от пажаров в великой пыли и в нужде конских кормов». Голицын распорядился «гасить» пожары, посылая с этой целью «конных и пехотных полков... многих людей», но «погасить было их для великих ветров и большого пространства на многих верстах невозможно, потому что степи великие, а те пожары зажены из далних и з розных мест». Свое решение отступить он объяснял пожарами, зноем, пылью и начавшимся в связи с этим массовым падежом лошадей²⁸⁰.

Голицын охотно признает огромные потери тягловых и полковых лошадей, продолжавшиеся и при отступлении, но ничего не пишет о гибели людей от жары и жажды. Между тем Ф. Лефорт сообщает, что смертность в войске при отступлении только усилилась: «Мы вдруг повернули назад и двинулись берегом Днепра, где также все было выжжено. Переходили вброд болота, чтобы набрать здесь кое-какой травы. Болезни усиливались; умирало множество, гораздо более, чем при наступательном движении. Счастливы были те, которые имели множество добрых коней. Я потерял многих лошадей и привел обратно только девять»²⁸¹. Б. де Лозьер также отмечал массовый падеж лошадей от бескормицы, гибель людей от зноя и жажды, преувеличенно полагая, что русская армия потеряла из-за этого 30 тыс. человек «без пролития крови»²⁸². Наконец, даже Гордон, описывающий бедствия, охватившие русскую армию, довольно сдержанно отмечает гибель множества людей в дневниковых записях от 20 июня («много людей и лошадей умерло») и 8 июля (в этот день умер его слуга, «а также еще много офицеров, и великое число солдат умирало каждый день»). Помимо троих указанных иноземцев на русской службе, о больших потерях в войске писал также из Москвы шведский резидент К. фон Кохен, который, правда, в отличие от предыдущих наблюдателей, участия в крымской экспедиции не принимал. «Все того мнения, — писал он, — что в последнем походе погибло от 40 до 50 тысяч человек» (от трети до половины армии!)²⁸³. Кроме того, в докладе казачьей старшины на гетмана Самойловича сообщается, что к переяславскому полковнику Войце Сербину приходили русские люди с жалобами, что «много людей

²⁷⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 641–642, 643–644 об.

²⁸⁰Там же. Л. 711–716. «Видя мы... горелые степи и в кормех конских великую нужду и от великого солнечного зноя и презелно от горелых степей пыли в ратных людех великую нужду и в лошадях от бескормицы упадок, по общему совету... з гетманом с Ываном Самойловичем и объявя о том полков наших вашим великих государей всяких чинов ратным людем, согласно положили и для такова х Крымским юртам нужного пути по самой конечной мере и для великой скудости в конских кормех со всеми вашими великих государей ратными людьми до вашего великих государей указу в целости отступили» (в рукописи — отпустили).

²⁸¹Ф. Лефорт. Сборник материалов... С. 93.

²⁸²Ватейшвили Д.Л. Грузия и европейские страны. Т. 2. С. 72.

²⁸³Висковатов К.А. Москва в 1687–1688 гг. // Русская старина. 1878. № 9. С. 122.

государских померло и велми много болных лежат»²⁸⁴. Не доверять свидетельствам очевидцев о смертности в войске нет никаких оснований, хотя цифры, приведенные Кохеном, конечно же не являются правдивыми. В целом само отражение в различных источниках фактов многочисленных смертей русских солдат и офицеров от жары и обезвоживания свидетельствует, что число их было высоким, по крайней мере, для выдавших виды современников: от сотен до нескольких тысяч людей. Точное число небоевых потерь, впрочем, установить невозможно.

Первый Крымский поход стал роковым для гетмана Самойловича, отрешенного, как известно, от власти в результате заговора казацкой старшины, поддержанного В.В. Голицыным. Поведение гетмана в последние два года вызывало раздражение в Москве, в первую очередь из-за нежелания казацкого правителя поддержать идею Вечного мира с Польшей и вступления России в антиосманскую коалицию²⁸⁵. Вряд ли он действительно был виновен в поджоге степей, хотя уничтожение мостов через р. Самару могло давать почву для определенных толков. Главная причина его отрешения от власти, несомненно, была слабо связана с официальными обвинениями, что гетман с ханом «имел дружбу и ссылку», «своею изменою степи жег», умышленно задерживал продвижение войск²⁸⁶. Вместе с тем некоторые свидетельства доноса старшины, что Самойлович не желал участвовать в Крымском походе, что торопил с выходом Голицына, не собрав еще собственные войска, что не заботился о поимке языков и тушении степных пожаров (вопреки просьбам старшины), настаивал на возвращении на военном совете 17 июня, критиковал стратегию Голицына атаковать Крым большими массами войска и др.²⁸⁷, выглядят вполне правдоподобно, а частично и подтверждаются иными источниками. Однако вовсе не эти факторы были решающими — все перевешивало желание Голицына переложить на гетмана, открыто перечившего главнокомандующему на решающем совете, всю ответственность за неудачу похода. Кроме того, главнокомандующий выместил на Самойловиче все раздражение и горечь за неудачу его собственных планов по установлению над Крымским ханством русского протектората. «То ведаю, что хотели татары быть в подданстве, естли бы не гетман старой воровал», — убеждал Голицын Шаковитого²⁸⁸.

Вместо свергнутого Самойловича гетманом при поддержке русских властей и лично Голицына стал Иван Мазепа, избранный на Коломакской раде 25 июля 1687 г. Смена гетмана стала главным политическим итогом первого Крымского похода²⁸⁹.

29 июля Мазепа во главе с казаками покинул русский стан, а 3 августа русское войско выступило из лагеря под Коломаком, разбив новый лагерь у р. Мерло²⁹⁰. После возвращения Шаковитого 1 августа в Москве подготовлена царская грамота В.В. Голицыну, уже открыто констатирующая неудачу экспедиции: «нынешнее настоящее воинское дело совершенства своего по нашему великих государей изволению не вос-

²⁸⁴ Яковлева Т.Г. Донос старшины... С. 196.

²⁸⁵ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 425–432; Станіславський В.В. Статті гетьмана Самойловича щодо «вічного миру» // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 1. Київ, 2000. С. 348–385.

²⁸⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 323; ПСЗ. Т. 2. С. 890; Богданов А.П. «Истинное и верное сказание»... С. 66–67.

²⁸⁷ Яковлева Т.Г. Донос старшины... С. 194–196.

²⁸⁸ Розыскные дела... Т. 3. Стб. 1109.

²⁸⁹ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 141–143, 145–148; Алмазов А.С. Участие гетмана... С. 290–292.

²⁹⁰ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 150–151.

прияло». Служба боярина и воеводы тем не менее все равно удостоилась официальной похвалы. Ему приказывалось из лагеря на р. Коломак с полками «отступить в великороссийские городы», где ожидать указа о роспуске армии²⁹¹. При этом часть войск Голицыну следовало оставить для обороны южных границ (см. об этом далее), а большую часть армии перед роспуском пересмотреть, пушки, пушечные припасы и другое снаряжение оставить в городах Белгородского полка по своему рассмотрению²⁹². Другой царской грамотой Голицыну, Шеину и Леонтьеву указывалось после роспуска ратных людей ехать в Москву²⁹³. Голицын получил все эти указания 6 августа, в лагере у р. Мерло «с крымской стороны на степи», недалеко от Колонтаева и Красного Кута. В ответной отписке он замечал, что к великороссийским городам столь огромному войску идти невозможно, поскольку «те города пашнями и полями ростояние имеют в самых ближних местех и конских кормов, которыми удовлетвуются тех городов жители про свои домашние нужды нигде нет». Кроме того, войско могло вытоптать в окрестных полях все «посевные хлебы»²⁹⁴.

8 августа состоялся генеральный смотр армии после похода, а 14 августа в лагерь прибыл гонец В.П. Шереметев с указом о ее роспуске. В тот же день войскам была объявлена царская похвала и милость за поход, началась раздача его участникам «золотых медалей» разной стоимости в зависимости от чина (рядовым — позолоченные копейки)²⁹⁵. В.В. Голицын объявил о роспуске войск 15 августа. На следующий день отдельные отряды начали расходиться из лагеря на р. Мерло, а главнокомандующий с товарищами двинулся в столицу²⁹⁶. Навстречу им был выслан ближний окольничий В.С. Нарбеков с очередным царским «милостивым словом». Нарбеков встретил Голицына, когда тот выехал из Тулы²⁹⁷. 4 сентября в воскресенье Голицын прибыл в Москву²⁹⁸.

Оборона южного пограничья во время и после первого Крымского похода

Для защиты южных рубежей во время похода было решено сформировать своего рода «обсервационный корпус» — «Украинный разряд»²⁹⁹, в задачу которого входило прикрытие городов Белгородского разряда от возможных порывов татар, пока главная армия Голицына маршировала на Крым. Начальство над ним было поручено Белгородскому воеводе князю М.А. Голицыну, товарищами которого были назначены боярин князь М.Г. Ромодановский и думный дворянин А.И. Хитрово. Основная, наиболее укомплектованная часть полков Белгородского разряда участвовала в Крымском походе. Первоначально под началом М.А. Голицына остались лишь Елецкий рейтарский полк Кашпира Гулица и Воронежский солдатский полк Юхана Липстрема

²⁹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 720–722 об.

²⁹² Там же. Л. 723 об. — 726.

²⁹³ Там же. Л. 727–733.

²⁹⁴ Там же. Л. 807, 810 об. — 812.

²⁹⁵ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 150–153; Ширяков И.В. Пожалования «золотыми»... С. 158–166; Зверев С.В. Жалованные «золотые» за Крымские походы 1687 и 1689 годов. Судьба невыданных «остаточных» монет // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники / сост. и отв. ред. С.А. Беляев, И.А. Воротникова. М., 2019. С. 377–381.

²⁹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 826 об.

²⁹⁷ Там же. Л. 829–832 об.

²⁹⁸ Там же. Л. 835.

²⁹⁹ Так он назван в одной из тетрадей, содержащей записи приездов в воеводский полк А.И. Хитрово. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Кн. 61. Л. 624.

(Ефима Липстора). Позднее ему оставили еще несколько полков (см. об этом далее). Поскольку местных контингентов было тем не менее недостаточно, для обороны черты направили силы Казанского разряда: 5,9 тыс. низовой конницы, рейтарский полк генерал-майора Якова Бильса (1064 человека) и три солдатских полка полковников Христофора Кро, Юрия Литензона и Григория Буйнова (4070 человек)³⁰⁰. В начале мая корпус М.А. Голицына дополнительно усилили полком московских стрельцов Герасима Нелидова (530 человек), слободскими казаками Сумского (1550 человек), Харьковского (3928 человек), Ахтырского (596 человек) и Острогожского (1795 человек) полков. Всего в трех воеводских полках Голицына, Хитрово и Ромодановского планировалось собрать чуть более 21 тыс. человек.

Развертывание корпуса М.А. Голицына отразило все известные пороки организации войск второго эшелона в условиях, когда все ресурсы в первую очередь направлялись в действующую армию: некомплект рядового состава, нехватку офицеров, недостаток вооружения. Сам сбор ратных людей происходил со значительными задержками. На 3 апреля в Белгород к М.А. Голицыну явилось лишь около 5,2 тыс. человек, то есть четверть от назначенного на службу числа. В Симбирском солдатском полку Х. Кро неявка рядового состава составляла более 40% (явились на службу 869 солдат из назначенных 1458 человек). При этом некомплект офицерского состава был также крайне высоким: из 33 штатных офицеров полка Кро на службу прибыли 9, включая и самого полковника; а в полк Г. Буйнова — 11 офицеров из 33 положенных по штатам. В полку К. Гулица из 757 явившихся к определенному сроку рейтар почти половина (363 человека) не имели никакого огнестрельного оружия, а лишь 100 человек имели более-менее полный оружейный комплект — по карабину и пистолету. Наконец, каждому солдатскому полку полагалось шесть двухфунтовых полковых пищалей, но в Белгороде вместо 24 (на четыре полка) нашлось лишь 11. Остальные орудия собирались по городам Белгородского разряда более месяца.

В мае войска были распределены между полковыми воеводами. М.А. Голицын со своими отрядами, которые по спискам должны были насчитывать более 10 тыс. человек (4 роты московских чинов численностью 469 человек, 520 городских дворян и детей боярских, 3069 человек конницы низовых городов, рейтарский полк Бильса, солдатские полки Кро и Липстрома, стрелецкий полк Нелидова), расположился в Чугуеве, севернее от Изюмской черты. А.И. Хитрово дислоцировался на западном фланге черты, в Валках. Позднее его полк переместился южнее, в Коломак. Войско А.И. Хитрово по спискам должно было насчитывать около 3,5 тыс. человек (по данным В.С. Великанова, слободские казаки и полк Буйнова). Наконец, в районе южной оконечности Изюмской черты, в Цареве-Борисове где-то в мае разместился полк М.Г. Ромодановского (позднее перебазировался в Маяцкий), списочный состав которого состоял из роты московских чинов (102 человека), городских дворян и детей боярских (842 человека), 1512 человек конницы низовых городов, рейтарского полка К. Гулица, солдатского полка Ю. Литензона и более 3 тыс. казаков Харьковского полка — всего около 7 тыс. человек по наряду³⁰¹.

³⁰⁰ Этим объясняется крайне низкая численность Низового полка Леонтьева, сформированного из войск Казанского разряда.

³⁰¹ Великанов В.С. Организация обороны южных рубежей Российского государства в 1687 г. // Крым и южные рубежи России / отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов н/Д, 2017. С. 27–31. В одном из мест своей статьи автор ошибочно включает в полк Ромодановского контингенты (полки Бильса, Липстрома и Кро, а также стрельцов Нелидова), оставшиеся на самом деле с М.А. Голицыным (Там же. С. 29).

Пока происходили сбор и развертывание войск второго эшелона, в конце мая татары успели ударить по городам Новой (Изюмской) черты. 30 мая в Харькове была получена отписка наказного изюмского полковника Ивана Воропаева о нападении противника на выдвинутые на юг Райгородок (сооружен в 1684 г. у впадения р. Тор в Северский Донец) и Черкасский городок (сооружен тогда же выше по р. Тор). Райгородок был полностью сожжен, все жители угнаны в полон, от местного арсенала осталась «пищаль железная да шестнадцать ядер» (орудие забрал в Тор тамошний атаман Григорий Гоптовец). Черкасский городок пострадал частично: «нижний городок сожгли, а верхней городок цел». 1 июня в Харьков пришло известие о появлении татар у расположенного западнее по Изюмской черте Нового Перекопа. По сообщению местного сотника Семена Несметного, 31 мая вечером «воинские люди татара под городок... подбежали и на полях перекопских жителей... многих людей в полон поймали, а конские и животинные стада отогнали». 30 мая татарский отряд (ок. 200 человек), преодолев вал на черте, появился также у Валок (на расстоянии версты от города), захватив в плен неизвестное количество местных жителей и их скот. Посланная погоня во главе с наказным сотником Андреем Коваленко и атаманом Никифором Родионовым результата не дала. В верховьях р. Орчик нападению и разгрому также подвергся торговый караван жителей Ольшанска (Ольшанки), которые ездили продавать волов в полки В.В. Голицына (но не сам Ольшанск!). М.А. Голицын, получивший все эти известия 2 июня, немедленно писал к сходным воеводам Ромодановскому и Хитрово и в города по черте, предупреждая об опасности татарского набега. В Москву воевода сообщал, что ему самому нападавшим «отпору» было «дать неким» из-за того, что ратные люди еще не собрались. Из столицы предписали Голицыну немедленно отправить в Валки из своего полка 500 человек пехоты и столько же конницы, которые должны были прикрывать район до тех пор, пока там не соберется воеводский полк курского воеводы А.И. Хитрово³⁰².

Сам Хитрово 5 и 16 мая 1687 г. получил указы «быть с полком на их великих государей службе» сходным воеводой у князя М.А. Голицына, собрав ратных людей в Валках. Стряпчий Лаврентий Пасынков привез в Курск списки направленных в полк служилых людей, а назначенный в товарищи воеводы стольник Иван Хитрово доставил полковое знамя «и к тому знамени крест серебряной золочен, вток медной луженой и древко», а также образ Варлаама Хутынского, «новгородского чудотворца». Последний велено было торжественно встретить в Курске, собрав отставных дворян и детей боярских и курян «всяких чинов жителей», но оставить в главном городском соборе. 19 мая А.И. Хитрово выехал из Курска в Валки, куда прибыл 5 июня³⁰³. С этого дня фиксировались приезды солдат полка Г. Буйнова, а с 12 июня — казаков Острогжского полка. 19 июня А.И. Хитрово получил грамоту из Разряда с указом, что всем ратным людям, отставшим от главной армии, велено быть на службе в его полку. Ко 2 августа под командованием воеводы собралось 1243 острогжских казака (урядников и рядовых, не считая полковника), около 600 солдат Г. Буйнова, а также отставшие от разрядных полков основной армии гусары, копейщики, рейтары, городовые дворяне — всего 2087 человек. Из это-

³⁰² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1072. Л. 592–605.

³⁰³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Кн. 61. Л. 622–624. 7 июля А.И. Хитрово уже стоял в Коломаке, куда к нему приехал дьяк В. Степанов. Вопреки указаниям из Москвы, Хитрово не оставил образ Варлаама Хутынского в Курске, а забрал с собою в Валки. Здесь же см. краткое описание торжественной встречи святыни в Курске.

го количества еще 30 июня вместе с И. Хитрово для усиления киевского гарнизона был направлен сборный отряд из четырех московских чинов, 17 человек смоленской шляхты, 19 городских дворян, 10 копейщиков и 84 рейтара — всего 134 человека. Уже на марше, в Белополье, они должны были соединиться с отправленными М.Г. Ромодановским в Киев рейтарами полка К.А. Гулица. 3 сентября из лагеря у Коломака Хитрово отпустил по домам 81 человек (из-за «скудости» и других причин), а почти все оставшееся войско направил в Маяцкий к М.Г. Ромодановскому (1047 острогожских казаков во главе с полковником, 598 солдат и начальных людей полка Г. Буйнова; всего 1645 человек). На этом фактически служба полка А.И. Хитрово завершилась³⁰⁴.

Для М.Г. Ромодановского она продлилась на полтора месяца дольше. Численность его полка на протяжении всего периода службы в мае — октябре 1687 г. подвергалась значительным колебаниям из-за массового дезертирства и неявки служилых людей, а также отправки части назначенных на службу за черту солдат в Киев. М.А. Голицын должен был постоянно усиливать самый южный из полков прикрытия дополнительными контингентами.

В конце мая к Ромодановскому пришел солдатский полк Юрия Юрьева сына Литензона, набранный из русских и татар Поволжья. Некоторые служившие в нем солдаты прибыли на службу только в июле. Вообще не явилось на службу 750 человек. На момент роспуска войск в полку оставалось 12 начальных людей и 37 рядовых. Только в период с 12 по 16 октября со службы бежало 310 человек³⁰⁵.

Елецкий полк Гулица, явившийся к Ромодановскому в конце мая, был разделен. Большая его часть (726 рейтар, 26 литаврщиков и трубачей) были посланы 1 августа в «киевскую посылку» с И. Хитрово. У Ромодановского до роспуска служилых людей осталось всего 252 человека рейтар, литаврщиков и трубачей и 16 начальных людей из указанного полка. 4 сентября полк Гулица был распущен по домам³⁰⁶.

Вместо рейтар Гулица М.А. Голицын 1 августа прислал к Ромодановскому рейтар полка Якова Бильса — 336 рядовых, копейщиков и трубачей, а также 20 начальных людей. Сам Бильс и ряд офицеров в лагерь Ромодановского, располагавшийся к тому времени в Маяцком, не явился³⁰⁷. К 12 октября в данном полку насчитывалось 23 беглеца, а в указанный день в бега ударилось одновременно еще 24 человека³⁰⁸. Тогда же к Ромодановскому были направлены атемарские мурзы и татары, из которых бежали со службы 332 человека³⁰⁹. 5 сентября из Большого полка М.А. Голицына в полк Ромодановского прибыл солдатский полк Х. Кро, а точнее, его остатки. Не явились 134 рядовых и четверо начальных людей. До окончания службы

³⁰⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Кн. 61. Л. 624–688. Касательно отправленного в Киев сводного отряда ср. с данными, которые приводит В.С. Великанов (*Великанов В.С. Организация обороны южных рубежей... С. 30–31*).

³⁰⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Кн. 61. Л. 143–169 об.

³⁰⁶Там же. Л. 94–118. По другим данным, в расположенный в Белополье отряд стольника и воеводы И. Хитрово было послано 1 августа из полка Ромодановского 500 рядовых рейтар и начальных людей (Там же. Л. 234–247). Численность полка К.А. Гулица, указанная В.С. Великановым (757 человек), фиксировала, таким образом, количество солдат и начальных людей на какой-то определенный момент, еще до того, как оно достигло максимальных цифр.

³⁰⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Кн. 61. Л. 120, 140 об. — 141.

³⁰⁸Там же. Л. 137–141.

³⁰⁹Там же. Л. 50–59.

бежали еще 354 человека, при этом 13 человек умерло. «До отпуску» в войске Ромодановского продержались 9 начальных людей, 13 солдат, четверо пушкарей³¹⁰. Вместе с немногочисленными солдатами и офицерами Кро прибыли мурзы и татары низовых городов. Из них 1238 человек пробыло до роспуска полка Ромодановского, а 710 человек бежали³¹¹.

Помимо указанных формирований, в середине сентября в Маяцкий прибыли 1229 посланных А.И. Хитрово острогожцев³¹². В конце месяца, по-видимому как наименее склонный к дезертирству контингент, они были направлены жечь степи (см. об этом подробнее в главе 4). Из полка же Буйнова по месту назначения «никто не бывал». По свидетельству самого командира, «которые де салдаты были у него в полку розных городов и розных полков осталцы от болших полков и те все в розных числех розбежались»³¹³.

Всего в воеводском полку Ромодановского «московских чинов и городовых дворян и детей боярских и низовых городов мурз и татар, и новокрещенов, и мордвы, и Харковского полку казаков, и рейтарского и салдацкого строев полковников и начальных людей, и рейтар, и салдатов» на момент роспуска 18 октября (включая и казаков Острогожского полка, которые направлены 27 сентября жечь степи) насчитывалось 4837 человек. Общее число бежавших со службы к этому же периоду составило 1902 человека, 20 человек за этот период умерло³¹⁴.

Именно на полк М.Г. Ромодановского была возложена задача вести глубокую разведку далеко в степи, чтобы заранее предупредить возможный набег противника. Повседневную рутину сторожевой службы его полка отражают записи о регулярном выезде сторожевых станиц «для промыслу и поиску над неприятельскими воинскими людьми и от приходов их для обережи и про них для ведомостей на Тор и за новопостроенную черту в степь». Все разъезды ходили в степь за черту «до речки Торца и до броду Великого Торну и до броду ж до Сатков и до Семеновой могилы и до Сухой долины и до Казачьей пристани супротив дубровы и до торских вершин и до Голой долины и за Землинской городок и до Теплинского лесу и за Острую могилу к Васюконским вершинам и до Хомутца верст по пятнатцати и болши». Практически все станицы неприятеля нигде не видели и «сакм их не переезжали и про них не слышали».

Первая группа отправилась 4 июня (ротмистр князь Никифор Енгалычев и ротмистр рейтарского строя Алексей Волжинский). Они «розъезжали за новопостроенною чертою в степи» до 8 июня. 20 и 27 июня у черты «объявились неприятельские воинские люди» под «горотками под Казацким, Боровским и под Гандарским и пошли было к государским украинным городом, [но] заслыша государских ратных людей, пошли назад и перешли реку Донец ниже городков и реки Айдуру на Каменном броду». В дальнейшем разъезды по двое и более человек практически непрерывно, в крайнем случае с промежутком в 2–3 дня, выезжали в степь на несколько дней (до 6 дней, обычно на 2–3 дня). Всего в район Тора и за Тор было выслано 12 станиц

³¹⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Кн. 61. Л. 170–177.

³¹¹Там же. Л. 59–78 об.

³¹²Больше, чем было отправлено. Это может объясняться тем, что часть казаков соединились с полком на марше, не заезжая в Коломак и не записав приезды у А.И. Хитрово.

³¹³РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Кн. 61. Л. 183–202.

³¹⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Кн. 61. Л. 202 об.— 203. См. также царскую грамоту воеводе в Белгород князю Ф.Л. Волконскому от 11 октября 1687 г. с указом о роспуске войск Украинного разряда: *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 536–537.

общей численностью 32 человека. Отдельно на запад, в сторону Ахтырки было послано 4 станицы (19 человек)³¹⁵.

18 августа шацкие мурзы Ибрагим Менбулатов «с товарищи» (6 человек) были отправлены аж до Молочных и Конских Вод. Вернувшись в лагерь Ромодановского 23 августа, они рассказали, что ездили на 100 и 150 верст от лагеря до верховьев Самары, и вниз по Самаре, а от Самары к «речке Береки, а з Береки к речки Беречки» и нигде неприятелей не видели «и сакм новых нигде не перезжали, oprичь старых вешних дорог и ведомостей про них никаких нет». К Молочным и Конским Водам мурзы не поехали, потому что «от реки Торца через полтавской шлях до рек Самары и Береки и за те речки, к рекам же к Молочной и Конской степи все вызжены и конского корму добыть было никоими меры невозможно»³¹⁶.

В сентябре в степь выезжали и более крупные отряды. 3 сентября в дозор направились ротмистр, стольник князь Владимир Гундоров с ротой московских чинов, пять рот служилых мурз и татар во главе с ротмистрами, уже упомянутый А. Волжинский, поручик Григорий Куроедов, два прапорщика «с копейщики и рейтары». 4 сентября за Изюмской чертой в степи они увидели неизвестный отряд «воинских людей». Гундоров с отрядом «за теми неприятелскими людьми ходил в поход и те неприятелские люди, увидя государских ратных людей, не дав бою, побежали». Русский разъезд дежурил за чертой до 14 сентября³¹⁷. 12 сентября на дежурство за черту отправились симбирские ротмистры Исмаил-мурза Мамалаев, Осип-мурза Карамышев, Бибай-мурза Утешев «рот своих с мурзы и татары». 14 сентября в виду отряда показался неприятель «человек со сто». Ротмистры со своими ротами «за ними гоняли», но противники, «увидя их и не дав бою, побежали». Из степи разъезд вернулся 18 сентября, после чего выезды больше не производились³¹⁸.

После завершения похода, 1 августа 1687 г., главнокомандующему В.В. Голицыну было велено для «бережения великороссийских и малороссийских городов от неприятелского наступления» оставить на пограничье часть полков Рязанского разряда князя В.Д. Долгорукова (рейтарские полки Я. Фанговена, князя Н. Мещерского, Ф. Коха и солдатские В. Кунингама, И. Девсона, Н. Балка) с теми ратными людьми, кто приехал на службу после прихода в места сбора разрядных воевод, то есть после 23–27 марта («oprичь казанцов и иных низовых городов»). Этим войскам следовало расположиться по р. Мерло «выше или ниже Рублевки в которых местех пристойно». Полкам, которые оставлены на службе, велено дать жалованье «сверх прежней дачи» (рейтарам по два руб., солдатам по рублю, да солдатам давать хлебные запасы «по месячно по указу»)³¹⁹. 6 августа В.В. Голицын сообщал в Москву, что объявил В.Д. Долгорукову об указе и выдал дополнительное жалованье оставшимся для обороны границ солдатам и рейтарам³²⁰. Состав корпуса В.Д. Долгорукова, в который вошли «поздоприездцы» из городских и столичных дворян, три рейтарских и три солдатских полка, по итогам состоявшегося 18 августа смотра представлен в таблице.

³¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Кн. 61. Л. 205–213.

³¹⁶ Там же. Л. 212–212 об.

³¹⁷ Там же. Л. 207 об. – 208.

³¹⁸ Там же. Л. 208 об.

³¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 723 об. – 726. Ср.: Великанов В.С. Организация обороны южных рубежей... С. 31. Автор пишет, что корпус Долгорукова был сформирован по просьбе Мазепы, однако из царской грамоты В.В. Голицыну это никак не следует.

³²⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 807, 810 об. – 812.

Таблица 2.7. Состав корпуса князя В.Д. Долгорукова³²¹

Большой полк	Московские чины	Стольники	13
		Стряпчие	14
		Дворяне	21
		Жильцы	41
		Итого	89
	Городовые дворяне и дети боярские		123
Новгородский разряд	Московские чины	Стольники	5
		Стряпчие	12
		Дворяне	19
		Жильцы	6
		Итого	42
Рязанский разряд	Городовые дворяне и дети боярские		60
Всего	314		
Рейтары	Полк полковника Дорофея Афанасьева сына Траурнихта начальные люди рядовые		31 964
	Полк полковника Ивана Павлова сына Вреда начальные люди рядовые		32 1016
	Полк полковника Федора Петрова сын Коха начальные люди рядовые		27 639
Всего	начальные люди рядовые		90 2619
Солдаты	Полк полковника Василия Андреева сына Нилсина (Нилсона) начальные люди рядовые		27 718
	Полк полковника Андрея Семенова сына Девсена (Девсона) начальные люди рядовые		28 736
	Полк полковника Николая Николаева сына Балка начальные люди рядовые		24 716
Всего	начальные люди рядовые		79 2170
Итого			5272 ³²²

³²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1275. Л. 422–424.

³²² В итоговой росписи ошибочная цифра: 5082 человека.

Нетрудно заметить серьезные кадровые изменения по сравнению с тем нарядом, который был отправлен В.В. Голицыну из Разряда. В двух из трех рейтарских полков и в двух из трех солдатских полков, судя по всему, сменились командиры. В.С. Великанов, обнаруживший данную роспись³²³, никак не комментирует причины подобной ротации. Стоит отметить, что все появившиеся в росписи новые командиры — рейтарские полковники Д.А. Траурнихт и И.П. Вред и солдатские В.А. Нилсон и А.С. Девсон не фигурировали в наряде на первый Крымский поход³²⁴, но трое из них (Траурнихт, Вред и Девсон) появляются в последующих документах, в то время как выбывшие полковники (Фанговен, Мещерский, Кунигам, Иван Девсон) в дальнейшем в росписях не встречаются³²⁵. Из этого можно заключить, что они умерли либо получили отставку во время похода или сразу после его завершения.

Оставленному корпусу В.Д. Долгорукова, расположившемуся в районе р. Мерло, судя по всему, не пришлось столкнуться со сколько-нибудь серьезной опасностью крымского набега в ближайшие месяцы (август — сентябрь). Возможно, свою роль в пассивности ханства сыграл запрет, установленный ханом в июле 1687 г., совершать набеги на русское пограничье, а также масштабная конская бескормица из-за степных пожаров, неурожая и исключительной жары в Причерноморье текущим летом. Все это делало крупные рейды на русские поселения за ясырем и добычей крайне трудноосуществимыми.

Зимовка русско-украинского отряда на Кодацком острове

28 июня в Киев с хлебными запасами пришел на стругах из Смоленска стольник М.П. Толстой. В.В. Голицын написал киевскому воеводе И.В. Бутурлину, приказывая указанное продовольствие в Запорожье не отпускать, оставить в Киеве («из стругов выгрузить и устроить в анбары, а суды беречь»), поскольку «и без тех запасов... ратным людям хлебных запасов» хватит. В этом не было необходимости в том числе потому, что суда с хлебом, отправленные ранее вниз по Днепру с Василием Волжинским и Владимиром Щеголевым, «ныне стоят под Кадаком у порогов, чрез пороги переправить их некоторыми мерами невозможно». Поэтому Волжинскому Голицын писал, чтобы тот выгрузил запасы и разместил в амбарах на Кодацком острове³²⁶.

Ратные люди Волжинского выполнили приказ, оставшись зимовать на Кодацком острове с доставленным туда хлебом. Из позднейших данных известно, что всего там было складировано 21 677 кулей ржаной муки, 2449 кулей гречки и овса, 1914 кулей толокна (всего 26 040 кулей, включая 1077 кулей старой и гнилой ржаной муки), 48 кулей соли, 8 неполных бочек рыбьего жира, 3 пуда пеньки. Из «ратных припасов» на острове были оставлены два тафтяных знамени, 2 бочки пороха (пушечного и «ручного»), 2 «штуки» свинцу, 29 пушечных ядер, 60 мушкетов «з замки», 4 якоря, 3 пуда пеньки и другие снасти и инструменты. Для хранения «хлебных запасов» была построена специальная «городовая стена» окружностью 270 сажен (135 «звен» по 2 сажени каждое), внутри которой размещено пять хлебных амбаров, срубленных из «байдачных досок». Из ольховых досок для ратных людей

³²³ Великанов В.С. Организация обороны южных рубежей... С. 31.

³²⁴ См. данную главу, с. 76–86.

³²⁵ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 388–389. См. также главу 4, с. 181–192.

³²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 735–737.

была сооружена баня. На острове осталось 115 стругов, из которых на ходу было только 30, а остальные — «без починки не годны»³²⁷.

В царской грамоте запорожцам от 14 октября 1687 г. сообщалось, что в награду за действия против белгородских татар русскому военачальнику на Кодацком острове, Семену Любовникову, велено отправить к ним «две пушки полковые медные с станками и с колесы». Взамен запорожцы должны были прислать Любовникову «худыя пушки» для отправки в Киев с целью ремонта и переделки³²⁸. Русский (слободские казаки и великороссийские ратные люди) отряд зимовал в Кодаке вместе с украинскими казаками «при запасах государских борошних и припасах военных», включая и струги, на которых они были туда доставлены. Часть украинских казаков находилась в Кодаке с Михайлова дня (8 ноября), другие — с Рождества Христова. В конце февраля 1688 г. гетман Мазепа писал в Москву, прося разрешения свести четыреста из находящихся в Кодаке с ноября пятисот гадячских казаков. Гетман считал, что ныне «возможно будет и малым числом людей воинских целость хлебных запасов... устеречи», поскольку весной «остров тот кругом немалыми днепровыми облитись будет водами»³²⁹. К весне дезертирство Кодацкого гарнизона стало стремительно расти. Из пришедших в Кодак в середине февраля 1687 г. рыльских стрельцов шестеро бежали со службы через несколько дней, будучи уверены, что «на Крым нынешняго лета походу не будет, толко войско государево и гетманское придет к Самаре и город строить будет»³³⁰. Пришедший в конце марта в Гадяч с Кодака писарь Опошненской сотни Гадячского полка Андрей Лубяник поведал, что «товарищество на острове Кадацком голодно, не имеют запасов и бегут в города, наказной полковник и сотники не могут удержать, сперва хотя били и ковали их к пушкам, то молчали, а ныне вслух сотников своих лают, в некоторое время наказной и сотники у товарищества ружье отбирали, чтоб в города не сбежали и все казаки собрався кричали и ружья от себя брать не дали». Несколько десятков казаков Зеньковской сотни Полтавского полка, не выдержав голода, сбежали, вернувшись только когда встретили идущие вниз по Днепру лодки с продовольствием. А. Лубяник сказал, что все казаки «зело скучают, там сидя», и ожидают через него «последняго гетманского указу». Он также указывал, что Кодацкую «паланку» нужно «изрядно отправить от тех куреней, чтоб, избави Бог от огня беды никакой не учинилось, на весну того накрепко надо беречь»³³¹. Видимо, речь шла о том, что находившиеся в Кодаке казаки неаккуратно обращались с огнем, что угрожало целостности царских хлебных запасов. Мазепа в ответ на все эти известия распорядился казацкому гарнизону покинуть остров, оставив 300 человек «для бережения монарших хлебных запасов»³³². В июне 1688 г. Мазепа, двинувшийся в поход к Самаре для строительства Новобогородицкой крепости, направил в помощь оставшимся гадячским казакам на Кодацкий остров две хоругви пехотного наемного

³²⁷ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 158–159.

³²⁸ Там же. С. 80.

³²⁹ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 98, 110; Листи Івана Мазепи. Т. 1. 1687–1691 / упор. та авт. передм. В. Станіславський. Київ, 2002. С. 123.

³³⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 35. Л. 45.

³³¹ Там же. Л. 46–47.

³³² 3 епістолярної спадщини гетьмана Івана Мазепи / упорядник та автор передмови В.В. Станіславський. Київ, 1996. С. 20 (опубліковано по копії). Оригінал см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 35. Л. 38–39.

полка П. Кожуховского³³³. А до конца лета 1688 г. все запасы, хранившиеся на Кодацком острове, были перевезены в новопостроенный Новобогородицк, а база на Кодацком острове ликвидирована.

* * *

Первая Крымская кампания показала высокие мобилизационные и логистические возможности российской армии³³⁴, однако избранная В.В. Голицыным стратегия успеха не принесла. Ранее неизвестные исследователям документы о миссии П. Хивинца показывают, насколько важное значение придавал В.В. Голицын дипломатическому фактору в начатом им конфликте, в котором острое российское удар было направлено именно на Крым.

Дипломатический нажим, однако, требовал подкрепления в виде серьезных военных успехов. Однако их-то как раз достичь не удалось. Позднее выступление армии привело к тому, что естественные факторы — жара и безводье, усугубленные фактором деятельности человека — организованными крымцами огромными рукотворными пожарами, остановили продвижение войск на р. Карачекрак. Указанные факторы спровоцировали значительный рост небоевых потерь в войске Голицына, которые на сегодняшний момент сложно оценить. Вряд ли они насчитывали десятки тысяч человек, как об этом писали иностранные участники похода и наблюдатели, однако количество в несколько сотен и даже тысяч человек представляется вполне возможным. Попытка спасти судьбу кампании выразилась в посылке Голицыным отряда Л.Р. Неплюева под турецкие городки. Днепровский поход показал высокую заинтересованность главнокомандующего в сохранении русско-польского союза, ради которого он готов был решиться атаковать османские крепости, которые, судя по всему, не собиравшись ранее штурмовать и тем самым входить в прямой военный конфликт с турками. Однако эти планы разбились о грамотные действия крымских войск, силами корпуса нураддина Азамат-Гирея не допустивших развертывания боевых действий в районе нижнего Днепра. Несмотря на то что в результате сражений при Каменном Затоне и на р. Каменке численно уступавшие противнику татары вынуждены были отойти, дальнейшие действия корпуса Неплюева — Самойловича были полностью парализованы. В условиях выжженных степей, массового падежа лошадей и возможной угрозы новой татарской атаки корпус простоял весь июль на правом берегу Днепра, у Запорожской Сечи, охваченный массовым дезертирством, болезнями и недовольством рядовых солдат и казаков. Последнее вылилось в итоге в бунт «полка» Г.И. Косагова и самовольное оставление им своих позиций в Каменном Затоне, что подвело черту под всей кампанией 1687 г. Осмысление неудачных результатов первого Крымского похода в Москве повлекло за собой смены в военном планировании на следующий год, хотя совершенно отказываться от избранной стратегии В.В. Голицына не собирався.

³³³З епістолярної спадщини... С. 44.

³³⁴К похожему выводу пришла К. Белкин-Стивенс. См.: *Belkin Stevens C. Soldiers on the Steppe*. P. 118–119.

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1688 г. И СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОБОГОРОДИЦКА

Угрозы татарского набега зимой 1687/88 г. и меры по обороне пограничья

Зимой 1687/88 г. в Москве ожидали крупного татарского набега как возмездия за летний поход на ханство. Первые известия о его подготовке выходцы из крымского плена принесли в Белгород еще в конце октября. В результате в ноябре 1687 г. из Москвы еженедельно посылались указы воеводам князю Ф.Л. Волконскому и Б.П. Шереметеву о подготовке служилых людей Белгородского разряда к отражению татарского нападения¹. С началом зимы о поступавших в столицу регулярных известиях о татарской угрозе сообщали П. Гордон² и шведский резидент в Москве К. фон Кохен. Последний в декабре даже писал о состоявшемся якобы набеге на Тор, в ходе которого крымцы убили и пленили 17 тыс. человек; а русское правительство распорядилось выслать против них семь пехотных полков, приведя в повышенную готовность формирования Белгородского и Севского разрядов³.

Информация о грядущем татарском нашествии оказалась слухами, воспринятыми в Москве весьма серьезно. Поэтому изложенные выше известия о мерах по усилению обороны южных границ были правдивыми. 17 декабря 1687 г. в Курск воеводе А.И. Хитрово пришла грамота с очередным известием о скором крымском набеге. Из «подлинных вестей», допросов выходцев из крымской неволи и взятых языков в Москве стало известно, что хан Селим-Гирей «имеет свое босурманское намерение неотменно со всеми своими силами приходить для войны под... великороссийские украинные и малороссийские городы ныне, как реки лдами укрепятца вскоре». В связи с этим Хитрово велено «тотчас» ехать в Хотмыжск, где с ратными людьми «збиратца... наспех и стоять в Хотмышском во всякой воинской готовности». В войско требовалось спешно собирать как дворян и детей боярских, так и рейтарские и солдатские полки из тех городов, которые «к Хотмышску блиски». Из Хотмыжска Хитрово должен был разослать в ближайшие города грамоты именем воеводы Белгородского разряда Б.П. Шереметева, собирая всех доступных ратных людей, кроме курских рейтар (их было велено выслать к месту сбора только в случае реального появления противника). Хитрово прибыл в Хотмыжск 30 декабря, разослав грамоты в окрестные города о сборе войск⁴.

В итоге на службу в Хотмыжск явились дворяне и дети боярские городской службы (завоевочки — 31 человек, есаулы — 27 человек, дворяне сотенной службы — 72 человека), курские новокрещенные калмыки (24 человека), рейтарский полк полковника Ивана Алферьева сына Барова (555 рейтар, трубачей и литаврщиков, 95 копейщиков), рейтарский Курский полк полковника Ивана Михайлова сына Гопта (98 человек рейтар), солдатский Курский полк полковника Петра Александрова сына Эрланта

¹ Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 544–547, 561–563, 565–571, 580–582, 586–588.

² Гордон П. Дневник, 1684–1689. М., 2009. С. 161.

³ Висковатов К.А. Москва в 1687–1688 гг. // Русская старина. 1878. № 9. С. 123–124.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 61. Л. 690–692.

(1583 человека). Солдатский Хотмыжский полк полковника Якова Христофорова сына Эрнста (Эрнеста) (735 солдат) остался в Курске для охраны полковой казны и караулов. Всего с начальными людьми (37 человек) под командованием Хитрово собралось более 2,5 тыс. человек. Из этого отряда 10 января воевода по приказу Шереметева послал с поручиком Матвеем Кенельским 200 солдат судженцев из полка Эрланта в крайний западный пункт Белгородской черты — Ахтырку «для бережения и осторожности великого государя казны и всяких полковых припасов и хлебных запасов»⁵.

Сам глава Белгородского разряда Б.П. Шереметев 7 января 1688 г. получил царскую грамоту с известием, что якобы «хан крымской со всеми ордами имеет свое бурсурманское намерение приходить для войны на их великих государей великороссийские украинные и малороссийские города конечно в нынешних числах неотложно». В связи с этим воеводе указывалось немедленно собирать ратных людей и двигаться «в городок Сенное праворотья без мотчанья». Боярин собрал все войска, что были под рукой, и выступил из Белгорода 22 января, придя 26 января в Золочев. Однако уже 31 января Шереметев получил царскую грамоту, что «буде вестей внов про приход воинских людей нет, и ему боярину и воеводе с их великих государей ратными людьми велено возвратитца в Белгород». В результате воевода, «уведомясь подлинно, что воинских людей в ближних местех нет и приходу их ныне под государевы украинные города не будет», вернулся с полком в Белгород уже 3 февраля, велел, однако, ратным людям оставаться в городе «до указу». 8 февраля Шереметев получил распоряжение «ратных людей, пересмотря, отпустить по домам». 20 февраля в Белгород пришло послание С.П. Неплюева — товарища главы Севского разряда Л.Р. Неплюева и гетмана И.С. Мазепы, «что де хан крымской с ордами ис Крыму не выходил, и ныне в Крыму и иных воинских людей в ближних местех нет». Боярин провел смотр, составил перечневую роспись бывших на службе и распустил войско 21 февраля⁶.

Число собравшихся войск, находившихся при Шереметеве до роспуска, составило почти 7 тыс. человек, включая 120 человек городских дворян и пр., а также полк рейтарского и копейного строя Тобиаса Колбрехта (722 человека рядовых и начальных людей), рейтарский Данилы Пулста (1163 человека), Мценский рейтарский Ицыхеля Буларта (423 человека), рейтарский Христофора Ригимона (457 человек), два солдатских полка генерал-поручика графа Давида Вильгельма фон Граама — 1-й Белгородский (1262 человека) и Яблоновский (864 человека), солдатские полки Юрия Фаменина (291 человек), Андрея Шарфа (242 человека), Петра Гасениуса (522 человека) и стрелецкий белгородский жилой полк Д.Н. Юдина (759 человек). Неявка, учитывая время сбора, была достаточно высокой, некоторые полки не явились практически в полном составе. В рейтарском полку Ивана Фанфеника (Фанфеникбира) было 37 человек, а в рейтарском Кашпира Гулица — 61 человек. Значительным был процент дезертиров. В полку П. Гасениуса «до отпуску» бежало со службы 511 человек — половина рядового состава. В других полках число беглецов было меньше⁷. А.И. Хитрово письмо Шереметева о роспуске своего отряда получил 21 февраля. Пересмотрев всех прибывших людей, он распустил их из Хотмыжска⁸.

Помимо войск Белгородского разряда, в самом начале 1688 г. для отражения возможного крымского набега велено было собираться на службу в Путивле ратным

⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 61. Л. 694–774 об., 801–805.

⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 61. Л. 257–259, 693–693 об. См. также: Волконская Е.Г. Род князей Волконских. С. 591–593.

⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 61. Л. 531–538.

⁸Там же. Л. 692 об. — 693 об.

людям Севского разряда под командой С.П. Неплюева. Здесь сбор шел медленней, чем в Белгороде: к 11 февраля явился лишь 1341 человек. Получив сведения об отсутствии угрозы крупного нападения, правительство направило Неплюеву приказ распустить войска, что он и сделал в конце февраля (войско в достаточном количестве так и не собралось)⁹.

Вместо ожидаемого крупного удара происходили лишь небольшие набеги малочисленных отрядов, охотившихся за добычей и ясырем. 8 февраля Б.П. Шереметев получил письмо с Торских озер от атамана Ивана Клушина: 22 января «пригоняли воинские люди татарова в урочища Голый Долины и били на торских жителей, которые по сено ездили». Отряд насчитывал всего 16 человек. Атаман ходил за ними в погоню, догнал татар в верховьях р. Тор, отбив у них 9 пленных¹⁰.

Утешительные известия о том, что масштабного набега, скорее всего, не будет, пришли в Москву от Мазепы. 1 января 1687 г. он сообщал, что никаких вестей о возможном походе крымцев нет, тем более что, по слухам, ожидается смена Селим-Гирея на ханском престоле. Не исключено, что указанный слух был связан с воцарением в Османской империи (в ноябре 1687 г.) нового султана Сулеймана II вместо низложенного Мехмеда IV¹¹. Этот факт подтвердили прибывшие в Москву в конце января запорожские казаки, захватившие в конце осени под Казы-Керменом нескольких языков. Запорожцы, правда, вопреки донесению Мазепы говорили о возможном татарском набеге в ближайшее время, сообщив и о безуспешной трехдневной осаде Сечи ордынским отрядом. Вместе с тем они донесли о тяжелой кампании для татар в Венгрии (ходили слухи, что в ходе нее погиб калга, тело которого только недавно было доставлено в Крым). Приведенные сечевыми казаками языки в целом (про судьбу калги они ничего не знали) подтвердили эти известия, добавив к ним информацию о скорой присылке в Казы-Кермен «для осторожности от московских войск» четырехтысячного отряда «с пушки»¹². Примерно в то же время запорожцы сообщали Мазепе, что Селим-Гирей находится в Крыму, но часть орды выслана «на черексы» (с Кантемир-султаном) и «в Белгородчину» из-за сильного голода на полуострове, в том числе и для откорма лошадей. Они вновь подтверждали готовность остальной крымской орды к набегу¹³.

В первой половине февраля к гетману приходили известия о готовности зимующего в Белгородской орде нураддина к походу (возможно, в Венгрию либо для отражения наступления польско-литовских войск), а также о возможном весеннем нападении ханских войск из Крыма на пограничные земли Малой России. Также поступала информация, что Селим-Гирей действительно подошел «со всеми ордами» к Перекопу, намереваясь ударить на Полтаву, а тысячный татарский отряд отогнал стадо овец в районе р. Тясмин под Чигирином. Последний был достигнут и разбит под Бахметовыми озерами казацким отрядом Власовской сотни Миргородского полка. В ходе этой

⁹ Великанов В.С. Службы Севского полка в 1716 г. и строительство Новобогородицкой крепости // *Studia internationalia: Материалы V Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»* (29 июня – 1 июля 2016 г.). Брянск, 2016. С. 62.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 726. Л. 357.

¹¹ Листи Ивана Мазепи. Т. 1. 1687–1691 / Упор. та авт. передм. В. Станіславський. Київ, 2002. С. 91.

¹² *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков. Т. 1. Владимир, 1903. С. 81–87.

¹³ Там же. С. 96–97.

вылазки вроде бы обнаружилось, что «немалые орды» стоят на Правобережной Украине в районе р. Ингул. В связи с этим Мазепа регулярно посылал распоряжения об усилении бдительности в пограничных полках, обменивался данными с С.П. Неплюевым и воеводой Белгородского разряда Б.П. Шереметевым. Однако 14 февраля, после того как были допрошены взятые власовскими казаками языки, оказалось, что страхи возможного крымского нападения преувеличены: «хан крымской ис Крыму под Перекоп с ордами не вышел», никакие «орды» возле Ингула «не кочуют», а отряд, появившийся под Тясмином, состоял всего из 260 крымских и казыкерменских татар. До конца февраля крымцы на украинском пограничье так и не появились. Мазепа полагал, что «уже в великой силе вражяго их приходу не чаять, разве малыми их возмогут быть подъездами»¹⁴. Более того, гетман сообщал, что в конце февраля — начале марта 1688 г. крымские и белгородские татары, двигаясь в Молдавию, разорили волынские земли (околицы Кременца, Дубно и др.)¹⁵. Мазепа считал, что одной из причин пассивности Крыма в отношении России было «замешание» в Османской империи, связанное с переменной султана, в результате чего «и в Крыму порядок в поре не устоялся»¹⁶ (как уже упоминалось, ходили слухи о смещении Селим-Гирея).

Выходец из Крыма М. Плисенко сообщал в марте 1688 г., что зимой крымские стада были «зело... нужны», страдая от недостатка кормов. За Перекопом на р. Молочные Воды кочевали отдельные крымские улусы. Также для охранения и сбора вестей хан выслал за Перекоп некоего султана с небольшим войском¹⁷.

Несмотря на то что угроза татарского нападения была слабой, гетман принял свои меры предосторожности на случай появления ханских отрядов у границ Малой России. Мазепа послал универсалы с призывом быть готовыми к выходу в поле в случае тревоги в Миргородский, Полтавский, Переяславский и Гадячский полки. Кроме этого, на малороссийском пограничье были размещены наемные гетманские формирования: полк И. Новицкого — в Лукомле, некоего Михайла (вероятно, М. Положиченко) — в Варве, компания Гордицы — в Переяславле, часть полка Г. Пашковского — в Киеве, пехотный полк П. Кожуховского — в орельских городах. Все они должны были находиться в боевой готовности «до самого розлития вод»¹⁸.

В итоге крупного набега крымских татар на русское и украинское пограничье, который можно было бы ожидать в качестве возмездия за открытие Россией прямых военных действий против Крымского ханства, не произошло. Отчасти, возможно, это было обусловлено внешними причинами — сменой османского султана и неуверенностью Селим-Гирея в прочности своего положения на крымском троне. Московским властям это должно было придать уверенность и в планировании новых крупных акций на юге, так или иначе угрожавших положению в регионе Крыма и Порты. В описываемое время разработка таких планов шла полным ходом.

Разработка планов кампании 1688 г.

Еще в сентябре 1687 г., вскоре после возвращения В.В. Голицына в Москву, шведский резидент в Москве К. фон Кохен сообщал о планах нового большого похода на Крым «ранней весной» следующего года во главе с самим «генералис-

¹⁴ Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 106, 109–110, 114–118, 122–124.

¹⁵ Там же. С. 125, 130.

¹⁶ Там же. С. 127.

¹⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 35. Л. 50–51.

¹⁸ Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 122–123.

симусом». При этом планировалось избрать новый, видимо, более удобный путь и иной способ доставки войска: «пехота отправится по Днепру на судах, а конница сухим путем». Кохен ожидал скорого объявления о новых налогах «с крестьян и мещан» на будущую экспедицию¹⁹. Однако уже в ноябре он же сообщал о планах строительства крепости на р. Самаре, «на которой будут расположены царския войска, под предлогом препятствовать крымским татарам производить набеги на Украину». По информации Кохена, весьма было распространено и мнение, что крепость строится по подсказке нового гетмана Мазепы, чтобы «держат в повиновении казаков и отрезать всякия сношения их с татарами». Теперь шведский дипломат сомневался, будет ли организован большой поход, о котором он писал раньше²⁰.

21 января в Малороссийском приказе был издан царский указ окольничему Л.Р. Неплюеву и его товарищу, думному дворянину Г.И. Косагову, быть «на... великих государей службе с полками в Крымском походе для промыслу над крымскими юрты и над городами, а с ними в полках быть ратным людем конным и пешим по росписи», причем Косагову указывалось быть «с полком в Запорогах по-прежнему»²¹. Планировалось, что в кампании примет участие и гетман Мазепа с «полками малороссийскими», о чем ему была послана грамота 6 февраля²².

Неожиданно на этом фоне выглядит сообщение К. фон Кохена, что 28 января последовало официальное объявление о новом большом походе на Крым. Большой полк («московская рать» у Кохена) должен был якобы возглавить сам В.В. Голицын и его сходные воеводы боярин И.Ф. Вольнский, окольничий В.А. Змеев; войска Новгородского разряда — боярин А.С. Шеин и его товарищ князь Ф.Ю. Барятинский; Рязанский разряд — князь В.Д. Долгоруков; Севский разряд — окольничий Л.Р. Неплюев и Г.И. Косагов; низовские рати («казанцев и астраханцев») — И.Ю. Леонтьев. Под страхом смертной казни все «рати» должны собраться за месяц (!) в Сумах, Обояни и Рыльске, а всем военачальникам якобы приказано ехать наперед, «чтобы собрать сложенное в прошедшем году в украинских городах оружие, привести его в порядок и раздать войскам»²³. В основном указанная роспись воевод дублировала прошлогоднюю схему. Более того, срок сосредоточения войск был очевидно нереальным, поскольку к первому Крымскому походу было указано готовиться еще в сентябре 1686 г., и даже в этом случае войска выступили с опозданием. Нам не удалось найти подтверждение указу от 28 января в документах Разрядного приказа или иных ведомств, более того, есть достоверный указ от 21 января, касающийся действий только ограниченного контингента войск (см. выше). Известие Кохена, таким образом, ложное, но оно, по всей видимости, отражает дискуссии в правительстве касательно дальнейшего ведения войны. В.В. Голицын пытался настоять на организации большого похода, однако его позиция вызывала недовольство правящей верхушки (в том числе и потому, что время для его организации уже ушло), поэтому в текущем году было решено ограничиться локальными операциями. Косвенно об этом свидетельствует и сам Кохен, указывающий на «совещание» по поводу дальнейшего участия России в войне, на

¹⁹ Висковатов К.А. Москва в 1687–1688 гг. С. 122.

²⁰ Там же. С. 123.

²¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 10. Л. 1–2. Ср.: ПСЗ. Т. 2. 1676–1688. СПб., 1830 (здесь дата указа — 31 января).

²² РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 10. Л. 3–4.

²³ Висковатов К.А. Москва в 1687–1688 гг. С. 124–125.

котором патриарх Иоаким и вовсе выступил за направление основных усилий на взятие Азова²⁴.

Наконец известие Кохена не подтверждает дневник П. Гордона, фиксировавший все важнейшие новости военного характера. 9 февраля шотландскому офицеру было приказано составить план крепости, которую предполагалось соорудить у впадения р. Самары в Днепр, а уже на следующий день он представил «планы различных моделей или размеров»: на 2 и 1,2 тыс. сажен в окружности. Сам Гордон выступал за меньший, считая, впрочем, что и этот будет «слишком велик», представив также варианты укрепления с пятью, шестью и семью башнями «согласно малой королевской мере», а также еще один — с девятью башнями «по большой королевской» мере. 16 февраля из Москвы выехал Л.Р. Неплюев, которому предстояло руководить строительством нового «города»²⁵.

В это же время переговоры касательно плана будущей кампании прошли с польским резидентом Ежи Домиником Довмонтом. Еще 24 февраля польская сторона вновь попыталась навязать России план короля Яна Собеского, заключавшийся в ударе российских войск на турецкие крепости на Днепре и Очаков, затем на Крым одновременно с походом польско-литовской армии на Каменец-Подольский. 5 марта российская дипломатия вроде бы выразила согласие на поход к днепровским городкам, а также заявила о намерении строительства самарской крепости. В ходе этих встреч, а также более раннего раунда русско-польских переговоров (в декабре 1687 г.) состоялся уже традиционный обмен обвинениями в несоблюдении условий военного союза. Речь Посполитая выражала недовольство свободным передвижением татар из Крыма в Белгородскую орду; Россия указывала, что часть крымцев с нуредином откочевала туда еще до заключения Вечного мира и упрекала польско-литовскую сторону в бездействии в кампанию 1687 г.²⁶

6 марта, на следующий день после совещания с Довмонтом, в Малороссийском приказе были подготовлены документы (два текста наказа, «отпуски» царских грамот Л.Р. Неплюеву, Г.И. Косагову, И.С. Мазепе) касательно планов военной кампании 1688 г. Благодаря тому, что с гетманом Мазепой их должны были обсудить Неплюев и Косагов, мы можем получить детальное представление о формировании этих планов. В соответствии с декларациями в адрес польского союзника русское правительство ставило на текущий год две крупные военные задачи: овладение турецкими городками на Днепре и строительство крепости на р. Самаре.

В соответствии с указом от 21 января Мазепа и Л.Р. Неплюев должны были идти на «неприятелей креста святого для промыслу под турецкие городки на Днепре стоящие и... промысл чинить». Детали похода (когда и каким путем двигаться, как снабжать войска продовольствием, какую артиллерию и сколько военных припасов брать в поход и т.д.) гетман должен был обсудить на совместном совете с русскими военачальниками.

²⁴ Висковатов К.А. Москва в 1687–1688 гг. С. 125. Недостоверность известия Кохена показывает, насколько критически следует воспринимать донесения иностранных резидентов из Москвы и другие подобные документы, проверяя их, по возможности, на материале отечественных источников.

²⁵ Гордон П. Дневник, 1684–1689 / пер., ст. и примеч. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Г. Рыженков. М., 2009. С. 163.

²⁶ Белов М.Н. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1686–1689 гг.) // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Т. 14. Л., 1949. С. 171–175; Артамонов В.А. Россия, Речь Посполитая и Крым 1686–1699 годов // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 13.

Строительство крепости на р. Самаре предполагалось вести силами русских ратных людей и «малороссийских городов работными людьми...», которые должны были «высечь бревен и иных лесных припасов», доставив их «водою к устью реки Самары». Указ о том, «какову тому городу на мере и крепостию быть», к Мазепе должны были прислать в ближайшее время. Крепость планировалось населить «ратными жалованными людьми» с семьями «из великороссийских городов» в количестве около 2 тыс. человек. Финансирование гарнизона должно было происходить за счет «зборов малороссийских денег и хлебных запасов». Помимо основной крепости в Москве предполагали «по реке Самаре на тех местех, которые удобны к переходом неприятским, построить города и острожки и населить те построеные города и острожки великороссийскими и малороссийскими людьми, такими, которые похотят там имети свое поселение доброволно», с передачей им в пользование окрестных лугов и пастбищ. Сооружение крепости, таким образом, должно было стать началом колонизации Россией пространства между Самарой и Орелью по образцу поселений Слободской Украины. Ведать их должны бы были воеводы новопостроенной крепости, но «вольность тем новопоселеным обывателем иметь бы по оброзу слободцких городов». Г.И. Косагов с шеститысячным войском и гетманским подкреплением (количество Мазепе следовало определить самому) должен был заранее выступить на Запорожье, чтобы прикрыть строительство крепости, которым должны были заниматься гетман с Неплюевым, от возможного крымского набега. Части ратных людей Севского разряда с С.П. Неплюевым необходимо было пребывать в готовности в Севске на случай прихода неприятеля под Киев или на Левобережную Украину и «по подлинным вестям» идти к Путивлю. Войскам Белгородского разряда во главе с Б.П. Шереметевым также следовало «от приходу неприятелей креста святага быти во всякой осторожности... и стояти с ратьми по черте и за чертою, в которых местех воинской случай употребляти будет». Мазепа дополнительно должен был прикрыть границы Малой России своими казаками.

Одно из важнейших решений, которое Мазепа, Неплюев и Косагов должны были предложить правительству, касалось очередности обеих операций: «а в которое время ту крепость на Самаре и в которых местех построить, наперед ли, не ходя под турские для промыслу на Днепре стоящие городки, или поворотясь отуды?»²⁷.

12 марта Л.Р. Неплюев получил царское распоряжение с указанием ехать к гетману для совета, 15 марта он и Косагов выехали из Севска на Украину, прибыв в Батурин на следующий день²⁸. Обсуждение плана кампании с участием генеральной старшины и полковников состоялось в 20-х числах мая в Батурине и Глухове. О его завершении Мазепа уведомил Голицына 26 марта 1688 г., приложив к письму обширные статьи²⁹. Отдельно статьи по результатам встречи направил в Москву Л.Р. Неплюев, их содержание уточняло и дополняло гетманские предложения³⁰. Несомненно, однако, что оба этих документа были плодом коллективного творчества казацкой верхушки и русских военачальников.

Больше всего внимания в них было уделено походу на Казы-Кермен. Гетман прислал в Москву описание крепости и ее гарнизона³¹. Эти сведения основывались

²⁷РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 35. Л. 1–33.

²⁸Там же. Л. 123–126.

²⁹З епістолярної спадщини гетьмана Івана Мазепи / упорядник та автор передмови В.В. Станіславський. Київ, 1996. С. 19–20 (издано по копии, оригінал см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 35. Л. 38); Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 138–139.

³⁰РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 35. Л. 127–131.

³¹Там же. Л. 61–70.

на «сказке» Алея (Али) — «турченина», батуриного пленника, которого в 1687 г. захватили запорожцы, разбив на Днепре возле Сечи три турецких судна (был отправлен еще к И. Самойловичу). «Сказка» была, по всей видимости, приложена к гетманскому письму царям от 27 марта³². Согласно этому описанию Казы-Кермен был «силный и обронный», представлял собой каменную крепость, в которой насчитывалось «двенатцать бойниц отроговых», ширина каменной стены составляла полторы сажени (почти 3,5 м), высота — двенадцать сажен. Стена была окружена глубоким рвом, глубиной «на полтретью сажени», шириной — пять или шесть сажен. За рвом располагалась «рубленая стена деревянная высокая так, как бы устроенный высокий взвод; от поля кругом города обведена». Артиллерия Казы-Кермена насчитывала 80 пушек, к которым прошлым летом добавились еще 30. «У тех у всех пушек пороху и ядер великий достаток», — свидетельствовал Али. Гарнизон крепости он оценивал в 2200 конных и пеших воинов, получающих ежемесячное жалованье. Для снабжения гарнизона в Казы-Кермене были устроены «три погреба под бойницами каменных великих», которые «насыпаны полны проса, и с тех погребов емлют на три месяца обыкновенной дачи двум тысячам воинским людям и николи того проса ис погребов не починают, разве тогда дают, коли б имело гнить или коли на то место новое в запас привезут». Таким образом, указанные каменные подвалы с запасами проса были продовольственным резервом на случай осады, гарантировавшим, что по крайней мере первые три месяца после ее начала гарнизон не будет голодать. Подобных запасов не имели городки, расположенные на Таванском острове. При этом в одном из них было 25 пушек, в другом — 23 с запасами пороха и ядер. Укрепления обоих таванских фортов были по структуре похожи на казыкерменские, хотя и меньшего масштаба: «стены также низкие и узкие, не так, как около Казыкерменя, по за стеною также в круг не зело великие рвы обведены, а за рвами стена рубленая деревянная кругом построена». Гарнизон каждого из островных укреплений насчитывал 500 человек. Боевой дух османских гарнизонов Али оценивал весьма высоко³³. В случае наступления противника они рассчитывали на скорую помощь крымского хана³⁴.

Описание Мазепы, основанное на свидетельствах Али³⁵, тем не менее добавляло к его сказке ряд новых деталей. Так, в нем отмечалось, что помимо 2200 служилых

³² Письмо опубликовано: Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 143–144.

³³ «Те турецкие люди воинские, как в Казыкермене самом, так и в Таванском острове в обеих городках пребывающие, между собою когда ни есть розговаривают, и всегда то твердят, что есть ли бы имело на них какое быть наступление от войск христианских, тогда мыслят, хотя один на одном падая, битися до смерти, а то надеются себе против бусурманского приказу вечнога на том свете избавления, есть ли тут им от христиан будет умереть, и для того хотя бы слышали и видели на себя наступления войск христианских и чрез оная своя безопаства, не толко бежати или здаватися, но жон и детей и пожитков своих никуды вывезить; помощи себе от турскаго салтана отнюдь не надеются имети во время безопаства, толко на самого хана крымского надеются, потому что салтан турской во осторожность хану все те на Днепре городки приказал и хан по указу салтана турского всегда повинен о целости их всякими мерами в надобной обороне радение чинить» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 188. Л. 93–94).

³⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 188. Л. 92–94.

³⁵ «Город Казыкермень стоит близ самого Днепра на берегу, с правой стороны, и снизу Днепра под ним гора каменная, а сверху Днепра земля обретаецца, а крепости его — три пригородка, а от поля стена каменная, толщиною в полторы сажени, около города ров глубиною и шириною пяти сажен, а около рву для зарывного бою учинена крепость деревянным острогом» (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 35. Л. 68–69).

людей, вместе «с торговыми и гулящими людьми», способных к обороне, в Казы-Кермене может быть 3 тыс. человек. Артиллерия крепости состояла из «великих, средних и затинных» пушек, расположенных на башнях и стенах. Вместе с остальными тремя городками, гарнизон каждого из которых насчитывал по 300 человек (а не по 500, как сообщалось в сказке), общая численность обороняющихся в турецких крепостях оценивалась приблизительно в 4 тыс. человек³⁶.

Таким образом, османские укрепления в низовьях Днепра представляли собой серьезную цель: хорошо укрепленные современные крепости, с многочисленным артиллерийским парком, сильным гарнизоном и достаточными запасами продовольствия, пороха и ядер, чтобы выдержать несколько месяцев осады. Три из них были небольшого размера, однако таванские укрепления, расположенные на острове, дополнительно были защищены водами обтекавшего его Днепра. На скорую капитуляцию Казы-Кермена рассчитывать не приходилось, более того — существовала угроза скорого прихода на помощь осажденным крымских татар.

В этих условиях Мазепа выражал готовность выставить для «добывания» крепостей 30-тысячное казачье войско при условии, что с ним будут посланы два русских пехотных полка («для бережения моей целости») примерной численностью в 2 тыс. человек. Сам Л.Р. Неплюев, отмечая, что по предыдущему указу под Казы-Кермен с ним должно идти 10 тыс. войска, а с Косаговым — 6 тыс., просил прибавить ему еще 10 тыс., чтоб контингент под его командованием составил 20 тыс. человек. Предположительно (фрагменты с числами утрачены) 10 тыс. человек должны были заниматься непосредственно осадой Казы-Кермена (быть «над городом в промыслу»), 10 тыс. человек — охранять обоз и прикрывать пути возможного наступления крымцев на выручку осажденным, 6 тыс. — действовать в «плавной» рати.

Особенно Неплюев настаивал, чтобы в походе приняли участие генерал-поручик Патрик Гордон, подполковник Иван Лешуков, полковники Алексей Ливенстон и известный мастер саперного дела венецианец Юрий Лима. Причем Гордону предлагалось «итить и быть сходным товарищем» и ведать те полки, которые пойдут на судах по Днепру. Насчет Гордона Неплюеву вторил и Мазепа: «А понеже гораздо знаем, что генерал Петр Иванович Гордон, как в полевом воинском деле крепко искусен и в добывании крепостей знающей, того ради просим покорно, дабы... ему в том походе быти велели».

Что касается артиллерии, то в статьях Мазепы констатировалось: «той крепости кроме ломовых и верховых пушек и подкопов иными промыслами добывать трудно». Неплюев предлагал для осады Казы-Кермена использовать десять «ломовых» пушек и, видимо, такое же количество (фрагмент документа с числом утрачен) «гранатных». Артиллерию предлагалось взять из Киева или из Севска.

Косагов и Неплюев планировали выступить 20 мая «из указных мест», чтобы «случиться» с шедшим из Батурина Мазепой, «перешед реку Ворсклу к речке Коломаку». Основным силам следовало двигаться к цели похода «сухим путем, а через

³⁶РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 35. Л. 61–70. «А в таванских дву городках турских людей по 300 человек, также и в Шахкермене (Ислам-Кермене. — *Авт.*) 300 человек, а так во всех тех городках зберется числом с 4 000 человек». Полезно сравнить эти данные с показаниями крымского татарина А. Кочакаева, захваченного в плен в мае 1689 г., в ходе второго Крымского похода. Он сообщил, что гарнизон Шах-Кермена насчитывает 300 человек и 30 пушек, Казы-Кермена — 1 тыс. человек, в двух других городках «в Топ-Кермене и в Аслан-Кермене по триста человек и пушек де в тех городках много, а сколько их, того он подлинно не ведает». См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 177.

Днепр перевозитися выше устья Самары», «в плавном походе» на городки предполагалось участие 6 тыс. человек великороссийских ратных людей, 4 тыс. малороссийских казаков «на тех байдаках, которые на Кадацких островах обретаются» (в случае нехватки дополнительные струги следовало прислать из Киева; предусматривалось, что даже по вешней воде струги не смогут пройти пороги, в этом случае их следовало «переделать в такову меру, как бы их бес трудности через пороги переправить возможно было»). Вообще «плавному промыслу» или действиям «плавной рати» в статьях уделялось особое значение. Мазепа подчеркивал его важность, считая, что пехота на стругах может решить несколько задач: сковать силы крепостей, расположенных на Таванском острове; блокировать подход возможных подкреплений от устья Днепра — с Черного моря и Очакова; воспрепятствовать переправе крымских татар, если они придут на выручку днепровским крепостям; наконец, если бы переправа удалась и татары угрожали бы русским тылам и снабжению, «плавная рать» могла наладить доставку фуража с днепровских островов; кроме того, на судах под Казы-Кермен можно доставить осадную артиллерию³⁷. Неплюев добавлял к этому, что струги для «плавной рати» следует доставить из Киева, при этом он предлагал дополнительно построить «суды карбусы», прося прислать мастеров из Москвы и Вологды, а также пеньки и «на переделку судов» смолы «немалое число».

В статьях Мазепы отмечалось, что хлебных запасов от момента, «как ратные люди пойдут от Кодака, надобно на четыре месяца». Рассчитывали использовать запасы с Кодацкого острова, а в случае их нехватки продовольствие следовало послать из Киева. Для доставки хлебных запасов с Кодацкого острова на Низ по высокой воде предлагалось послать заранее слободских казаков — ахтырских или других. В случае, если бы весь этот хлеб ниже Днепра через пороги переправить не получилось, запасы к Казы-Кермену можно транспортировать на подводах.

Неплюев просил отдельно позаботиться об оружии солдатам, которые пойдут под Казы-Кермен (ружья, копья, бердыши), отмечая, что «Севского полку у ратных ружья отбирать нельзя, потому что по указу великих государей велено думному дворянину и воеводе Семену Протасьевичу с Севским полком быть в походе в готовности». Помимо этого, он указывал на необходимость прислать «остаточные» струги из Трубчевска и Брянска, загрузив их гранатами, железом, смолой и прочими «пол-

³⁷ В статьях Мазепы констатировалось: «плавному промыслу быть, конечно, неотменно надобно, потому что плавная сила в той войне зело есть потребна, для того, когда я, их царского пресветлого величества подданной, и ближней околничей и думной дворянин и воеводы с великороссийскими и малороссийскими полками пришед с поля, при помощи Божии ту крепость осадим, и те плавные люди тех ратных людей, которые в шанцах и в обозе под Казыкерменем будут в деле воинском против неприятеля увязаны, от Тованских городков и от Шахкерменя (Ислам-Кермена. — *Авт.*) могут боронит[ись], такж когда б от Очакова на оборону Казыкерменя прислал салтан турской свою бусурманскую Днепром судами силу, тогда б то их царского пресветлого величества плавное войско того неприятеля к пристанищу Казыкерменскому не допустило догрестись. Сверх того и хану крымскому с его бусурманскими силами меж Казыкерменем и Очаковым, есть ли на выручку Казыкермену притить похочет, тож их царского пресветлого величества плавное войско в переправе на Днепру пр[епон]у [чи]нить может. А есть ли хан крымской, поскорив где, переправитца чрез Днепр, придет под Казыкермень на выручку и, став от поля, отоймет войску великих государей кормы конские, тогда теж плавные великих государей ратные люди в добыче конских кормов с островов днепровых были б спомочны. А на тех же судах, переправив их чрез пороги, возможно будет ломовые и верховые пушки и полковые припасы и хлебные запасы под Казыкермень провадить» (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 35. Л. 74–75).

ковыми припасами». В экспедиционный корпус воевода Севского разряда предлагал включить 900 человек лучан и торопчан, а также еще 4 тыс. человек севских служилых людей, «которые служат по половине из городов», а также «за вины за прошлогодские бунты» 2 тыс. человек из полка Михаила Вестова и Старооскольский полк («да за вины ж и что розбежались все»). Оба формирования участвовали в 1687 г. в бунте полка Г.И. Косагова.

Что касалось мобилизации войск для прикрытия южных границ, то Мазепа просил, чтобы части войск Белгородского разряда с Б.П. Шерметевым было приказано стоять на Коломаке «для того, чтоб казаки, которые будут в полках и в домех, смотрели на него небезстрашно». Благодаря правительству за решение послать войска С.П. Неплюева в Путивль, гетман просил из него 1 тыс. человек конных направить «на побережье днепровское под Переясловль, дабы там чрез все лето для бережения краю для постраха неприятелей обретались». Сам же Мазепа обещал своих людей также расставить «по днепровой берег», чтобы обезопасить границы.

Идея выслать отряд Косагова на Запорожье в качестве авангарда не была поддержана Мазепой. В гетманских статьях выражалось опасение, чтобы в случае подобного похода «его полку ратные люди пред временем тамошних неугодных местах не знужились и впред грядущие труды не оказались безсилны и безопасны». Если Косагову и «наперед вытти, — отмечалось в статьях Мазепы, — однакож де подождати бы нас на Самаре, дабы все мы там совокупившись и чрез Днепр переправився, и суды и запасы чрез пороги переправив... под Казыкермень обще учинили поход». Ожидая главное войско на Самаре, Косагов единственно мог бы «приложить тщание до переправления чрез пороги байдаков, когда еще вешние воды в великости своей стояти будет».

Касательно строительства крепости на Самаре, то здесь между «инструкцией» Мазепы и статьями Л.Р. Неплюева были небольшие расхождения. Безусловно признавалось, что новый город «делать надобно, для того, что может быти тот город неприятелем крымским людям страхом», а царским войскам, которые пойдут на Крым, «надежным пристанищем». Место строительства предполагалось выбрать во время похода под Казы-Кермен («порадеем учинити осмотр», — писал Мазепа). В гетманской «инструкции» отстаивалась следующая очередность: сначала поход на Казы-Кермен, затем строительство крепости, поскольку «ратным людям в промысле военном быти имеючи, того городского дела не делати, потому, есть ли те ратные люди у того дела утрудаются, то в военном промысле утомленные, не совершенно будут надежны». При этом предлагалось «делать те городские крепости и от приходу неприятельского охранять великороссийских и слободских полков нетчиком и беглецом». Кроме того, Мазепа «для охранения» и «для городского строения работных людей» обещал оставить на р. Самаре 4 тыс. человек. Гетман полагал, что крупной атаки ожидать на место строительства не стоит, поскольку неприятель будет связан операцией под Казы-Керменом: «хан крымский со всеми своими бусурманскими силами, оберегая ту крепость, будет стоять против тех их царского пресветлого величества сил, которые оное добывать будут». Неплюев поддерживал строительство города на Самаре, однако считал, что вести его следует одновременно с походом на Казы-Кермен: «если город строить, то татаром будет небезстрашно, а государским ратным людям, идучим назад (то есть от днепровских крепостей. — *Авт.*), будет надежно, да и малороссийских городов казаком и запорожцам к лутчему утверждению».

Мазепа договорился с Неплюевым и Косаговым, что вместо леса, который должны были высечь и доставить малороссийские люди на строительство города,

гетманские люди сделают 100 лодок для великороссийских ратных людей и пригонят их к устью Самары. «А городовую стену и иную крепость те вышепомянутые войсковые работные люди сделают сколько будет возможно, а старшине и урядом, которые будут у городского дела над теми работными людьми», гетман обещал приказать, чтоб «они дозировали того прилежно и неотступно, имея тщание, чтоб тех городских крепостей по наставлению инженера сделано было немало». Неплюев добавлял к этому, «чтоб великие государи указали по гетманскому челобитью в Олешанских лесах гадячским и миргородским полчаном на водяные суды высечь лесу».

Одним из деликатных был вопрос о жалованье служилым людям самарского города. Мазепа в статьях, с одной стороны, признавал: «что ни есть под моим региментом людцких поселений и надлежащих с них повинности, все то Божие и их монаршеское». С другой стороны, гетман уклонялся от окончательного ответа касательно финансирования гарнизона и просил еще дать ему время на размышление и совет со старшиной³⁸. А в отдельном письме В.В. Голицыну, также отправленном в Москву с М. Вуяхевичем, гетман уже недвусмысленно намекал, чтобы его освободили от «зборов» на гарнизон будущей самарской крепости. Мазепа указывал, что войсковой скарб и так уже несет немалые расходы на содержание наемных полков, запорожских казаков, которые приходят на зимовку в города Гадячского и Полтавского полков, а также на снабжение Запорожской Сечи³⁹.

Приезд М. Вуяхевича в Москву с гетманскими статьями положил начало обсуждению правительством окончательного плана кампании 1688 г., который был принят в середине апреля. Дату — 16 апреля — указывает в своем дневнике П. Гордон, который вообще достаточно точен в своих наблюдениях, почти всегда подтверждающихся русскими архивными материалами. В этот день шотландец сделал запись о встрече с М. Вуяхевичем (по словам автора дневника, он «страстно настаивал на моей отправке к армии») и В.В. Голицыным, отметив, что «дело с Казыкерменом стоит и едва ли будет совершено или решено». А спустя два дня Гордон сообщил об отпусковой аудиенции гетманского посланца и отмене планов похода на Казы-Кермен («нападение на Казы-Кермен не решено»)⁴⁰.

С информацией об этом 18 апреля 1687 г. к Мазепе был отправлен стольник Андрей Иванович Лызлов. Черновик наказа ему сохранился крайне плохо, часть листов отсутствует, другие повреждены, нарушен порядок сохранившихся листов. Тем не менее указанный документ дает возможность реконструировать окончательные военные решения Москвы на текущий год более-менее целостно. Все мероприятия, столь детально обсуждавшиеся в конце зимы — начале весны, были решительным образом пересмотрены. Кампанию было решено провести в сугубо

³⁸РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 35. Л. 61–94 («инструкция Мазепы»), 127–131 (статьи Л.Р. Неплюева). Гетманская «инструкция» была привезена в Москву генеральным судьей Михаилом Вуяхевичем и войсковым канцеляристом Петром Ивановым, то есть Петром Иваненко, или Петриком, будущим мятежником, бежавшим в Крым.

³⁹Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 146.

⁴⁰Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 166. Стоит отметить, что Гордон также сообщает о поездке Л.Р. Неплюева к Мазепе для обсуждения планов кампании. Более того, шотландскому офицеру было известно, что в предложениях, составленных по итогам этой поездки, предлагалось в том числе, чтобы Гордон «был послан» под Казы-Кермен «со званием сходного товарища и командовал белгородскими полками, кои должны быть в армии» (Там же. С. 165–166).

оборонительном ключе, поставив во главу угла задачу строительства самарской крепости.

Лызлов должен был объявить Мазепе, что в текущем году ему и Неплюеву с войсками следует «идти на свою великих государей службу на реку Самару для строения крепостей», соединившись 25 мая на р. Коломак. Гетману приказывалось послать в поход 20 тыс. казаков (предусматривалось, что в случае сложной обстановки на Украине и какого-то «замешания» в отдельных полках Мазепа пошлет вместо себя надежного «региментаря»), расположив оставшееся войско «для остерегания от неприятельского приходу» «в пристойных местех». В поход «для бережения... целости» гетманы из Москвы к Мазепе обещали отправить два полка московских стрельцов. Придя на Самару, Мазепе и Неплюеву предписывалось найти «к тому городовому строению пристойное место» и приступить к сооружению крепости. Строительство прямо объяснялось необходимостью создания опорных пунктов для будущего нового наступления на Крым: новый город «царского величества ратем, которые посланы будут на крымские юрты, будет надежным пристанищем». При этом накануне выступления Мазепа должен был приказать не только «словесно розгосить, но и уневерсалами объявить, что тот их великих государей с ратными людьми поход будет на самой Крым и для промыслу под турецкие городки, на Днепре стоящие». О планах же строительства Самарской крепости никто из «посополитых людей» знать был не должен. Только в случае «подлинных» вестей о том, что крымский хан отправился в поход на Польшу, несмотря на «отвращение себе от их городского строения и от промыслу запорожского», Неплюеву и Мазепе предписывалось «для удержания хана крымского» идти «сухим путем и плавным» со всеми силами на Запорожье и под «турецкие городки» и «чинить... как над городками, так и над крымскими юрты военной промысл». Однако, сделав последнее объявление гетману при старшине, Лызлов наедине должен был пояснить Мазепе, что это было сделано нарочно, для «старшины и посполства», тогда как в реальности великие государи «*наступателного над неприятели промыслу и над турецкими городки промыслу ему, гетману Ивану Степановичю и околничему и воеводе Леонтью Романовичю чинить не указали, а иметь [им] промысл оборонителной*» (курсив наш. — Авт.).

Идя на встречу просьбам гетмана, в Москве согласились с тем, чтобы Б.П. Шереметев держал в текущем году в готовности войска «по черте и за чертою». Критику Мазепой похода Косагова на Запорожье в Москве не восприняли. Генерал должен был действовать по схеме 1686 г., двинувшись «сухим путем» с отрядом («а ратным людем с ним быть по прежнему наряду») в Запорожье, «где он прошлого году стоял», чтобы «над теми крымскими татары на переправах их при помощи Божии промысл чинить». Единственное отличие от планов двухлетней давности состояло в том, что теперь Мазепа должен был отправить вместе с Косаговым «малороссийских городов ратных людей в тот поход немалое число, надежных и со всякими воинскими и хлебными нескудными запасы». Меры по обороне днепровского рубежа включали не только концентрацию войск С.П. Неплюева под Путивлем «по подлинным вестям», но и усиление гарнизонов Киева и Переяславля, в каждый из которых предполагалось послать «по полку стрелецкому с начальными людьми». Соответственно и гетману следовало направить в район Днепра часть своих войск.

Согласно принятым ранее на себя обязательствам Мазепе предстояло обеспечить изготовление и доставку в устье Самары ста лодок для передачи Г.И. Коса-

гову. Кроме этого, гетману поручалось «по вешней воде» отправить на Запорожье к Косагову суда с хлебными запасами, которые были оставлены на зиму на Кодацком острове.

Мазепе также сообщали, что в Москве нет четких представлений о планах военной кампании в Речи Посполитой. В русской столице предполагали, что большого похода с участием короля вряд ли стоит ожидать, не знали там и того, будут ли куда-нибудь посланы войска во главе с гетманами. Лызлов должен был объяснить гетману отказ и от «большого» похода на Крым⁴¹ («великому генералному на Крым походу всеми войски ныне быть для прошлого походу тягостей невозможно, а надобно ратным людем нынешняго лета поисправитца») и от «малой» экспедиции на Казы-Кермен («с нынешними людами, которым с ним гетманом и с околничим и воеводою быть велено, под городки итти не надежно и от неприятелского приходу опасно»; кроме того, время на подготовку такого похода уже упущено)⁴².

Переговоры гетмана с Лызловым были закончены 6 мая, однако об их результатах сведения в источниках отыскать не удалось⁴³. Впрочем, к этому времени было уже очевидно, что в результате обсуждений и дебатов в русских политических кругах (с участием Мазепы), продлившихся всю вторую половину зимы и почти всю весну, утвержденные планы кампании 1688 г. были довольно скромными и носили явно оборонительный характер. Отказавшись от «большого» похода, московские власти достаточно долго колебались насчет организации похода «малого» — на Казы-Кермен, однако в результате решили не предпринимать и его. Главной «службой» ратных людей и гетманских казаков на южных рубежах страны стало строительство новой крепости в устье р. Самары.

Основание Новобогородицка

Первый Крымский поход показал недостаточность военных усилий, которые могли бы принудить хана не только принять хотя бы минимальные условия русской стороны, но даже начать переговоры. Подобный итог, несомненно, должен был поставить перед московским правительством и главным инициатором военной экспедиции на Крым В.В. Голицыным вопрос о необходимости расширения мер военного давления на противника, и в первую очередь об укреплении позиций России в низовьях Днепра. В Москве прекрасно понимали необходимость этого, о чем свидетельствует основание Каменного Затона и размещение там гарнизона летом 1686 г. План постройки крепостей на р. Самаре обсуждался еще на военном совете 14 июня 1687 г., а в царской жалованной грамоте новому гетману Мазепе говорилось о необходимости сооружения целой системы крепостей на р. Самаре и Орель (у ее притоков Орчика и Берестовой) «для утеснения и удержания Крыма», которые предполагалось заселить «охочими малороссийскими людьми»⁴⁴.

⁴¹ Одновременно гетману предполагалось объявить, что новый поход на Крым планируется в следующем году (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 50. Л. 59).

⁴² РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 50. Л. 1, 6–26, 30, 62.

⁴³ В письмах Мазепы царям и Голицыну сохранились лишь общие упоминания о завершении переговоров с Лызловым. См.: *Лермонтова Е.* Письма малороссийских гетманов Ивана Самойловича и Ивана Мазепы // *Русский архив.* 1913. № 9. С. 402–404 (повторно опубликовано по копии, хранящейся в Киеве, с добавлением цедулы к письму И.С. Мазепы В.В. Голицыну: 3 епістолярної спадщини... С. 25–27); *Листи Івана Мазепи.* Т. 1. С. 165.

⁴⁴ *Яворницький Д.И.* История... Т. 3. С. 41.

23 мая 1688 г. полк Л.Р. Неплюева выступил в Самарский поход из Рыльска, прибыв к середине июня в Ахтырку. После сбора всех ратных людей он насчитывал около 15 тыс. человек, включая 4 рейтарских (более 3 тыс. человек), 10 солдатских полков (почти 11 тыс. человек), 1,5 тыс. слободских казаков Харьковского и 500 — Ахтырского слободских полков⁴⁵.

Мазепа собрал для похода на Самару 20 с лишним тыс. выборных казаков Черниговского, Нежинского, Лубенского, Гадячского, Стародубского, Прилуцкого и Миргородского полков, а также конные и пешие наемные полки⁴⁶. Помимо казаков, в гетманском войске были и два стрелецких полка — стольников и полковников Б.Ф. Дементеева и А.А. Чубарова⁴⁷. Мазепа рассчитывал выступить из Батурина 25 мая, однако задержался, оправдываясь поздним прибытием в гетманскую ставку вышеупомянутых стрелецких полков. 13 июня стрельцы наконец прибыли в Батурин и уже на следующий день гетман выступил в поход, а 20 июня съехался в лагере под Константиновом («в урочище близ реки Сулы ниже городов Недрыгайлова и Костянтинова») с Неплюевым (прибыл без войска). Здесь Мазепа и глава Севского разряда обсудили планы дальнейших действий⁴⁸. Статьи, посланные Мазепой в Москву по итогам этого совещания, сохранились не полностью, тем не менее они позволяют вполне определенно очертить высказанные гетманом предложения по организации Самарского похода и волновавшие его в связи с этим проблемы.

Мазепа по-прежнему отказывался мобилизовать на строительство людей из малороссийских полков, у которых наступает период «сенокосу и хлебной жатвы», соответственно, строительство должно было реализовываться силами малороссийских казаков и русских полков, каждому из которых планировалось выделить свой участок работы. В связи с недовольством запорожцев, которые могли «помириться с ордой» и тем самым спровоцировать татарский набег в район устья Самары, Мазепа по согласию с Неплюевым предлагал послать в район крепости «прибавочное войско», «с которым бы возможно было неприятелским бусурманским наступлениям давати отпор и устрашити и уняти такие неприятных голов запорожских намерения». Также гетман напоминал о необходимости выслать «в средину Малой Росии» часть Севского полка во главе с С.П. Неплюевым, который должен был расположиться «обозом под Быковым между Прилукою и Переяславом». Мазепа вновь повторял свой тезис о нецелесообразности войскам Косагова идти сразу на Запорожье (тем более что его полк еще не был готов к походу), как это планировалось изначально. Он предлагал, чтобы Косагов спустился с основным войском к устью Самары, а там уже решение о его марше на Запорожье должно было быть принято «смотря по ведомостям». Основное войско Мазепа предлагал не держать долго на Самаре и отвести его немедленно после постройки города (на нее отводилось три-четыре недели) в связи с необходимостью подготовки к будущему большому походу.

⁴⁵ Великанов В.С. Службы Севского полка... С. 63–64. Несколько странно, что автор, посвящая свою статью в том числе строительству Новобогородицка, совершенно не использовал имеющуюся по истории крепости литературу и опубликованные Д.И. Яворницким источники. Сделай он это, ему бы, в частности, не пришлось спорить с казацким летописцем С. Величко о степени участия русских войск в сооружении Новобогородицка.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 72. Л. 17.

⁴⁷ Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 223, 225.

⁴⁸ Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 173, 177, 178, 181–186, 188–191; 3 епістолярної спадщини... С. 36; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 72. Л. 2–4 (отписка Л.Р. Неплюева о встрече с Мазепой от 22 июня).

ду на Крым, оставив в качестве гарнизона 3 тыс. «ратных людей» (часть его могла быть сформирована за счет украинских казаков) с «знатным» и в «воинских делах искусным» командиром. Наконец, после завершения строительства гетман выражал готовность даже осуществить поход вместе с русскими войсками на Перекоп, при наличии трех условий: 1) получения «подлинных доводов», что Селим-Гирей сам пойдет в поход «в полуденные страны против войск христианских цесарского величества» или вышлет туда «многие орды», в результате чего Крым «останетца в малолюдстве»; 2) если «травы в полях горети не станут и в кормах конских скудости не будет»; 3) если «от запорожцов и от городовых каковых малодушных противности какой и препятя не будет». Также Мазепа сообщал, что «чолны или лотки», которые он обещал сделать в городах своего регимента «и ратным государским людям для плавного походу отдати», уже готовы, и гетман велел их отвести по Днепру к Кодацкому острову.

Из царского ответа на статьи Мазепы сохранились лишь отдельные листы, из которых, опуская формальности, можно получить информацию лишь об одном решении, которое было принято в русской столице в ответ на гетманскую просьбу. Речь шла об указе Б.П. Шереметеву идти с полками Белгородского разряда на р. Коломак и до возвращения Мазепы и Неплюева из Самарского похода «стоять в том месте со всякою осторожностью и осмотрением, чтоб неприятельские бусурманские войска в державу их царского величества безвестно не напали»⁴⁹.

3 июля Мазепа пришел на р. Коломак, где, по всей видимости, на следующий день соединился с войсками Неплюева и Косагова. 5 июля объединенное войско двинулось к Самаре⁵⁰. Как сообщал присутствовавший в русском войске польский резидент и брацлавский стольник С. Глосковский, великороссийские и малороссийские войска шли в следующем порядке: справа — Неплюев, в центре — Мазепа, слева — Косагов. Польский дипломат хвалил московское и казацкое войско («барзо доброе»), две трети которого составляла пехота, а треть — конница. Русско-украинские войска прибыли на назначенное для строительства место 22 июля (12 июля по старому стилю), и уже на следующий день начались работы по возведению крепости. Неплюев, Косагов, Мазепа и откомандированный для руководства стройкой инженер-иноземец полковник Вилим Фанзален разметили расположение будущих укреплений, а солдаты и казаки начали копать рвы и насыпать валы⁵¹. 25 июля Мазепа сообщал царям, что «рвы и валы по большей части зделаны, так и дерном належащее и потребное строение знатно окажется, и даст Господь Бог, что всемогущую его помощь в первых числах августа так крепость станет в своем совершенстве»⁵². Гетман особенно хвалил Неплюева, который якобы пропадавал на стройке с утра до вечера, несмотря на слабое здоровье, вызванное приступами с обилием мокроты⁵³.

В результате строительных работ к 1 августа 1688 г. были возведены земляные укрепления, а к 27 августа сооружены 260 просторных изб для гарнизона, в том числе 1 приказная и 3 воеводские избы, храм во имя Пресвятой Богородицы, 2 порохо-

⁴⁹РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 72. Л. 7–12, 15–29.

⁵⁰Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 198–200.

⁵¹Станіславський В.В. Запорозька Січ та Річ Посполита. 1686–1699. Київ, 2004. С. 84, 232–234. См. также: Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 200–202. Глосковский покинул русский лагерь 20 июля (Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 202–203).

⁵²Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 207. См. также: Там же. С. 214–215.

⁵³Там же. С. 212.

вых погреба, ледник, 17 плетневых сараев и другие строения. Центр новопостроенного города имел периметр 410 сажен и был предположительно опоясан деревянным палисадом (в описи он не упоминается), рвом и валом, на котором были оборудованы 17 пушечных раскатов. Вокруг него был устроен посад, защищенный рвом (ширина — 2,5 сажени; со стороны реки — 1,5 сажени; глубина — 1,5 сажени) с 17 выводами и валом, периметр которого составлял 1641 сажень. Переброшенные через рвы мосты были укреплены надолбами. Ратные люди Л.Р. Неплюева построили 170 двойных изб в 4 окна, 3 сарая, оборудовали 14 раскатов под орудия; полк Г.И. Косагова соорудил 50 двойных изб, 4 плетневых сарая с камышовой крышей для хранения хлеба, 3 орудийных раската; казаки Мазепы — 7 дворов, включая 6 изб с сенями и 2 светлицы, 9 плетневых сараев; два полка находившихся при гетмане стрельцов — 1 плетневый сарай с камышовой крышей. Для нужд будущего гарнизона было накошено 4047 возов сена⁵⁴.

После завершения строительства, в конце августа, Мазепа предлагал В.В. Голицыну построить еще одну крепость, в устье впадавшей в Самару речушки Бык, для контроля за традиционными путями татарских набегов⁵⁵, однако осуществлен этот план в 1688 г. не был, а в следующем году еще одну крепость построили в другом месте.

Первым комендантом Новобогородицка должен был стать командовавший Орловским полком Константин Малеев (входил в состав Севского разряда), однако Мазепа, посоветовавшись с Л.Р. Неплюевым, не стал его назначать, потому что он был «человек... в слове зело тих» и к тому же необходим окольному для пересы-

⁵⁴ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 158–161. Комплекс источников, опубликованный Д.И. Яворницким, до сих пор остается единственной основой для описания строительства крепости, на который опирались все последующие исследователи, и в том числе сам историк Запорожья (*Яворницкий Д.И.* История... Т. 3. С. 48–49). При этом исследователь допустил ошибку: данные, содержащиеся в последнем предложении первого абзаца на с. 49 (про окружность земляного окопа в 600 сажен и про размеры вала), относятся к Новосергиевску, построенному годом позже, что со всей ясностью следует из опубликованных самим Яворницким документов (*Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 195); при этом здесь же исследователь неточно передал заимствованный из описания 1690 г. размер вала «в подошве» — 18 сажен (на самом деле — 8). Это привело к тиражированию в последующих работах неточных данных о периметре крепости — 600 сажен, хотя на самом деле в известном ее описании упоминается лишь окружность в 410 сажен (не исключено, впрочем, что это только та часть «валовой крепости», что сделали солдаты Неплюева, и в этом случае данный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании). Исследователи, пересказывающие данные Яворницкого, добавляют к его ошибке свои неточности, однако в рамках настоящей работы не представляется возможным провести их детальную ревизию. Немало работ последнего времени посвящены также археологии и исторической топографии Новобогородицка. См., например: Перлины козацького Присамар'я: містечко Самарь та Богородицька фортеця. Проблеми археології подніпров'я: [тема т. зб.] / редкол.: І.Ф. Ковальова (відп. ред.) та ін. Дніпропетровськ, 2008; *Векленко В.А.* Нательные кресты Самари — Богородицкой крепости. Днепропетровск, 2010. С. 96–104; *Векленко В.А., Малов А.В., Несправа Н.В.* Богородицкая крепость по археологическим и письменным источникам // Позднесредневековый город III: археология и история. Материалы III Всероссийского семинара. Ноябрь 2009 г. / под ред. А.М. Воронцова, И.Г. Бурцева. Тула, 2011. С. 259–270; *Воронцова И.А., Неделин В.М.* Кремль, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Юга России. Т. 2. Кн. 2. М., 2016. С. 319–325 и др. См. также: *Белов М.* К истории дипломатических отношений России... С. 176–177.

⁵⁵ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 164–165.

лок с гетманом. В итоге крепость передали во временное управление Г.И. Косагову до приезда назначенного воеводой боярина И.Ф. Волынского⁵⁶. По наряду от 18 августа 1688 г. в Новобогородицке должен был разместиться гарнизон численностью 547 копейщиков и рейтар и 3944 солдат (всего 4491 человек). По перечневой росписи, которую прислал в Москву Г.И. Косагов, налицо в Новобогородицке оказалось 499 рейтар и 3515 солдат (всего 4014 человек), включая рейтарский полк Кашпира Гулица и солдатские полки полковника Юрия Шкота, подполковника Калистрата Данилова, полковника Федора Стремоухова (все из полка Л.Р. Неплюева). К 1 декабря 1688 г. численность гарнизона еще сократилась — до 3463 человек (489 рейтар и 2974 солдата)⁵⁷. По расчетам Разрядного приказа на первый месяц снабжения гарнизона (исходя из перечневой росписи) денежным жалованьем и хлебными запасами необходимо было 1525 руб. 8 алтын 2 деньги (первая выдача, видимо, должна была охватывать и предыдущие месяцы, потому что в дальнейшем ежемесячное жалованье на весь гарнизон рассчитывалось на уровне около 527 руб. в месяц) и 1003 четверти с полуосьминой ржаной муки (752 четверти с осьминой и четвериком), круп и толокна (по 125 четвертей с осьминой и с четвериком и полчетвериком). Хлебных запасов в Новобогородицке было с лихвой — в дополнение к имевшимся почти 28 тыс. кулям муки, овсяных и гречневых круп, толокна и пшена Г.И. Косагов в конце октября принял у прибывшего из Киева майора И. Личковского еще почти 10 тыс. кулей / четвертей муки (спущены по Днепру на стругах). Всего к концу года в крепости было сосредоточено более 33 тыс. четвертей ржаной муки, более 2,3 тыс. кулей круп и пшена, более 2,5 тыс. кулей толокна — всего более 37,4 тыс. четвертей. Наконец, к этим запасам севский воевода и окольный Л.Р. Неплюев должен был прислать по царскому указу (дан в октябре 1688 г.) в Новобогородицк 26 тыс. (позднее цифра уменьшена до 25 тыс.) четвертей сухарей⁵⁸. Для находившегося в крепости гарнизона, как показано выше, нужна была лишь небольшая часть указанного продовольствия. Очевидно, что столь значительные запасы сосредоточивались в преддверии второго Крымского похода, и в этом — служить надежной продовольственной базой для действовавших на юге войск — заключалась одна из функций крепости. Именно так это понимал, в частности, С. Глосковский, который значительную часть своего письма коронному гетману С. Яблоновскому посвятил роли крепости в продовольственном снабжении действовавшей на юге русской армии. Благодаря ее постройке появилась возможность сосредоточить провиант для второго Крымского похода заранее, спуская его вниз по Днепру. Резидент также полагал, что Новобогородицк станет важным вспомогательным пунктом для атаки на

⁵⁶ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 142, 162, 165.

⁵⁷ 13 октября в одной из отписок Г.И. Косагов жаловался, что рейтары и солдаты, получив жалованье из Новобогородицка, «бегут непрестанно», поймать их не удастся, потому что беглецы идут на север, «не займая городов», где были поставлены заставы для их сыска, «степи бездорожно». К 1 октября из гарнизона бежали 55 человек, а в этот день исчезли еще 12 рыльских рейтар. Последние дезертировали «с походу, как пошли за воинскими людьми, которые приходили под Богородицкий город». К отписке прилагалась роспись беглецов. См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 86. Ч. 1. Л. 66–71.

⁵⁸ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 142–154, 165–168; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 86. Ч. 1. Л. 91–94, 108–110, 165. Подводы под сухари следовало взять с митрополичьих, владельческих и монастырских вотчин Белгородского и Севского разрядов (по подводе с двух дворов). См. память из Приказа Малой России в Разряд от 10 ноября 1688 г.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 86. Ч. 1. Л. 59.

Казы-Кермен и остальные днепровские крепости, значительно облегчив снабжение войск, которые могут быть туда направлены. Неплюев также поведал Глосковскому, что Новобогородицк облегчит слободским и малороссийским казакам атаки на Крым зимой, через посредство Запорожской Сечи⁵⁹. Все эти рассуждения, несомненно, отражали военно-политическое видение московского правительства касательно роли новопостроенной крепости в укреплении российского влияния в регионе.

Осенью 1688 г. — в первые месяцы 1689 г. в Новобогородицке активно формировалась местная администрация. Уже вскоре после завершения строительства Г.И. Косагов рапортовал, что с 1 сентября должны приступить к исполнению обязанностей избранные на кружечный двор «питейной голова» и целовальник, однако они до сих пор не приведены к присяге из-за отсутствия чиновной книги. 24 сентября последовал указ послать в Новобогородицк чиновную книгу через почту, однако память о ее покупке датирована лишь 12 ноября⁶⁰. 21 октября 1688 г. на службу в крепость был назначен подъячий Владимирского судного приказа Стенька Елизаров (вызвался вместо своего свойственника, подъячего Приказа Большой казны Алексея Бухарева) с окладом в 15 руб.⁶¹ Где-то в тех же числах в новопостроенную крепость получил назначение подъячий Поместного приказа Роман Ряховский⁶², а в ноябре воевода Рыльска князь А. Волконский по царскому указу отправил в Новобогородицк «для письма» подъячего местной приказной избы Леонтия Звягина⁶³. 15 января 1689 г. в Малороссийский приказ из Аптекарского прислали наряженного на службу в Новобогородицк лекаря Ивана Венедиктова с учеником Алексашкой Ивановым и лекарствами на 120 руб.⁶⁴ Дьяком в южный форпост России был назначен Макар Полянский. Однако уже 27 ноября 1688 г. датирован отпуск царской грамоты в Новобогородицк об отзыве Полянского и направлении его в Чугуев, в формирующийся Низовой полк окольного И.Ю. Леонтьева. Вместо него в Новобогородицк должен был направиться дьяк Марк Боженов. Это назначение, впрочем, не состоялось, потому что известно, что 27 февраля 1689 г. воевода Новобогородицка И.Ф. Волынский получил новую царскую грамоту о высылке к нему Боженова и направлении Полянского на этот раз в Чернигов, в распоряжение тамошнего воеводы князя Ф.Ф. Волконского. Однако к 1 марта Боженов в Новобогородицк не прибыл⁶⁵, и Полянский служил в крепости и дальше. Не исключено, что перед нами пример неудачных попыток Полянского освободиться от тягостной службы на юге при помощи московских друзей и покровителей, пресекавшихся официальными властями.

Осенью 1688 г. началось заселение посада Новобогородицка «охочими людьми». Царское правительство поощряло переселение туда казаков и вольных людей

⁵⁹ *Станіславський В.В.* Запорозька Січ... С. 84–85, 233–234. Поездка С. Глосковского и его наблюдения в целом способствовала формированию у польских военно-политических кругов позитивной оценки факта строительства Новобогородицка. Схожим образом цели постройки Новобогородицка объяснял С. Яблоновскому в своем письме И.С. Мазепа (Листи Івана Мазепа. Т. 1. С. 203–204).

⁶⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 86. Ч. 1. Л. 57–57 об., 62, 112.

⁶¹ Там же. Л. 48–49, 52–53 об.

⁶² Там же. Л. 50–51.

⁶³ Там же. Л. 188.

⁶⁴ Там же. Л. 54–56 об. Грамота И.Ф. Волынскому об отправке лекаря датирована 14 февраля 1689 г.

⁶⁵ Там же. Л. 63, 186.

из городов Малой России, но запретило воеводам принимать выходцев из слободских полков — Ахтырского, Сумского, Харьковского, а также из «Орельских городов». В Москве, таким образом, не желали пополнения населения Новобогородицка за счет умаления казачьего населения слободских городов, несшего службу в составе Белгородского разрядного полка, но поощряли выход населения из-под гетманского правления, тем более что гетман никакой власти в Новобогородицке не имел. Все население посада подчинялось новобогородицкому воеводе, подобно тому как «в великороссийских слобочках городех жители пребывают», хотя и получало ряд льгот: беспошлинное изготовление меда и пива, сословное самоуправление в рамках конституированной социальной группы — казачества (должны были выбрать «между себя полковника и иную старшину») или мещанства («тем велено выбрать себе войта и бурмистра и иных урядников»); бесплатное получение строевого леса и дров. Однако торговля, а также винокурение облагались указными пошлинами (с бочки вина полагалось платить по ефимку чехами или мелкой серебряной монетой); при этом в городе заводился и царский кабак, «так же как в Киеве и в иных малороссийских и великороссийских городех»⁶⁶. В итоге социально-экономическая жизнь в Новобогородицке была организована царским правительством на основе модели, успешно опробованной ранее в слободских городах Белгородского полка, как это и предполагалось изначально.

Татарские набеги на Изюмскую черту лета — начала осени 1688 г.

В наказе Голицыну ко второму Крымскому походу отмечалось, что наступление московского войска в 1687 г. на Крым обусловило полную пассивность ханства в отношении русского пограничья в последующем году: «А хан крымской и юртов ево татарове и в то время и после того по нынешней по 197-й год потому ж нигде в тамошних местех не показались, толко в некоторых местех были загонные люди небольшие»⁶⁷. Весной и в первой половине лета, как мы видели, ордынцы действительно оставили русские рубежи практически в покое. Ни расставленные Мазепой по Днепру полки, ни собранные войска А.И. Хитрово (в Хотмыжске), Б.П. Шереметева (в Золочеве), С.П. Неплюева (в Путивле) не пришлось задействовать для отражения нападений даже средних татарских «загонов». Насколько оценка, изложенная в наказе, оказалась верной для второй половины 1688 г.?

Крымские языки, взятые запорожцами в апреле 1688 г., сообщали, что Селим-Гирей «имеет всех беев и мурз съезд быть к нему в Бакшисарай для думы». Совет должен был решить, высылать ли в текущем году войско на венгерский театр военных действий или нет, как того неоднократно требовал новый султан. Решение было особенно ответственным, учитывая, что в Крыму опасались нового «приходу» русских войск⁶⁸. Не исключено, что на указанном съезде обсуждались и возможные действия в отношении Москвы. Примерно в то же время киевский воевода И.В. Бутурлин сообщал Мазепе, что местные пасечники заметили в 25 верстах от Киева (урочище Кодачок) крупную татарскую орду (несколько тыс. человек). Мазепа немедленно велел провести разведку компании, стоявшей под Киевом, направив туда

⁶⁶ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 137–142; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 86. Ч. 1. Л. 113–121.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 242 об.

⁶⁸ Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 148.

же дополнительно полк Г. Пашковского⁶⁹. Слухи эти, судя по всему, не подтвердились, поскольку сведения о каких-то активных действиях крымцев в районе правого берега Днепра за 1688 г. отсутствуют. Возможно, этому отчасти способствовали мероприятия русского правительства по охране днепровских рубежей. 20 июля Мазепа сообщал коронному гетману С. Яблоновскому, что приказал киевскому полковнику расположиться под Васильковом с Киевским и с частью Стародубского полка и «перебивати (перекрывать. — *Авт.*) шляхи даже до Житных гор», Переяславскому полку стать у р. Роси — «перебивати шляхи за Лебедин», Миргородскому — «к Черному лесу и перебивати шляхи до реки Богу»⁷⁰. С этой же целью по неоднократным просьбам Мазепы в Переяславль был выслан полк С.П. Неплюева, сформированный из служилых людей Севского разряда (1,5 тыс. человек, включая 276 дворян и детей боярских сотенной службы, 280 рейтар, 268 севских казаков, 599 солдат; 4 двухфунтовые пищали, 200 ядер к ним). Ратные люди вышли из Севска 10 июля, в конце месяца прибыли в Переяславль, а уже в конце августа Неплюев получил указ о роспуске полка⁷¹.

В одной из грамот на имя царей (от 25 июля) Мазепа сообщал, что Селим-Гирей всю весну был в Крыму и лишь в начале июля вышел на р. Каланчак со всей ордой⁷². Этому походу предшествовало начало активных рейдов татар против городов недавно построенной Изюмской черты. В течение июня – сентября нападению подверглись почти все городки ее западной части, расположенные по р. Мже и Северскому Донцу от Савинского (Савинцы) до Нового Перекопа. При этом целью татарских отрядов был не только захват пленных и добычи, но и повреждение укреплений самой черты. Кроме городов по черте, атакам орды подверглись также расположенные южнее ее Маяцкий и Тор.

В мае и апреле нападения были еще достаточно спорадическими и осуществлялись небольшими отрядами. В конце апреля в Белгород от маяцкого воеводы князя Тимофея Волконского пришло известие, что татары «поймали в Теплинском лесу многих людей», а 13 мая — еще одно письмо, с уведомлением о захвате 25 человек у Торских озер отрядом «воинских людей» численностью в 200 человек. По свидетельству троих бежавших из плена солдат «наемной пехоты», указанный отряд, дойдя до верховьев р. Миус, разделился: 150 человек отправились для захвата становища рыбака Дорофея Деревянного, к которому «приступали от утра до вечера». Судьба несчастного рыбака и его товарищей не известна, но вряд ли она была завидной.

В конце мая — в июне началась первая массированная атака орды на укрепления Изюмской черты. 27 мая за чертою, между «речак Торца и Голой Долины под Бабьим бояракам приходила немалая орда» (более 800 человек, «а с ними было три знамени, да прапар, да бунчюк»), атаковавшая «з дву сторон» находившийся там отряд харьковских и изюмских казаков под командованием Константина Донца, сына харьковского полковника. Бой длился «с первого часа до полудня и многих де их неприятелей на том бою побили и поранили». Из слободского отряда погиб один

⁶⁹ Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 149.

⁷⁰ Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 204. О том же сообщал С. Яблоновскому С. Глосковский. См.: *Станіславський В.В.* Запорозька Січ... С. 232–233.

⁷¹ *Великанов В.С.* Службы Севского полка... С. 65. См. также: 3 епістолярної спадщини... С. 47.

⁷² Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 208.

казак из Балаклеи, а трое изюмских казаков, включая змиевского сотника Степана Дьякова, были ранены из луков⁷³.

18 июня в Белгород пришли письма из Маяцкого от князя Т. Волконского, а также от харьковского полковника Григория Донца и ахтырского полковника Ивана Перекрестова, что татары «болшим собраньем ис степи приходили под Торские озера да под Перекоп к иным тамошним местам и стада отогнали, а с теми де воинскими людьми были черкесы и калмыки, а по той де стороне Коломка воинских людей татар многие силы были и по всему де полю в розных местех с сей де стороны Коломка многие воинские люди объявились и били Харьковского полку казаков, которые высланы на службу»⁷⁴.

25 апреля отряд харьковских казаков в 1,5 тыс. человек под командованием наказного полковника, сотника г. Валки Федора Мураховца двинулся «в крымской промысл» на соединение с Неплюевым. К 7 июня казаки находились «за речкою Коломком близ Мурамской сакмы от Нового Перекопу в 5 верстах», разбив там лагерь⁷⁵. Здесь в ходе строительства Изюмской черты в 1680 г. был сооружен перекопский вал, начинавшийся в верховьях Коломака и насыпанный поверх старых «валков». Он тянулся до построенного тогда же г. Нового Перекопа (Перекоп, или Новые Валки), перекрывавшего Муравскую сакму (шлях) — популярный маршрут набегов татар на русское пограничье. Городок был опоясан двумя линиями укреплений: наружной — в виде квадратной земляной насыпи и внутренней — в виде деревянного острожка. В 1681 г. там несло службу 218 черкасов⁷⁶.

7 июня до «отдачи часов ночных» (то есть незадолго до рассвета) отряд Мураховца был атакован татарами — отрядом численностью около 4 тыс. человек. Татары «к обозу их приступали жестоко», казаки «с теми татары из обозу стрелбою и ручным боем билися до 6 часу дни и многих татар и под ними лошадей побили, а иных ранили и от обозу их отбили». В харьковском отряде было ранено 104 человека, «а до смерти ни одного человека не убили, а от обозу те татары пошли в крымскую сторону». 8 июня казаки прошли 10 верст по следу отступавших татар, обнаружив на пути «покинутыя хворостяные и с тростнику пуки, в тех пуках лопаты». Преследователи сделали обоснованный вывод, что «те пуки и лопаты были у них для того, чтоб заволя ров и роскопав вал, итить в города, которые в крепостях», то есть татарский отряд планировал прорыв укреплений Изюмской черты⁷⁷. Согласно донесению полковника Г. Донца стоявшему в Чугуеве воеводе С.Б. Ловчикову (здесь бой датирован 6 июня; численность татар указана 5 тыс. человек) казаки в бою у Тумина (Фомина) Рога потеряли также двух человек пленными и немало лошадей⁷⁸. После полученного отпора татары повернули назад, 9 июня в казацкий лагерь пришел полоняник, житель Нового Перекопа, сообщивший, что

⁷³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1252. Л. 77–79.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 726. Л. 357, 351, 352 (правильный порядок листов).

⁷⁵ Там же. Л. 179.

⁷⁶ Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 148, 164–165.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 726. Л. 179–180.

⁷⁸ [Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение II. Уезды Харьковский и Валковский. М., 1857. Стб. 200. На основе этого, гораздо более краткого, известия о бое у Тумина Рога впоследствии писали другие исследователи. См., например: Альбовский Е. История Харьковского слободского казачьего полка (1651–1765 гг.). Харьков, 1895. С. 78.

татарский отряд при нем перешел р. Берестовую, «а полон с ними есть, а иманы де по дорогам около Полтавского полку»⁷⁹.

Движение еще одного крупного татарского отряда от Голой Долины, за Коломаком, обнаружили выехавшие туда «на сторожу» ахтырские казаки. Тамошний полковник И. Перекрестов 7 июня писал об этом Б.П. Шереметеву, а тот 8 июня — чугуевскому воеводе С.Б. Ловчикову. Перекрестов по этим вестям двинулся с войском в Красный Кут⁸⁰.

Несмотря на поражение при Тумином Роге, уже 11 июня татары, перейдя Донец ниже Бишкина, пришли «безвестно» под Лиман, убив и взяв в плен более 20 человек мещан городской службы и казаков полковой службы и отогнав большие стада скота. Уже уходя из Лимана, они разорили Бишкин, захватив там многих жителей на полях и в самом селении «по подворкам»⁸¹. Разрядная выписка о набегах татар в 1688 г. отмечает, что они даже «стояли кошом в Бишкине на посаде»⁸².

В июле последовали нападения на Савинский (Савинцы) и Балаклею. Его совершил отряд «татар выборных нагайских и крымских» численностью 2500 человек во главе с Кубеком-агой, который в середине июня отправился из Азова «для войны и для языков великих государей под украинные городы». Устроив кош за Северским Донцом, орда напала на Савинский и Балаклею⁸³. Нападения произошли 9 июля. Под Балаклеей татары взяли в плен 5 человек «городовой службы», 22 казака и убили одного. Савинский был опустошен, скот угнан, 63 жителя убиты и взяты в плен, в самом поселении осталось всего 40 человек. Вышедший позднее к Балаклее один из пленных сообщил сведения о нападавших татарских отрядах, рассказав, что «на Тарабаровой луке» было 200 татар, «а на другой стороне Донца» якобы «было с 2000 и больше» в сопровождении янычар и 3 пушек. 13 июля татары появились под Балаклеей второй раз, перейдя Донец в двух верстах выше города и «многих людей на полях побили и поранили и в полон поимали»⁸⁴. В последнем случае орда не ушла безнаказанной. В тот же день полковник Г. Донец разбил отряд Кубека-аги под Андреевыми Лозами (Андреевкой), отнял награбленную добычу и гнал противника «до Донца и через Донец»; причем многие татары были «порублены» и «по-

⁷⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 726. Л. 180.

⁸⁰ [Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание... Отделение II. Стб. 265.

⁸¹ [Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение IV. Чугуевские округа военного поселения; уезды — Змиевский и Волчанский. Харьков, 1857. Стб. 133–134, 197–198, 204.

⁸² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 726. Л. 353.

⁸³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1252. Л. 516–517.

⁸⁴ [Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание... Отделение IV. Стб. 134; [Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение V. Изюмский, Купянский и Старобельский уезды; Купянский и Старобельские округа военного поселения. Харьков, 1858. Стб. 83. В данных изданиях обширно цитируются документы архива Чугуевской приказной избы (хранился в Харькове, ныне — в Киеве), являющиеся основной базой для реконструкции хронологии татарских нападений на Изюмскую черту в 1688 г. К сожалению, их тексты и содержащиеся в них данные нередко приводятся с ошибками и разночтениями. Так, например, в первом случае указано, что Савинский был разорен 9 июля, в один день с Балаклеей, во втором — что месяцем ранее (и здесь цитируется документ). Скорее всего, в обоих случаях речь все-таки идет об июльских нападениях.

топлены» при переправе через реку. Донцу удалось отбить 50 пленных⁸⁵. Сам Кубек-ага при этом был ранен и даже якобы взят в плен⁸⁶.

Известия об отражении татар под Туминым Рогом Л.Р. Неплюев получил 14 июня с сотником Федором Григорьевым⁸⁷. 15 июля в русский лагерь на Самаре, где кипели работы по строительству Новобогородицка, пришла весть о движении крупного татарского отряда от Тонких и Молочных Вод «вверх Самары». Гетман и русские военачальники опасались, что крымцы могут обойти их и ударить с тыла, с «килченских поль», либо двинуться разорять «московские слободы»⁸⁸. 20 июля гетман Мазепа писал С. Яблоновскому, что крымцы «в знатном собрании с Шин-Гиреем салтаном» (возможно, командовал татарским войском у Тумина Рога) приходили под слободские города, но ничего не добились и принуждены были отступить, понеся поражение от царских войск. Ссылаясь на свидетельства выходцев из татарского плена, Мазепа уверял коронного гетмана, что Селим-Гирей «совершенно свои очи сюды на их царского пресветлого величества силы обращая, никуда ис Крыму итти и орд своих посылать не имеет» и даже велел нураддину с Белгородской Ордой быть готовым идти к себе на помощь «на оборону Крыма». С целью отражения набегов на Изюмскую черту под Коломаком расположились войска Белгородского разряда Б.П. Шереметева⁸⁹.

По нарядам, подготовленным в Разрядном приказе, планировалось, что города Белгородского полка будет прикрывать 13-тысячная группировка, разделенная на три воеводских полка — белгородского воеводы Б.П. Шереметева и его сходных товарищей — С.Б. Ловичкова и А.И. Хитрово. Войско первого должно было насчитывать 5125 человек, Хитрово — 5130 человек, а Ловичкова — 2780 человек⁹⁰. Указанные формирования собирались и выдвигались крайне медленно, уже в разгар первой волны татарских нападений на Изюмскую черту. В конце июня — начале июля Б.П. Шереметев еще находился в Белгороде, готовясь к походу⁹¹. 10 июля он получил указание идти с находящимися при нем войсками на р. Коломак и стоять там до возвращения Неплюева и Мазепы из самарского похода, прикрывая пограничные города. В ответ воевода жаловался на нехватку подъемных лошадей, трудности в подготовке «полковых припасов», низкую явку ратных людей, но обещал выйти на Коломак «безо всякого мотчанья»⁹². Выступить ему удалось только 23 июля⁹³. Вместе с боярином в поход отправились дворяне московских чинов в ко-

⁸⁵ [Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание... Отделение IV. Стб. 150–151.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 726. Л. 354. Тогда же на переправе через Донец в ходе боя с казаками Г. Донца был пленен допрошенный в Белгороде 17 июля «нагайской орды озовской житель» Тахбулат. Он подтвердил, что Кубек-ага в указанной стычке был ранен. Крымский хан Селим-Гирей, по сведениям пленника, находился в Крыму «и в войну нигде не хаживал» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1252. Л. 516–517).

⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 726. Л. 180.

⁸⁸ Станіславський В.В. Запорозька Січ... С. 235.

⁸⁹ Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 204. С. Глосковский в своем донесении добавлял, что татарским войском под Туминым Рогом командовали «молодой сын ханской и бей азовской» (Станіславський В.В. Запорозька Січ... С. 235).

⁹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1252. Л. 147–153.

⁹¹ Там же. Л. 167–171, 382–385.

⁹² Там же. Л. 482–485.

⁹³ Там же. Л. 503–505.

личестве 664 человек, 40 городских дворян, копейный полк (полковник, 13 начальных людей, 108 рядовых), Лихвинский рейтарский полк И. Фанфеникбира (полковник и 10 начальных людей), Козловский рейтарский полк Х. Ригимона (полковник и 13 начальных людей), солдатские полки (Яблоновский и Белгородский) генерал-поручика Д.В. Граама (49 начальных людей, 300 рядовых), Ефремовский солдатский полк Ю. Фамендина (полковник и 20 начальных людей), Ливенский солдатский полк А. Шарфа (полковник и 19 начальных людей), Белгородский жилой стрелецкий полк Д. Юдина (полковник, 9 начальных людей, 784 рядовых); всего 2036 человек⁹⁴. Неявка ратных людей даже в середине лета была тотальной, а полки, состоявшие из одних начальных людей, вряд ли можно назвать боеготовыми. Поджидая отставших людей, Шереметев стоял лагерем на р. Грязной до 29 июля⁹⁵. 30 июля его войско прибыло на «указное место» на р. Коломак⁹⁶. Сюда с Шереметевым пришло 3509 человек⁹⁷. На 5 августа численность его войска составила 3626 человек. Доукомплектовать многие полки даже до половины штатной численности не удалось⁹⁸.

Второй воевода — А.И. Хитрово из Курска пошел в Хотмыжск 13 июля. Оттуда он должен был выступить в Валки⁹⁹. Его полк в конечном итоге включил в себя копейную шквандру Семена Иванова сына Кнова (5 человек начальных людей и 163 копейщика), Мценский рейтарский полк полковника Ицыхеля Иванова сына Буларта (14 начальных людей, включая полковника, и 424 рейтара), Курский солдатский полк полковника Петра Александрова сына Эрланта (29 начальных людей вместе с полковником и 1265 солдат, не считая оставленных в Курске для охраны полковой казны 24 человек), Хотмыжский солдатский полк полковника Якова Христофорова сына Эрнста (Эрнест) (6 начальных людей, включая полковника и 586 солдат). Вместе со служилыми людьми городской, сотенной службы и пр. (128 человек) совокупная численность указанных формирований составила 2620 человек. Все они собирались крайне медленно, приезды основной части ратных людей были записаны в июле — августе 1688 г.¹⁰⁰

Третий воевода С.Б. Ловчиков, помимо полкового воеводства, получил и городское воеводство в Чугуеве. Туда он прибыл еще в начале 1688 г., приняв 19 февраля у воеводы Ивана Большого Пашкова «город и городские, и острожные ключи, и денежную казну, и наряд, и зелье, и свинец, и всякие пушечные, и в житницах хлебные запасы»¹⁰¹. Указ о сборе воеводского полка Ловчикова был дан в Разряде 8 июля 1688 г. В течение июля — августа на службу в Чугуев прибыли один стольник и двое жильцов из московских чинов, копейный полк Т. Колбрехта (231 человек), Елецкий солдатский полк Андрея Семенова сына Девсена (Девсона) (238 человек), Старооскольский солдатский полк Петра Андреева сына Гасениуса (736 человек), 5 пушкарей. На момент официального роспуска 20 сентября в полку Ловчикова оставалось 1208 человек, не считая полковников и начальных людей. Помимо высокой

⁹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1252. Л. 506–507. Итоговая цифра перечневой росписи — 2088 человек, видимо, ошибочная.

⁹⁵ Там же. Л. 526.

⁹⁶ Там же. Л. 566–567.

⁹⁷ Там же. Л. 569–571.

⁹⁸ Там же. Л. 628–630.

⁹⁹ Там же. Л. 432–433.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 61. Л. 540–620.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1252. Л. 762–764.

неявки (как и в остальных полках), полк чугуевского воеводы пострадал и от высоких, по сравнению с двумя остальными соединениями, небоевых потерь. В течение двух месяцев в полку умерло 295 человек!¹⁰²

Не будет преувеличением сказать, что группировка Б.П. Шереметева, комплектовавшаяся по остаточному принципу, когда наиболее подготовленные полки маршировали с Л.Р. Неплюевым на Самару, вряд ли была способной исполнить возложенные на нее Москвой задачи по обороне городов Изюмской черты. Помимо приведенной выше статистики (численность нарядов была едва исполнена наполовину), сама хроника боевых действий на черте летом — в начале осени свидетельствует об этом со всей очевидностью. Ни Шереметев, ни его сходные товарищи — Хитрово и Ловчиков не предприняли никаких действий, чтобы помешать разорительным татарским набегам на слободские города. Вся тяжесть по борьбе с ордой легла на плечи харьковских и изюмских казаков.

Между тем в середине августа последовал новый удар. 17 августа 900 татар, перейдя вал «против Валковского сторожевого городка», атаковали Соколов, Мерефу и Змиев, и, как сообщал Г. Донец, «многих людей поймали и порубили». Сотники, стоявшие с отрядами на черте у Нового Перекопа, «чинили с татарами бой», но результаты этой стычки неизвестны. Новому нападению подвергся также Бишкин, возле которого на крымской стороне Северского Донца было взято в плен 40 человек¹⁰³.

3 сентября очередной татарский отряд численностью 1600 человек в сопровождении янычар подошел к Северскому Донцу в районе двух бродов — выше Балаклеи и ниже Андреевых Лоз (Андреевки). Татары заложили кош, выслав янычар охранять оба брода, после чего половина отряда (800 человек) перешла реку только через один из них — в районе Елченкова Кута и ударила на Андреевы Лозы и Балаклею, разорив указанные населенные пункты («побрали в полон андреевских и балыклейских жителей и побили многих людей»). В Андреевых Лозах людей хватили прямо во дворах, а в Балаклее было захвачено 15 человек. Уцелевшие служилые люди пытались на переправе атаковать отступавших татар, но захватили лишь одного пленного. По получении этих известий чугуевский воевода Ловчиков послал туда 200 солдат и 100 чугуевцев с двумя начальными людьми, в том числе с капитаном во главе. Но 5 сентября они уже не застали татар, которые отошли. Нападавшие оказались частью турки, частью кубанские черкесы и переселившиеся туда раскольники — 16 человек из них утонуло на переправе выше Бишкина леса¹⁰⁴.

17 августа Мазепа в лагере на Самаре получил известие от посланных им разведов об обнаружении 16 августа «свежего шляха» татар (около 1 тыс. человек), шедших на слободские города. Против них выслали сводный отряд из московских стрельцов гетманского регимента, городских и наемных полков под командой генерального есаула Войцы Сербина. Отряд, дойдя 20 августа до конских следов, сообщил, что «шлях толь велик, как бы двожды из лука стрелети в ширину» и, следовательно, численность татар следует оценить в несколько тыс. человек. Получив это известие, Мазепа и русские военачальники постановили отряд Сербина, ввиду слабости и усталости лошадей, отозвать и идти против татар, которых мог возглавлять

¹⁰²РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 61. Л. 807–884.

¹⁰³[Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание... Отделение IV. Стб. 191–192, 198; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 726. Л. 354.

¹⁰⁴[Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание... Отделение IV. Стб. 135–136, 151; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 726. Л. 355, 356, 348.

«салтан или какой знатной вождь крымской», самим. Мазепа с Неплюевым выступили в поход 21 августа. Однако уже спустя неделю гетман сообщал В.В. Голицыну из-под Царичанки, что выезжает в Батурин, выпросив у Неплюева для охраны 900 рейтар и оставив казацкие полки по Орели и Ворскле для «для обороны целости городов их царского величества». В начале сентября Мазепа писал Голицыну о своем прибытии в Батурин и пересказывал известия от Б.П. Шереметева, что в районе Торских озер замечена крупная азовская орда, намеревавшаяся прорваться через вал «на урочище Голой Долине» и разорить слободские города¹⁰⁵. Эта орда (около 1 тыс. человек; 7 знамен) 7 сентября атаковала Маяцкий. Татары зажгли защищавшие город деревянные надолбы, от них занялся посад, где располагались «дворы черкасских слобод»¹⁰⁶.

Чтобы предотвратить дальнейшие татарские нападения, в сентябре по указам из Москвы и Белгорода значительным силам харьковских казаков было приказано расположиться за чертой «в престоинных местех, откуда чаеть» нападения «неприятельских людей» («а сотников с малыми людьми [чтоб] не ставили», — приказывал харьковскому полковнику Б.П. Шереметев). 19 октября Шереметев получил грамоту Г. Донца, сообщавшего, что он «с полком своим стоит за чертою у новопостроенного сторожевого городка у Кгеркгелева (Гергелева. — *Авт.*) рогу против городов Змиева, Соколова и Мерефы». Сын его, Константин Донец, также стоял «за чертою за Изюмом над речкою Каменкою». У Г. Донца было 2022 казака, у его сына — 560 человек¹⁰⁷.

Татар это, впрочем, не особенно останавливало. 27 сентября отряд ордынцев в 400 человек пришел «с крымской стороны против Бишкина через Донец на броду» и отогнал лошадей. 30 сентября, как сообщал змиевский воевода С. Дурново, «пришли под Змеев воинские люди татарове многие орды и многих людей змеевцов на поле порубили и в полон поимали, а иных многих ранили». Татары стояли «на Змеевском поле по сю сторону валу и змеевского сотника с казаки на Змеевском поле осадили и наказного змиевского сотника убили до смерти и многих казаков порубили»¹⁰⁸. Другая часть орды пошла под Соколов.

Как видно, в июле – сентябре Крым вовсе не был так пассивен, как это декларировал наказ главнокомандующему Голицыну несколько месяцев спустя. Отписки и Шереметева, и воевод слободских городов именовали нападавших вовсе не «малыми загонными людьми», а «многими воинскими людьми» и «многой ордой». Нападения были систематическими, осуществлялись достаточно крупными отрядами — от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Целью их был не только банальный грабёж и увод пленных, но и разрушение укреплений перекрывавшей Муравский шлях Изюмской черты. К нападениям, судя по всему, были активно подключены подвластные и союзные хану войска из азовского региона. Расположенные по новопостроенной черте слободские города приняли весь основной удар нападавших на себя (Савинский, Бишкин и Андреевы Лозы, судя по всему, были полностью разорены), не дождавшись помощи ни от других войск Белгородского разряда Б.П. Шереметева, ни от Мазепы и Неплюева. Последние, получая известия о татарских рейдах на слободские города и Изюмскую черту относительно своевременно,

¹⁰⁵ Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 217, 220, 223.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 726. Л. 356.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 200. Л. 1–2.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 726. Л. 349–350.

отнюдь не спешили перекрывать нападавшим пути отхода или атаковать их с тыла, хотя располагали достаточно внушительными силами — около 45 тыс. человек. Причина этого, как представляется, заключалась в том, что Мазепа и Неплюев не желали провоцировать татарскую атаку на строившийся Новобогородицк (гетман, как было показано выше, боялся, что подстрекателями к такому нападению могут выступить запорожцы). С этой точки зрения подвергшийся неоднократным нападениям западный фланг Изюмской черты сыграл роль формирования, отвлекавшего и связывавшего активность противника, пока русские ратные люди и малороссийские казаки спешно заканчивали строительство крепости в устье Самары.

Даже после ухода основных сил Мазепы и Шереметева ситуация в Новобогородицке оставалась относительно спокойной. 20 сентября в своей отписке в Москву Косагов пересказал сведения от прибывших к нему запорожцев, которые сообщили, что казаки, бывшие на Великом Лугу, видели крупный отряд ордынцев, пошедший «в верх Днепром по обе стороны». 19 сентября недалеко от Новобогородицка татары захватили нескольких малороссийских сердюков, а у Песчаного брода на р. Самаре напали на ватажников, которые шли «по соль на Берды», отбив у них 10 лошадей и хлопца. Косагов, отобрав 100 рейтар, «у которых лошади нарочиты», послал их за Самару на разведку. Они возвратились в тот же день, 19 сентября, и сообщили, что проехали от Песчаного брода верст 20 и никого не встретили, но видели, что «шлях де татарской пошел к Мурамскому шляху в верху по речке Татарке»¹⁰⁹. В ответ Косагову 5 октября была послана грамота с указом жить «с великим береженьем и осторожностью» и ратных людей из крепости отпускать «с великим опасением», особенно вверх по Самаре и за Самару «на крымскую сторону»¹¹⁰. В сентябре 1688 г. Косагов писал в Запорожскую Сечь в надежде на поддержку тамошних казаков в случае возможного нападения, однако те, недовольные строительством крепости, от сотрудничества отказались, сообщив лишь, что, по их сведениям, белгородские татары пошли «против цесаря и короля польского»¹¹¹.

Казацкий набег на Очаков в конце сентября — начале ноября 1688 г.

При уходе с Самары Мазепа и Неплюев решили (видимо, не без рекомендаций из Москвы), что гетманские войска нынешней осенью, отдохнув «от трудов военных», предпримут вылазку на какое-либо «пристойное место» в знак исполнения Россией своих обязательств по военному союзу с Речью Посполитой. 18 сентября из Батурина Мазепа сообщал великим государям, что приказал идти в осенний поход 3 тыс. казаков Переяславского полка, который в этом году оставался «в домах», части Миргородского полка, трем компаниям конных наемных полков и «пехотных полков лутчим людям». Целью похода стал Очаков. Вести войско должен был опытный полевой предводитель Осип Кулик, прекрасно знающий («зело сведомый») путь от Днепра к Южному Бугу и от Буга к Днестру вплоть до черноморского побережья¹¹².

Очаков, расположенный на мысе у самого устья Днепра, вместе с построенным напротив, на Кинбурнской косе, Кинбурном, прикрывал выход в Черное море и являлся частью системы стратегической обороны причерноморских владений Османс-

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 86. Ч. 1. Л. 204–207.

¹¹⁰ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 172–173.

¹¹¹ Там же. С. 154–156. См. также: Там же. С. 177–185.

¹¹² Там же. С. 175–176.

кой империи от набегов днепровских казаков. К описываемому времени очаковская крепость состояла из трех соединенных между собой каменных крепостей, вытянутых в одну линию к днепровскому берегу¹¹³.

Эвлия Челеби, подробно излагающий историю строительства и расширения очаковской крепости, сообщает, что к ней примыкали два предместья. Одно из них, расположенное, по-видимому, с юга от крепости, представляло собой «пятьсот крытых тростником валашских и молдаванских домов», двести из которых были «сооружены из грубых ковров и циновок, крыты тростником и камышом — это лавки». Большая часть из них — «это пивные и трактиры, а также мельницы, вращаемые лошадьми». Зданий на фундаменте здесь вовсе не было, поскольку, как отмечал Челеби, «каждый раз во время войны приходят казаки и [все вокруг] разрушают и жгут». К западу от крепостных сооружений располагалось второе предместье, где обитали «три сотни» ногайских общин¹¹⁴. Эти-то молдавские и ногайские слободы, которые к 1688 г. обзавелись земляными укреплениями, несколько расширились или, возможно, поменяли местоположение¹¹⁵, и стали предметом атаки напавших на город казаков. Поход, как это однозначно следует из вышеприведенного письма Мазепы, носил демонстрационно-набеговый характер — осадить и брать саму крепость изначально не планировалось.

Отряд возглавили полковники конных охотничьих полков Илья Новицкий и Григорий Пашковский, пехотных — Петр Кожуховский и Михайло Положиченко; запорожский атаман («степной вож») Иосиф (Осип) Кулик; наказной переяславский полковник, полковой судья Иван Момот; наказной миргородский полковник Григорий Зарудник. Сводный отряд имел на вооружении 5 полковых пушек, однако в боях под Очаковом они не использовались, оставаясь «в обозе».

Казаки выступили в поход в последних числах сентября тремя партиями. Первая, под командованием полковников наемных полков и Кулика, 6 октября («после Покрова Пресвятыя Богородицы в среду») переправилась через Днепр и двинулась «к Богу реке на Чигирин», прибыв туда «на четвертой день», то есть где-то 10 октября. Здесь с ними «случился» отряд переяславских казаков Момота (3 тыс. человек). Все вместе казаки двинулись к Черному лесу, наткнувшись на следующий день «на урочище Матренине за версту» на татарский загон из более чем 20 человек. Татары были разбиты, в руки казаков попали 4 языка, отправленные к гетману Мазепе. На следующий день «после татарского взятия» отряд нагнала третья партия — миргородских казаков Зарудника (1 тыс. человек). Путь через Черный лес к Южному Бугу занял шесть дней. Переправившись через реку «на урочище Кременьчюке», через четыре дня, где-то 21 октября поздно вечером, отряд остановился, не доходя до

¹¹³ Finkel C., Ostapchuk V. Outpost of Empire: an appraisal of Ottoman building registers as sources for the archeology and construction history of the Black sea fortress of Özi // *Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*. Vol. 22 / ed. by G. Necipoğlu. Leiden; Boston, 2005. P. 153.

¹¹⁴ Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. М., 1961. С. 114–115. См. также: *Боплан Г.Л. де. Описание Украины* / пер. с фр. З.П. Борисюк; ред. перевода А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. М., 2004. С. 199.

¹¹⁵ В казацкой реляции очаковского похода отмечено, что предместья примерно к югу и западу от города были населены ногайскими татарами и молдаванами и окружены земляными укреплениями. Кроме того, в ней упоминается еще одно предместье, о котором не писал Эвлия Челеби — к северу от города, с ветряными мельницами.

Очакова восемь верст. Казаки намеревались напасть на крепость «о получночи», однако, «послышав в Очакове стрельбу из вестовых пушек», они задержались на «очаковском поле» и «ожидали до света».

Когда рассвело, украинские казаки «пришли к городу Очакову и, не доходя Очакова верст за шесть, на урочище, называемом Березани (видимо, р. Березань, впадавшая в Черное море западнее Очакова и образовывавшая в месте впадения Березанский лиман. — *Авт.*), нашли на татарской загон с тремя мурзами нагайскими, которые были в венгерских и полских местех, и учинили с ними ис полков их охотные люди бой, а полки стояли особо, отделясь от того места, не ведая, сколько тех неприятельских людей было». После того как несколько татар попали в плен и казацкие военачальники «уведомилися, что с теми мурзами татар немного число», они «послали на них прибавочных людей». В итоге татарский отряд был разбит и опрокинут в р. Березань, где немало противников утонуло, причем среди погибших в бою был и один мурза. Казаки освободили более ста человек «ясырю из розных земель взятых мужеского и женского полу» (Мазепа утверждал, что освободили «полтараста душ христианских»). Далее казацкое войско, «устроаяся всеми полками воинскими ополчением», преследовало остатки разбитого отряда противника до самого Очакова, подойдя к городу запада. На помощь к последним из города выехало несколько сотен конных и пеших бойцов. С этими силами казаки «билися многими помычками и по многих помычках... тех неприятелей гнали до города и многих побили, а достальных вогнали в посад, где живут нагайские татаровя». Однако «в том посаде» победители «жителей никого не нашли», поскольку они, «послыша вестовую пушечную стрельбу, все ушли в город». Остатки же разбитого противника казаки, «устроаяся воинским ополчением все пехотою от лимана... вогнали в верхней город, где турские янычаны и волохи живут». В итоге в располагавшихся в этом районе предместьях — «в дву земляных городех, посады пожгли и разорили», захватив в плен пятерых «волошан»¹¹⁶.

Расположив «в пристойных местех обоз по воинскому ополчению», казацкий отряд в тот же день попробовал приступить к Очакову с другой, северной стороны, от Южного Буга: «А после того, того ж числа пошли на другую сторону верхняго города от Буга реки, от Каменного Колодезя». Им навстречу «выходили из верхняго города турки и волохи, и татаровя и с ними бились». Однако победа вновь осталась за казацким отрядом: «на том бою тех неприятелей побили и в город вогнали и на той стороне посады и мелницы ветрение и всякое поселение все пожгли и розорили, а из верхнего города по них стреляли ис пушек и из мелкова ружья безпрестанно». Кроме того, в лимане, «где сошлись реки Буг и Днепр», турки поставили «для караулу полукарабелье с воинскими людьми и с народом (нарядом. — *Авт.*), для осторожности, чтоб сверху Днепра на море стругами и малыми челнами не пропустить» запорожцев. С указанного судна из пушек велся обстрел казаков, штурмовавших посад. Однако потери атаковавших были небольшими — «человек с тринацать или менши раненых, которых в дома привезли, а побитых самое мало число».

¹¹⁶ Эти «волошане» были доставлены позднее в Москву, в Малороссийский приказ, и допрошены там. Все они пришли из Молдавии в Очаков на заработки — пахали пашню, пасли скот. Двое из пастухов, узнав о нападении и увидев, где находится казацкий лагерь, пригнали туда скот, который пасли, — 500 волов и 3 тыс. овец (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 107. Л. 31–31 об.).

Взятые пленные татары, впоследствии умершие от ран, сообщили, что будто бы хан вышел из Крыма и идет к Очакову встречать калгу, который движется ему навстречу из Белгородской орды. Под влиянием этих известий полковники приняли решение не ночевать под городом и немедленно отступить, «и побрав добычею скотины многие тысячи, от Ачакова пошли тою ж дорогою». Ночевка была организована за десять верст от города. На следующий день, отойдя еще пять верст, казаки устроили раздел захваченной добычи «на стану на речке Чапчимкле» («взятое, что кому Господь Бог в том походе подал, разделили») и вторую ночевку. Обратный путь отряда к Днепру занял две недели, неприятельских отрядов казаки не встретили. Перейдя Днепр под Бужином, полковники приказали распустить освобожденных пленников «во свои места, где хто жилище имел, понеже приискался к ним родственники и учили об них великим государем бити челом, а им, полковником приносили свидетелство»¹¹⁷. Здесь же казаки получили известие, что хан Селим-Гирей якобы подошел «со всеми ордами» к Очакову «на другой день» после их отступления от города. Послав людей осмотреть место, где располагался «полковничей обоз», хан, однако, понял «по тому обозному ополчению, что в том походе были они во множестве с нарядом», и решил не посылать за казаками погоню. В целом поход продолжался шесть недель, то есть приблизительно до середины ноября. Рядовые казаки — участники набега и их командиры были распущены из Батурина «для домашнего их покою», в том числе Новицкий — в Лохвицу, а Кулик — в Царичанку; наемные казаки охотничьих полков — «поставлены на корму по указанным местам». В Москву с докладом об успешном набеге были отправлены Г. Пашковский и И. Момот, чья реляция, учиненная в Малороссийском приказе 11 декабря, и легла в основу реконструкций событий очаковского похода¹¹⁸.

В присланном с ними письме Мазепа напыщенно объявлял: «да будет тот сего вашего манаршеского малороссийского войска от севера до Черного моря не в блиские бусурманские места учиненный преж сего никого где небывалый промысл в похвалу славимому и препрославленному имени Божию и в привращение вашей монаршеской славы!»¹¹⁹ Однако на самом деле результат был более чем скромным, да и, собственно, не мог быть иным, учитывая цели предпринятой акции. В результате похода прилежавшие к городу молдавские и ногайские слободы, располагавшиеся с юго-запада и севера от города, были полностью разорены и разграблены. Это позволяло московской дипломатии говорить о своей активности в рамках союза с Речью Посполитой, но никак не решало даже проблему выхода в Черное море запорожских казаков.

¹¹⁷ Несколько странное известие, учитывая, что пленные, как отмечалось выше, происходили из разных земель. Родственникам, как представляется, нужно было достаточно много времени, чтобы узнать о возвращении родных и подать челобитные гетману на царское имя.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 107. Л. 19–26. Численность переяславцев и миргородцев устанавливается на основе письма Мазепы И. Новицкому от 29 сентября 1688 г. (АИЗР. Т. 5. 1633–1699. СПб., 1853. С. 220). См. также краткое изложение событий похода в письмах И. С. Мазепы на царское имя: *Лермонтова Е.* Письма малороссийских гетманов Ивана Самойловича и Ивана Мазепы // Русский архив. 1913. № 9. С. 394–395 (повторно опубликовано по копии, хранящейся в Киеве: 3 епістолярної спадщини... С. 56–57); Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 254–256. О походе кратко упоминает В. Н. Заруба: *Заруба В. Н.* Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ, 2003. С. 352–353.

¹¹⁹ Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 255.

Несостоявшийся поход на Перекоп в ноябре — декабре 1688 г.

Недостаточность похода на Очаков как демонстрации наступательных усилий России в 1688 г. прекрасно понимали и в Москве, и в Батурине. Результатом этого стало появление плана еще одной локальной акции — атаки на Перекоп или на османские крепости на Днестре. Где-то в ноябре, еще до того, как отряд городских и наемных казаков вернулся домой из-под Очакова, Мазепа получил известие из Запорожской Сечи о выходе орды во главе с ханом Селим-Гиреем из Крыма и направлении ее в земли белгородских татар, видимо на зимовку. Запорожцы полагали, что наступил удобный момент организовать набег на Перекоп, и просили гетмана прислать вспомогательный отряд. Мазепа, по его выражению, «не так для них запорожцов прошения, яко для славы превысокого манаршескаго... имени» выразил готовность послать в низовья Днестра подкрепления, тем более что гетман получил известия об откочевке татар «в Белгородчину» из другого источника — от пленного татарского языка. Язык, правда, сообщил об оставленном крымском заслоне в районе р. Каланчак из 3 тыс. всадников, но гетман полагал, что это не станет большим препятствием для казачьих отрядов, и велел готовиться «войску ис подлинных полков в поход лехкий». Он сообщил о своем замысле в Москву, получив поддержку и царское распоряжение о присоединении к отрядам его регимента казаков Сумского (1 тыс. человек) и Ахтырского (500 человек) слободских полков. При этом, однако, московские политики, не доверяя сечевым казакам, недовольным строительством Новобогородицка, рекомендовали гетману дополнительно прозондировать намерения на Сечи и ее готовность поддержать поход на Перекоп.

Выступление было назначено на 16 декабря. Первыми в поход должны были отправиться казаки Черниговского полка. Планировалось, что, двигаясь на юг, они соединятся с выборными казаками из полков «украинных»: Гадячского, Лубенского и Полтавского. Целью похода было разорение Перекопа и разгром трехтысячного крымского отряда на Каланчаке либо (как запасной вариант) атака на османские днепровские городки. В преддверии набега Мазепа еще раз выслал гонца на Запорожье, чтобы собрать самые свежие данные об обстановке на Сечи, передвижениях крымцев и обсудить план операции (в случае, если бы оказалось, что атака на Перекоп не целесообразна, предусматривалась возможность «итти на городки турецкие на Днестре... для взятия некоего из оных... или для сожигания посадов их»).

Однако запорожцы в полной мере оправдали подозрения Москвы и не оправдали ожиданий Мазепы. Гонец с гетманским письмом (от 8 декабря) еще не доехал до Сечи, а гетман уже получил новое послание от кошевого и низовых казаков, в котором те, не упоминая ни слова о предлагавшемся ими ранее походе и о высылке подкреплений, излагали «непристойные и неразумные досадительства». Поняв, что поддержки от сечевых казаков он, скорее всего, не получит, Мазепа все же решил послать отряд уже напрямиком под Казы-Кермен хотя бы для захвата языков, от которых можно получить информацию «на будущий... генеральный поход». Сообщая обо всем этом в письме царям от 14 декабря 1688 г., гетман информировал русское правительство, что примет окончательное решение о целях и направлении похода после возвращения гонца из Сечи: в случае, если запорожцы сменят гнев на милость, то войска пойдут к Перекопу, и Мазепа снесется с белгородским воеводой Шереметевым относительно высылки слободских казаков; либо же, если сечевые казаки откажутся участвовать в военной акции,

гетман намеревался послать контингент под Казы-Кермен без участия великороссийских формирований¹²⁰.

Через почту письмо Мазепы и приложенные к нему документы были доставлены в Москву 26 декабря. В посланной гетману царской грамоте 28 декабря решение об осуществлении зимнего набега полностью перекладывалось на плечи Мазепы. Более конкретные рекомендации давались гетману касательно сторожевого отряда в 1 тыс. человек, оставленного на случай татарских набегов в верховьях Самары (на р. Бык) после завершения строительства Новобогородицка и освобожденного за такую службу от участия в будущем походе на Крым. В случае прихода татар помощь ему должны были оказывать казаки Сумского, Ахтырского и Харьковского полков. Решением правительства еще от 19 декабря (дата может быть ошибочна) одобрялось более раннее предложение Мазепы («понеже таким собранием от неприятелей не укрытца и сим зимним временем лошадей в тех местах не прокормить, а в поле пустить от неприятелей опасно») о выводе отряда на зимние квартиры и замене более мелкими ватагами из добровольцев (малороссийских и слободских казаков) в несколько десятков человек в случае отправки Мазепой полков под Перекоп. При этом предусматривалось, что, если гетман от похода откажется, сторожевой отряд на р. Бык следовало держать по «прежнему» царскому указу («указное число», то есть тысячу человек), в подкрепление к которому обещали выслать слобожан¹²¹. В итоге поход на Перекоп так и не состоялся.

Россия и Священная лига в 1687 — начале 1689 г.

Опосредованное вступление в Священную лигу и первый Крымский поход обусловили оживление международных связей России. С объявлением о Вечном мире и союзе с Речью Посполитой, призывом к борьбе с османами и просьбами о материальной поддержке в Пруссию, Англию, Голландию и Флоренцию отправился дьяк В.Т. Постников, во Францию и Испанию — князь Я.Ф. Долгоруков, в Швецию и Данию — подъячий Б. Михайлов. Значение этих миссий было скорее символическим, так как получить займы Москве не удалось¹²². В рамках заключенного союза Россия

¹²⁰ Листи Ивана Мазепи. Т. 1. С. 264–268. Письмо Мазепы запорожцам от 8 декабря см.: Там же. С. 262–264. «Досадительное» письмо запорожцев (без даты и окончания), в котором они обвиняли гетмана в пренебрежении Сечью в угоду городovým казакам («хотя бы уж и самого хана дал Бог взяти, тогда не было нашему товариществу так слава, как городovým ватагам») и сообщали, что не имеют точных сведений о передвижениях хана, не опубликовано: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 107. Л. 15–17 об.

¹²¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 107. 1 об. — 3 об., Л. 18.

¹²² *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894. С. 122–123, 163–164, 235; Ч. 2 (Германия и Италия). М., 1896. С. 247; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. История России с древнейших времен. Т. 13–14. М., 1991. С. 398–401; *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. Вып. 33. М., 1950. С. 165; *Белов М.Н.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (экономика, политика и культура). М., 1966. С. 80–82; *Hughes L.V.T.* Postnikov's 1687 Mission to London: Anglo-Russian Relations in the 1680s in British Sources // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 68. 1990. № 3. P. 447–460; *Станков К.* Пред очи аглинского короля. Русское посольство 1687 года в Лондоне // Родина. 2014. № 12. С. 2–6.

обменялась резидентами с Речью Посполитой¹²³, направила послов в Вену и Венецию, завязав с ними активную переписку¹²⁴. Основным содержанием этих контактов стало взаимное информирование союзников об успехах борьбы с турками и татарами, реального значения для координации военных действий они не имели.

Россия приложила определенные усилия, чтобы создать у членов Священной лиги, и в первую очередь у своего союзника — Речи Посполитой, впечатление о выполнении ею условий союзного соглашения. Москва дала официальные распоряжения казакам о нападениях на крымские и османские владения, направила контингент в Запорожскую Сечь, совершила полномасштабный поход на ханство — все согласно букве договора. Однако эффективность всех этих мер была невысокой, а в определенных случаях оказалась лишь демонстрацией военной активности (действия Косагова в 1686 г.). Речи Посполитой эти меры не особенно помогли, но в первую очередь потому, что Варшава не имела сил и средств на масштабные военные операции ни в 1687 г., ни позднее. Когда в 1687 г. армия Голицына шла на Крым, польское командование только собирало войска, ограничившись в итоге неудачным походом под Каменец-Подольский в августе – сентябре¹²⁵. Союзные обязательства Речи Посполитой атаковать Белгородскую орду исполнены не были. В Москве резонно полагали, что необходимость мобилизации Селим-Гиреем всех сил для отпора Голицыну привела к отказу хана от посылки каких-то значительных сил на Центрально-Европейский и Балканский театры военных действий¹²⁶, хотя, как представляется, роль российского оружия в развитии дальнейших успехов австрийцев, взявших осенью 1686 г. Буду, была минимальной.

В следующем, 1687 г., несмотря на неудачу первого похода, русское правительство все же добилось отвлечения крымских сил от основного для Священной лиги театра военных действий. К отдельным свидетельствам пленных и выходцев из неволи, которые говорят об этом и которые приводились во второй главе, можно добавить еще более красноречивые известия. Взятые в июне 1687 г. пленные свидетельствовали, что еще в прошлом году калга направился в Венгрию с 10–15 тыс. белгородских татар. Однако, когда в новом году из Стамбула поступило требование султана «дать ему людей в помощь против немец, и хан в том отказал, а сказал, что на Крым идут московские войска и ему де и себя оборонить нечим». С началом кампании никаких существенных подкреплений в ханское войско не пришло не только от турок, но и от подчиненных хану кабардинских черкесов (есть, впрочем, свидетельства, что черкесские отряды к Селим-Гирею пришли; см. подробнее в главе 2). Лишь к лету в Кафу прибыло две-

¹²³ *Kamiński A.S. Republic vs. Autocracy. Poland-Lithuania and Russia, 1686–1697. Cambridge, Massachusetts, 1993. P. 114–119, 153–158; Домрачев Н.Е. Россия, Речь Посполитая и вопрос о восстановлении постоянных дипломатических представительств в конце 1680-х гг. // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 75–83.*

¹²⁴ ПДС. Т. 7. СПб., 1864. Стб. 1–626; *Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений... Ч. 2. С. 209–210; Протоиерей Алексей Ястребов. Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. М., 2018. С. 102–106; Аугустинович К. Деятельность и влияние великого московского посольства в Вену в 1687 г. // *Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 200 Jahre Russisches Aussenministerium. Vol. 50. Innsbruck; Wien; München; Bozen, 2003. S. 207–224.**

¹²⁵ *Wagner M. Kampania kamieniecka 1687 roku // Biblioteka epoki nowożytnej. T. 5. № 2. Hortus bellicis. Studia z dziejów wojskowości nowożytnej. Prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu. Warszawa, 2017. S. 467–484.*

¹²⁶ *Богданов А.П. «Истинное и верное сказание»... С. 68–69.*

надцать османских «каторг», чтобы оттуда перебросить войска к Азову «для осторожности от донских казаков»¹²⁷. Это должно было облегчить действия союзников по лиге. В августе 1687 г. немецкие войска разгромили турок у м. Надьхаршань, освободив от османов всю южную Венгрию¹²⁸.

Вступление России в ряды держав, воюющих с Портой и ее сателлитами, привело к активизации политики в отношении Москвы валашского господаря Шербана Кантакузино. В 1688 г. он направил в русскую столицу просьбу о военной поддержке и принятии Валахии в царское подданство. Русское правительство отказалось от направления войск в район Днестра, опасаясь распыления сил¹²⁹, однако предложение Кантакузино вкупе с успехами союзников породили в Москве иллюзии о скором крахе Османской империи под совместным напором христианских держав. Они получили отражение в тексте манифеста о втором Крымском походе, который провозглашал, что турецкое государство «приходит... к самой конечной погибели», и напрямую апеллировал к необходимости действовать активнее, чтобы использовать плоды побед союзников¹³⁰.

Несмотря на неудачу первого Крымского похода, сама угроза нашествия вызвала определенные опасения у крымской элиты. Польский дипломат, возвратившийся из Персии, в январе 1688 г. сообщал коронному гетману Станиславу Яблоновскому, что был свидетелем прибытия в Исфахан крымского посольства, просившего у шаха предоставить убежище хану и всем татарским улусам в случае, если полуостров придется оставить перед натиском московитов¹³¹. Об опасениях, охвативших крымское население, говорят и выходцы из плена. В конце 1687 г. в Посольском приказе был допрошен полоняник из Речи Посполитой, живший в Крыму в г. Капиде («которой среди Крыму близ Азовского моря») как раз в то время, «как великих государей войска были под Крымом». Он сообщал: «...слыша крымские татары, что идут великих государей многия войска на Крым, и устрашась де тех государских войск, многие татары изо многих мест уходили в судах чрез Азовское море з женами и з детьми в город Етемане (видимо, Тамань. — *Авт.*), которой стоит над Азовским морем»¹³². Нарративные

¹²⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1687 г. Д. 2. Л. 179–180.

¹²⁸ Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги в войне с османами (от осады Вены до Карловацкого мира) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 272–278; Илиева И. Русия и Свещената лига (1684–1699) // 300 години Чипровско въстание (принос към историята на Българите през XVII в.). София, 1988. С. 277–279.

¹²⁹ Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в.: очерки внешнеполитической истории. М., 2006. С. 252–253; Востоков А. Посольство Шакловитого к Мазепе // Киевская старина. Т. 29. 1890. № 5. С. 203–212; ПСЗ. Т. 2. 1676–1688. СПб., 1830. С. 959–962.

¹³⁰ ПСЗ. Т. 2. С. 946–949.

¹³¹ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dział II. Ks. 25. S. 26–27.

¹³² РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 1. До прибытия в Крым полоняник жил «в Нагаях полтора года, а из Нагаи де продали ево нагайцы назад в Крым гречанину Аслану в город Капиду». Там он жил около полугода, затем где-то в середине лета вместе с хозяином он опять поехал «в Нагаи», откуда бежал («ушел собою») и «шол степью восемь дней», придя на Дон. Донские казаки дали ему проезжую грамоту и отпустили в Москву. В столице выходец «бил челом» об отпуске в Смоленск и далее «за литовской рубеж», на родину. Просьбу удовлетворили: 21 декабря 1687 г. ему была выдана проезжая грамота и жалованье «на пропитание» в размере 1 руб. (Там же. Л. 1–2).

источники крымского и османского происхождения также говорят о панике, охватившей крымских татар в страхе перед возможным русским вторжением¹³³. В целом угроза московского нашествия должна была делать крымские элиты более осторожными и менее активными в плане оказания помощи османскому султану в Венгрии.

В 1688 г. действия Речи Посполитой, также как и в предыдущие годы, были не особенно успешными. В середине марта 1688 г. состоялся крупный набег 15-тысячной белгородской орды на Покутье, Львовщину и Волинь с разорением окрестных сел и местечек. Польские хоругви не смогли воспрепятствовать этому рейду. Противник вместе с захваченным ясырем беспрепятственно ушел за Днестр. Польские сенаторы при участии папского нунция обсуждали план совместного с Россией удара на Буджак и Очаков, но в итоге все свелось к не очень удачным действиям польско-литовской армии коронного гетмана С. Яблоновского (8–8,5 тыс. польских и 2–3 тыс. литовских войск) в Подолии. Особенно неприятным моментом для польского командования стал разгром татарами (в июне) направленного на рекогносцировку в район Каменца-Подольского отряда Дымидецкого (500–600 человек). В состоявшемся 21 (11) августа сражении при Пановцах (район Каменца-Подольского) отряды Яблоновского смогли отбросить татар во главе с нураддином за Смотрич, но и только. Завершающая осенняя часть кампании прошла в рейдах мелких татарских отрядов на Подолии и Волини и стычках с ними польских хоругвей¹³⁴.

Для других союзников по Священной лиге 1688 год поначалу складывался удачно. Австрийцы взяли Белград и ряд других крепостей, венецианцы захватили Морею и Афины. Однако осенью 1688 г. французский король Людовик XIV вторгся в Пфальц — между Габсбургами и Францией началась война за Пфальцское наследство 1688–1697 гг. Это ослабило австрийский натиск на Балканах и заставило императора Леопольда I начать в феврале 1689 г. с Портой мирные переговоры¹³⁵.

В Москве, узнав об этом, направили русскому резиденту в Варшаве соответствующие инструкции, а в Вену — посланника А. Васильева для участия в переговорах. Официально Посольский приказ намеревался добиваться присоединения Крымского полуострова и Азова к России, выселения всех татар, а также обитателей Азова и окрестностей в Турцию, разрушения османских крепостей в низовьях Днепра и также Очакова, освобождения всех русских пленных, контрибуции размером 2 млн золотых. При этом отдельным секретным письмом резиденту разрешалось при необходимости отступить от статей, касавшихся присоединения Крыма и Азова, контрибуции, добываясь лишь отмены «казны», прекращения татарских набегов, возобновления права свободной рыбной ловли и добычи соли запорожскими казаками в низовьях Днепра¹³⁶. Однако соглашение с Портой в 1689 г. не состоялось.

* * *

Кампания 1688 г. стала для России одновременно и передышкой после затратного и неудачного похода на Крым в предыдущем году, и временем подготовки к попытке нового броска на Перекоп в начале следующего. Начало года и ранняя весна

¹³³ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. 1. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. С. 440.

¹³⁴ Wagner M. Stanisław Jabłonowski: polityk i dowódca (1634–1702). Т. 2. Siedlce, 1997. S. 19–32.

¹³⁵ Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги... С. 278–280.

¹³⁶ ПДС. Т. 7. Стб. 355–381, 396–448, 464–467. См. также: Бабушкина Г.К. Международное значение... С. 168; Артамонов В.А. Россия, Речь Посполитая и Крым... С. 15–16.

прошли в активных дискуссиях касательно стратегии дальнейших действий. Планировавшийся поход на Казы-Кермен был отменен, в Москве при активном участии гетмана И.С. Мазепы решили сосредоточиться на создании в текущем году крепости, выдвинутой далеко на юг — к устью р. Самары. Подобный шаг имел и практическое, и символическое значение одновременно. Первое заключалось в создании военно-логистического центра, который должен был значительно облегчить снабжение войск в следующем походе. Сосредоточенный там крупный гарнизон представлял вполне серьезную опасность и для крымцев, и для османских крепостей на нижнем Днепре. Кроме того, после громкой неудачи предыдущего года постройка Новобогородицка должна была стать пусть и скромным, — в сравнении с мечтами Голицына о покорении ханства, — но конкретным и осязаемым успехом России по укреплению своих позиций в низовьях Днепра. Это со всей ясностью следует из той информации, которой в российском лагере на Самаре снабжали прибывшего для наблюдения за строительством польского резидента С. Глосковского.

Крымское ханство в текущем году вело себя относительно пассивно. Масштабный поход Селим-Гирея на русское пограничье, которого с такой тревогой ожидали в Москве осенью 1687 — весной 1688 г., не состоялся. Самые крупные отряды, максимальной численностью в несколько тысяч человек, нападавшие летом — в начале осени на Изюмскую черту, судя по всему, приходили из региона Азова, а не Крыма. Однако благодаря отвлечению крупных сил России на поход к р. Самаре им удалось нанести по слободским городам ряд чувствительных ударов. Произошло это в том числе и благодаря тому, что войска второго эшелона под командованием Б.П. Шереметева, назначенные для прикрытия городов по черте, оказались фактически не готовы к выполнению возложенных на них задач. Их состояние в июле — сентябре 1688 г. оказалось еще более плачевным, чем состояние корпуса М.А. Голицына летом — осенью прошлого года. Татарским набегами противостояли лишь харьковские и изюмские казаки, действовавшие отдельно от войск Шереметева и его сходных товарищей. Характерно, что Неплюев и Мазепа, даже получив известия о подходе орды к слободским городам, не рискнули отрывать войска от важной задачи строительства Новобогородицка. Изюмская черта, таким образом, приняла на себя основной удар татарских нападений, дав возможность гетману и главе Севского разряда успешно завершить Самарский поход.

ВТОРОЙ КРЫМСКИЙ ПОХОД 1689 г.**Военно-организационные мероприятия сентября 1688 — февраля 1689 г.**

19 сентября 1688 г. на Постельном крыльце «всяких чинов ратным людям» был объявлен именной царский указ о втором походе на Крым¹. В тот же день с Постельного же крыльца «московских чинов людей, которым по наряду довелось быть на их государственной службе в полках з бояры и воеводы, имена чтены». 20 сентября из Разряда в другие приказы были посланы памяти о сборе войск и об отсрочке судебных дел. В первой отмечалось, что войско будет собираться «против наряду 195-го году опричь тех, которые в прошлом во 196-м году и в нынешнем во 197-м году были на их великих государей службе в Белегороде и в походе на Коломку в полку з боярином и воеводами з Борисом Петровичем Шереметевым с товарищи, с околничим и воеводами с Леонтьем Романовичем Неплюевым с товарищи»². 28 сентября были посланы царские грамоты в города с объявлением о походе на Крым всем служилым чинам, за исключением тех, кто упомянут в рассмотренной выше приказной памяти. Содержание грамот во многом повторяло «манифест» от 19 сентября, в том числе международные условия новой кампании против ханства³.

28 октября была утверждена новая роспись командующих разрядными полками с местами их сосредоточения. Большой полк В.В. Голицына должен был собираться в Сумах; Новгородский разряд боярина А.С. Шеина — в Рыльске; Рязанский разряд боярина князя В.Д. Долгорукова — в Обояни; Севский разряд окольничего Л.Р. Неплюева — в Межиричи; полк низовых городов окольничего И.Ю. Леонтьева — в Чугуеве⁴. 29 октября датирована образцовая грамота для рассылки из Разряда по городам с указанием собираться в полки к обозначенному времени. Сроки сбора устанавливались: 1 или 10 февраля, крайний срок — 20 февраля «безо всякого переводу». Воеводы должны были всеми доступными способами информировать служилых людей, чтобы они съезжались в полки вовремя и «людей своих, которых они в прошлых годах на смотре и у розбору писали за собою, своих с указных крестьянских и бобыльских дворов с боем и в кошу имали с собою всех и с надежным и з добрым ружьем»⁵. Отдельным указом были определены сроки сбора войск в полк к Б.П. Шереметеву «на черте в Белгороде» (позднее — в Казанский разряд). Грамота Шереметеву была послана 21 ноября 1688 г. Согласно ей назначенным к нему в полк московским чинам, «городовым дворяном и детем боярским и иных чинов ратным

¹ ПСЗ. Т. 2. 1676–1688. СПб., 1830. С. 946–949. Здесь дата указа 18 сентября. Один из черновиков указа см.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–16 (без даты). С датой 19 сентября см. текст указа в книге Московского стола: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 1–9 об. В дальнейших пометах также указана дата 19 сентября, поэтому ее, видимо, следует считать достоверной.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 9 об. — 14.

³ Там же. Л. 15–19 об. Список городов, куда посланы грамоты, см.: Там же. Л. 19 об. — 22.

⁴ Там же. Л. 53–54.

⁵ Там же. Л. 42 об. — 47. Днем ранее аналогичные памяти были посланы в Казанский и Польшский приказы, которые аналогичным образом должны были информировать подведомственных им служилых людей. См.: Там же. Л. 36 об. — 42 об.

конным и пешим людем» следовало прибыть в Белгород к 1 мая 1689 г., в крайнем случае — к 9 мая⁶. Этот срок впоследствии неоднократно корректировался. 12 января 1689 г. казанцам — дворянам и детям боярским «полковые службы», назначенным первоначально в Рязанский разряд, велено было выехать в полк Шереметева для службы на черте по общим февральским срокам⁷. В наказе Голицыну (от 10 февраля) отмечалось, что московским чинам, определенным в Казанский разряд, необходимо прибыть в Белгород к 25 марта, остальным («копейщиком и рейтаром, и салдатом») — в феврале⁸. Однако 19 февраля в Разряде была подготовлена образцовая грамота, которой устанавливался общий срок сбора для всех служилых людей в полк Б.П. Шереметева, назначенный «по вестовым письмам», — 25 марта «безо всякого переводу не отымаясь ничем»⁹. Однако позднее и он был частично скорректирован: помещикам и вотчинникам Новгорода, Пскова, Великих Лук и Торопца разрешалось приехать в Белгород «на прежней срок» к 1 или 9 мая¹⁰. Видимо, назначение мартовского срока и распространение его на весь Казанский разряд было вызвано пониманием, что собрать его в феврале не получится.

1 декабря появились указы о срочной отправке по городам «высылщиков» — стольников и дворян в сопровождении подьячих для раздачи денежного жалованья ратным людям и высылки их в полки. Особо отмечалась необходимость вписать в указы высылщикам требование объявлять ратным людям при выдаче жалованья, чтобы они «покупали лошади добрые и служилую рухледь, а на иные никакие домашние росходы не держали и не тратили, а буде кто из них в полках бояр и воевод объявятца на худых лошадях и безоружны и тем за то быть в смертной казни». Вместе с высылщиками для сбора ратных людей «без всякого прекословия» должны были ехать полковники и начальные люди. Первые партии ратных людей им следовало высылать на место сбора, а «с достальными» ехать в полки лично¹¹.

Еще в декабре была подготовлена образцовая грамота для рассылки по подведомственным Разряду городам о том, что товарищи воевод разрядных полков, которым велено записывать приезды ратных людей, из Москвы «в указные места отпущены будут кончае генваря с 6 числа». Воеводам в связи с этим требовалось в очередной раз поторапливать служилых людей с выездом¹². 13 января последовал указ о выезде дьяков для записи приездов: в Сумы из Курска — Ильи Колпакова, в Рыльск из Москвы — Михаила Власова, на Обоянь из Курска — Любима Судейкина, в Межиреч из Путивля — Петра Исакова¹³. 18 января отправлена грамота воеводе Курска думному дворянину А.И. Хитрово срочно ехать для записи приездов в Обоянь. С этой же целью в Сумы был назначен товарищ В.В. Голицына в Большом полку — окольничий В.А. Змеев¹⁴. В Рыльске приезды должен был фиксиро-

⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 55–58 об.

⁷Там же. Л. 78–79.

⁸Там же. Л. 255.

⁹Там же. Л. 186 об. — 188.

¹⁰Там же. Л. 337–338, 391 об. — 392 об.

¹¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 210–211 об. Наказ высылщикам Новгородского разряда см.: ПСЗ. Т. 2. С. 973–974.

¹²РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 114 об. — 116.

¹³Там же. Л. 138–138 об.

¹⁴Там же. Л. 76 об. — 77 об. Память из Разряда в Ямской приказ о выдаче В.А. Змееву под-
вод см.: Там же. Л. 215–215 об.

вать местный воевода Емельян Давыдович Неплюев (отпуск грамоты ему датирован 3 февраля)¹⁵.

24 января 1689 г. последовал указ об изменении места сбора Низового полка — вместо Чугуева ему следовало сосредотачиваться в Харькове, а 30 января чугуевскому воеводе С.Б. Ловчикову была послана грамота с указанием направлять туда тех служилых людей, которые уже прибыли или придут в Чугуев¹⁶. В.А. Змеев прибыл в Сумы 1 февраля и в тот же день выслал в Москву перечневую роспись московских чинов, прибывших на место сбора к указанному времени (154 стольника, стряпчих, дворян и жильцов; 6 «иноземцов кормовщиков»). В ответ Змееву 12 февраля послали царскую грамоту «с милостивым словом» и указанием похвалить ратных людей, прибывших «до первого указного срока»¹⁷.

13 февраля разрядный подьячий Михаил Гуляев в сопровождении 15 стрельцов двинулся из Москвы с грузом «денежные и соболиные казны и шатровых и полковых всяких припасов» для нужд Большого полка. В городах воеводы должны были обеспечивать Гуляева дополнительными вооруженными конвоями из служилых людей (стрельцы ехали только до Калуги)¹⁸.

19 февраля последовал указ о замене командующего Низовым полком (фактически решение было принято раньше, до 10 февраля, см. об этом далее). Вместо И.Ю. Леонтьева назначался стольник Василий Михайлович Дмитриев-Мамонов, бывший в списке московских чинов, выехавших с В.В. Голицыным в Большой полк из Москвы. На следующий день соответствующая грамота была послана «оберегателью», который должен был объявить Дмитриеву-Мамонову об указе и велеть ехать к своему полку в Харьков «без мотчанья»¹⁹. Получив грамоту, Голицын выслал Дмитриева-Мамонова к месту сбора Низового полка после 21 февраля, вручив ему образ великомученика Дмитрия Солунского, «с которым ему, Василью, в том полку быть»²⁰. Наказ и списки служилых людей из Разряда ему отправили со стольником Г.Ф. Балакиревым 25 марта²¹.

Наказ В.В. Голицыну

Определенный итог военно-организационных мероприятий русского правительства был подведен в наказе В.В. Голицыну, который датирован 10 февраля 1689 г.²² Черновики наказа сохранились в трех столпиках («частных столбцах»)

¹⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 180 об. — 181.

¹⁶Там же. Л. 95–100. Соответствующие памяти были посланы также в Казанский разряд и Посольский приказ.

¹⁷Там же. Л. 166–168 об., 176–178 об.

¹⁸Там же. Л. 178 об. — 180 об.

¹⁹Там же. Л. 145–145 об., 188 об. — 190.

²⁰Там же. Л. 289–290.

²¹Там же. Л. 301–301 об. Наказ см.: Там же. Л. 303–310 об. Данный наказ, в отличие от наказа В.В. Голицыну, касался только собственно воеводских обязанностей Дмитриева-Мамонова, в том числе предписывал его безусловное подчинение главнокомандующему (строиться на марше по его команде, отсылать к нему языков, писать в случае надобности в фураже и продовольствии и др.). Помимо образа св. великомученика Дмитрия, в Низовой полк посылались знамя с изображением св. Николая Чудотворца. Дмитриев-Мамонов сообщал, что Балакирев прибыл к нему в полк 16 апреля. Помимо вручения наказа, он также объявил в Низовом полку о рождении Марии, дочери царя Ивана (Там же. Л. 421–422.).

²²Там же. Л. 240–269 об.

столбца № 733 Московского стола (столпики 1, 3, 5), каждый из них по-разному озаглавлен составителями описи, хотя все это, безусловно, один и тот же документ. Все черновики относительно не полны, местами представляют собой отдельные выписки и подготовительные материалы, написанные разными почерками, листы часто перепутаны (особенно в столпиках 3 и 5). Черновик, содержащийся в столпике 5, судя по всему, самый первый вариант, в основу которого легли статьи 1687 г., с необходимыми замечаниями, исправлениями и обширными дополнениями. Об этом, в частности, свидетельствует замена в нескольких местах гетмана Ивана Самойловича на Ивана Мазепу²³. Сравнение правки столпиков 1 и 3 показывает, что более поздним был вариант, содержащийся в столпике 1²⁴.

В составе наказа можно выделить несколько содержательных частей:

1) мотивировочная, содержащая подробное описание целей похода и внешнеполитических обстоятельств его осуществления, сходная с царским манифестом от 19 сентября 1688 г.;

2) собственно военная, включающая краткое описание отправляющегося с Голицыным войска и общих принципов ведения военных действий;

3) дипломатическая, касающаяся возможных контактов с представителями противника, и в первую очередь с посланцами крымского хана.

Рассмотрим вторую и третью части (первая анализируется в главе 10) более подробно.

Военная часть наказа включала перечисление войск Большого полка и остальных соединений (Новгородский, Казанский, Рязанский, Севский разряды, полк низовых городов), переданных под команду В.В. Голицына, очерчивала его полномочия, а также определяла механизм подготовки армии к выступлению, сроки сбора войск (см. о них выше) и др. Вместе с Голицыным в *Большой полк* на службу были записаны товарищи: стольник князь Я.Ф. Долгоруков и окольный В.А. Змеев, а также думный дьяк Е.И. Украинцев, дьяки Е. Полянский, К. Алексеев, Г. Посников, Е. Чорной. В Большом полку также воеводами были назначены: «великих государей у знамени» стольник князь И.М. Кольцов-Масальский; посыльные воеводы — стольники М.А. Головин и Б.А. Змеев²⁵; воеводы «у большого наряду» — стольники М.П. Беклемишев и его сын Иван. *Новгородский разряд* возглавляли боярин А.С. Шеин и его товарищ стольник Ф.Ю. Бярятинский, а также дьяки А. Яцкий и Г. Молчанов; *Казанский* — боярин Б.П. Шереметев и его товарищ думный дворянин А.И. Хитрово, а также дьяк Л. Судейкин; *Рязанский* — боярин князь В.Д. Долгоруков и его товарищ стольник В.Я. Хитрово²⁶, а также дья-

²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 5. Л. 2, 11, 17, 33, 34, 35.

²⁴ См.: Там же. Столпик 3. Л. 76. Здесь напротив росписи командующих разрядами стоит помета с указанием написать всех товарищей (далее они вписаны отдельно, в том числе на обороте), что указывает на первичность этого черновика по сравнению с тем, что содержится в столпике 1, где товарищи уже вписаны одним почерком. Ср.: Там же. Столпик 1. Л. 21–22.

²⁵ Текст указа от января 1689 г. о назначении воеводы у знамени и посыльных воевод см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 388 об. — 389. 21 апреля был назначен еще один посыльный воевода Большого полка — Федор Самсонович Бутурлин (Там же. Л. 356 об. — 357 об.).

²⁶ Назначен царским указом от 24 февраля вместо А.И. Хитрово, переведенного в Казанский разряд, 3 марта отпущен Голицыным из Большого полка. См.: Там же. Л. 286 об. — 287 об., 365–367.

ки В. Макарьев и А. Хрущов; *Севский* — боярин Л.Р. Неплюев и думный дворянин Г.И. Косагов, а также дьяк П. Исаков; *Низовой полк* — стольник В.М. Дмитриев-Мамонов и дьяк П. Тютчев.

Воеводы разрядов именовались как «сходные товарищи» Голицына. Дополнительно «в сходе» с ним писались воеводы ключевых городов на юге — Новобогородицка (И.Ф. Волынский)²⁷, Киева (М.Г. Ромодановский), остальных городов Малой России и Белгородского разряда²⁸. Все они должны быть «послушны» главнокомандующему, когда он будет писать им «о полковых и о иных делах»: «о том в те во все города к ним бояром и воеводам и к приказным людям их великих государей грамоты из Розряду и из иных приказов посланы».

Для высылки в полки служилых людей из Разряда, Иноземского и Рейтарского приказов и Приказа княжества Смоленского были высланы нарочные стольники и московские дворяне, «а с ними на тое дачю денежная казна многая». Раздав жалованье, царские посланники должны были «отвесь» служилых людей на места сбора. Всех приехавших московских и городовых дворян, а также их боевых слуг Голицыну следовало пересмотреть и расписать по ротам, смотры стрелецких, солдатских, копейных и рейтарских полков должны были проводить их полковники и генералы. После сбора войск и смотра В.В. Голицын должен был составить и направить в Разряд «перечневую роспись» ратных людей всех чинов.

Перед выступлением Голицыну следовало издать три приказа по Большому полку. Первый — о запрете отпуска «лишних людей» (челяди и др.) и лошадей из армии после выхода из Сум (см. подробнее далее). Второй касался перехода царских отрядов через украинские города и взаимоотношений с казаками и другими национальными формированиями. Оба этих указа дублировали положения статей 1687 г. Однако третий приказ, адресованный генералам, полковникам и начальным людям, там отсутствует. Им запрещалось использовать подчиненных «для своих прихотей и корысти», «теснить» их каким-либо образом, чинить «обиды и налоги», заставлять работать на свои или своих друзей личные нужды, тем более отпускать солдат с этой целью из полков. Со статьями 1687 г. сходны также рекомендации наказа 1689 г. об обращении с пленными.

Как и в 1687 г., время выезда к войскам, начало марша, его направление, место и время соединения с украинскими казаками, ведение боевых действий против крымских татар и прочие действия главнокомандующий должен был определять «по своему рассмотрению», но непременно информируя о своих действиях государей «с нарочными посылщиками». Тожественны «тайным статьям» 1687 г. были и рекомендации по подъему духа московского войска, которое теперь должен был обеспечивать сретенский протопоп Федор.

Главнокомандующему следовало не допустить крупного крымского набега на русское пограничье во время второго похода: «Киева и малороссийских и ук-

²⁷См. отпуски грамот И.Ф. Волынскому (октябрь 1688 г. и 26 февраля 1689 г.) с объявлением о Крымском походе, распоряжением быть в товарищах у Голицына и идти с ним в соединение по первому призыву: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 208–208 об., 367 об. — 369.

²⁸См. отпуск царской грамоты Б.П. Шереметеву (декабрь 1688 г.) с информацией о рассылке грамот по городам Белгородского полка, воеводы которых должны быть «послушны» Голицыну (Там же. Л. 112 об. — 113 об.). Сам Шереметев также должен был исполнять приказы главнокомандующего «без мотчанья», не отписываясь в Москву. Список городов, воеводам которых приказывалось «быть послушным» Голицыну см.: Там же. Л. 114–114 об.

раинных городов оберегать и над теми воинскими людьми промышлять по своему рассмотренью»²⁹.

Дипломатическая часть наказа в плане переговоров с Крымским ханством слово в слово дублировала тайные статьи 1687 г., предусматривая мирные переговоры по условиям союза с Польшей и переход хана в подданство царей. Далее следовала рекомендация о необходимости поддерживать в ходе похода корреспонденцию с польско-литовской стороной (королем и гетманами Речи Посполитой). Завершался наказ следующим характерным пассажем: «А настоящее Божие и их великих государей и всего государства дело по их, великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев милостивому изволению положено на нем, ближнем боярине и оберегателе и дворовом воеводе князе Василье Васильевиче с товарищи»³⁰.

Сбор денег и продовольствия, назначение докторов и прочие подготовительные мероприятия

1 ноября появился указ о взимании нового чрезвычайного налога на жалованье служилым людям по прибору по аналогии с указом 1686 г. Крайний срок поступления средств назначался на 6 января³¹. Осенью была проведена ревизия оставшихся после первого похода продовольственных запасов в Ахтырке, Сумах и Хотмыжске. К указанному времени там хранилось 7420,5 четверти муки, 7234,5 четверти сухарей, 1853,5 четверти толокна, 1344 четверти «с получетвериком» круп, 266 четвертей овса, 1909 пудов и 1 четверть соли, 5 бочек сбитня, 7 бочек рыбьего кавардака, 6 бочек рыбьего жира, 36 пудов 20 гривенков коровь-

²⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 240–240 об., 246 об. — 249 об., 251–266 об. Черновики см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 1. Л. 21–26, 31–72; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 3. Л. 8–28, 49–58, 64–67, 75–118. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 5. Л. 10–11, 16–86. В этом варианте более подробно расписаны действия главнокомандующего на случай татарского набега: если крымцы пошлют мурз в набег, то против них посылать войска и писать воеводам Белгородского разряда «наскоро, чтоб они про приход их бусурманской ведали и украинских городов от войны оберегали, и над ними всякой промысл чинили». А гетман Мазепа (указан без исправления) должен будет писать о том же к малороссийским полковникам, «которые будут оставлены в Пловатском (так! — *Авт.*) и в ьных местех» и в случае необходимости прикажет им идти с своими казаками к Белгородской черте, туда, где появится неприятель. Если татары нападут на малороссийские города, то тогда наоборот, белгородский воевода должен будет оказать поддержку войскам гетманского регимента (Там же. Л. 16–19). Здесь же в товарищах воеводы Большого полка В.А. Змеева был первоначально написан дьяк Михаил Щербаков вместо И. Колпакова (Там же. Л. 45).

³⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 266 об. — 269 об. Черновики см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 1. Л. 72–78. Скрепя дьяка В.Г. Семенова; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 3. Л. 29–34. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 5. Л. 1, 12–15. Здесь указано, что если В.В. Голицын узнает о направлении ханом или султаном послов к великим государям, то их к Москве не пропускать, вести переговоры самому. Далее зачеркнут текст, что вести переговоры следует по тайным статьям, посланным 26 февраля с Ф.Л. Шакловитым, «по своему рассмотрению как то дело належит и как ево Господь Бог в тех делех вразумит». Здесь, несомненно, перед нами фрагмент какого-то черновика «тайных статей» 1687 г., не вошедших в текст, с которым работал А. Востоков. В итоговый наказ 1689 г. эти рекомендации, судя по всему, также не попали.

³¹ПСЗ. Т. 2. С. 952–953.

его масла, 30 кулей сметков³². 2 октября в Разряде был дан указ об отправлении продовольственных запасов (рыбьего жира, рыбьего кавардака, сметков, коровьего масла, соли) по наряду прошлого похода в те же города: 1 тыс. пудов рыбьего кавардаку, 2 тыс. пудов рыбьего жира, «сметков псковских добрых и сухих» 1 тыс. четвертей, 3 тыс. пудов коровьего масла, 6 тыс. пудов соли, 24 577 четвертей сухарей. Лишь 1 ноября последовал указ дать новые памяти об отпуске «зимним путем» в войско царского жалования «и на корм ратным людям» из Большого дворца и Большой казны новых запасов с указанием актуальных мест сбора Большого полка, Новгородского и Рязанского разрядов. Дополнительно в Севске следовало подготовить и отправить в войска 1 тыс. ведер сбитня и столько же уксусу. Все указанные запасы должны были быть разделены между соответствующими пунктами сосредоточения войск (см. таблицу)³³.

Таблица 4.1. Распределение продовольствия по городам/разрядным полкам

Запасы Место назначения	Рыбий кавардак (пуды)	Рыбий жир (пуды)	Сметки (четверти)	Коровье масло (пуды)	Соль (пуды)	Сухари (четверти)	Уксус (ведра)	Сбитень (ведра)
Сумы (Большой полк)	500	1000	500	1500	3000	12 577 ³⁴	500	500
Рыльск (Новгородский разряд)	250	500	250	750	1500	6000	250	250
Обоянь (Рязанский разряд)	250	500	250	750	1500	6000	250	250
Итого	1000	2000	1000	3000	6000	24 577	1000	1000

17 декабря из Москвы в Рыльск и Обоянь со стряпчим Сытного дворца И. Бутримовым было отправлено по 250 пудов рыбьего кавардака. Сохранился отпуск грамоты рыльскому воеводе князю А.А. Волконскому, которому следовало груз принять, «устроить в анбары и беречь» до царского указа³⁵. Волконский получил груз из 12 бочек кавардака 15 января, расположив его «в ряду в двух анбарах», обоянский воевода Абрам Иванович Мантуров 5 числа того же месяца принял 13 бочек «без весу для того, что терезей (весов. — Авт.) в Обоянском нет» (по сказке Бутримова весь груз «с деревом» весил 258 пудов). Бочки Мантуров «устроил... в укрытом холодном месте и приказал беречь накрепко»³⁶.

В январе 1689 г. Приказ Большой казны закупил 2000 тыс. пудов коровьего масла. 500 пудов «в заорленных бочках» было отправлено в Обоянь с целовальником Воронцовской слободы Микишкою Тихоновым и подьячим Московской померной

³²РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 70 об. — 74 об.

³³Там же. Л. 29–36, 74 об. — 76 об. Памяти в Большую казну от 1 ноября см.: Там же. Л. 48–49 об.

³⁴В росписи отдельно по Большому полку ошибочно указано 32 577 четвертей.

³⁵Там же. Л. 116 об. — 117, 119 об. — 120 об.

³⁶Там же. Л. 220–225 об.

избы Петром Трубицыным в сопровождении пяти стрельцов. Воеводе Мантурову были посланы инструкции, полученное масло «устроая, поставить в особое место». Воевода должен был дать «подьячому и целовальнику караушликов сколько человек пригож», велел им масло «надсматривать почасту, чтоб над ним никакой порухи и истери не было», сохранив продукт «в целости до приходу на Обоянь» князя В.Д. Долгорукова³⁷. 8 февраля Мантуров сообщал, что принял у стряпчего Большого дворца Федора Толстого 250 пудов снетков «с рогожи». При этом воевода сокрушался: «а мерять, государи, было мне, холопу вашему, нечим для того, что в Обоянской сняточной меры не прислано, а в таможенной в московской четверик он, Федор Толстой с товарищи тех снятков мерять мне, холопу вашему, не дал, и дал он скаску за рукою, что тот де таможенной четверик сняточной меры болши и в такую де таможенную меру снятков не меряют». Мантуров принял объяснение, «устроил» груз «в анбареж» и отпустил Толстого в Москву³⁸. Примечательно, однако, что 10 февраля воевода Хотмыжска (где запасы собирались к походу в 1687 г.) Михаил Домнин сообщал о получении от того же Ф. Толстого 100 четвертей (60 «по московской таможенной мере») сухих снетков, которые он «устроил в сарай в крепкое место». В.Г. Семенов отметил на воеводской отписке: «подписать, в которой полк те снятки послать велено». Выяснилось, что по указу 1 ноября рыба предназначалась для Рязанского разряда князя В.Д. Долгорукова³⁹. Таким образом, выходит, что из Обояни (нового места сбора Рязанского разряда) Толстой выехал в расположенный за 100 км Хотмыжск (либо послал туда заранее кого-то из товарищей), где указанный разрядный полк концентрировался в 1687 г. Вряд ли тут перед нами пример приказной неразберихи с отправкой продовольствия, скорее — стремление рационально распределить запасы для будущей кампании, чтобы не испытывать проблем с отсутствием мест хранения.

Основной базой для заготовки по нормам похода 1687 г. смолы, дегтя, пеньки, сена должны были стать города Севского и Белгородского разрядов. Упомянутые запасы необходимо было свезти в Севск и Белгород «по нынешнему зимнему первому пути безо всякого мотчанья тотчас». Собранных для похода из этих же разрядных округов подъемных лошадей и волов следовало «кормить сеном и овсом, чтоб были выкормлены и к походу готовы»⁴⁰. Сена в городах Белгородского и Севского разрядов предполагалось заготовить 23 688 возов⁴¹. Дополнительно к этому летом и осенью 1688 г. гетман Мазепа готовил запасы сена на пути следования армии в районе р. Ворсклы и других местах⁴².

Помимо мест сосредоточения разрядных полков, важным пунктом в продовольственном снабжении армии стал расположенный на ее пути Новобогородицк, куда летом – осенью 1688 г. свозились хлебные запасы из Киева (помимо упомянутых в третьей главе 10 тыс. четвертей, доставленных И. Личковским, оттуда же в Новобогородицк были позднее привезены еще 5 тыс. четвертей ржаной муки «смоленской

³⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 80–82.

³⁸Там же. Л. 204 об. — 206 об. В.Г. Семенов приписал на отписке: «подписать, против отпуску кули сполна ль приняты».

³⁹Там же. Л. 202–204.

⁴⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 3. Л. 35–36.

⁴¹Там же. Л. 119–123.

⁴²Листи Івана Мазепи. Т. 1. 1687–1691 / упор. та авт. передм. В. Станіславський. Київ, 2002. С. 209–210, 220; *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков. Т. 1. Владимир, 1903. С. 176–177.

присылки» 1687 г.), из Севска и с Кодацкого острова. По расчетам Разрядного приказа за вычетом жалования гарнизону, воеводе И.Ф. Волынскому, разовой выдачи продовольствия В.В. Голицыну и др. подобных раздач к 1 сентября 1689 г. в Новобогородицке все равно должно было остаться почти 57 тыс. четвертей хлебных запасов (более 29 тыс. четвертей муки, почти 25 тыс. четвертей сухарей, около 1,6 тыс. четвертей толокна, около 1,2 тыс. четвертей круп). Они, несомненно, предназначались для действующей армии⁴³. Помимо этого, в Киеве, даже после отпуска 10 тыс. четвертей хлеба в Новобогородицк, оставалось на 10 февраля 1689 г. 4615 четвертей «бесполучетверика» ржи, 7983 четверти 3 четверика ржаной муки, 88 четвертей с осьминой овсяной крупы, 98 четвертей с осьминой и с четвериком толокна, 39 четвертей с осьминой и с четвериком овса; всего «всяких вышеписанных хлебных запасов» было 12 825 четвертей «с получетвериком». Все это было продовольствие — «брянские присылки прошлых лет», к которым было добавлено закупленное в Киеве. Отдельно были отмечены 2913 кулей овсяных круп и 2909 кулей толокна «смоленской присылки» 1687 г. Указанный провиант также при необходимости мог быть отправлен вниз по Днепру для наступающей на юг армии Голицына⁴⁴.

8 февраля в Разряд были присланы назначенные в поход (в Большой полк, в Рязанский и Новгородский разряды) доктора, лекари, аптекари и др. — всего 25 человек, включая доктора Андрея фан Келлермана, лекарей-иноземцев Ягана Терманта (Термонта), Андрея Бекера, Адольфа Эвенгагина, Александра Квилона, Ягана фохт Диштинларта, Романа Шлятора, — русские врачи «чепучинного дела» Артемий Петров, Кузьма Семенов, Василий Подуруев, Андрей Харитонов, Еким Алексеев, Данило Лебедев, Фрол Семенов, Алексей Григорьев, Яков Иванов, Тимофей Петров, Роман Гарасимов, а также врачи-«костоправы» Иван Федоров и Алексей Феофанов и др. По царскому указу всем им было велено быть в распоряжении разрядных шатров, то есть в распоряжении В.В. Голицына, А.С. Шеина и В.Д. Долгорукова «и кому до них будет нужда, и тем людям бить челом о них и имать к себе от розрядного шатра, а у сходных таварыщей у бояр и воевод в полках великие государи быть им указали у розрядного ж шатра». Более того, поскольку «против прежняго отпуску ныне лекарьств в отпуску многое число», велено было выделить для врачебных нужд подводы под «лекарственную казну... против отпуску прошлого 195-го году крымского ж походу с прибавкою»⁴⁵. 25 февраля в Разряд дополнительно был прислан лекарь Христор Карстен с указом отправить его «в полки бояр и воевод»⁴⁶.

Для переправы армии через Самару в Новобогородицк загодя, с целью изготовления стругов, были назначены 7 человек «струговых мастеров» или «карбасных плотников» из северных уездов России: из Мезени (Е. Окладников, С. Петров), Холмогор (Н. Зиновьев, М. Дмитриев, С. Федоров), Вологды (И. Ильин, И. Федоров). Им было велено «делать... струги, согласяся с прежними струговыми мастерами» — с М. Виноградным «с таварыщи»⁴⁷. Воевода Волынский сооб-

⁴³ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 168–170.

⁴⁴ Там же. С. 188–189.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 169 об. — 174.

⁴⁶ Там же. Л. 369–370.

⁴⁷ Делать струги для походов на Черное море в Новобогородицке еще в ноябре подрядились новопоселенцы — казаки М. Виноградный, Ф. Прокофьев и др. Правительство приняло их предложение, распорядившись выделить лес и железо. См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 86. Ч. 1. Л. 122–133.

шал о прибытии 10 февраля в город пяти из назначенных мастеров (не прибыли «вологжане» Ильин и Федоров), которые «суды делать почали» с помощью приданных им «плотников и работников из салдат». Работами руководил стрелецкий подполковник И. Лешуков, направленный ранее, в ноябре 1688 г., в Новобогородицк для приема транспорта сухарей из Севска. «Карбасы» по пяти и по шести сажень длиной, рассчитанные на 15–30 человек, следовало делать с «великим поспешением», чтобы успеть изготовить нужное количество судов «к приходу в Новобогородицкой город бояр и воевод». Забегая вперед, следует сказать, что северяне, включая приехавших позднее Федорова и Ильина, справились со своей задачей, за что по распоряжению Голицына 23 апреля 1689 г. им было выдано жалованье по рублю на человека⁴⁸.

Одним из важнейших организационных моментов подготовки именно второго похода стал контроль за поджогом степей на пути возможного следования русской армии. В наказе В.В. Голицыну 1689 г. организованный крымцами степной пожар рассматривался как одна из главных неудач первой экспедиции против ханства. Поэтому первые акции по выжиганию степей были предприняты уже в сентябре 1687 г., после окончания первого похода. Определенное значение это, видимо, имело и с точки зрения воспрепятствования осенне-зимним набегам крымских и азовских татар на южное пограничье России.

27 сентября острогожским казакам во главе с полковником Иваном Сасовым, находившимся в составе расположенного на южном пограничье воеводского полка М.Г. Ромодановского (подробнее см. об этом в главе 2), было приказано выдвинуться в район Нового Оскола, оттуда послать казацкие разъезды «до вершин реки Сосны и до Усерда и до речек Кабылей и Матронки и меж Олшанска и Острогожска до речек Полубенок и до реки Дону», чтобы «в тех местех» выжечь травы «без остатку, опричь тех мест, которыми украинских городов жители про свои домашние нужды удовлетвуютца»⁴⁹.

В самом начале года 1688 г. Мазепа по приказу сверху послал на юг «подлинных людей» для выяснения, действительно ли «на прошлолетних пожарных местех знатные травы narосли» (гетман сообщал Неплюеву об этом 11 марта 1688 г.). В случае необходимости гетман выражал готовность выжечь степи заранее, после того как прогреется земля⁵⁰. В апреле Мазепа приказал выжигать травы ниже Самары полтавскому и кодацкому полковникам, хотя приезжавшие оттуда люди свидетельствовали, что после прошлогодних пожаров растительность в этих местах редкая и чахлая. Уже в мае прибывшие в Батурин полтавчане сообщали, что выжгли сухие травы везде, где только возможно, — в районе Конских Вод, Карачекрака и Самары, при этом растительность, выросшая на местах прошлогодних пожаров, горела плохо «зелености ради своей»⁵¹. В сентябре 1688 г. необходимость выжечь степи обсуждалась в ходе переговоров Мазепы и Ф.Л. Шакловитого⁵², в том же месяце в Новобогородицк Косагову был послан царский указ «степи все к Перекопи и к Сече и на самой Самаре и по Самаре вниз и вверх обжечь, остере-

⁴⁸РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 86. Ч. 1. Л. 64–65, 146–154, 157–163; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 140.

⁴⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 61. Л. 202 об.— 203.

⁵⁰Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 130.

⁵¹Там же. С. 151–152, 165–166, 174.

⁵²*Востоков А. Посольство Шакловитого... С. 214.*

гая того, чтоб запорожцы о том не ведали». В октябре 1688 г. Косагов отчитывался, что посылал с этой целью сумских казаков за р. Самару, в степь, «в ближние и дальние места траву выжигать». Однако вернувшиеся 1 ноября казаки сообщили, что степные травы «не горят для того, что подросли зеленые травы, а сверху от морозов трава мокра и ни коими меры зажечь они не могли»⁵³. Получив это известие, из Москвы выслали указ воеводе И.Ф. Волинскому в обязательном порядке выжечь траву весной, чтобы степи «к походу нашим великих государей ратным людям... были способны»⁵⁴. Наконец, в феврале 1689 г. по распоряжению В.В. Голицына Мазепа направил казаков с распоряжением выжечь степи от левого берега р. Самары до Перекопа там, где уже растаял снег. В марте, правда, выяснилось, что поджогу степи препятствуют запорожцы, и гетману пришлось писать им специальное письмо с увещеваниями не мешать посланным за Самару гетманским казакам выполнить порученное задание⁵⁵.

Большое значение в Москве придавали и сбору новой информации о возможном новом маршруте похода, более удобном, чем в 1687 г. 18 сентября 1688 г. в Посольском приказе был допрошен присланный Мазепой опытный ватажник Антон Рудый (Рудов), а также новокрещенные курские калмыки «про путь, належющий от Карачекраку к Перекопи, которым возможно б обозовым ополчением идти». По их словам, перейдя Карачекрак вброд, войско могло двигаться «полем ровным и неболшими балками без трудности до Плетенинских Рогов» (3 мили⁵⁶). Здесь армии рекомендовалось разбить лагерь и ночевать, «потому что место ровное и вод много» из-за разлива Днепра, «и лесу довольно». Оттуда путь (около 5 миль) вновь шел «полем ровным» в верховья лимана, где Косаговым был сооружен Каменный Затон. Лиман этот был одновременно устьем р. Белозерки, которое армии следовало оставить с правой стороны, заночевав возле реки. Здесь, как утверждали Рудый и его товарищи, также «лесу достать мочно, есть терновник и груши», а саму Белозерку «обозом перейти мочно без трудности, потому что она не топкая и мелка, да и камышник около ее есть и травы достаточно». Далее от Белозерки следовало пройти 2 мили «ровным местом» до р. Рогачихи (Рогачик), где также было место, пригодное для ночлега, а оттуда — на р. Елпатиху (2,5 мили). Возле нее было «зело удобно ночевать, понеже поля ровные и дров достать мочно». От Елпатихи предполагаемый путь войска (1,5 мили) лежал «по вершинам балок ровными месты до речки Каирки Мечетной», далее, огибая ее исток справа, — «до речки Середней Каирки» (2 мили), где следовало остановиться на ночевку («ночлег доброй, понеже вод и дров и травы много»). От Средней Каирки, по свидетельству Рудого и его товарищей, можно было «еще ближе к городкам турецким податись до речки Последней Каирки с полмили и перешед ее, притти до урочища Вуливола с версту», где были «ровные места и воды много». С этого места можно было невооруженным глазом обозреть турецкие крепости на Днепре, расположенные менее чем за милю. Далее следовало взять влево, на Черную долину, оставив османские крепости справа, «и идти ровным местом все степью» около 45 верст. Здесь начинались засушливые территории: «в тех местех вод и лесов нет, все степь

⁵³ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 152–153.

⁵⁴ Там же. С. 153, 185–186.

⁵⁵ Листи Ивана Мазепи. Т. 1. С. 300–301, 313–314, 320–321.

⁵⁶ Здесь и далее, судя по всему, речь идет о русской миле, равнявшейся 7 верстам (около 7,5 км).

и трава неболшая». С Черной долины армии надо было двигаться «лощиною» около 3 верст и далее «ровным местом» до верховьев Каланчака (4 мили) по дороге, «которою ездят ис Перекопи в Казыкермень». На Каланчаке был только один «каменной колодезь», но есть и другие «готовые колодези», кроме того, как полагал Рудый и его товарищи, «войску для воды около той речки податись вправо и поделать возможно без всякие трудности колодези», добравшись до воды на глубине около 2 аршин. Поэтому, полагали они, «в тех местех обозом стоять зело пристойно и колодезей зделать надобно много», чтобы создать запасы воды для марша к Перекопу (около 3 миль). Путь должен был пролегать через небольшой холм («пригор») «ровным местом» до урочища Кугайлик, где «колодези есть ж готовые, так и зделать мочно вновь, а до воды будет сажень и болши, и менши, толко де на войско вод такого достатку, как стоять на Каланчаке от Перекопи за 3 мили не будет, да и травы на Каланчаку и около много, а блиско самой Перекопи трав мало»⁵⁷. В целом путь должен был пролегать практически вдоль Днепра, поскольку «вышеписанные все речки впали в Днепр, а вершины их от Днепра только по миле и по полторы»; в ходе марша сам Днепр будет справа «от обозу», в 1–2 милях. Резюмируя, Рудый и его товарищи заявляли, что от Карачекраку до Последней Каирки (15 миль) войску будет идти скорее комфортно («никакие трудности в воде и в лесах и в конских кормех не будет»), указанный путь оно сможет преодолеть за 4 дня; от Каирки до Каланчака дорога труднее — «в воде и в дровех скудость, потому что нет, а бывает де в тех местех вода на весне, а летом, когда дожди великие, а мочно ль в тех местех колодези выкопать и сколко глубоко будет до воды, того не ведают, однако ж де копанки татарские на тех милях от Каирки до Колончаку есть, а воды они в них летом не заставляли». 9 миль по указанному безводному участку обоз и армия могли пройти за сутки («место все ровное и переправ и балок никаких нет»). «А инога пути от Карачекраку к Перекопи быть невозможно, потому что степи безводны и бездрожны», — утверждали следопыты, заканчивая свое описание⁵⁸.

Отдельно со слов днепровских следопытов были записаны расстояния для переходов между речками от Новобогородицка до Карачекрака⁵⁹, причем Рудый и калмыки отметили, что путь русской армии в 1687 г. до Карачекрака труднее описанного ими, потому что на их маршруте «нигде переправ чрез реки также и трудных мест нет и балок, а которые есть и те неболшие, а иные мочно обойтить, а то обход болшой»⁶⁰.

Подготовительные и организационные усилия русского правительства по организации второго Крымского похода следует оценить весьма высоко. Московская военно-бюрократическая машина не только смогла повторить масштабные организационные шаги двухлетней давности, мобилизовав огромные запасы продовольствия, фуража, транспортного скота и др., но и учесть опыт предыдущей экспедиции. Большую роль в совершенствовании военно-логистической системы сыграло строительство Новобогородицка, что позволило сосредотачивать там запасы в течение

⁵⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 184–185, 187–189.

⁵⁸ Там же. Л. 189–191.

⁵⁹ «От новопостроенного города с Самары до Карачекраку путь: до речки Вороной 2 мили, от Вороной до речки Сокоровки 2 ж мили, от Сокоровки до Вольной 2 ж мили, от Вольной до Московки 2 мили, от Московки до Конской 2 ж мили, от Конской до Сухой долины 2 ж мили, от Сухой долины до Карачекраку 3 мили» (Там же. Л. 186).

⁶⁰ Там же. Л. 190.

лета — осени и позволяло обойтись без лихорадочного и трудоемкого единовременного отпуска сотен стругов с хлебом и крупами из Брянска и Смоленска. Наконец, продолжился сбор и тщательный анализ информации о возможных маршрутах движения к Перекопу с целью обеспечить огромные массыдвигающихся войск более обильными запасами воды и травы, нежели ранее. Однако все эти усилия не дали бы нужного результата, если бы правительству не удалось провести в намеченные сроки сбор войск и выступить в поход, как и планировалось — в марте. Поэтому, шаги, предпринятые с целью окончательной мобилизации вооруженных сил, имели для судеб всей кампании решающее значение.

Состав и численность русской армии во втором походе

Данные по численности и структуре армии, собранной для экспедиции на Крым в 1689 г., были подробно приведены еще в сочинении Н.Г. Устрялова — в тексте и в приложениях в конце книги⁶¹. В последних были расписаны численность и структура разрядов и отдельно численность полков и их командиры. Историк указывал, что эти данные были извлечены из книги Московского стола № 143, однако подобные сводные ведомости там отсутствуют. Текст наряда, близкий к тому, которым пользовался Н.Г. Устрялов, обнаружился, однако, в следующей по нумерации книге — № 144. Историк именует его «перечневой росписью», которая составлялась после сбора и смотра войск по разрядным и воеводским полкам, однако, судя по всему, перед нами именно наряд на второй поход. Сравнение архивного документа с публикацией Устрялова обнаруживает в последней ряд неточностей. Вот некоторые из них. Историк правильно указывает численность и количество стрелецких полков в составе воеводского полка Голицына (4 московских и один белгородский), однако неправильно дает суммарную численность — 4035 вместо 4305. К числу назначенных в поход 6 тыс. сумских казаков он добавляет 85 старшин и урядников, хотя последние относятся не к числу определенных в Большой полк людей, а ко всей росписи Сумского полка. Командующий Низового полка И.Ю. Леонтьев был заменен В.М. Дмитриевым-Мамоновым в феврале 1689 г., однако в роспись Устрялова попали оба воеводы, причем первый — как товарищ Голицына, хотя Низовая рать, также как и Севский разряд, считалась составной частью Большого полка. Леонтьеву и была приписана указанная в наряде численность низовой рати (1514 человек; сама по себе цифра ошибочна, см. об этом далее). Некоторые несовпадения не могут быть как-то однозначно объяснены. Так, в частности, наряд из книги № 144 и публикация Устрялова содержат совершенно различные данные по московским выборным полкам. Однако значительная часть данных, включая численность полков нового строя, совпадают.

Наряд из книги № 144 не содержит имен командиров полков, за исключением имен стрелецких полковников. Их Н.Г. Устрялов, судя по всему, взял из памяти, направленной Иноземским приказом в Разряд от 3 января 1689 г., где перечислялись все гусарские, копейные, рейтарские и солдатские полки, которые предполагалось снарядить в поход или расположить вторым эшелоном на черте⁶². Память, в свою

⁶¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 218, 386–389. Несколько иную численность армии второго похода приводил также А.В. Чернов — 117 446 человек. Однако историк не указал своих источников. См.: Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 196.

⁶² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 82 об. — 90 об.

очередь, не содержит цифровых данных, но полки в целом расположены в ней в том же порядке, что и в наряде. Совмещение двух документов позволило Н.Г. Устрялову дать полную роспись участвовавших в походе полков с именами командиров и численностью. Кроме того, в памяти полки названы по городам, которые давали основную массу или относительно наибольшее количество солдат, тогда как в наряде к названию полка (часто, но не всегда) приписано название разряда, в котором он ведался, а далее следует роспись солдат по городам. Это позволяет получить дополнительные основания для отождествления полков из памяти и наряда. Итоговые результаты подобной работы, повторяющей труд, проделанный Устряловым с отдельными важными дополнениями и уточнениями, изложены ниже в табличной форме. Они представляют структуру армии, которую планировалось отправить второй раз на покорение Крыма. Названия полков в таблицах даны по памяти из Иноземского приказа, порядковые номера (нумерация техническая, постоянного характера не имела) — по наряду. По нему же в скобках указаны служилые города (те, которые открывают список), откуда набирали рядовых. Разночтения между памятью и нарядом, отдельные несовпадения с публикацией Н.Г. Устрялова, а также с наказом В.В. Голицыну, где также была отражена структура Большого полка⁶³, отмечены в комментариях.

**Таблица 4.2. Наряд для Большого полка
(воеводский полк В.В. Голицына)⁶⁴**

Московские чины	Стольники	1068
	Стряпчие	645
	Дворяне	760
	Жильцы	801
	Всего	3274
Новокрещены и иноземцы-кормовщики, которые из Разряда высланы в Иноземский приказ		100
Полк смоленской шляхты генерал-майора В.И. Швейковского	Смоленская шляхта	485
	Бельская шляхта («что велено писаться смоленской»)	116
	Рославльская шляхта	72
	Всего	673
Копейщики	1-й Московский полк полковника Григория Шишкова (Москва, Владимир и др.)	1408
	2-й Белгородский полк полковника Василия Братцева ⁶⁵ (Мценск, Курск, Елец и др.)	1513
	Всего	2921

⁶³РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 251–254 об.

⁶⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 695–702; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 83 об. — 84 об.

⁶⁵В наказе В.В. Голицыну полковником 2-го копейного полка указан Тобиас Колбрехт, судя по всему, командовавший им в 1687 г., а Василий Братцев указан как полковник рейтарского полка (Там же. Л. 251 об. — 252).

Рейтары	1-й Московский полк генерал-поручика Ивана Лукина ⁶⁶ (Владимир, Москва и др.)	1405
	2-й Тульский полк полковника Петра Рыдара (Тула и др.)	905 ⁶⁷
	3-й Ярославский полк полковника Андрея Гулица (Ярославль и др.)	964 ⁶⁸
	4-й Смоленский полк полковника Богдана Корсака (Смоленск, Вязьма)	750
	Всего	4024
Слободские казаки	Сумский полк полковника А. Кондратьева	6000 ⁶⁹
Московские выборные полки	Первый полк (командир не указан ⁷⁰ ; полковники Иван Захаров, Никита Борисов, Иван Кишкин, Алексей Битяговский, Алексей Чаплин, Юрий Лима)	7132
	Второй полк генерал-поручика П. Гордона (полковники Афанасий Нелидов, Родион Стразборх)	3243
	Всего	10 375
Московские стрельцы	Полк «выборной з головных» полковника Ивана Цыклера ⁷¹	1000
	Полк Бориса Головнина	803
	Полк Семена Резанова	914
	Полк Сергея Сергеева	802
	Всего	3519 ⁷²
Солдаты и стрельцы Белгородского разряда	1-й Белгородский полк генерал-поручика графа Давида Вильгельма фон Граама (Давыда Вилгелма), барона морфинского (Белгород, Болхов и др.)	1277
	2-й Яблоновский полк Вилима Фанзалена (Яблонов, Усерд и др.)	890

⁶⁶ В памяти не указан, реконструируется по наказу (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 252). Численность этого полка была ошибочно приписана Устряловым тульскому полку Рыдара (*Устрялов Н.Г.* История... Т. 1. С. 388), хотя имеющаяся в наряде роспись (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 697 об. — 698) однозначно указывает, что это московский полк Лукина.

⁶⁷ Н.Г. Устрялов ошибочно приписал численность этого полка полку А. Гулица (*Устрялов Н.Г.* История... Т. 1. С. 388).

⁶⁸ Н.Г. Устрялов ошибочно приписал численность этого полка Московскому рейтарскому полку (указан без командира — И. Лукина). См.: Там же.

⁶⁹ Здесь же отмечено, что всего «черкас» в Сумском полку 8800 человек, включая 85 старшин, сотников и урядников.

⁷⁰ У Н.Г. Устрялова командиром указан А.А. Шепелев (*Устрялов Н.Г.* История... Т. 1. С. 388).

⁷¹ Фамилия командира установлена на основе наказа (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 252 об. — 253).

⁷² В наряде ошибочно — 3559 (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 701).

	3-й Курский полк Александра Ливенстона (Курск, Обоянь и др.)	1855
	Белгородский жилой приказ московских стрельцов полковника Данилы Юдина ⁷³	786
	Всего	4808⁷⁴
Воеводский полк Г.И. Косагова	Курский рейтарский полк полковника Ивана Гопта ⁷⁵	915
	Курские калмыки	21
	Старооскольский солдатский полк полковника Петра Гасениуса	1292
	Хотмыжский солдатский полк полковника Якова Эрнеста	1170
	Всего	3398
	Итого	39 092⁷⁶

Таблица 4.3. Наряд для Большого полка (полк товарища воеводы князя Я.Ф. Долгорукова)⁷⁷

Городовые дворяне «полковой службы»	ЗИ: Владимир (45), Суздаль (35), Муром (25), Юрьев (3), Нижний Новгород (57), Гороховец (3), Лух (12), Тула (24), Солова (28), Таруса (1), Кашира (2), Ярославль (2), Кострома (2), Романов (48), Кашин (1), Дмитров (1), Алексин (5), Одоев (4), Бежецк (1), Лихвин (2), Верея (1), Мещовск (2), Звенигород (1), Калуга (2), Серпейск (4)	
Рейтары	1-й Можайский полк полковника Николая Фанвердина (Можайск, Боровск, Калуга и др.)	965
	2-й Мценский полк полковника Ицыхеля Буларта (Мценск, Новосиль)	917
	Всего	1882
Слободские казаки	Ахтырский полк полковника И. Перекрестова	4000⁷⁸
Стрельцы	Полк Бориса Щербачева ⁷⁹	709
Солдаты Белгородского разряда	1-й Ефремовский полк полковника Юрия Фамендина (Ефремов, Землянск)	1464

⁷³Имя установлено по наказу (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 253).

⁷⁴В наряде ошибочно — 4908 (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 700 об.).

⁷⁵Имена всех полковников полка Косагова установлены по иным источникам; см. об этом далее.

⁷⁶В наряде ошибочно — 39268 (Там же. Л. 702). Цифра не сходится даже с учетом погрешностей, допущенных при подсчете солдат и стрельцов Белгородского разряда (100 человек) и московских стрелецких полков (40 человек).

⁷⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 702–704 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 85–85 об.

⁷⁸Здесь же отмечено, что всего «черкас» в Ахтырском полку 5096 человек.

⁷⁹У Устрялова имя полковника не указано (Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 388).

	2-й Добринский полк полковника Александра Фороты (Добрый)	1267
	3-й Мценский полк полковника Петра Эрланта (Мценск, Новосиль, Лебедев)	1093
	Всего	3824
	Итого	10726

Таблица 4.4. Наряд для Большого полка (полк товарища воеводы В.А. Змеева)⁸⁰

Городовые дворяне Белгородского разряда	Завоеводчики	50
	Есаулы	40
	Дворяне «полковой службы»	199
	Всего	289
Рейтары	1-й Белгородский полк полковника Данилы Пулста (Белгород, Болхов, Карпов и др.)	1023
	2-й Лихвинский ⁸¹ полк полковника Ивана Фанфеникбира (Лихвин, Чернавск, Данков и др.)	680
	Всего	1703
Слободские казаки	Харьковский полк Г. и К. Донцов	4000⁸²
Солдаты Белгородского разряда	1-й Ливенский полк полковника Андрея Шарфа (Ливны, Коротояк и др.)	1571
	2-й Елецкий полк полковника Франца Лефорты (Валуйка, Салтов и др.)	1796
	3-й Усманский полк Гаврилы Фантурнера (Усмань, Белоколодск и др.)	1097 ⁸³
	Всего	4464
	Итого	10456

Таблица 4.5. Наряд для Севского разряда⁸⁴

Московские чины	Стольник	1
	Дворяне	11
	Жилец	1
	Всего	13

⁸⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 705–708; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 85 об. – 86.

⁸¹ В памяти ошибочно – «ливенский» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 85 об.).

⁸² Здесь же отмечено, что всего «черкас» в Харьковском полку 7557 человек.

⁸³ У Устрялова – 1096 (Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 389).

⁸⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 708 об. – 713; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 86–86а об.

Дворяне и дети боярские полковой службы	Белев	43	
	Болхов	57	
	Карачев	95	
	Орел	77	
	Кромы	1	
	«Служат з брянчаны»	Стародуб	41
		Почеп	31
		Рославль	17
		Трубчевск	52
		Стародуб («служат по Севску»)	36
		Трубчевск («трубчевские жители»)	63
		Новгород-Северский	99
		Рыльск	90
		Чернигов («рыльские помещики»)	13
Путивль		121	
Чернигов («путивльские помещики»)	18		
Каменный	7		
Всего		861	
Копейщики и рейтары	Копейная шквадродна майора Григория Веревкина	393	
	1-й Брянский полк генерал-поручика Андрея Цея (Брянск, Рыльск и др.)	1285	
	2-й Белевский полк полковника Томаса Юнгора (Белев, Болхов и др.)	1281	
	Всего	2959	
Солдаты	1-й Рыльский полк стольника Федора Стремоухова (Трубчевск, Рыльск и др.)	622	
	2-й Белевский полк полковника Франца Фангольстена (Белев, Болхов и др.)	668	
	3-й Путивльский полк полковника Юрия Шкота (Путивль, Чернигов и др.)	745	
	4-й Орловский полк полковника Константина Малеева (Орел)	625	
	5-й Брянский полк полковника Тимофея Фандервидена (Брянск, Белев, Болхов и др.)	762 ⁸⁵	
	Всего	3422⁸⁶	

⁸⁵Сводной цифры нет, подсчитано по росписи служилых людей полка. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 711–711 об.

⁸⁶Сводная цифра указана ошибочно (3398), сбой произошел из отсутствия общей цифры по пятому солдатскому полку, включавшему в том числе солдат, набранных в Крапивенской волости Севского уезда (202 человек), недрыгайловских казаков (21 человек) и т.д. См.: Там же.

Прочие служилые люди	Севские полковые казаки, «которые были у розрядного шатра»	361
	Пушкари	19
	Пушкари, кузнецы, плотники («брянчане»)	5
	Белевец	1
	Всего	386
Донские казаки Белгородского разряда, бывшие в полку Г.И. Косагова		223
«Первая половина» солдат белгородских городов, которые в 1688 г. в полку Л.Р. Неплюева в Новобогородицке «не были, а были в домех»; ныне им велено быть в Севском разряде		424⁸⁷
Итого		11 288⁸⁸

Таблица 4.6. Наряд для Низового полка⁸⁹

Служилые города	Категории служилых людей	Численность
Астрахань	Дети боярские	17
	Ногайские мурзы и табунные головы	43
	Конные стрельцы	492
	Всего	552
Терки	Дети боярские	15
	Новокрещены	21
	Окочены	16
	Уздени	13
	Гребенские казаки	98
	Яицкие казаки	150
	Всего	313
Царицын	Дети боярские	5
Саратов	Дети боярские	8
	Иноземцы	4
	Конные стрельцы	96
	Всего	108

⁸⁷ Далее следует помета: «А приписаны те половинщики в Севской разряд вместо салдат, что взяты в подачу в московские в стрелецкие полки и которые салдаты из Севского уезду и из Севских городов сошли в розные уезды и которые отставлены, занеты в Новобогородицке» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 712 об.).

⁸⁸ Из-за ряда погрешностей итоговая цифра наряда (11 284) не точная. См.: Там же. Л. 713.

⁸⁹ Там же. Л. 713–714.

Самара	Дети боярские	22
	[Иноземцы] ⁹⁰	46
	[Конные с]трельцы	49
	Всего	117
Уфа	Дворяне, дети боярские, стрелецкие сотники	57
	Иноземцы	33
	Новокрещены	14
	Конные стрельцы	97
	Конные казаки	101
	Мещеряне	50
	Всего	352
	Итого	1447⁹¹

**Таблица 4.7. Наряд для Новгородского разряда
(воеводский полк А.С. Шеина)⁹²**

Московские чины	Стольники	7
	Стряпчие	8
	Дворяне	47
	Жильцы	17
	Всего	79
Гусары	Полк полковника Михаила Челищева (Новгород, Псков и др.)	247
Копейщики	Полк полковника Ивана Лопухина ⁹³ (Новгород, Псков и др.)	314
Рейтары	1-й Новгородский полк генерал-поручика Афанасия Траурнихта (Новгород)	1477 ⁹⁴
	2-й Псковский полк полковника Михаила Зыкова (Новгород, Псков и др.)	967
	3-й Великолуцкий полк полковника Вилима Лексина (Зубцов, Великие Луки, Ржева Пустая и др.)	860

⁹⁰Пропуски в наряде из-за повреждения текста. Восстановлены с опорой на наряд 1687 г.

⁹¹Итоговая цифра ошибочна (1514) из-за того, что составитель прочитал общую цифру служилых людей по Теркам как 380 вместо 313. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 713 об. — 714.

⁹²РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 715–718 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 86а об. — 87 об.

⁹³В памяти полк отсутствует. Указан Иван Лопухин, возглавлявший полк в 1687 г. См. главу 2, с. 83.

⁹⁴У Устрялова — 1791 (*Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 388*).

	4-й Оболянский полк полковника Ивана Барова (Оболянь, Нежегольск и др.)	733
	Всего	4037
Московские стрельцы	Полк полковника Родиона Остафьева ⁹⁵	700
	Полк полковника Ильи Дурова	909
	Всего	1609
Солдаты и стрельцы	1-й Новгородский полк полковника Михаила Вестова (Новгород)	642
	2-й Псковский полк полковника Федора Зборовского (Псков)	832
	3-й Владимирский полк полковника Варфоломея Ронорта (Владимир, Ростов и др.)	1009
	4-й Полк смоленских стрельцов	485
	5-й Полк смоленских стрельцов	485
	Всего	3453
Прочие формирования	Московские кормовщики из Большого полка	262
	«Вместо новгородцов и иных городов полковые службы... велено написать тож число москвич»	982
	Итого	10 983

Таблица 4.8. Наряд для Новгородского разряда (полк товарища воеводы князя Ф.Ю. Барятинского)⁹⁶

Дворяне «полковой службы резанских городов»	Рязань (90), Мещера (26), Коломна (7), Рязжск (21)	144
Рейтары⁹⁷	1-й Казанский полк полковника Захария Кро (Казань, Симбирск, Свияжск и др.)	849 ⁹⁸
	2-й Елецкий полк полковника Ивана Гулица (Елец, Лебедянь, Землянск и др.)	752
	Всего	1601
Солдаты	1-й Великолуцкий полк полковника Христофора Кро (Великие Луки и др.)	872
	2-й Костромской полк полковника Матвея Фливерка (Кострома, Галич и др.)	1119

⁹⁵По-видимому, этот полк как полк Степана Остафьева записан в наказе В.В. Голицыну в составе Большого полка. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 253.

⁹⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 715–718 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 87 об. – 88.

⁹⁷В наряде помета: «Да ныне велено написать вместо костромского и галицкого полку с вологжаны рейтар, которые были в прошлом во 195-м году на черте в полку боярина и воеводы князя Михайла Андреевича Голицына» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 720 об.).

⁹⁸В том числе 105 копейщиков (Там же. Л. 721).

	3-й Смоленский солдатский полк полковника Павла Менезиуса	1387
	Всего в солдатских и стрелецких полках	3378
	Итого	5123

**Таблица 4.9. Наряд для Рязанского разряда
(воеводский полк В.Д. Долгорукова)»⁹⁹**

Дворяне и дети боярские полковой службы	Рязанцы	159
	Дворяне низовых городов: Свияжск (156), Симбирск (297), Атемар (26), Козьмодемьянск (12), Чебоксары (32)	523
Рейтары	1-й Рязанский полк полковника Федора Коха (4 стана Рязани; Шацк, Мещера)	966
	2-й Рязанский полк полковника Ягана Вреда	[1040] ¹⁰⁰
	3-й Рязанский полк полковника Дорофея Траурнихта (3 стана Рязани, Рязск, Михайлов)	667 ¹⁰¹
	Всего	2673
Стрельцы	Полк полковника Сергея Головцына ¹⁰²	967
	Полк полковника Василия Боркова	710
	Всего	1677
Солдаты	1-й Рязанский полк полковника Василия Нилсона (Рязань, Епифань и др.)	669
	2-й Рязанский полк полковника Николая Балка (Поплевино и др.)	1[900] ¹⁰³
	3-й Козловский полк Мартина Болдвина (Козлов)	1307
	Всего	3876
	Итого	8908

**Таблица 4.10. Наряд для Рязанского разряда
(полк товарища воеводы А.И. Хитрово)¹⁰⁴**

Казанские иноземцы старого и нового выезда и новокрещены		266
Рейтары	1-й Нижегородский полк полковника Ивана Кулика Дорогомира (Козлов, Нижний Новгород и др.)	641 ¹⁰⁵

⁹⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 723–724 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 88 об. – 89.

¹⁰⁰Текст утрачен. Восстановлено на основе вычета из общего числа рейтар суммарной численности первого и третьего полков.

¹⁰¹У Устрялова – 1172 (Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 388).

¹⁰²В наказе В.В. Голицыну записан в составе Большого полка. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 253.

¹⁰³Текст утрачен. Восстановлено на основе вычета из общего числа солдат суммарной численности первого и третьего полков.

¹⁰⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 725–726 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 89–89 об.

¹⁰⁵У Устрялова – 994 (Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 388).

	2-й полк ¹⁰⁶	[1583] ¹⁰⁷
Солдаты	1-й Тульский полк полковника Ивана Францбекова (Тула, Одоев и др.)	618
	2-й Тульский полк полковника Григория Буйнова (Пронск и др.)	[711] ¹⁰⁸
	3-й Касимовский полк Якова Ловзына (Ловзина) (Касимов, Козьмодемьянск и др.) ¹⁰⁹	1781 ¹¹⁰
	Всего	3110¹¹¹
	Итого	5600¹¹²

¹⁰⁶ Из-за повреждения текста заголовков с названием полка отсутствует. На л. 725 об. сохранилась частичная роспись его состава. Причем на полях в начале списка присутствует помета, предположительно читающаяся как «белгородцкой», что означает принадлежность полка к Белгородскому разряду. Далее идет текст в столбик: «нижегородцов 170, муромцов 26, гороховлян 14, атемарцов 15, арзамасцев 187, пензенцов 140, ядринцов 44, керенчан 21, ломовцов 41, санчурцов 16, кокшажен 9, яранцов 28, чебоксарен 105, кадомцов 16, темниковцов 6». Всего — 838 человек. Перечень не полный, так как далее текст тоже поврежден. Между тем 23 ноября 1688 г. из Разряда в Казанский приказ была послана память с росписью ведавшихся в последнем служилых людей по полкам армии, сформировавшейся для похода на Крым. Воеводский полк А.И. Хитрово должен был быть среди прочего укомплектован 2-м рейтарским полком, состав которого в точности совпадает с вышеперечисленным перечнем служилых людей, но без чисел и за исключением нижегородцев, муромцев и гороховлян, которые в Казанском разряде не ведались. Кроме того, сравнение этого списка с нарядом показывает, что в последнем из-за повреждения текста отсутствуют также рейтары Цивильска и Козьмодемьянска (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 52, 61 об. — 62). Имя полковника установить не удалось, поскольку в памяти из Иноземского приказа он не упомянут; в росписи Устрялова данный полк также отсутствует.

¹⁰⁷ Текст утрачен. Цифра получена вычитанием численности всех подсчитанных формирований из общей численности воеводского полка А.И. Хитрово так, как она была указана составителями наряда.

¹⁰⁸ Текст утрачен. Восстановлено на основе вычета из общего числа солдат суммарной численности первого и третьего полков. Причем в случае третьего — так, как она была подсчитана составителями наряда (1611 человек), что не совпадает с реальной численностью (см. примечание 111).

¹⁰⁹ В памяти из Иноземского приказа 3-м солдатским полком у Хитрово указан Хотмыжский солдатский полк Я. Эрнеста, однако по наряду он записан в Большой полк, в воеводский полк Г.И. Косагова. Кроме того, вряд ли он был укомплектован служилыми людьми поволжских городов. Устрялов в данном случае отдал предпочтение памяти. Он «записал» в него указанный в наряде основной состав полка — 563 человека из Касимова и Козьмодемьянска, не смутившись, что среди солдат полка отсутствуют выходцы из Хотмыжска и иных белгородских городов. Между тем это касимовский полк Я. Ловзина (см. с. 192).

¹¹⁰ Цифра в некоторой степени условна, поскольку получена путем сложения всех групп солдат полка из разных городов (523 человека из Касимова, 40 человек из Козьмодемьянска) с теми, кто был записан в полк как нетчики и беглецы первого Крымского похода (188 человек из Касимова, 415 — из Чебоксар, 166 — из Цивильска, 103 — из Санчурска, 16 — из Царевкокшайска), а также с теми, кто был за поздние приезды отправлен в 195-м году на черту (330 человек) и ныне также зачислен в полк. Причем цифры сложения в оригинальной ведомости не совпадают во всех случаях. Сложение основного состава (563 человека) с нетчиками и беглецами дает 1471 человек, а в ведомости указано 1048 человек, сложение обеих вышеперечисленных групп с высланными на черту дает 1781 человек, а в ведомости указаны 1611 человек.

¹¹¹ В оригинальном тексте — 2940 человек. Причины несовпадения цифр объяснены выше.

¹¹² В наряде другая цифра — 5372. Причины расхождений объяснены выше.

Прежде чем перейти к оценке общих показателей численности и структуры войска, следует сказать несколько слов о Казанском разряде Б.П. Шереметева. Из документов известно об участии этого формирования во втором Крымском походе, однако в наряде оно не упомянуто. Н.Г. Устрялов судил о его численности приблизительно, а состав полков установил на основе уже многократно цитировавшейся памяти из Иноземского приказа (соответственно, их численность также не была историком установлена)¹¹³. Между тем в последней формировании под командованием Шереметева определяется как назначенное находиться «на черте» с четырьмя рейтарскими (Костромским полковника Мартина Болмана, Галицким полковника Данилы Цея, Курским полковника Ивана Гопта, Козловским полковника Христофора Ригимона) и пятью солдатскими (Касимовским полковника Якова Ловзына (Ловзина), Казанским полковника Юрия Литензона, Симбирским полковника Ефима Липстрома (Линстера), Воронежским полковника Андрея Девсона, Старооскольским полковника Петра Гасениуса) полками¹¹⁴. То есть изначально участие Шереметева с Казанским разрядом в походе не предполагалось (поэтому указанный разряд отсутствует в наряде). Идея разделить войска, предназначенные для обороны черты, и отправить часть из них в экспедицию на Крым появилась позже.

Наряд для службы на черте («Роспись рейтарских и салдацких полков и иных чинов ратным людем, которых ныне велено выслать на службу великих государей на черту») был подготовлен в Разряде 28 декабря 1688 г. Состав упомянутых в нем рейтарских и солдатских полков полностью совпадает с приводившимся выше. Явиться служилые люди должны были к 1, 10 или 20 (последний срок) февраля. Приводим его данные ниже в табличной форме¹¹⁵.

Таблица 4.11. Наряд для службы на черте

Городовые дворяне и дети боярские замосковных городов (в 1687 г. были на черте)		151
Казанцы дворяне и дети боярские (переданы из Рязанского разряда)		159
Рейтары	Костромской полк М. Болмана (в 1687 г. был в Новгородском разряде): Кострома Галич Всего	 418 252 670
	Галицкий полк Д. Цея: Галич Вологда Всего	 273 222 495 ¹¹⁶
	Курский полк И. Гопта (передан из Большого полка)	915
	Козловский полк Христофора Ригимона (передан из Рязанского разряда): Козлов Ефремов Всего	 641 541 1182

¹¹³ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 387–389.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 89 об. — 90 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 225 об. — 234.

¹¹⁶ В наряде ошибочно — 502, эта же ошибка попала в общее число рейтар двух полков (указано 1172, должно быть 1165).

Солдаты	Касимовский полк Я. Ловзына (Ловзина) (передан из Рязанского разряда): Касимов Козьмодемьянск Всего В том же полку записаны нетчики и беглецы в 1687 г., русские и татары (с росписью по городам)	523 40 563 1611
	Казанский полк Ю. Литензона (в 1687 г. был на черте): Казань Свияжск Уржум Царевококшайск Алатырь Всего	193 324 34 110 418 1079 ¹¹⁷
	Симбирский полк Е. Липстрома (Липстора, Линстера): Симбирск Саранск Атемар Керенск Кадом Темников Курмыш Царевосанчурск Яранск Всего	969 40 66 256 215 189 38 65 46 1884
	Воронежский полк А. Девсона (передан из Большого полка)	1170
	Старооскольский полк П. Гасениуса (передан из Большого полка)	1292
	Солдаты Севского разряда «белгородских городов очередной половины, которые во 196-м году по указу жили в домех»	усманцы сокольчане козловцы таличане чернавцы суджанцы Всего
Стрельцы	«Приказ московских стрелцов вместо Гарасима Нелидова полку, что был во 195-м году на черте»	800
Итого		12 746

Роспись служилых людей для службы на черте свидетельствует об изменении структуры главной армии уже после составления основного наряда. Так, воеводский полк Г.И. Косагова в составе Большого полка был фактически расформирован. Курский рейтарский полк Гопта и солдатский Старооскольский полк Гасениуса были переданы под командование Б.П. Шереметева. Ему же еще ранее, до составления

¹¹⁷ В наряде ошибочно – 1073.

¹¹⁸ В наряде сначала в двух местах указана ошибочная цифра – 767; но на л. 236 об. дано верное число.

основного наряда, из Большого полка передали солдатский Воронежский полк Девсона. Из Рязанского разряда на черту решили отправить солдатский Касимовский полк Ловзина, а еще ранее — рейтарский Козловский полк Ригимона. Взамен Касимовского полка в Рязанский разряд в начале декабря был приписан Хотмыжский солдатский полк (входил в воеводский полк Косагова), которому ранее велено было служить на черте¹¹⁹. Кроме того, 18 января из Разряда в Казанский приказ была послана память о переводе на основе указа от 12 января дворян и детей боярских Казани из Рязанского разряда в полк Б.П. Шереметева¹²⁰.

Окончательное оформление Казанского разряда произошло лишь в феврале, когда товарищем разрядного воеводы из Рязанского разряда в Казанский был переведен А.И. Хитрово¹²¹. Он приехал в полк к Шереметеву 16 марта. Накануне выступления Казанского разряда из Белгорода Шереметев выслал в столицу его перечневую роспись, которая дает представление о его окончательной структуре. В составе Казанского разряда насчитывалось 2 стряпчих, 3 жильцов, 131 человек казанских дворян и детей боярских, 22 казанца-иноземца «нового выезду» и др.; рейтарские полки М. Болмана (25 начальных людей, 678 рядовых), Д. Цея (23 начальных человека и 574 рядовых), И. Гопта (15 начальных людей и 1008 рядовых) и Х. Ригимона (12 начальных людей и 793 рядовых); солдатские полки Я. Ловзина (3 начальных человека), Ю. Литензона (5 начальных людей), Юхана (Ефимия) Липстрома (7 начальных людей), А. Девсона (7 начальных людей и 271 рядовой) и П. Гасениуса (20 начальных людей и 615 рядовых), «очередная половина» солдат и драгун белгородских городов, включая нетчиков прошлогодней кампании (786 человек). Всего численность составила 5009 человек. При этом, как видно из перечневой росписи, неявка была катастрофической — в солдатских полках был практически полный комплект, а всего ратных людей по наряду не прибыло в полк почти в два раза больше, чем явилось, — 9815 человек, в том числе московские чины (114 стольников, 163 стряпчих, 9 дворян, 245 жильцов), городовые дворяне и дети боярские «розных городов» (1941 человек). Полностью не явился стрелецкий полк Семена Кровкова (620 человек), который должен был прибыть из Батурина¹²².

Следует, таким образом, заключить, что ратных людей, первоначально вписанных в наряд для мобилизации на черту, в итоге было решено включить в главную армию в качестве самостоятельного разрядного полка, даже усилив его дополнительными формированиями. При этом, несмотря на наличие перечневой росписи на конец марта, окончательной численности Казанского разряда мы не знаем. То, что она выросла, свидетельствуют хотя бы списки убитых и раненых данного разрядного полка, составленные в мае 1689 г.¹²³ Включенные в него потери солдатских полков А. Девсона, Е. Линстера (Ю. Липстрома), Б. Беника, копейной шквადроны А. Шарфа и стрелецкого полка С. Кровкова указывают на то, что, во-первых, отдельные солдатские полки все же были доукомплектованы явившимися позднее рядовыми и начальными людьми (при этом полк С. Кровкова также прибыл на службу и заменил в итоге полк Г. Нелидова), а во-вторых, под командование Б.П. Шереметева были

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 211 об. — 214 об.

¹²⁰ Там же. Л. 78–79.

¹²¹ См. с. 171.

¹²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1277. Л. 110–123.

¹²³ См. с. 244.

переданы новые формирования, не упоминавшиеся в наряде: солдатский полк Б. Беника и копейная шквадрона Александра Шарфа.

Итоговая численность армии, по данным составителей наряда, должна была составить: в Большом полку — 73 248, в Новгородском разряде — 16 106, в Рязанском разряде — 14 280, всего — 103 634 человека¹²⁴. Если допустить, что при составлении сводных цифр были допущены отмеченные в таблицах ошибки, то более точная цифра составит: в Большом полку — 73 009, в Новгородском разряде — 16 106, в Рязанском разряде — 14 508; всего — 103 623 человека. К этим цифрам можно прибавить самую последнюю цифру наряда для Казанского разряда, вычисленную путем сложения бывших «на лицо» и нетчиков мартовской перечневой росписи с вычетом из нее полка И. Гопта, который уже учтен в составе воеводского полка Г.И. Косагова. Таким образом, ориентировочная численность Казанского разряда по последнему известному наряду, с которым сверялся при проведении смотра Б.П. Шереметев, — 13 909 человек (без полка Гопта). Общая численность войска, которое планировалось поставить под ружье в 1689 г., будет, таким образом, насчитывать 117 547 или 117 532 человека. Это наиболее точная цифра, несколько большая, нежели та, которая была рассчитана Н.Г. Устряловым (более 112 тыс. человек)¹²⁵, и получившая затем отражение в других работах, касавшихся второго Крымского похода¹²⁶.

Структура и численность армии, основу которой составили три главных «дивизии» — Большой полк, Новгородский и Рязанский разряды, таким образом, не сильно изменились по сравнению с 1687 г. Основу главной армии В.В. Голицына составляли полки нового строя — 1 гусарский, 3 копейных, 25 рейтарских, 2 московских выборных полка и 29 солдатских. Артиллерия насчитывала около 350 полевых и осадных орудий¹²⁷. Воеводский полк Г.И. Косагова, действовавший в 1687 г. автономно на Запорожье, был в итоге расформирован. Помимо этого, был создан еще один разряд — самый малочисленный, если не считать Низовой рати. Речь идет о Казанском разряде Б.П. Шереметева. Его формирование было завершено почти перед самым началом похода и может быть объяснено желанием властей перераспределить войска между первым и вторым эшелонами, усилив главную армию за счет сил, которые изначально должны были прикрывать южные границы.

Сосредоточение войск в указанных местах началось в феврале — марте 1689 г. К сожалению, перечневых росписей всей армии, составленных по итогам сбора и генерального смотра войск, отыскать не удалось. По каким-то причинам они не были включены в разрядную книгу второго похода. В нашем распоряжении имеются лишь отрывочные данные по московским чинам и перечневая роспись Новгородского разряда. Роспись московских чинов по разрядным полкам была отправлена Голицыным в Москву в приложении к грамоте от 17 марта 1689 г. В итоге в Большом полку насчитывалось 1211 стольников, 611 стряпчих, 695 дворян, 969 жильцов, всего — 3486 человек; в Новгородском разряде — 168 стольников, 254 стряпчих, 120 дворян, 350 жильцов, всего — 892 человека; в Рязанском разряде — 14 стольников, 22 стряпчих, 12 дворян, 15 жильцов, всего — 63 человека. Всего «в тех вышеписанных 3-х полках»

¹²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 144. Л. 714, 722, 726.

¹²⁵ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 218, 386–389.

¹²⁶ См., например: Артамонов В.А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. Ч. 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 306.

¹²⁷ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 218.

состоял на службе 4441 человек¹²⁸. Это гораздо больше, чем было предписано по наряду, согласно которому в Большом полку числилось 3287 человек московских чинов (включая Севский разряд), в Новгородском разряде — 79 человек, а в Рязанском их не было вообще! Известно, впрочем, что позднее цифры наряда по московским чином были увеличены, составив для Большого полка 1209 стольников, 740 стряпчих, 1034 дворян, 1156 жильцов, всего — 4139 человек¹²⁹. Недобор на смотре 17 марта, таким образом, все же был, составив около 15%. Он, впрочем, по крайней мере частично мог быть покрыт за счет тех, кто ни в каких списках не значился. В.В. Голицын, приехав в Сумы, в ходе смотра московских чинов выявил множество прибывших на службу их представителей «сверх списка». Главнокомандующий писал в Разряд, прося выяснить, в какие разрядные полки они были записаны в службу и были ли записаны вообще. Всех, кто нигде не записан, Голицын планировал оставить у себя. Всего сверх списка явилось 652 человека, из них 297 были в Большом полку в походе 1687 г., а остальные либо числились в других полках, либо нигде не значились¹³⁰.

Общий смотр всех войск проводился после соединения армии под Новобогородицком 24 апреля. Составленная по его итогам перечневая роспись Новгородского разряда, отправленная А.С. Шеиным в Москву, включала 33 человека ротмистров, поручиков и хорунжих, 92 стольника, 167 стряпчих, 91 дворянина, 211 жильцов (т.е. значительно меньше, чем по росписи Голицына от 17 марта, — возможно, часть была перераспределена по другим разрядам и Большому полку), 1 полковника гусарского строя, 1 генерала, 5 полковников и 6 подполковников копейного и рейтарского строя, 176 начальных людей «розных чинов», 232 гусара, 310 копейщиков, 4521 рейтар. В московских стрелецких полках начитывалось 4 стольника и полковника, 18 капитанов, 1596 стрельцов; в смоленских стрелецких полках — 2 полковника; 13 капитанов, 984 стрельца; в солдатских полках — 6 полковников; 7 подполковников, 160 начальных людей «розных чинов», 5416 солдат. Ратных людей всех чинов насчитывалось 14 052 человека¹³¹. Недобор по сравнению с известным нарядом составил 13%. Даже подобные ограниченные данные позволяют осторожно предположить, что неявка на службу была вполне сравнима с первым Крымским походом, и общая численность выступившей против ханских войск армии более-менее соответствовала количеству тех войск, которые отправились в поход два года назад.

Сбор войска и выступление в поход

25 февраля из Москвы вслед выехавшему из столицы Голицыну отправился стольник Ф.М. Пушкин со списками ратных людей Большого полка и наказом публично похвалить службу тех из них, кто прибыл на место сбора вовремя¹³². 27 февраля Голицын прибыл в Севск, где встретился с гетманом И.С. Мазепой, для обсуждения плана похода¹³³. По итогам встречи было решено, что 17 марта Голицын

¹²⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 288–289. Отдельно были подсчитаны московские чины в Белгороде (на черте): 176 стольников («с новокрещены»), 187 стряпчих, 290 жильцов, всего 653 человека.

¹²⁹Там же. Л. 389 об. — 391.

¹³⁰Там же. Л. 322–326.

¹³¹Там же. Л. 438 об. — 440 об.

¹³²Наказ Ф.М. Пушкину и грамоту Голицыну о приеме списков см.: Там же. Л. 359–364 об.

¹³³РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 42–42 об.; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 374–375.

«с указного места из Сумина», а гетман — из Батурина двинутся в поход с «великих государей ратными людьми»¹³⁴.

Атмосферу, царившую ранней весной в слободских городах — центрах концентрации русских войск, — и хлопоты по приготовлению армии к походу по крайней мере частично отражает «Дневник» П. Гордона. 1 марта он добрался до Сум, расположившись недалеко от города, в Нижней Сыроватке, где квартировал его 2-й Московский выборный полк. Находясь там, Гордон отрядил в лес солдат в сопровождении плотников для изготовления 210 рогаток, 280 пик, 100 осей, 18 осей для орудийных лафетов. 4 марта Гордон дал смотр полку, а на следующий день выслал в Ахтырку первые 10 телег полкового обоза. 6 марта он выехал в Сумы, где был «любезно» принят прибывшим туда из Севска В.В. Голицыным. 7 марта в ставку главнокомандующего прибыл стольник Ф.М. Пушкин с похвалой Голицыну «за такое поспешение к назначенному сбору». В тот же день Голицын и «начальные особы» обедали у окольного В.А. Змеева, на следующий день Гордон беседовал с главнокомандующим «о разных вещах относительно полков»¹³⁵.

К этому времени шотландец сочинил «меморандум», очерчивавший его предложения касательно стратегии русской армии в предстоящем походе. В основе его лежала идея закладки укрепленных фортов через равномерные отрезки пройденного русским войском пути в низовьях Днепра, начиная от р. Самары. Укрепления предполагалось основывать на каждый четвертый день марша, совмещая это с отдыхом после долгих переходов. Каждый форт должен был располагаться как можно ближе к Днепру и состоять из земляных укреплений (наружные редуты и цитадель) и гарнизона в несколько сотен человек с одним-двумя орудиями. Помимо идеологического значения подобной цепи укреплений («это породит великий ужас у неприятеля», будет способствовать распространению молвы, что «вся сия сторона Днепра охраняется» царскими силами, наконец, подчеркнет выполнение условий союза с Польшей, по которому Россия должна была «охранять» татарские переправы на Днепре), Гордон отмечал и ее практическое значение: в фортах можно будет оставлять больных, раненых, ненужные или по каким-то причинам не поддающиеся транспортировке грузы; они станут центрами заготовки сена, леса и воды, ремонта снаряжения и поддержки армии на обратном пути. Другие предложения Гордона заключались в необходимости наличия достаточного количества 8- и 6-фунтовых орудий для бомбардировки укреплений, лодок для перевозки людей и легких пушек, сборных мостов, надежных штурмовых лестниц, подготовки роты обученных гренадеров для каждого полка и легких двухколесных повозок для артиллерии «для быстроты и подвижности». Генерал также подчеркивал возможность захвата расположенного на левом берегу Днепра Ислам-Кермена, что даст русским судам «свободный проход вниз по Днепру», в том числе для солдат, которые будут располагаться в новопостроенных фортах¹³⁶.

В.В. Голицын, покинув Севск 3 марта, прибыл в Сумы вместе с назначенными в Большой полк дьяками 6-го числа. При «отпуске отписки» туда же прибыл товарищ главнокомандующего — князь Я.Ф. Долгоруков¹³⁷. 11 марта главнокомандующий издал указ прибывшим ротмистрам и стольникам: тем из них, которые

¹³⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 54.

¹³⁵ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 188–189.

¹³⁶ Там же. С. 189–190.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 407–410.

«написаны в завоеводчиках и в ясаулах, и тем быть до похода ево (В.В. Голицына. — *Авт.*) в Сумине». Остальным предписывалось ехать в Ахтырку «безо всякого мотчания», где «ожидать ево боярского приходу». По пути запрещалось «чинить» обиды и разорения «тамошним жителем» и занимать уже занятые стрельцами дворы. Поступившим подобным образом грозили, что они «будут с тех дворов сосланы з бесчестьем»¹³⁸.

Часть войск Большого полка концентрировалась в Ахтырке. 10 марта Новгородский разряд А.С. Шеина выступил из Рьльска к Рублевке. Спустя два дня Гордон отправил отряд из Сум в Ахтырку для охраны «боевых припасов» и изготовления подвод, а 12 марта выступил туда сам¹³⁹. 14 марта В.В. Голицын получил письмо Мазепы (выслано из Батурина двумя днями ранее). Гетман сообщал, что еще из Севска в Новобогородицк им был послан глуховский казак «для проводывания поль диких... есть ли на них снега или нет и есть ли уже травы». Ныне казак вернулся и донес, что в данный момент «толко по долинам небольшие снешки окрест Самары есть». Мазепа сообщал, что посланные гадяцкие и полтавские казаки «хотя испытывали по степям жечь траву, сыры не горели, а по вышним местам еще осенью выжжены» по гетманскому приказу. Гетман уверял, что, как только земля подсохнет, высланные в поля казаки немедленно «совершат дело». Пока же, по сообщениям казаков, в районе Новобогородицка все «речки полевые в теплые дни разплылись»¹⁴⁰.

В назначенный день — 17 марта — к войскам из Сум выехали Голицын и его товарищи, прибыв в Ахтырку спустя два дня, где главнокомандующий получил письмо гетмана Мазепы о его выступлении из Батурина. Соединение московских и гетманских войск планировалось у р. Коломак. Зима в этот год задержалась, Голицын сетовал, что «походу нашему чинится мотчание за великою стужею и за снегом». Из-за заносов застряли повозки с денежным жалованьем: «денежная... великих государей казна марта по 20-е число в полк ко мне не пришла, — писал Голицын в Москву, — и Белгородского полку... ратным людям и городовых полков солдатом дать нечего»¹⁴¹. В ответной грамоте Голицыну (от 26 марта) сообщалось, что к нему из Приказа Большой казны с подьячим Григорием Молчановым 22 февраля отправлено 55 321 руб., а в марте — с подьячим Григорием Подгорским — 22 тыс. руб.¹⁴²

Накануне выступления главнокомандующий издал приказ с разрешением отпустить слуг из Ахтырки и Красного Кута (там намечалось дальнейшее сосредоточение армии) «к Москве в дома свои» тем, «кто похочет». Сделать это надо было до переправы через р. Мерло, поскольку «из-за Мерла и из ыных мест людям вашим отпуску не будет». Тем участникам похода (главным образом стольникам, стряпчим, московским дворянам, жильцам), кто имел свой личный обоз, следовало подать в Разрядный шатер собственноручно заверенные сказки о количестве телег. Дата

¹³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Л. 145.

¹³⁹ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 190–191. Гордон прибыл в Ахтырку 19 марта, пытаясь попасть на прием к Голицыну и, видимо, представить свой меморандум, но «боярин» не хотел «слушать ни о каком деле до завтра».

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 57–62.

¹⁴¹ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 356–357 (основой публикации Н.Г. Устрялова стали, видимо, отписки из 143-й книги Московского стола фонда 210 РГАДА; далее используется текст публикации, систематической сверки с архивными оригиналами не проводилось); РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 56. «Ненастный день и сильный мороз», — записал в дневнике П. Гордон 13 марта (Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 191).

¹⁴² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 316–316 об.

выступления назначалась на 24 марта, на цветоносную неделю. В связи с этим служилым людям рекомендовалось отпустить «запасы свои наперед»¹⁴³.

22 марта в Разрядном шатре Большого полка в Ахтырке был допрошен житель Константинополя, грек Иван Маркош, который приехал в царский лагерь с товарами военного назначения (240 луков, 1 сабля «с камни», 1 аргамак «небольшой») и русским пленником, которого он выкупил за 310 ефимков. Он поведал, что Османская империя находится накануне социального взрыва: в Адрианополе назревает восстание из-за тягот войны и больших потерь, казна пуста, войску платить нечем, многие районы страны охвачены бунтами, взбунтовались греки в Македонии и даже янычары в Каменце из-за невыплаты жалованья. Турки, свидетельствовал Маркош, «ныне подупадали и в казне оскудали, и пришло на них великое разорение и упадок, какова на них разоренья никогда не бывало, и которые прежде сего к прежним салтаном бывали присылки от христианских и магометанских государей в дарех лохани и иная какая посуда серебряная, и то все в прошлом году отдано в денежной передел, однако ж и то все пропало, а денежной казны не прибыло и теперво все турки в великом страхе и впали в отчаяние». Он полагал, что османская армия не боеспособна и османы желают как можно скорее заключить мир с членами Священной лиги.

В Крыму, согласно его рассказу, дела обстояли тоже не слишком благополучно. Селим-Гирей с калгой и нураддином зимовали в «Белгородчине». Туда же «от скудости и от великого голоду» якобы мигрировали с полуострова и многие татары, которых хан теперь намеревался обратно «выслать и выбить назад в Крым на житье». Греческий купец и вовсе заявлял, что ныне Селим-Гирей «взят» в Адрианополь, поскольку, по слухам, попал в опалу по двум причинам. Первая состояла в том, что он «Белгородчину хотел разорять и татар в Крым выгонять», вторая — в ссоре и последовавших боях крымцев с румелийским бейлербеем Йегеном Османом-пашой из-за раздела ясыря во время обороны от австрийцев Белграда в 1688 г., в ходе которой был ранен ханский сын, калга.

Помимо этого, Маркош сообщил, что венецианские галеры недавно атаковали Салоники и нынешней весной собираются это сделать вновь, ставленник османов в венгерских землях И. Текели потерпел поражение от австрийцев, а войска его разбежались, наконец, «мултяня говорят, что есть ли услышат они, что войска царского величества учнут воевать Крым, и они в то время тотчас пойдут, собрався великим собранием, в турецкую землю». Грек уверял, что если царские войска придут на Крым «войною», то «он чаёт, что от того в Цареграде и во всей турецкой земле великой будет страх и ужас и взочнутца великие бунты и побегут во Анатолию и во Азию», хотя и в этих регионах «ныне великие бунты и всякой город и страна о себе живут и ништо никого не слушает». Он нахваливал недавно построенный Новобогородицк, о котором в Молдавии якобы рассказывают, что это мощная крепость на утеснение неприятелю¹⁴⁴.

Речи И. Маркоша, которому необходимо было реализовать привезенный товар по наилучшей цене, вне зависимости от своей правдивости (часть известий, например, о Текели, были верными, другие однозначной проверке не поддаются), очевидно, подыгрывали тем настроениям, которые отражены были в осеннем манифесте о втором Крымском походе и скопированы в полковой наказ. Так или иначе, все эти известия должны были подкрепить надежды главнокомандующего на благоприятный исход предпринятой экспедиции и достижения поставленных им военно-политических целей.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Л. 25.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 66–73, 75–80.

Вместе с тем трудно сказать, насколько Голицын поверил сообщенным сведениям, поскольку результаты состоявшегося в тот же день допроса татарина Бекера, взятого в плен под Царичанкой на «шляху Перекопском» в начале марта, заставляли оценивать ситуацию более трезво. Пленник сообщал, что «в Крыму прошлого лета всем татарам был смотр, которые к войне способные и ныне тако ж был смотр во всем Крыму за 15 дней перед их выездом, есть ли все в Крыму суть или не все, которых хан оставил в Крыму». Калга и нураддин действительно находились в Белгородской орде, а хан был в Адрианополе, но уже, по слухам, возвратился назад, хотя и «слышно было, что хотели его задержать было, а инога (хана. — *Авт.*) в Крым отпустить». Зимовка хана и остальной знати в Белгородской орде могла означать, по мнению пленного, что весной они отправятся в поход по приказу султана, но возможно было и то, что Селим-Гирей отправит в Крым калгу и нураддина «в ту пору, как воды весенние умалются» в том числе и, видимо, в связи с тем, что «зело мало орды ныне в Крыму». О начале похода русской армии в ханстве, по словам Бекера, еще известий не было, но он высказывал соображения, что в случае необходимости Крыму может быть оказана османская помощь по морю — турецкие войска при попутном ветре дойдут туда быстро, чуть ли не за сутки. Продовольственная ситуация, по его мнению, в ханстве была достаточно благоприятной: «хлеб всякой в Крыму дешев и много де есть для того, что прошлого лета зело родился». Прошедшей зимой снег в Крыму «толко три дни лежал, теплая погода есть и скотина всякая уже на поле пасется, в Крыму и блиско Перекопи уже пашут, будто посреде лета». Начавшаяся на полуострове зимой эпидемия («приморок») уже затихает¹⁴⁵.

26 марта, спустя два дня после объявленной даты выступления, передовые отряды Большого полка двинулись в путь, совершив однодневный переход до Красного Кута и встав у р. Мерло¹⁴⁶. 30 марта, «в праздник тридневнаго живоносного Христова воскресения», В.В. Голицын получил через почту письмо от сына Алексея из Москвы с объявлением о рождении у царя Ивана Алексеевича дочери Марии. Главнокомандующий объявил столь важную новость в войсках и на следующий день в стане на р. Мерло, «в соборной церкви великого чудотворца Николая», сретенским протопопом Федором был отслужен благодарственный молебен¹⁴⁷.

3 апреля вслед за Голицыным из Ахтырки вышла артиллерия («большой наряд»), которая добралась до Красного Кута спустя два дня¹⁴⁸. Продвижение войск затрудня-

¹⁴⁵РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 81, 83.

¹⁴⁶Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 358; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 326–326 об.

¹⁴⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 339 об. — 340 об.

¹⁴⁸Лаврентьев А.В. «Мерное колесо» Крымского похода 1689 г. // Лаврентьев А.В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 146. В деле крымского фонда Посольского приказа сохранился еще один, видимо, черновой список «Записки государевым мерным верстам». Начало документа содержит утраты, однако он содержит тексты, пропущенные в рукописи, опубликованной А.В. Лаврентьевым, в том числе обширный фрагмент, охватывающий путь армии в период с 20 апреля по 2 мая (важно при этом, что у П. Гордона записи за этот период также пропущены. См.: Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 193). Вместе с тем архивный список не содержит столь подробной информации о набегах татар под Новобогородицк и посещении крепости В.В. Голицыным; хотя записи в нем продолжаются до 21 июня (в опубликованном А.В. Лаврентьевым тексте — до 15 июня). Кроме того, неопубликованный список позволяет уточнить некоторые топонимы, неверно отраженные в публикации А.В. Лаврентьева (Янчокрак вместо Чекрак, Талыкова долина вместо Отольской / Тольсковой долины и др.). См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 397–399.

лось начавшейся оттепелью (согласно П. Гордону, началась 21 марта¹⁴⁹). Снег, выпавший в ходе недавних метелей, стал стремительно таять, реки и ручьи вздулись. Из Ахтырки, как писал Голицын, «шли с великим трудом, за великими грязями и за располнением малых речек», в связи с чем часть войска осталась за Ворсклой «для того, что переправиться за великою водою невозможно и соединиться с нами в скорых числах нельзя»¹⁵⁰. Среди таких отставших были regimenty П. Гордона, которые, получив деньги и припасы, выступили из Олешни 22 марта. Его отряды с трудом переправились через «ручей Груню», но накрепко застряли под Ворсклой, мост через которую был «затоплен и унесен половодьем». Генерал собрал все наличные лодки, но теперь переправе мешали шедшие по реке «огромные льдины». Лишь к 27 марта река очистилась, но ее форсирование все равно заняло несколько дней (30 марта разразилась «сильная буря») и продолжалось до 3 апреля (в этот день к Гордону прибыл генерал Г.И. Косагов с приказом ускорить движение). Лишь 4 апреля войска Гордона подошли к Красному Куту и сразу переправились через Мерло¹⁵¹. В Красном Куте к Большому полку присоединился Севский разряд Л.Р. Неплюева¹⁵².

Переправа через Мерло также вызвала немало трудностей. Как доносил Голицын, река разлилась «зело», больше чем на версту, мосты «разнесло». Главнокомандующий приказал строить новые «переправы не омедля». Они были готовы к 1 апреля, и стрелецкие и солдатские полки приступили к переправе. К 3 апреля Голицын с частью войск сумел переправиться, разбив за рекой лагерь. Здесь в течение нескольких дней проходило сосредоточение Большого полка, подошли обозы, отставшие подразделения (выборные, копейные, рейтарские полки)¹⁵³. На 4 апреля планировался смотр московских чинов Большого полка, в связи с чем все они должны были к этому времени быть «за Мерлом у розрядного шатра к смотру». Не явившихся Голицын «никогда справливать (то есть смотреть отдельно и записывать как прибывших. — *Авт.*) не указал». В связи с этим 3 апреля главнокомандующий распорядился всем московским чинам немедленно выезжать из Красного Кута «в обоз» и становиться в ротах «где кто написан... подле ротмистров своих». Располагаться в лагере предписывалось следующим образом: «а станов своих... искать против прежнего, столники и стряпчие с правую, а дворяня и жилцы с левою сторону, а завоеводчики и ясаулы в меншом и в другом обозе подле меншого». При этом следовало строгое предупреждение соблюдать установленный порядок: запрещалось самовольно стрелять из огнестрельного оружия и кричать «ясаками». Всех лишних слуг предписывалось отпускать из лагеря тотчас же, снабжая их проезжими памятьми. Людям московского дворянства, которые будут находиться «у конских стад», под угрозой смертной казни запрещалось жечь траву¹⁵⁴. Большинство отставших солдат подтянулось к 6 апреля, на следующий день прибыл последний из regimentов П. Гордона¹⁵⁵. 7 апреля в Большом полку был объявлен приказ главнокомандую-

¹⁴⁹ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 191.

¹⁵⁰ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 358.

¹⁵¹ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 191–193.

¹⁵² Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 361.

¹⁵³ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 358; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 101; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 341 об. — 342 об.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Л. 143–144.

¹⁵⁵ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 193.

щего участвовавшим в походе московским служилым чинам, частично повторявший предписания от 3 апреля:

1) «Чтоб завтра апреля 8-е число к походу были все готовы, а обозы свои приготова, ништо б с мест без указу не сводил. А как указ будет и в обоз их введут, и вам бы становитца всякому в своей роте, а не в чужой, столники и дворяне на правой стороне, стряпчие и жилцы на левой, а воеводы посыльные и завоеводчики и все чиновные на середине, за боярским обозом. А в сколко рядов на правой стороне и на левой ставить и о том тут скажут обозные. А ништо б в чужых ротах кроме своих не ставился».

2) «Так же б приказывали людем своим, чтоб не стреляли и ясаки не кричали, а есть ли хто так станет делать и тому будет безо всякого милосердия смертная казнь».

3) «Так же бы приказывали людем своим, которые в стадах, чтоб не жгли степей, а огни б клали в ямах и гасили».

4) «Да вам же будучи в обозе, на отходы велеть копать ямы немалые, и чтоб промеж телег никакова помету не было, и те ямы засыпать землею».

5) «А на станех для воды посылать людей и велеть воду с рек брать, чтоб вода была вся в зборе и не взмучена, и людем своим приказывать, чтоб лошадей поили и лошадами воды не мутили»¹⁵⁶.

Хотя формально указанные распоряжения касались московских служилых чинов: стольников, стряпчих, дворян московских и пр., однако они, несомненно, могут трактоваться как общие принципы организации движения огромных масс русского войска, включая снабжение движущихся войск водой, соблюдение санитарных норм и пожарной безопасности на привалах.

3 апреля в лагерь Голицына на р. Мерло прибыл стольник и есаул М. Миклашевский с сообщением, что гетман пришел в Зиньков, но «стоит на той стороне реки Ворскла и переправлятца за великими водами не может, а велит делать с великим поспешением поромы и плоты». С Мазепой были лишь «немногие полки, а достальные остались за великими водами за Пслем и за Хоролем реками». Мазепа просил главнокомандующего дожидаться его у Коломака, как было условлено, однако Голицын заявил, что не будет ждать гетмана дольше конца Фоминой недели (то есть до середины апреля) и «приказывал, чтоб он шол не омедля»¹⁵⁷. 5 апреля в русский лагерь прибыл ближний стольник Василий Семенович Толочанов с царским милостивым словом Голицыну и всему войску за скорый сбор в Сумах и своевременное отправление в поход. Войско, услышав о подобном объявлении, по словам Голицына, было готово и далее служить великим государям «с радосными сердцами»¹⁵⁸.

Казанский разряд Б.П. Шереметева выступил в поход из Белгорода 26 марта. Однако воевода сообщал в Разряд, что ко времени выступления «ратных московских и иных чинов людей в полку у него... самое малое число и затем малолюдством походу... чинитца мотчание». Получив это известие, в приказе немедленно ра-

¹⁵⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Л. 48–49. Разбивка по пунктам авторская.

¹⁵⁷РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 101–102.

¹⁵⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 379–384 об. (царская грамота Голицыну и наказ Толочанову от 9 марта); *Устрялов Н.Г.* История... Т. 1. С. 363–364. Толочанов был отпущен обратно 25 апреля уже «из-за реки Самари», посетив предварительно 23 апреля А.С. Шеина (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 437–438 об.).

зослали новую серию грамот по городам с выговором воеводам за слишком медленный сбор назначенных в Казанский разряд ратных людей. От них требовалось высылать служилых людей в полк Шереметева «тотчас всех до одного человека, не дожидаясь к себе впредь о том иного... великих государей указу с опалю». За любую задержку в высылке ратных людей воеводам грозили «великой опалой» и «разореньем»¹⁵⁹.

Марш от стана на р. Мерло до Черной долины

Из лагеря на р. Мерло войска Большого полка, «построя обоз четвероугольной», выступили 8 апреля, не дожидаясь отдельных, оставшихся за Ворсклой подразделений. 9 апреля армия пришла на р. Коломак, и здесь уже главнокомандующий не стал ждать гетмана, как было условлено, но вновь двинулся дальше, перейдя Коломак к 10 апреля по трем мостам: сначала авангард, затем артиллерия, после остальные войска¹⁶⁰.

10–13 апреля войска двигались вдоль речки Орчик, не переправляясь через нее, прошли Черные Могилы, разбили стан в 10 верстах за ними, на лугу, не доходя Орели. Здесь войскам был дан двухдневный отдых¹⁶¹. Здесь же 13 апреля к Большому полку присоединился Казанский разряд Б.П. Шереметева. Остальным сходным воеводам (А.С. Шеину, В.Д. Долгорукову, В.М. Дмитриеву-Мамонову) Голицын написал грамоты с приказом поспешать «безо всякого мотчанья». 15 апреля подойдя к Орели, войска начали переправу (длилась до 17 апреля). Голицын объяснял задержку при переправе болотистыми и затопленными берегами реки, через которые более чем на 2 версты пришлось делать «мосты и гати». Преодолев водную преграду, войска разбили лагерь «в степи у курганов», простояв там до 18-го числа. 15 апреля, еще до начала переправы, в войска прибыл ближний стольник И.С. Салтыков теперь уже с официальным объявлением о рождении великой княжны Марии Иоанновны, по случаю чего позже

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 317–319. По справке, составленной в Разрядном приказе позднее, грамоты в города к воеводам о высылке служилых людей в Казанский разряд посылались 19 и 28 февраля, 13 марта. В результате, констатировали в Разряде, «к тому сроку в Белгород ратные люди из городов высланы многие». См.: Там же. Л. 337–338, 372–374. См. также память в Казанский приказ от 26 февраля о высылке ратных людей в полк Б.П. Шереметева: Там же. Л. 370 об. — 372. Здесь отмечалось, что «низовых городов ратные всяких чинов конные и пешие люди на их, великих государей службе в полку боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева с товарищи не объявился ни один человек».

¹⁶⁰ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 193; Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 359; Лаврентьев А.В. «Мерное колесо»... С. 146.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 397. «Апреля в 10 день, переправясь речку Коломку, перешли пол 3 версты. Апреля в 11 день до речки Орчика [перешли 9 верст], стояли на Озерах. Апреля в 12 день подле речки Орчика перешли 8 верст, стояли у Черных Могил. Апреля в 13 день от Черных Могил, не дошед до речки Орели, подле лугу перешли 10 верст». Текст значительно отличается от опубликованного А.В. Лаврентьевым, фрагмент в квадратных скобках, замазанный в рукописи, восстановлен условно по его публикации: Лаврентьев А.В. «Мерное колесо»... С. 146. Вместе с тем в указанной публикации также есть пропуск: «Апреля в 12 день от Озерков подле речки Орчика... и стояли на Конских Водах». На Конских Водах русские войска в указанное время стоять никак не могли, поскольку они соединялись с Днепром и текли параллельно его руслу значительно ниже по течению, в районе Великого Луга.

у Разрядного шатра был отслужен торжественный молебен¹⁶². 19 апреля войска перешли (либо обогнули) местность у истоков р. Кильчень и, пройдя вдоль левого берега реки за два дня 19 верст, 20 апреля прибыли к р. Самаре, на которой располагалась Новобогородицкая крепость. За 10 верст до крепости, в лагере у Кильчени, приказом Голицына по Большому полку был объявлен последний отпуск слуг «к Москве». Ратных людей предупреждали, что «у Новобогородицкого стоянья в обозе будет недолго», им рекомендовалось оставить в крепости «лишние тежары», беря с собой лишь «нужное, а болши всего хлеба и иных запасов, а где... остаточное класть и тому место отведено будет». При желании с лишней поклажей разрешалось оставить слуг и лошадей. У Новобогородицка состоялось объединение всех остальных войск: подошли полки Мазепы (около 40 тыс. человек¹⁶³), за ними Новгородский разряд А.С. Шеина (прибыл 21 апреля) и Рязанский В.Д. Долгорукова. От основных сил отстал (находился за Орелью) малочисленный в силу значительной неявки служилых людей Низовой полк В.М. Дмитриева-Мамонова¹⁶⁴. Как сообщал воевода Чугуева С.Б. Ловчиков, туда к назначенному крайнему сроку — 20 февраля «приехали одни царицынцы, а астраханцы и иных городов пришли после указного сроку». Воевода по ранее данному указу должен был высылать их в Харьков, но теперь отправлял прямо в полк Дмитриева-Мамонова¹⁶⁵.

Под Новобогородицком в течение четырех дней, 20–23 апреля, проводился смотр прибывших частей, они получали денежное¹⁶⁶ и хлебное жалованье на 2 месяца¹⁶⁷, после чего переправлялись через Самару. После завершения переправы

¹⁶²Грамоту В.В. Голицыну об отправке к нему посланника с «великих государей... милостью» в марте 1689 г. см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 290–291. Наказ Салтыкову от 25 марта см.: Там же. Л. 291 об. — 295 об. Помимо объявления о рождении царевны Марии Иоанновны, Салтыков должен был «милостиво» похвалить от имени царей и царевны В.В. Голицына и ратных людей. Отдельно с той же задачей в Новгородский, Рязанский и Казанский разряды был направлен стольник князь Петр Тимофеевич Козловский (наказ ему и грамоты см.: Там же. Л. 296–300, 302–302 об.; отписки о его приеме Б.П. Шереметевым (19 апреля), А.С. Шеиным (18 апреля) и В.Д. Долгоруковым (19 апреля) см.: Там же. Л. 422–424 об., 427 об. — 431 об.).

¹⁶³Востоков А. Посольство Шакловитого... С. 210.

¹⁶⁴Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 360–361; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 1. Л. 300; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 143. Л. 438; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 397 («Апреля в 19 день шли подле речки Килчени 9 верст, стояли на той же речке, и от речки Килчени апреля в 20 день перешли 10 верст, стояли меж озерах у дороги, где ездят в Новобогородицкой по левую сторону у речки Килчени»). Ср.: Лаврентьев А.В. «Мерное колесо»... С. 146. Здесь в публикации значительный пропуск между датами 19 апреля и 3 мая.

¹⁶⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 580 об. — 582.

¹⁶⁶22 апреля велено было выдать кормовые деньги «на апрель» офицерам и солдатам московских выборных полков («кто по сметным росписям на лицо»): первому выборному полку на 349 человек. 348 руб. 30 алтын, второму выборному полку П. Гордона на 757 человек — 744 руб. 31 алтын 4 деньги, всего обоим полкам (1106 человек) 1090 руб. 28 алтын 2 деньги (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 138). Денежное жалованье «на подъем для нынешнего крымского походу по рублю человеку» солдаты и офицеры второго выборного полка получили еще 17 апреля (Там же. Л. 137). У П. Гордона записи за этот период пропущены (Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 193).

¹⁶⁷Позднее, в июне, в царской грамоте Голицыну утверждалось, что хлебное жалование было выдано только на месяц. См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 86. Ч. 1. Л. 269.

объединенных сил 24 апреля они, пройдя 15 верст, достигли р. Татарки. Здесь состоялся военный совет, на котором одного из воевод, боярина И.Ф. Волынского с товарищем В.П. Вердеревским (должен был расположиться в Новобогородицке), новгородцами и псковичами было решено оставить со сводным отрядом в верховьях Самары для прикрытия пограничья от возможных татарских набегов. В его же соединение должны были влиться отставшие отряды «всех розрядов», которые «по реку Самарь не бывали» и не успеют прийти до 29 апреля (из Москвы с указом подгонять отставших был выслан подьячий Т. Красный). Тех, кто придет раньше этого срока, следовало переправлять через Самару вдогонку за основной армией¹⁶⁸. С 10 апреля по 23 мая в полк к Волынскому прибыло 139 стольников, 45 стряпчих, 15 дворян, 118 жильцов, 503 человека новгородцев, псковичей «и иных городов дворян и детей боярских», 13 «начальных людей рейтарского строю и салдатцкого», 136 рядовых копейщиков и рейтар, 1544 человека «салдат, стрельцов, казаков, пушкарей и пушкарского чину людей». Из последнего числа по приказу В.В. Голицына 724 солдата было отправлено в Малую Россию, в Переяславль, в пехотный полк Афанасия Чубарова. По причине малолюдства, «покаместа ратные люди сойдутца», Волынскому пришлось взять из Новобогородицка 400 рейтар и 326 солдат. В итоге всего его сводный полк насчитывал к концу мая 2515 человек¹⁶⁹. 24 апреля наличным людям полка боярина И.Ф. Волынского было выдано жалованье: по 2 руб. человеку копейщикам и рейтарам, а также кормовые деньги солдатам (по 10 алтын на 2 месяца каждому), всего 1750 руб.¹⁷⁰

25 апреля перед дальнейшим маршем по армии был объявлен новый приказ главнокомандующего. Сообщая, что получены вести о приходе многочисленного татарского отряда под Кодак, служилым и ратным людям запрещалось «на всех станех» отпускать лошадей далеко «от водных городков и сторож отъезжих». «А лошади б всякой велел треножить, — говорилось далее, — и без треножбы ништо не пускал; а в станех бы у вас без лошадей не было, так же бы и люцких держать не по большому числу». Запрещалось посылать слуг косить траву «наперед обозу», «а велеть косить поза обозом и подле обозу». Гнев Голицына вызвало несоблюдение дворянами запрета их слугам открывать стрельбу по любому поводу. В связи с этим заявлялось, что «нынешняго числа, которые ваши люди учнут стрелять, а пойманы будут и тем вашим людям наказания никакова и казни не будет, а будет то чинено над вами, что было довелось чинить тем вашим людям, безо всякого милосердия!»¹⁷¹.

На следующий день, 26 апреля, поход продолжился. От речки Татарки войско к 27-му добралось до р. Вороной (Вороновки), 27 апреля достигло р. Оскоровки (Сокаревки)¹⁷². 29 апреля по Большому полку был объявлен новый указ (рот-

¹⁶⁸ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 362–366; Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 186–187; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 151, 154, 397 («Апреля в 23 день перешли до реки Самары 3 версты. Того ж числа переправясь Самару, перешли до речки Татарки 15 верст»).

¹⁶⁹ Роспись войск И.Ф. Волынского, направленная в Малороссийский приказ, опубликована: Эварницкий Д.И. Источники. Т. 1. С. 187–188. Ее копию из Разряда см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 585–587.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 141.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Л. 80.

¹⁷² Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 365–366; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 397. «Апреля в 26 день от реки Татарки до реки Вороновки перешли 12 верст с пол версты. Апреля в 27 день до речки Сокаревки перешли 11 верст».

мистрам, стольникам, стряпчим, дворянам московским, жильцам прочим «всяких чинов ратным людям») с предписанием днем пасти лошадей только «за обозом», а «к ночи, как пробьют гас, велеть приводить в обоз и держать и кормить в обозе». Тем, кто «к ночи лошадей в обоз не возмут и у кого объявятца за обозом», угрожали смертной казнью, особенно если «от тех лошадей учинитца какая тревога»¹⁷³.

30 апреля голицынское войско перешло р. Вольную (Н.Г. Устрялов ошибочно полагал, что это река Волчья, которая на самом деле протекала восточнее и впадала в р. Самару), затем армия форсировала р. Московку и 2 мая дошла до реки Конские Воды. 3 мая русская рать прошла от Конских Вод до р. Янчокрак. 4 мая армия пошла к р. Карачекраку (до которого дошли в 1687 г.), где стояла 2 дня¹⁷⁴.

4 мая с берегов Карачекрака В.В. Голицын выслал подробное письмо сыну Алексею¹⁷⁵. Он сообщал о намерении двинуться далее к р. Маячке «без замедления». Далее главнокомандующий писал: «Посылаем посылки непрестанные х каиркам и к иным местам, не можем нигде татар найти, что у них здумано Бог весть, мним, что в Крыме совершенно про нас не ведают или хана тут нет. Идем все дай Бог здорово, травы ныне милостью Божью зелены, как Бог даст впредь, толко дождей мало, тучи ходят великие и поморосит маленько, а дождя нет. Сайгаков и коз толь много, что несметные тысячи, не токмо конные, но и пехотные многих побивают. Тому дивимся, от крику бежали бы в даль, а то все к людям и в обоз бегут. Впредь что у нас станет делатца, о том писать буду, будет мочно будет, потому что уже с ними будет, шляхи их почали видеть близ себя почасту»¹⁷⁶.

4 мая, двинувшись к Маячке и Белозерке, Голицын выслал вперед, «х Крымским юртам, х каиркам и к иным местам» передовой отряд из русских ратных людей и украинских казаков¹⁷⁷. 6 мая армия прошла через верховья р. Маячки к Тальковой долине, на следующий день достигла р. Белозерки, где был разбит лагерь «при добром запасе травы, но без леса». Сюда возвратились «в целости» отправленные тремя днями ранее разведчики, приведя с собой трех пойманных татар, захваченных в ходе стычки с противником «за Белозеркою» (об их допросе см. далее). Отсюда же небольшой русско-украинский отряд под командованием Г.И. Косагова был послан для взятия укрепления Горбатик (Арабат) на Арабатской косе¹⁷⁸.

¹⁷³РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Л. 81.

¹⁷⁴Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 362, 367; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 397 («Апреля в 30 день от речки Сокаревки до речки Волной перешли 10 верст, от речки Волной перешли до речки Московки 9 верст. Мая в 2 день от речки Московки до речки Конских Вод перешли 10 верст. Мая в 3 день от речки Конских Вод до речки Янчикрак перешли 12 верст с полверстою»). Ср.: Лаврентьев А.В. «Мерное колесо»... С. 146.

¹⁷⁵Письмо начинается так: «Князь Алексей Васильевич, во всяком благополучии здравствуй на многие лета з бабушкою и с матерью и со всеми твоими. А ко мне пиши о своем здоровье и о всех своих, а мне то надобно. А я милостью Божиею на службе великих государей жив».

¹⁷⁶РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 160–161. Здесь же Голицын просил сына донести великим государям, «что товарищ мой князь Яков Федорович Долгоруков живет со мною добро и поступает ниско, хотя я помочи от него никакой не имам, толко он живет добро» (Там же. Л. 163).

¹⁷⁷Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 367; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 166 (отписка В.В. Голицына в Приказ Малой России).

¹⁷⁸Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 367; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 166, 397; Лаврентьев А.В. «Мерное колесо»... С. 147; Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 194.

На следующий день лагерь был перемещен к р. Рогачик (трава и вода здесь были в изобилии), где состоялся совет о боевом построении войск на случай столкновения с татарами, а 8 мая — обсуждение маршрута дальнейшего пути. 9 мая совет собрался вновь для обсуждения вариантов дальнейшего марша: вдоль Днепра на Казы-Кермен или к Перекопу. В итоге все же решили идти к Перекопу, поскольку последний был ближе (хотя путь был «менее удобен», — отмечал Гордон). 10 мая войско двинулось к Днепру, переправившись через Рогачик. Здесь была произведена заготовка кольев и прутьев для габионов (плетеные корзины, набитые землей, для оборудования артиллерийских позиций, по всей видимости на случай штурма Перекопа; позднее их пожгли за ненадобностью у перешейка). 11 мая пройдя 7 «тележных» верст вниз по Днепру, форсировав пересохшую речушку Мечеть-Каир, войско разбило новый лагерь, где на следующий день были встречены суда, сооруженные ранее на р. Самаре, по всей видимости с продовольствием и иными запасами. Далее войско двигалось вдоль днепровского русла, где на всем пути были хорошие запасы травы, воды и леса. В своей отписке Голицын отмечал, что 12 мая «крымские орды» стали появляться вблизи русских войск. Вечером 13 мая главнокомандующий отправил небольшой конный разъезд (60 человек) на разведку. С этой же целью к Ислам-Кермену (Шах-Кермену) — одной из османских крепостей в низовьях реки — отправился двухтысячный отряд. При его приближении турки зажгли посад, но русские отказались от штурма и на следующий день возвратились в основной лагерь. 14 мая войско, пройдя 13 верст, расположилось лагерем в Зеленой долине, где было обилие травы и воды. Возвратившийся конный разъезд сообщил о появлении татарских отрядов в двух милях от основного лагеря, а доставленный в русский лагерь язык поведал о прибытии в крымское войско Селим-Гирея с 4 тыс. белгородских татар. Выступив из Зеленой долины на следующий день в Черную долину, где, по сведениям языков, располагался хан с войском (около 70 тыс. человек, по оценке В.А. Артамонова¹⁷⁹), армия Голицына была атакована татарами¹⁸⁰.

Крым накануне решающего столкновения (по материалам русской разведки за апрель — начало мая 1689 г.)

Прежде чем перейти к описанию решающих боев между армиями России и Крымского ханства на подступах к Перекопу, необходимо остановиться на двух моментах. Во-первых, нужно реконструировать военно-политическую позицию Крыма накануне этих сражений и его приготовления к отражению неприятельского нашествия. Во-вторых, выяснить, что знали о положении дел в ханстве, его силах и намерениях в ставке главнокомандующего. В связи с отсутствием в нашем распоряжении документов делопроизводства условно понимаемой крымской канцелярии или корреспонденции находившихся при ханском дворе лиц, единственным типом источников, который может осветить оба обозначенных аспекта, являются допросы захваченных языков. Их анализ путем сопоставления позволяет выделить повторяющиеся (и, следовательно, взаимно проверяемые) описания событий и таким образом сформировать более-менее достоверную общую картину, дополняемую рядом конкретных (и часто уникальных, а потому непроверяемых) деталей.

¹⁷⁹ Артамонов В.А. Россия, Речь Посполитая и Крым 1686–1699 годов // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 17.

¹⁸⁰ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 368; Лаврентьев А.В. «Мерное колесо»... С. 147; Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 194–195. Ср.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 397.

9 апреля гетман Мазепа прислал в полк к Голицыну языка — татарина Шебанко Бекташева Наймана («житель он Крыму от каменного мосту села Сарбаша от Перекопи верстах в полтретьятцать»), которого казаки во главе с полтавским полковым есаулом Иваном Искрой¹⁸¹ взяли ниже Самары, на р. Чаплинке.

Пленник сообщил, что где-то в середине марта он был послан от Перекопа в составе отряда «загонщиков» в 200 человек «под государевы украинные малороссийские города и под Новобогородицкой город... чтобы взять подлинного языка» и «уведать подлинно, какое царского величества намерение и на юрт их наступление имеет ли быть и о котором времени». Загон был отправлен в связи с тем, что «еще с самые зимы ведомо им учинилось от взятых русских языков» о мобилизации царских войск, которые после Пасхи «конечно пойдут на Крым». Поэтому в Крыму «от тех языков о том слыша, с самые осени и по се время войска свои збирают, таким способом, которые у них люди бесконные и безоружные и те чтоб ис пожитков своих, хто что у себя имеет продавал, а покупал бы себе всякой лошади и оружие и пишат их всех, кому быть к бою готовым и с чем, на роспись». Кроме того, по всему Крыму ходила «розголоска», что «взятые русские языки говорят, будто царского величества войска собраны со всего государства не токмо которые служилые конные и пешие люди, но и крестьяном дано их великих государей денежное жалованье и все из домов своих в войско высланы». «А намерение крымских татар ныне таковое, — свидетельствовал Шебанко, — что всеми своими силами против войск их царского величества битися будут, не допуская в блиские места до Крыму», намереваясь встретить русскую армию на р. Самаре «или в ыных около Самари в блиских местех».

Пленник подтвердил мартовские известия, что Селим-Гирей вместе с калгой и нураддином живут в Белгородской орде с осени якобы для того, что «чинитца у них договор о миру с полским королем», который прислал к хану двух послов. От людей перекопского бея Шан-Гирея, которые живут недалеко от него, Шебанко слышал, «что как хан был у салтана турецкого, и он де с салтанского изволения то постановил, есть ли король полской станет искать у них бусурман миру, и согласной с царским величеством на Белгородцкую орду воинской поход свой оставит и станет просить себе Каменца Подолского и тот Каменец полскому королю чаять отадут», правда, лишь при условии сохранения выплаты поминок хану. За день до выезда татарского отряда из Перекопа туда пришла весть, что калга и нураддин возвращаются в Крым, «а крымского войска с ними тысячь з десять, а турецкого войска с ними никого нет, а есть ли ж хан уедает о царского величества войсках, что они будут в ближних х Крыму местех, и он хан и сам в Крым будет вскоре и может из Белгородчины в Крым поспешать в шестой или в седьмой день».

По сообщению пленника, на наем войск Селим-Гирей якобы получил от султана «червонных золотых многое число», при этом хану приказано, «что б он тою казною сам не корыстовался, а збирал бы болше войска и сажал бы в городки, в те, х которым чаять приходу царского величества войскам»¹⁸². Сообщалось о надеждах

¹⁸¹ О царском жалованье И. Искре см.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 133. О захвате языков и сообщенных ими сведениях очень кратко упоминает П. Гордон. См.: *Гордон П. Дневник, 1684–1689*. С. 193.

¹⁸² Эта информация подтверждалась и позднее, от взятого в плен в мае татарина А. Кочкаева, который сообщал, что, когда Селим-Гирей был в Адрианополе у султана в декабре 1688 г., ему было выдано «на роздачу мурзам и татаром сорок тысяч золотых червонных, чтоб он со всем юртом на войну был готов, и хан де, взяв те золотые, с татары в Белгородчине зимовал» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 179–180).

крымцев, что турки заключат перемирие с цесарем и тогда к хану в помощь против русской армии придет Белгородская орда, в противном случае, если «от белгородской орды помочи им никакой не будет», то «совершенная помочь им будет из Азова и из черкесской стороны от нагайцов». К калмыкам крымцы за помощью не посылали, и от них никто в Крым не приезжал.

Русское командование особенно интересовало, будут ли татары выжигать степи навстречу идущей московской армии, поэтому Шебанко расспрашивали, видел ли он выжженные степи на пути от Перекопа до Конских и Овечьих Вод. Пленник ответил отрицательно, но предположил, что перекопский бей «для зжения степей уж выступил, а станет де он степи жечь в то время, как царского величества войска к ним приближатца», заранее же «степей выжигать они не будут для того, чтоб тем войскам учинить трудность и конскую бескормицу».

Особенное внимание Голицын должен был уделить известию, что якобы все жители Крыма «миру зело желают и молят о том всенародно Бога непрестанно» и если бы «от их царского величества была к хану хотя малая присылка», Селим-Гирей немедленно согласился бы на переговоры.

Кроме того, Шебанко подтверждал слова предыдущего пленника, татарина Бекера, о хороших запасах провианта и конских кормов: «Хлеб прошлого лета в Крыму родился и сена к зиме наготовлено у них доволно и те сена у них ныне в целости». Этому способствовала прошедшая зима, когда «снегу у них ничего не было и скотина ходила вся по полям»¹⁸³.

В целом и эти, и предыдущие известия пленников давали противоречивую информацию. Они показывали, что, несмотря на ослабление Османской империи, Крымское ханство не собирается уступать перед военным натиском русской армии, который уже, как выяснилось, не являлся секретом для хана и его окружения. Селим-Гирей намеревался дать отпор наступающим войскам, собрав для этого все наличные турецко-татарские силы в регионе (татар и турок из Азова, Белгородскую орду, вассальных ему черкесов и ногайцев), несмотря на то, что оказание серьезной военной поддержки (финансовая, судя по всему, была оказана) со стороны Порты было весьма сомнительно. В рамках подготовки Крыма к обороне проводились смотры крымской конницы, предпринимались меры по увеличению ее численности, а теплая зима и хорошие урожаи позволяли татарам как следует откормить коней для будущей кампании. Все эти сведения показывали, что начатая военная экспедиция вряд ли обернется легкой победоносной прогулкой, а известия о готовности Селим-Гирея к переговорам должны были склонять Голицына к мысли, что дипломатическое разрешение конфликта на приемлемых для России условиях вполне возможно.

Вместе с тем главнокомандующий в письме сыну от 4 мая несколько легкомысленно трактовал полученные в начале апреля разведывательные данные, успокаивая себя тем, что высылаемые вперед разьезды не находят татар, признаваясь, что не имеет четкого представления о планах крымского командования и выражая уверенность, что в Крыму о русском наступлении ничего не знают, а сам хан туда до сих пор не прибыл. И если последнее утверждение было правдой, в целом ситуация не выглядела так радужно (см. об этом выше). В этом Голицын должен был убедиться уже через 3 дня, когда в русский лагерь доставили новых языков.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 107–114.

7 мая были допрошены еще двое крымских татар, Агметко Чумалеев («черной татарин» из крымской «деревни» Кок-Сакал, располагавшейся недалеко от Перекопа, ныне не существует) и Аджачко Кочекаев («черной татарин Карасовского уезду деревни Копчаки»). Согласно речам пленных, их отряд из 36 человек (по сведениям Кочекаева — 33 человека) во главе с Тювень-агою был отправлен калгой и нураддином 3 мая «для проведывания войск царского величества, где они ныне». 5 мая «о полудни», съехав с пути, татарские всадники «поехали... к воде поить лошадей» на Горьких Водах. Здесь «внезапну напали на них русские люди, которых им показалось тысячь с пять и болши, и они де убоясь их, от них побежали, а те де русские люди за ними гнали», взяв трех пленных (остальным удалось уйти). При этом Кочекаев отбивался: «учинил с ними бой и они де ево ранили из ручницы в подпазуху и, рняя, взяли ево в полон»¹⁸⁴.

Оба пленника подтверждали зимовку ханского двора «в Белгородчине», а также сообщали о прибытии нураддина и калги в Перекоп в первой половине апреля (хану в Крым якобы не разрешал выехать султан). Они расположились, не доходя 10 верст до перешейка, и были заняты мобилизацией войск, которых на данный момент уже насчитывалось (без учета белгородских татар) якобы больше 100 тыс. человек, включая тех, «которые ис Крыму к ним высланы... и с теми, которые с ним же ис Перекопи вышли с перекопским Шан-Гиреем салтаном». По сведениям Агмета, около 12 дней назад калга и нураддин «послали от себя семеней да писарей в Крым для высылки ис тритцати из дву городовых и волостных уездов всех воинских татар, а в кождой по писарю да по семеню и приказали им чтоб они выслали их тотчас, а хто будет выслан, тех бы имена те писари записывали». Однако мобилизация проходила туго: «И татаровя служивые тем высылщиком сказали, что им ныне, не видя московских войск никакова наступления, ехать за Перекопъ и проедатца в степи не для чего, а как де будет подлинная ведомость о московских войсках и они де все станут на указном месте того часу, на которой срок будет им назначено». Одной из причин трудностей со сбором войска было то, что «многие татаровя от прежних в Крыму хлебных недородов и з голоду розбрелися многие в Белгородцкую орду».

Калга и нураддин уже знали, что русские войска добрались до Конских Вод, однако не имели точной информации о дальнейшем маршруте их движения — пойдут ли они под османские крепости на Днепре или напрямиком на Крым. В случае, если царские войска «пойдут прямо к Перекопи на Молочные Воды и они де хотели встретить у Молочных Вод, а буде те войска пойдут под Шахкермен (Ислам-Кермен. — *Авт.*) и они де хотели встретить в ближних местех, чтоб тех войск под Шахкермен не допустить». В последнем случае в Ислам-Кермен планировалось «для помочи и осадного сиденья» прислать отряд из Гезлева.

Нахождение Селим-Гирея в Белгородской орде А. Кочекаев объяснял приказом султана, который опасался наступления австрийских войск на Софию. Тем не менее хан намеревался выехать в Крым с 15 тыс. белгородской орды по первому известию о приближении к нему армии Голицына, чтобы «свой юрт... оборонять». И Кочекаев, и Чумалеев считали, что Селим-Гирей сможет «из Белгородчины поспеть в Перекопъ» за 4–5 дней. Собственно, 2 мая, получив вести от пленных о приходе русско-го войска, калга и нураддин послали к хану «нарочно», требуя, чтоб он шел в Крым

¹⁸⁴РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 168, 176–177.

«немедленно». Посланец должен был приехать к Селим-Гирею 6 мая, соответственно, у Перекопа хана ждали к 11–12 мая¹⁸⁵.

Из допроса Агмета видно также, какие сведения особенно интересовали русское командование, давая общее представление о тех вариантах дальнейшего ведения кампании, которые разрабатывались в ставке Голицына. Пленника подробно расспрашивали о состоянии Перекопа и крымских крепостей. Ответ был скорее обнадеживающим: «А в городех во всем Крыме никаких крепостей не строят и не починивают и перекопской вал по обеим сторонам ворот прежней и починки ему никакой не бывало и чрез тот вал во многих местех лошадами ездят и скотина ходит, а пушак де на Перекопской башне и в Перекопском городке и на раскатах видел он ныне толко всех з десять пушек (при этом А. Кочекаев утверждал, что перекопская артиллерия насчитывает 100 орудий. — *Авт.*), а в городех в Кезлове и в ыных пушек много, а до нынешняго времени жили они в Крыму безо всякого опасения». Это свидетельствовало о том, что вопрос о вторжении на полуостров по крайней мере обсуждался и не снимался с повестки дня дальнейших действий русской армии. В связи с этим Голицын уже в который раз проявлял интерес к ситуации с хлебными запасами и конскими кормами на самом полуострове и прилегавших к нему с севера землях, включая и сведения о поджогах степей. Агмет сообщал, что «хлеб ныне в Крыму уже спеет блиско х колосу, да и по сю сторону сеяного хлеба много, а хлеб у них ячмень, рожь, пшеница и просо». По его сведениям, «на речке де Колончаке, которая идучи к Перекопи обретаецца в левой руке, конские кормы были, толко де ныне те кормы обиты едисанцы и горскими черкесы, которые к ним ныне приезжают с табуном». Еще одним важным пунктом для русского командования был вопрос о состоянии османских крепостей на Днестре. План активных действий против них вряд ли существовал, но Голицын явно боялся их усиления и ударов из этого района во фланг или тыл наступавшей русской армии. В связи с этим о гарнизонах крепостей был подробно допрошен А. Кочекаев¹⁸⁶.

Особенно интересовало Голицына то, к какому варианту решения конфликта — военному или дипломатическому — склоняется Селим-Гирей и насколько он в первом случае может рассчитывать на поддержку Порты: «Он же Агметка спрашиван, хан крымской у великих государей милости искать желает ли или он хочет поступать против царского величества войск обороною и от салтана турецкого помощи он себе надеетца ль и в каком он ныне намерении». Здесь, однако, пленник четкого ответа не дал, заметив лишь, что хану «у султана помочи просить неколи, потому что буде ему салтану ныне пришло время и самому себя оборонять от войны цесарской, как у них в Крыму слух обноситца». При этом якобы польский король присылал хану в Белгородскую орду предложения о перемирии (А. Кочекаев добавлял к этому, что польская сторона требовала Каменца, а Селим-Гирей — не только сепаратного мира, но и якобы участия в боевых действиях против «цесаря»), но было ли оно в итоге заключено, не известно, тем более что военные действия продолжались («нынешние весны которы(е) от салтана турецкого посланы были в Каменец Подолской запасы и те запасы поляки у них отбили»). Помимо польско-

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 169–170, 177–180. Осенью прошлого года Селим-Гирей сначала выслал в Белгородскую орду нураддина с 3-тысячным отрядом, а спустя два месяца «наскоро» выехал туда сам в сопровождении 2–3 тыс. войска. «Калга в венгерскую землю пошел тому третей год, и в прошлом году из Венгерской земли возвратясь, зимовал в Белгородчине, и в том походе потерял многих своих людей».

¹⁸⁶ См. об этом выше, с. 139.

крымских отношений, главнокомандующего интересовала и позиция Запорожской Сечи, недовольной строительством Новобогородицка. Здесь сведения были скорее успокоительными: с запорожцами не только нет никакой «пересылки», но более того, «ныне де казыкерменские татаровя у них запорожцов отогнали с восмсот лошадей»¹⁸⁷.

Указанные выше сведения в основном подтверждались позднейшими более краткими известиями других источников — пленного «черного татарина» Ненисупки (допрошен в Батурине в октябре 1689 г.) и Алексея Ишкова, сына боярского из Ефремова, попавшего в плен в юном возрасте еще во время Конотопского поражения русских войск 1659 г. (отпущен из Запорожской Сечи 31 июня 1689 г.). Ненисупка сходно описывал зимовку ханского двора в Белгородской орде, подготовку крымского войска к отражению русского нашествия и прибытие Селим-Гирея к войскам в последний момент («хан де из Белгородчины наскоро к ним прибежал на другой день, как с государскими войск бои зачались»). Ишков, повторяя в целом эти сведения, добавлял одну ценную деталь: хан «и прочие с ним воинские люди» прибыли к своей армии уже на пятый день после отправки гонцов и еще до начала боев с русскими войсками, то есть 11–12 мая¹⁸⁸.

Указанные источники позволяют достаточно полно охарактеризовать ситуацию в Крымском ханстве в конце 1688 г. — первых месяцах 1689 г. Ханский двор находился в сложном положении. Селим-Гирей, зимовавший в Белгородской орде, должен был поддерживать интенсивные контакты с османским правительством (даже ездить в Адрианополь в декабре 1688 г.), активно использовавшим татар во главе с калгой на венгерском и сербском театрах военных действий и заинтересованным в их участии в кампании 1689 г. Угроза русского нашествия и необходимость оборонять свой «юрт» требовала от Селим-Гирея значительной дипломатической гибкости: не испортив отношений с султанским двором (здесь уместно напомнить о слухах о его возможной отставке, ходивших в начале 1688 г.), хану было необходимо добиться не только освобождения крымцев от похода на Балканы, но и получить хоть какую-то поддержку со стороны Порты перед лицом столкновения с русской военной машиной. Однако если дипломатическая активность ханского двора реконструируется в самых общих чертах, то сведения о мерах подготовки крымского войска носят вполне конкретные очертания: смотры и усиленная мобилизация с привлечением всех возможных резервов активно проходили в Крыму зимой и весной 1689 г. Оборонительная стратегия крымской верхушки исходила из тех задач, которые поставила себе армия Голицына — именно поэтому калга и нураддин всеми силами старались получить сведения о том, куда будет направлен ее главный удар — на само ханство или приднепровские крепости. В первом случае крымская сторона собиралась дать русскому войску генеральное сражение на подступах к полуострову, во втором — усилить оборону османских

¹⁸⁷РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 173–175, 179. У захваченных языков интересовались и положением русских пленных в Крыму. А. Чумалеев сообщал, что оно было вполне сносным: «полоняники де русские люди, которые у них в Крыму ради приходу русских воинских людей никакова себе зла не имеют и ничем их не крепят и никуды их не отвозят». Иначе описывал состояние пленников А. Кочекаев. Он слышал, что пленников «хотели их сажать в яму по пяти человек и над теми ямами для сторожи приставят к ним с ружьем по два человека для того, чтоб они какой помешки в воинском времени не учили».

¹⁸⁸РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 205. Л. 224; РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 197. Л. 125–126.

крепостей (особенно расположенного на левом берегу Ислам-Кермена) и по возможности не допустить их взятия противником.

Показания пленных и выходца из крымской неволи А. Ишкова, которые служат основой вышеуказанной реконструкции, практически не противоречат друг другу, что позволяет, несмотря на отсутствие источников из крымско-османского лагеря, признать ее в целом верной. Все эти сведения, несомненно, были осмыслены и проанализированы в Разрядном шатре Большого полка, который, таким образом, имел исчерпывающую информацию о сосредоточении противника и его готовности к отпору. Как Голицын использовал эти данные для определения своих дальнейших шагов, показали события середины — второй половины мая.

Бои в Зеленой и Черной долинах. Рекогносцировка Голицына у Перекопа

Сражения в Зеленой и Черной долинах стали главными военными событиями второго похода. Четкая хронологическая канва русско-крымских боев, развернувшихся 15–17 мая¹⁸⁹, основывается в первую очередь на сеунчах В.В. Голицына (о механизме их подготовки и влиянии на информационное поле войны см. в главе 10). Однако с точки зрения описания сути событий донесения главнокомандующего и его сходных товарищей не во всех случаях вызывают доверие и могут быть существенно дополнены другими источниками.

Согласно первому сеунчу, вооруженные столкновения с крымцами начались 15 мая в Зеленой долине. Селим-Гирей выступил со всей ордой, калгой и нураддином, вассальными отрядами белгородских татар, черкесов и яман-саадаков (джаман-саадаки)¹⁹⁰, а также в сопровождении турецких отрядов из приднепровских крепостей. 15 мая бой шел несколько часов («со 2 часа дни до 10 и болши»), русские войска «бились мужественно и храбро и побили многих знатных мурз», взяв немало пленных, знамен и иных трофеев. Крымские татары также бились «жестоко», крымцы «не только на мушкетные дула, но и на самыя пушечные, к самым рогаткам напусками приезжали». По рассказам языков, сам нураддин в этом бою якобы был ранен, а другой знатный татарин — «Кае-абилев сын Мансурова Кантемир» убит, так же как и «иные многие». Поле боя осталось за русскими, которые, неприятеля «сбив», в тот же день

¹⁸⁹ Русско-крымские бои 15–17 мая наиболее подробно, пожалуй, описывает В.Н. Заруба. Однако историку остались неизвестными многие опубликованные источники; кроме того, его изложение страдает неточностью в ряде деталей. См.: Заруба В.Н. Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ, 2003. С. 357–358.

¹⁹⁰ Крымский историк Мухаммед-Гирей (ум. после 1703 г.) описывал яман-саадаков (Cihan Sadak) как ногайцев из Черкесии. Трехтысячный отряд яман-саадаков по приказу хана Девлет-Гирея II участвовал в подавлении восстания ногайцев Буджака 1699–1701 гг. Даже крымцам яман-саадаки казались странными — «не демонами и не людьми», отличавшимися особой жестокостью. Во время подавления ногайского восстания они грабили все подряд и массово насиловали женщин и девочек (Klein D. Tatar and Ottoman History Writing. The Case of the Nogay Rebellion // Denise Klein (ed.). The Crimean Khanate between East and West (15th–18th century) (=Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 78). Wiesbaden, 2012. P. 132–133). М. Вагнер на основе польских источников отмечает присутствие полуторатысячного чамбула яман-саадаков в кампании 1688 г. на Подолии и Волыни, ошибочно восприняв название этнической группы как собственное имя предводителя отряда (Wagner M. Stanisław Jabłonowski: polityk i dowódca (1634–1702). T. 2. Siedlce, 1997. S. 21, 30).

пришли в Черную долину¹⁹¹. Сеунч Мазепы отдельно отмечает, что здесь войско расположилось на ночлег¹⁹².

Доступные авторам османско-крымские нарративные источники описывают бои 15 мая еще в более общих чертах, чем сеунчи. Современник событий османский историк Силахдар Фындыклылы Мехмед-ага (в пересказе В.Д. Смирнова) отмечает, что к Селим-Гирею на помощь пришли турецкий комендант Азова Шегбаз-Герай султан с кумыками, черкесами и яман-саадаками (всего 50 тыс. человек, численность очень сильно преувеличена). В течение трех дней боев крымское войско отчаянно сражалось «сперва в окопах¹⁹³, а потому в открытом поле» против огромной московской армии в 300 тыс. «гяуров»¹⁹⁴. В «Краткой истории крымских ханов», которую составил Хурреми-челеби Акай-эфенди на основе знаменитого сочинения крымского историка Сейида Мухаммеда Ризы («Семь планет в известиях о татарских царях») во второй половине XVIII в.¹⁹⁵, сообщается, что «лишь только взорам» Селим-Гирея открылся «лагерь проклятых неприятелей» (200 тыс. человек и 1 тыс. орудий), как он тотчас «ударил на них с своими верными и бесстрашными татарами». В разгар боя к хану прибыли новые подкрепления, и «это придало смелости сердцам мусульманским». Сражение длилось до вечера, причем татары атаковали «неприятеля с неистовою храбростью и лвиным мужеством», нанеся ему значительные потери¹⁹⁶.

В отличие от вышеприведенных свидетельств источников, из сообщений очевидца П. Гордона следует, что в первый день сражения бои имели скорее разведывательный характер (что в целом логично): в крупных и мелких стычках противники, в первую очередь крымцы, пытались выяснить размеры и расположение войск друг друга, испытывали его боевой дух и готовность сражаться. В письме к графу Д.Х. Эрроллу шотландец пишет о появлении 15 июля передовых отрядов крымского войска со стороны Казы-Кермена. «Мы имели с ними стычки около 3 или 4 часов с кое-каким, но не великим уроном у обеих сторон». В ходе них русское командование даже не получило полного представления о размерах ханской армии. «Мы рассудили, что их сила не составляла и 10 000», — пишет Гордон¹⁹⁷. Его дневник

¹⁹¹ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 368–369. Согласно «записке... мерным верстам» первый бой с ханом длился «до 6 часу дня от светания дня». См.: Лаврентьев А.В. «Мерное колесо»... С. 147.

¹⁹² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 322–325. Гетман отмечает, что сражение разыгралось в Зеленой долине «на безводном месте».

¹⁹³ Хотя применительно к XVIII в. известны случаи сооружения татарами апрошей для более безопасного подхода к вагенбургу (см.: Шейхумеров А.А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань: Симферополь, 2019. С. 208–209), в данном случае это, видимо, не применялось, во всяком случае никакие другие источники сооружение крымцами «окопов» на пути русской армии не подтверждают.

¹⁹⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. С. 440. В.Д. Смирнов отмечает, что в хронике Силахдара Фындыклылы есть обширный, на три листа, текст, в котором «подробно описано отражение и преследование русских крымцами». Историк, к сожалению, не стал его пересказывать.

¹⁹⁵ См. об этом памятнике подробнее: Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М., 2009. С. 121–126.

¹⁹⁶ Негри А. Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844. С. 389.

¹⁹⁷ Гордон П. Дневник, 1690–1695 / пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Г. Рыженков. М., 2014. С. 41.

дополняет это описание рядом иных деталей: стычки проходили главным образом с авангардом Новгородского разряда А.С. Шеина. Русские дали залп по гарцевавшим татарским всадникам из пушек, а затем добровольцы выезжали пикироваться с ними в поле. Гордон отмечает неорганизованность и сумятицу в царских отрядах в ходе сражения 15 мая¹⁹⁸. Возможно, в этих стычках Новгородский разряд понес большую часть своих потерь, которые в целом, начиная с 15 мая, были довольно небольшими: 20 человек убитых, 31 раненый, 10 без вести пропавших, 15 пленных. Более всего пострадали рейтары полка А.Ф. Траурнихта, чьи потери составили 11 раненых и 8 убитых¹⁹⁹. В стычках с татарами 15 мая участвовали также московские чины Большого полка и их боевые холопы. «На первом бою» пали вооруженные слуги поручика стольника С.П. Бахметева и В.В. Шипалова (оба из жилецкой роты стольника Г.М. Бахметева) Тимошка Яковлев и Андрюшка Обросимов²⁰⁰; человек Ф.С. Карцова Пименко Пахомов (рота князя С.Ю. Жирово-Засекина) был «на бою» взят в плен²⁰¹; человек командира роты князя Ю. Щербатого «пропал на бою без вести»²⁰². В этот же день был убит один из представителей столичной знати — стольник А.И. Голенищев-Кутузов²⁰³.

Русско-крымские бои подробно описывает французский дипломат Фуа де ла Невилль (хотя и не дает четкой хронологии), получивший информацию от польского резидента в Москве, который, в свою очередь, мог общаться с какими-то участниками похода, главным образом служивыми иноземцами-католиками. Согласно Невиллю, 15 мая (у французского дипломата — 13 мая) московское войско выступило из лагеря в следующем порядке: «Обозы в сопровождении пехоты и артиллерии находились справа, а конница и дворяне держались с левой стороны каждого полка. Московский (Большой. — *Авт.*) полк под командованием Голицына был в середине, Новгородский — справа, полк гетмана — слева. Левее гетмана стояли Шереметев и Долгорукий, Неплюев находился в арьергарде». Сначала крымцы отвлекающим маневром атаковали авангард Новгородского разряда, а затем нанесли основной удар по левому флангу, где располагался малочисленный Казанский разряд, обратив его в бегство и захватив часть обоза. После контратаки русских сил они отошли, открыв путь армии на Черную долину, где войска расположились лагерем «ввиду близости воды»²⁰⁴. Это описание подтверждает свидетельство Гордона об участии

¹⁹⁸ Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 195.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 67–71.

²⁰⁰ Там же. Л. 1.

²⁰¹ Там же. Л. 30.

²⁰² Там же. Л. 54.

²⁰³ Там же. Л. 3.

²⁰⁴ Де ла Невилль. Записки о Московии / отв. ред. В.Д. Назаров, Ю.П. Калинин; предисл., подгот. текста, пер. и коммент. А.С. Лаврова. М.: Долгопрудный, 1996. С. 145–146. Схожим образом расположение полков описывает бранденбургский дипломат И. Рейер (Большой полк — в центре, Новгородский разряд — справа, Казанский — слева, впереди — Мазепа, в арьергарде — Рязанский и Севский разряды), однако его описание предшествует изложению самого похода. Выше, однако, было показано, что все разрядные полки соединились лишь у Новобогородицка, из чего следует, что указанный порядок движения мог вполне относиться ко времени, когда армия подходила к Перекопу. См.: Kwiatkowski K. Informowanie o wyprawie wojennej w końcu XVII w. — przypadek Johanna Rejera i kampanii krymskiej 1689 r. // Klio — Czasopismo Poświęcone Dziejom Polski i Powszechnym. 2021. T. 59. Nr 3. S. 98–99, 110. См. также описание И. Рейером первого дня битвы: Ibid.

в боях Новгородского разряда. Что касается упомянутой французским дипломатом атаки на Казанский разряд, то шотландец ничего о ней не пишет. Более того, это событие совершенно не подтверждается именной поденной росписью потерь Казанского разряда, согласно которой 15 мая в войске Шереметева погиб один человек — жилец Аника Парфеньев сын Шубин, застреленный из лука, и еще один — стряпчий Владимир Родионов сын Пофиснев (Похвиснев) был таким же способом ранен («левой кострец пробит насквозь»)²⁰⁵. Скорее всего, Невилль дважды ошибочно описал одно событие — нападение крымцев на Казанский разряд — как случившееся 15 и 16 мая, хотя в действительности оно произошло во второй из этих дней.

Изложенный выше общий ход событий 15 мая подтверждается и еще одним источником — письмом брацлавского стольника С. Глосковского, который был выслан коронным гетманом С. Яблоновским в войско Голицына в качестве резидента и 17 июня находился в Кременчуге. Свои сведения он получил от переяславских казаков, ехавших из русского войска во главе с наказным переяславским полковником Момотом (сопровождал до Новобогородицка сеунщиков от Голицына, бояр и Мазепы). Глосковский также пишет о боях с участием Новгородского разряда. Татарское войско «uderzyło tedy naprzod wielkim impetem na dywizję Szehona (Шейна. — *Авт.*), [ale ci] o samę czostki oparszy sie piechotą, bardzo dobrze i sprawnie ognia gęsto dając, nie mało ordy narażyli» («ударило тогда вперед с большой силой на дивизию Шейна, но их пехота, укрывшись за рогатками, очень хорошо и ловко открыла густой огонь и положила немало орды»)²⁰⁶.

16 мая, когда русское войско выступило вперед по Черной долине, «в 5 часу дни пришел на... великих государей рати... хан же крымский со всеми вышеупомянутыми ордами и имел с нами бои великие и жестокие на пути весь день», — сообщал Голицын. В ходе кровопролитных боев крымцы, как и в предыдущий день, были «принуждены боевое место, на котором жестокими напусками стояли упорно... оставить». Армия расположилась на ночлег, «не дошед до Колончака в степи»²⁰⁷. Мазепа об этом бое писал: «хан крымской со всеми ордами зашел нам дорогу и имел с нами бой сильный и зело великие чрез весь день чинил напуски, хотя упорною дерзостью разрывать полков наших обозы». Татары отступили лишь «в вечернее время», дав возможность русскому войску разбить лагерь «на ночь в диких полях, не дошед Каланчака, на безводных местех»²⁰⁸. «Записка... мерным верстам» добавляет, что 16 мая войска прошли с боем 9 верст, в этот день прошел дождь, а «Ахтырской и Сумской полки много татар побили в обозе у себя»²⁰⁹.

Даже эти скудные сведения, пробивающиеся сквозь бравурный тон официальных реляций, показывают, что второй день битвы был значительно более напряженным. Крымцы не просто пытались задержать продвижение русских войск, маневрируя вокруг «вагенбурга», а предприняли на него несколько атак, пытаясь разорвать кольцо обозных телег и ворваться внутрь русских боевых порядков. Более того, они даже сумели сделать это в месте расположения Сумского и Ахтырского слободских полков.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 73.

²⁰⁶ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. 7 / изд. П. Гильденбрантом и А. Миротворцевым. Вильно, 1870. С. 164.

²⁰⁷ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 370.

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 326–328.

²⁰⁹ Лаврентьев А.В. «Мерное колесо»... С. 147.

Эти предположения подтверждаются, если обратиться к другим источникам. «Краткая история крымских ханов» изображает бой в Черной долине как отчаянную попытку Селим-Гирея дать русским генеральное сражение. Решение об этом было принято в ходе ночного военного совета (в ночь с 15 на 16 мая), на который были собраны «эмиры и высшие чиновники и султаны». По общему согласию было решено «оставаться на месте, ночь провести в молитве, а с наступлением утра ударить на неприятеля». «Мы воины, — говорили они (участники совета. — *Авт.*), — за царство мусульманское и за веру Магометову не пожалеем ни голов, ни душ наших. Нагрянем на презренных врагов, как день последнего суда, покроем головы их позором, и спасем народ правоверный!» Глаза хана при этих словах наполнились слезами, а сердце жаждою крови. «И я вместе с вами положу живот мой за веру Магометову», — сказал он»²¹⁰. Подобное поэтическое описание, может и не достоверное в конкретных деталях, в целом, как представляется, адекватно передает намерение крымского войска попытаться дать русской армии крупное сражение на подступах к Перекопу.

Крымско-татарское войско было поделено на три части («полка»): первую возглавил Селим-Гирей, вторую — калга Девлет-Гирей, третью — нураддин Азамат-Гирей и племянник хана — Шагин-Гирей (сын Селямет-Гирея). «С криками: *Бисмиллах* (во имя Божие), *Ла илаг иллаллах* (нет божества, кроме Аллаха) и *Аллах, Аллах, Аллах!* (во всех случаях курсив переводчика. — *Авт.*) устремились мусульмане на стан неприятельский и произвели такое поражение, что зеленую равнину Ферхкерманскую обратили в цветник красных тюльпанов или, вернее, в море крови», — повествует «Краткая история». Особенной храбростью отличался нураддин Азамат-Гирей (он же наиболее решительно высказывался в пользу генерального сражения). Крымцы сумели захватить у неприятеля тридцать пушек, нанести ему тяжелые потери и взять в плен 1 тыс. казаков²¹¹. Другой историк Крымского ханства, Халим-Гирей (1772–1823), описывая трехдневные бои более обще, сообщает, что именно Азамат-Гирей, спешившись, возглавил воинов, атаковавших русский обоз, ворвавшихся в его центр и захвативших пушки и пленных²¹².

В целом это не противоречит известиям Невилля, который дает, пожалуй, наиболее подробную картину боя в Черной долине. Русское войско продвигалось укрепленным обозом, который сначала «татары не могли прорвать». Поэтому первоначально главным объектом татарской атаки стала русская конница, остававшаяся «за

²¹⁰ *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи... С. 389. Возможно, именно про этот совет Сейид Мухаммед Риза писал, что на нем хан плакал «и у него волосы лезли» (*Смирнов В.Д.* Крымское ханство... Т. 1. С. 440).

²¹¹ *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи... С. 389–390.

²¹² *Халим Гирай-султан.* Розовый куст ханов, или История Крыма / транскрипция, пер. переложения А. Ильми, сост. приложений и пояснения К. Усеинова; под общ. ред. Н.С. Сейтязева. Симферополь, 2008. С. 92–93. Еще менее подробно повествует о боях 15–17 мая крымский историк XVIII в. Абдулгаффар Кырьми. Он также подчеркивает мужество калги и нураддина. См.: *Абдулгаффар Кырьми.* Умдет ал-ахбар. Кн. 2: Перевод / пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Мингалеева; общ. и науч. ред., предисл. и коммент. И.М. Мингалеева. Казань, 2018. С. 118. См. также: *Абдужемилев Р.Р.* Оборона пограничных крепостей Османской империи и Крымского ханства в 1689 и 1695 гг. По данным хроники «тарих-и Мехмед Герай» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2020. Т. 6 (72). № 4. С. 6–7. Пересказанный исследователем пример мужества Азамат-Гирея, описанный в хронике, отосится все же к бою в Черной Долине, а не к обороне Перекопа, как представляет автор.

пределами укреплений», которую атаковали три-четыре татарских отряда по 1 тыс. человек каждый. Московские всадники не выдержали натиска и бросились под защиту укрепленного обоза, преследуемые крымцами. Чтобы остановить последних, из лагеря открыли огонь из пушек и мушкетов, уложив на месте не только немало татар, но и «множество московитов», которые, таким образом, «были убиты своими же». В этот момент крымцы под командованием нураддина атаковали расположение Большого полка со «стороны казаков из Сум и Ахтырки». По утверждению Невилля, этот участок обороны лагеря был поручен Е.И. Украинцеву. Тот, «неопытный в военном деле, как истинный московит, так смешался, что не смог выдержать натиска неприятеля». Начался жестокий и кровавый бой: слободские обозы «были опрокинуты, множество убитых лошадей перекрыло путь к бегству». Крымцы захватили 20 пушек вместе повозками, на которых они были расположены, и запряженными в них лошадьми. От еще большего ущерба Сумский и Ахтырский полки спасли части Рязанского разряда В.Д. Долгорукова (по свидетельству И. Рейера, бывшие в арьергарде, то есть рядом), подоспевшие на выручку. Невилль писал, что, если бы не Долгоруков, «все эти казаки были бы изрублены в куски»²¹³. Крайне скромные боевые потери Рязанского разряда за май 1689 г. — 3 убитых, 12 раненых и 1 попавший в плен²¹⁴ — свидетельствуют, впрочем, что указанная поддержка если и была оказана, то скорее ружейным и пушечным огнем.

Несколько иначе сражение в письме графу Эрроллу описывает П. Гордон (дневниковые записи за этот день не сохранились). Согласно его свидетельству, 16 мая «хан предстал перед нами самолично со всеми своими силами», двигаясь «по правую руку» от русского войска. Около полудня татары воспользовались внезапно разразившимся ливнем и «с изумительной быстротой и отвагой ударили в тыл нашего левого крыла и загнали всю нашу конницу и пехоту в вагенбург, откуда пушечным и ружейным огнем были отражены с большим уроном». Вторая фаза боя, согласно Гордону, состояла в удачной атаке крымцев, двигавшихся «вдоль тыла армии по нашу левую руку» на Сумский и Ахтырский полки, расположенные в тылу наступающей армии и не имевшие «надежной охраны» и защиты в виде обозных телег. «Татары прорвались, — пишет Гордон, — перебив много людей и еще больше лошадей и скота, но задержались недолго. При отходе они понесли великий урон от непрестанного грома из пушек и мушкетов»²¹⁵.

Свидетельство еще одного очевидца боя 16 мая приводит Епископ Филарет (Гумилевский) в своем краеведческом труде о Харьковской епархии. Это послание, полученное чугуевским воеводой С.Б. Ловчиковым 7 июня 1689 г. с Карачекрака (у автора ошибочно — Карапарчак), то есть через короткое время после боя, от некоего Ивана Артемьевича (видимо, кто-то из слободских старшин). Текст этот довольно сумбурно и в целом неверно описывает события второго Крымского похода, однако его известие о погроме сумцев и ахтырцев по крайней мере частично заслуживает доверия, как согласующееся с другими источниками: «орда, выбачивши час, в дождевую тучу ударили на зад войска, на полк Сумской и на полк Ахтырской. И с тех

²¹³ *Де ла Невилль*. Записки о Московии. С. 147. Упоминание о русских, погибших от друженственного огня 16 мая, возможно, содержится в следующем пассаже письма С. Глосковского: «Szeremetew i Nepluiow tam powiadają, nie mało Moskwy porazili, że nie prętko dosprawy przyszli» («Шереметев и Неплюев там, говорят, немало московитов поразили, что они не быстро вернулись в строй»). См.: Археографический сборник... Т. 7. С. 164.

²¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 107, 104–106.

²¹⁵ *Гордон П.* Дневник, 1690–1695. С. 41–42.

двоих полков заледво полтриста (250. — *Авт.*) человек осталось в живых. И самого полковника ахтырского (И. Перекрестов. — *Авт.*) ранено в плечи (в спину. — *Авт.*). И на том бою полковники бубны и пушки, и знамена втратили»²¹⁶. Учитывая, что во втором походе 1689 г. численность Сумского полка составляла 6 тыс. человек, а Ахтырского — 4 тыс.²¹⁷, данные грамотки об оставшихся в живых казаках следует признать преувеличенными. Но все же потери были значительными. В общем списке потерь русского войска львиную долю убитых и раненых составили именно «черкасы» Сумского и Ахтырского полков: 142 убитых, 12 пленных, 563 раненых²¹⁸.

Похожее описание крымской атаки на Сумский и Ахтырский полки, данное Глосковским, новых подробностей для описания сражения не содержит²¹⁹. Вместе с тем этот резонансный эпизод сражения 16 мая получил отражение в казацких летописях, добавляющих к его описанию ряд деталей. Самовидец отмечает, что татары сначала начали ложную атаку на Стародубский и Прилуцкий полки, однако затем «отвернувши» и «скочивши на полк Сумской и Охтырский, там шкоду великую учинили»²²⁰. Самуил Величко добавляет, что хан решил ударить на слобожан как раз во время разразившегося ливня, усмотрев «нестроение» в их рядах, а от окончательного поражения их спас не Рязанский разряд, а присланные Мазепой (в ответ на «слезное прошение» ахтырского и сумского полковников) сердюки, которые отогнали татар, открыв по ним огонь из мушкетов²²¹.

Погромом слободских полков дело 16 мая не кончилось. Невилль сообщает также, что другой татарский отряд прорвался к русскому обозу в месте дислокации войск Казанского разряда Б.П. Шереметева, но тот «перенес удар поистине с большим мужеством, чем Емельян, и, наконец, принудил татар отступить»²²². Судя по сводной именной росписи потерь, полку Шереметева действительно пришлось нелегко в этот день, однако масштаб столкновения и понесенный русской стороной ущерб не стоит преувеличивать. Характер ранений показывает, что крымцы осыпали полки Казанского разряда тучей стрел, но на прямое столкновение с русскими боевыми порядками решились немногие из них. Подавляющая часть ранений сол-

²¹⁶ [Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение III. Уезды Ахтырский и Богодуховский, Сумский и Лебединский. М., 1857. Стб. 39.

²¹⁷ См. данную главу, с. 182–183.

²¹⁸ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 374.

²¹⁹ Татары «odwróciwszy się, uderzyli na pułk Szumski i Achtyrski, poboczną straż trzymających; zaraz się w tabór włamali, wiele szkody bardzo w ludziach tych dwóch pułkach uczynili; powiadają, że i armatę J.M. zabrali i uwięzli». Археографический сборник... Т. 7. С. 164. Следует отметить, что Глосковский не разделяет бои 15–16 мая, описывая их как события, состоявшиеся в один день.

²²⁰ Літопис Самовидця. Видання підготував к.ф.н. Я.І. Дзира. Київ, 1971. С. 149.

²²¹ Величко С. Літопис / упор. Г. Боряк и Т. Таїрова-Яковлева. Київ, 2020. С. 636. О гетманских сердюках, пришедших на помощь ахтырцам и сумцам, пишет также Г. Грабянка: *Грабянка Г.* Летопись гадячского полковника Григория Грабянки. Киев, 1853. С. 236. Любопытно, что известие о незадачливом начальнике над слобожанами, думном дьяке Емельянове (речь, несомненно, об Е.И. Украинцеве), который «надежно лучше умел пером, нежели шпагою, работать», попала в компилятивное сочинение П. Симоновского, который вряд ли знал записки де Невилля. См.: *Симоновский П.* Краткое описание о козацком малороссийском народе и военных его делах, собранное чрез бунчукового товарища Петра Симоновского, 1765 года. М., 1847. С. 117.

²²² Де ла Невилль. Записки о Московии. С. 147.

датами и офицерами была получена от выстрелов из лука, и лишь единицы были ранены от ударов копьями («пробита голова копьем») или саблями²²³. Эта информация позволяет уточнить рисунок боя, сводившийся именно к интенсивному обстрелу из луков полков Шереметева татарскими отрядами, поочередно приближавшимися к боевым порядкам Казанского разряда на необходимое расстояние²²⁴ при довольно спорадических рукопашных схватках и интенсивном ружейном и пушечном огне с русской стороны по гарцующим татарам. Особенно в этой атаке досталось рейтарскому полку Данилы Цея, укомплектованному служилыми людьми из Галича, Вологды и Белоозера, Курскому рейтарскому полку Ивана Гопта (куряне, ефремовцы и козловцы), Касимовскому солдатскому полку Б. Беника и копейной шквдроне полуполковника Александра Шарфа.

Тяжело был ранен подполковник полка Цея Л.А. Сытин («ранен тяжелую раную»). Ранения получили еще ряд офицеров: ротмистры И.С. Фандерберхов («пробита левая рука в мышку да правая нога, икра пробита») и Ф.С. Гневышев, капитан-поручик А.А. Остолопов, поручики Д.А. Кольчугин, В.И. Брянченинов («голова пробита со лба, а [стрела] вышла в правое ухо, рука правая пробита насквозь»), С.М. Полозов, прапорщики В.М. Чернавский («правая рука, плесно насквозь пробито, да левая нога ниже колена пробита насквозь же, раны тяжелы») и Д.С. Баскаков²²⁵. Рейтар было ранено 48 человек (и лишь один записан как раненый копьем), некоторые получили по две стрелы, а галичанин Ларион Шулепников имел «шесть ран стрелных в спину, раны тяжелы». При этом убитых в полку было не много: 5 человек — трое галичан и двое вологжан²²⁶. У рейтар Гопта потери в офицерском составе были не так значительны, но все же заметны: ранены оказались 4 поручика (С.Ю. Сангер, П.Н. Процкой, Г.И. Карен, Ф.П. Мей) и 2 прапорщика (Д.И. Букреев и Г.К. Веневитинов). Причем Федор Петров сын Мей, судя по описанию его ран, попал в серьезную переделку: «ранен на шее в дву местех, поколоно копьем, да на правом плече да на локте порублено саблею, да на спине по правую сторону поколоно копьем наискось, да на левом плече в двоим месте подле шеи и по суставу порублено саблею, да на правой ноге выша колена в двоим месте поколоно копьем наискось, раны тяжелы». Рядовых в полку Гопта было ранено 67 человек (из них — 62 из лука), при этом многие легко, а в шквдроне А. Шарфа — 22 копейщика (из них 21 — из лука)²²⁷. В полку Б. Беника ранены были двое офицеров, майор-иноземец С.Ф. Федоров («ранен копьем по горлу») и поручик «из русских» В.Д. Инин («ранен из лука в кишку выше пупа»), а также и 27 солдат (26 — из лука)²²⁸. При этом убитых во всех трех формированиях не записано ни одного.

²²³ Сабельных ран зафиксировано всего семь (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 86, 87, 88, 90, 101), причем все, кроме одной, были получены рейтарами из полка Гопта, включая поручика Ф.П. Мея. Видимо, именно они более других выезжали биться с гарцевавшими вблизи от русских порядков крымцами. Особенно не повезло рейтарам З.И. Лесному, у которого «левая рука по локоть обрублена саблею» (Там же. Л. 86), и Г.Г. Гнездилову: «голова сзади по затылку разрублена саблею, да левая щека розрублена саблею ж, да правой костец поколоно копьем двожди, да левая нога ниже колена пробита из лука» (Там же. Л. 88).

²²⁴ Описание данной тактики см.: *Шейхумеров А.А.* Армия Крымского ханства. С. 140–144.

²²⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 78–79.

²²⁶ Там же. Л. 79–83.

²²⁷ Там же. Л. 83–94.

²²⁸ Там же. Л. 103, 102, 101, 98 (правильная последовательность листов).

В меньшей степени татарская атака затронула другие полки Казанского разряда: рейтарский Христофора Ригимона, стрелецкий С. Кровкова и два солдатских полка — Воронежский А. Девсена (Девсона) и Симбирский Е. Линстера (Липстрома). Полк Ригимона понес заметные потери ранеными в офицерском составе: легко ранен из лука майор О.В. Линенбек, «из лука в голову выше затылка» — ротмистр И.Д. Некрасов, из луков же были ранены поручики Н.Я. Кулагин и Г.Т. Безпорточной («в левую ногу в стегно против естества»), а также пятеро прапорщиков. Рядовых рейтар было ранено 11 человек (10 — из лука), убито — пятеро (каким образом — не указано)²²⁹. В стрелецком полку Кровкова были ранены капитаны Е.А. Бехтеев, Л.Т. Шестаков и М.И. Шестаков и двое стрельцов (все из лука, причем Бехтеев — 2 раза)²³⁰. В Симбирском полку Линстера (Липстрома) был ранен поручик В.К. Ванцев (из лука «ниже левой титки» в двух местах и копьем в спину) и 7 солдат (все из лука), 2 убиты, 2 пропали без вести; в Воронежском полку А. Девсина (Девсона) ранен был и вовсе один солдат²³¹.

Об ответе на татарские стрелы интенсивным ружейным и артиллерийским огнем свидетельствуют ранения нескольких служилых людей: трое стрельцов полка С. Кровкова были «на бое опалены зельем», у одного солдата полка Беника — И.К. Щедрина было «из пушки ополено лицо»²³². При этом огнестрельные ранения присутствовали и у ратных людей Казанского разряда: 16 мая из пищали были ранены городской дворянин из Ржевы-Володимеровой А.И. Болкавин, рейтары полка Гопта П.В. Григорьев («ранен в левое плечо ис пищали и пулка стоит в нем») и А.В. Поминов, рейтар полка Ригимона Я.М. Мишуков («в голову выше правой брови») и солдат Воронежского полка А.И. Миронов²³³. Были ли это результаты «дружественного огня» либо редкого обстрела русского войска немногочисленными вспомогательными османскими отрядами, остается только гадать.

Вышеописанный характер боя определил небольшое число потерь, которые полк Шереметева 16 мая понес убитыми (16 человек) при впечатляющем количестве раненых — 234 человека. Это среди прочего показывает и невысокую эффективность обстрела из луков боевых порядков противника с целью нанесения ему именно безвозвратных потерь (впрочем, при тогдашнем уровне медицины, когда значительная часть тяжелораненых впоследствии умирала из-за сепсиса, часть санитарных потерь могла в скором времени превратиться в безвозвратные), в то время как русский артиллерийский и ружейный огонь должен был быть в этом плане гораздо более результативным, о чем свидетельствует и такой заслуживающий доверия наблюдатель, как Гордон.

Невилль тем не менее замечал, что крымцы, несмотря на отступление и, следовательно, поражение в битве, добились «преимуществ» и захватили добычу, а русским, разбив лагерь, еще предстояло озаботиться поисками воды²³⁴. После битвы состоялись похороны тел погибших сумцев и ахтырцев. Эти полки везли на своих повозках легкие суда, возможно для десанта за Перекоп, но теперь из-за массовой гибели полковых лошадей в ходе сражения их пришлось изрубить и сжечь²³⁵.

²²⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 96, 95, 97 (правильная последовательность листов).

²³⁰ Там же. Л. 103.

²³¹ Там же. Л. 99–100.

²³² Там же. Л. 101, 103.

²³³ Там же. Л. 74, 85, 92, 95, 99.

²³⁴ *Де ла Невилль*. Записки о Московии. С. 147.

²³⁵ *Величко* С. Літопис. С. 637.

17 мая, переночевав, русское войско выступило к р. Каланчак. В официальной отписке Голицын вновь сообщает о тяжелых боях с татарами, которые пытались не допустить продвижения армии вперед. По словам главнокомандующего, его войска тем не менее крымцев «побили многих и живых поймали» и «то поганство с жестоким и кровавым боем прогнано». В итоге московские отряды, ведя «во весь день кровавые бои», вышли к Каланчаку, а татары «побежали за Колончак к Перекопи»²³⁶. Мазепа в третьем сеунче писал, что в результате натиска царской армии татары, «не могуще отстоятися, скорым скоком ушли за Каланчак и бежали за самой Перекоп, а мы с войсками вашего царского пресветлого величества, того ж числа став на Каланчаке, ночлег отправили»²³⁷.

П. Гордон характеризует бои 17 мая как гораздо менее интенсивные. Русское командование, учитывая урок предыдущего дня, поместило всех конников «внутри вагенбурга, ибо они были неспособны противостоять налетам татар». Армия двигалась «в добром строю», неприятель появлялся в видимости войск, но не шел на сближение. Весь день крымские отряды кружили вокруг, уйдя вечером в сторону Каланчака. Войско Голицына разбило на Каланчаке лагерь «при желанном запасе травы и воды, но без леса»²³⁸. Гордону вторит сообщение Невилля, сообщающего, что внутри обоза была помещена не только вся конница, но и «все войска, которые до той поры шли раздельно, объединились в одно, которое составляло более 200 000 повозок, расставленных в каре» (число повозок явно преувеличено). Повозки двигались в сопровождении артиллерии и пехоты, которая «несла на плечах рогатки, чтобы быть готовой сразу поставить укрепление». Крымцы «появились вновь и обошли всю армию кругом», но, не найдя конницы «вне обозов», ушли к Перекопу²³⁹. Самовидец, также сообщая, что ханское войско кружило возле московской армии, подобрав трупы погибших накануне татарских воинов, добавляет к этому, что русские артиллеристы «мощно» обстреливали гарцевавшие невдалеке татарские отряды из пушек²⁴⁰. Все остальные источники специально никак не описывают бои 17 мая, а известия Гордона и Невилля заставляют усомниться в сообщении официальных сеунчей о кровавых сражениях в этот день. Речь в лучшем случае могла идти о мелких стычках и перестрелках. Это подтверждают отчасти и данные о потерях русской армии²⁴¹. Так или иначе, 17 мая следует признать последним днем, когда русская армия входила в прямой контакт, в том числе огневой, с противником на своем пути к Перекопу.

В целом на основе имеющихся источников, совпадающих во многих деталях либо содержащих уникальные данные, не противоречащие друг другу, сражения 15–17 мая могут быть реконструированы более-менее целостно. Важную роль в них играют данные о боевых потерях русской армии, распределенные по главным формированиям — разрядным полкам, показывающие вовлеченность в бои с татарами каждого из

²³⁶ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 371. «Записка... мерным верстам» лишь кратко отмечает, что 17 мая «был бой».

²³⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 329–331. Третий сеунч Мазепы заканчивается изложением событий 18 мая.

²³⁸ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 42.

²³⁹ Де ла Невилль. Записки о Московии. С. 148.

²⁴⁰ Литопис Самовидця. С. 149.

²⁴¹ 17 мая крымцы ранили из луков двух слуг московских чинов из Казанского разряда — человека стольника князя И.А. Мещерского Мелешку Сухочева («спереди в левое плечо да ззади в правое плечо») и человека стряпчего В.К. Павлова Ермошку Елизарова («в брюхо... по левую сторону пупа»). См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 76.

них (подробный разбор этих источников см. далее в специальном разделе). Помимо уже отмеченных потерь Новгородского и Казанского разрядов, следует отметить потери Севского разряда за 15–16 мая: 28 тяжелораненых, 77 легкораненых, 4 убитых. Возможно, что он также подвергся обстрелу из луков в ходе атаки татар на Сумский и Ахтырский полки 16 мая. Еще более незначительными за весь май были потери копейных, рейтарских и солдатских полков Большого полка — 8 убитых, 35 раненых, 7 пленных и 13 без вести пропавших (среди последних — квартирмейстер одного из полков); Низовой рати — 11 убитых, 13 раненых, 2 пленных. В свете всех этих данных несколько блекнет пафос голицынских сеунчей и крымско-османского нарратива о трехдневных ожесточенных боях и «напусках», оросивших степи морем крови. Как видно, полномасштабного полевого сражения не состоялось — основные русские формирования (Большой полк) в ходе марша 15–17 мая в столкновениях с татарским войском практически не участвовали и атакам крымцев не подвергались.

15 мая подошедшее со стороны Казы-Кермена крымское войско решило провести разведку боем, попытавшись нащупать слабые места двигавшейся к Перекопу голицынской армии. Татары сделали попытку сблизиться с русскими войсками на правом фланге, где располагался авангард Новгородского разряда, но, встретив сильный артиллерийский и ружейный огонь, отступили. Бои первого дня должны были дать достаточное представление Селим-Гирею и его советникам о мощи русской армии и ее решимости дойти до Перекопа. Не случайно османско-крымская нарративная традиция в столь драматичных тонах описывает состоявшийся накануне битвы в Черной долине военный совет хана и татарской знати, настроенной дать противнику генеральное сражение на подступах к полуострову. Оно, впрочем, свелось к попыткам татар атаковать на отдельных участках уверенно продвигавшийся вперед вагенбург, осыпая его стрелами и пробуя на прочность обозы каждого из разрядных полков в попытке выбрать место для прорыва. Тактика эта широко использовалась армией Крымского ханства²⁴². И все же бой в Черной долине был самым крупным сражением второго Крымского похода. Оно началось со стычек татар с шедшей рядом с возами русской конницей. Ее отступление, временами превращавшееся в беспорядочное бегство, открывало крымцам возможность прорваться сквозь цепь телег на плечах противника. Подобные попытки отбивались ружейным огнем, однако разразившийся ливень позволил прорвать порядки Большого полка с тыла, там, где располагались казаки Сумского и Ахтырского полков, боеспособность которых источники характеризуют не лучшим образом. Ожесточенное сражение в обозах слободских полков, среди опрокинутых возов и трупов лошадей стало кульминацией битвы и первоначально принесло крымцам успех в виде захваченных орудий и пленных. На помощь тылу Большого полка пришли, видимо, расположенные на флангах сердюки Мазепы и отряды Рязанского разряда В.Д. Долгорукова. Они отогнали противника ружейным огнем, однако, думается, что последний мог ретироваться и сам, захватив достаточные трофеи. Второй такой попыткой была атака на Казанский разряд, однако здесь, осыпав русские полки тучей стрел, крымцы прорвать обоз не сумели. Главной причиной этого, судя по всему, стал плотный ружейный и артиллерийский огонь. Сражение в Черной долине показало хану Селим-Гирею и его приближенным невозможность не только переломить ход кампании военным способом, нанеся войску Голицына крупное поражение, но даже остановить его продвижение к Перекопу. Тем более что 17 мая это стало еще труднее сделать,

²⁴² См. подробнее: *Шейхумеров А.А. Армия Крымского ханства. С. 198–212.*

чем в предыдущий день, когда русская армия объединила все «вагенбурги» в один, поместив внутри и конницу, что лишало татар возможности завязать кавалерийский бой на подступах к укрепленному обозу. Видимо, поэтому Селим-Гирей решил в более крупное сражение с войсками Голицына не вступать, а крымские отряды кружили вокруг продвигавшейся к Каланчаку армии не столько в стремлении атаковать ее, сколько для сбора тел погибших. Крымцы в течение этого дня обстреливали из лука отдельных солдат и офицеров, отбившихся по каким-то причинам от основного войска, и вступали в схватки с выезжавшими за пределы обоза добровольцами. Русские, укрывшиеся за рядами телег, обстреливали подходивших на небезопасное расстояние татар из ружей и пушек. К концу дня хан и его войско отступили за Перекоп, планируя оборонять его перед наступающей армией Голицына.

Мы не знаем потерь атаковавших крымцев, однако они, как представляется, должны были быть значительными. Именно с боями 16 мая казацкая летописная традиция связывает гибель ханского сына, труп которого Селим-Гирей сумел подобрать (вместе с телами других знатных татар, в том числе сына перекопского бея) на следующий день²⁴³. Не исключено, что крупные потери татар стали одной из причин формирования героического нарратива об упорном и кровавом сражении в Черной долине (это, как показано выше, было не совсем так). Уже в первые дни после боев 15–17 мая в Крыму циркулировали многочисленные слухи и сообщения на этот счет, впоследствии доходившие до ушей русского командования через посредство выходцев из крымской неволи и разведчиков, специально высланных в расположение противника для сбора информации (хотя никто из них очевидцем сражения не был). Наиболее подробное описание принадлежит А. Ишкову: «А как де царского величества ближние бояре и воеводы, а имянно ближней боярин и оберегатель князь Василей Васильевич Голицын с товарищи, пришед с ратными людьми близ крымских юртов на урочище Зеленую Дуброву и Черную долину и на иные места и под самую Перекопю, имели с ним ханом и калгою и нурадыном и при нем будучими многими ордами великие и кровавые бои, и на тех боях милостию Божиею и счастием великих государей побили тех поганцов множество, самых знатных особ и посполитых людей, также и ранено множество, которые едва от тех ран будут живы, а имянно у самого хана на тех боях ис пушки у левой руки кисть оторвало (курсив наш. — Авт.), а нурадын салтан²⁴⁴ да ханской зять и иные ближние ево побиты до смерти, да знатных мурз и приводцов добрых побито с 9 человек, которых привезли в Крым на телегах мертвых». Ишков уверял, что про все это он «ведает подлинно», добавляя, что «которые татара менших чинов и на тех ж боях побиты и тех за множеством в Крым не возили, а зарывали на тех же местех в полях»²⁴⁵. Некий Петрович, ездивший с запорожского коша в «Белгородчину», сообщал, что хан якобы «ранен под Перекопью дважды в плечо да в ногу»²⁴⁶. Ему вторят известия татарина Ненисупки, который,

²⁴³ Літопис Самовидця. С. 149. С. Глосковский, впрочем, узнал от казаков, что о ханском сыне одни говорят, что убит, другие — что ему оторвало руку выстрелом из орудия (Археографический сборник... Т. 7. С. 164).

²⁴⁴ Известие о гибели нураддина было явно ошибочным. Азамат-Гирей умер несколько позднее. См.: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство... Т. 1. С. 445.

²⁴⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 197. Л. 126. Отступление крымцев за Перекоп Ишков описывал так: «И по тех великих боях, видя от войск царского величества великие и страшные наступления, а свое изнеможение и страх, хан и калга и прочие с ним с поля побежали в Крым за Перекопъ» (Там же. Л. 126–127).

²⁴⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 205. Л. 27–28.

хотя и не был очевидцем боев («на тех боях не был, а был в жилище своем»), слышал, что Селим-Гирей, присоединившийся к своим войскам около 16 мая, «сам на всех боях был»²⁴⁷. Другие пленники утверждали, что в бою был ранен нураддин (это известие дружно пересказывали русские военачальники в своих сеунчах). Подобные разнообразие свидетельства о мужестве Селим-Гирея, не только участвовавшего в сражениях с русскими, но и получившего ранение (и даже не одно), достаточно логично сочетаются с последующими известиями о его «болезни». Последняя вполне могла быть результатом ранения (см. об этом далее).

18 мая, как сообщал Мазепа, наступающие войска «того поганства, с ханом за Перекоп внутрь Крыму загнанного, под обозами своими не видели, ибо хан велми во отчаянии своем уstraшенный, не выпустил против нас никого из орд своих, но видя уже блиское наступление многочисленных... царского величества сил, стал посады перекопские и деревни ближние жечь, готовяся якобы за валом перекопским... царского пресветлого величества силам отпор давати»²⁴⁸. Невилль пишет, что армия перешла Каланчак вброд, «не встретив ни одного татарина»²⁴⁹. 19 мая войско прошло 6 верст от Каланчака, разбив лагерь в степи «без воды». 20 мая русская армия встала под Перекопом, пройдя от р. Самары 214 верст²⁵⁰.

Крымское войско укрылось на полуострове, население которого охватила паника. Поляк Федор Зароса, попавший в крымскую неволю еще подростком во время взятия Каменца (1672), бежавший оттуда в 1689 г. и допрошенный 27 октября в Батурине, оставил подробное описание тех настроений, которые царили в Крыму во время приближения к нему русских войск: «Когда силы монаршеския их царского пресветлого величества к Перекопу приблизились, в то время по всему Крыму меж татарами великой страх и трепет о своей обороне были и с которого страху все к судам воденым, хто на котором мог спастися, которые знатные и богатые татарове собралися были и совершенно бежать хотели на море, толко бы видели вход войск государских в Перекоп, а убогие татарове, которые отнюдь не имели, чем и за чем побежать, мыслили одни в горы, а другие в городех, на море стоячих, сиречь Кафе, Карасун и иных уходить, неволников также всех вырубить хотели нещадно»²⁵¹. Это подтверждается и другими, менее подробными свидетельствами. «Страх в Крыму... учинился великой, — сообщал А. Ишков, — и перекопские, и бакчисарайские, и иных мест жители из домов своих з женами и з детми и со всеми пожитки, покиня все свои жилища, побежали в дальние места за море и в Козлов, и в ьные крепкие места»²⁵². Селим-Гирей и крымская знать, по его словам, также были напуганы: «хан и все при нем татары будучие говорили, что таких великих побежденей страшных над собою никогда не видали и ныне не чаяли, и побежали в дальние места, оставя все пусто»²⁵³. Татары, взятые в бою у Новобородицка в июне 1689 г., сообщали, что русское нашествие вызывало панику в Крыму: «в Крыму был великой страх и никто не чаял, что им против таких войск устоять», даже

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 205. Л. 225.

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 331.

²⁴⁹ *Де ла Невилль*. Записки о Московии. С. 148.

²⁵⁰ *Лаврентьев А.В.* «Мерное колесо»... С. 147. 19 мая за 7 верст от Перекопа Голицын отправил письмо с кратким описанием боев с татарами патриарху Иоакиму. См.: *Савелов Л.М.* Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687 и 1689 годов // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцать первый). № 40. Симферополь, 1907. С. 18–20.

²⁵¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 205. Л. 62.

²⁵² РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 197. Л. 125–126.

²⁵³ Там же. Л. 128.

торговцы и землепашцы, «оставя дома свои», бежали «в горы дикие, взяв с собою малую рухлядь». Хан «видя такую боязнь и страх, велел те их дворы и деревни жечь и около Перекопи посады и села, и деревни все выжжены без остатку»²⁵⁴. Вышедшие из крымской неволи осенью 1689 г. Дмитрий Волошанин и Хвеско Донец говорили, что «великая зело тревога была в Крыму», когда стало известно, «бутто войска руския идут в Крым Днепром и Дорошенка»²⁵⁵, сказали, бутто с московю идет и того ради зело сплошены были так, что мало у иных духу было»²⁵⁶. Согласно слухам, которые собрали участники похода на Арабатскую косу во главе с лубенским полковником Л. Свечкой, гражданское население Крыма, как и в 1687 г., эвакуировалось с северных районов полуострова в страхе перед русским вторжением: «весь Крым возмущился великою боязнию, жен своих и детей, и невольников повезли даже в Козлов»²⁵⁷. Вышедший из крымского плена в 1690 г. казак Никита Барабаш рассказывал чугуевскому воеводе, что, когда Голицын подступил к Перекопу, «крымские орды все были в страхе, в великой боязни, и хотели с женами и детьми бежать за море, а иные в горы от наступления великих ратных людей. А полоненников всех в то время перековали и пометали в ямы и хотели в тех ямах жечь»²⁵⁸.

Первоначально, по-видимому, Голицын рассматривал возможность прорыва за перешеек. В сопровождении Мазепы и других военачальников он даже выехал на рекогносцировку к расположенной на перешейке Орской крепости, желая «чинить над городом промысл и розъезжали, где б ошанцоватца, так и откуды имать... ратным людем воду и кормы». Однако «по осмотру» оказалось, что гетманским казакам и царским ратным людем «конских кормов взять негде, от самого Коланчака все потравлено и выбито, а наипаче воды достать невозможно, ни речек, ни колодезей нет по сей стороне Перекопи, а с правую сторону подле самыя стены перекопской облило Черное море, а с левую Гнилое, в которых обретаются воды соленые». Селения перед укреплениями на перешейке были выжжены для удобства обороны»²⁵⁹. С. Глоковский сообщал даже о подготовке ночного штурма перекопских укреплений²⁶⁰.

Крымцы, как предстает, уже проявившие упорство в ходе сражения в Черной долине, намеревались оказать сопротивление и после перехода противника через Перекоп, который также не собирался капитулировать. «Краткая история крымских ханов» повествует, что Селим-Гирей и татары, «держа наготове сабли и ружья и ожидая с отчаянием подступления неверных, стали по окраинам рва» Орской крепости, небольшим гарнизоном которой командовал Бегадир-ага²⁶¹. Как

²⁵⁴ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 380.

²⁵⁵ Бывший гетман П.Д. Дорошенко уже несколько лет жил в московской ссылке.

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 205. Л. 30.

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 197. Л. 12.

²⁵⁸ [Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание... Отделение IV. Стб. 132.

²⁵⁹ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 371–372. См. также: Савелов Л.М. Переписка патриарха Иоакима... С. 22; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 333 (сеунч И.С. Мазепы). Невилль отмечал, что артиллерия Орской крепости не добивала до расположения русской армии и потому не открывала огонь, но «с башни, которая находилась у берега моря, постоянно стреляли из пушки» (*Де ла Невилль*. Записки о Московии. С. 148). В реляции И. Рейера сообщалось, что русская артиллерия бомбардировала Перекоп, но это явная ошибка (*Kwiatkowski K. Informowanie o wурgrawie wojennej...* S. 101, 112).

²⁶⁰ Археографический сборник... Т. 7. С. 164.

²⁶¹ *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи... С. 390. См. также: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство... Т. 1. С. 440.

отмечал А. Ишков, «и около Перекопи села и деревни, и слободы выжгли все сами для того, чтоб царского величества войскам в тех жилищах не было пристанища»²⁶². По другому, также несколько преувеличенному, свидетельству пленного донского казака, Селим-Гирей, услышав о приближении московских войск, «зело испужался и велел перекопским жителем жен своих и детей с пожитки отсылать за море, а скот всякой метать, а дворы и всякое строение жечь», что в тот же день и было осуществлено²⁶³. Все это делалось, чтобы затруднить русским войскам приступ к Орской крепости.

Еще в январе 1689 г. в Москве были получены уже упоминавшиеся данные от пленных о состоянии перекопской артиллерии (100 больших и малых орудий). И хотя те же языки сообщали, что после работ по укреплению вала двухлетней давности «около де Перекопи и по валу перекопскому вновь ничего не построено и починки никакой не бывало»²⁶⁴, штурм укреплений на перешейке не обещал быть легким. Ф. Зароса свидетельствовал, что татары собирались оборонять Перекоп, и, хотя в расположенной на перешейке крепости «немного было для обороны янычан», ее гарнизон усилили. По приказу хана туда «силою татар, годных к бою, с оружием побрали и осадили, обещаяся им всякому по пяти левков дати, толко за то самое время, сколко дней в осаде будут от войска государского боронитися»²⁶⁵. По свидетельству Мазепы, Селим-Гирей, «согнав со всего Крыму, как татарской, так греческой, армянской и жидовской породы, с каким хто могл быти оружием, посолство, застановился боронити города и валу перекопского, для чего и посадное поселение перекопское и деревни все ближние, готовящися ко обороне (о чем все языки сказывали), велел выжечь»²⁶⁶.

По свидетельству выходца из крымского плена, смоленского дворянина Поплонского, хан надеялся, что после вторжения в Крым русское войско постигнет катастрофа из-за отсутствия еды и припасов, и потому не принял сражение перед Перекопом²⁶⁷. «Записка государевым мерным верстам...» отмечает безводье земель возле Перекопа²⁶⁸,

²⁶²РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 197. Л. 127.

²⁶³Розыские дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках. Т. 3. СПб., 1888. Стб. 935–936.

²⁶⁴*Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 204. В сентябре 1688 г. уже упоминавшийся казак А. Рудый также уверял дьяков Посольского приказа, что «самой Перекопи татары не починивали и какова она была до сего времени, такова и ныне» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 189). См. также свидетельство А. Чумалеева на с. 210.

²⁶⁵РГАДА Ф. 229. Оп. 1. Д. 205. Л. 62.

²⁶⁶РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 334.

²⁶⁷*Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. История России с древнейших времен. Т. 13–14. М., 1991. С. 396. Выходец из крымского плена Ф. Зароса заявлял уже после окончания похода, что в 1689 г. «в Крыму, так и в Белгородчине зело изобилие было на всякой хлеб и на траву» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 205. Л. 64). Его слова подтверждал пленный татарин Нарик Суфу: «Хлебородие всякого хлеба сеголетнее зело похваляет, что изобилно было, по которому хлебородию нет никакой в живностях скудости» (Там же. Л. 220). Эти данные, однако, совершенно противоречат показаниям А. Ишкова, говорившего, что в 1689 г. в Крыму «голод великой и помирают от голоду многие люди, и на малую часть хлеба или муки промеж себя в место денег отдают детей своих и полонянников, так ж и лошади, и скот от голоду померают же» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 197. Л. 130). Первые два свидетельства, как представляется, заслуживают больше доверия.

²⁶⁸*Лаврентьев А.В.* «Записка...». С. 147.

о том же свидетельствовали гетман Мазепа²⁶⁹, татарские пленные, взятые в июне 1689 г.²⁷⁰, а позднее — один из военачальников похода, В.А. Змеев²⁷¹, хотя, по свидетельству другого его участника, капитана Василия Сапогова, «нужды никакой ратным людям с первого дни (прихода под Перекоп. — *Авт.*) не было», в том числе и с запасами воды²⁷². Однако даже если это было так, проблемы с водой, несомненно, бы начались в ближайшие дни, и тем более в случае перехода русских войск через Перекоп. Крымско-османские хроники также отмечают нехватку воды и продовольствия у подошедшего к Перекопу русского войска²⁷³. Таким образом, весь комплекс источников, как давно введенных в научный оборот, так и ранее неизвестных, однозначно свидетельствует в пользу крайне сложной ситуации с запасами пресной воды у русской армии на подходе к Перекопу и возле него. В ближайшей перспективе это грозило массовым падением лошадей и ростом числа людских смертей от обезвоживания. Вариантов было два: попытаться прорваться через Перекоп, вступив в новое сражение с армией хана, либо отойти в более безопасное место с расчетом на начало переговоров.

Русско-крымские переговоры

В итоге В.В. Голицын выбрал второй вариант. Он не решился перейти Перекоп, рассудив, что войско постигла бы судьба окруженного поляками и крымцами в 1660 г. под Чудновом В.Б. Шереметева²⁷⁴. Главнокомандующий полагал, что хан попытается завязать мирные переговоры. Эти надежды оправдались. Какого-то подобия статейного списка русско-крымских переговоров, по-видимому, не существует²⁷⁵, но ход их с достаточной полнотой можно восстановить на основе показаний

²⁶⁹ Гетман более подробно развивал эту тему в адресованном царям четвертом сеунче: «а колодезей снадобье и ключей, и речак никаких не обрелось, для чего отнюдь воды ко употреблению людям и конем надобно взять было негде, ибо в Каланчаке за пятнадцать верст от Перекопи для толь великих войск... монаршеских сил вод доволных не было, а которые воды отчасти и явились, в давних и вновь копанных при нас колодезех, тогда и те для безпрестанного от войск брожения болши ко вредителству, нежели ко употреблению были способны. Сказывают ведомые запорожцы, что ныне де от частых дождей там воды явились, а иных сухих лет там воды не бывало. Как пошед от Каирки уже тому осмой день, что в войсках ваших монаршеских для людей и для коней доволной воды не было, ибо хотя из Днепра водою было в возах запасалися и той воды вскоре не толко для коней, но и для людей в том великом числе будучи не стало». См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Л. 333–334.

²⁷⁰ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 381. Крымское войско, стоявшее за Перекопом, также страдало от бескормицы и безводья, для Селим-Гирея возили воду за 15 верст.

²⁷¹ Розыскные дела ... Т. 3. Стб. 990–991.

²⁷² Розыскные дела... Т. 1. СПб., 1884. Стб. 27.

²⁷³ Смирнов В.Д. Крымское ханство... Т. 1. С. 440–441.

²⁷⁴ Розыскные дела... Т. 3. Стб. 1181. См. также мнение В.Н. Зарубы касательно отступления В.В. Голицына от Перекопа и его изложение русско-крымских переговоров: *Заруба В.Н. Українське козацьке військо...* С. 359–361.

²⁷⁵ Вопрос о том, практиковалось ли систематическое составление протоколов дипломатических переговоров во время военных походов, остается открытым. Так, например, во время военной кампании 1655 г. в ходе Русско-польской войны не протоколировались, судя по всему, не только переговоры с польско-литовскими дипломатами (переговоры с литовскими посланцами в боярском военном лагере под Вильно), но даже прием их царем Алексеем Михайловичем (посольство С. Гладовицкого в Смоленске осенью 1655 г.). См.: *Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.): Документы, исследование.* М., 1994. С. 121, 122.

переводчиков Польского приказа Сулеймана Тонкачеева и Петра Татаринова, толмача Полиевкта (Полуекта) Кучумова, слуги В.В. Голицына, крещеного астраханского татарина Ивана Тинбаева, а также окольничего В.А. Змеева.

Все началось 17 мая, когда во время вооруженных стычек с крымцами один из татар крикнул участвовавшему в пикировке астраханскому татарину Караману Кутлубееву о готовности хана к мирным переговорам. Последний сообщил об этом князю В.В. Голицыну. Главнокомандующий хотя и усомнился в правдивости слов астраханца, но велел тем не менее переводчику Посольского приказа Сулейману Тонкачееву написать письмо с сообщением о согласии России на переговоры и предложением прислать в русский лагерь своих посланцев. Кутлубеев подъехал к крымскому лагерю и выпустил послание, привязав его к стреле. 20 мая, после подхода русской армии к Перекопу, в русской ставке (через выехавших из лагеря Кутлубеева, Тинбаева, Татаринова и Кучумова) получили ответ самого общего характера, написанный прямо на тексте письма, составленного Тонкачеевым от имени Кутлубеева, что мир-де нарушили не крымцы, но русские. Голицын не слишком был доволен такой отповедью, заявив: «знатно де по тому писму миру не будет». Однако вечером же указанные переводчики, встретившись с крымцами, привезли еще одно письмо, подписанное неким Бигельди Батыром, с более конкретными предложениями, что переговоры готов вести он (в итоге не приехал) и мурза Кеман Сулешев, при этом предлагая Кутлубееву, через которого начались контакты, прибыть в расположение крымской орды²⁷⁶.

В.Д. Смирнов, анализировавший оригинальные документы русско-крымской переписки под Перекопом, считал В.В. Голицына инициатором переговоров, исходя из того, что послание русской стороны было написано первым. Подобным же образом освещают это событие и крымско-османские хроники²⁷⁷. Однако свидетельства русских участников переговоров об устных предложениях крымской стороны были получены в ходе розыска уже после свержения Голицына, более того, они приводятся в записках Невилля²⁷⁸, что скорее указывает на достоверность данного факта.

Первая встреча состоялась на нейтральной территории после обмена заложниками между уполномоченными Голицыным князем Федором Барятинским, Андреем Змеевым и Сулешевым. Стороны формально подтвердили полномочия и готовность к переговорам, после чего Сулешев отъехал в свой лагерь, чтобы получить разрешение на выезд в русский стан. Вернувшись через 3 часа, он попросил за себя более знатного заложника (им стал брат окольничего В.А. Змеева — И. Змеев) и после этого встретился с русским главнокомандующим. Стоит отметить, что встреча, так же как и обсуждение ранее доставленных крымских писем, проходила совершенно гласно, при участии всех воевод (Я.Ф. Долгорукого, Л.Р. Неплюева, В.А. Змеева, Б.П. Шереметева, В.Д. Долгорукова, А.С. Шеина и др.) и И.С. Мазепы с казацкой старшиной. О ней было сообщено в официальной отписке (сеунче) Голицына в Москву (а следовательно, и в сеунчах остальных русских воевод и гетмана). Характерно, что русский главнокомандующий предписал им всем не вставать и не снимать шапок при появлении крымского дипломата, поскольку крымцы никогда на приемах в Москве этого не делают.

²⁷⁶ Розыскные дела... Т. 3. Стб. 945–949, 952–955, 957–970, 1180–1184.

²⁷⁷ Смирнов В.Д. Крымское ханство... Т. 1. С. 440–442. Публ. оригиналов писем см.: Розыскные дела... Т. 3. Стб. 961–968.

²⁷⁸ Де ла Невилль. Записки о Московии. С. 148.

Голицын объявил Сулешеву русские условия: 1) освобождение всех находившихся в ханстве русских пленных; 2) прекращение крымских набегов на российские и польские территории; 3) отказ Крыма от получения с России ежегодной казны. Крымский представитель ничего конкретного на это не ответил, попросив срок до утра. После этого он уехал восвояси.

21 мая русская армия отошла от Перекопа, встав среди безводной степи новым лагерем, куда и прибыл Кеман-мурза Сулешев. Однако все надежды на счастливый исход переговоров не оправдались. Крымский дипломат заявил, что хан «миру желает против прежней шертной грамоты, а болши того хан миритца не хочет»; что требуемых Россией пленных вернуть невозможно — многие приняли ислам; что от дани отказаться ханство не желает. Сделал Сулешев и еще одно примечательное заявление: «подданным де хану писатца невозможно». Оно, несомненно, свидетельствовало о том, что идеи русской дипломатии добиться признания со стороны ханов верховной власти русских царей не потеряли для Москвы своей актуальности и были озвучены на переговорах с Сулешевым. Однако на второй встрече Голицыну было уже явно не до них. Он выразил желание пойти на уступки, предлагая отложить вопрос об освобождении пленных и заключить мир на условиях отказа ханства от ежегодной казны и от набегов на «украинные и полские городы». На вопрос крымского представителя, куда отходит русское войско, Голицын отвечал, что переход совершается для поиска кормов для лошадей. Сулешев уехал, чтобы сообщить эти условия в крымской ставке, но, возвратившись в тот же день, опять заявил Л.Р. Неплюеву (Голицын от личной встречи отказался), что Крым хочет мира на условиях договора, заключенного восемь лет назад Василием Тяпкиным²⁷⁹. Это перекрывало все дипломатические планы русского «канцлера».

Польский резидент, направленный в русскую армию, сообщал 17 июня из Кременчуга, что «*jakoby chan poddać się miał*» («якобы хан поддался»), однако весть эта совершенно не соответствовала действительности²⁸⁰. Разочарование Голицына в переговорах с Селим-Гиреем нашло отражение в публичном объявлении о переговорах по армии, сделанном уже 21 мая, видимо, сразу после визита Сулешева в русский лагерь. «Хан крымской, — сообщал главнокомандующий “всяких чинов” ратным людям, — присылал будто миритца, а по всему знатно стало, что на искус чем обмануть государские рати и миру с ним никакова не сошлось, и вы б о том ведали и какое от них бусурман на государские полки наступление будет и вы б бились с ними прежнею храбростию своею, а сами б с ними не розговаривали и людем своим разговаривать не велели». В связи с близостью татарского войска запрещалось отпускать слуг и солдат «в дальние места от обозу» и отгонять далеко от лагеря лошадей. В приказе констатировалось также, что у ратных людей «в телегах... много усталых лошадей почало быть». В связи с этим им предписывалось «телеги свои перебрать и лишните телеги и столы, и скамьи пережечь», а о наличии «лишних запасов» следовало объявить самому Голицыну, который обещал передать их «в пехотные полки», а затем, после окончания похода, возвратить обладателям²⁸¹.

²⁷⁹ Розыскные дела... Т. 3. Стб. 949–952, 955–962, 987–998, 1180–1184; Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 372. См. также: *Де ла Невилль*. Записки о Московии. С. 148–149; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 337 (сеунч И.С. Мазепы).

²⁸⁰ Археографический сборник... Т. 7. С. 164. Главного «переговорщика» с крымской стороны Глосковский ошибочно именует Камамбетом-мурзой.

²⁸¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Л. 309.

После завершения переговоров с Голицыным в крымском стане предприняли попытку переманить на свою сторону украинских казаков и гетмана Мазепу. 25 мая на пути отступавшей русской армии, на Днепре, в двух милях ниже от Шах-Кермена (Ислам-Кермена), были обнаружены «прелестные листы» от Батырши-бея, подписавшегося братом Тугай-бея. Письма были написаны / переведены каким-то выходцем из украинской среды, находившимся, видимо, на службе / в неволе у крымцев уже длительное время, поэтому текст их местами не совсем ясен. Батырша выражал желание Крыма жить с Войском Запорожским мирно и подчеркивал, что пишет Мазепе лист «ширым сердцем». Он обращал внимание казаков, что «Москва» не доверяет им, разместив украинские полки якобы в середине походного порядка русской армии («Москва... веры вам не мает, по середине вас водит»), и даже хочет уничтожить все казацкое войско во время похода («мы так разумеем, що вас лише до Днепра дойшовши, ни одного доброго казака не заставлят, всих вас погублят»), тем более, что оно исполнило свою задачу, доведя армию Голицына до Крыма. Об этом свидетельствовали попавшие в плен к крымцам русские: «которыя москва тут впа-ла, то на вас кажутъ, що заднепрское войско нас до Крыму привело барзо добре». Соответственно Батырша указывал гетману, что теперь самое удобное время для разрыва украинских казаков с Россией, поскольку позднее уже такой возможности не будет: «тепер сами бачите и наши пути, чи коли тепер москве що не учините, то вже до самого света не учините». Крымцы готовы были помочь в организации анти-российского выступления, предлагая казакам дать знать, в какой момент и в каком месте можно атаковать голицынскую армию («зъ якого боку нам до вас припасти позволяете, то мы на той край ударимо, чтоб вас вызволити»). Подобная акция, по словам Батырши, обеспечит казакам славу «на весь свет». В случае согласия он обещал прислать и письмо от самого хана, а казаков просил подать сигнал путем поднятия белого флага. В ответ крымцы должны были продемонстрировать свою хоругвь: «А вы свой знак, белую корогв укажите, коли хочите з нами до смерти мешкати, и свой знак вам оказую, жовтый конь, грива черная и хвост черной и корогва в три парусы, середней парус зеленой, а крайние парусы белые»²⁸².

Помимо гетмана, отдельное письмо, похожее по содержанию, предназначалось старшине и казачеству. Батырша писал к ним «с ширым сердцем», посылая «унижене поклон свой всей громаде малому и великому». Так же как и гетману, казакам общалось о речах русских пленных, радовавшихся, что казаки привели московское войско на Крым. Указывалось, что это не причинит вреда Крымскому ханству («нам война ничего не завадит»), но грозит гибелью всему войску: «саме о себе годайте, вас москва на якую речь водит, што водят вас за злость». Крымская сторона уверяла, что сочувствует казачеству и поддерживает его, напоминая о прошлых временах украинско-крымского союза («мы за для вас барзо жалуем, бо сами знаете килко в то-варистве были есмо, за для того нам жаль»). Завершая письмо, Батырша обращался к Войску Запорожскому, предупреждая его об угрозе превратиться в московских невольников и подчеркивая, что потом, когда русское войско отступит, татарской поддержки казакам уже не будет: «Памятайте, что будете в лыченных (видимо, лапти, от слова «лыко». — *Авт.*) по столах ходить, бо бунты лепше тут з нами вкупе чинити, неж меж городами, за сим войском мы не застанемся до самой Москвы»²⁸³.

²⁸² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 319–320. Тексты были переписаны в Разрядном шатре Большого полка московской скорописью, но лексическое и грамматическое содержание их, судя по всему, осталось без изменения.

²⁸³ Там же. Л. 321. Письмо заканчивалось припиской: «Коли Бог Святыи даст, то все гораз-до будет».

Несмотря на то что ответа на указанные тексты, судя по всему, не последовало, Селим-Гирей все же отправил гетману Мазепе послание. В 1705 г. гетман в письме руководителю посольских дел Ф.А. Головину вспоминал, что уже после переправы через Конские Воды хан, находившийся за 10 верст от русского лагеря, прислал к гетману пленника, казака Полтавского полка, с «коварственным своим писмом». Он призывал соединиться с ним и «на рати» царского величества «союзным оружием ополчиться и устремиться», либо хотя бы просто «отступить» от русских войск, «не дая им ни единой помощи» и тем самым позволив крымцам «свободнее» их «преодолеи и в намерении своем поганском совершенство получить». Мазепа якобы передал это письмо В.В. Голицыну²⁸⁴, хотя обнаружить его текста в архиве пока не удалось.

Отступление русской армии

В.А. Змеев спустя год заявлял, что русская армия отошла от Перекопа только лишь для того, чтобы запастись конскими кормами и водой, намереваясь подступить к перешейку вновь²⁸⁵. Однако ухудшавшееся состояние войск, неудача крымских переговоров подвигли Голицына на то, чтобы объявить совершенное отступление. По выражению главнокомандующего, «если бы перестоять под Перекопью еще один день, и... ратных людей невозможно б вывести... без великого страшного упадку». Отходить пришлось по усилившемуся безводью (Голицын писал, что «на Зеленой и на Черной долинах вод нет, а и в Колончаке самая нужная вода, копаны колодези, что невозможно таким ратем водою из тех колодезей удовольствоваться ни единого дня»), с боями переправляясь через Каланчак, поскольку отряды противника преследовали русское войско, вступали с ним в мелкие стычки и поджигали траву в окрестных полях²⁸⁶.

Отступавшие русские войска несли sporadические потери от обстрелов из лука и охоты татар на небольшие группы либо одиноких ратных людей, нередко отстававших от основного лагеря в поисках фуража или воды. Так, 24 мая «з боем и з лошедью» был взят в плен человек стольника И.И. Яковлева (из роты И.А. Дашкова) Петрушка Кондратьев сын Белой, попали в плен А. Иванов, человек стольника Ивана Большого Лихарева, двое людей стольника А.А. Мешкова-Плещеева, еще двое слуг стрелецкого полковника М.Ф. Кривцова, 25 мая — люди стольника Г.Г. Камынина (рота Б. Бутурлина) и др.²⁸⁷ Видимо, в связи с этим 25 мая В.В. Голицын еще раз повторил уже неоднократно издававшийся приказ московским чинам не отпускать своих слуг далеко от лагеря. Тем дворянским людям, кто «от обозу в дальних

²⁸⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705 г. Д. 3а. Л. 11об. — 12 об.

²⁸⁵ Розыскные дела... Т. 3. Стб. 996.

²⁸⁶ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 372–373, 376–377; Лаврентьев А.В. «Мерное колесо»... С. 147–148; Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 195–197; Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 42.

²⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 9, 12, 16, 22, 27. Также известно, что Авдей Степанов сын Груздовцев, человек стряпчего П.А. Воейкова, когда В.В. Голицын с войском «от Перекопа пошел назад, ездил он с ынными боярскими людьми в степь для воды и травы», где крымские татары взяли его в плен и ещё десять человек. Таким же образом, судя по всему, попал в плен и подьячий Приказа Большой казны Матвей Шошин, с которым вместе Груздовцеву удалось бежать из татарского «коша» близ Тягины и добраться до Переяславля (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 462, 465).

местех поиманы будут», Голицын грозил смертной казнью, хотя для этого их надо было сначала освободить из плена²⁸⁸.

Начался падеж лошадей. 25 мая войску было объявлено, что «у большого наряду (артиллерии. — *Авт.*) под полковыми припасы многие лошади пристают и за тем походу чинитца мотчание». В связи с этим ратным людям приказывалось облегчить груз артиллерийским лошадям и «для легости» взять «с тех казеных подвод зелья и свинцу и пушечных ядер сколько кому возможно», приказав их «весть... з береженьем»²⁸⁹. О массовом падеже лошадей под большим нарядом главнокомандующий сообщал польскому королю Яну Собескому: войска отступали «чрез песчаные кочкары безводными месты девять дней, токмо для войска имейя мало что воды на возах, а кони и волю под великими пушками от безводия истаявали». Лишь перейдя «чрез великие пески в кочкарах, будучи у Днепра», войска «отдохновение получили»²⁹⁰. С. Глосковский сообщал, что по причине огромного падежа лошадей орудия приходилось тащить людям, из-за этого русское войско при отступлении проходило лишь полторы мили в день; пешими оказались также многие рейтары²⁹¹.

Армия отступала вдоль Днепра, чтобы пополнять запасы воды. Опаясь, что крымское войско нападет всеми силами, Голицын отправил П. Гордона «с левого крыла с 7 regimentами пехоты и несколькими конницы (хотя все спешились) стеречь арьергард». 26–28 мая московская армия миновала османские крепости на нижнем Днепре, но штурмовать их не решилась. 27 мая 400 лучших конников получили указание организовать засаду «в низине у берегов Днепра», чтобы взять языков, но затея провалилась (то ли потому, что турки из османских городков обнаружили засаду и дали знать татарам, то ли потому, что кто-то из русского отряда преждевременно выехал из низины), и они вернулись к армии «без единого пленного». Согласно отписке Голицына 30 мая (у Гордона — 28 мая, когда татары убили одного русского, а другого взяли в плен; в «Записке... мерным верстам» — 27 мая) от войска отстали преследовавшие его белгородские татары, черкесы и османские отряды из днепровских крепостей. 1 июня армия встала лагерем на р. Белозерке, откуда Голицын выслал сеунчиков с вестями о сражениях 15–17 мая, походе к Перекопу и переговорах с Крымом²⁹².

Татарский пленник, пойманный позднее, также сообщал, что когда русские войска «от Перекопи... возвратились назад, и хан с ордою шол вслед за государскими войска до городков (османские крепости на Днепре. — *Авт.*); и увидя хан, что над городками промыслу чинить не стали, а пошли в верх Днепра, и он, хан, с ордами поворотился назад в Крым и тотчас розослал по всему Крыму с тою ведомостию, что государские войска возвратились назад». «И ныне де в Крыму у них велми о том удивляютца, что государские также многочисленные войска, быв у самой Перекопи

²⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 1. Л. 299, 301.

²⁸⁹ Там же. Л. 301.

²⁹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 350.

²⁹¹ Археографический сборник... Т. 7.

²⁹² Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 372–373, 376; Лаврентьев А.В. «Мерное колесо»... С. 148; Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 195–197; Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 42. Известие «Краткой истории крымских ханов», что в ходе преследования татары нанесли русским крупное поражение (Негри А. Извлечения из турецкой рукописи... С. 390), выглядит весьма неправдоподобно и не подтверждается другими источниками.

и промыслу никакова не чиня, назад возвратились не ведомо для безводного места или для иного какова прилучаю», — заявлял татарин²⁹³. Другие подобные свидетельства говорят, что отход русских войск от Перекопа был встречен крымцами с радостью: «а когда уведомилися, что назад... силы государские возвратились к дому, в том ж абие часу веселящися, жертву по своему поганскому обычаю везде все татарове чинили, и тем татаром и турком в перекопском городе посаженным, хотя они никакова бою и нужды не имели, от турецкого салтана каждому плата по пяти левков прислана для впредь будущих времен для сохранения осады всякия»²⁹⁴. А. Ишков сообщал: «А как войска царского величества ис-под Перекопи отступили и на другой день послал хан калгу с татары вслед для проведывания, бояся того, чтоб войска царского величества не обратились на них вдругорядь, а ему наказал, чтоб отнюдь боев чинить не велел, а сам хан, вышед, стоял для опасения ж у Колончака и после того пришед в Крым, на четвертой день хан и калга с татары молились Богу и почали быть безопасны»²⁹⁵. Татарские пленные, взятые под Новобогородицком, утверждали, что Селим-Гирей сначала не хотел преследовать русскую армию, собирався отойти еще глубже в Крым, однако потом, получив донесения ее движения к турецким крепостям, выступил за Перекоп. В ханской ставке опасались, что русские войска предпримут штурм турецких фортов, поэтому крымцам был дан приказ следовать за ними на отдалении, не вступая в бой и не давая знать о своем присутствии. Убедившись, что штурм крепостей не будет, основные силы орды от Мечетной Каирки повернули в Крым (другие источники свидетельствуют, что стычки все же были)²⁹⁶.

В начале июня царские отряды последовательно перешли речки Карачекрак и Янчокрак, 6 июня переправились через Конские Воды. Тем временем 7 июня в Москве, полагая, что при выходе из Новобогородицка русская армия взяла с собой продовольствия лишь на один месяц, приказали послать оттуда вниз по Днепру «до порогов» 10 тыс. четвертей ржаной муки и столько же сухарей для отступавшего войска Голицына. 11 июня русский лагерь был разбит за 3 версты от переправы через р. Самару и недалеко от Новобогородицка, где на следующий день татарский разъезд численностью около 200 человек («крымские татарове и черкесы горские, и джаман саадаки») атаковал обоз. Согласно захваченным позднее татарским пленным, отряд этот был послан Селим-Гиреем от самого Перекопа вслед отходящему русскому войску «для языков и для добычи и проведать подлинно, станут ли войска царскаго величества Самарь реку переправливаться». Разведчикам удалось захватить десятерых русских солдат, заготовливавших сено. Однако вскоре нападавших настиг и разбил отряд стольника, ротмистра Леонтия Григоровова с донскими казаками и калмыками, захватив знамя («данное от хана знамя большое») и шестерых (по отпискам Голицына) пленных. 13 июня Голицын отправил за разбитым неприятелем в погоню донцов и калмыков, которые взяли еще нескольких пленных и второе ханское знамя (возвратились в лагерь 15 июня). В тот же день армия переправилась через р. Самару, а на следующий день Голицын с другими военачальниками посетил церковную службу в крепости Новобогоро-

²⁹³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 205. Л. 225–226.

²⁹⁴ Там же. Л. 62–63 (свидетельство Ф. Заросы).

²⁹⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 197. Л. 129–130.

²⁹⁶ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 379.

дицк. 17 июня войско пересекло р. Кильчень, а 23 июня вышло к р. Коломак, откуда гетман И. С. Мазепа с казацкими войсками двинулся на Украину²⁹⁷.

Завершение похода

19 июня с милостивым словом к В. В. Голицыну за второй Крымский поход был отправлен стольник А. И. Лызлов. В наказе ему предписывалось по прибытии в Большой полк посетить шатер Голицына, спросить его от имени царей о здоровье и похвалить, «что он, ближней боярин и оберегатель, и дворовой воевода, будучи ныне на их великих государей службе над крымским ханом и калгою и нурадыном и над всеми поганскими ордами, которые на полк ево ближняго боярина и дворового воеводы приходили, воинские промыслы великие и славные учинил и многих их поган побил и в полон поимал», загнав их «в Крым за самую Перекоп». После этого Лызлов должен был посетить Мазепу с той же целью — спросить о здоровье и похвалить за службу, что он «по совету» Голицына «в воинских делах о поиску над неприятели крымскими людьми непременно чинил попечение»²⁹⁸.

Буквально вслед за Лызловым 20 июня в войско выехал еще более важный гоноец — ближний окольничий и наместник переяславский В. С. Нарбеков. В посланной с ним царской грамоте (из Посольского приказа) Голицына хвалили за то, что «такие свирепые и исконные креста святого и всего христианства неприятели твоею службою неначаянно и никогда не слыханно от наших государских ратей в жилищах их поганских побеждены и поражены и прогнаны, и что явились они сами своим жилищам разорителями, отложив свою обыкшую свирепую дерзость, пришел во отчаяние и во ужас в Перекопи посады и села, и деревни все пожгли». Сам поход именовался в царском послании «славной во всем свете победой»²⁹⁹. Другая грамота из Разряда просто информировала Голицына о поездке Нарбекова, но в посланной оттуда же третьей грамоте, которую, судя по всему, также вез ближний окольничий, Голицыну предписывалось вместе с боярами и воеводами ехать к Москве «видеть... государские пресветлые очи», войску провести смотр и распустить ратных людей по домам³⁰⁰. 27 июня Нарбеков прибыл в русский лагерь, на следующий день войскам было официально объявлено о царской милости и жалованье за участие в походе, а также о роспуске по домам. Сам окольничий был отпущен «от реки Мерла ис под Красного Кута» к гетману Мазепе³⁰¹. Второй Крымский поход завер-

²⁹⁷ Лаврентьев А. В. «Мерное колесо»... С. 148–149; Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 197; Устрялов Н. Г. История... Т. 1. С. 377–379; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 86. Ч. 1. Л. 269–274 (отпуски грамот В. В. Голицыну и И. Ф. Волынскому о посылке запасов). 12 июня, в день последней татарской атаки на русский лагерь, 5 людей московских чинов попали в плен с лошадьми и вооружением: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 29, 39, 40.

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 255–258 (царская грамота В. В. Голицыну), 259–267 (наказ Лызлову), 268 (память в Ямской приказ).

²⁹⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 271–277. Грамота датирована 19 июня, тем же днем, что и данная Лызлову. О дате выезда Нарбекова см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 576. Проезжую грамоту ему же от 19 июня см.: Там же. Л. 573–574. Наказ от 19 июня ему см.: Там же. Л. 556 об. — 572.

³⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 556–556 об., 576–579 об. Обе грамоты датированы 19 июня.

³⁰¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 591 об. — 592 об. См. также описание событий 28 июня у П. Гордона (Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 198–199).

шился. Его участники получили различные награды: ценные подарки, деньги, новые поместья³⁰².

4 июля для встречи главнокомандующего на Тульской дороге из Москвы выехал Ф.Л. Шакловитый. Встретив Голицына и его товарищей, Шакловитый должен был позвать их в съезжий шатер и уже в который раз спросить о здоровье и похвалить за службу («за храброе и мужественное... на то поганство ополчение»). После этого посланнику следовало объявить официальную милость и похвалу оставшимся с Голицыным войскам. Помимо этого, думный дяк должен был обсудить с «оберегателем» некие дела по «тайному наказу»³⁰³. К А.С. Шеину и воеводам остальных разрядных полков 6 июля с похожей миссией направили стольника М.И. Приклонского³⁰⁴.

Поход отряда Г.И. Косагова на крепость Горбатик (Арабат)

В одной из отписок В.В. Голицын сообщал, что вскоре после 7 мая послал «к Крымским юртам к речке Молочной и на Тонкие воды к Керчи и к Чунгару» Г.И. Косагова (который, в свою очередь, был товарищем сходного воеводы самого Голицына, Л.Р. Неплюева), придав ему «несколько тысяч... ратных людей». К этому отряду гетман Мазепа прибавил «регенту своего полковников с полки немалую часть»³⁰⁵. В относительно недавно опубликованных письмах И.С. Мазепы содержится пересказ реляции, поданной ему участвовавшим в походе во главе украинских контингентов лубенским полковником Л.Н. Свечкой³⁰⁶. Сама реляция также сохранилась и ранее не была введена в научный оборот. Характерно, что в ней говорится о действиях только лишь лубенцев и слобожан, а Косагов и его люди совершенно обойдены молчанием³⁰⁷. Сохранилась также отписка В.В. Голицына с официальной информацией о походе на Горбатик³⁰⁸, которая не была опубликована Н.Г. Устряловым среди остальных отписок главнокомандующего из

³⁰² Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 242–243, 355. Роспись наградным золотым, отпуск грамоты Голицыну от 3 июля и наказ стольнику И.Н. Урусову, который повез их в Большой полк см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 611–628 об. В остальные разрядные полки золотые посылались отдельно — со стольником князем В.М. Оболенским (Там же. Л. 629–642). О наградных золотых за Крымские походы и их последующей судьбе см.: Демидова Н.Ф. О хищении из казны наградных золотых за Крымские походы в конце 80-х годов XVII в. // Труды Историко-архивного института. Т. 34: сборник статей геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып. 1. М., 2000. С. 129–138; Ширяков И.В. Пожалования «золотыми» за Крымские походы 1687 и 1689 гг. // Нумизматический сборник. Т. 19 / отв. ред. И.В. Ширяков. М., 2012. С. 167–172; Зверев С.В. Жалованные «золотые» за Крымские походы 1687 и 1689 годов. Судьба невыданных «остаточных» монет // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники / сост. и отв. ред. С.А. Беляев, И.А. Воротникова. М., 2019. С. 381–387.

³⁰³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 642–649 об.

³⁰⁴ Там же. Л. 650 об. — 653.

³⁰⁵ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 368; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 166–166 об., 316.

³⁰⁶ Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 337–338. Кратко, без упоминания имени Косагова, о походе на Арабат (правда, на судах, морем) сообщается также в реляции И. Рейера (*Kwiatkowski K. Informowanie o wprawie wojennej...* S. 101, 112).

³⁰⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 197. Л. 6–12.

³⁰⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 316–318.

второго Крымского похода. Сопоставление этих двух источников — отписки Голицына и реляции Свечки (более обширна и информативна, поэтому играет более важную роль в наших представлениях о данной военной операции), которые в целом совпадают, позволяет реконструировать указанный военный эпизод кампании 1689 г.

Арабатская крепость располагалась у основания Арабатской косы, возле современного с. Каменское (Крымский полуостров). Впервые она упомянута в «Описании Украины» (1651) — труде знаменитого французского географа Г.Л. де Боплана, служившего одно время польскому королю. Он описывал Арабат как «каменный замок» с одной башней и частоколом, который перегораживал косу и насчитывал в длину около одной восьмой лье (около 500 м)³⁰⁹. Примерно такое же описание оставил известный османский путешественник Эвлия Челеби, побывавший в Крыму в 1666–1667 гг. Он свидетельствовал, что Арабатская крепость была построена при хане Мухаммеде-Гирее IV (правил в 1641–1644 и 1654–1666 гг.), чтобы воспрепятствовать набегам казаков и калмыков. Челеби описывал ее как «большую и мощную каменную башню круглой формы» окружностью в 150 шагов с железными воротами, открывавшимися в сторону Крыма. Гарнизон составлял 150 секбанов (войско ханов, вооруженное огнестрельным оружием), при крепости имелся «отличный склад оружия», на стенах стояли пушки. Челеби писал также о железных воротах, открывавшихся в сторону Крыма³¹⁰. К 1689 г. Горбатик был еще более значительно укреплен, защищен рвом, соединявшим Сиваш и Азовское море, валом и каменной стеной с четырьмя новопостроенными башнями; оборону в нем держали татары и янычары. «А тот Горбаток основан зело крепок, — свидетельствовал Свечка, — начат от моря Озовского до моря Гнилова, валом и камнем высок и рвом глубоко перекопан, и вода из моря до моря пропущена и новых башен каменных четыре на валу опричь замку построены и пушки везде на приметных местах поставлены»³¹¹. Ему вторил Косагов (сведения из отписки Голицына), видевший укрепление, окруженное стеной и валом, а также «из моря Озовского в Гнилое подле вала рвом пропускную воду»³¹². По свидетельству пленного Агметко Чумалеева, допрошенного в Ставке В.В. Голицына 7 мая 1689 г., «в Арбаток городок, которой в Крыму за Тонкими Водами, присланы ис Кафы для опасения и малолюдства турецкой пехоты янычан тысяча человек, для того, что ведомо в Крыму учинилось, что з Дону вышли на море будары». Есть ли «с теми янычаны пушки», пленник не знал³¹³.

Итак, в поход «с великим поспешением» отправились отряд Косагова, включавший харьковских казаков во главе с харьковским полковником Г.Е. Донцом и изюмских во главе со своим полковником (и сыном харьковского полковника) К.Г. Донцом, а также лубенские казаки Свечки. Вперед в качестве авангарда были высланы выборные казаки Лубенского полка (около 3 тыс. человек) во главе со Свечкой и изюмцы с К. Донцом, которые, подойдя около 14 мая к проливу Тонкие

³⁰⁹ Боплан Г.Л. де. Описание Украины / пер. с фр. З.П. Борисюк; ред. перевода А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. М., 2004. С. 210–211.

³¹⁰ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь, 2008. С. 198–199.

³¹¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 197. Л. 8.

³¹² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 317.

³¹³ Там же. Л. 168, 172–173.

Воды³¹⁴, разделявшему материк и острова, прилежащие к Арабатской косе (район совр. Генческа), переправились через него на лодках и даже на «возах», много из которых в ходе переправы было повреждено, высадились на косу и в течение двух дней достигли цели (как писал Свечка, «неусыпное имели опасение и поспех, едуци до Тонкой, где два дни и две ночи оную реку днем и ночью (переправляясь. — *Авт.*), поспешили косою меж морем Озовским и Гнилым чинити поспех и поспели под Горбатик с выборным войском»). Внезапного нападения на крепость не получилось. Как сказал казакам взятый в плен «татарский абыз» Магмет, командующий укреплением, некий Ширим-бей (в отписке Голицына — Ширин-бей), узнал заранее про направляющийся к Арабатской косе отряд и успел собрать «людей на помощь ис Керена (Керчь? — *Авт.*), и ис Карасева (Карасу-базар. — *Авт.*), и из Старого Крыма, и изо всех своих поганских уездов турков, татар и янычен, а особливо ис Кепи имел при себе янычен две тысячи и триста орды кепинской». В дополнение к этим силам нураддин Азамат-Гирей прислал из Перекопа трех «мурз с ордами», а пленный, пойманный позднее за Сивашем, сообщил, что Ширин-бей послал еще и «по Нагайския орды, чтоб к нему пришли на помощь». «И так их сила поганская немалая в том Горбатке была», — резюмировал Л. Свечка. Более красочно описывала подготовку крепости к обороне отписка В.В. Голицына: «И уедав Ширим-бей, того городка владетель, приход к Орбатку ваших великих государей ратных людей, для обереженья того городка собрали с Керчи, с Кафы и с Карасова, и з Старого Крыма, и изо всех своих поганских поветов турков и татар, и янычан многих людей, да к нему ж прислал ис Перекопу нурадын-салтан трех мурз с розными ордами».

Подойдя к крепости 17 мая «в пяток о полудня», лубенцы, «конные и пешие, чинили бой до самой ночи, стреляя один на других ис пушек и из дробного ружья, а как к ноче смерклося, отступили в таборы свои, где той же ночи и все войско наше поспело». На следующий день, 18 мая, на рассвете к крепости подошел Косагов с харьковским полком. «А скоро дал Бог, свет в субботу рано вкупе все единомышленно при помощи Божией пеши под городом ошанцовались, даже под самой вал и с самого утра до полудня силно к стенам чинили приступ и ис пушек и з дробной стрелбы на них били безпрестанно, а они непрестанно тем же способом на нас грозно и часто также стреляли», — писал Свечка в своей реляции. Ему вторил Голицын: «под городок блиско ошанцовались под самой вал и с утра до полудни ис пушек и из мелкого ружья, а неприятели так же с ними непрестанно, бились».

Осажденные не ограничились обороной внутри стен крепости, но после полудня решились на вылазку, храбро атаковав лубенских (со стороны Азовского моря) и слободских казаков (от Сиваша). Начался ожесточенный бой, местами переходивший в рукопашную схватку. «Собравшись они, поганцы, многолюдством, турки и татары, и янычя конные и пешие из города вышед и поза городом через Озовского моря, одни на полк наш Лубенской, а другие также через Гнилого моря (так в рукописи. — *Авт.*) на полки изюмские и харковские ударилися и чинили с нами бои силные, понеже смешавшись одни с з другими даже до ручного бою». Отписка Голицына совпадает с этим свидетельством практически дословно: «и того ж дни о полудни те неприятели турки и татарова и янычя многолюдством, конные и пешие из города и позад городом чрез моря Гнилое чинили вылоску и бой великой и многожды мешались одни з другими до ручного бою».

³¹⁴ Отсюда были высланы гонцы к гетману с информацией о движении отряда. Они пропали безвестно.

В конце концов казакам удалось обратить атаковавших в бегство: «помощию Божию сломили тех поган и побили их самих и коней их много, и седши на них, бусурман, гнали до моря Озовского и Гнилого, где и сами поганцы утопилися». Так говорила реляция Свечки. Отписка Голицына характеризовала бой как победу в более торжественных тонах, отмечая, что «бусурман многих побили и в полон поимали, и в город вогнали, и в море потопили». Свечка не был столь оптимистичен. По его словам, это не остановило турок и татар, и они вновь атаковали казацкие порядки до самой ночи («а потом еще поганскою своею силою прибравшись, в том же часу выправився на нас, бой великой до самой ночи с нами чинили и так понудилися в таборы свои ночью отступить»).

Встретив такой отпор («видя нашу несилу») и видя «многолюдство великое» противника, Косагов и казацкая старшина устроили совет, решив отступить от крепости, тем более что в отрядах начался падеж лошадей, заканчивалось продовольствие («кормом и водою войску и конем зело было трудно, и много на том месте пали з голоду, морскими черепашинами и соленою водою коней третия часть пропала»). Переночевав, казаки 19 мая, на праздник Троицы, отступили от стен Горбатика, преследуемые противниками, которые, как писал Свечка, «чинили с нами бой великой мало что не по весь день и до самой Тонкой за нами шли». Придя к проливу, казаки встали на ночлег, послав на двух лодках («липах») несколько десятков человек на разведку через Сиваш, в близлежащие села. Там был захвачен пленный «з двумя робятками с его ж сыновьями». Он якобы слышал от татар, что «много турков, татар и яначан побиты под Горбатком», на помощь которому «много сил татарских идет». Обратная переправа свершилась «с велкою трудностью на возах, на бочках чинили себе перевоз, понеже судов мало было». Отписка Голицына излагала историю отступления от стен крепости более кратко.

Переправившись через пролив, отряд двинулся на Чонгар и далее на Перекоп, надеясь застать там русскую армию и гетмана Мазепу и послав к нему 8 гонцов с реляцией о сражении на Арабатской косе. Однако они, приблизившись к перешейку, не встретили там царских отрядов, обнаружив лишь следы движения крымского войска («два великия шляхи татарския, на которых побег от Перекопи татарский как пронимался» к расположению русских войск). «А по сем, быв наши посланные под башнею Перекопскою, — писал Свечка, — и не завидя войск государских украинских... возвратились все восемь человек от Перекопи и не слышали никакой стрельбы». Возвращаясь, посланцы натолкнулись на татарскую сторожу. Уходя от нее, они бросились в рассыпную, потеряли трех лошадей, а казак Малюта, у которого были письма к гетману, и вовсе пропал. После того как гонцы соединились с остальным войском и сообщили, что у Перекопа уже никого нет, в отряде поднялся ропот: казаки требовали отступления на р. Молочные Воды, что и было сделано. Отряд поднялся к устью Карачекрака, откуда Свечка наконец-то связался с Мазепой, выслав ему рассматриваемую здесь реляцию и жалуюсь на нехватку провианта и большой падеж лошадей³¹⁵. 1 июня люди Косагова пришли к месту расположения главной армии на р. Карачекрак «в целости». Голицын, оценив результаты экспедиции позитивно, отправил в столицу «с сеун-

³¹⁵РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 197. Л. 6–12; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 316–318.

чом» стольника Илью Андреева сына Змеева и Михаила Косагова (видимо, сын Г.И. Косагова), который «был в том походе». Мазепа послал сеунщика к великим государям отдельно³¹⁶.

О нападении на Горбатик в октябре 1689 г. в Батуринае кратко поведал пленный «черный» татарин из «Горбатовского уезду». Несмотря на то что комендант крепости успел приготовить ее к обороне, в целом атака русских войск на крепость стала для населения неожиданной, ведь атаки армии Голицына ждали на перешейке: «и пришли они в недоумение, что государские войска на двое — под Перекоп и под Горбаток пришли». Пленник свидетельствовал, что «под Горбатком были бои многие и урон был на обе ж стороны, потому что в том городке были присланы ис Кафы прибылые турецкие янычаны и воинских людей была знатная часть»³¹⁷. Окрестности крепости от набега пострадали мало («а уезду Горбатковскому разорение было малое, потому что тот уезд стал за Перекопью»).

После завершения второго Крымского похода думному дворянину и генерал-поручику Г.И. Косагову было объявлено царское милостивое слово: «да по ево ж ближняго боярина и оберегателя и дворового воеводы посылке, ты, думной дворянин и воевода, с ратными людьми под турецким городком Арбатком чинил промысл и под тем городком с неприятелскими людьми бились и многих неприятелских людей побили и в полон поимали, а иных в город вогнали и в море потопили, а сам ты с ратными людьми возвратились во всякой целости»³¹⁸.

В своих отписках Голицын не раскрывает цели рейда отряда Косагова на Арабатскую крепость. Принимая во внимание, что начало похода состоялось еще до появления русской армии у Перекопа, следует предположить, что экспедиция Косагова носила характер отвлекающего удара, который планировалось нанести примерно в одно время с решающими боями главной армии против основных сил крымской орды. Голицын рассчитывал, что Косагову удастся прорваться в Крым через Арабатскую косу, оттянув часть сил хана Селим-Гирея с главного перекопского театра военных действий и вызвав панику у населения полуострова. Однако турецко-татарская сторона учла такую возможность, ведя разведку и своевременно усилив гарнизон Арабата. В результате заставить врасплох крепость не удалось, а после упорных боев 17–18 мая, происходивших практически одновременно с боями в Зеленой и Черной долинах, которые вела основная армия, силы Косагова и вовсе отступили. Неприятель сумел организовать преследование, не дав нападавшим разорить окрестные территории. Все это показало готовность Крыма к обороне и подчеркивало высокий боевой дух противника, не собиравшегося пропускать русскую армию на территорию полуострова без боя.

Потери русской армии во втором походе

В одной из отписок, отправленных в Москву после начала отступления, Голицын подвел итог потерям, составившим более 1 тыс. раненых, 203 убитых, 41 пленного, 23 без вести пропавших (см. таблицу 4.12 на с. 240)³¹⁹.

³¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 318.

³¹⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 205. Л. 225.

³¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 725. Л. 240.

³¹⁹ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 373–374.

**Таблица 4.12. Сводные потери русской армии
во втором Крымском походе**

	Раненые	Убитые	Пленные	Без вести пропавшие
Стольники	18	4	–	–
Стряпчие	6	–	–	–
Дворяне	3	–	–	–
Жильцы	3	1	–	–
Начальные люди	22	–	–	–
Смоленская шляхта	4	5	4	–
Гусары, копейщики, рейтары, городовые дворяне	256	34	7 (рейтары)	16 (копейщики и рейтары)
Солдаты, стрельцы и казаки	130	17	18	7 (солдаты и стрельцы)
Всего	442³²⁰	61	29	23
Казаки Ахтырского и Сумского полков	563	142	12	–
Итого	1005	203	41	23

Данная сводка, к сожалению, не указывает ни конкретных полков, ни разрядов, и лишь выписанные отдельной статьёй потери слободских казаков дают представление о действительно кровавой схватке, разыгравшейся в их обозе 16 мая. В целом данный документ может вызвать вполне резонный вопрос, насколько полно в нем отражены потери русской армии в майских боях 1689 г.

Ответить на него позволяют сохранившиеся в архиве Разрядного шатра Большого полка первоисточники указанной сводки – росписи потерь по каждому разрядному полку. Они не совсем полны: так, по Большому полку присутствуют только росписи московских чинов, смоленской шляхты, а также копейных, рейтарских и солдатских полков, однако по остальным разрядным полкам документы дают исчерпывающую информацию. Росписи потерь не составлены по единому формуляру – делопроизводители каждого разряда оформляли документ и сводили цифры так, как считали нужным. В росписях потерь Севского, Рязанского и Новгородского разрядов общим было то, что число убитых подсчитали по полкам, хотя каждый документ имел свои особенности. Наиболее подробным и уникальным из них была поименная и поденная роспись потерь Казанского разряда, которая, как было показано выше, дает возможность реконструировать характер и время боев, в которых участвовал этот разрядный полк.

По Большому полку присутствует именной список погибших и раненых московских чинов. В боях с татарами четверо стольников дворянских рот Большого полка погибло: А.И. Голенищев-Кутузов (15 мая), князь И.Л. Касаткин-Ростовский,

³²⁰ В источнике ошибочно – 441. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 479 об.

И.В. Хитрово, И.С. Бутурлин³²¹; 12 было ранено: князь И.Я. Сонцов, Ф.Ф. Еропкин, С.С. Загрязский, князь И.О. Барятинский, А.М. Дмитриев-Мамонов, Д.М. Ртищев, А.Ф. Борков, И.И. Ознобишин, И.А. Пущин, И.В. Колтовский, Д.Е. Бахметев, М.И. Давыдов. Ранения получили также стряпчие В.С. Фустов, Н.С. Павлов и Ф.П. Скорняков-Писарев; дворяне Б.А. Коротнев, Н.С. Зеленой, жилец В.М. Дубенской. В указанную ведомость был также внесен один раненый курский калмык Иван Иванов³²².

Все столбцы потерь написаны разными почерками и, очевидно, являются оригиналами, присланными по соответствующему запросу в Разрядный шатер Большого полка. Цифры этих отчетов отражают общее число потерь, представленных Голицыным в общей сводке, и особых причин сомневаться в их достоверности нет — фальсификация с целью эвентуального преуменьшения потерь требовала не только слаженной (и в походных условиях крайне трудно достижимой) работы канцелярий всех разрядов, но и не имела никакого смысла с точки зрения внутреннего делопроизводства Разрядного приказа.

В этом свете важным предстает еще один комплекс источников, касающийся потерь русской армии во втором походе — сказки командиров дворянских рот (а иногда служивших в них московских чинов) о потерях в своих подразделениях, поданные в Разрядный шатер Большого полка в большинстве своем к 29 мая. Всего сохранилось 55 таких сказок. Большинство из них сообщает о потерях одного-двух человек, да и то главным образом боевых холопов московских чинов, а не самих стольников, стряпчих, жильцов и дворян³²³. При этом около 20 сказок и вовсе сообщают, что «ротные люди никто не убиты и в полон не взяты, да они ж ротные люди сказали, что люди их все в целости, никто не убиты ж и в полон не взяты»³²⁴. Это не только свидетельствует о слабой вовлеченности Большого полка в боевые операции 15–17 мая, но и в целом коррелирует с общим невысоким числом потерь, представленном в других документах.

При этом следует подчеркнуть, что во всех указанных документах представлены именно боевые потери за май 1689 г. Количество небоевых безвозвратных потерь — умерших от болезней, обезвоживания и других причин — неизвестно, и установить его на данном этапе не представляется возможным, а любые заявления о его огромном количестве могут базироваться лишь на весьма общих суждениях источников. Так, например, С. Глосковский пишет, что встретившиеся ему казаки якобы не могли наговориться «о wielkiej klęsce w ludziach, tak w Moswkie, jako i w kozakach» («о больших потерях в людях, как у москвитов, так и у казаков»)³²⁵. Ему вторит И. Рейер, сообщая о высокой смертности в армии Голицына из-за некачественной воды в речках после перехода за Самару³²⁶. Однако делать какие-то количественные оценки на основе таких спекулятивных рассуждений невозможно.

Общее число потерь по разрядным полкам и отдельным формированиям Большого полка представлено ниже в табличной форме.

³²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 64.

³²² Там же. Л. 63.

³²³ Там же. Л. 1–55.

³²⁴ См., например, сказку ротмистра 12-й дворянской роты Назария Мельницкого: Там же. Л. 55.

³²⁵ Археографический сборник... Т. 7. С. 164.

³²⁶ *Kwiatkowski K.* Informowanie o wyprawie wojennej... S. 100, 109.

Таблица 4.13. Потери Севского разряда в боях 15 и 16 мая³²⁷

Чины полковой и сотенной службы / полки		Тяжелоране- ные	Легкоране- ные	Убитые
Полковой сотенной службы		1	3	–
Копейщики		4	9	–
Рейтары	Полк подполковника Алферия Шневенца	2	4	–
	Полк полковника Томаса Юнгора	10	21 (в т.ч. 1 поручик)	2 (умерли от ран)
Солдаты	Полк подполковника Павла Беника	1	5	–
	Полк полковника Никифора Ширкова	1	4	–
	Полк майора Ивана Фоминцова	5 (в т.ч. один пушкарь)	18	2
	Полк Франца Фанголстина	–	2	–
Полк Исака Кобатова		1 стрелец и 1 драгун	1	–
Завоеводчик		–	1	–
Большой наряд		2 казака	8	–
Есаул		–	1	–
Всего		28	77	4
Общее число потерь: 109				

Таблица 4.14. Потери Новгородского разряда (начиная с 15 мая)³²⁸

Служилые люди / полки	Ране- ные	Уби- тые	Пропавшие без вести	Взятые в плен
Стольники	1	–	–	–
Дворяне	1	–	–	–
Жильцы	1	–	–	–
Прапорщики	2	–	–	–
Полк Михаила Челищева: гусары	2	1	5	1
Полк А.Ф. Траурнихта: копейщики рейтары	1	–	–	–
	11	8	–	–
Рейтарский полк Михаила Зыкова	1	4	–	1

³²⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 58–61.

³²⁸ Там же. Л. 67–71.

Служилые люди / полки	Раненые	Убитые	Пропавшие без вести	Взятые в плен
Рейтарский полк Вилима Лексина	4	–	–	–
Рейтарский полк Ивана Барова	–	1	–	–
Рейтарский полк Захария Кро		3		2
Стрелецкий московский полк Семена Огибалова	2	–	–	7
Стрелецкий московский полк Ильи Дурова	–	–	4	–
Смоленский стрелецкий полк Ивана Буша	–	3	–	–
Смоленский стрелецкий полк Якова Камбеля	–	–	1	–
Солдатский полк Христофора Кро	5	–	–	4
Всего	31	20	10	15
Общее число потерь: 66				

Таблица 4.15. Потери Рязанского разряда в разных числах мая³²⁹

Формирования Рязанского разряда	Раненые	Убитые	Взятые в плен / пропавшие без вести
Стольники	2 (В.И. Игнатов и А.Г. Пасынков)	–	–
Начальные люди рейтарского строя	3 (полка Ивана Вреда ромистр Л.М. Борыков и поручик И.Б. Облов; казанский иноземец В.И. Федосеев)	–	–
Рейтарский полк Дорофея Траурнихта	1 рейтар	–	–
Рейтарский полк Ивана Кулика Дорогомира	1 копейщик и 1 рейтар	1 рейтар	–
Рейтарский полк Ивана Вреда	3 рейтара	1 рейтар	–
Солдатский полк Якова Эрнеста	1 солдат	–	1 служилый иноземец
Солдатский полк Николая Балка	–	1 солдат	–
Всего	12	3	1
Общее число потерь: 16			

³²⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 107, 104–106 (правильный порядок листов).

Таблица 4.16. Потери Низового полка³³⁰

Городские / казацкие корпорации	Убитые	Раненые	Взяты в плен
Астрахань	3	4 стрельца	–
Уфа	1 казак	2 дворянина и 1 казак	1 казак
Царицын	1 стрелец	1 стрелец	–
Саратов	1 дворянин и 2 стрельца	–	–
Самара	1 стрелец	–	–
Яицкие казаки	2	5	1
Всего	11	13	2

Таблица 4.17. Потери Казанского разряда (15–24 мая)³³¹

Формирования Казанского разряда	Раненые	Убитые	Взяты в плен	Пропавшие без вести
Московские чины (стольники, стряпчие и жильцы)	5	1	–	–
Городовые дворяне	2	–	–	–
Люди Б.П. Шереметева, московских и городских чинов	7	4	2	–
Рейтарский полк М. Болмана	4	–	–	–
Рейтарский полк Д. Цея	57	5	–	–
Рейтарский полк И. Гопта	73	–	–	–
Рейтарский полк Х. Ригимона	20	5	–	–
Копейная шквадрона А. Шарфа	22	–	–	–
Солдатский воронежский полк А. Девсина (Девсона)	1	–	–	–
Солдатский полк Е. Линстера (Липстрома)	9	2	–	2
Солдатский полк Б. Беника	29	–	–	–
Стрелецкий полк С. Кровкова	8	–	–	–
Пушкари	3	–	–	–
Белгородские станичники	1	–	–	–
Всего	241	17	3	2

³³⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 108, 62 (правильный порядок листов).

³³¹ Там же. Л. 72–103.

Таблица 4.18. Потери смоленской шляхты и рейтар (начиная с 14 мая)³³²

Служилые чины	Убитые	Взяты в плен	Раненые
Шляхта	4 (Н. Поплонский, И. Заезерской, А. Кирик, Ф. Жабровский)	4 (И. Чеславский, С. Торнавский, Ю. Белевич, С. Поплонский)	–
Рейтары	1	2	2
Всего	5	6	2
Общее число потерь: 13 человек			

Таблица 4.19. Потери копейных, рейтарских и солдатских полков Большого полка³³³

Полковые чины	Пропавшие без вести	Взяты в плен	Раненые	Убитые	Всего
Квартирмейстер	1	–	–	–	1
Копейщики	2		11		13
Рейтары	8	1	7	3	19
Солдаты	2	6	17	5	30
Всего	13	7	35 (в росписи ошибочно 36)	8	63

Если сравнивать суммарные потери всех росписей с опубликованной Н.Г. Устряловым сводкой Голицына, то цифры последней несколько ниже, что может быть объяснено погрешностями при подсчете. Так, согласно росписям, убитыми значатся 72 человека, включая четырех отсутствующих в таблицах стольников Большого полка (у Голицына – 61), ранеными – 458, включая отсутствующих в таблицах московских чинов и курского калмыка (у Голицына – 442), пленными – 34 (у Голицына – 29), без вести пропавшими – 25 (у Голицына – 23). Конкретные сравнения показывают, что, например, сильно разнятся данные по потерям Смоленской шляхты, хотя общая сумма потерь не отличается; или, например, в отписке Голицына ранеными значатся 18 стольников, тогда как по всем спискам таковых насчитывается только 16 (12 – в Большом полку, 1 – в Казанском разряде, 1 – в Новгородском, 2 – в Рязанском) и т.д.

К максимальному числу потерь, которое нам дают их росписи по разрядам, можно прибавить не учтенных ими боевых холопов московских чинов Большого полка. Таковых по сказкам московских чинов насчитывается: убитых – 8; раненых – 7, взятых в плен – 27, пропавших без вести – 4³³⁴. Таким образом, общее и самое максимальное количество документально обоснованных потерь (с учетом сумцев и ахтырцев) будет следующим: убитых – 222, раненых – 1028, пленных – 73 человека.

³³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Ч. 2. Л. 65.

³³³ Там же. Л. 66.

³³⁴ Там же. Л. 1–55.

Основание Новосергиевска

Стоя в Новобогородицке, Голицын отдал распоряжение И.Ф. Волынскому о сооружении еще одной крепости на р. Самаре. Тот получил приказ 15 июня и после осмотра близлежащих земель отыскал «самое угрожаемое и крепкое и оборонное и у вод и у родников» место (см. цв. вклейку, рис. 10). Здесь, в урочище Сорок Байраков, выше Вольного Брода, был заложен город, получивший название Новосергиевск. Строительство шло в течение месяца, с 20 июня по 18 июля 1689 г., под руководством полковника Вилима Фанзалена, того же инженера, что проектировал Новобогородицк. К 1 июля был выкопан ров «и стен, и выводов сделано третья доля». Крепость была окружена родниками, лесами, тучными лугами и плодородными полями. Солдаты и рейтары под командованием Волынского возвели воеводский двор, приказную избу, погреб, 3 амбара, 50 изб для ратных людей. Город был меньше Новобогородицка — рассчитан всего на 500 ратных пеших людей. Он представлял собой четырехугольную крепость, окруженную ровом, валом и «щитом» (видимо, чем-то наподобие двойного палисада, пустоты между которыми были заполнены землей), с четырьмя выводами (бастionsами) по углам. Земляной вал был обложен дерном изнутри и снаружи. «Мерою в пошве», то есть у основания, ширина вала составляла 8 сажен, высота — 2 сажени, высота «щита» с внешней стороны — полсажени, с внутренней — сажень; ширина «щита» у основания — сажень с аршином, наверху — сажень. На расстоянии в 2 сажени от городской стены находился ров глубиной 5 саженей. На крепостной стене было оборудовано 50 раскатов и пробито двое ворот с башнями и «верхним боем»: в московскую сторону («Московские ворота») и к р. Самаре. Периметр стен составлял 376 сажен. Возле крепости предполагалось разбить посад, для защиты которого с трех сторон был сделан специальный окоп окружностью 600 сажен, укрепленный рогатками. В качестве гарнизона Волынский оставил в крепости стряпчего С. Анненкова с 300 солдатами и офицерами, «и с пушки, и со всякими полковыми припасами с хлебными запасами». В дальнейшем в гарнизон планировалось добавить еще 200 стрельцов из полка А. Чубарова³³⁵.

Строительство Каменного Затона, Новобогородицка и Новосергиевска было важным средством военно-политического натиска на Крым, однако недостаточно эффективным в условиях отказа Москвы от серьезных наступательных мер в отношении османских укреплений в устье Дона и особенно — в устье Днепра.

Меры по обороне южных и юго-западных границ

В ходе кампании 1689 г. были приняты традиционные меры по обороне юго-западных границ, прикрывавшие правый фланг наступающей армии и ее систему снабжения. По совместной договоренности В.В. Голицына и И.С. Мазепы, достигнутой в конце февраля 1689 г. в ходе встречи в Севске, на Правобережную Украи-

³³⁵ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 190–199; *Яворницкий Д.И.* История... Т. 3. С. 62–63; *Мильчев В.І.* Сергіївська фортеця на землях Запорозької Січі (1689–1711) // *Twierdza osiemnastowiecznej Europy. Studia z dziejów nowożytnej sztuki wojskowej.* Oświęcim 2016. S. 164–175; *Мильчев В.І.* Джерела з історії заснування у 1688 році на запорозьких землях Сергіївської фортеці (в контексті перевидання археографічного доробку Д. Яворницького) // *Історія і культура Придніпров'я.* Невідомі та маловідомі сторінки. Науковий щорічник. Вип. 3. Дніпропетровськ, 2006. С. 5–16; *Філімонов Д.* Новосергіївська фортеця: маловідома пам'ятка Присамар'я кінця XVII–XVIII століть // *Нові дослідження пам'яток козацької доби Україні.* Збірник наукових праць. Київ, 2012. Вип. 21. Ч. 2. С. 137–149.

ну для прикрытия Киева, Переяславля и иных «поднепрских городов» от нападений белгородских татар решено было направить двухтысячный отряд. Он должен был расположиться под Черным или Лебединым лесами «в крепких и пристойных местах» и «иметь всякую осторожность и безпрестанные по всем путем, где обыкли неприятели ходить, сторожи и проезды, чтоб неприятелей под малороссийские города не допустить». Голицын направил для этой цели стрелецкий полк А.А. Чубарова, Мазепа — казаков киевского и переяславского полков во главе с полковниками Г. Коробченко (Коровченко или Коровка-Вольский) и Я. Головченко³³⁶. Численность киевского гарнизона летом 1689 г. составляла 2,2 тыс. человек, включая жилой рейтарский полк полковника Я. Иваницкого (169 человек), жилой солдатский полк полковника А. Рубцова (539 человек), стрелецкие полки полковников С. Капустина (580 человек), И. Ушакова (533 человека) и А. Обухова (366 человек)³³⁷.

Меры эти оказались весьма своевременными. В самом конце мая из Белгородской орды под Киев двинулись 1200 ногайцев под предводительством Бек-мурзы Кантемирова сына Уракова, ища, «где б им достать ясырю или что случитца». По пути орда пленила безоружных казаков, шедших «для покупки соли» в Белую Церковь, а затем, «не займывая литовской стороны», ударила на «ближние места» под Киевом, захватив там «животинные» и «конские стада»³³⁸.

13 июня «в шестом часу дни» в Киев примчался «с отъезжего караула» рейтар Киевского полка, сообщив о появлении большого числа татар, переправлявшихся через р. Лыбедь. Воевода М.Г. Ромодановский немедленно отдал приказ «выстрелить из вестовых пушек для осторожности уездных и всяких чинов людей». Против татар были высланы подразделения киевского гарнизона: рейтары Я. Иваницкого, стрельцы С. Капустина, И. Ушакова и А. Обухова, солдаты А. Рубцова (Рубкова). В тот же день у русских войск «с теми татары за Лыбедью против Кириловского монастыря был бой», в результате которого «многих татар побили и скотцкие стада у татар отбили и взяли в языцах татарина» (отправлен к Голицыну 15 июня). Одновременно Ромодановский «наскоро» послал гонца к киевскому полковнику Г. Коровченко, расположившемуся с полком «для осторожности от приходу неприятельских бусурманских приходов» у Триполья (в 30 верстах от города), с приказом преследовать и громить отходящих татар³³⁹.

А.А. Чубаров в отписке Голицыну свидетельствовал, что 13 июня, двигаясь вместе с Головченко к Лебедину лесу, они соединились с киевлянами Г. Коровченко у урочища Кагарлык. В тот же день (о получении известия от Ромодановского здесь ничего не говорится) объединенный отряд обнаружил татарскую сакму, ведущую к Киеву, и начал преследование. В результате отходившие из-под Киева тата-

³³⁶ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 381. См. также аналогичную отписку в Малороссийский приказ (без окончания): РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 380–380 об.

³³⁷ Великанов В.С. Гарнизон Киева в 1687–89 гг. (мероприятия российского правительства по обеспечению безопасности южных рубежей в ходе Крымских походов 1687–1689 гг.) // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: международная научно-практическая конференция (2019; Волгоград). Волгоград, 2019. С. 177.

³³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1274. Л. 23. Один из участников набега, белгородский ногаец Урмаметева улуса Тударко Тюнеев, отстал от войска, чтобы поймать себе коня, вследствие чего был захвачен русскими ратными людьми, отвезен в Киев, а 19 июня доставлен в ставку В.В. Голицына.

³³⁹ Там же. Л. 88, 90.

ры 16 июня были настигнуты русско-украинским отрядом под Ольховцем, недалеко от Капустиной долины. В ходе двухдневных боев неприятель был разгромлен, скот и пленные отбиты, в плен попали 20 татар, двоих из которых отправили к Мазепе, а тот, в свою очередь, переправил их к Голицыну. С сеунчом об этой победе был отправлен в Разрядный приказ И. В. Извольский³⁴⁰.

23 июня, стоя на Коломаке, Мазепа и Голицын определили («усоветовали и постановили») конфигурацию сил для прикрытия южных рубежей России («для опасения от неприятельских приходов») после окончания похода. В Новобогородицке должен был остаться полк И. Ф. Волынского, включавший в себя ратных людей других полков, которых Голицын и его «сходные товарищи» оставили там «за поздней приезд». К нему «в прибавку» оставался Острогжский полк (1,5 тыс. человек) во главе с полковником И. Сасом, пришедший из Батурина московский стрелецкий полк стольника Ф. Колзакова, а также сердюцкий пехотный полк Еремея Андреева. По р. Орели Мазепа должен был расставить 3 конных компанейских полка и 2 пехотных сердюцких. В Переволочне для контроля днепровских переправ решили оставить полк А. А. Чубарова, 500 киевских казаков Г. Коровченко и еще один пехотный сердюцкий полк. Войска, расположенные на р. Самаре и Орели, поступали под верховное командование И. Ф. Волынского и должны были идти к нему «для промыслу и поиску над неприятели» по первому зову³⁴¹.

Как и в прошлом году, летом 1689 г. татары предприняли ряд нападений на Изюмскую черту, хотя, судя по всему, не таких интенсивных. В начале июня перекопский бей Шан-Гирей султан послал из Крыма Доймеш-агу с пятидесятью татарами «для языков с ведома хана крымского». По дороге на р. Самаре к небольшому отряду присоединилось 400 крымских и азовских татар и 50 запорожцев. Объединенный отряд двинулся под слободские города Изюмской черты — Змиев, Бишкин, Лиман. Один из крымских татар отлучился от отряда, чтобы напоить коня в Северском Донце, был пойман казаками и отвезен в Змиев, откуда местный воевода, стольник Семен Дурново, отослал его в Белгород. 26 июля он был допрошен «через огонь» (в связи со слухами об эпидемии в Крыму) в белгородской разрядной избе, после чего командующий Белгородским разрядом Б. П. Шереметев послал своему сходному товарищу, думному дворянину и чугуевскому воеводе С. Б. Ловчикову, распоряжение об усилении бдительности в слободских городах. Одновременно Шереметев приказал харьковскому полковнику Г. Донцу послать к Ловчикову харьковских казаков во главе со своим сыном Константином «для береженья тамошних городов от приходу тех и иных воинских людей»; сам харьковский полковник должен был готов выдвинуться «по подлинным вестям» с остальными казаками. Аналогичный указ был послан в Ахтырку к тамошнему полковнику И. Перекрестову³⁴².

Несмотря на предпринятые меры предосторожности и своевременно полученные данные о татарских загонах, в июле небольшие отряды ордынцев все же смогли прорваться к городам Изюмской черты. 22 июля татары пришли под Бишкин, где захватили в плен «многих людей», в том числе казака Сергея Грицко, которого отвезли в Крым, а в конце месяца захватили 33 человека и убили семерых под Ли-

³⁴⁰ Устрялов Н. Г. История... Т. 1. С. 381–382. См. также аналогичную отписку в Малороссийский приказ (без окончания): РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 380–380 об. М. Г. Ромодановский получил известие от киевского полковника о разгроме татар 21 июня (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 1274. Л. 90, 89).

³⁴¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 381–381 об. (отписка Голицына в Малороссийский приказ).

³⁴² Там же. Л. 452–459.

маном³⁴³. Кроме того, небольшие татарские отряды разбойничали в мае и в августе южнее черты, в районе Тора³⁴⁴.

Взаимодействие России с польским союзником в 1689 г.

В 1689 г. австрийские войска вновь действовали успешно, нанеся в июле – августе и ноябре османам ряд поражений и освободив Южную Сербию. Это стало пиком успехов Священной лиги в войне с Портой³⁴⁵. Польское войско ограничилось в 1689 гг. неудачным походом под Каменец-Подольский, а отношения Москвы и Варшавы в этот период свелись к взаимному информированию о военных операциях и отчасти — к обвинениям в невыполнении союзнических обязательств.

Перед отправлением в поход из Сум (то есть в марте 1689 г.), В.В. Голицын отправил в Речь Посполитую к коронному и литовскому великому гетманам С. Яблоновскому и К.Я. Сапеге краснопольского сотника Сумского полка Прокофия Андреева. 3 апреля он прибыл во Львов, явившись некоему «губернатору Гладковскому, которой правит на гетманском месте». Тот, ознакомившись с проезжими грамотами Андреева, в тот же день выделил ему подводы и назначил приставом до Варшавы. Подъезжая к Варшаве, сотник встретил покинувшего город крымского посланца. Андреев спросил у крымцев, «помирились ли они с полским королем или нет и посланник ему, Прокофью сказал, что миру между ими никакова не учинено и будет читна война». Позднее коронный подскарбий М. Замойский сообщил сотнику, что посланника велено отправить во Львов, где задержать, не отпуская в Крым.

В столицу Польши русский гонец прибыл 11 апреля и в тот же день был принят коронным гетманом Яблоновским, интересовавшимся ходом кампании и особенно строительством крепости на р. Самаре. Когда Андреев рассказал о раннем выступлении русских войск в поход, гетман спросил, «чем будут доволствованы войсковые лошади». Русский гонец сообщил о завершении строительства Новогородицка и заготовке значительного числа продовольствия и фуража в «украинных» городах. Яблоновский также интересовался, кто возглавляет русское войско помимо В.В. Голицына. Получив ответ, он пожелал, «чтоб Господь Бог подаровал им всем бояром и воеводам с войски на тех врагов креста святого победу и счастливое одоление». На этом аудиенция закончилась. Вечером того же дня сотник Сумского полка посетил русского резидента П.Б. Возницына в Варшаве, вручив ему письмо от главнокомандующего. Вместе они посетили на следующий день литовского подскарбия Бенедикта Сапегу, брата великого литовского гетмана, вручив ему «лист» Голицына для К.Я. Сапеге. По приказу коронного гетмана Андрееву отвели постоялый двор, приставили почетную стражу из гайдуков, щедро кормили и поили. Яблоновский, вручая русскому гонцу ответное письмо, заверил его, что «он на неприятелей креста святого на Буджацкую и на Белгородцкую орды войска коронные соберет и поставит под Трёмбовлем в две недели», и будет информировать Голицына о своих дальнейших действиях. 15 апреля Андреев выехал из Варшавы, но на обратном пути встретил посланца Яблоновского, некоего Бунковского, возвращавшегося из Кры-

³⁴³ [Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание... Отделение IV. Стб. 198, 203.

³⁴⁴ [Епископ Филарет (Гумилевский)]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение V. Стб. 130–131.

³⁴⁵ Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги в войне с османами (от осады Вены до Карловацкого мира // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 280–281.

ма в сопровождении ханского гонца. Бунковский сообщил, что Селим-Гирей ныне находится в Килии «над Дунаем», собираясь выступить с белгородскими татарами «против войск цесарского величества» и послав при этом «для охранения Крыма» от русского наступления калгу и нураддина. В стан русской армии Андреев возвратился 12 мая «на урочище Каирки Мечетной»³⁴⁶.

В доставленном Андреевым письме Яблоновского гетман выражал радость по поводу начала русской кампании и сообщал, что еще в конце марта (за две недели до приезда русского гонца) послал в польские войска «универсалы и указы, чтоб они совокуплялись и шли на рубеж и для того, как совокупятца, чтоб не празньвали». Гетман и сам собирался выехать к армии 15 апреля. В тот же день в расположение русских войск должен был выехать гетманский резидент, брацлавский стольник С. Глосковский. Яблоновский подчеркивал, что, несмотря на произошедший срыв сейма (сорван 1 апреля 1689 г.), король и Речь Посполитая прилагают все усилия, чтобы «общему союзу чинилося доволство и войски б на поле как лутчи и как скоря высланы были и промыслы б над неприятелем как совершеннее на сей войне за времени чинены были», тем более что по полученным в Варшаве известиям Селим-Гирей «со всеми своими силами обретаецца в Белогородчине». Коронный гетман хвалил Голицына за высылку отряда на Правобережье Днепра, к Черному лесу, для предупреждения возможных татарских набегов и информировал главнокомандующего, что также отправил в этот регион — под Белую Церковь и под Богуслав — «подлинные хорунгови». Он обещал послать командирам польского отряда приказ, чтобы они «с начальником их царского величества тамошних войск пересылки о всем чинили». Кроме того, Яблоновский сообщал о твердом намерении Речи Посполитой не заключать сепаратный мир с Портой при посредничестве Крыма, а вести мирные переговоры только вместе и по соглашению с союзниками по антиосманской борьбе, включая и Россию (такие переговоры как раз начались недавно в Вене). В доказательство этих намерений он пересылал текст письма Яна Собеского крымскому хану³⁴⁷. В указанном послании (от 25 марта н. ст.) польский король декларировал, что готов принять посредничество Селим-Гирея в заключении мира, несмотря на идущие в данный момент прямые переговоры с турками, но только от имени всех союзников, а не сепаратно³⁴⁸.

В ходе возвратного марша Голицын направил 15 июня из Новобогородицка (через Киев) в Речь Посполитую еще одного посланника — полковника М. Фливерка³⁴⁹. Фливерк повез обширное письмо на имя короля, подписанное всеми русскими вое-

³⁴⁶РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 278–287. В Варшаве Андреев стоял на одном дворе с молдавским посланцем к коронному гетману. Тот сообщил ему, что «хан крымской хотел было завоевати волохов и мутян, на что дети ево ханские ему не позволили, что он то на старости чинит и на господина своего руки подымает и свиное мясо хочет ести вместе с христианы напрасно. И дали о том знати турком. И для того хан крымской к салтану турецкому ис Крыму и взят, и сидел в везенью многое время, и хотел было ево хана салтан турецкой заслать в сылку за море на остров, где и иных ханов засылают и от той ссылки свободил ево для прошения детей ево ханских» (Там же. Л. 286–287). См. запись указа о выдаче П. Андрееву жалованья за поездку в размере 5 руб.: Там же. Л. 300–300 об.

³⁴⁷Там же. Л. 288–292. К письму также прилагались «сеймовые статьи» — краткий пересказ решений так называемой посеймовой рады Сената, состоявшейся в начале апреля. См.: Там же. Л. 295–298.

³⁴⁸Там же. Л. 293–295. См. также: Там же. Л. 382–382 об. (отписка Голицына в Посольский приказ о поездке Андреева).

³⁴⁹Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 240; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 341, 352.

водами во главе с Голицыным. Подчеркивалось, что русское войско, придерживаясь союзных обязательств и «отвращая силы бусурманские хана крымского», вышло в поход «с великою трудностью» ранней весной, «не взирая на разлитие в реках чрезвычайных великих вод» и отсутствия корма для лошадей («шли мы дикими полями с великим поспешением, везучи с собою конские кормы до тех мест, покамест в полях травы явились»). Сам поход и сражения («кровавые бои») с крымцами 15–17 мая описывались в духе сеунчей на царское имя: русские войска бились «храбро и мужественно» и «те долины их бусурманскими трупами уклали и живых многих паимали». Численность войск противника оценивалась в 150 тыс. человек, при этом в Крыму остались лишь «старые да малые». После поражения хан заперся в Крыму и «злохитрым своим вымыслом Белгородцкую Орду и яман-саадака, и горских черкес, и нагайцов оставил в полях за Перекопою позади обозов наших, которые около нас травы зажигали и в добывании конских кормов помешку нам чинили». Сообщалось и о русско-крымских переговорах и их неудаче. Причина ее обосновывалась тем, что крымский представитель отказался признать полномочия В.В. Голицына заключать мир от имени Речи Посполитой, мотивируя это тем, что у «королевского величества с ханом уже мир учинен и посланники... королевского величества и ныне при нем хане в Перекопи обретаютца, которых он имеет вскоре к... королевскому величеству отпустить о том же миру». Это подтверждали и взятые русскими татарские пленники, однако В.В. Голицын подобные заявления «слушать у них не хотел», и «без общего совету» с Варшавой «в миру... хану... отказал». При этом польская сторона упрекалась в полной пассивности в кампанию 1689 г. Опираясь на показания пленных, в послании королю заявлялось, что польско-литовская армия не оказала в соответствии со своими обязательствами никакого противодействия в отношении Белгородской орды, что давало хану Селим-Гирею свободу рук в отношении русской армии: «и приходу войск вашего королевского величества белгородские орды на себя не чают». Сообщалось и о походе Косагова на Арабат. Оценивая результаты кампании, русские воеводы во главе с Голицыным подчеркивали, что в ходе нее «всегда их поганцов ратные царского величества люди мужественно побивали и коней и ратную их збрую у них имали и с поля их збили и от обозов наших отогнали». Сам поход 1689 г. завершился «безо всякого упадку» царских войск³⁵⁰.

Фливерка сопровождал представитель гетмана И. Мазепы Яков Глуховец. Прибыв во Львов, Фливерк и Глуховец не застали там ни короля, ни гетмана Яблоновского, который выехал к Яну Собескому в его резиденцию Яворов. Они были приглашены на обед к коронному подскарбию М. Замойскому, который расспрашивал их о Крымском походе. После этого русские посланцы двинулись в Яворов к королю, прибыв туда 2 июля. Им были отведены квартиры, а вскоре посланцев посетил королевский секретарь С. Ружицкий, интересуясь характером привезенной ими корреспонденции. В тот же день Фливерка и Глуховца тепло («ласково») принял Яблоновский, расспрашивая о здоровье Голицына и его товарищей, а также с особенным

³⁵⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 342–353. Подписи слева направо и сверху вниз: В.В. Голицын, И.С. Мазепа, Ф. Барятинский, А.С. Шеин, Л.Р. Неплюев, Г.И. Косагов, Б.П. Шереметев, Я.Ф. Долгоруков, А. Хитрово, В.Д. Долгоруков, В.А. Змеев, Е.И. Украинцев, В.М. Дмитриев-Мамонов, В. Хитрово. Судя по всему, именно это письмо, посланное с М. Фливерком, Н.Г. Устрялов характеризовал как стремление Голицына представить второй поход на Крым в качестве небывалого успеха и обеспечить распространение о нем соответствующих известий при дворах союзников через посредство русского резидента в Речи Посполитой, Ивана Волкова (*Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 240–241*).

интересом — «о поведении военном», то есть о событиях второго похода на Крым. На следующий день, 3 июля, Фливерк послал Глуховца к Яблоновскому с просьбой организовать аудиенцию у короля как можно скорее и отпустить посланцев без задержки. В ходе встречи коронный гетман, выслав всех присутствующих, еще раз расспрашивал Глуховца о походе Голицына наедине, ожидая, по-видимому, услышать, более подробный и неофициальный рассказ. Однако представитель Мазепы, если верить его словам, «говорил те ж речи, что и с полковником сказывали, подробно». Яблоновский заверил, что королевский прием состоится сегодня же. Действительно, вскоре после этого Фливерк и Глуховец, сопровождаемые чашником Андреем Слобоцким и поручиком Войтехом Лаской, прибыли в королевский дворец. Собеский лично принял у них письма, поинтересовавшись здоровьем русского главнокомандующего и спросив, «как им поводилось в степной дороге». 5 июля Фливерк и Глуховец еще раз встречались с Яблоновским в присутствии русского резидента при польском дворе — Ивана Волкова. Гетман, «выслав всех своих дворян, говорил с ними на одине о военном поведении пространно». 6 июля, получив отпускную аудиенцию у короля и его письмо к Голицыну, Фливерк и Глуховец двинулись во Львов, где 10 июля вместе с Волковым побывали на обеде у выехавшего туда Яблоновского. 12 июля гетман вручил им свои послания к Голицыну («и отпустил их учтиво и приказывал ласково, чтоб они поклонились от него ближнему боярину князю Василью Васильевичу и всему ево товариству поздравствовали и кланялся многожды с учтивостью») и на следующий день посланцы двинулись в обратный путь³⁵¹.

Польский король в ответном письме русским воеводам (от 16 июля н. ст. из Яворова) сообщал, что «с великою радостью и удовольствием приемлет» известие о походе царских войск на Крым, но в то же время, комментируя их отступление от Перекопа, заявлял, что в случае принятия его стратегического плана 1686–1687 гг. кампания была бы более успешной. Собеский отвергал какие-либо обвинения в сепаратных переговорах с Крымом, утверждая, что все контакты Варшавы с противной стороной осуществлялись вместе с остальными союзниками, в том числе Россией, в ходе переговоров в Вене. Он указывал и на причины, сделавшие невозможным весеннее выступление польской армии: отсутствие подножного корма для лошадей ранней весной и отсутствие денег на военные расходы из-за срыва сейма («злора людская, завидуя, мнитися, счастливым христианским поведением, сейм нам толь зело потребен и толь долго протягнут, розорвала»), хотя король и компенсировал часть затрат из собственной казны. Собескому, по его словам, удалось вывести войско в поле, которое якобы «в готовности стоя, по всяк момент самых толко от велеможного князя дожидалось вестей» и ныне ждет известий о дальнейших военных планах Голицына³⁵².

³⁵¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 429–433. Доехав до Севска, посланцы разделились. Глуховец поспешил вслед Мазепе, ехавшему в Москву, догнав его 5 августа после Калуги, у села Недельное. Примечательно, что Мазепа ехал в одной карете с Л.Р. Неплюевым. 7 августа Глуховец был в Москве, где изложил вышеописанные обстоятельства поездки. Письмо Мазепы Голицыну с информацией об отправке посланца в столицу от 5 августа см.: Там же. Л. 434–435. См. также письмо С. Яблоновского Мазепе: Там же. Л. 436–438 (коронный гетман желал Мазепе и царским войскам дальнейших успехов в борьбе с Крымом, несмотря на неудачу похода; объяснял невозможность польско-литовской армии начать кампанию ранней весной и сообщал, что она начинается ее как раз сейчас, в связи с чем надеялся, что царская армия окажет Речи Посполитой поддержку; отвергал любую возможность заключения сепаратного польско-крымского мира).

³⁵² Там же. Л. 354–360.

Действия крымцев после отступления русских войск (вторая половина лета – середина осени 1689 г.)

В июне 1689 г. взятые в плен под Новобогородицком татары сообщали, что еще во время стояния у Перекопа к Селим-Гирею прибыл османский чауш с приказом отправить войска в Венгрию, однако хан отказался, указывая на очевидную угрозу со стороны голицынской армии: «мне де свое кочевье оставя, стыдно чюяго искать». Более того, Селим-Гирей напоминал сюзерену о необходимости прислать ему подкрепление для защиты своих владений. Однако уже в июне хан, «проведав подлинно» об отступлении русских войск за Самару и Орель, якобы готовился «итти войною на цесаря и на Венгерскую землю»³⁵³. В июле взятый в плен крымский татарин рассказал в белгородской разрядной избе, что Селим-Гирея вызывают к османскому двору и он собирается выехать в Аккерман. Этому сопутствовали слухи, что «турской салтан сего хана хотел переменить»³⁵⁴.

К концу 1689 г. в Москве был получен ряд известий от шпионов и выходцев из плена, которые позволяют в основных чертах восстановить действия Селим-Гирея и его приближенных после отступления русского войска от границ Крымского ханства.

Пленный татарин Ненисупко рассказывал, что по возвращении Селим-Гирея в Крым (июнь) он пробыл там около месяца, куда «от салтана турского были к нему присылки беспрестанные, чтоб он с ордою шел в Белгородчину для того, что полские войска х Каменцу Подолскому пришли и около Каменца хлеб и всякие кормы все потолочили». Выступление Селим-Гирея на Буджак «по тем вестям»³⁵⁵ подтверждается и другими такими же известиями. Ф. Зароса, сообщал, что «по отходу войск государских от Перекопи от салтана турского прислан был к хану чауш нарочно с таким указом, дабы в Белогородчину выходил ис Крыму, перед которым хан, хотя отгаваривался своею в то время болезнию, однакож де видя, что тот чеуш без него отнюдь не хочет ехати, в несколько недель вместе с ним, чеушем, толко с своим самим двором ис Крыму в Белогородчину пошел болен». Через несколько недель вслед ему (Зароса утверждал, что перед праздником Покрова, то есть в сентябре) отправился калга, «собрав крымскую орду несколько на десять тысяч»³⁵⁶. Пленный татарин Нарик Суфу, допрошенный в Батурине 18 октября 1689 г., не только подтверждал эти сведения, но и отмечал, что калга также медлил со своим походом, в то время как Селим-Гирей ожидал его «на границе волоской»³⁵⁷. А Ненисупко уточнял, что где-то в сентябре хан «прислал из Белагородчины... в Крым Кара Мустафу агу с таким указом, что по присылке салтана турского велено выслать ис Крыму татар с села по 2 человека с калгою салтаном в Белогорочтину для того, чтоб волоские войски с мултянскими не пришли в противность ему салтану и чтоб из Белгородчины вступить в Волоскую землю»³⁵⁸.

³⁵³ Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 380.

³⁵⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 458. Также татарин сообщил, что после отъезда хана калга и нурадин должны были совершить большой набег «под государские украинные городы», но этому помешала малочисленность татар в Крыму (около 10 тыс. человек) и начавшееся на полуострове «моровое поветрие». Вся эта информация, впрочем, вызывает сомнение.

³⁵⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 205. Л. 226.

³⁵⁶ Там же. Л. 63.

³⁵⁷ Там же. Л. 218. «В Крыму на месте ханском остался ныне старейшиною нурадын салтан, а калга салтан идет на помощь хану с войском по указу, от хана присланому, которой купно с ними ис Крыму уже вышел, токмо замедлил, розбирая свое войско».

³⁵⁸ Там же. Л. 228.

Петр Волошенин, казак Прилуцкого полка, примкнувший к казакам Запорожской Сечи после окончания похода на Крым и участвовавший в посольстве сечевиков к хану (посольство прибыло в ставку Селим-Гирея на «Белгородчину» на шестой день после праздника Успения Богородицы, то есть приблизительно 21 августа 1688 г.), стал свидетелем того, как «пришел от салтана турецкого к хану такой указ, чтоб поспешил на помощь войскам его, которые от войск цесаря христианского поражены». Селим-Гирей, однако, поначалу не спешил выступать на Балканы, оправдываясь тем, что «хоть ляхи прежде присылали послов своих, прося миру, а ныне с войсками своими пришли под Каменец, которым хотя отпор дати, понужден подлинно замешкать и для того он, хан, послал под Каменец с ордами белгородскими Яла-Агасу белгородского». Однако вскоре из ставки султана последовал «другой указ, чтоб конечно без задержания с ордами пришел». На этот раз Селим-Гирей подчинился и «рушился оттуду х Килию и пошел на Венгров». Волошенин вернулся на Сечь на день Покрова (1 октября)³⁵⁹. Данные свидетельства очевидцев о том, как хан, так и калга до последнего момента оттягивали выступление на помощь османам, несколько противоречат османским и крымским хроникам, которые более обобщенно пишут о том, что хан практически сразу после окончания кампании против русских войск (13 июля 1689 г.) отправился на помощь султану³⁶⁰. Польский историк М. Вагнер, достаточно подробно описывающий польскую кампанию лета — осени 1689 г., когда коронное войско гетмана С. Яблоновского (около 25 тыс. человек) предприняло неудачные попытки осадить Каменец-Подольский (состав гарнизона: 4 тыс. янычар и 1,5 тыс. кавалерии при 227 пушках и 14 мортирах), не отмечает появление на подольском театре крупных татарских отрядов. В августе пришли известия о движении к Каменцу 5-тысячной орды, но в итоге татары у польского лагеря так и не появились, вплоть до отступления коронной армии. Во второй половине сентября — октябре польское войско располагалось на Воляни, строя планы перехвата сопровождаемого татарами каравана с провиантом и амуницией (так называемого захара), который, по слухам, должен был выйти из Молдавии на Каменец³⁶¹. Набег 60-тысячной орды, «страшно» опустошившей Волянь и Галичину в августе — сентябре 1689 г., о котором пишет В.А. Артамонов³⁶², никак не вяжется с изложенными М. Вагнером фактами, которые говорят скорее о полной пассивности татар на польском театре военных действий в текущем году. Русские источники подтверждают эту картину, внося в нее ряд важных нюансов и показывая, что военные усилия и Москвы, и Варшавы, пусть и неудачные в ко-

³⁵⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 205. Л. 44–46. Ф. Зароса, находившийся в Крыму, впрочем, утверждал, что в Венгрию отправился только калга, тогда как Селим-Гирей «оздоровел после своей болезни и з Белгородскою ордою пошел под Каменец и там на поляках велми добылся, а колга салтан с крымскою ордою пошел на Венгров, хан ис-под Каменца возвратяся имеет в Белгородчине постояти до зимы» (Там же. Л. 63–64). Уже упоминавшийся Петрович связывал упомянутую болезнь хана с ранениями, полученными в сражении при Черной долине, что стало причиной того, что Селим-Гирей «не выхаживал никуда, посылал орду, а в ево место ходил белгородцкой начальник имянем Ял-Агаси» (Там же. Л. 28). Примерно также описывал события и Ненисупко: «А пришед в Белгородчину белгородцких мурз [хан] всех послал с ордою х Каменцу Подолскому против полских войск» (Там же. Л. 227).

³⁶⁰ Смирнов В.Д. Крымское ханство... Т. 1. С. 442–443; Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов... С. 94–95.

³⁶¹ Wagner M. Stanisław Jabłonowski. Т. 2. S. 33–44.

³⁶² См., например: Артамонов В.А. Страны Восточной Европы... С. 307.

нечном итоге, сыграли определенную роль в отвлечении активности Крымского ханства от балканского театра военных действий.

В целом действия Селим-Гирея начиная с июня можно реконструировать следующим образом. Пробыв в Крыму после возвращения из похода где-то месяц, он в конце июля — начале августа направился на Буджак по настойчивым просьбам султана, однако, судя по всему, сознательно оставил на полуострове крымское войско. Против осаждавших Каменец польских отрядов хан предпочитал действовать, посылая туда белгородских татар, что делало невозможным отправку сколь-нибудь значительных контингентов на Балканы. Наконец, после новых неоднократных напоминаний султана во второй половине августа Селим-Гирей отдал приказ о мобилизации для похода в Венгрию собственно крымской орды, однако из-за ряда проволочек выступила она поздно, не ранее сентября 1689 г. В октябре хан с войском все еще находился на границе с Молдавией. Все это должно было обусловить прибытие крымских и белгородских татар на помощь туркам достаточно поздно — в самом конце осени 1689 г.

Итоги Крымских походов

Контуры стратегии России в первый («крымский») период войны были следующими: путем прямого натиска армии, превышавшей силы Селим-Гирея, в условиях, когда последний не мог получить действенной османской помощи, в Москве рассчитывали принудить хана к переговорам и заключению нового договора на условиях, варьиовавшихся от признания верховной власти царя до официального отказа Бахчисарая от ежегодных поминок. На реальное завоевание полуострова путем вторжения туда через Перекоп в Москве вряд ли рассчитывали. Включив в новую ханскую шерть обязательство не совершать набеги на Польшу, договор с которой был единственным обязательством, связывавшим Россию со Священной лигой, В.В. Голицын мог официально объявить, что цель, ради которой царское правительство решилось на войну, достигнута, а обязательства по союзному договору выполнены. Однако все эти замыслы разбились о военные неудачи Крымских походов и твердую позицию Селим-Гирея, занятую в ходе переговоров и 1687, и 1689 гг.

В рамках избранного подхода следует объяснить неприятие В.В. Голицыным предложений Яна Собеского об атаке на днепровские крепости или даже Азов, совместные действия против Белгородской орды и т.д. Лишь в критической ситуации, перед лицом полного провала кампании 1687 г., главнокомандующий хватается за планы взятия османских опорных пунктов в низовьях Днепра: с этой целью туда в июне посылаются корпус Л.Р. Неплюева и Г. Самойловича; планы атаки на Казы-Кермен разрабатываются весной 1688 г. Однако, как только у Голицына возникает понимание, что угрозы русско-польскому союзу нет, что Речь Посполитая в силу своей военной слабости рассчитывает на любую поддержку и содействие со стороны России, планы наступления на днепровские крепости немедленно убираются под сукно. Подобные колебания можно объяснить стремлением избежать углубления конфронтации с собственно Турцией, что могло помешать выходу из войны в случае достижения соглашения с Крымом.

В связи с этим, с точки зрения «крымской стратегии» Голицына, взаимодействие с союзниками, в первую очередь с Польшей, носило второстепенный характер. Формально выполнив закрепленные за ней союзные обязательства, Россия в первую очередь думала о собственных интересах. Тем не менее, как было показано на конк-

ретном материале, походы 1687 и 1689 гг., пусть и неудачные, в определенной мере способствовали сковыванию и отвлечению от других театров военных действий, в том числе польского, армии Селим-Гирея, хотя значение этих акций в рамках общей коалиционной войны Священной лиги с Турцией, конечно же, преувеличивать не стоит.

Несмотря на неудачу, кампании 1686–1689 гг. продемонстрировали возросший военный потенциал русского государства. И речь здесь не только о способностях государственной власти эффективно организовывать масштабные мобилизации войск и концентрировать необходимые припасы, но и учитывать и совершенствовать указанные процессы, что со всей очевидностью проявилось в ходе подготовки второго похода 1689 г., который удалось провести еще более организованно, учтя просчеты кампании 1687 г. В целом в ходе второго похода военная машина Московского государства смогла выполнить поставленную перед ней чисто военную задачу: преодолеть огромное расстояние по пустынной и ненаселенной местности, нанести поражение вышедшим ей навстречу крымским войскам и прорваться к Перекопу. Парадоксальным образом это продемонстрировало, что причины неудачи первого, «крымского», периода войны лежали в большей степени в политической плоскости, нежели в военной: изначально неверная стратегия не позволила эффективно использовать имевшийся в руках Голицына мощный инструмент российских вооруженных сил. Это имело далеко идущие последствия не только для самого главнокомандующего, свергнутого осенью 1689 г. и отправленного в ссылку. Огромные силы и средства, растроченные напрасно, спровоцировали всеобъемлющий кризис военно-стратегического планирования и переход России к сугубо оборонительной стратегии в следующий период войны.

Рис. 1. Изготовление победоносного меча для Б.П. Шереметева.

Гравюра Л. Тарасевича. 1695 г.

Опубликована в издании: *Terlecki P. Sława heroicznych dzieł jaśnie wielmożnego jmc pana Bogysa Petrowicza Szeremety...* [Чернигов], 1695. (Экземпляр в собрании Российской государственной библиотеки.) Гравюра символизирует приготовления к походу русского войска на днепровские крепости. На переднем плане изображены древнеримская богиня войны Беллона и воин в шлеме и доспехах (по предположению Д.В. Степовика — Марс), на заднем — кующие меч кузнецы. Над ними, по всей видимости, Юпитер, льющий воду с небес на наковальню. Поверху идет латинская надпись: «Fundit ut graviora efficiantur» («Изливает, чтобы [они] сделали [меч] тяжелее»), понизу: «illis talia semper» («им такое всегда»).

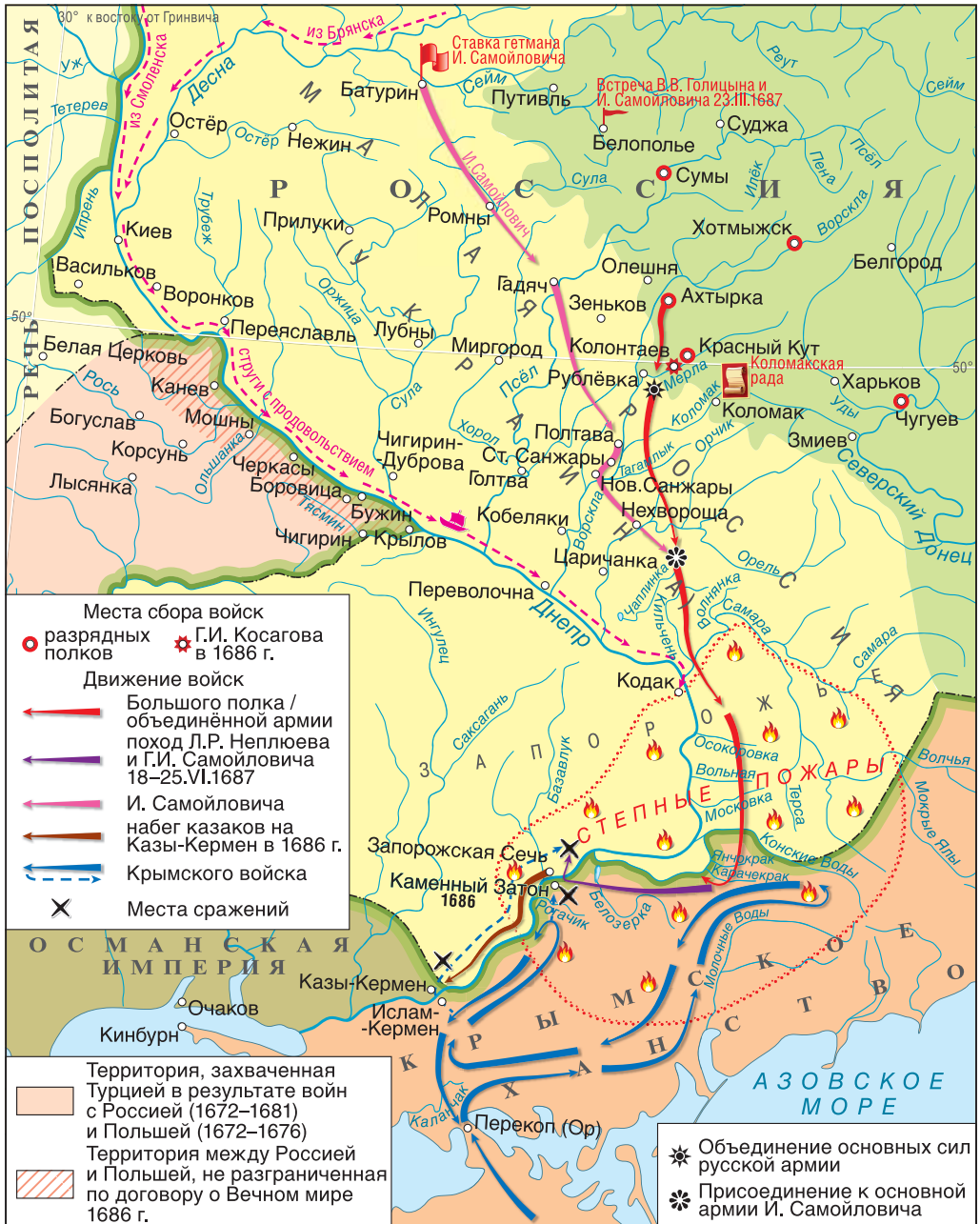

Рис. 2. Кампания 1687 г.

Рис. 3. Кампания 1689 г.

Рис. 4. Кампания 1695 г.

Рис. 5. Кампания 1696 г.

<p>Флот</p> <ul style="list-style-type: none"> российский (25.VII–20.VIII) Прорыв атамана Г. Яковенко (до 22.VIII) Отступление Я.Ф. Долгорукова и И.С. Мазепы (20.VIII) турецкий (с 10.VIII) <p>Шанцы</p> <ul style="list-style-type: none"> российские (с 30.VII) турецкие (с 30.VII) Турецкие батареи (после 10.VIII) 	<p>Места дислокации войск</p> <ul style="list-style-type: none"> белгородских татар крымских татар (с 28.VII) турок Места и даты важнейших сражений 2.VIII Наплавной мост Овраг Бастионы Тавани (с 25.VII)
---	--

**Рис. 6. Оборона Тавани 1697 г.
Первый этап (конец июля – август)**

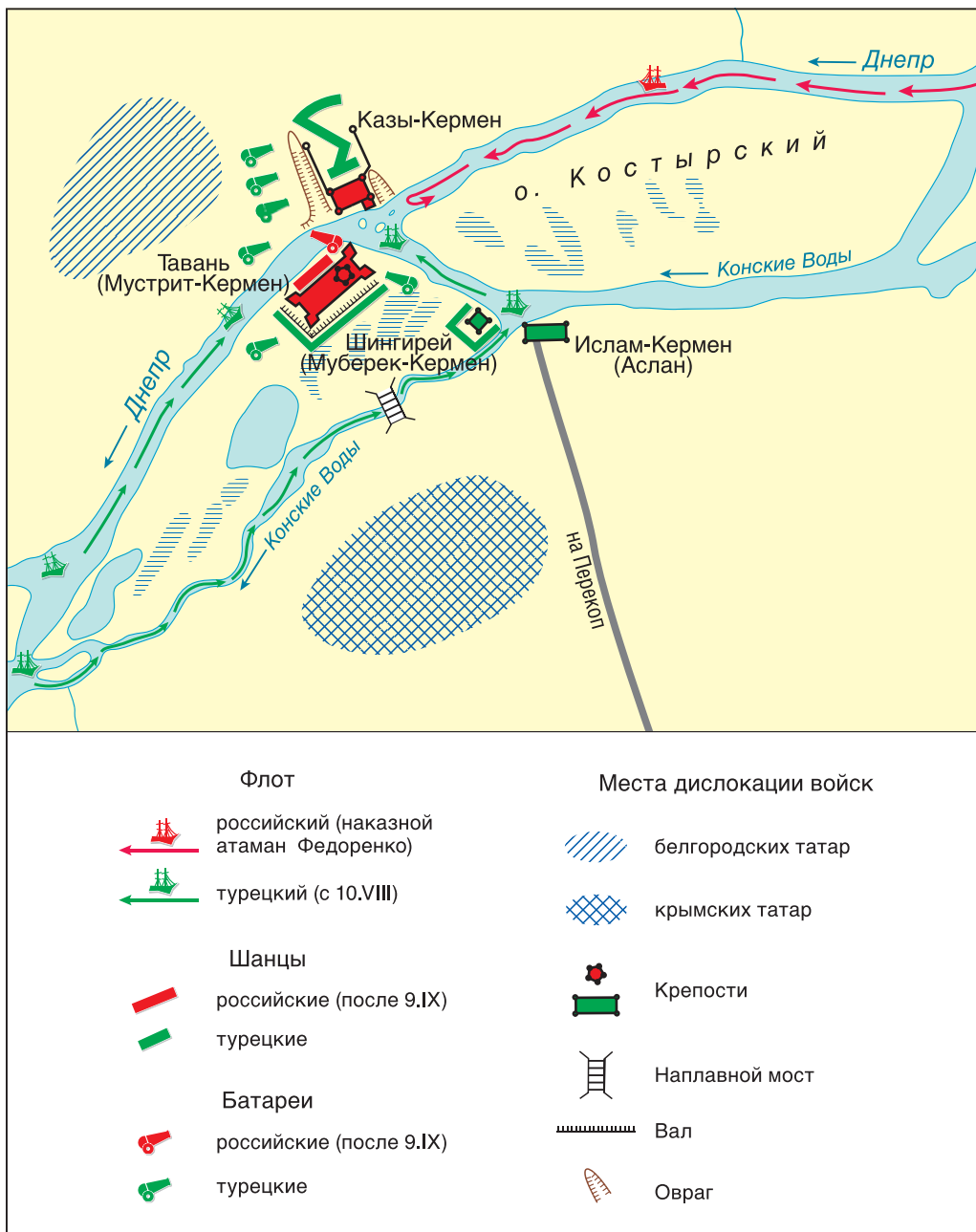

Рис. 7. Оборона Тавани 1697 г.
Второй этап (конец августа – начало октября)

Рис. 8. Театр войны 1686–1700 гг.

Территориальные изменения по Константинопольскому миру 1700 г.
и размежеваниям 1704–1705 гг.

● Нападения на Османское государство и его союзников

- Азов (1686, 1687, 1692, 1695, 1696)
- Андреевы Лозы (1688)
- Астрахань (1692, 1695)
- Бабей городок (1692)
- Балаклея (1688)
- Бишкин (1688, 1689)
- Боровский городок (1696)
- Гезлёв (1696)
- Горбатик (1689)
- Ислам-Кермен (1686, 1687, 1689, 1690, 1693–1695)
- Казы-Кермен (1686, 1687, 1689, 1690, 1693–1695)
- Казылташ (1692, 1694)
- Кубань (1697)
- Лютик (1686, 1696)
- Очков (1688, 1690, 1691, 1694–1696, 1698)
- Паланка (1694)
- Перекоп (1689, 1690–1693, 1695, 1697)
- Темрюк (1686, 1692, 1694, 1696, 1698)
- Тягин (1693)
- Чингарский городок (1694)

Засечные черты

- Изюмская
- Белгородская
- Симбирская
- Сызранская

- Городки гребенских казаков (1688)

Территория, присоединённая к России по Константинопольскому миру 1700 г.

Территория, признанная нейтральной по Константинопольскому миру 1700 г.

Граница между Россией и Турцией по Константинопольскому миру 1704–1705 гг.

Границы государств на 1700 г.

Н. Новосергиевск

● Нападения на Российское государство

- Азов (1697, 1698)
- Андреевы Лозы (1688)
- Астрахань (1692, 1695)
- Бабей городок (1692)
- Балаклея (1688)
- Бишкин (1688, 1689)
- Боровский городок (1696)
- Бубнов (1692)
- Валки (1687, 1693, 1697)
- Валуйки (1691, 1693, 1694)
- Высоцкий городок (1690)
- Новая Водолага (1692)
- Старая Водолага (1692)
- Гундоровский городок (1692)
- Домонтов (1692)
- Запорожская Сечь (1688, 1694)
- Змиев (1691)
- Золотоноша (1692)
- Изюм (1690, 1692, 1694, 1695)
- Ислам-Кермен (1696, 1697, 1698)
- Казы-Кермен (1696, 1697, 1698)
- Каменный Затон (1687)
- Камышенка (1700)
- Камышников городок (1693)
- Келеберда (1693)
- Китай-городок (1692)
- Кишенка (1693)
- Киев (1689)
- Козлов (1694)
- Коломак (1697)
- Лиман (1688, 1689, 1691)
- Лялинец (1695)
- Маньчский городок (1692)
- Маячка (1695, 1699)
- Маяцкий (1688, 1691, 1694)
- Мерефа (1698)
- Миргород (1696)
- Митякин городок (1691, 1692)
- Мокшанск (1693)
- Нехвороща (1692, 1693, 1699)
- Новобогородицк (1692, 1697, 1698)
- Новый Перекоп (1687, 1688, 1697)
- Острогосжк (1693)
- Орёл-городок (1691, 1692, 1696)
- Палатов (1693, 1694)
- Паншин городок (1698)
- Пенза (1693)
- Переволочна (1690, 1693, 1695)
- Переяславль (1692)
- Печенеги (1698)
- Полтава (1693, 1695, 1696)
- Савинский (1688, 1698)
- Салтов (1698)
- Райгородок (1687)
- Новые Санжары (1693)
- Старые Санжары (1693)
- Сокольск (1694)
- Саратов (1696)
- Тамбов (1694)
- Терки (1689, 1691, 1694, 1697)
- Тор (1687–1690, 1692, 1694, 1696, 1697, 1699)
- Усерд (1694)
- Царицын (1691, 1693, 1695, 1696)
- Царичанка (1692, 1697, 1699)
- Черкасск (1691–1693, 1695, 1698)
- Чёрный Яр (1687, 1693, 1695)
- Чугуев (1688, 1691, 1698)

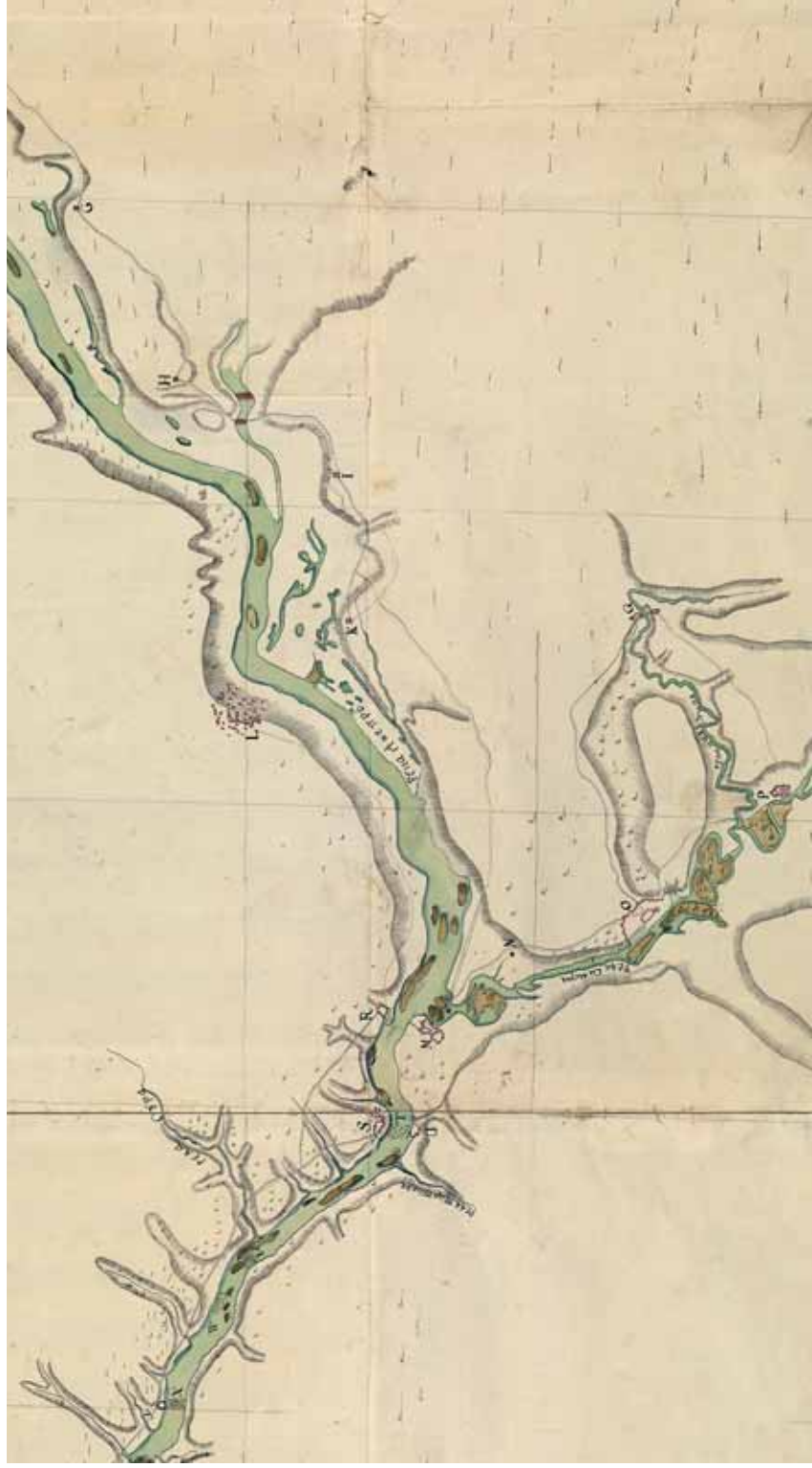

Рис. 9. «Карта реки Днепра от линии Украинской, сочиненная до Мальшевских островов, с показанием учрежденных фарпостов и ретранжаментов, також и порогов» 1738 г.

Фрагмент из собрания ОР БАН (Основное собрание рукописных карт. Д. 161. Л. 1).
Литерой «О» обозначена «бывшая Старая Самарская крепость» (Новобогородицк),
литерой «Р» — «Верхний Самарский ретраншемент» (Новосергиевск).

Рис. 10. Топографический план местности, где был сооружен Новосергиевск. 1689 г.
Из собрания РГАДА (Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 86. Ч. 2. Л. 283)

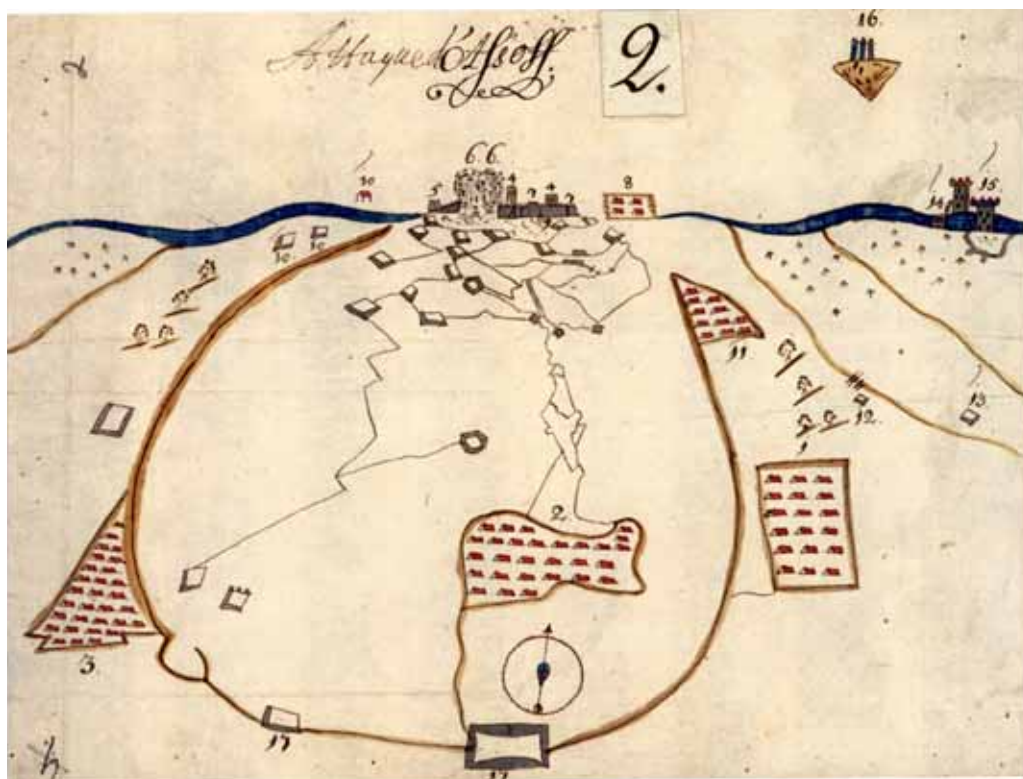

Рис. 11. План осады Азова в 1695 г.

Из собрания РГАДА (Ф. 192. Оп. 3. Д. 35. Л. 2)

Цифрами обозначены: «1. Лагерь, выбранный его царским величеством для своей квартиры; в нем стояла армия, находившаяся под командованием генерала А.М. Головина. 2. Лагерь генерала Гордона, расположенный в 500 сажнях от города. 3. Господина генерала Лефорта лагерь. 4. Две каменные башни, находящиеся с внутренней стороны земляного вала. 5. Бастион с каменной облицовкой. 6. Мина с двумя камерами, одна из которых под бастионом, другая в куртине того же самого земляного бастиона. 7. Еще два земляных бастиона. 8. Лагерь, примыкающий к Дону и находящийся под командой князя Долгорукого. 9. Земляной бугор, насыпанный армией Головина; бугор сравнялся высотой с азовским валом и в конце концов достиг до него. 10. Три редута, отрезавшие сообщение (осажденных) с сушей и водой. 11. Лагерь казаков. 12. Редут при двух мостах, охраняющий путь к каланче. 13. Казачьи шанцы. 14. Большой мост через Дон. 15. Две завоеванные каланчи. 16. Донской город, или Лютик. 17. Два редута, препятствующие нападению татар; две зеленые линии означают два старых вала, которые султан насыпал перед взятием Азова, другие лежащие между ними линии означают сооруженные в этом году апроши, редуты и батареи» (Источник: *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 1 / под ред. В.С. Лебедева. С. 260. Текст обозначений на плане был подготовлен Н.А. Баклановой).

**Рис. 12. Портрет князя
В.В. Голицына.**

*Неизвестный художник.
XVIII в.
Государственный
исторический музей*

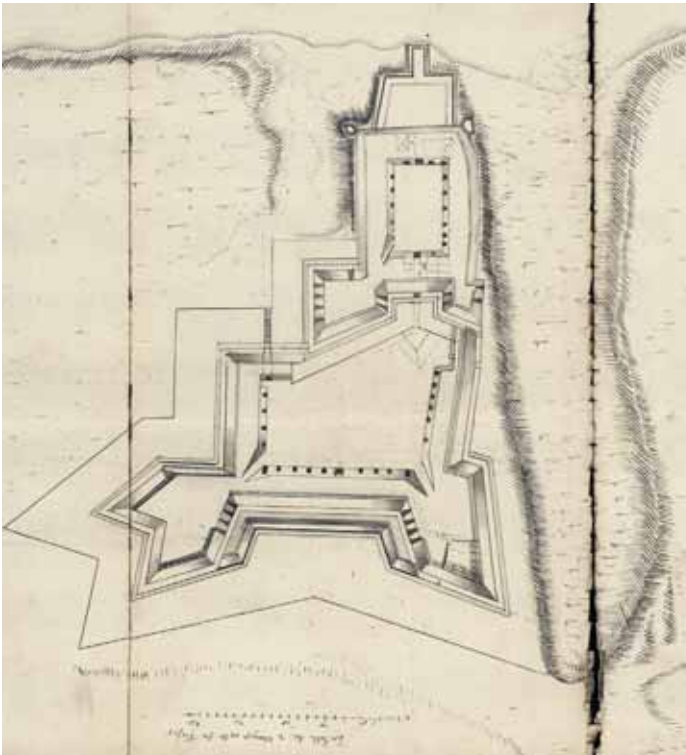
**Рис. 13. Портрет
Б.П. Шереметева.**

*Неизвестный художник.
Конец XVII в.
Государственный
Русский музей*

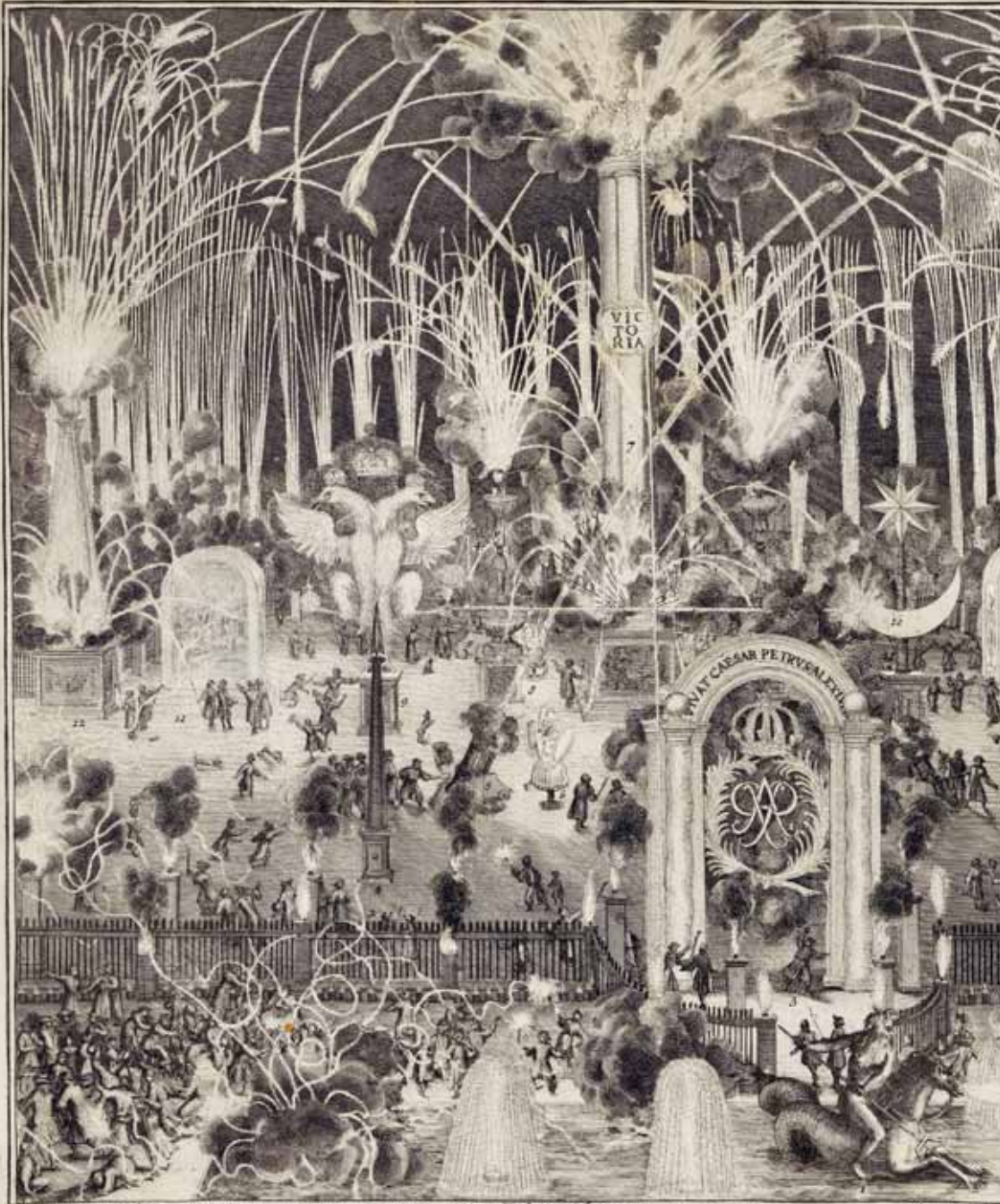
**Рис. 14. Портрет князя
Я.Ф. Долгорукова.**

*Неизвестный художник.
Копия XIX в.
с портрета 1687 г.
Государственный Эрмитаж*

**Рис. 15. План Казы-Кермена
инженер-капитана
Давида Гольцмана.
15 сентября 1698 г.**

*Из собрания РГАДА (Ф. 210.
Оп. 19. Д. 198. Л. 67–67а)*

Огни хитозабытых, Поучму непозабываемаго ЦЕЛЯ ЧЛЕВИЧНА, Селняго
 Госпитяго Ц.Р.А. Ради Часного Горда, Оружьем его степенно взятю, игомоданит,
 иждивит, испиное и полниное изобретение: Дня февриа 21, 1824, вь Москю.

1. Вспыхивающае и взрывающае
2. Вспыхивающае и взрывающае
3. Вспыхивающае и взрывающае
4. Вспыхивающае и взрывающае
5. Вспыхивающае и взрывающае
6. Вспыхивающае и взрывающае
7. Вспыхивающае и взрывающае
8. Вспыхивающае и взрывающае
9. Вспыхивающае и взрывающае
10. Вспыхивающае и взрывающае

1. Вспыхивающае и взрывающае
2. Вспыхивающае и взрывающае
3. Вспыхивающае и взрывающае
4. Вспыхивающае и взрывающае
5. Вспыхивающае и взрывающае
6. Вспыхивающае и взрывающае
7. Вспыхивающае и взрывающае
8. Вспыхивающае и взрывающае
9. Вспыхивающае и взрывающае
10. Вспыхивающае и взрывающае

Ignium archa
 Post Lunam
 Die 22 Feb. 1824
 1. Ignium archa
 2. Ignium archa
 3. Ignium archa
 4. Ignium archa
 5. Ignium archa
 6. Ignium archa
 7. Ignium archa
 8. Ignium archa
 9. Ignium archa
 10. Ignium archa

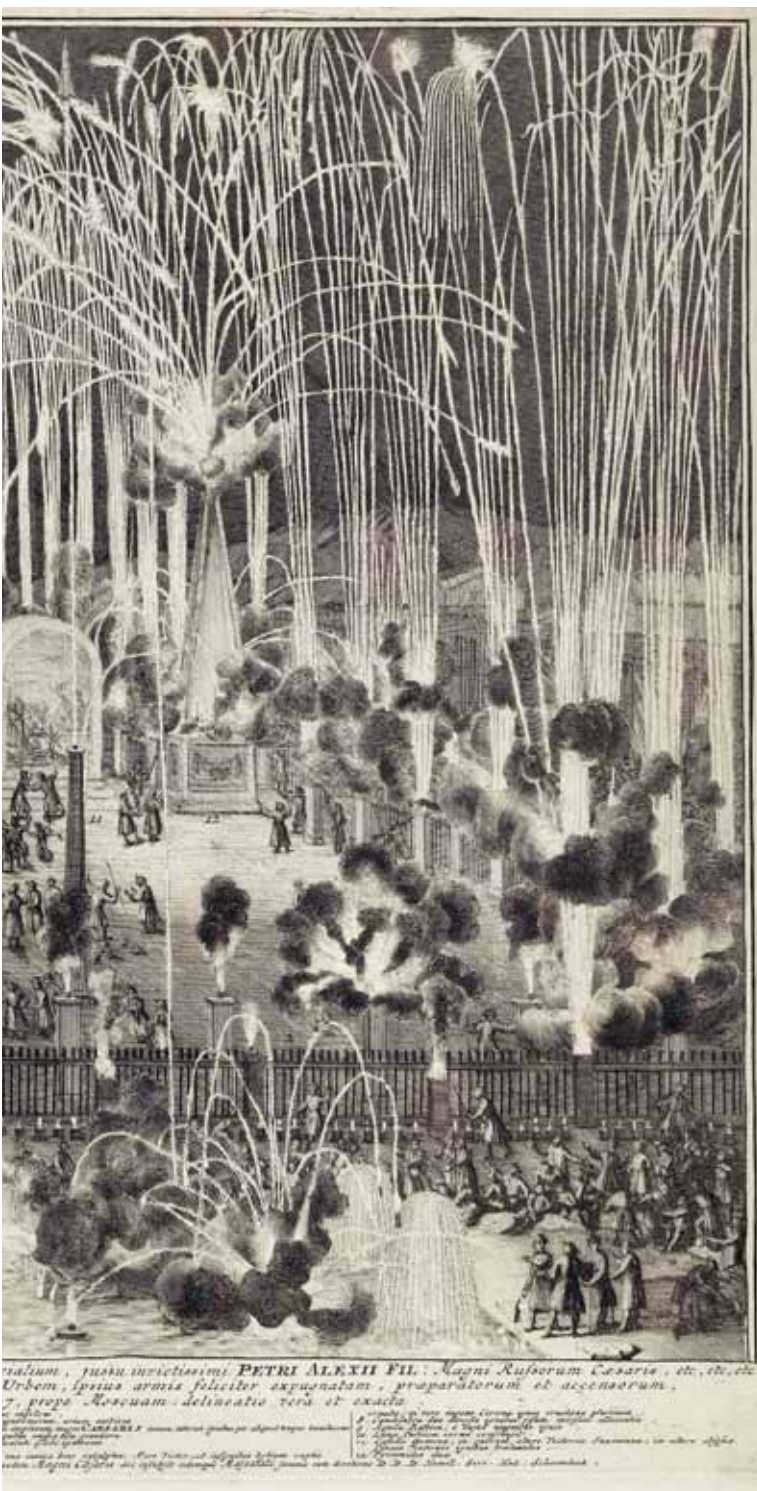

Рис. 16. Фейерверк
в честь взятия Азова
в Москве
12 февраля 1697 г.

Гравюра А. Шхонебека.
Из собрания Рейксмузеума
в Амстердаме (Голландия)

Рис. 17. Ликование днепровских вод.

Гравюра Л. Тарасевича. 1695 г.

Опубликована в издании: *Terlecki P. Sława heroiczných dzieł jaśnie wielmożnego jmc pana Bogysa Petrowicza Szeremety...* [Чернигов], 1695. (Экземпляр в собрании Российской государственной библиотеки.) Гравюра прославляет освобождение от турецкой власти нижнего течения Днепра, изображенного как воды, изливающиеся меж теснин (порогов). На горах расположены библейский пророк Давид и крылатый конь Пегас (по Д.В. Степовику). Вверху латинская надпись: «Non sine illis victoria atque applausa» («Не без них победа и рукоплескание»).

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В 1690–1694 гг.

Государственный переворот, отстранивший в августе — сентябре 1689 г. от власти правительство царевны Софьи, на некоторое время отвлек внимание московской политической элиты от военных дел. Это не означало прекращения боевых действий со стороны России. Однако походы на вражескую территорию осуществлялись, как правило, силами казаков и, в меньшей степени, находившихся на царской службе представителей различных кочевых народов. Их военная активность была напрямую связана с высылаемым московским правительством жалованьем. Кроме того, казаки играли роль буфера, мешая большим отрядам врага неожиданно подходить к засечным чертам Московского государства. В остальном же российское правительство сосредоточилось на обороне. В военном отношении главным минусом оборонительной тактики было то, что стратегическая инициатива оказывалась в руках противника, который в рассматриваемый период регулярно вторгался в российские владения.

С точки зрения дипломатии такая политика в ряде случаев оказывалась выгодной. Она позволяла во время контактов с союзниками по антитурецкой коалиции говорить о продолжении войны, а на переговорах с татарами (1692) утверждать, что во время походов крымских войск в «цесарские владения» государи ради дружбы с ханом не посылали своих войск «на Крым и под городки»¹.

Из собственно московских войск основная тяжесть борьбы с противником лежала на Белгородском разряде, которым командовал Б.П. Шереметев. Боярин старался координировать свои действия с Мазепой. Российские и украинские войска постоянно оказывали помощь друг другу. Районы их военных операций часто пересекались. В одной из челобитных Шереметев перечислил противников, которые могли напасть на обороняемые им «государевы украинные города»: крымские и азовские татары, калмыки, черкесы, а также раскольники². Данный список очень близок к тому, с которым приходилось иметь дело войскам гетмана. Разница состояла лишь в том, что московским войскам практически не приходилось сталкиваться с белгородскими татарами, которые активно действовали на правом берегу Днепра, а гетман на своей территории относительно редко имел дело с калмыками.

В целом характер боевых действий лучше всего описан в расспросных речах взятого в плен летом 1694 г. ахреянина³ Демьяна Ларина сына Башмака. Период описываемых им событий относится к 1689 — первой половине 1694 г.: «Под их великих государей украинные города, пот Тор, и под Мояцкой, и под Изюм, и под Полатов для войны с пятнатцать походов. А озовцов, де, хаживало для войны человек по пя-

¹Статейный список подьячаго Василия Айтемирева в Крым, 1692–1695 гг. Одесса, 1896. С. 9.

²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 324.

³Ахреянами называли казаков-«изменников», переселившихся либо в Крым, либо на Кубань (старообрядцы). Какая-то часть из них переходила в ислам, иные сохраняли старую веру (*Сень Д.В.* Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII–XVIII в. // *Российская история.* 2009. № 6. С. 141–145).

тидесят, и по сту, и по полтора, а болши, де, того озовцов в те походы не хаживало. А в старшинах, де, у них бывали озовские аги. И в те, де, походы взяли они в полон русских людей и черкас мужеска полу и женска человек со ста. Да он же, Демка, с озовцы со многими людьми ходил к синему Озовскому морю, к реке Берде. И на той, де, реке наехали черкас человек с триста и побрали их в полон. А те, де, черкасы приезжали на ту реку для соли. И распродали тех черкас озовцом, а иных — за моря розных земель людем»⁴. Аналогичным образом действовали другие группы татар, калмыков, черкесов, старообрядцев, украинских казаков Петрика.

В нашей работе отмечены все крупные походы противника, для отражения которых приходилось стягивать полки, стоящие в глубине российской территории, однако основная часть нападений отрядов численностью 50–200 человек, вероятнее всего, осталась не выявленной. Можно утверждать, что против России велась непрерывная «малая» война.

Находившиеся в распоряжении Шереметева войска сдерживали натиск больших отрядов или высылались навстречу противнику «по вестям». К примеру, 29 января 1693 г. один такой отряд был отправлен из Белгорода к Ахтырке (западная точка Белгородской укрепленной линии). Оттуда он ударил по подошедшим к Полтаве татарам, а уже к 13 февраля отряд возвратился обратно в Белгород⁵. За две с небольшим недели служилым людям пришлось пройти на конях около 500 км. Очевидно, что в подобных рейдах силы в большей мере тратилась на переходы, чем на сражения.

Продолжались посылки служилых людей в Киев. По подсчетам В.С. Великанова, в 1690 г. гарнизон Киева насчитывал 2691 человек (рейтарский полк Я. Иваницкого, солдатский полк А. Рубцова и три московских стрелецких полка — С. Сергеева, С. Головцева и С. Капустина). В Киев посылались служилые люди из Москвы, а также из других городов — Кром, Трубчевска, Рыльска, Ельца и т.д.⁶

В целом же нагрузка на московских служилых людей стала существенно меньше, чем в период дальних походов под руководством В.В. Голицына. Снижение бремени, лежавшего на ратных людях, выразилось в разных формах. В отдельные годы войска могли высылаться не на весь сезон боевых действий, а только на то время, когда ситуация становилась по-настоящему угрожающей. Так, 17 июня 1692 г. был обнародован указ о высылке ратных людей на службу в Белгород и Севск против крымского хана и «по возмущению вора и изменщика запорожеского писаря Петрушки (Петрика. — *Авт.*), которой бежал из Запорожья в Крым». Прибытие в места сбора войск назначалось на 15 июля⁷.

Правительство старалось дать отдых «ратным людям», которые вынесли на себе основную тяжесть службы в период походов Голицына. В частности, в 1693 г. в Белгород и Севск отправлялись те служилые люди «московских чинов», которые не участвовали в наиболее тяжелых походах предшествующего периода. При этом особое внимание уделялось «нетчикам», не явившимся в войска в прежние годы⁸.

⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 217–220.

⁵Гордон П. Дневник, 1690–1695 / пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Р. Рыженков. М., 2014. С. 200.

⁶Великанов В.С. Гарнизон Киева в 1687–89 гг. (мероприятия российского правительства по обеспечению безопасности южных рубежей в ходе Крымских походов 1687–1689 гг.) // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: международная научно-практическая конференция (2019; Волгоград). Волгоград, 2019. С. 177.

⁷ПСЗ. Т. 3. 1689–1699. СПб., 1830. С. 128–129.

⁸Там же. С. 154–155.

Иногда высылались только часть полка. Так, в июне 1692 г., по приходе вестей о татарском наступлении на Украину, туда было направлено 500 стрельцов из Стремяного полка и по 100 человек от каждого из других полков⁹. В каких-то случаях служба в Белгороде и Севске оказывалась своеобразным наказанием. По свидетельству П. Гордона, из двух стрелецких полков, посланных туда 1 июня 1690 г., один, в «белых кафтанах», выслали по причине неблагонадежности¹⁰.

Борьба с противником «на государевых украинях» в районе засечных черт и в Поволжье

После Крымских походов воевода Белгородского разряда Б.П. Шереметев деятельно включился в организацию оборонительных мероприятий на южных границах. В 1690 г. он выслал в Разряд предложение о направлении вверенных ему войск на службу по черте попеременно. В декабре 1691 г. воевода писал в Москву, что отправил к черте полки из «ближних» мест, а из Белгорода не послал, отметив, что эти полки ему нужны на случай атаки внезапно подошедшего неприятеля. В документе говорилось, что далее полки будут посылаться в порядке очередности: «до перемены очередь свою отстоят, а на перемену им посланы будут иные полки, тож указанное число, и теми своими очередными переменами они устоновятца, и те полки по росписке моей, холопа вашего, будут обходитца и переменятца все поровненно, безо всякие им ратным людям тягости»¹¹. Остальные служилые люди, по приказу боярина, должны были оставаться по домам, не разъезжаясь из них и оставаясь в готовности к выступлению «по вестям». Отправка ратных людей на службу попеременно затрагивала и такой важный южно-русский форпост, как Новобогородицк. Так, 28 сентября 1694 г. из Белгорода в Новобогородицк был послан полк солдатского строя «очередные половины четвертые перемены, на перемену очередному ж полку вторые перемены». Перед отправкой производился смотр подразделения¹².

Продолжалось строительство новых укреплений на Изюмской (Новой) черте, которые усиливали ее западный фланг. В 1690 г. по согласованию с Б.П. Шереметевым харьковский полковник Григорий Донец построил городки Нововалковой, в котором было поселено 100 черкасских семей, и Новая Водолага¹³. Работы продолжились в следующем году. 29 сентября 1691 г. Шереметев писал в Москву, что дал ахтырскому наказному полковнику Федору Донцу указание, чтобы он «по черте худые места, откуда чаят неприятельских приходов, полку своево казаками починил». Из Харьковского полка в Белгород сообщали, что отремонтировали обвалившуюся крепость в Изюме, в обновлении которой участвовал и сходный воевода Семен Протасьевич Неплюев со своими людьми¹⁴.

С 1692 г. рейтарские и солдатские полки Белгородского разряда стали выдвигаться на Изюмскую черту регулярно¹⁵. В целом в указанные годы крупных нападений противника на укрепления Белгородской и Изюмской черт, подобных тем,

⁹Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 137.

¹⁰Там же. С. 17.

¹¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 325–330, 341.

¹²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 195.

¹³Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 226.

¹⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 223–225.

¹⁵Загоровский В.П. Изюмская черта. С. 226.

что произошли в 1688 г., не наблюдалось. Немалую роль в этом, как представляется, сыграла деятельность Б.П. Шереметева, своевременно выславшего отряды на пограничье и организовавшего починку и укрепление отдельных участков Изюмской черты.

1690 г.

Оборонительная стратегия требовала не только выдвигать крупные контингенты войск на важнейших направлениях, но и предполагала посылку небольших отрядов в разные точки степного пограничья, в том числе в районы, удаленные от мест боевых действий, но досягаемые для неожиданных ударов небольших отрядов противника. Объектом нападения мог стать любой населенный пункт, суливший добычу. В июне 1690 г. татары напали на Изюм, разорив город с окрестностями¹⁶.

В августе отряд из Азова численностью около тысячи человек, в составе которого находились старообрядцы, подошел к Тору¹⁷, где располагались соляные промыслы. Староверов возглавляли П. Мурзенко и Л. Маноцкий. Русская речь и внешность позволили противнику, не вызывая опасений, подойти к торским жителям, которые шли обозом за дровами¹⁸. Назвавшиеся донскими казаками старообрядцы начали атаку, в результате которой было захвачено около тысячи человек. В походе, кроме азовцев и старообрядцев, участвовали ногайские татары и калмыки батыра Малая. Последний отличался особой жестокостью. Он «у мертвых взрезывал груди» и всячески глумился над погибшими. В Азове старообрядцы разделили полон с азовцами и другими участниками набега. Из тех, кто по разделу достался Мурзенку и Маноцкому, семь человек смогли бежать и, придя на Дон в Черкасский городок, рассказать о случившемся¹⁹.

Наиболее тяжелый удар по московским войскам в 1690 г. нанесла чума. Мор начался в Новобогородицком городке на р. Самаре. От него умерли многие государственные служилые люди, в том числе воевода Новобогородицкой крепости окольный Алексей Иванович Ржевский и его сын. Служилые люди разбежались из Новобогородицка и умирали по окрестностям. Болезнь сделала город уязвимым для пожаров, от которых в итоге выгорела половина Новобогородицкого городка. 17 мая Мазепа писал в Москву: «многие ратные ваши великих государей люде скончилися, а иные з Новобогородицкого города уйшовши, то по степах, то по байраках, то по лугах и островах днепровых тулалися и по тых розных местцах одны померли, а другие еще живо обретаючися, один од другого криются, з яких померлых на пустых оних местцах непогребение лежат тела»²⁰.

1691 г.

В январе 1691 г. татары приходили под Орель и «людям тамошним починили шкоды»²¹. В том же году отряд из трехсот горских черкесов, идущих в набег на «государевы низовые и украинные города», обнаружился в степи в 20 верстах от Ца-

¹⁶ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 19.

¹⁷ Ныне Славянск.

¹⁸ Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Т. 2. Новочеркасск, 1872. С. 506, 512; Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 27.

¹⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 1. Л. 2–3; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 4. Л. 5–6.

²⁰ Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Т. 1. Владимир, 1903. С. 249–251.

²¹ АИЗР. Т. 5. 1633–1699. СПб., 1853. С. 246.

рицына²². 6 июня по пути из Саратова с ними столкнулся отряд казанских конных стрельцов во главе с сотником. Однако сражение не состоялось, во многом благодаря тому, что стрельцы ехали вместе с толмачом калмыцкого языка из улуса Аюки и отрядом калмыков в 100 человек («для сыску табуна», который был отогнан у калмыков от Саратова). «Увидя калмыков, те черкесы съехали с ними на переговорке и сказали, что и им до калмыков дела нет», поскольку «идут де они войной под государевы низовые и украинные города, под Царицын». После этих переговоров отряды разъехались²³.

Впрочем, такие встречи в степи, когда ни один из отрядов не имел очевидного преимущества и не желал вступить в бой, не были уникальными. В середине лета участники станицы²⁴ донских казаков за четыре дня пути до Валук на речке Деркуле видели отъезжий неприятельский караул, но в сражение с ними не вступили²⁵.

К концу августа к Шереметеву в Белгород стали стекаться тревожные вести. Выходцы из крымского плена сообщили, что из Крыма 6 августа под «великих государей украины» для взятия языков посланы 200 отборных татар с двумя мурзами. После их возвращения в поход собираются идти нураддин и кафинский паша. Кроме того, Шереметев узнал, что орда, воевавшая под Белой Церковью, пришла к Казы-Кермену 15 августа, а потом переправилась на левую сторону Днепра «на многих перевозех». Поступили также данные о движении татар и старообрядцев вверх по Северскому Донцу. По этим вестям Шереметев разослал сходным воеводам указы о подготовке к отражению большого татарского набега²⁶. Однако ожидаемого нашествия не случилось.

Вместе с тем нападений отдельных отрядов приходилось ожидать в любой момент. 15 декабря небольшая группа татар внезапно появилась под Сидоровой Лукой у Маяцкого и, захватив пленного, ушла в степи. 20 декабря враг напал на пасеку на речке Береки в землях Харьковского полка, пленив одного человека²⁷. Все это заставляло держать гарнизоны в постоянной боевой готовности.

1692 г.

Зимние месяцы Шереметев провел на черте в Змиеве. Он посылал в разъезды небольшие отряды опытных служилых людей. Дозорщики отправлялись «к Мояцкому, и к Соляному, и за черту в степь к речке Берестовой, и до вершин Орельских и Самарских, и в ыные причинные розные места»²⁸. В итоге движения татар в степях замечено не было. 21 января вернулись посыльные с Берестянки и сообщили, что в степях выпало много снега и нечем кормить лошадей. Это заставило увести войска с черты²⁹. Отписка об этом была направлена в Москву с толмачом Польского приказа Дмитрием Петровым 30 января, а в Белгород воевода вернулся 4 февраля³⁰.

²² Тепкеев В. Т. Аюка-хан и его время. Элиста, 2018. С. 125.

²³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 5. Л. 61–62.

²⁴ Станицей называли не только поселение казаков, но и группу (воинское подразделение), насчитывавшую от пяти до нескольких десятков человек.

²⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 6. Л. 10.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 1–26.

²⁷ Там же. Л. 273, 274.

²⁸ Там же. Л. 517.

²⁹ Там же. Л. 523–524.

³⁰ Там же. Л. 527, 578.

Чтобы узнать о планах татар, Шереметев 9 февраля послал под Перекоп на разведку и для захвата пленных крещеных калмыков и казаков. Отряд сумел подойти к самому городу, вступил недалеко от него в бой и в результате пленил пятерых перекопских татар. Трех из них калмыки привезли Шереметеву 17 марта, а двух отдали полтавским казакам. От пленных были получены сведения о том, что султан сменил хана (речь о смене Селим-Гирея на Саадет-Гирея III) и требует от нового крымского властителя летом вести войска в Европу на помощь против цесаря³¹.

Полтавские казаки после боя под Перекопом и раздела пленных расстались с калмыками и прошли западнее Перекопа к Черному морю. Здесь они атаковали татарские юрты, захватив большую добычу, двух мужчин и трех девушек, а также отбили пленных черкас. После этого отряд ушел от погони к Днепру, где неделю стоял в камышах между Очаковым и Казы-Керменом для отдыха³². Приходящие в Белгород вести позволяли ожидать передышки от нападений больших вражеских отрядов. Однако уже 6 мая Шереметев выступил из Белгорода «по вестям»³³.

В конце лета 1692 г. крымские татары и казаки — сторонники выступавшего против России и гетмана Мазепы Петра Иваненко (о его повстанческом движении см. далее) — напали на Новобогородицк. 7 и 21 июля воевода крепости С.П. Неплюев получил письма кошевого Ивана Гусака, кодацкого полковника Лукьяна Трипутина, полтавского полковника П.С. Герцика о выдвигании Петрика и калги с татарами в направлении крепости. Это же подтвердили прибывшие в крепость ватажники (занимались соледобычей) и местные жители (среди них Д. Савельев, получивший позднее за свои вести царское жалованье). Неплюев стал спешно готовить Новобогородицк к обороне: пушки на раскатах были защищены специальными «байдачными тесницами», промежутки между которыми заполнили землей, а в самих тесницах прорубили «окна» (на время перезарядки бойницы закрывались специальными щитами), для стрелков аналогичные тесницы с пробитыми в них бойницами были сооружены по всей линии городских укреплений; у трех городских ворот «учинены выходы со рвами углом, чтоб мочно было те выходы с раскату очищать и на тех выходах сделаны бойницы»; «в левой стороне Самарских ворот зделан тайник и выкопан колодезь и окола учинен острог»; для защиты колодца поставили две пушки; «от стены городской перекопано в дву местех рвом и учинены валы и на волах бойницы». Чтобы вовремя обнаружить приход неприятеля «на роскатах и по стенам», стояли «караулы крепкие днем и ночью», караулы были расположены также у бродов выше и ниже города, при этом последний — Песчаный брод был защищен острогом. Чтобы укрепить сплоченность гарнизона Неплюев пошел навстречу просьбам 130 жилых черкас и выдал жалованье (более 15 руб.) их работникам — «бездомовным козаком» (31 человек), чтоб «по нынешней воровской петрушкиной прелести... от них не было какова согласия и злаго умыслу»³⁴.

Крепость защищали Яблоновский солдатский полк полковника Петра Гасениуса (700 человек), Добринский солдатский полк подполковника Андрея Ролонта (400 человек, не считая больных), 60 казаков Ольшанской сотни Сумского полка во главе с сотником Михайло; 130 новобогородицких «жилых черкас», 31 их работников; 16 жилых солдат, 10 пушкарей, 50 казаков Кобыляцкой сотни Полтавского

³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 485–498.

³² Там же. Л. 593–597.

³³ Там же. Л. 705.

³⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород, Д. 129. Л. 218–220, 223–223 об.

полка и 40 человек присланных Мазепой сердюков во главе с Дмитрием Мозирою, наконец — двое «жилых подьячих». Всего гарнизон насчитывал 1473 защитника (выше перечислены не все)³⁵.

Передовой отряд неприятеля — 200 татар — появился в районе Новобогородицка, за р. Самарой, 23 июля «в первом часу дни рано». Крымцы «подбегали под самой город», появившись на противоположном берегу реки. Гарнизон открыл по ним огонь из пушек. Другой отряд противника атаковал брод ниже крепости, намереваясь «переправитца и ударить по сей стороне Самары под город». Увидев, что переправа охраняется караулом, противник отступил. Взять языков ему не удалось. В результате татары «ни мало ни в чем поиску себе не учинили и тогож числа отошли прочь»³⁶.

28 июля подошедший к р. Самаре более крупный отряд — в 2 тыс. татар — смог овладеть Песчаным бродом и переправиться. «Караульная башня» на Песчаном броде была сожжена. Татары подъезжали «под город в самых ближних местех». Гарнизон открыл огонь из орудий, после чего «ратные люди конные и пешие» вышли из города «на стравку». Крымцы, не приняв боя, отступили. Их отряды до ночи кружили вокруг крепости «по степи и по курганом». Наконец, на следующий день под стенами Новобогородицка показались сам калга «с ордами и вор Петрушка с воровскими казаками во многом собрании». Войско расположилось «в лугах» на противоположной стороне реки, установив контроль над обеими переправами. Отдельные отряды неприятеля, как и в предыдущий день, переходили реку через броды, подъезжали к городу, гарнизон которого огрызался пушечной канонадой. Кроме того, С.П. Неплюев организовал и возглавил вылазку конницы и пехоты (последней командовал А. Ролонт) для взятия языков. Пленных взять не удалось, но неприятель вновь отступил от стен большого города и в отместку стал жечь складированные недалеко от Новобогородицка запасы сена. Ратные люди дали новые залпы «ис пушек и из мелкова ружья», на время отогнав поджигателей. Под покровом наступившей ночи татары все-таки смогли поджечь копны с сеном по обе стороны реки. Кроме того, они «в пасиках пчелы многия выломали и в огородах овощи и табаки выбрали и вытоптали»³⁷.

30 июля войско калги и Петрика (20 тыс. татар и около 2 тыс. казаков³⁸) переправилось через Самару, разбив кош в двух верстах от Новобогородицка. Вновь последовали попытки отдельных казачьих и крымских отрядов, подъезжая под город, взять языков. Неплюев посылал «за вал» на новую вылазку конницу и пехоту. Весь день была «стравка и стрелба ис пушек и из мелкова ружья». Попытки обеих сторон взять пленных и получить информацию о примерной численности друг друга успехом не увенчались³⁹.

В ночь с 30 на 31 июля гарнизон Новобогородицка ожидал решительного штурма: «начальные люди и козаки поставлены по городу по стенам и по роскатам

³⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 129. Л. 226–226 об.

³⁶ Там же. Л. 220–220 об.

³⁷ Там же. Л. 220 об. — 221 об.

³⁸ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 365, 367, 369. Войско Петрика у Новобогородицка состояло из 500 «своевольных» запорожцев и 1,5 тыс. шедших на промыслы ватажников, мобилизованных насильно. Последние дезертировали крайне высокими темпами (первоначально их число оценивалось в 3 тыс. человек).

³⁹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 129. Л. 221 об. — 222.

и на воротех и на плечовых все в готовости». Десять раскатов по обеим сторонам Самарских ворот прикрывал Яблоновский полк П. Гасениуса; Днепровские ворота защищал Добринский полк во главе с А. Ролонтом. Московские ворота держали сумские казаки под командой сотника Михайла. «Меж теми полки розведены были кобыляцкой сотни козаки» — 50 человек, а также присланные Мазепой 40 сердюков (Мазепиным казакам, видимо, в отличие от слободских, до конца не доверяли, опасаясь измены). Ожидания не обманули оборонявшихся: «в ночи с субботы на воскресенье, часу в третьем, во всеношное бдение, неприятелские люди и вор изменник Петрушка с воровскими козаками во многолюдстве пришли... к большому городу». В штурме участвовало не все войско калги и Петрика, а лишь 2 тыс. казаков и 500 татар (по свидетельству пленных). Однако и это войско показалось обороняющимся многочисленным. Увидев «неприятелских людей во многолюдстве», русские ратные люди и казаки не стали оказывать сопротивление и «с валу и з ворот отходом отошли в меньшей город». Неплюев объяснял это позднее тем, что «держать было того большого города за малолюдством невозможно». Другой причиной отступления были сохранявшиеся опасения воеводы, что часть казаков может переметнуться к Петрику. Отряд крымцев и «воровских казаков» ворвался в большой город «и около всего меньшого города учинили многочисленной окрик и с трех сторон города учинили стрелбу и приступали к меньшому городу, и в большом городе зажгли две башни и дворы». Начался также грабеж большого города, правда, без особого результата (лишь в одном из дворов было захвачено 50, по другим данным — 100 овец). Бой продлился до зари. Казаки Петрика и татары «во всю ночь к городу приступ... чинили», гарнизон отвечал пушечной канонадой и ружейным огнем. В особо опасных местах, где «неприятели чинили приступ», противника встречали сам воевода, а также Гасениус и Ролонт. На ночную вылазку Неплюев не решился («на вылоску ночью, не осмотря их неприятелских сил, итить было невозможно»), но на рассвете, поручив город Гасениусу, ударил из-за стен на противника во главе отряда из 300 солдат, 20 гетманских сердюков, 70 «жилых черкас» и 20 их работников, получивших царское жалованье. В результате русские и казаки «Божиею помощью и великих государей счастием неприятелских людей из большого города выгнали и многих людей побили и переранили и языков побрали». В плен взяли «Петрушкина воровского полковника запорожского», бывшего атамана Стеблевского куреня, Кондрашку Михайленко и еще трех «воровских козаков»⁴⁰.

По словам пленных, калга и Петрик не собирались брать Новобогородицк, а пришли к нему для добычи и грабежа. Этим, видимо, объясняется, что нападавшие отошли от города после первой же вылазки. Нельзя однако исключать и того, что мятежные казаки и татары рассчитывали взять город с наскока, но не готовились к длительной осаде. Этим вызвано их скорое отступление от Новобогородицка. 31 июля калга «с ордами и вор Петрушка с воровскими козаками» отошли к верховью р. Крымки, а в полдень и вовсе двинулись прочь от Новобогородицка на север, «под малороссийские городы»⁴¹. Оборона Новобогородицка стала одним из самых значительных эпизодов кампании 1692 г. в Приднепровье, а по всей видимости, и одним из самых крупных столкновений за весь период 1690–1694 гг.

⁴⁰РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 129. Л. 222–225 об.

⁴¹РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 129. Л. 225 об. — 226 об. Допросы взятых пленными см.: *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 363–370. О жалованье Д. Савельеву см.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. С. 314.

После ухода противника Неплюев сообщал, что в крепости осталось всего 813 человек, включая 17 «начальных» людей с подполковником. Вряд ли всю разницу между численностью гарнизона до и после осады можно принять как потери. Тем не менее необходимость увеличения гарнизона была очевидной, о чем воевода написал в Разряд. В ответ на требование Неплюева из Сумского (20 сентября) и Ахтырского слободских полков (28 сентября) были высланы по 300 казаков. Кроме того, последовал государев указ о направлении из Белгородского разряда на р. Самару 1000 человек «на прибавку». По состоянию на 10 ноября в Новобогородицке вместе с сумскими и ахтырскими казаками находилось 1390 человек, «и те де людшка худые и безаружейные и многие из них малые робятишка». Затем это число сократилось до 1210 человек.

По новой просьбе Неплюева город было велено «беречь» гетману Мазепе. В ответ гетман писал в Москву, что не может обеспечить защиту этой крепости по многим причинам, а также о том, что туда надо отправлять великороссийские войска. В Москве вняли аргументам украинского властителя и разрешили гетманских войск в Новобогородицк не посылать. Мазепу лишь обязали оказать помощь городкам на Самаре в случае прихода противника и начала осады. К началу декабря в Новобогородицке вместе с подполковником Иваном Англером осталось 824 служилых человека Белгородского полка и 370 казаков Сумского полка. Гетман считал, что таким малым числом воинов в случае прихода противника защитить городки на Самаре невозможно. Он просил Москву о прибавке ратных людей⁴².

Тревожно было и на других направлениях. Появились сведения о планируемых противником диверсиях — казаки захватили сторонников Петрика и узнали, что тот посылал шпионов в Орель. Им было приказано поджечь город⁴³. Однако лазутчиков удалось схватить, после чего они были казнены «отсечением головы»⁴⁴.

Противник приходил в российские владения также и со стороны Азова. В конце мая азовский военачальник Кубек-ага с азовцами и 40 калмыками ходили под Астрахань на Таевские Воды и взяли 130 человек полона. По утверждению донских казаков, информацию о том, куда лучше идти азовцам, прислали татары «юртовского Ишейки Кошкарина». Для этого татары отправили из Астрахани четыре лодки, якобы для промыслов. Из захваченных на Волге людей Фрол Минаев выкупил двух астраханских стрельцов и отправил их в Астрахань⁴⁵.

Любопытно, что донские казаки знали о походе Кубека и предупреждали о нем московские власти. Однако предупреждение не возымело действия, поскольку предполагалось, что Кубек пойдет на города Белгородского разряда. Об этом из Москвы к Шереметеву писали 16 мая⁴⁶. Кубек-ага действительно пошел под Изюм и Тор с сотней азовцев и пятьюдесятью калмыками⁴⁷. Однако произошло это уже после его похода на Волгу.

1693 г.

В наступавшем 1693 г. российские власти ожидали новых походов крымских татар, связанных с попытками Петрика переманить на свою сторону украинских

⁴² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1362. Л. 3–19.

⁴³ АИЗР. Т. 5. С. 258.

⁴⁴ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 372.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 2. Л. 11–12.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 695.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 2. Л. 6.

казаков. Уже в конце 1692 г. Б.П. Шереметев начал рассылку войск Белгородского полка на наиболее опасные направления. Раньше всего войска были отправлены под Новобогородицк. Еще в конце декабря новобогородицкий воевода Неплюев жаловался, что командированный к нему на помощь из Рублевки 13 декабря полковник Андрей Девсон к 26 декабря еще не прибыл⁴⁸. Однако уже 1 января Девсон привел в Новобогородицк 1002 солдат Хотмыжского полка⁴⁹.

Курский полк сходного воеводы В.А. Змеева должен был идти к Валкам и, «разделяясь», стоять в Валках, Высокополье, Новой Перекопи и Мерефе⁵⁰. В Курске в распоряжении Змеева на 1 января числилось 498 конных и 63 пеших ратных человека⁵¹. Воевода выступил в поход 4 января. 12 января он пришел в Ахтырку, а 16 января — в Валки. За прошедшие две недели его отряд существенно пополнился. Налицо имелся 1821 человек⁵².

Известия о приходе татар под Валки появились 28 января, когда к Змееву прибежали «с черты с урочища с вершины Орчика с пасеки Фомина Рога сторожи, а сказали, что де пришли к валу воинские многие люди татаровя и был с ними бой и на том бою из них один человек убит до смерти, а другой взят в полон». По этим вестям воевода послал людей к черте «для отпору, и промыслу, и поиску»⁵³. В то же время «ниже речки Берестовенки» татарский чамбул (около 100 человек) напал на рыбачивших там казаков Харьковского полка. Казакам удалось дать отпор, убив двух нападавших⁵⁴. Очевидно, это был небольшой отряд, отделившийся от татарских войск, пришедших под Полтаву. В начале февраля 1693 г. отправленные в степь разведывательные отряды стали приносить известия об отсутствии каких-либо следов татар⁵⁵.

Поволжье также было затронуто боевыми действиями. В 1693 г. по просьбе нижегородского митрополита Павла 20 стрельцов были посланы в алатырскую Печерскую пустынь на время престольного праздника Казанской Богоматери «для обережи от воровских приездов, покамест праздник минется»⁵⁶. В том же году сотня астраханских стрельцов посылалась к Черному Яру, поскольку пришли вести о возможном нападении врага на промышлявшие по Волге «рыбные вотаги»⁵⁷. Тревога не была ложной. Из Азова вышел трехтысячный отряд под командованием Кубекаги, который состоял из ногайцев, черкесов и казаков-старообрядцев. Противник приходил под Царицын, подступал к Черному Яру, нанес удар в направлении Пензы. В ряде случаев, к примеру в Мокшанске, казаки-старообрядцы пытались заставить врасплох местных жителей, выдавая себя за донских казаков⁵⁸.

Особенно желанной добычей для азовцев стали купцы, задержанные на заставах под Царицыном из-за вспыхнувшей в Астрахани в 1692 г. эпидемии. К началу

⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1362. Л. 778.

⁴⁹ Там же. Л. 1002–1003.

⁵⁰ Там же. Л. 804–805.

⁵¹ Там же. Л. 811.

⁵² Там же. Л. 807, 812–815.

⁵³ Там же. Л. 738–740.

⁵⁴ Там же. Л. 916.

⁵⁵ Там же. Л. 959–960.

⁵⁶ АИ. Т. 5. СПб., 1842. С. 375–376.

⁵⁷ Там же. С. 377.

⁵⁸ Тепкеев В.Т. Аюка-хан... С. 134.

1693 г. в 3–4 верстах от Царицына все еще стояли заставы. А весной, после того как открылось судоходство по Волге, воевода Кузьма Петрович Козлов приказал купцам идти обратно, вниз по реке к Астрахани и Черному Яру. Однако купцы надеялись на прекращение карантина и ушли от застав на Перелойский и Булгаковский острова. Воевода писал в караваны о приходе азовцев и велел идти на Черный Яр, но купцы проигнорировали его указания⁵⁹. В начале мая 1693 г. азовский Кубек-ага с кубанскими казаками и калмыками Аюки пошли к Волге. Они переправились на судах на Перелойский остров, где атаковали купцов и рыбные ватаги, захватив около 200 человек. Часть пленных была отдана Аюке в обмен на товары. Донские казаки, узнав о случившемся, пошли к Волге, но разминулись с противником в степи. В связи с этим набегом донцы особенно подчеркивали опасность кубанских казаков-старообрядцев, которые обеспечивали внезапность нападения: «Азовские люди и Кубек-ага их врагов креста Христова кубанцов великую помощь себе имеют к разорению христианского народа потому, что всякия пакости и разорения чинят все обманами»⁶⁰.

Удары из Азова наносились не только в направлении Поволжья. В конце мая в турецкую крепость пришли улусные калмыки Байхин-тайжи (150 человек). Здесь они взяли «для приличья» (то есть чтобы их поход не выглядел как набег калмыков) 10 азовцев и пошли на Белгородскую черту под Ольшанск и Усерд. Калмыки бились с ольшанцами, взяли 700 лошадей и полон в 15 человек. Вернувшиеся затем в Азов калмыки позже еще несколько раз выходили на промысел небольшими группами. Донские казаки в связи с этим походом жаловались царю, что они не могут отомстить калмыком, поскольку тех защищают «низовые» воеводы⁶¹.

Небольшой отряд татар приходил летом под Палатов, где захватил трех человек⁶². Тогда же калмыки наведывались под Острогжск, где отбили табуны и взяли пленных. Во время возвращения в Азов через «Донец... донецкие казаки, увидев, с ними бились» и убили четырех человек из их отряда⁶³.

В конце лета — начале осени отряд калмыков в 30 человек ходил под Валуйки. На речке Белой с ними столкнулась казачья станица, направлявшаяся в Москву. Казаки убили двух калмыков и освободили шестерых русских пленных. В Валуйках бывших полоняников отдали воеводе, причем за пятерыми из них пришлось посылать подводы из города, так как они из-за ран не могли ехать дальше. Еще одного полоняника калмыки закололи, понимая, что его не удастся увезти с собой⁶⁴.

1694 г.

В новом году «малая» война продолжалась. Вскоре после Рождества татары из Азова вместе с раскольниками под командованием Юмака-аги приходили под Соляной и взяли в плен двух торских жителей⁶⁵. В первой половине мая отряд татар в 30 человек во главе с Кубек-агой перешел с ногайской стороны Дона на крымскую у Пятиизбенского городка. Оттуда они пошли в сторону Палатова и Валук⁶⁶.

⁵⁹РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 12. Л. 1–8.

⁶⁰РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 10. Л. 2–3; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 62–63.

⁶¹РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 10. Л. 3.

⁶²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 180.

⁶³РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 10. Л. 12.

⁶⁴Там же. Л. 9–10.

⁶⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 121–122.

⁶⁶Там же. Л. 172.

Неприятелю удалось отогнать табун лошадей и захватить десять пленных. Посланный из Валуек отряд догнать их не сумел⁶⁷. 19 июня жители Усерда заметили в степи 40 татар. Снаряженная за ними погоня также закончилась безрезультатно⁶⁸. Тем же летом небольшой вражеский отряд (50 человек) приходил за языками под Палатов, где ему удалось поймать двух человек, отправившихся за ягодами⁶⁹. Не все походы из Азова были столь удачны. Приходивший весной с во главе с Енакайка-агой под Тор отряд из 40 татар отогнал 7 лошадей, а пленников не взял⁷⁰. Это не было поражением, однако с точки зрения ожидаемой добычи поход себя явно не оправдал.

Крымские татары также приходили под «государевы украины». Весной перекопский бей посылал 72 человека под Карагай (возможно, Китай-городок) на р. Орель. Им командовали Абреим-ага (Ибраим-ага) и Кудаберды-ага. Татары взяли полон и пошли обратно к Перекопу. На Конских Водах на них напал отряд донских казаков численностью в 200 человек. Этих казаков еще в марте войсковой атаман Иван Семенов отправил «под Крым». Донцы случайно натолкнулись на свежий шлях со стороны «украинных» городов. Они взяли в плен 36 человек и отбили 17 человек «русского» полона⁷¹.

В конце июня донские казаки обдумывали план большой совместной операции с украинскими казаками. Инициаторами предприятия стали последние. Гадячский и полтавский полковники предложили донцам соединиться на Кальмиусе, как будто для рыбного промысла, чтобы азовцы вышли для захвата пленных. С украинской стороны в походе планировалось задействовать 10 тыс. человек. Однако донцы были вынуждены отказаться от обсуждаемого проекта, поскольку узнали, что по шляхам, ведущим к «украинным» городам, прошел большой отряд азовцев⁷².

Подробные сведения об этом отряде сообщил в Москве азовский янычар (из горских черкес) Айваск. Он сказал, что они с товарищами пошли из Азова самовольно «для добычи». В сборное войско, во главе которого стоял Али-ага, входили 170 служилых людей, 30 калмыков Аюки (под командованием Сазана, «ближнего человека» князя), 50 едисанских татар, а также двое кубанцев, присланных в Азов с лошадьми на продажу. Инициатором похода стал Сазан, который вызвался быть проводником⁷³. Нападавшие готовились ударить под городки Белгородской черты — Рыбный, Ольшанск и Усерд. Казакам удалось перехватить врага и, внезапно напад на них на стоянке, взять в плен 32 человека. Захваченных калмыков сразу же зарубили. Позднее в степи казаки разных городков захватили еще 26 человек из разбитого отряда⁷⁴.

Позднее в Тамбовском уезде на р. Елани отряд донских казаков настиг и разгромил другую группу азовцев, ходившую на промысел, в составе 220 человек, к которым присоединились калмыки⁷⁵. Этот набег враги начали в августе 1694 г. с нападе-

⁶⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 1–2.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 173.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 2. Л. 2.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 124–125.

⁷¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 2–3, 7–8; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 1а. Л. 1.

⁷² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 2. Л. 2–3.

⁷³ Там же. Л. 7.

⁷⁴ Там же. Л. 3–4.

⁷⁵ Тепкеев В.Т. Аюка-хан... С. 137; Сухоруков В.Д. Историческое описание... Т. 2. С. 517.

ния на «верховые» донские городки. Здесь убили многих казаков и 8 человек увели в плен. После этого противник направился к Тамбову. Из Черкаска против них послали 200 казаков. Донцы, догнав татар в Тамбовском уезде, между речками Терса и Елань, вступили в ожесточенную схватку, в ходе которой погибло 8 казаков. Неприятеля удалось разбить и взять в плен 48 человек. В их числе оказалось 27 калмыков Аюки. Одного калмыка и одного азовца отправили к Москве. За взятыми в плен калмыками приехали люди Аюки и просили их отдать на откуп. Однако казаки отказались и тех калмыков при посланниках князя «ростаскали конми, привязав к хвостам по острову всех», хотя за пленных предлагали по 200–300 лошадей. Войско само заплатило за взятых в плен и казненных калмыков 250 руб. казакам, которые их захватили. В отправленной в Москву отписке донцы объяснили свои действия тем, что больше не хотят терпеть «измены» Аюки, поскольку за лето он неоднократно посылал калмыков и едисанских татар под Козлов и Сокольск⁷⁶.

Самостоятельно (и более удачно) под Тамбов ходил насчитывавший две сотни сабель отряд джунгар тайши Цагана⁷⁷. Между Козловом и Сокольском они взяли большой полон «с жонами и детьми»⁷⁸. В начале осени 150 татар вновь приходили под Валуйки. Они разбили группу местных охотников, убив одного и 10 взяв в плен⁷⁹. В целом число подобных столкновений было весьма значительным.

В 1694 г. войска Белгородского полка выдвинулись в степь гораздо дальше, чем в предшествующие годы. С начала сентября к Шереметеву стали приходиться известия о том, что орда из Крыма движется к российским границам. Мазепа сообщал о движении десятитысячного отряда. Из Чугуева воевода В.П. Вердеревский докладывал о вестях из Изюма: 8 сентября под селом Спеваковка перешел броды татарский отряд численностью в 5 тыс. человек. Позднее пришла информация, будто бы в том же районе за Северским Донцом появился отряд уже в 10 тыс. человек. 9 сентября Шереметев двинулся из Белгорода навстречу противнику с конницей и пехотой и 12 сентября вышел к укрепленной линии «у речки Мжа, меж Мереры и Соколова».

На другие направления вероятного нападения были отправлены В.П. Вердеревский, занявший район Змиева, а также слободские казачьи полки. Узнав о движении российской армии, татары повернули вспять. Вдогонку им были отправлены казаки, которые не смогли догнать противника, повернув обратно у р. Чаплинки. 19 сентября Шереметев вернулся в Белгород и распустил полки по домам «без всякого утруждения»⁸⁰. Между тем в Крыму распространились слухи о новом московском походе на Крым⁸¹.

28 октября из Азова вышел отряд, которым командовали Темир-ага, Джуман-ага и Бошняк-ага. 13 ноября у Изюмского шляха они взяли в плен группу изюмских жителей. Харьковский полковник отправился за нападавшими в погоню, которая увенчалась успехом: враг был разбит, полон возвращен. Удалось также захватить вражеское знамя и пленных — пять татар и двух ахреян⁸².

⁷⁶РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 3. Л. 1–3.

⁷⁷Тепкеев В.Т. Аюка-хан... С. 138.

⁷⁸РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 4. Л. 10.

⁷⁹РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 3. Л. 1.

⁸⁰ПСЗ. Т. 3. С. 180–183; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 7–10, 22–36, 58–59.

⁸¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 157.

⁸²Там же. Л. 116–119.

23 декабря в Новобогородицке на торгу появился неизвестный, называвшийся «жителем черкасских городов». Однако его платье вызвало подозрение, поскольку было похоже на татарское. В ходе допроса удалось уличить лазутчика, выяснив, что он был послан из Ислам-Кермена (в его интерпретации — Шингирей) для проверки слуха, ходившего в Крыму, что будто бы московские полки на полуостров идут войной. В начале декабря нураддин двинулся к Перекопу из Бахчисарая, готовясь идти в поход, туда же из Казы-Кермена и Ислам-Кермена отправились ага и бей. Отправка шпиона в Новобогородицк была связана с подготовкой этого похода, который планировался после Рождества⁸³.

27 декабря под Маяцкий ударили со стороны Донца татары, числом около 100 человек. Нападавшие захватили двух солдат, пятерых маяцких жителей и ушли под Царев-Борисов. За ними отправили погоню, которая оказалась безуспешной⁸⁴. Очевидно, это был еще один разведывательный отряд.

Боевые действия 1694 г. особенно ярко показывают, как взаимные опасения российских и татарских военачальников, ожидавших нападения противника, приводили к выдвиганию войск и реальной активизации боевых действий. Происходило это вне зависимости от желания сторон. Как видим, фактически с 1690 г. война превратилась в серию локальных столкновений разной степени интенсивности, которые проходили на огромном пространстве. Тем не менее необходимо выделить и рассмотреть отдельно направления, на которых особую роль играли представители кочевых народов, подданных России, а также казаки. Боевые действия здесь имели заметную специфику.

Участие в боевых действиях калмыков, джунгар и других кочевых народов

Положение дел в степях Подонья и Поволжья в 1689–1691 гг. постепенно менялось не в пользу России. Еще осенью 1688 г. крымские послы приезжали к Аюке с подарками⁸⁵. Однако тогда склонить его на свою сторону татарским дипломатам не удалось. Зимой 1689/90 г. Аюка ходил на противников России — кумыков шевкала Тарков и их союзников горцев⁸⁶. Переоценивать значение данного похода для характеристики русско-калмыцких отношений не стоит, поскольку он был выгоден и самому Аюке. Этот правитель подчинил своей власти большую часть калмыков, кочевавших поблизости от российских границ. Москва рассматривала его в качестве союзника. На протяжении 1690–1694 гг. Аюка постоянно ссылался с Москвой, стремясь доказать, что военные столкновения калмыков с российскими подданными происходят не по его воле.

В то же время самые разные источники фиксируют постоянные торговые, дипломатические, а иногда и военные контакты Аюки с Крымом и Азовом. Все это свидетельствует о том, что фактически калмыцкий правитель придерживался нейтралитета, выжидая, кто окажется сильнее. К примеру, в апреле 1693 г. прибывший от Аюки посол жаловался крымскому хану Селим-Гирею на нападения казаков и предлагал летом совершить силами крымцев, ногайцев и калмыков поход под Казань и поволжские города. Хан отвечал, что этим летом должен идти в Венгрию. Вместо себя он предлагал в помощь калмыкам отряд черкесов, а также вручил

⁸³РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 156–158.

⁸⁴Там же. Л. 159–161.

⁸⁵ДАИ. Т. 12. СПб., 1872. С. 266.

⁸⁶Тепкеев В.Т. Аюка-хан... С. 115.

символические подарки — саблю, коня со снаряжением, четыре пищали и немного золота⁸⁷. По сведениям османских источников, Селим-Гирей даже брал с собой послов «калмыцкого короля» во время визита в Адрианополь. Калмыки были представлены султану⁸⁸.

Очевидно, что для успешных действий против Москвы предлагаемой Крымом поддержки было недостаточно. Нейтралитет, сохранявшийся благодаря отсутствию у Аюки сил, необходимых для борьбы с Россией, был крайне хрупким. Даже в периоды относительно дружественных отношений постоянно имели место мелкие стычки, которые служили негативным фоном и неизбежно время от времени перерастали в более крупные столкновения.

Донские казаки постоянно ожидали нападения со стороны Аюки. По их утверждениям, зимой 1690 г. люди Аюки стояли вокруг Азова «в собрании» и ждали прихода хана из Крыма. Калмыками было подготовлено для похода 1600 человек, однако если бы хан пришел, Аюка послал бы 10 тыс. калмыков. Только узнав, что хана не будет, Аюка прислал к казакам посланцев с предложением о мире⁸⁹.

Одним из важных источников напряженности в русско-калмыцких отношениях были отъезды мелких калмыцких владетелей, недовольных Аюкой, на московскую службу. В начале 1690 г. откочевал на Дон к казачьим городкам Сереть-мурза, приведший с собой 300 человек «боевого люду», а также батыр Черкес со своими «улусными людьми», которых насчитывалось 500 человек «кроме жен и детей» (последний поссорился со своим братом при разделе отцовского наследства)⁹⁰. Им была обещана «государева милость»⁹¹. Казаки рассматривали действия калмыков как выезд «на государево имя». Уже в начале 1690 г. Черкес вместе с донскими казаками участвовал в нападении на калмыцкие улусы⁹². Так он стремился усилить свое влияние среди калмыков.

В документах из фонда «Донские дела» РГАДА события, связанные с Черкесом-тайшой, описываются следующим образом. В своих посланиях в Москву казаки подчеркивали, что Черкес с улусными людьми «шертвовали в кругу» (то есть приняли присягу). Им было отведено для кочевья место между Доном и Северским Донцом. Однако на Черкеса напал его брат Мункотемир, который убил 14 казаков и 30 калмыков, взял в плен многих черкесовых людей и верховым городкам «учинил разоренье». И хотя Мункотемира удалось отогнать, ущерб от его нападения оказался огромен. 2 августа 1690 г. в отписке из Царицына «по доезду толмача Микишки Алексева», который посетил именовавшего себя тайшой Черкеса, сообщалось, что Мункотемир «со своими и аюкиными калмыками» увел 2000 человек с женами и детьми. После этого у Черкеса осталось всего 100 человек (очевидно, речь шла о годных к войне мужчинах). Из казаков погибли атаман Василий Кутейников и 10 человек рядовых казаков. При этом нападавшие потеряли 40 человек.

Черкес, боясь новых нападений, попросил построить ему городок на р. Бузуке, между Доном и Северским Донцом, на острове. По государеву указу 21 июля 1690 г.

⁸⁷ Статейный список подьячаго Василия Айтемирава... С. 75.

⁸⁸ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 620.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 4. Л. 4–5.

⁹⁰ ДАИ. Т. 12. С. 276, 277.

⁹¹ Там же. С. 282.

⁹² Тепкеев В.Т. Аюка-хан... С. 115.

на Дон была послана грамота, в которой было велено удовлетворить просьбу калмыцкого тайши. Казаки построили городок и «обметали» его надолбами, а для Черкеса возвели собственные «хоромы». Кроме того, Москва потребовала от Аюки, чтобы он не посылал войска на Черкеса, которому, в свою очередь, были направлены грамоты с указанием о примирении с верховным калмыцким князем.

Аюка имел на происходящие события собственную точку зрения. Он писал в Москву, что Черкес после смерти отца осердился на брата и съехал на Дон с казной. Мункотемир не хотел кровопролития, а приходил, желая видетсья с ним и говорить о деле. Казаки же с Черкесом его не пропускали и держали «в осаде». На дальнейшее сотрудничество Москвы с тайшой Аюка смотрел скептически. Он считал, что от Черкеса государям добра не будет, так же как и от Чагана, который сначала пришел на службу, а потом превратился в противника.

Казаки решили не оставлять без ответа поход Мункотемира на Черкеса и разорение казачьих городков. «Не стерпя задора аюкиных людей», они во главе с атаманом Филиппом Сулой ходили на калмыков, живших ниже Черного Яра на Волге и взяли 15 человек «калмыцкого и едисанского полона». На сторону калмыков встал астраханский воевода боярин князь Никита Иванович Приимков-Ростовский. Он писал в Москву, что казаки явились под Красным Яром и «гоняют за татары с ружьем», а на заставе на Круглом острове «у гулящих людей» в лодке пойман казак, приехавший из стана донцов ниже Черного Яра, которые хотели идти на кочующих по р. Бузану татар. Воевода посылал к казакам для уговоров четырех стрельцов, однако те отказались менять свои планы. Тогда на казаков были посланы полковник Григорий Кохановский и два приказа стрельцов. Полковник, едучи к Красному Яру, взял в степи еще троих казаков, которые ехали «неизвестно для чего». В допросе они сказали, что отпущены с Филиппом Сулой. Встреча стрельцов с отрядом Сулы не прошла мирно. Явившийся в лагерь на Черном Яру Кохановский учинил жесткую расправу, разоружив донских казаков и бив самого атамана «смертным боем». Весь взятый казаками полон был отобран. Посланную Сулой в Астрахань делегацию, потребовавшую вернуть «ясырь», Н.И. Приимков-Ростовский распорядился бросить в тюрьму⁹³.

В результате казаки лишились добычи и пленных, которых предполагали использовать для размена, чтобы возратить плененных ранее товарищей. Они попытались найти управу на воеводу у царя, прося наказать его, чтобы «боярину и воеводе впредь неповадно было их менять на бусурманов»⁹⁴. В ответ казаки получили царское жалованье и запрет ходить войной на калмыков⁹⁵. Сидевших в Астрахани казаков отпустили⁹⁶, однако удовлетворенными они себя не почувствовали.

Походы на калмыков продолжились. 23 июля Аюка присылал в Саратов Унтея-бакшу с сообщением, что в июле казаки угнали 500 лошадей и убили трех человек. Саратовский воевода стольник Данил Наумов жаловался в Москву, что 28 июля к Царицыну пришли 3 тыс. казаков и что если про приход казаков узнают калмыки, то они откочуют и не будет калмыцкого торго, а на Волге станет опасно.

⁹³РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 2. Л. 4–11; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 4. Л. 9–25; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 5. Л. 18; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 6. Л. 4–5, 25–125.

⁹⁴Сухоруков В.Д. Историческое описание земли... Т. 2. С. 508.

⁹⁵РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 4. Л. 71.

⁹⁶РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 5. Л. 18.

В другой отписке он информировал, что казаки ночью напали на калмыков и отогнали скот, многих людей убили и ранили. Очевидно, речь шла об упомянутой выше жалобе⁹⁷.

В итоге история перехода на российскую службу Черкеса сложилась для московских властей и Войска Донского крайне неудачно. Черкес, не получив со стороны Москвы поддержки, достаточной для борьбы с братом, решил покинуть Дон. 11 января 1691 г. казаки писали, что Черкес-тайша «со всеми людьми» великим государям «изменили» и ушли к Аюке. Соединившись с бывшими противниками, они хотят приходиться под Черкасский городок войной. Ситуация усугублялась нахождением в это время в Азове 500 калмыков Аюки. Последующие сообщения были еще более неутешительными. Казаки писали, что калмыки приходят войной под верховые донские городки. В результате по Хопру, Медведице и Бузулуку «сделалось пусто»⁹⁸.

Черкес был не единственной проблемой в отношении между калмыками и донскими казаками. Другим раздражителем оставался Малай-батыр. По мнению казаков, Аюка специально «отпустил» его с улусом 300 человек и велел Малаю кочевать вокруг Азова. Сам же Аюка утверждал, что калмыки Малая отделились «самовольством». Весной 1691 г. вождь старообрядцев Л. Маноцкий «с товарищи» пришел в Азов с реки Аграхань, подняв в поход на Дон черкесов, ногайцев и калмыков Малая-батыра, общей численностью около 7 тыс. человек. Черкасск и другие городки ожидали их прихода, однако собравшееся войско разошлось, и поход не состоялся. Это не устроило Малая. В конце марта он приезжал тайно к казакам под Черкасск «для всякого дурна». Однако в это время казаки сами посылали «людей лехких молотцов» под Азов за языком. Одному отряду удалось захватить Малая. Его допрашивали «в кругу», а потом решили казнить. Батыр давал за себя откуп в 700, а потом в 2 тыс. коней. Однако ненависть казаков к нему была столь велика, что его «посадили в воду», отказавшись от предложенного табуна⁹⁹.

Окончание истории с Малаем и требования Посольского приказа подталкивали казаков к примирению с Аюкой. Однако проблем между ними оставалось слишком много. С Дона 1 июля 1691 г. писали в калмыцкие улусы с требованием к Аюке отпустить находящихся у него казаков¹⁰⁰. По соглашению с московским правительством Аюка должен был без откупа отпускать попавших к нему царских подданных. На практике же у калмыков было слишком много возможностей продавать пленных южным и восточным соседям. Позднее боевые действия, в которые были втянуты тысячи человек с обеих сторон, только разрастались и наносили все больший ущерб участникам конфликта.

Поскольку с начала 1691 г. калмыцким набегам подверглись и другие российские подданные (башкиры, чуваша, черемисы), на улусы Аюки начались ответные нападения. Башкиры совместно с яицкими казаками убили 150 калмыков и еще 450 захватили в плен¹⁰¹. Московское правительство стремилось урегулировать отношения калмыков с другими своими подданными, добиваясь прекращения взаимных нападений. Оно начало переговоры и организовало обмен пленными, однако, как всег-

⁹⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 6. Л. 28–29.

⁹⁸ Там же. Л. 32.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 4. Л. 5–7, 13.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 5. Л. 63–64.

¹⁰¹ Тепкеев В. Т. Аюка-хан... С. 124–125.

да в подобных ситуациях, виновного в нападениях было найти трудно. Бои в степи продолжились и в последующие годы, а сведения о тесных контактах калмыков с Крымом приходили все чаще¹⁰².

Временем некоторого снижения накала противостояния стал 1692 г. В начале года казаки посылали к Аюке, «чтоб с ним замирился»¹⁰³. Однако конфликт, как и в прежние годы, продолжал разгораться из-за походов тех калмыцких отрядов, которые, по утверждению Аюки, действовали независимо от него. Так, ушедший к Аюке Черкес уже зимой 1691/92 г. с 300 человек приходил в Азов. Он хотел, как станет Дон, прийти под Черкасск и бить татар с калмыками, которые «служат государю». Об этом в Черкасске узнали от калмыка, который был в Аюкином улусе и сообщил о планах Черкеса. Казаки выставили на опасных направлениях караулы. Узнав об этом, Черкес отказался от похода, вернувшись в улус к Аюке. Последние сведения передал перебежавший на Дон из Азова черкашенин¹⁰⁴. В своих отписках в Москву казаки всякий раз подчеркивали, что все калмыцкие отряды действуют по воле Аюки. Между тем тот же Черкес мог прийти на Дон за калмыками, которых он считал своими. В это время 10 кибиток донских калмыков с женами и детьми бежали от казаков в Азов¹⁰⁵.

С противниками России Аюка поддерживал дружеские отношения, основанные на торговых интересах. Его люди постоянно пригоняли в Азов табуны лошадей на продажу. Аналогичным образом себя вели и кочующие по Волге астраханские татары, подданные московского царя¹⁰⁶. Торговые операции периодически трансформировались в набеги. К примеру, в 1692 г. приходившие в Азов для торговли астраханские татары по пути домой напали на верховой Бабей-городок, убили четырех казаков и отогнали 150 коней. Узнавшие об этом казаки сами пошли в поход на астраханские юрты¹⁰⁷.

Донские казаки постоянно отслеживали все проявления нелояльности в отношении к Москве со стороны Аюки. В 1693 г. они сообщали, что в Крыму зимовало 300 калмыков Аюки, а также что Аюка послал в Крым Утусерина Кашку с отрядом в 900 человек, которые пригнали 5 тыс. лошадей¹⁰⁸. Казаки жаловались, что калмыки Аюки постоянно приходят под городки, угоняют скот и ведут его на продажу в Азов, а казаки из-за государевых указов не могут им ответить¹⁰⁹. Все эти сообщения должны были убедить Москву, что от Аюки великим государям «не столько службы, сколько измены»¹¹⁰. И тем не менее в декабре 1693 г. донцы сообщали в Москву о мире с калмыками¹¹¹.

Не следует забывать, что даже после ухода с Дона Черкеса калмыки оставались значимой частью сил Войска Донского. Их общее число доходило до 600 человек.

¹⁰² Тепкеев В. Т. Аюка-хан... С. 126–133.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 12.

¹⁰⁴ Там же. Л. 13.

¹⁰⁵ Там же. Л. 48.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 2. Л. 7.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 248–249.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 10. Л. 8–10.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 7.

¹¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹¹ Тепкеев В. Т. Аюка-хан... С. 136.

В походах казаков участвовали также кочевавшие на Дону татары. Их число в документах не указывается, но представители служилых татар постоянно приезжали с казачьими станицами¹¹². Так, 15 декабря 1693 г. в Посольском приказе юртовый татарин Ален Амамлыков подал войсковую отписку с Дона и сообщил, что привез выкупленного из плена рейтара¹¹³.

Постоянные трения между калмыками и другими подданными московских государей не мешали московским властям зимой 1693/94 г. обращаться к Аюке с просьбой выделить людей для сопровождения из Терков в Астрахань царевича Арчила¹¹⁴. Весной 1694 г. калмыцкие послы просили в Москве награду за службу царю, на которую якобы выходило более 5 тыс. человек¹¹⁵.

Однако подобные отношения продлились недолго. 1694 г. стал, по всей видимости, самым кровопролитным с начала десятилетия. Он начался с известий донских казаков о том, что зимой Аюка присылал своих людей в Крым для заключения «вечного» договора. Крымский хан предлагал дать Аюке пушки с пушкарями с целью похода «на государские украинные городы» текущим летом. Вместе с посланниками Аюка отправил на продажу 10 тыс. лошадей¹¹⁶.

Донские казаки также сообщали, что один из людей Аюки с сотней всадников ходил в поход на русские земли вместе с кубанскими ногайцами¹¹⁷. Схваченных вместе с азовцами и ногайцами калмыков казаки разорвали лошадьми на глазах послов Аюки¹¹⁸. Столкновения калмыков Аюки с различными народами, находившимися под властью России, привели к тому, что калмыкам пришлось откочевать далеко на восток за Яик. Осенью 1694 г. в Москву прибыло новое калмыцкое посольство для установления мира¹¹⁹.

Калмыки не были единственным кочевым народом, на отношения которого с Россией война оказала значительное влияние. Однако данная тема требует самостоятельного исследования. Отметим лишь несколько фактов, которые характеризуют общее положение дел. Так, контакты между российскими властями и джунгарами, вышедшими из Сибири к границам России в 1687 г., находились в тесной связи с состоянием русско-калмыцких отношений. Происходило это из-за того, что в 1688 г. Аюка породнился с джунгарским тайшой Цаганом. Сын Аюки взял в жены дочь последнего. По мере того как осложнялись отношения московских властей с Аюкой, изменялась и политика джунгаров. С конца 1688 г. появляются сведения о сношении крымцев непосредственно с Цаганом. Радикально политика джунгарского тайши менялась уже после свержения царевны Софьи. В августе — сентябре 1690 г. Цаган атаковал городки донских казаков, полностью «вырубив» Высоцкий городок. С 1692 г. против джунгар вместе с казаками стали успешно действовать башкиры¹²⁰.

¹¹² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 16.

¹¹³ Там же. Л. 155.

¹¹⁴ АИ. Т. 5. С. 402–403.

¹¹⁵ Тепкеев В. Т. Аюка-хан... С. 137.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 4–5, 10.

¹¹⁷ АИ. Т. 5. С. 424.

¹¹⁸ Сухоруков В. Д. Историческое описание... Т. 2. С. 510–511.

¹¹⁹ Тепкеев В. Т. Аюка-хан... С. 138–140.

¹²⁰ Тепкеев В. Т. Джунгары на юге России в конце XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1 (23). С. 16–17.

Эхо «большой» войны отзывалось в степях далеко на восток вплоть до Красноярска. На этой окраине степного мира никогда не было спокойно. Русские власти в данном регионе старались использовать противоречия между группами кочевников, стремясь привлечь их на московскую службу. В конце 1691 г. к перешедшему на московскую службу князю Шанде, возглавлявшему тубинцев (одна из групп енисейских киргизов), от джунгарских правителей приехал калмыцкий зайсан Бодохан. Его целью было примирить кочевые племена между собой и объединить их для совместных действий против России. В результате тубинский владетель не позволил красноярским служилым людям провести перепись своих людей и стал угрожать другим ясачным людям. В ответ красноярский воевода П.С. Мусин-Пушкин в начале 1692 г. начал поход против енисейских киргизов. Последние потерпели поражение¹²¹. С одной стороны, «измена» енисейских киргизов не была напрямую связана с действиями Турции или Крыма. С другой стороны, постепенный «дрейф» калмыков и джунгар в сторону противников Москвы заставлял степняков побуждать к войне с Россией другие кочевые народы.

Походы донских казаков

На донском театре войны произошедшая в 1689 г. в Москве смена власти привела к установлению временного затишья. После второго Крымского похода донские казаки сообщали в Москву, что мирные жители уезжают из Азова, опасаясь скорого нападения на город московских войск и казаков¹²². Однако без поддержки московских войск казаки оказались крайне ограничены в ведении наступательных действий, тем более что в кампанию 1689 г. они потеряли свои морские суда (были спрятаны в Миусе для дальнейших походов, но затем найдены и захвачены азовцами¹²³). В результате в декабре 1689 г. между азовцами и казаками было заключено перемирие для обмена пленными¹²⁴. Московское правительство также воспользовалось этим перемирием, чтобы возвратить оказавшихся в руках врага служилых людей. Об этом сообщили на Дон 6 мая 1690 г.¹²⁵

В целом же в начале 1690 г. ситуация оставалась тревожной. Казаки ожидали возможного нападения со стороны крымцев, азовцев, ногайцев, ушедших на Кавказ старообрядцев. Последние были особенно опасны тем, что не понаслышке знали ситуацию на Дону. Это позволяло старообрядцам точно планировать свои действия. К примеру, небольшой отряд под командованием И. Шамина смог выкрасть у казаков и тайно переправить на Куму пушку. Шамина «с товарищи» казаки поймали и казнили, однако вернуть оружие было уже невозможно¹²⁶.

¹²¹ *Барахович П.Н.* Службы «на крови». Служилые люди красноярского острога и борьба с енисейскими киргизами в конце XVII столетия [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре. 1480–2015. Ч. II. С. 552–555. URL: http://www.milhist.info/2016/08/08/barakhovich_3 (дата обращения: 18.10.2022).

¹²² ДАИ. Т. 12. С. 276, 280.

¹²³ Там же. С. 280. Позднее московские правители пожаловали казакам новые струги, однако время было уже упущено (Там же. С. 282).

¹²⁴ Там же. С. 352.

¹²⁵ Там же. С. 282.

¹²⁶ Там же. С. 279.

1691 г.

В 1691 г. казаки Войска Донского вновь стали объектом старообрядческой агитации. На Дон с Кумы приходили под верховые городки «для страха и прелести» старообрядцы атамана Семена Жмура «с азовцы и ногайцы». Отряд насчитывал 300 человек. Целью было не военное нападение, а именно вербовка сторонников. Против старообрядцев послали 1 тыс. казаков, после чего они отступили¹²⁷. В 20-х числах августа татары, соединившись со старообрядцами, разорили донской Митякин городок и «с того жителей с жонами и детьми в полон поимали»¹²⁸. В сентябре казаки ниже Гундоровского городка поймали ахреянина (очевидно, лазутчика), который рассказал, что перебежчик Демка Башмак предлагает паше и бею Азова идти на Изюм с отрядом в 2 тыс. человек, как только установится зимний путь¹²⁹.

Наступательные действия казаки возобновили весной 1691 г., когда отряд станичного атамана Кирея Игнатьева в 208 конных казаков и калмыков «заезжал» под Перекоп. Здесь, по сообщению казаков, им удалось перехватить отряд крымцев численностью в 300 человек, шедший в набег на русские земли, и пленить 35 татар. Позднее они столкнулись еще с одним отрядом в 80 человек, из которых 20 удалось захватить¹³⁰.

О подробностях похода в Москве рассказали пленные татары. Одним из захваченных был Магомет Алабердеев, «черный человек» Арабатского городка (Горбатика) уездной деревни Кулгутовы. Вторым — Мустафа Арасланов, служилый человек из Перекопа. Их послали по велению перекопского бея под Полтаву для захвата языков. Во главе отряда из 51 человека стоял Булат-ага. Под Полтавой 15 украинских казаков, которые были в степи «для звериной ловли», заметили приближающегося противника. Охотники дали залп, от которого погиб один татарин. Нападавшие решили вернуться обратно в Крым, оставив в степи для поимки языков 10 человек. На Молочных Водах 18 человек из Арабатского городка отделились. В этот момент на них напали донские казаки и калмыки, общим числом около 200 человек. От арабатцев казаки узнали, что отдельно идут в Крым жители Перекопа. Казаки атаковали и их. Неожиданным для арабатцев и перекопцев нападение стало потому, что еще раньше казаки разбили отряд перекопских татар в 400 человек, которые должны были караулить у колодцев подступы к Крыму¹³¹. 30 мая казаки вернулись в Черкасский городок, представив казачьему кругу 35 пленных¹³². В Москве поход Игнатьева оценили очень высоко. Казаков вызвали в столицу и 28 июня приняли во дворце. Им была предоставлена возможность «видеть государевы очи» и «подходить к руке». По государеву указу казаков было велено накормить и напоить вдоволь «романею»¹³³. Для приезжавших в Москву станиц это было редчайшим событием.

Военные действия донских казаков не ограничились диверсией под Перекопом. По ногайской стороне Дона были посланы 200 человек «и больше» конных, которые разбили в степи неприятеля, побили многих азовцев и взяли в плен 10 чело-

¹²⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 5. Л. 17–18; Д. 6. Л. 18.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 4.

¹²⁹ Там же. Л. 232–233.

¹³⁰ Тепкеев В. Т. Аюка-хан... С. 123–124.

¹³¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 5. Л. 18–20.

¹³² Там же. Л. 3.

¹³³ Там же. Л. 41.

век¹³⁴. Кроме того, в конце мая 800 казаков на судах отправились в Азовское море, где «неприятельские жилища разорили и их побили, и живых с женами и с детьми в полон многих побрали и из неволи христиан многих освободили и вывезли с собою на Дон»¹³⁵. Казаки писали в Москву, что, делая необходимые для этого похода 40 лодок, одолжились «великими деньгами»¹³⁶. На момент отправки станицы в Москву флотилия еще не вернулась, однако азовский татарин, который «перекинулся» на Дон, рассказывал про них, что они разорили два улуса «черкесские и нагайские и многих побили и в полон побрали». На обратном же пути ниже Темрюка на реке Духони их осадили азовцы и черкесы¹³⁷.

1692 г.

Зима 1691/92 г. стала временем перемирия казаков с азовцами. Для донских казаков такие перемирия были частью военного быта. Они требовались для размена пленными и проведения торговых операций, в которых были заинтересованы обе воюющие стороны. Инициаторами перемирия стали азовцы. Казаки успокаивали московские власти тем, что «с азовцы они замирились тому ныне другой месяц в ысходе, за душами, а не за аманаты, чтоб розменитца на обе стороны невольниками, а сколько того перемирья будут держать, того не ведомо»¹³⁸.

С началом весны военные столкновения донских казаков с азовцами возобновились. В 1692 г. на 76 стругах в Прикубанье на Темрюк и Казылташ ходило 1200 человек. Здесь было захвачено 130 пленных и освобождено 200 русских людей. Второй морской поход этого года оказался менее удачным. Казаки столкнулись с флотом, который шел из Константинополя в Азов. Отступая, донцы совершили нападение на окрестности Азова: «около Азова всякое утеснение им чинили и на отъезжие их азовские караулы боем били ж и до смерти многих побили»¹³⁹. Впрочем, нанести серьезный урон Азову казаки не могли, поскольку в это время гарнизон города составлял 7 тыс. человек¹⁴⁰. Силы явно были не равны.

Крым также подвергался атакам. Предупреждение о грядущем нападении донцов на полуостров отправили жители Азова¹⁴¹, а 5 июля стало известно, что казаки вышли на море и разбили три турецких корабля. На крымском побережье были выставлены караулы¹⁴². 10 июля в Бахчисарае узнали о том, что донцы появились под Балаклавой на 70 судах и обстреляли из пищалей идущий из Константинополя турецкий корабль, убив на нем четырех человек. Судну удалось уйти от погони «доброю погодою»¹⁴³.

Осенью Фрол Минаев решил совершить поход под Азов на 15 судах. На полпути к городу им попала лодка азовцев с 10 людьми, шедшая вверх по Дону. Казаки решили, что это передовая охрана большого войска, идущего под Черкасск, и повернули обратно. Домой они вернулись 1 ноября. Опасения казаков оказались напрас-

¹³⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 5. Л. 6.

¹³⁵ Сухоруков В.Д. Историческое описание... Т. 2. С. 514.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 5. Л. 6.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 6. Л. 14.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 12, 48.

¹³⁹ Сухоруков В.Д. Историческое описание... Т. 2. С. 514–515.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 2. Л. 7.

¹⁴¹ Там же. Л. 7.

¹⁴² Статейный список подъячаго Василия Айтемирева... С. 43.

¹⁴³ Там же. С. 44.

ными. Взятые в плен янычары сказали, что они вдесятером отпросились из Азова «за зипунами» под казачьи городки. Двое пленных были отправлены в Москву с казачьей станицей¹⁴⁴.

Предпринимались также и конные походы. Весной 300 казаков и калмыков ходили «на ногайскую сторону»¹⁴⁵, а осенью 30 казаков и 5 калмыков ходили под Азов за языками¹⁴⁶.

Турецко-татарское население Азова и окрестностей не оставалось в долгу, организовывая нападения на казаков. Летом под Гундоровский и Митякин казачьи городки приходили 100 азовцев, которые захватили в плен одного казака¹⁴⁷. Более масштабный поход состоялся осенью. 1 октября калмыки с азовцами (100 человек) совершили пробный поход, целью которого, скорее всего, была разведка. В результате удалось угнать 200 голов скота.

26 октября под Черкасский городок, «собрався всем городом», пришло войско во главе с Кубек-агой, состоявшее из азовцев, ногайцев и калмыков, численностью около 500 (по другим сведениям — 1000) человек. Нападавшие разделились надвое. Одна половина пошла под Черкасский, другая — под Манычев городок в пяти верстах от него. Врага удалось заметить заранее. Его увидели казаки, которые ходили охотиться на лисиц. Поднятая ими стрельба позволила объявить тревогу. Когда азовцы, отогнав от города конные стада, подошли к р. Аксаю, Минаев ударил им навстречу, а манычские казаки — с тыла. Уйти удалось немногим. В плен взяли больше 100 человек (по другим данным — 50 или 60). Захватили даже раненого сына азовского бея, который в плену умер. Самого Кубек-агу ранили, перебив руку из пищали. После битвы еще три дня казаки ловили на Аксае спрятавшихся в камышах азовцев: «здоровых брали, а раненых рубили». Пленных заковали в кандалы и держали за караулом. Тогда же был взят в плен аюкин калмык. Его не стали отдавать на откуп, а «повесили на якорь». В это время из плена из Темрюка вышел на Дон некий казак. Он говорил, что, проходя мимо Азова, слышал «великой мужской и женской и рабский голос, кричат и плачут»¹⁴⁸. Так в Азове горевали о погибших.

Причиной столь сокрушительного поражения стала самонадеянность азовцев. Они угнали от Черкасского городка коней и были уверены, что конная погоня за ними невозможна: «малым людям велели табуны гнать, а сами, остановясь для попомеху и поругания, и говоря “уже де ис Черкасского за нами погони никакой не будет конной, все пеши остались”»¹⁴⁹.

Осенью 1692 г. у донских казаков появилась еще одна проблема. Часть старообрядцев, живших у Каспийского моря на Аграхани, перешли на более близкую Кубань: «Аграханцы Левка Маничкой с товарищи с 200 человек пришли от шевкала на Кубань-реку, к вору к Савке Пахомову, которых перевел азовский Кубек-ага с азовцы. И хотят им зделать городок близь моря у Черной протоки, чтоб казакком на море ход затворить и помеху чинить, и до неприятельских жилищ не допускать». В этом сообщении отмечалось также, что часть старообрядцев Маноцкий

¹⁴⁴РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 2. Л. 4, 5, 123.

¹⁴⁵Там же. Л. 3, 16

¹⁴⁶РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 107.

¹⁴⁷РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 2. Л. 2.

¹⁴⁸РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 33, 107–109, 123, 139–141, 145.

¹⁴⁹Там же. Л. 124.

привел с собой на Кубань насильно. Об этом известили двое бывших аграханцев, бежавших в Черкасск¹⁵⁰.

1693 г.

В июле 1693 г. на Дон из Москвы была отправлена грамота с требованием разорить городок, построенный на Кубани казаками-старообрядцами. Однако сведений о том, состоялся ли такой поход, нет¹⁵¹.

Сами донские казаки постоянно сталкивались с бывшими соотечественниками. В конце сентября на Дон приходили азовцы с кубанцами и черкесами численностью до 3 тыс. человек¹⁵². Этот поход имел целью переманить с Дона на Кубань максимальное число казаков. И действительно, из городков около 15 голутвенных казаков перешли к кубанцам. Видя «шатость» в верховых городках, казаки выступили против азовцев, и те отошли¹⁵³. Позднее из Крыма на Дон пришли «салтан с татарами и раскольники», которые сожгли Камышников городок. На помощь из Черкаска отправляли казаков, но они уже не застали противника¹⁵⁴.

Появление раскольников на Кубани создало для донских казаков еще одну проблему. «Раскольничий» деревянный городок был поставлен за Кубанью на том месте, где казаки раньше проходили под турецкие и ногайские городки. «А ныне проходить тем местом стало им трудно». У старообрядцев явно сложились хорошие отношения с Кубек-агой, которому они подчинялись. Временами Кубек-ага сам жил в казачьем городке. Туда для обороны даже были выданы пушки и поставлены янычары¹⁵⁵.

Казаки, как и в предшествующие годы, ходили на территорию противника. Уже в конце июня, еще до получения государева жалования, они пошли на противника на судах и степью на конях¹⁵⁶. В начале октября 500 казаков и калмыков посылались «от войска» под ногайские места. Они столкнулись с ногайцами, которые возвращались из совместного с азовцами и кубанцами похода с полоном. В результате в плен попало 36 ногайцев. Кроме того, казаки отбили 22 русских пленника¹⁵⁷. В конце осени казаки заключили с азовцами традиционное перемирие для обмена пленными и торговли¹⁵⁸.

1694 г.

Весной 1694 г. на Азовское море отправилось 150 человек «судами». Действия этой ватаги носили разведывательный характер. После ее возвращения планировалось вновь «итти на море всем войском большими судами»¹⁵⁹. В большой поход отправились 1 тыс. человек на 60 судах во главе с атаманом Б. Даниловым. Целью

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 142–143.

¹⁵¹ *Сень Д.В.* «Крымской хан принял их... с великою любовью»: казачество Крымского ханства (Кубани) в конце XVII–XVIII в. // Казачество в тюркском и славянском мирах / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов. Казань, 2018. С. 496.

¹⁵² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 4.

¹⁵³ Там же. Л. 6.

¹⁵⁴ Там же. Л. 367–368.

¹⁵⁵ Там же. Л. 370.

¹⁵⁶ Там же. Л. 70.

¹⁵⁷ Там же. Л. 10, 108.

¹⁵⁸ Там же. Л. 367.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 6.

вновь стали Темрюк и Казылташ. На этот раз кубанцы заранее получили сведения о походе казаков. Окрестные ногайские и черкесские села оказались покинуты. Донцы выжгли их, а потом безуспешно штурмовали городские укрепления. На обратном пути казаки, как и в 1692 г., столкнулись с турецким флотом. Донцам удалось пробиться сквозь корабли противника, при этом казаки «били на них боем, на те суды, и отбили один корабль беломорских кораблей, и при том корабле будучи, тумбас отбили»¹⁶⁰.

После столкновения с вражеским флотом казачьи суда ушли в Миус, где были затоплены для лучшей сохранности. Азовцы по следам разыскали место затопления и сожгли найденные струги. Это создало у них ощущение безопасности со стороны моря. Однако вскоре казаки вновь отправились в морской поход. На этот раз они двигались в западную сторону. Высадившись на сушу, донцы вместе с отрядом запорожцев численностью в 700 человек разгромили Чингарский городок (поблизости от Перекопа). Здесь были взяты 7 пушек и знамя. При разделе добычи 3 пушки и знамя достались донцам. Вышедшие из Крыма татары напали на отступавших запорожцев. У Молочных Вод состоялось кровопролитное сражение, однако запорожцам удалось уйти с добычей¹⁶¹. По сведениям находившегося в Крыму с миссией подьячего Посольского приказа В. Айтемирева, добыча казаков в Чингаре была скромнее — 4 пушки, а кроме городка казаки уничтожили две татарских деревни¹⁶².

Рост военной активности России в 1694 г. привел к определенным подвижкам в отношениях со старообрядцами. Из Азова на Дон начали возвращаться «раскольники». Выходили они по одному-два человека¹⁶³.

В целом активность донцов в 1690–1694 гг. была заметно выше, чем в предыдущий, крымский период войны, когда они во многом были заняты внутренними проблемами. Им удалось совершить ряд средних по масштабам морских походов и нанести сокрушительное поражение отряду Кубек-аги под Черкасским городком. Подобные операции были важны как общее свидетельство продолжения Россией военных действий против Порты и Крыма, но по очевидным причинам не могли привести к серьезным изменениям в общей расстановке сил даже в донском регионе.

Действия войск гетмана И.С. Мазепы и запорожских казаков

На Украине в начале рассматриваемого периода положение дел оставалось напряженным. После того как в Москве в 1689 г. вновь обострилась борьба за власть между Милославскими и Нарышкиными, запорожцы, недовольные строительством самарских крепостей, в которых они видели прямую угрозу своей территориальной и политической автономии, обратились за поддержкой к Речи Посполитой. 5 ноября 1689 г. на Сечи приняли решение отправить посольство к польскому королю¹⁶⁴. Причины, по которым казаки предлагали Яну Собескому «быть под обороною у королевского величества и у Речи Посполитой», состояли в недовольстве политикой

¹⁶⁰ Сухоруков В.Д. Историческое описание... Т. 2. С. 518.

¹⁶¹ Сухоруков В.Д. Историческое описание... Т. 2. С. 518–519; Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. СПб.; Киев; Харьков, 1903. С. 347.

¹⁶² Статейный список подьячаго Василия Айтемирева... С. 123.

¹⁶³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 6.

¹⁶⁴ Станіславський В.В. Запорозька Січ та Річ Посполита. 1686–1699. Київ, 2004. С. 104.

Москвы. Казаки утверждали, что «на вечную неволю и утеснение отданы и с немалою жалостию под игом московским воздыхают»¹⁶⁵.

Известия о переговорах запорожцев с польскими властями в Москве получили еще в декабре 1689 г.¹⁶⁶ Российский резидент в Польше И.М. Волков 19 декабря встретился с коронным гетманом Станиславом Яблоновским и коронным подскарбием Марком Матчинским. Волков утверждал, что сам факт приема запорожского посольства является нарушением Вечного мира. Однако польская сторона заявила, что казаки имеют право наниматься на службу к польскому королю¹⁶⁷. Сохранить что-то в тайне польской стороне было крайне трудно, поскольку преданные Мазепе люди передали ему ряд документов, связанных с этими переговорами. В их числе лист литовского гетмана К.Я. Сапеги и лист запорожцев к польному коронному гетману. Все это Мазепа переслал в Москву¹⁶⁸.

Ян Собеский ласково встретил казаков, однако согласия на переход под власть Речи Посполитой не дал. Польская сторона понимала, что прием запорожцев в подданство приведет к разрыву отношений с Москвой¹⁶⁹. В дальнейшем Ян Собеский не отказался от идеи найма запорожцев на польскую службу. На эти цели было выделено 60 тыс. золотых из собственных королевских средств¹⁷⁰.

По некоторым сведениям, запорожцы не только вели переговоры с поляками, но и оказали им военную помощь в борьбе с татарскими загонами¹⁷¹. Однако отсутствие серьезного интереса со стороны Польши заставило казаков задуматься о прекращении войны с татарами. В итоге они, так же как и донские казаки, заключили перемирие с противником¹⁷². В начале мая 1690 г. Мазепа писал запорожскому кошевому атаману Ивану Гусаку, призывая его возобновить войну¹⁷³. Однако казаки оказались глухи к просьбам гетмана.

Российские власти и украинский гетман считали важным добиться возобновления походов запорожцев на турецкие и татарские владения. Для достижения этой цели были предприняты серьезные дипломатические усилия. В итоге, для привлечения запорожцев на службу, в начале осени 1690 г. из Москвы по присланной от Мазепы «расписке» им отправили жалованье. 17 сентября казна была доставлена в Сечь стольником А.А. Чубаровым. Уже в письме от 20 сентября запорожцы сообщали гетману, что готовы служить великим государям, а перемирие с ханом и турками решено разорвать с октября, отправив «размирные» грамоты¹⁷⁴.

Между тем владения Мазепы постоянно находились под угрозой татарского вторжения. Весной 1690 г. гетману со своими войсками пришлось постоянно передвигаться, стремясь перекрыть путь противнику. Из ставки в Батурине он пошел в Гадяч. Оттуда гетман, узнав, что татары прошли мимо Казы-Кермена на правую

¹⁶⁵ ДАИ. Т. 12. С. 362.

¹⁶⁶ Станіславський В.В. Запорозька Січ... С. 105.

¹⁶⁷ Там же. С. 107.

¹⁶⁸ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 254–259.

¹⁶⁹ Станіславський В.В. Запорозька Січ... С. 108–109.

¹⁷⁰ Там же. С. 139.

¹⁷¹ Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. 1686–1734. СПб., 1897. С. 101.

¹⁷² ДАИ. Т. 12. С. 366.

¹⁷³ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 243.

¹⁷⁴ Там же. С. 259–262.

сторону Днепра, двинулся в южном направлении. В Голтве (ныне в Полтавской области), в 40 верстах от Днепра, Мазепа получил сведения, что татары появились между орельскими городками и Новобогородицком, и двинулся в Лубны¹⁷⁵. Бесконечные походы обходились без сколько-нибудь крупных сражений, ограничиваясь мелкими стычками. Все же Мазепа смог отправить в Москву татарских языков, захваченных казаками компанейского полка И. Новицкого. Уже в начале июня компанейскому полковнику вновь было приказано идти против трехтысячного отряда татар, который стоял ниже Сечи¹⁷⁶.

Тем временем гетман не оставлял надежды совершить рейд к Казы-Кермену. 18 июня Мазепа приказал Новицкому найти место для организации лагеря за Днепром в устье Тясмина¹⁷⁷. Этот поход начал казаться особенно перспективным после того, как Семен Палей (формально подчинялся Речи Посполитой¹⁷⁸) предложил Мазепе вести совместную войну. Гетман отдал указание Новицкому соединиться с Палеем и вместе идти на Казы-Кермен, а затем за Буг и Днестр¹⁷⁹.

Переписка Мазепы с Новицким позволяет точно представить, каким гетману виделся этот поход. Полковнику предписывалось отогнать окрестные стада, а под сам городок приступить «для спаленья посадов и для вытолоченья пашень»¹⁸⁰. Учитывать заключенное запорожцами перемирие гетман не собирался¹⁸¹. Время для выступления казалось Мазепе особенно удачным, поскольку «все орды з Криму едино до хана к венкгерским¹⁸² границам, другое до калги солтана в Белогородщину повиходили, а Крым немал пуст в малолюдствии оставлен»¹⁸³.

Новицкий предлагал при нападении на Казы-Кермен 2 тыс. человек оставить в лагере, а 1 тыс. отправить под город для заставы. Кроме того, 1 тыс. предназначалась для опустошения посада, а еще 2 тыс. — для захвата стад и другой добычи. Мазепа согласился с большинством предложений Новицкого, но возразил, что отгонять стада должно не более 200–400 человек¹⁸⁴. К сожалению, сведений об итоговой численности войска, посланного под Казы-Кермен, пока найти не удалось.

Приказ о начале похода Мазепа отдал 22 июля 1690 г.¹⁸⁵, а 16 августа он уже благодарил Новицкого за успешные действия под Казы-Керменом, велел ему стать лагерем при Тясмине¹⁸⁶. Соединиться с Палеем под Чигирином, судя по всему, не удалось, что ограничило масштаб операции. Уже осенью Казы-Кермен подвергся

¹⁷⁵ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 229–231.

¹⁷⁶ АИЗР. Т. 5. С. 230.

¹⁷⁷ Там же. С. 232–236.

¹⁷⁸ В официальных дипломатических документах российское правительство рассматривало Палея в качестве подданного польского короля (см.: Статейный список подьячаго Василия Айтемирава... С. 9), что не мешало получать от него через Мазепу захваченных в походах языков и одаривать полковника за его заслуги.

¹⁷⁹ АИЗР. Т. 5. С. 233.

¹⁸⁰ Там же. С. 234.

¹⁸¹ Там же. С. 235.

¹⁸² Так в тексте.

¹⁸³ Там же. С. 236.

¹⁸⁴ Там же. С. 237.

¹⁸⁵ Там же. С. 239.

¹⁸⁶ Там же. С. 240.

повторному нападению. Запорожцы, разорвав перемирие, ходили к городу по Днепру и захватили 2 судна, 2 пушки, 2 знамени и 30 турок¹⁸⁷.

Другим турецким городом, пострадавшим в 1690 г. от казаков, стал Очаков. Туда ходил генеральный есаул Иван Ломиковский. Казаки «посад спалили и много школы татаром починили»¹⁸⁸.

На других направлениях осенью также происходили отдельные столкновения. 29 октября Мазепа приказывал Новицкому отправить есаула Рубана на появившихся у Переволочной крымцев. Самому Новицкому разрешалось идти на отдых в Лубенский полк¹⁸⁹. В ноябре запорожцы ходили под Перекоп и в урочище Стрелица, где разгромили идущий из Крыма в Очаков отряд в 40 человек, захватив языка¹⁹⁰.

В конце декабря Мазепа писал в Москву о том, что крымские и белгородские татары «имеют великую досаду и негодование на их великих государей сторону» за разорение Белгородчины. В отместку они хотят идти на «российские и малороссийские украинные города»¹⁹¹.

1691 г.

В 1691 г. боевые действия продолжились. В апреле запорожцы, объединившись с Палеем (всего отряд насчитывал 200 человек), напали в урочище Пересыпи за Очаковом на идущих из немецкой земли в Крым татар. Захваченного там языка прислали в Батурий¹⁹². Направлявшийся под Новобогородицк для захвата языков крымский отряд в 60 человек был разгромлен полтавским полковым есаулом И. Искрой¹⁹³.

Весной большой татарский отряд приходил в Чугуевский уезд под Змиев, Лиман, Терлово и др. Степнякам удалось отогнать стада и захватить в плен около 2 тыс. человек¹⁹⁴. Организовать действительно масштабный поход на российские и украинские земли татарам в 1691 г. было сложно, так как в руководстве Крымского ханства началась чехарда. За короткий период на престоле сменилось три хана: Селим-Гирея в 1691 г. сменил Саадет-Гирей III, на место которого в том же году пришел Сафа-Гирей, в 1692 г. его сместили, и на трон вновь вернулся Селим-Гирей¹⁹⁵.

Гетман Мазепа с самого начала своего правления (1687 г.) поддерживал официальную русскую политику по продвижению на юг, выразившуюся в первую очередь в сооружении крепостей на р. Самаре. В связи с этим отношения гетмана и запорожцев складывались не лучшим образом. Состоявшийся в 1691 г. побег гетманского канцеляриста Петра Иваненко (Петрика) на Сечь привел к дальнейшему ухудшению ситуации. Петрик, выдвигавший лозунги борьбы против «московской власти» на Украине, сумел привлечь на свою сторону некоторое число казаков. Но еще более

¹⁸⁷ ДАИ. Т. 12. С. 366.

¹⁸⁸ Заруба В.Н. Украинское казачье войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993. С. 111.

¹⁸⁹ АИЗР. Т. 5. С. 243.

¹⁹⁰ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 263–264.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 193–195.

¹⁹² Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 302–304; Станіславський В.В. Запорозька Січ... С. 151.

¹⁹³ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 308–309.

¹⁹⁴ Заруба В.Н. Украинское казачье войско... С. 113.

¹⁹⁵ Гайворонский А. Созвездие Гераев. Краткие биографии крымских ханов. Симферополь, 2003. С. 55, 61–63.

серьезной поддержкой ему удалось заручиться в Крыму¹⁹⁶. Все это стало очевидной угрозой позициям России в нижнем Поднепровье, с перспективой не только отпадения Запорожской Сечи под власть Крыма или Польши, но и ликвидацией созданных в 1688 и 1689 гг. русских форпостов на Самаре — Новобогородицка и Новосергиевска. Движение Петрика поэтому стало составной частью, причем достаточно важной, оборонительного периода Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. на днепровском театре военных действий. В частности, Новобогородицк уже достаточно скоро, летом 1692 г., подвергся атаке крупных сил Петрика и крымского ханства (см. об этом выше, с. 262–265).

Очередные признаки недовольства запорожцев проявились в феврале 1691 г., когда стольник А.А. Чубаров привез в Сечь государево жалованье. Казаки негодовали на его малый размер. Однако звучали и другие обвинения: «пришли к нам москали, велят нам с турком воевать, а сами с ними мирятся»¹⁹⁷. Казаков беспокоили как дипломатические пересылки Москвы с Крымом, так и то, что не имелось каких-либо известий о времени выступления против врага московских войск¹⁹⁸. Главная же причина разлада заключалась в информации, которую привез в Запорожье Петрик. Он сообщил казакам сведения, компрометировавшие гетмана и Россию в глазах казацкой вольницы. В письме запорожцам от 25 апреля Мазепа утверждал, что привезенные Петриком вести о мирных переговорах с Крымом за их спиной являются ложью, и просил выдать беглеца¹⁹⁹. Однако казаки гетману не верили.

В ходе продолжавшейся переписки запорожцы перечисляли свои «обиды», упоминая постройку Новобогородицка. На это Мазепа отвечал, что государи в своей державе делают то, что считают нужным²⁰⁰. Колеблющиеся казаки интересовались у Мазепы о походе в текущем году на Казы-Кермен, предлагая диверсию. Согласно плану, запорожцы должны были заключить с татарами перемирие и пройти мимо днепровских городков, а после нападения московских войск на Казы-Кермен — разорвать перемирие и атаковать противника²⁰¹.

Тем временем к Мазепе пришли донесения, будто бы запорожцы сносятся с Крымом, а Петрик желает идти войной на Украину²⁰². Гетман сообщал в Москву о том, что отсутствие наступательных действий со стороны государевых войск подталкивает запорожцев к переходу на службу Речи Посполитой. Чтобы этого не происходило, необходимо разрешить казакам заключить перемирие с татарами и заняться промыслами. Российское правительство разрешило гетману тайно сообщить запорожцам, что в Москве согласны с заключением запорожцами временного перемирия²⁰³. В итоге сечевики вновь заключили соглашение о прекращении боевых действий с турками и татарами, направив на государево имя письмо с извинениями

¹⁹⁶ См. подробнее: *Оглоблин О.* Мазепа й повстання Петра Іваненка (Петрика) // *Записки Історично-філологічного відділу ВУАН.* Кн. XXII. Київ, 1929. С. 189–219; *Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001. С. 183–191 и др.

¹⁹⁷ *Эварницкий Д.И.* История... Т. 3. С. 115.

¹⁹⁸ Там же. С. 115–116.

¹⁹⁹ Листи Івана Мазепи. 1687–1691. Т. 1. 1687–1691 / упор. та авт. передм. В. Станіславський. Київ, 2002. С. 445–448.

²⁰⁰ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 311.

²⁰¹ *Станіславський В.В.* Запорозька Січ... С. 145.

²⁰² *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 314–315.

²⁰³ *Станіславський В.В.* Запорозька Січ... С. 147.

за перемирие без «царского указа»²⁰⁴. Несмотря на это, отдельные запорожцы продолжали воевать на стороне Москвы. 16 августа 1691 г. Гаврила Пуленко «с товарищи» получили государево жалованье за то, что они продолжали «воинский промысел» и привезли в Москву языка²⁰⁵.

Опасность перехода украинских казаков в польскую армию, о которой предупреждал московское правительство Мазепа, была вполне реальной. Так, в конце августа — начале ноября ряд украинских казаков, в том числе запорожцев, участвовал в боевых действиях, которые вела польская армия. Число запорожских казаков, пополнивших польскую армию, насчитывало более тысячи человек. Это были относительно небольшие отряды, которые действовали вопреки общему решению низового войска. Однако не исключено, что некоторые отряды, к примеру около 700 запорожцев под командованием полковника Яремы Гладкого, такое одобрение получили. Во время польского похода в османские владения в 1691 г. казакам под командованием хелмского каштеляна Станислава Друшкевича удалось занять Сорочки (ныне территория Молдавии). Позднее казаки Я. Гладкого сыграли решающую роль в обороне Сорок (октябрь 1692 г.), когда турки попытались вернуть перешедший под польский контроль город²⁰⁶.

В 1691 г. гетман также рассматривал возможность выступления подчиненных ему левобережных казаков под командованием подданного польской короны С. Палея. Однако российские власти эту идею не одобрили²⁰⁷. В ноябре в Москве возник проект перехода Палея с казаками на Левобережье, непосредственно на российскую службу. Но против этого выступил сам Мазепа²⁰⁸.

Переписка Мазепы с его подчиненными показывает, что в целом боевые действия во второй половине 1691 г. шли не особенно удачно. Так, 10 августа гетман писал Новицкому, что есаул Лубенского полка «зле учинил», не вступив в бой с крымскими татарами, которые возвращались с набега из-под Белой Церкви, что позволило им уйти от возмездия с добычей²⁰⁹. 15 августа упущенный отряд татар добрался до Казы-Кермена²¹⁰. В другой раз, 25 октября, ротмистр Ростовский отчитался Новицкому, что не смог догнать крымцев, которые захватили шестерых пленных. Четырьмя днями ранее он переправился на левый берег Днепра, где обнаружил свежий татарский шлях. Ротмистр немедленно бросился в погоню, однако татары, увидев преследование, ушли, бросив одного из пленных («старого человека»). 14 ноября Мазепа в послании Новицкому опять выражал сожаление, что его подчиненный, есаул Иван Ковальчук, во время похода, в котором он «зря людей утрудил», упустил удобный случай ударить на Очаков, где было мало людей²¹¹.

1692 г.

Еще в конце 1691 г. Мазепа получил известие о том, что в Крыму готовятся идти в поход под великороссийские и малороссийские города. Об этом ему сооб-

²⁰⁴ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 327.

²⁰⁵ Сборник выписок... С. 314.

²⁰⁶ Станіславський В.В. Запорозька Січ... С. 140, 144, 145, 151, 164.

²⁰⁷ Там же. С. 152.

²⁰⁸ Там же. С. 153.

²⁰⁹ АИЗР. Т. 5. С. 247.

²¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 3.

²¹¹ АИЗР. Т. 5. С. 248.

шил приехавший из Запорожья казак Петр Гук, который посылался в Крым²¹². Гетман передал эту информацию в Москву 20 декабря. Своим полковникам он написал о надвигающейся опасности и необходимости находиться в постоянной готовности и постоянно поддерживать связь между полками²¹³.

Тем не менее зима 1692 г. началась с потерь. Сначала крымцы нанесли удар по землям Правобережной Украины, которые формально контролировала Речь Посполитая. 12 тыс. татар внезапно подошли к Немирову, выжгли его окрестности и захватили много пленных²¹⁴. Левобережье пострадало меньше. 27 января четырехтысячное войско появилось под Переяславлем, где стало разорять села²¹⁵. Пострадали окрестности Золотоноши²¹⁶, Бубнов и Домонтов²¹⁷. Узнав о приближении гетмана с десятитысячным войском, татары отступили²¹⁸.

18 мая Мазепа сообщал, что неприятель приходил под города Харьковского полка Новую и Старую Водолаги, взяв в полон 200 человек. За ними в погоню отправились казаки Харьковского и Полтавского полков, однако, догнав, урона татарам нанести не смогли, поскольку те «все были выборные и в панцырях»²¹⁹.

Возможности татар для более серьезных вторжений были ограничены тем, что возведенный на ханский престол в конце 1691 г. Сафа-Гирей дал султану заведомо невыполнимое обещание привести к нему на помощь 100 тыс. татар. В реальности он смог собрать к границам Валахии в 1692 г. лишь 10 тыс. воинов, из которых в итоге при нем осталось лишь 2 тыс. личной гвардии²²⁰. Масштабные боевые действия крымцев в другом регионе могли вызвать гнев султана.

Возможность наступательных действий в начале 1692 г. Мазепа обсуждал с прибывшими из Москвы гонцами. В качестве объекта для нападения рассматривались Очаков или Казы-Кермен. В итоге было решено, что опасно оставлять за собой турецкие гарнизоны днепровских городков. Казачья старшина предлагал выступить в поход в конце мая силами Лубенского, Миргородского и Полтавского полков. Им полагалось занять переправы у Переволочной, а затем идти к Казы-Кермену со всем российско-украинским войском²²¹. Эти планы реализованы не были.

Плохие вести приходили из Запорожья. Петрик, головы которого безуспешно добивался Мазепа, стал войсковым писарем. Теперь весь официальный документооборот Сечи шел через него. К примеру, 9 апреля он зачитывал казакам сопроводительные документы, с которыми через Запорожье проезжал в Крым подьячий Василий Айтемирев²²². Известия о том, что в Сечи готовится выступление против Москвы, присылал в апреле из Польши новый российский резидент Борис Михайлов²²³.

²¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 238–239.

²¹³ АИЗР. Т. 5. С. 250.

²¹⁴ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 128.

²¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 457.

²¹⁶ Ныне село Благодатное в Золотоношском районе Черкасской области.

²¹⁷ АИЗР. Т. 5. С. 252.

²¹⁸ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 128.

²¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1348. Л. 626–627.

²²⁰ Смирнов В.Д. Крымское ханство... С. 641–643.

²²¹ Заруба В.Н. Украинское казацкое войско... С. 114.

²²² Статейный список подьячаго Василия Айтемирева... С. 5.

²²³ Станіславський В.В. Запорозька Січ... С. 154.

Не получив безусловной поддержки со стороны запорожцев, Петрик с 8 сопровождающими направился из Сечи в Казы-Кермен. Там он от имени запорожских казаков заключил вечный мир и военный союз с Крымским ханством²²⁴. Казыкерменский бей Кемал-мурза Сулешев отправил Петрика в Крым к хану. Изначально (7 мая) к хану в Бахчисарай послали привезенные Петриком письма, а бывшего кошевого писаря оставили в Перекопе²²⁵. Очевидно, что хану нужно было время для обдумывания ситуации. С самого начала Петрика в Крыму воспринимали не как представителя союзных низовых казаков, а как человека, который приехал служить хану²²⁶. В Бахчисарай его перевели 27 мая. Здесь он добивался максимально быстрой организации татарского похода на Московское государство²²⁷.

Письмо «Петра Ивановича» к запорожцам, от 22 июня из Ак-мечети (ныне Симферополь) показывает, чем именно была недовольна та часть казачества, на которую Петрик рассчитывал. Он писал: «Москва вся всегда за нашими людьми как за стеною обретаецца в целости и тем всем не доволствуясь, радеет всех нас учинити своими холопами и неволниками». Политику В.В. Голицына Петрик характеризовал следующим образом: «хотели разорить Крым, осадити своими ратными людьми казыкерменские городы, а потом зогнав наше войско из Сечи, учинити по городам воевод»²²⁸.

Сложно сказать, какая именно часть запорожцев готова была в тот момент выступить против Москвы. Большинство, очевидно, выступало за сохранение нейтралитета и продление перемирия с турками и татарами. Именно этого добивался пребывавший в Крыму в начале июня посланный с листами к хану от «низового войска» Яков Ворона²²⁹. Какая-то часть казаков желала сохранить царское подданство. После того как на войсковой раде приняли решение о продлении перемирия, 500 запорожцев, вопреки указу кошевого, пошли на Азовское море «для учинения военных над бусурманы водяными проходы промыслов»²³⁰.

6 июля калга Кара-Девлет-Гирей, взяв с собой Петрика и его людей, вышел из Крыма в степь²³¹. Вскоре на Запорожье приехал крымский посланник, который сообщил, что по договору с Петриком крымская орда готова выступить в поход. Движение к Сечи возглавил сам калга. Он должен был выйти к Каменному Затону к 15 июля. Однако приход Кара-Девлета задержался, поскольку он потратил время на то, чтобы перехватить 3 тыс. казаков, которые, надеясь на перемирие, пошли к лиману р. Молочной для добычи соли. Калга и Петрик решили использовать их в качестве заложников, с которыми обещали расправиться, если кошевой не встретит калгу в Каменном Затоне. Казаки не могли оказать серьезного сопротивления еще и потому, что калга привел с собой весьма внушительное войско. По разным данным, оно составляло от 20 до 40 тыс. сабель. 17 июля кошевой с атаманами и 600 казаками (по другим сведениям — с 2 тыс.) пошел судами к Каменному Затону. По некоторым сообщениям,

²²⁴ *Оглоблин А.* Договір Петра Іваненка (Петрика) з Кримом 1692 року // Ювілейний збірник на пошану академіка Д. Багалія. Київ, 1927. С. 720–744.

²²⁵ *Статейный список подъячаго Василия Айтемирева...* С. 30.

²²⁶ Там же. С. 33.

²²⁷ Там же. С. 35.

²²⁸ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 419–425.

²²⁹ *Статейный список подъячаго Василия Айтемирева...* С. 37–38.

²³⁰ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 380–381.

²³¹ *Статейный список подъячаго Василия Айтемирева...* С. 44.

казаки встречали калгу с хлебом и солью. Для обсуждения предложений Кара-Девлет-Гирея и Петрика 18–19 июля собралась казачья рада. На ней в союзе с татарами было отказано, однако желающим разрешили присоединиться к Петрику. В итоге к калге пришли 500 человек, которые признали бывшего канцеляриста гетманом. Калга дал ему войсковые клейноды: булаву, бунчук и хоругвь. Вскоре после этого Петрик с татарами направился под Новобогородицк (описание осады крепости, защищавшейся ратными людьми Белгородского разряда, см. выше, в соответствующем разделе)²³².

Серьезной военной помощи татары Петрику не оказали. Вероятнее всего, противная сторона была слишком занята внутренними проблемами и не хотела спровоцировать Москву на масштабные боевые действия. В Крыму начался процесс смены власти. В итоге к калге от хана пришло письмо, в котором требовалось, чтобы калга «на Русь с ордою крымскою не ходил, а буде и пошел и он бы возвратился, чтоб на нем хане того дерзновенного и Московскому государству приступного за пересылками поступку не взыскалось после от турецкого салтана»²³³. В итоге Кара-Девлет-Гирей вернулся в Крым, захватив «под городками под Орлом, под Китаем, под Цариченкою, под Нехворощею» 53 пленных.

Отряд, которым на момент возвращения в Крым командовал Петрик, насчитывал всего 50 человек²³⁴ (по другим данным — 80²³⁵). Некоторое время они стояли за Перекопом в двух верстах, а потом их разослали по селам. К примеру, один из казаков Петрика жил в Бахчисарае с Петриком «у греков на корму»²³⁶. Значительная часть сопровождавших Петрика казаков перешла на службу к польскому королю²³⁷. Бывший писарь вновь пытался организовать поход татар, соблазняя их тем, что «где добыч получить, такие места на Украине знает»²³⁸.

Не слишком удачное выступление Петрика в сезон боевых действий 1692 г. самым негативным образом отразилось на его предполагаемых доходах. Денег от хана на 3 тыс. казаков он не получил (таких сил в его распоряжении просто не было). Тем не менее в Бахчисарае на содержание его казаков было велено брать по ефимку с мечети, а также «деньги и ефимки» с греков и «жидов» (караимов) по всему Крыму²³⁹. В итоге хан пожаловал Петрику городок Кардашин (около Кардашинского лимана) «для соли, чтоб соль под его начальством была и чтоб своевольные к нему збирались»²⁴⁰.

В Москве события в Запорожской Сечи вызвали серьезные опасения. На помощь Мазепе выслали войска Б.П. Шереметева. Два дополнительных полка с артиллерией были отправлены в Переяславль²⁴¹. Однако дальнейшего развития движение Петрика не получило. Собрать на долгое время под свои знамена сколько-нибудь

²³² Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 364–438.

²³³ Статейный список подьячаго Василия Айтемирева... С. 46.

²³⁴ Там же.

²³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1362. Л. 25.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Станіславський В.В. Запорозька Січ... С. 157.

²³⁸ Статейный список подьячаго Василия Айтемирева... С. 48.

²³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1362. Л. 1–3.

²⁴⁰ Грибовский В.В. «Ханская Украина» // Казачество в тюркском и славянском мирах / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов. Казань, 2018. С. 271.

²⁴¹ АИЗР. Т. 5. С. 257–258; Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 425–431.

значительное число украинских казаков ему не удалось. Иваненко переоценил степень недовольства казаков действиями московских властей и Мазепы. Уже в середине августа Мазепа получал из Запорожья известия о том, что запорожцы сторонников Петрика бьют и вешают²⁴². Впрочем, сама возможность выступления части украинского казачества на стороне Крыма оказывала существенное влияние на политическую ситуацию в регионе. Степень опасности этого движения позволяет оценить тот факт, что голову Петрика гетман оценил в тысячу талеров²⁴³.

Военные столкновения с татарами продолжались всю осень 1692 г. В сентябре Мазепа отправлял есаула Рубана против выходивших на промысел из-под Казы-Кермена татар²⁴⁴. В ноябре казаки вновь встретились в бою с татарами под Сорокой²⁴⁵.

1693 г.

В конце 1692 — начале 1693 г. пошли слухи о предстоящем новом походе татар вместе с Петриком²⁴⁶. В нем должны были участвовать янычары с артиллерией²⁴⁷. Известия оказались в значительной степени верными. Войска противника вышли за Перекоп 7–10 января. Во главе их стоял нураддин Шахин-Гирей. В статейном списке Айтемирева численность этого войска определяется «тысеч з двенадцать и болши». В него входили ногайцы, горские черкесы, около восьмидесяти казаков Петрика, полтораста белгородских татар. Основная же часть Белгородской Орды от похода отказалась, поскольку планировала воевать с поляками²⁴⁸.

Сведения Айтемирева о численности татарских войск важно сопоставить с данными, полученными от плененных в данном походе татар. 6 февраля 1693 г. два языка, взятые под Полтавой, сказали, что из Крыма вышли с «Шингиреем нурадыном» (Шахин-Гирем) 40 тыс. орды²⁴⁹. Понять разницу в данных о численности татарских войск можно, обратившись к расспросным речам «писаря Петрикова» Гришки Васильева сына Волковского, который бежал от Петрика после того, как поход кончился неудачей. Волковский сообщил, что «слышал он от татар, что войско свое татарское считают тысяч с сорок, а по ево де, Гришкиной, смете, того их татарского войска было тысяч з десять и болши»²⁵⁰. Таким образом, оценивая сообщения пленных татар о численности их войска, следует учитывать возможность существенных преувеличений.

18 января татарское войско в 5 тыс. сабель во главе с нураддином и двумя ханскими сыновьями пришло в Запорожье. На этот раз Петрика в походе сопровождало лишь 70 человек. Три дня татары стояли недалеко от Сечи, агитируя запорожцев присоединиться к ним. Предлагалось идти войной к малороссийским городам, чтобы побить старшину и освободить их жителей от «реендр»²⁵¹. Очевидно, что Петрик пытался использовать недовольство возобновленной Мазепой практики аренд для привлечения казаков на свою сторону, но не получил ожидаемой поддержки.

²⁴² АИЗР. Т. 5. С. 259.

²⁴³ *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России... С. 446.

²⁴⁴ АИЗР. Т. 5. С. 260.

²⁴⁵ Там же. С. 261.

²⁴⁶ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 443–445.

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1362. Л. 2.

²⁴⁸ Статейный список подъячаго Василия Айтемирева... С. 60.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1362. Л. 519.

²⁵⁰ Там же. Л. 28.

²⁵¹ Там же. Л. 906.

20 января «в ночи тайно» крымское войско ушло Переволоченским шляхом вверх по Днепру на малороссийские города²⁵². 25 января татары подошли к Переволочне, захватив под городом местных жителей, которых затем отправили с «прелестными» письмами в указанный городок. В этих посланиях предлагалось перевести местное население за Днепр, при этом Петрик с татарами должны были зазимовать в малороссийских городах. Однако из Переволочны ответили отказом, открыв огонь по нападавшим. Тогда татары переместились под Кишенку, где их вновь постигла неудача. Очевидно, что с этого момента татары окончательно разочаровались в надеждах на признание украинскими жителями власти Петрика. Они зажгли посад Кишенки и пошли под Новые и Старые Санжары, разослав загоны и захватив около 2 тыс. человек пленных. В трех верстах от Полтавы нураддин остановился и разбил лагерь. После этого «Петрушке почитанья от салтана (т.е. ханского сына. — *Авт.*) и от татар стало менши»²⁵³. Некоторые из разосланных отрядов встречали сопротивление. В бою около 20 татар было взято в плен. Под Полтавой татары стояли, разоряя окрестности, с 26 по 28 января, после чего ушли в Крым²⁵⁴.

Запорожцы сохраняли свой нейтралитет на протяжении всего сезона боевых действий 1693 г. Одна из причин отказа сечевых казаков от разрыва перемирия с турками и татарами состояла в том, что в Казы-Кермене при возвращении из Крыма были задержаны многие украинские купцы и казаки. Для того чтобы добиться освобождения задержанных, 26 января из Сечи в Крым были отправлены двое посланцев²⁵⁵. Усилия гетмана, стремившегося привлечь казаков к борьбе с противником, оказались тщетными. 11 июля Мазепа писал в Москву, что запорожцы сместили кошевого атамана Ивана Гусака, который призывал разорвать перемирие с турками и татарами, а само перемирие продлили²⁵⁶. Одновременно запорожцы сами настаивали на возобновлении войны и новом походе на Казы-Кермен, однако видели они этот поход не как собственную службу, а как совместное мероприятие низового казачества, гетманских войск и Москвы²⁵⁷. Сохранение перемирия вело к тому, что все больше запорожцев уходило на службу в Польшу. С одобрения Низового войска туда отправилось не менее 800 человек²⁵⁸.

Российские власти подняли в 1693 г. вопрос о восстановлении укреплений Каменного Затона, но гетман не одобрил этой идеи²⁵⁹. Сам Мазепа вновь обдумывал возможность похода на Казы-Кермен. Однако для этого ему требовалась помощь московских войск, которая вновь откладывалась. Мазепа заявил приехавшему к нему А.А. Виниусу, что повинуется решению московских властей отложить поход на Казы-Кермен. Однако тут же отметил, что идея такого похода очень популярна у запорожцев и всего «народа малороссийского». Кроме того, взятие крепостей склонит противника к миру²⁶⁰.

²⁵² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1362. Л. 906.

²⁵³ Там же. Л. 26–27.

²⁵⁴ Там же. Л. 637.

²⁵⁵ Там же. Л. 907.

²⁵⁶ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 511–512.

²⁵⁷ *Станіславський В.В.* Запорозька Січ... С. 173.

²⁵⁸ Там же. С. 165.

²⁵⁹ Там же. С. 167.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1693 г. Д. 6. Л. 2.

Параллельно гетман искал другие возможности для ударов по противнику. Еще с декабря 1692 г. возобновились интенсивные контакты между Мазепой и Палеем. Вновь рассматривался вопрос о переходе последнего под царскую власть²⁶¹. По сообщениям П. Гордона, зимой 1693 г. гетман Мазепа организовал поход десяти тысячного отряда казаков под командованием Палея на белгородских татар в Буджаке²⁶². В Крым сведения о походах Палея приходили в сильно преувеличенных масштабах. Так, 3 марта в Бахчисарае получили из Казы-Кермена известия о движении к городу московских и казацких войск числом более 30 тыс. человек (в реальности ядро ходивших под днепровские городки казаков под командованием Палея составлял гетманский Лубенский полк). Начался срочный сбор войск в Перекопе. Для обороны днепровской крепости привлекли не только военных, но и всех, кто имел оружие, и даже тех, у кого оружия и коней не имелось. 4 марта к Перекопу пришел сам хан. И тут выяснилось, что нападавшие от Казы-Кермена уже ушли²⁶³. Казаки подошли под Казы-Кермен, сожгли его предместья и обстреляли стены из 6 полевых орудий. Среди жителей города оказалось много погибших²⁶⁴. Запорожцев об этой операции не известили, что вызвало возмущение в их среде²⁶⁵. В это время Миргородский полк бился на реке Ингуле, а Полтавский — ходил под Перекоп, где захватил пленных и большое число лошадей²⁶⁶.

27 июня Палей сообщил Мазепе, что успешно ходил под Тягин²⁶⁷. 26 сентября семитысячный отряд С. Палея, И. Мировича и Г. Пашковского столкнулся с сорокатысячным татарским войском (численность определяется по оценке казаков, которая, скорее всего, завышена). Бой продолжался два дня. Не сумев уничтожить казаков, орда отправилась в Белгородчину²⁶⁸. В конце года Палей с казаками Переяславского и охочекомонного полков сражался в Бессарабии, разгромив отряд ногайцев и белгородских татар, которые шли под Киев²⁶⁹. Польскую сторону сотрудничество Палея с Мазепой раздражало. Осенью 1693 г. поляки даже пытались вести против него боевые действия руками служивших короне казаков, но не добились успеха²⁷⁰.

Татары в течение 1693 г. продолжали свои набеги на Украину. 28 мая они появлялись для захвата людей под Нехворощей и Келебердой²⁷¹. В марте за Казы-Кермен ходил двухтысячный отряд Кантемир-мурзы. Он должен был преследовать нападавших на город. Однако догнать противника мурзе не удалось²⁷². 30 июня Палей переслал Мазепе вести, полученные от браславского полковника А. Абазина о том, что турки идут под Сороку, а хан с Петриком на Браславль, Немиров и Винницу²⁷³. Уже

²⁶¹ Станіславський В.В. Запорозька Січ... С. 161.

²⁶² Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 199.

²⁶³ Статейный список подьячаго Василия Айтемирева... С. 68.

²⁶⁴ Бантъш-Каменский Д.Н. История Малой России... С. 346; Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 202. В Москве об этих событиях стало известно 19 марта.

²⁶⁵ Станіславський В.В. Запорозька Січ... С. 171.

²⁶⁶ Бантъш-Каменский Д.Н. История Малой России... С. 346.

²⁶⁷ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 503–505.

²⁶⁸ Заруба В.Н. Украинское казацкое войско... С. 117.

²⁶⁹ Бантъш-Каменский Д.Н. История Малой России... С. 346.

²⁷⁰ Станіславський В.В. Запорозька Січ... С. 174.

²⁷¹ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 498–499.

²⁷² Статейный список подьячаго Василия Айтемирева... С. 69.

²⁷³ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 506.

11 июля Мазепа сообщал в Москву, что калга с 20 тыс. татар пришел на Каланчак, а хан находится в Килии на устье Дуная²⁷⁴.

Отдельной бедой были нападения противника на тех, кто занимался различными промыслами в пограничной зоне. В июле 1693 г. из Полтавского полка и других мест, подвластных Мазепе, около 1 тыс. человек направились к Азовскому морю в урочище Берды, недалеко от Азова, за солью и для ловли рыбы. В это время «азовские люди» с ногайцами, черкесами и кубанскими казаками пошли «под государевы украины». Однако узнав, что у Торских вершин их ожидают донские казаки, азовцы развернулись и на обратном пути напали на украинский табор. Изрубив ватажников, неприятель захватил значительную добычу и 100 (по другим данным — 600) пленных. В числе полученных татарами трофеев оказались 2 пушки. Выходцы из разбитого табора рассказали, что «и бою мало было потому, что недоростков молотчих и безоружейных людей много было». Ранее аналогичный табор уничтожили в 1690 г. у Азовского моря на р. Калмиус. Тогда в Азов пригнали больше 300 пленных²⁷⁵.

1694 г.

Весна следующего, 1694 г. стала временем изменения настроений в Запорожье. 23 апреля татары, несмотря на сохраняющееся перемирие, приходили под Сечь и отогнали коней²⁷⁶. 30 апреля 1694 г. запорожцы написали в Москву о готовности разорвать перемирие. Они выражали желание, чтобы стесняющие их путь по Днепру городки были уничтожены²⁷⁷.

В сентябре до Мазепы через Казы-Кермен дошли слухи о новых успехах запорожцев. Толмач Юсуп, который вез на обмен татар, будучи в днепровских городках, слышал, будто бы запорожцы, которые вышли на море, разорили на Чингарах села, взяли крепость и захватили пушки²⁷⁸. Более подробные сведения об этом Мазепа получил в начале октября²⁷⁹. В конце года казаки промышляли в низовьях Днепра на пути от Очакова к Перекопу, но серьезных успехов не достигли²⁸⁰. Однако в конце декабря из Сечи вновь посылали в Казы-Кермен и Крым для заключения перемирия²⁸¹.

Казаки Палея вместе с лубенским полковником Л. Свечкой в феврале 1694 г. снова ходили под Казы-Кермен. Они в очередной раз сожгли посад и опустошили окрестности. Вышедшие навстречу турки были вынуждены отступить с большими потерями²⁸². 7 июля Мазепа посылал против азовцев четыре полка в 10 тыс. человек. Однако они вернулись, не дойдя до противника²⁸³.

Еще одной целью казацких набегов в 1694 г. стал Очаков. В августе киевский полковник Константин Мокиевский, объединившись с Палеем, неожиданно появился в окрестностях города. Навстречу им из Очакова во главе с очаковским беєм

²⁷⁴ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 513.

²⁷⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 10. Л. 1–2, 10.

²⁷⁶ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 538.

²⁷⁷ Там же. С. 535–537.

²⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 20.

²⁷⁹ Там же. Л. 60.

²⁸⁰ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 547–548.

²⁸¹ Статейный список подьячаго Василия Айтемирева... С. 129.

²⁸² Заруба В.Н. Украинское казацкое войско... С. 117–118.

²⁸³ Эварницкий Д.И. Источники... Т. 1. С. 539–540.

вышло 400 пеших и 150 конных солдат. Атака оказалась неудачной для оборонявшихся. Казаки убили 200 человек, взяли 90 пленных и три бунчука. После этого они опустошили селения буджакских татар²⁸⁴. Находившийся в Крыму Айтемирев также получил сведения об этом походе. Он сообщал, что с Палеем было 2 тыс. человек. Очаковский бей Мустафа выходил против казаков с 300 всадников, потерпел поражение и с трудом ушел²⁸⁵.

Нанесенный казаками урон был весьма существенным для очаковского гарнизона. Хотя посадское население города (турки, татары, волохи и армяне) насчитывало больше 4 тыс. человек, по состоянию на 1690 г. все военные силы города составляли всего тысячу человек (в том числе 600 янычар)²⁸⁶. За этот поход Палей получил от великих государей жалование в виде различных тканей²⁸⁷.

Палей и прилуцкий полковник Дмитрий Горленко «с товарищи» той же осенью ходили за Днестр на Белгородчину. Они разорили ханский двор и многие села, порубив многих местных жителей и уведя пленных²⁸⁸. Айтемирев сообщал об этом походе, что на Белгородчине казаки разбили «ханской кышлав, то есть зимовье, такж по реке Днестру обретающиеся городки и местечка, а имянно Маяк, Чеберчи, Палонку, да села Гаджи-Асан, Кизыл-Бунар, Коргаи», а также несколько деревень. Нападавшие захватили богатую добычу²⁸⁹. Интересно, что, хотя Палей действовал совместно с левобережными казаками, его походы осуществлялись по указу Яна Собеского²⁹⁰.

В начале сентября Мазепа получил сведения о том, что из Крыма вышли 10 тыс. татар. 19 сентября он направился против орды, но врага не встретил, поскольку тот отошел, не вступая в сражение²⁹¹. Позднее Мазепа писал в Москву, что татары отказались от похода, узнав о нанесенном запорожцами ударе по Чингару²⁹².

Мазепа посчитал кампанию 1694 г. весьма удачной и предлагал прибывшему к нему в декабре 1694 г. стольнику А.А. Виниусу повторить поход на Буджак будущей весной силами 30 тыс. гетманских казаков и 10 тыс. царской пехоты. Важно подчеркнуть, что за несколько месяцев до начала военной кампании 1695 г. Мазепа недвусмысленно выступил против того, чтобы штурмовать Казы-Кермен и «отворить» Днепр «своевольным» запорожцам, которые без позволения царя и гетмана ведут переговоры о мире с ханом. Гетман также настаивал на необходимости активизации военных действий, критикуя порочность попыток добиться мира на фоне полной пассивности Москвы в предыдущие годы. Он полагал, что хан пойдет на приемлемое для России соглашение только под влиянием силы. При этом Мазепа выступал и сторонником усиления натиска на османов, и более тесной координации военно-политических шагов с Речью Посполитой²⁹³.

²⁸⁴ АИЗР. Т. 5. 1693–1699. СПб., 1853. С. 273; *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России... С. 347.

²⁸⁵ Статейный список подьячаго Василия Айтемирева... С. 123.

²⁸⁶ *Эварницкий Д.И.* Источники... Т. 1. С. 264.

²⁸⁷ Сборник выписок... С. 323.

²⁸⁸ Там же. С. 324.

²⁸⁹ Статейный список подьячаго Василия Айтемирева... С. 126–127.

²⁹⁰ *Грибовский В.В.* «Ханская Украина». С. 269.

²⁹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 18–20.

²⁹² Там же. Л. 60.

²⁹³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 114. Л. 77–96, 129–138.

Как видим, при всякой возможности Мазепа стремился наносить удары по территории противника. Впрочем, даже самые удачные походы его войск и запорожских казаков, по сути, оставались обычными набегами, которые ослабляли противника, но принципиально не влияли на исход войны. Для дальнейшего развития наступательных действий и закрепления успехов им требовалась помощь московских полков, которая в реальности предоставлялась только для отражения противника. Причина пассивности российской армии заключалась в том, что московское правительство на протяжении всего рассматриваемого периода стремилось выйти из войны.

Еще в 1691 г. начался обмен гонцами между Россией и Крымом. В 1692 г. к хану был отправлен подьячий Посольского приказа Василий Айтемирев, который должен был предложить мир на условиях, выдвигавшихся В.В. Голицыным под Перекопом три года назад (отказ от поминок, освобождение пленных без выкупа и др.). Не совсем понятно, на что рассчитывали в Москве, выдвигая такие требования, с которыми татары не согласились даже тогда, когда огромное русское войско стояло в 1689 г. у Перекопа. Договориться конечно же не удалось, так как крымский хан требовал возврата к кондициям *ante bellum*, то есть возобновления Бахчисарайского договора 1681 г. Ситуацию усугубило «восстание Петрика», открывшее крымским властям перспективы усиления своих позиций на Запорожье и в Гетманской Украине. В этих условиях в Москве в 1693 — начале 1694 г. размышляли о том, чтобы согласиться на заключение мира на старых условиях²⁹⁴.

* * *

Коренные изменения в ходе войны произошли после того, как в январе 1694 г. умерла царица Наталья Кирилловна и власть полностью перешла в руки Петра I. Завершился второй — «оборонительный» — период войны (1690–1694), сводившийся главным образом к не слишком удачной для русской стороны пограничной войне и поискам возможностей выйти из борьбы с наименьшими потерями. Он со всей ясностью показал тесную связь между военной активностью России на юге и ее политическими позициями в буферных и пограничных регионах. Заметная военная пассивность и полное прекращение сколь-нибудь крупных наступательных операций силами царских войск немедленно отозвались ухудшением для русского государства ситуации в тех регионах, где лояльность местных «политий» царской власти была слабой и обставлялась рядом условий. В Приднепровье таким центром стала Запорожская Сечь, недовольная строительством Самарских крепостей. После побега туда канцеляриста Петрика и вовсе возникла угроза крупного антироссийского выступления запорожцев, которое в перспективе могло перекинуться на всю Малую Россию. Успешному разрешению данного кризиса способствовали прочная лояльность царям гетмана Мазепы и генеральной старшины, относительно низкий военный потенциал Запорожской Сечи и раскол внутри сечевой старшины, в большинстве своем не готовой на открытое противостояние с Москвой, а отчасти — и стойкость защитников Новобогородицка, которые своей готовностью к обороне продемонстрировали, что уничтожение самарских форпостов России в регионе будет не таким уж легким делом.

²⁹⁴Статейный список подьячаго Василия Айтемирева... С. II–IX, 25–30, 40–41, 91, 137–138; Артамонов В.А. Россия, Речь Посполитая и Крым 1686–1699 годов // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 19–25.

Другим результатом пассивности России стало очевидное укрепление политического положения и без того проводившего вполне независимую политику калмыцкого хана Аюки. Ситуация для русской политики в регионе очевидно усугублялась конфликтами между калмыками и донскими казаками, и неспособность Москвы их погасить ослабляла ее позиции. На донском театре военных действий отношения России и местного казачества оставались в указанное время стабильными, но это не меняло общей картины. Таким образом, скорейшее возобновление активных военных действий имело для России не только чисто военное (захват новых земель) и дипломатическое (демонстрация хоть каких-то успехов союзникам по коалиции) значение, но и было необходимо для укрепления влияния Москвы в тех пограничных регионах, на которые формально распространялось ее политическое верховенство. С этих точек зрения действия, предпринятые молодым царем Петром в следующем, 1695 г. были весьма своевременными.

КАМПАНИЯ 1695 г. ВЗЯТИЕ ДНЕПРОВСКИХ ГОРОДКОВ

Хронологический отрезок, включающий 1695 и 1696 гг., стал одним из наиболее активных периодов боевых действий российской армии на главных театрах Русско-турецкой войны. В это время были достигнуты основные успехи в борьбе с османами — захвачены турецкие укрепленные пункты на Днестре и в устье Дона. В дальнейшем усилия московского командования оказались сосредоточены на удержании и освоении завоеванных территорий.

Стратегическое планирование и подготовка кампании 1695 г.

Процесс принятия московскими властями решения о начале наступательных действий остается одной из нераскрытых тайн российской истории исследуемого периода. Надо полагать, что вопрос о новых больших походах стал актуальным вскоре после смерти царицы Натальи Кирилловны и начала самостоятельного правления Петра I. Документов, которые четко зафиксировали бы момент, когда царь определился с основными направлениями ударов, обнаружить не удалось. Причина этого вполне очевидна — тема обсуждалась в кругу ближайших сподвижников царя, и содержание разговоров не попадало в официальные бумаги.

Документы показывают, что зимой 1694/95 г. велась весьма серьёзная подготовка к будущей кампании. В период с декабря 1694 г. по январь 1695 г. на воеводстве в Белгороде временно оставался младший из Шереметевых — Михаил Борисович, который замещал уехавшего в Москву отца¹. Очевидно, что поездка старшего Шереметева в столицу была связана с планированием кампании 1695 г. 9 декабря Б.П. Шереметев обедал с П. Гордоном, а 15 декабря они встретились еще раз, уже вместе с Б.А. Голицыным².

В декабре 1694 г. еще один сподвижник Петра — А.А. Виниус приезжал к гетману И.С. Мазепе. Обсуждался вопрос возможного похода на Казы-Кермен. Гетман выступил против того, чтобы, взяв город, «отворить» Днепр «своевольным» запорожцам. Он настаивал на том, чтобы весной 1695 г. напасть на Буджак³. Много лет спустя Виниус вспоминал, что ездил к гетману «о совете Озовского облежения»⁴. Надо полагать, что он имел в виду не столько вопрос о походе на Азов (о чем в документах посольства не говорится), сколько кампанию в целом. Возможно, какие-то вопросы задавались в Москве донским казакам. Их «зимовая» станица во главе со станичным атаманом Борисом Даниловым прибыла в столицу 5 декабря 1694 г. Они сообщили, что с азовцами «размирились» ещё весной, а также поведали о ходе боевых действий в прошедшем году. В их рассказе особенно любопытны сообщения

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 156, 435.

² Гордон П. Дневник, 1690–1695 / пер., ст. и примеч. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Г. Рыженков. М., 2014. С. 309, 310.

³ Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 43.

⁴ Милуков С.Г. Неизвестное послание А.А. Виниуса к Петру Первому // Документ. Архив. История. Современность. 2009. Т. 10. С. 251.

о сражении казаков, отправившихся в морской поход, с тридцатью вражескими кораблями при подходе к устью Дона, а также известие об укреплении Азова янычарами и местными жителями, восстановившими стену, «вывалившуюся» в прошлое «лето»⁵. Около года спустя резидент цесаря О.А. Плейер отмечал, что перед первым походом Петр расспрашивал донского атамана об Азове⁶. Подчеркнем, что в документации, связанной с прибытием станицы, сведений о встрече царя с Даниловым нет. Не исключено, что беседа могла пройти в неофициальной обстановке.

Наиболее ранние сведения о факте подготовки кампании 1695 г. содержатся в письме Гордона, отправленном австрийскому дипломату И. Курцу 21 декабря 1694 г.: «Верю и уповаю, что сим летом мы свершим нечто важное для блага христианства и общего союза»⁷. Как видим, решение о переходе к активным боевым действиям к этому времени уже было принято.

Позднее данные о различных аспектах подготовки к активным военным действиям встречаются регулярно. Так, 28 января 1695 г. М.Б. Шереметев послал из Белгорода в Москву (очевидно, по отцовскому запросу) захваченного летом 1694 г. азовского ахреянина Демьяна Ларина сына Башмака⁸. В столице его расспрашивали 8 февраля. Среди сообщений Башмака особое внимание привлекает известие о малом числе людей в азовском гарнизоне: «А в Озове де людей было служилых янычан и жилецких людей тысячи з две»⁹. Судя по рассказам пленника, крепость представлялась весьма легкой добычей.

О том, что Азов выбран в качестве одного из направлений удара российской армии, впервые упоминает Гордон в записи от 6 февраля: «На военном совете в Пушечном дворе, где уладили кое-какие вещи касательно нашего марша к Азову...». На следующий день генерал отметил, что беседовал с государем и «с Его В-вом записали все боевые припасы и прочее необходимое, что нам надо взять с собою». Здесь же Гордон описал предстоящий путь к Азову — до Царицына по воде, а оттуда переход к Паншину¹⁰. Таким образом, в начале февраля 1695 г. планы нападения на Азов были фактически сформированы, требовалось лишь уточнить детали.

10 февраля 1695 г. к Мазепе отправили грамоту о том, что московские войска ранней весной отправятся водой к Царицыну, а от Царицына к донским казачьим городкам и оттуда под Азов. Для того чтобы не позволить крымскому хану оказать помощь Азову, гетману предписывалось действовать совместно с Б.П. Шереметевым и, объединившись с запорожцами, напасть на неприятеля «сухим и водяным путем». Мазепе указывалось обсудить предстоящий поход с Шереметевым и «помыслить накрепко» со старшиной и полковниками о направлении своего удара, после чего без задержки написать государям¹¹. В тот же день ушло послание и на Дон к атаману Фролу Минаеву с указом изготовить в Черкасском городке ледники и заполнить их льдом «к нынешнему вешнему раннему времени»¹².

⁵РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 4. Л. 14–15, 21.

⁶*Avakov P. Azov v strategicheskikh planakh tsaria Petra I, 1695–1696 gg.: Reviziia istoriograficheskoi traditsii // Cahiers du Monde Russe. 2020. № 61/1–2. Janvier–juin. P. 197.*

⁷*Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 565.*

⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 214–216.

⁹Там же. Л. 217–227.

¹⁰*Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 319, 320.*

¹¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 419–420.

¹²РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 4. Л. 156–157.

12 февраля был обнародован указ о начале военных действий. В записках И.А. Желябужского воля государей описывается следующим образом: «Февраля в... день, по указу великих государей, стольникам, и стряпчим, и дворянам московским, и жильцам сказана великих государей служба в Белгороде, в полк к боярину Борису Петровичу Шереметеву, а пехоте сказано под Азов»¹³. Желябужский передал указ выборочно. Его интересовала лишь та часть документа, которая касалась московских служилых людей. В результате содержание оказалось искажено. Позволим себе привести обширную цитату из копии, сохранившейся в архиве Разряда: «203-го [1695 г.] февраля в 12 день великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержжцы, при помощи всеильнаго в Троице славимаго Бога, и за предстательством пресвятыя и всеславныя владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии, и за молитвами всех святых, указали за многие к ним, великим государем, хана крымского с ордами неправды, и для отомщения за пролития от них, бусурманов, христианские крови, и для избавления страждущих православных христиан ис плена их бусурманского послать с Москвы на свою, великих государей, службу свои, великих государей, рати для промыслу под Азов город в плавной [поход] вешним ранним временем.

А боярину и воеводе Борису Петровичю Шереметеву Белгородцкого полку с своими, великих государей, ратными с конными и с пешими людьми к походу быть во всякой готовности. Да в полку же с ним, боярином и воеводою, быть своим, великих государей, ратным людям по наряду: с Москвы стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом по росписке. А в полку стать им на указанные сроки: украинных, и резанских, и заоцких городов помещиком и вотчинником апреля 1-е, а замосковных и низовых городов помещиком же и вотчинником апреля же 15-е число нынешняго 203-го году. А из Белагорода ему, боярину и воеводе, а Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману Ивану Степановичю Мазепе, regimentу ево, с полками из Батурина итить для воинского же промыслу и для отращения и удержания хана крымского с ордами от азовской помочи и обороны, на которые места пристойно. И смотреть и беречь того всячески, чтоб при помощи Божии и по общему с ним, гетманом, совету и согласию ево, хана, с ордами или посланных от него салтанов с ордами же удержать и на помочь, и на оборону к Азову всякими способы не допустить. И над ними промысел чинить, чтоб он, хан, приходом своим или посылкою азовцом вспоможения не учинил. И о том ему, боярину и воеводе, иметь усердное радение и прилежное тщание, и з гетманом с Ываном Степановичем ссылатца и советовать почасту. А итить ему, боярину и воеводе, из Белагорода для того промыслу и ханского с ордами удержания, и з гетманом случитца, в которое время пристойно же, по тому же по общему с ним, гетманом, совету и согласию, не отписываясь к ним, великим государем»¹⁴. Далее в тексте говорится о том, что защищать границу по черте должен был воевода Севского полка князь П.Л. Львов. В «товарищи» ему были назначены курский воевода И.М. Дмитриев-Мамонов и чугуевский воевода В.П. Вердеревский¹⁵.

Как видим, официальный указ в общих чертах соответствует тому, что было написано в письме Мазепе. Однозначно говорилось о «плавном» походе на Азов. Од-

¹³ Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 276.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 357–359.

¹⁵ Полный текст указа см.: Гуськов А.Г., Шамин С.М. Молодой Петр как стратег: планирование военной кампании 1695 г. // Российская история. 2022. № 2. С. 34–46.

нако поставленные перед войсками второй армии цели в нем описаны не очень четко. Принимать необходимые решения и действовать Шереметев и Мазепа должны «не отписываясь к ним, великим государем». Подобные распоряжения Москва и ранее давала воеводам крупных русских соединений и украинским гетманам в ходе кампаний, которые велись на отдаленных театрах военных действий — на юге, на Среднем Днепре и проч. Забегая вперед, следует отметить, что, несмотря на санкционированную сверху свободу действий, Мазепа и Шереметев не спешили проявлять самостоятельность и инициативу.

16 февраля 1695 г. Лефорт сообщил в письме своему брату Ами, что объектом нападения станет Азов. Об этом он писал подробно, указывая даже количество и качество отправляемой с его полком артиллерии. О направлении другого удара Лефорт сообщил лишь в общих чертах: войско двинется «со стороны Перекопа или Казы-Кермена и нападёт на несколько городов»¹⁶. Если сравнить его письмо с текстом указа, то получается, что царский любимец, один из командующих армии, действительно не знал, куда именно направятся войска Шереметева и Мазепы, хотя указ об их выступлении уже обнародовали. Скорее всего, Лефорт назвал те цели, между которыми пытались сделать выбор в предыдущий период подготовки кампании 1695 г. Любопытно, что весьма близкая к реальности информация о походе на Азов очень быстро попала в европейскую прессу. В одной из газетных статей, помеченной «С Москвы февраля в 20 день», говорилось, что войска на Азов пойдут тремя полками, назывались их командиры, а также говорилось об отправке в поход войск «гетманского и белгородского». Правда в качестве направления их удара назывался Перекоп¹⁷.

Планы Азовского похода постепенно обретали все больше конкретных черт. 20 февраля Гордон встретился с Петром, записав затем в дневнике: «Мы совещались о нашем походе и, по моим убеждениям, решились на блокаду Азова, но окончательное решение было отложено до военного совета назавтра». На следующий день на «малочисленном» военном совете решили отправить к Азову Гордона с его полком и донскими казаками, чтобы «не допустить прихода туда никакой поддержки»¹⁸.

Отметим, что инициатива Гордона изменила соотношение войск, подчиненных разным командирам. Еще 16 февраля Лефорт хвастался в письме, что он, как первый из генералов, командует более 12 тыс. человек, в то время как его шурина Гордона — 8 тыс.¹⁹ Теперь же ставший передовым полк Гордона насчитывал 10 тыс. человек, ему же в подчинение дали 6 тыс. казаков²⁰. 25 февраля Е.И. Украинцеву направили указ о начале подготовки похода под Азов «московского выборного» полка Гордона, вместе с которым «всякий промысел чинить» предписывалось «Войска Донского атаману и казакам». От думного дьяка требовалось послать соответствующую грамоту на Дон²¹.

2 марта в Посольском приказе расспрашивали атамана все еще находившейся в Москве донской «зимовой» станицы. Ведомство интересовалась возможность обес-

¹⁶ Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов / отв. ред. Е.Е. Лыкова; сост. Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьёва. М., 2006. С. 157–158.

¹⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Д. 7. Ч. 1–2. Л. 234–235.

¹⁸ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 323.

¹⁹ Ф. Лефорт. Сборник материалов... С. 157–158.

²⁰ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 323.

²¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 4. Л. 258.

печения двигающейся к Азову армии лошадьми за счет казаков верховых городков. Атаман ответил, что в этих местах мало кто держит лошадей сверх необходимого. Под расспросными речами более мелким небрежным почерком вписан государев указ о подготовке в верховых городках тысячи подвод для московского войска. Предписывалось также гнать в Черкасск скотину и вести «харч», которые будут купаться «повольною ценою»²².

Этот эпизод показывает, каким образом в данный период принимали решения по значимым вопросам кампании: один из сподвижников царя (Гордон) выдвинул идею, существенно корректирующую ход будущих военных действий, убедил царя в её правильности, а потом общий совет ближайших соратников принял итоговое постановление. Дальнейшую разработку планов передали на более низкий уровень по административной подведомственности, где и решались частные вопросы.

Тем временем разработка планов похода Шереметева и Мазепы существенно отставала. Гетман получил грамоту с требованием начать подготовку похода 17 февраля и тут же написал об этом Шереметеву²³. Надо полагать, что отправляемые против татар военачальники договорились между собой не о походе, а о том, чтобы совместно требовать от Москвы конкретных указаний. Мазепа отправил в столицу письмо, полученное там 27 февраля, прося дать предписание с указанием места встречи с Шереметевым. 2 марта гетману выслали распоряжение съехаться в городе Сумского полка Белополье и прислать «статьи» по итогам встречи в Москву²⁴.

Шереметев получил указ действовать, «не описався» с государями, 21 февраля. Его ответ был отправлен в Москву 27 февраля и попал туда 5 марта. Предполагаем, что неделя размышлений понадобилась Шереметеву на переговоры с Мазепой. В своем послании в столицу воевода отметил, что ему указано выступать совместно с гетманом, не ссылаясь с государем, но «о котором времени тому моему... с ним, гетманом, походу быть, и для задержания хана с ардами в которые места итить, и где б над ним промысл и поиск пристойно чинить, и прежде того походу для общего совету... в которых числах и где в которых местех съехатца и видетца, и о том, о чем ему, гетману... говорить... статей ко мне... из Розряду и ис Приказу Малые Росии не прислано»²⁵. Фактически Шереметев отказался от самостоятельности в принятии стратегических решений. Далее воевода писал государю, что перед прежними Чигиринскими и Крымскими походами воеводы и гетманы съезжались, а сейчас соединиться невозможно из-за плохих дорог и участия Мазепы в отражении татарского набега. Он отмечал, что Мазепа желает «съехаться ему со мной... и вселовесно пространно посоветовать», так как через гонцов «совершенного намерения постановить не мочно»²⁶.

Шереметев, судя по вышеупомянутому посланию, безусловно, принимал во внимание возможность осады и штурма укреплений. Это понятно из следующей фразы: «И в полку у меня... верховых огнестрельных пушек самое малое число, а инженеров, и подкопщиков, и огнестрельных мастеров, и гранатчиков нет»²⁷. Доступных же целей для осады у Шереметева было две — Перекоп и Казы-Кермен. Очевидно, что

²² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 4. Л. 259, 259 об.

²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 456.

²⁴ Там же. Л. 419–421.

²⁵ Там же. Л. 451–456.

²⁶ Там же. Л. 457.

²⁷ Там же. Л. 458.

такие возможности рассматривались во время недавнего приезда Шереметева из Белгорода в Москву. Все это позволяет сделать вывод, что воевода, так же как и гетман, считал на тот момент штурм турецких крепостей несвоевременным.

Тем временем о больших российских приготовлениях к новой военной кампании стало известно за рубежом. 12 (22) марта 1695 г. об этом в послании к венецианскому дожу писал резидент Венеции в Варшаве Г. Альберти. А в письме от 18 (28) марта 1695 г. он со ссылкой на письмо Лефорта сообщал даже некоторые детали военных планов Москвы: Мазепа якобы будет послан на «Перекоп, чтобы сделать диверсию в Крыму»²⁸.

13 марта Шереметев съехался с Мазепой в Белополье, как того требовал государев указ. Военачальники определили общие контуры предстоящей кампании. Они постановили идти на реки Миус и Кальмиус, поскольку именно там проходили основные пути передвижения «бусурман» между Азовом и Крымом. Через ту же территорию осуществлялось нападение на приграничные российские и украинские города. Обсудили они и варианты походов под Казы-Кермен и под Перекоп, но отвергли их. Воевода и гетман пришли к выводу, что к Перекопу их не допустят, а в случае начала движения к днепровским городкам татары вовремя сообщат о наступлении и пошлют туда подкрепление, а также позовут на помощь Белгородскую орду. При этом крымский хан сможет пройти к Азову по бродам через реки Миус и Кальмиус²⁹. Таким образом, поход к Казы-Кермену ставил бы под вопрос выполнение царского указа об отвлечении орды от Азова. Выступить к Миусу предполагалось одновременно с ратями, идущими на Дон, поскольку иначе силы от «стояния» в степи истощатся раньше времени. Полководцы отмечали, что запасов, которые полки смогут взять с собой, хватит не больше чем на три месяца. Сойтись украинским и русским войскам предстояло у р. Берестовой.

Было также сформулировано несколько вопросов и предложений московскому правительству. Мазепа и Шереметев хотели получить указ о том, что им делать, в случае если хан отправит помощь к Азову, прежде чем туда подойдут московские войска. Они интересовались, двигаться ли им в таком случае к Миусу или же «для промысла итить к иным которым бусурманским местам»? Военачальники также отмечали необходимость добиться от запорожцев разрыва перемирия с Крымом. После чего запорожцы должны совместно с донскими казаками напасть сухим и морским путем на крымские города, прежде чем выступят другие войска. Предлагалось также написать о походе к польскому королю, для того чтобы организовать совместное выступление против татар. Кроме того, Мазепа и Шереметев хотели привлечь к походу калмыков и черкесов, взяв у них аманатов, а также организовать почту от Москвы до казачьих городков в низовьях Дона для быстрой связи с будущим лагерем российской армии под Азовом³⁰.

22 марта статьи, выработанные воеводой и гетманом, пришли в Москву³¹. Неделю спустя, 30 марта, по ним приняли окончательное решение: великие государи «не указали» войску двигаться к рекам Миусу и Кальмиусу, а велели идти «для промыслу под городки турецкие, под которые будет удобнее и прибыльнее», для чего Шереме-

²⁸ Шмурло Е. Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. 1. Юрьев, 1903. С. 10–11.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 565–568.

³⁰ Там же. Л. 568–576.

³¹ Там же. Л. 565.

теву следовало сойтись с Мазепой, «где пристойнее». Заметное место в указе уделено использованию судов и паромов для переправы через Днепр. Их предписывалось взять в Киеве и сплавить вниз по Днепру, хотя бы до порогов. «Верховые пушки» для осады предлагалось вывезти из Белгорода, Севска и Путивля; там же планировалось забрать боеприпасы. В случае если последних оказывалось недостаточно, для их снаряжения посулили прислать «гранатчиков» из Москвы и стрельцов, обученных «гранатному делу». Обещали также отправить из столицы инженера. Запорожцев указали «пропустить» на море. Шереметеву разрешалось по согласованию с гетманом писать к польскому королю. Получила развитие идея об организации почтового сообщения с действующей армией: «с Москвы до полков их поставить почту из Розряду». Под Азов же депеши предлагалось возить донским казакам. Постановление об организации почты на Дону указали послать из Разряда в Малороссийский приказ³². В результате первая почта на Дон из Москвы была отправлена 9 мая³³.

Более полно понять процесс составления указа от 30 марта позволяет его черновик. В нем целью похода названы «городки турецкие Ах-Кермень (Ислам-Кермен. — *Авт.*) и Казы-Кермен»³⁴ (то есть днепровские крепости). В итоговый документ эти названия не попали. Очевидно, изначально был озвучен конкретный объект для нападения, но потом от этого отказались. Бремя определения цели переложили на полководцев. Впрочем, вряд ли в Москве сомневались в результате. Трудности похода на Перекоп были очевидны. Так что делегировалась, скорее, ответственность, чем право выбора. Как видим, к концу марта изначальный стратегический замысел кампании существенно трансформировался. Отвлекающий удар Мазепы и Шереметева окончательно превратился в самостоятельный поход.

Шереметев начал активную подготовку к боям. Он требовал (и получал) от Москвы как материальное обеспечение, так и дополнительные воинские контингенты. Ему разрешили взять с собой смоленские «салдацкие да стрелецкие» полки, «соболиную казну» для жалования «польским и литовским присланным, также и запорожским казаком», образцовое письмо, чтоб посылать, «написавши от себя в тое полскую сторону листы», лекаря Ягана Кушне, полковых «подъемных» лошадей, священников, пушки, инженера, «гранатчиков», огнестрельных мастеров и подкопщиков³⁵. В целом подготовку к походу удалось завершить оперативно, что и обеспечило его успех.

Днепровский театр военных действий

Несмотря на то что царский указ 12 февраля объявлял главной целью российской армии Азов, фактически в 1695 г. днепровский театр военных действий стал основным. Именно на этом направлении было задействовано наибольшее число войск и достигнуты основные успехи.

Впрочем, боевые действия в регионе продолжались вне зависимости от планируемого похода. Уже 14 января 1695 г. миргородский сотник Трофим Антонович сообщал, что «великие» вражеские силы двигаются в сторону Украины³⁶. Семен Палей извещал, что на левом берегу Днестра под Тягиным стоит орда и собирается под

³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 577–583.

³³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Д. 7. Ч. 1–2. Л. 304.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 583а.

³⁵ Там же. Л. 585–973.

³⁶ АИЗР. Т. 5. С. 274.

малороссийские города³⁷. Аналогичные сведения поступали также из Харьковского и Ахтырского полков³⁸. 20 января из Переволочной сообщали, что идут по обе стороны Днепра «два салтана в большом собрании»³⁹. 1 февраля Шереметев узнал, что татары «в прошлую субботу, ударив под городок Лялинце, и весь посад взяли, только де в целости те люди, которые в замке живут». Захваченный пленник сказал, что они пришли в качестве загона, а основная орда стоит на Ингуле⁴⁰.

Подданные Мазепы также ходили во владения противника. 26 марта гетман писал в Москву, что казаки, побывав под Перекопом, вернулись, захватив 22 пленных татарина, после чего на промысел были посланы новые отряды⁴¹. 14 апреля 1695 г. украинский гетман сообщал, что его казаки разбили татарский отряд на Молочных Водах⁴². Оптимистично выглядели также новости о настроениях запорожских казаков — они приняли государево жалование и пообещали выступить против «бусурман»⁴³. При этом 400 человек еще раньше пошли в поход к Азовскому морю⁴⁴.

Начало общего наступления на днепровском театре военных действий следует датировать 10 мая, когда Шереметев выступил из Белгорода. 28 мая полки воеводы добрались до р. Коломак⁴⁵. Здесь 1 июня состоялась встреча с И.С. Мазепой, который покинул Батурин еще 17 мая. Пройдя вниз по разным сторонам Коломака, а затем Воркслы, 12 июня они достигли берега Днепра⁴⁶. Следует заметить, что российское войско сопровождала икона «Знамения Пресвятыя Богородицы, нарицаемые Курские». Некоторое время заняла подготовка переправы: «спорядили» суда, присланные из Киева, «до перевозу войск». Не позднее 14 июня полки белгородского воеводы и украинского гетмана начали форсировать Днепр (российские — около городка Орлик, украинские — у Мишурина Рого). Переправа проходила в сложных условиях («около островов... судами обходят с великою трудностию, и весла и шесты многие переломались, а иных... взять негде и зделать не ис чего...», «многие струги ветхи и которые струги были ветхи и худы в той переправе многие разбились») и растянулась более чем на 3 недели («за уставичными ветрами и за водным большим волнением, вскоре поспешить отнюдь некоторыми мерами невозможно», «переправа самая тяжелая и пристань была к берегу только что в два струга»). 17 июня состоялось новое совещание Шереметева и Мазепы (с участием остальных русских воевод и украинской старшины), на котором было принято решение направить в Запорожье отдельный отряд на стругах («плавный поход»). Сводный отряд, включавший как «государевых ратных» людей (300 человек), так и два полка из гетманского «регимента», должен был способствовать выступлению в поход сечевых казаков во главе с атаманом Максимом Самойленко. После переправы на другом берегу в урочище близ р. Омельнички были организованы становища («стояли обо-

³⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 520.

³⁸ Там же. Л. 471.

³⁹ Там же. Л. 502.

⁴⁰ Там же. Л. 435.

⁴¹ Листи Івана Мазепи. Т. 2. 1691–1700 / упор. та авт. вступн. дослідж. В.В. Станіславський. Київ, 2010. С. 459.

⁴² Там же. С. 465.

⁴³ Там же. С. 462.

⁴⁴ Там же. С. 461.

⁴⁵ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 356.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 2246. Л. 8–16.

зами»), куда 2 июля прибыл Шереметев с основными российскими полками, а на следующий день подошел с отрядами Мазепа. Лишь 11 июля, дождавшись завершения переправы всех остальных полков, объединенная армия направилась под Казы-Кермен. Ее движение сильно замедляла пересеченная местность («в переправах через степовые речки и за крутыми балками чинитца мешкота») и отсутствие материала для изготовления настилов («а гатей поделать не ис чего, потому что места степные») ⁴⁷.

Неизвестный корреспондент сообщал в Венецию 15 (25) июля 1695 г. о том, что под днепровские городки идет войско общей численностью в 120 тыс. человек, а еще 30 тыс. казаков Мазепы отправится на Буджак ⁴⁸. Очевидно, что данная цифра фигурировала в документах того времени. Однако она далека от реальности. Данные о численности и структуре идущей к Казы-Кермену армии приведены в работе А.В. Багро. В составе войск Шереметева она называет Белгородский копейный полк, Белгородский рейтарский полк, Обоянский рейтарский полк, Ливенский рейтарский, Козловский рейтарский полк, семь солдатских полков Белгородского разряда, слободские казачьи полки, части Московского и Смоленского разрядных полков, а также ряд других подразделений. Всего по росписям насчитывалось 28 841 человек. Из них непосредственно в штурме Казы-Кермена участвовало 25 273 человека. Число казаков Мазепы определяется примерно в 35 тыс. человек. Гетмана также сопровождали расквартированные в Батурине стрелецкие полки (ок. 1 тыс. стрельцов). По подсчетам Багро, примерная общая численность российского войска должна была составить 60–65 тыс. человек ⁴⁹. В подсчеты не были включены запорожские казаки (2 тыс.). Эти цифры дополняются сведениями из отписки главы Белгородского разряда от 2 июля 1695 г., полученной в Разрядном приказе 16 июля, которая описывает процесс переправы через Днепр около Переволочны. Помимо вышеупомянутых подразделений, в полках под командованием Б.П. Шереметева и С.П. Неплюева находились «ратные люди московских чинов... полковые сотенные службы городовые дворяня и дети боярские... дворянские да жилецкие роты». В войско также входило подразделение стольника и воеводы И.М. Дмитриева-Мамонова, не учтенное в исследовании Багро, которое включало «московских же чинов и завоеводчики, и ясаулы, полковые сотенные службы городовые дворяня и дети боярские, да рейтарской Курской, да салдацкие — Курской же, Козловской, Воронежской полки» ⁵⁰. Численность каждого из этих полков составляла около 1 тыс. воинов. Таким образом, общий состав войск, атаковавших днепровские городки, насчитывал 68–73 тыс. человек.

Данные о численности противника встречаем в сообщении, присланном из лагеря осаждающих в Польшу, коронному гетману С. Яблоновскому. Автор письма сообщал, что в начале осады численность гарнизона Казы-Кермена составляла 4 тыс. человек, из которых остались в живых полторы тысячи ⁵¹. Под городом на крымской стороне Днепра находились также татары. Хан Селим-Гирей отправил на помощь

⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 2246. Л. 8–16.; *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. 3. Киев, 1855. С. 273; *Петровський М.* Нариси історії України XVII – початку XVIII ст. (Досліді над Літописом Самовидця). Харків, 1930. С. 410–415; *Заруба В.Н.* Украинское казачье войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993. С. 120.

⁴⁸ *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов... С. 31–32.

⁴⁹ *Багро А.В.* Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 86–95.

⁵⁰ *Петровський М.* Нариси історії України... С. 411.

⁵¹ *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов... С. 37–38.

Казы-Кермену нураддина Шахин-Гирея, однако тот в итоге сосредоточил свои силы на охране подступов к Перекопу⁵². Находясь на левобережье Днепра, татары не смогли оказать существенной поддержки осажденным, поскольку Казы-Кермен (ключевой пункт обороны) и осаждавшие его войска находились на правом берегу реки. Переправляться же через Днепр в виду российских войск татары не рискнули.

«Плавное войско» в составе запорожских казаков и отрядов из российской и украинской армий сумело неожиданно подойти под стены турецких городков, воспрепятствовав контактам между ними и возможности отправки гонцов. Удалось также захватить местный флот, что исключило организацию переправы татарских войск. Бои под Казы-Керменом начались вечером 24 июля с подходом основных сил Шереметева и Мазепы. Организованная тем же вечером вылазка турок была благополучно отбита, хотя им удалось захватить несколько пленных. На следующий день нападавшие приступили к строительству шанцев и отсыпке валов вокруг крепостных стен, на которые поставили орудия. 26 июля начался регулярный массированный обстрел городских укреплений. Параллельно с другими велись интенсивные подкопные работы, завершившиеся подведением галереи под башню с «Ачаковской стороны». Утром 30 июля взрыв мины уничтожил часть укреплений: «подкопом взорвало и пушки с той разметало». Начавшийся пожар и продолжающийся обстрел гранатами вызвали несколько взрывов («людей духом поднимало и за город бросало»). Осаждавшие «з знамяны и з барабаны» начали штурм, в ходе которого после пятичасового боя был захвачен «большой» город. «Казыкерменские сидельцы», не имея больше сил для обороны и понеся тяжелые потери в людях («мужеска и женска полу... побито и ранено многое число»), отступили в «меньшой» город. На следующий день, осознав бесполезность сопротивления, капитулировали и они: «знамена свои приклонили... и кричали, чтоб их не побить и дать им живот... и взяты у них городовые ключи». Среди сдавшихся и захваченной добычи оказались руководитель обороны — «казыкерменский бей», 10 офицеров («агов») и 14 пушек. Впоследствии часть пленных осталась в России навсегда. Гарнизон крепости Мустрит-Кермен (Тавань, Таванск), расположенной напротив Казы-Кермена, также сдался. Защитники Муберек-Кермена бежали ночью 2 августа. Вслед за этим покинул свои позиции гарнизон Ислам-Кермена⁵³. Важную роль во взятии города сыграли успешные саперные работы. Их осуществил инженер Отто Фридрих Фоншвенгель, находившийся

⁵²Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 649–657.

⁵³Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3. Одесса, 1853. С. 269–272; Заруба В.Н. Украинское казачье войско... С. 120–122; Багро А.В. Украинское казачество... С. 104–120. О жизни казыкерменских пленников в Петербурге в 1700-х — 1720-х гг. см.: Агеева О.Г. Татарская слобода петровского Петербурга, 1706–1722 гг. // Университетские петербургские чтения. СПб., 2003. С. 11–20. Казыкерменский бей «Бекир-алы Агин сын» прожил в Москве до 1703 г. 7 июня он бежал «из-за караулу» с московского двора окольничего князя М.А. Волконского. Вместе с ним бежали челядник «Шемшин Авдулаев сын» и «баба турчанка». Власти ожидали, что беглецы направятся «через малороссийские городы» в Крым или в Белгородскую орду, поэтому послали 22 июня грамоту гетману Мазепе с указом об их поимке. В грамоте излагались приметы бежавших: «Бей ростом велик, сух, борода и волосы черны с сединою, в лице бледен, долголик, нос с наклапиною, зубы худы, и говорит шапкает, лет в пятьдесят. Челядник ево ростом не мал, сух ж, в лице бел, волосом рус и усы, и бороду бреет лет в двадцать и болши. Баба турчанка росту среднего, в лице смугла, нос з горбинкою. А платья на них, на бее емурлук обинной белой с прорехою, исподней кафтан китайчатой стеганой длинной, на челяднике кафтан старой русской сермяжной, в сапогах» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 89. Л. 515–516).

в 1695 г. в полку Шереметева⁵⁴. В феврале следующего 1696 г. он под именем Отто Фридериха Фаншфенгеля присутствовал в полку шедшего под Азов Шеина⁵⁵.

На фоне проблем, возникших у российских войск под Азовом, взятие днепровских городков стало особенно желанным успехом. Российское правительство щедро наградило участников похода⁵⁶. К примеру, Мазепе среди прочего за «казыкерменскую службу... 204-го году» пожаловали «кафтан золотной» с алмазными «запанами», стоимостью в 240 руб.⁵⁷

Казы-Кермен, находившийся, по сравнению с тремя другими днепровскими городками, в наиболее удобном со стратегической точки зрения месте, был сильно разрушен во время штурма («палаты и всякое строение погорело всё без остатку, и башни и городовыя стены от пороховой казны взорвало и обрушило на многие сажени»). Быстро восстановить его оказалось невозможно. Поэтому российские войска сделали основным опорным пунктом Мустрит-Кермен (Тавань) на Таванском острове. Здесь разместили гарнизон из 200 солдат полка А. Ларонта, а также запорожских казаков и сердюцкий полк Гаврилы Ясликовского (600 человек)⁵⁸. Осенью запорожцы успешно воспользовались освобожденным проходом по Днепру в Черное море. Они подошли по воде к Очакову и разграбили его окрестности⁵⁹. В европейской прессе даже обсуждался вопрос о том, что казачьи чайки теперь смогут ходить до самых окрестностей Стамбула⁶⁰.

Донской театр военных действий

Еще в результате второго Крымского похода В.В. Голицына стало очевидным, что ведение военных действий крупными силами в Причерноморье без создания (или захвата) промежуточных баз и укрепленных опорных пунктов обречено на неудачу. В результате Азов, наряду с днепровскими городками, стал наиболее перспективным направлением для ударов крупных сил российской армии. По сообщениям донских казаков, местные жители в ожидании скорого прихода московских войск, начали покидать город еще в 1689 г.⁶¹ Свержение правительства Софьи отодвинуло ожидаемое азовцами нападение на несколько лет. Однако население Азова находилось в постоянном страхе. Так, весной 1694 г. азовцы ожидали, что под Азов пойдет армия Б.П. Шереметева⁶². Позже, когда люди белгородского воеводы ходили «по вестям» за черту, в Азове вновь появилась «поголовска», будто бы он идет на город⁶³. Как сообщали донские казаки, турки, ожидая нападения, объявили повышенную готовность («ратные люди были в зборе»). Кроме того, азовцы, «по ведомостям», получили четыре каторги с военной помощью⁶⁴. Слухи о том, что российская армия собирается атаковать Азов, появлялись и позже. Сентябрьский поход Шереметева

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 2246. Л. 24.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1460. Л. 44.

⁵⁶ Багро А.В. Украинское казачество... С. 230–235.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 24. Л. 2.

⁵⁸ Заруба В.Н. Украинское казацкое войско... С. 123.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Д. 12. Ч. 1. Л. 7.

⁶¹ ДАИ. Т. 12. СПб., 1872. С. 280.

⁶² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 125–126.

⁶³ Там же. Л. 183.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 3. Л. 4, 5.

к черте опять вызвал опасения турок. По словам пленных татар, 28 сентября 1694 г. азовский бей Муртаза послал к Изюму специальный отряд, которым командовали три аги, чтобы взять пленных и узнать, где находится Шереметев. Причина отправки разведчиков заключалась в том, что «в Азове де азовцы и турки, которые бывают на заставе, от приходу великих государей войск имеют опасения и страх великой»⁶⁵. Ожидая нападения, азовские жители вместе с янычарами возводили дополнительные укрепления, готовили припасы⁶⁶. Таким образом, приход московских ратей к Азову в 1695 г. не стал для его защитников неожиданностью.

Результаты осады Азова российской армией в 1695 г. определяют два основных фактора — эффективность действий российского командования и соотношение сил сторон. Начнем с анализа численности войск. По сообщению одного из пленных, штатный гарнизон Азова в обычное время насчитывал 3550 человек. Жалование для них всегда посылалось по росписи «от салтана погодно непременно». В их число входили 800 человек джебеджи (обеспечивали ремонт и хранение вооружений и боеприпасов), 1000 янычар, 800 бешлеев (наемники), 800 пушкарей и 150 караульщиков, которые охраняли «городовую стену»⁶⁷.

Очевидно, что в военное время численность гарнизона менялась и зависела от войск, присылаемых в город в случае опасности. Данные о реальной численности азовского гарнизона в Москву неоднократно сообщали донские казаки. В 1692 г. она доходила до 7 тыс. человек (включая пеших и конных)⁶⁸. В 1693 г. сюда для строительства укреплений дополнительно присылали из Кафы, Керчи, Тамани и Темрюка 3 тыс. янычар с агой⁶⁹. Однако летом 1694 г., судя по сообщению пленного ахреянина, численность гарнизона сократилась до 1500 человек, в том числе 600 янычар с агой⁷⁰. Этот ахреянин повторно допрашивался в Москве 8 февраля 1695 г. Здесь он сказал, что в городе «малолюдство», а «служилых янычан и жилецких людей тысячи с две»⁷¹.

К началу осады города ситуация успела измениться. Захваченный казаками греческий торговец рассказал, что в январе 1695 г. в гарнизоне Азова было 3 тыс. человек, в марте кафинский паша Муртаза привез еще 1 тыс., а позднее из Кафы прибыло 2 тыс. пехоты⁷². Следует учитывать, что пехота составляла только половину отряда Муртазы-паши. Судя во всему, в числе войск, прибывших из Кафы, были не только местные воинские люди, но и отряды, присланные на помощь из других районов Османской империи. К примеру, погибший во время первой осады Софа Капитан упоминается в составе отряда, который был прислан из Адрианополя «на осми фуркатах с воинским людьми, а на фуркате де было по штидесят и по семидесят человек»⁷³.

Наиболее точные данные об азовском гарнизоне поступали уже после начала боев. Так, судя по приведенным Гордоном известиям грека-перебежчика, изначаль-

⁶⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 119–120.

⁶⁶РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 4. Л. 21.

⁶⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 76.

⁶⁸РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 2. Л. 7.

⁶⁹РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 370.

⁷⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 183.

⁷¹Там же. Л. 217, 204.

⁷²Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 360.

⁷³РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 42.

но Азов обороняли 6 тыс. человек. Позднее в расспросах звучали аналогичные цифры — допрошенные 13 августа под пыткой пленные утверждали, что к началу осады в городе было около 6 тыс. солдат вместе с вновь присланными. Из них почти треть к середине августа выбыла из строя по разным причинам⁷⁴. О шести тысячах говорил также комендант захваченной российскими войсками «каланчи»⁷⁵. Пленный уже в 1696 г. азовский янычар сообщал, что «в Азове ратных людей было турецких и азовских жителей жалованных шесть тысяч человек, в том числе четыреста человек конных, да ис Крыму присланных было шесть тысяч ж человек пеших»⁷⁶. Вероятнее всего, слова о присланных из Крыма были неправильно поняты переводчиком, и речь идет о все-таки о конных татарах, которые оказывали поддержку азовскому гарнизону извне. Если это предположение верно, то данные о числе осажденных соответствуют сведениям Гордона.

Мы имеем также два сообщения от невольников, длительное время служивших у янычар, а потом бежавших в 1696 г. во время второй осады в русский лагерь. Один из них говорил, что в 1695 г. «село в осаду» 4086 человек⁷⁷, а другой утверждал, что в Азове было 7 тыс. человек⁷⁸. Ф.Я. Лефорт писал, что в городе оборонялось «8000 отважных солдат»⁷⁹. Его данные кажутся преувеличенными. Рискнем предположить, что цифра в 6 тыс. наиболее точна.

Вместе с осажденными действовали конные отряды противника, постоянно нападавшие на русскую армию. Сам Петр I оценивал напавший на российское войско при подходе к Азову отряд татар «болши трех тысяч»⁸⁰. В сентябре, ближе к концу осады, бежавший из плена казак рассказал, что конница противника насчитывает 3 или 4 тыс. человек. Они стояли тремя отдельными лагерями — турки и татары из Азова, крымские татары с нураддин-султаном и Кубек-мурза с калмыками⁸¹. Судя по всему, первым отрядом, включавшим собственно турецкие войска, командовал Муртаза-паша. Отряд Кубек-аги, вероятнее всего, был более разнообразным по этническому составу, чем указано в источнике. В нем должны были присутствовать ногайцы. Кроме того, Лефорт в числе «самых отважных татар», нападавших на русский лагерь, упоминает черкесов⁸². Их присутствие также следует предположить в отряде Кубек-аги. Участие горцев в обороне Азова не было символическим. Еще весной из «нагай» на Дон вышел полоняник, бывший рейтар, который сообщил, что азовский бей приказал ногайцам и черкесам выйти на службу девяти людям из десяти⁸³. Так что в число упоминаемых российскими источниками «татар», безусловно, входили и черкесы. Однако общая численность всех «татар», указанная Лефортом (10 тыс.), явно преувеличена. К концу осады (на 1 октября) их было около 3 тыс. человек⁸⁴.

⁷⁴ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 385, 389.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Д. 7. Ч. 3. Л. 131.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 14.

⁷⁷ Там же. Л. 64.

⁷⁸ Там же. Л. 257.

⁷⁹ Ф. Лефорт. Сборник материалов... С. 163.

⁸⁰ ПБПВ. СПб., 1887. Т. 1. С. 35.

⁸¹ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 360–361, 385, 396.

⁸² Ф. Лефорт. Сборник материалов... С. 163.

⁸³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 3. Л. 6.

⁸⁴ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 409.

Сами татары могли распространять о себе заведомо ложные сведения. Так одному из русских пленников они говорили, что их под Азовом «з дватцать тысяч одного прихожего люду, кроме азовских сидельцов». Причиной завышения численности, вероятнее всего, было желание вызвать страх у противника: «и нас де московские войска боятца, мы де их сильнее, а к нам же де еще будет на помощь другая дватцать тысяч, и мы де паче над ними утвердимся»⁸⁵. Таким образом, в целом против российских войск действовало 6 тыс. человек азовского гарнизона и 3–4 тыс. находящейся вне города конницы.

Сведения о собранных под Азовом российских войсках имеют существенные расхождения. Резидент Венеции в Варшаве Г. Альберти в письме от 18 (28) марта 1695 г. со ссылкой на послание Лефорта сообщал об отправке в поход 80 пушек и 150 мортир, а через две недели (2 (12) апреля) писал об 300-тысячной армии⁸⁶. Хроника «Тарих-и Мехмед Герай» указывала на 180 тыс. пришедших под Азов «нечестивцев»⁸⁷. Эти цифры явно завышены.

Общую численность отправлявшихся под Азов войск Петр I в письме Ф.М. Апраксину определил в 31 тыс. человек, упомянув также о 60 пушках и 110 мортирах⁸⁸. Наиболее точные сведения относятся к отряду П. Гордона. Он командовал Бутырским полком в 894 человек, четырьмя тамбовскими солдатскими полками в 3879 человек, семью стрелецкими полками (Стремянным полком, Д.Р. Жукова, С.М. Кривокова, И.М. Кобыльского, А.Л. Обухова, С.Л. Капустина, А.И. Козлова) общей численностью 4620 человек, при которых имелись артиллерийские орудия — 31 полевая пушка, 12 короткоствольных картечных орудий и 10 мортир. Провизию Гордон получал на 10 тыс. человек⁸⁹.

Ф. Лефорт в письме брату Ами от 16 февраля 1695 г. указывает, что в его полку больше 12 тыс. человек, 24 больших пушки, 24 мортиры⁹⁰. 13 января 1696 г. он ретроспективно писал, что из 10,4 тыс. своих солдат привел обратно примерно 8 тыс., а в его распоряжении под Азовом было 12 пушек и 25 мортир⁹¹. У Лефорта мы также находим упоминание о том, что еще один отряд (А.М. Головина) был равен отряду Гордона. Таким образом, данные Лефорта и Гордона подтверждают сведения из письма Петра I о численности войск. Что касается мортир, то их явно было меньше, чем писал царь.

К Азову также подошли 6 тыс. донских казаков⁹². В обычное время казаки составляли отряды куда меньшей численности. Однако в феврале–марте 1695 г. московские власти постарались привлечь все имевшиеся ресурсы — грамоты с призывом на службу были направлены не только в столицу Войска Донского Черкасск, но и в верховые казачьи городки⁹³. Из других подразделений следует отметить 2,3 тыс.

⁸⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 100.

⁸⁶Шмуурло Е.Ф. Сборник документов... С. 11, 13.

⁸⁷Абдужемилев Р.Р. Оборона пограничных крепостей Османской империи и Крымского ханства в 1689 и 1695 гг. По данным хроники «тарих-и Мехмед Герай» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2020. Т. 6 (72). № 4. С. 7.

⁸⁸ПБПВ. Т. 1. С. 28.

⁸⁹Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 328, 341, 347–348.

⁹⁰Ф. Лефорт. Сборник материалов... С. 157.

⁹¹Там же. С. 164.

⁹²Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 405.

⁹³РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 4. Л. 258, 259, 265.

человек астраханской и яицкой конницы⁹⁴. В дневнике Гордона также упоминаются башкиры и калмыки⁹⁵. 3 августа зафиксирован приезд племянника украинского гетмана И.С. Мазепы И.П. Обидовского⁹⁶. С ним должен был прибыть отряд сопровождения. Таким образом, общая численность осаждающих войск приближалась к 40 тыс. человек, то есть имела примерно четырехкратное превосходство над противником. С учетом того что российская армия должна была брать хорошо укрепленный город, данное превосходство не выглядит столь уж значительным. Достаточно вспомнить, что у Казы-Кермена превосходство над противником достигало 17–18 раз.

Перейдем к вопросу о ходе боевых действий. На первом этапе военной кампании инициатива принадлежала гарнизону Азова. Вышедшие в марте 1695 г. на Дон из Азова полоняники рассказывали, что Аюка и астраханский мурза Ишейка Ишкарин присылали в город своих людей с известием, что на Азов идет сам царь Петр Алексеевич. Желая проверить эту информацию, азовцы послали «лехких людей» под Астрахань, к Черному Яру под Царицын, к Маяку, под Полтаву и под Изюм. Азовский бей послал подарки Аюке и Ишею, а также попросил у них помощи⁹⁷.

Столкновения на донском театре военных действий начались с похода в феврале 1695 г. на Черкасск азовских служилых людей во главе с азовским беём и с янычарским агой. Численность отряда составляла 3 тыс. «и болши» человек. Однако нападавшие не привезли артиллерии. Из-за этого они ничего не смогли сделать и ушли, отогнанные отрядами Фрола Минаева. Результаты нападения оказались мизерными: один из казаков погиб и еще 9 человек взяли в плен⁹⁸.

Неожиданно в Черкасске появился вождь ушедших в османские владения старообрядцев Л. Маноцкий. О его приезде донские казаки сообщили следующие подробности: «В нынешнем 1695-м году тот помянутой Левка, отстав от тех отступников, приехал в Черкасской, а сказывал, что будто он церкви Божии повинуется и великим государям вину свою приносит. Однако ж, постерегшись, донской атаман Фрол Минаев и разведав о нем, что он, Левка не вину свою приносит, но злохитрое некое дело в войску их хочет всчать, поймав ево, отдали калмыком и велел ево розстрелять — и розстрелян. А товарищи ево, Левкины, и ныне живут на Кубане ж»⁹⁹. Не исключено, что Маноцкий действительно приехал с целью разведки, а возможно, даже готовил какую-то диверсию.

Выдвижение российских войск к Азову протекало чрезвычайно медленно. Авангардом командовал Гордон, который 7 марта выехал из Москвы. 12 марта он достиг Переяславля-Рязанского, откуда дальше двинулся по суше. В Тамбове, где предстояло соединиться с тамбовскими полками, полководец пробыл с 18 марта по 1 мая. 21 июня полки Гордона подошли к Черкасску, а 27 июня встали в виду Азова¹⁰⁰.

Двор Петра I с остальным войском покинул Москву 28 апреля¹⁰¹. Проследить путь под Азов основной части армии (полки Ф.Я. Лефорты и А.М. Головина) поз-

⁹⁴ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 375.

⁹⁵ Там же. С. 371, 378, 394 и др.

⁹⁶ Там же. С. 385.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 3. Л. 4, 5.

⁹⁸ Там же. Л. 2.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 5. Л. 17–18.

¹⁰⁰ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 326–342, 356, 360, 366.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Д. 7. Ч. 3. Л. 25.

воляет царский походный журнал¹⁰². Царь миновал Переяславль-Рязанский 6 мая. Отсюда начинается описание путешествия воинского «каравана» по Оке и Волге¹⁰³. Любопытно, что примерно в это время о походе под Азов официально сообщили союзникам. Российский резидент в Варшаве известил об этом поляков 7 (17) мая 1695 г.¹⁰⁴ До Царицына полки добрались 6 июня, а затем, переместившись на «возы», сухим путем с 10 по 14 июня пересекли перемычку между Волгой и Доном. С 19 июня от Паншина городка, населенного донскими казаками, движение продолжилось на судах. 25 июня войско, при котором находился сам Петр I, прибыло в Черкасск¹⁰⁵.

Турецкие власти воспользовались медлительностью русской армии для пополнения азовского гарнизона. Последнее подкрепление прибыло уже в июне. 16 июня казаки сообщили Гордону, что, «будучи под Азовом, они обнаружили множество кораблей и катерг, или галер, кои 3 дня назад доставили и высадили великое число людей; [турки] от радости дали свыше 40 выстрелов из тяжелых городских пушек; чрезмерное количество конников изо всяких народов прибыли на помощь городу и разбили стан за его пределами — они видели огромное число их палаток и шатров»¹⁰⁶.

Бои начались уже на подступах к городу. Турки предприняли попытку помешать сосредоточению российских войск у городских стен¹⁰⁷. 1 июля войска Гордона и донские казаки прошли внутрь старого городского вала и окопались в досягаемости орудийного огня городских укреплений. На следующий день азовцы, установив на старом валу 4 орудия, начали обстреливать нападавших, но были выбиты с занятых позиций¹⁰⁸.

Основная часть российских войск выдвинулась из Черкаска вниз по Дону 28 июня. Впереди шел отряд Ф.Я. Лефорта, а следом — А.М. Головина. 29 июня они высадились на берег Дона в 8 верстах от Азова. Здесь стояли до 3 июля, ожидая, пока Гордон укрепится на своих позициях и организует защищенный лагерь. По пути к нему Лефорт подвергся нападению вражеской конницы. Сосредоточение сил закончили к 5 июля, а на следующий день Лефорт начал обстрел города¹⁰⁹. Параллельно началось строительство укреплений, призванных блокировать город и максимально близко подойти к его стенам.

Первые успехи российской армии были связаны не с Азовом, а с башнями, охранявшими проход в Азовское море по донской протоке Каланче. Одна из башен была взята 14 июля¹¹⁰. Заслуга взятия башни принадлежала казакам — первоначально заложенная у стены петарда не смогла проделать бреши в укреплениях, тогда казаки

¹⁰² Походный журнал 1695 года. СПб., 1853. Журналы 1695 и 1696 г. составлялись в походной канцелярии Петра I. См.: *Майкова Т.С.* Военные «журналы» петровского времени (по материалам ЦГАДА) // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969. С. 368–390.

¹⁰³ Походный журнал 1695 года... С. 1.

¹⁰⁴ *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов... С. 20–21.

¹⁰⁵ Походный журнал 1695 года... С. 14, 18.

¹⁰⁶ *Гордон П.* Дневник, 1690–1695. С. 358.

¹⁰⁷ ПБПВ. Т. 1. С. 35.

¹⁰⁸ *Гордон П.* Дневник, 1690–1695. С. 369, 370.

¹⁰⁹ Походный журнал 1695 года... С. 19–21.

¹¹⁰ Там же. С. 22.

мотыгами прокопали у одной из бойниц лаз в крепость¹¹¹. В штурме участвовало 700 человек¹¹². В ночь на 16 июля турки отступили из второй башни. При этом они заложили мину из семи бочек пороха. Однако казаки успели проникнуть в крепость и потушить зажженные фитили раньше, чем прогремел взрыв¹¹³. По поводу первой победы царь отправил по почте официальное письмо Иоанну Алексеевичу, в котором сообщил о захвате 3 вражеских знамен, 32 пушек, множества ружей, пороху «и всяких припасов многое число». Упоминаются и более тысячи судов, стоявших у расположенной там же пристани¹¹⁴. В послании к А.Ю. Крвету царь подчеркивал особую важность победы — она дала возможность доставлять припасы осаждающим по воде, а не сухим путем, который оставался под постоянной угрозой нападения со стороны татар¹¹⁵.

В те же дни (15 июля) туркам удалось нанести серьезный урон отряду Гордона. Накануне в лагерь врага перебежал один из обрусевших голландцев Яков Янсен, который указал на недостроенную траншею в промежутке между позициями Гордона и Лефорта, плохо охранявшуюся в полуденные часы (охрана обычно спала в это время). Удар оказался внезапным еще и благодаря тому, что на стороне противника сражались казаки-старообрядцы. Один из них заговорил с осаждающими на русском, что притупило их бдительность. Пользуясь этим, в траншее генерала-шотландца ворвался турецкий отряд, который устроил резню. Потери составили до 400 погибших и около 500 раненых¹¹⁶. Отбросить нападавших удалось с большим трудом. По сведениям Лефорта противник захватил 9 пушек и еще несколько орудий привел в негодность¹¹⁷. Анонимный источник утверждает, что в вылазке участвовало 5 тыс. человек¹¹⁸, то есть большая часть азовского гарнизона. Именно этим объясняются значительные потери среди осаждавших.

В целом турки на протяжении всей осады предпринимали постоянные усилия для того, чтобы помешать инженерным работам российских войск. Несмотря на это, сеть траншей и бастионов все более плотно охватывала крепость. Впрочем, полностью блокировать Азов так и не удалось. Это хорошо видно по дневникам Гордона. К 24 июля относится запись о том, что трехтысячный отряд с 18 полевыми орудиями был по его указаниям расположен так, чтобы не позволять коннице противника проходить в Азов и выходить из него¹¹⁹. Однако меры для того, чтобы пресечь сообщение между осажденными и татарской конницей, продолжали приниматься еще 12 сентября, когда с этой целью было решено «построить форт на другом берегу реки, напротив недавно возведенных под городом фортов»¹²⁰.

Непрерывный артиллерийский обстрел постепенно разрушал оборонительные сооружения Азова. В городе постоянно вспыхивали пожары. Однако не все осадные мероприятия проводились одинаково успешно. Слабым местом московских войск

¹¹¹ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 376.

¹¹² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Д. 7. Ч. 3. Л. 129.

¹¹³ Там же. Л. 131.

¹¹⁴ ПБПВ. Т. 1. С. 38–39.

¹¹⁵ Там же. С. 41.

¹¹⁶ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 376–378.

¹¹⁷ Ф. Лефорт. Сборник материалов... С. 164.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Д. 7. Ч. 3. Л. 58.

¹¹⁹ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 381.

¹²⁰ Там же. С. 396–397.

были саперные работы. Петр при отправке армии под Азов позаботился о соответствующих специалистах. Инженерами в его войске были Франц Тиммерман, Адам Вейде и Яков Брюс¹²¹. 19 июля (по другим данным 17 июля) к Азову прибыл инженер Альбер Жозеф Мюрло, который обещал быстро взять город, но был убит случайной пулей уже 15 августа¹²².

Саперные работы были особенно важны на последнем этапе осады, когда укрепления противников оказывались на близком расстоянии друг от друга. В этот момент началась «минная война», когда стороны старались подвести подкопы под вражеские позиции и подорвать заложенные в них заряды. Для осаждающих важнейшей задачей было проделать бреши в укреплениях осажденных, что обеспечило бы преимущество наступающим. Тем не менее к моменту первого штурма города успехов в минной войне не наблюдалось. Состоявшаяся 5 августа атака на Азов напоминает операцию по захвату укреплений на Каланче, когда неудача саперных работ была возмещена лихостью и сообразительностью нападавших. Однако в данном случае яростный приступ натолкнулся на столь же яростное сопротивление оборонявшихся. Хотя во время боя погибли и бей, и янычарский ага, то есть все высшее руководство крепости, это не прекратило сопротивления¹²³. Азовский гарнизон потерял около 200, а штурмовавшие город войска — около 1500 человек¹²⁴.

Неудача заставила вернуться к планомерным осадным работам. При этом в минной войне успех, скорее, сопутствовал осажденным. Так, 15 сентября войска Головина начали сооружать вал, который подходил к городским стенам, будучи равным с ними по высоте. Туркам удалось его взорвать¹²⁵. Впрочем, этот взрыв нанес ущерб также и турецкому валу¹²⁶. Далеко не все заложенные азовцами мины были эффективными. К примеру, устроенный ими 17 сентября взрыв не нанес вреда осаждавшим¹²⁷. 16 сентября российскими саперами при устройстве мины была допущена инженерная ошибка. В результате взрыва подведенной под турецкие укрепления галереи в российских траншеях были убиты 30 человек, а еще более сотни получили раны или контузию¹²⁸.

Между тем сезон боевых действий заканчивался. Приближались холода. Это заставило командование русской армии 25 сентября предпринять еще одну попытку штурма, которая из-за плохой подготовки вновь закончилась неудачей¹²⁹. После нее стало очевидно, что в этом году город взять не удастся, хотя его гарнизон к тому времени понес катастрофические потери. По сообщению взятого в плен яныча-

¹²¹ *Богословский М.М.* Петр Великий: материалы для биографии. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 — 9 марта 1697 / отв. ред. С.О. Шмидт, подгот. текста А.В. Мельникова. М., 2005. С. 224.

¹²² *Гордон П.* Дневник, 1690–1695. С. 379, 389; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Д. 7. Ч. 3. Л. 131–132.

¹²³ Позднее, в 1696 г., бежавший из Азова невольник, служивший в 1695 г. у янычарского сотника, сообщил, что после гибели Мустафы-бея «в Азове же де сидел и над всеми начальствовал трапезонской паша, а имени того паши и бея азовского он не знает, и как московские войска от Азова пошли, и тот паша из Азова поехал в Трапезон» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 258). Один из источников упоминает имя убитого аги — Кабуклуали (Там же. Л. 258).

¹²⁴ *Гордон П.* Дневник, 1690–1695. С. 386–389.

¹²⁵ Там же. С. 398.

¹²⁶ Походный журнал 1695 года... С. 31.

¹²⁷ Там же. С. 32.

¹²⁸ *Гордон П.* Дневник, 1690–1695. С. 399.

¹²⁹ Походный журнал 1695 года... С. 33.

ра: «А как де московские ратные люди от Азова отступили, и в то де время в Азове осталось тех людей турчан и крымских татар только тысячи з две, да двести пушек больших и малых, десять мозжеров бомбою пятипудовые, к пушкам с шесть тысяч ядер, а к мозжерам бомбов с четыре тысячи»¹³⁰. Пленный татарин говорил, что осаду пережило 2,5 тыс. человек¹³¹. Один из выходцев из Азова сообщил, что выжило всего 500 человек¹³². Другой утверждал, что после осады от ран, болезней и «нужды» умерло 2 тыс. человек и примерно столько же осталось в живых¹³³. Цифра в 500 человек явно ошибочна. При такой численности гарнизон не смог бы продолжать оборону. Но и 2 тыс. человек для длительной обороны такой крепости, как Азов, было явно недостаточно. Таким образом, в 1695 г. российской армии попросту не хватило времени для того, чтобы взять Азов.

Эвакуация российских войск из-под города началась 29 сентября. В этот день с укреплений стали снимать тяжелые орудия. 3 октября русские суда пошли от башен на Каланче вверх по Дону к Черкасску¹³⁴. Часть войск было решено оставить в укреплениях, построенных вокруг башен на Каланче. Их начали возводить по предложению Лефорта еще во второй половине августа¹³⁵. Во главе построенного земляного форта, который получил наименование «Сергиев» (Ново-Сергиев), был поставлен стольник Аким Яковлевич Ржевский¹³⁶. Гарнизон крепости составил 3 тыс. человек¹³⁷, что сопоставимо с числом оставшихся в строю к концу осады воинских людей Азова.

Появление российского опорного пункта в непосредственной близости от Азова стало основным итогом кампании 1695 г. на донском театре военных действий. Сергиев коренным образом менял стратегическую ситуацию в регионе. Бывший форпост на южной границе России — Черкасск — теперь оказался в тылу и мог не опасаться внезапных нападений со стороны азовских ратных людей. Открывался и выход в Азовское море для русских судов. Гарнизон форта мешал туркам уничтожать результаты осадных работ 1695 г., которые предпринимали азовцы. Кроме того, у московского правительства появилась возможность в новый сезон боевых действий перебрасывать войска по Дону непосредственно к Азову и сосредоточивать их под прикрытием сергиевского гарнизона. Безуспешная осада Азова оказала влияние даже на положение дел в далеком Стамбуле. Там стала ощущаться нехватка «живностей» и «множества потребных и нужных вещей», поставлявшихся ранее через этот город, что вызвало значительный рост цен на местных рынках¹³⁸.

Тем не менее сами участники первого похода на Азов не рассматривали его как успешный. Ведь взять город не удалось. Лефорт утверждал, что причина произошед-

¹³⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 14–15.

¹³¹ Там же. Л. 92.

¹³² Там же. Л. 64.

¹³³ Там же. Л. 257.

¹³⁴ Походный журнал 1695 года... С. 34.

¹³⁵ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 390, 392.

¹³⁶ Аваков П.А. Две твердыни: Азов и Сергиев между первым и вторым Азовскими походами 1695–1696 гг. // Война и воинские традиции в культурах народов России (V Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.). Ростов н/Д, 2016. С. 66.

¹³⁷ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 408.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Д. 12. Ч. 1. Л. 16, 17, 26.

шего — недостаточное число войск, упорство осажденных и ошибки «одного генерала» во время штурма¹³⁹. Под последним он явно подразумевал Гордона, в адрес которого отпускал колкости в своих письмах. Шотландец в свою очередь писал о раздоре в командовании войсками, а также неоднократно критиковал неумелых инженеров-минеров, то есть учителя Петра Франца Тиммермана, и его сподвижников — Адама Вейде и Якова Брюса¹⁴⁰. Версия о том, что осада сорвалась из-за отсутствия у царя хороших инженеров, попала даже в европейскую прессу: «Царь Петр разумных и искусных инженеров у себя не имеет. И того ради бесплодное было осаждение крепости Азова»¹⁴¹.

Очевидно, что критика инженерно-саперных работ была справедливой. Достаточно вспомнить о неудачной попытке проделать брешь в укреплениях башни на Каланче или гибели от взрыва собственных солдат. Однако и действия самого Гордона были, мягко говоря, небезупречны. К примеру, как отмечал генерал в своем дневнике, на военном совете 21 февраля 1695 г. было решено «послать как можно скорее по суше к Азову 10 000 человек, кои с 5 или 6000 казаков должны занять такую позицию перед оным, чтобы не допустить прихода туда никакой поддержки. Мне приказано командовать ими и поспешать отсюда сколь возможно»¹⁴². Гордон получил требуемые войска, рано вышел в поход, однако под Азов пришел с большим опозданием, лишь ненамного опередив остальные войска. Таким образом, план командования по ранней блокаде Азова так и не был реализован и туркам удалось беспрепятственно пополнить гарнизон.

На теме блокады города следует остановиться отдельно. Судя по дневнику Гордона, все необходимые для изоляции города действия были предприняты лишь незадолго до того, как осада была прекращена. В учебной и научно-популярной литературе в качестве аксиомы говорится о том, что город было невозможно блокировать из-за отсутствия флота. При этом не учитывается, что город лежал более чем в 10 км от моря, а глубины в устье Дона делали опасным плавание для крупных морских кораблей. Турки использовали для переправки привезенных морем грузов малые суда. А войско Петра недостатка в речных судах не имело — для похода в верховьях Дона было выстроено 1259 стругов¹⁴³. В связи с этим также встает вопрос о том, насколько эффективно использовались имевшиеся в распоряжении командования воинские подразделения. К примеру, 6000 донских казаков, боевой опыт которых включал конные сражения с татарами и морские походы на малых судах, были в основном задействованы в осадных работах. Между тем гарнизон Азова сохранял сообщение с другими силами турок по Дону, а татарская конница чувствовала себя хозяйкой в окрестных степях.

Вряд ли будет ошибкой сказать, что основной проблемой русской армии под Азовом было плохое командование. Во-первых, окружавшие царя иноземцы были заняты не только осадой Азова, но и борьбой друг с другом за влияние на царя. Это сильно мешало как системной организации осадных работ, так и взаимодействию при штурмах. Во-вторых, Петр явно переоценивал возможности своих любимцев. Достаточно сопоставить успешные минные работы при осаде Казы-Кермена с пос-

¹³⁹ Ф. Лефор. Сборник материалов... С. 163–164.

¹⁴⁰ Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 373, 380, 398.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Д. 12. Ч. 1. Л. 70.

¹⁴² Гордон П. Дневник, 1690–1695. С. 323.

¹⁴³ Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 23.

тоянными ошибками саперов у Азова. Не лучшим образом на ход осады влияло и то, что сам царь, за которым оставалось последнее слово в деле принятия важнейших решений, не обладал реальным военным опытом. Компенсировать все это можно было бы большим числом войск, но и здесь обеспечить достаточное превосходство не получилось.

* * *

Несмотря на досадную неудачу русской армии под Азовом, в целом общий итог кампании 1695 г. можно назвать положительным. России удалось захватить днепровские городки, разместив в Тавани собственный гарнизон. В руках царя оказался важнейший перевалочный пункт, через который ранее крымские отряды переправлялись на правобережье Днепра для походов в Европу. Давнее пожелание польского короля Яна Собеского оказалось выполненным. Кроме того, вновь открылся свободный проход по воде в Черное море для отрядов запорожских казаков. На Дону основание укрепленного городка около одной из «каланчей» создало предпосылки для удачной осады Азова на следующий год. Важно и то, что летом 1695 г. Петр I получил личный опыт боевых действий и понял, что армии необходимо единоначалие. Еще одним итогом стало осознание важности коалиционного взаимодействия участников антитурецкого альянса и легитимизации союзных отношений с ключевым участником Священной лиги — Священной Римской империи германской нации, что должно было обеспечить полноправное участие России в будущих мирных переговорах с врагами «креста Господня».

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ В 1696 г. ВЗЯТИЕ АЗОВА. ВЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

В новом, 1696 г. основным оказался донской театр военных действий. Петр, для которого безрезультатная осада Азова в 1695 г. стала личным поражением, предпринял огромные усилия для того, чтобы успешно завершить начатую борьбу за устье Дона. Здесь были сконцентрированы основные военные силы Российского государства. Параллельно предпринимались усилия по укреплению связей со странами антиосманской коалиции. В наиболее сильную из них — Священную Римскую империю — была направлена специальная миссия.

Дипломатия в 1696 — начале 1697 г.: миссия К.Н. Нефимова

Кампания 1695 г. активизировала российскую внешнюю политику. Петр I «вспомнил» о международных обязательствах в борьбе с османами и татарами, принятых согласно договору о Вечном мире 1686 г. Тогда российские власти вполне осознанно полагали себя присоединившимися к борьбе Священной лиги. Наступательный союз с поляками планировалось сохранять до конца войны, причем, согласно пункту 13 договора о Вечном мире, австрийцы и венецианцы, «не обослався» с Польшей и Россией, обязывались османов «к миру не склонять»¹. Очевидно, что итоги кампании 1695 г. убедили Петра в необходимости более тесной координации своих действий с союзниками и укрепления союзнических отношений. Особую роль здесь играли связи со Священной Римской империей — главной силой Священной лиги.

Еще на начальном этапе войны Москва и Вена информировали друг друга о действиях против общего врага. Так, в письме от 6 (16) августа 1687 г. австрийский император сообщал российским монархам (Ивану V и Петру I) о выигранной четырьмя днями ранее битве с турками при Мохаче, в ходе которой удалось уничтожить 8 тыс. вражеских воинов и захватить всю артиллерию. В ответном послании от 26 октября² того же года цесаря информировали о первом Крымском походе, объявляя «с наши... стороны, добродетелное в воинских промыслех вспоможение вашему цесарскому величеству также и королевскому величеству полскому». Российская сторона полагала всех воюющих с турками «святым союзом обязанных» и в грамоте от 13 января 1690 г. прямо указывала: «...для того что ваше цесарское величество общей наш союзник»³. О совместной борьбе с османами свидетельствовали и дипломаты цесаря в 1695 г.: «...сокрушены быти возмогут пресилнаго неприятеля силы,

¹ ПСЗ. Т. 2. 1676–1688. СПб., 1830. С. 779. А в следующем пункте предлагалось «в наступательной и оборонительной союз призвать» французского короля, чтобы он «к тому святому случению, по образу всех государей христианских, против бусурман приступил»; также требовалось «призывать и иных христианских монархов, которые еще в союз не вошли» (Там же. С. 779–780).

² Даты указаны по юлианскому календарю, в особых случаях приводится двойная датировка — старый (новый) стиль.

³ ПДС. Т. 7. СПб., 1864. Стб. 285–287, 289–295, 399, 612.

если все настоящей войны товарищи... на того же равную охотою и горением (будут. — *Авт.*) наступать»⁴. На «обнадеживания» цесарских дипломатов, звучавшие на тех или иных переговорах, в Посольском приказе ссылались «позднее как на союзные обязательства, которые принял на себя император»⁵.

Представляется, что первоначально для московского правительства семантические различия «вступления» в Лигу или «присоединения» к ней не носили особого содержательного смысла в рамках борьбы с «врагом всего христианства». Все участники противостояния считались союзниками: «...цесарь обязуется с великим государем союзом, так как обязан с королем польским и с венецианью»⁶. Аналогичный посыл звучал в посланиях российских монархов 1686–1696 гг. в Венецианскую республику, основной темой которых являлась борьба с Оттоманской Портой. Венецианцы со своей стороны также воспринимали Россию как союзную державу, главной задачей которой являлось отвлечение отрядов крымского хана от европейского театра военных действий⁷. Иногда о существовании широкого альянса проговаривалась и австрийская сторона: «...при нынешнем общем союзе таких славных четырех союзников»⁸.

В то же время, несмотря на выгодную для России общесоюзническую риторику с момента заключения Вечного мира 1686 г., осторожная позиция В.В. Голицына, не давшего полномочий посетившему в 1687 г. Вену посольству Б.П. Шереметева входить с австрийцами в юридически обязывающие соглашения, имела свои зоны. На первом, крымском, этапе войны руководитель русских посольских дел, как уже было показано, вынашивал планы политического подчинения ханства. Если бы их удалось реализовать, добившись от Крыма в том числе и обязательства прекращения набегов на Речь Посполитую, формальные союзнические отношения с Веной или Венецией стали бы ощутимым препятствием на пути выхода России из войны.

К 1695 г. крымские прожекты Голицына потеряли всякую актуальность. В этих условиях Россия, по мнению И. Шварц, имея лишь двусторонний договор с Польшей об участии в Священной лиге, по мере втягивания в войну начала осознавать опасность потери союзников⁹. В декабре в Вену для предварительных переговоров был направлен посланник Козьма (Кузьма) Никитин, сын Нефимонов. Одновременно в Венецию была послана дружественная грамота. Стремление заключить письменный трактат с Австрийским государством было продиктовано не столько потребностью легитимизировать присутствие России в Священной лиге, сколько необходимостью получить письменные гарантии о продолжении совместной войны

⁴ПДС. Т. 7. СПб., 1864. Стб. 992.

⁵*Шутый В.Е.* Русские грамоты конца XVII века // Вопросы истории. 1972. № 6. С. 99.

⁶Из ответа вице-канцлера Леопольда Вильгельма фон Кенигсегга посланцу подьячему Алексею Васильеву 9 июля 1689 г. См.: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1698 г. Д. 65. Л. 8. Аналогичная фраза, но без слова «союз», встречается в статейном списке подьячего (ПДС. Т. 7. Стб. 539–540). См. также: «...о вспомочных вашему цесарскому величеству и королевскому величеству польскому и прочим союзником...» (грамота к цесарю от 27 октября 1695 г.). ПДС. Т. 7. Стб. 986.

⁷*Ястребов А.О.* Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. Россия и греческая община Венеции. М., 2018. С. 103–107, 130.

⁸25 июля 1696 г. См.: ПДС. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 177.

⁹*Илиева (Шварц) И.* Русия и Свещената Лига: 1684–1699 // 300 години Чипровско въстание: Принос към историята на Българите през XVII в. София, 1988. С. 281–282.

до полного разгрома турок и «общего согласия» при ведении мирных переговоров¹⁰. Летом 1696 г. ситуация еще более обострилась в связи со смертью Яна III Собеского. Возможная победа ставленника Франции принца де Конти на выборах нового польского короля угрожала выходом Польши из войны. В этом случае Московское государство могло оказаться в полном одиночестве, так как союз со Священной лигой на основе договора с Речью Посполитой оказался бы дезавуирован.

Задачу укрепить отношения с цесарем возложили на дьяка Козьму Нефимонова¹¹. Его отправили в Вену в декабре 1695 г. в статусе посланника (указ о начале подготовки миссии датирован 28 ноября) в сопровождении переводчика Степана Чижинского, двух дворян — Владимира Семенова сына Борзого и Семена Иванова (взятого из подьячих Посольского приказа) и трех подьячих «для письма» из того же ведомства — Ивана Ратькова, Степана Ключарева и Гаврилы Деревнина¹². Нефимонов получил два наказа (тайный и большой общий) и «верующую» грамоту. Первый наказ составлялся по «наказным тайным статьям»¹³, которые были переданы вместе с «образцовой» грамотой 15 декабря Е.И. Украинцеву думным дьяком А.А. Вiniusом (видимо, от самого Петра I)¹⁴. Согласно тайному наказу¹⁵, дипломат имел право обсуждать заключение наступательно-оборонительного союза с широким разбросом по времени — от 3 до 7 лет. Петр, ссылаясь на пассивность Польши, предлагал австрийскому императору заключить прямой союз¹⁶. При отказе Вены от вступления «в тот союз и оружей согласного соединения» российский монарх освобождал себя от каких-либо дальнейших обязательств.

Планируемый договор базировался на пяти статьях, которые предстояло обсудить с цесарскими «думными людьми». В первой из них оговаривался вклад Москвы в борьбу с общим врагом. Отмечалось, что Россия участвовала в войне с турецким султаном и крымским ханом с 1686 г. по условиям оборонительного и наступательного союза с Речью Посполитой и «для ползы всего общаго христианства», совершала различные тяжелые походы с разорением вражеских жилищ и разгромом войск противника. В 1695 г. войска царя захватили днепровские городки (Казы-Кермен и др.) и нанесли сильный ущерб оборонительным сооружениям Азова, взяв выше по течению две «великия укрепленныя башни», которые перегораживали Дон.

Начиная со второй статьи речь шла о перспективах. Россия и Австрия при участии остальных союзников, должны были объединить усилия в боевых действиях, организовав синхронное наступление на врага (для Вены — «ранним вешним походом»), чтобы «согласным нашествием» разделить силы противника. Предстояло заключить прямой союз, а после этого вести совместную войну и затем «обще» участвовать в мирных переговорах.

¹⁰ПДС. Т. 7. Стб. 1008–1013.

¹¹Из старых подьячих в дьяки Посольского приказа К.Н. Нефимонов был повышен 24 марта 1695 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 14. Л. 2).

¹²ПДС. Т. 7. Стб. 1000–1008.

¹³См. список «наказных статей» в посольской книге: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 41. Л. 25–41. Публикация: ПДС. Т. 7. Стб. 1008–1013.

¹⁴Вероятно, А.А. Вinius являлся в то время тем самым «советником» по международным делам, на отсутствие которого «жаловались» Д.Ю. и И.Д. Гузевичи. См.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 22.

¹⁵Список наказа в посольской книге: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 41. Л. 46–56. Публикация: ПДС. Т. 7. Стб. 1016–1021.

¹⁶ПДС. Т. 7. Стб. 1008–1009, 1018.

Утверждалось, что, подписав «крепкое обязательство», страны будут уверены («совершенно надежны») в действиях друг друга. Запрещались сепаратные переговоры с неприятелем, а подписание мирных трактатов могло осуществляться лишь с «общего согласия». В случае наступления турок и татар «многими силами» на Российское государство цесарь должен был атаковать «места и грады турецкие». В качестве ответной меры Москва планировала «на татар наступать, где возможно»¹⁷.

Нефимонов в случае согласия австрийцев на подписание договора, должен был просить у «думных людей» по перечисленным статьям «крепости за руками и печатми». Только получив «писменное укрепление» и «любительную» грамоту Леопольда I, русский посланник мог вернуться на родину. Особо оговаривалась необходимость максимально раннего выступления войск императора в предстоящее лето¹⁸. Кроме того, К.Н. Нефимонов получил специальное предписание обеспечить оперативную отправку в Россию 10 «инженеров и подкопщиков добрых и искусных» (или хотя бы 6–7), которым предстояло участвовать в военной кампании 1696 г. под Азовом¹⁹.

Текст «верющей» грамоты содержал схожее с тайным наказом описание походов 1695 г., дополненное обещанием «в будущую весну» вновь послать войска под «Азов и иныя места». О делах должен был сообщить посланник К.Н. Нефимонов, словам которого следовало «верить», а по результатам переговоров сделать «обнадежительное соответствование» для общей пользы и союза²⁰.

По нашему мнению, царский дипломат первоначально был нацелен на проведение предварительных переговоров о двустороннем союзе, вероятно, не обладая полномочиями на подписание договора (отсутствовала полномочная грамота). Скорее всего, заключить такой договор предстояло особой дипломатической миссии более высокого ранга. Выскажем в качестве гипотезы предположение, что именно тогда могла зародиться идея Великого посольства. Второй целью Нефимонова являлась организация максимально быстрого приезда в Россию австрийских инженеров для участия в осаде Азова, запланированной на весну — лето 1696 г. Все это подтверждал его статус, прописанный в «большом» наказе: «...ехати... в посланниках наскоро, не мешкая нигде ни часу»²¹.

Об особом внимании Петра I к миссии свидетельствует личная встреча с посланником 18 декабря, которая даже не получила официальной фиксации в статейном списке. Там была отмечена только общая аудиенция 21 декабря всего состава посольства «у руки» обоих государей²². Нефимонов покинул Москву 26 декабря 1695 г. Проехав через Речь Посполитую и побывав 30 января — 18 февраля 1696 г. в Варшаве, он 27 февраля достиг цесарских земель и 19 марта въехал в Вену²³.

¹⁷ ПДС. Т. 7. Стб. 1008–1013, 1016–1020.

¹⁸ Там же. Стб. 1017–1018.

¹⁹ Там же. Стб. 1018–1020.

²⁰ Копия грамоты с описанием ее внешнего вида в посольской книге: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 41. Л. 41–46. Публикация: ПДС. Т. 7. Стб. 1013–1016.

²¹ ПДС. Т. 7. Стб. 1029.

²² Материалы отпуски миссии свидетельствуют о двух приемах «у руки»: 1) 18 декабря — царем Петром I только одного Нефимонова, 2) 21 декабря — царем Иваном V всего состава посольства. См.: ПДС. Т. 7. Стб. 1049–1050. В статейном же списке зафиксирован лишь один общий прием обоими царями 21 декабря всего состава посольства, который в реальности, судя по всему, не состоялся. См.: ПДС. Т. 8. Стб. 2.

²³ ПДС. Т. 8. Стб. 2–46.

Еще находясь в Польше, 20 февраля, дьяк получил из Москвы дополнительные инструкции (указная грамота от 25 января) о ведении переговоров, которые разъясняли сроки предполагавшегося союза. Нефимонов должен был представить ситуацию таким образом: союз в первую очередь нужен самим австрийцам, поэтому все инициативы ожидаются с их стороны. Царский дипломат должен был спрашивать о том, на сколько лет и на каких условиях император хочет вступить в союз. В случае положительного ответа предлагалось рассмотреть предложения австрийцев и лишь затем давать «изволение наше» о союзе. В начале требовалось вести речь только о двухлетнем договоре, затем, если возникнет жесткое давление с противоположной стороны, согласиться на 3 года и стоять «накрепко». Можно было даже запрашивать отпуск для возвращения в Москву, но в последний момент, при давлении со стороны австрийцев, соглашаться на 4-летний союз, «а буде и в том заупрямятся ж и совершенно откажут, и ты б по последней мере прибавил пятой, а затем, поизмешкав, и шестой, а по самой конечной и последней мере и седмой год». Все условия должны были соответствовать тайным статьям и не иметь «лишней тягости» для России. После подписания союза не допускались какие-либо тайные («под покровом особно») переговоры с неприятелем и заключение сепаратного мира. Обо всех полученных мирных предложениях от дипломатов врага или посредников требовалось немедленно информировать союзников. Обязательно следовало указать (как по запросу австрийцев, так и без него), что включение в союз Польши не требуется, так как польский король и так уже союзник и цесарю, и царю (с 1686 г.). После «поставления» договора и обмена «крепостями» «за руками и за печатями» (теперь мы видим разрешение на подписание трактата) необходимо было оговорить обязательное наступление цесарских войск «в пребудущую весну»²⁴.

За все время пребывания в Вене (с 19 марта 1696 г. по 14 февраля 1697 г.) К.Н. Нефимонов провел более двух десятков встреч и «разговоров» с вельможами и дипломатами Австрии и Венеции, из них 11 официальных съездов с «ответными министрами» во главе с канцлером Чешского королевства графом Францем Ульрихом Кинским (Franz Ulrich Kinsky). Кроме того, посольство участвовало в двух официальных аудиенциях при цесарском дворе — на приеме (30 марта 1696 г.) и отпуске (6 февраля 1697 г.) и в одной «приватной» встрече с цесарем (7 октября 1696 г.).

Обо всех происходивших встречах, о разведанной информации, циркулировавших слухах и пр. Нефимонов еженедельно докладывал в Москву. Ответные послания, начиная с конца апреля 1696 г., он получал 1–3 раза в месяц. Основные проблемы, обсуждавшиеся на переговорах, заключались в определении срока действия союзного договора (варианты — от 3 до 7 лет или бессрочного до окончания войны) и установлении состава союза. Затрагивалось и множество иных тем. В дальнейшем при описании хода переговоров нами будет использоваться не хронологический, а проблемный подход.

Вопросы общего характера союзнических взаимоотношений удалось решить без особых разногласий на втором и третьем съездах (5 и 20 мая). Было определено, что каждый союзник организует боевые действия у собственных границ с общим врагом, а в мирных переговорах и договорах обязуется «вмещать» соратника. Вместо создания общих армий (возможных при другом способе взаимодействия) требовалось согласно совершать походы собственными войсками «как удобнее и где воз-

²⁴ПДС. Т. 7. Стб. 1059–1064.

можно будет». Наступательные операции полагалось проводить ранней весной «во едино время» с союзниками для рассредоточения «силы неприятельские». На четвертой конференции (15 июня) было озвучено принципиальное согласие цесаря на союз с царем, а на седьмой (4 сентября) — о равенстве действий обеих сторон при наступлении и оказании помощи²⁵.

Некоторую дискуссию вызвало установление инициатора проведения переговоров, который должен был первым предъявить условия союзного соглашения²⁶. Австрийцы предлагали обнародовать свои условия московской стороне, так как ее представитель приехал в Вену. Нефимонов же припоминал прежнее «немалое прошение» о союзе, которое озвучивали «нарочные послы» Леопольда I, ранее посещавшие Москву, и его же «думные» на встречах с послом Б.П. Шереметевым в 1687 г.²⁷

Достаточно длительная полемика возникла вокруг вопроса о полномочиях российского представителя и соответствующей грамоте. На втором разговоре 5 мая 1696 г. австрийцы попросили предъявить полномочную грамоту с «отворчатой» печатью «о договоре и письменном укреплении», поскольку союз был предложен царем. По мнению же К. Нефимонова, «полномочной особой... грамоты, сверх верющей, иной быть не для чего», так как возможность подписания соглашения (дана «вера») возложена на него, посланника, что указано в имеющемся документе²⁸. Однако российский дипломат все же послал в Москву соответствующий запрос. 19 июля Посольский приказ направил в Вену почту, где была вторая «верющая» грамота (и вновь без требуемой печати). Дело заключалось не в «непонятливости» главы дипломатического ведомства Е.И. Украинцева — указания шли с самого верха, лично от царя. Так, 4 июля из-под Азова Петр I отдал распоряжение о посылке «к цесарю о Кузме Нефимонове другой верющей грамоты» и опять «не за отворчатую печатью». В сопроводительном письме указывалась необходимость разъяснить австрийцам по их запросу о полномочной грамоте, что всем действиям посланника по новой грамоте следует в «делех... верити и постановити; а что он с ними постановит, и то от царского величества будет додержано крепко». Последнюю попытку добиться соответствующего документа представители императора предприняли 28 октября, сославшись на обычаи «всех народов» и пример венецианского посла, передавшего им свою полномочную грамоту об участии в заключении нового союза с требуемой печатью. Однако после стандартного ответа Нефимонова о «совершении» дела по «верющей» грамоте цесарские представители смирились с неизбежным и объявили, что император даже без нужной бумаги «тому верит, и договор с ним обще совершать указал»²⁹. Представляется, что данную ситуацию можно объяснить разными причинами, одной из которых, возможно, являлся низкий ранг дипломата. Видимо, полномочную грамоту в соответствии со своим статусом могли использовать только полномочные послы или в крайнем случае чрезвычайные посланники.

²⁵ ПДС. Т. 8. Стб. 105, 117–118, 147–150, 241.

²⁶ В дипломатических переговорах, как известно, ключевой задачей сторон является выяснение намерений и диапазона возможностей оппонентов, из чего выявляется граница вероятных уступок по тому или иному вопросу. Соответственно первый участник, озвучивший свою позицию, оказывался в заведомо невыгодных условиях.

²⁷ Там же. Стб. 77–79, 88, 104–105, 110–111.

²⁸ Там же. Стб. 110–111.

²⁹ ПДС. Т. 7. Стб. 1122, 1132; ПДС. Т. 8. Стб. 338–339.

Наибольшую же сложность на переговорах вызвало установление длительности действия союза. Остановимся на этом вопросе подробнее. Согласно тайному наказу и указной грамоте от 25 января 1696 г., Нефимонов должен был соглашаться на любой срок от 3 до 7 лет, настаивая на минимальном варианте (3 года). Начиная с первой беседы с «цесарскими» министрами 3 апреля 1696 г., дьяк постоянно запрашивал позицию Вены о сроках и условиях соглашения, стараясь транслировать оппонентам инициативу проведения переговоров: вступит ли цесарь «во временной союз на турка и на татар, и на много ль лет, и на каких статьях»³⁰? Однако переговорный процесс пошел по незапланированной траектории: на второй и третьей встречах австрийцы сумели дистанцироваться от обнародования конкретных сроков, призвав посланника озвучить российский вариант. По их мнению, сторона, которая направила дипломатическую миссию, первой должна была предъявить свои условия³¹.

Российский дипломат был вынужден первым (5 мая) озвучить свой вариант длительности союза — 2–3 года. Австрийские представители сразу же, не излагая своей официальной позиции, назвали срок слишком малым. При этом делегаты уточнили, что это неофициальная точка зрения и без распоряжения Леопольда I они предметно обсуждать ситуацию «не смеют». Нефимонов в свою очередь указал на легкость продолжения соглашения в случае необходимости через дипломатическую пересылку³².

На четырех следующих встречах (15 и 30 июня, 25 июля, 4 сентября) австрийцы отказывались озвучивать собственные условия об «урочных годах» до получения мнения союзников по Священной лиге — Венеции и Польши, которых они информировали об идущих переговорах после третьего съезда³³.

На седьмом съезде (4 сентября) Нефимонов пошел навстречу австрийцам, недовольным малым сроком предложенного союза, и объявил о согласии Петра I на заключение 7-летнего соглашения³⁴. Дело в том, что с почтой 28 августа, отправленной из Москвы 22 июля, он получил грамоту, где было написано: «...а самому б тебе, будучи в ответе, цесарским думным людем временной союз объявить по последней мере на семь лет»³⁵. Очевидно, что это было ответом Посольского приказа на информацию дьяка о недовольстве австрийцев коротким сроком договора. Нефимонов же посчитал это распоряжением выставить именно семилетний срок — не больше и не меньше. Заблуждение посланника не совсем понятно, так как такая же фраза использовалась в указной грамоте от 25 января 1696 г. (см. выше), которую он в свое время трактовал без каких-либо ошибок.

Первая официальная позиция австрийской стороны, поддержанная присутствовавшим на встрече венецианским послом Карло Рудзини (Рущини, Carlo Ruzzini), была озвучена на восьмом съезде, состоявшемся 28 октября 1696 г.³⁶ Министры

³⁰ ПДС. Т. 8. Стб. 67–79.

³¹ Там же. Стб. 104.

³² Там же. Стб. 106, 118, 127–128.

³³ Там же. Стб. 122, 151.

³⁴ Там же. Стб. 240.

³⁵ ПДС. Т. 7. Стб. 1098. Важно осознавать, что формулировки таких документов основывались на прямых указаниях монарха, а не являлись плодом творчества служащих Посольского приказа. Прочитанная грамота дословно повторяла фразу из указа Петра I, отправленного из Азова 4 июля: «А к Кузме в его В[еликого] Г[осуда]ря грамоте написать велено, чтоб он по последней мере временной союз на семь лет объявил» (Там же. Стб. 1133).

³⁶ На тот момент венецианский посол в Вене К. Рудзини получил полномочия на ведение переговоров с русским посланником о совместном союзе.

императора, сославшись на получение информации от союзников, неожиданно для русского дипломата объявили о решении заключить союз на 3 года. Все прежние аргументы о неудобстве «малых лет» были благополучно «забыты», а возможность продления соглашения «через обсылки», в случае продолжения войны сверх данного срока, аргументировалась словами самого же Нефимонова от 20 мая. Старые слова (второго и третьего съездов) объяснялись сказанными «от себя в прикладе, а не в крепость» (то есть для примера) и не имевшими значения без учета позиции союзников. Реальной причиной перемены позиции «цесарцев» явилось сворачивание войны Франции против Аугсбургской лиги³⁷, что было озвучено ими в конце разговора: «...всех союзников ныне приходит со французским королем к миру, и надеются они тому совершения вскоре». Это вело к переброске австрийских войск, ранее занятых в Европе, на восток и ускорению поражения Османской империи, что сокращало и необходимое время наступательного союза³⁸. Посланник же, ошибочно полагая семилетний период единственным возможным, продолжал упорствовать, постоянно апеллируя к прежним словам самих австрийцев («выводил министром прежние их речи») о «мало надежности» короткого срока. О новых условиях Нефимонов немедленно сообщил в Москву.

Дальнейшие переговоры зашли в тупик, так как каждая из сторон настаивала на своей позиции, не желая рассматривать другие варианты. Австрийцы начали грозить «отпуском» посланника в Москву. К Нефимонову несколько раз приходил царский переводчик Адам Стилла (Свейковский, Швейковский), который озвучил требования канцлера завершить дела и подписать трехлетний договор. Как альтернатива был предложен вариант с заключением бессрочного союза³⁹.

На девятом съезде (21 декабря) представители императора предприняли попытку «разрешить» затруднение и, чтобы «в летех несогласие успокоить», окончательно предложили не писать в будущем трактате какой-либо конкретный срок. Австрийцы, поддержанные венецианским послом, утверждали, что, узнав о бессрочном трактате, и турки «устроятся и недолго будут воеваться», и французский король «ныне ж помирится», и в целом «как договор совершится, то у неприятелей иное намерение будет, а в замыслах своих ослабеют». Продолжив давление, 2 января 1697 г. «секретарь посольских дел» Долберк привез «образцовую запись» договора, в котором цесарь «изволил» с великим государем в союзном обязательстве быть как «с протчими союзники... а временные лета объявленные обоих сторон отложил»⁴⁰.

Нефимонову новый вариант подходил еще меньше, поскольку он не имел полномочий заключать бессрочное соглашение. Пребывая в полном смятении, дьяк отговаривался ожиданием дополнительных инструкций из России, которые были получены 8 января 1697 г. В них посланнику напоминали, что вся информация о сроках была прописана еще в наказе и дело он совершает «не гораздо» (плохо). Когда 28 октября будущие союзники предложили 3-летний срок, то надо было его принимать (как в наказе указано), а он же «больши описавался, а то дело не сделал». Союз

³⁷ Война Аугсбургской лиги и Франции (война за Пфальское наследство) длилась с 1688 по 1697 г. Она началась Людовиком XIV, рассчитывавшим на отвлечение сил Священной Римской империи в Великой турецкой войне. В результате Леопольд I с 1689 г. был вынужден воевать на два фронта, сосредоточив основные силы против европейского неприятеля. Окончание же войны в Европе снимало эту проблему.

³⁸ ПДС. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 340–344.

³⁹ Там же. Стб. 343–344, 362–363.

⁴⁰ Там же. Стб. 376–383, 390.

«без урочных лет» однозначно отвергался, о нем даже не надо было посылать запроса в Москву. Возвращаться без подписанного соглашения категорически запрещалось. Переговоры требовалось завершить максимально оперативно, не допустив «нарочной... посылки» австрийского представителя в Россию. В противном случае — при делегировании цесарского дипломата — ситуация бы вновь затянулась «в многую проволочку и трудность»⁴¹.

Оказавшись в безвыходной ситуации (предписания монарха были однозначными), Нефимонов активизирует контакты с австрийской стороной, направляя многочисленные послания «не по одно время» о совершении «союзного дела» на 3 года. 16 января 1697 г. на последней (десятой) встрече с министрами состоялся крайне жесткий разговор. Посланник заявил о невозможности игнорировать указ царя о 3-летнем соглашении. В ответ австрийцы «говорили и стояли крепко и упорно» за отказ от урочных лет, активно апеллируя к польским договорам (Вечного мира и Священной лиги⁴²), которыми раньше пренебрегали, и «отпираясь» от своих слов на 8-м разговоре. В конце концов русский дипломат ультимативно отказался от обсуждения бессрочного союза. Нефимонов раскритиковал непостоянство и двусмысленность действий оппонентов, которые «чего сами просили, то отменяют», вызывая подозрения, что имеют «не правдивым сердцем к союзу желание». В случае отказа в заключении союза «вскоре и немедленно» или «буде для какова вымыслу... своим упрямством и в речах непостоянством то дело опустят», дьяк грозил прекращением всего переговорного процесса. В конце концов после консультаций австрийских представителей со своим сюзереном и переговоров с К. Рудзини было решено «союз учинить» на 3 года⁴³.

Еще одним камнем преткновения на переговорах стало установление состава нового объединения. Согласно первоначальному замыслу Петра I (по наказам), союз должен был носить исключительно двусторонний характер, связывая лишь Московское царство и Священную Римскую империю. 20 мая 1696 г. (третий съезд) на запрос канцлера о включении в договор других участников войны с Османской империей К.Н. Нефимонов заявил об избыточности таких процедур, поскольку польский монарх уже имеет действующие трактаты с царем и цесарем, а Венеция связана соглашением с Австрией и поэтому должна участвовать в войне до победы «по прежней крепости с цесарским величеством». При этом дьяк сразу же оговорился, что о Венеции не имеет каких-либо предписаний и говорить о ней не будет⁴⁴. В дальнейшем, до получения новых указаний из Москвы, Нефимонов во время официальных встреч придерживался озвученной аргументации.

Австрийские представители почти сразу показали твердую заинтересованность во включении Венецианской республики в предполагаемую конвенцию. 25 июля на шестом съезде министры настойчиво напоминали о Венеции и указывали, что без разговора (и полномочий) о ней «и договору союзному статись невозможно». И ситуация здесь определялась не только свободной волей Вены: по словам «цесаревых ближних людей», К. Рудзини в беседе сообщил Леопольду I, чтобы он «один без них

⁴¹ ПДС. Т. 8. Стб. 394–395.

⁴² Договор, юридически закрепивший союз (Священную лигу) между Священной Римской империей, Речью Посполитой и Венецианской республикой, был подписан 5 марта 1684 г. в Линце без указания срока действия. Его продолжительность определялась длительностью Великой турецкой войны. К участию в союзе приглашались все христианские страны.

⁴³ ПДС. Т. 8. Стб. 397–400.

⁴⁴ Там же. Стб. 119–120.

с царским величеством в союз не вступал, а естли учинит, то они будут свободны» (то есть Венеция угрожала денонсировать прежние соглашения).

26 августа венецианский посол во время личной беседы указал посланнику на недовольство его страны отсутствием упоминаний о ней в предложениях о союзе, «будто б война их против турок неприятна и царскому величеству не надобна». 4 сентября на седьмом съезде Нефимонов наконец сообщил о согласии царя с пожеланием императора, «дабы в союзе... быти б и светлейшей Речи Посполитой и Венецкой»⁴⁵. Прийти к такому решению после продолжительного ожидания посланник смог, лишь получив долгожданный ответ из России.

Сложность решения вопроса о включении в договор Венеции объясняется исключительно трудностью пересылок Нефимонова с царем. Так, запрос о Республике Св. Марка он сделал еще в отписке, направленной в Москву 24 мая 1696 г. с отчетом о третьей встрече. Письмо получили в Посольском приказе 27 июня и переслали в Азов. Оттуда 16 июля последовал указ царя о составлении грамоты «о призывании их венетов во временной общей... союз» и предписание посланнику, чтоб он «с венетом чинил договор так же, как и с цесарем чинить велено». По получении почты от Петра I в Посольском приказе подготовили две официальные грамоты с большой печатью (к «князю венецийскому» и к «цесарскому величеству») и грамоту дьяку. Все это отправили из Москвы 30 июля. Только 4 сентября пакет с документами достиг Вены. Таким образом, лишь спустя 3,5 месяца после запроса русский дипломат получил согласие на включение в договор третьего союзника⁴⁶.

Ситуация с Польшей оказалась сложнее. Первоначально и австрийцы, и русский дипломат скептически оценивали военный и союзнический потенциал поляков. Обе стороны отмечали, что те уже давно не участвовали в реальных боевых действиях. Король только «обнадеживает» словами, «а на деле ничего нет и впредь не чаает». Австрийцы выражали особое недовольство тем, что польский монарх привечал их «явнаго и главнаго недруга» — французов. При этом «выграждать» поляков из старых союзов никто не собирался: «пусть де хотя именем союзник». Картина несколько изменилась после получения 13 июня в Вене известия о смерти короля Яна III Собеского, скончавшегося 7 (17) июня 1696 г. Переговорив 30 июня на пятом съезде о совместных шагах по влиянию на выборы нового правителя Речи Посполитой, на шестой встрече представители цесаря вскользь обозначили видение более широкого состава конвенции: «...при нынешнем общем союзе таких славных четырех союзников». Австрийцы полагали, что без видимого подтверждения поляками обязательств в войне в период бескорольевья следовало опасаться их полного выхода из союза, а в случае победы ставленника французской партии — возможного перехода на сторону неприятеля. Известия, пришедшие в сентябре из Варшавы, констатировали негативные для противников Турции настроения в стране: «Они и впредь не хотят обще воевать, и от сего союзу отманиваются и не обязываются». Однако К. Нефимонов, не получив ранее четкого посыла от австрийцев, лишь 13 сентября послал в Москву запрос о Польше (направив такой запрос одновременно с венецианским, он уже к началу осени мог бы иметь полный карт-бланш по составу союза)⁴⁷.

⁴⁵ ПДС. Т. 8. Стб. 122, 172–175, 208, 238–239.

⁴⁶ ПДС. Т. 7. Стб. 1086, 1122, 1135; ПДС. Т. 8. Стб. 134, 226, 230.

⁴⁷ ПДС. Т. 8. Стб. 107–108, 123–124, 146, 177, 268, 283.

Напрямую о необходимости вхождения Речи Посполитой в новый союз министры императора заговорили на седьмом съезде (4 сентября). Они предложили «написать и вместить» поляков, что позволит прежние договоры с ними обновить и «ствердить», и тогда отговариваться от продолжения войны им «будет нечем и стыдно». На повторные возражения посланника об отсутствии полномочий по Польше и о наличии старых соглашений представители императора предложили вписать оговорку, чтоб всем прежним договорам «быти в своей силе и мочи во всех статьях, и точках и обязательствах... вечно, так как они ныне есть». И хотя дьяку уже казалось «то их разсуждение и царского величества стороне не вредительное», но без указа царя сделать это он не мог. Давление австрийцев и подключившегося к ним венецианского посла продолжалось всю осень и особенно усилилось с 28 октября (восьмая встреча), когда было объявлено о решении Леопольда I «союз к совершению приводить и Полскую Речь Посполитую тут же вместить». 20 ноября на встрече с канцлером Ф.У. Кинским обстановка разрядилась, когда дьяку было вручено «последнее» предложение. Согласно ему в договор включались лишь записи о сохранении правомочности прежних соглашений с Польшей, что выводило ее из числа прямых контрагентов соглашения⁴⁸.

Для К. Нефимонова спорная ситуация по польскому вопросу была снята с получением 19 декабря разрешения в царской грамоте, отправленной из Москвы еще 3 ноября. Формулировка согласия отличалась витиеватостью и носила косвенный характер. По мнению царя, так как у него «с поляки учинен мир и союз вечной», то «болши того крепить и инако писать невозможно». Но если император изъявляет желание «их поляков вписать в ту ж крепость», то в том Петр I «полагается на волю его цесарского величества». Решение было объявлено на девятом съезде (21 декабря), однако оно не вызвало особой радости у австрийцев, так как, по мнению канцлера Кинского, «та де статья уже вершена» на личной встрече с ним 20 ноября⁴⁹.

Трехмесячное путешествие посольства Нефимонова зимой 1695–1696 гг. (обусловленное неблагоприятными погодными условиями) и, как следствие, позднее прибытие в Вену (19 марта) дезавуировали дополнительное задание посланнику обеспечить срочный приезд в Россию австрийских «инженеров и подкопщиков». Требование способствовать их выезду «нынешним зимним временем, не испоздав», утратило свою актуальность, так как еще 25 января (4 февраля) 1696 г. Леопольд I направил в Россию необходимых специалистов. Согласно предписанию, они должны были собраться в Нижней Венгерской земле 15 (25) февраля и затем следовать через Польшу «без замотчания»⁵⁰. По просьбе царя, изложенной в грамоте от 27 октября 1695 г., их приезд ожидался до начала весны⁵¹. Однако австрийцы не

⁴⁸ПДС. Т. 8. Стб. 237, 242–243, 245–246, 260–261, 338, 364, 366. О польском вопросе на русско-австрийских переговорах в Вене подробно писал современный польский историк Яцек Бурдович-Новицкий. Ср.: *Burdowicz-Nowicki J. Piotr I, August II i Rzeczpospolita. 1697–1706. Kraków, 2010. S. 43–59.*

⁴⁹Грамота от 3 ноября была написана на основании указа царя от 30 октября 1696 г., появившегося с почти двухнедельной задержкой, так как послание от дьяка от 13 сентября было доставлено в Москву только 17 октября. См.: ПДС. Т. 7. Стб. 1184–1188; ПДС. Т. 8. Стб. 380–381.

⁵⁰Грамота Леопольда I, извещающая об отправке специалистов, датирована 4 февраля 1696 г. (по новому стилю). Она была получена в Москве 14 марта 1696 г. через русского резидента в Польше Бориса Михайлова, который также переслал дополнительную информацию о предполагавшемся маршруте движения инженеров. См.: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1696 г. Д. 3. Л. 1–12.

⁵¹РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1695 г. Д. 2. Л. 10 (черновой отпущк).

особенно торопились: лишь 15 мая 1696 г. они достигли Смоленска и 30 мая въехали в Москву, затратив на дорогу чуть менее 4 месяцев. По прибытии же в лагерь под Азовом еще через 40 дней (11 июля) они объяснили свою задержку недостаточной информированностью в Австрии о новом походе. По их мнению, «русский посланник в Вене Кузьма Нефимонов совсем не был осведомлен о военных действиях под Азовом»⁵². Однако очевидно, что «неведение» К. Нефимонова не играло никакой роли в причинах задержки «инженеров и подкопщиков». К 19 марта, когда посланник прибыл в Вену, прошло уже 2 месяца с момента их отъезда в Россию, соответственно больше половины пути должно было быть пройдено. Первые вопросы дьяку о положении на театре боевых действий были заданы лишь на третьей встрече 20 мая, то есть когда специалисты уже проехали Смоленск. Желательные сроки прибытия — «зимним путем» — были указаны еще в грамоте от 27 октября. Таким образом, длительность поездки (от Вены до Азова — за 5,5 месяцев) можно объяснить исключительно нежеланием австрийцев спешить.

21 августа 1696 г. К. Нефимонов получил новое задание по организации найма и отправления в Россию венецианских мастеров по строительству и управлению гребным флотом (указ из Азова отправлен 24 июня, грамота из Посольского приказа — 11 июля)⁵³. Последовавшие длительные переговоры и согласования были вызваны желанием специалистов получить значительные авансовые выплаты, а также письменные гарантии соблюдения условий найма и обратного выезда из Московского царства⁵⁴. Посланник сумел в конце концов обеспечить их приезд в Вену, а затем — отбытие в Москву 11 ноября 1696 г. в сопровождении подьячего Семена Иванова⁵⁵.

Во время переговоров обсуждались и другие вопросы: информация о ведении боевых действий и их интенсивности, захват Азовской крепости; смерть царя Ивана V, соправителя Петра I; предстоящие выборы в Польше из-за кончины Яна III Собеского и выдвижение на них консолидированного кандидата.

После десятого съезда (16 января 1697 г.) некоторое время заняли «многие обсылки» с целью согласования текстов соглашения и условий его подписания. По настоянию австрийской стороны были созданы три одинаковые копии документа на латинском языке (все попытки дьяка составить один экземпляр на русском языке были отвергнуты). Подписание трехстороннего союзного договора с подтверждением сохранения прежних соглашений с Речью Посполитой (четвертым участником войны с Турцией) состоялось 29 января (8 февраля) 1697 г. на фактически одиннадцатом общем съезде дипломатов⁵⁶. Встреча прошла в доме фельдмаршала («полевого маршалка») графа Э.Р. Штаремберга, одного из австрийских уполномоченных, который из-за болезни был затруднен в передвижении. От России трактат подписал Нефимонов, от Священной Римской империи — чешский канцлер Ф.У. Кински, римский подканцлер граф С.В. Цейль и вышеупомянутый Штаремберг, от Венеции — полномочный посол К. Рудзини. Поздравив друг друга с «святого союза совершением», стороны обговорили формат ратификационных («подтверженных»)

⁵² *Богословский М.М.* Петр Великий: материалы для биографии. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 — 9 марта 1697 / отв. ред. С.О. Шмидт, подгот. текста А.В. Мельникова. М., 2005. С. 325.

⁵³ ПДС. Т. 7. Стб. 1081–1086, 1130–1131; ПДС. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 193, 196–197.

⁵⁴ ПДС. Т. 8. Стб. 291.

⁵⁵ *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. С. 29–31.

⁵⁶ В документах данная встреча особым образом не выделяется и не нумеруется.

документов: «...писаны... по тетратному, а запечатаны отворчатými печатьми». Для ускорения процесса обмен этими грамотами должен был произойти в Варшаве не позднее 4 месяцев с момента подписания договора через послов-резидентов всех трех государств, находившихся в польской столице⁵⁷.

Текст трактата состоял из обширной преамбулы, семи основных статей и заключения. В вводной части кратко освещалась предыстория подписания конвенции (просьба царя к цесарю о наступательном союзе, пересылка цесаря с союзниками, получение разрешения от Польши и полномочий для венецианского посла) и перечислялись уполномоченные для подписания документа лица. Базовые пункты содержали следующие условия.

1. Договорившиеся стороны обязались воевать с турками и татарами своими войсками, атакуя их «к преломлению и разбитию сил» и наступая на суше и на море «силами сколько можно болшими».

2. Стороны должны информировать друг друга о намерениях и совершаемых наступательных действиях, а «во время творения мира» заботиться не только о своей выгоде, но и о союзниках.

3. Ни один из союзников не должен соглашаться на прекращение войны друг без друга. Если же турки будут вступать в переговоры с кем-то одним, то разрешалось выслушивать условия и начинать контакты, одновременно извещая обо всем союзников «без мешкоты». В идущий диалог требовалось «вместить» всех остальных, постоянно информируя их о происходящих событиях.

4. В случае активного наступления врага на государство одной из сторон, остальные должны немедленно оказать помощь и атаковать неприятеля для отвлечения его внимания.

5. Союз заключен на 3 года со дня подписания. Оговаривалась возможность его продления через переговоры.

6–7. Новое соглашение ничего не меняет как в прежнем «Священном союзе» цесаря, Польского королевства и Венецианской республики, так и в договоре между Россией и Речью Посполитой 1686 г.⁵⁸

По нашему мнению, данный договор следует рассматривать как трехсторонний. Польшу нельзя считать его полноценным участником. Хотя 28 октября примас Королевства Польского кардинал А.М. Радзеевский «имянем сенату и всей Речи Посполитой тот союз учинить и за себя вписать вручил цесарскому величеству» и прислал о том письмо за государственною печатью, австрийцы 20 ноября, устав от несговорчивости русского посланника, постановили не указывать напрямую поляков как четвертую сторону. В итоговом тексте трактата четко обозначены три государства-участника и отсутствует указание на подписание его за поляков (они только дали «союзу толь полезному соизволение», то есть разрешение, чего с мая по октябрь и ожидала австрийская сторона). Специально удостоверяется, что прежние договоры остаются «в своей силе и во учиненных не порушимо». Ратификационными («подтвердительными») грамотами обменивались тоже только три страны.

Итогом переговоров можно считать образование следующей системы соглашений, регулирующих антитурецкую коалицию: 1) «Святой союз» между папой Римским, Австрией, Венецией и Польшей (бессрочный — до победы), 2) «Вечный мир»

⁵⁷ ПДС. Т. 8. Стб. 407–411, 419.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1695 г. Д. 3. Ч. 2. Л. 514–522.

с оборонительным (без срока действия) и наступательным (до конца войны) союзами между Россией и Речью Посполитой, 3) «Венский союз» между Австрией, Россией и Венецией (на 3 года, с возможной пролонгацией). Сохранение действенности первых двух союзов оговаривалось в пунктах 6 и 7 договора от 29 января (8 февраля) 1697 г.⁵⁹ Подтверждает данную позицию и благодарность кардинала Радзеевского, которую он высказал на личной встрече с русским посланником при его проезде через Польшу на пути в Россию 3 марта 1697 г.: «...в тех договорах и их осиротелая Речь Посполитая не забвенна»⁶⁰.

В целом переговоры значительно затянулись по времени, продлившись почти год вместо 5–6 месяцев. Причины, на наш взгляд, заключались как в нечетком понимании К.Н. Нефимоновым поставленных перед ним задач и предоставленного «поля возможностей», так и в менявшейся международной обстановке, которая толкала австрийцев на периодическое изменение собственных предложений. Хозяева ко всему прочему постоянно затягивали переговорный процесс, на что обратил внимание и сам посланник⁶¹. Наиболее ярко это показывает тот факт, что представители цесаря впервые озвучили срок возможного союза лишь 28 октября 1696 г., то есть через 8 месяцев после приезда дьяка в Вену. Сам русский дипломат регулярно требовал отпустить его обратно в Москву, на что получал в ответ как отказы (на встречах 15 июня, 4 сентября, 21 декабря), так и согласие (25 июля), которое не было реализовано. Например, 15 июня министры Леопольда I говорили, что не могут разрешить отъезд Нефимонова без «ответов» союзников, а его пребывание в Вене полезно для дела, поскольку «неприятель, слыша о ссылках и о братцкой крепкой с царским величеством дружбе, страх имеет, и не так напирает». Иногда сами австрийцы грозили отсылкой посланника из Вены, в другой раз, наоборот, обещали, что «без совершения договору, не отпустят», так как «вся де Европа ожидает того»⁶².

Сыграла свою роль и достаточно длинная цепочка в логистике пересылок между посланником, Посольским приказом в Москве и Петром I, находившимся до осени 1696 г. в походе под Азовом. Почтовые отправления, связанные с запросами дьяка по тому или иному поводу и получением им соответствующих грамот с решениями монарха, проходили длинный путь: Нефимонов писал в Москву (почта шла чуть больше 1 месяца) — Посольский приказ направлял послания царю под Азов (2–2,5 недели) — Петр I принимал решение, которое формулировалось в виде указа и посылалось обратно в Москву (2–2,5 недели) — Посольский приказ готовил и высылал почту в Вену (1 месяц). Таким образом, между запросом Нефимонова и получением им ответа проходило не менее 3–3,5 месяцев (по возвращении государя в столицу процесс ускорился и стал занимать около 2–2,5 месяцев). Следует добавить, что в Азове подручным монарха по международным делам выступал Н.М. Зотов, который, по мнению М.М. Богословского, позже заведовал походной канцелярией⁶³.

⁵⁹ ПДС. Т. 8. Стб. 337, 380, 408, 418.

⁶⁰ Там же. Стб. 447. Мы понимаем данные слова прямо, то есть кардинал «поздравлял постановленным у царского величества с цесарским величеством новым союзом» и выражал признательность, что в этом трактате упоминались действующие соглашения всех союзников с Польшей.

⁶¹ Там же. Стб. 134–135.

⁶² Там же. Стб. 153, 383.

⁶³ *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 4 / под ред. В.И. Лебедева. М., 1948. С. 46.

Именно он, как писал сам Петр I, выступал посредником между царем и Посольским приказом, получая от Е.И. Украинцева сообщения о различных делах⁶⁴.

Случались и непредвиденные обстоятельства, говорившие о низкой надежности существовавшей системы доставки дипломатической почты. Одним из таких примеров стала пропажа почты, отправленной из Москвы 6 июня 1696 г. Нефимонов узнал об ее исчезновении 21 августа, когда получил следующую депешу, посланную из Посольского приказа 11 июля. По его мнению, бумаги были «утаены и задержаны» при их провозе через Польшу⁶⁵. Подозрения Нефимонова оказались беспочвенными. Еще 3 августа отвечавший за почтовое сообщение в Смоленске переводчик Иван Кулбацкий сообщил, что почта от 6 июня в его город из Москвы не приходила. Посольский приказ провел тщательное расследование, показавшее, что сумку с диппочтой захватили «воровские люди» в пяти верстах от Можайска. При этом выяснилось, что вместо почтаря корреспонденцию везли случайные люди, которые не сообщили властям об утрате документов. Все попытки отыскать пропажу оказались тщетными⁶⁶. В итоге с целью повышения безопасности системы обмена посольской корреспонденцией руководство внешнеполитического ведомства приняло решение о ее дублировании. Теперь пересылка всех бумаг посланнику в Вене осуществлялась двумя почтовыми маршрутами — через Вильно и Ригу. Первые грамоты по новой системе были отправлены 3 (виленская почта) и 6 (рижская) ноября 1696 г. Сам же Нефимонов получил указ о дублировании собственных депеш «двумя путями» 2 января 1697 г.⁶⁷

Получив на руки подписанный договор, русский дипломат на следующий день отослал через рижскую почту (виленская была отправлена еще через день — 31 января) отписку с изложением его основных условий. В Москве депеша была получена 28 февраля, то есть еще до отъезда Великого посольства (вторая почта пришла 12 марта)⁶⁸. По указу царя в Посольском приказе подготовили выписку об оформлении «подтверженных» грамот. Однако, проанализировав ситуацию, руководство ведомства в лице Л.К. Нарышкина решило отложить подготовку ратификационных документов до приезда посланника с подлинником договора⁶⁹. В итоге обмен ратификационными грамотами завершился только 12 января 1698 г.⁷⁰

Заключение Венского соглашения, как представляется, было первым опытом России в подписании многосторонних договоров. Сам посланник не осознавал все значение свершившегося события, которое вводило страну в общеевропейскую коалиционную политику. Гарантии совместного ведения войны и выхода на мирные переговоры давали России повышенный шанс сохранить приобретения, полученные в результате противостояния с Турцией и Крымом. Взаимная поддержка союзников способствовала ускоренному завершению боевых действий и признанию поражения врагов «креста Господня».

⁶⁴ ПБПВ. Т. 1. СПб., 1887. С. 89–90.

⁶⁵ ПДС. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 212–213. В каждом письме отправителя (и посланник, и Посольский приказ) обязательно указывали предшествующие почты, направленные друг другу. Что и позволяло с некоторой, правда, задержкой контролировать процесс обмена диппочтой.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1695 г. Д. 3. Ч. 2. Л. 493–497.

⁶⁷ ПДС. Т. 7. Стб. 1188; ПДС. Т. 8. Стб. 388.

⁶⁸ ПДС. Т. 7. Стб. 1260–1265; ПДС. Т. 8. Стб. 419–423.

⁶⁹ Заседание по выписке и принятию решения о переносе состоялось 16 марта 1697 г. — РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1695 г. Д. 3. Ч. 2. Л. 488.

⁷⁰ ПДС. Т. 7. Стб. 1292–1300, 1303–1305, 1311–1313, 1336–1339.

Донской театр военных действий

В историографии Азовский поход 1696 г. обычно четко отделяют от предшествующей военной кампании. Такой подход не вполне верен, поскольку в низовьях Дона оставался гарнизон Сергиева. Впрочем, следует признать, что его возможности были весьма ограничены. Осенью и в начале зимы 1695–1696 гг. это не имело особого значения, поскольку истощенный осадой Азов не мог угрожать Сергиеву. Город возглавил новый бей. Позднее один из вновь присланных в Азов янычар утверждал, что тот до избрания беом был агой у янычар⁷¹. Однако более достоверными кажутся сведения бежавшего в московский лагерь невольника, служившего в 1695 г. у янычарского сотника: «а вместо убитых бея и янычарского аги выбрали они, азовцы, и учинили беом Асана-агу, корой был начальным над бешлеями, а янычарским агою учинили чюрбачея Керима-агу, и ныне в Азове в тех чинех они же»⁷². Пленные татары говорили, что бей Асан, сын Араслана-аги, был «породы татарской» и до своего назначения жил в Азове около 30 лет⁷³.

Азовский правитель при помощи бежавшего из российского стана к туркам голландца Я. Янсена организовал возведение новых укреплений взамен разрушенных. Этим его возможности ограничились. Картина начала меняться лишь после того, как в середине января в Азов начали прибывать подкрепления. 13 января 1696 г. сыновья хана Селим-Гирея привели первый конный отряд, 16 января пришла конница Кубек-аги, а 18 и 19 числа того же месяца кафинский бейлербей Муртаза-паша и янычарский ага Осеки-ага доставили пехоту. Еще один янычарский отряд прибыл 20 января. Десять дней спустя Муртаза-паша отправился собирать дополнительные отряды в Темрюке, Тамани, Керчи, Кафе и Бахчисарае⁷⁴. Пришедшими из Крыма янычарами командовал Аджимурат-ага. По слухам, общее число присланных янычар составляло 1500 человек⁷⁵. Деятельность по укреплению Азова активизировалась благодаря тому, что сюда из Царьграда для досмотра оборонительных сооружений приезжал «бауш-чауш»⁷⁶.

В начале апреля, по сообщениям пленных, гарнизон Азова насчитывал 3,5 тыс. человек (по другим данным, 2 тыс. человек, оставшихся после прежней осады, и 800 присланных из Кафы янычар; по третьим — 1 тыс. «старых сидельцев», 500 «работных людей рвы копать» и 1,5 тыс. вновь пришедших янычар)⁷⁷. В скором времени азовцы надеялись получить и вовсе беспрецедентную помощь. По словам пленного азовского янычара, из Царьграда ожидали присылки 30 каторг, которыми должен был командовать «кабытан-паша»⁷⁸, а «везирь» Калалыкоз⁷⁹ должен был

⁷¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 219.

⁷²Там же. Л. 258.

⁷³Там же. Л. 69, 77.

⁷⁴Аваков П.А. Две твердыни: Азов и Сергиев между первым и вторым Азовскими походами 1695–1696 гг. // Война и воинские традиции в культурах народов России (V Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.). Ростов н/Д, 2016. С. 67–68.

⁷⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 51.

⁷⁶Там же. Л. 55. Чауш-баши (тур. Çavuşbaşı) — чиновник высокого ранга.

⁷⁷Там же. Л. 1–23, 51–52.

⁷⁸Капудан-паша (тур. kapdan paşa) — командующий флотом Османской империи, адмирал.

⁷⁹Бейлербей Трабзонда (тур. Kalaylıkoz Hacı Ahmed Paşa).

подойти с ратными людьми сухим путем⁸⁰. В Сергиев даже пришла ложная информация о том, что в Азов уже прибыли 5500 человек и привезли мастеров для литья пушек⁸¹.

После того как в турецкой крепости появилось достаточно людских ресурсов, в глубь российских территорий начали посылать летучие отряды. 20 января находившиеся в Азове крымские султаны и Кубек-ага отправились в поход за пленными⁸². 9 мая татарский отряд из Азова численностью в 50 человек разбил под «городком Боровским» обоз, в котором 40 казаков Харьковского полка на 50 возах ехали с запасами к Азову для продажи этих припасов в московских полках⁸³.

Увеличение численности противника делало положение Сергиева опасным. В то время как азовский гарнизон получал пополнения, в российской крепости число войск постепенно уменьшалось из-за болезней. Сергиевский воевода стольник А.Я. Ржевский просил московские власти о присылке помощи еще в начале зимы. На его просьбу откликнулись. 31 января датирован указ о посылке «на промысел под Азов» генерала-майора Карла Андреевича Ригимона с белгородскими солдатскими полками. Генералу предписывалось, дойдя до Сергиева, взять у воеводы Ржевского «полкового наряду и верховых и дробовых пушек, что к воинскому промыслу и к приступу надобно». Затем, ожидая прихода боярина и воеводы А.С. Шейна, устроить «промыслу над городом Азовым и над неприятельскими людьми». Донские казаки должны были оказывать Ригимону полное содействие. Данный указ был повторен 14 февраля как именной⁸⁴, однако фактически так и не был реализован.

1 февраля 1696 г. Петр I именным указом велел выступить в Сергиев «зимним путем наскоро» служившему в выборном полку генерала П. Гордона полковнику Томасу Юнгору с 1 тыс. тамбовских солдат⁸⁵. Однако посылка не состоялась. Имели место и другие попытки отправить помощь Сергиеву. Данный вывод можно сделать из письма Ржевского, который в начале февраля сообщал, что полковник Емельян Шлипербах (Шлиппенбах) с ратными людьми к 3 февраля в городок не прибыл и вестей от него нет. В том же послании сообщалось о приходе в Азов «многих» конных и пеших отрядов, а также что в гарнизоне Сергиева большое число больных и умерших. Воевода выражал опасения о судьбе крепости в случае нападения на нее. В ответ ему прислали указ жить в Сергиеве «с осторожностью», а донскому атаману Фролу Минаеву велели оказать помощь российскому форпосту⁸⁶.

Слухи о тяжелом положении дел в Сергиеве широко распространились. В середине февраля из Варшавы даже писали о том, что его укрепления взяты войском в 10 тыс. янычар и 30 тыс. татар. И будто бы когда «гетман казацкий ведомость тое получил, головою об стену ударился»⁸⁷.

Судя по грамоте Ржевского от 9 февраля (получена в Москве 24 февраля), к середине зимы положение дел в городе стало катастрофическим. Воевода писал, что

⁸⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 3.

⁸¹Там же. Л. 24–27.

⁸²Аваков П.А. Две твердыни... С. 68.

⁸³РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 263.

⁸⁴РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 12. Л. 37–43.

⁸⁵Там же. Л. 20.

⁸⁶Там же. Л. 45–49.

⁸⁷РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Д. 12. Ч. 1. Л. 135–136.

8 февраля из Азова вышел серб Салеко (Салейко) Николаев сын, который рассказал о приходе к туркам многих ратных людей, собиравшихся напасть на Сергиев. Казаки смогли помочь гарнизону лишь малыми силами (150 человек), поскольку многие из донцов «поехали конницей» в степь. Азовцы, пользуясь сложившейся ситуацией, стали разбирать и возить к себе спрятанные в камышах под Сергиевым струги. Используя струговой лес, османы соорудили (с 3 февраля) новые земляные валы и раскаты. Защищать спрятанные лодки Ржевский не мог из-за малолюдства. Между тем азовцы ожидали через неделю, с началом разлива Дона, новых судов с ратными людьми. Оборонять же Сергиев стало некому, поскольку те служилые люди, которые еще оставались здоровы, обессилили — караульным приходилось стоять по 7–8 суток без перемены. «И от беспокойства де такова многие помирают в день человек по трицати»⁸⁸.

Это было последнее послание воеводы в Москву. 24 февраля 1696 г. он умер. Руководство перешло к полковникам Ф.С. Толбухину, Ю.И. Бушу и подполковнику Д.А. Лежневу⁸⁹. 25 февраля они отправили сообщение, полученное в столице 8 марта. Сергиевские военачальники, опираясь на сведения вышедшего из Азова итальянца Андрея Васильева, писали, что скоро можно ожидать штурма Сергиева. В послании сергиевские командиры перечисляли части, которые так и не пришли на подмогу крепости. Помимо указанных ранее отрядов, упоминались и солдаты московского выборного полка П.И. Гордона. Дополнительную помощь (600 человек) прислали только донские казаки⁹⁰. Таким образом, если опираться на отписки командования донского городка, складывается впечатление, что его гарнизон при сколько-нибудь серьезном натиске не смог бы оказать серьезного сопротивления. Однако, несмотря на тревожные вести, штурм Сергиева не состоялся, так как азовцы оказались слишком заняты укреплением обороны города. Тем не менее само по себе «сергиевское сидение», сопровождавшееся многочисленными тяготами и лишениями, безусловно, является одной из славных страниц отечественной военной истории.

В Москве подготовка к новому походу под Азов началась практически сразу же после возвращения войск из предыдущего. Большое внимание уделялось строительству судов. Стоит согласиться с мнением П.А. Авакова, который убедительно показал, что идея создания морского флота на Азовском море появилась у царя в период первой осады турецкой крепости⁹¹. В Преображенском к февралю 1696 г. было построено 22 галеры и 4 брандера. В верховьях Дона — на его притоке р. Воронеж — в городах Воронеже, Козлове, Добром и Сокольске велось строительство 1300 стругов. Здесь же были сооружены два 36-пушечных корабля⁹².

По сравнению с 1695 г. была существенно увеличена численность войск, отправляемых под Азов. В иностранной прессе появлялась фантастическая цифра — 180 тыс. человек⁹³. Впрочем, в сообщениях из Вены со ссылкой на известие от московского посланника К. Нефимонова видим и более близкое к реальности (хотя,

⁸⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 12. Л. 56–58.

⁸⁹ Аваков П.А. Две твердыни... С. 69.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 12. Л. 69–72.

⁹¹ Аваков Р. Azov v strategicheskikh planakh tsaria Petra I, 1695–1696 gg.: Reviziia istoriograficheskoi traditsii // Cahiers du Monde russe. 2020. № 61/1–2. Janvier — juin. P. 177–204.

⁹² Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 21–35.

⁹³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Д. 12. Ч. 1. Л. 122.

возможно, завышенное) число в 80 тыс.⁹⁴ Кто-то из захваченных татарами в плен людей Лефорта рассказал им, что на Азов пришло «немец сорок тысяч, московских шестьдесят тысяч, на московских морских кораблях дватцать тысяч, да конницы дватцать ж тысяч»⁹⁵.

М.М. Богословский определяет общее количество служилых людей во втором Азовском походе в 70 тыс. человек⁹⁶. В 1773 г. В.Г. Рубан опубликовал документ, содержащий роспись войск и журнал второго похода под Азов. В нем содержатся подсчеты, указывающие, что под Азовом было сосредоточено «великороссийских и малороссийских и с калмыки ратных людей конных и пеших 64735» человек, кроме которых в осаде участвовали живущие на Дону казаки и калмыки⁹⁷. Складывается впечатление, что Богословский взял цифру Рубана, прибавил к ней число донских казаков и калмыков, участвовавших в походе 1695 г., а потом округлил получившуюся цифру до десятков тысяч. Такой подход, безусловно, дает общий порядок цифр, однако следует учитывать, что они весьма приблизительны. Так, численность полков, присланных с Гетманщины, определена в документе Рубана в 15 тыс. человек⁹⁸, между тем как Гордон отмечает, что «черкасское войско» составило около 20 тыс. человек⁹⁹. Обычно оценки Гордона довольно точны. Вряд ли он мог ошибиться столь серьезно.

Кроме того, опубликованная Рубаном роспись не дает представления о числе войск на каждый конкретный момент осады. К примеру, войска Мазепы под командованием наказного гетмана, черниговского полковника Я.К. Лизогуба подошли под Азов 17 июня, то есть почти через месяц после начала боев¹⁰⁰. Низовая конница (500 человек) появилась лишь 30 июня, фактически ближе к концу осады¹⁰¹. А 3 тыс. калмыков Аюки оказались у Азова лишь после сдачи города¹⁰². Между тем в списке Рубана все они учтены среди российских войск наравне с другими частями. Таким образом, более точную чем у Богословского оценку численности войск на данном этапе исследования дать невозможно.

О численности противника мы имеем лишь приблизительные данные. К сожалению, точное число защитников города определить затруднительно, поскольку мы не знаем, все ли данные о приходе пополнений зафиксированы источниками и насколько точны имеющиеся цифры. Вследствие этого большое значение имеют оценочные данные общей численности гарнизона. Выше уже отмечалось, что первую осаду Азова смогли пережить около 2 тыс. воинских людей. Однако ближе к концу весны их оставалось не более тысячи, причем многие из них раненые и больные¹⁰³. По сообщениям перебежчика, из оставшихся к осени 1695 г. 4 тыс. к следующей вес-

⁹⁴РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Д. 12. Ч. 1. Л. 356, 375.

⁹⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 131.

⁹⁶Богословский М.М. Петр Великий. Т. 1. С. 278–279.

⁹⁷Поход боярина и большого полка воеводы Алексея Семеновича Шейна к Азову. СПб., 1773. С. 56.

⁹⁸Поход боярина и большого полка воеводы... С. 55.

⁹⁹Гордон П. Дневник, 1696–1698 / пер., ст. и примеч. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Г. Рыженков. М., 2018. С. 36.

¹⁰⁰Поход боярина и большого полка воеводы... С. 94.

¹⁰¹Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 39.

¹⁰²Там же. С. 43, 50, 52

¹⁰³РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 52.

не от ран и болезней умерла половина. Остальные же «сиделцы», «чая впредь такого ж московских войск приходу... из Азова разбежались»¹⁰⁴. К началу осады «старых сидельцев» в Азове уже практически не было. Информаторы оценивали их число в осажденном городе в 200, 150, 100 и 20¹⁰⁵ человек. В одном случае сообщалось, что «старых сидельцев» в Азове нет вообще¹⁰⁶. Разумеется, последнее утверждение не соответствует действительности. Тем не менее очевидно, что сколько-нибудь значимое влияние на ход обороны Азова воинские люди, пережившие первую осаду, оказать не могли. Османским властям пришлось формировать гарнизон крепости заново.

В нескольких документах упоминается о том, что после сдачи Азова в 1696 г. его покинули 3 тыс. человек¹⁰⁷. Переводчик П. Вульф сообщал в своем письме, что уходили они «с несколькими женами и с детьми»¹⁰⁸. Поскольку, судя по другим источникам, гражданское население в основном покинуло город еще до начала осады, эту цифру следует признать нижней границей при определении численности осажденного гарнизона. Однако остается вопрос, насколько больше людей было в городе в начале осады, а также каково было качество этих войск. «Сказание о взятии города Азова» свидетельствует о том, что осажденные потеряли из-за обстрела 2 тыс. «боевого люду»¹⁰⁹. Если принять на веру эту цифру, то получается, что общая численность гарнизона к началу осады составляла 5 тыс. человек. Однако нет уверенности в том, что известие «Сказания» точно отражает действительность. 27 июня один из перебежчиков сообщил, что в Азове погибло и умерло 500 человек¹¹⁰. За последующие дни осады турецкие потери, безусловно, возросли, но вряд ли столь радикально.

Гордон отметил в своем дневнике, что бежавший из Азова пленный 10 июля 1696 г. сообщил, будто бы в начале осады гарнизон Азова составлял 4 тыс. человек¹¹¹. Можно предположить, что шотландец указал те данные, которые ему казались наиболее достоверными.

Следует отметить, что в распоряжение российского командования постоянно поступали сведения от перебежчиков и захваченных пленными. Порой, казалось бы, добросовестные, информаторы могли сообщать недостоверные данные, причем как завышенные (7 тыс. человек)¹¹², так и заниженные (меньше 2 тыс. человек)¹¹³. В означенном диапазоне в документах можно найти почти любую круглую цифру. Поскольку о численности турецкого гарнизона спрашивали всех выходцев и пленных, то вариантов ответа получилось множество. Приведем цифры, которые кажутся наиболее заслуживающими доверия. На кораблях, повезших в Азов жалование

¹⁰⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 257–258.

¹⁰⁵Там же. Л. 112, 257–258, 257, 155.

¹⁰⁶Там же. Л. 220.

¹⁰⁷*Богословский М.М.* Петр Великий. Т. 1. С. 329.

¹⁰⁸*Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и азовские походы. СПб., 1858. С. 494.

¹⁰⁹Сказание о взятии города Азова и о преславной победе над турки и татары... // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся / изд. Н.И. Новиковым. Ч. 16. М., 1791. С. 270.

¹¹⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 220.

¹¹¹*Гордон П.* Дневник, 1696–1698. С. 42.

¹¹²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 49.

¹¹³Там же. Л. 218.

и последнее подкрепление говорили, что в Азове находится 3,5 тыс. человек: «а слышел де от тех, которые были в Озове, и приезжали к ним на суды ради выгрузки, что в Озове служилых и всякого чина людей и с новыми присланными с полчетверты тысячи, а видели де они те силы, как озовцы против русских выходили»¹¹⁴. С учетом вновь высаженных с кораблей янычар общая численность должна была составить 4,5 тыс. человек.

Татары, чья служба была связана с Муртазой-пашой, в конце мая указывали цифры от 4 до 5 тыс. человек¹¹⁵. Пленный «поляк» из-под Львова, поступивший в янычары, а затем перебежавший в русский лагерь, сообщал, что слышал, будто бы в Азове 5 тыс. человек, но сам не видел больше 3 тыс. пеших и 20 конных¹¹⁶. Яков Янсен на допросе после окончания осады сообщил, что общая численность войск в Азове достигала 5 тыс., а к концу осады, из-за того что многие погибли при обстрелах, осталось не больше 3 тыс.¹¹⁷ Следует учитывать, что при подходе российских войск служилые люди стали разбегаться. Чтобы это прекратить, азовским властям пришлось выставить караулы¹¹⁸. Впрочем, массовым это бегство не было. Один из пленных сообщил, что служилые люди бегут из Азова «по одному человеку и по два»¹¹⁹. На наш взгляд, 5 тыс. человек — это максимальные данные, округленные в большую сторону. Реальная же цифра находилась в диапазоне от 4 до 5 тыс. человек.

Подсчеты затрудняет тот факт, что пополнения прибывали в Азов на протяжении нескольких месяцев. Первые отряды, как уже говорилось выше, подошли зимой и в начале весны, в основном из Крыма. Один из пленных янычар этой группы сообщил, что зимой по указу султана с Муртазой-пашой и Аджимуратом-агой из Крыма явилось 1500 человек¹²⁰. Качество этих войск явно оставляло желать лучшего. При допросе обнаружилось, что пленный — калека: «Да он же Усейнко увечен левою ногою, и спрашиван, для чего он выслан в Озов увечен. И он сказал, что в Крыму за малолюдством того не разбирают»¹²¹. Причина низкого качества контингентов состояла в том, что «в Кафу де хан присылал указ, чтоб ис Кафы старым янчаром в Озов, и воивода де кафинской их не отпустил для того, что бояца приходу фуркатов русских»¹²².

Отсутствие какого-либо отбора при формировании новых контингентов в Крыму подтверждают биографии двух перебежчиков из этой группы. Один из них, родом русский, был взят в плен в двухлетнем возрасте, продан в Кафе, «обусурманен», после чего сидел в лавке и бил хлопчатую бумагу. После смерти хозяина его отпустили на волю, где он кормился «тою ж своей работой и промыслом». Из Кафы он пришел в Азов, где и записался «в янычаны» ради жалования и одновременно желая «уйти на Русь»¹²³. Очевидно, что военного опыта у него не имелось. Другой случай

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 57–58.

¹¹⁵ Там же. Л. 70, 77, 86, 92.

¹¹⁶ Там же. Л. 154–155.

¹¹⁷ Там же. Л. 283.

¹¹⁸ Там же. Л. 65.

¹¹⁹ Там же. Л. 72.

¹²⁰ Там же. Л. 50–53.

¹²¹ Там же. Л. 54.

¹²² Там же. Л. 58.

¹²³ Там же. Л. 217.

кажется и вовсе вопиющим. В янычары попал православный «поляк» из-под Львова, который был взят в плен двенадцать лет назад и продан в рабство. Он «ушел» от хозяина и скитался по разным крымским городам. Беглый раб пришел из Кафы в Азов с кучук-чаушем (малым чаушем), который привел 300 турок с пятью знаменами. По утверждению перебежчика, он изначально поступил на службу, чтобы перебежать к единоверцам¹²⁴.

Пополнения, приходившие из других мест, также не отличались особым качеством. Зимой в Азов прибыли из Константинополя (Царьграда) три отряда янычар: в 100 (с «хасеки-чюлаком» Ахмет-агой во главе), 150 (с чаушем) и 50 человек. Об этом рассказал перебежчик, русский по происхождению, захваченный еще ребенком, он провел в плену около семи лет, служа сначала в Азове, а потом в Лютике у янычарского сотника¹²⁵. Информатор отметил, что вновь присланные янычары «зборные, а не прямые старинные янычары и к бою неспособны»¹²⁶. Среди вновь собранных артиллеристов также попадались случайные люди. В числе пушкарей из турецкой столицы мы видим и сына умершего купца, и раба «черкасские породы» (захваченного в двенадцатилетнем возрасте), получившего свободу после смерти этого купца. Последний перебежал в русский лагерь¹²⁷.

Весной подкрепления продолжали прибывать из разных мест Османской империи. Усейн Мустафин, крымский татарин, скорняк по профессии, пришедший в Азов «для прокормления», указал, что перед приходом московских людей в крепость приплыли из Царьграда и «из иных мест» 1,5 тыс. человек на корабле и на девяти тумбасах¹²⁸. Присланный из Анатолии янычар сообщил, что в его отряде было 500 человек¹²⁹.

Последнее крупное пополнение азовского гарнизона — янычары, которых успели высадить на берег с турецких кораблей и отправить в город при подходе русского флота к устью Дона¹³⁰. Характеристику этим войскам дал пленный, входивший в состав отряда из 30 человек, который привез в Азов казну для служилых людей: «А с воинскими припасы наперед их поезду ис Томбула посланы служилые люди из Анатолии тысяча человек, а с ними начальником урт-чауш. А збираны де те янычары все вновь. Иные из городов ва Антолии, а иные из сел иманы. И ис того де числа многие померли и бежали»¹³¹. Приехавший с этим отрядом, а затем перебежавший в русский стан серб, так же как и пленный янычар, указал, что на берег вышло 1 тыс. человек¹³². Аналогичные данные приводили беглый невольник¹³³ и пленный татарин¹³⁴. Другие информаторы независимо друг от друга доносили, что вновь прибывших янычар 1,5 тыс. человек¹³⁵, а один из беглых пленников сообщил о приходе

¹²⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 154.

¹²⁵Там же. Л. 254–258.

¹²⁶Там же. Л. 255.

¹²⁷Там же. Л. 225–226.

¹²⁸Там же. Л. 68–70.

¹²⁹Там же. Л. 108.

¹³⁰ПБПВ. Т. 1. С. 69.

¹³¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 57.

¹³²Там же. Л. 62.

¹³³Там же. Л. 64.

¹³⁴Там же. Л. 70.

¹³⁵Там же. Л. 76, 86, 150.

де 400 человек¹³⁶. Таким образом, гарнизон Азова был составлен из многих относительно небольших отрядов, собранных в разных регионах Османской империи. В числе защитников города видим беглого раба и калеку.

Одним из важных вопросов, касающихся состава азовского гарнизона, является определение численности участвовавших в обороне крепости ахреян. По утверждению «Сказания о взятии города Азова», наиболее яростными противниками идеи капитуляции города стали бывшие российские подданные, перешедшие на службу к османам: «а меж себя прят идет, одни хотят сдать, а другие хотят там помереть, а все держит немчин и охреяны наши»¹³⁷. Аналогичная информация повторяется в письмах из-под Азова, включенных в записки И.А. Желябужского¹³⁸. Относительно недавно Д.В. Сень обратил внимание на письмо современника событий Никишки Дружинина, который сообщал неизвестному корреспонденту о том, что в Азове находилось 500 ахреян, которых после сдачи города отдали донским казакам. Сень оценил обнаруженный источник следующим образом: «Это свидетельство о численности ахреян в Азове, подтверждавшее наш вывод об их действительно заметной роли в конфликте вокруг сдачи крепости, исключительно важно. Цифра в 500 чел. выглядит основательной даже на фоне сведений о 3000 турок-османов, покинувших крепость после капитуляции»¹³⁹. Тезис о важной роли ахреян в обороне города исследователь повторил и в своей недавней работе¹⁴⁰. В качестве установленного факта он вошел в специальные исследования¹⁴¹. Поддерживали его ранее и авторы данной монографии¹⁴², однако, проведя детальное исследование доступных источников, мы пришли к противоположному выводу.

Проанализированные нами источники опровергают информацию, содержащуюся в письме Дружинина. Хотя московские власти настойчиво интересовались известиями об ахреянах в Азове, самые разные информаторы не подтверждали их сколько-нибудь значимой роли в обороне города: «а раскольников казаков в Озове малое число, а кочуют они, раскольники, на Кубане»¹⁴³; «у азовского бея были три человека охреянов, и те померли, а ныне тех охреянов в Азове никого нет»¹⁴⁴; «роскольщиков, которые называются охреяны, видел он человека с четыре, а и всех сказывают только человек с восемь»¹⁴⁵.

Вопрос о русских перебежчиках встал при допросе выданного турками при сдаче крепости Якова Янсена. Он сказал, что слышал об одном перебежчике татарине.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 60.

¹³⁷ Сказание о взятии города Азова... С. 270–271.

¹³⁸ Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 290–291.

¹³⁹ Сень Д.В. Из истории борьбы России за Азов в 1695–1696 годах: участие ахреян в защите османской крепости // Меншиковские чтения — 2014: Научный альманах. Вып. 5 (12). СПб., 2014. С. 164.

¹⁴⁰ Сень Д.В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII–XVIII в.): Избранные труды. Ростов н/Д, 2020. С. 42–43 и др.

¹⁴¹ Великанов В.С., Нечитайлов М.В. Щит и меч султана: Армия Османского государства в конце XVI — начале XVIII в. М., 2020. С. 241.

¹⁴² Гуськов А.Г., Кочегаров К.Н., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 43–44.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 82.

¹⁴⁴ Там же. Л. 112.

¹⁴⁵ Там же. Л. 155.

Тогда голландцу была устроена очная ставка с «малым ахреянином» Ивашкой Федоровым, который сказал, что в Азове ахреян с 60 человек. Немчин на это ответил, что во время осады с Федоровым не встречался¹⁴⁶. Наконец, 20 июля в «Разряде посольских дел» допрашивался ахреянин, который сам пришел в русский лагерь. Он сообщил, что ушел в Азов «четвертый год», обасурманился и служил в янычарах. 19 июля, когда турки стали садиться в суда, ушел от них и пришел в табор к разрядному шатру. По его свидетельству, в Азове ахреян вместе с ним было пятеро, с турками ушло трое, а один был убит бомбой во время осады¹⁴⁷. Таким образом, находившиеся крепости в 1696 г. ахреяне были немногочисленными, не представляли собой сколько-нибудь значимого воинского подразделения и не могли существенно влиять на судьбу Азова в 1696 г.

Следует отметить, что, судя по письму Дружинина, его автор находился в Москве, далеко от стоявших под Азовом войск, и, говоря о 500 ахреянах, опирался на «вести»¹⁴⁸. Очевидно, в 1696 г. в период осады города среди осаждавших Азов служивых людей ходили слухи о том, что длительное сопротивление города связано с изменниками. Эти слухи находили отражение в письмах, отправляемых из-под Азова, а затем и в нарративных памятниках. Таким образом, известия единичных источников о важной роли ахреян во второй обороне города следует признать легендарными.

Значительные вражеские контингенты находились вне стен Азова. Начнем их анализ с данных об отряде янычар, который должен был пополнить гарнизон Азова, но не смог этого сделать. В письме Петра отмечено, что на судах турецкого флота, прибывшего 14 июня под командованием анатолийского турночи-паши¹⁴⁹, было около 4 тыс. человек¹⁵⁰. Впервые сведения о численности этого отряда привез 8 июня в татарский лагерь на Кагальнике гонец из Керчи. Российские власти получили данное известие в двух разных пересказах. Крымский татарин Бекмурза, имелдеш (молочный брат) нураддина Шахин-Гирея, сообщил о 4 тыс. человек из Анатолии¹⁵¹, однако другой татарин со ссылкой на тот же источник рассказал о 1,5 тыс. «новоприбранных» янычарах из Царьграда¹⁵². Не исключено, что в первом случае информация касалась общего числа прибывших, во втором — наиболее боеспособной части отряда турночи. Гордон упоминает о том, что с турецким военачальником прибыли 1,5 тыс. янычар и 2,5 тыс. новобранцев¹⁵³.

Подробные сведения о качестве этих войск сообщил беглый волошанин, который пробрался к Азову из Крыма через Керчь и лагерь татарской конницы на Кагальнике¹⁵⁴. Он рассказал, что на судах турночи «янычан греков, армян, сербов с че-

¹⁴⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 280–281.

¹⁴⁷Там же. Л. 292–293.

¹⁴⁸Грамотки XVII — начала XVIII века / изд. подготовили Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова; под ред. С.И. Коткова. М., 1969. С. 37–38.

¹⁴⁹Турночи-паша (тур. *turnacıbaşı*) — офицер, который занимался набором подростков из христианских семей в янычары. В большинстве работ «Турночи» рассматривается как личное имя, однако у Д.Г. Федосова звание «турначи-паша» определено как «младший начальник янычар». См.: Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 34, 263.

¹⁵⁰ПБПВ. Т. 1. С. 74–75.

¹⁵¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 132–133.

¹⁵²Там же. Л. 147.

¹⁵³Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 36.

¹⁵⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 268.

тыря тысячи человек, а слышал о том в нурадынове войске, что на тех турецких судах годных к бою насилу зберетца с тысячу человек, а иные все греки, армяне и сербы к бою не способны и битца не хотят, и на турначи-башу имеют поречение многое, что он задержал их напрасно, и мыслят они междо собою, чтоб им как-нибудь с турецких судов выти на берег и, покупя лошадей, бежать в дома свои»¹⁵⁵.

В других источниках мы встречаем крайне противоречивые сведения, касающиеся этого отряда. Взятый в плен после прихода турецкого флота татарин рассказал о 5 или 7 тыс. человек «из Анатолейские стороны», отметив, что «для славы розглошают», будто пришло 20 тысяч¹⁵⁶. Позднее данные о прибывших с турночи людях поступали неоднократно. Встречаются самые разные цифры: 500, 800, 1 тыс., 4 тыс., 5 тыс., 6 тыс., 8 тыс., а то и 11 тыс. человек¹⁵⁷. Вероятнее всего, большинство собравшихся на Кагальнике татар попросту не знали о численности приведенных турночи людей и озвучивали ходившие в лагере противоречивые слухи. Легче было оценить ту часть турецкого войска, которая высаживалась на берег.

7 июля перебежавший волошанин рассказал, что на берег высадилось 1 тыс. янычар¹⁵⁸. Пленный татарин, которого в московском лагере расспрашивали 8 июля, сообщил, что турки вышли с кораблей под 6 знаменами, а под каждым знаменем было по 50 человек с провизией и снаряжением в заплечных мешках (то есть 300 человек)¹⁵⁹. Уже 15 июля последовало сообщение о том, что турки вернулись на суда «за скудостью»¹⁶⁰. 20 июля русский выходец с Кубани информировал, что на берег выходило 5 тыс. турок, однако, узнав о сдаче Азова, вернулись на корабли¹⁶¹. Следует учитывать, что, судя по контексту сообщения, сам беглец этого отряда не видел. Возможно, что он смешал сведения о высаживавшемся отряде с данными об общем числе войск турночи. Это заставляет предполагать, что в десанте участвовало от 300 до 1000 человек. Однако в боевых действиях этот отряд в любом случае не участвовал.

С данной группой турецких войск связан еще один вопрос, требующий дальнейшего исследования. Дело в том, что изначально эту подмогу должен был привезти Калалыкоз (бейлербей Трабзона). О том, что помощь во главе с ним уже послана, российские власти получили сведения 27 мая. 3 июня говорилось, что бейлербей уже в Керчи¹⁶². Однако затем стало очевидно, что сам Калалыкоз под Азов не приедет. Об этом рассказал плененный в сражении 10 июня татарин Бекмурза: «Тому с пять лет назад, как он салтану турецкому изменил и воевал Анаталейскую страну, и салтан де турецкой писал к нему, чтоб он вину свою заслужил, собрав войска шол на выручку к Азову, а как де выручит, обещал ему учинить ево везиром. И ныне де слух про него есть, бутто он в городе Синопе, а иные говорят — в городе Тувате, иные — в Трапезоне»¹⁶³. Позднее, при сдаче города азовские власти утверждали, что именно он виноват в сдаче крепости, поскольку «послан на помощь

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 269–270.

¹⁵⁶ Там же. Л. 159–160.

¹⁵⁷ Там же. Л. 201, 198, 199, 196, 237, 213, 260, 197, 239.

¹⁵⁸ Там же. Л. 239.

¹⁵⁹ Там же. Л. 248.

¹⁶⁰ Там же. Л. 269.

¹⁶¹ Там же. Л. 287–288.

¹⁶² Там же. Л. 78, 92, 108, 109, 110, 111.

¹⁶³ Там же. Л. 135.

с самой весны в марте месяце, а за своими роскошами к ним на помощь не поспешил и опоздал»¹⁶⁴. Оценить реальное влияние его поступков на дальнейшее развитие событий сложно. В любом случае если бы гарнизон крепости был вовремя полностью укомплектован, то российской армии было бы сложнее с ним справиться, а внезапный отъезд командующего из Керчи в неизвестном направлении (вместо ожидаемого движения на помощь азовцам) не мог не ухудшить настроения в стане противника.

Основной силой, действовавшей против российских войск вне стен Азова, была конница. Состав конных отрядов был крайне пестрым. Изначально она собиралась в лагере, который кафинский наместник Муртаза-паша основал в устье р. Кагальник. Первое подразделение, появившееся под Азовом еще до прихода российских войск, состояло именно из людей Муртазы-паши. Бежавший в Сергиев весной 1696 г. тума (метис, полурусский-полутатарин) Алейко сообщил, что 1 апреля Муртаза-паша пришел под Азов с конницей (2 тыс. человек) и стал ниже Азова обозом с шестью пушками¹⁶⁵. Однако к этим сведениям следует относиться с осторожностью, поскольку другие данные, сообщенные этим информатором, оказались серьезно преувеличенными. Позднее Алейка изменил свои показания, сказав, что в конце апреля кафинский наместник пришел под Азов с 1 тыс. человек конницы и двумя пушками¹⁶⁶.

Сведения о большом отряде Муртазы-паши встречаются и в других источниках, однако расспросы людей, имевших к этому отряду непосредственное отношение, рисуют несколько иную картину. 28 мая крымский татарин, который служил во дворе Муртазы-паши, рассказал, что два месяца назад, отправляясь по указу султана в Азов для починки города, он взял с собой 100 конных служилых людей и 400 «работных» татар¹⁶⁷. Другой опрошенный в этот день татарин сказал, что с пашой в лагере конных воинов всего 300 человек «и те сборные вновь, и люди плохие»¹⁶⁸. Таким образом, оценка численности кавалерии Муртазы-паши зависела от того, воспринимал ли информатор в качестве военных тех рабочих, которые остались с пашой после того, как строительные работы остановились ввиду начала осады. Один из бежавших в русский лагерь невольников определил 300 человек из лагеря Муртазы, как «ботраков»¹⁶⁹.

9 июня на помощь Муртазе-паше пришел нураддин-султан Шахин-Гирей, которому кафинский наместник написал сразу же, как только казаки напали на стоявшие у Азова турецкие суда (20 мая). К моменту прихода помощи с пашой осталось лишь 200 человек. Вновь пришедший отряд включал 300 кубанских ногайцев, собранных нураддином, а также немного меньше 2 тыс. татар, которые были присланы ханом из Крыма¹⁷⁰. Хотя общее число воинов в лагере на Кагальнике должно было приближаться к 2,5 тыс. человек, пленные татары независимо друг от друга определяли его в 2 тыс.¹⁷¹

¹⁶⁴ Сказание о взятии города Азова... С. 276.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 34–35.

¹⁶⁶ Там же. Л. 43.

¹⁶⁷ Там же. Л. 91.

¹⁶⁸ Там же. Л. 85–87.

¹⁶⁹ Там же. Л. 65.

¹⁷⁰ Там же. Л. 127–130.

¹⁷¹ Там же. Л. 136, 153.

Дополнительные контингенты экстренно собирались на Кубани. После того как нураддин ушел под Азов, сбором войск здесь занимались два ханских сына, султаны Саваз-Гирей (Шахбаз-Гирей) и Аслам-Гирей (Ислам-Гирей)¹⁷². Постепенно к Азову подходили ногайские отряды. 18 июня пленный ногаец сказал, что всего в татарском лагере 3 тыс. человек¹⁷³. 22 июня выкупленный пленный сообщил, что число собравшихся под Азовом татар составляет 5 тыс. человек¹⁷⁴. 24 июня полоняник Илдильком Завут-мурза назвал ту же цифру, включая 500 ногайцев Кубека-аги, которых тот привел «ныне четвертый день»¹⁷⁵. Впрочем, в тот же день от пленных татар были получены и другие данные. Один указал цифру в 4 тыс. человек¹⁷⁶, а другой сказал, что «разглашают, знатно для славы, что их будто будет всех з десять тысяч, а по ево де виду насилиу будет всех с нурадыном, и с ними новоприезжими, и с Кубеком с шесть или с семь тысяч»¹⁷⁷. Несколькими днями позже бежавший с Кубани пленник сообщил, что «всех нагайцов кубанских жителей старых и малых вышло с Кубани к Азову тысяч с пять или шесть, никого служилых нагайцев на Кубани не осталось, только женки и малые ребята»¹⁷⁸. Очевидно, что общая численность собравшихся на Кагальнике к концу июня татар могла достигать 7 тыс. человек. Однако в эту цифру входили не только опытные войны, но и подростки. При этом «для славы» цифра округлялась до 10 тыс. Любопытно, что, по сведениям, полученным Мазепой от пленного татарина, хан отправил под Азов нураддин-султана с 10 тыс. человек¹⁷⁹. Очевидно, что мы имеем дело с отражением известий, разглашавшихся «для славы». В ногайских же улусах на Кубани ходили слухи, будто под Азовом собралось 20 тыс. человек¹⁸⁰. Чем дальше от места событий расходилась информация, тем менее достоверной она становилась.

Кроме крымских татар и ногайцев, в лагере под Кагальником можно было бы ожидать калмыков, черкес и ахреян. Калмыки Аюки продолжали торговать с противниками России, однако оказывать помощь Азову не собирались¹⁸¹. Один из беглых невольников рассказал, что «слышал он от нагайцов в нынешних же числах в переговоре о том имянно, что калмыки сего лета под Азов будут, только де битца ни с кем не будут, а станут смотреть того, которая сторона будет сильнее, при той стороне и оне будут»¹⁸². Это не исключало присутствия отдельных калмыков в татарских отрядах¹⁸³, однако сколько-нибудь значимой силой они не являлись. Старообрядцы, которых на Кубани насчитывалось около 300 человек, под Азов тоже не пришли, поскольку самостоятельно ходили с ногайцами для грабежа на Волгу под Саратов и под Царицын, где взяли большой полон. По данным разных источников, лишь 15 (по другим сведениям, 30 или 50) человек присоединились к отряду Кубека-аги

¹⁷²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 207.

¹⁷³Там же. Л. 157.

¹⁷⁴Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 37.

¹⁷⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 195.

¹⁷⁶Там же. Л. 200.

¹⁷⁷Там же. Л. 203–204.

¹⁷⁸Там же. Л. 208.

¹⁷⁹Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. Т. 3. 1686–1734. СПб., 1897. С. 236.

¹⁸⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 316.

¹⁸¹Там же. Л. 73.

¹⁸²Там же. Л. 105.

¹⁸³Там же. Л. 272–275.

под Азовом¹⁸⁴. Черкесов азовцы ожидали вместе с ногайцами и кумыками¹⁸⁵. Однако с 10 июня о черкесах стали сообщать, что они не придут из-за ссоры с татарами¹⁸⁶. В итоге черкесы появились в лагере на Кагальнике незадолго до сдачи города.

Выходцы и пленные постоянно сообщали российскому командованию о численности войск в татарском лагере. Цифры колебались в пределах от 4 до 10 тыс. человек. Однако с 7 июля ситуация начала меняться. Один из выходцев рассказал, что с получением известия о возможном приходе к московским войскам калмыков Аюки ногайцы стали разбегаться по 40–50 человек; а «нынешней ночью» ушло 100 человек. Кроме того, у татар кончилась провизия и начались «животные болезни»¹⁸⁷. Позднее другой выходец (волошанин) подтвердил, что татары начали разъезжаться из-за нехватки провизии¹⁸⁸.

На помощь Азову из Крыма также должен был прийти калга Девлет-Гирей с отрядом в 6 тыс. человек¹⁸⁹. Действительно, калга пришел, переправившись по морю в Тамань. Однако появился он уже перед самой капитуляцией Азова. К его приходу большая часть ногайцев уже покинула лагерь на Кагальнике. Всего в распоряжении крымских военачальников оказалось около 4 тыс. человек, включая черкесов, которые присоединились к калге в Темрюке¹⁹⁰.

Таким образом, число одновременно присутствовавшей под Азовом вражеской конницы вряд ли превышало 7 тыс. человек даже с учетом молодежи. Общее соотношение сил оставляло азовскому гарнизону крайне мало шансов на благополучный исход осады. Российская армия имела примерно шестикратное превосходство. Но главная причина поражения Азова состояла не в общем числе войск, а в их качестве. Значительную долю азовского гарнизона в 1696 г. составляли новобранцы, не имеющие боевого опыта.

Еще один важный опрос, связанный со взятием Азова, — состояние его укреплений. Этот вопрос был кратко затронут в недавней работе П.А. Авакова¹⁹¹. Между тем источники позволяют дать весьма подробную характеристику проведенных накануне осады фортификационных работ. Их организационной стороной руководил Муртаза-паша, а технической («указывал и розмеривал») — бежавший в 1695 г. из московского лагеря к туркам голландец Яков Янсен¹⁹². Один из беглых невольников сообщил, что тот получил у турок чин «топчиларь»¹⁹³.

Основная часть рабочих для возведения фортификационных сооружений была нанята Муртазой в Крыму (Керчи и Кафе), а также в Темрюке и Тамани. Их число по разным источникам составляло 300, 400 или 500¹⁹⁴ человек. Какое-то число

¹⁸⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 82, 102, 163, 165, 201, 208, 318.

¹⁸⁵Там же. Л. 72, 79, 103.

¹⁸⁶Там же. Л. 137 и др.

¹⁸⁷Там же. Л. 240.

¹⁸⁸Там же. Л. 268.

¹⁸⁹Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 42.

¹⁹⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 285–286, 289.

¹⁹¹Аваков П.А. Османский Азов 1475–1696 гг.: топонимия, планировка и фортификационные сооружения // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. № 2. С. 238.

¹⁹²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 155.

¹⁹³Там же. Л. 65.

¹⁹⁴Там же. Л. 79, 91, 52.

рабочих было прислано из центральных районов Османской империи. Так среди пленных оказался плотник-армянин, которого послали из Константинополя (Царьграда) для строительных работ в Азове вместе с двенадцатью другими мастерами, часть из которых на момент допроса уже возвратилась домой¹⁹⁵. Один из информаторов отдельно от основной массы строителей упомянул 32 мастеровых, присланных из турецкой столицы и Кафы¹⁹⁶. Очевидно, что речь идет о высококвалифицированных работниках. До прихода московских войск строители успели проработать два месяца¹⁹⁷. Работникам платили по левку (голландскому талеру) за два дня работы, что в российских деньгах составляло «по осми алтын по две денги на день» (то есть 50 коп. за два дня)¹⁹⁸.

Ремонт каменного города проводился по крайне упрощенной технологии и заключался в том, что на проломах и в разбитых местах сооружались из бревен и досок щиты, между которыми планировалось насыпать землю¹⁹⁹. Без серьезной реконструкции оставались даже ключевые точки обороны каменной крепости. В качестве наиболее яркого примера можно привести Водяную башню, разбитую во время осады 1695 г. В ней лишь на самой земле поставили пять пушек. «А буде московские войска учнут в ту башню стрелять ис пушек, и от того им, азовцом, будет утеснение немалое потому, что никакой крепости и земляных туров на той башне ныне нет»²⁰⁰. В другом расспросе эта башня названа раскатом: «а на стене каменной к той водяной стороне был роскат каменной, и прошлого лета тот роскат каменной московские войска ис пушек збили, и зделан был в том месте земляной роскат»²⁰¹.

Другая, ключевая для обороны каменной крепости башня, также осталась в руинах: «Копали ров от Дону реки вверх до розбитой башни, которая стоит на горе к степи. Також де и вал земляной починивали. И около того валу ставили деревянной бревенчатой стоячей тын до той же розбитой башни»²⁰².

Усиливать каменную крепость пытались и во время осады. Бежавший 22 июня из плена солдат полка К.А. Ригимона, скованным «работал земляную работу» в Азове на городской стене со стороны Дона. Там старая каменная стена также была сбита еще в предшествующую осаду. Пленные трудились ночью, а днем сидели в земляной тюрьме. К тому моменту, как пленник попал на эти работы, у турок была уже поставлена вровень со стеной деревянная решетка. Пленные засыпали пространство между решеткой и стеной землей. Расстояние от решетки до стены солдат определил в сажень. Работу делали 50 человек, а надзирал за ними Янсен²⁰³.

Основные усилия турецких властей были направлены на реконструкцию земляных укреплений, которые опоясывали каменный город, и углубление рва. Если во время предшествующей осады его глубина составляла примерно один человеческий рост, а местами и меньше, то теперь он достигал трех саженей (у других информаторов — высоты трех человек). Благодаря этому во многих местах ров был углублен

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 59.

¹⁹⁶ Там же. Л. 93.

¹⁹⁷ Там же. Л. 91.

¹⁹⁸ Там же. Л. 79, 85, 142, 91.

¹⁹⁹ Там же. Л. 52.

²⁰⁰ Там же. Л. 94–95.

²⁰¹ Там же. Л. 71.

²⁰² Там же. Л. 143.

²⁰³ Там же. Л. 173–174.

до воды, что мешало делать подкопы. Лишь со стороны моря ров углубить не успели. Вырытая земля использовалась для расширения вала. В 2–3 саженьях от внутренней стороны существовавшего в 1695 г. вала был поставлен тын, бревна которого соединили при помощи гвоздей струговыми досками, принесенными из-под Сергиева. Землю засыпали в образовавшееся пространство между старым валом и тыном²⁰⁴. Такая конструкция в русском языке не имела устойчивого наименования. Ее называли «острог, зделан по земляному городу»²⁰⁵, «осыпной деревянной город»²⁰⁶ или же просто описывали конструкцию.

Недостающие строительные материалы в Азов поставляли черкесы: «А лес на то строение имали из оставших от московских ратей будар и плотов, а большие толстые бревна на то строение привозили с Кубана черкесы»²⁰⁷. Для большей прочности укрепления и пожароустойчивости его обложили дерном: «а они де, татаровя, возят конми дерн в Азов и кладут около острогу, которой острог зделан по земляному городу»²⁰⁸. Работу заканчивали уже после того, как к Азову стали подходить русские войска, и, судя по всему, полностью реализовать первоначальный замысел не успели. В конце мая информатор сообщал, что «от реки Дону город не починен, им валу никакого не делано, и бревнами не огорожено, и землю не насыпано»²⁰⁹.

Одной из важных характеристик оборонительных сооружений того времени является число раскатов (площадок для установки артиллерии). На этапе строительства, до того как пушки будут установлены, сторонним наблюдателям было крайне сложно точно ответить на вопрос о раскатах. Один из информаторов в конце мая сообщил совершенно невероятную цифру в 20 раскатов²¹⁰.

Другие сообщения этого периода в большей мере отражают истину, хотя и не полностью сходятся между собой. Один из пленных сказал, что сооружены «два великие раската», один из которых находится в 100 саженьях от Дона, а другой со стороны степи. Пушки были поставлены лишь на одном из них. Он также слышал о планах соорудить и другие раскаты²¹¹. Другой сообщал о трех больших раскатах «с московской стороны». Раскаты были сделаны на «старых» площадках выше и шире прежних. «Пушечный бой» на валу был только «верховой»²¹². Данные о трех раскатах «к полевой стороне» сообщил еще один пленный: «было на тех раскатах по одному бою вровень с валом»²¹³.

К середине июня в разных частях вала воздвигли уже 6 раскатов. На том из них, который находился «у Дона с каланчинской стороны», стояло 7 пушек. Их стрельбой руководил Янсен. На других раскатах имелось по 5–6 пушек. Большая «верховая» пушка названа одна — та, которую привезли из Царьграда²¹⁴. Эти сведения близки тем, что приведены в «Дневнике похода Шеина» при описании захвачен-

²⁰⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 17, 18, 79, 80, 91, 92, 114, 143, 144, 154.

²⁰⁵Там же. Л. 67.

²⁰⁶Там же. Л. 79.

²⁰⁷Там же.

²⁰⁸Там же. Л. 67.

²⁰⁹Там же. Л. 79.

²¹⁰Там же. Л. 77.

²¹¹Там же. Л. 89.

²¹²Там же. Л. 114–115.

²¹³Там же. Л. 172.

²¹⁴Там же. Л. 154–155.

ных орудий. К сожалению, в документе целенаправленно перечислялись найденные пушки, а не описывались укрепления. Из-за этого данные о местоположении раскатов и их отношении к земляному городу могут быть интерпретированы по-разному²¹⁵. Возможно, что число раскатов на земляном городе в итоге увеличилось, поскольку турки могли возводить их на протяжении всей осады.

В валу, по сообщению разных информаторов, имелось от трех до шести «тайников», которые позволяли «выбегать из города на вылоску»²¹⁶. Со стороны Дона за каменными стенами с «прошлого лета» оставили частокол, который засыпали землей и вновь укрепили новым частоколом²¹⁷. Кроме того, в городе выкопали два новых колодца, дополнительно вычистив два прежних²¹⁸. В качестве временного жилья внутри города использовали «кибитки юртовские»²¹⁹.

После начала осады, когда гарнизон стал нести большие потери, под валом со стороны степи сделали подкопы глубиной и шириной в сажень. Верхняя часть этих укрытий укреплялась досками на опорных столбах. Входы в них заслоняли деревянными дверями и камнями, укрывавшими сидящих от гранатных осколков. В каменном городе также устроили ямы, где прятались женщины. Немногие деревянные строения, имевшиеся внутри каменной крепости, разобрали во избежание пожаров. Для борьбы с гранатами устроили специальную яму: «да в том же де каменном городе выкопано у азовцов до воды длиною и шириною сажень на сорок, и которые гранаты мечют ныне в тот каменной город из московских обозов, те все гранаты падают в то копаное место в воду, а иные в пустые розбитые полаты»²²⁰.

Мирное население Азова в большинстве своем было эвакуировано из города до начала осады. Многие стали разъезжаться сразу после того, как первая осада (1695 г.) была снята. Те, кто решил остаться, высылали семьи. Еще зимой из крепости выслали основную часть женщин и детей в степь к ногайцам, после чего в ней оставалось около ста женщин. Когда пришла весть о приходе российского войска, остававшихся представительниц слабого пола также отправили к степнякам²²¹. В путевом дневнике певчих, следовавших под Азов, со ссылкой на расспрос пленника утверждается, что из города вывозили еще и стариков²²². Наибольшее число людей покинуло город 27 мая, когда жен и детей вывозили на ста телегах²²³. После чего «остались женска полу небольшое число, и то незнатных худых и убогих людей, а богатые все вывезены вон»²²⁴. Некоторые информаторы вообще утверждали, что женщин в Азове не осталось²²⁵. Последнее мнение, несмотря на его ошибочность, ярко свидетельствует о том, что гражданского населения в городе практически не было.

²¹⁵ Поход боярина и большого полка воеводы... С. 135–143.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 80, 115, 154.

²¹⁷ Там же. Л. 94.

²¹⁸ Там же. Л. 80.

²¹⁹ Там же. Л. 80.

²²⁰ Там же. Л. 176–180.

²²¹ Там же. Л. 21, 65.

²²² Безгодова И.А. «Тетрадь записная, как пошли певчие дьяки под Азов...»: об одном эпизоде из истории «певческой службы» // История и культура. 2009. № 7. С. 366.

²²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 68.

²²⁴ Там же. Л. 80.

²²⁵ Там же. Л. 88.

Вторая осада Азова

Российская армия появилась под Азовом раньше, чем в предыдущем году. К тому же она была лучше подготовлена к осаде. Обращает на себя внимание тот факт, что Петр изменил структуру командования идущими под Азов войсками. Теперь они делились на Большой полк Алексея Семеновича Шеина и морской караван Франца Яковлевича Лефорта. Шеину были подчинены Гордон и Головин, а также другие военачальники²²⁶. В результате осаждавшие турецкую крепость войска получили единое командование. Указ о походе под Азов был дан Шеину 9 февраля 1696 г.²²⁷

Отдельной военной силой в 1696 г. стал морской караван. В него входили только те суда, которые предназначались для выхода в море. Его состав приведен в записи об отправке судов от Воронежа: «А морского каравана, плавного пути адмирал Франц Яковлевич Лефорт со всем караваном на морских, имянуемых галиясах и галерах, и брандерах, которых числом тридцать, потому ж с войсками и с огнестрельными и зажигательными снарядами, пойдет маяя 3 дня». Из военных подразделений в «караване» находились солдаты Преображенского и Семеновского полков, а также «новоприбранные» солдаты²²⁸. С.И. Елагин насчитывал в составе нового флота 29 судов — 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера, отмечая при этом, что один из кораблей не участвовал в походе, поскольку его не достроили вовремя²²⁹.

Поскольку судостроительные технологии в разных уголках Европы и Средиземноморья в рассматриваемый период оставались близкими, то в общих чертах новопостроенные российские корабли были схожи с турецкими. Более того, азовцы подумали, что образцом для строительства послужило их собственное судно. Один из пленных на допросе сказал про московский флот: «и те суды азовцы видели и говорили, что зделаны те суды с их турского образца, что прошлого лета прибило морем х каланче их турецкой фуркат»²³⁰.

Донские казаки начали боевые действия против турок еще до прихода основных сил. В начале марта они посылали 260 человек конницы «под нагайские улусы», а в конце марта отправили «войска на море в судах»²³¹. В апреле донские казаки и калмыки вновь ходили для захвата языков «на нагайскую сторону под азовские шляхи». В этом походе они пленили 6 турок и татар²³².

15 мая морской караван пришел под Черкасск, а 18 мая суда подошли к Сергиеву²³³. К этому времени стало известно, что 250 донских казаков под командованием Леонтия Поздеева выходили в море, обнаружили там два турецких корабля и попытались их захватить. Сделать это не удалось, поскольку казаки не смогли влезть на высокие борта судов. Донцы попытались прорубить борта кораблей, однако были

²²⁶ Поход боярина и большого полка воеводы... С. 1–2.

²²⁷ Дворцовые разряды. Т. 4 (с 1676 по 1701 г.). СПб., 1855. Стб. 940.

²²⁸ Поход боярина и большого полка воеводы... С. 67.

²²⁹ Елагин С.И. История русского флота... С. 31, 37.

²³⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 73.

²³¹ Там же. Л. 6–7.

²³² Там же. Л. 1–3.

²³³ Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов / отв. ред. Е.Е. Лыкова; сост. Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева. М., 2006. С. 181. См. также текст журнала второго Азовского похода. Впервые опубликован: Походный журнал 1695 года. СПб., 1853.

вынуждены отступить, поскольку в них стреляли и бросали камни. Один казак погиб и трое получили раны²³⁴.

Важные сведения о дальнейшем развитии событий узнаем при обращении к дневнику Гордона. 19 мая в Сергиев пришло сообщение о том, что на рейде под Азовом стоят два турецких корабля. Петр предложил захватить их. Было решено, что царь на галерах и донские казаки атакуют вражеские суда. В случае же, если турки попытаются оказать помощь кораблям, Гордон должен был выступить против них с тремя полками. В поход к морю отправились 9 галер, а также казаки на 40 лодках (800 человек) во главе с атаманом Фролом Минаевым²³⁵.

Судя по дневнику морского каравана, утром 19 мая нападавшие стали в устье впадающей в Азовское море донской протоки Малой Котюрмы²³⁶. Однако в море суда не вышли. В письме Ф.Ю. Ромодановскому царь объяснил это тем, что «за мелиною (мелью. — *Авт.*) на море галерам вытить было невозможно»²³⁷. Петр вместе с казаками вышел на разведку и с Каярского (Караярского) острова наблюдал за турецким флотом, в состав которого входило не менее 9 кораблей. Значительное число небольших галер шло к Азову с войсками и артиллерийскими боеприпасами²³⁸.

Казаки остались следить за выгрузкой, а галеры Петра вечером 20 мая вернулись к Сергиеву. На следующий день царь рассказал Гордону, что «побывал на море и видел около 20 парусных галер и кораблей и очень много легких судов; он нашел неудобным отважиться против них и приказал галерам вернуться»²³⁹. Таким образом, битва состоялась без участия царя, Лефорта и построенного по европейским образцам флота. Любопытно, что позднее из-под пера Н. Витсена вышли выдуманные описания личного участия царя в атаке на турецкий флот²⁴⁰.

Низкий уровень воды осложнял высадку турецких войск и выгрузку припасов. Орудия и запасы оставались на судах «для того, что де была вода мелкая, суды не пошли»²⁴¹. Это сделало положение турок уязвимым для внезапного удара. Прибывших из-за моря янычар перевезли на побережье за Кагальник, откуда они добрались в Азов на телегах²⁴². Стоящие на рейде корабли остались без достаточной охраны. Это дало находившимся в засаде казакам шанс нанести внезапный удар.

Картину состоявшегося 20 мая сражения можно восстановить, опираясь на написанное уже по итогам морского боя письмо Петра I князю Ф.Ю. Ромодановскому, «Сказание о взятии города Азова», а также на официальное описание сражения, которое было послано по дипломатическим каналам в Варшаву и Вену. К началу сражения на рейде Азова стояло уже 13 турецких морских кораблей. Поскольку из-за мели они не могли подойти близко к берегу, то выгрузку боеприпасов и снаряжения

²³⁴ Сказание о взятии города Азова... С. 261, 262.

²³⁵ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 28, 29; Сказание о взятии города Азова... С. 262.

²³⁶ Ф. Лефорг. Сборник материалов... С. 181.

²³⁷ ПБПВ. Т. 1. С. 68.

²³⁸ Сказание о взятии города Азова... С. 262, 263.

²³⁹ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 28, 29.

²⁴⁰ Мезин С.А. Завоевание, освоение и перспективы развития территорий Юго-Востока России в Петровскую эпоху глазами европейских современников (от Н. Витсена до Вольтера) // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сборник материалов. Волгоград, 2020. С. 94.

²⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 62.

²⁴² Там же. Л. 76.

производили на 13 тунбасах (небольших грузовых судах) под охраной 11 ушколов (малых парусно-гребных судов) с янычарами на борту.

Тунбасы первыми подверглись атаке казаков. 9 тунбасов удалось сжечь, предварительно разграбив. По поводу захваченных тунбасов в источниках существует расхождение. В письме царя говорится, что захватили и привели один тунбас, а в официальном сообщении за рубеж и «Сказании» — два. Остальные тунбасы ушли к стоявшим на рейде кораблям. Преследуя турок, казаки атаковали и их. Из 13 морских кораблей один был сожжен. По поводу еще одного источника приводят различные сведения. В письме Петра говорится, что турки затопили его при уходе от Азова; в других источниках — что его пустили на дно сами казаки из-за невозможности увести в Дон. На тунбасах было захвачено 26 пленных, 85 бочек пороха, 300 бомб, 5 тыс. гранат²⁴³. Сбором трофеев после победы занялся Гордон со своими людьми²⁴⁴. О первой победе под Азовом в морском караване, стоявшем под Сергиевым, узнали 21 мая, когда был дан салют в честь разгрома турецкого флота²⁴⁵.

Петр, описывая в письмах победу, пишет о нападавших на турок: «мы, холопы твои, в малых судах, а казаки в лотках»²⁴⁶. Однако очевидно, что это «мы» не могло относиться к царю или Лефорту. Таким образом, основные трофеи достались донским казакам. Тот факт, что новопостроенный морской флот отошел, не вступая в сражение с турецким караваном, выглядит вполне естественно. Если бы корабль с царем на борту сел на мель на виду у турок, те смогли бы выиграть кампанию одним ударом.

Описываемые события показали, что для морской блокады Азова ввиду мелководья устья Дона был нужен не морской флот, а небольшие суда привыкших к войне в этих местах донских казаков. Однако основную роль в блокировании морского и речного сообщения с Азовом сыграли не суда, а форты, снабженные артиллерией. 19 мая Гордон начал возведение первого форта на острове, образованном протокой Каланчей. 2 июня генерал приступил к постройке бастиона, который должен был блокировать Азов со стороны моря²⁴⁷.

Первые части основных сил русской армии выступили из Москвы 2 марта, 8 марта отправился Гордон, 15 марта — воевода Большого полка А.С. Шеин. Местом сбора войска стал Воронеж. 26 апреля после сбора основных полков армия отправилась «от Воронежа с пристани в плавной ход». К середине мая войска собрались под Черкасском, неделей позже (23 мая) выступив под Азов. Уже 28 мая передовые отряды генерал-майора К.А. Ригимона с донскими казаками и калмыками встали обозом под турецкой крепостью. В тот же день произошли первые стычки с врагом. В целом сосредоточение войск под Азовом было закончено 7 июня²⁴⁸.

Осажденные время от времени устраивали вылазки, чтобы помешать осадным работам²⁴⁹. Однако бросается в глаза, что, в отличие от 1695 г., особых успехов во время этих нападений туркам достичь не удавалось.

²⁴³ ПБПВ. Т. 1. С. 68; ПДС. Т. 7. Стб. 1088–1089; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 112–114; Сказание о взятии города Азова... С. 262–264.

²⁴⁴ Станков К.Н. Генерал Патрик Гордон и борьба за Азов в конце XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 81.

²⁴⁵ Ф. Лефорг. Сборник материалов... С. 181.

²⁴⁶ ПБПВ. Т. 1. С. 68.

²⁴⁷ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 28, 31.

²⁴⁸ Поход боярина и большого полка воеводы... С. 58–91; Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 12–32.

²⁴⁹ Поход боярина и большого полка воеводы... С. 109; Желябужский И.А. Дневные записки. С. 289.

Противник также атаковал российские войска со стороны степи. 10 июня на обоз Большого полка напала конница нураддин-султана Шахин-Гирея и кафинского паши Муртазы²⁵⁰. Сражение подробно описано в расспросах пленного татарина Бекмурзы и других пленников, захваченных в этом сражении. Войска нураддина численностью до 2 тыс. человек подошли к р. Кагальник 9 июня и встали в степи. Муртаза с нураддином устроили военный совет. При допросе языков они получили сведения о том, что на русский лагерь можно ударить внезапно, поскольку в нем еще не навели порядка и войска «стоят оплошно». Ночью около 1 тыс. (по другим сведениям — 800) человек переправились через р. Кагальник и 10 июня на утренней заре пошли к Азову. Остальные остались за рекой на временной стоянке (коше). Неожиданного нападения не получилось, русские войска сумели предупредить атаку ответным ударом, вызвавшим отход татар. В момент отступления нураддин и Муртаза находились на кургане, от которого поскакали к Кагальнику. Однако в какой-то момент Шахин-Гирей отстал с несколькими приближенными. Одному из догонявших калмыков удалось даже ранить его копьем и сбить с лошади. Лишь самопожертвование Бекмурзы, оставшегося, чтобы прикрыть отступление командира, спасло нураддину жизнь²⁵¹. Любопытно, что в одном из писем, содержание которого отразилось в дневнике И.А. Желябужского, число участвовавших в нападении татар определено в 600 человек, а также ошибочно утверждается, что они хотели пройти в Азов²⁵².

14 июня к Азову подошли турецкие корабли с подмогой²⁵³. Российское командование направило 18 июня в море на разведку казаков, однако им навстречу были высланы турецкие лодки, и казаки возвратились²⁵⁴.

В следующем нападении татарской конницы, 18 июня, по подсчетам Гордона, участвовало 2 тыс. татар, нападение которых отражало 5 или 6 тыс. конных²⁵⁵. Однако взятый в этом бою ногаец сообщил, что нураддин послал на московские обозы лишь 300 человек для захвата языков. Они успели поймать только одного человека с телегой, который ездил за травой. При этом татар вновь заметили московские люди, направили против них конницу и гнали до Кагальника²⁵⁶.

Приведший часть подмоги (около 500 человек) кубанский ага Кубек упоминается среди тех, кто командовал вражеской конницей в сражениях 24 июня и 1 июля²⁵⁷. 24 июня, по сообщению одного из пленных, татары ударили под московские таборы «со всею конницею», чтобы взять языков²⁵⁸. Правда, по словам другого пленного, непосредственно в налете с Кубеком участвовало только 500 человек. Не доезжая до московского обоза, Шахин-Гирей и Муртаза остановились, а Кубек с ногайцами пошли вперед. Их атаковала российская конница, заставившая противника отступить²⁵⁹. Несколько отличается рассказ о битве третьего пленника. Согласно его повествованию, небольшой отряд Кубека (300 человек) лишь заманивал российскую

²⁵⁰ ПБПВ. Т. 1. С. 71; Поход боярина и большого полка воеводы... С. 91.

²⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 127–153.

²⁵² Желябужский И.А. Дневные записки. С. 289.

²⁵³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 159.

²⁵⁴ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 36.

²⁵⁵ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 36.; Поход боярина и большого полка воеводы... С. 96.

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 157.

²⁵⁷ Поход боярина и большого полка воеводы... С. 98, 109; Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 37.

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 195.

²⁵⁹ Там же. Л. 200–201.

конницу к основным силам противника: «Наперед выслали ныне для стравки Кубека с тремя сты человеки, а сами нурадын со всеми нагайцы залегли, перешед реку Кагальник, за караульным курганом в яру для того, как московская конница за Кубеком погонит х Кагальнику, и тогда б им с стороны всем вдруг ударить, и тем упадок московской коннице учинить»²⁶⁰. Бой продолжался около восьми часов²⁶¹. Нанеся заметный урон российской коннице, татары отошли. Это сражение стало первой сколько-нибудь значимой удачей противника под Азовом в 1696 г. Любопытно, что в одном из писем из-под Азова численность отряда Кубека увеличена до 6 тыс. человек, а об участии в деле других военачальников противника не упоминается²⁶². Судя по всему, Кубек-ага в какой-то степени приобрел черты легендарного героя, чья слава преувеличивалась молвой.

Бой с московской конницей 1 июля оказался для ногайцев провальным. Некоторые татары потонули при отступлении за Кагальник. В стычке погиб один из знатнейших кубанцев — Дулак-мурза. В числе раненых оказался Азамат-мурза Наврузова улуса, который был «застрелен из пищали» в голову. Несмотря на тяжесть столкновения, российская кавалерия значимых потерь не понесла²⁶³.

Более удачным для татар был набег Шахбаз-Гирея (в источниках Шибас-Гирей, Саваз-Гирей), который в конце июня пришел из Крыма в Лютик сухим путем с припасами на 15 телегах в сопровождении сотни татар. Отдав пшеницу, татары подошли к донскому берегу, где около каланчей на сенокосе взяли 50 человек пленных, после чего направились в Крым. В татарском лагере в связи с этими событиями распространился слух о том, что Шахбаз пришел с подмогой в 3 тыс. татар, с которыми хочет перейти Дон между каланчой и Черкасским городком и прийти в лагерь к нураддину²⁶⁴.

13 июля татарская конница вновь ударила по казачьему табору, пытаясь прорваться в Азов²⁶⁵. 18 июля Гордон отметил в дневнике, что «турецкая и татарская конница явилась в полях в великом числе»²⁶⁶. В этот день татары приходили под гетманский обоз²⁶⁷. Все атаки были успешно отбиты. Таким образом, татары сражались до последнего, но их было слишком мало, чтобы изменить ход событий.

Командование противника в лагере на Кагальнике неоднократно обдумывало вопрос о том, как использовать против московских сил тех янычар, которых привез турночи. Пополнить ими гарнизон Азова было невозможно из-за того, что подходы к городу были перекрыты осаждающими. Турки придумывали различные планы, часть из которых становилась известна в московском лагере. К примеру, рассматривалась возможность отправить под московские обозы татар, которые выманили бы московскую конницу, завлекли ее к турецкой пехоте, а та постаралась бы нанести

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 203–204.

²⁶¹ Базарова Т.А. «Пришла почта ис-под Азова...»: письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. Ч. I. С. 14.

²⁶² Желябужский И.А. Дневные записки. С. 289.

²⁶³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 240–241; Желябужский И.А. Дневные записки. С. 288, 290.

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 216, 257.

²⁶⁵ Походный журнал 1696 года. СПб., 1853. С. 19.

²⁶⁶ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 45.

²⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1460. Л. 186–187.

врагу максимально большой урон²⁶⁸. Слабая сторона этого плана состояла в том, что в степи пешие янычары оказались бы беззащитными перед конницей. В случае неудачи пехота была обречена на уничтожение. Вероятнее всего, именно это заставило отказаться от идеи засады. Позднее появился модифицированный вариант данного плана. Предполагалось сделать в степи раскат, поставить на нем пушки и пехоту с кораблей, а уже оттуда бить по московским ратям²⁶⁹. Однако возвести укрепления в тайне было невозможно. У российской конницы не имелось причин подставлять себя под удар.

В соответствии с наиболее поздним планом янычар все-таки собирались провести в Азов. Предполагалось, что 7 июля в полночь татарская конница зайдет со стороны степи в камыши близ каланчей и будет там скрытно стоять до рассвета. Тем временем 1 тыс. янычар тайно пройдет по берегу и заляжет в камышах поблизости от города. Утром татарской коннице предстояло ударить по российским позициям для отвлечения внимания. После этого предполагалась атака турецкой пехоты на казачий раскат. Возможно, что турки даже начали реализовывать данный план. Утром 7 июля турецкий десант с запасами в заплечных мешках высадился на берег в урочище Акчакум, откуда татары привезли их на лошадях к нураддину. Получив известие о возможном нападении, российское командование заранее предприняло меры. В дневнике Гордона сообщается, что форт, который выбивался из общей линии укреплений, снесли, а новые укрепления спешно возвели в более удобном месте. Однако в итоге нураддин отказался от задуманного предприятия «для того, что те янычары пропадут напрасно»²⁷⁰. Таким образом, в сложившейся обстановке турки попросту не могли использовать в боях доставленные на судах воинские контингенты из-за их малочисленности.

Как видим, нападения татарских войск на российский лагерь со стороны Кагальника не могли существенно замедлить осадные работы. О том, кто конкретно занимался организацией инженерных работ, информации мало. Гордон в своем дневнике неоднократно упоминает о том, что те или иные сооружения возводились по его приказу.

В документах Разрядного шатра Большого полка отмечено, что 17 и 22 февраля 1696 г. было дано жалование для «азовской службы» инженерам: Ивану Брыкалю (400 руб.), Крестьяну Руэлю (150 руб.), Ивану Адлеру и Ото Фридриху Фаншфенгелю (по 100 руб.)²⁷¹. Последний был известен тем, что в 1695 г. успешно взорвал укрепления Казы-Кермена²⁷². Вместе с Шеиным под Азов направлялся «инженер и поручик прусской земли Рейнгольт Трузин»²⁷³ (Тросин). Очевидно, что его планировали задействовать в осадных работах. Жалование в 100 руб. из Разрядного шатра Большого полка он получил 29 мая²⁷⁴.

²⁶⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 213–214.

²⁶⁹Там же. Л. 237.

²⁷⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 242, 248–249; Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 41.

²⁷¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1460. Л. 44.

²⁷²Багро А.В. Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 120.

²⁷³Чепухин А.Г. «Струговое дело» в Воронеже в 1696 году // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. 2017. № 2. С. 85.

²⁷⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1460. Л. 44.

К 16 июня вокруг Азова были установлены орудия и началась бомбардировка города²⁷⁵. По данным Ю.Е. Манойленко, крепость обстреливали 42 пищали и пушки, а также 27 мортир. Их дополняли 12 пушек и 17 мортир, которые были поставлены на правом берегу Дона. После того как русские войска возвели вал, на нем установили 25 орудий²⁷⁶. Осажденным пришлось прятаться в земляных укрытиях: «А они, враги, в то время в норы в свои в землю убегают, землю себя от страха закрывают, многих в то время, когда они из нор выползают, гранатами и пушками побивают. А в городе раненые и больные многие лежат, и от гранатов горят, и от того в городе у них великой смрад»²⁷⁷. Еще в начале осады получил ранение Асан-бей. Он умер от раны 7 июля или немного раньше²⁷⁸.

Обстрелы усиливались по мере прибытия призванных на службу под Азов иноземцев. 25 июня приехали посланные курфюрстом Бранденбургским инженеры Розен и Боцман, а также «огнестрельные мастера» Я.Я. Шустер, Э. Кобер, С. Гак и К.Г. Гизеветтер²⁷⁹. Однако турецкая артиллерия Азова была в основном подавлена еще до их появления. Перебежавший в русский стан 27 июня янычар сообщал, что стоящие на угловых раскатах (к Дону и каланчам) батареи из шести пушек уже давно не стреляют из-за постоянного огня московской артиллерии. От пушечной стрельбы осыпался азовский вал, одновременно заполняя землей ров. Турецкое командование предлагало по половине левка за ночь работы тем, кто согласится чистить ров, но все отказывались. Осажденные сидели под земляным валом в укрытиях, откуда командиры «выбивали» людей на вал силой²⁸⁰. В дневнике похода воеводы Шеина рассказ о разрушении раскатов на турецком земляном валу российской артиллерией помещен между событиями 17 и 18 июня²⁸¹. Очевидно, что артиллерийская дуэль продлилась очень недолго. Эти сообщения подтверждали слова перебежавшего 29 июня пушкаря: «все азовские пушечные бои на раскатах отбиты и разорены, естли когда и одинова ис которой пушки из Азова стрелять, и в то место из московских обозов бывает пушечных дватцать выстрелов и болши»²⁸². И все же турецкие пушкари продолжали вести огонь, по крайней мере со стороны Дона, где число московских орудий было меньшим, а их действие менее эффективным из-за большого расстояния. 4 июля один из русских офицеров был убит ядром в крепости на противоположной стороне Дона²⁸³.

Между тем военный потенциал российской армии постепенно возрастал. 9 июля в Новосергиевск прибыли «инженеры, минеры и фейерверкеры, присланные Римским императором»²⁸⁴. 11 июля они добрались до осадного лагеря и на следующий день, после рекогносцировки, предложили поставить 6 пушек на новых батареях. 14 июля Гордон отдал распоряжение об их установке, дополнительные орудия были

²⁷⁵ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 35.

²⁷⁶ Манойленко Ю.Е. Русская артиллерия в Азовских походах Петра I и осаде Азова в 1736 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 58.

²⁷⁷ Сказание о взятии города Азова... С. 267.

²⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 265, 281.

²⁷⁹ Поход боярина и большого полка воеводы... С. 105–106.

²⁸⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 218–222.

²⁸¹ Поход боярина и большого полка воеводы... С. 95.

²⁸² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 229.

²⁸³ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 41.

²⁸⁴ Там же. С. 42.

также отправлены на другой берег Дона. 15 июля с новых батарей были «разбиты все частоколы на угловом болверке»²⁸⁵.

Как и в прошлом году, велись минные работы. К 17 июня были начаты 3 минных подкопа²⁸⁶. Однако подорваны они так и не были. Пленные и перебежчики свидетельствовали, что особую опасность для обороны Азова представлял вал, который осаждавшие двигали к городу²⁸⁷. Его отсыпку начали 23 июня²⁸⁸. Судя по дневнику Гордона, это была инициатива рядовых служилых людей. В записи от 22 июня он сообщал: «Все солдаты нижнего чина и состояния просили [их выслушать], и, когда их совет был испрошен, пожелали и согласились насыпать земляной вал и подвести оный к городскому валу. Мы соизволили на их желания»²⁸⁹. К середине июля осадные валы были подведены к Азову так близко, что земля с них начала ссыпаться в город. Ров вокруг Азова был уже заполнен во многих местах. С 13 июля начались бои непосредственно на городских укреплениях²⁹⁰. 17 июля казаки Лизогуба и Минаева смогли ворваться в неприятельский раскат и после кровопролитного сражения унести с укреплений поставленные там пушки. Их атаку поддержал Гордон²⁹¹. Письмо, отправленное из-под Азова 17 июля, утверждало, что турки оставили земляную крепость и отступили в каменный город²⁹².

По мере ухудшения положения города, турки все больше думали о сдаче. Принимать решение пришлось уже новому бею Али-аге, двоюродному брату скончавшегося бея Асана Арасланова²⁹³. В записках Желябужского встречается полный вариант его имени: «Шаабан-беин сын Алли-ага»²⁹⁴. Любопытно, что в издании Рубана указано, что договор о сдаче города подал «новоучен(е)ной бей Али-ага», а в подписи под опубликованным ниже договором указан предшествующий «Гасан-бей Арасланов сын»²⁹⁵. Надо полагать, что новый бей не успел изготовить новые тугру и печать, вследствие чего вынужден был воспользоваться оставшимися от предшественника. Переговоры о капитуляции начались 18 июля, и уже 19 июля азовцы покинули город²⁹⁶.

Передавал Азов российскому командованию Ахмет-ага²⁹⁷, которого источники называют вторым, а зачастую и первым лицом в иерархии азовского гарнизона. Так, еще при подготовке города к осаде «начальной над всем Азовом хасеки-чюлак Ахмет-ага» перевел из Азова на службу в Лютик ода-баши (янычарского сотника) Мустафу²⁹⁸. Московские власти проявляли большой интерес и за время осады неоднократно получали о нем сведения от разных информаторов. Один из выходцев

²⁸⁵ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 43.

²⁸⁶ ПБПВ. Т. 1. С. 77.

²⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 178, 215, 220.

²⁸⁸ Поход боярина и большого полка воеводы... С. 97–98.

²⁸⁹ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 37.

²⁹⁰ Поход боярина и большого полка воеводы... С. 122; ПБПВ. Т. 1. С. 89.

²⁹¹ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 44–45; ПБПВ. Т. 1. С. 93–94.

²⁹² Желябужский И.А. Дневные записки. С. 291.

²⁹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 286.

²⁹⁴ Желябужский И.А. Дневные записки. С. 293.

²⁹⁵ Поход боярина и большого полка воеводы... С. 124, 126.

²⁹⁶ Там же. С. 122–126.

²⁹⁷ Желябужский И.А. Дневные записки. С. 293.

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 254.

сказал, что начальник в Азове «хасеки, то есть спальник салтана турецкого, а имя ему Ахмет-ага, он же и чюлак, то есть без двух перстов, прислан он от салтана в Азов прошлю зимою»²⁹⁹.

После сдачи Азова в руках турок осталось единственное укрепление в устье Дона — Лютик. К концу осады его гарнизон составил 115 человек³⁰⁰. Шеин послал туда «сухим и водяным путем» казаков и калмыков. Этот укрепленный пункт представлял собой небольшую крепость в виде прямоугольника с четырьмя башнями, размером 18 на 19 саженей. В системе турецких укреплений она играла ту же роль, что и взятые в 1695 г. каланчи. От нее через Донец перекидывалась цепь, мешающая проходу судов. 21 июля Лютик сдался без боя³⁰¹.

В планах командования появлялась даже идея о походе на Кубань вслед за отступившими туда татарами. Для этого предполагалось направить калмыков Аюки. Население Кубани, узнав о падении Азова, бежало в горы. Однако поход так и не состоялся. Калмыки попросили себе в сопровождение российский отряд с артиллерией. Им отказали и отпустили со службы³⁰².

Уже 21 июля началась починка и перестройка укреплений Азова. Для этого в городе был оставлен царский инженер Антоний де Лаваль. Одну из мечетей переделали в соборную церковь во имя Похвалы Пресвятой Богородицы. Кроме того, была «поновлена» существовавшая ранее церковь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи.

Вскоре отдельные подразделения начали покидать окрестности Азова. 31 июля наградили и отпустили со службы гетманские войска. 16 августа двинулась в обратную дорогу основная часть армии. В городе был оставлен восьмитысячный гарнизон во главе с воеводой и стольником Петром Григорьевичем Львовым³⁰³. О численности азовского контингента имеются и другие официальные цифры. К.Н. Нефимову в Вену для сообщения «царским думным людям и венецийскому послу» посланы иные данные: «солдат и стрелцов 10 тыс. человек»³⁰⁴.

Успех российской армии под Азовом в 1696 г. оказался обеспечен в первую очередь подавляющим численным превосходством и отсутствием боевого опыта у большинства солдат турецкого гарнизона. Вторым по значимости фактором стало то, что неприятелю так и не удалось справиться с последствиями нападения 1695 г. — осадные сооружения не были уничтожены, а подступы к Азову контролировал гарнизон построенного осенью 1695 г. Сергиева. Были учтены ошибки предшествующей кампании — у армии появился единый командующий, Азов был сразу полностью блокирован. Проблемы с обеспечением осадных работ инженерными кадрами до конца так и не были решены, так как не удалось обеспечить своевременное прибытие к месту боевых действий нанятых за рубежом специалистов. Царские инженеры были отобраны на московскую службу в конце января 1696 г.³⁰⁵

²⁹⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 218.

³⁰⁰Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 48.

³⁰¹Поход боярина и большого полка воеводы... С. 127–150.

³⁰²Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 43, 50, 52.

³⁰³Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 983.

³⁰⁴ПДС. Т. 7. Стб. 1142.

³⁰⁵Шварц И. Участие иностранных инженеров во взятии Азова и строительстве Таганрога // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сборник материалов. Волгоград, 2020. С. 192.

Известия о том, что цесарь и бранденбургский курфюрст пошлют Петру инженеров и артиллеристов, попали в европейскую прессу с начала января и потом неоднократно повторялись³⁰⁶. Тем не менее большая часть осады прошла без них.

Трудно сказать, повысилось ли качество минно-взрывных работ, которые все-таки были проведены. До подрыва мин дело так и не дошло, поскольку большое число рабочих рук позволило обойтись насыпкой вала, что не требовало сложных технологических навыков. Морской флот, на сооружение которого были потрачены огромные силы и средства, также не сыграл особой роли в осаде. Даже относительно небольшие галеры не могли эффективно маневрировать в виду противника из-за мелководья в устье Дона. По сути, морские суда играли роль плавучего штаба, обеспечивающего комфорт командованию. Однако эта ошибка не сказалась на ходе осады. Против турецких кораблей на море успешно использовалась традиционная тактика донских казаков. Морские же суда можно рассматривать лишь в качестве дополнительной угрозы противнику, который мог бы попытаться деблокировать Азов со стороны моря.

Днепровский театр военных действий

Днепровский театр военных действий в 1696 г. стал второстепенным. Однако активные события происходили и здесь. Уже 22 января из городка Орла (на р. Орели) Василий Городчиков сообщал, что крымские татары стоят в 10 верстах от города, а оборонять город некому, поскольку многие солдаты бежали, а некоторые на службу не явились³⁰⁷. В итоге татары, воспользовавшись тем, что значительная часть войск была распущена, разорили селения вдоль Орели. Нападениям подверглись земли Миргородского и Полтавского полков. Против них выступили войска И.С. Мазепы и Б.П. Шереметева. Узнав о движении войск, татары начали отступать вместе с добычей. Внезапная оттепель мешала быстрому движению российских и украинских войск. Однако и степняки пострадали от капризов погоды. Крымские татары понесли потери при переправе через р. Ворсклу³⁰⁸. По слухам, циркулировавшим в Азове, в Ворскле утонули «тысеч до пяти» татар, а в плен попали два крымских царевича³⁰⁹. Весной также имели место набеги небольших татарских отрядов — в мае татары приходили под Тор и взяли пленных³¹⁰.

На днепровском направлении российское командование первоначально планировало проведение активных боевых действий. 6 февраля Б.П. Шереметев получил именной указ о выступлении в поход «для обороны малороссийских и украинских городов и для промыслу и поиску над ними, неприятели». Отправка войск из столицы изначально была назначена на 9 февраля³¹¹. 25 февраля в Москве подал «статейный список» побывавший у Мазепы думный дворянин Василий Борисович Бухвостов. В этом документе он изложил предложения, которые «приказывал с ним гетман Иван Степанович донести великому государю»³¹².

³⁰⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Д. 12. Ч. 1. Л. 70–71, 87, 90, 107, 148–149, 178–179, 203, 351.

³⁰⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1456. Л. 28.

³⁰⁸ Заруба В.Н. Украинское казацкое войско... С. 124–125.

³⁰⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 4–5.

³¹⁰ Там же. Л. 67.

³¹¹ ПСЗ. Т. 3. 1689–1699. СПб., 1830. С. 225–226.

³¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1456. Л. 39.

Мазепа предлагал сделать основным направлением удара Очаков: «А боярину б и воеводе Борису Петровичу Шереметеву с войсками и ему, гетману, с Войском Запорожским для отвращения ж неприятельских сил от Азова итить плавною под Ачаков и чинить над Ачаковым воинской промысл. И для того походу зделать во Брянску, сметаясь по людем, струги и байдаки, и согнать вешнею полою водою под Киев»³¹³. В ответ на это предложение 10 марта царь писал из Воронежа: «О походе боярском и гетманском под Очаков, и тот поход велено положить на их разсуждение: если когда то учинить, и суды к тому времени поспеют ли, а есть ли суды не поспеют, и им итить в иные места, или стоять в пристойных местех, и каким делом нибудь конечно неприятеля отвращать»³¹⁴. Как видим, царь фактически переложил вопрос о выборе направления удара на Шереметева и Мазепу.

Днепровские городки, добытые в походе 1695 г., оказались на периферии внимания российских властей. Расквартированные на острове Тавань войска к декабрю 1695 г. возвели вокруг турецкого форта земляные укрепления, позволившие превратить его в крепость существенно большего размера. Однако гарнизон испытывал острый дефицит дерева для строительства. Вместо удобных для жилья домов пришлось соорудить плетеные курени, которые плохо защищали от зимней непогоды³¹⁵.

В статьях, посланных Мазепой с Бухвостовым о Тавани, говорилось, что Таванский городок мал и не крепок и отсидеться в нем даже от небольшого отряда невозможно. Как только в него начнут кидать гранаты, запорожцы из него «выбегут». Посылать хлебные запасы в тот городок было сложно. Гетман предлагал отстроить вновь и укрепить Казы-Кермен, поскольку основание того города «зело крепкое», а стены и башни разрушены не до конца. Для того предлагалось привезти из Брянска 10 тыс. бочек извести. Старого камня должно было хватить для строительства, а при необходимости можно было разорить укрепления на Таванском острове и стругами перевезти материалы к Казы-Кермену. Также следовало вешней водою согнать из Брянска на связи и избы 20 тыс. бревен. Мазепа предупреждал, что если на месте Казы-Кермена не построить нового города, то его нужно разорить до основания, сделав под него подкопы и взорвав в них 50 бочек пороха. Иначе город мог занять противник³¹⁶.

В период подготовки к осаде Азова Петр посчитал несвоевременным заниматься восстановлением укреплений на Днестре. Единственное, что царь считал необходимым, — это не допустить захвата брошенных городков противником: «Таванскому городу в такое краткое время строитца невозможно, а выручать сколко мочно, а естли нелзя держать по-прежнему, и ево разорить, а людей из него вывезть. А естли придет паша силистрийский в десяти тысячах янычан, и ево ни до какова дела, как до строения Таванского городка, так и х Казыкермену, сколко возможно не допускать и отвращать»³¹⁷.

Между тем в марте 1696 г. положение дел в Тавани стало тяжелым. Оставленный там со своим полком полковник Борис Беник писал в Москву, что в его распоряжении имеется всего 400 человек, в том числе сердюков, поскольку городские казаки

³¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1456. Л. 42.

³¹⁴ ПДС. Т. 7. Стб. 1124.

³¹⁵ Костомаров Н.И. Мазепа // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. СПб., 1905. С. 454.

³¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1456. Л. 39–41.

³¹⁷ Там же. Л. 43.

Гадяцкого и Лубенского полков с Тавани бежали, а запорожские казаки — «таванские сидельцы» разъехались из города «по лугам» для промыслов. Между тем противник регулярно появлялся недалеко от крепости. 8 марта на р. Ингулец приходили неприятели и захватили в плен рыбаков. 13 марта татары разбили отряд, посланный с письмами из Тавани. Позднее, как сообщили выходцы из Перекопа, 14 человек из этого отряда привезли в Крым и частично распродали по 40 левков за человека³¹⁸. Таким образом, без дополнительной поддержки российские укрепления на Днепре могли перейти в руки противника в любой момент.

Указ о новом большом походе было велено «сказать» 19 марта в Разряде. Среди прочего в документе говорилось, что «для розрыву их бусурманских сил пристойно послать его, великого государя, ратных людей пехоты плавною вниз рекой Днепром»³¹⁹.

В послании в Разряд Шереметев предложил послать против неприятеля и для охранения городков «плавною вниз рекою Днепром» сводный отряд в 2 тыс. человек, включавший стрелецкий полк Ильи Дурова, Белгородский солдатский полк, донских кормовых казаков Белгородского полка. Он также отметил, что и гетману нужно отправить «немалое число» своих людей. Для этого требовалось до разлива весенних вод изготовить в Брянске или Смоленске или «для поспешения» купить «вольной ценой» в гетманских городах 100 лодок и челнов, чтобы в каждый из них можно было посадить по 20 человек. Суда Шереметев предлагал согнать к Переволочной или к Орлу (на Орели)³²⁰. Как видим, идея предложенного Мазепой похода на судах под Очаков превратилась стараниями Шереметева в операцию по переброске новых войск для гарнизона Тавани.

Разряд предложение Шереметева поддержал, решив увеличить численность отряда. 3 апреля последовал указ послать Днепром думного дворянина и воеводу С.П. Неплюева и курского помещика Дивея Уколова. Под их начало выделялись Белгородский солдатский полк, Московский стрелецкий полк Ильи Дурова, «донские кормовые» казаки, солдаты «из ыных белгородцких ж салдатцких полков, ис которых пристойно», общей численностью в 2,5 тыс. человек, а также пушки³²¹. Таким образом в Москве решили просто увеличить общее число отправляемых войск на 500 человек и усилить это войско артиллерией. Неплюев прибыл в Тавань уже летом. Осмотрев город, он указал увеличить размер его укреплений, а также предложил восстановить Шингирей, что и было сделано³²². В октябре 1696 г. В. Бухвостовым было начато восстановление Казы-Кермена³²³.

Планируя кампанию 1696 г., Мазепа предлагал выделить для 2 тыс. запорожских казаков 1000 руб. жалования и хлебные запасы на три месяца, построить для них 100 челнов (вмещавших по 20 человек) и отправить в поход на Черное море³²⁴. Царь согласился с этими предложениями и указал передать запорожцам суда, деньги и хлеб «для воинского их походу на море»³²⁵. В апреле запорожский кошевой

³¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1456. Л. 1–10.

³¹⁹ Там же. Л. 45–48.

³²⁰ Там же. Л. 51–52.

³²¹ Там же. Л. 60–62.

³²² Костомаров Н.И. Мазепа. С. 464.

³²³ Заруба В.Н. Украинское казацкое войско... С. 133.

³²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1456. Л. 41–42.

³²⁵ ПДС. Т. 7. Стб. 1124.

атаман Иван Гусак отправил на море атамана Чалого, под командованием которого находилось 500 человек³²⁶. По сведениям Н.И. Костомарова, этот отряд захватил 9 турецких судов, шедших в Очаков с припасами³²⁷. «Сказание о взятии города Азова» со ссылкой на «лист от гетмана чрез гонца к Москве июня 19 числа» дает несколько иное описание происходящего. В нем указывается, что шедший к Очакову турецкий флот включал 8 военных кораблей и один торговый, груз которых предназначался для подготовки города к осаде. В качестве участников набега названы 2 тыс. запорожцев и 2 тыс. «компанщиков» — наемных казаков Мазепы³²⁸. Запорожцы также действовали и на суше. В июне бывший кошевой атаман Иван Гусак вышел на конях к Конским Водам, где столкнулся с татарским отрядом и разбил его³²⁹.

Более поздние походы этого года были для запорожцев не столь удачны. Чалый с 340 людьми (по данным Гордона, 300 человек) совершил нападение на Козлов (Гезлев, совр. Евпатория). Он разорил оседлых татар, взяв в плен 62 человека³³⁰. Однако на обратном пути удача изменила казакам. После длительного преследования турки и татары зажали отряд Чалого в низовьях Днепра. Атаман был убит, а 340 казаков захватили и отвезли в Очаков³³¹. 30 июня на юг отправилось 1740 запорожцев под командованием Якова Мороза. Они на 40 судах действовали на Черном море, напали на 3 турецких корабля, которые шли с товарами в Кафу. Два из них захватили. При возвращении в Днепр казачий отряд столкнулся с турками и татарами. Морозу удалось вернуться в Сечь по суше³³².

Осенью ватага запорожцев числом в 80 человек ходила на Азовское море. В начале ноября они удачно разорили недалеко от Темрюка «черкесское знатное» село. Однако внезапный шторм разбил казачьи суда. Тогда казаки перекололи уведенных из села пленных и спрятались на берегу. Однако на следующий день собралось большое число черкес, на помощь которым пришли находящиеся в то время на Кубани крымские татары и турки во главе с керченским Али-пашой. В ходе начавшегося боя большая часть запорожцев была убита, а оставшихся взяли в плен³³³.

Основная часть войск под командованием И.С. Мазепы и Б.П. Шереметева большую часть летней кампании простояла на речках Орчик и Берестовая, карауля войска крымского хана. Сам хан в это время находился на Молочных Водах³³⁴. В источниках встречаются различные известия о действиях хана. К примеру, о том, что он оставил на Молочной две трети войска с ширинским беём, а сам с третьей орды пошел к Азову³³⁵. Однако слухи о ханском походе к Азову так и не стали реальностью. Ни та, ни другая сторона не рискнули ввязываться в сколько-нибудь масштабные сражения. Сорвав татарские планы помощи Азову, Мазепа и Шереметев сами не

³²⁶ Эварницкий Д.И. История... Т. 3. С. 231.

³²⁷ Костомаров Н.И. Мазепа. С. 459.

³²⁸ Сказание о взятии города Азова... С. 265.

³²⁹ Эварницкий Д.И. История... Т. 3. С. 235.

³³⁰ Костомаров Н.И. Мазепа. С. 462; Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 62.

³³¹ Эварницкий Д.И. История... Т. 3. С. 238.

³³² Там же. С. 236–239; Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 61–62. У Гордона описания обоих походов объединены в один.

³³³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 51–52.

³³⁴ ПДС. Т. 7. Стб. 1142–1143.

³³⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 147.

пошли под Очаков, как это планировалось изначально. Воеводе было указано распушить своих людей по домам с 1 сентября³³⁶.

Поскольку разведывательные отряды выслались навстречу противнику, отдельные боевые столкновения все же имели место. В июне Мазепа послал 160 человек под командованием сотников Микиты Плячника и Игната Юрченко на р. Конскую стеречь шляхи, которыми татары ходят из Крыма в Азов за языками. Отряд обнаружил свежий шлях, двинулся за противником и в верховьях реки Молочной ударил на татар, шедших с пленными. В пылу погони преследователи внезапно вышли на войско крымского хана. Столкнувшись с неизмеримо большим по численности врагом, казаки засели в терновнике. Конница долго не могла пробиться к ним. Тогда татары направили к месту боя 20 знамен сейменов. Те ружейным огнем из янычарок убили 40 человек, а остальных 110 заставили сдаться в плен³³⁷.

Боевые действия в Поволжье

Следует отметить, что, хотя движение на юг крупных воинских контингентов российской армии оттянуло на себя основные силы противника, боевые действия продолжались по всей линии соприкосновения противоборствующих сторон. Так, в конце апреля – начале мая 1696 г. Кубек-ага со своими людьми ходил на Волгу и 9 мая в 30 верстах от Царицына в урочище Перелойном захватил пленных и увез их «в Кубецкие улусы»³³⁸. Весной ногайцы (200 человек) под командованием Темиря-мурзы ходили на Волгу и взяли под Царицыным трех пленных и 150 коров. Во второй половине мая 1696 г. 23 ногайца и 4 калмыка с Кубани из улуса Улы Эльмурзы пошли под русские низовые города «для добычи». Калмыки были подданными Аюки и выступали проводниками. По дороге они встретились с татарским отрядом численностью около сотни человек, который шел в поход под руководством сына тарковского шевкала мурзы Салпыка и Тунгатаги. Татары решили объединиться и вместе пойти под Саратов, где после удачного налета захватили пленных и скотину. Однако на обратном пути они столкнулись с донскими казаками и были разбиты³³⁹. 19 июля отряд ногайцев Кубека-аги численностью в 100 человек находился недалеко от Царицына, где захватил калмыка хана Аюки, отправившегося в одиночку на охоту³⁴⁰. В период осады Азова в 1696 г. кубанские старообрядцы ходили в поход на Волгу³⁴¹. Вряд ли можно сомневаться в том, что другие вражеские отряды также совершали набеги в глубь российских земель.

* * *

Главным итогом кампании 1696 г. стало взятие Азова. Для османских властей это событие имело целый ряд негативных последствий. Как справедливо отметил В.А. Артамонов, падение Азова фактически отрезало Кубань и Черкесию от

³³⁶ Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 986.

³³⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 145–146.

³³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 303.

³³⁹ Там же. Л. 272–277.

³⁴⁰ Там же. Л. 308.

³⁴¹ Там же. Л. 208.

Крымского ханства³⁴². Это стало очевидным еще в период осады, когда коннице из Крыма на помощь городу пришлось перевозить через Керченский пролив. Происходящее вызвало смятение среди подданных турецкого султана, живущих на Кубани. У кубанских старообрядцев возникли опасения, что горские черкесы могут поддаться царю и «побить» их. Среди ногайцев и горских черкесов стали обсуждаться идеи о возможности в той или иной форме перейти под власть московского царя. Жители спешно покидали «московскую» сторону Кубани, а калге и нураддину пришлось остаться в Прикубанье, чтобы помешать развитию событий по худшему для Османской империи и Крыма сценарию. Возникшая паника помогла многим пленным бежать с Кубани в русский Азов³⁴³. Смятение в стане противника создало крайне благоприятные условия для похода на Кубань, особенно с учетом подошедшей к Азову в конце осады и не утомленной боями калмыцкой конницы. Быстрое падение Азова оставляло время для продолжения кампании. Однако по какой-то причине Петр не стал развивать достигнутые успехи. Боевые действия в регионе оказались приостановленными и даже начался обмен пленными³⁴⁴. Позднее российские власти Азова попытались использовать благоприятную ситуацию, чтобы добиться перехода хотя бы части ногайцев в российское подданство. Началась дипломатическая переписка с ногайскими мурзами, однако ближе к концу 1696 — началу 1697 г. паника на Кубани утихла, после чего дипломатические контакты прекратились. В кампанию 1697 г. ногайцы участвовали в нападении на Азов³⁴⁵.

Захват Казы-Кермена и Азова стал пиком успехов России в войне 1686–1700 гг. После безуспешных попыток подчинения Крыма и пятилетней пассивности Москва смогла громко заявить о себе, нанеся удары по владениям Оттоманской Порты в Северном Причерноморье. Указанные крепости, хотя и расположенные на далеких окраинах, играли важнейшую роль в блокировании выходов из крупнейших речных артерий — Дона и Днепра — во внутренние моря Османской империи. Несмотря на сохранение контроля над Керченским проливом (в 1699 г. здесь начато строительство крепости Еникале) и Днепро-Бугским лиманом (Очаков и Кинбурн), перед турками и татарами замаячила угроза возобновления активных набегов донских и запорожских казаков на Черноморское побережье. Взятие Казы-Кермена, контролировавшего одну из важнейших татарских переправ на нижнем Днепре, дополнительно осложняло для Крыма связь с Белгородской Ордой и возможность осуществления набегов на слабо защищенные юго-восточные воеводства Речи Посполитой. Падение Азова дезорганизовывало связи османов и крымцев с народами Восточного Приазовья и Прикубанья, негативно повлияло на торговые отношения региона центральными черноморскими провинциями империи. Последнее приобретало особое значение в условиях ведения активных боевых действий на Средиземном море. Об этом четко говорит сообщение из Стамбула, извещавшее о взятии Азова московскими войсками: «По приходе из Азова осадных наших ратных людей в здешнем

³⁴² Артамонов В.А. О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 71.

³⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 323–341.

³⁴⁴ Сень Д.В. «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII — начало XVIII в.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11. № 1(35). С. 38.

³⁴⁵ Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.) // Magna adsurgit: historia studiorum. 2019. № 2. С. 109–119.

граде великое смятение учинилось. И чают, что все татары поддатца московским силам. И тем нашим силам великой перелом учинится, ибо казаки и москва Черное море опасным чинят. И ни какова хлеба не пропускают. И от того здесь великая драговизна чинитца во всем»³⁴⁶.

И Азов, и Казы-Кермен являлись отдаленной периферией империи, поэтому их падение было для Порты не таким чувствительным, как сокрушительные поражения от австрийских войск и утрата обширных густонаселенных территорий на балканском театре военных действий. Тем не менее общую угрозу продвижения России к устьям Дона и Днепра при султанском дворе прекрасно осознавали. И если экспедиция по отвоеванию Азова представлялась в тех условиях малореальной (трудности в снабжении крепости гарнизоном и припасами отчетливо проявились зимой 1695/96 г. и в ходе второй осады), то попытки отбить Казы-Кермен и остальные днепровские крепости были предприняты османами уже в самом скором времени.

³⁴⁶РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Д. 12. Ч. 3. Л. 329.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В 1697–1700 гг.

На заключительном этапе войны с Османской империей и ее союзниками Россия фактически перешла к оборонительной стратегии, призванной сохранить завоеванное. Это не было сознательным решением московских властей. Официально, в соответствии с условиями Венского соглашения февраля 1697 г., предполагалось продолжать наступление на врага. Уже в 1697 г. планировался поход на Очаков. Захват этой крепости полностью поставил бы под контроль российской армии все нижнее течение Днепра. Однако отъезд царя в составе Великого посольства существенно снизил темпы подготовки новой военной кампании. Военачальники же больше думали о том, как не допустить значимых потерь, которые плохо сказались бы на их карьере, чем об усилении натиска на противника. Кроме того, османские власти осознали степень угрозы со стороны Москвы и задействовали для борьбы с Россией существенно больше войск, чем в предыдущие периоды.

Донской театр военных действий в 1697 г.

Одну из главных опасностей российские власти видели в том, что османы, не смирившись с потерей Азова, попытаются вернуть себе город. Помешать этому должен был Большой полк А.С. Шеина, который, как и годом ранее, был направлен под Азов. Такая концентрация сил оказалась стратегической ошибкой. Турки и татары получили возможность более свободно действовать на других направлениях.

Большой полк Шеина подошел к Азову 5 июня, пятью днями позже в лагерь прибыли 5 тыс. донских казаков, которыми командовал Лукьян Максимов, а к 11 июня войска пополнились отрядом из 3 тыс. калмыков Аюки под командованием тайши Мункотемира Солом-Сереня¹.

Сколько-нибудь значительных контингентов противника под Азовом не обнаруживалось. Появлялись лишь относительно небольшие группы от 50 до 300 человек². Вероятнее всего, в их обязанность входила разведка. Чтобы получить точные сведения о местоположении врага, Шеин отправил разведывательный отряд в составе 100 калмыков и 40 донских казаков, а позднее еще 15 калмыков³. Из разных источников приходили известия о том, что с Кубани под Азов пойдет то ли 27 тыс.⁴, то ли 10 тыс., то ли 15 тыс. человек⁵. Правда, появлялись также известия о том, что в распоряжении стоявшего на Кубани калги Девлет-Гирея находится всего 3 тыс. человек и он попросил подмоги у находившихся в Темрюке турок⁶.

¹Статейный список похода в Азов боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина, в 1697 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 7. Одесса, 1868. С. 149–150. Гордон оценивает число донских казаков в 4 тыс. человек. См.: Гордон П. Дневник, 1696–1698 / пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Р. Рыженков. М., 2018. С. 89.

²Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 88.

³Статейный список похода в Азов... С. 151, 154.

⁴Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 97.

⁵Статейный список похода в Азов... С. 153, 154.

⁶Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 92.

20-м июля в документах Шеина датирована запись о приходе под Азов войска противника, состоявшего из кубанских татар, горских черкесов, кумыков, конных янычар и др., которые при подходе к русскому лагерю убили и взяли в плен около 50 человек, захватив 400 лошадей⁷. В этот же день состоялось сражение: «И был бой, зело страшен и велик, а было бою того числа десять часов, а бусурман было на том бою татарове и иных бусурман, которые с ними были, тысяч с шестнадцать, а иные стояли в скрыте, для опасения»⁸. Столкновение окончилось решительной победой русских войск.

В данном описании смущают сведения о числе погибших в этом «страшном» и «великом» бою: больше 70 человек со стороны противника и ни одного — в русском стане⁹. Удивляют и приведенные полководцем данные о числе нападавших. Противнику ни разу не удалось собрать в степях под Азовом столь огромного войска. Ситуация становится понятной при обращении к дневнику Гордона, который определил общую численность нападавших в 5 тыс. человек¹⁰. Эти данные гораздо лучше соотносятся с тем количеством конницы, которое противнику удавалось собирать под Азовом в предшествующие годы. Для успешных действий против Азова этого было явно недостаточно. Да и особенно кровавым данное столкновение в дневнике Гордона не выглядит. Больше всего это нападение похоже на демонстрацию сил, получившую в статейном списке Шеина весьма гиперболизированное отражение.

После сражения 20 июля противник отступил. Вскоре Шеин начал распускать войска, назначив общее возвращение из-под Азова на 8 августа¹¹. По официальному сообщению Посольского приказа, предназначенному для передачи союзникам по антитурецкой коалиции, сражение 20 июля завершало боевые действия в Приазовье, поскольку «бусурманы с крымскими, и с черкескими, и с нагайскими ордами» отошли «в дальние места за Кубань и за Лабу реки в горы и к морю»¹². В качестве основного итога кампании отмечалось, что Азов был укреплен новыми валами, сооружено три «земляных города», последний из которых находился «близь протоки морской, которая впадает в море в Понтус Ексинус»¹³.

Главным достижением османов в регионе Азовского моря в 1697 г. стала постройка крепости Ачуев в устье Черной протоки (одного из рукавов Кубани). Строительство началось весной (в Великий пост). Для этого турки отправили 30 каторг, 6 галиасов, 6 фуркатов и 16 меньших судов с 1 тыс. конных дворян (сипахов) и 7 тыс. пеших солдат. Ими командовал Али-паша, а также Магмет-ага, «которой в Цареграде судебную управу над всеми ведает»¹⁴. По другим данным, каторг было 12, а галиасов — 10. В качестве командующих здесь также указан Али-паша и «небольшой» паша Мемет Дербиш¹⁵. Судя по источникам, упомянутый здесь Али-паша — тот самый военачальник, который ранее оборонял Азов: «в то время, как Азов

⁷ Статейный список похода в Азов... С. 155–156.

⁸ Там же. С. 156–157.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 96.

¹¹ Статейный список похода в Азов... С. 159–160.

¹² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 760 об. – 761.

¹³ Там же. Л. 761–761 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 97, 98.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 1.

взяли, в тамошних странах был сераскером»¹⁶. В состав этой экспедиции входил отряд янычар под командованием Мусла-аги, ранее, после взятия русскими войсками Азова, направленного в Кафу для защиты от возможного нападения¹⁷.

Ачувев строился из дерева. Он представлял собой четырехугольник, у которого по углам было построено по четыре раската. Внутри деревянных срубов насыпалась земля. Длина стен составляла около 173 м (80 саженей), высота — 6,5 м (3 сажени). Ров имел ширину в 6,5 м (3 сажени), а в глубину — более 1 м (1,5 аршина). На раскатах и стенах стояло около 20 больших и малых пушек. В нем был оставлен гарнизон в 300 янычар¹⁸. По другим данным, общая численность оставленного в Ачуеве гарнизона составила 500 турок и 300 татар, а артиллерия ограничивалась 6 пушками, присланными из Керчи. Турецкие власти пошли на крупные расходы. Янычарам было обещано «по 20 ефимков и по сукну на год», а татарам выдали по 6 руб.¹⁹ Имеются также сведения, что кроме турок в крепости были оставлены кубанские черкесы²⁰.

В следующем году российские власти получили известие, что в новую крепость перевели турок, выведенных из Азова: «а которые де турецкие люди жили в Азове, и после взятия Азова выехали, они все живут на Черной протоке в новопостроенном городке Ачове»²¹.

Оборона Тавани и Казы-Кермена в 1697 г.

С началом года в Москве обоснованно ожидали очередных татарских набегов на южное пограничье. С целью сбора информации о намерениях противника в марте 1697 г. миргородский полковник Данила Апостол и полтавский полковник Иван Искра послали для взятия языков отряд общей численностью в 400 человек. Они захватили у Перекопа верблюдов и волов. Правда, при отступлении часть отряда отстала и семь человек попали в плен²².

Вскоре войска противника совершили крупный набег на российские «украинные» города. Для похода были использованы силы, которые прошедшей зимой собрал на Кавказе отошедший в Кабарду после взятия русскими войсками Азова калга Девлет-Гирей. Он пришел в Крым с Кубани «со многою кубанскою ордою, а с ним Кубек-ага, и калмык Сазанка». Эти войска вместе с нураддином Шахин-Гиреем вышли из Крыма «со многою крымскою ордою, и с янычены, и с четырьмя пушки». Придя на речку Тор, «они, салтаны, с ордами стали кошем». Из этого войска 6 тыс. человек «с янычены и з двумя пушки» были использованы для нападения на Тор. Первым объектом нападения стал торский «дровяной табор» в 400 человек, который направлялся через урочище Монатиху за дровами. 16 мая татары отправили вперед разведывательный отряд. Увидев его, охранявшие табор казаки вышли из созданных в урочище укреплений и ударили на врага. Они захватили двух пленных, которых увели с собой. В этот момент основная часть татар атаковала казаков из засады. В итоге дровяной табор был захвачен. После этого неприятельское войско

¹⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 201 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 5.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 97, 98.

¹⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 5–6, 11.

²⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 1.

²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 240.

²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 127.

направилось под Соляной. Оно сожгло посад Тора и солеварни. Отбились только те жители, которые смогли укрыться в крепости. Кроме того, 15 мая татары приходили под города Изюмской черты — Валки и Новый Перекоп, где «на валковском водоеме и против старых валов» взяли в полон местных жителей, убив двоих из них. Также было захвачено шестеро перекопских жителей²³. Взятый в плен под Тором сотник Микифор Мазан бежал на следующий год в Тавань и сообщил, что в походе участвовал также и Муртаза-паша²⁴.

Если на донском театре военных действий российское командование изначально планировало оборонительные действия, то на днепровском направлении, несмотря на начавшиеся весной набеги крымцев, кубанцев и калмыков, предполагалось атаковать противника на Черном море. В поход должны были отправиться запорожцы. Кошевой атаман Григорий Яковенко писал, что государь пожаловал запорожцам из брянских лесов материалов на 40 морских стругов, а также припасы к ним²⁵. О готовности к «раннему вешнему морскому походу» Яковенко сообщал 1 марта²⁶.

Военные действия не должны были ограничиваться силами одних запорожцев. Накануне отъезда в Великое посольство 20 февраля Петр указал И.С. Мазепе и сменившему Шереметева на посту воеводы Белгородского полка князю Я.Ф. Долгорукову совместно совершить поход к Очакову. Этот поход изначально планировался как «водяной морской». В сходные товарищи Долгорукову назначался думный дворянин С.П. Неплюев, а также брат Якова Федоровича — князь Л.Ф. Долгоруков, получивший должность севского воеводы. На помощь ему отправлялись московские стрелецкие полки Василия Елчанинова и Михаила Кривцова. Неплюев со стрелецкими полковниками должен был принять в Брянске струги у стольника Сильвестра Огибалова и идти на них Десной и Днепром до Переволочной. Здесь Неплюеву полагалось дожидаться Долгорукова и Мазепу и «объявить» им суда и запасы. Последние должны были погрузиться в суда и идти «под Ачаков и под иные турецкие городы». Операция планировалась в том числе и для отвлечения внимания противника от Азова и других мест²⁷.

Отметим, забегая вперед, что этот план реализован не был. Фактически основная часть армии гетмана и воеводы большую часть времени двигалась по суше и дошла только до Тавани. К этому времени турки успели построить новые укрепления на наиболее опасных направлениях и собрать войска для удара по днепровским городкам.

Н.И. Костомаров писал, что к 11 мая для похода вниз по Днепру сделали 600 лодок и 70 морских стругов. К 23 мая были сплавлены еще 90. К концу весны Неплюев доставил из Брянска еще 121 струг²⁸. Отметим сразу, что именование судов в документах неустойчиво. Судя по всему, слово «струг» было общим для крупных судов разных типов. К примеру, в одном из документов указано, что «ныне налицо стругов под Переволочною сорок, под Арелью дватцать шесть, в том числе и байдаки»²⁹.

²³РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 92–93.

²⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 115.

²⁵РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 49–49 об.

²⁶Там же. Л. 57.

²⁷Там же. Л. 62–66.

²⁸Костомаров Н.И. Мазепа // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. СПб., 1905. С. 465–466.

²⁹РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 240 об.

Позднее среди морских судов, участвовавших в походе, упоминаются байдаки³⁰ и фуркаты. Очевидно, что они должны фигурировать среди отмеченных Костомаровым «морских стругов».

Фуркаты в 1697 г. впервые фигурируют среди судов, построенных для плавания по Днепру. Откуда такие суда появились, позволяет понять грамота, отправленная из Москвы Мазепе 10 марта 1697 г. В ней объясняется задержка в столице запорожских мастеров стругового дела: «А припасы к тем стругам надлежащие с Москвы к тебе, подданному нашему, посланы, да запорожцы стругового дела мастера Василий Бугуш с товарищи пять человек во Брянск отпущены ж февраля в 22-м числе, да с ними ж послан дворянин наш Микифор Леонтьев сын Тинков. А задержаны они были на Москве для нашего ж дела и оказывания нового морского судна»³¹. Очевидно, что запорожские судостроители знакомились с конструкцией галер, которые с января 1696 г. строились в Преображенском по образцу привезенной из Архангельска голландской галеры³².

29 апреля в Москву пришло по почте письмо от Мазепы, в котором он сообщал, что 18–19 апреля они с Долгоруковым обсудили планы кампании и решили сходить на Коломаке или Орчике, оттуда идти к Новобогородицку, а уже там погрузиться на суда и двинуться к Черному морю. Гетман писал также, что в поход они отправятся только тогда, когда будут сделаны морские суда. Их же строительство задерживается из-за медлительности брянского и трубчевского воевод, а также из-за того, что не были вовремя доставлены из Москвы необходимые для оснастки судов материалы³³.

Перенос места погрузки на суда от Переволочной вниз по Днепру к устью Самары выглядит странно, поскольку увеличивает расстояние, которое полкам предстояло пройти пешком. Но еще более странной выглядит новая точка соединения войск. Чтобы попасть к Коломаку и Орчику, Мазепе предстояло сделать большой крюк к востоку от Днепра. Складывается впечатление, что гетман и воевода изначально старались оттянуть начало своего похода на Черное море. В одном из более поздних писем, когда войска уже погрузились на суда, Мазепа писал о плавании по Днепру: «сей плавный поход всему войску есть новой и необыкновенной»³⁴. Можно предположить, что не имевший опыта организации морских походов гетман просто боялся предстоящего предприятия и не желал брать на себя ответственность за его возможную неудачу.

Для того чтобы правильно оценить последующие события, необходимо остановиться на вопросе о численности войск, которые двинулись в «плавный» поход. С российской стороны указом от 19 мая на службу назначено «в Белгородском розряде нашим великого государя ратным людям указному числу конным в полковой сотенной службе десяти, пешим в салдацких и в стрелецких в дватцати полках и с теми, которые ныне в Белегороде и в Курску в московских стрелецких в жилых полках дватцати тысяч, всего тритцати тысяч человек»³⁵. Надо полагать, что и Ма-

³⁰ Плоскостонные суда с одной мачтой.

³¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 109 об. – 110 об.

³² Богословский М.М. Петр Великий: материалы для биографии. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697 / отв. ред. С.О. Шмидт; подгот. текста А.В. Мельникова. М., 2005. С. 274–275.

³³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 229–232.

³⁴ Там же. Л. 611.

³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1659. Л. 10.

зепы выставил близкое по численности войско. Таким образом, в распоряжении военачальников имелось около 60 тыс. человек.

25 мая гетман приказал выступить из Батурина³⁶. 7 июня Мазепа пришел с полками к р. Коломак, встретившись там на следующий день с Я.Ф. Долгоруковым. Вместе они дождались Л.Ф. Долгорукова, организовав 11 июня общий съезд³⁷. 14 июня объединенное войско выдвинулось в сторону Днепра. При этом Долгоруков оставил под командованием брата, Луки Федоровича, «для охранения» 4565 человек³⁸. К Днепру полки дошли лишь 24 июня³⁹.

Между тем турки не собирались ждать прихода российского войска под Очаков, а сами решили вернуть Казы-Кермен. В конце мая к днепровским городкам подошел разведывательный отряд противника. 30 и 31 мая на левой стороне Днепра «подъезжали» многие татары и янычары. Они стреляли по Шингирею из «яныченок». Посланные для защиты Шингирея солдаты Курского полка «учинили» отпор противнику⁴⁰. Обращает на себя внимание, что российские войска даже не пытались контролировать укрепления Ислам-Кермена (Аслана) на крымском (левом) берегу Днепра. На это не хватало имеющихся сил. К середине июня уже имелась информация о том, что в устье Днепра стоят несколько турецких галер, закрывая путь в Черное море. Знали также и о том, что турки стягивают войска к Очакову. Правда, известия о численности противника были очень противоречивыми. По одним данным, речь шла об огромной сотысячной армии, а по другим — только о 3 тыс. янычар и 10 тыс. кавалерии⁴¹.

Турки действительно активно готовились к новому этапу боевых действий в регионе. Кампании 1695–1696 гг., завершившиеся потерей османских укреплений в устье Дона и Днепра, вызывали серьезное беспокойство султанского правительства за судьбу Очакова. Составленное в 1695 г. описание крепости свидетельствовало о плачевном состоянии ее укреплений, неспособных выдержать натиск серьезного противника. Помимо их ремонта предполагалось сооружение трех новых бастионов. Осенью 1696 г., после потери Азова, турки начали завозить под Очаков известь, камень, деревянные балки и другие материалы для срочного ремонта укреплений крепости⁴². Ремонтные работы были поручены сераскеру (главнокомандующему) эялета Силистра Юсуфу-паше, прибывшему под Очаков с войсками в 1697 г. Результат этих работ отражен в одном из русских источников, сообщающих, что турками был сооружен новый «город» (речь, конечно же, о починке / возобновлении укреплений существующего замка) — «деревянной рубленой в две стены, промеж стен насыпано хрящем, а промеж тех стен в толщину будет полтретью сажени. Да около того города выкопан ров в глубину десяти, в ширину трех сажень. А жилецких де боевых людей в том городе будет с пять тысяч человек. А для осадного времени той же весны

³⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 423.

³⁷ Там же. Л. 505–505 об.

³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1–2.

³⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 513.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 290.

⁴¹ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 94.

⁴² Finkel C., Ostapchuk V. Outpost of Empire: an appraisal of Ottoman building registers as sources for the archeology and construction history of the Black sea fortress of Özi // Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. Vol. 22 / ed. by G. Necipoğlu. Leiden; Boston, 2005. P. 165.

в тот город пришло войсковых людей пехоты четыре тысячи человек»⁴³. После этого Юсуф-паша отправился под днепровские городки. Свое войско он повел вдоль морского побережья до Днепра, а потом переправился через Днепр и двинулся вверх по реке с крымской стороны с 8 тыс. человек⁴⁴.

Сосредоточение русско-украинского войска перед первым днепровским порогом у Кодака, чуть ниже по течению от стоящего в устье Самары Новобогородицка, шло крайне медленно. 2 июня первым сюда подошел с ратными людьми, известью для строительства крепости, различными запасами и «мореходными суды» думный дворянин С.П. Неплюев. Остановившись перед порогами, он направил князю Я.Ф. Долгорукову депешу с просьбой о присылке «прибавочных людей» для охраны переправы через пороги. Также Неплюев связался с кодацкими казаками и полковником, которым писал «с великим прилежанием и приветом, твоим, великого государя, указом и денежным жалованием». Кодацкие казаки предложили переправлять суда через пороги, предварительно разгрузив их. Про байдаки они сказали, что таких больших «бойдаков» через пороги еще не проходило и через порог «Ненасытец» их придется переволакивать, поскольку провести будет невозможно даже порожними. В связи с этим Неплюев писал Долгорукову, что необходимо выгружать известь и хлеб, а делать эту работу некому. В итоге, только 9 июня кодацкие казаки разгрузили суда и начали их проводку, оставив лежащие на берегу грузы в ожидании «прибавочных» людей. Для перевозки грузов Неплюев взял с Самары 40 лошадей, телеги и 2 пушки.

Долгоруков, сославшись с Мазепой, 7 июня писал под Кодак, что сходному воеводе надо вперед переправлять грузовые суда, а «мореходные суды, и что взяты будут в Орле городке и на Самаре в Новобогородицком, каторые починены вновь, и к пловному походу в готовности, оставить выше порогов, где пристойно», пока гетман и воевода договорятся о «прибавочных» людях. 15 июня Долгоруков вновь писал к Неплюеву и прислал к нему два полка — Ефремовский (Андрея Митчеля) и Мценский (Ефима Фанвердина). 16 июня Неплюев с грузовыми судами преодолел Кодацкий порог и пошел к Ненасытцу. Морские суда были оставлены с московскими стрельцами.

19 июня думный дворянин, достигнув Ненасытца, начал новую разгрузку с судов. 23 июня он получил от воеводы с гетманом указание переправлять также и морские суда. На следующий день Неплюев вернулся к Кодаку, где 25 июня, уже после прихода Долгорукова, силами местных жителей началась переправка мореходных судов. 26 июня воевода прислал к Неплюеву 752 московских стрельца и солдата, а также 12 байдаков, взятых с Самары. Все суда преодолели Кодацкий порог 28 июня. Уже 1 июля Неплюев вернулся к Ненасытцу, переход которого был завершён к 11 июля. Мореходных судов через этот порог было проведено 58, а грузовых и «прибавочных» — 86. Известь и хлебные запасы перевезли сухим путем по правой стороне Днепра и вновь загрузили в струги. Под последний порог, Вольный, Неплюев пришел 15 июля, где и «объявил» суда пришедшему правым берегом Долгорукову⁴⁵.

Длительная задержка спустившихся вниз по Днепру судов у Кодака самым плачевным образом сказалась на прохождении днепровских порогов. Долгоруков, со-

⁴³РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1175.

⁴⁴Там же.

⁴⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 187–193.

общая в Москву о потерях при сплаве через пороги, писал: «А потопло на тех порогах два фурката да осмнатцать стругов». Крупные суда пришлось проволакивать через пороги вóротами. Из-за этого многие из них пострадали и их пришлось чинить⁴⁶. Кроме того, разбились 53 обычные лодки⁴⁷.

Тревожные вести заставляли спешить к днепровским городкам, однако Долгоруков и Мазепа медлили. С 3 по 11 июля их войска переправлялись через Днепр около урочища «Чернецкого перевозу», а затем двинулись вниз к окончанию порогов. 13 июля они пришли к пристани в урочище ниже Вольного порога, где встретились с судами Неплюева⁴⁸. Между тем, учитывая, что сходный воевода привел свои струги к месту переправы еще 2 июня, переправа могла состояться как минимум на месяц раньше. Кроме того, в соответствии с рассмотренным выше первоначальным планом кампании, Неплюев должен был «объявить» суда Долгорукову и Мазепе выше порогов. В реальности же военачальники сначала задержали сплав судов, а потом поручили эту операцию Неплюеву, фактически переложив на него ответственность за потери на обмелевших порогах.

18 июля гетман и воевода, оставаясь еще на пристани ниже порогов, получили известие от находящегося в Тавани воеводы Василия Борисовича Бухвостова о приходе к днепровским городкам татар⁴⁹. На следующий день Долгоруков написал в Москву, что хан стоит на Каланчаке, а своего сына «Бенек-Гирея-салтана» он послал в Белгородчину за Белгородской Ордой и турками, которых прислано в Очаков 12 тыс. человек. Долгоруков утверждал, что эти войска идут с пушками под украинные города, «пропустя меня, холопа твоево»⁵⁰.

По вестям из Тавани, воевода «отпустил» на Коломак на помощь брату Луке Долгорукову еще 1,2 тыс. человек. Они прошли до Кодака, но здесь их остановил гадячский полковник, поскольку за неделю до того татары перешли р. Самару на Пищальном броне и отряд мог с ними неожиданно столкнуться⁵¹. Кроме того, Долгоруков попросил подкрепления из Большого полка Шеина, написав последнему о присылке «прибавочных» войск⁵².

Таванскому гарнизону также была направлена подмога. Гетман послал вперед черниговского полковника Якова Лизогуба с 3,2 тыс. казаков, а Долгоруков выделил отряд под командой Неплюева. Кошевому атаману Григорию Яковенко были выданы деньги на жалованье для 4 тыс. запорожцев. Двигаясь к днепровским городкам, Мазепа и Долгоруков оставили на острове Томаковка тяжелый обоз и орудия, а сами пошли вниз по Днепру⁵³. Часть войска села в суда, а остальные двигались сухим путем⁵⁴.

В это время днепровские городки действительно подверглись нападению, однако успешно справились с противником. 14 июля по крымской стороне Днепра подошли татары и неожиданно захватили Ислам-Кермен, откуда начали стрелять по Шингирею

⁴⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 99–100.

⁴⁷*Эварницкий Д.И.* История запорожских козаков. Т. 3. 1686–1734. СПб., 1897. С. 254.

⁴⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 98–100.

⁴⁹Там же. Л. 100.

⁵⁰Там же. Л. 103.

⁵¹Там же. Л. 109–110.

⁵²Там же. Л. 104.

⁵³*Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 467.

⁵⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 108.

из пушек. Враг также предпринял попытку блокировать таванские укрепления, заняв позиции выше по Днепру. Используя ушколы (ушкалы)⁵⁵, татары переправились через Днепр на острова, где стали захватывать людей. Бухвостов предположил, что неприятель пытается помешать передаче известий о происходящих событиях. Казаки также сообщали таванскому воеводе, что от Очакова по Днепру поднимаются суда с большим числом войск⁵⁶. У Гордона со ссылкой на «губернатора Тавани» приводились сведения о численности движущихся к днепровским городкам из Очакова турках — 6 тыс. пехоты на 30 галерах и других судах⁵⁷. Казалось, что это начало большой осады. Но данное нападение стало лишь пробой сил. Получив отпор, татары ушли⁵⁸.

Однако Бухвостову было очевидно, что впереди предстоял серьезный штурм. 18 июля в Таванск пришло известие, что один из казаков видел в 20 верстах ниже по Днепру, как идут турецкие войска на судах «и в бубны бьют, и на сурнах играют». Ночью по обе стороны Днепра в степи были видны «зарева многие». Для отправки этой вести Бухвостов нанял гонцов «в почту запорожских казаков дорогою ценою своими деньгами». К счастью для таванского гарнизона, постепенно начала приходить помощь. Так, отправленный из-под порогов авангардный отряд добрался до города 23 июля⁵⁹. А уже 25 июля достигли Казы-Кермена и Долгоруков с Мазепой⁶⁰.

Ознакомившись с ситуацией, командующие сначала приняли решение оставить Шингирей: «А городок Шингирей усоветовали покинуть для того, что от Таванска стоит в дальнем разстоянии и защищения от него Тованску никакова нет, потому что он стоит по реке Днепру выше Тованска»⁶¹. Оценивая значение Шингирея для обороны Тавани, полководцы не учли, что шингирейские укрепления мешали туркам подниматься по реке выше Таванского острова, перекрывая огнем Конские Воды, а также прикрывали Таванский остров от находящегося на крымской стороне Ислам-Кермена. Указанные обстоятельства довольно скоро заставили обоих военачальников пересмотреть свое решение.

В период до подхода основных сил противника усилия Мазепы и Долгорукова были сосредоточены на перестройке Тавани. Уже 25 июля началась работа по возведению дополнительных укреплений⁶². Они строились вокруг турецкого каменного форта: «осмотря места велели около прежнего города Тавани, где ныне сидят запорожские казаки, зделать город по обыкновению городского строенья с лица каменной, а изнутри землею, так же и ров с обе стороны выкласть камнем. А мерою вновь того заложенного города в округе четьреста семнатцать сажень»⁶³.

О том, в каком состоянии находились таванские укрепления, мы узнаем из отписки Долгорукова, датированной 8 сентября. В ней имеется подробное описание возведенных укреплений: «Городового строенья с лица и ров с обе стороны каменной, а изнутри города земляной. По мере того города кругом четьреста семнатцать сажень, шириною в подошве шесть сажень. Да сверх тех каменных стен выложено

⁵⁵ Небольшие гребные суда.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 102.

⁵⁷ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 98.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 290.

⁵⁹ Там же. Л. 290–291.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 61.

⁶¹ Там же. Л. 62.

⁶² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 291.

⁶³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 61–62.

земляным дерном. Груднова щиту в ширину сажень с четвертью с выводы. В тех де выводах и по всей городской стене пушечные и оружейные бойницы. Да к реке Днепру одни ворота, да з другую сторону калитка, да подле выводу на поле подлаз»⁶⁴. Это известие следует дополнить. В составленных на следующий год описаниях упомянуто четыре раската (бастиона), усиливавших оборонительные возможности крепости. По мере разрушения укреплений в ходе последовавшей осады поврежденные участки перекрывали турами, наполненными землей и камнями. Старая турецкая крепость с пятью башнями была также встроена в новую оборонительную систему, хотя ее укрепления в ходе штурма были по большей части разрушены⁶⁵.

28 июля на крымской стороне вновь стали появляться татары⁶⁶. Долгоруков послал на крымскую сторону ниже Шингирея «конных копейщиков рейтар», «курских новокрещенных калмыков», донских кормовых казаков, Белгородский стрелецкий полк и гетманских казаков. Утром 29 июля они вступили в бой с неприятелем⁶⁷. Сведений о его итогах в послании Долгорукова отсутствуют.

30 июля к днепровским городкам подошли основные силы крымского хана, а также турецкий паша с конными турками, «с пушки и с можжеры (мортиры. — *Авт.*)». Они стали за Конскими Водами ниже Ислам-Кермена против Шингирея и «ошенивались». По берегу были сооружены укрепления, из которых турки стали обстреливать Шингирей из пушек и мортир, а также вести непрерывно днем и ночью стрельбу «из мелкого ружья». В результате противнику удалось «сбить» башню. Это произошло из-за того, что в каменных стенах городка связи были деревянные, а не железные и на момент осады уже «выгорели». Долгоруков и Мазепа послали в Шингирей, на помощь находящемуся там Курскому полку, стрелецкий и солдатский полки, а также воинов «гетманского регименту», которые отвечали огнем по находящемуся за Конскими Водами неприятелю⁶⁸. Как видим, появление противника подвигло Долгорукова и Мазепу изменить свое мнение по поводу ценности шингирейских укреплений и принять меры по его обороне. В последующие дни вокруг городка были вырыты шанцы⁶⁹.

Белгородская (Буджацкая) орда, во главе которой стоял сераскир Кази-Гирей (Газы-Гирей), появилась у Казы-Кермена 2 августа. Ногайцы напали на нежинского полковника Ивана Обидовского, который занимал шанцы, сооруженные под стенами Казы-Кермена в 1695 г. Во время притворного отступления противник выманил из шанцев отряд казаков служившего под гетманским началом князя Юрия Святополк-Четвертинского. Многие из них погибли или попали в плен, в том числе и сам князь. После этого табор Обидовского пришлось вывести на стругах в более безопасное место⁷⁰. Гордон определял общее число понесенных казаками потерь в 200 человек⁷¹.

⁶⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 938–939.

⁶⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 187–190; 206–217.

⁶⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 63.

⁶⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 418.

⁶⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 291–292; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 63.

⁶⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1066.

⁷⁰*Заруба В.Н.* Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993. С. 135; *Лазаревский А.М.* Семья Скоропадских. (1674–1758) // Исторический вестник. 1880. Т. 2. № 8. С. 720–721.

⁷¹*Гордон П.* Дневник, 1696–1698. С. 109.

Одновременно на другом берегу Днепра, ниже Шингирея, несколько сот татар и турецкая пехота перебрались за Конские Воды на Таванский остров. Против них была послана пехота и конница. Не выдержав атаки, нападавшие отступили назад на крымскую сторону реки⁷². Нападение предприняли войска силистрийского сержанта Юсуфа-паши, пришедшие под Тавань раньше других турецких частей. Повнесенные турками при наступлении потери были относительно небольшими: «в бытность их, как они к Шингирею приступали, убито их бусурманских войск человек с тридцать и больши. Да ранено человек с сорок»⁷³. Надо полагать, что турки лишь пробовали на прочность позиции противника, не пытаясь идти на генеральный штурм. Российские потери при обороне Шингирея известны лишь частично. Курский полк между 30 июля и 20 августа потерял ранеными и больными 124 человека⁷⁴.

9 августа появились известия о том, что в Днепр с моря вошли турецкие суда, а 10 августа вражеский флот присоединился к осаждающим⁷⁵. Это были корабли Метет Дербиша-паши⁷⁶.

Как представлял себе сложившуюся вокруг Тавани ситуацию Долгоруков, мы видим по его письму, отправленному с Таванского острова 10 августа⁷⁷. Суть этого послания пересказал в своем дневнике Гордон: «...как грозная сила крымских татар с частью турецкой пехоты явилась к Аслан-городу, а великая мощь белгородских татар пришла с другой стороны к Казы-Кермену, турки из Очакова с артиллерией и боевыми припасами на более чем 100 галерах или фуракатах, как их называют, помимо прочих лодок и судов, идут вверх по Днепру; он имеет верные сведения от пленных и иных, бежавших от тех, что те намерены осаждать и атаковать форты Тавань и Шангирей, а также удерживать там его и гетмана с их войсками; хан тем временем может со всей своей мощью напасть на Украину и разорить страну»⁷⁸. Таким образом, Долгоруков видел вражеский замысел в нападении на украинные города с блокированием основной российской армии под Таванью. Военачальник подчеркивал, что противник уже реализует план блокады: «...и выше Ослана учинили вновь многие шанцы и поставили пушки на воду, знатно имея намерение, чтоб нас не пропустить судами в верх»⁷⁹. Долгоруков также указывал, что запасы для его полков удалось доставить лишь до Вольного порога, что многие люди болеют, а у войск возникла великая нужда в порохе, а также скудость в судах⁸⁰. Позднее основной акцент в объяснении причин отступления от Тавани сместился именно в сторону недостаточного числа имевшихся в его распоряжении запасов.

По распространяемому за рубежом официальному сообщению Посольского приказа, причиной отхода основных сил от Тавани была скудость «в запасах и конских кормех»⁸¹. В своих донесениях Долгоруков представлял совсем безрадостную

⁷² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 64.

⁷³ Там же. Л. 1176.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 207.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 65.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 2.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 61–67.

⁷⁸ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 105.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 65.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1660. Л. 25–26.

⁸¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 762.

картину: войска якобы «питались терном и лесным плодом»⁸². Достоверность этих сведений вызывает сомнения. Кажется очень странным, что рассчитанные на осаду Очакова припасы оказались столь незначительными. Отступление воеводы от Тавани вызывало вопросы уже у современников. Главе Разрядного приказа Т.Н. Стрешневу даже пришлось оправдываться перед находившимся в Великом посольстве Петром I, отвечая на вопрос: «...каким злым порядком отступили от Таванска белогороцкой воевода и гетман, оставя неприятеля блиско?»⁸³

Тем не менее, по отпискам военачальника, в Москве приняли решение, позволяющее Долгорукову сдать днепровские городки противнику, если число приведенной турками пехоты превысит 10 тыс. человек: «а буде болши десяти тысяч пехоты будет, а выручить будет нельзя, людей вывезть, а город во многих местех подорвать»⁸⁴. Казы-Кермен Долгоруков решил оставить, поскольку «то место ко одержанию твоим великого государя ратным людем трудно, а неприятелю ко взятию способно для того, что с степи приход свободной и подкоп весть удобно»⁸⁵.

20 августа Долгоруков и Мазепа отступили от Тавани, сели на суда и двинулись вверх по Днепру. К 26 августа они поднялись до острова Томаковка напротив Сечи, а оттуда по белгородской стороне двинулись к переправе через Днепр у Чернецкого перевоза⁸⁶. Морские суда оставили в Сечи: «а водные суды морские фуркаты и бойдаки, и лотки, на которых с полками пришли к тому вышепомянутому острову, послали в Сечю московских стрельцов Курского жилого полку с подполковником с Андреем Колпаковым, дав ему для згонки и береженья тех судов ратных людей»⁸⁷. Часть морского каравана осталась в Тавани. О судьбе этих судов позднее, осенью 1697 г., писал Долгорукову Бухвостов: «а которые де после твоего походу в Тавани остались фуркаты и байдаки заправлены, и те де от неприятельских людей ис пушек и бомбами разбиты же»⁸⁸.

Во главе обороны Тавани был оставлен воевода Василий Борисович Бухвостов, в подчинении которого оказались «Курской салдацкой полк, которой в Тавани был преж сего, да новоприборной салдацкой ж полк с полковники и с начальными людьми, да по половине дву полков московских стрелцов столников и полковников Василья Елчанинова да Михаила Кривцова»⁸⁹. Всего в городе находилось 2231 человек московских служилых людей с пушками, 500 запорожцев, обеспеченных денежным жалованием, «чтоб им сидеть в городе неотступно до весны», а также войска Мазепы, примерно равные по численности российскому гарнизону⁹⁰. Таким образом, в городе осталось менее 5 тыс. человек. Складывается впечатление, что гетман и воевода изначально не надеялись на то, что крепость устоит.

Исходя из первоначального плана, при отходе Долгоруков должен был уничтожить Шингирей. Он неоднократно писал о том, что эта крепость при отходе разрушена, а противник обосновался то ли «в разоренном великого государя от

⁸²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 902.

⁸³ПБПВ. Т. 1. СПб., 1887. С. 672.

⁸⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 77.

⁸⁵Там же. Л. 585.

⁸⁶Там же. Л. 941, 944.

⁸⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1660. Л. 112–114.

⁸⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 101.

⁸⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 939.

⁹⁰Там же. Л. 939–941.

ратных людей городе»⁹¹, то ли в земляных укреплениях рядом с ним: «перебрались бусурмане через Конскую воду и стоят с наметы в шанцах, которые остались у Шингирея»⁹². Однако из донесений воеводы Бухвостова очевидно, что Шингирей был просто брошен. Оставление форта оказалось серьезной стратегической ошибкой, благодаря которой турки смогли провести свои морские суда Конскими Водами вверх по течению и заблокировать Тавань с севера, лишив ее связи с Сечью. Враг также получил возможность использовать судовую артиллерию для бомбардировки города с северной стороны.

О том, что происходило в днепровских городках после спешного отхода Мазепы и Долгорукова, наиболее подробные сведения содержатся в отписке Бухвостова, составленной после окончания осады. События, которые определили дальнейший ход осады, относятся к 21 августа. В этот день Бухвостов послал в брошенный Казы-Кермен капитана московских стрельцов Гаврилу Глухова со стрельцами и солдатами, а также гетманских сердюков (всего 500 человек). В то же время люди Юсуфа-паши на судах переправились через Конские Воды и заняли пустой Шингирей. Он стал первым опорным пунктом турок на Таванском острове. Оттуда они подъезжали под Тавань «по вся дни». Бухвостов велел стрелять по ним из пушек, а также высылал людей на вылазки⁹³. Очевидно, что русский воевода стремился вести активную оборону. 23 августа запорожские казаки напали на идущие по Днепру четыре турецких судна и уничтожили одно из них⁹⁴.

В период между 21 и 26 августа со стороны турок серьезных боевых действий не велось. Шли приготовления к нападению: «Неприятельские люди, которые стояли против Шингирея и Асланкермена, через Конскую воду учинили мост, и по тому мосту на Тованской остров перебираютца, да к ним же де неприятелем в прибавку пришло крымскою стороною воинских людей многое число и стали против того ж мосту около Шингирея. Днепром и по Конской ездят на фуркатах и на ушколах. А в Шингирее по городу и по башням поставили свои бусурманские знамена. А знатно де, что они бусурманы город Шингирей учили строить. И чаят их неприятельского приходу к Таванску»⁹⁵. Причина задержки начала осады Тавани состояла в том, что турки все еще ожидали прихода Али-паши, который должен был привести войска из Ачуева. Они частично двигались на судах мимо Очакова через устье Днепра, а частично по суше — через Керчь и крымские степи. Узнав об этом от взятого в плен 24 августа турка, Бухвостов направил Долгорукову письмо с просьбой о подмоге⁹⁶.

Подробные сведения о том, что происходило у днепровских городков в последние дни августа и первые дни сентября, российское командование узнавало из отписок Бухвостова и от пойманных языков. В сентябре запорожцам удалось захватить в плен у Сиваша двух крымских татар, которые бежали со службы домой. В целом информация полоняников совпадала с известиями от таванского воеводы, хотя и отображала видение ситуации с противоположной стороны: «По отходе войск го-

⁹¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 309.

⁹²Там же. Л. 367.

⁹³РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1095–1067.

⁹⁴*Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. Ч. 3. От избрания Мазепы до уничтожения гетманства. М., 1830. С. 24.

⁹⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 941–942.

⁹⁶Там же. Л. 942–943.

сударских, хотя турки зделали чрез Конскую мост на суднах до Тованского острова, однако ни одной пушки не перевозили и шанцов не заводили около города Таванского, так ж и янычан не пересылали, для того, что боятца, чтобы одни их выласками из города Таванского, другие — сверху Днепра судами водяными, прибывши ночной поры, не выкололи ис шанцов государские войска. И так все межи посполством бурсурманским розглошено, что бутто задерживаютца от делания шанцов и со всяким своим промыслом первые паши до приходу Али сераскер-паши. Сераскир-паша преждепомянутый пришел туды к Товани с крымской стороны днем перед их отходом, то есть сентября 4-го числа, с которым пришло на возах и турецкого войска тысяч з десять. А суден никаких вновь снизу не пришло и не придут»⁹⁷. Таким образом, данный распрос зафиксировал момент, когда подошла та часть войска Али-паши, которая двигалась через Крым. Надо полагать, что вместе с ним пришел и кафинский Муртаза-паша, о присутствии которого под Таванью упоминают источники⁹⁸.

Пленники сообщили важные данные, касающиеся использования турецкого флота при осаде Тавани. Оказалось, что протока, соединявшая Конские Воды с Днепром против Таванского острова, в период осады обмелела так сильно, что крупные суда не могли проходить по ней свободно: «А суды де, то есть каторги, фрегаты, галиясы, стоят по Днепру возле берега от крымской стороны в трех часех езды от Тавани. А ближе подойти к Тавани опасаютца, чтоб казаки тайно ночью, подбежав, тех судов не пожгли. Да и итить де тем судам ближе к Тавани нельзя, потому что около Тавани в Днепре вода мала, а те суды великие. И по той малой воде теми судами ближе подойти отнюдь невозможно. А слышал де он от своих же, что те суды пришли для того, чтоб войск государских на Черное море не пропустить и поход их под Ачаков удержать»⁹⁹.

Крайне любопытны сведения, которые пленные татары сообщили о татарском войске. Оказалось, что пока турецкие отряды собирались у днепровских городков, татары постепенно покидали зону боевых действий. Оставшиеся же надеялись на скорое окончание осады: «Якож и поголоски носилися при их отъезде, что толко до некоторого праздника, называемаго Касима, постоят, которой праздник бывает сего месяца сентября во второнадесят числе. А о празднике оном тотчас пойдут восвосяи. Понеже из запасов выхарчилися и зимнее время наступает, которого зимнего времени турки не могут нимало здержати. И для тех мер, что бес кожухов на летнюю пору толко из домов в тот поход вышли. А и у татар тож велми скудно на харчь. Так ж и лошедям корму нет. И отнюдь негде взять, которые ради все до дому ити, но их застава турецкая конская округ поставленная удерживает. И тем потешает их, что болше до Касима стоять не будут. Так ж и белгородцкой орды часть еще стоит с салтаном на казыкерменской стороне, дожидаячися Касима и отходу турских войск. Однако уже болшая часть поутекала до дому. Тож для скудости харча самим и для коней корму»¹⁰⁰; «И давно они татаровя к своим жилищам итить готовы. И ради только турецкая конная застава, кругом постановленная, их удерживает и утешает, что болши не будут стоять по преждереченный праздник Касим. А Белгородцкой де Орды болшая часть для скудости конских кормов ушла домой»¹⁰¹.

⁹⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 433.

⁹⁸Там же. Л. 437.

⁹⁹Там же. Л. 438.

¹⁰⁰Там же. Л. 434.

¹⁰¹Там же. Л. 438.

Передышка, связанная с задержкой основных османских сил, позволила Бухвостову получить подкрепление, о котором он писал Долгорукову. Данные о посланной в Тавань помощи противоречивы. В одной из отписок Долгорукова говорится, что к днепровским городкам пошли полковник Василий Елчанинов со стрельцами, «гетманский регимент» Мазепы и 1,5 тыс. запорожцев¹⁰². Согласно другой отписке, Елчанинов вел 330 человек, а гетман послал 200 московских стрельцов полков Степана Стрекалова и Григория Анненкова, 200 сердюков и «несколько» городовых казаков¹⁰³. Сам же гетман писал 23 сентября, что от Томаковки послал 760 казаков Лубенского полка, а «придя под города», направил из Полтавского и Лубенского полков еще 1,8 тыс. человек, потом еще 1 тыс. из Нежинского полка¹⁰⁴. Запорожский атаман Григорий Яковенко через казака Лукьяна¹⁰⁵ сообщал, что с ним всего шло 1,3 тыс. человек¹⁰⁶. По нашему мнению, реальные (и гораздо более скромные) цифры приведены в отписке Бухвостова, который отметил, что к нему на помощь прислали 491 человека с полковником Василием Елчаниновым, 340 человек от гетмана с наказным полковником Андреем Яковлевым, а из Сечи с атаманом пришли 957 человек¹⁰⁷.

Наиболее полная информация о том, как подмога прошла в город, содержится в рассказе казака Лукьяна. По его сообщению, запорожцы выступили в среду 1 сентября, на следующий день соединившись с подкреплениями от Долгорукова и Мазепы. Двигаясь на судах в темное время суток, в ночь с пятницы на субботу они подошли к Костырскому острову и оттуда направились к старому городку (Ислам-Кермену) для внезапного нападения на турок. Однако противника обнаружить не удалось, так как турецких шатров, которые здесь стояли в начале осады, уже не было. После этого казаки вернулись к Костырскому острову и в субботу открыто поплыли к Казы-Кермену. В ответ на обстрелы из луков (со стороны татар) и огнестрельного (со стороны турок) оружия, запорожцы высадились на правый берег Днепра и отбили противника. Одновременно вспомогательный удар нанес гарнизон Казы-Кермена, к которому войско в итоге и подошло. После этого боя в субботу 4 сентября казаки переправились через Днепр и прошли в Тавань. Они стали у берега ниже города со своими судами, которые им удалось провести, отогнав татар¹⁰⁸.

В тот же день запорожцы хотели идти в Сечь, однако Бухвостов пообещал им жалование и уговорил остаться. Воевода боялся, что если запорожцы уйдут, то с ними сбегут и гетманские городовые казаки, а также «и из салдат были б

¹⁰²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 365.

¹⁰³Там же. Л. 943–944.

¹⁰⁴Там же. Л. 536.

¹⁰⁵В документе Лукьян не назван прямо посланником Яковенко. Сообщается, что он был «ис Тованского города с товариством октября 2-го числа при бывших при листу наказного атамана кошевого». Грамот при нем не имелось. Он извещал «словесною своею речью» (Там же. Л. 675). Его рассказ освещает события с точки зрения запорожцев, находившихся в Тавани. Поскольку Лукьян смог присоединиться к посольным наказного атамана Федоренко и был выслушан Мазепой, можно сделать вывод, что он имел определенный официальный статус и, следовательно, излагал точку зрения кошевого атамана Яковенко, командовавшего находившимися в Тавани запорожцами.

¹⁰⁶Там же. Л. 676.

¹⁰⁷Там же. Л. 1068.

¹⁰⁸Там же. Л. 675–677.

утеклецы»¹⁰⁹. Любопытно, что необходимых для жалования запорожцам денег в казне Бухвостова не имелось. Воевода занял требующиеся ему 600 руб. у полковника А. Нелидова (400 руб.) и таванского казака-запорожца (200 руб.)¹¹⁰. История с выплатой жалования запорожцам выглядит странно. Дело в том, что отправленным на выручку запорожцам якобы было дано 3 тыс. руб. (2 тыс. руб. от Долгорукова и 1 тыс. руб. от Мазепы). Однако в Запорожье привезли только 2 тыс. руб. (вероятно, выделенные воеводой), но и те не раздали. Судя по документам, случилось это по двум причинам. Первая — «малолюдство» в Сечи. Вторая — запорожцы сами «похотели идти без жалованья»¹¹¹. Обе причины кажутся надуманными. Вопрос о том, почему запорожцы якобы пожелали служить бесплатно, а потом передумали и стали требовать денег у Бухвостова, остается открытым. Складывается впечатление, что гетман и воевода то ли не смогли организовать выплату жалованья идущим против турок казакам, то ли оказались втянуты в какие-то интриги и борьбу за власть в Сечи, то ли просто скрывали от Разряда собственные финансовые махинации.

Войско с Сечи не только укрепило гарнизон, но и снабдило город недостающими боеприпасами. Позднее таванский воевода написал в Москву просьбу о компенсации затрат: «Да и в осадное де время за недостатком занято у запорожских казаков три тысячи ручных ядер пустых, да свинцу корыто большое»¹¹².

5 сентября запорожцы запланировали напасть на турецкие суда, которые стояли у нижней части острова. Однако к вечеру атаку решили отложить, поскольку большое число турок начало переправляться с крымской стороны на Таванский остров, где они «хоронились по протоком и боераком». В темноте османы выкопали под стенами крепости «знатной шанец»¹¹³.

Ночь с 5 на 6 сентября стала началом осады. Турки сосредоточили свои войска и начали решительное наступление. Утром осаждающие вырыли еще два шанца в сторону Тавани. Турецкие суда поднялись к городу и стали обстреливать его и стоящие вблизи казачьи суда. Казаки перенесли струги к городским стенам, а сами вошли в крепость. Согласно донесению запорожского атамана, отраженному позже в официальном отчете Посольского приказа, 36 вражеских судов поднялись выше Таванского острова, блокировав сообщение по воде с основными силами¹¹⁴. В отписке Бухвостова вражеский флот выглядит еще более внушительно: «...завели Конским протоком на Днепр-реку и поставили выше Тавани чрез реку против тех своих бурсурманских шанцов сорок фуркатов, дватцать две каторги да шеснатцать галетов»¹¹⁵. Учитывая склонность Бухвостова завышать численность противников, больше доверия вызывает первая цифра. Казаки же вскоре лишились своих судов. Их разбила турецкая артиллерия¹¹⁶.

Уже 6 сентября осажденные ответили на действия врага вылазкой, в ходе которой захватили ближайшие к Тавани шанцы, однако к неприятелю подошли подкреп-

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1068–1069.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 85, 102.

¹¹¹ Там же. Л. 288–294.

¹¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1659. Л. 53–54.

¹¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 678.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 762 об.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1070.

¹¹⁶ Там же. Л. 585.

ления, после чего защитники крепости отступили¹¹⁷. Затем противник начал рытье апрошей, защищенных дополнительными укреплениями, на которых устанавливались ломовые пушки (осадные орудия) и «мозжеры» (мортиры). С них и с неприятельских судов велся непрерывный обстрел¹¹⁸. Гордон сообщал о 6 мортирах¹¹⁹. К городу также подводился земляной вал¹²⁰. В документах, составленных по завершении осады, говорится о вражеских раскатах, которые пришлось «ломать» после отступления турок¹²¹.

Практически одновременно с началом осады Тавани активизировались боевые действия на правом берегу Днепра. 8 сентября турки начали обстрел Казы-Кермена¹²². Воевода Тавани Бухвостов успел заранее послать на помощь его защитникам 700 человек¹²³. Обороняющиеся укрепились в малом замке, который в 1695 г. турки оставили без боя. Благодаря этому его основные укрепления находились в относительно хорошем состоянии.

В случае, если бы противнику удалось установить контроль над Казы-Керменом, стратегическая ситуация изменилась бы очень существенно. Как выяснилось из допросов пленных, турки решили захватить укрепление и разместить там войска, которые при поддержке белгородских татар позволили бы блокировать Тавань и «выморить голодом» засевавший там гарнизон¹²⁴. 9 сентября состоялся штурм Казы-Кермена, окончившийся неудачей¹²⁵. В штурме участвовали турки, прибывшие на судах. По сообщению бежавшего с каторги гребца, они отправились к городу с лестницами, а потом принесли много раненых¹²⁶.

Провал первой атаки вынудил противника начать осадные работы. 14 сентября турки взорвали подкоп под укреплениями Казы-Кермена, обрушили часть стены и пошли на новый приступ, который также был отбит¹²⁷. Штурм 14 сентября продолжался с утра до полудня¹²⁸. После этого турки продолжили осаду: «И после де того вели третей подкоп и о том подкопе уведав инженер, которой оставлен в Тованском, велел перекопать ров и сделать вал на опасения от того подкопа»¹²⁹. В документах, описывающих осаду, имя инженера не упомянуто, однако известно, что в 1697 г. подводы «для тованские посылки» получал инженер Иван Адлер¹³⁰. Он благополучно пережил осаду, хотя в декабре 1697 г. числился больным, а потом вообще оказался при смерти¹³¹.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 763.

¹¹⁸ Там же. Л. 763.

¹¹⁹ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 115.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 763 об.

¹²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 361.

¹²² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 763 об.

¹²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1071.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 764.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 3.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 764 об.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 537.

¹²⁹ Там же. Л. 600.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 82.

¹³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 191, 211.

Противники продолжали осаду Казы-Кермена до 28 сентября, обстреливая город из пушек и мортир, после чего турки, не предпринимая попыток штурма, отошли¹³². К этому времени в занимаемом защитниками верхнем городе было разрушено до подошвы уже около половины крепостной стены¹³³. 29 сентября защитники Казы-Кермена вошли в турецкие шанцы и нашли там оставшегося во время отступления турецкого гранатчика, который сообщил, что осаждающие несут тяжелые потери¹³⁴. Надо полагать, что причиной отказа от штурма стали неудачные осадные работы.

Тавань была блокирована в середине сентября. Осаду пытались прорвать запорожцы. По одним сообщениям, кошевой Яковенко 22 сентября послал к Сечи на трех судах 90 человек с просьбой о помощи. Наказной кошевой Федоренко с 800 казаками и московскими людьми отправился на выручку. Однако из-за того, что наказной шел «явным способом», его заметили татары и дали знать туркам, которые выслали навстречу казакам суда. Запорожцы вступили с турками в бой, но увидев, что противник «не по их силе», вернулись в Сечь¹³⁵. В других документах, опирающихся на письмо наказного атамана Федоренко, история выглядит несколько иначе. Отличается как общее описание происходящего, так и хронология событий. По этой версии, связь с Казы-Керменом наладили из Сечи, послав на разведку одного из казаков. По возвращении он и привез письмо Яковенко с просьбой о помощи. 18 сентября наказной атаман с 1 тыс. запорожцев выступил в поход. Они шли на судах «морского каравана» Долгорукова и Мазепы, которые были оставлены в Сечи под охраной подполковника Курского стрелецкого полка Андрея Колпакова. Колпаков присоединился к запорожцам с пятьюдесятью подчиненными стрельцами. Казаки решили попытаться «збить» те турецкие суда, которые турки завели выше Таванского острова. Для этого запорожцы поставили 2 пушки на фуркате. Турки остановили их за 7 верст до Тавани. Не выдержав обстрела, запорожцы повернули обратно¹³⁶. Исход этого речного сражения был вполне закономерен, поскольку на стороне противника было подавляющее превосходство как по числу кораблей и орудий, так и по численности экипажей.

После этого командование долгое время не получало из Тавани никаких известий, кроме тех, что посланные на разведку в окрестности днепровских городков несколько дней не слышали стрельбы¹³⁷. Это заставляло предполагать самое печальное для российской стороны развитие событий.

Между тем турки усиливали натиск на Тавань. Они подвели апроши вплотную к стенам крепости, заняли ров и прорыли подкопы под три бастиона¹³⁸. Подкопы оказались неудачными: «на котором раскате стоял с Курским солдатским полком полковник Яков Мейн и он под тем раскатом подкоп, усмотря, перенял, и подкопщика в том подкопе закололи. А на два раската от шингирейской стороны, на которых стояли с полками своими стольник и полковник Василей Елчанинов, да стольник же и подполковник Алексей Балобанов с стрельцами, да стольник ж и полковник Афо-

¹³² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 764 об.

¹³³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 48.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 727–730.

¹³⁵ Там же. Л. 683–684.

¹³⁶ Там же. Л. 586–593.

¹³⁷ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 108.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 765.

нашей Нелидов с салдаты, перекопали до воды, чтоб от тех подкопов его нашим, великого государя, ратным людем утраты не было»¹³⁹. Осажденные также соорудили новые валы и рвы с внутренней стороны бастионов¹⁴⁰.

23 и 24 сентября неприятель предпринял две неудачные попытки склонить защитников к сдаче¹⁴¹. 25 сентября турки взорвали два уже известных оборонявшимися подкопа под бастионами Тавани, понеся при этом большие потери от собственных неудачно заложенных мин. При поддержке артиллерии с судов и береговых батарей враг трижды штурмовал Тавань, но успеха не достиг¹⁴². О том, что нападающие были близки к взятию города, говорит тот факт, что вражеские солдаты на раскат «з знаменами взбегали трижды»¹⁴³. Два из поднятых на вал турецких знамен осажденные захватили в качестве трофея¹⁴⁴.

Продолжавшиеся турецкими инженерами осадные работы оказались безуспешными. Один из подкопов обвалился 1 октября, а остальные «переняли» обороняющиеся¹⁴⁵. Параллельно турки продолжали отсыпать штурмовой вал. Вскоре он подошел вплотную к оборонительным сооружениям крепости, и стал возвышаться над ними. Это заставило осажденных перебраться вплотную к укреплениям. Оттуда в неприятеля метали гранаты, в чем особо отличились запорожцы¹⁴⁶. Внутренние каменные укрепления также были разбиты, а башни разрушились «по нижний бой»¹⁴⁷.

Некоторые из эпизодов осады сложно привязать к конкретным датам. Так, в документах следующего года сообщалось, что туркам удалось подорвать один из пороховых погребов осажденных. Произошло это из-за того, что во время выдачи пороха пущенная из турецких шанцев бомба закатилась в открытые двери¹⁴⁸. Известно также, что за пределами укреплений со стороны Днепра были вырыты шанцы, в которых поставили пушки. Когда и зачем это было сделано — неизвестно¹⁴⁹.

В ночь с 9 на 10 октября противник, узнав, что на выручку Тавани идут новые войска, начал отступление. Стоявшие выше Тавани суда спустились вниз по Днепру, а татары ушли с правого берега Днепра на крымскую сторону¹⁵⁰. 11 октября враг покинул окрестности днепровских городков¹⁵¹. За все время осады, по известию перебежавшего от противника артиллериста, на город было сброшено 5 тыс. бомб¹⁵².

Подкрепление к городу действительно шло. Еще 3 августа, по вестям с днепровского театра военных действий, генерал П. Гордон под Азовом получил указ спешно

¹³⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1126.

¹⁴⁰РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 765.

¹⁴¹Там же. Л. 765 — 765 об.

¹⁴²Там же. Л. 770 об. — 771 об.

¹⁴³РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1072.

¹⁴⁴Там же. Л. 726.

¹⁴⁵РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 771 об.

¹⁴⁶Там же. Л. 772.

¹⁴⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 48.

¹⁴⁸Там же. Л. 11.

¹⁴⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 362.

¹⁵⁰РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 772 об.

¹⁵¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1129.

¹⁵²РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 773.

идти с войсками к Валуйке¹⁵³. Далее он двигался в западном направлении на соединение с Долгоруковым и Мазепой. А.С. Шеин отправил с Гордоном 8363 человека с 23 пушками¹⁵⁴. Дополнительные силы были направлены в города, которые могли стать объектом нападения татар. Генерал-майору Карлусу (Карлу) Ригимону (с полком в 2098 человек¹⁵⁵) велели идти в Новый Оскол, полковник Иван Мевс должен был стоять на Коломаке, Афанасий Чубаров — в Змееве, Федор Козлов — в Изюме, Иван Черный — в Цареве-Борисове, Тихон Гундертмарк — в Маяцком¹⁵⁶.

23 сентября в Опошне состоялся военный совет, на котором было решено отправить на выручку Тавани 20 или 30 тыс. человек. Российской частью войск командовали Гордон и Л.Ф. Долгоруков¹⁵⁷. Однако осада была снята раньше, чем войска добрались до района боевых действий.

Один из важнейших вопросов, который необходимо решить, чтобы понять причины поражения турок, — это определение соотношения сил сторон. Численность находившихся в осаде в Тавани и Казы-Кермене определяется достаточно точно. В официальном отчете Посольского приказа фигурирует цифра 6,5 тыс. человек¹⁵⁸. Гордон оценивает общее число защитников в 6 тыс. человек с 60 артиллерийскими орудиями¹⁵⁹. В отписке Бухвостова общее число сидевших в осаде определено в 6260 человек. При этом в подсчете данных по всем упомянутым в росписи Бухвостова отрядам общий итог составляет 5980 человек. Из них убито 602 и ранено 1185 человек¹⁶⁰. Если это не довольно часто встречающиеся в документах Разряда расхождения между реальной суммой конкретных чисел (численность отдельных формирований и групп служилых чинов — полков, московских и городских дворян, казацких отрядов и т.д.) и сводными цифрами, то можно предположить, что разница возникла за счет того, что в отписке Бухвостова не учтены некомбатанты. Так, мы не видим в списке упоминавшегося выше инженера. Не названы медики и священники. Между тем мы знаем об их присутствии по описи воеводского архива, в котором, к примеру, упомянуто «словесное челобитие Аптекарьские полаты лекарского дела ученика Ивашка Иванова на полкового попа на Федосья Федорова в бою и в руганье», а также «словесное челобитье Аптекарьские полаты лекаря Козьмы Семенова о побеге ис Товани тое ж полаты ученика Ивашка Иванова»¹⁶¹. Вероятнее всего, в росписи Бухвостова не учтены и 90 запорожцев, которые ушли в середине осады за помощью в Сечь и не смогли вернуться. В любом случае, точного (до человека) числа участников обороны у нас нет. Впрочем, разница между минимальной и максимальной цифрами Бухвостова не принципиальна, как и их отличие от данных других источников.

Сложнее определить численность нападавших. Бухвостов со ссылкой на «выходцов» указывает, что город осаждали 41,8 тыс. турок и 100 тыс. татар: «А по сказке... приходило их неприятельских людей к Товани и х Казыкермену для промыслу

¹⁵³ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 98.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 110–112, 218.

¹⁵⁵ Там же. Л. 546.

¹⁵⁶ Там же. Л. 120–121.

¹⁵⁷ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 109.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 774.

¹⁵⁹ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 109.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1078.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 300.

над теми городами с пашею с Ысупом — янычан и спаев и чжебеджей конных и на судах семнатцать тысяч, с пашею с Алеем — янычан волохов, сербен и мылтян восемь тысяч, да на каторгах, на голетах, на фуркатах с пашею Мемет Дербишем — три тысячи восьмьсот, с пашею з Гасаном, которой зимовал в Ачакове, — тринадцать тысяч, с ханом крымским и Белгородские орды — татар сто тысяч человек. А пушак было с ними в шанцах за турами — больших ломавых дватцать три пушки да пять мозжер, а на каторгах и на голетах — больших ломавых по пять, малых по десяти пушек, на фуркатах — по пяти пушек на судне». Потери оценивались в 4,5 тыс. убитыми (500 — под Казы-Керменом и 4 тыс. — под Таванью) и большое число ранеными. «А в шанцах де, оприч приступов, их неприятельских людей побито многое число»¹⁶².

В официальном отчете Посольского приказа, со ссылкой на перебежчиков, численность вражеского флота определяется в 22 каторги (экипаж — по 200 человек без учета гребцов), 16 галиасов (экипаж — по 250 человек), а также 22 корабля с запасами. Общее число турок на судах и «на сухом пути» составляло 30 тыс. человек. Кроме того, среди нападавших отмечено 10 тыс. татар Белгородской Орды и вся крымская орда. Общие потери нападавших, по данным Посольского приказа, составили 4,5 тыс. человек¹⁶³.

О том, какое войско мог в данный период войны собрать крымский хан, рассказал захваченный в плен летом 1697 г. татарин, ходивший в походы с калгой. Пленный сообщил, что в хлебные, спокойные годы можно собрать 30–35 тыс. человек, а в неурожайные годы (таким и был прошедший год) их число не превышало 20–25 тыс.¹⁶⁴

Служившие у Юсуфа-паши и бежавшие от него в Тавань волохи говорили о 23 тыс. турецкого и 4 тыс. пешего татарского войска, не считая татарской конницы: «А с тем де пашею (силистрийским сераскиром Юсуфом. — *Авт.*) было войсковых людей восемь тысяч человек, да четыре пушки больших ломовых, девять полковых, четыре верховых гранатных... Да к тому Юсе-паше на помощь хотели быть крымской хан з Белгородскою и Крымскою ордами, да паши турецкие, Але, которой был под Азовым, да Келчауш-паша водою на дватцати каторгах да на дватцати пяти фуркатах. А турецких де войск с ними с Келчаушем-пашою на судах з десять тысяч человек, а с Алеем с пять тысяч человек, а с ханом Крымская и Белгородцкая орда вся. Да с ним же де ханом лутчих людей сейменов с четыре тысячи человек с огненным боем с пищалми»¹⁶⁵. Таким образом, общее число войск, которые могли участвовать в штурме, должно было составить 27 тыс. человек. Однако другой, не менее надежный информатор, пленный саксонец, служивший в янычарах и перебежавший на российскую сторону, сообщил о том, что с Юсуфом-пашой было 13 тыс. янычар, джебеджи и сипахов¹⁶⁶, что на 5 тыс. превышает число «войсковых людей», указанных волохами.

Захваченные на Сиваше татары, которым были доступны данные о турках, пришедших под Тавань к 4 сентября (то есть до прихода основной части турецкого флота), говорили, что под днепровскими городками собралось около 15 тыс. ту-

¹⁶²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1129–1130.

¹⁶³РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 773–773 об.

¹⁶⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 89.

¹⁶⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1175–1176.

¹⁶⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 4–5.

рок: «А войска де турецкого конного и пешего всего с пятнатцать тысяч человек. И те все при хане крымском с крымской стороны. А с казыкерменскую сторону только орда Белгородская. А янычан при ней нет. А с ханом не только орда крымская вся, но и малые рабята от десяти лет все выгнаны»¹⁶⁷. Любопытно, что слухи могли эту цифру удвоить. К примеру, бежавший на следующий год в Тавань из Перекопа рабтабунщик сообщил, что через Перекоп под Тавань пошли два паши и 30 тыс. янычар¹⁶⁸. Следует также помнить, что в начале кампании Али-паша при строительстве крепости Ачуева имел в своем распоряжении 8 тыс. человек¹⁶⁹.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что именно турецкие войска были основной ударной силой при штурме днепровских городков. Выбирая между максимальной цифрой в 41,8 тыс. человек (в сообщении Бухвостова) и минимальной в 23 тыс. человек (в расспросе волохов-перебежчиков), предпочтение следует отдать минимальной оценке. Причины этому две. Во-первых, у Бухвостова указано явно завышенное (причем в разы) число татар. Это говорит о том, что полководец был склонен в принципе преувеличивать численность вражеского войска. Во-вторых, данные волохов лучше коррелируются со сведениями об отдельных турецких отрядах. Даже если предположить, что цифра воеводы правдива, это существенно меньше, чем понадобилось для взятия Казы-Кермена и Азова российскому командованию.

Отметим, что в литературе оценки численности вражеского войска также значительно разнятся. Д.Н. Бантыш-Каменский указывал на 36 тыс. турецкого войска и 10 тыс. белгородских татар, оставив без количественной характеристики «крымцев». Общее число убитых врагов он оценил в более 3,5 тыс. человек¹⁷⁰. Н.И. Костомаров привел сообщение пленного о том, что на неприятельских судах было 33 тыс. турок и 6 тыс. невольников¹⁷¹. Чисто погибших турок он определял в 7 тыс., а также отмечал, что осажденные потеряли 205 человек¹⁷². Заруба считал, что в распоряжении Али-паши имелось 10 тыс. янычар, а общее число турок, по его мнению, составило 50 тыс. человек¹⁷³.

По нашему мнению, с большой долей вероятности можно говорить, что у днепровских городков собралось 27–32 тыс. пехоты и 30–35 тыс. конницы противника. Кроме того, следует отметить, что не все пришедшие на Днепр турецкие войска имели высокую боеспособность. В начале 1697 г. ходили слухи о том, что в Кафе и других крымских городах в янычары насильно записывают «жилых» турок¹⁷⁴. В декабре 1697 г. один из информаторов сообщал, что на протяжении двух предшествующих лет в Белгородчине и на Дунае большое число людей были записаны в янычары насильно¹⁷⁵.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 439.

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 85.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 97, 98.

¹⁷⁰ *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России, со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. Ч. 3. М., 1822. С. 37–38.

¹⁷¹ *Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 471.

¹⁷² Там же. С. 472.

¹⁷³ *Заруба В.Н.* Украинское казачье войско... С. 137–138.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 53.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 421.

О причинах неудачи турок и татар под днепровскими городками думали еще современники. Позднее пришедшие в Тавань выходцы из Крыма рассказывали, что турки в разговорах между собой обвиняли в неудаче у днепровских городков свое командование. Они говорили, что изначально надо было сосредоточить силы на захвате Казы-Кермена. Если бы Казы-Кермен взяли, то пала бы и Тавань¹⁷⁶. Однако это обвинение следует признать надуманными. При таком сценарии осады Бухвостов получал возможность перевести часть войск в Казы-Кермен, увеличив боевой потенциал его гарнизона. Кроме того, на левом («крымском») берегу Днепра турецкие войска были лучше защищены от внезапного удара российской армии.

На наш взгляд, исход противостояния объясняется не стратегическими просчетами турецкого командования, а соотношением сил. Большую часть войск противника составляла татарская конница. Она успешно прикрывала осаждавших от внезапного нападения противника, однако ее эффективность при штурмах укреплений сомнительна. Кроме того, многочисленная конница не могла стоять на одном месте длительное время. Кони быстро уничтожали пастбища. В результате татары не могли ни помочь пехоте при осаде, ни длительное время прикрывать осаждавшую днепровские городки армию от удара российских войск с тыла.

Очевидно, что для возвращения днепровских городков османские власти задействовали больше войск, чем когда-либо в предыдущие периоды боевых действий Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Для этого их пришлось перебрасывать из других регионов. Тем не менее выделенных резервов оказалось недостаточно для выполнения поставленных задач. Следует вспомнить, что при близком соотношении сил, задействованных в осадных работах под Азовом в 1695 г., российские войска взяли город также не смогли.

Одним из дальних следствий неудачной осады днепровских крепостей стала смена власти в Крыму. Из-под Тавани хан Селим-Гирей отправился к султану в Царьград «для некакого совету». Ожидали его скорого возвращения из поездки¹⁷⁷, однако пребывание в османских владениях затянулось. В итоге в Крым назначили нового хана — Девлет-Гирея (правил с 1699 г.).

После отхода вражеских войск Долгоруков отправил в Тавань боеприпасы. 21 ноября их доставил туда подполковник Кузьма Неклюдов¹⁷⁸. Численность гарнизона существенно сократилась, поскольку вскоре Долгоруков отозвал полки Нелидова, Елчанинова и Балабанова. Они ушли, выполнив минимальные работы по ремонту разрушенных укреплений. Для эвакуации отозванных Долгоруковым полков использовались суда «морского каравана». Нелидов писал, что Бухвостов «выпровадил ево да фуркатов до реки Днепра»¹⁷⁹.

Каких-либо серьезных усилий по укреплению днепровских крепостей и пополнению их гарнизона Долгоруков не предпринимал. Отправленные Мазепой в Тавань казаки Нежинского полка не могли заменить собой все покинувшие город подразделения. Очевидно, что ситуация в Поднепровье оказалась на периферии внимания российского правительства.

В противоречии с этой ситуацией находится указ, отправленный из Москвы Долгорукову 15 декабря 1697 г., в котором предписывалось без промедления провести измерения глубин Днепра вплоть до моря: «указал мы, великий государь, ус-

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 269.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 419.

¹⁷⁸ Там же. Л. 253.

¹⁷⁹ Там же. Л. 358–383.

тье днепровое до моря вымерять подлинно, что того устья до моря по мере будет в длину, и в ширину, и в глубину»¹⁸⁰. Правда, учитывая время года и положение в районе боевых действий, выполнить царское повеление было сложно. Долгоруков переслал распоряжение в Тавань Бухвостову. Впрочем, представить царю информацию о глубинах в нижнем течении Днепра Долгоруков все же смог. Сведения удалось получить от гребца, бежавшего под Таванью с галеры Мехмеда-паши. Тот сообщил, что на днепровском устье между морем и Очаковом галеры приходилось разгружать, поскольку из-за малой глубины пройти с грузом невозможно. При этом даже порожные каторги проходят с трудом, так как глубина меньше двух аршин. Мели же от Очакова до Тавани на Днепре отсутствуют¹⁸¹. Как видим, Петр все-таки не оставлял идеи морского похода на Очаков.

Малая война в Приднепровье и Приазовье в конце лета — осенью 1697 г.

Военные действия в 1697 г. не ограничивались районами Азова и днепровских городков. Параллельно с нападениями на Тавань и Казы-Кермен татары наносили локальные удары в других точках пограничья. 2 августа большой татарский отряд был замечен у Новобогородицка на р. Самаре¹⁸². 19 августа за Самарой видели неприятельских людей, которые прошли к Песчаному броду и перешли через реку¹⁸³. Вскоре около Новобогородицка татары взяли в плен 10 человек, угнав лошадей и скот¹⁸⁴. Это был отправленный за языками отряд под командованием Салман-мурзы¹⁸⁵.

2 сентября донские казаки для поимки языков послали под Крым атамана Василия Зацкого с 70 конными. Перейдя Молочные Воды, они у р. Елахи увидели татарскую сакму. На Торце им удалось разгромить татарский отряд в 30 человек, взяв 5 языков, 70 лошадей и освободив двух русских пленных. У языков узнали, что другая группа степняков в 40 человек пошла за языками под Изюм, Тор и Маяк. Их удалось настичь под Тором, разгромив в короткой схватке. Из захваченных здесь семи пленных одного отправили в Москву¹⁸⁶.

4 октября недалеко от города Коломака видели вражеский отряд в 100 человек¹⁸⁷. В октябре 120 донских казаков, шедших за языками, нашли шлях, по которому 62 татарина направлялись за добычей под Тор. Казаки внезапно ударили на противника и взяли в плен 23 человека¹⁸⁸. 24 декабря пришло сообщение о том, что 300 татар побывали под Царичанкой¹⁸⁹. Для противодействия таким нападениям 29 ноября 1697 г. Долгоруков вновь командировал полковников московских стрельцов с их полками и артиллерией в ряд городов: Василия Елчанинова — в Харьков, Михаила Кривцова — в Змиев. Подполковник Григорий Балакирев из полка Ильи Дурова был направлен в Валки¹⁹⁰.

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 278.

¹⁸¹ Там же. Л. 466–471.

¹⁸² Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 103.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 147.

¹⁸⁴ Там же. Л. 534.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 640 об.

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 889–893.

¹⁸⁷ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 114.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1673. Л. 269–270.

¹⁸⁹ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 124.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 363.

Переброска османских сил на Днепр негативно сказалась на положении дел в османских владениях на Кубани. По рассказу одного из пленных, осенью 1697 г. калга, в распоряжении которого имелась всего 1 тыс. пришедших из Крыма татар (в том числе ногайских), жил «в черкесах от Кубани в разстоянии день езды для опасения от московских войск»¹⁹¹.

Крымским властям для обустройства некоторых групп татар, откочевавших на Кубань от Аюки, приходилось строить укрепления. Так, осенью «близь вершины Кубанской на устье речки Орплу построили едисанской мурза Туган с едисанцы, которой перешел к ним на Кубань от Аюки, для опасения от московских войск, город деревянной во свое имя»¹⁹².

Часть ушедших от Аюки татар вновь задумалась о том, что их переход на Кубань был ошибкой. Они размышляли над тем, чтобы в очередной раз сменить властителя, перейдя теперь непосредственно под власть московских государей: «А Якшиат де мурза той же орды омыслил было по-прежнему быть с небольшою ордою в подданство по твою великого государя высокодержавную руку, и от неких той же орды людей изъявлено. И для того де иво, Якшиата, с людьми ево, в самыя де тесныя места заведено. И над ним де усматривают»¹⁹³. Все это создавало крайне неустойчивую ситуацию, делавшую Кубань удобным объектом для нападения.

В конце осени боевые действия в Приазовье продолжились. В ноябре 1697 г. донские казаки ходили на Кубань с калмыками Аюки. Последний прислал 500 человек во главе с батыром Черкесом, а от донцов приехал атаман Максим Фролов со 130 казаками и калмыками. Объектом нападения стал улус Кубека-аги. Казаки отогнали 1,2 тыс. лошадей и взяли в плен 7 человек, которые их стерегли. Всадники Черкеса отличились крайней жестокостью: «Аюкины калмыки тех же кубеков улусов калмыков в полон взяли ж, а сколько человек взяли, того они не ведают, а иных кубанцов, и жен их, и детей били до смерти, потому что за дальностию, и за болшими водами, и за трудным путем их вести было невозможно, да и опасны были от калги салтана, которой стоит в близости от кубековых улусов»¹⁹⁴. Поход носил разведывательный характер. После него Черкес остался на Маныче в ожидании Аюки, с которым собирался вновь идти на Кубань.

Аюка действительно где-то в конце 1697 — начале 1698 г. послал на Кубань шеститысячное войско во главе со своими сыновьями Гунджабом и Санджабом, отогнавшее у кубанских ногайцев десятки тысяч лошадей и взявшее около 200 пленных. Сообщая царским властям о своих победах на Кубани, Аюка подчеркивал, что не собирается мириться с крымцами¹⁹⁵.

Кампания 1698 г. на Днепре

В следующем 1698 г. российские власти планировали проводить активные наступательные действия, реализуя неосуществленные замыслы предыдущего года. Уже 1 декабря 1697 г. Мазепа и Долгоруков получили указы о новом походе на Днепр: «для воинского промыслу и для береженья завоеванных на Днепре Таван-

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698. Д. 3. Л. 5.

¹⁹² Там же. Л. 6.

¹⁹³ Там же. Л. 8.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698. Д. 3. Л. 1–3. Ср.: *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста, 2018. С. 152.

¹⁹⁵ *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан... С. 153.

ска и Казыкерменя и иных городов и мест, которые места к тем городам принадлежат, нынешним вешним ранним временем плавным путем под Ачаков, и под иные турецкие города, и под крымские юрты в которые места пристойно»¹⁹⁶. Вместе с Долгоруковым было велено идти «Белгородцкого розряду конным полковые сотенные службы, и курским колмыком, и донским, и яйцким, и орешковским казаком, и копейщиком, и рейтаром, и черкасских Сумского, Ахтырского, Харьковского, Острогжского, Изюмского полков казаком, пешего строю салдатом, да московских стрелецких полков полковником Илье Дурову, Василью Елчанинову, Михаилу Кривцову с стрелецкими их полками, да двум стрелецким белгородским и курским жилым полкам»¹⁹⁷. Сопровождать главу Белгородского разряда в качестве «сходных воевод» должны были стольник Лука Долгоруков из Севска (с Севским полком), думный дворянин и воевода С.П. Неплюев из Курска, стольник и воевода Степан Коробьин из Чугуева¹⁹⁸.

2 января Яков Долгоруков писал в Москву, пересказывая известия отписок из Новобогородицка от окольного и воеводы Петра Ивановича Потемкина и из Тавани от воеводы Бухвостова. Они сообщали что, судя по сообщениям языков и выходцев из плена, крымские татары пойдут в поход, когда замерзнут реки. Их должен был сопровождать турецкий паша с янычарами, а по правому берегу Днепра — Белгородская Орда¹⁹⁹.

Татары напали месяц спустя. Объектом нападения, как и в предыдущие годы, стали города в районе Изюмской черты. Долгоруков в Белгороде получил известия об их движении 3 и 4 февраля. По этим вестям он разослал в города по черте слободские (казаков Сумского полка — в Олешню, Ахтырского — в Красный Кут, Харьковского — в Мерепу) и солдатские полки с пушками (Бориса Беника — в Мурафу, Ивана Гаста — в Богодухов, Петра Девсена — в Ольшанск), а затем сам двинулся на встречу противнику²⁰⁰.

Вражеское войско включало 12 тыс. конницы и пехоты под командованием калги Шахбаз-Гирейя (в русских источниках Шабас-Гирей) и «капединского» (кафинского) паши Муртазы. Они пришли в Салтовский уезд и ударили в разных направлениях. В «загон» отправилось 2 тыс. человек. Нападениям подверглись Савинский (Савинцы), посад Чугуева, Печенежская слобода (Печенеги). Пришедший на выручку изюмский полковник Федор Шилов (Шидловский) вступил в сражение с врагом под Савинским. Ему удалось разбить находившихся здесь татар и захватить двух языков, которые рассказали о численности нападавших. 2 февраля Шилов скрытно прошел в Печенеги, осажденные со всех сторон главными силами противника. Шахбаз-Гирей выжег посад с одной стороны Печенегов и стал «добывать» город, но изюмский воевода «отселся» в крепости, отбив все атаки. Поняв, что город взять не удастся, татары 3 февраля сняли осаду. Долгоруков получил информацию об этом в тот же день и двинулся в Харьков, куда теперь ожидали прихода врага. Добравшись 5 февраля до Харькова, воевода узнал, что татары повернули обратно в степь²⁰¹.

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1659. Л. 2–3.

¹⁹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹⁹ Там же. Л. 14.

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 364.

²⁰¹ Там же. Л. 365–401.

Результаты этого похода оказались весьма разорительными для городов Изюмской черты и по своему ущербу вполне могут быть сравнимы с набегами 1688 г. Вышедшие год спустя из Крыма пленники сообщали, что численность противника в данном походе составила 10 тыс. человек и им удалось угнать в Крым не менее 10 тыс. мужчин, женщин и детей²⁰². Другой выходец сообщил, что татар было вдвое больше. Сколько они увели пленных, он сказать не смог, однако отметил, что «побрали де русских людей мужеска, и женска полу, и детей множество, и никогда де им, татаром, преж того удачи такой не бывало, и в полон русских людей столько не бирывали»²⁰³.

После ухода татар стали приходиться известия о подготовке большого похода противника на днепровские городки, в котором якобы должен был принять участие сам турецкий султан. 27 февраля Бухвостов и дьяк Иван Иванов писали о том, что в Тавань к ним пришли выходцы из плена и сообщили, будто бы татары собираются «добывать» Тавань и Казы-Кермен «великою потугою самого турецкого салтана». Нападение планировалось весной, вскоре после того, как по Днепру пройдет лед. В случае, если султан не выступит сам, вместо него войско возглавит везир²⁰⁴.

7 апреля пришедшие из Крыма в Тавань беглые пленники принесли известие о том, что новый хан Девлет-Гирей послал разведывательный отряд в 40 человек с ушколами для того, чтобы выше Ислам-Кермена взять пленных и узнать о движении российских войск. Сообщалось, что вскоре он вместе с мурзой Ширин-беем, а также пашой Кепой, под командованием которого находится отряд янычар, пойдет к Самаре, чтобы перекрыть путь к Тавани; при нем будут пушки²⁰⁵.

В конце апреля появились слухи о том, что 20 тыс. турок должны прибыть в Очаков, а оттуда напасть на Тавань²⁰⁶. 19 марта изюмский полковник Ф. Шилов прислал в Разряд выходца из плена, который сообщил, что от султана в Крым пришли письма с указанием готовиться к походу на Тавань. Из Царьграда для этого похода будут присланы войска. Кроме того, будет поход на Изюм, Маяцкий и к Торским озерам²⁰⁷.

Между тем численность таванского гарнизона оставалась явно недостаточной, а состояние укреплений — плачевным. В ноябре и декабре 1697 г. из Москвы направлялись указы о восстановлении разрушенных укреплений, а также о постройке новых. В январе 1698 г. Бухвостов в ответных письмах сообщал, что вести ремонт невозможно, поскольку земля промерзла и засыпана снегом, кроме того, ратных людей мало, а казаки Нежинского полка участвовать в этих работах отказываются. Многие из них ушли из города «тайно». 26 декабря нежинские казаки с сотниками и атаманами вообще отказались подчиняться командованию: «взяв свои значки, с Товани все пошли», не слушая нежинского есаула, который был у них наказным полковником. Последнего даже угрожали убить. В итоге с есаулом осталось 200 человек, но и те не собирались долго задерживаться. Воевода также жаловался, что сердюцкий полковник Лукьян Шульга не выполняет его приказаний. Общее число

²⁰² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 177.

²⁰³ Там же. Л. 187.

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1659. Л. 49.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 246–250.

²⁰⁶ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 144.

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1659. Л. 49.

людей, требуемых для ремонтных работ, Бухвостов оценивал в 3 тыс. человек. Кроме того, недостаток материалов не позволял делать амбары и погреба для пороха и других полковых припасов. Пороховые погреба, которые были построены в условиях нехватки леса еще до осады, оставляли желать лучшего («не твердые»). В свою очередь, Бухвостову в грамотах от начальства предлагалось взять для хозяйственных нужд, в том числе на дрова, оставленные в Сечи под охраной подполковника Андрея Колпакова суда. Однако это оказалось невозможно из-за того, что на Днепре стоял лед. Те же суда, которые ранее пришли с подполковником Кузьмой Неклюдовым из Сечи, замерзли на Днепре выше Ислам-Кермена²⁰⁸.

О бедственном положении дел в днепровских городках говорит тот факт, что крымские татары могли безнаказанно ездить по округе, проникая по льду даже на Таванский остров. 21 февраля и 7 марта вражеская конница заходила в Ислам-Кермен и Шингирей. Бухвостов высказывал опасения, как бы турки весной «Конскою Водю промеж тех городов Шингирея и Аслана фуркатами и галетами не прошли, и по Днепру реке к Сече путь не заступили»²⁰⁹. Противник также караулил путь от Тавани к Сечи, нарушая коммуникации. Так, 20 февраля «янычаря, жители асланские и шингирейские» напали на 20 запорожцев и мазепинских казаков, ушедших со службы из Тавани²¹⁰.

Весной, несмотря на активную переписку Бухвостова с Москвой, положение дел оставалось тяжелым. 1 апреля из Тавани в Разряд сообщали, что там «налицо Белогородцкого жилого полку стрельцов» 655 человек, «Старооскольского полку салдат нетчиков» 119 человек, «Курского полку салдат после осадного сиденья в остатке» 328 человек, в том числе 38 больных. Из войск Мазепы оставалось 330 сердюков. Правда, в помощь к ним 15 февраля с наказным полковником Лубенского полка было прислано от гетмана еще 700 казаков, но их командировали только на три месяца. Общее число ратных людей в крепости составило 2021 человек²¹¹.

Укрепления Тавани и Казы-Кермена по-прежнему оставались в полуразрушенном состоянии: «от неприятельских людей ис пушек и бомбами розбиты, и подкопами подкопаны»²¹². Опасность состояла еще и в том, что вокруг городков сохранялись осадные сооружения, возведенные во время предшествующих штурмов: «Да и вал у Казыкермени и шанцы прежние, которые во время взятъя того Казыкерменя ис полков построены, и садовые казыкерменских жителей окопы, и прошлого лета которые построены шанцы вновь гетманского регименту ис полковых ж для отпору неприятельским людем, и неприятельской вал, которой привален к Товани, весь не разбросан, и шанцы неприятельские у Тавани и у Казыкермени в целости. А починить де тех городов и валов розбросать и шанцов и осадных окопов заровнять с тем малолюдством ныне зимним временем невозможно. А после де осадного времени, как ис Товани полки пошли, у тех городов розбитых и подорванных мест починить и вновь зделать неким»²¹³. Гарнизоны испытывали и катастрофическую нужду в провианте и материалах: «Да и хлебных де припасов в Тавани муки ржаные малое

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 1–11.

²⁰⁹ Там же. Л. 176.

²¹⁰ Там же. Л. 185.

²¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1659. Л. 51–52.

²¹² Там же. Л. 52.

²¹³ Там же. Л. 52–53.

число, а круп и толокна и для строения и починки городов и зеленых погребов лесных припасов и извести ничего нет»²¹⁴.

9 марта, когда земля оттаяла, начались работы по восстановлению укреплений²¹⁵. Таванцы срывали вражеский вал и взятой с него землей насыпали новые укрепления на месте разрушенных. 16 марта в крепость прибыло подкрепление — 545 солдат с полковником Андреем Митчелем. Правда, им не хватало вооружения: «к стрельбе ружья токмо триста сорок восемь мушкетов с жагры и пищалей». С учетом выбывших по разным причинам служилых людей, общая численность гарнизона составила 2852 человека²¹⁶.

В Казы-Кермене работы начались 14 марта под присмотром инженера Ягана Адлера, остававшегося в крепости после осады²¹⁷. «По инженерову розмеру» стали возводить вместо каменной земляную стену и строить «круг наугольных дву башен от розломанных городков два роската»²¹⁸. Правда, вскоре работы были остановлены. Назначенный в Тавань еще в феврале инженер Давыд Голсман (Давид Гольцман) до крепости добрался к 3 апреля и «тех раскатов делать не велел»²¹⁹.

29–31 марта Долгоруков и Мазепа встречались в Путивле для обсуждения вопроса о военной кампании 1698 г. Решалось, как защитит от турок днепровские городки, а также помешать татарам разорять Украину. Рассматривался вопрос о противодействии возможности подхода турок к Казы-Кермену и сооружении ими шанцов, из которых обстреливались бы российские крепости. В итоге было принято решение идти берегом к Казы-Кермену и постараться «всеми силами оную гору очищать», а одновременно «для лутчего поспешения» сплавляться на судах. Кроме того, постановили, не дожидаясь общего похода, довести число ратных людей в Тавани до 10 тыс. человек²²⁰. Гордон писал, что в итоге на помощь гарнизону крепости было решено отправить 8 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы²²¹.

Кроме войск, посланных Долгоруковым и Мазепой, в Тавани находился отряд запорожских казаков. 16 апреля 1698 г. запорожцам (500 человек), которые находились в крепости, из Москвы было отправлено 1250 руб. жалованья (из расчета 2 руб. 50 коп. на человека), по 50 пудов ружейного и пушечного пороха, 30 пудов свинца, а также хлебные запасы. 28 мая Мазепа переслал эту сумму в Тавань²²².

В крепости к этому времени уже сменился воевода. Назначенный на службу 20 февраля, новый воевода Назарий Мельницкий прибыл в Тавань 23 апреля²²³. Он разрешил спор о восстановлении Казы-Кермена. Мельницкий не одобрил идею Голсмана об остановке работы по ремонту меньшего городка и решение строить новые укрепления по линии старых турецких. Воевода объяснил это тем, что из-за малолюдства можно не успеть до прихода противника²²⁴.

²¹⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1659. Л. 53.

²¹⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 243.

²¹⁶Там же. Л. 182–183.

²¹⁷Там же. Л. 242–243.

²¹⁸Там же. Л. 183–184.

²¹⁹Там же. Л. 83, 242, 244.

²²⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 56–63.

²²¹Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 185.

²²²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1656. Л. 9.

²²³РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 287–288.

²²⁴Там же. Л. 289.

Наблюдение за активностью врага вели запорожцы. 11 мая в Тавань со стороны днепровского устья пришли запорожские казаки (100 человек на четырех лодках), которые стояли на стороже для добычи и захвата языков. Они сообщили, что видели в Днепровском лимане («ниже Олех, а выше реки Богу против Станислава») «на очаковской стороне шесть судин, а по крымскую сторону восемь судин». Кроме того, большое число морских судов стояло под Очаковом²²⁵. В тот же день в Тавань пришли запорожские казаки, которые были на Малом Ингульце для ловли рыбы. Они донесли о появлении татар²²⁶.

Мазепа вел серьезные приготовления к войне. Для похода вниз по Днепру к началу военного сезона 1698 г. городовые казаки построили 430 челнов²²⁷. 15 мая Я.Ф. Долгоруков покинул Белгород, подойдя к Коломаку спустя две недели (29 мая). Туда же вышли сходные воеводы: Л.Ф. Долгоруков из Севска и С.П. Неплюев из Курска²²⁸. После ухода основных сил 7 июня Неплюеву было велено остаться на Коломаке «для береженья». 24 июня он получил отписку Якова Долгорукова с указанием дожидаться на Коломаке воеводы Бориса Федоровича Долгорукого, а потом идти на соединение с основными частями. Однако Неплюев задержался, проверяя известие из Полтавы о том, что в поле видели оставленный татарами «шлях великой». В итоге полки курского воеводы лишь 7 июля воссоединились с основным войском²²⁹.

Между тем 1 июня к днепровским городкам с разведывательными целями пришли 500 крымских татар, которые расположились на Конских Водах. Увидевшие их караульные, стоявшие на реке в ушкалах, начали стрелять по нападавшим из пушек. Татары вошли в оставшиеся с прошлого года шанцы на левом берегу Конских Вод и открыли ответный огонь по государевым людям, находившимся в Шингирее, «из великово ружья». Таванский воевода Мельницкий приказал направить на острова к Конским Водам ратных людей, которые пушечным огнем сумели выбить врага из шанцев. Отошедшие татары расположились над Конскими Водами в двух верстах от Ислам-Кермена, куда вскоре прибыла подмога на трех ушкалах. Против них высылали 200 сердюков и казаков на шести лодках, после чего противники отступили²³⁰.

8 июня Мазепа получил известия от бывшего кошевого атамана Ивана Гусака, которого посылал с летучим отрядом к Бугу для наблюдения за движением неприятеля. Последний должен был отследить, не начнет ли противник движение к Казы-Кермену и не станут ли строить мост через Буг. Гусаку удалось разбить отряд белгородских татар в 76 человек, шедший на разведку, и захватить языков. Пленные сообщили, что крымская орда во главе с калгой и нураддином ждет, куда двинется российская армия, а турецкие войска идут сухим путем через Измаил в Очаков. Их численность вряд ли превышала 20 тыс. человек²³¹.

К этому времени Тавань подготовилась к обороне. По состоянию на 17 июня успели восстановить все три взорванных раската, отремонтировать по стенам разбитые бойницы, срыть большую часть турецкого вала. Оставалось возобновить чет-

²²⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 26.

²²⁶ Там же. Л. 27.

²²⁷ Костомаров Н.И. Мазепа. С. 471–472.

²²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 100–101.

²²⁹ Там же. Л. 674–676.

²³⁰ Там же. Л. 103.

²³¹ Там же. Л. 134–145, 181–182.

вертый раскат, часть стен и снести остатки вала. Незаконченные работы лежали «на гетманской стороне». В Казы-Кермене в «меньшем верхнем» городе, который выходил к Днепру, были сделаны два раската и две башни. Во втором городе выложили стены камнем и дерном, а изнутри к ним присыпали землю и соорудили двое ворот. Кроме того, «по замыслению инженерному» планировалось соорудить «два раската немалые»²³².

22 июня российские войска соединились с Мазепой, продолжив путь по крымской (левой) стороне Днепра²³³. От похода «плавным путем» решили отказаться, так как «в реке Днепре полая вешняя вода збыла и пороги осохли»²³⁴.

Продвижение армии задержало известие о том, что 20 июня татары якобы перешли р. Самару в урочище на Быках у Кривого Рога. Численность отряда составляла от 5 до 10 тыс. человек²³⁵. Изначально Долгоруков оставил для обороны границ на черте сходного воеводу Степана Коробьина, под командованием которого по росписи находилось 3466 человек²³⁶. Теперь же к нему на подмогу Я.Ф. Долгоруков послал своего брата Луку с Мценскими солдатским и рейтарским полками, а также слободской Острогожский полк полковника Федора Куколя. Им было велено стоять на Донце у Савинского брода²³⁷.

Новости о действиях турок появились 3 июля, когда в Тавань пришла новая застава запорожцев, стоявшая на карауле в устье Днепра. Казаки сообщили, что видели большое число турецких судов, которые 1 июля прошли лиман и вошли в устье Днепра²³⁸.

В середине лета российская армия достигла днепровских городков. 21 июля воевода и гетман стали там обозом у Ислам-Кермена²³⁹. В этот день вернулись посланные на разведку вниз по Днепру запорожцы. Они захватили вражеское судно с 14 турками²⁴⁰. Позднее их наградили за это от имени царя, пожаловав «пятьдесят половинок сукон амбурских»²⁴¹.

Взятые запорожцами языки сообщили много сведений о передвижении противника. Выяснилось, что из Константинополя для ведения военных действий против московской армии пошел флот во главе с тремя пашами — Магметом, Ибраимом и Абдураманом. Под их командованием находилось «двенатцать катарг, шестнатцать галетов, семнатцать фуркатов, дватцать четыре шкампафеи да четыре шайки». Численность экипажей составляла: на каторгах — по 300 человек с 4 большими и 8 меньшими пушками, на «галетах» — по 250 человек с аналогичной артиллерией, на фуркатах — по 70 человек и 6 малых пушек, на скампавеях — 30 человек и три-четыре «шмоговницы», на шайках — по 24 человека. Всего — 9606 человек, 112 больших и 326 малых пушек²⁴². По другим данным, «из Цареграда для обережи Очакова пос-

²³²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1661. Л. 281–283.

²³³РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 300–302.

²³⁴Там же. Л. 468.

²³⁵Там же. Л. 283.

²³⁶Там же. Л. 517.

²³⁷Там же. Л. 304.

²³⁸Там же. Л. 467.

²³⁹Там же. Л. 546.

²⁴⁰Там же. Л. 247.

²⁴¹РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1656. Л. 16.

²⁴²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 548–549.

лано было беломорских осьмнатцать каторг с воинскими людьми»²⁴³. Вне зависимости того, сколько кораблей послали в реальности, очевидно, что туркам пришлось ослабить флот, который действовал против венецианцев на Средиземном море.

В Очаков также пришел сухим путем силистрийский сераскер Юсуф-паша. С ним прибыло 12 тыс. сипахов и янычар. Выяснилось, что две с половиной недели назад Юсуф-паша начал переправляться через Буг на казыкерменскую сторону, а флот пошел в днепровское устье. Калга планировал отправить с ними из Крыма несколько тысяч пехоты, а также дать для строительства шанцев несколько тысяч работных людей. Кроме того, из Крыма ожидалось прибытие 20 тыс. конницы²⁴⁴ (численность ушедших из Крыма на помощь турецкому султану войск составляла всего несколько тысяч человек²⁴⁵).

Таким образом для нападения на днепровские городки планировалось собрать войско, включавшее флот с экипажем в 9606 человек, 12 тыс. человек сухопутной турецкой армии, 20 тыс. татарской конницы, не считая несколько тысяч пехоты из Крыма. Общая численность собранных противником войск могла превысить 45 тыс. человек. Это было существенно меньше, чем противнику удалось сосредоточить под днепровскими городками в 1697 г. В итоге нападение на Тавань и Казы-Кермен не состоялось. Калга, получив сведения о том, что российские войска идут к Перекопу, потребовал, чтобы турецкий флот переправил армию Юсуфа-паши в Крым для защиты полуострова. Магмет-паша, Ибраим-паша и Абдураман-паша должны были стоять у Очакова и «ожидать указа»²⁴⁶.

Обеспечив защиту Перекопа, татары и турецкая конница 29 июля предприняли нападение на обоз Мазепы и Долгорукова. Бой продолжался семь часов, после чего противник отошел к Зеленой долине, в 25 верстах от обоза. В результате сложилась ситуация равновесия сил — в последующие дни татары «чинили подбеги» к обозу, а гетман и воевода «перебирали людей», готовясь к походу в сторону Крыма²⁴⁷.

3 августа гетман и воевода решили отказаться от атаки на Перекоп и «с общего совета» направили вниз по Днепру на судах сходных воевод Луку и Бориса Долгоруковых, а с ними на 65 фуркатах «салдацких и стрелецких шти человек полковников с начальными людьми, да салдат и стрельцов из розных изо всех пехотных полков» (всего — 5024 человека). В «плавный поход» также были посланы донские казаки, которые пришли к Долгорукову на службу, киевский полковник Константин Мокиевский и запорожцы. Войску предстояло идти под Очаков²⁴⁸. Исследователи определяют численность войск, спускавшихся по Днепру, в 10 тыс. человек. Поход окончился безрезультатно, поскольку воеводы не рискнули пройти между Очаковым и Кинбурном²⁴⁹.

Причину отказа от активных наступательных действий в кампанию 1698 г. можно понять, проанализировав численность задействованных в операции войск. Исследователи уже неоднократно отмечали разницу между списочным и реальным числом войск в данном походе. Еще в 2013 г. В.С. Великанов, анализируя данные по Севскому полку, показал, что из 8 тыс. человек, которые должны были выступить

²⁴³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698. Д. 8. Л. 8.

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 548–549.

²⁴⁵ Там же. Л. 551.

²⁴⁶ Там же. Л. 549–551.

²⁴⁷ Там же. Л. 680.

²⁴⁸ Там же. Л. 681–684.

²⁴⁹ Костомаров Н.И. Мазепа. С. 473; Заруба В.Н. Украинское казацкое войско... С. 140.

в поход, реально в полку насчитывалось 5,25 тыс. человек²⁵⁰. По данным Н.Н. Петрухинцева и А.А. Никитиной «в полевые армии явилось в среднем 47,08%», а «явка в днепровскую армию не превышала 51,2%»²⁵¹.

По нашим данным, в 1698 г. изначально не планировалось призвать весь списочный состав Белгородского полка. Предписывалось выставить 35 168 конницы и 27 754 пехоты («всего конным и пешим» — 62 922 человека), «а достальным тех, вышеписанных чинов людям и свойственником быть в домех на пашне»²⁵². В другом документе Разрядного приказа указывалось быть в войске «по наряду» еще меньшему числу людей. В соответствии с ним, вместе «с черкасами» (слободскими полками) войско должно было составить 84 415 человек, а «без черкасов» — 24 070 пеших и 35 448 конных²⁵³. Еще в одном документе численность российских солдат остается та же: без «черкасов» 59 518 человек, а «с черкасы» указано несколько меньше — 81 415 человек²⁵⁴. Костомаров отмечает, что с князем Долгоруковым должно было отправиться 83 380 пешего и конного войска²⁵⁵. Очевидно, что он имел дело с близкой по цифрам росписью.

Однако «налицо» по состоянию на 14 июля Долгоруков имел: «Всего по сей росписи вышеписанных великого государя ратных всяких чинов людей по наряду с Москвы и Белгородского розряду конных 21 579 человек, пеших 18 307 человек. Всего конных и пеших 39 886 человек»²⁵⁶. По росписи на 28 июля цифры аналогичны — 21 579 конных, 18 303 пеших (всего 39 882 человека)²⁵⁷. Таким образом, реальное число войск оказалось существенно меньше списочного.

В ряду причин существенного расхождения списочного и реального числа войск можно выделить как неявку на службу, так и потери в ходе передвижения армии. Так, по состоянию на 26 июня в полку С.П. Неплюева налицо имелось 3791 человек²⁵⁸, а 10 июля — всего 3044 человека²⁵⁹. Таким образом, небоевые потери при движении войска составили 20% за две недели (возможно, по причине значительного дезертирства). Другие причины связаны с организацией похода. К примеру, по росписи к Долгорукову должно было прийти 2 тыс. донских казаков и калмыков²⁶⁰. Однако отправка казаков затянулась, поскольку на их жалованье долгое время не могли найти денег²⁶¹. Они присоединились к Долгорукову лишь 7 июля на речке Осоровке (Сакаровке). В наличии имелось только 970 человек²⁶².

²⁵⁰ Великанов В.С. Севский полк князя Л.Ф. Долгорукова в Таванском походе 1698 г. [Электронный ресурс] URL: <http://rusmilhist.blogspot.com/2013/06/1698.html> (Дата обращения: 08.10.2022).

²⁵¹ Петрухинцев Н.Н., Никитина А.А. Последний натиск на степь в XVII столетии: военная кампания 1698 г. как финал «петровской войны» с Турцией // История: факты и символы. 2020. № 4 (25). С. 96.

²⁵² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1659. Л. 19–21.

²⁵³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 508–513.

²⁵⁴ Там же. Л. 617–620.

²⁵⁵ Костомаров Н.И. Мазепа. С. 473.

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 503.

²⁵⁷ Там же. Л. 621–623.

²⁵⁸ Там же. Л. 285–287.

²⁵⁹ Там же. Л. 506–507.

²⁶⁰ Там же. Л. 206.

²⁶¹ Там же. Л. 328.

²⁶² Там же. Л. 488.

Таким образом, общая численность войск, которым предстояло действовать в Поднепровье, не превышала 65 тыс. человек, а скорее была несколько меньше. Разумеется, Долгоруков и Мазепа сохраняли значительное преимущество перед противником. Однако оно было меньшим, чем при осаде Казы-Кермена и Азова. В итоге, собранные у днепровских городков войска Долгоруков использовал для того, чтобы привести «городов Тованска и Казыкермена то достальное городовое строение в крепкую и в надежную защиту»²⁶³.

Военные столкновения в Приазовье и на Кубани в 1698 г.

В Приазовье наблюдалось относительное затишье. К Азову был направлен Рязанский полк во главе с А.П. Салтыковым. В указе о его высылке на службу от 21 мая 1698 г. говорилось, что войска отправлены «для береженья завоеванных городов Азова и Лютина и к ним приналежащих городов же и мест». К 5 июня под командованием Салтыкова находилось 3984 человека. Позднее это число незначительно увеличилось. В итоге полк направился на Миусский полуостров, где занимался возведением шанца, позднее названного Семеновской крепостью. Противник против этого отряда сколько-нибудь серьезных действий не предпринимал²⁶⁴.

Тем не менее локальные боевые действия в Приазовье продолжались. Зимой 1698 г. Кубек-ага с 60 татарами ездил морем на Миус для захвата языков. В числе взятых пленников, кроме восьми казаков, оказался иноземец, «подкопного дела мастер», которого Кубек из «Нагаев» возил в Крым, а потом вернул на Кубань и «посадил на откуп»²⁶⁵. Любопытно, что уже весной на Кубани стали распространяться слухи о том, будто этот «немчин» перешел на турецкую сторону и, получив 40 тыс. турецкого войска, собирается из Тамани идти на Азов, укрепления которого хорошо знает²⁶⁶.

В начале весны 1698 г. (в Великий пост) часть жителей Кубани («горские черкесы, все, которые были в соединении с кубанцы») предприняли попытку «приклонитца под высокодержавную великого государя руку». Эту попытку сорвал находящийся на Кубани крымский султан Сафа-Гирей, который отправился в погоню и возвратил перебежчиков. Характерно, что, несмотря на просьбу султана, в погоне участвовали не все местные правители. Так, Мамет-мурза «с ним не поехал для того, что лошадьми опал» (зимой в Прикубанье от бескормицы пало много скота). Жители Кубани боялись нового нападения крымцев и готовились в случае опасности уйти «за реку Лову за Черкесские горы»²⁶⁷.

Опасаясь нападения на Кубань с моря, турки отправляли подкрепления в Ачуев. Весной туда из Константинополя пришло три галеры с ратными людьми, а также приехал с 40 всадниками сын Муртазы-паши²⁶⁸. Летом Али-паша «с немногими людьми» также приходил в Ачуев²⁶⁹. В целом же гарнизон Ачуева, во главе которого

²⁶³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 685.

²⁶⁴ Аваков П.А. Миусский поход воеводы А.П. Салтыкова 1698 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 3. С. 284–290.

²⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 37, 161.

²⁶⁶ Там же. Л. 229–230.

²⁶⁷ Там же. Л. 38.

²⁶⁸ Там же. Л. 98.

²⁶⁹ Гордон П. Дневник, 1696–1698. С. 148.

стоял Ромодан-ага, находился не в лучшем состоянии. Летом и осенью город заливала вода, стоявшая по 2–6 суток в половину человеческого роста. На этот случай в Ачуге были сделаны шалаши на столбах. Расквартированные в крепости бешлеи (300 человек татар) в большинстве своем ушли из города из-за того, что им не платили жалованье. 30 татар остались «для черной работы». Из 500 янычар бежала пятая часть. Некоторые из янычар без разрешения начальства занялись грабежом²⁷⁰.

В начале мая отряд, состоявший из крымских татар и турок во главе с одним из царевичей и Муртазой-пашой, напал на казаков, отправившихся для рыбного промысла на Миус. Нападавшие имели при себе три пушки. Часть рыбаков изрубили, а часть взяли в плен (из них 12 человек были посланы в Крым)²⁷¹. В целом рыбаки на Миусе постоянно становились объектом нападения татар. 2 июля один из донских казаков рассказывал, что 1 июля, когда он с товарищами был на Миусе для рыбного промысла, на них напали 10 татар²⁷².

Несмотря на отдельные наступательные действия, основная стратегия турок в Азовском регионе состояла в том, чтобы не дать российским вооруженным силам свободно действовать на Черном море, нарушая подвоз хлеба к Константинополю. Для этого «х Керче прислано было семь каторг да шесть галер для бережи, чтоб донские казаки с Азовского моря в Черное море стругами не проходили. И стояли тамо в черноморском гирле три месяца. И по салтанскому указу пошли по-прежнему к Царюграду»²⁷³.

На Азовском море донские казаки выходили на промысел под турецкие города, не опасаясь вражеского флота. 10 июня атаман Фрол Минаев писал, что «на Фоминой неделе» (первая неделя после Пасхи) с Дона посылали 55 казаков в лодках под Темрюк и Ачуге «для добычи». За полдня пути до Ачуге их заметили с берега караульные и дали знать в город, где началась стрельба. Поняв, что обнаружены, казаки ушли и на обратном пути взяли в плен замеченного на берегу татарина²⁷⁴. Еще один отряд ходил на море уже осенью. 8 сентября 30 казаков на трех лодках были посланы с атаманом Тимофеем Соколовым для поимки языков к Ачуге. Недалеко от крепости им удалось захватить лодку, в которой везли двух пленных казаков²⁷⁵.

Земли донских казаков также подвергались нападениям. Пленный татарин в расспросе рассказал, что «кубанской де Кубек-мурза, выбрав ис кубанцов вожа именем Джумайка, а с ним их татар восемьдесят пять человек» посылал их под Азов и казачьи городки для взятия языков. Под Черкасском они напали на рыболовов и взяли пленных²⁷⁶.

В октябре «кубанцы ис кубековых аулов» и раскольники (300 человек) приходили «к Паншину и где строятца великого государя корабли». Задача противника состояла в поджоге строящихся судов. Однако на речке Карповке между донским городком Пятиизбненным и Царицыном они встретили 23 донских и астраханских юртовых татар, которые из Астрахани с персидскими товарами шли в Черкасск. На-

²⁷⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 6–7, 11–12.

²⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 12, 25.

²⁷² Там же. Л. 420.

²⁷³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 9.

²⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 156–157.

²⁷⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 1–2.

²⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 159, 236, 239.

падавшие взяли в плен трех человек, а остальные двадцать ушли от погони и подняли казаков. Донцы догнали вражеский отряд и вступили с ним в бой. В результате удалось убить одного кубанца и отбить товара на 500 руб.²⁷⁷ В конце осени — начале зимы 1698 г. (на Филиппов пост) на Койсуге, в трех верстах от Азова, появлялся ногайский отряд в 60 человек, против которого высылали сотню казаков²⁷⁸.

Осенью 1698 г. от Аюки пришло послание в Черкасский городок, в котором он сообщал, что с 30 тыс. его войска до заморозков пойдет на Кубань, и звал казаков с собой. Донцы согласились²⁷⁹. В ожидании похода они даже послали на Кубань 170 человек «для языков»²⁸⁰. Однако совместный поход с калмыками Аюки не состоялся из-за серьезных перемен в политической ситуации на Кубани.

Продолжая политику лавирования, еще предшествующей зимой Аюка посылал на Кубань к калге и кубанцам с предложением «замириться». Тогда калга отправил посланников «без дела», сказав, что те приехали не для заключения мира, а для «высматривания». Однако затем ситуация изменилась — вместо калги на Кубань был прислан нураддин²⁸¹.

Осенью, одновременно с отправкой людей к донцам с предложением совместного похода на Кубань, Аюка направил посланников к нураддину «чтоб он, салтан, и Кубек прислали к нему Аюке для договоров о миру посыльщиков», что и было незамедлительно сделано²⁸². Аюка был согласен на мир при условии, если закубанские татары будут давать ему дань, и многие мурзы готовы были эту дань платить²⁸³. Таким образом, Аюка перешел от политики разорения Кубани к выстраиванию мирных отношений с местными политическими элитами.

Причина согласия Аюки пойти на мир состояла в том, что осенью 1698 г. между ногайскими, едисанскими и енбулуцкими мурзами произошла распря. Многие из татар, которые после того, как Аюка открыто выступил на стороне России, откочевали от него на Кубань, теперь хотели быть «за великим государем». Нураддин, узнав об этом, начал стеречь, чтобы они не ушли в российские владения. Кроме того, один из наиболее авторитетных мурз, ранее кочевавших с Аюкой, Арасланбек-мурза (Расланбек-мурза Касполатов), был вызван в Крым. Хан предложил ему «жить на Кубане во всякой волности» и вместо хана брать дань «с нагайцов, которые от Аюки тому ныне года с три откочевали», при условии, что тот помирит хана с Аюкой²⁸⁴. Как видим, благодаря военным успехам России возникла перспектива массового перехода ногайцев на российскую службу. Это заставило и Крым, и Аюку снизить военное и политическое давление на ногайских мурз²⁸⁵.

Осенью 1698 г. казаки совершили успешные набеги на Кубань. Им помогло появление в Черкасске перебежчика — мурзы Юсуфа Наврузова. Данное семейство пользовалось уважением кубанских мусульман благодаря тому, что происходило из рода сеитов, потомков пророка Мухаммада. Из-за убийства одного из свойственни-

²⁷⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 5–6, 10.

²⁷⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1699 г. Д. 1. Л. 1

²⁷⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 3.

²⁸⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698 г. Д. 9. Л. 7.

²⁸¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1699 г. Д. 1. Л. 7. Ср.: *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан... С. 153.

²⁸² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1699 г. Д. 1. Л. 10.

²⁸³ Там же. Л. 15.

²⁸⁴ Там же. Л. 9–10, 14.

²⁸⁵ Там же. Л. 5.

ков, опасаясь мести его близких, Юсуф-мурза был вынужден покинуть кубанские земли и бежать в российские владения.

Казачи решили использовать столь удобного проводника. В начале декабря с Юсуфом на Закубанскую орду ходили около 90 человек. На Лабе во владениях Арасланбека-мурзы и другого мурзы Едисанского улуса донские казаки отогнали стада (около 1000 лошадей), ранив несколько пастухов и убив одного из них. Кубанцы отправились за ними в погоню, догнали у р. Эи (Еи). Казаки разбили противника и взяли в плен двух человек. В конце декабря с тем же Юсуфом-мурзой казаки послали 200 человек, которые вновь убили несколько татар и отогнали стада²⁸⁶.

Боевые действия после заключения перемирия

О перемирии между странами антитурецкой коалиции и Османской империей было официально объявлено 7 (17) октября 1698 г. Оно действовало во время проведения переговоров между дипломатами пяти стран, которые начались вблизи Карловиц на Дунае (современное название — Сремски-Карловци) и продолжались до января 1699 г. Для России их итогом стало заключенное 14 (24) января 1699 г. двухлетнее перемирие²⁸⁷.

Однако заключение перемирия не остановило боевые действия немедленно. Его краткосрочный характер не гарантировал стороны от возобновления войны. Вместе с тем интенсивность боевых действий и число вовлеченных в них войск очевидно снизилось, а инициатива столкновений исходила, как правило, от местных властей. Очередной набег крымских татар состоялся в феврале 1699 г. 14 февраля к Тору приходило около 1 тыс. татар. Они захватили несколько человек и ушли в степь²⁸⁸. У Царичанки около 400 татар видели 10 февраля²⁸⁹. Под Маяк и Нехворощу, судя по сообщению полтавского полковника Ивана Искры, подъезжало около 300 человек²⁹⁰. Этот отряд был разбит. В плен попало 10 нападавших²⁹¹. Еще один небольшой отряд, состоявший из 52 татар, украинские казаки заметили «под городком Волным над Самарою лежащим». Они ударили по противнику, взяли четырех языков и отбили восьмерых пленных, захваченных татарами²⁹². Как выяснилось при допросе пленных, татар отправил в поход с целью захвата языков перекопский бей²⁹³.

Находившийся на Кубани Шахбаз-Гирей, получив вести про «несходство мирного соглашения», не велел отдавать российским властям отогнанных в нарушение перемирия лошадей²⁹⁴. Османские власти, учитывая возможность возобновления войны, на зиму 1699–1700 гг. прислали в Кафу 60 «станци» янычар²⁹⁵.

²⁸⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1699 г. Д. 1. Л. 2–3, 8, 13.

²⁸⁷ Гуськов А.Г. Участие России в Карловицком конгрессе (1698–1699 годы): русская дипломатия в раннее Новое время // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 119–141. Подробнее см. главу 11.

²⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1656. Л. 219.

²⁸⁹ Там же. Л. 217.

²⁹⁰ Там же. Л. 173.

²⁹¹ Там же. Л. 169–170.

²⁹² Там же. Л. 140.

²⁹³ Там же. Л. 142, 173.

²⁹⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1699 г. Д. 7. Л. 5.

²⁹⁵ Там же. Л. 4–5.

Обстановка в пограничных районах оставалась тревожной. Большую роль в этом играл тот факт, что многие представители кочевых народов стремились перейти под власть России, чьи позиции в Приазовье очевидно укрепились. Поскольку окончательных условий мира еще не было, российские власти благосклонно относились к таким переходам. В сентябре 1699 г. с Кубани в Астрахань писали едисанский мурза Игидемир Салтамуратов сын Тинбаев, а также ногайские и ембулукские мурзы. Они сообщали, что ранее откочевали из калмыцких улусов Аюки, а теперь желают служить государю и кочевать в прежних местах. 1 октября к ним послана грамота, обещающая свободный путь к прежним кочевьям²⁹⁶.

От Аюки начали отъезжать даже мурзы из его ближайшего окружения. 1 марта 1699 г. на Дон перешли Мункотемир и Дулдюк (Дюлдюлей)²⁹⁷. 20 января 1700 г. сыновья Аюки — Шабдар, Чапа и Санжи — напали на кочевье перебежчиков с отрядом в 4 тыс. человек. Они успели разбить и захватить людей Дулдюка, сжечь казацкое сено, отогнать скот и коней, а также убить и взять в плен многих казаков. Вскоре из Черкаска пришло казачье войско, которое атаковало нападавших. Казаки также взяли пленных калмыков²⁹⁸.

Еще одно относительно крупное столкновение произошло в мае 1700 г. Находившийся на Камышенке стольник и воевода князь Петр Дашков сообщил: «в нынешнем де 1700 году мая в 21 день прибежав безвестно к полку их кубанские татары и калмыки. И побрали в табунах у ратных и слюзных работных людей девятьсот тридцать пять лошадей. А в полон взяли мурз и посошных людей четырнадцать человек». За нападавшими была послана погоня, а затем произведен розыск среди казаков. «И по пыточным речам взятых воровских казаков» выяснилось, что в нападении кубанских татар также участвовали калмыки и старообрядцы с Аграхани во главе с атаманом Косткой Ивановым²⁹⁹. Таким образом, хотя после заключения перемирия крупных военных операций не проводилось, процесс перехода к мирной жизни был сложным и длительным, а местные власти старались использовать к своей выгоде последние месяцы до окончания войны.

* * *

На завершающем этапе войны общая стратегическая ситуация в исследуемом регионе радикально изменилась. Впервые за все годы противостояния Османская империя была вынуждена перебрасывать крупные воинские контингенты на восток. Речь идет не только о сухопутных войсках, но и о флоте. Перемены связаны с потерей стратегически важных турецких укреплений — днепровских городков и Азова. Чтобы сохранить возможность поставок продовольствия в Константинополь по Черному морю, туркам пришлось держать флот в лимане Днепра против Очакова, а также в Керченском проливе. Параллельно османские власти пытались вернуть утраченное, начав с наиболее важных для них днепровских городков. Эти попытки оказались безуспешными. Максимум, чего удалось добиться турецким военачальникам — остановить дальнейшее продвижение российской армии, не позволив захватить Очаков.

²⁹⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1699 г. Д. 3. Л. 1–3.

²⁹⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1699 г. Д. 2. Л. 8–13.

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1699 г. Д. 3. 29–30.

²⁹⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1699 г. Д. 6. Л. 196–197.

ВОЙНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ¹

Любая война как процесс конфликтного взаимодействия различных политических образований заключается не только в собственно вооруженных столкновениях, и не только лишь они определяют ее итоги. Очень часто не меньшее значение приобретают сопутствующие войне борьба великих держав за политическое влияние в том или ином буферном регионе, спровоцированные военными действиями перемещения населения, социальные трансформации, внутренние конфликты и т.д. Все вместе результаты этих процессов вносят важный вклад в формирование генеральных итогов противостояния враждующих сторон.

Принимая во внимание проблематику данной монографии, высказанные соображения в полной мере относятся к региону Северного Кавказа и Северного Прикаспия. Прямые столкновения России с османскими войсками в 1686–1700 гг. здесь не происходили. Относительно крупные крымские отряды нападали на российские владения Северного Кавказа трижды — в 1688 г. (нанесен удар по казачьим городам на Тереке), а также в 1689 г. и 1697 г., когда осаждались Терки. При этом в 1688 и 1697 гг. крымские войска возглавлял калга — второе лицо в иерархии ханства. Кроме того, на территории Северного Кавказа ханство набирало дополнительные воинские контингенты. Поэтому процессы взаимодействия с местными этническими и религиозными сообществами как России, с одной стороны, так и Порты (в меньшей степени) и Крымского ханства (в большей степени), с другой стороны, оказывали непосредственное влияние на другие театры военных действий. Достаточно указать, что в период осады Азова в 1696 г., из-за обострения крымско-кабардинских отношений черкесы, на которых рассчитывали осажденные, пришли в район боевых действий уже после сдачи города. Это дает все основания рассматривать вооруженные конфликты и политическое соперничество на просторах Северного Кавказа и Северного Прикаспия в контексте событий Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. В ином случае ее картина была бы явно неполной. В целом же характер войны на Северном Кавказе существенно отличается от того, что мы видим в других регионах.

Горские народы, которые находились в жесткой зависимости от турецких властей, были вынуждены направлять на османскую службу воинские контингенты, даже если война не затрагивала их собственные земли непосредственно. Некоторые из горцев рассматривали начавшийся конфликт как возможность для получения жалованья или захвата военной добычи. Воюющие державы стремились привлечь на свою сторону как можно больше горских владетелей. Те, в свою очередь, старались использовать ситуацию для укрепления своего положения или сведения счетов с соперниками. Основную роль в происходящих событиях играли правители наиболее сильных и консолидированных на тот момент этнических

¹В основу главы положена выполненная в рамках проекта статья: *Шамин С.М., Гуськов А.Г., Башнин Н.В.* Война на Северном Кавказе (1686–1698 гг.) // *Российская история.* 2021. № 4. С. 30–43.

групп рассматриваемого региона — черкесов и кумыков². Очень быстро в боевые действия были втянуты кочевники, жившие на равнинах Предкавказья, — в основном различные группы татар.

1687 г.

В некоторых случаях почвой для войны были имевшие место в более ранний период трения между российскими властями и горскими правителями. К примеру, кумыкский шамхал Будаю (владелец Тарковского шамхальства) захватывал выброшенные на берег в его владениях суда, на которых велась торговля между Россией и Персией. Так, еще 17 декабря 1686 г. в Тарки (в настоящее время часть Махачкалы) посланец юртовский сотник Байтебет, который от имени российских властей в очередной раз требовал, чтобы шамхал отдал людей, взятых с гияланской бусы³. Формально шамхал признавал себя подданным московских государей и, соответственно, должен был выполнить выдвинутые ему требования. На практике же русское правительство могло влиять на Будаю только через выплату жалованья или угрожая ему военной силой. В рассматриваемый период жалование шамхалу не выплачивалось, а военная операция потребовала бы слишком много сил и средств. Как итог — очередной спор грозил затянуться на неопределенное время.

Хотя подобные казусы были обычными для кавказского региона, нападения «воинских людей» Будаю и других горцев на российских подданных, начавшиеся в конце марта — первых числах апреля 1687 г., стали неожиданностью для астраханских властей, управлявших регионом Нижнего Поволжья и Предкавказья вплоть до Терков (Терского города) в низовьях Терека. Разобраться в ситуации удалось лишь благодаря постепенно начавшей поступать в Астрахань информации от захваченных в бою противников и бежавших из плена русских подданных. Еще в апреле первые сведения дал захваченный стрельцами при нападении в низовьях Волги Ешканач Сарыев — «Аюкаева владенья ембулцкого Енмаметя-мурзы Шелмабетева (возможно прочтение «Шемалбетева». — *Авт.*) улусной человек» (ембулцкие татары подчинялись калмыцкому тайше Аюке, который формально был подданным московских государей, так же, как и тарковский шамхал). Сарыев рассказал, что ездил с девятью товарищами в Азов для продажи лошадей. Там он узнал, что из Крыма через Азов к тарковскому шамхалу Будаю и иным горским владетелям пришли посланцы, которые приказывали им нападать на казачьи городки, когда с Терека на Крым уйдут служилые люди и гребенские казаки⁴. Трудно сказать, что являлось для отряда ембулцких татар реальной причиной похода в российские владения — повеление хана или банальное желание воспользоваться благоприятной ситуацией для грабежа. В любом случае, мы видим, что война расширила свой ареал на Северный Кавказ и в Поволжье.

В мае 1687 г. удалось получить дополнительные сведения о причинах начала военных действий. Их сообщил бежавший от горцев астраханский житель Савелий Иванов сын Груздев, который попал к шамхалу в плен с упоминавшейся выше выкинутой на берег бусы. После кораблекрушения он жил у шамхалова узденя Илмеса. Груздев бежал из Тарков и вновь был пойман караульщиками Чепалова (Чопала-

² Жившие к югу от них народы Кавказа в войне не участвовали, поскольку находились под влиянием Персии.

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10689. Л. 3. Буса — остроносое круглодонное судно, ходившее под одним или двумя парусами.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10563. Л. 2.

ва) — правителя Эндиреевского владения (кумыкское государственное образование, располагавшееся между Тарками и российскими владениями на Тереке). Видимо, далее пленник сбежал и от Чепалова. В Тарках Груздев слышал от «старых» полоняников, что к Будаю приходили послы от крымского хана и требовали «воинских людей» на войну с Москвой. Шамхал ратных людей не дал. «Крымский султан» также посылал к персидскому правителю, чтобы «горские владельцы, которые в послушанье у шаха, ему, хану, помогли против христианских ратей. И шах де ему отказал»⁵.

Сопоставляя данные Сарыева и Груздева, можно составить относительно полную картину того, как развивались события, предшествовавшие нападениям на русские владения в марте 1687 г. Очевидно, что зимой 1686/87 г. крымские власти попытались привлечь к войне с Московским царством народы Северного Кавказа. При этом противники России, опираясь на идею борьбы правоверных мусульман с христианами, постарались получить поддержку от шаха. Попытка оказалась неудачной, поскольку для Персии Османская империя, в вассальной зависимости от которой находился Крым, была таким же соперником на Кавказе, как и Россия. Шамхал Будаю, которому приходилось балансировать между Ираном, Турцией и Россией, отказался предоставить свои войска для борьбы с Россией в чужих землях, однако выступил на стороне Османской империи на Северном Кавказе и в Поволжье. Аналогичным образом стали действовать и некоторые другие местные владетели.

В марте 1687 г. боевые действия начали ембулукские татары, в отряде которых находился упомянутый выше Сарыев. Где они нанесли первый удар и захватили пленных, в источниках не отмечено. Мы знаем лишь о наличии таких пленных в момент столкновения с астраханскими стрельцами, на которых татары напали на Волге ниже Черного Яра в конце марта. Хотя татары были нападающей стороной, их постигла неудача. Во время боя стрельцы не только захватили пленного, но и отбили русского мальчика десяти лет⁶.

2 апреля 1687 г. татары и черкесы Чепалова и Будая напали на соляные промыслы под Астраханью на Мочаговском озере. Русские промышленники попытались отбиться. В ходе перестрелки погибли двое нападавших и один соледобытчик. Астраханского посадского человека Тимофея Яковлева сына Лысковца и двоих его товарищей захватили в плен. После этого нападавшие пошли на расположившуюся неподалеку рыбную ватагу. Одного рыбака татары зарубили, а 10 человек взяли в плен. После распределения пленных воинские люди Чепалова и Будая разделились и поехали по домам. Привезенный к Чепалову Лысковец, однако, смог расковать оковы и бежать⁷.

Ночью 4 апреля за Волгой «на крымской стороне» у подданного России астраханского ногайского татарина Карасая-мурзы Мурзабекова сына и у других ногайских мурз кумыки тарковского шамхала (150 человек) угнали 200 лошадей. Они взяли с собой самого Карасая-мурзу, а потом бросили его связанным в степи. Карасаю было сказано, что их послал шамхал Будаю «для воровства» и взятия языков из-за того, что государи не выплачивают ему жалованья, с его товаров в Астрахани берут пошлины, а «посыльщиков» задерживают. Шамхал угрожал, что будет и дальше воевать у Астрахани, а также на море. В случае выплаты государева жалованья он обещал прекратить набеги и отпустить пленных русских людей. Набегам подвер-

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10690. Л. 1–2.

⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10563. Л. 1.

⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10711. Л. 1.

лись также другие юртовские татары. Во главе нападавших юртовские ногайские мурзы узнали сына шамхала Будая Давожа Чиначка. За людьми Будая из Астрахани послали 130 стрельцов и 150 астраханских татар. Они нашли у соляного Мочаговского озера убитого русского человека и разоренный лагерь. Нападавших догнать не удалось⁸.

Позднее ногайские мурзы ездили в Тарки с целью возврата своих лошадей, но шамхал им свою добычу не отдал. Там они слышали от терских татар, что шамхалов человек Метей Карак (карак — разбойник) хочет выходить на море, а также идти под Астрахань⁹. 18 мая астраханским властям пришлось официально объявить о готовящемся набеге людей тарковского шамхала под Астрахань на рыбные ловли и промыслы. Об этом «кликали» через биричей¹⁰.

Обращает на себя внимание демонстративное поведение шамхала. Через захваченных во время набегов пленных и пострадавших татар он всячески стремился донести до астраханских властей, что нападения являются следствием невыплаты ему полагающегося государева жалованья. Про указания османских властей начать войну Будай не упоминал. Другие же местные владетели, чьи подданные участвовали в нападениях, явно старались своих действий не афишировать. Примечательно и желание шамхала перенести боевые действия на море. Правда, ресурсов для этого у Будая пока не имелось.

Уже в мае 1687 г. астраханские власти отправили толмача астраханской Приказной палаты Алексея Грузинцева и юртовского татарина Байтубея Уразаева с листом к эндириевскому владельцу мурзе Чепалову. Посланные должны были говорить о сыске русских людей, взятых на рыбной ловле и у соляных озер, а также о «радетельной службе» мурзы государю. Через Чепалова полагалось передать лист шамхалу, «чтоб он, шавкал, от шатости своей престал», а захваченных русских людей прислал в Астрахань или на Терек. Грузинцев и Уразаев должны были дожидаться ответа Будая у Чепалова. Параллельно к Аюке с призывом на службу послали сотника Ивана Королева. Калмыцкого владельца просили, чтобы, если «шевкаловы воровские люди» пойдут под Астрахань, тот не пропускал их. За это Аюке обещали государево жалованье. Он также должен был написать Будая об освобождении русских людей¹¹.

Обращение к Чепалову, люди которого участвовали в набегах на российские владения (о чем в Астрахани знали), имело закономерный характер. С одной стороны, было очевидно, что Чепалов не афиширует свое участие в набегах. С другой стороны, эндириевский владелец был зависим от России, так как совсем недавно, в 1686 г., московские власти поддержали Чепалова в конфликте с Аюкой. В свое время калмыцкому правителю ответили отказом, когда тот просил в Москве военную помощь для похода на Чепалова, а когда этот поход все же состоялся, от Аюки потребовали вернуть эндириевскому правителю все захваченное во время набега. В августе 1687 г., когда Аюка вновь попросил в Москве помощи против Чепалова, он снова получил отказ¹². Российские власти понимали, что эндириевский владелец не

⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10563. Л. 2–5.

⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10652. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 1–2.

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10691. Л. 1–4.

¹² *Ибрагимова А.О.* Русско-дагестанские политические отношения во второй половине XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2003. С. 141–142.

может идти на открытый конфликт ни с Будаем, ни с Россией и вынужден лавировать между более сильными соседями. Это превращало его в возможного посредника в переговорах с Будаем.

1688–1689 гг.

В 1688 г. начались военные действия в Кабарде. По данным В.Т. Тепкеева, азовский бей извещал хана Аюку о том, что в Кабарду идет калга, действия которого не направлены против калмыков¹³: «а калга-салтан со многими войски на Кабарду по Узют реке поехали, и от него к нам никаких убытков не будет, и вы б безопасно жили»¹⁴. Более подробные данные о походе содержатся у П.Л. Юдина: «сераскир Казы-Гирей с огромной ратью... прошел всю кабардинскую землю... достиг Терека и уничтожил городки тамошних казаков»¹⁵. Последующие исследователи, касавшиеся данных сюжетов, опирались на эту публикацию. К сожалению, сам Юдин не указал источник своих известий. Следует отметить, что, возможно, сведения его не вполне точны. Достаточно вспомнить, что турецкое наименование «сераскир» обычно не применялось для обозначения ханских военачальников, направленных в Кавказский регион. Таким образом, хотя сам факт похода сомнений не вызывает, вопрос о том, каковы были причины нападения, кто в нем участвовал и каковы были результаты, остается открытым. В общих чертах о целях похода можно судить по его результатам — в следующем 1689 г. черкесы присутствовали в составе войска крымского хана, вышедшего против полков В.В. Голицына¹⁶. Можно предполагать, что калга стремился заставить черкесов максимально активно участвовать в борьбе Крыма против Москвы.

Российские власти предприняли попытку нанести удар по туркам с территории Грузии. Живший в Москве князь Имеретии Арчил Вахтангович 30 июня 1688 г. отбыл из российской столицы вместе с детьми «в свою землю на время, для очищения своей отчины и для промыслу и поиску над турскими воинскими людьми»¹⁷.

В 1688 г. мы впервые сталкиваемся с новой для Северного Кавказа военной силой — бежавшими с Дона казаками-старообрядцами. Последние старообрядческие городки были разгромлены на Верхнем Дону в апреле 1689 г. Однако еще в 1688 г. часть старообрядцев перебралась на Кавказ. В конце апреля 1688 г. отряд под предводительством Льва Маноцкого впервые отправился на Куму. На Куме их благожелательно принял князь Большой Кабарды Мисост Казыев, и раскольники вернулись за своими товарищами, вместе с которыми вновь отправились на Куму 20 июля. Переселяясь на Кавказ, старообрядцы вошли в контакт не только с Мисостом, но и с другими горскими владельцами. Маноцкий ездил к шамхалу Будаю с 300 людьми, предлагая принять его с товарищами на службу; Чепалов присылал казакам подарки, зовя их к себе. Те раскольники, которые ушли к Будаю, поселились на Аграхани, а тех, которые остались у Мисоста, владелец Кабарды поселил на урочище Можары¹⁸ (на месте современного Буденов-

¹³ Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Элиста, 2018. С. 105.

¹⁴ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 15.

¹⁵ Юдин П.Л. Калмыки в борьбе с Турцией. (К истории турецких интриг на Кавказе) // Русский архив. 1915. № 6. С. 166.

¹⁶ ПСЗ. Т. 3. 1689–1699. СПб., 1830. С. 19, 23.

¹⁷ Дворцовые разряды. Т. 4. (С 1676 по 1701 г.). СПб., 1855. Стб. 386.

¹⁸ Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 184, 192, 195–196.

ска, то есть в степи, вне своих земель)¹⁹. В итоге они построили «земляной городок со всяким строением в урочищах промеж рек Кумы и Домалы (современная р. Томузловка. — *Авт.*)... посторонь старых Мажар»²⁰. Донские казаки сообщали о том, что Мисост снабжает старообрядцев хлебом и собирается идти с ними «нас на Дону разорить». Кроме того, донцы извещали о том, что старообрядцы «ходили на море воровать судовою (ратью. — *Авт.*) и добылись добычею великою, погромили стружки, которые шли к Астрахани, а на весну де суды готовят и хотят идти еще на воровство»²¹. В последнем случае речь, очевидно, идет об аграханских старообрядцах Будая. Атаманом ушедших на Аграхань раскольников стал Герасим Купреянов, а после его смерти — Лев Маноцкий²². Как видим, угроза Будая перенести боевые действия с Россией на Каспийское море стала реализовываться благодаря казакам-старообрядцам.

Следует, впрочем, отметить, что отношения между горскими правителями и старообрядцами не выглядят вполне доверительными. Как Будай поселил их в удалении от Тарков, так и Мисост отказал старообрядцам в просьбе поселить «под Бечтовыми горами»²³. Ценные союзники оставались чужаками.

Между тем положение России на Кавказе с 1689 г. существенно осложнилось. Источники сообщают, что в конце 1688 г. или начале 1689 г. пожар уничтожил значительную часть Терков, главного опорного пункта России на Северном Кавказе. Пока не удалось найти информацию о причинах пожара. Был ли он связан с отмеченным в 1688 г. походом крымских татар под командованием калги, другими боевыми действиями или же какой-то случайностью — нам не известно. Городские укрепления пришлось отстраивать заново. К февралю удалось возвести стены в десять бревен, несколько ворот и башен²⁴. Для строительных работ на Терек отправляли стрельцов из разных городов²⁵.

В апреле 1689 г. с Кумы вернулось на Дон 40 семей казаков-старообрядцев. Они говорили, что позднее придут и другие старообрядцы, которые не хотят идти с Маноцким войной на Терек²⁶. Для московских властей эти новости, с одной стороны, были хорошими, поскольку распадалась старообрядческая община, находившаяся под покровительством князя Мисоста. Действительно, после 1689 г. мы не встречаем данных о каких-либо активных действиях старообрядцев с Кумы. С другой стороны, становилось очевидным, что ушедшие с Маноцким к Будаю старообрядцы включились в борьбу с Россией на Кавказе. Позднее донские казаки сообщили в Посольский приказ, что переход старообрядцев с Кумы на Аграхань состоялся по договоренности между Мисостом и Будаем. Будай приезжал в Боль-

¹⁹ О старообрядцах на Кавказе см. также: *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. — начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и Средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. М., 2011. С. 290–291.

²⁰ ДАИ. Т. 12. СПб., 1872. С. 242.

²¹ Там же. С. 252.

²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 123–124.

²³ ДАИ. Т. 12. С. 228.

²⁴ АИ. Т. 5. 1676–1700. СПб., 1842. С. 314.

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11147.

²⁶ *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону... С. 203.

шую Кабарду «по них нарочно» и «шертовал, что он их никому не выдаст и не отпустит, и будет беречь»²⁷.

Крайне интересные данные о раннем «кабардинском» периоде жизни старообрядцев на Северном Кавказе сообщил казак Моисей Васильев сын Мисюрка. Из его рассказа понятно, что какое-то число старообрядцев во владениях Мисоста осталось после 1689 г., но жили они не в отдельном поселении, а в кочевье крымских татар, находившемся на землях Мисоста. Мисюрка попал в плен к раскольникам во время возвращения из Астрахани на Дон. Его рассказ записан осенью 1694 г. и относится к началу 1690-х гг.: «Напали на них вора роскольщики донские казаки, которые передались к озовцом и преж сего жили на Куме-реке. И привели ево в Каберду, в их поганское кочевье к Сабез-Гирею-салтану. Тому ныне третьей год ис Каберды с тем выше помянутым салтаном пошел на Кубань волею своею, и с ними роскол держал»²⁸.

Упомянутый Мисюркой салтан — это Шахбаз-Гирей, сын хана Селим-Гирея, который позднее, уже будучи калгой, сыграл важную роль в истории Кабарды. Как видим, в начале 1690-х гг. он также находился в Кабарде, способствуя сохранению власти хана над регионом. Из данного сообщения становится очевидным, что он имел связь с кумскими старообрядцами, а также что какая-то группа старообрядцев осталась при Шахбазе после того, как большинство казаков перебралось с Кумы на Аграхань.

Следует отметить, что для Маноцкого сотрудничество с горскими правителями было одновременно и службой султану. Об этом он заявлял, будучи в 1689 г. в Азове, где договаривался о совместном походе черкес, старообрядцев и азовцев на донские казачьи городки²⁹. Большую Кабарду старообрядцы рассматривали как территорию, подчиненную хану. По крайней мере на угрозы, что против них на Аграхань будут посланы войска, старообрядцы отвечали, что «по ведомости они пойдут к хану в Большую Кабарду»³⁰.

Весной 1689 г. противник впервые осадил Терский город, который вовремя успели отстроить после пожара. Сведения об осаде крайне отрывочны. Жившая в городе княгиня Таука Салтанбековна Черкасская³¹ сообщала в Москву о «службах» терского дьяка К.И. Уланова, который «в приход к Терку неприятельских воинских людей в осаде сидел и великим государем служил, в городе над караулы по вся дни и ночи смотрил и от всякие шатости осадных людей берег и государскою милостию обнадеживал»³².

²⁷РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 7. Л. 60–61.

²⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 120–121.

²⁹*Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства в кон. XVII — нач. XVIII века: численность, расселение, занятия // *Слава престолу, честь для себя: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Казачество в политической жизни России: история, формы самоуправления, культура», посвященной 400-летию призвания на царство Дома Романовых, 14–16 февраля 2013 года, г. Ставрополь-на-Кавказе / под ред. С.О. Звонков. Ставрополь, 2013. С. 199.*

³⁰РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 7. Л. 41.

³¹О ней см.: *Башнин Н.В., Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Княгиня Таука Салтанбековна Черкасская в кавказской политике России // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2022. № 1. С. 103–114.

³²*Кашкин Н.Н.* Родословные разведки. Т. 1. СПб., 1912. С. 9–10.

Енбулат Эльмурзин, уздень Тауки, сообщал в своей челобитной, что город осаждали шамхал Будай «и иных многих владеней владельцы з горскими черкесы и крымского хана сын с крымскими татары»³³. Здесь же рассказывается о том, что перед приходом врага осажденные сожгли находящиеся вне укреплений дворы, чтобы «воинским людем к городу пристанища не было». Защитники Терков неоднократно делали вылазки. В ходе одной из них в плен к крымским татарам попал племянник челобитчика, что и стало причиной составления челобитной. Поскольку в нападении участвовали черкесы, можно предполагать, что упомянутый в документе не имевший титула сын крымского хана — это живший в Кабарде.

К сожалению, в упомянутых документах не указано точное время осады. Оно восстанавливается по косвенным упоминаниям в источниках. В середине апреля 1689 г. пушки и пушечные припасы выдавались для отряда из 550 астраханских, казанских и московских стрельцов разных приказов, направляемых под Терки «для поиску крымских воинских людей»³⁴.

Очевидно, что в это время в Астрахани о происходящем вокруг Терков получали лишь отрывочные сведения. Недостаток информации пытались компенсировать данными разведки. Так, в начале апреля астраханские власти выдавали с Зеленого двора полковую пищаль с припасами астраханцу Денису Сербину, посылаемому по указу боярина и воеводы Алексея Петровича Салтыкова на море с семьёю стрельцами и десятью юртовскими татарами «для проведывания воровских воинских людей»³⁵. Эти данные также подтверждают, что война была перенесена на море и сообщение с Терками оказалось затруднено.

Другие сообщения касаются финального эпизода обороны Терков. 1 мая 1689 г. табунные головы Ишей и Танай Кашкарины были посланы из Астрахани проведывать, отошли ли воровские люди от Терского города или нет. 9 мая Кашкарины вернулись обратно и сообщили, что люди тарковского шамхала Будая, эндиреевского владетеля Муртазалея (сменившего Чепалова) и иных горских владетелей, а также и «воровские казаки раскольщики», видя «свое безмочество» и государевых ратных людей «крепкое сидение», а также услышав о приближающейся подмоге, «от Терского города побежали». Информация была получена Кашкариными от «степных татар» Аюки, которые узнали об этом от осаждавших город горцев. После неудачи под Терками последние отправились «для воровства» на Волгу. 12 мая служилые люди из Терского города сами подтвердили, что нападавшие прекратили осаду города и ушли³⁶. Стрельцы, которых в апреле посылали на помощь Теркам, вернулись в Астрахань к концу мая³⁷. Им пришлось поучаствовать в военных действиях. Об этом мы узнаем из документов о награждении раненых в бою под Терками с «крымскими воинскими людьми» и «казаками раскольщиками»³⁸. Таким образом, время осады приходится на апрель 1689 г.

О тяжелом положении Терков говорит тот факт, что из города пришлось перевести в Астрахань «аманатов» горских князей. В их числе были сын Будая Али-

³³РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1690. Д. 1. Л. 1.

³⁴Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11151.

³⁵Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11143.

³⁶Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11180.

³⁷Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11192.

³⁸Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11203, 11204.

бек-мурза (Халимбек) и «большой Кабарды Мусоста-мурзы внук» Девлет-Гирей (Кирей). Они оставались в Астрахани еще в августе 1689 г.³⁹ Позднее их вернули на Терек.

С осадой Терков совпало появление людей шамхала Будаю в Поволжье. Возможно, что, расширяя зону боевых действий, он пытался как-то координировать свои действия с крымскими татарами. В середине апреля 1689 г. порох и свинец понадобился для 100 казанских стрельцов, посылаемых «за Волгу на караул» для «обережи от прихода крымских воинских людей»⁴⁰. А 21 апреля 1689 г. произошел бой между отправленными «по вестям» на нагорную сторону Волги астраханскими стрельцами, юртовскими мурзами, табунными головами, татарскими сотниками с одной стороны и «шекваловыми воровскими людьми» с другой стороны. В ходе столкновения в плен взяли 7 человек «крымских и шекваловых» языков, которые потом были посланы в Москву⁴¹.

Кумыкские правители стремились увеличить число старообрядцев, находившихся под их контролем. Уже в начале лета 1689 г. старообрядцы приходили из владений Будаю на Дон в поисках новых сторонников вместе с черкесами⁴². Черкесов возглавлял князь «Шиполов», которого можно идентифицировать с Чепаловым (это наиболее позднее по времени упоминание данного политического деятеля)⁴³. На следующем этапе военных действий в регионе старообрядцы стали одной из сил, определявших военно-политическую обстановку.

1690–1691 гг.

После неудачной осады Терского города в боях наметилось затишье (как потом оказалось, временное). Для переговоров к шамхалу Будаю в начале 1690 г. приезжал стольник Яков Миронович Ворыпаев⁴⁴. Документов его миссии найти не удалось. Тем не менее о ее результатах можно судить по переводу одного из более поздних писем Будаю в Москву. Шамхал охарактеризовал переговоры с Ворыпаевым следующим образом: «А в прошлом году весною в девятом месяце приехал к нам стольник честной и учинил с нами договор и шерть. Триста горские князья шертовали (так в тексте. — *Авт.*). И он обещал и обнадежил вашим великих государей жалованьем, кафтанами,

³⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11333. Отсутствие данных о событиях вокруг Терков в изучаемый период подталкивало исследователей к ошибочным выводам о причинах перемещения заложников в Астрахань. Так Ф.А. Озова рассматривает перевод аманатов в Астрахань как репрессивную меру: «Известно, что в 1689 г. к пщы Девлетгирею были применены репрессивные санкции: он был отправлен в Астрахань, где имелась тюрьма для аманатов. За отсутствием документов нам приходится предполагать их причину. Однако то, что это произошло в 1689 — начале 1690-х гг., неоспоримо связывает репрессии против него с желанием Посольского приказа оказать давление на князей Джамбулатовых, игравших существенную роль в деле мобилизации кабардинцев, кумыков и ногаев для защиты Крыма от войск князя В.В. Голицына (1689). Репрессии были призваны или заставить их отказаться от участия в этом деле, но, скорее, стали возмездием за него» (Озова Ф.А. Институт аманатства в черкеско-российских отношениях: 1552–1829 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 2018. С. 284). См. также: Озова Ф.А. Институт аманатства в черкеско-российских отношениях: 1552–1829 гг. СПб., 2020. С. 255.

⁴⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11152.

⁴¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11164, 11157, 11176.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1516. Л. 709, 754, 809–812.

⁴³ Ибрагимова А.О. Русско-дагестанские... С. 144.

⁴⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11585.

и что изстари не дано, мне на дватцать лет вашего великих государей жалованья корму выдать. И что прежнему Алдарь-шевкалу вашего великих государей жалованья и милости было, то и мне против того же обещал и обнадежил. И на том нам давал веру и многих людей вновь в подданство привел к вам великим государем и в холопство. И про здешних казаков вам великим государем хотел доносить: есть ли вы, великие государи, укажете им дать своего великих государей жалованья корму, и жить бы им здесь. А есть ли вины их простить и обнадежить их своею государскою милостию и обрадовать их, укажет по-прежнему призывать в дома их. И все сие дело совершенно будет. И мы ему обещали, что на всякой вашей великих государей службе быть готовы. И на том шертвовали. И посла нашего с собою взял к вам, великим государем. И как к вам, великим государем, тот наш посол пришел, и некоторой терской человек сказал неправду, будто казаки сами к вам великим государем идут и меня шавкала, поймав, вести хотят. И по тем ево ложным словам вам, великим государем, доносили. И вы, великие государи, тот договор, которой учинил стольник, указали отставить. И отпустить нашего посла ни с чем. Вашего великих государей жалованья корму и платья ничего к нам нет. Все переменялось, поверя таким недобрым людям и ложным словам. Всегда между юртов совершенные дела портят такие недобрые люди. И чинятца от того недружбы, хотя и так ложно вам великим государем доносили. А мы ныне на том стоим слове и на шерти своей»⁴⁵.

Как видим, желания шамхала были просты и бесхитростны — он настойчиво добивался государева жалования, обещая за это и верную службу, и решение проблем с казаками-старообрядцами. Для последних предлагалось два варианта: прощение со стороны московских властей и возвращение на Дон или же оставление их на государевой службе непосредственно на том месте, где они обосновались.

Очевидно также, что Воропаев пошел навстречу желаниям шамхала, однако позднее у русского правительства появилась надежда, что со старообрядцами можно договориться, минуя Будая. Кто был тем «терским человеком», который подал московским властям надежду на примирение со старообрядцами, мы не знаем. Однако очевидно, что к его словам отнеслись очень серьезно. На протяжении 1690 и начала 1691 г. правительство настойчиво посылало переговорщиков к старообрядцам. Первая посылка была направлена из Астрахани через Терки. К казакам приехал дворянин Лев Юрьевич Щукин. Его миссия завершилась трагически — казаки убили посланца⁴⁶. В документах Астраханской приказной избы сохранилось дело о выдаче 22 ноября 1690 г. денежного жалованья «на подъем» посылаемому к старообрядцам подьячему Астраханской приказной палаты Афанасию Судакову⁴⁷. К сожалению, материалы дела не позволяют понять, была ли это отдельная посылка или же Судаков ехал вместе со Щукиным. Последний вариант кажется более вероятным.

Вторая миссия была инициирована несколько раньше, но добралась к старообрядцам на р. Аграхань уже после того, как там побывал Щукин. 22 сентября 1690 г. «по отписке» терского воеводы Ивана Андреевича Языкова послана государева грамота к находившимся во владениях шамхала атаманам казаков Герасиму Куприянову и Петру Мурзенку с призывом вернуться на Дон⁴⁸. Грамоту было указано доставить донским казакам. Те, повинувшись государеву указу, направили к своим бывшим

⁴⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 7. Л. 54–55.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 4. Л. 4.

⁴⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11788.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 1. Л. 1.

товарищам посланцев во главе с Афанасием Роскащиком. Эта поездка также кончилась трагедией. Донцов «побили дрючем до смерти и, ругаясь над мертвыми их телами, побрасали в воду». Двоих казаков отпустили с требованием больше таких писем не слать: «Нам де и тут на реке Аграхани жить не тесно, к нам де милость кажут басурманы»⁴⁹. Жестокая расправа с переговорщиками не была случайностью. Среди старообрядцев имелись желающие вернуться на Дон. За то, чтобы принять царское прощение, выступал Мурзенок. Это едва не стоило ему жизни. Спасая свою жизнь, атаман бежал в Тарки к шамхалу, принял ислам и даже женился, хотя на Дону оставалась его прежняя семья⁵⁰. Расправляясь с переговорщиками, вожди движения отрезали для своих соратников возможность примирения и возвращения на Дон.

Еще до того, как стало известно о неудаче первых миссий, из Москвы к казакам на Аграхань и Куму направили дворянина Ивана Дмитриева сына Басова «с обнадеживанием»⁵¹. Это хронологически наиболее поздний документ, упоминающий о поселении старообрядцев на Куме. К 1691 г. бежавшие с Дона старообрядцы уже осели на Аграхани. К счастью для Басова, он приехал во владения Войска Донского только 15 марта 1691 г. Донцы, получив к этому времени с Аграхани печальные сведения о своих товарищах, задержали царского посланника в Черкасске до получения новых инструкций⁵². В итоге поездка Басова не только сместилась по времени, но и изменила своего адресата: царского посланца в конце мая — начале июня 1691 г. принимал сам Будай. Позиция шамхала оставалась прежней. Он обещал решить проблемы со старообрядцами, русскими пленниками и набегамы после выплаты ему государева жалованья⁵³. Следует добавить, что переговоры Басова шли на фоне продолжающихся боев.

Уже в конце 1689 г. старообрядцы вели подготовку к войне на Каспийском море в следующем сезоне боевых действий. Об этом мы знаем благодаря тому, что 10 января 1690 г. донской казак Василий Зацной получил награду за «проведывание» о раскольниках на Тереке. Зацной сообщил, что «воры» делают суда и хотят идти на государевы рыбные учуги⁵⁴. Суда участвовали в боевых действиях 1690 г. Сведения об этом находим в документе следующего, 1691 г. К весне этого года относится челобитная о денежном жалованье сотнику казанских стрельцов Степану Ежову. Его в «прошлом» 1690 г. посылали «на море» против «воровских» казаков. Однако из-за штормов Ежову не удалось вернуться в Астрахань. Он зимовал «за морем»⁵⁵. В начале 1690 г. донские казаки сообщали также о том, что находящийся в Кабарде крымский султан (очевидно, речь идет о Шахбаз-Гирее) собирается вместе со старообрядцами идти к Азову и, взяв оттуда людей, совершить поход под Черкасск и на верховые казачьи городки⁵⁶. Этими случайными сведениями ограничиваются известные данные о боях 1690 г.

⁴⁹РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 4. Л. 3–4.

⁵⁰РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 7. Л. 43.

⁵¹РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 1. Л. 3.

⁵²РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 4. Л. 7–8.

⁵³РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 7. Л. 29–49.

⁵⁴РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 4. Л. 84. Учуг — сооруженная на реке перегородка для ловли рыбы.

⁵⁵Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12060. Здесь и далее не указан листаж в делах, состоящих из одного листа и не имеющих пагинации.

⁵⁶ДАИ. Т. 12. С. 276.

Вероятнее всего, к весне 1691 г. относятся известия о том, что аграханские старообрядцы при поддержке подчиненных шамхалу черкесов и кумыков пришли в Азов, а оттуда отправились на Дон под верховые казацкие городки. Они доставили от шамхала прелестное письмо с призывом к донским казакам переходить к нему на службу. Правитель Терков обещал, что донцы у него на службе будут ходить в золоте, поскольку мимо его владений ходят бусы персидских и русских купцов со всякими товарами, которые можно громить. В итоге к шамхалу пошло человек «с тритцать и больше»⁵⁷. На Дону также ходили слухи, что начальные люди с Терков и татары из Астрахани приезжают к старообрядцам на Аграхань со всякими товарами. Среди привозимых товаров имеются порох и свинец⁵⁸. Эти слухи кажутся вполне вероятными, поскольку благодаря разбою на море в сезон 1690 г. у старообрядцев должно было собраться большое количество ценных товаров.

1691 г., пожалуй, стал для России на Северном Кавказе самым тяжелым. Как раз во время приезда Басова в Тарки шамхал в издевательской форме уведомил астраханского воеводу о продолжении боевых действий. Будаи, в качестве «верного слуги» московских царей, отправил своего посыльного Токлулата в Астрахань с известием о том, что «воровские казаки» вышли на море⁵⁹. Впрочем, основной ущерб российским войскам нанесли не противники, а чума, которая весной «объявилась» на посадах Терков, а затем перекинулась в город. Из-за эпидемии Терки покинули служилые горцы. К началу июля 1691 г. положение крепости стало тяжелым. Город находился «в шатости» и «тесноте» от противника: «Бысурмане и воровские казаки мору не боятца потому, что у них у самих то же бывало. А в городе служилым людем чинитца упадок великой. И естли приход будет неприятельских людей, в которых числех, и в городе сидеть не с кем. Терской большой земляной город во многих местех худ и розвалился»⁶⁰.

От непосредственного удара по городу Будаи удерживала не только чума, но и нахождение в Терках аманатов, которых он требовал перевести в другое место. Об этом через княгиню Тауку Салтанбековну, чье кочевье стало для Терков связующим звеном с Астраханью, извещал воевода Терков И.А. Языков: «А Будаи де шевкал присылал своего присыльного на Терек к нему, думному дворянину, говорить, чтоб сына ево из аманат с Терека переменял. И он де ему в том отказал, что без указу великих государей ему переменить невозможно. И присыльной де говорил, естли де сын шевкалов умрет, и шевкал де станет за сына своего городу чинить всякое разорение, и будет приходить войною»⁶¹. Опасения шамхала за жизнь сына были не напрасными. К 14 июля на Тереке от чумы умерли два сына воеводы И.А. Языкова, полковник московских стрельцов, голова казанских стрельцов, 846 стрельцов, а также многие другие люди, в том числе все городские священники⁶².

Сын Будаи умер 23 июля, а 9 августа за ним последовал и воевода Языков. Гарнизон явочным порядком возглавил капитан московских стрельцов Леонтий Каргашин⁶³. Он взывал к астраханским властям о срочной присылке помощи: «Воистину,

⁵⁷РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 5. Л. 7.

⁵⁸Там же. Л. 8.

⁵⁹Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12064.

⁶⁰Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12134. Л. 1.

⁶¹Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12138. Л. 2.

⁶²Там же. Л. 1.

⁶³Другие варианты написания фамилии — Каршин и Каргошин.

государь, опасаясь приходу под город шевкала, воровских казаков раскольщиков, чтоб не потерять их государского города и много казны. А без пастыря, государь, и в градских людех будет несогласия, а ратным, государь, людям, пришед, стоять мощно в степи под городом»⁶⁴. Опасения Каргашина были связаны с тем, что к концу эпидемии из русского гарнизона Терков в живых осталось значительно меньше половины — около 600 человек⁶⁵. При этом не следует забывать, что служившие московским государям и отъехавшие из-за чумы горцы в город так и не вернулись. Между тем подготовка к штурму города действительно шла. Об этом стало известно благодаря тому, что жившие рядом с Терским городом окочане (одна из групп чеченцев) взяли в плен поблизости от городских укреплений старообрядца, который был послан к Теркам с Аграхани для того, чтобы разведать лучшие подходы к городу⁶⁶. По этим вестям Терки получили первую помощь. Терские казаки на кругу постановили посылать на помощь терскому гарнизону по сто человек⁶⁷.

Боевые действия против Терков противник начал с ударов по стоящим под городом кораблям. Дело в том, что место стоянки судов находилось в отдалении на Терском устье в Подозерной протоке. 19 июля сюда пришли «воровские казаки» на стругах и взяли стоящие здесь бусы, а также захватили четырех терских конных стрельцов из охраны и много хлебных запасов. Произошло это из-за острой нехватки людей для гарнизонной службы⁶⁸.

Судя по всему, Каргашин все-таки увеличил охрану корабельной стоянки. 30 августа к нему в Терки с докладом явились стрельцы, стоявшие на карауле в Подозерной при стругах, которые посылались в Астрахань. На этот раз старообрядцы захватили 20 человек стрельцов и кормщика, забрали на свои струги все, что могли, и увезли с собой, а остальное уничтожили. Данное известие кончалось уведомлением, что проезда в Астрахань морем не стало⁶⁹.

Позже сообщения о нападениях на идущие вдоль побережья Каспия суда стали обыденностью. Старообрядцы соорудили вышки на Чечень-острове, стоящем при входе в Аграханский залив. Это позволяло не только полностью контролировать сообщение с устьем Терека, но и наблюдать за судами, идущими далеко в море. Впрочем, и в Подозерной протоке старообрядцы появлялись совершенно спокойно. Они чувствовали себя хозяевами положения. Всего из Аграхани на промысел выходило пять стругов, на каждом из которых находилось по 70 человек. Таким образом, общая численность выходивших на морской промысел составляла 350 человек, из которых 40 были людьми шамхала. Пленных аграханцы начали отпускать. Через них старообрядцы сообщили, что поджидают, когда к устью Терека придет новый терский воевода Василий Нарбеков⁷⁰.

Последнее было прямым вызовом правительству. Все, что смогли сделать в ответ астраханские власти — отправить на учуг Урустобу, перекрывавший пригодный для морских судов проход в устье Волги, служилого человека астраханца Тихона Бахмурава. Ему предписывалось стоять на учуге и «с великим береженьем посылать

⁶⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12161.

⁶⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12183, 12236, 12242.

⁶⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12185. Л. 1–2.

⁶⁷ Там же. Л. 2.

⁶⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12163. Л. 1.

⁶⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12229. Л. 1–4.

⁷⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12244, 12247.

на море в подъезд в лотке немалых людей» для разведывания о появившихся на море «воровских казаках»⁷¹. Как видим, в Астрахани сочли возможным нападение со стороны моря и серьезно опасались вражеских судов.

Сообщение о том, что старообрядцы стерегут терского воеводу, не было похвальбой. Нарбеков действительно подвергся нападению по пути на место назначения. Столкновение с казаками он описал в письме астраханским властям: «Господам князю Петру Ивановичю с товарищи Василей Нарбеков челом бьет. В нынешнем в 200-м [1691] году сентября в 20-м числе по указу великих государей пошел я на их великих государей службу из Астарахани на Терек, а со мною московских стрельцов подполковник Сава Кузьмин сын Болобонов, да казанских стрельцов голова Семен Иванов сын Тарханов с приказом. И октября в 3-м числе на море против черней в урочищах меж Котельнова и Иванова караулу на парусном побеге оторвало ис каравана погодою в море струг головы Семена Тарханова. И октября ж в 5-м числе в шестом часу дни в той стороне, куда погодою отнесло Семена Тарханова, была ис пушек и из мелкова ружья великая стрельба три перемены. И после того, вскоре появились с той стороны четыре струга воровских казаков. А под парусами гребли человек по дватцати на стороне. И прибежали на парусах ко мне под караван, и, опустя парус, стали от нас неподалеку. И учинился у них на стругах великой шум. И после того воротились назад. И о том для ведома к вам, господа, в Астарахань я писал октября в 6 день. И голова Семен Тарханов октября по 16 число не объявлялся. И ныне он, Семен, где, не ведомо. А воровские казаки после тово во многих местех блиско моево коровану объявлялись. А знатно, что искали время своему воровству. И наперед моево прихода в терские черни объявились за день октября в 9-м числе. И на терском среднем устье, у терских стрельцов, которые стояли на вестях, к моему приходу отняли лотку, а сами пробежали в тех же четырех стругах, которые были на море и подъезжали ко мне в корован. А как те воры пошли на море августа в последних числах, и в то время было их четыре струга. И с того числа стояли на море о четырех буграх в недалних местех. А с ними многие люди шавкалова владенья»⁷².

Пропавший Семен Тарханов вернулся живым. Он рассказал, что его «воровские казаки» на море ограбили — забрали пушку, свинец, порох и другое оружие, а многих стрельцов из его отряда ранили⁷³. Демонстрации силы со стороны старообрядцев явно производили впечатление на терский гарнизон. В результате двое местных стрельцов сами бежали на Аграхань⁷⁴.

Лучше всего положение терского гарнизона обрисовано в отписке Нарбекова астраханскому воеводе князю П.И. Хованскому 12 февраля 1692 г.: «Окромне великих государей денежного жалованья терчаном, всяких чинов служилым людем, кормитца нечем, торгов и промыслов у них никаких нет, и выезду им с Терка от воровских казаков и Будай шевкалова владенья кумычен и еманчеев для дров и на рыбную ловлю и никуды для нужд ездить стало невозможно: воровские казаки раскольщики и шевкаловы татара и кумыченя безпрестанно под город подбегают, и которые терские жители для своих нужд не токмо что для промыслов и для дров выезду, и тех, имав на промыслех, бьют и грабят и в полон емлют. И в нынешнем

⁷¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12250.

⁷² Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12256.

⁷³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12257.

⁷⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12259.

в 200-м году ноября в 22 числе шевкалова владенья татаровя взяли под старым городищем в полон дву человек казанских стрельцов Семенова приказу Тарханова, кои стояли у стругов на карауле, и отвезши их продали в Дербень. И на весну, господа, в Астрахань по хлебные запасы послать будет не в чем и опасно»⁷⁵. Таким образом, зимой 1691/92 г. в Терках сложилась крайне тяжелая ситуация, вызванная блокадой города.

1692 г.

В мае 1692 г. московские власти обсуждали проблему шамхала и поселившихся в его владениях старообрядцев с прибывшими в Москву посланцами Аюки. Калмыцкий правитель отказался возглавить карательный поход на них, однако обещал присоединиться к московскому войску, если оно пойдет на Кавказ числом не менее 10 тыс. человек⁷⁶.

Не сумев исправить положение дел при помощи Аюки, российские власти действовали собственными дипломатическими, финансовыми и военными ресурсами. В результате ситуация вокруг Терков в течение 1692 г. радикально изменилась. О первых действиях правительства мы знаем только по их результатам. Еще в конце весны или начале лета часть аграханцев объявила о желании «принести повинную» государям. Они переселились на Терек к терским казакам. Те же старообрядцы, которые не принесли повинной государю, присылали в Азов и били «челом кабардинскому салтану, кой прислан от крымского хана к азовскому бею», чтобы их вывели с Аграхани к Черному морю на Кубань и поселили у Черного протока близ Азова. Их челобитье было удовлетворено. Для сообщения об этом на Аграхань из Азова послали нарочных⁷⁷. Можно предположить, что под «кабардинским салтаном» и в данном случае имеется в виду находившийся в это время в Кабарде Шахбаз-Гирей.

Освободился морской путь из Дербента в Астрахань. Об этом 31 марта 1692 г. говорил персидский посол Юзбаши Гусейн-хан, который был отправлен шахом в Москву «четвертый год», но не мог пройти дальше Дербента из-за того, что на море разбойничали казаки-старообрядцы⁷⁸. Можно предположить, что усилившиеся стараниями Будаея пиратство вызвало недовольство персидских властей, которые дали знать об этом правителю Терков.

К началу осени князь П.И. Хованский стал писать к Будаю из Астрахани «с любовью», а старообрядцам, главным героям предшествующей военной кампании на Северном Кавказе, вновь пришлось спасать свои жизни бегством. Судя по всему, ключом к пониманию столь разительных перемен стал факт отправки государева жалованья, которое шамхалу отправили из Астрахани, а также отправка на Аграхань российских войск. Сделать такой вывод позволяет письмо астраханского воеводы к Будаю: «Их царского пресветлого величества бояре и воеводы к тебе, Петр Иванович Хованской с товарищи, тарковского Будаея шевкала с любовью поздравляем. В нынешнем в 201-м [1692] году сентября в 4 день писал ты к нам, что воровских казаков раскольщиков на Аграхани-реке осадил. И чтоб великих государей денежную казну, которая послана с Денисом Сербиным, отдать тебе на роздачу ратным твоим людем. И для вспоможения прислать к тебе великих государей ратных

⁷⁵ Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. / выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой; отв. ред. Н.Г. Волкова. М., 1997. С. 254.

⁷⁶ Тепкеев В.Т. Аюка-хан... С. 128.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 2. Л. 4, 10, 16, 17, 32, 33.

⁷⁸ Ибрагимова А.О. Русско-дагестанские... С. 145.

людей. И по тому твоему письму послал я товарища своего стольника и воеводу Ивана Григорьевича Волкова морем в судах с пешими полки, да стольника и полковника Григорья Кохановского с конными стрельцы и велел, случась с тобою, чинить над неприятели казаки промысел. И великих государей денежную казну велел стольнику Ивану Григорьевичю отдать тебе»⁷⁹. Впрочем, не исключено, что к улучшению отношений с Россией, хотя бы и временному, шамхала подтолкнула чума, от которой Тарки пострадали так же, как и Терский город. После эпидемии, унесшей в Тарках жизни тысяч людей, в непосредственном распоряжении Будая осталось всего 500 воинов⁸⁰.

Ключевым моментом разыгрывающейся драмы стало сражение на Сунже между 18 и 21 сентября 1692 г. По данным официальных сообщений, старообрядцы, пытавшиеся перейти во владения крымского хана, были наголову разгромлены в битве. Спасти смогли лишь около 30 человек. Российские отряды Сербина, Волкова и Кохановского к месту событий не успели. На роль победителей старообрядцев претендовали все окрестные горские владетели — княгиня над горским населением Терков Таука Салтанбековна Черкасская, эндиреевский мурза Муртазaley и его брат Амирхан, ногайский Чин-мурза Тиноклатов⁸¹. Главным же бенефициаром сентябрьских событий стал шамхал Будай, приславший в Терки пушки и протазаны живших у него ранее аграханских казаков. После этого он, наконец, получил у терского воеводы долгожданное государево жалованье⁸².

Впрочем, история разгрома аграханской общины имеет множество белых пятен и нуждается в дальнейшем исследовании. Очевидно, что после сражения на Сунже во владения хана ушло гораздо больше казаков, чем можно предположить, опираясь на официальные отчеты, поступившие в Астрахань. По версии донских казаков события развивались следующим образом: «Нынешней де осени у шевкала досталные расколники человек с семьсот, кроме жен и детей, просились, чтоб их от себя отпустил на Кубань-реку к расколникам же. И он их отпустил. И как они вошли в леса, и шевкал де послал мичкизов (чеченцев. — *Авт.*) и велел их побить. И те мичкизы при реке Сунже напали на них и побили с пятьсот человек. А досталные де человек з двесте ушед, пришли на Кубань. И ныне де меж Кубана и Лабы реках с раскольщики с Савкою Пахоменком с товарищи во владении у турского салтана. И всех их ныне в том месте будет з двесте сорок человек. А прежние расколники, которые в прошлом 200-м [1691/92] году вышли от него же, шевкала, ис-под владения с Аграхани-реки и пришли с повинною на Терек с полтора человека, и те де ныне живут на Тереке же. А на Дон к ним из них никто не бывал»⁸³.

По официальной версии Волкова, прибывшего для соединения с войсками Будая и высадившегося на Аграханской косе 18 сентября, события развивались несколько иначе. Аграханцы узнали о прибытии воеводы и, «убоясь того, пошли с Аграхани-реки в Крым, и на дороге де на переправе на Сунче-реке андреевской Муртазaley-мурза да нагайской Чин-мурза Тиноклатов, собрався своего владенья с людьми, тех казаков-раскольщиков побили и поимали, а пошло де было их каза-

⁷⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12320.

⁸⁰ Лавров Л.И. Тарки до XVIII века // Ученые записки Института истории, языка и литературы ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 24.

⁸¹ Русско-чеченские отношения. С. 256–258.

⁸² Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12349. Л. 4.

⁸³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 162.

ков с Аграхани-реки всех человек с полтора ста, а ушло де их казаков человек с сорок, а с теми де Муртазалеем и с Чином мурзами Тарковского Будай шавкала и ево владенья в то число никого не было»⁸⁴.

В частном письме Волкова к князю П.И. Хованскому ситуация выглядит еще более двусмысленно: «съехался со мною на море терчанин Федор Молчанов, а в вестях сказал, что воровские казаки, уведав про то, что по указу великих государей пошел я с полками на них, и оне, покиня городок свой, побежали. А шевкал будто не ведает, что оне побежали. И их пропустя мимо себя, Муртазалея, и выпустя в степь, и их многих побили, а жен их и детей в полон поймали. А ушло де человек с сорок. И за теми де погнали. А что сделалось, того он не ведает. И о казне великих государей, что прислана к шевкалу, как изволишь, потому что шевкал не был и не ведает будто, как оне ушли»⁸⁵.

Третий вариант развития событий изложил действовавший отдельно от Волкова голова астраханских пеших стрельцов Денис Сербин: «И в нынешнем в 201 году сентября в 18 числе к раскольщиком казакам к Левке Мананскому с товарищи пришли из Крыму казаки, которые от них были посыланы, также и кубанские казаки, которые живут на реке Кубане, пришли к ним на помощь, хотели их проводить до Крыму. И те воровские казаки с реки Аграхани пошли на побег в Крым, и мне то учинилось ведомо, наняв подводы, ездил ко княине Тауке Салтанбековне, и княиня, собрав узденей своих наскоро, послали к Муртазалею и к брату его Амирхану и приказала им, чтоб они, служа великим государем, их царскому величеству, не отпустя таких воров в Крым, учинили над ними промысл. И Муртазалиев брат Амирхан, собрався с своими чеченцами, также и княинины уздени, догнав тех воровских казаков, осадили на реке Сунче, и учинили с ними бой, и тех воровских казаков розбили, жен их и детей побрали в полон, а иных из них побили и живьем взяли. А из тех воровских казаков, отобрався человек тридцать с небольшим, побежали на побег»⁸⁶. По этой версии получается, что старообрядцев просто отпустили из владений шамхала, и лишь вмешательство Тауки помешало им уйти безопасно.

И наконец, четвертая версия принадлежит самим старообрядцам. Правда, в Астрахань она попала лишь в качестве разведывательных материалов в пересказе ногайских татар. Если исходить из нее, то на аграханцев все-таки напали люди Будая и Муртазалея. Однако сведения о полном разгроме казаков были сильно преувеличены: «Да и раскольшики де, казаки, которые ушли с Аграхани-реки из городков к ним же, казаком, на Кубань-реку пришли, и били челом крымскому хану, что их шавкаловы и андреевского Муртазалея люди в дороге, как они шли с Аграхани, розбили. И жон и детей побрали, и животы пограбили. И крымской де хан прислал к шавкалу и к андреевскому Муртазалею-мурзам нарочно посыльщиков говорить, для чего де они, шавкал и Муртазалея, тех казаков, которые шли к нему, крымскому хану, розбили, и жон их и детей и живот побрали, чего де им чинить было не довелось, а довелось было дать им путь свободной, так же и всякое споможенье, потому что они, казаки, шли к нему, хану, в холопство. И желают быть с ними, бусурманы, заодно. А они де, шавкал и Муртазалея, бусурманы же, и чтоб де они, шавкал и Муртазалея, бусурманы, казачьих жен и детей отдали безо всякого

⁸⁴ Русско-чеченские отношения. С. 258.

⁸⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12317.

⁸⁶ Русско-чеченские отношения. С. 256.

мотчанья. А только де не отдадут, и он де пришлет на них за то войною»⁸⁷. Попавший в плен в 1694 г. ахреянин Левка Степанов сын Казарцов говорил на допросе, что старообрядцы Аграхани пошли на Кубань, поскольку «кумыцкие татаравя стали их разарять»⁸⁸. Таким образом, старообрядцы, уходя с Аграхани, действительно подверглись нападению кумыков. Однако остается несколько вопросов. Какие потери понесли казаки-аграханцы на Сунже? Был ли нанесен сколько-нибудь значительный урон казачьему отряду или же горцы ограничились захватом обоза? Почему кумыки, действовавшие якобы на стороне и в интересах московских властей, так и не передали в Терки плененные семьи старообрядцев? В любом случае итог был неутешителен для московского правительства — старообрядцы, о полном разгроме которых неоднократно сообщалось в Москву, в реальности остались значимой военной силой и продолжили походы в российские владения уже из нового города на Кубани.

Успехи Москвы на побережье Каспийского моря (снятие блокады с Терков и ликвидация аграханского старообрядческого городка) были связаны еще и с тем, что в 1692 г. в черкесских землях начались военные столкновения между черкесами и крымскими татарами. Д.И. Яворницкий приводит сведения, сообщенные захваченным в плен под Каменным Затонам в июле 1692 г. татаринном, об отправке крымским ханом против «взбунтовавшихся» черкесов отряда из 500 крымских татар и ногайцев еманчеев во главе со старшим сыном⁸⁹. Очевидно, что в Кабарде появились значительные силы, противодействующие ханской политике.

Возможно, речь здесь идет о событиях, которые позднее, летом 1694 г., описал пленный ахреянин. В рассказе о том, как крымский хан Селим-Гирей и его сын Шахбаз-Гирей ушли на помощь турецкому султану против польской армии, информатор упомянул, что с ханом пошел сын, «которой стоял на Кобарде в Большом Нагаи для осторожности от черкес и для того, что, де, они, черкесы, не хотели давать ему, хану, дани, и хотели с ним битца, а после, де, того, по приказу ханскому, учинил с черкесы договор, что с них, черкес, к хану дани не имать»⁹⁰. Описанные здесь события должны были развиваться за какой-то относительно короткий период до 1694 г., скорее всего, в 1692–1693 гг. Отказ от взимания дани, даже если это касалось какой-то части Кабарды, свидетельствует об ослаблении власти Крыма в регионе.

Сомнительные для России результаты «аграханской» сделки с Будаем привели к тому, что выплата жалованья шамхалу осталась одноразовым событием. Было очевидно, что имевшихся в распоряжении астраханских властей военных сил для сохранения стабильности в регионе не хватает. Пришлось набирать новых служилых людей, а также присылать помощь из других городов. Осенью 1692 г. 60 человек прислали из Симбирска, 172 — из Керенска, 19 — из Свяжска, 18 — из Царев-Санчурска⁹¹. Позднее пополнять астраханский гарнизон приходилось регулярно. Это было особенно сложно из-за того, что население города сильно сократилось во время эпидемии.

⁸⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12348. Л. 1–2.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 124.

⁸⁹ *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков. Т. 1. Владимир, 1903. С. 416.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 183.

⁹¹ *Голикова Н.Б.* Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975. С. 50.

1693–1694 гг.

Военные действия Будаё, пусть пока и в ограниченном масштабе, возобновились уже весной 1693 г. В середине апреля 200 татар-еманчеев «владенья тарковского Будаё шевкала» пошли грабить казачьи городки на Дону⁹². Небольшая часть казаков-старообрядцев, проведя зиму на Кубани, вернулась во владения шамхала⁹³. Отправленное в Москву посольство Будаё во главе с Камаем Арслановым было возвращено в Казань с указом держать посланцев на тюремном дворе⁹⁴.

Свою активность на Кавказе вновь усилил Аюка. Если в предшествующий период походы калмыков ограничивались землями эндиреевских кумыков, то теперь его интересы захватили и Кабарду, где столкнулись с интересами Крыма. По наблюдениям В.Т. Тепкеева, осенью 1693 г. к Аюке обратился кабардинский князь Казей, потерпевший поражение от братьев Атагуша и Денгизея, которых поддерживал хан Селим-Гирей. Аюка отправил на помощь Казею войска. Однако в дело вмешались крымские дипломаты, которые поддержали противников Казея. В итоге конфликт разрешился путем переговоров⁹⁵. К событиям этого времени относится упоминание о дипломатической миссии Аюки: «калмыцкой де Аюкай тайша по присылке кабардинских владетелей, чтоб их меж собою смирить, посылал посыльщика своего калмыченина Мазан Албу Даихнеешку с товарищи десяти человек»⁹⁶. Кроме того, Аюка вновь посылал свои войска в кумыцкие земли. Весной 1693 г. калмыками были разорены эндиреевское и барагунское владения⁹⁷. На этот поход Аюки московские власти смотрели без энтузиазма, поскольку барагунский Кучук-мурза входил в число горских владетелей, подвластных Москве⁹⁸.

В ноябре 1693 г. в Россию попытался перебраться изгнанный из Имеретии князь Арчил Вахтангович. Его люди ранее беспрепятственно проезжали из Грузии через Терки и Астрахань. Однако у самого князя проехать не получилось. Его захватил и ограбил властитель Малой Кабарды Кульчук Килимбетов. Истоки этого конфликта были внутренними. Причиной захвата Арчила стало то, что князь не взял с собой дочь Килимбетова, которая была выдана за умершего ранее брата Арчила. Будаё потребовал у Кульчука отдать ему Арчила для передачи персидскому шаху. Из Дербента в Тарки на помощь Будаё прислали 500 человек от шаха. Российские власти предприняли все возможные усилия для того, чтобы помочь Арчилу. Они обратились к Аюке, чтобы тот взял у Килимбетова Арчила и доставил в Астрахань. 6 февраля 1694 г. Аюка писал, что послал в Малую Кабарду к Килимбетову 100 человек, с которыми был также отправлен сотник Кузьма Панов. Тогда же за Арчилом из Терков послали Дивея и Адил-Гирея Черкасских со служилыми горцами и гребенскими казаками. Однако эти посылки оказались бесполезными. В Малую Кабарду к этому времени пришел Будаё с людьми, присланными от шаха. Но еще до его похода Арчил ушел «в Балхары». Самому Килимбетову тоже пришлось бежать из Малой Кабарды в горы. Его земли разорил Будаё. В апреле российским властям стало известно, что находящийся в Большой Кабарде крымский «салтан» прислал к Бу-

⁹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12348. Л. 2.

⁹³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 13158. Л. 1–2.

⁹⁴ Ибрагимова А.О. Русско-дагестанские... С. 152.

⁹⁵ Тепкеев В.Т. Аюка-хан... С. 135–136.

⁹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12348. Л. 1.

⁹⁷ Тепкеев В.Т. Аюка-хан... С. 135.

⁹⁸ Там же. С. 135–136.

даю посольщика с сообщением, что идет к нему на помощь для совместного похода в царские владения⁹⁹. Это позволяет сделать вывод о том, что конфликт между Крымом и черкесами к началу 1694 г. затих.

Однако серьезно изменить ситуацию на Кавказе крымские владетели не смогли, поскольку хан Селим-Гирей должен был в сезон боевых действий 1694 г. идти на помощь турецкому султану. Собрать нужное число войск лишь в Крыму было сложно. В итоге с ханом пошел его сын Шахбаз-Гирей «с ордою, и с черкесы, и с тамошними нагайскими татарами»¹⁰⁰. Это лишило Крым возможности активно действовать на Кавказе. Шахбаз-Гирей воевал с поляками и в следующем, 1695 г.¹⁰¹

Российское правительство искало способы дополнительно обеспечить безопасность Терков. Для этого в Астрахань перебрасывались стрельцы из Казани, а также находившиеся в Симбирске после восстания 1682 г. московские стрельцы¹⁰². Сидевшего на тюремном дворе в Казани Будаева посланца Камая московские власти решили использовать в качестве дополнительного заложника в Терках, куда Камай и его сопровождающие были доставлены 26 марта 1694 г.¹⁰³ Мы не знаем, получил ли Будаев хоть какую-то поддержку от Крыма. Скорее всего, нет. В любом случае он продолжал военные действия вяло.

С начала мая 1694 г. казаки-старообрядцы вновь активизировались на море¹⁰⁴. 2 мая «воровские» казаки и еманчеи тарковского шамхала пришли к Теркам в Подозерное устье и захватили струги с хлебными запасами. Они же 29 мая приезжали на терское Ботловское устье и пограбили стоявшие там суда, которые должны были идти в Астрахань и «за море». За ними ходили мурза Алдигирей Черкасский со своими узденями и казанские стрельцы в лодках (100 человек), а также терские конные стрельцы (33 человека) и «новокрещены» (12 человек). Нападавших догнали за островом Чечень. «Воры» отбились и ушли в открытое море. Догонять их струги на лодках было невозможно¹⁰⁵. В октябре 1694 г. российские власти получили сведения о том, что у шамхала живет больше 20 астраханских казаков¹⁰⁶. Очевидно, что часть бежавших на Кубань старообрядцев вернулась во владения шамхала. Однако летом в боевых действиях на море явно участвовало гораздо больше людей. Судя по всему, они приходили к шамхалу из других мест для участия в конкретных операциях.

Вопрос о том, что делать с «воровскими» казаками на Каспийском море, обсуждался на самом высоком уровне. Об этом мы узнаем благодаря письму Франца Лефорта своему брату Ами от 7 декабря 1694 г. В нем царский любимец хвастался, что вскоре сможет сделать своего племянника капитаном корабля, поскольку Петр на-

⁹⁹ АИ. Т. 5. С. 401–408.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 183.

¹⁰¹ Артамонов В.А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. Т. 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 315.

¹⁰² Голикова Н.Б. Астраханское восстание... С. 47–48.

¹⁰³ Ибрагимова А.О. Русско-дагестанские... С. 153.

¹⁰⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12568.

¹⁰⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12585. Л. 1–2. В работе Д.В. Сеня событие отнесено к 1693 г., что, видимо, является опечаткой (Сень Д.В. Набеги «воровских казаков» в Нижнем Поволжье и на Каспии (конец XVII в.): новые материалы и перспективы изучения // Астраханские краеведческие чтения. Вып. V / под ред. А.А. Курапова. Астрахань, 2013. С. 359).

¹⁰⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12703. Л. 2.

значил его самого первым адмиралом. Сообщалось, что «скоро» начнут снаряжать суда, которые через два года пойдут к Астрахани¹⁰⁷. Таким образом, еще накануне первого Азовского похода строительство флота планировалось на Каспийском, а не на Азовском море. Очевидно, что флот полагалось соорудить для поддержки торговли на Каспии. Здесь Петр действовал по примеру своего отца, построившего в свое время для этой цели корабль «Орел».

Осенью 1694 г. астраханские власти предприняли новую попытку договориться с Будаем. 3 ноября 1694 г. к нему был отправлен юртовский татарин Я. Сакаев. Он передал требование освободить находящихся у Будая купцов и русских пленников, а также вернуть захваченное оружие. Тот, в свою очередь, жаловался на невыплаты жалованья, на нападение на шамхаловы владения ушедших от него к гребенским казакам старообрядцев, осуществленное с попустительства терского воеводы, на нахождение в тюрьме Терков его посланца Камая и т.д.¹⁰⁸ В итоге переговоры завершились безрезультатно.

1695–1696 гг.

В 1695 г. война на море продолжилась. Об этом известно из допроса стрельца М. Казанца, который в 1696 г. бежал из ногайского плена с Кубани. Захватили же его на Каспийском море во время похода 1695 г. против казаков-старообрядцев. Произошло это из-за того, что струги служилых людей потеряли друг друга из видимости во время плавания. Судно Казанца было захвачено отрядом казаков численностью более 150 человек. Позднее пленного переправили по другую сторону Кавказских гор на Кубань и продали ногайцам, живущим рядом с городком казаков-старообрядцев¹⁰⁹. Последнее сообщение особенно важно, поскольку позволяет понять, откуда шамхал Тарков брал казаков для морских походов. Очевидно, что на помощь Будаю приходили те же старообрядцы, которые служили ему в 1689–1692 гг. Разница состояла в том, что теперь казаки подчинялись азовскому Кубеку-аге¹¹⁰ и значительную часть времени проводили в сухопутных походах с его отрядом. У них оставалось меньше времени и сил для операций на Каспийском море.

Проблемы в отношениях с шамхалом Тарков остались и в следующем, 1696 г. В конце мая татары улуса Баязгыта, брата Чин-мурзы Тиноклатова, которые кочевали в степи за Тереком на урочище Аграхани «у шафкала тайши», отправились «с шавкаловым сыном Салпукою да с начальным человеком Тункатаром-агою сто восемь человек» под Саратов. Набег был удачным, но на обратном пути нападавших разбили донские казаки. Плененные ногайцы утверждали, что шамхал об их походе не знал¹¹¹, однако правдивость их слов вызывает большие сомнения.

Возможно, что какие-то действия Будай предпринял также против Терского города. Весной 1696 г. возглавлявший Казанский приказ Б.А. Голицын¹¹² писал Петру I о неких «замыслах» Будая, для пресечения которых предполагалось послать

¹⁰⁷ Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов / отв. ред. Е.Е. Лыкова; сост. Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева. М., 2006. С. 145.

¹⁰⁸ Ибрагимова А.О. Русско-дагестанские... С. 154.

¹⁰⁹ Сень Д.В. Набеги «воровских казаков»... С. 360.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 370.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 276–277.

¹¹² Б.А. Голицын руководил Приказом Казанского дворца, которому подчинялся весь юго-восточный регион, в 1683–1709 гг.

(судя по контексту — в Терки) из Астрахани 200 московских и 200 астраханских стрельцов¹¹³.

Взятие Азова в июле 1696 г. эхом отозвалось на каспийском побережье. В августе 1696 г. от Будае вновь бежали жившие у него старообрядцы. Астраханский воевода окольник Иван Алексеевич Мусин-Пушкин «с товарищи» сообщали, что «воровские казаки-расколшики, которые жили во владенье тарковского Будае шевкала на Аграхане-реке, великому государю в винах своих добились челом и от воровства своего престали, и убрався ночью, от шевкала ушли на Терек. А с Терека воевода Иван Кроткой да дьяк Андрей Молчанов писали в Астрахань и прислали тех аграханских казаков дватцать семь человек, и в том числе шесть человек з женами и з детьми, да двух старцов, да две старицы. И великий государь указал тем аграханским казаком, которые были в ызмене и жили в шевкалове владенье на Аграхане, и отстав от воровства, приходили на Терек, а с Терека в Астрахань, сказать ево великого государя указ». Их простили и отправили на Дон¹¹⁴. Побег не был случайностью. Ранее на Аграхань с Дона пришел некий казак Сенька, который ранее жил здесь. Он вступил в переговоры с наиболее авторитетными казаками. Пришельца выбрали атаманом, и Сенька организовал успешный переход на Терек¹¹⁵.

В западной и центральной частях Северного Кавказа 1696 г. ознаменовался важными переменами. Возможно, что толчком к интенсивному развитию политической ситуации стала смерть в 1695 г. владельца Большой Кабарды Мисоста. Отношения между крымскими властями и частью черкесов еще больше обострились. Дело дошло до того, что черкесы не явились защищать Азов во время второй осады. О существовании этого конфликта в российском лагере под Азовом узнали в начале июня. Один из пленных ногайцев рассказал, что черкесы не идут с нураддином Шахин-Гиреем из-за того, что «тому года з два назад некоторой черкеской мурза по ссоре застрелил ево нурадынова брата родного меньшова, и за то де он, нурадын, хотел того мурзу и улус ево весь разорить, и черкесы де за то ныне с ним, нурадыном, к Азову не пошли»¹¹⁶. Другой пленный татарин отнес событие, которое стало причиной ссоры, к более раннему периоду: «наперед де сего года с четыре присылал к ним в черкесы нурадын-салтан брата своего родного Шаган-Гирея салтана для збору с них дани, и они ево не послушали, и ево застрелили до смерти»¹¹⁷. Третий ногаец объяснял факт отсутствия черкесов в войске тем, что они хотят принять христианство и служить московскому государю¹¹⁸.

Бежавший с Кубани пленный поляк объяснял происходящее несколько иначе. Он рассказал, что «у горских черкес с кубанскими нагайцы недружба за то, что многие кубанцы кочевали блиско их горских черкес и чинили им черкесом многую налогу, крали у них черкес людей и лошадей и скотину, и за то черкесы их кубанцов от себя выгнали на сю сторону реки Кубани нынешней весною, и по той недружке и призывать их, черкес, кубанцы к себе не смеют, и никою о том к ним не

¹¹³ ПБПВ. Т. 1. СПб., 1887. С. 561.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 12. Л. 118, 119. Подробнее об этой группе старообрядцев см.: *Сень Д.В.* Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2 (41). С. 50.

¹¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 13158. Л. 1–2.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 137.

¹¹⁷ Там же. Л. 158.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 198.

посылают, а слышал он от кубанцов, что зберетца тех горских черкес тысяч с шесть или семь»¹¹⁹.

Бежавший от кубанцев в августе донской казак отразил уже бытовавшую между ногайцев версию о том, что переориентация черкесов на Россию связана со взятием Азова: «Да от них же, кубанцов, слышал он, Емеля, что горские черкесы жить под салтаном не хотят. А хотят поддатца царскому величеству для того, что Азов московские войска Азов¹²⁰ взяли, и им, черкесом, лутче жить к Азову, а от турков им великое утеснение, емлют у них турки неволею вместо дани детей их, а русские де люди едят мяса свиные, и они де черкесы те мяса едят ж»¹²¹. Он же отметил, что крымские власти всеми силами стараются удержать черкесов под своей властью. Беглец также сообщал, что калга и нураддин «нагайцов отпустили всех по домам, а при себе оставили только крымских татар для того, чтобы им черкесов от подданства к московским войскам удержать». Крымские «салтаны» планировали и впредь оставаться в черкесских владениях: «И хочет калга зимовать в Черкесах у Антука, бея черкеского, а нурадын хочет зимовать в Большой Кабарде в Черкесах же для того ж удержания тех черкесов»¹²². В реальности в Кабарде зимовал только калга¹²³.

Судя по всему, версия о решающем влиянии взятия Азова на поведение черкесов несостоятельна. Переговоры русских властей с черкесами шли еще до взятия Азова. Весной 1696 г. Б.А. Голицын сообщал Петру I о приеме в Терках некоего черкесского мурзы. Князь хотел получить указ: если он «похочет прикочевать, принимать ли тут и сажать ли?» Или же нужно отписать гребенским казакам, не будет ли от этого мурзы «какого страху?»¹²⁴. К сожалению, мы не знаем, о ком именно из черкесских владетелей писал царю глава Казанского приказа, а также из-за чего тот мурза мог решить перейти в российское подданство. Обращает на себя внимание, что черкесский владетель действовал по собственной инициативе, а не по приглашению со стороны Москвы. Кроме того, все письмо Голицына сквозит сомнениями царедворца по поводу полезности для России предстоящего выезда.

Тема переговоров о переходе в русское подданство черкесов вновь всплыла 22 августа 1696 г., когда в Азов к А.С. Шеину пришли донские казаки, сообщившие о том, что приехавшие к ним для «окупного дела» ногайцы привезли письмо неких мурз. Получив это известие, Шеин велел остающемуся в Азове воеводе П.Г. Львову послать на Дон «кого пригоже» для призыва под государеву руку ногайских и черкесских мурз. Львов отправил через донских казаков послание к мурзам. Письмо было адресовано ногайским мурзам, однако в нем упоминаются и черкесы. С ним был послан казак М. Можар. По факту переговоры велись с ногайцами, и вопрос о черкесах больше не поднимался¹²⁵.

Летом — осенью 1696 г. еще более активно, чем в предшествующие годы, вмешивался в происходящее в Кабарде Аюка. Это привело к прямому столкновению с крымцами. Не исключено, что о каких-то действиях людей Аюки на Кавказе идет

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 208–209.

¹²⁰ Так в тексте.

¹²¹ Там же. Л. 323–324.

¹²² Там же. Л. 324.

¹²³ *Сень Д.В.* Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII–XVIII в.): Избранные труды. Ростов н/Д, 2020. С. 64, 71.

¹²⁴ ПБПВ. Т. 1. С. 560–561.

¹²⁵ *Сень Д.В.* Русско-крымско-османское пограничье... С. 193–198.

речь в письме Б.А. Голицына к Петру от 31 июля 1696 г. Князь сообщал государю: «А о калмыках для того не писал, что у вас здравствуй с ними, дай Боже, что послужили, а с Казбулатом толко их на силу выслали 1172 человека, а то, государь, твоею частью»¹²⁶. На мысль о том, что речь идет о кавказских событиях, наталкивает имя «Казбулат». К сожалению, черкесских князей с таким именем для данного периода не известно.

Более подробно источники освещают другой эпизод, рассмотренный В.Т. Тепкеевым. Исследователь сообщал, что к Аюке писал князь Казы Мисостов, который просил разрешения кочевать на Тереке. Летом или в начале осени Аюка направил к нему на помощь войско под командованием сына Чакдорджаба. Тот стоял в «Мисостовой» (то есть Большой) Кабарде около двух месяцев. После падения Азова в Кабарду пришел калга с войском. Какое-то время между ними шли переговоры. Калмыки требовали вернуть под власть Аюки ногайцев, бежавших на Кубань весной. Татары отказывались, мотивируя свой отказ тем, что Аюка выступил на стороне Москвы. Противостояние закончилось сражением, в котором татары понесли большие потери, чем калмыки¹²⁷.

О столкновении Аюки с крымскими татарами в Кабарде осенью 1696 г. сообщал бежавший из плена запорожец. Он слышал рассказ об этих событиях в Крыму: «Осенью три салтана с Крымскою ордою ходили в Черкескую землю будто для чиненья частых подъездов под Азов и для своей поганской добычи. Но их за Кубанью калмыки с Аюкою и Албою, будучие в некоторых местах, так крепко били, что, возвратясь перед Рождеством Христовым в Крым, сами поганцы сказывали, что их половина назад не пришла оттоль»¹²⁸.

1697 г.

О новом эпизоде столкновений между Аюкой и крымцами в рассматриваемом регионе российские власти узнали от крымского татарина Чебанки, плененного калмыками и присланного в Астрахань в июне 1697 г. События относятся к тому периоду, когда калга находился в Кабарде зимой 1696/97 г. Пленный рассказывал, что едисанский Тоган-мурза Сиюнчев сын «с улусы» ушел от Аюки на Кубань и прибыл в Кабарду. Здесь он сообщил калге Девлет-Гирею, что в кочевье Аюки остался Салтамурат-мурза, который хочет прийти к ним на Кубань и просит, чтобы калга с крымскими и кубанскими людьми вышел ему навстречу. Выполняя просьбу, Девлет-Гирей отправился к Астрахани с войском в 8 тыс. человек. Достигнув окрестностей крепости, калга направил вперед к Волге Тогана-мурзу, а с ним крымских и кубанских мурз, а также Кубека-агу. На третий день посланные отряды возвратились вместе с Салтамуратом «с улусы», и они пошли на Кубань «наспех днем и ночью, опасаясь калмыцких ратей». Однако на р. Куме Девлет-Гирей узнал, что за ними идет погоня, и, оставив войско для прикрытия, с 500 людьми ушел в Кабарду. Для охраны едисанских улусов были определены крымские и кубанские рати во главе с Тоганом, Кубек-агой и мурзами. В тот же день калмыки пришли к Куме. Разыгравшееся сражение продолжалось три часа «до вечера и побито де на том бою калмык и татар на обе стороны немало, толко де татар побито болши, а знатных де

¹²⁶ ПБПВ. Т. 1. С. 594.

¹²⁷ Тепкеев В.Т. Аюка-хан... С. 146; Тепкеев В.Т. Некоторые исторические сведения XVII в. о ногайском поэте Казы-Тугане // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему. Черкесск, 2014. С. 93.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 52 об. — 53.

людей ис крымской рати побиты ближние калги салтана Алишь-ага, да Сафар-ага, да... бия, да Кубека-агу»¹²⁹. Известие о смерти Кубека-аги было ложным. Однако очевидно, что военно-политическая ситуация на Северном Кавказе становилась все более и более острой. Тем не менее Кабарда продолжала оставаться базой для нанесения ударов по российским владениям. В конце зимы хан отправил к калге в Кабарду «три знамени» сейменов, приказав, чтобы в марте он с черкесами и ногайцами ударили на Азов¹³⁰.

Еще одно событие, которое отразило происходящие на Кавказе сложные процессы — изменение статуса будущего сподвижника Петра I князя Александра Бековича-Черкасского, носившего до крещения имя Девлет-Гирей. В документах 1680-х — первой половины 1690-х он упоминается как Девлеткирей Бекмурзинов (Кобяков, Мурзабеков) сын Черкасский. В Терках он находился в качестве аманата, обеспечивавшего лояльное по отношению к России поведение кабардинских правителей. Последний раз в качестве аманата его имя отмечено в документе от 22 января 1696 г.¹³¹ Однако по состоянию на 7 августа 1697 г. он уже фигурирует как бывший аманат, который отправлен в Москву. Упоминание связано с тем, что через Астрахань из Кабарды в Москву проезжал уздень Чертухай Абашев, направлявшийся к своему сюзерену Девлет-Гирею. Судя по всему, к моменту переезда в Москву Девлет-Гирей уже некоторое время был сиротой. Еще «зимним путем», т.е. зимой 1696/97 г., он посылал с письмом Абашева из Астрахани к своему дяде Куртухе (Кайтуко Джамбулатову, младшему брату отца Девлет-Гирея) в Большую Кабарду. В это время в Кабарде находились «калга-салтан, и крымские владельцы Паскедлей Зарбеков да Станбулат Шалаков, и едисенские татаровя, и малибаши»¹³².

Отец Девлет-Гирея — Бекмурза Джамбулатов — был известен как последовательный противник Москвы и сторонник Крыма. Однако погиб он, по данным И.А. Гильденштедта, «в сражении с крымскими татарами»¹³³. Исследователи предполагают, что гибель известного горского владетеля относится к 1688 г.¹³⁴ Выявленный нами документ заставляет пересмотреть взгляды на время смерти Бекмурзы. В нем приведена датированная 19 августа 1696 г. расспросная речь ногайца, который пришел из прежнего своего улуса «ныне года с полтора» и жил на Кубани у «Бекмурзы Черкесского»¹³⁵. Таким образом, в 1696 г. Бекмурза еще был жив. Смещение даты кончины кабардинского князя позволяет понять причины, по которым его сын Девлет-Гирей из ценного заложника превратился в российского подданного. Вероятно, что между августом 1696 г. и зимой 1696/97 г. Бекмурза Джамбулатов по какой-то причине стал противником крымцев и погиб в бою. Соответственно, его сын Девлет-Гирей, с одной стороны, оказался бесполезен в качестве аманата, а с другой стороны, его политические перспективы на родине после смерти отца оказались весьма неопределенными. Для Кайтуко Джамбулатова изменение статуса племянни-

¹²⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1610. Л. 86–88.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 152 об.

¹³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 13107. Подробнее о представителях рода Черкасских в Терках см.: *Башнин Н.В., Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Княгиня Таука Салтанбековна Черкасская... С. 103–114.

¹³² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 12. Л. 183–186.

¹³³ *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 278.

¹³⁴ *Озова Ф.А.* Институт аманатства... С. 283.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 327.

ка, связанное с его отправкой в Москву, как ослабляло конкуренцию во власти, так и укрепляло связи с Россией.

Несмотря на то что политическая ситуация в черкесских землях явно изменилась в пользу России, московские власти не стремились использовать ее для дальнейшего расширения сферы своего влияния, в том числе с помощью военной силы, продолжая уделять основное внимание обороне Терков. В феврале 1697 г. в калмыцкие улусы из Астрахани был направлен сотник Иван Исаков, который должен был потребовать от Аюки 2 тыс. человек для защиты Терков от нападения шамхала и калги. Однако тот отказался, ссылаясь на падеж лошадей, а также выразил сомнения в том, что поход состоится, поскольку шамхал сам боится прихода русских и калмыцких войск¹³⁶.

Прогноз Аюки оказался ошибочным. В 1697 г. Терский городок вновь подвергся нападению. Будаи пришел под его стены вместе с крымскими татарами, возглавляемыми калгой¹³⁷. Единственный документ, который хоть сколько-нибудь полно освещает историю этой осады, — челобитная проводника, который привел российские войска на выручку Теркам: «Великому государю... бьет челом твой Бийбулата-мурзы княж Каспулатова сына Черкасского татарин Ч[ерпайк]а Маралов. В нынешнем, государь, в 205-м [1697-м] году в феврале месяце [приходили] ...под Терской город войною неприятельские люди. И по твоему, великого государя, указу посланы со мною, холопом твоим, астраханские жители ратные люди. И я, холоп твой, тех ратных людей до Терка провел чистым путем в добром здоровье. Милосердый великий государь, царь и великий князь, Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа твоего, своего великого государя жалованьем за службишку мою, чем тебе, великому государю, обо мне господь известит. Великий государь, смилуйся»¹³⁸. Судя по всему, осада закончилась безрезультатно.

В мае 1697 г. на Терек был назначен новый воевода князь Михаил Андреевич Волконский. Это назначение не предполагало отказа от оборонительной стратегии. В наказе Волконскому предписывалось «почасту» посылать людей в Кабарду и в Кумыки для проводывания вестей. Против врагов и воровских казаков «по вестям» полагалось посылать небольшие отряды, причем только в «ближние места». Ходить в далекие походы запрещалось. В случае появления известий о движении крупных вражеских отрядов Волконскому предписывалось оставаться в крепости, укреплять оборону и посылать за помощью в Астрахань. Большое внимание уделялось пресечению работорговли, которая могла стать причиной конфликтов. Воеводе и другим русским людям запрещалось захватывать и принимать в качестве подарков как женщин и детей (черкесов, кумыков, татар), так и пленников. Аналогичное внимание уделялось и возможному захвату лошадей. В документе прямо предписывалось избегать действий, которые могут «ожесточить» соседей. Огромное внимание в нем уделено организации торговли¹³⁹.

Между тем падение Азова заставило противника активизировать свою деятельность в регионе. В начале 1697 г. большое внимание к Северному Кавказу проявлял не только хан, приславший на помощь калге отряд во главе с Мамбет-агой, но и османские власти. К горским владетелям, в том числе к Будаю и эндиреевскому

¹³⁶ Тепкеев В. Т. Аюка-хан... С. 147.

¹³⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 13644, 13645.

¹³⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 13404. Л. 2.

¹³⁹ ПСЗ. Т. 3. С. 307, 313.

Муртазалею, послали чауша, который должен был добиться их участия в походе на Азов. Его миссия была успешна¹⁴⁰. Тарковский шамхал, который в начале войны отказывался посылать своих людей на помощь крымцам, теперь отправил своего сына с 300 воинскими людьми на Азов¹⁴¹. Осенью 1697 г. калга с 1 тыс. крымских татар и ногайцев жил «в черкесах от Кубани в разстоянии день езды»¹⁴².

Регион вновь подвергся нападению калмыков. В конце 1697 г. Аюка предпринял большой поход на Кавказ. По сообщению донских казаков, в «рождественской мясоед», то есть в ноябре — декабре, Аюка и его племянник Мункотемир с 20 тыс. «и больши» человек пошли на Кубань, разбили выставленную против них заставу в 500 человек, которая «стояла для сторожи выше черных лесов». После этого калмыки отправились «на вершины кубанские об урочище Бештовых гор, от Черкасского в дальном разстоянии, а блиско к Терьку, и будучи там нагайцов, и черкес, и едисанцов громили, и юрты их разоряли, и ходили до Большой Кабарды, и взяли себе добычи конского табуны с 17 000»¹⁴³. Этот поход стал одним из крупнейших успехов Аюки.

1698–1699 гг.

Постоянные военные действия заставляли горцев искать покровительства у российских властей, которые на завершающем этапе войны выглядели более сильной стороной. 28 апреля 1698 г. в Азов пришел бежавший шестью днями ранее «из Ногаев» стрелец Антипка Вяткин, который сообщил, что «в великой пост», то есть в марте — апреле, «горские черкесы, все, которые были в соединении с кубанцы, хотели приклонитца под высокодержавную великого государя руку, и салтан де за теми черкесы ездил в погоню, чтоб их удержать»¹⁴⁴. Это подтверждалось и словами других выходцев с Кубани, утверждавших, что черкесы желают перейти под государеву руку, поскольку «им от хана крымского и от иных начальных людей великая потуга и разорение — детей их к себе емлют мужеска и женска полу и всякой скот»¹⁴⁵. Весной — в начале лета одному из сыновей крымского хана Сафа-Гирею (в русских источниках Сават-Кирей) приходилось стоять «в Черкесах» для того, чтобы горские черкесы не отъехали к Терку¹⁴⁶.

В «Изъяснении о кабардинских народах», составленном в 1732 г., находим следующие сведения о деятельности Сафа-Гирея и конфликте между черкесами в период его пребывания на Кавказе: «и в то ж время боясь кубанцов, чтоб их не разорили, давали в Крым кабардинцы ясырей вместо дани в год по десяти человек, а потом, поссорясь между собою, кабардинцы и один из них, Бек-Мурза, убив дву владельцев, Танбеевых детей, ушел в Крым и выпрося там от крымского хана войска, при котором был командир Сават-Гирей-салтан, пришед, черкеских всех князей и с их подвластными побрала в полон и перевели на Орб-реку (Уруп, приток Кубани. — *Авт.*) и там их поселили; а во время того их взятыя в полон в Терке были от черкес в аманатах Бек-Мурзы сын Давлет-Кирей (которому по крещении дано было имя Александр)»¹⁴⁷.

¹⁴⁰ *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время... С. 148.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 12. Л. 186.

¹⁴² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698 г. Д. 3. Л. 5.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1698 г. Д. 6. Л. 4.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 37–38.

¹⁴⁵ Там же. Л. 98.

¹⁴⁶ Там же. Л. 239.

¹⁴⁷ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. XVIII в. / сост. В. М. Букалова; ред. Н. А. Смирнов, У. А. Улигов. М., 1957. С. 64.

Бекмурза, как мы писали выше, погиб в конце 1696 или начале 1697 г., а его сын Девлет-Гирей перестал быть аманатом. Очевидно, что в рассказе объединены события нескольких лет. Тем не менее «Изъяснение о кабардинских народах» позволяет составить общее представление о том, что происходило в регионе во второй половине 1690-х гг. Очевидно, что причиной обострения конфликта стала ссора Бекмурзы с родственниками и вовлечение в нее крымцев. Прибывший в Кабарду в 1698 г. Сафа-Гирей, не имея возможности полностью контролировать регион, начал сгон населения в более удобные для сохранения крымской власти места.

Сведения о желании черкесов и живущих в Предкавказье ногайцев перейти под руку великого государя вновь поступили в Азов в 20-х числах июня 1698 г.: «Черкесы Малой Кабарды приклонились под высокодержавную великого государя руку. И для того салтан крымской был в Черкесах с крымскими татарами, и половина нагайцов и черкес пошли войною под колмыки и под Малую Кабарду, а другая половина нагайцов и черкес пошли в Крым, а с Крыму хотели итти под Можары, а иные черкесы от налога крымского салтана пошли в горы в абызы. А нагайцы от приходу великого государя ратных людей зело боятся. И их де нагайцов выбивают на житье в Крым, и они де на житье в Крым ехать не хотят, а говорят: будет де к ним будут ратные люди великого государя войною, и мочи их битца не будет, и они хотят бить челом под державную руку великого государя»¹⁴⁸. Характерно, что решение черкесов и ногайцев о сближении с Москвой было с их стороны вполне самостоятельным, обусловленным не прямым военным давлением России, а следствием ее побед под Азовом и на Днепре, которые в свою очередь укрепляли позиции царской державы в Северо-Кавказском регионе. Призванные остановить этот процесс репрессии крымцев и попытки принудительного переселения зависимых от них народов имели обратный эффект, лишь укрепляя черкесов и ногайцев в их намерениях.

В 1698–1699 гг. была решена старая проблема пиратства старообрядцев на Каспийском море. В августе из приказа Казанского дворца была отправлена грамота воеводе Мусину-Пушкину о необходимости борьбы с морскими разбойниками¹⁴⁹. В конце 1699 г. думный дяк Е.И. Украинцев заявил турецкой стороне во время переговоров в Константинополе (Царьграде): «И посол говорил: слышали де мы и то, что у царского величества и на Каспийское море вновь суды сделаны ж для унятия тамошних морских разбойников. И посланники говорили, что суды у царского величества на то море поделаны наипаче для торговли персидской. А разбойников там морских бывает мало, только выходят иногда для кражи и грабежу по небольшому в малых каюках горские черкесы, и тех из Астрахани и с Терка царского величества ратные люди разбивают и усмиряют в то время»¹⁵⁰.

Скорее всего, это утверждение русских дипломатов было правдивым. Дело в том, что к 1699 г. был реализован намеченный еще в конце 1694 г. план по созданию флота на Каспийском море. В 1696–1697 гг. по царскому указу в Казани началось строительство тринадцати яхт «на морской ход». Для этого на Волгу были направлены корабельные мастера Баренц Броур и Крен Корнелиус. В Астрахань готовые яхты отправили в 1698/99 (207) г. В документах говорится о пяти яхтах под командованием полковника Ивана Меера, имевшего в своем распоряжении

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1645. Л. 476.

¹⁴⁹ *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства в кон. XVII — нач. XVIII века... С. 210.

¹⁵⁰ *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 5 / под ред. В.И. Лебедева. М., 1948. С. 61.

500 солдат, и пяти яхтах капитана Яна Вилца Дегемерта. Последний также командовал отрядом в 500 человек. Моряки должны были охранять торговые суда, идущие в Астрахань. Зимой яхты полагалось ставить на острове Четыре Бугра под защитой острога, который здесь предполагалось возвести¹⁵¹. Н.Б. Голикова отмечает, что в 1699 г. для обслуживания яхт был создан особый Яхтинский полк¹⁵². Впрочем, по мнению Б.В. Мегорского, реальная служба Яхтинского полка на Каспийском море началась лишь в 1701 г.¹⁵³

Очевидное ослабление влияния крымских властей в восточной части Северного Кавказа повлияло и на позицию шамхала Будаю. Из-за того что в Кабарде шла большая война, ресурсов для помощи Будаю и походов на Терки у Крыма просто не было. Видимо, поэтому в конце лета 1698 г. Будаю без предварительных условий (насколько это удалось установить на текущий момент) посылал в Москву посольство из 9 человек во главе с Алей-агой¹⁵⁴.

В районах, которые оставались вне контроля российских властей, продолжалась борьба между татарами и отдельными группами черкесов. Крымским властям по-прежнему приходилось сохранять постоянное присутствие в Черкесии, чтобы не допустить перехода местных правителей на сторону Москвы. В результате находившийся здесь калга Шахбаз-Гирей в 1699 г. был убит черкесами по наущению своего брата нураддина Саадет-Гирея¹⁵⁵. Любопытно, что в 1732 г. один из черкесских информаторов Коллегии иностранных дел связывал историю поездки Бекмурзы в Крым и переселение черкесов на Кубань с Шахбаз-Гиреем: «Когда кабардинские владельцы жили в Пяти Горах, и тогда ушел от них Эльмурзы Бековича (которой ныне обретается при крепости Святаго Креста) отец Бек-Мурза в Крым, откуда приходил он, Бек-Мурза, с крымским Шахбаз-Гирей ханом для взятья их, пятигорских владельцев, со всем владением в Крым. И тогда оныя владельцы все ушли; одни в калмыцкие улусы к Аюке хану, а протчия в Кумыки; а подлой народ весь крымской Шахбаз-Гирей хан взяв отвез на Кубань, а потом и их, пятигорских владельцев, к себе на Кубань призывал. И оныя владельцы с совету калмыцкого Аюки-хана, как от него, так и ис Кумыков все на Кубань перешли»¹⁵⁶.

Очевидно, что в данном сообщении вновь представлены события нескольких лет и объединены действия разных представителей Крымского ханства. Тем не менее процитированный рассказ помогает понять, когда и чем кончился конфликт черкесских владетелей с властями Крыма. Судя по всему, видя стремление некоторых черкесских правителей перейти под руку московского государя, крымцы попросту перевели значительную часть населения Кабарды на Кубань. Связывать перевод черкесов на Кубань с именем какого-то одного представителя крымских властей, скорее всего, неправильно. Вероятнее всего, это была политика Крыма, а не отдельных его представителей. Шахбаз-Гирей стал тем, при ком процесс переселения закончился. Интересно также известие о бегстве ряда черкесских правите-

¹⁵¹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 293–295.

¹⁵² Голикова Н.Б. Астраханское восстание... С. 48.

¹⁵³ Мегорский Б.В. С Каспия на Балтику: к вопросу об истории петровской морской пехоты // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: III Международная научно-практическая конференция (2021; Волгоград). Волгоград, 2021. С. 271.

¹⁵⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 13902.

¹⁵⁵ Сень Д.В. Русско-крымско-османское пограничье... С. 384.

¹⁵⁶ Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 59.

лей к Аюке, а также в «Кумыки» (очевидно, к Будаю). Россия же в этих процессах, по всей видимости, практически не участвовала, если исключить переезд в Москву Девлет-Гирея. После заключения мира в 1700 г. московские власти перестали вести какие-либо переговоры о переходе на русскую службу турецких и крымских подданных, чтобы сохранить крайне необходимый после начала Северной войны мир с Османской империей.

* * *

Окончание Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. не означало полное прекращение вооруженных столкновений и конфликтов на Северном Кавказе, включая набеги на российские владения¹⁵⁷. Масштаб их в целом снизился, а набеги, как правило, предпринимались местными владельцами по собственному почину. Сохранялась и борьба за политическое влияние на местные народы со стороны Москвы и Бахчисарая, происходившая теперь в новых — «мирных» условиях.

В целом же, характеризуя ход войны в данном регионе, отметим, что Россия придерживалась здесь сугубо оборонительной стратегии, стремясь сохранить имеющиеся позиции и лишь отвечая на нападения противника. В результате желание части черкесских владельцев перейти под руку Москвы на последнем этапе войны оказалось нереализованным, поскольку российские власти не предоставили им военной поддержки. На протяжении всей войны можно отметить лишь один случай, когда в регион были направлены значительные воинские контингенты. Это ликвидация в 1692 г. аграханской общины казаков-старообрядцев, которые смогли организовать морскую блокаду Терков и поставить под угрозу торговые контакты с Персией. Таким образом, объектом интереса русского правительства выступали в большей степени не земли Кавказа, а торговля с Персией.

Главной действующей силой противника на Северном Кавказе было Крымское ханство. Собственно османские войска, в отличие от Приазовья, Подонья или Поднепровья, в рассматриваемом регионе не появлялись. Крымские же власти не только выступали организаторами нападений горских правителей на подконтрольные (реально или формально) России территории, но и, при возможности, отправляли сюда свои отряды. Очевидно, что целью Крыма было покончить с присутствием России в регионе. Это позволило бы более жестко контролировать кавказских горцев. Реализовать данную задачу не удалось потому, что крымские власти не могли или не хотели отправить на Северный Кавказ достаточное для этого число войск. В итоге крымские военачальники просто перевели черкесское население Кабарды на подконтрольную Крымскому ханству Кубань. Последнее, впрочем, не остановило конфликт между черкесскими владельцами и Крымским ханством. Однако эти события лежат за пределами рассматриваемой в данной работе темы.

Война позволила укрепить свое влияние на Кавказе калмыцкому хану Аюке. Следует отметить, что он весьма эффективно использовал стремление Крыма и России привлечь калмыков на свою сторону для усиления собственных политических позиций. Если на первом этапе войны Аюка лишь напал на наиболее слабых кумыкских владельцев, то в конце войны он смог пройти с войском большую часть Северного Кавказа.

В силу отмеченных выше особенностей северо-кавказского и северо-каспийского театра военных действий численность используемых в регионе русских и татарских войск была значительно меньшей, чем на других театрах войны. Обращает на

¹⁵⁷ Голикова Н.Б. Астраханское восстание... С. 34–35.

себя внимание тот факт, что появление на Кавказе казаков-старообрядцев, которые могли выставить несколько сотен воинских людей, не только вызвало острый интерес наиболее могущественных местных правителей, но и реально изменило баланс сил в регионе. Впрочем, немалую роль здесь сыграл и опыт боев на море, который имели эти казаки.

Религиозные идеи войны мусульман против «неверных» озвучивались Крымом в дипломатических посланиях к горским правителям, однако реального влияния на происходящее не оказывали. Военные действия на Северном Кавказе в значительной мере велись силами местных правителей, преследовавших собственные цели, связанные с обогащением и укреплением личной власти. Именно поэтому окончание Русско-турецкой войны не означало установления здесь прочного мира. Общим итогом боевых действий в регионе можно считать сохранение между Османской империей и Россией существовавшего до войны «статуса кво», что и было отражено в 7-й статье Константинопольского мирного договора¹⁵⁸. Любопытно, что, несмотря на то, что часть черкесских властителей находились на российской службе, в ходе переговоров российская сторона не оспаривала вопрос о подданстве черкесов. Они во всех случаях фигурируют в качестве подданных султана¹⁵⁹.

¹⁵⁸ ПБПВ. Т. 1. С. 373.

¹⁵⁹ Богословский М.М. Петр I. Т. 5. С. 77, 122, 137, 142, 210, 212, 213.

ВОЙНА И ИДЕОЛОГИЯ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЙ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Информирование общества о войне: формы и методы

Рассматривая вопрос о презентации связанных с войной событий в публичном пространстве, следует понимать, что таких пространств было много. Зачастую они существовали изолированно, но иногда пересекались самым причудливым образом. Тем не менее циркулирующую информацию (включавшую как факты, так и различные идеологемы) можно условно разбить на две группы. В первую входят материалы, которые распространялись за границей. Во вторую – предназначенные для внутреннего использования. Во второй группе следует разделять сведения, обращенные к широкой публике, и данные, предназначавшиеся для Боярской думы, в том числе для первых лиц государства. При этом идеологическая составляющая имела даже в наказах Голицыну. Последнее показывает, как правящие элиты сами воспринимали те идеи, которые затем хотели предложить обществу.

Известия официального характера о ходе военных действий и дипломатических акциях регулярно попадали в западную прессу, а затем переводились для курантов (обзоры иностранной прессы). Русско-турецкая война 1686–1700 гг. стала первой в истории России войной, материалы о которой российские власти систематически передавали европейским газетчикам. Такая практика лишь ненадолго прервалась после свержения правительства царевны Софьи. Характерно, что собственные подданные московских государей фактически не имели никакого доступа к аналогичным данным. Это объясняется не только политическими причинами, но и различиями в системах распространения информации, а также разными культурными традициями.

В Московском государстве рассматриваемого периода использовались два основных канала коммуникации между властями и народом. Первый из них задействовали для обнародования государевых указов, адресованных всему населению страны. Требуемую информацию полагалось «кликать биричем» на торгах и в других местах скопления народа. «Военная» информация через биричей тоже распространялась. Но это скорее были новости «прикладного» характера. К примеру, подобным способом в мае 1687 г. об опасности набегов сообщали местным жителям астраханские власти¹. Через биричей в торговые дни воеводы объявляли указы о сроках и местах сбора ратных людей². Идеологической составляющей здесь не имелось. Второй способ коммуникации – объявление в церкви. Здесь транслировалась информация, имеющая то или иное отношение к идеологической сфере. Использовался этот канал и для обращения к широким массам народа, в том числе и в связи с начавшимися боевыми действиями.

Скорость циркуляции информации напрямую зависела от организации почты, которая в военное время приобретала особое значение. Историк русской почты И.П. Козловский описывает организацию почты от слободских городов и далее по

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10652. Л. 1–2.

² См., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 47, 103.

линии Переволочна—Кодак—Запорожье для связи с зимовавшим в 1686/87 г. на Запорожье генералом Г.И. Косаговым, по городам Белгородского полка в ходе первого и второго Крымских походов (в 1689 г. учреждено 20 станов), в ходе Азовских походов (через Оскол и Валуйку в 1695 г., от Москвы до Воронежа в 1696 г.). Почтовые станы на Воронеж и на Азов действовали и в последующие годы³.

К приведенным И.П. Козловским данным можно добавить некоторые детали. Вот как была организована почта по пути В.В. Голицына из Москвы к месту сбора полков. В феврале и марте 1689 г. «в розных числах» было выдано государеву жалованье (3 алтына 2 деньги человеку) «почтарем розных полков московским стрельцом», которые «в розных местех в городех и в селех по пути крымского походу нынешнего 197-го году поставленны». В частности, стрельцы полка Лаврентия Сухарева — Викула Афанасьев «с товарищем» — стояли в селе Долец Болховского уезда (получили жалованье 22 февраля), в селе Речицы Карачевского уезда расположился стрелец полка Дмитрия Жукова — Андрей Варсагов (выдано жалованье 25 февраля), место «дежурства» другого стрельца полка Л. Сухарева — Матвея Артемьева — не обозначено (получил жалованье 3 марта), наконец, стрелец Петрушка Васильев из полка Бориса Дементеева отправлен с почтой из с. Снагости Путивльского уезда (получил жалованье 5 марта). 12 марта 1689 г. для Посольского приказа «на посылку чрез почты всяких писем в Большой полк» было куплено (у торгового человека Ивана Степанова) 10 аршин красной и зеленой камки, из которой сшиты «мешечки»⁴.

В ходе Второго похода в Большой полк к В.В. Голицыну регулярно (1, 2, 4, 13, 15, 19, 24, 26 марта; 9, 13, 20, 24, 29 апреля; 10, 14, 21 мая) высылались все заграничные новости, в том числе: информация от резидента из Польши о переговорах с представителями Речи Посполитой, а также «цесарским» и венецианским резидентами в Варшаве; «дневник» прошедшего польско-литовского сейма; составляемые Посольским приказом куранты; переводы грамот польского короля, императора Леопольда I, писем «цесарского секретаря» Адама Стиллы; списки ответных грамот к иностранным монархам; материалы австрийско-турецких мирных консультаций в Вене и переговоров с польским резидентом в Москве; «донские отписки» и др.⁵

Руководство страны стремилось связать почтовыми линиями все пункты, имевшие стратегическое значение. К примеру, почтовое сообщение с Новобогородицком было налажено практически сразу после его постройки в 1688 г. Так, указ послать через почту в Новобогородицк чиновную книгу для нужд городской администрации последовал 24 сентября 1688 г.⁶ В число обширных мероприятий, связанных с подготовкой кампаний 1695 г., входила и организация почты в полках⁷. Отпуск первой почты в идущие под Азов полки датируется 9 мая 1695 г.⁸

Очевидно, что в ходе войны русское правительство задействовало все возможные информационные каналы как для практических нужд, так и стремясь сформировать

³ Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века. Т. 1. Варшава, 1913. С. 510–513.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 34, 44.

⁵ Там же. Л. 35–41, 50–51, 52, 55, 64, 84, 106, 118–121, 123–125, 159, 164, 200.

⁶ РГАДА. Ф. 124. 1688 г. Д. 86. Ч. 1. Л. 57–57 об., 62, 112.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 568–576.

⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Д. 7. Ч. 1–2. Л. 304.

ровать в общественном сознании нужный ему образ начавшегося противостояния. При этом оно действовало не только внутри страны, но и за рубежом. Рассмотрим формирование и продвижение указанного нарратива на конкретных примерах.

Думские дебаты накануне войны и иностранная пресса

Накануне войны Боярская дума стала пространством политической агитации в большей мере, чем когда-либо. Причина этого состояла в том, что, с одной стороны, число входящих в Думу людей постоянно росло, с другой — думские чины были втянуты в противостояние между сторонниками Нарышкиных и Милославских.

Именно Дума стала тем местом для дискуссий, где политическая борьба по поводу участия России в надвигавшейся войне вспыхнула раньше всего. Наиболее ранний факт, подтверждающий это, относится еще к самому началу 1683 г. На заседании Боярской думы 10 января были зачитаны куранты, в которые включили статью о том, что послу, который заключил мир с Турцией, по возвращении домой приказали отрубить голову и Москва собирается возобновить боевые действия. На полях рядом с этой статьей помещена помета «зри»⁹. Поскольку статьи курантов тщательно отбирались из огромного числа поступавших в Москву материалов, включение этого заведомо ложного сообщения в текст для публичного чтения перед Думой следует рассматривать в качестве целенаправленных действий главы Посольского приказа В.В. Голицына по дискредитации заключенного мира с Турцией и Крымом.

Позднее материалы, призывавшие к вступлению в войну против Османской империи, включались в куранты неоднократно. К примеру, в курантах отражен один из важнейших документов, связанных с приездом в Москву в 1684 г. царского посольства во главе с Себастьяном Блюмбергом (Бломбергом) и Иоганном Христофором Жировским. Основная задача данного посольства состояла в том, чтобы вовлечь Россию в борьбу с Турцией. В Посольском приказе перевели и включили в куранты брошюру, озаглавленную «Речь, какова царское великое посольство чрез господина барона фон Блюменберха мая в 28 день у его царского (в тексте слово повторено дважды. — *Авт.*) величества в латинском языке отправилась, которая для тщания на немецкой язык переведена, напечатана 1684 году». В приведенном выступлении австрийский дипломат стремился доказать своим российским коллегам, что Османская империя ослаблена и будет легкой добычей для России¹⁰. Информационное значение документа было нулевым, поскольку члены Думы и так знали то, о чем им говорил царский посол. Можно с полной уверенностью утверждать, что данный материал — политическая агитация.

Благодаря курантам внутрироссийские и зарубежные информационные пространства в какой-то мере смешивались. Приведем один пример переводной статьи курантов о дискуссиях в Думе на внешнеполитические темы 1684 г.: «С Москвы сентября в 26 день. Обои царские величества пошли в различные монастыри для молебствования по обыкновению, а за ними пошел первоначальной князь Василей Васильевич. Здесь же несколько дней крепкое сидение и Дума была так о государственных, как о воинских делах, и как бы в нынешних опасных случених поступать, а особно о сем предлаганном деле зело думано, аще ли при нынешних с Оттоманскою Портою постановлениях не лутчи б было мир нарушить, явную войну против ее всчать, зане так Римское, как Полское государства и венецыяне тое воюют. А многие

⁹РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Д. 5. Л. 7.

¹⁰РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Д. 6. Ч. 3–5. Л. 299–309.

были в Думе начальные, которые желали, чтоб нынешней случаи не пропустить»¹¹. Далее в этом сообщении говорится о том, что государи очень любят мир и поэтому начинать войну не велели. Миру же способствует и проявляемое османами к России дружелюбие. Оканчивается же публикация сообщением о том, что окончательного решения нет, а войска на всякий случай велено собирать.

Трудно сомневаться в том, что информацию о ходе думских дебатов поставлял газетчикам упомянутый в статье Голицын. Очевиден и направляемый во внешнее дипломатическое пространство посыл. Автор этих корреспонденций стремился показать, что российское правительство сомневается, стоит ли начинать войну с Османской империей. Пока решено сохранить мир, но это решение может быть изменено. Голицын явно подталкивал своих партнеров по переговорам к тому, чтобы они делали России более выгодные предложения. Такая позиция позволяла добиться наибольших уступок в ходе переговоров о присоединении России к антитурецкой коалиции. Сообщение 1686 г. из Москвы о заключении Вечного мира с Польшей и о вступлении России в войну против Османской империи и Крымского ханства также было направлено в иностранные газеты, а потом переведено для курантов¹².

Идеологическое обоснование Крымских походов внутри страны

Основной промежуточной группой между высшей политической элитой, принявшей соответствующие решения, и народными массами являлись представители служилых сословий. Именно поэтому объявлявшиеся служилым людям с Постельного крыльца указы становились каналом, через который власть распространяла официальную информацию среди всех слоев общества, и именно в них содержались те оценки и объяснения, которые власть стремилась представить публично.

Как было показано в главе 2, осенью 1686 г. правительство объявляло служилым людям обоснование причин и целей войны довольно скупо и размыто. Сбор войск объяснялся возможным нападением на русские территории крымского хана, о союзе и христианской солидарности в царских указах речи не было. На расширение идеологической составляющей в рамках общей подготовки к кампании правительство решилось лишь в начале 1687 г. 12 января 1687 г. с Постельного крыльца прозвучал новый царский манифест. Формально он был связан с получением в русской столице 7 января известий от посольства Б.П. Шереметева в Речи Посполитой, что польский король Ян III Собеский ратифицировал заключенный договор о Вечном мире и союзе. В торжественном объявлении вновь прославлялись те территориальные выгоды и прочие приобретения, которые принес царям указанный договор и о которых служилым людям было объявлено еще в прошлом году. Вместе с тем отмечалось, что заключение договора, утвердившего «вечное миротворение» с польским королем, принесло и «свобождение» окрестным государствам «от наступления бусурманского турецкого салтана и крымского хана» и даже победы «над теми неприятелями». В Москве провозглашали, что именно благодаря русско-польскому союзу («за оным нынешним учиненным вечным миром») «цесар римской и союзники, помогающие ему многие самовладелцы, а з другой стороны корол полской, а с третей стороны венецияне сухим и водяным путем турецкого салтана и крымского хана над войски нынешняго минувшего лета получили великую победу и одоление и многие знатные и столные городы, которые за турком болши ста пятидесят лет во владетел-

¹¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Д. 6. Ч. 3–5. Л. 702, 703.

¹² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Д. 8. Л. 18–20.

стве были, с великою в тех городех козною и со множественным пушечным нарядом и со всякими воинскими и хлебными припасы войска их цесарские и виницейские поимали и овладели». Теперь якобы и император, и Венецианская республика благодарят («описуют... велие благодарение») царей в своих грамотах за заключение Вечного мира, позволившего им одержать столь внушительные победы в прошлом году, и сообщают, что османский султан и крымский хан «учали быть в великом страхе и во отчаянии». Кроме того, польский король обещает царям в наступившем году «по весне рано своею особою с войски корунными и литовскими войной наступить на турецкие города и на Белгородскую орду»¹³.

Манифест 12 января, как и предыдущие подобные документы, не раскрывал детали предстоявшей кампании и тем более не объявлял о походе на Крым. В связи с этим возникают сомнения в обнаружении и публикации до этого манифеста недатированного текста, который традиционно считается основным документом, объявлявшим ратным людям о войне с Крымским ханством. Речь идет о тексте, опубликованном в «Собрании государственных грамот и договоров» и «Полном собрании законов Российской империи»¹⁴. Документ не имеет начала и датировки. В обоих случаях публикаторы датировали его ноябрем. Н.Г. Устрялов полагал, что указанный манифест не мог появиться после назначения воевод и, соответственно, был издан до 22 октября¹⁵. Характерно, что в нем не говорилось ни о разрыве мира с Османской империей (который в соответствии с обязательствами по русско-польскому договору должен был также состояться¹⁶), ни о каком-то, даже опосредованном, присоединении Москвы к Священной лиге. Одновременно указанный текст открыто объявлял о походе на Крым, что шло вразрез со всеми официальными правительственными декларациями осени — начала зимы (см. подробнее также в главе 2). Поход мотивировался комплексом причин, охватывавшим исключительно проблемы русской внешней политики в отношениях с ханством. Несмотря на русско-крымские договоры, и в том числе недавнее Бахчисарайское перемирие 1681 г., ханскую присягу в их соблюдении, выплату казны, татары по-прежнему нападали на русские земли и угоняли «как скот» царских подданных. При этом подчеркивалось, что ни одно «христианское царство» крымским татарам «повсягодной дани не дает». Отмечалось бесцеремонное обращение с царскими годовыми посланниками в ханстве. «Ныне» за все это великие государи указали послать «на Крым своих государевых бояр и воевод с полками»¹⁷. Отсутствие указанного текста в официальной разрядной книге первого похода, которая содержит все касающиеся его подготовки правительственные законодательные акты, также говорит в пользу того, что октябрьско-ноябрьский манифест из «Полного собрания законов...» не входил в круг документов, касавшихся информирования служилых людей о предстоящей кампании. Ни одного архивного списка этого текста обнаружить не удалось. Возможно, что он появился позднее, уже перед выходом царских войск на Крым.

¹³РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 131. Л. 142–148. О манифесте касательно заключения Вечного мира, процедуре его ратификации и посольстве Б.П. Шереметева см.: *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 415–457.

¹⁴ПСЗ. Т. 2. 1676–1688. СПб., 1830. С. 835–847; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. М., 1828. С. 530–534.

¹⁵*Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 191–192.

¹⁶ПСЗ. Т. 2. С. 777. Статья 10.

¹⁷Там же. С. 835–847.

Достаточно развернутую преамбулу, объяснявшую вступление России в войну против Османской империи и Крымского ханства, содержал официальный наказ В.В. Голицыну, подготовленный в марте 1687 г. (подробней о нем см. в главе 2). В ней отмечалось, что именно турецкий султан начал войну с Россией в 1673 г. (181 г.) «и присылал войною под их великих государей малороссийские города под Чигирин и к иным городом везиря и пашей своих розных своих земель со многими ратми и крымского хана с ордами и теми присылками в тамошних местех многое разорение учинили»¹⁸. Перемирие 1681 г. характеризовалось как заключенное (в январе) с Крымом и Турцией в результате переговоров, начатых «по присылке крымского хана». Однако крымские ханы перемирие не соблюдали, отправляя «под их великих государей украинные города по вся годы в войну рати свои и тамошних городов жителей многое число побили и переранили и в полон поимали и дома пожгли и со всем разорили, и конские и животинные стада отогнали». Все попытки России решить дело миром, посылая в Крым царских дипломатов с грамотами, ни к чему не привели — крымцы «после того во многих украинных городех войну и разоренье учинили паче прежнего»¹⁹.

Далее, в соответствии с объявленным 12 января 1687 г. указом служилым людям о походе на Крым, излагалась история заключения Вечного мира и союза. Здесь кратко подчеркивались те же аспекты, что и ранее: выгодность закрепления за Россией территорий и значение договора для побед союзников по Священной лиге над турками. Узнав о заключении Вечного мира, султан якобы приказал, чтобы хан Селим-Гирей «со всеми своими силами и с крымскими, и с нагайскими, и з Белгородскою ордами к войне был в готовности и шол войною на их великих государей в великросийские и малороссийские, и украинные города по весне рано». Это объявлялось главной причиной, по которой цари указали Голицыну идти с войсками «для промыслу и поиску над теми враги креста Христова бусурманы». Одновременно подчеркивалось, что поход осуществляется в соответствии с обязательствами России по договору с Польшей и польский король также должен выступить с войсками на Белгородскую Орду весной²⁰. Примечательно, что только перед началом похода В.В. Голицын должен был разослать грамоты в полки боярам и воеводам, гетману И. Самойловичу, а также «в города, в которые пристойно к воеводам и приказным людям» и «про поход свой на Крымские юрты розголосить во все места, чтоб то неприятельским бусурманским силам было в страх». Именно теперь главнокомандующий должен был без обиняков объявить, что по царскому указу войску велено «итить на крымские юрты войною»²¹. Возможно, что октябрьско-ноябрьский манифест, опубликованный в «Полном собрании законов», относится как раз к этому времени и является одним из черновиков подобного воззвания, подготовленного в Разрядном шатре в марте 1687 г.

Непреходящее идеологическое значение в глазах и власти, и общества имел торжественный отпуск бояр и воевод, организованный в февральские дни 1687 года в Москве. Он состоялся 20 февраля, в воскресенье, на второй неделе Великого поста. Голицын и его спутники побывали «у руки» царей Ивана и Петра «в передней», посетили вдовствующую царицу Наталью Кирилловну «в ее государниных хоро-

¹⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 131. Л. 214 об. — 215.

¹⁹Там же. Л. 215–216.

²⁰Там же. Л. 216–222.

²¹Там же. Л. 246 об. — 247 об.

мех», а также царевну Софью «в комнате». Бояр и воевод великим государям объявлял сам глава Разрядного приказа думный дьяк В.Г. Семенов. После бояр и воевод к царской руке были допущены направлявшиеся на службу «стольники и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы в Передней же полате». И воеводы, и остальные ратные люди были на аудиенции «в служилых цветных кафтанех». В тот же день глава Низового полка — И.Ю. Леонтьев был пожалован из стольников в думные дворяне²².

В ходе приема главнокомандующий из рук монархов получил булаву «для управления... великих государей многочисленных ратей... ис тех, которые булавы бывают в... государских походах». Однако Голицыну этого показалось недостаточно для того, чтобы подчеркнуть его статус и грандиозность предпринятого им военного предприятия. Уже после отъезда из столицы он вспомнил, что еще в 1677 г. ему «за службы» была пожалована «салтана турецкого булава, с которою бил челом... великим государем в подданство Петр Дорошенко з заднепровскою стороною». В Москве немедленно отыскали и выслали вторую булаву в ставку главнокомандующего. В царской грамоте от 9 апреля Голицыну предписывалось «те обе булавы в походах где в которые времена пристойно возить перед собою», демонстрируя явленную ему милость великих государей. Князь в ответ обещал за великих государей «и последнюю каплю крови своей пролить»²³.

22 февраля в «4-м часу дня» под звон колоколов кремлевских соборов состоялся торжественный вынос святынь из царской домово́й церкви в Успенский собор с участием обоих монархов. Цари Петр Алексеевич и Иван Алексеевич «изволили из соборные церкви нерукотворного образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, что у них, великих государей на сенях, провожать в соборную и апостолскую церковь Успения Пресвятыя Богородицы святыя иконы да животворящей крест Господень (крест императора Константина. — *Авт.*), которым быть для сохранения и победы на врагов в полках бояр и воевод»²⁴. В Большой полк были переданы животворящий крест «царя» Константина и «образ Всемиловитого Спаса», в Новгородский разряд — «образ Пресвятыя Богородицы Знаменая», в Рязанский — «образ Сергия Радонежского чудотворца», в Низовой полк — образ Дмитрия Солунского. Во время торжественной службы в Успенском соборе с участием патриарха Иоакима, митрополитов, епископов и всего освященного собора царевна Софья «изволила из своих государских хором притти в соборную церковь переходами». Цари, войдя в собор, «изволили знаменатца у святых икон и у Спасителевы ризы и у многоцелебных мощей Петра, Ионы и Филиппа, московских чудотворцов», в то время как патриаршие певчие дьяки пели им многолетие. После того как Иван и Петр, благословившись у патриарха, «изволили стать на своем государском месте», начался молебен («молебное пение») «о победе на врагов креста Господня и на их государских

²²РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 131. Л. 168–172 об. На аудиенции не было В.А. Змеева, выехавшего в Ахтырку раньше. Об аудиенции кратко упоминает А. Востоков: См.: *Востоков А. К истории...* С. 268.

²³РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 702. Л. 751–756. Копию царской грамоты и отписки В.В. Голицына в разрядной книге см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 131. Л. 411–414 об.

²⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 131. Л. 172–173. Здесь и далее см. также «Чин отпуску икон и знамен в поход с боярином князем Василием Васильевичем Голицыным»: Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого / изд. Ф. Туманским. Ч. 2. СПб., 1787. С. 311–320. В описании событий между чином и разрядной записью есть некоторые различия.

недругов». В ходе молебна из Оружейной палаты в Успенский собор внесли полковые знамена разрядных полков. На знамени Большого полка был изображен образ Спаса Эммануила. Помимо этого, В.В. Голицыну был вручен еще один стяг — «полковое знамя, на котором изображено лице Спасителя нашего Господа Бога Иисуса Христа, с которым знаменем предок их государской, блаженные памяти великий государь царь и великий князь Иоанн Васильевич, всеа России самодержец победил многочисленные бусурманские народы и покорил в российский державу Казанское царство»²⁵.

На знамени Новгородского разряда присутствовал образ Спаса Нерукотворного; Рязанского разряда — с одной стороны образ Спаса Вседержителя, с другой — Богоматери Одигитрии; Низового полка — «по черной камке» образ Николая Чудотворца. Знамена до завершения службы держали московские стряпчие и жильцы, стоявшие у южных дверей собора. После молебна Иоаким окропил их святой водой и цари лично вручили Голицыну знамя Большого полка. Затем торжественная процессия во главе с великими государями двинулась «проводить» иконы и животворящий крест через Никольские ворота Кремля на Красную площадь. Здесь, возле церкви Казанской иконы Божией Матери, бояре, воеводы, дьяки и «полковые ратные люди» были пожалованы к царской руке. Далее, уже без участия великих государей, святыни и знамя Большого и Низовых полков торжественно препроводили «в Неглинненские ворота к церкви Живоносного Воскресения», располагавшейся у двора В.В. Голицына, святыни и знамя Новгородского и Рязанского разрядов — «по Большой улице, что мимо Ветошного ряду» на дворы А.С. Шеина и В.Д. Долгорукова²⁶. Позднее в Большой полк дополнительно было указано направить Курскую Коренную икону Божией Матери, которая была прислана в Курск в 1683 г. «на сохранение того града и всеа тоя страны». В связи с этим 12 марта из Москвы были направлены грамоты Белгородскому митрополиту Авраамиию и курскому воеводе, думному дворянину А.И. Хитрову. Первый должен был откомандировать в Большой полк священника из Богородицкого Знаменского монастыря «с одеждою и с книгами», второй — обеспечить доставку святыни²⁷.

Позднее, получив известие о выступлении В.В. Голицына из Ахтырки, Софья и ее приближенные решили вновь публично продемонстрировать поддержку действиям главнокомандующего. 5 мая в праздник Вознесения Христова старший царь Иван Алексеевич слушал божественную литургию «в церкви живоносного Христова воскресения, что у них, великих государей, на сенях». Затем «во отдачу дневных часов» старший царь вместе с царевной Софьей и придворными чинами отправились в Донской монастырь. Там на следующий день, 6 мая, царь и царевна «изволили... праздновать пресвятые Богородицы Донские и слушали всеношного пения и божественные литургии». После этого по приказу Софьи и Ивана в Боль-

²⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 131. Л. 173–175. Касательно вручения знамени Ивана Грозного см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 1. Л. 30.

²⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 175–178 об.

²⁷Там же. Л. 190–193 об. Упоминание о данных в Большой полк святынях: списка (так! — *Авт.*) Курской Коренной иконы Божией Матери, чудотворного образа Всемилостивого Спаса Нерукотворного и животворящего креста («а в нем власы Спасителя нашего Бога»); а также о булаве и знамени Большого полка со Спасом Эммануилом см. в наказе В.В. Голицыну от 15 марта. Для хранения врученных в Большой полк религиозных святынь из Большого дворца была послана полотняная церковь «со всяким церковным украшением и утварью» (Там же. Л. 222–222 об.). Знамя Ивана Грозного и булава Дорошенко тут не упоминаются.

шой полк к В.В. Голицыну были отпущены мощи св. Георгия, а также располагавшаяся «в церкви в трапезе» Донская икона Божией Матери «для победы на агарен» и «на охранение и на защиту» царской рати. 8 мая в армию с иконой и мощами был выслан окольный князь В.Ф. Жирово-Засекин в сопровождении донского архимандрита Никона и монастырского духовенства. Софья провожала святых до Даниловского монастыря. Помимо иконы и мощей св. Георгия Жирово-Засекин вез главнокомандующему также «меч большой», освященный церковью, для «управления... многонародных ратей — конных и пеших полков». Голицыну следовало принять меч и, «возложив крепкое и твердое упование на всемогущего в Троице славимого Бога и на скорое заступление Пресвятыя и Пречестныя Божия матери и на помощь небесных сил грозного воеводы архистратига Божия Михаила и прочих небесных сил и за молитвами всех святых, над агарянскими народами врагов креста Христова в победу и одоление промысл и поиск» чинить. Помимо В.В. Голицына «мечи, палаши и сабли» для «нынешней службы» и «управления в полках ратных людей» были пожалованы гетману Ивану Самойловичу и всем остальным воеводам и их товарищам²⁸. Как было показано в главе 2, майская высылка святых в войска скорее повредила главнокомандующему нежели помогла, поскольку, ожидая Жирово-Засекина, Голицыну пришлось искусственно замедлять движение войска. Тем не менее торжественные проводы Голицына и остальных военачальников должны были сказать русскому обществу даже больше, чем официальные манифесты. Именно февральские церемонии демонстрировали, что задуманное правительством регентства предприятие рассматривается как грандиозный крестовый поход, который должен был принести его устроителям и славу покорителей новых территорий, подобных Казанскому ханству, и честь сокрушителей «агарян» — вечных врагов христианства. Именно здесь проявлялось внимание Москвы к коалиционному и религиозному характеру идущей войны, обозначать который она никак не хотела в осенних указах, в том числе по политическим причинам, рассчитывая на соглашение о подданстве с Селим-Гиреем.

Важность осознания правительством религиозных мотивов начавшейся войны должно было подчеркнуть деятельное участие Церкви в развернувшейся идео-

²⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 702. Л. 877–882, 890; РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 397–398 об., 415–416 об. Отпуск царской грамоты к В.В. Голицыну об отправке иконы см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 399–405 об. В грамоте подчеркивалось, что икона посылается по древнему обычаю, который свято хранили цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич, а также выражалась уверенность что образ защитит войско «от всяких нашедших приключаются болезней» и пошлет победу над «супостатами». См. также наказ В.Ф. Жирово-Засекину: Там же. Л. 419–428 об. Князя должен был встретить выехавший навстречу дьяк Еремей Полянский, после чего вместе с ним везти реликвии и царские пожалования в войско (царскую грамоту ему см.: Там же. Л. 409–410). Сохранились описания пожалованных в войско мечей и прочего холодного оружия. В.В. Голицыну полагался «меч стальной зубатой, в лице от крыжа присинена, а в присинке травы, в травах слова латынские, на травах по обе стороны орел двоголавной с коруною, крыж и верх медные золочены и серебряны, на верху коруна, ножны оклеены бархатом червчетым, оправа на ножнах железная, прорезная, золочена, сорочка червчетая суконная». И. Самойловичу послали «меч стальной глаткой, от крыжа долиньки посеребрены и позолочены, травы обронные позолочены, крыж и яблоко медные позолочены ж, ножны покрыты бархатом червчетым рытым по белой земле, черен покрыт отласом цветным, на ножнах оправа железная, сорочка суконная червчетая». А.С. Шеину и В.Д. Долгорукому были посланы мечи «против того, каков гетману». Далее см. описание палаша для К.О. Щербатова и сабель для других военачальников (Там же. Л. 427 об. — 428 об.).

логической кампании. В конце весны — начале лета 1687 г. на московском печатном дворе были изданы «Ектении о победе на агарян». Этот сборник молитвенных обращений к Господу представлял собой 8-листовую тетрадь. Прошения, которые государевым подданным полагалось возносить Христу, в отдельных случаях могли повторяться по своему смыслу. По одному разу верующие просили Господа даровать победу над «агарянами» христианскому войску, уничтожить вражеские города, ниспровергнуть «агарянское» царство, предать это царство христианским царям, покорить царям иноплеменных; очистить от безбожия земли, где живут христиане; помешать осквернять церкви. Трижды звучала просьба прославить победами имя Божье, четырежды — освободить находящихся под игом христиан²⁹. Таким образом, освобождение христиан выступает в данном документе в качестве основной цели начатой войны. Кроме того, подчеркнут ее религиозный, антимусульманский характер.

Судя по всему, издание ектений было связано с указом патриарха Иоакима от 9 июня 1687 г. Документ требовал «в царствующем граде Москве, во всех градах, в соборах, и в монастырях, и в приходских церквах, и в селех» с момента получения патриаршего послания и до возвращения российской армии из похода каждую пятницу служить молебны «о победе на безбожных агарян». Кроме того, указ устанавливал строгий пост по пятницам. Исключение делалось лишь для старых и больных, которым разрешалось «сухоядение»³⁰.

Официальный нарратив кампании 1687 г. формировался на достаточно узкой базе, поскольку поход оказался неудачным и хвастаться как внутри страны, так и за рубежом было особенно нечем. Тем не менее масштаб военно-мобилизационных усилий осени 1686 г. — весны 1687 г., безусловно, требовал объяснения и оправдания. В этих условиях даже немногочисленные и средние по масштабам бои стремились выдать за крупные победы. Так, с сеунчом о победе Косагова и запорожцев в речном бою на Днепре в Москву 16 июня был послан стольник Василий Богданович Ордин-Нащокин (грамота получена в Москве 30 июня)³¹; сеунч о победе под Каменным Затонам в столицу доставил стольник Иван Федорович Хрущов (16 июля из лагеря на р. Орчик)³², а о разгроме татар под Овечьими Водами — дворяне Федор Иевлев сын Кобяков и Алексей Дуров. Последняя отписка была «взята в верх», в связи с чем царская похвальная грамота В.В. Голицыну была послана против отписки, которая была подана в Приказ Малой России³³. Эти сеунчи и другие официальные отписки Голицына, рассматривавшиеся в главе 2, стали основой официальной разрядной записи с похвалой главнокомандующему и войску за участие в первом походе.

Похвала была оглашена 5 сентября в ходе аудиенции у царя Ивана и царевны Софьи главнокомандующего В.В. Голицына, остальных воевод и начальных людей и даже рядовых «в передней полате», а затем у царя Петра «в походе в селе Преображенском». Голицыну, остальным воеводам и всему войску были объявлены царская милость и жалованье (ценные подарки, денежные выдачи и прибавка поместных окладов). Как значимые победы прославлялись бои царских войск с татарами

²⁹ Ектении о победе на агарян. М., 1687.

³⁰ РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. Д. 117. Л. 1–2.

³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 131. Л. 552–554.

³² Там же. Л. 649–652.

³³ Там же. Л. 518–523 об.

и турками у Каменного Затона, Овечьих Вод и речной бой на Днепре. Главными причинами неудачи похода объявлялся поджог татарами степей и сговор с ними свергнутого гетмана Самойловича. По словам официальной разрядной записи, «хан с татары, видя на себя ваше, бояр и воевод, и полков ваших, их великих государей ратных людей, наступление, пришли в боязнь и во ужас и отложя обыкшую свою дерзость нигде сам не явился и юртов ево татаровя не токмо в противление к вам вышли и нигде не показались, и бою с вами... не дали и пришед в самое отчаяние ушли в дальние свои поселения за Перекоп и в ьные места»³⁴. Указанная запись должна была стать основой рассылавшихся по городам и крупным монастырям царских грамот с описанием первого похода, которые оглашались населению публично (более подробно описание этого механизма см. далее, на примере второго Крымского похода). Таким образом российское общество официально информировалось о кампании 1687 г.

Второй Крымский поход наряду с использованием уже отработанных форм пропаганды внес определенные коррективы как в содержание транслировавшейся русскому обществу идеологии, так и в методы ее распространения и репрезентации. 19 сентября 1688 г. царским манифестом было объявлено о новом походе на Крым. Здесь, потерпев неудачу в попытке завязать кулуарные переговоры с Крымом в 1687 г., правительство более не считало необходимым скрывать цели войны и сразу раскрывало все карты, подробно развивая и используя мотивы общехристианской солидарности. Свою роль сыграли и громкие победы союзников, одержанные в предыдущие годы. В тексте манифеста о втором Крымском походе провозглашалось, что турецкое государство «приходит... к самой конечной гибели», и напрямую апеллировалось к необходимости действовать активнее, чтобы использовать плоды побед союзников. Антиосманский характер этого манифеста был очевиден в сравнении с манифестом о первом походе. В нем писалось об уничтожении турками православных христиан «в Греческой, Ромельской и Морейской, и Сербской, и Болгарской землях», включая «мужеска и женска пола и невинных младенцев» — более трехсот тысяч; о массовом вывозе выживших «во Анатолию и за море во Азию и во Египет»; о разорении монастырей и церквей. Более того, султан и муфтий якобы повелели разорить все православные центры на Афоне и в Константинополе и окончательно «искоренить» всех христиан. В подтверждение этого авторы манифеста опирались на призывы и отчаянные просьбы о помощи вселенских патриархов, которые писали «с великим молением и слезным прошением», что находятся «от безбожных и неверных агарян в непрестанном ругательстве и тесноте, и несть места, ни града, который от них, нечестивых, не разоряется, и всегда благочестивое собрание мучится и по вся дни бывает многое кровопролитие, и везде церкви Божии во омерзении, монастыри в разорении, архиереи и иереи в поругании, крест Господень от них, нечестивых, оплеван и имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа хулимо и укорено»³⁵. Россия в этих условиях изображалась как участник большого крестового похода, поднявшего оружие в защиту веры вместе с другими христианами, пусть и католическими королями и князьями. Целью этого крестового похода

³⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 131. Л. 835–864; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 725. Л. 244–246. Цитата в тексте по архивному документу. С небольшими разночтениями от данного текста разрядная запись от 5 сентября дважды опубликована: Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. С. 562–575; ПСЗ. Т. 2. С. 883–897.

³⁵ПСЗ. Т. 2. С. 946–947. О датировке манифеста см. подробнее в главе 4.

объявлялось полное освобождение христиан и Церкви от иноверного ига и сокрушение Османской империи: «при помощи Божии, их бусурман ныне побеждать и до конца искоренить, а православных христиан из-под их бусурманской неволи свободить»³⁶.

Содержание указов, которые зачитывались столичному дворянству с Постельного крыльца, в значительной мере копировалось в грамотах, направляемых служилым людям «в города». Так, посланная 28 сентября 1688 г. грамота во многом повторяла рассмотренный выше «манифест» от 19 сентября³⁷. Таким образом, как и ранее, приведенные в них идеологические установки транслировались служилым людям, которым предстояло выступить в поход.

Идеологическая часть имела в наказе В.В. Голицыну, который датирован 10 февраля 1689 г. Ее содержание в целом совпадало с указом от 19 сентября, развивая некоторые обозначенные в нем моменты более подробно: более детально описывался первый Крымский поход, в частности упоминалось, что крымский хан, «познав... свое безсилие около Перекопи во всех местех все степи велел выжечь, чтоб им их, бояр и воевод, с полками остановить и х Крыму не допустить». Поджог степей, таким образом, считался главной причиной неудачи первого похода. Обоснование условий и цели похода (упадок Османского государства, защита христиан, необходимость действовать вместе с союзниками) текстуально совпадали с текстом публично объявленного указа о втором походе³⁸.

Как и ранее, с официальной идеологией похода непосредственно были связаны и те святыни Русского государства, которые должны были сопровождать Голицына в его предприятии. Число их по сравнению с 1687 г. увеличилось. Как и два года назад, «в надежду того своего великих государей и всего государства потребного и всему христианству пожеланного дела и в крепкое ополчение и в защищение» воеводам и русским ратным людям от имени царей Ивана и Петра передавалась «с Верху из... государских ближних хором святыи чудотворный нерукотворенный Спасителя Господа и Бога Иисуса Христа образ своего государского моления» и «святыи животворящий крест Господень, в нем ж власы его Спасителевы, которого святого и животворящего креста силою благочестивый царь Костянтин победил нечестиваго Максентия». Теперь к этому (сразу, а не позднее, как в 1687 г.) добавился «образ Пресвятыи Богородицы, нарицаемые Донские» (ее прославление в честь битвы на Куликовом поле было связано со временем Казанского похода Ивана IV Грозного) и образ «святого великомученика Мины», казненного в Римской империи в конце III в. во времена преследования христиан. Для размещения указанных реликвий Голицыну, как и в 1687 г., из Большого дворца была выдана походная «церковь полотняная со всякою церковною потребою и украшением». Сопровождать церковь и служить в ней по благословению патриарха Иоакима был назначен теперь протопоп кремлевского Сретенского собора Федор с причтом («священницы и диаконы и их великих

³⁶ПСЗ. Т. 2. С. 947–949.

³⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 15–19 об.

³⁸РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 240–246. См. в черновиках: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 1. Л. 1–20; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 3. Л. 37–48, 68–74. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 5. Л. 92–98, 100–103, 104. Здесь также содержатся выписки о нарушении крымским ханом перемирия 1681 г. (из официального наказа 1687 г.), в итоговую часть наказа 1689 г. не попавшие. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 5. Л. 106–109.

государей певчие дьяки и церковники»)³⁹. Наконец, как и в первом походе, Голицын должен был отправиться на Крым с «казанским» знаменем Ивана Грозного⁴⁰. Сам чин торжественных проводов бояр и воевод из Москвы неизвестен, не попало в разрядную книгу второго похода и описание отпускной церемонии. Думается, что указанные торжества мало отличались от модели 1687 г., за одним исключением: правительство учло урок первого похода, когда излишнее рвение Софьи в стремлении поддержать своего любимца замедлило продвижение армии. Теперь никаких миссий, подобных поездке В.Ф. Жирово-Засекина, более не было. Прагматизм и заинтересованность в успехах кампании взяли верх над излишним символизмом и церемониями. Впрочем, как и в предыдущие годы, практика торжественных церковных молений о победе сохранялась. 12 мая 1689 г. царевна Софья «изволила быть» в Успенском соборе и «слушать молебнаго пения о победе на проклятых агарян»⁴¹.

Во втором походе сообщения о боевых действиях, которые направлялись из действующей армии, имели гораздо большее значение, чем в 1687 г., в том числе потому, что теперь успехи русского войска были гораздо более ощутимы, хотя и не стали решающими. Кроме фактических данных о ходе боев, в указанных сообщениях отражены взгляды отправителей, которые полагалось ретранслировать получателям корреспонденции. Как и в 1687 г., эти первичные оценки в значительной мере формировали официальный взгляд на события. В первую очередь речь идет о сеунчах, во множестве посылавшихся из русского лагеря, и других подобных реляциях.

Корпус этих документов лег в основу всех иных текстов о главных военных событиях второго Крымского похода (1689), распространявшихся московским правительством внутри страны и за рубежом. В.В. Голицын выслал в Москву, в Разряд и Посольский приказ четыре сеунча: три с описанием боев 15–17 мая (и условно датированных соответственно 15, 16 и 17 мая) и один, посвященный дальнейшим действиям — походу к Перекопу, переговорам с крымцами и отступлению к р. Белозерка (датирован 1 июня)⁴². То же самое сделали главы всех разрядных полков: А.С. Шеин⁴³, Б.П. Шереметев (послал сеунчи в Разряд и Приказ Великой России)⁴⁴,

³⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 143. Л. 249 об.— 250 об. См. в черновиках: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 1. Л. 27–29; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 3. Л. 1–7. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 5. Л. 88–91. Здесь текст о пожаловании в войско Донской иконы вписан другим почерком. Также основным почерком указано, что отправлен «ис Курска образ пресвятыя Богородицы список с чудотворного образа, нарицаемые курские». Однако в итоговом варианте наказа упоминания о Курской иконе нет.

⁴⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 250 об.— 251. См. в черновиках: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 1. Л. 30. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 733. Столпик 5. Л. 87. Здесь же вычеркнут текст о пожаловании В.В. Голицыну булавы.

⁴¹Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 437.

⁴²Все они опубликованы Н.Г. Устряловым по кн. 143 Московского стола: *Устрялов Н.Г. История... Т. 1. С. 368–373. Оригиналы, отправленные в Посольский приказ, см.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 218–220 (первый сеунч — с П.П. Пушкиным), 221–224 (второй сеунч — с А.И. Лызловым), 225–226 (третий сеунч — с А.Б. Змеевым), 227–228 (четвертый сеунч — с И.С. Бутурлиным).*

⁴³РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 482–491. Посланы со стольниками И.Г. Нероновым, И.М. Кошаевым, И.Т. Молчановым, М.И. Приклонским.

⁴⁴РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 491–500. Посланы со стольником И.С. Батуриным, жильцом П.К. Мышейковым, Д. Молостовым, стольником Я.П. Наумовым. Последняя отписка условно датирована 31 мая. Оригиналы, посланные в Приказ Великой России, см.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 230–242.

князь В.Д. Долгоруков⁴⁵, Л.Р. Неплюев⁴⁶, а также гетман И.С. Мазепа⁴⁷. Сеунчи последнего по стилистике и ряду деталей отличаются от текстов Голицына и его сходных товарищей, не выходя в общем за рамки того канона, который, по всей видимости, был создан в Разрядном шатре Большого полка, откуда разослан по остальным разрядным полкам и в гетманскую канцелярию.

То же можно сказать о текстах писем отдельным лицам, которые в содержательном смысле тождественны сеунчам. В.В. Голицын описывал трехдневные бои 15–17 мая в письме патриарху (датировано 19 мая, но отправлено, надо думать, 1 июня)⁴⁸. По его распоряжению грамоты о майских сражениях были посланы М.Б. Шереметеву в Белгород (остался на воеводстве вместо ушедшего в поход отца), а также в Курск, Путивль, Рыльск, Севск, Брянск с указанием «в соборных церквах о том (то есть о победе русского воинства. — *Авт.*) молебствовать»⁴⁹. Гетман И.С. Мазепа сообщал о том же А.В. Голицыну⁵⁰.

С точки зрения организации коммуникации в Крымском походе интересна, в первую очередь, отписка от 17 мая (получена в Москве 31 мая)⁵¹, более кратко описывавшая трехдневные бои 15–17 мая и зашифрованная с помощью тайнописи Посольского приказа, использовавшейся еще русским резидентом в Речи Посполитой В.М. Тяпкиным⁵². Ввиду невозможности послать сеунч⁵³, она была выслана Голицыным с запорожским казаком, которому князь велел «итти ночми шпигом до Самары до Новобогородицкого города»⁵⁴. Трудности в посылке сеунчей после боев в Черной и Зеленой долинах более подробно объяснял И.С. Мазепа: «подъезды неприятельские бусурманские, которые не толко ис-под знамен ханских все шляхи собою поосаживали, но и из Азова чанбулы их поганские, к самому Днепру подъезжая великое посланым в проезде учинили опаство»⁵⁵. Все вышеупомянутые сеунчи, та-

⁴⁵РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 500 об. — 510. Посланы со стольниками Т.А. Дуровым, А.Г. Рагозиным, А.Г. Пасылковым, дворянином А.В. Мансуровым.

⁴⁶Там же. Л. 510–518. Посланы со стольником А.Ю. Лутохиным, майором копейной шквандроны Г.И. Веревкиным, стольником Н.Н. Дуровым, ротмистром дворянской роты В.Е. Сибилевым (датирован 1 июня). Два из последних сеунчей Неплюева опубликованы: *Устрялов Н.Г. История...* Т. 1. С. 374–376.

⁴⁷РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 322–331 (копии). Получены в Москве 13 июня. Посланы с генеральным хорунжим И. Ломиковским, знатными войсковыми товарищами К. Мокиевским, И. Лисицей, А. Туранским. В разрядную книгу сеунчи Мазепы записаны не были.

⁴⁸*Савелов Л.М.* Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687 и 1689 годов // *Известия Таврической ученой архивной комиссии* (год двадцать первый). № 40. Симферополь, 1907. С. 18–20. Еще один текст см.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 214–217.

⁴⁹РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 721. Л. 160–164 (образцовая грамота М.Б. Шереметеву); Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 395–396 (отписка Голицына С.П. Неплюеву в Севск).

⁵⁰Листи Івана Мазепи. Т. 1. 1687–1691 / упор. та авт. передм. В. Станіславський. Київ, 2002. С. 331–336.

⁵¹РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 200–206 (тайнопись), 207–212 (та же отписка на русском, дублирующая тайнопись).

⁵²См. подробнее: *Попов А.Н.* Дипломатическая тайнопись времен царя Алексея Михайловича // *Записки Императорского археологического общества*. Т. 5. СПб., 1853. С. 156–162.

⁵³«А с тою нашею холопей ваших вышепомянутою службою и з сеунчем послать к вам, великим государем, нельзя для крымских орд, а как помощью Божию свободной путь будет, и мы холопи ваши к вам, великим государем, писать станем и з сеунчем пришлем».

⁵⁴РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 212.

⁵⁵Там же. Л. 325.

ким образом, были высланы только 1 июня, из лагеря на р. Белозерке, когда татарские загоны отстали от войска и проезд стал относительно безопасен. Об этом свидетельствуют идентичные подписи на оригиналах всех четырех голицынских сеунчей: «дан из обозу с речки Белозерки июня в 1 день»⁵⁶.

На основе полученных сеунчей (их содержание проанализировано в главе 4) в Разряде 14 июня была составлена официальная запись о сражениях с крымцами в мае 1689 г.⁵⁷ Она в свою очередь послужила основой для рассылки грамот церковным и светским властям. 15 июня датирована царская грамота в Троице-Сергиеву лавру архимандриту Викентию и келарю старцу Прохору⁵⁸; 16 июня — в Саввино-Сторожевский монастырь настоятелю Селиверсту Черницкому, келарю Михаилу Макаревскому и казначею Геронтию Савицкому «с братиею»⁵⁹; 18 июня — царские послания воеводам в города⁶⁰ и церковным иерархам⁶¹. Наконец, составленное на основе сеунчей описание второго похода послужило источником для написания официальной похвальной грамоты В.В. Голицыну от 19 июня⁶².

Венцом мероприятий по прославлению второго Крымского похода стал торжественный молебен, состоявшийся 23 июля в Новодевичьем монастыре перед чудотворной иконой Богородицы Смоленской. В ходе богослужения Господа и Богородицу благодарили за одержанную русским воинством победу. На церемонии присутствовали «бояре и воеводы, ближней боярин... Василей Васильевич Голицын с товарищи, всех розрядов и полков, и бояр, и воевод ратные люди». После молебна царевна жаловала бояр и воевод винами, а «ротмистров, и столников, и поруччиков, и хорунжих, и иных московских чинов людей, которые в том монастыре были» — водкой⁶³.

Распространение и презентация официального нарратива о Крымских походах всесторонне раскрывает ту модель взаимодействия власти и общества Московского царства, которая существовала накануне Петровских реформ и складывалась не одно десятилетие. Его содержание основывалось исключительно на одном источнике — текстах, которые формировались в недрах Разрядного шатра Большого полка и затем становились основой тех сообщений, которые распространялись через все имевшиеся под контролем власти каналы коммуникации: Церковь, органы воеводского управления, публичные оглашения указов служилым людям в Кремле и др. Безусловно, русское правительство ставило перед собой задачу внедрения этого нарратива и в западное общественное мнение. Здесь, по понятным причинам, использовались иные методы и другие каналы коммуникации.

⁵⁶РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 218 об., 221 об., 225 об., 227 об. О том же пишет П. Гордон. См.: *Гордон П. Дневник, 1684–1689*. С. 197.

⁵⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 518 об. — 523.

⁵⁸Там же. Л. 523 об. — 527.

⁵⁹РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 243–254.

⁶⁰РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 143. Л. 527 об. — 530 об.

⁶¹Там же. Л. 531–535. Грамоты посланы митрополитам: новгородскому Корнилию, псковскому и изборскому Маркеллу, ростовскому и ярославскому Ионе, рязанскому и муромскому Авраамию, белгородскому и обоянскому Авраамию, суздальскому и юрьевскому Илариону, нижегородскому и алаторскому Павлу; архиепископам: вологодскому и белозерскому Гавриилу, тверскому и кашинскому Сергию, коломенскому и каширскому Никите; к епископу Митрофану Воронежскому.

⁶²ПСЗ. Т. 2. С. 19–21.

⁶³Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 466–467.

Посольский приказ и распространение информации о Крымских походах за границей

С начала лета 1687 г. сообщения о первом Крымском походе, присланные из Москвы в европейские газеты, представляют собой своеобразную хронику боевых действий русских войск. Они подробно рассмотрены в работе А.П. Богданова⁶⁴. О практике посылки российских новостей за рубеж писали иностранные дипломаты. Так, в донесении шведского посланника Христофора Кохена от 23 сентября 1687 г. ливонскому генерал-губернатору сообщалось, что «здесь озабочены изданием за границей, на немецком и голландском языках, хвалебного описания похода, в котором будут изложены подробно причины безуспешного возвращения многочисленного царского войска»⁶⁵.

Действительно, вскоре, при деятельном участии Посольского приказа и, по всей вероятности, лично В.В. Голицына, голландским резидентом в Москве Иоганном ван Келлером был подготовлен обнаруженный и опубликованный А.П. Богдановым текст под названием «Истинное и верное сказание о бывшем походе великих государей, их царского величества войск на крымских татар нынешнего 1687-го года». Достаточно краткий текст был адресован западноевропейским дворам и имел задачу донести до них несколько важных для Москвы тезисов. Во-первых, подчеркнуть весомость и равноправное участие России в антиосманской коалиции несмотря на наличие юридически обязывающего соглашения только с Речью Посполитой. Вопреки последнему факту, в сказании подчеркивалось, что великие государи «изволили... оборонительной и наступательной союз и соединение с цесарским величеством и королевским величеством польским и речью посполитую венецкою сотворити таким договором: да каждый от сих вышепомянутых союзников великих на страны и земли турецкого салтана и хана крымского как кому удобно с оружиими своими морем и сушею наступит». Отмечалось обязательство каждого союзника не заключать с султаном сепаратного мира. Сама война обосновывалась как борьба «противо мучительные власти Оттоманские порты, кои с татары крымскими в неколико сот лет пришедших несказанныя страшныя христианским различным странам учинили разорение и запустошение».

Во-вторых, вопреки полной неудаче первого Крымского похода следовало показать, что военные усилия в текущем году были значительными и принесли союзникам немалую пользу. С этой целью в сказании подчеркивалась мощь выступившей на завоевание Крыма русской армии (о переговорах с Селим-Гиреем и планах Москвы политического подчинения ханства, естественно, умалчивалось) и слабость хана, который, не дав боя, укрылся со своим войском за Перекопом и не смог в текущем году оказывать помощь султану походами в польские и венгерские земли (отчасти это было действительно так). В «сказании» старательно выстраивалась линия о тесной взаимосвязи военных действий России с действиями и успехами союзников. «Турок» без татарской помощи якобы теперь не мог «не токмо над христианы под градом и в поле какие прибыточные поиски себе обрести», но и выставить достаточную армию, чтобы остановить «щасливое шествие победительных христианских оружей в Венгерской земле и в Мореи». В связи с этим создаваемый нарратив все же требовал хоть каких-то военных побед. За таковую был выдан максимально рас-

⁶⁴ Богданов А.П. От летописания к исследованию. Русские историки последней четверти XVII в. М., 1995. С. 391–399. См. также: Богданов А.П. Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 38–39.

⁶⁵ Висковатов К.А. Москва в 1687–1688 гг. // Русская старина. 1878. № 9. С. 122.

пльвчато описанный один из боев, по-видимому — на Овечьих Водах (сам топоним также не упоминался), в ходе которого якобы «побито» несколько тысяч татар и ту-рок и взято 70 пленных.

Наконец, в-третьих, европейским политикам необходимо было объяснить неудачу похода. Здесь на первый план выходили два фактора: «нестерпимые» степные пожары, сделавшие невозможным дальнейшее продвижение войск, и «измена» гетмана «Самойлова», организовавшего эти пожары по сговору с крымцами. Именно поэтому сюжету о свержении Самойловича и избрании Мазепы было отведено в «сказании» немало места. Трактат завершался торжественным обещанием великих государей и впредь «оружия своя на помянутые неприятели общаго христианства употреблять» до тех пор, пока они не пойдут на мирные переговоры со всеми союзниками⁶⁶.

Важна и еще одна деталь. В «сказании» декларировалось, что цель похода русской армии — «за Божиим всеилным споможением в самой Крым, которая страна в древних историях Таурикою Херсонскою нарицалась, вступить». А.П. Богданов справедливо соотносит это с известиями европейских курантов, доставленных в Москву, что Россия намеревалась якобы «весь Крым разорить и землю крымскую рускими казаками и верными татарами поселить... И чаем помощью Божию, что хан крымский скоро писатися учнет подданным царским». В царской грамоте валашскому воеводе Шербану Кантакузину в 1688 г. прямо подчеркивалось, что цари организуют новый поход на «Крымский юрт», чтобы «при помощи Божии те их бусурманския жилища юрты разорить» и «бусурманское гнездо... искоренить»⁶⁷. Подобные декларации, обращенные за границу, резко контрастировали с весьма невнятными в плане представления целей похода царскими манифестами, изданными внутри страны. С одной стороны, они должны были подчеркнуть для заграничных партнеров готовность России деятельно и активно исполнять взятые на себя обязательства по нейтрализации Крымского ханства, а с другой — отчасти прикрывали истинные планы Голицына, рассчитывавшего «покорить» крымского хана не столько силой оружия, сколько путем переговоров.

Тексты «Сказания» были переведены на латынь, немецкий и французский языки, отпечатаны в Амстердаме и розданы находившимся в Голландии резидентам и послам Австрии, Швеции, Испании, Франции, Англии, Дании, Польши и Венеции «и тем случаем разосланы во всю Европу»⁶⁸. В целом тон и идеология «сказания» схожи с официальной разрядной записью. Донесение информации о военных предприятиях России (в целом неудачных) до европейских дворов через посредство Келлера, как, видимо, полагали в Посольском приказе, должно было вызвать к ней больше доверия. Подобная беспрецедентная, обращенная на Запад информационная кампания подчеркивала то значение, которое со вступлением в Священную лигу придавали в Москве не только дипломатическим отношениям с европейскими державами, но и тому *мнению*, которое складывалось о действиях и поступках России при дворах западных владетелей.

⁶⁶ Богданов А.П. «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского Средневековья. Сборник статей. М., 1982. С. 57–89.

⁶⁷ Богданов А.П. Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 39; *Его же*. «Истинное и верное сказание»... С. 65, 76; ПСЗ. Т. 2. С. 960.

⁶⁸ Богданов А.П. «Истинное и верное сказание»... С. 58–60.

С этой точки зрения важное место В.В. Голицын отводил переписке с императорским секретарем и переводчиком Адамом Стиллой, много лет (с 1684 г.) служившим при цесарском дворе⁶⁹, переводы писем которого почта неоднократно приносила в лагерь Большого полка. В одном из писем, высланных с берегов Карачекрака 4 мая 1689 г., главнокомандующий специально акцентировал внимание замещавшего его в приказе сына Алексея на необходимости написать Стилле, «что обретаемся в ближних местех от Крыму, а какое благословение Божие будет христианскому оружию, о том явно всему свету будет». Канцлер выражал недовольство слухами о сепаратных турецко-австрийских мирных переговорах: «а цесарскому величеству, не обослався с царским величеством миритца непристойно, потому что к союзу обязательство у всех обще». Тем не менее Стилле следовало поблагодарить за регулярную корреспонденцию с просьбой продолжать ее впредь. О продвижении русского войска А.В. Голицыну следовало проинформировать и литовского гетмана К.Я. Сапегу⁷⁰. Переписка Голицына с А. Стиллой имела для главнокомандующего особо важное значение, поскольку его письма к секретарю, несомненно, распространялись последним по официальным и неофициальным каналам в рамках общего регулярного обновления новостной политической повестки европейских дворов. Это давало возможность Голицыну пытаться влиять на нее, хотя степень этого влияния оценить сложно.

О том, что русская кампания по информированию заграницы о Крымских походах в нужном для Москвы свете приносила определенные плоды в виде утверждения в европейском новостном поле элементов российского официального нарратива, свидетельствует реляция о втором Крымском походе побывавшего в России в 1688–1689 гг. бранденбургского дипломата Иоганна Рейера. Он, по мнению публикатора и исследователя реляции К. Квятковского, отразил в ней основное содержание российского пропагандистского нарратива, не подвергнув его какой-либо критике. Сама реляция действительно отражает официальные разрядные записи и дает мало нового для истории событий экспедиции на Перекоп в 1689 г.⁷¹

Идеологические кампании времен Азовских походов: старое и новое в правительственной пропаганде

С началом третьего — османского периода войны, ознаменовавшегося резкой активизацией со стороны России боевых действий, голицынский нарратив с объяснением целей и задач противостояния с Турцией и Крымом стал актуальным, хотя прямую связь с ним петровское правительство по понятным причинам старалось не афишировать. В официальном царском указе о походе на Азов 1695 г., как во времена подготовки первого Крымского похода, вновь говорилось о мести крымскому хану за «неправды» и кровопролитие, а также о необходимости освободить из плена православных христиан (их местожительство и национальная принадлежность не уточнялись)⁷².

⁶⁹Шире о контактах русского двора и А. Стиллы, информировавшего русское правительство о политических новостях и ранее, и после 1689 г., см.: *Сквайрс Е.Р.* «Неофициальные» тексты официально-делового письма в диалоге Москвы и Вены в XVII в. // Актуальные проблемы лингвистики / под ред. Э.Ф. Володарской. М., 2006. С. 205–220.

⁷⁰РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 161–162.

⁷¹См.: *Kwiatkowski K.* Informowanie o wyprawie wojennej w końcu XVII w. — przypadek Johanna Reyera i kampanii krymskiej 1689 r. // *Klio — Czasopismo Poświęcone Dziejom Polski i Powszechnym.* 2021. Т. 59. № 3. S. 81–114.

⁷²РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1406. Л. 357.

С 1695 г. положение дел с публичным распространением известий о войне внутри России начинает меняться. Речь идет не столько об идеологических моментах, сколько о фактических сведениях (в первую очередь, победах). Хотя каких-либо указов по этому вопросу найти не удалось, о новшествах можно сделать вывод благодаря тому, что приходившие в Москву через почту официальные письма с описанием хода осады Азова начинают распространяться в рукописных сборниках. Только в «Дневных записках» И.А. Желябужского процитировано или пересказано более десятка таких посланий⁷³. Систематически эти письма еще не изучались. Однако по имеющимся публикациям можно сделать вывод, что их копирование было делом обычным⁷⁴.

В рукописные сборники попадали не только письма азовской почты. Переводы публикаций, присланных по почте из европейских стран, тоже каким-то образом «покидали» Посольский приказ. Так в «Сказание о взятии города Азова» приведена статья из Венеции от 20 августа 1695 г. В ней рассказывается о том, что туркам пришлось посылать корабли на Черное море для борьбы с казаками⁷⁵. В дневнике Желябужского видим статью из Вены от 5 сентября 1696 г.⁷⁶

В книжную традицию попали сделанные для курантов переводы описаний решающего сражения Великой турецкой войны — битвы при Зенте, состоявшейся 11 сентября 1697 г.⁷⁷ Австрийская армия под предводительством принца Евгения Савойского наголову разгромила войска султана. После этого удара Турция так и не смогла оправиться. Исследованием этого текста плодотворно занимался Д.К. Уо⁷⁸, опубликовавший тексты о битве⁷⁹, а также Б.Н. Морозов, работавший с копией курантов из архива торговых крестьян Шангиных⁸⁰.

Оказалось, что источником для книжных описаний сражения при Зенте стала сводка предназначенных для царя и бояр курантов от 12 октября 1697 г.⁸¹ Материал с незначительными изменениями воспроизведен в рукописном сборнике из собрания М.П. Погодина рубежа XVII–XVIII вв.⁸² Судя по составу, его владелец входил в число служилых людей петровского времени. Можно с уверенностью утверждать,

⁷³ Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 281–296.

⁷⁴ Сказание о взятии города Азова // Древняя российская вивлиофика. Ч. 16. М., 1791. С. 252 и др.; Уо Д.К. История одной книги. СПб., 2003. С. 271; Базарова Т.А. «Пришла почта ис-под Азова...»: письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. Ч. I. С. 1–22. URL: <http://www.milhist.info/2019/07/18/bazarova/> (Дата обращения: 08.10.2022).

⁷⁵ Сказание о взятии города Азова... С. 255.

⁷⁶ Желябужский И.А. Дневные записки. С. 296.

⁷⁷ Шамин С.М. Описания битвы при Зенте: от курантов к рукописным сборникам // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019. С. 539–545.

⁷⁸ Waugh D.C. News Sensations from the Front: Reportage in Late Muscovy concerning the Ottoman Wars // Rude and Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey. Bloomington, 2008. P. 491–506.

⁷⁹ Уо Д.К. История одной книги... С. 300–302.

⁸⁰ Морозов Б.Н. Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. 1980. № 2. С. 57–61; РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Ч. 1. Д. 369. Л. 52 об. — 56.

⁸¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Л. 516–557.

⁸² ОР РНБ. Погод. 1561. XVIII в. Л. 122–130.

что копии со сводки курантов от 12 октября 1697 г. делались в Посольском приказе более одного раза. Это подтверждает иной, но основанный на той же сводке курантов вариант описания сражения под Зентой, который оказался востребован в среде торговых крестьян и духовенства. Об этом свидетельствуют переписанные на столбцах куранты Шангиных, исследованные Морозовым. Другой список данного сочинения отмечен Уо⁸³ в составе Соловецкого собрания РНБ⁸⁴.

Список связанных с войной «почтовых» материалов, попадавших в широкий доступ, можно продолжить. Это заставляет предположить, что их распространением занимался руководивший почтой думный дьяк А.А. Виниус. Разумеется, он не мог делать это без ведома царя. Достоверно известно, что именно московский почтмейстер снабжал новостями о войне иноземных контрагентов. Поздравляя Петра в 1696 г. со взятием Азова, Виниус прямо отметил, что «без указа» государя направит сообщение о победе через Витсена к статхаудеру Нидерландов Вильгельму III Оранскому, а также в Вену и Кенигсберг⁸⁵. Помещенный в куранты среди материалов немецкой прессы перевод статьи о сдаче Лютика прямо в тексте обозначен как «Выпись из граматки канцлера Вениа августа в 21 день»⁸⁶. Вряд ли можно сомневаться в том, что под «канцлером Вением» подразумевается именно Виниус.

Следует отметить, что до Москвы доносились также вести о реакции на азовские триумфы при цесарском дворе, которые должны были доставить удовлетворение и Виниусу, и русскому правительству. По словам прибывшего в Москву в конце 1696 г. белградского митрополита Стефана, когда в Вене получили «ведомость о взятии Азова», то и в столице, «и во всяких цесарских городех был великой триумф и стрельба пущенная (пушечная. — *Авт.*)». Победой якобы радовался и сам император Леопольд I, благодарный Петру I, «что тем с его царского величества стороны учинилась ему цесарю помочь великая»⁸⁷.

Торговавший в Москве флорентийский купец Франческо Гваскони с 1696 г. посылал новости в Венецию. Исследовавшая эти материалы Н.Б. Карданова отмечала, что, хотя Гваскони имел дело с несколькими близкими к царю людьми — Ф. Лефортом, П. Гордоном и А. Виниусом, во время Азовского похода в столице из них оставался только московский почтмейстер⁸⁸. Так что и здесь источником новостей был Виниус. Кроме того, среди хранившихся у думного дьяка рукописей отмечена «Книга писменная, цесарского языка, с Москвы в Галандию и в Англию о всяких ведомостях»⁸⁹. Очевидно, что это копия книга с сообщениями, которые почтмейстер направлял за рубеж. Вероятнее всего, Виниус завел эту книгу, чтобы его не обвинили в рассылке новостей, к которым он отношения не имел.

⁸³ Уо Д.К. История одной книги... С. 301–302.

⁸⁴ ОР РНБ. Солов. собр., № 862/972. Л. 80–80 об.

⁸⁵ ПБПВ. Т. 1. СПб., 1887. С. 599.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Д. 12. Ч. 1. Л. 399–400.

⁸⁷ *Дмитријевић С.* Прилози расправи «Одношаји пећских патријараха с Русијом у XVII. веку» у Гласу LVIII. и LX. // Српска краљевска академија. Споменик. XXXVIII. Други разред. 34. Београд, 1900. С. 78. Благодарим за указание на данную публикацию М.В. Нечитайлова.

⁸⁸ *Карданова Н.Б.* Письма флорентийского купца Франческо Гваскони из Москвы от 25 июня и 17 июля 1696 г. и неизвестный русский оригинал // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2014. № 1. С. 290–311.

⁸⁹ *Юркин И.Н.* «От первопрестольного града Москвы...»: А.А. Виниус в Москве и Подмоскowie. М., 2009. С. 109.

Обращает на себя внимание тот факт, что, хотя первой крупной победой российской армии было взятие в 1695 г. Казы-Кермена, который мало чем уступал Азову, панегирические тексты о военных успехах начали распространяться из Москвы по Европе именно в 1696 г. Если быть более точным, победа 1695 г. все же имела определенный резонанс — на нее откликнулись украинские авторы. По горячим следам были написаны несколько поэм, восхвалявших героев боевых действий: «Прогностик счастливый» (в честь миргородского полковника Данилы Апостола) и «Слава героических дел... Бориса Петровича Шереметьева...». Произведения дополнялись богатым иллюстративным рядом гравюр, созданным крупными специалистами того времени. «Прогностик...» был украшен композицией Ивана Щирского, а поэма Петра Терлецкого «Слава героических дел...» получила несколько барочных офортов с использованием многочисленных образов античной мифологии, созданных Леонтием Тарасевичем в Чернигове⁹⁰. Одна из этих гравюр — «Обретение крепостей» — размещена на обложке данной книги.

Остановимся подробнее на произведении Терлецкого, напечатанном в виде брошюры. Текст написан в барочном стиле. Автор подражал популярным в то время в Европе элогиумам. Эта элитарная форма панегирической литературы была построена на «плетении» дополняющих друг друга «идей». Кроме того, элогиумы наполнялись цепочками аллегорий. К примеру, выступление Шереметева в поход описывалось словами «в день святого Константина он начал работу на Марсовой жатве». Из-за столь сложной структуры элогиум оставался литературной формой, крайне сложной как для написания, так и для понимания. Тем не менее читатель узнавал, что Шереметев — новый Александр Македонский, воинственный Марс, бесстрашный герой, прославленный во множестве битв. Он подобен великому Константину, а также Цезарю, Ахиллесу, Гектору, Геркулесу и другим славным героям античности. Читателю сообщалось, что полководец покрыл вечной печалью Фракию. Рискнем предположить, что под Фракией подразумевалась Турция или Крым. Панегирист утверждал, что потоптанные нечистым Батыем киевские горы радуются победе Шереметева над батыевыми наследниками и, вместе с музами и Орфеем, возносят радость победы к небесным сферам. Хвалебную песню возносит крылатый пегас, а сирены среди тритонов воспевают каноны на сладкозвучных сурнах. Все эти действия были отражены на гравюре. Еще одна гравюра изображает ковку меча для Шереметева (см. цв. вклейку, рис. 1, 17)⁹¹. Как видим, Шереметева прославляли в рамках традиции западной панегирической литературы. Однако в итоге прославление взятия Казы-Кермена все же осталось внутренней, в первую очередь украинской историей.

Вскоре после падения Азова в Варшаву из Москвы приехал некий француз, который привез «письмо» на немецком языке с описанием побед и доблести Петра. Воевода русский Марек Матчинский предположил, что французам дали в Москве за это большой подарок. Об этих событиях находящийся в Варшаве российский резидент А.В. Никитин сообщал в Москву в письме от 7 (17) августа 1696 г.⁹² По поводу победы Никитин устроил молебен и салют из всего имевшегося в доме оружия, а также выкатил пять бочек вина, которое велел подносить всем желающим⁹³.

⁹⁰ Степовик Д.В. Леонтії Тарасевич і українське мистецтво барокко. Київ, 1986. С. 156–163.

⁹¹ Селищев А.М. Слава Б.П. Шеремете. Польский панегирик XVII века // Русский библиофил, 1915. Кн. 5. С. 83–103.

⁹² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 123–132.

⁹³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 156 об. — 168 об., 183 об. — 184.

Вскоре в Европе появились первые панегирические отклики на победу с похвалами Петру. Среди наиболее ранних иноземных панегириков назовем вышедшее на итальянском языке в Фаэнце сочинение К.А. Синибальди (Sinibaldi Carlo Andrea)⁹⁴. Синибальди являлся кавалером одного из старейших в Европе рыцарских орденов, ордена Сантьяго, который на протяжении столетий вел войну с мусульманами. Однако одновременно он был и главой академии Фаэнцы (Filoroni Academy in Faenza)⁹⁵. Стихи были написаны вскоре после того, как в Фаэнце узнали о победе русской армии. Тетрадку с виршами он отправил по почте русскому послу в Вене К.Н. Нефимонову, который, получив ее 25 сентября (5 октября) 1696 г., через два дня переслал ее в Посольский приказ. Петр I познакомился с этим текстом 13 (23) ноября 1696 г.⁹⁶

Широко использовались традиционные способы прославления азовской победы. Так, по сообщению И.А. Желябужского, 31 июля 1696 г. письмо с новостью о взятии Азова, адресованное патриарху, зачитал перед ним в соборе думный дяк Е.И. Украинцев. Кроме духовенства при этом присутствовали «бояре, и все палатные люди, и всяких чинов люди»⁹⁷. Очевидно, что письмо пришло вместе с очередной почтой из Азова к Виниусу, и тот передал его начальству. Дворцовые разрядные записи уточняют, что во время чтения описания победных боевых действий присутствовали «бояре, и околничие, и думные, и московских чинов, и приказные, и земские и всяких чинов люди множество». Во время благодарственной службы звонили в колокола на Иване Великом. После этого описание победы было отправлено в другие города «ко архиереям, и к воеводам, и к приказным людям» для того, чтобы там отслужили соответствующие молебны⁹⁸. 15 августа рассылку описания победы повторили через Разрядный приказ. Власти настаивали на самом широком освещении данного события. К примеру, в грамоте к воеводе во Владимир предписывалось, чтобы он «в Володимере и в уезды послал в монастыри к архимандритом, и к игуменом, и во все церкви к протопопом, и к священником, чтоб они были в Володимер в соборную церковь, также и володимерским помещиком и вотчинником, московским и иных всяких чинов людям, и володимерцом дворяном и детем боярским, и земскому старосте с посацкими людьми всех чинов градским жителям велел быть в соборную ж церковь»⁹⁹. Когда же все перечисленные люди будут собраны в церкви, им полагалось зачесть вслух описание победы, а потом отслужить молебен. Включенный в разрядные документы перечень населенных мест, куда отправляли аналогичные грамоты, одно-

⁹⁴ Сведения о данном стихотворении введены в научный оборот Н.И. и С.И. Николаевыми. См.: Николаев Н.И., Николаев С.И. Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского дома (Сб. науч. тр.). Л., 1985. С. 256–257. Оригинал выявлен В.Г. Ченцовой: Sinibaldi, Carlo Andrea *Lo scitico Poliorcete nella espugnazione a forza d'armi della importante piazza d'Assac sul Mar Nero fatta da tre' potenti eserciti del gran duca di Moscouia, e da guerrieri, & Archimedi cesarei contro la potenza ottomana. Ode pindarica del caualiere don Carlo Andrea Sinibaldi dell'ordine di s. Iago, patrizio faentino* In Faenza: per Giuseppe Maranti stamp. episc., 1696.

⁹⁵ Testa S. *Italian Academies and their Networks, 1525–1700 // From Local to Global. Italian and Italian American studies*. Basingstoke, 2015. P. 153.

⁹⁶ ПДС. Т. 7. СПб., 1864. Стб. 1202–1204; ПДС. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 298–299.

⁹⁷ Желябужский И.А. Дневные записки. С. 292.

⁹⁸ Дворцовые разряды... Т. 4. Стб. 965–967.

⁹⁹ Там же. Стб. 970–974.

значно свидетельствует о том, что информация об осаде и взятии Азова проникла во все уголки России¹⁰⁰.

Однако традиционные способы прославления царских побед не удовлетворяли Петра. Вскоре после взятия Азова появилась идея устроить небывалое зрелище — триумф для взявших город войск. Судя по всему, она озвучивалась и в осадном лагере сразу после падения крепости. Об этом говорит послание неизвестного автора из Азова, которое было отправлено сразу после захвата города, опубликовано в какой-то из немецких газет, а потом вернулось в Москву. Его перевод включили в сводку курантов от 11 ноября. Статья начиналась словами «Победа! Победа! Победа!». Далее шли четыре строчки стихов, а ниже — известие о результатах боев. Для нашей темы интересно ее окончание: «И все пречестное собрание выхваляло зело чрезвычайное великодушное дерзновение сего храброго Гектора (речь идет о царе. — *Авт.*) и намерило единогласно к бессмертной чести его триумфальную дугу восставить, которую пречестный в предбудущей почте узрит»¹⁰¹. Данная фраза говорит о том, что автор текста находился на некоем «собрании» после взятия Азова, где и было принято решение о постройке триумфальной арки. Скорее всего, автором идеи был кто-то из «немецкого» окружения царя.

20 августа 1696 г. по пути из-под Азова Петр I написал Винуису о необходимости устроить войскам триумфальный въезд в столицу по европейскому образцу¹⁰². Впрочем, первенство в этом триумфе должно было принадлежать не царю, а полководцам — адмиралу Ф.Я. Лефорту и воеводе А.С. Шеину. Триумфальная арка была возведена за Большим каменным мостом через Москву-реку¹⁰³. 30 сентября Винуис, стоя на ней, зачитывал краткое стихотворное приветствие каждому из двух полководцев¹⁰⁴.

7 ноября, чуть больше месяца спустя после триумфального возвращения армии в Москву, к прославлению царя подключилось дипломатическое ведомство. Посольский приказ приготовил и отправил А. Никитину в Варшаву специальную записку о победе под Азовом и связанных с этим событием празднованиях. Данную

¹⁰⁰ Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 979–980.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Д. 12. Л. 450–459.

¹⁰² *Богословский М.М.* Петр Великий. Материалы для биографии. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 года — 9 марта 1697 года / отв. ред. С.О. Шмидт, подгот. текста А.В. Мельникова. М., 2005. С. 338–339.

¹⁰³ О ее украшении см.: *Григорьян К.Н.* Об одной из последних работ Богдана Салтанова // ТОДРЛ. Т. 24. Л., 1969. С. 305–308.

¹⁰⁴ Панегирическая литература петровского времени / подгот. В.П. Гребенюка, О.А. Державиной. М., 1979. С. 13. Следует уточнить, что сообщения о личном зачитывании Винуисом виршей требуют проверки. Ф.О. Туманский утверждает, что текст зачитывал подьячий Посольского приказа И. Герасимов: «и с тех ворот сверху из-за знамен стоя в скрытном месте Преображенской съезжей избы подьячий, которой был в Посольском приказе, Иван Герасимов чрез великую трубу его боярина по письму поздравлял, а труба была жестяная немного сажени не в полторы и через которой конец он боярину поздравление говорил, гораздо странно будет с лишком в вершок, а в другом конце в роstrуб будет в аршин с лишком. А как он Иван ево боярина поздравлял, и та ево речь всему народу была слышна и явна будто гром гремел». О Лефорте: «И ему через туж трубу было також поздравление... а как чрез ту трубу им боярину и адмиралу говорено, и в то время чрез туж трубу он Иван сперва крычал, чтоб молчали, и как народ умолкнул, в то время поздравление говорил». См.: *Туманский Ф.О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 5. СПб., 1787. С. 40–41.

информацию следовало донести до сенаторов, а также царского и венецианского посла. До нашего времени сохранился сильно попорченный черновик этого листа. С точки зрения описания триумфа самое интересное в нем то, что приветственные слова, оказывается, говорились не только Лефорту и Шеину, но и другим военачальникам¹⁰⁵. Так, сообщение о московском триумфе распространялось по официальным каналам в Польше.

Ближе к середине ноября в Москву стали приходить опубликованные в европейских изданиях поздравления с победой и описания триумфа. Любопытно, что в них большое внимание уделяется казни бежавшего в 1695 г. в Азов к туркам Якова Янсена. 18 ноября государю зачитывали куранты с известием о том, что «немецкого пушкря Якушку» казнят, как Степана Разина¹⁰⁶. 7 декабря 1696 г. Петр слушал две сводки курантов с сообщениями о том, что в Москве состоялся триумф, а привезенного Якушку «зело на высокой телеге с виселицею» казнят¹⁰⁷. 16 декабря государь вновь слушал обширное, объемом почти в 3 тыс. знаков современного набора, сообщение о триумфе и казни Якушки¹⁰⁸. Власти предпринимали серьезные пропагандистские усилия для того, чтобы показать — неудачное окончание осады 1695 г. стало результатом предательства, а не ошибок командования.

В 1697 г. тема триумфа оставалась для московских властей актуальной. Сразу после Нового года Никитин отчитался, что рассказывал о победе под Азовом и триумфе польским сенаторам¹⁰⁹. Кроме того, русский посол добился того, что сообщение о триумфе появилось в одной из местных рукописных газет. Текст публикации был прислан в российскую столицу 15 января 1697 г.¹¹⁰ До православных центров Речи Посполитой известие о победе русского воинства под Азовом дошло без помощи резидента. В частности, монахи виленского Свято-Духовского монастыря во главе с виленским старшим П. Пашкевичем-Толоконским, отправляя в Россию миссию с жалобами на гонения от католиков и униатов и просьбами о помощи, в письме на царское имя (от 6 января 1697 г.) поздравляли Петра I с «преславной победой», желая, чтобы царь («камень веры») «христо ненависнаго зловернаго бисурманскаго ... беснующагося Голиафа, до конца победил, обезглавил» и освободил «крепкою своею и побидоносною десницею православных христиан, в лютой работи агаранской стеньящих, плачущих и ридяющих». Называя Петра «новым Моисеем» и пресветлейшим «нашим» монархом, виленские монахи призывали его: «да потопиши измаилтянов и высокоумнаго их фараона (султана. — *Авт.*) во мори богомерзкой его крови, избавляюще лютой работы род избранный христианский»¹¹¹.

В Москве чествования Петра в 1697 г. также продолжались. Братья Лихуды, учителя греческого языка, составили для царя по правилам риторики новую «похвалу»¹¹². Решили повторить и триумф. Сделали это в форме потехи на сырной неделе 13 февраля. За городом на пруду у села Красное поставили триумфальные во-

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 11. Л. 38–56; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 261.

¹⁰⁶ РГАДА Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Д. 12. Ч. 1. Л. 468–479.

¹⁰⁷ Там же. Л. 508–535, 544–553.

¹⁰⁸ Там же. Л. 561–575.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 281 об. – 282 об.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 11. Л. 444.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1084. Л. 1.

¹¹² Белоброва О.А. Лихуды Иоанникий и Софроний // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 302–303.

рота, а также изображения Азова и каланчей¹¹³. Об этой потехе, сопровождавшейся фейерверками и салютами, мы знаем в подробностях благодаря ее изображению на гравюре А. Шхонебека, сохранившейся в единственном экземпляре в Рейксмузееме в Амстердаме. На ней указана дата 12 февраля 1697 г. (см. цв. вклейку, рис. 16)¹¹⁴. Проблемой в датировке этой гравюры оставалось то, что Шхонебек поступил на русскую службу во время пребывания Великого посольства в Амстердаме, уже после того, как произошли описываемые события. Противоречие снимается, если обратить внимание на введенную в научный оборот еще И.П. Козловским черновую запись Виниуса, касающуюся триумфального въезда в Москву 1696 г.: «к Витцену листы триумфальных врат и с надписанием, как и где что было...»¹¹⁵. Получается, что Виниус отправлял рисунок праздника с триумфальными воротами бургомистру Амстердама Н. Витсену, а тот передавал его местному мастеру для гравировки. Упомянутого в процитированной Козловским записи изображения, к сожалению, пока не выявлено. Но источник материалов для гравюр Шхонебека очевиден.

Черета панегириков продолжилась и после отъезда Петра в Великое посольство. Теперь это уже были панегирики европейских авторов. 14 (24) апреля 1697 г. московские дипломаты прибыли в Митаву, а на следующий день канцлер герцога Курляндского устроил для послов торжественный обед, в ходе которого членам посольства презентовали печатные листы «с похвалою» на немецком, греческом и латыни¹¹⁶. Текст в форме элогиума составил Христиан Борнманн, придворный поэт курляндского герцога¹¹⁷. В нем московский монарх восхвалялся как завоеватель Азова и владыка многих земель. Царя призывали продолжить угодную Богу войну, уничтожить «фракийских лисиц» (турок), завоевать Татарию, Константинополь и стать цесарем греков. Текст был переведен сразу же после его вручения кем-то из участвовавших в посольстве переводчиков. Его также послали в Москву, где панегирик повторно перевел для курантов Иван Тяшкорский. На заседании Боярской думы он прозвучал уже 5 мая¹¹⁸.

Стихи Борнманна были высоко оценены Петром. Автора наградили 12 золотыми¹¹⁹. После этого поэт опубликовал еще одно стихотворение и подал его уже не через слуг герцога, а напрямую, от имени митавских иезуитов. Это была первая встреча царя с представителями ордена Св. Игнатия. Второй элогиум написан на латинском языке¹²⁰. Изысканная утонченность и сложная игра слов и смыслов данного произведения сыграла против него. Данное произведение не смог полностью

¹¹³ Желябужский И.А. Дневные записки. С. 301.

¹¹⁴ Изображение в большом разрешении представлено на сайте музея. См.: URL: <https://www.rijksmuseum.nl/nl/collectie/RP-P-1925-46> (Дата обращения: 08.10.2022).

¹¹⁵ Козловский И.П. Первые почты... Т. 1. Варшава, 1913. С. 198. Прим. 1.

¹¹⁶ ПДС. Т. 8. Стб. 777.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 30. Л. 1 об.— 2. Сочинение и его переводы исследованы в совместной работе с О.А. Кузнецовой и В.Г. Ченцовой. См.: Кузнецова О.А., Ченцова В.Г., Шамин С.М. Русские переводы элогиума Христиана Борнманна: Великое посольство Петра I и литература // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 111–125.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Л. 222 об.

¹¹⁹ Ф. Лефорг. Сборник материалов и документов / отв. ред. Е.Е. Лыкова, сост. Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева. М., 2006. С. 369.

¹²⁰ Памятник исследован в совместной статье с С.В. Алпатовым. См.: Алпатов С.В., Шамин С.М. Элогиум митавских иезуитов в документах Великого посольства 1697 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4. С. 96–110. Еще один экземпляр издания хранится в АВПРИ. Ф. 11. Оп. 11/2. 1697 г. Д. 2. Л. 2, 2а.

адекватно перевести на русский язык ни переводчик Великого посольства, ни Тяш-когорский (для курантов). Несмотря на проблемы перевода, русские читатели могли убедиться, что царя восхваляют как победителя турок.

Иезуиты не удовлетворились подачей печатного листа 22 апреля. При отъезде Петра из Митавы они оказались в числе провожающих посольство. Кто-то из них произнес напутственную речь на латинском языке, текст которой также был передан посольству. Петр вновь чествовался в качестве покорителя Азова и солнца, которое разгоняет турецкую тьму¹²¹. Российская сторона высоко оценила старания иезуитов. Они вновь получили награду золотыми¹²².

На земле бранденбургского курфюрста послов торжественно встречали с музыкой и песнями на немецком языке. Рукописные тексты приветственных песен сохранились от встреч в Мемеле¹²³ и Тильзите¹²⁴. Однако политики мы в них не встречаем. К примеру, пять строф песен, исполненных 13 мая в Тильзите, содержали приветствие и сообщение о том, что как для послов сияет солнцем их царь, так здесь блистает курфюрст, который очень рад гостям. Гораздо интереснее изданные стихи Георгиуса Раддеуса, капельмейстера бранденбургского курфюрста, которые вручались послам на банкете при отпуске посольства 2 июня¹²⁵. Практически все произведение немецкого поэта было посвящено теме искоренения турок и татар. Уже после отъезда дипломатов из Кенигсберга посольский переводчик Петр Вульф приобрел для Петра подробное описание их торжественной встречи¹²⁶. В том же антитурецком ключе Великое посольство продолжали чествовать и в Берлине, здесь появился новый печатный панегирик, датированный 20 июля¹²⁷.

16 августа 1697 г. Великое посольство въехало в Амстердам¹²⁸. Здесь его встречали не менее торжественно¹²⁹. Довольный государь писал об этом А.А. Виниусу: «послы вчерась принеты гораздо с честью»¹³⁰. Архивное дело, озаглавленное «Перевод с стихов на прибытие в Амстердам полномочных российских послов Лефорта с товарищи поднесенных. Тут же латинские стихи поднесенные, сочиненные Ретерсом в похвалу государю Петру I о одержанных их победах»¹³¹, содержит два сочинения. Одно из них сохранилось в переводе¹³², оно озаглавлено как «Песнь приветствительная». Адресатами были официальные руководители миссии — Лефорт, Головин и Возницын. Им сообщалось, что река Амстела, на которой стоит Амстердам, рада видеть посланцев из России. В последней строке вновь звучала триумфальная тема: «Сице триумфы Москве победительнице, да обезсмертвит Бог».

¹²¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 30. Л. 34–36 об.

¹²² Ф. Лефорт. Сборник материалов... С. 369.

¹²³ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 30. Л. 37–38 об.

¹²⁴ Там же. Л. 39–41.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 117–120 об.

¹²⁶ Там же. Л. 129–180 об.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 45. Л. 6–11.

¹²⁸ Подробнее об амстердамских публикациях см.: *Королев А.А., Шамин С.М.* Стихи в честь прибытия Великого посольства Петра I в Амстердам: литература и дипломатия // Каптеревские чтения: сб. ст. Вып. 12. М., 2014. С. 52–59.

¹²⁹ ПДС. Т. 8. Стб. 915–916.

¹³⁰ ПБПВ. Т. 1. С. 186.

¹³¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 50.

¹³² Скорее всего, с нидерландского языка.

Панегирик Петру выглядел более официально. Его опубликовали в виде отдельного листа на латыни за подписью П. Рётерса (P. Roeters), в русских документах упоминается как Ретерс или Рейтер. Последний получил награду за данную публикацию после отъезда посольства из Гааги 20 октября¹³³. Рётерса восхитила «Марсова доблесть» русского царя. Так же, как в других панегириках, были отмечены его победы над турками и взятие Азова. Однако последняя треть стихотворения посвящена «более кроткой» славе Петра, которая не меньше, чем военные свершения, «привлекает к тебе народы»¹³⁴. Можно предположить, что панегирист знал о предстоящих мирных переговорах.

В честь встречи в Утрехте 1 сентября 1697 г. бургомистра Амстердама Витсена, московского царя и короля Англии Вильгельма III Оранского печатник Франсуа Хальма опубликовал еще один панегирик. В нем восхвалялись подвиги высоких участников встречи, но ничего не сказано о ее политических перспективах¹³⁵. В Амстердаме царь лично познакомился с А. Шхонебеком, гравировавшим изображение московского «триумфального» фейерверка 12 февраля 1697 г. Под руководством мастера государь собственноручно вырезал офорт «Победа христианства над исламом»¹³⁶. На ней ангел с крестом в руке попирает ногами полумесяц и вражеские знамена¹³⁷.

Следующий панегирик Петр услышал уже в 1698 г. в Англии, где московского царя встречали «аки путешественника Фебуса». В английском сочинении прозвучало множество слов, прославляющих победы царя — «потоптателя Магомета» — над турками и татарами и распространение христианства на новых землях. Выражалась уверенность в том, что «победительный меч» московского царя будет «на востоке законы раздавати». Тем не менее значительная часть панегирика была посвящена благодетельности мира¹³⁸.

В конце зимы или самом начале весны 1698 г. кто-то из участников Великого посольства направил в Москву подборку из трех печатных панегириков. Выбор пал на оба митавских текста Борнманна и кенигсбергский Раддеуса. Почему о них вспомнили более чем полгода спустя — непонятно. Особенно если учесть, что трехязычный текст Борнманна в Москву уже один раз отправляли. Можно предположить, что кто-то из членов посольства решил подобрать для оставшегося в Москве правительства лучшие из панегириков. Выбор пал на те, где антитурецкая тема звучала особенно ярко. Бояре ознакомились с переводом 28 марта¹³⁹. Возможно, тексты должны были напомнить читателям о приближающемся лете — сезоне боевых действий. Можно также предположить, что откликом на перевод этих панегириков стали «Стихи на победу злочестиваго Мустафы, султана турскаго» жившего в России лаодикийского митрополита Парфения Небозы (датированы 12 апреля 1698 г.). В них также звучит призыв к захвату Константинополя¹⁴⁰.

¹³³ Ф. Лефорт. Сборник материалов... С. 387.

¹³⁴ Королев А.А., Шамин С.М. Стихи в честь прибытия Великого посольства... С. 58–59.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 261.

¹³⁶ Другие названия «Торжество России над мусульманами», «Победа православия над магаметанством». Курносова О.Б. Адриан Шхонебек: русский период в творчестве гравера (1697–1705) // Труды Центрального военно-морского музея. Вып. 3. СПб., 2009. С. 78.

¹³⁷ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. Том 1. СПб., 1908. С. 213.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. IX. Л. 123–124 об.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Д. 17. Ч. 1. Л. 184–202.

¹⁴⁰ Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 гг.). СПб., 1891. Примеч. к с. 361; Зиборов В.К., Яковлев В.В. Парфений Небоза // СККДР. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 15.

Еще одно панегирическое стихотворение на латинском языке опубликовал упоминавшийся выше К.А. Синибальди. Он превозносит мужество «великого князя Московии», хвалит его за предпринятое посольство, постройку флота, выражает уверенность, что все эти усилия предназначены не для того, чтобы получить «руно колхов золотое», то есть побережье Кавказа, и «чтобы город занять с дворцами Востока — Византий»¹⁴¹. Получил ли Петр этот панегирик? Ответить на этот вопрос сложно. Нельзя исключать, что стихотворение так и не было отправлено, поскольку потеряло политическую актуальность в связи с началом мирных переговоров.

По возвращению в Москву тема триумфа над турками продолжала отрабатываться, хотя не так интенсивно, как в предшествующий период. Большую роль здесь играли связанные с Россией иностранцы. Приехавший в Россию А. Шхонебек создал серию гравюр. Это «Осада Азова в 1696 году» (1699–1700 гг.), «Корабль «Гото Престинация»» (1700–1701 гг.), «Карта восточной части Азовского моря» (1701 г.)¹⁴². Сотрудничавший с русским правительством И.Ф. Копиевский опубликовал посвященный победе под Азовом панегирик в 1700 г.¹⁴³ явно с расчетом на благожелательную реакцию русского правительства.

* * *

Как видим, для изучаемой нами войны в плане ее идеологического сопровождения имелось несколько уровней циркуляции информации. Верхний уровень составляла политическая элита, принимавшая стратегические решения. Второй уровень включал служилых людей, которым приходилось воевать на полях сражений. Третий — остальные сословия.

Если для политической элиты война изначально была коалиционной, проходящей в союзе с европейскими государствами, то для служилых людей идеологическое обоснование войны было другим и со временем менялось. Изначально идеологи делали упор на войну против Крыма, обоснование причин и характера которой эволюционировали от необходимости оборонительных мер против возможного крымского нападения до организации похода на ханство в течение осени 1686 — весны 1687 г. Потом в поле их зрения попала Османская империя и ее европейские противники. При возобновлении наступательных боевых действий в 1695 г. главным врагом вновь выступили татары. Но уже в документах 1696 г. главным противником опять стали турки. Снова была поднята тема глобальной войны христианства и ислама. Все эти колебания определялись конкретной внешнеполитической конъюнктурой, тогда как для простого же народа все это время «крымская» повестка явно оставалась основной.

Следует отметить также и новшества, которые не были свойственны для войн предшествующего периода. Во-первых, практически на протяжении всего хода боевых действий о победах русской армии информировалась европейская пресса, причем русское правительство прикладывало целенаправленные и небезуспешные

¹⁴¹ Николаев Н.И., Николаев С.И. Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I... С. 258–261.

¹⁴² Курносова О.Б. Адриан Шхонебек... С. 81–84.

¹⁴³ Панегирическая литература петровского времени... С. 14–15, 43–47; Копиевский И.Ф. Gloria triumphorum & trophaeorum. Слава торжеств и знамен побед пресветлейшего и августейшего: Державнейшего и непобедимейшего великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца в кратце списана стихами поетъцкими, писа Елиас Копиевский, духовнаго чину реформацкия веры. Амстердам, 1700.

усилия для формирования позитивной оценки действий своей армии независимо от реальных успехов. Это случилось впервые в русской истории и стало ярким свидетельством вовлеченности Московского государства в антитурецкую коалицию и его постепенного вхождения в круг общеевропейских внешнеполитических контактов с интенсивным обменом новостной и дипломатической информацией. Вторых, начиная с 1695 г. официальный правительственный нарратив потерял то исключительное значение, которое он имел ранее, заполняя собой через имевшиеся коммуникационные каналы все доступное публичное пространство. Монополия рассылаемых правительством указов была нарушена. Теперь с ними конкурировала информация курантов и других неофициальных текстов о победах русского оружия, которая «утекала» из Посольского приказа и пользовалась большим вниманием подданных. Явление это было пока еще слабым, но что весьма важно — оно обозначило новую тенденцию в отношениях власти и общества, которая в период Северной войны привела к созданию первой русской газеты «Ведомости». Третье новшество обозначилось уже в самом конце войны. Потеряли былое значение торжественные церемонии отпуска бояр и воевод, а также публичного освящения назначенных для них в полки святынь, имевшие столь грандиозный характер во времена Софьи и Голицына. Поиски новых способов прославления государя привели к заимствованию западных практик военных торжеств.

Характерно, что реальные военные действия и их отражение в идеологическом пространстве для данной войны (в прочем, как и для многих других) не совпадали. К примеру, на последнем этапе войны наиболее крупные по численности войска с обеих сторон были задействованы при взятии днепровских городков в 1695 г., взятии Азова в 1696 г. и обороне днепровских городков в 1697 г. Последнюю можно признать наиболее яркой и героической страницей боевых действий. Между тем в идеологическом пространстве центральным событием стало лишь взятие Азова. Очевидно, что внимание панегиристов зависит в первую очередь от статуса персоны, возглавлявшей войска.

Данная война была одной из немногих, в ходе которых европейская пресса положительно оценивала успехи России и проявляла заметный интерес по отношению к явно периферийному театру военных действий, а западные дипломаты охотно транслировали в европейские столицы официальный российский нарратив. Огромное число панегириков, которыми (пусть и не всегда бескорыстно) встречали в европейских городах Великое посольство, не могли не способствовать формированию европейской идентичности у царя и его окружения.

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ. КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ МИР

Великое посольство

Захват Азова в 1696 г. вызвал у Петра I надежду на успешное продолжение натиска на Османскую империю и Крымское ханство с целью получения выхода в Черное море. В перспективе рассматривалась и давняя мечта московских правителей — подчинение «Крымского юрта». По возвращении в Москву монарх отдал распоряжение о подготовке посольской миссии в Западную Европу, призванной укрепить и расширить антитурецкий союз. Во время поездки планировалось посетить не только страны Священной лиги, заключение соглашения с которыми находилось на «финишной прямой» (переговоры К.Н. Нефимонова), но и нанести визит в другие государства Европы, имевшие возможность вступить в борьбу с «бусурманами». Согласно комплексу «верующих» и полномочных грамот, которые везла с собой миссия, предполагались визиты к следующим правителям: цесарю, римскому папе, английскому, датскому и французскому королям, венецианскому князю (дожу), голландским штатам и бранденбургскому курфюрсту¹. К существующей коалиции планировалось привлечь четыре новые страны: Англию, Данию, Голландию и Бранденбург. В отношении Франции рассматривалась лишь возможность нанесения визита вежливости, так как в Посольском приказе прекрасно осознавали ее союзнические отношения с Оттоманской Портой.

Как уже говорилось выше, возможно, сама идея Великого посольства зародилась в связи с необходимостью подписания союза с цесарем. Главным пунктом запланированного маршрута миссии была столица Священной Римской империи — Вена. Все документы посольства составлялись в декабре 1696 — январе 1697 г., когда переговоры о союзе еще шли. Известие о подписании 29 января Венского пакта было получено в Москве 28 февраля², когда уже поздно было отменять отправку Великого посольства. Миссия покинула Россию, намереваясь через Прибалтику, Курляндию и Бранденбург проехать в Австрию, обогнув с севера неспокойную Польшу. Осознание того, что посещение цесаря можно отложить, пришло в период пребывания во владениях бранденбургского курфюрста, то есть спустя 2–3 месяца.

Надежды российского монарха на безусловное продолжение войны с Османской империей после подписания нового наступательного договора со странами Священной лиги осуществились лишь частично. Измученные многолетним противостоянием, стороны фактически ожидали повода для начала мирных переговоров. Рубиконом стала битва при Зенте 11 сентября 1697 г., в которой австрийский полководец Евгений Савойский нанес сокрушительное поражение войску султана.

¹ Гуськов А.Г. Источники Великого посольства 1697–1698 гг.: грамоты // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского: сборник статей / отв. ред. А.С. Семенова. М., 2007. С. 208–240.

² ПДС. Т. 7. СПб., 1864. Стб. 1264.

После такого разгрома мирные инициативы Порты оставались лишь вопросом времени.

В настоящий момент сложно утверждать, насколько близка к реальности идея, заключающаяся в том, что, когда «Великое посольство 9 марта выехало из Москвы, российские дипломаты ожидали встретить понимание и содействие союзников своей миссии»³. Вызывает большие сомнения «наивность» руководителей посольства и самого монарха, будто бы веривших в «христианскую солидарность» западноевропейских государств, в прочность договоров и альтруизм правителей. Лидеры каждой из стран заботились в первую очередь об интересах собственного государства. Все участники антитурецкой коалиции в разные периоды пытались получить для себя наибольшие преференции, в том числе и с помощью отдельных переговоров, о чем писали многие исследователи. К примеру, в 1688 г. Леопольд I, сомневаясь в поляках, предложил через собственного посла в Варшаве русскому посланнику П.Б. Возницыну тайное соглашение против Речи Посполитой⁴. Россия, в свою очередь, подозревала союзников либо в намерении начать отдельные переговоры без ее ведома, либо в стремлении пожертвовать российскими интересами при заключении мира, даже в случае приглашения Москвы к обсуждению его условий. В 1690 г. И.М. Волков, сменивший в Варшаве П.Б. Возницына, писал, имея в виду прошедшие мирные консультации с турками в Вене (Россия была уведомлена о них, выслала свои мирные предложения, но результата эти встречи не принесли), что якобы послы «цесаря и польские сенаторы при переговорах с представителями султана даже не вспоминали» о российских интересах и «впредь говорити не станут»⁵. Летом 1692 г. Речь Посполитая начала переговоры с Крымом, предлагавшим посредничество в подписании мира с Турцией на условиях возвращения Каменец-Подольского и заключения польско-крымского военного союза⁶. Не стала исключением и Россия. В 1692 г. московская дипломатия предприняла попытку заключить отдельный мир, направив в Крым гонца Василия Айтемирева⁷.

Соответственно, призывая все страны объединиться против «турецкого полумесяца», Посольский приказ прибегал лишь к стандартной риторике, которую использовали при необходимости и европейские правители (римский папа, австрийский император, венецианские дожи, польский король). Реальным же аргументом на переговорах выступало предложение новых территорий, торговых привилегий, субсидий и т.п.

³ История внешней политики России: XVIII век: От Северной войны до войн России против Наполеона / отв. ред. Г.А. Санин. М., 2000. С. 25.

⁴ Бабушкина Г.К. Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. Вып. 33. М., 1950. С. 166–168; Илиева (Шварц) И. Русия и Свещената Лига: 1684–1699 // 300 години Чипровско въстание: Принос към историята на Българите през XVII в. София, 1988. С. 280.

⁵ Колегов С.С. Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII — начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 141.

⁶ Piwarski K. Sprawa pośrednictwa tatarskiego w wojnie polsko-tureckiej (1692–1693) // Studia Historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego / pod red. A. Gieysztor. Warszawa, 1958. S. 357–372.

⁷ Артамонов В.А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. Ч. 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 311–312.

В ходе поездки по Европе Петр I предпринял ряд шагов, свидетельствовавших о серьезности намерений продолжать войну с Османской империей⁸. Во-первых, он поддержал победившего на королевских выборах в Речи Посполитой сторонника продолжения войны с «бурсурманами» и лидера антифранцузской партии саксонского курфюрста Фридриха Августа I⁹. Во-вторых, на переговорах в Нидерландах в обмен на предложение разрешить голландским купцам транзитную торговлю с Персией он попросил предоставить помощь деньгами, вооружением и снаряжением для обеспечения нескольких десятков кораблей. В-третьих, им было нанято значительное количество славян, греков и итальянцев, умевших плавать по южным морям. На предназначение завербованных «капитанов, комендоров, порутчиков, шиперов, штюрманов... и матрозов» прямо указывал статейный список посольства: «Великие и полномочные послы в Амстрадаме... в его великого государя службу... приговорили и наняли на *черноморской* (курсив наш. — *Авт.*) воинской флот... с тысячу человек»¹⁰. Кроме того, в октябре 1697 г. в «шклявонскую землю» для розыска офицеров и матросов, говорящих на славянских языках, был направлен капитан Григорий Островский¹¹. Одновременно активно проводилась пропаганда борьбы «против общих неприятелей креста Святого».

На рубеже 1697–1698 гг. единство Священной лиги серьезно пошатнулось. Согласно опубликованным письмам А. Маврокордато¹² и реконструкции Гузевичей¹³, предварительные консультации о заключении мира начались еще в декабре 1697 г. между великим драгоманом («переводчиком») с османской стороны и английским послом в Порте лордом У. Пэджетом, представлявшим интересы противников Турции. Почти сразу же к ним подключились и австрийцы. Император Леопольд I, стараясь соблюсти букву Венского соглашения от 29 января (8 февраля) 1697 г., через некоторое время информировал своих союзников, включая московского царя, о начале переговоров и намерении созвать общий мирный конгресс. Однако какие-либо подробности контактов и условия выдвинутых друг другу требований тщательно скрывались.

Информация о контактах представителей цесаря и султана вызвала недовольство Петра I, ведь от трехлетнего наступательного договора прошла только треть

⁸ Вопреки ангажированному мнению В.Е. Возгрин, полагавшему, что уже с начала поездки царь занимался организацией антишведского союза: *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 66–69.

⁹ О позиции России и королевских выборах в Польше в 1697 г. подробнее см.: *Burdowicz-Nowicki J. Piotr I, August II i Rzeczpospolita. 1697–1706.* Kraków, 2010. S. 32–113.

¹⁰ ПДС. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 1180–1181.

¹¹ *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 2 / под ред. В.И. Лебедева. М., 1941. С. 217–219. Его целью являлся поиск сведений о национальном и численном составе местного населения, о наличии среди него моряков в разных чинах, о возможности их найма. Отдельной проблемой стояло выяснение доступности понимания «славянского языка» русскими людьми. Далее предписывалось ехать в Венецию, где требовалось производить аналогичный поиск. Сохранившийся статейный список свидетельствует об особом интересе Г. Островского к морякам, знавшим Черное море (РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. Оп. 1. 1697 г. Д. 71).

¹² *Cernovodeanu P., Caratafu M.* Correspondance diplomatique d’Alexandre Mavrocordato l’Exarite: 1676–1703 // *Revue des études sud-est européennes.* 1982. Т. 20. № 3. Р. 327–348.

¹³ *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 387–388.

срока¹⁴. Аналогичная реакция последовала при известии о «медиаторстве» морских держав, на территории которых как раз и находилось Великое посольство. Попытка реанимировать распадавшуюся коалицию требовала присутствия российских дипломатов в Вене.

Причина изменения политики правительства Леопольда I, еще два года назад активно вовлекавшего Россию в борьбу с турками, заключалась в новом политическом раскладе сил на континенте. Предстоявшая борьба за испанскую корону (так называемая Война за испанское наследство) давала шанс Габсбургам остановить Францию, претендовавшую на гегемонию в Европе. Одновременно недовольство амбициями Людовика XIV высказывали Англия и Соединенные провинции. Для осуществления своих планов Вене незамедлительно требовалось прекращение войны с Блистательной Портой, которая после разгрома при Зенте в сентябре 1697 г. должна была окончательно смириться с потерей Венгрии и Трансильвании. А если османы продолжали бы воевать с Москвой, то опасность с их стороны можно было бы полностью исключить. В свете сказанного становятся понятными и политика габсбургской дипломатии, стремившейся к скорейшему миру со Стамбулом, и действия Лондона и Гааги, выступивших посредниками в переговорах.

В столице Священной Римской империи русский царь пытался собрать вместе все части дипломатического «пазла». Ему удалось добиться согласия на неофициальную беседу с австрийским императором. Однако короткая встреча во дворце «Фаворита» не привела к каким-либо конструктивным решениям, так как серьезно обсуждения вопросов войны и мира так и не состоялось¹⁵.

Начало официальных переговоров постоянно откладывалось. Этот факт принимающая сторона объясняла нюансами церемониального протокола. Одновременно австрийцы продолжали «предварительные консультации» с турецкой дипломатией об условиях предстоящего конгресса. Раздраженный пустым ожиданием, 21 июня (1 июля) Петр I направил главе цесарского правительства канцлеру Ф.У. Кинскому жесткий запрос: 1. Собирается ли австрийский император воевать дальше или планирует заключить мир? 2. Какие условия возможного мира с турками он предлагает? 3. Какие условия выдвигает сам турецкий султан, ищущий мира при посредничестве английского монарха?¹⁶ На совещании австрийских политиков и венецианского посла, организованном графом Ф.У. Кинским, было решено сначала дать ответ на турецкие предложения, пометив его задним числом, а уже затем довести эту информацию до русского царя. Фактически разработка предварительных условий конгресса полностью оказывалась в руках Вены.

Ответ на поставленные вопросы, последовавший через три дня, представлял собой образец дипломатической эквилибристики. Во-первых, оказалось, что цесарь «по се число миру не искал» (участие в мирных «консультациях», видимо, не учитывалось) и не имел «к тому исканию... никакие причины». Во-вторых, в основу «пред-

¹⁴ Ошибочно понятая дата события — февраль 1697 г. вместо февраля 1698 г. — стала кочевать из работы в работу. См., например: *Санин Г.А.* Россия и формирование Утрехтско-Ништадтской системы в первой четверти XVIII в. // От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.: СПб., 2015. С. 119.

¹⁵ *Schwarcz I.* К вопросу о судьбе Священной лиги в связи с пребыванием Великого посольства в Вене // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century* / ed. by J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje. Köln, 2001. P. 133.

¹⁶ *Богословский М.М.* Петр I. Т. 2. С. 477.

ложенного миру» предполагалось поставить старое «обыкновение» — «как во владее-те» (*uti possidetis*), то есть обладание всеми захваченными на момент соглашения территориями. Такой принцип использовался как предками цесаря, так и султанами. Австрийцы не сомневались, что остальные союзники примут данное условие без возражений. В-третьих, царскому правительству при посредничестве английского короля, которое было согласовано еще до подписания Венского соглашения 29 февраля 1697 г., удалось получить предложения османской стороны, которые они еще в апреле 1698 г. разослали союзникам. Если же московский царь никакой информации не получал, то Вена готова предоставить всю дипломатическую переписку в настоящее время¹⁷.

Неизбежность скорого выхода европейских союзников из войны с Османской империей стала очевидной для Петра I. Оставалось два пути: продолжать войну в одиночку или добиваться своих целей на совместных мирных переговорах с Портой. Так и не сделав окончательный выбор, царь решил оставить российского представителя для участия в предстоящем конгрессе.

В сложившихся условиях Петр I наладил взаимодействие с королем Речи Посполитой — последним союзником по борьбе с Турцией и Крымом. На личные переговоры прибыл генерал-майор Георг-Карл фон Карлович, собственный представитель Августа II. В беседах с агентом короля удалось выработать единый подход к ситуации и договориться о координации действий на будущей конференции. Кроме того, в результате встреч с царскими сановниками от австрийцев удалось добиться обещания поддержать требование Москвы о получении Керченской крепости.

России, впервые в ее истории, предстояло участвовать в совместном с партнерами по коалиции международном форуме. В связи с этим перед московским правителем стояла сложная задача — обеспечить соблюдение интересов страны при заключении мира. Она была возложена на одного из руководителей Великого посольства — думного дьяка Прокофия Богдановича Возницына. Для повышения статуса ему присвоили ранее не существовавший чин — «думный советник». Выбор нельзя не признать удачным. Возницын был опытным дипломатом. В качестве гонца еще в 1668 г. он посетил Вену и Венецию¹⁸, в 1671–1676 гг. несколько раз ездил в Польшу, а в 1688–1689 гг. находился там же в качестве постоянного представителя¹⁹. Кроме того, в 1681–1682 гг. дьяк после смерти посла И.И. Чирикова возглавил посольство в Константинополь, получившее подтвердительную грамоту султана на подписанный в Крыму мирный договор²⁰. В 1684 г. П.Б. Возницын участвовал в Москве во встречах с австрийскими послами С. Блюмбергом и И. Жировским, в 1686 г. был задействован в подготовке подписания Вечного

¹⁷ ПДС. Т. 8. Стб. 1338–1340. В одном из новейших исследований ответы 24 июня (4 июля) 1698 г. на первый запрос Петра ошибочно заменяются ответами 30 июня (10 июля), последовавшими на более поздние вопросы. Видимо, автора ввело в заблуждение количество вопросов и ответов (по 3), которое во всех случаях совпадало. См.: *Schwarcz I.* К вопросу о судьбе Священной лиги... С. 134.

¹⁸ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894. С. 23; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2 (Германия и Италия). М., 1896. С. 208.

¹⁹ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М., 1897. С. 159–160.

²⁰ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 76–77.

мира²¹. Таким образом, русский посол не просто хорошо разбирался в дипломатической ситуации вокруг войны с Османской Портой, но и лично знал многих организаторов и участников переговоров.

Карловицкий конгресс

Карловицкий (Карловацкий) конгресс 1698–1699 гг. является одним из важнейших событий в истории отечественной дипломатии. Россия впервые участвовала в качестве полноправной стороны в международном конгрессе, итоги которого вошли составным элементом в так называемую Вестфальскую систему. Переговоры проходили в 1698–1699 гг. в местечке Карловицы (совр. Сремски-Карловци) между странами Священной лиги (Священная Римская империя, Венеция, Речь Посполитая, Россия) и Османской империей. Интересы нашей страны, как указано выше, представлял думный советник П.Б. Возницын, командированный на конгресс из состава Великого посольства 1697–1698 гг. после отъезда основной части миссии из Вены в Москву. В результате продолжительных и сложных переговоров все страны лиги, кроме России, заключили с турками мирные соглашения на длительный срок. Возницыну удалось добиться лишь двухгодичного перемирия, во время которого Петр I окончательно определился с новым направлением отечественной внешней политики.

Подготовка Карловицкого конгресса

Накануне отъезда из Вены Петр I лично проинструктировал П.Б. Возницына. К сожалению, эти инструкции не были зафиксированы в письменном виде. Их можно восстановить по грамотам и последующей переписке. От дипломата требовалось вести переговоры «купно с... цесарского величества и иных союзных наших с послы, с теми турецкими послы на съезде», а при благоприятном ходе переговоров он получил полномочия заключить мир²². По словам Возницына, вступать в переговоры с турками можно было лишь после выработки совместных условий союзников: «...о тех турецких мирных делех иметь согласие и сношение»²³.

Кроме того, думный советник получил тайное указание по возможности саботировать конгресс, дополнявшееся затем «указами»-письмами. И хотя послания Петра I за первые месяцы миссии к великому послу до настоящего момента не обнаружены, в дипломатической почте можно найти следы как минимум двух из них: от 31 августа (10 сентября) и от 30 сентября (10 октября). Об их содержании Возницын прямо не пишет, однако постоянно упоминает: «...и из него о настоящем деле о всем выразумел, о чем всячески радети, сколько Бог поможет, будет», «он, по его, великого государя, указу и намерению, сколько может, толко и радеть будет»²⁴. Указание на подлинную задачу дипломата удалось извлечь из его письма к Ф.А. Головину, входившего в состав почты, отправленной «с поля из намету» 22 октября (1 ноября): «...изволишь увидишь все поведение: трудно кому мешать или до миру не допускать, не дадут и духу понюхать, не токмо, что говорить или послать, ни явно, ни тайно — караул их»²⁵.

²¹ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 187, 277, 352, 361.

²² ПДС. Т. 9. СПб., 1868. Стб. 3–4.

²³ Там же. Стб. 56.

²⁴ Там же. Стб. 163, 187, 275; Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 3 / под ред. В.И. Лебедева. М., 1946. С. 384.

²⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1698 г. Д. 1. Л. 20.

В состав русской миссии вошли многие служащие Великого посольства — несколько дворян, 5 подъячих, 2 переводчика. Вспомогательный персонал включал сторожа, конюшего, собольщика, пажей, трубачей, гайдуков, священника. Общий состав делегации насчитывал 60–70 человек²⁶. Специально из Венеции Возницыным был вызван выпускник Падуанского университета доктор П.В. Постников, который знал несколько языков и, видимо, был лично знаком с турецким послом греком А. Маврокордато. В ходе переговоров он выступал и как переводчик, и как доверенное лицо для тайных поручений, и как личный помощник русского посла.

Миссия получила внушительное финансовое обеспечение. Возницын получил 10 тыс. золотых, оставшихся от большого Великого посольства, которые были дополнены еженедельным обеспечением от австрийской стороны в размере 1000 гульденов (=500 ефимков=250 рублей)²⁷. Кроме того, 17 (27) июля 1698 г. в Вену прибыл дворянин В. Борзой со специальной казной²⁸, часть которой, после вручения посольских даров на аудиенции у цесаря, перешла в распоряжение Возницына.

В начавшихся в конце июня 1698 г. встречах с австрийскими должностными лицами в Вене Возницын отстаивал общие интересы участников Священной лиги. Думный советник в июле — сентябре провел около полутора десятка встреч: 30 июля (9 августа) состоялась официальная конференция с австрийскими сановниками — канцлером Чешского королевства Ф.У. Кинским, вице-канцлером империи графом Д.А. Кауницем, президентом гофкригсрата (придворного военного совета) графом Э.Р. Штарембергом и австрийским канцлером Ю.Ф. Буцеллини; 2 (12) августа — встреча с «цесарским наивысшим дворецким» (обергофмейстером) князем Ф.Й. Дитрихштейном; 3 (13) и 12 (22) августа — с приставом при «московитах» графом Кениксакером; 9 (19), 21 (31) августа и 8 (18) сентября — с Ф.У. Кинским; 10 (20) августа — с Д.А. Кауницем; 20 (30) августа — официальный прием у цесаря как представителя московского государя на предстоящей «турской комиссии» во дворце «Фаворита» в присутствии высших должностных лиц империи; 22 августа (1 сентября) — встреча с «цесарским маршалком» Мансфелтом; 29 августа (8 сентября) и 30 августа (9 сентября) — с графом Э.Р. Штарембергом; 5 (15) и 19 (29) сентября — с графом В. Эттингеном. Кроме того, через переводчиков, секретарей и доверенных лиц шел обмен письмами и устными сообщениями.

Камнем преткновения на встречах стало различное понимание принципа «совместного» мирного конгресса. Австрийцы полагали, что каждый союзник должен был вести индивидуальные переговоры с османскими послами без каких-либо общих условий и «запросов». В качестве примера приводились Нимвегенские соглашения 1678–1679 гг. П.Б. Возницын же полагал, что после общей войны должен быть оформлен и общий мир. Выдвижение согласованных пунктов позволило бы добиться от турок лучших условий и компенсаций за потери в войне. В качестве принципиального аргумента посол ссылался на волю своего государя: «Царское Величество желает, и ему великому и полномочному послу приказал о тех турецких мирных делах иметь согласие и сношение...»²⁹. В связи с этим российский дипломат постоянно обращался к имперским официальным лицам (Ф.У. Кинскому, Д.А. Кауницу и пр.)

²⁶ Богословский М.М. Петр I. Т. 3. С. 347.

²⁷ Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов / отв. ред. Е.Е. Лыкова; сост. Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева. М., 2006. С. 483; ПДС. Т. 9. Стб. 67.

²⁸ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1698 г. Д. 31. Л. 4, 10.

²⁹ ПДС. Т. 9. Стб. 49, 52–53, 56.

с просьбами (а иногда и требованиями) раскрыть сведения о ведущихся между царями, посредниками и турками переговорах, о содержании «пунктов», выдвигаемых противной стороне, об условиях предполагаемого мира³⁰.

Параллельно Возницын провел беседы с польским «аблегатом» в Вене титулярным епископом Киевским Яном Гомолинским (Гамалинским) — 29 июля (8 августа), 31 июля (10 августа), 11 (21) августа и 22 августа (1 сентября); с резидентом английского короля Р. Штарлатом — 31 июля (10 августа); с венецианским послом при австрийском дворе К. Рудзини, назначенным представителем на союзный конгресс, — 15 (25) августа, 23 августа (2 сентября) и 11 (21) сентября; с секретарем английского посла — 22 августа (1 сентября); с голландским послом в Вене Я. Гаппом — 12 (22) сентября.

Постепенно стали вырисовываться общие контуры предстоящего конгресса. 7 (17) августа 1698 г. в послании графа Ф.У. Кинского впервые упоминается вероятная дата начала посольского съезда — 5 (15) сентября. Позже она была перенесена. 23 августа (2 сентября) через переводчика П. Вульфа русский посол узнал от Ф.У. Кинского имена австрийских представителей на съезде — граф В. Эттинген и граф Л. Шлык. 31 августа (10 сентября) через подьячего М. Родостамова ксендз Гомолинский сообщил имя польского делегата — познанского воеводы пана Станислава Малаховского. Во время встречи с графом В. Эттингеном 5 (15) сентября 1698 г. Возницыну показали предварительный чертеж лагеря посольского конгресса и уведомили, что «ему... послу сидеть не ниже полскаго».

20 (30) сентября 1698 г. П.Б. Возницын выехал из Вены³¹. По дороге ему удалось провести встречу с дипломатом, представлявшим Речь Посполитую. 24–25 сентября (4–5 октября) в Буде он обменялся визитами с паном С. Малаховским, получив от него письмо Петра I из Томашева от 4 (14) августа 1698 г. Итогом контакта стал вывод Прокофия Богдановича о невозможности в дальнейшем «согласия» с приехавшим поляком, поскольку тот при условии уступки турками города Каменца был склонен подписать мир, не дожидаясь союзников³².

В Буде Возницын вновь безуспешно поднял вопрос о выдвижении согласованных требований к Османской империи. В письме к государю думный советник приходит к пессимистическому выводу: «...и Цесарцы с Турки, чрез посредников своих, без совету союзных, всякое сношение чинят, и ту комиссию не просто проволакивают: мнятся, уже все свои дела, поставя на мере, ко окончанию и к подписанию приведут³³, тогда и нас приведут, и тогда в кратком времени со всех стран понуждаемы будем. Бог ведает, что против той неправды делать!»³⁴. Из дальнейших действий думного советника становятся понятны его намерения: затягивание всеми силами проведения конгресса и установление сепаратных контактов с османами.

Планы сторон, делегаты, выбор места конгресса

Первоначально открытие конгресса было запланировано на 5 (15) сентября 1698 г. в городке Петер-Варадейн. Однако из-за различных обстоятельств он начался месяцем позже. Лишь к 5–6 (15–16) октября посольства всех четырех союзников прибыли в Петер-Варадейн, причем австрийцы и венецианцы расположились в по-

³⁰ПДС. Т. 9. Стб. 63, 66, 77, 85 и др.

³¹Там же. Стб. 133.

³²Там же. Стб. 135–137.

³³В публикации «приедут».

³⁴ПДС. Т. 9. Стб. 137.

лутора милях от городка, в местечке Футах. 7 (17) октября торжественно было объявлено о перемирии между союзниками и Турцией на время проведения конгресса, которое распространялось на прилегающую территорию. Однако из-за сложностей с обеспечением нормальных условий для процесса переговоров место проведения самих конференций было перенесено на поле вблизи Карловиц.

Принцип *uti possidetis* («чем владеете»), который лег в основу переговорного процесса, устраивал не всех участников Священной лиги. Австрию и Венецию, захвативших значительные территории турецких владений, он удовлетворял полностью. Вена сумела подчинить себе большую часть земель венгров с Будой, Хорватию и Славонию. Претендовали цесарцы и на ряд зависимых от Стамбула княжеств — Трансильванию и Валахию. Возглавляли австрийскую делегацию граф Вольфганг Эттинген (Этинг) и генерал граф Леопольд фон Шлык (Шлик).

Республика Святого Марка, несмотря на ряд неудач вблизи греческого побережья, удерживала Далмацию, Ионические острова и Морею. Представителем торговой республики являлся ее посол в Вене Карло Рудзини (Руццини, Carlo Ruzzini³⁵), позже добившийся поста дожа.

Варшава, несмотря на все усилия покойного короля Яна Собеского, так и не смогла вернуть себе Каменец — ключевой город в Подолии. Осталось несбывшейся мечтой и распространение влияния на молдавские территории. Без получения данных земель Речь Посполитая и ее новый король Август II не планировали завершать противостояние. Интересы Польши представлял познанский воевода Станислав Малаховский.

Посредников — англичан и голландцев — устраивал долгосрочный мир Османской империи с Габсбургской монархией, которая рассматривалась как будущий союзник в противостоянии с Францией в Войне за испанское наследство. Завершение войны Турции с остальными членами Священной лиги требовалось лишь в рамках союзнических обязательств венского двора. Одновременно в планах Лондона и Гааги оставалось сохранение максимально доброжелательных отношений со Стамбулом, с которым их связывали торговые контакты. Главный инициатор всех переговоров, лорд Уильям Пэджет, представлял британскую корону, со стороны же Соединенных провинций посредником выступал Иаков Кольер.

В наиболее трудной ситуации оказалась турецкая делегация. Оттоманская Порта, потерпевшая военное поражение в противостоянии со странами Лиги и потерявшая значительные территории, стремилась максимально облегчить условия мирного соглашения, играя на противоречиях своих оппонентов. Османские послы должны были добиться возврата хотя бы части земель. Во главе миссии, представлявшей султана, стояли реис-эфенди Рами Мехмед и великий драгоман (переводчик) грек Александр Маврокордато, закончивший в 1660-е гг. Падуанский и Болонский университеты.

Российскую сторону прекращение войны в сложившейся ситуации устраивало в наименьшей степени. Во время Великого посольства десятки тысяч рублей были использованы на покупку снаряжения, наем специалистов и организацию сбора информации. Петра I манили просторы Черного моря. В 1697 г. на верфях в Воронеже началось строительство десятков кораблей, которые к лету 1699 г. планировалось спустить на воду. В окрестностях Азова сооружались дополнительные укрепления, а в сентябре 1698 г. началось возведение крепости для защиты Таганрогской гавани.

³⁵ Оригинальное написание приводится для более точной идентификации персоналии.

ни. Морские суда для сплава по Днепру и похода на Очаков сооружались под Брянском. Поэтому слова П.Б. Возницына об огромных финансовых вложениях в войну («многие миллионы выданы»³⁶) можно с полным правом считать веским аргументом на переговорах.

Проведение конгресса сильно осложнялось поведением польского посла С. Малаховского, который своими действиями в первые дни несколько раз ставил переговоры на грань срыва. Возникшая на встрече 10 (20) октября 1698 г. дискуссия между ним и доктором П.В. Постниковым, касавшаяся «достоинства польского короля и московского государя»³⁷, привела к длительному конфликту из-за местоположения станов посольских делегаций: сначала с московским великим послом, затем с венецианским представителем. Судя по всему, познанский воевода отличался значительной импульсивностью, что было подмечено Возницыным во время встречи в Буде.

13 (23) октября при переезде в Карловицы на поле, где первоначально предполагалось размещение союзников, возник новый конфликт. По словам К. Рудзини, первым прибыл на место русский посол и занял почетное место справа от цесарского стана, которого так долго добивался. Сам же «венет» полагал, что занимать места под лагеря следовало одновременно всем. Малаховский, прибывший на место позже и увидевший умаление его чести, которого он ранее и опасался, попытался силой сдвинуть «московитов», но его постигла неудача. В знак протеста он вернулся на барки (будары), на которых приехал из Петер-Варадейна, и заявил, что отказывается принимать участие в конгрессе, «не получив волю своего короля по поводу скандальной и оскорбительной чрезвычайной ситуации»³⁸. Несмотря на все попытки австрийцев уладить ссору, наличие которой Возницын упорно отрицал («а у людей де его ни с кем никакой ссоры не было»³⁹), выход был найден лишь в перемещении на новое место выше по течению, где удалось найти более обширное пространство для лагерей. На освобожденное же поле перебрались посредники, установившие здесь здание (дворец) для проведения конференций.

³⁶ ПДС. Т. 9. Стб. 47.

³⁷ Богословский М.М. Петр I. Т. 3. С. 368.

³⁸ Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. 1. Юрьев, 1903. С. 542–543. Остававшийся в Вене Я. Гомолинский описывал спор из-за мест несколько иначе. По его словам, австрийцы, недовольные дискуссиями о чести между русским и польским послом, объявили, что все места размещения по статусу равны между собой, и предложили Малаховскому выбрать любое место для расположения своих шатров. Малаховский с этой целью отправил своих слуг. Возницын, узнав об этом, специально выехал из Петер-Варадейна на несколько часов раньше, лично прибыл в будущий переговорный лагерь и приказал разбить свои шатры на месте, которое присмотрел себе Малаховский. Когда готовившие лагерь «цесарские люди» указали москвиту, что место уже занято польской делегацией, Возницын приказал их прогнать, не считаясь с «всея той дружбой, которую свидетельствовал москалям его королевское величество» (Август II). Все дипломаты иных стран якобы осудили подобный поступок и решили немного перенести лагерь в сторону Карловиц, чтобы тем самым заставить русских также сдвинуть свои шатры. Однако и здесь нерасторопного Малаховского ждала неудача — на этот раз на заново избранном им месте первыми поставили свой шатер венецианцы. Полякам пришлось разбивать свой впритык к палатке Рудзини. См. письмо Я. Гомолинского литовскому канцлеру К.С. Радзивиллу (из Вены 9 ноября 1698 г. н.ст.): Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. 5. Rps. 4442. S. 21.

³⁹ ПДС. Т. 9. Стб. 162.

Предварительные переговоры

Согласно предварительным договоренностям, принятым при участии посредников, конгресс проводился в формате отдельных двусторонних переговоров послов Османской империи с каждым из союзников по Священной лиге — Священной Римской империей, Венецией, Речью Посполитой и Россией. Представители римского папы, первые годы активно финансировавшего военные действия Лиги, в Карловицы не приезжали. Очередность встреч определялась временем вступления держав в антиосманскую коалицию, и поэтому представитель московского царя оказался последним в очереди. Официальный распорядок конгресса устанавливался специальными статьями, подготовленными британским и нидерландским послами 25 октября (4 ноября) 1698 г. Он предусматривал непосредственное участие во всех переговорах посредников, через которых оппоненты передавали друг другу предложения и требования, получали ответы, обсуждали тексты соглашений. Прямые встречи исключались.

Почти при каждой встрече с союзниками Возницын старался дезавуировать правомочность посредников на переговорах, утверждая, что обычно «на комиссиях всяк о себе сам говорит» без каких-либо промежуточных звеньев. Однако австрийцы продолжали настаивать на участии «медиаторов», ссылаясь на волю турецкой миссии. В итоге думный советник пришел к выводу, что «турки... во всем на посредников положились, и надежду на них имеют, и через них свое дело делают...». Ситуация же для его миссии, как пишет он далее в послании к Петру I от 22 октября (1 ноября), «зело трудно, потому что во всем неволя — перво чрез цесарцов, а потом чрез посредников, и за таким поведением как что выторгуешь, нечто сила Божия иным каким поведением поспешит...»⁴⁰.

Поведение австрийцев и посредников, информировавших союзников лишь о самых общих вопросах (возможно, исключая Венецию), вынудило русского посла, как уже говорилось выше, искать контактов с турецкой делегацией за рамками официальной дипломатической церемонии. Личное знакомство П.В. Возницына со вторым османским послом А. Маврокордато («другой посол... знаем мне гораздо, как я был в Цареграде»⁴¹) позволило организовать тайный контакт с греком. 10 (20) октября 1698 г. из Петер-Варадейна думный советник посылает доверенное лицо (чернеца Григория от сербского патриарха) с первым конфиденциальным посланием к великому драгоману в Белгород, где в то время находилось посольство турок. Через пять дней, уже из-под Карловиц, он повторно зывает к Маврокордато с просьбой «снести между нами о некоторых делах государевых, чрез верных людей... прежде публичных съездов»⁴². На этот раз ответ был получен. После нескольких пересылок по предложению самого турецкого представителя было решено использовать в качестве доверенного лица доктора и переводчика русского посольства П.В. Постникова: «Писаря твоего вижду много искусна, да приедет он сам, дружбу имеем...»⁴³

Встречи состоялись 20 (30), 21 (31) октября, 26 октября (5 ноября) и 4 (14) ноября. На первой П.В. Возницын попытался сыграть ва-банк и сорвать конгресс, передавая через доктора («велел ему говорить») следующие предложения: туркам

⁴⁰ ПДС. Т. 9. Стб. 196–197, 201.

⁴¹ Там же. Стб. 188. О контактах Возницына и Маврокордато в 1682 г. в Константинополе см.: *Ходырева Г.В.* Российско-турецкие переговоры 1681–1682 годов о ратификации Бахчисарайского мирного договора // *Российская история.* 2003. № 2. С. 156–158.

⁴² ПДС. Т. 9. Стб. 149, 165.

⁴³ Там же. Стб. 167.

предлагалось заключить с Россией временное перемирие, а с остальными членами Священной лиги продолжить войну. По мнению думного советника, так как предстоящая «комиссия» не имела шансов на успех и каждый думал только о своем благополучии, это развязывало ему руки: «...хочю поступить так, как бы то в лутчее состояние привести, и хотя то иным будет с убытком». Угрызений совести дипломат не испытывал: «немцы и поляки нас ссорили, и нам во всем солгали, мы им за то хотим воздать...». Среди аргументов указывалось на ослабление союзников с выходом из войны самого активного на тот момент участника (России), на «скудность во всем» немцев, на предстоящую Войну за испанское наследство с Францией, которая втянет и Вену, и посредников, еще более ослабляя их⁴⁴.

Возможно, в других условиях османская делегация и пошла бы на такой шаг, однако в тот момент продолжение войны со Священной лигой стоило бы турецким послам жизни. Так как сам Маврокордато являлся инициатором мирных переговоров, в первую очередь с австрийцами, то поворот на 180 градусов в самом начале дипломатического форума был невозможен. В ответных словах дипломат указывал: «...а что с другими не мириться, и того им некоторыми меры учинить нельзе, понеже Порта Атаманская слово свое держит; а то де они не только слово дали, и подписались на основание мира...»⁴⁵

На последующих встречах Постников, выступая по указанию посла за краткосрочное перемирие, продолжал убеждать Маврокордато в необходимости срочного, желательно еще до начала официальных конференций, заключения договора с московским государем, «чтоб немцы и иные не причитали того себе, что они нас с вами примирили». Однако османский дипломат старательно уходил от конкретных обещаний, нарушавших предварительные договоренности с посредниками и Веной. Его не устраивали и срок в полтора года, и нерешенность спорных вопросов, и опасность отступления от ранее принятых обязательств. На третьей встрече впервые прозвучал запрос о Керчи, без присоединения которой русское посольство не могло бы заключить долгосрочный мир, как и поляки без Каменца. Поэтому, как вновь настаивал П.В. Постников, в настоящий момент лучше «учинить толко преддверия» мира, а согласование дискуссионных вопросов отложить до нового посольства. Но турецкие послы (в последней беседе к двум выпускникам Падуанского университета присоединился реис-эфенди) настаивали на длительном перемирии с разрешением проблемных «окружностей» либо на том, чтобы принять «надежность к вечному миру» в форме уничтожения или разорения «некоторых мест и иное»⁴⁶. Тайные контакты показали П.Б. Возницыну недостижимость его главной цели — серьезной отсрочки прекращения войны Священной лиги и Оттоманской Порты.

20 (30) октября 1698 г. российский делегат отправил царям с П.В. Постниковым свою полномочную грамоту для передачи посредникам, которые в свою очередь отослали ее турецкой делегации. На следующий день, передавая австрийским послам с переводчиком П. Вульфом благодарность за обед, Возницын объявил о желании изготовить «о делех мирных... статьи» и обменяться ими с союзниками⁴⁷. Однако попытка раскрыть карты перед предстоящим дипломатическим действием опять натолкнулась на противодействие. То есть требования российской стороны царцы согла-

⁴⁴ПДС. Т. 9. Стб. 180–181.

⁴⁵Там же.

⁴⁶Там же. Стб. 185, 212, 247–248.

⁴⁷Там же. Стб. 187.

сились принять — просьбу прислали с уполномоченным 22 октября (1 ноября) — для передачи их посредникам, свои же условия обещали переслать позже. На следующий день от Возницына, путем прямого шантажа и угрозы отстранить его от переговоров, потребовали немедленно представить письменный текст мирных предложений, а «если он... будет упрямитесь и предложения своего не пришлет, тогда он... от миру останется, и в том бы... союзники были свободны от всякого слова». «Видя такую неволю», посол передал через подьячего «статьи... ко учинению мира»⁴⁸. Первые письменные предложения мира российской стороны сразу же были посланы в турецкий лагерь через посредников. 25 октября (4 ноября) секретарь австрийских послов Тиль привез статьи с общими условиями проведения переговорного процесса, подготовленные для «медиаторов». Однако на вопрос об обещанных «пунктах» союзников он ушел от ответа, сославшись на передачу их посредникам, а «списков с них у себя не оставил»⁴⁹. Лишь 28 октября (7 ноября) дипломаты Леопольда I сделали ответный шаг и прислали для ознакомления свои требования к туркам.

Официальные конференции и итоги конгресса

29 октября (8 ноября) определился окончательный порядок проведения конференций: заседания проводятся в двух помещениях («светлицах», или шатрах), расположенных в стане посредников. В первом находятся союзные послы с посредниками, во втором — турецкая делегация. Посредники курсируют между сооружениями, передавая условия, послания и слова переговорщиков друг другу. В первые два дня конференции переговоры проводят австрийцы, затем поляки, венецианцы, и завершают — русские. Секретарю цесарской делегации, сообщившему информацию, Возницын сразу же заявил протест, оспорив очередность заседаний. Руководствоваться, по его мнению, следовало честью государевой, «на которое ныне поведение весь свет смотрит». В очередной раз оспаривались и прерогативы англичан и голландцев, которых великий посол без указа государя своего «цело за посредников признати не может, только признавает за друзей и приятелей»⁵⁰.

Официальные переговоры посольств стран Священной лиги и Порты начались 3 (13) ноября 1698 г. со встречи цесарской и османской делегаций в доме конференций. Через шесть дней очередь дошла и до российской делегации.

Первая открытая конференция русского и турецкого посольств состоялась 9 (19) ноября 1698 г. Постоянные демарши думного советника сыграли свою роль, поэтому порядок заседания значительно отличался от установленного посредниками распорядка: все участники находились в одном помещении и вели прямые переговоры с помощью переводчиков, минуя участие «медиаторов».

После нескольких часов, наполненных как витиеватыми славословиями и историческими реминисценциями, так и вполне конкретными предложениями, стала понятна первоначальная картина установок каждой из сторон. В дальнейшем в ходе дипломатического «торга» позиции не раз будут меняться, зачастую на прямо противоположные. Всего же двумя сторонами было проведено 6 официальных (9 (19), 12 (22) ноября, 22 ноября (2 декабря), 30 ноября (10 декабря), 10 (20) декабря 1698 г. и 14 (24) января 1699 г.) и несколько неофициальных встреч. Кроме того, состоялись отдельные консультации П.Б. Возницына с посредниками без участия турецкой миссии.

⁴⁸ ПДС. Т. 9. Стб. 203–204.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1698 г. Д. 1. Л. 18 об.

⁵⁰ ПДС. Т. 9. Стб. 235–236.

Первоначальные официальные требования российского посла по основным позициям совпадали с условиями остальных делегаций: установление мира, сохранение завоеванных территорий, некоторое «приращение» земель для покрытия убытков, обмен пленниками, запрет нападений друг на друга, свободная торговля купцов, свобода в вероисповедании для православных христиан (католические страны выдвигали аналогичный запрос для своей конфессии). Однако при обсуждении деталей основная дискуссия сузилась до вопроса о приднепровских городках, которые стали главным камнем преткновения. Когда же стало ясно, что ни одна из сторон не может уступить, в качестве компромисса решили заключить двухгодичное перемирие с переносом решения всех проблемных вопросов в ведение будущего посольства.

Одновременно турки проводили переговоры с остальными союзниками. По подсчетам Д. и И. Гузевичей, состоялось 39–40 официальных конференций, в том числе 25–26 встреч с австрийцами, 7 — с венецианцами и 7 — с поляками⁵¹. Несмотря на желание посредников и австрийцев превратить конгресс в четыре изолированных съезда (австро-турецкий, венециано-турецкий, польско-турецкий и русско-турецкий), периодически между участниками происходили пересылки. В основном они инициировались российской стороной, с самого начала оспаривавшей распорядок переговоров и прерогативы посредников. В трудных случаях Возницын обращался как к австрийцам и венецианцам, так и к самим посредникам.

10 (20) ноября 1698 г. после первой конференции с турками думный советник нанес визиты союзникам с просьбой поддержать его требования и обещанием оказывать ответное «вспоможение» (полякам просьба направлялась в письменном виде). Вместо реальной помощи он услышал лишь устные обещания, сопровождавшиеся настойчивыми рекомендациями отказаться от приднепровских городков и ускорить переговоры. Вновь прозвучали угрозы оставить Россию одну в состоянии войны: «...и нечто де царское величество хочет один в войне остаться, потому что у них дела уже к окончанию приходят... и в том бы на них не пенял, что их не послушает»⁵². Через три дня после второй конференции на призыв русского посла надавить на турок, пригрозив им сворачиванием переговоров, австрийцы по-прежнему «сердитуюсь говорили, чтоб он им таких слов не говорил: естли де не хочет мирится, кто его на силу заставлявает, а в их миру для чего он указывает?» В ответ думный советник напомнил о необходимости выполнения ими «союзного обязательства»⁵³.

14 (24) ноября Возницын жаловался посредникам на «неправду» турок, на ложность толкования ими «листа Кинского», на вымогательство, «что отнюдь поступить не мочно». В ответ на расспросы об Азове и приднепровских городках им была предпринята попытка убедить англичанина и голландца в важности для европейских соседей Оттоманской Порты сохранения за Россией этих территорий. По его словам, данные крепости вызывали затруднения в движении крымских и других татарских орд при нападениях на приграничные земли как Польши, так и самой державы Габсбургов. «Остатним» (то есть последним) словом он заявил о невозможности отдать городки, даже если все союзники его бросят⁵⁴.

С польским делегатом контакты были менее активными и проходили путем обмена посланиями и сопровождались обещанием поддержки. 13 (23) ноября С. Мала-

⁵¹ Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство. С. 113–115.

⁵² ПДС. Т. 9. Стб. 261.

⁵³ Там же. Стб. 267.

⁵⁴ Там же. Стб. 264, 272–273.

ховский прислал предложения польской стороны. Оба посла обещали друг другу «в делех обоих великих государей общее радение и согласие» при контактах с турками⁵⁵.

20 (30) ноября состоялась встреча со всеми союзными послами, на которой Возницын вновь указал на недопустимость возвращения приднепровских городков, требуемых турками «не праведно и злобно». Послы ссылались на действия османских дипломатов и в отношении их самих, утверждая, что «турки ко всем к ним такими ж меры поступают и в своих запросах крепко стоят». Например, австрийцы, по их словам, отдали больше шести местечек и городов, включая земли вокруг Темшвара; поляки за Каменец вернули все завоевания в Валахии (несколько городков); венецианцы поступились многими землями, в добавление к которым представители султана требовали крепости Преваза и Румелин.

22 ноября (2 декабря) Возницын приехал к австрийцам и венецианцам с сообщением о третьей русско-турецкой конференции. В ответ он услышал призывы, заключавшиеся в скорейшем «склонении» к миру, и рассказ о том, что союзники постоянно поддерживают его требования на съездах с турками, угрожая им «не мириться» без России. Однако если он, великий посол, не покажет крепкую склонность к миру, «то они и одни мир учинят, потому что им весть далее войны не возможно». Также союзники упомянули, что попытались однажды потребовать передачу Керчи, в результате реис-эфенди «как услышал, аж взбесился и из рук тот бумажный лист бросил, и пошел было вон...»⁵⁶. Здесь мы видим хитрый дипломатический ход со стороны австрийцев. Некоторые исследователи полагают, что этими действиями венские дипломаты оказали помощь российскому послу, причем сделано это было по прямому указанию Леопольда I⁵⁷. Однако услуга явно оказалась «медвежьей». В обстановке, когда и требование турок возврата Азова, и притязание русских на Керчь были взаимно сняты, а основным камнем преткновения являлись приднепровские городки, такой шаг лишь ухудшил ситуацию. Османская делегация, если и склонялась к уступке «московитам», вновь выступила с ужесточением условий договора.

25–26 ноября (5–6 декабря) думный советник направил для обсуждения в станы всех союзников новые «образцовые» статьи о перемирии. После некоторой корректировки проект договора 28 ноября (8 декабря) был переслан посредникам, которые через два дня пригласили Возницына на очередную встречу. 30 ноября (10 декабря) состоялась полуофициальная конференция московского посла с великим драгоманом, инициированная посредниками во время разговора с думным советником. 1 (11) декабря, впервые после обмена церемониальными визитами, в русском стане побывал К. Рудзини. Из разговора с ним подтвердилось намерение союзников пойти на заключение мира с Османской империей, проигнорировав интересы России. Венецианцы, не имея сил и возможности продолжать войну, не поддержали предложение сохранить наступательный союз с русским царем. Беседы с польскими посланцами, приезжавшими 1 (11) и 3 (13) декабря от С. Малаховского, окончательно убедили Возницына в вероломстве бывших соратников⁵⁸.

⁵⁵ ПДС. Т. 9. Стб. 268–269, 274–275.

⁵⁶ Там же. Стб. 299–300.

⁵⁷ Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство. С. 116–117.

⁵⁸ Помимо всего прочего, Речь Посполитая, согласно условиям Вечного мира 1686 г., не имела права «ни в какие договоры с салтаном турским и с ханом крымским вступать и миру чинить» без России. См.: ПСЗ. Т. 2. 1676–1688. СПб., 1830. С. 779.

В этой сложной ситуации Возницын не хотел лично принимать окончательное решение о судьбе переговоров. К концу ноября отсутствие дополнительных инструкций сильно встревожило русского дипломата. Возможно, ему казалось, что окончание длительных переговоров подписанием краткого перемирия с турками, которое лишь временно «замораживало» ситуацию, но ничего не решало, вызовет недовольство государя. В шестой и седьмой почтах (25 ноября (5 декабря) и 2 (12) декабря) из Карловиц, в письмах к Л.К. Нарышкину он взывал о милости: «...изволишь о сем о всем донести великого государя, и его государев указ исходотайствовать...» (из последней почты). Думный советник просил конкретных указаний о том, как поступить с приднепровскими городками, о границах около Азова и Очакова, о «даче хану казны», о «всем состоянии того... миру» с турками и татарами⁵⁹.

В начале декабря 1698 г., во время наибольшего обострения ситуации с приднепровскими городками, Возницын запросил от союзников десять недель на посылку гонца в Москву для выяснения четкой позиции российского монарха по поводу уступки крепостей. Просьба была оформлена в письменном виде и 4–5 (14–15) декабря разслана по посольским станам. Все «соратники» по Священной лиге отказались предоставлять отсрочку, однако австрийцы и венецианцы завуалировали это в достаточно витиеватой форме, а поляк прямо указал на «вредительнейшие» последствия, которые «так потребно мира разрушити и дело христианское по толиких благополучиях и победах сицевым образом пагубе предати»⁶⁰.

Перелом в русско-турецких переговорах наступил 30 ноября (10 декабря), когда со стороны османской делегации на полуофициальной встрече в присутствии посредников впервые прозвучало предварительное согласие на «армистициум». После нескольких тайных пересылок и новых попыток склонить чашу весов в свою пользу стороны на четвертой конференции 10 (20) декабря 1698 г. в общих чертах договорились о двухлетнем перемирии. После активного обмена промежуточными вариантами соглашения, его черновиками, а затем и беловыми текстами обе делегации к 25 декабря 1698 г. (4 января 1699 г.) закончили оформление всех необходимых бумаг.

Хотя договор в итоге был датирован днем Рождества Христова, в реальности его подписание задержалось на три недели. Причиной стали действия венецианского посла, который не успел закончить переговоры с османами из-за ужесточения ими требований к Республике Святого Марка. К. Рудзини, прежде сам торопивший думного советника, оказался вынужден умолять всех союзников о его поддержке в противостоянии с дипломатами Блистательной Порты: «...венет, как угорелой, бросается ко всем к нам, просит помощи». Прокофий Богданович, воспользовавшись моментом, не преминул поддеть «непоследовательного» соратника по Священной лиге: «Я венету часто к словам говорю: они делали другим и союза не держали, и основание подписали, и к миру принудили, и прошение к продолжению войны презрели. Бог обратил то все к ним еще в вящую тягость»⁶¹.

Показывая всем верность союзническому долгу и оттягивая подписание договора ради венецианца, русский посол в последний момент сделал неожиданный ход. Узнав о назначении на 16 (26) января 1699 г. даты подписания договоров Австрией и Польшей, Возницын резко активизировался и завершил свою работу двумя днями

⁵⁹ ПДС. Т. 9. Стб. 308; *Богословский М.М.* Петр I. Т. 3. С. 329.

⁶⁰ ПДС. Т. 9. Стб. 334–349.

⁶¹ Цит. по: *Богословский М.М.* Петр I. Т. 3. С. 423–424.

ранее. 14 (24) января 1699 г. состоялась торжественная церемония подписания договора о двухлетнем перемирии между Российским и Османским государствами. В ней участвовали в полном составе делегации обеих стран, посредники и много зрителей. Послы высказали друг другу множество похвальных слов и поздравлений при процедуре подписания и обмене экземплярами⁶².

Через два дня остальные союзники, исключая К. Рудзини, завизировали тексты собственных соглашений с Оттоманской Портой. Вместо венецианского посла, ожидавшего официального согласия своих властей на уступки ряда территорий туркам, прелиминарный договор за Республику Святого Марка подписали австрийцы.

В последующие дни производился обмен подарками и взаимными поздравлениями. Из-за внезапной болезни думный советник задержался с отъездом из Петер-Варадейна, куда он перебрался из посольских палаток сразу после подписания соглашения, до 24 января (3 февраля) 1699 г. Около двух недель заняла дорога до Вены, где он остался еще на месяц. 14 (24) марта 1699 г. прощальной аудиенцией у императора Леопольда I завершились официальные полномочия посла при дворе цесаря. Через два дня Возницын покинул Вену.

Результатом Карловицкого конгресса стало подписание 14 (24) января 1699 г. двухлетнего перемирия между Османской империей и Российским государством, 16 (26) января 1699 г. — 25-летнего перемирия Порты с Австрийской монархией и Вечного мира с Речью Посполитой. От имени Венеции союзники (с удостоверением посредников) заключили предварительный договор (без указания на его длительность), который требовал подтверждения правительства торговой республики в месячный срок. 5 (15) февраля искомый документ, подписанный в Венеции 28 января (7 февраля), был передан в Белграде английскому и голландскому «медиаторам» для вручения османской делегации.

Наибольший успех в закреплении территориальных приобретений сопутствовал Священной Римской империи. Она по итогам соглашений получила земли центральной части Венгрии и почти всей Славонии, область Бачка и Трансильванию, которая фактически потеряла какую-либо автономию. Добиться уступки Валахии так и не удалось. Кроме того, австрийцам пришлось разрушить часть приграничных крепостей⁶³.

Польше был передан Каменец с Подолией и частью Правобережной Украины в обмен на уступку 6 городков-крепостей в «волоской земле» (Молдавия): Сорока, Сучава и др. Соглашение оговаривало запрет татарских набегов, свободу торговли, а также беспрепятственное отправление служб католиками на землях падишаха⁶⁴. Вопрос об артиллерии, находившейся в крепости Каменец, остался на усмотрение двусторонней комиссии, которая должна была специально собраться позже.

Венеции отошла Далмация до Рагузы (Дубровника), Ионические острова и Морея. Однако она вынуждена была уступить туркам крепость Лепанто, земли к северу от Рагузы и ликвидировать укрепления Румелина и Превезы. Коринфский залив сохранялся для совместного мореплавания⁶⁵.

⁶² ПДС. Т. 9. Стб. 465–470.

⁶³ Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. (от осады Вены до Карловацкого мира) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. Ч. 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 285.

⁶⁴ Артамонов В.А. Страны Восточной Европы... С. 320; ПДС. Т. 9. Стб. 396, 419–430.

⁶⁵ ПДС. Т. 9. Стб. 580–593.

Взаимоотношения Москвы и Стамбула фактически были заморожены на два года с обязательством отправки отдельного посольства в Турцию для выработки долгосрочного мира.

Константинопольский мир

В результате подписания Карловицкого перемирия Петр I, не принявший еще окончательного решения об изменении сферы внешнеполитических интересов, получил дополнительное время для взвешивания всех *pro et contra*. Анализ ситуации позволяет предположить, что осенью 1698 — весной 1699 г. Петр I еще не полностью отказался от идеи борьбы с «бусурманами» в черноморском регионе. Активные действия «кумпанств» на воронежских верфях, подкрепленные личным участием государя в создании судов, и значительные усилия, затраченные на постройку удобного порта-крепости в Таганрогском заливе⁶⁶, показывают достаточно твердые намерения продолжать экспансию на юг.

Однако весной 1699 г. контуры соглашения с предполагаемыми союзниками в борьбе со Швецией за возвращение прибалтийских земель приобрели четкие очертания. Очевидно, что царь осознал сложность войны один на один против Османской империи и Крыма, которых более полутора десятилетий не мог разгромить союз из нескольких крупных государств Европы. В результате было принято решение об окончательном прекращении войны на юге.

Подготовка миссии Е.И. Украинцева и И. Чередеева

Задача заключить «вечный» мир или долговременное перемирие с Османской империей была поставлена перед посольством во главе с думным дьяком Е.И. Украинцевым и дьяком Иваном Чередеевым, которое отправили летом 1699 г. в Константинополь. И хотя глава миссии получил чин думного советника (как и ранее П.Б. Возницын) и заместника Каргопольского, ее статус не совсем соответствовал поставленным задачам: уполномоченные ехали в качестве чрезвычайных посланников, а не послов. В документах наблюдается некоторый разнобой в обозначении ранга участников посольства: в бумагах, связанных с подготовкой поездки (наказах, грамотах и т.д.), чрезвычайным посланником назван только Украинцев. В статейном же списке «посланники» фигурируют уже во множественном числе, подразумевавшем обоих руководителей — Украинцева и Чередеева⁶⁷. Указ об отправлении посольства увидел свет 2 апреля 1699 г. в Воронеже, где находился Петр I, а уже 6 апреля его объявили в Москву Е.И. Украинцеву (одновременно его вызвали в ставку царя). Наскоро собравшись, посланник с небольшой группой членов миссии выехал в Воронеж, где находился русский монарх, и прибыл туда 21 апреля⁶⁸.

В конце месяца небольшая флотилия вместе с Петром I отправилась в Азов. Царь планировал продемонстрировать противнику вновь построенный флот, насчитывавший несколько линейных кораблей и более мелкие суда. Сам же Украинцев остался дожидаться основной караван посольства, который целый месяц формиро-

⁶⁶ Аваков П.А. Основание Таганрогской гавани: от идеи к воплощению // Вопросы истории естествознания и техники. Т. 37. 2016. № 2. С. 298–311.

⁶⁷ Ср.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 82, 85, 86 (черновики грамот), Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 28, 33, 35 (беловые отпуски грамот), 40, 45 (беловой отпуск официального наказа) с Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Кн. 27. Л. 4, 7 об., 9, 13 и др. (статейный список).

⁶⁸ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 4 / под ред. В.И. Лебедева. М., 1948. С. 48–50.

вался в Москве Иваном Чередеевым. Миссия прибыла в Воронеж 27 мая. При этом на перевозку людей и имущества было использовано около полутора сотен подвод (114 шт., не считая «казны»). В свою очередь, от Воронежа до Азова добирались на пяти бударах («добрые и крытые»), две из которых были «с чердаками»⁶⁹. Отплытие посольства из Воронежа состоялось 1 июня.

Общая численность миссии составляла 72 человека. Как было указано выше, во главе ее был поставлен действующий руководитель Посольского приказа Емельян Игнатьевич Украинцев. Еще почти год он официально сохранял пост главы внешнеполитического ведомства: на его имя по-прежнему оформлялось большинство документации, связанной с деятельностью Посольского приказа. Лишь 18 февраля 1700 г. последовал государев указ о передаче Посольского и шести связанных с ним приказов в ведение боярина Ф.А. Головина⁷⁰. Второй посланник — дьяк Иван Прохоров сын Чередеев был недавно повышен из старых подьячих Малороссийского приказа. В состав миссии входило 10 дворян: стольники — Гур Родионов сын и Иван Савин сын Украинцевы, жильцы — Емельян Гуров сын и Алексей Васильев сын Украинцевы, Афанасий и Семен Андреевы сыновья Беклемишевы, Сергей Федоров сын Нелюбов, Иван Лукьянов сын Трескин и Василий Родионов сын Комов⁷¹, «во дворянех и для томачения турецкого языка» — Василий Александров сын Даудов⁷². При миссии также числилось 3 переводчика — Семен Федоров сын Лаврецкий и Степан Федоров сын Чижинский (польский, латинский и белорусский языки), Андрей Ботвинкин⁷³ (греческий, латинский); 5 подьячих: старые — Лаврентий Протопопов (Посольский приказ) и Иван Грамотин (Приказ княжества Смоленского), средней статьи — Григорий Юдин, молодые — Борис Карцев, Федор Борисов (все из Посольского и Малороссийского приказов); 2 толмача⁷⁴ — Полуэкт Кучумов (турецкий и татарский языки) и Дмитрий Петров (греческий, по другим сведениям — греческий, волошский, мултянский и турецкий⁷⁵). Позже к ним добавились: священник Антоний, поручик Степан Иванов сын Нарушевский⁷⁶, толмач Иван фон Мейснер (немецкий язык; из прапорщиков «солдатского строю»), прикомандированный 5 августа 1699 г. по запросу Украинцева для обеспечения контактов с капитаном корабля «Крепость»⁷⁷. Среди посольских людей также числились дворецкий, конюший и 20 «слуг и молодежи» (видимо, из свиты самого Украинцева). Еще 27 человек находились в услужении остальной части миссии (дьяка, дворян и пр.)⁷⁸. В качестве провожатых до Азова также были направлены 30 солдат⁷⁹. На посольском корабле, помимо членов экипажа, находился воинский контингент

⁶⁹РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 5, 43; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Кн. 27. Л. 7, 7 об.

⁷⁰Дворцовые разряды. Т. 4 (с 1676 по 1701 г.). СПб., 1855. Стб. 1121.

⁷¹РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 3, 41–42.

⁷²РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 24; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 42.

⁷³Параллельно выполнял две функции, являясь одновременно подьячим и переводчиком с греческого и латинского языков. См.: *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021. С. 70–71.

⁷⁴РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 2, 42.

⁷⁵РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 5.

⁷⁶Там же. Л. 23 об. — 24.

⁷⁷РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 84–89.

⁷⁸РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 24 об.

⁷⁹РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 43.

в 111 «урядников» и рядовых из Преображенского и Семеновского полков, которые также иногда записывают в состав команды⁸⁰.

Финансовое обеспечение миссии включало жалование ее членам, а также казну на посольские нужды и для раздачи. Выплаты участниками составили: Е.И. Украинцеву — 1650 руб., И. Чередееву — 450 руб. деньгами и 150 руб. «соболями», дворянам — по 100 руб., переводчикам, подъячим и толмачам — оклады «вперед на два года — на 208 и на 209 годы» и «подмоги и в приказ против обоих годов». Переводчикам дополнительно выдали «сукна и тафты... против прежняго», толмачам — «за запасы» по 2 руб.⁸¹ Присоединившийся в Таганроге Мейснер получил лишь доплату до полного оклада на текущий год — 39 руб. 80 коп. (по 5 руб. 40 коп. на месяц)⁸². На дипломатические расходы было выделено «соболиной казны и иной мяхкой рухляди и китайских камок» на 5 тыс. руб., 3 пуда чаю «самого доброго зеленого», 10 пудов «кости рыба зуба»⁸³, 5 фунтов «дензую»⁸⁴.

В стремлении заявить о России как новой морской державе Петр I решил отправить дипломатическую миссию Е.И. Украинцева на одном из новых кораблей. В рамках создания военно-морского флота с конца 1696 г. в Воронежском крае появляются верфи, на которых было заложено около четырех десятков судов. Более половины из них к лету 1699 г. удалось спустить на воду и оборудовать необходимым вооружением и такелажем. Для посольства царь приказал выделить один из четырех кораблей, построенных под г. Паншином, под названием «Крепость». По сведениям из статейного списка его вооружение составляло 46 пушек⁸⁵ (по данным с гравюры Шхонбека — 36). Возможно, данный тип судов строился в подражание «барбарским» («варварийским») кораблям, распространенным на северном побережье Африки и в самой Турции. Экипаж «Крепости», возглавляемый капитаном голландского происхождения Петром фон Памбургом (Памбурхом), состоял почти полностью из иностранцев. Он включал поручика, двух штурманов, подштурмана, боцмана, «боцманзманта», констапеля и 16 матросов. Кроме того, 5 человек из солдат гвардейских полков выполняли роль матросов⁸⁶.

Спустившись по р. Дон, 27 июня посольство достигло Азова, где находилось почти три недели. 16 июля по указу царя миссия направилась к строящемуся Таганрогу, где 22 июля 1699 г. перешла на посольский корабль. За время пребывания в Азове и Таганроге был подготовлен комплекс посольской документации.

С посланниками направлялись четыре грамоты (к султану, к везиру, «полномочная» и «проезжая») и два наказа (официальный открытый и тайный). Оригиналы грамот были написаны на больших александрийских листах бумаги и запеча-

⁸⁰РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 11 об.

⁸¹РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 3–4.

⁸²Там же. Л. 89.

⁸³Там же. Л. 41.

⁸⁴РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 33. Л. 20. Под «дензую» подразумевалось лекарственное средство китайского происхождения, применявшееся против отравления и лихорадки. См.: *Стафарий Н.М.* Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. С. 248; *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 13 (два — дигло). М., 2019. С. 199–200.

⁸⁵РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 11.

⁸⁶Там же. Л. 11–11 об. В депеше чрезвычайных посланников, опубликованной в приложении к исследованию С.И. Елагина, приводится поименный список руководящего состава экипажа. См.: *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. Приложения. Часть 1. СПб., 1864. С. 436–437.

таны государственной большой печатью: первые две — «глухой», остальные — «потворчатоу»⁸⁷. Беловые экземпляры наказов зафиксировали в «дестевых» (официальных) и «полудестевых» (тайных) тетрадах⁸⁸. Итоговая работа по подготовке дипломатической документации проходила на кораблях в Таганрогском заливе — на судне Ф.А. Головина «Скорпион» и посольской «Крепости». Будущий глава Посольского приказа получил к тому времени чин адмирала.

Используя «заготовки», привезенные из Москвы, Емельян Игнатьевич лично разработал черновые варианты документов, которые затем подвергались корректировке со стороны Ф.А. Головина, опиравшегося на непосредственные указания Петра I. Такой порядок написания бумаг прямо определен для тайного наказа: «Слагание и составление того наказу самого ево посланника. Чернил с ымянного великого государя указу боярин Федор Алексеевич своею рукою»⁸⁹. Вероятно, к появлению грамот и наказов приложил руку и П.Б. Возницын, к тому времени приехавший в окрестности Азова. Однако о серьезном вкладе последнего мы можем только предполагать, так как в документах упоминается лишь его «закрепление» на беловом экземпляре официального наказа⁹⁰. Основная часть документов подготовлена в период с 21 по 31 июля и после «закрепы» и «запечатывания» отнесена к посланнику на корабль. Тайный же наказ (переписанный набело дьяком Серебряной палаты Яковом Бориным) Головин лично вручил Украинцеву у себя на судне 2 августа 1699 г.⁹¹

Достаточно подробный анализ механизма подготовки наказов провел М.М. Богословский, также разобравший порядок взаимодействия при их составлении Украинцева, Головина и самого Петра I. Историк обратил внимание на систему вопросов-ответов по ряду принципиальных проблем, изложенных в двух реестрах («статьях докладных» и «докладе»)⁹², которые затем трансформировались в посольские инструкции. Разъяснения давались письменно самим адмиралом со слов царя. После все перерабатывалось «в форму наказа, причем вопросы получали форму условных предложений, а резолюции — вид положительных предписаний и руководящих указаний». Затем черновые варианты наказов вновь просмотрел Ф.А. Головин, внесший новую правку, которая имела как стилистический, так и смысловой характер. Итоговые варианты были переписаны «набело» и переданы посланнику⁹³.

В документах миссии удалось обнаружить еще один список вопросов Емельяна Игнатьевича, адресованных, вероятно, Ф.А. Головину: «Милости у тебя, государя моего, прошу»⁹⁴. Речь шла о проблемах, связанных с «исполнением» миссии: о сроках вручения грамоты везиру; о речах, с которыми предполагалось выступать перед турецкими сановниками и самим султаном; об уточнении субъекта посоль-

⁸⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 89.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 72.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 151; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 72; *Богословский М.М.* Петр I. Т. 4. С. 70. Остальная информация Богословского (а вслед за ним и Гузевичей) в отношении участия Прокофия Богдановича носит гипотетический характер и не имеет ссылок на источники.

⁹¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 72.

⁹² Докладные статьи, составлявшие основные вопросы по дипломатической части переговоров, см.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 135–149; вспомогательный доклад (о корабле, капитане, солдатах, их финансовом обеспечении) см.: Там же. Л. 152.

⁹³ *Богословский М.М.* Петр I. Т. 4. С. 65–70.

⁹⁴ Если бы обращение было к Петру I, то употреблялась бы форма «великий государь».

ства — «х кому имянем я послан, а ныне написано, что послан в Царьгород не ведому к кому»; об имени турецкого султана; о грамотах, посланных в окрестные страны; о выделении лекаря, толмача для общения с капитаном «Крепости», а также переводчика и толмача «для свидания и розговору с цесарскими, с венецынскими, с аглинскими и з галанскими послы»⁹⁵.

Официальный наказ включал стандартный для Посольского приказа набор элементов, составлявший «внешнюю» сторону мероприятия («по чему ему у салтана турского посолство править»): 1) содержание и дату указа об отправке миссии; 2) перечисление ее руководителей, отправленных документов (грамоты, указы), казны «на роздачу», официального состава по должностным категориям, сопровождающих миссию групп; 3) основной маршрут и действия при проезде по нему, во время пребывания в Константинополе и на обратной дороге; 4) варианты реакции на те или иные события («а буди им на встречу пристава... не пришлют...»); 5) предписания о шагах в турецкой столице, о порядке встреч с султаном и везиром, об «обсылке» с европейскими послами, об общении с православными патриархами и выдаче им «жалованья», о церемониале приема у султана и содержании речей посланца, о процедуре «отпуска» по завершении переговоров, о проверке правильности составления и подписания грамот и писем. По существу, миссии во время официального визита ко двору требовалось кратко сообщить цель приезда. Основные же переговоры планировалось проводить с везиром и «ближними людьми»: «...о делех договариватися и становити во всем по ево великого государя указу и по тайному наказу...» Общее наставление определяло действия «смотря по тамошнему поведению, как их Бог вразумит, чтоб однолично ево, великого государя, имяни к чести и к повышению, а великим его государствам к прибавлению и к расширению, и к вечной славе, и к похвале было». При заключении договора требовалось, чтоб обмана «какова и хитрости не было» и «умаления» в сравнении с другими трактатами. Местных вельмож в случае их действительной помощи следовало достойно награждать из собоиной казны, советуя «им, чтоб они и впредь ему великому государю служили». Также описывались действия в условиях некоторых экстраординарных событий: смерти одного из посланников или самого султана, а в последнем варианте — еще и задержки с выборами нового правителя⁹⁶.

Тайный наказ, включавший 33 статьи⁹⁷, определял практическую составляющую переговоров: «...что им, будучи у салтана, делать и о каких делех договор чинить»⁹⁸. Основной целью ставилось заключение соглашения о «вечном мире» (перемирии) или о проведении съезда «великих и полномочных послов». Первые семь пунктов формулировали основу переговорной позиции российской стороны: а) установление мира или перемирия на 25 лет (не отвергался и другой длительный срок); б) сохранение всех завоеванных городков (крепостей) за Россией; в) прекращение

⁹⁵РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 39.

⁹⁶Черновой вариант см.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 90–134, 150–151; белой отпуск — РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 40–72; копию 1737 г.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 5. Оригинал, который использовали посланники в Константинополе, написанный в тетрадах, обнаружить пока не удалось.

⁹⁷Черновой вариант см.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 53–79; копию 1737 г.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 6. Беловой отпуск не был составлен; оригинал, который использовали посланники в Константинополе, обнаружить пока не удалось.

⁹⁸РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 41.

выплат («годовой дачи»⁹⁹) крымскому хану (следует отметить, что по сведениям, приведенным в наказе, выплаты «дачи» не производились с 1683/84 (192) г.)¹⁰⁰; г) размен пленниками только после подписания трактата; д) организация нового съезда послов не позднее 1701 г. (то есть до истечения срока Карловицкого перемирия) в случае нежелания турок подписывать договор на вышеуказанных условиях. Остальные разделы (кроме 9 и 33) включали ответы (с разной степенью развернутости) на основные «докладные статьи»¹⁰¹ Е.И. Украинцева.

Наиболее пространная статья (8-я), перечислявшая «неправды» противной стороны, предназначалась для объяснения причин начала боевых действий со стороны российского государя, штурма и захвата Азова и Казы-Кермена с городками, отказа в выплатах крымскому хану. Условия прежнего мира, согласно наказу, не выполнялись со стороны «салтанова величества»: татары «непрестано» нападали на российские города, «приходили войною и загоны посылали частые», грабили имения, задерживали, били и мучили российских дипломатов в Крыму. В ответ на «несправедливость» и «неунимание» татар царь послал свои войска и те города «взял войною», чтобы впредь от них «ссоры и недружбы» не было и «кровь людская на обе стороны напрасно не проливалась». Выплаты крымским ханам прекращались: «...отставлена дача... за многие их неправды». Приводились и дополнительные доводы, связанные с изменением международного и военного положения России: раньше она «была не в такой силе», как сейчас, — «по милости Божьей» государство «распространилось и в силах умножилось для того и война татарская стала быть не страшна». Русские армии уже ходили к Перекопу и другим «татарским юртам», поэтому «великого государя жалованье им отставлено и впредь в даче не будет».

В качестве новых аргументов приводились рассуждения об изменчивости миропорядка: «...издавна всякие премены на свете быть обыкли и таких много есть примеров», когда одни в воинском деле «прославляются», другие — «ослабевают». В частности, ранее «салтановых величеств турских государство» не было таким сильным, и бывали случаи, когда русские нападали на Константинополь и «годовую казну з греческих царей имывали», после же все переменялось. И крымским ханам теперь требуется «унятца... и жить с христианскими государями в покое», а иначе может прийти расплата в качестве «вящего воинского нахождения и разорения».

Возвращать завоеванные крепости и земли никто не будет, поскольку на их захват были потрачены значительные «убытки и труды». К тому же Азов был покорен за «неправды», «кровопролития и в полон похищения и разорения». Да и раньше он был в государстве предков царя. Казы-Кермен же и другие днепровские городки, построенные относительно недавно, использовались как опорные пункты для набе-

⁹⁹ На 1699 г. размер невыплаченных «годовых дач» достигал гигантской суммы в 237,3 тыс. руб.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 136 об. Такая датировка противоречит факту передачи «любительных поминок» за два года в октябре 1685 г. (см. главу 1). В историографии встречаются и другие даты. См., например: 1685–1686 гг. — *Базарова Т.А.* Проблема ежегодных выплат Крымскому ханству на русско-турецких переговорах в первой четверти XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 183; 1686 г. — *Аваков П.А., Сень Д.В.* Крымско-российские отношения и новая система международных договоров (1700–1772 гг.) // История крымских татар. Т. 3. Крымское ханство XV–XVIII вв. Казань, 2021. С. 389; 1700 г. — *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 77.

¹⁰¹ См. выше: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 135–149.

гов татар «на сторону царского величества». Возвращать эти опорные пункты «никакими мерами невозможно», потому что нападения вновь возобновятся. Сами турки ранее множество земель и государств захватили и все «взятое при себе удержали». После же заключения мира российские гарнизоны Азова и Казы-Кермена будут удерживать от набегов как татарские орды, так и донских и запорожских казаков¹⁰².

Аргументация по основным пунктам условий повторялась в статьях 10 (отказ в добровольном возврате Казы-Кермена, так как его захватили «силою и оружием», возвращение пленных после заключения трактата), 11 (отказ в выплатах хану и о размене пленников) и 12 (о запрете нападений казаков и воинских людей на турецкие и татарские земли, для чего и требовалось удерживать Азов и Казы-Кермен; переправа же подданных султана через Днепр разрешалась без каких-либо ограничений — «чинить вспоможение всесовершенно») ¹⁰³.

Особо оговаривались некоторые нюансы церемониальных процедур, имевших важное значение и уточнявших отдельные позиции открытого наказа. Согласно турецким обычаям, дипломатам других стран перед первым официальным приемом при дворе султана требовалось посетить везира; на самой аудиенции верительную грамоту принимал не монарх, а его ближние люди, передававшие ее везиру, который клал грамоту «перед самого салтана». Также посланников не допускали к целованию руки падишаха. Наказ предписывал препятствовать таким «нарушениям» церемониала, но при жестком сопротивлении турецкой стороны — «против прежняго их обыкновения и чтоб тем в деле великого государя не учинить помешки» — соглашаться с ее условиями¹⁰⁴. Отсутствие «поминок» полагалось объяснить тем, что между двумя государями «еще договору не учинено». Дары же будут присланы после подписания соглашения. А вручить их смогут послы, которые привезут ратификацию трактата¹⁰⁵. Обязательно требовалось контролировать правильность написания имени и титула Петра I (без «умаления»), используя при необходимости за образец Карловицкое «договорное... перемирие постановление»¹⁰⁶. Соглашение должно было подкрепляться «писмом договорным», подписанным везиром и заверенным печатью. В случае отказа в выдаче «письма» посланники должны были удовлетвориться грамотой о мире (перемирии), которую внимательнейшим образом «остерегать», чтобы в ней все было «написано подлинно на чем учинитца договор и постановление»¹⁰⁷.

Специально рассматривалась возможность «чинить» договор только с турецким султаном (по его же просьбе), то есть без упоминания крымского хана. В таком случае требовались гарантии, в случае русско-крымской войны, отказа со стороны Порты в помощи своему вассалу, а «то какой будет мир, а миротворение всегда бывает правдивое, чтоб впредь на обе стороны к тишине и к покою и к прибыли было»¹⁰⁸. Со своей же стороны посланникам полагалось настаивать на подписании договора

¹⁰² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 55–60. Ответ на пункты № 2 и 3 «докладных статей».

¹⁰³ Там же. Л. 62. Статья 10 (ответ на пункт № 4 «докладных статей»); Там же. Л. 62. Статья 11 (ответ на пункт № 5 «докладных статей»); Там же. Л. 62–63. Статья 12 (ответ на пункт № 6 «докладных статей»); Там же. Л. 69–70. Статья 23 (ответ на пункт № 19 «докладных статей»).

¹⁰⁴ Там же. Л. 68. Статья 20 (ответ на пункт № 15 «докладных статей»).

¹⁰⁵ Там же. Л. 69. Статья 22 (ответ на пункт № 18 «докладных статей»).

¹⁰⁶ Там же. Л. 70. Статья 24 (ответ на пункт № 19 «докладных статей»).

¹⁰⁷ Там же. Л. 65. Статья 16 (ответ на пункт № 10 «докладных статей»).

¹⁰⁸ Там же. Л. 64. Статья 15 (ответ на пункт № 9 «докладных статей»).

от имени Московского государства «и со всеми к нему принадлежащими княжествами и землями в них з живущими». Вероятные попытки османов исключить упоминание «Украины Малороссийской» и «Запорогов» (Запорожской Сечи) со ссылками на договор с Речью Посполитой отвергались, так как эти земли отошли к России по Вечному миру 1686 г. А султану чужими землями «к иному государству поступатца и в договоры вписывать было нельзя, чего и не довелось»¹⁰⁹. Дважды оговаривался запрет на упоминание в тексте возможного соглашения бывших союзников по анти-турецкой коалиции — австрийцев, венецианцев и поляков, которые с султаном «помирились, оставя царское величество»¹¹⁰.

Во время пребывания в Константинополе рекомендовалось налаживать контакты с представленными там дипломатами европейских стран, у которых можно было просить помощи и узнавать «ведомости»¹¹¹. Другим источником информации должны были выступать православные патриархи, которым, «смотря по их трудам», предназначалось жалование «собольми против прежних дач»¹¹². Переписку с Москвой следовало вести через «нарочных» гонцов с разрешения турецких властей, которым требовалось указать, что отказ спровоцирует замедление переговорного процесса: «...и от того в делех на обе стороны учинитца мешкота и несходство». При запрете или других помехах посланники должны были вести секретную переписку через гетмана И.С. Мазепу «тайною образцовою азбукою», используя надежную «оказию» «с ведомыми проходцами». А уже от него письма бы доставлялись в российскую столицу¹¹³.

Отдельными проблемами выступали вопросы о «вольной» торговле и Гробе Господнем. По первой позиции предлагалось введение свободного передвижения купцов по территории обеих стран («в те города и места, в которые кому будет способнее») с выплатой соответствующих пошлин. Причем при отсутствии предложений с турецкой стороны посланник должен был сам выступить с таким почином. Поддерживалась возможная инициатива по включению в торговые операции, помимо русских и турецких, еще и персидских товаров. Исключение делалось лишь для «карабельного» леса¹¹⁴. Предложения по религиозной тематике требовалось выдвигать лишь в «пристойное время», в перерывах между другими делами. Кроме полного возврата, «как бывало изстари», «греком» Гроба Господня и Иерусалимской церкви, озвучивались просьбы о снятии ограничений в исповедовании православной веры («в вере свобода») на территории владений султана, об отмене дополнительного обложения православных («дани») в связи с войной и о разрешении свободного перемещения паломников¹¹⁵.

Рассматривался даже вопрос о возможном заключении договора о дружбе и взаимопомощи в ответ на такое предложение турок: быть «другу другом, а недругу недругом». Причем если в первоначальном виде в «докладных статьях» Ф.А. Головин однозначно отвергал такое развитие событий, то в черновике тайного на-

¹⁰⁹РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 76–77а. Статья 32 (ответ на пункт № 37 «докладных статей»).

¹¹⁰Там же. Л. 65, 75–76. Статьи 17 и 30 (ответы на пункты № 11, 34 и 35 «докладных статей»).

¹¹¹Там же. Л. 75. Статья 29 (ответ на пункт № 33 «докладных статей»).

¹¹²Там же. Л. 68, 73–75. Статьи 21 и 28 (ответы на пункты № 17 и 28 «докладных статей»).

¹¹³Там же. Л. 72–73. Статья 27 (ответ на пункты № 23, 27, 31 и 32 «докладных статей»).

¹¹⁴Там же. Л. 64, 71–72. Статьи 13 и 26 (ответы на пункты № 7 и 22 «докладных статей»).

¹¹⁵Там же. Л. 70–71. Статья 25 (ответ на пункт № 21 «докладных статей»).

каза посланнику указывалось «отговариватца не силно, а естли заупрямитца, и то написать»¹¹⁶.

Особо оговаривались возможные требования османской стороны, которые могли затянуть переговорный процесс. Во-первых, категорически запрещалось принимать «малое перемирие» на 1–5 лет по образцу Карловицкого соглашения. Во-вторых, при полном неприятии оппонентами основных позиций Москвы касательно территориальных изменений (Азов, Казы-Кермен) и прекращения выплаты дани необходимо было запрашивать дополнительные инструкции у государя, прямо не отказывая туркам. В-третьих, в требованиях запрета ремонта старых укреплений и постройки новых крепостей (городков) на завоеванных территориях разрешалось уступить по второй позиции, отстаивая всеми силами первую¹¹⁷.

В последней, 33-й статье наказа рассматривались экстраординарные ситуации, связанные с возможным прекращением переговоров и возобновлением военных действий. Категорический отказ турок продолжать контакты с русскими посланниками без возвращения всех завоеванных земель и возобновления «дачи» хану предписывалось нивелировать «пространными розговорами» по образцу вышеуказанных статей, препятствуя «отпуску» миссии из Константинополя и отправляя нарочных гонцов (или «тайных проходцев») в Москву. Особо внимательно следовало выяснять внешнеполитическую обстановку на границах Османской империи, а также ее возможное намерение начать новую войну «к отмщению своих убытков и к возвращению уступленных городов ис свой стороны». В случае, если «мир... не состоитца», требовалось вступить в тайные переговоры с Константинопольским патриархом и советоваться с ним о предстоящей войне и походе к Дунаю и крепости Килия, о помощи со стороны христианских народов, «которые в той войне обещаютца спомогати, о чем многожды писал он, святейший патриарх и протчие к великому государю». Все пространные разговоры следовало записывать, сохраняя полную секретность, «чтоб сего протчие не уведали»¹¹⁸.

В качестве дипломатического обеспечения деятельности миссии было отправлено несколько посланий в страны, имевшие в Стамбуле собственные представительства. 29 июля 1699 г. в Вену, Гаагу и Лондон ушли просьбы о содействии их послов прибывающему в османскую столицу русскому дипломату¹¹⁹. К самому султану и крымскому хану с «обещением» о предстоящей миссии еще в апреле 1699 г. были направлены грамоты. Причем задача по организации их пересылки была возложена на украинского гетмана¹²⁰.

Из-за капризов погоды русская эскадра, на одном из кораблей которой находился сам Петр I, покинула Таганрог лишь 14 августа, отправившись в «морской поход». После двухнедельных переговоров в Керчи с турками, не желавшими пропускать посольский корабль в Черное море, удалось добиться разрешения на проход. Российская флотилия отправилась обратно, а «Крепость» с миссией Е.И. Украинце-

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 64. Статья 14 (ответ на пункт № 8 «докладных статей»).

¹¹⁷ Там же. Л. 66–67, 76. Статьи 18, 19 и 31 (ответы на пункты № 12, 13 и 36 «докладных статей»).

¹¹⁸ Там же. Л. 78–79 об. Статья 33.

¹¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1699 г. Д. 18; РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1699 г. Д. 4; ПБПВ. Т. 1. СПб., 1887. С. 292–293.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 8–25.

ва и И. Чередеева на борту 28 августа 1699 г. отплыла в сторону Константинополя. 6 сентября посольство достигло столицы Османской империи¹²¹.

Переговоры и заключение соглашения

Официальные контакты посольства Е.И. Украинцева начались 12 сентября беседой с А. Маврокордато. 18 сентября посланники посетили великого везира Хусейн-пашу Кёпрюлю¹²² и лишь 8 октября оказались на аудиенции у султана Мустафы II. Первая же дипломатическая конференция состоялась 4 ноября в присутствии великого везира. Всего было проведено 23 (24) конференции «с министрами государства Турского» («думными людьми») — известными нам по Карловицким переговорам реисом-эфенди («великим канцлером») Рами Мехмедом и великим драгоманом («ближним секретарем государства Оттоманского») Александром Маврокордато¹²³.

Общий ход переговоров, подробнейшим образом описанный М.М. Богословским¹²⁴, в целом соответствовал канве дипломатического противостояния на Карловицком конгрессе. Россия планировала заключить мир или долговременное перемирие, полностью сохранив все завоевания (крепости с окружавшими их территориями), закрепив отказ от каких-либо выплат Крыму и организовав обмен пленными. Дополнительно планировалось получить беспрепятственный доступ (взаимный) к торговле по всей Османской империи, добиться свободы православия, возврата Гроба Господнего в руки греков. Османская империя желала максимально возможного возвращения к предвоенному состоянию, что предполагало возврат потерянных территорий, выплату поминок Бахчисараю и т.п.

На многочисленных встречах, которые проходили очень неравномерно (паузы между ними длились от нескольких дней до месяца), Е.И. Украинцеву пришлось столкнуться с сильнейшим упорством оппонентов, причем в крайне невыгодных для себя условиях. Находясь фактически во враждебном окружении и не имея ни малейшей поддержки от дипломатических представителей бывших союзников, посол был вынужден подстраиваться еще и под интересы своего сюзерена: Петр I, намереваясь начать новую войну на Балтике, желал без промедления закончить все дела на юге.

В такой ситуации думный советник, маневрируя между настойчивостью турок и указаниями царя, старался с максимальной полнотой отстоять интересы своего государства. Нередко он шел на прямое игнорирование требований Петра I, если полагал их преждевременными, соразмеряя предписания из Москвы со сложившейся обстановкой. Например, когда в феврале 1700 г. пришло указание об уступке туркам приднепровских городков, глава русской миссии постарался скрыть данный факт. В ответном письме Петру I он сообщал: «По присланным статьям ко всему поступить... пристойно, в чем бы подозрения от них не было и не поставили в обман

¹²¹ *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 5 / под ред. В.И. Лебедева. М., 1948. С. 5, 10.

¹²² В грамотах и посольской книге встречаются другие имена великого («большого») визира: Галишан Азым-паша, Алишан Гусейн-паша, Хусейн Азем-паша и пр.

¹²³ 24 конференции указываются в начале статейного списка в посольской книге, где кратко характеризуются все мирные переговоры (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 2). Однако в тексте самой книги последняя конференция («разговор») указывается как 23-я: «И июня в 16 день были... чрезвычайные посланники... на 23-м разговоре» (Там же. Л. 992 об.). Возможно, в общий счет вошла встреча 3 июля 1700 г., на которой происходило не только подписание и обмен текстами мирного договора, но и сверка и последнее уточнение его текстов, обмен торжественными речами и т.п. (Там же. Л. 1033 об.— 1052 об.).

¹²⁴ *Богословский М.М.* Петр I. Т. 5. С. 54–280.

и в лукавство... а в том на меня положи своего государского гневу, что вскоре к тому не приступлю»¹²⁵.

В итоге Е.И. Украинцеву удалось положительно решить вопросы о сохранении за Россией Азова и азовских пригородов, об отмене денежных выдач крымскому хану, о правильности и полноте титулования московского государя¹²⁶. Во время бесед с А. Маврокордато русский дипломат неоднократно поднимал вопрос о положении православных в Османском государстве и принадлежности Святых мест. По словам великого драгомана, турки вообще отказывались обсуждать данную проблему, полагая это внутренним делом своего государства, а «всякий в своем силен и волен». В качестве своеобразной лазейки грек предлагал написать «просительные грамоты» к султану и везиру со стороны царского величества уже после подписания мирного соглашения. Тогда же прошения предлагалось организовать и от православных патриархов — Константинопольского (Цареградского) и Иерусалимского¹²⁷. Сами посланники уже после обмена текстами договора 3 июля 1700 г. представили везиру «ходатайство» от имени царя о передаче Гроба Господня в юрисдикцию православной церкви (грекам).

Основным же камнем преткновения, после урегулирования менее спорных условий соглашения, вновь стал вопрос о приднепровских городках. Турки требовали возвращения Казы-Кермена и окружающих его крепостей с территорией, причем в полной сохранности. Сначала посланники Петра I вообще не хотели слышать о каких-либо уступках. Однако в январе — феврале 1700 г. российские дипломаты начали сдавать свои позиции. 12 февраля Украинцев предложил «средок», то есть промежуточный вариант: городки на 6–7 лет оставить за московским правителем, а затем разорить. 24 февраля он согласился на возвращение занятых территорий Турции, но с полным уничтожением всех крепостей. Турки продолжали упорствовать. Однако настойчивость думного советника принесла свои плоды: к 12 апреля, когда пришло новое письмо от царя с согласием на возвращение городков в полной сохранности, вопрос уже был решен в более выгодном для Москвы варианте. Посланники сумели еще в марте договориться о передаче территории с разоренными крепостями¹²⁸.

Итогом дипломатических переговоров, растянувшихся на девять с лишним месяцев, стало подписание 3 (14) июля 1700 г. 30-летнего перемирия. Его условия были сформулированы в 14 статьях и заверены подписями и печатями как самих чрезвычайных посланников, так и турецких представителей (великого везира — на экземпляре на турецком языке, «думных людей» — на латинском списке). Каждая из сторон подписала и заверила собственный экземпляр мирного соглашения, обмен которыми состоялся 3 июля¹²⁹.

Согласно «мирным статьям» между государствами прекращались «всякое неприязнество и недружба», которые приводили к войнам и сражениям. Требовалось установление «покоя и тишины, и права безопаства и полезности», а между поддан-

¹²⁵ ПБПВ. Т. 1. С. 792–793.

¹²⁶ Богословский М.М. Петр I. Т. 5. С. 135–142, 144–149, 222–232.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 786–787.

¹²⁸ Богословский М.М. Петр I. Т. 5. С. 119–128, 136; ПБПВ. Т. 1. С. 332–333.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1052 об.— 1078 об. Подлинник грамоты на турецком языке, находившийся в РГАДА (Ф. 89. Оп. 3. Д. 7), передан в МИД СССР по акту от 19.06.1952 г.

ными и жителями «царств» «дружба да соблюдетца». Оговаривалась возможность продления перемирия по желанию сторон (статья 1). Днепровские городки («Тавань, и Казы-Кермень, и Нустрет-Кермень, и Сагинь-Кермень») ¹³⁰ подлежали полному разрушению с передачей окрестных земель Оттоманскому государству. Строительство на их месте какого-либо опорного пункта запрещалось: «...впредь никогда... никакому поселению не быть». Разорение должно было совершиться в 30-дневный срок после получения ратификационной грамоты «по подтверждении сего мира чрез великое посольство». К тому времени все российские войска (с пушками, снаряжением, различными запасами) должны были покинуть эти крепости (статья 2) ¹³¹.

Для обеспечения переправы через Днепр «на середке меж Ачаковым и разоренными Казыкерменскими городками» туркам («от Оттаманского империя») разрешалось основать небольшое село с оградой. Здесь запрещалось строить какие-либо серьезные укрепления, устанавливать артиллерию, дислоцировать войска или боевые корабли (статья 3). Город Азов с прилегающими территориями («старые и новые городки, и меж теми городками лежащая... земля... вода») официально становился владением царя (статья 4) ¹³².

Подданные обеих сторон должны были соблюдать «безопасный и крепкий... покой, почивания и тишины», а от какого-либо «своеволства да удержаны будут». Между населенными землями обоих государств, включая территорию Крымского ханства, определялось пространство, являвшееся пустой буферной зоной: «Земли пустые и порозжие и всяких жилцов лишены да пребудут». Такие земли устанавливались: 1) между рубежом («простирающейся земли от края»), находившимся в 12 часах езды от Перекопа вдоль «заливы Перекопской», и новым городком на р. Миус; 2) между Запорожской Сечью и Очаковым (исключая село из статьи 3). Эти пространства могли свободно использоваться для хозяйственных нужд без уплаты пошлин: охоты, рыбной ловли, заготовки дров и сена, добычи соли и меда. Также разрешался выпас скота для крымских жителей. Вместе с тем около городов «с обеих сторон» выделялось «место довольное» под огороды и виноградники (статьи 5–6). К востоку от Азова со стороны Кубани к России отходили земли на 10 часов «ездою конскою обыкновенным... обычаем». Здесь размежевание границы «с положением явных знаков» предполагалось проводить позже с помощью специальных комиссаров. Остальные земли во владениях турецкого султана оставались без каких-либо изменений. Под угрозой «прежестокого» наказания запрещались нападения друг на друга как подданных царя, так и подвластных османам народов, среди которых упоминались «татаровя... и нагайцы, и черкесы, и крымские и иные...» (статья 7) ¹³³.

Окончательно отменялась «дача, которая по се время погодно давана была» крымскому хану: «или прошлая, или ныне, или вpredь да не будет должна... даваться» от московского государя и от его наследников. Подтверждался категорический запрет походов и набегов (и иных форм нанесения «убытка и урону») как казаков, так и татар (и иных жителей обоих государств) на земли контрагента. Нарушителям

¹³⁰ По факту на момент заключения договора существовали Тавань и Казы-Кермен. «Сагинь-Кермень» — одно из наименований Ислам-Кермена (Аслана). Упоминание Нустрет-Кермена (Мустрит-Кермена) — явная ошибка. Эта крепость стала частью Тавани и в качестве самостоятельного укрепления не существовала. Очевидно, дипломаты имели в виду Муберек-Кермен (Шингирей), который оказался заброшенным после боев 1697 г.

¹³¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1054–1055 об.; ПСЗ. Т. 4. 1700–1712. СПб, 1830. С. 67–68.

¹³² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1055 об. — 1056; ПСЗ. Т. 4. С. 68.

¹³³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1056 об. — 1058 об.; ПСЗ. Т. 4. С. 68–69.

грозила суровая расправа «по тягости вин своих без пощады», вплоть до смертной казни. Все споры и разногласия предлагалось решать на мирных переговорах с «порубежными» главами администраций (статьи 8, 11). Обмен пленниками проводился либо «честною разменою» (то есть равноценно по количеству людей и их статусу), либо через выкуп. Если о выкупе не удалось бы договориться без конфликта, то цена определялась по свидетельствам и клятвам. Все невольники, захваченные после заключения мира, подлежали освобождению без каких-либо условий. Единственным препятствием, исключавшим возвращение в Московское государство, являлся переход из христианства в мусульманство. Что любопытно: обратная ситуация отдельно не оговаривалась (статья 9)¹³⁴.

Вопрос о торговле из-за сопротивления турецкой стороны, которая отказывалась принимать предложения русских дипломатов о свободном проходе по Черному морю российских купцов, был отложен до последующих переговоров. Их проведение отдавалось на волю будущего посольства, которое должно было привезти ратификацию мирного соглашения (статья 10). Любым представителям «московского народа», отправляющимся в паломничество, разрешалось свободно посещать в Иерусалиме «места, достойные посещения» [т.е. Святые места] (статья 12). «Для творения и подвижения надобных дел» в Стамбуле создавалось российское представительство. Сроки его появления указывались крайне расплывчато: «...когда надобно будет». Царский «резидент» и его служащие («толмачи») получали «свободы и привилегии», аналогичные европейским миссиям. Особо оговаривалось разрешение на беспрепятственный проезд гонцов с дипломатической почтой (статья 13). Договор предписывалось утвердить российскому монарху и турецкому султану. Не позже чем через 6 месяцев с момента отъезда посланников царский великий посол должен был привезти в Константинополь ратификационную («подтверженную») грамоту и забрать обратно «салтанскую утверждающую». И лишь после обмена ратификациями соглашение о 30-летнем перемирии официально вступало в силу (статья 14)¹³⁵.

После торжественного обмена экземплярами договора 3 июля 1700 г. Е.И. Украинцев, в тяжелейших условиях почти год распутывавший паутину «восточной дипломатии», выступил с речью, где не скупился на хвалебные слова в отношении роли великого везира в подписании мирного трактата. По его словам, благодаря османскому главе правительства, «достохвальное безсмертной славы достойное примирения дело» было завершено «мудрым превосходительства твоего правительством». Именно Хусейн-паша, по мнению русского дипломата, «усмотрел... высоким благоразумием своим», что «всякая долгая и великая война сканчивается миром», а «кто мир презирая, желает славы, и той и мир погубляет и славу»; недаром кто-то «от премудрых» сказал: «Понеже мир в твоих, а победа в Божиих руках». В ответных словах везир согласился, что «по истиние де всегда мир лучше болших побед» и посланникам он взаимно «благоприветствует добрым сердцем сего доброкончанного мирного дела учинением». Подданные же Российского царства и Османской империи должны возрадоваться и веселиться «тем постановленным святым покоем и тишиною»¹³⁶.

Главным итогом заключенного договора можно считать урегулирование территориальных вопросов, вокруг которых на переговорах и происходили основные раз-

¹³⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1058 об.— 1062 об.; ПСЗ. Т. 4. С. 69–71.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1062, 1062 об.— 1064; ПСЗ. Т. 4. С. 71–72.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1043–1044.

ногласия. В восприятии турок возвращение земель по Днепру (даже с разоренными городками) и потеря Азова с окрестностями стали ключевыми позициями 30-летнего перемирия. Об этом свидетельствует письмо А. Маврокордато к английскому послу лорду У. Пэджету, где из всех условий подписанного соглашения упоминаются только эти два¹³⁷.

Для российской стороны понимание основных результатов мирного соглашения было более широким. На основе нескольких черновых отпусков указов из Посольского приказа в Разряд и Казанский дворец и выписок, связанных с награждением Е.И. Украинцева, удается выделить ключевые итоги, которые полагались наиболее важными. Во-первых, — здесь наблюдается полная солидарность со Стамбулом, — произошла фиксация изменения границ государств: Россия получала Азов и возвращала завоеванную часть Нижнего Поднепровья. И если Азов султан «уступил... со всеми к нему należущими старыми и новыми городками» — «Тагань Рог, Миус и Павловской», то укрепления по Днепру предписывалось разорить, и поселениям там «не быть». Дополнительно обращалось внимание: 1) на проведение рубежа владений двух сторон на расстоянии в 10 часах обычной конской езды к Кубани, которое бы осуществили «разумные и благоволительные» комиссары «положением явных знаков», 2) на разрешение, для обеспечения переправы, постройки турками села между Очаковым и разоренными днепровскими городками без каких-либо укреплений, пушек, воинских контингентов, боевых кораблей. Во-вторых, прекращались выплаты крымскому хану: «Дачю крымскую, которую ханы с Московского государства имывали, ныне и впредь и за прошлые годы отговорил и отставил». В-третьих, чрезвычайный посланник «договорился и постановил» русских пленных «проведывать и откупать» во всех подвластных османам землях, чтобы «ездить и о свободе их промышлять и в Русь вывозить невозбранно». В-четвертых, урегулировалось совместное использование нейтральных территорий. При этом «его царского величества всяких чинов подданным» (в других случаях — «запорожцам») разрешалось свободно «в Днепре и ьных речках, и на иных местех и водах: се есть, которые меж Миусом и Перекопью, и на местах к Черному морю ближних» заниматься разнообразным промыслом: «дрова сечь, пчелики держать, сено косить, соль возить, рыбную ловлю чинить и в лесах ловлю звериную творить». Крымские же жители «для тесноты Крымского острова» могли за Перекоп на пастбища «выгонять» скот и иных животных¹³⁸.

Любопытно, что в одном из отпусков указа в Разряд (от 23 августа 1700 г.), в отличие от всех остальных бумаг, указывалось на двух контрагентов России: «...учинил меж государств его царского величества с салтаном турским и ханом крымским перемирье». Аналогично идентифицируется и само событие: «...о том турском и крымском миру»¹³⁹.

В целом, можно сказать, что русские посланники выполнили основную часть пожеланий тайного наказа, о чем шла речь выше. Сохранить за Россией все занятые территории удалось не в полной мере. Однако возвращение туркам нижнеднепровских земель с одновременным разорением местных городков-крепостей позволило снизить набеговую активность крымских охотников за добычей, что дополнительно

¹³⁷ Cernovodeanu P., Caratafu M. Correspondance diplomatique d'Alexandre Mavrocordato... P. 346.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 228–230, 232–237, 259–261, 268–274.

¹³⁹ Там же. Л. 236–237.

подкреплялось угрозой жестоких казней за нарушение мира со стороны представителей власти обеих сторон. Из нереализованного можно отметить вопрос о торговле по Черному морю, отложенный до будущих посольств, и ситуацию с защитой православных подданных султана и принадлежностью Святых мест в Иерусалиме. Ответ по последнему вопросу был получен в 1701 г. в грамоте к царю от султана Мустафы II, который сообщил о равенстве положения греческой и римской конфессий в правах на Гроб Господень. Из-за имеющихся распрей турки специально никому не отдавали первенство во владении святынями¹⁴⁰.

Ратификация мирного договора

Гонцы с информацией о заключении мира отправились в путь 7 июля 1700 г., то есть через четыре дня после подписания соглашения. М.М. Богословский высказывал даже некоторое удивление данной отсрочкой: «Вопреки всем ожиданиям Украинцев и с этим не торопился»¹⁴¹. На самом деле задержка объясняется подготовкой посланником подробнейшего отчета о ходе многомесячных переговоров с передачей краткого содержания предыдущих посланий¹⁴². Представляется, что перед русским дипломатом на первом месте стояла задача точно разъяснить все обстоятельства дела и причины задержки с подписанием трактата, а не спешить с отправлением сунуча. Какое-то время также заняло составление копий договорных статей и шифрование объемного донесения, что было характерно для всей почты, отправляемой из Константинополя¹⁴³. Отряд, который перевозил дипломатические бумаги, возглавляли сержант Преображенского полка Никита Жерлов и стольник Гур Родионов сын Украинцев.

К сожалению, с абсолютной точностью определить день, когда известие об окончании войны с турками достигло столицы Московского государства, пока не удастся. В источниках встречаются две даты, которые в дальнейшем и фигурируют в историографии. Первая — 9 августа 1700 г. — определяется по двум письмам Петра I (к князю Ю.Ю. Трубецкому и польскому королю Августу II), заверенным этим числом: «Ныне мы получили ведомость с нарочным гонцом из Константинополя, что мир с турки получили на 30 лет...»; «Ныне же, при помощи Божии, получа мир с Портою». Одновременно в обоих посланиях царь пишет и о начале конфликта на севере: «...и ныне мы, при помощи Божей, начали войну против шведов...» и «...к сему подвигу приступили есмы... указ послали, дабы как наискорее, объявля войну...»¹⁴⁴. Вторая — 18 августа 1700 г. — указана еще в одном письме монарха (к адмиралтейцу Ф.М. Апраксину), датированном 22 августа: «Мы здесь в 18 день объявили мир с турки [зело с преизрядным фейверком]; в 19 день объявили войну

¹⁴⁰ См.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 2. Д. 68.

¹⁴¹ *Богословский М.М.* Петр I. Т. 5. С. 248.

¹⁴² Подробная отписка сохранилась в составе статейного списка миссии (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1090–1129 об.) и была опубликована Н.Г. Устряловым (*Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. Путешествие и разрыв с Швецией. С. 543–551). Также удалось обнаружить еще два письма Е.И. Украинцева к царю, посланные с Н. Жерловым и Г.Р. Украинцевым: 1) от 7 июля 1700 г. (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 7. Л. 578–579); 2) полученное в Москве 16 августа 1700 г. и включавшее краткое содержание писем за год (с 28 августа 1699 г.). См.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 186–208а (беловик) и 209–224/227 (черновой отпущ).

¹⁴³ Шифрование проводилось из соображений секретности. Оригиналы почти всех донесений посланников сохранились в зашифрованном виде: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 7.

¹⁴⁴ ПБПВ. Т. 1. С. 382–383.

против шведов...»¹⁴⁵ Последний вариант подтверждается указом от 19 августа 1700 г. о нападении на «свейского короля городы» и объявлением о сборе ратных людей Московского государства¹⁴⁶.

Из документов, связанных с приездом гонцов, выясняется еще одна дата прибытия известия в Москву — 16 августа. Она фигурирует в письме Е.И. Украинцева к царю, скопированном в тетрадах: «В нынешнем 1700-м году августа в 16 день писал к великому государю...»¹⁴⁷, а также в черновых отпусках указов из Посольского приказа в Разряд и Казанский дворец с кратким перечислением условий перемирия¹⁴⁸. Во всех случаях под фразой «августа в 16 день писал к великому...», согласно делопроизводственной практике, подразумевается дата получения послания в приказе.

Такое разночтение в датах может объясняться получением Петром 9 августа известия о мире, посланного «наскоро» с вестником, которое несколько опередило прибытие Г.Р. Украинцева и Н. Жерлова. Оно могло быть послано от гетмана Мазепы или самих гонцов. Получив его, царь начал подготовку к войне, написав депеши Ю.Ю. Трубецкому, Августу II и новгородскому воеводе и одновременно направив в Ижорскую землю Я. Брюса (о чем и говорится в посланиях монарха от 9 августа). 16 августа прибыли гонцы, которые привезли официальные бумаги от чрезвычайных посланников и копии трактата. И уже на их основании Петр I 18 августа торжественно возвестил о заключении мира с турками (с салютом), а на следующий день официально объявил войну Швеции.

Оригиналы (на турецком и латинском языках) соглашения с Османской империей и сопроводительные грамоты привезли сами посланники, которые вернулись в Москву 10 ноября 1700 г. Этой же датой помечена в Посольском приказе часть переводов: «Перевод с листа турецкого великого везира, каков писал с чрезвычайными посланниками... в нынешнем в 1700-м году ноября в 10 день»¹⁴⁹. 15 ноября дипломаты передали подлинники документов в Посольский приказ¹⁵⁰, где им было предписано собираться в поездку под Нарву (Ругодив) для личного доклада царю. Однако путешествие не состоялось из-за поражения русских войск в битве со шведами под стенами осажденной крепости¹⁵¹.

Есть вероятность, что выезд Д.М. Голицына (будущего посла с ратификацией), Е.И. Украинцева и И. Чередеева (в сопровождении переводчика Андрея Ботвинкина и подьячего Бориса Карцева) в сторону зоны боевых действий все же произошел, хотя поездка была прервана в дороге. В бумагах сохранились отпуски указов и памяти о выделении 64 подвод и выдаче проезжей грамоты. Кроме того, имеются два перевода с грамот султана и великого везира, «каков писал с чрезвычайными посланниками... в нынешнем в 1700-м году ноября в 30 день». Возможно, это следы повторного приезда (возвращения) дипломатов в столицу¹⁵².

¹⁴⁵ ПБПВ. Т. 1. С. 384.

¹⁴⁶ ПСЗ. Т. 4. С. 74–75.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 186.

¹⁴⁸ Там же. Л. 228, 232, 236.

¹⁴⁹ Там же. Л. 262, 266.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1285 об.

¹⁵¹ Базарова Т.А. «Послать для своих великого государя дел...»: посольство Д.М. Голицына к Высокой Порте в 1701 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 196.

¹⁵² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 275–282, 297, 301.

Вскоре Петр I вернулся в Москву, и 11 декабря 1700 г. в Преображенском Е.И. Украинцев получил аудиенцию, на которой передал грамоты православных патриархов для царя, царевича Алексея и патриарха Адриана¹⁵³.

Вопросы вооруженного противостояния со шведами ранее занимали все помыслы Петра I, поэтому подготовка отправки посольства Д.М. Голицына с ратификационной грамотой началась лишь после встречи с чрезвычайным посланником. Чтобы нивелировать возможное недовольство Высокой Порты задержкой монаршего подтверждения мирного трактата, с объявлением о предстоящем приезде великого посла 11 декабря в Турцию отправляют «в гонцах» подъячего Посольского приказа М.Р. Ларионова¹⁵⁴. На следующий день выходит указ о подготовке миссии Д.М. Голицына, но лишь 19 января 1701 г. он покидает столицу России¹⁵⁵. «Утвердительная» грамота датировалась 30 декабря 1700 г.¹⁵⁶, поэтому русский посол мог привести некоторые оправдания в частичном следовании условиям договора (ратификация должна была прибыть «к Блистательной Порте» не позже 6 месяцев с момента выезда миссии Е.И. Украинцева).

Из-за задержек в пути (по причине весеннего половодья) посольский «караван» Д.М. Голицына достиг Андрианополя, куда из Константинополя на жаркое время года перебирался османский двор, лишь в мае. 21 мая состоялся торжественный въезд в город, 9 июня — прием у великого везира и 17 июня — передача ратификационной грамоты, вместе с поминками, турецкому султану Мустафе II. Вручение османской ратификации, символизировавшее вступление в силу мирного соглашения, произошло на последней аудиенции у турецкого правителя 7 августа 1701 г. Все дополнительные переговоры о разрешении проезда русским торговым кораблям через Черное море и принадлежности иерусалимских святынь, оставшиеся в подвешенном состоянии после миссии Е.И. Украинцева, вновь окончились неудачей¹⁵⁷.

«Подтвержденную» грамоту турецкого султана, датированную 25 июля 1701 г.¹⁵⁸, Д.М. Голицын доставил в Москву лишь в январе 1702 г. Все договоры и грамоты, связанные с заключением 30-летнего перемирия, тогда же было указано передать для хранения и «бережения» на Казенный двор боярину князю П.И. Прозоровскому и «запечатать своею великого государя печатью». Сами документы находились в ящике, оклеенном «отласом червчатым»¹⁵⁹.

Ратификация Константинопольского договора следующим султаном Османской державы, Ахмедом III, вступившим на престол в августе 1703 г., затянулась на несколько лет. Новый правитель занял трон после свержения своего брата Мустафы II в результате народного восстания в столице, вызванного в том числе и недовольством результатами недавно завершившихся войн. Еще в декабре 1703 г. к Петру I

¹⁵³РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1285 об.

¹⁵⁴Базарова Т.А. «Ни в какие дела не вступаться»: русские представители в Стамбуле в 1700–1701 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 8. История. С. 48.

¹⁵⁵Базарова Т.А. «Послать для своих великого государя дел...». С. 196–197.

¹⁵⁶См.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 9.

¹⁵⁷Базарова Т.А. «Послать для своих великого государя дел...». С. 197–201.

¹⁵⁸Подлинник грамоты на турецком языке, находившийся в РГАДА (Ф. 89. Оп. 3. Д. 10), передан в МИД СССР по акту от 19.06.1952 г.

¹⁵⁹РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 283–284, 295–296.

была послана грамота, извещавшая о воцарении нового падишаха и содержавшая обещание подтвердить «постановленный между обоими дворами мир и согласие»¹⁶⁰. Находившийся в Константинополе русский посол П.А. Толстой приложил все усилия, чтобы сгладить возникшие противоречия между двумя странами. Его усилия долгое время оказывались тщетными и лишь 3 января 1710 г. завершились дипломатической победой: Ахмед III выдал грамоту с искомой ратификацией. В феврале гонец повез документ в Россию. Вместе с тем уже 9 ноября того же года Константинопольский договор 1700 г. был дезавуирован объявлением Блистательной Портой новой войны Российскому царству¹⁶¹.

Реализация условий соглашения и размежевание границ

Согласно условиям договора российская сторона должна была оставить днепровские городки в течение 30 дней после «подтверждения» (ратификации) соглашения отдельным посольством. В.С. Великанов ошибочно полагал, что отсчет указанного срока начинался после 3 июля, а в дальнейшем российская сторона просто «решила отложить выполнение статей Константинопольского договора»¹⁶².

Предварительная подготовка вывода войск и разрушения укреплений последовала сразу же по получении информации из Константинополя. Уже 18 августа выходит указ генералу князю И.М. Кольцову-Мосальскому, который должен был летом — осенью 1700 г. совместно с полками И.С. Мазепы совершить поход для усиления днепровских городков. Согласно этому документу его основная задача кардинально менялась: вместо «подкрепления» гарнизонов генералу предписывалось максимально быстро ликвидировать старые крепости («разорить, стены разбить и рвы засыпать»), одновременно скрытно организовав поиск места для нового укрепления около Запорожской Сечи¹⁶³.

Новый указ от 30 августа 1700 г. Ф.А. Головину, уже без апелляции к срочности, подробно описывал все мероприятия по отводу воинских отрядов и постройке нового опорного пункта. Из Тавани и Казы-Кермена все войска направлялись на территорию Российского государства: «Воеводу с полковники и с начальными и со всеми ратными людьми перевести, ис тех же городков и пушки и осадные и полковые, всякие воинские наряды и ружье и полковые всякие припасы и хлебные запасы перевести в Сечю». Одновременно уничтожались имеющиеся укрепления, а жителям говорилось, «чтоб они ис тех городков шли жить в ыные его великого государя... города и села, где хто похочет со всеми своими пожитками, и ис тех городков их выслать...». Затем И.М. Кольцову-Мосальскому и таванскому воеводе стольнику Ивану Апухтину (Опухтину) предписывалось основать новое укрепление не далее чем в 10 верстах от Запорожской Сечи, ниже по течению Днепра, «на

¹⁶⁰РГАДА. Ф. 89. Оп. 2. Д. 69.

¹⁶¹Базарова Т.А. «Для лутчаго и состоятельнейшаго оного мира охранения...»: Пребывание русского посла П.А. Толстого при османском дворе // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 101: Петровское время в лицах — 2019. Материалы научной конференции. СПб., 2019. С. 59. Копия ратификации, подлинник которой был передан в МИД СССР 19.06.1958 г., хранится в РГАДА: Ф. 89. Оп. 3. Д. 14.

¹⁶²Великанов В.С. Днепровский поход войск кн. Кольцова-Мосальского в 1700 году // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 22–23 марта 2019 г.) / под ред. Д.П. Исаева и др. Ростов н/Д, 2019. С. 573.

¹⁶³Там же.

пристойном и удобном к городовому строению месте, вновь городок земляной», который бы мог вместить «в осаде» не менее 1 тыс. человек. Снабжение новоявленной крепости должно было осуществляться за счет вывезенных ресурсов: «...лучшие полковые и верховые пушки и иные полковые припасы и ружье перевести в... городок, сколько чего уместить мочно». Из того же источника поставлялось продовольствие «на год и болши», которое обеспечивало тысячный гарнизон «из русских и гетманского регименту» во главе с полковником. Во избежание конфликтов о начале мероприятий обязательно требовалось поставить в известность («писать... ведомости») перекопского бея и очаковского «начального». Создание всей документации и, вероятно, координация действий возлагались на Посольский приказ, который должен был направить в Разряд «образцовые письма», одно из которых было составлено 9 сентября¹⁶⁴.

Задержка с отправкой ратификации в Константинополь, в связи с начавшейся Северной войной, и понимание нереальности постройки новой крепости в условиях осенней распутицы и надвигающейся зимы привели к принятию решения о переносе реализации условий мирного соглашения с турками на следующий, 1701 г. 15 октября 1700 г. И.М. Кольцов-Мосальский получил новое предписание о вывозе лишь половины ресурсов в Запорожскую Сечь с сохранением гарнизонов в Казы-Кермене и Тавани. Разрушить было указано только заброшенные Муберек-Кермен (Нусрет-Кермен) и Ислам-Кермен (Сагин-Кермен), что и было осуществлено им к декабрю 1700 г.¹⁶⁵ Одновременно сын генерала стольник Я.И. Кольцов-Мосальский, проведя разведку местности вокруг «Запорогов», определил место постройки будущего опорного пункта, обозначенное затем в указе от 29 января 1701 г.: «...от Сечи вверх на реке Днепр в урочище на горе у Каменного Затону, в пристойном месте подле речки Белозерки, против Микитина рогу»¹⁶⁶.

Выполнение основных условий 2-й статьи Константинопольского договора — ликвидация Тавани и Казы-Кермена с выводом всех войск и вывозом припасов — было осуществлено летом 1701 г. под руководством того же И.М. Кольцова-Мосальского. А в сентябре им была основана крепость, получившая название Каменный Затон (по соседнему гидрониму), в выбранном еще зимой месте. В ноябре в построенные укрепления вошел первый гарнизон¹⁶⁷.

Переговоры об установлении границ между Османским и Российским государствами проводились в 1704–1705 гг. Для разных регионов ситуация осложнялась различием в подходах, которые были специально заложены Е.И. Украинцевым в условиях мира. К востоку от Азова граница должна была определяться по четко оговоренному расстоянию с установкой межевых знаков. Здесь Россия получала абсолютно новые земли, и поэтому точность в определении переходящей территории имела ключевое значение. Другое дело — районы между Гетманской Украиной, городами Белгородского разряда с одной стороны и Северным Причерноморьем

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 240–250 (указ от 30 августа), 251–256 (черновой отпуск письма от 9 сентября).

¹⁶⁵ Великанов В.С. Днепровский поход... С. 573–576. См. также с. 491 данной главы.

¹⁶⁶ Цит. по: Аваков П.А., Кочегаров К.А. Уникальный чертеж Запорожской Сечи и крепости Каменный Затон начала XVIII века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. № 2. С. 70.

¹⁶⁷ Аваков П.А., Кочегаров К.А. Уникальный чертеж... С. 71; Курбатов О.А., Селезнев Ю.В. Справочник. Военные конфликты, кампании и боевые действия Русской армии 860–1700 гг. Том 1. М., 2018. С. 1112.

в бассейнах рек Южный Буг (Бог) и Днепр с другой. Через эти территории постоянно совершались взаимные набеги запорожских казаков и крымских татар, а на хозяйственное использование богатых ресурсами земель претендовали обе стороны. Нейтральный характер буферной зоны, где «земли пустые и порозжие и всяких жилищ лишены да пребудут», определялся отсутствием четких границ. Это позволяло заниматься там разнообразными промыслами подданным его царского величества. Для татарского же населения с его кочевым образом жизни интерес представляли лишь пастбища для выпаса скота.

Как следствие, переговоры в первом регионе прошли успешно за один раунд и к осени 1704 г. были благополучно завершены. Российскую сторону на размежевании возглавлял азовский губернатор И.А. Толстой, турецкую — глава Ачуева Хасан-паша. Комиссаров сопровождали воинские отряды, насчитывавшие 1–2 тыс. человек с каждой стороны¹⁶⁸. Еще 30 августа 1704 г. Толстой получил предписание из Посольского приказа (по указу от 11 августа) о начале размежевания. После предварительных консультаций с ачуевским «владельцем» переговорщики съехались на реке Ея 9 октября. Измерение прописанных в договоре 1700 г. «10 часов ездой конною» после долгих споров было возложено на специальных представителей — полковника Николая Васильева и Хаплар Кеяса Ахмеда-агу (каждого сопровождало по три спутника¹⁶⁹), которые «с часами» направились обратно к Азову. 11 октября они, отметив точное время старта, поехали «Кубанской дорогою» в юго-западном направлении. По прошествии 10 часов каждая группа остановилась: российская оказалась за рекой Ея в 5530 саженях, турецкая — перед ней в 1350 саженях («в споре» фигурировало 6880 саженей). После длительных переговоров («по многим съездам и пересылкам») границу решили установить в 1660 саженях («в трехаршинную меру») за рекой Ея в сторону Кубани. 15 октября комиссары «соехався на том месте... положили границу и учинили признаки», то есть межевые знаки, в 16 саженях друг от друга: русский — столб, обложенный «каменьем з землею», с крестом из железа во главе, османский — «курган каменьем же з землею»¹⁷⁰. Таким образом, все устье р. Ея с обоими берегами оказалось во владениях царя, что отвечало требованиям Петра I, высказанным в письме к И.А. Толстому от 14 сентября 1704 г.¹⁷¹

Согласно А.И. Ригельману, одновременно было зафиксировано размежевание территорий и к западу (иногда указывается, что «к северу») от Азова. Здесь граница начиналась от устья р. Миус и прямо через степь шла до «развилыны» р. Берда, затем — по ней же до ее «вершины» (истока), переходила к истоку р. Конка (Конские Воды) и, следуя вдоль всего течения данной реки, завершалась в ее устье, то есть на месте впадения в Днепр. Часть территории между реками Миусом и Берда, к югу от проведенной границы, считалась нейтральной: «...состоят из барьера, то есть ни

¹⁶⁸ Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII — начале XVIII вв.: завоевание, колонизация и управление: дис. ... канд. ист. наук: Ростов н/Д, 2011. С. 213–214.

¹⁶⁹ В историографии превалирует мнение о размерах отрядов поверенных в три человека; в отписке же И.А. Толстого к Ф.А. Головину, на которую опирается настоящее описание, четко указано: «полковнику... с товарищи четверем человеком, а от него Хасяна-паши... четверем же человеком». См.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 11. Л. 3 об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 3–8 об.

¹⁷¹ ПБПВ. Т. 3. СПб., 1889. С. 719.

в которой стороне не подлежащей»¹⁷². К сожалению в архивных документах обнаружить данную информацию пока не удалось.

В то же время Хасан-паша отказался на месте обмениваться письменными подтверждениями разграничения, которые требовалось закрепить «своими руками и печатями». Из отписки И.А. Толстого к руководителю Посольского приказа Ф.А. Головину от 2 ноября 1704 г. видно, что ачужевский глава опасался брать на себя ответственность за передачу России долины р. Ея. Он обещал написать в Константинополь и только по получении указа «салтанова величества» выслать в Азов требуемое «на ту границу утверждающее письмо»¹⁷³. В итоге необходимый документ так и не был получен. По прошествии нескольких лет, в 1709 г., азовский губернатор писал: «...но аще оная граница от Хосяна-паши, ради его лукавства, писмом и не утверждена»¹⁷⁴.

В Нижнем Поднепровье же возникли ожесточенные споры, которые растянулись на два года. Здесь разграничение также должно было проводиться силами местных приграничных правителей — украинским гетманом и силистрийским пашой. Еще весной 1704 г. от И.С. Мазепы выехали «знатные особы», у которых с турками «учинились некоторые споры... о безделице, чтобы ставить признаки и высыпать камнем»¹⁷⁵. Разрешать возникшие разногласия, которые, по мнению Петра I и Ф.А. Головина, не имели принципиального значения, отправили российского соавтора Константинопольского трактата — Е.И. Украинцева. Однако застать осенью 1704 г. турецких переговорщиков на месте съезда он не успел¹⁷⁶. Руководство российской дипломатической службы, обеспокоенное задержкой разграничения и перспективой обострения русско-османских отношений, заранее запланировало новый раунд переговоров на следующий год. Ф.А. Головин в депеше к послу в Константинополе П.А. Толстому предписывает назначить новую встречу с переговорщиками в начале мая 1705 г., обещая прислать к тому времени и думного дьяка¹⁷⁷.

В обозначенное время Е.И. Украинцев прибыл на Южный Буг, однако вновь не нашел там посланца силистрийского Юсуфа-паши. По требованию Петра I думный дьяк должен был дожидаться оппонентов в любом случае, а затем проводить переговоры, невзирая на какие-либо препятствия, «даже до крайней осени»¹⁷⁸. Ситуация осложнялась недовольством запорожских казаков, кошевой атаман которых Константин Гордиенко вступил в активную переписку с российским межевым комиссаром. По мнению атамана, установление любой границы приводило к «утеснению» казаков, терявших «исконные» промыслы в низовьях Южного Буга и Днепра. Выражалось недовольство и форматом контактов с запорожцами, которые не получили от царя персональной грамоты, гарантировавшей бы соблюдение их прав на переговорах. В какой-то момент со стороны казаков в адрес царского дипломата

¹⁷² *Ригельман А.И.* Ростов-на-Дону 150 лет назад. «Ведомость и географическое описание крепости св. Димитрия Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненная по указу Правительствующего сената 1768 года». Ростов н/Д, 1918. С. 47.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 11. Л. 8 об. — 9.

¹⁷⁴ Цит. по: *Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье... С. 215.

¹⁷⁵ ПБПВ. Т. 3. С. 698.

¹⁷⁶ *Гуськов А.Г.* От Андрусово до Эгера: 45 лет на службе Отечеству (очерки жизни Е.И. Украинцева) // Сборник Русского исторического общества. Т. 9 (157): Мальтийский орден и Россия / ред.-сост. В.А. Захаров. М., 2003. С. 304–305.

¹⁷⁷ ПБПВ. Т. 3. С. 218.

¹⁷⁸ Там же.

прозвучали даже угрозы как для его жизни, так и для дела («хотят... в деле комиссионном чинить препятствие и остановку»). После получения особой монаршей грамоты и подарков накал недовольства сечевиков значительно уменьшился¹⁷⁹.

В июле 1705 г. обе стороны наконец съехались на реке Южный Буг в урочище Мигийская скала. Прошлогодние споры вновь дали о себе знать, вылившись в многочисленные съезды делегаций, окончание которых сложно было предугадать. Требования турок о межевых знаках встретили отпор Украинцева, который, ссылаясь на 5-ю и 6-ю статьи Константинопольского мира, утверждал: «Однако же в договоре постановлено, что быть тем местом и от Сечи Запорожской до Ачакова пустым, а границы между ими не имяновано»¹⁸⁰. Проведение фиксированного рубежа, по его мнению, «принесет людям обою народа великое смятение, и повседневную трудность, и хлопоты», так как отнимает у казаков различные промыслы¹⁸¹. Турецкий комиссар Ибрагим Эфенди-ага (Магмет-паша) ссылаясь на конкретность указаний дивана (кабинета министров) в отношении размежевания, на что думный дьяк предъявлял текст договора, который подписал сам султан. Новый правитель Порты Ахмед III подтвердил все прежние трактаты. «...И он их держит, и держать хочет без нарушения», — добавлял российский делегат¹⁸².

Отсутствие результата вызвало недовольство руководства страны. В условиях продолжающейся Северной войны возобновление старого противостояния было неприемлемо. Ф.А. Головин направил Украинцеву требование согласиться с османскими условиями, подтвержденное в сентябре монархом: «Естли весьма ни на что турки уступки не учинят, делать по их предложению»¹⁸³. Однако думный дьяк вновь нашел способ отстоять интересы дела. Ссылаясь на позднее получение послания, он решает отсрочить передачу сообщения турецкому комиссару — с согласием на установку «признаков» — до прихода письма из Стамбула с ответом на прежние условия: «И ныне мне... то дело, как великого государя указ повелевает, начать невозможно, чтоб они там паки не взгордились и болши непристойного своего запроса не всчали»¹⁸⁴. Настойчивость русского дипломата принесла свои плоды. Межевая запись, которую обе стороны подписали 22 октября 1705 г., фиксировала границу исключительно «записми» «на сих писмах», без установки «копцов» или иных пограничных знаков. Сам Е.И. Украинцев в письме к Ф.А. Головину так подводил итоги дебатов: «...по многим и зело трудным с турецкой стороны предложениям и запросам и по многим разговорам и спорам... договор границе на письме, а не концами и не иными какими признаками учинился, и писмами договорными розменились»¹⁸⁵. Начиналась линия разграничения от «полских копцов» (межевых знаков), находившихся у впадения р. Синюха в Южный Буг. Далее она шла до лагеря комиссаров у мигийских порогов («Мигийской скалы») по Бугу («Бог-реке») и затем еще «два часа вниз» по нему же

¹⁷⁹ Грибовский В.В. От фронта к линейной границе: Разграничение степных владений Турции и России в 1704 и 1705 гг. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: матер. Всерос. научн. конф. (26–27 сент. 2014 г.) / под ред. В.Ю. Апыщенко. Ростов н/Д, 2014. С. 193–194; Кордони Війська Запорозького та діяльність російсько-турецької межевої комісії 1705 р. (за документами РДАДА) / упор. В. Мільчев. Запоріжжя, 2004. С. 53.

¹⁸⁰ ПБПВ. Т. 3. С. 957.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Книга 4. Л. 697, 697 об.

¹⁸² Там же. 697 об. — 698 об.

¹⁸³ ПБПВ. Т. 3. С. 442.

¹⁸⁴ Там же. С. 888.

¹⁸⁵ Там же. С. 1008.

до места впадения (устья) р. Ташлык («Камера», «Большая Канара», «Великий Канар»). Здесь, повернув почти точно на восток, «через степь» (или «полем») граница пересекала реки — Мертвую (Мертвовод), Гнилой/ Сухой Еланец («Баланча», «Эланец», «Янкуля», «Енкуль»)¹⁸⁶, Ингул («Большая Энкуль», «Великий Ингул»), Висунь («Улсун», «Исунь»), Ингулец («Малой Ингулец/ Ингуль», «Малый Регул») — и через «брод Бекенский» («Бегеневской перевоз»), находившийся в 10 часах езды от разрушенного Казы-Кермена, заканчивалась в устье реки Каменка («Оща») у ее впадения в Днепр («от Казыкерменских пустых мест до того места четыре мили»). Земли к югу от линии («по правой стороне») считались владением османского правителя, а к северу («на левой стороне») — московского царя¹⁸⁷.

В целом система проведенного разграничения позволила как сохранить зоны совместного использования территорий, так и провести, где это было необходимо, четкое межевание земель с установкой пограничных знаков.

* * *

Константинопольский мир завершил Русско-турецкую войну 1686–1700 гг. и подвел черту под активностью московской дипломатии XVII в. на южном направлении. Петр I, так и не сумев прочно закрепиться на азово-черноморских берегах, перенес острие внешней экспансии России на северо-запад. В последующие годы все внутренние ресурсы страны были направлены на борьбу со Швецией. Потребности военного времени вновь на долгие годы подчинили себе внутреннее развитие страны.

Основные положения Константинопольского мира 1700 г. оказали значительное влияние на весь Черноморский регион и граничащие с ним страны. Для России и Османской империи впервые устанавливалась общая сухопутная граница, что создало новую «модель взаимоотношений», в рамках которой предпринимались попытки установить «пограничный режим без участия таких второстепенных субъектов международных отношений, как Крымское ханство и Войско Запорожское Низовое»¹⁸⁸. По итогам мирного соглашения наиболее «пострадавшей» стороной оказалось Крымское ханство, исключенное, несмотря на активнейшее участие в боевых действиях, как из переговорного процесса (и, соответственно, лишенное возможности влиять на выработку условий договора), так и из системы его субъектов (сторон, заключающих трактат). Результатом стало снижение статуса крымского хана до уровня правителя вассального регионального полугосударственного образования, с которым вели переговоры такие же руководители приграничного региона: азовский воевода (губернатор) или малороссийский (украинский) гетман. Ситуация ухудшилась в связи с наступившим «кризисом набеговой системы Крымского ханства»¹⁸⁹.

Преддверием кризиса Крымской державы стало нарушение старых сухопутных маршрутов, связывавших полуостров с Кубанью и Белгородской Ордой. И если пути перемещений в западном направлении удалось восстановить с возвращением территории вокруг днепровских городков, хотя и полностью разрушенных, то потеря Азова вызвала значительные затруднения контактов на восточном направлении.

¹⁸⁶ В «межевой записи» ошибочно указывалось, что Еланец впадает в Ингул. На самом деле Гнилой и Сухой Еланцы напрямую являются притоками Южного Буга.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 12. Л. 12 об. — 13, 17 об. — 18; РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 13. Л. 2 об. — 3.

¹⁸⁸ Аваков П.А., *Сень Д.В.* Крымско-российские отношения... С. 389–390.

¹⁸⁹ См.: Там же. С. 385–403.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Системный анализ событий 1686–1700 гг. позволил представить Русско-турецкую войну как сложное и многоплановое явление, отразившее последовательное чередование военных стратегий, находившихся в зависимости от международной ситуации и расстановки политических сил при русском дворе. Указанные факторы очевидным образом дают возможность разделить ход войны на три основных этапа.

На первом, «крымском», этапе В.В. Голицын, выполняя зафиксированные в договоре 1686 г. обязательства перед Речью Посполитой, одновременно пытался добиться дипломатического соглашения с ханством, предусматривавшего (в зависимости от ситуации) или окончательную отмену поминок, или переход хана под верховную власть русских царей. То есть, с одной стороны, главнокомандующий, в наибольшей, пожалуй, степени за всю войну находился под давлением международных обязательств, так как организация походов на ханство была прямо прописана в договоре о Вечном мире. С другой стороны, он и царица Софья связывали с крымскими кампаниями свои планы укрепления политического влияния и оттеснения от власти «партии» младшего царя. Указанные намерения получали непосредственное отражение в идеологии войны: в торжественном отпуске бояр и воевод, во вручении Голицыну целых двух булав, и особенно — в предоставлении ему знамени покорителя Казани Ивана Грозного. Отсюда «крымские» акценты российской пропаганды времен первого похода, выражавшиеся, правда, в ходе его подготовки достаточно размыто ввиду того, что в Москве не желали публично оглашать планы подчинения ханства, получившие четкое выражение в тайном наказе Голицыну.

Явные антиосманские и антимусульманские мотивы в формируемой правительством идеологии появляются лишь накануне второго Крымского похода. Их появление, несомненно, связано с успехами союзников, сформировавшими у Москвы представление о возможном скором падении Османской империи и вытекавшую из этого ее гипотетическую готовность принять участие в разделе турецких владений. Последнее, в свою очередь, должно было поддерживать уверенность Голицына в том, что бескомпромиссный натиск на ханство огромной русской армии заставит Селим-Гирея отступить от слабейшего сюзерена и «отдаться» под верховенство русских царей. Поэтому военно-политическая стратегия во втором походе 1689 г. осталась неизменной: наступление главной армии под Перекоп без серьезных операций против донских или днепровских крепостей. Такое «игнорирование» османских опорных пунктов имело политическое значение. В случае согласия Селим-Гирея на голицынские пропозиции русской дипломатии срочно бы понадобилось искать пути замирения с османами и выхода из войны. В Москве, возможно, полагали, что сделать это в условиях, когда ни Азов, ни Казы-Кермен не были затронуты русскими нападениями, будет гораздо проще. При этом русские правящие круги прекрасно осознавали важность этих форпостов в борьбе с собственно османским влиянием в Северном Причерноморье. Московское правительство располагало достаточно подробной информацией об артиллерийском оснащении, фортификационных особенностях и численности гарнизонов днепровских крепостей, планы удара на которые детально разрабатывались уже в 1688 г., за семь лет до их взятия.

В свое время К. Белкин-Стивенс и В.А. Артамонов справедливо отметили, что Крымские походы стали серьезной демонстрацией возможностей российской во-

енной логистики, обеспечившей переброску значительных масс войска на дальние расстояния в условиях безлюдных и степных районов¹. Развивая этот тезис, следует отметить, что русскую военную машину первых лет войны действительно сложно в чем-то упрекнуть. Мобилизация была проведена в сжатые сроки и довольно успешно — явка на службу в основную армию в первый поход составила 90%. Заготовленные запасы продовольствия были собраны и доставлены заранее в места сосредоточения войск; дополнительный провиант, переброшенный по речным артериям из Брянска и Смоленска через Киев до Кодака, даже оказался излишним и был использован в кампаниях 1688 и 1689 гг. Важную роль перевалочной и логистической базы сыграл построенный в рекордно короткие сроки Новобогородицк. В ходе подготовки второго похода русская военная бюрократия продемонстрировала умение учитывать недочеты и исправлять допущенные ошибки военного планирования. Весь 1688 г. под постоянным контролем держалась ситуация, касавшаяся наличия сухой травы в степях. Было сделано все, чтобы не допустить степных пожаров, подобных тем, которые помешали продвижению войска в 1687 г. Удалось исправить недостатки проложенного в первый поход маршрута, информация о котором собиралась довольно тщательно. Стоит отметить и деятельность русской разведки, благодаря которой мы имеем более менее полную информацию о политике Крыма и его мерах по подготовке обороны в обеих кампаниях.

В 1689 г. сроки мобилизации русской армии удалось еще ускорить, обеспечив ее выступление в марте. Не стоит недооценивать и организационные усилия русских военачальников высшего и среднего звена, позволившие осуществить в 1689 г. успешный переход по степной и ненаселенной местности огромного по тем временам войска, которое сумело с небольшими потерями выиграть сражение при Черной долине и прорваться к Перекопу. В целом, «бесславные» крымские кампании со всей ясностью показали, что военно-организационные структуры Московского царства не только не переживали кризис, но и находились на определенном подъеме.

Походы на Крым 1687 и 1689 гг. оказались недостаточными для того, чтобы склонить Селим-Гирея к каким-либо политическим уступкам. В военно-стратегическом плане голицынские экспедиции оказались ударом в пустоту: «скифская» тактика крымской армии и географические особенности театра военных действий позволили Крыму не только избежать угрозы военного поражения даже при проигрыше отдельных сражений, но и (после второго похода, в 1689 г.) перебрасывать свою конницу (пусть и в меньших масштабах, нежели ранее) для действий против других участников антиосманской коалиции. Нежелание предпринять серьезные действия против османских крепостей на Днепре (либо осуществление таких шагов слишком поздно, как в 1687 г.) лишило русскую армию возможности перерезать коммуникации Крыма и Белгородской Орды и тем самым ухудшить стратегическое положение ханства. Недооценка всех этих факторов обеспечила итоговый провал не только собственно крымских кампаний и неудачу первого этапа войны, но и в значительной мере обусловила окончательное политическое поражение главного разработчика «крымской» стратегии — князя Василия Васильевича Голицына, переоценившего роль дипломатии в начавшейся войне и окончившего свои дни в ссылке.

Единственным военно-стратегическим достижением Голицына осталась рассматривавшаяся им самим как вспомогательная линия на строительство в районе

¹Артамонов В.А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. Ч. 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 307; *Belkin Stevens C. Soldiers on the Steppe. Army Reform and Social Change in Early Modern Russia.* De-Kalb, 1995. P. 118–119.

нижнего течения Днепра укрепленных пунктов. К возникшему в 1688 г. Новобогородицку на следующий год добавился построенный чуть выше на р. Самаре Ново-Сергиевск. Их сооружение было продолжением многолетней, вполне оправданной и давно апробированной политики России по постепенному продвижению на юг. Это, однако, не могло принести столь быстрые и ошеломляющие результаты в виде подчинения Крыма, о котором мечтал В.В. Голицын.

Борьба за власть в Кремле привела к возникновению паузы в боевых действиях на многих направлениях. Период 1690–1694 гг. характеризуется переходом к оборонительной тактике вкпе с робкими наступательными попытками в отношении Казы-Кермена. Оборонительный период войны показал значение таких театров военных действий, которые традиционно считаются второстепенными и боевые действия на которых выходят за рамки классических представлений о войне эпохи Нового времени с маневрированием крупных армий, взятиями и осадами крепостей. Речь прежде всего идет о Северном Кавказе и Северном Прикаспии, где ход русско-крымско-османского противостояния следует рассматривать через призму «малой» войны, тесно переплетенной с политической борьбой за сферы влияния в буферных областях. Российские и крымско-турецкие власти старались при помощи различных средств переманить на свою сторону местные народы и автономные политические образования — кумыков, черкесов, чеченцев, калмыков, джунгар, ногайцев, башкир, донских и запорожских казаков и др. Зачастую представители одного народа оказывались в составе войск обоих противников. Если в мирное время крупные державы играли стабилизирующую роль на контролируемой ими периферии, то теперь активность центров влияния, таких как Москва, Бахчисарай и Стамбул, интенсифицировала внутривосточную борьбу и обостряла тлевшие конфликты. Начав войну в 1686 г., Россия спровоцировала активизацию в указанных регионах военно-политической активности, но обеспечить там рост своего вооруженного присутствия не смогла (или не захотела). В результате в оборонительный период 1690–1694 гг., когда московские власти в том числе стремились выйти из войны на приемлемых для себя условиях, на Кавказе такая политика чуть не закончилась чувствительными потерями — российским войскам с трудом удалось удержать Терки. Лишь экстренные меры позволили предотвратить развитие событий по самому негативному сценарию.

В «крымский» (1686–1689) и завершающий — «османский» (1695–1700) периоды Русско-турецкой войны на Северо-Кавказский регион оказывали влияние события на главных театрах военных действий. Особенно это проявилось после побед под Азовом, инерция которых обеспечила выправление баланса сил на Кавказе в пользу России, когда отдельные местные политические силы сами искали сотрудничества с русской стороной. Петр I попытался укрепить влияние России в регионе, создав на Каспийском море флот для борьбы с действовавшими на морских коммуникациях судами противника. Однако строившиеся в Казани с 1694 г. яхты «на морской ход» прибыли в Астрахань только к самому концу войны и впоследствии были уничтожены в результате Астраханского восстания.

Война, таким образом, не сводилась лишь к отдельным, пусть и масштабным «походам»: сложные военно-политические процессы охватывали огромные территории от Буджака до Северного Кавказа и Каспийского моря, в том числе «буферные» зоны, не имевшие четких линейных границ. В итоге события 1686–1700 гг. существенно ослабили влияние Крымского ханства на Северном Кавказе, а борьба горцев за независимость от ханской власти продолжилась и после ее окончания без участия России.

Приход к власти Петра I привел не только к активизации боевых действий, но и окончательному смещению их основного фокуса с Крыма на турецкие крепости в Северном Причерноморье. После провалов крымских походов новая стратегия была очевидной. На правильность именно такого подхода к ведению войны еще в конце 1686 — начале 1687 г. справедливо указывал русскому правительству его союзник польский король Ян Собеский. Успехи не заставили себя ждать. Российские войска продвигались вдоль Дона и Днепра, захватывая османские крепости и строя новые укрепления.

В 1695 г. опытный военачальник и хороший организатор Б.П. Шереметев совместно с украинским гетманом И.С. Мазепой захватили Казы-Кермен и остальные турецкие крепости, плотно блокировавшие выход в Черное море по Днепру как минимум с 1679 г. Вместе с тем в том же году тактические и военно-организационные ошибки помешали Петру I взять Азов.

В 1696 г. Петр смог обеспечить своей армии под Азовом подавляющее преимущество, что привело к капитуляции гарнизона. Огромные усилия и средства были затрачены на строительство морского флота. В литературе новому флоту традиционно отводится важная роль во взятии Азова. Стоит, однако, подчеркнуть, что в сражениях он не участвовал, а пришедшие под Азов турецкие корабли разгромили донские казаки. Подошедшие было к устью Дона корабли петровского «морского каравана» отступили к Сергиеву, не решившись атаковать турецкий флот. Вопрос о том, стало ли наличие «морского каравана» решающим фактором для блокады города, требует дальнейшего изучения. Возможно, что роль флота в осаде Азова преувеличивалась царем и его окружением по идеологическим мотивам, поскольку флот являлся личным детищем Петра.

Принципиальным новшеством в стратегии Петра стало намерение, возникшее не ранее середины 1695 г., перенести боевые действия в акваторию Черного моря, создав для внутренних районов Османской империи угрозу, несопоставимую по своему масштабу с морскими походами казаков. Суда новых типов появились не только в Азовском море, но и на Днепре. Царь планировал организовать поход «морского каравана» к Очакову. Это могло бы стать следующим, четвертым этапом войны. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, расчеты царя не оправдались. Усилия и ресурсы, потребовавшиеся для создания морского флота, затормозили ход наземных операций.

Сезоны боевых действий 1697 и 1698 гг. не принесли ожидаемых российскими властями успехов. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, османские власти, потеряв в 1696 г. Азов, позволили Крымскому ханству сосредоточить основные силы против России. Во-вторых, впервые с начала войны в Северное Причерноморье были переброшены значительные турецкие воинские контингенты с других театров военных действий. В-третьих, отъезд Петра в Великое посольство самым негативным образом сказался на организации военных кампаний. В его отсутствие полководцы стремились не добиться успеха, а минимизировать собственные усилия и избежать трудностей. Кроме того, большим просчетом царя стала замена Б.П. Шереметева, стоявшего во главе Белгородского полка, на Я.Ф. Долгорукова, показавшего себя посредственным полководцем. В результате лишь благодаря героизму русских солдат и стрельцов, а также украинских казаков удалось избежать захвата днепровских крепостей противником. Управленческие ошибки привели к восстанию стрельцов, что самым негативным образом сказалось на ходе подготовки кампании 1698 г. Потери от этих просчетов можно было бы компенсировать позднее, но к тому

времени, когда царь вернулся в Москву, а российский флот стал значимой военной силой, европейские союзники России склонились к заключению мира.

В историографии часто ставился, но до сих пор полностью не решен вопрос о том, насколько вообще участие России в войне на стороне Священной лиги было заметным именно в военном плане. Как было отмечено во введении, советская историография его всячески преувеличивала, тогда как после 1991 г. получил распространение тезис, что, например, Крымские походы антиосманской коалиции практически никак не помогли. Если конкретизировать, то суть дискуссии заключается в том, насколько России удалось снизить активность Крымского ханства на других театрах военных действий, парализовав «правую руку» османского султана. Чтобы дать более-менее определенный ответ на данный вопрос, необходимо выйти за рамки исследованной в книге проблематики и изученных источников, сопоставив военную активность России с активностью Крымского ханства на балканском и польском театрах военных действий. Подобная работа, подразумевающая кропотливый сбор и анализ информации о всех известных действиях татар против войск Речи Посполитой, а также Габсбургов и их союзников на Балканах, не входила в число поставленных авторами данной книги исследовательских задач. Однако некоторые предварительные наблюдения на эту тему можно сделать, основываясь на российском материале.

Перед этим, однако, следует сделать одно важное уточнение. В указанное время значительная часть крымцев, судя по всему, часто откочевывала (особенно зимой) из Крыма на территорию Белгородской Орды — в южную часть междуречья Дуная и Днестра. Там же длительное время пребывали калга и/или нураддин, а также сам хан. Не лишним будет напомнить, что со своим войском накануне сражений в Зеленой и Черной долинах в мае 1689 г. Селим-Гирей соединился, спешно приехав из Белгородской Орды. Там татары готовились к походам на Балканы и на Речь Посполитую, собираясь в отряды и откармливая коней. Россия не имела возможности блокировать Белгородскую Орду, что прекрасно понимал Ян Собеский, предлагавший В.В. Голицыну в начале 1687 г. совместный поход на белгородских татар (и подчеркивая, что их численность из-за переселения крымцев сильно выросла).

Россия могла, однако, взяв турецкие крепости на Днепре, прервать или сильно затруднить сообщение Крыма с Белгородской ордой. В.В. Голицын, как было показано, не стремился этого делать, возможно сознательно. Тем не менее, как свидетельствуют различные допросы пленных и выходцев из крымской неволи, оба крымских похода несомненно снизили активность ханских войск на других театрах войны, хотя и не прекратили ее совсем: уже осенью 1689 г., после окончания второго Крымского похода, Селим-Гирей, пусть и весьма неохотно, направил татарские контингенты в Венгрию на помощь султану. Несоизмеримо большее с этой точки зрения воздействие имело взятие в 1695 г. турецких крепостей, что, как правильно отметил В.А. Артамонов, нарушало традиционные набеговые маршруты и сообщение Крыма с Белгородской Ордой². Важным дополнением к этому наблюдению будет утверждение, что в 1697 г. регион Нижнего Днепра оттянул на себя не только значительные силы татар, но и самих османов. Именно в этом году, когда турки попытались отбить днепровские городки, собственно русско-османский конфликт

²Артамонов В.А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. Ч. 2 / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 315.

достиг наибольшей интенсивности. Османы перебросили под Казы-Кермен войска с других фронтов, подкрепив их флотом (от 23 до 42 тыс. турок), мобилизовали значительные отряды крымских и белгородских татар — от 20 до 50 тыс. Оборона Тавани и Казы-Кермена в 1697 г. стала таким образом самым серьезным вкладом России в дело коалиционной антиосманской борьбы с точки зрения отвлечения на себя сил противника. Причем именно в сентябре 1697 г. османы потерпели последнее сокрушительное поражение от войск союзников в битве при Зенте, ставшей, по оценкам историков, решающим фактором в «склонении» Османской империи к мирному переговорному процессу.

Сама по себе война стала временем отчетливого проявления «коалиционного сознания» во внешней политике русских правящих кругов за несколько лет до петровских новаций во взаимоотношениях с Европой. Оно, среди прочего, означало большую, чем ранее, информационную открытость. Указанная тенденция проявлялась систематически уже при Голицыне, когда через ряд официальных и полуофициальных дипломатических каналов Россия пыталась не просто собирать информацию о роли и месте Москвы в рядах Священной лиги, но влиять на эти представления. Европа же парадоксальным образом способствовала сдвигу во внутрirosсийской военной пропаганде. Это выразилось в отходе от традиционных дворцово-церковных военных церемоний в сторону организации триумфов по западной моде.

Итоги войны 1686–1700 гг. оказались положительными для России. Страна покончила с пережитками даннических отношений с татарами, прекратив выплаты поминок, усилила свое влияние на соседние народы, получила выход к Азовскому морю. Впервые было произведено частичное размежевание и установлены границы между Московским государством и Оттоманской империей, которые привели к снижению значения и статуса буферных полугосударственных и государственных образований, таких как Запорожская Сечь, Войско Донское, Крымское ханство. И если в 1681 г. русские послы вынуждены были принять навязанные им условия мира в Бахчисарае, а в 1687 г. Селим-Гирей с возмущением отверг адресованное лично ему послание В.В. Голицына, то уже в 1698–1700 гг. русская дипломатия на прямых переговорах с османами решала вопросы, касающиеся в том числе и своих отношений с Крымским ханством, чего совсем недавно в Москве не могли себе и представить. Как следствие, процесс втягивания данных земель в орбиту влияния России существенно ускорился, что привело в новом столетии к их поглощению.

Опыт по созданию морского флота привел к существенному развитию технологического потенциала, оказавшегося востребованным в начавшейся в 1700 г. Северной войне. Постепенное упрочение позиций России в антиосманской коалиции способствовало росту международного авторитета страны, даже несмотря на то, что ее общий вклад в победу над турками и эффективность военных операций были относительно скромными. В целом сама война, пусть и остававшаяся долгое время для отечественной историографии «незнаменитой», стала важным этапом в формировании целей и задач российской внешней политики на южном направлении на десятилетия вперед.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абазин Андрей 292
Абашев Чертухай 427
Абдужемилев Р.Р. 37, 216, 310
Абдулгаффар Кырыми 216
Абдураман-паша 395, 396
Абреим-ага см. Ибраим-ага
Аваков П.А. (*Аваков Р.*) 11, 16, 17, 24, 25, 298, 315, 333–335, 345, 398, 480, 485, 498–500, 502
Август II (August II, Август Сильный, Фридрих Август I) 465, 467, 471, 472, 494, 495
Авраамий, митрополит Белгородский и Обо-
янский 441, 448
Авраамий, митрополит Рязанский и Муром-
ский 448
Агеева О.Г. 24, 306
Аджимура-ага 333, 338
Адлер Иван (Яган) 354, 381, 393
Адриан, патриарх 496
Азамат-Гирей 102, 105–109, 112, 130, 216,
223, 237
Азамат-мурза 353
Айваск, азовский янычар 268
Айтемиров Василий Иванович (Иванов
сын) 22, 257, 278, 281, 283, 287–290, 292–
295, 464
Алабердеев Магомет 277
Алба, калмык 426
Алдарь-шевкал 412
Алдигирей см. Черкасский Адил-Гирей
Алей (Али), пленный «турчин» 49, 138
Алей см. Али-ага
Алей-ага 431
Алейко (Алейка), перебежчик 343
Александров С.В. 6
Алексеев Еким 176
Алексеев Кирилл 171
Алексеев Микишка 271
Алексеев Никита 41
Алексей, царевич 496
Алексей Михайлович 227, 442
Али-ага (Алей, Али-паша (I), Алли-ага)
Шаабан-беин сын 268, 356, 431
Алибек-мурза (Халимбек) 410
Али-паша (II), керченский 361, 366, 378,
385, 386, 398
Алишан Гусейн-паша см. Хусейн-паша
Кёпрюлю
Алишь-ага 427
Алмазов А.С. 99, 113, 120
Алмазов Семен Ерофеевич 48, 68
Алпатов С.В. 458
Алферьев Никита 65
Альберти Г. (Джиrolамо Альберти, Girolamo
Alberti) 302, 310
Альбовский Е. 152, 275
Амамлыков Ален 275
Ами см. Лефорт Амадей
Амирхан, брат Муртазалея 418, 419
Англер Иван 265
Андреев Еремей 248, 250
Андреев Лукьян 47
Андреев Прокофий 249
Андреев Сенька 57, 58
Андреевский И.Е. 7
Аничкин А.Е. 482
Аничков Иван Александрович 57
Анненков Григорий 379
Анненков Севастьян 246
Антоний, священник 481
Антонович Трофим 303
Антропов Тимофей 65
Апанович О.М. 10
Апостол Даниил (Данила) 104, 105, 109, 367,
454
Апраксин Федор Матвеевич 310
Апрыщенко В.Ю. 501
Апухтин (Опухтин) Иван Аверкиевич 497
Араслан-ага 333
Арасланбек-мурза (Расланбек-мурза) Кас-
полатов 400, 401
Арасланов Камай 421
Арасланов Мустафа 277
Артамонов В.А. 10, 14, 15, 20, 24, 30, 33, 136,
166, 194, 206, 254, 295, 362, 363, 422, 464,
479, 503, 504, 507
Артемьев Матвей 435
Арчил Вахтангович 70, 275, 407, 421
Асан-ага (Асан-бей, Гасан-бей) Арасланов
сын 333, 355, 356
Аслам-Гирей (Ислам-Гирей) 344
Аслан, «гречанин» 165
Атагуш, князь 421
Аугустинович К. 164
Афанасьев Викула 435
Ахмед-ага, везир крымского хана 27
Ахмет III 496, 497, 501
Ахмет-ага 339, 356, 357

- Аюка (Аюка-хан) 68, 74, 261, 267–296, 310, 336, 344, 345, 357, 362, 388, 400, 402, 404, 406, 407, 410, 417, 420, 421, 425, 426, 428, 429, 431
- Бабулин И.Б.* 6
- Бабушкина Г.К.* 14, 19, 27, 33, 163, 166, 464
- Багро А.В.* 305–307, 354
- Базарова Т.А.* 353, 452, 485, 495–497
- Байтебет, юртовский сотник 404
- Байхин-тайжа 267
- Балабанов (Балобанов) Алексей 382, 387
- Балакирев Григорий Федорович 170, 388
- Балк Николай Николаевич 86, 126, 127, 189, 243
- Бальцер (Balzer), иностранец-полковник 97
- Бансырь Петр 86, 97
- Бантыш-Каменский Д.Н.* 17, 281, 290, 292, 294, 377, 386
- Бантыш-Каменский Н.Н.* 163, 164, 467
- Барабаш Никита 225
- Баранчеев Давыд Григорьевич 57, 58
- Барахович П.Н.* 276
- Баров Иван Алферьевич (Алферьев сын) 84, 131, 188, 243
- Барятинский Даниил Афанасьевич 52
- Барятинский Иван Осипович 241
- Барятинский Федор Юрьевич 135, 171, 188, 228, 251
- Баскаков Дмитрий Семенович 219
- Басов Иван Дмитриевич (Дмитриев сын) 413, 414
- Басхаев А.Н.* 11
- Батулин Иван Степанович (Степанов сын) 446
- Батыр-ага 37, 40, 114, 115
- Батырша-бей 230
- Бахметев Григорий Моисеевич 214
- Бахметев Дмитрий Ефремович 241
- Бахметев Степан Петрович 214
- Бахмутов Тихон 415
- Башмак Демьян Ларин сын 257, 258, 277, 298
- Башмаков Дементий Минич 56
- Башнин Н.В.* 24, 403, 409, 427
- Баязыт, брат Чин-мурзы Тиноклатова 423
- Бегадир-ага 225
- Безгодова И.А.* 348
- Безпорточной Гаврила Тимофеевич 220
- Бекер Андрей 54, 176
- Бекер, пленный татарин 199
- Бекир-алы Агин сын 306
- Бекир-бей 95, 109
- Беклемишев Афанасий Андреевич (Андреев сын) 481
- Беклемишев Иван Михайлович 71, 171
- Беклемишев Михаил Петрович 71, 171
- Беклемишев Семен Андреевич (Андреев сын) 481
- Бекмурза, крымский татарин 341–343, 352
- Бек-Мурза см. Джамбулатов Бекмурза
- Бекович-Черкасский Александр см. Девлет-Гирей (I)
- Бекташев Найман Шебанко 207, 208
- Белевич Юрий 245
- Белоброва О.А.* 457
- Белов М.Н.* 13, 14, 136, 147, 163
- Белой Петр Кондратьевич (Петрушка Кондратьев сын) 231
- Белый Семен 63
- Беляев С.А.* 121, 235
- Беляков А.В.* 24, 481
- Бенек-Гирей-салтан 372
- Беник Борис 194, 219, 220, 244, 359, 390
- Беник Павел 242
- Березин Леонтий 65
- Бехтеев Ефим Афанасьевич 220
- Бигельди-батыр 228
- Бильс Яков 122–124
- Билюш-ага 93
- Битяговский Алексей 78, 182
- Блюмберг (Бломберг) Себастьян 32, 436, 467
- Бобылев В.С.* 19
- Богданов А.П.* 15, 70, 120, 164, 449, 450
- Богданов Герасим 60
- Богословский М.М.* 16, 19, 314, 329, 331, 336, 337, 369, 430, 432, 456, 465, 466, 468, 472, 478, 480, 483, 489, 490, 494
- Бодохан, калмыцкий зайсан 276
- Боженнов Марк 149
- Болдвин Мартин Лаврентьевич 86, 189
- Болкавин Артемий Ильич 220
- Болман Мартин (Мартын) Мартинович 77, 191, 193, 244
- Болобонов Сава Кузьмич (Кузьмин сын) 416
- Болотина Н.Ю.* 24
- Боплан Гийом (Гильом) Левассер де 159, 236
- Борзой (Борзов) Владимир Семенович (Семенов сын) 320
- Борин Яков Кузьмич 483
- Борисов Никита 78
- Борисов Петр 87, 182
- Борисов Федор 481
- Борисюк З.П.* 159, 236

- Борков Андрей Федорович 241
 Борков Василий 85, 189
 Борнманн Христиан 458, 460
 Боряков Ларион Михайлович 243
Боряк Г. 218
 Ботвинкин Андрей 481, 495
 Боцман *см.* Гольцман Давид
 Бошняк-ага 269
 Братцев Василий Владимирович 181
Брикнер А.Г. 17
Брокгауз Ф.А. 7
 Броур Баренц 430
 Брыкаль Иван 353
 Брюс Яков Вилимович 314, 316, 495
 Брянченинов Василий Иванович 219
Буганов В.И. 19
 Бугуш Василий 369
 Будай, шамхал 404–408, 410–414, 416–421, 423, 424, 428, 431
 Буйнов Григорий Васильевич 122–124, 190
Букалова В.М. 429
 Букреев Данила Иванович 219
 Буларт (Булирт) Ицыхель Иванович 78, 132, 155, 183
 Булат-ага 277
 Бунковский, посланец С. Яблоновского 249
Бурдович-Новицкий Яцек (Burdowicz-Nowicki J.) 328, 465
 Бурцов Петр 28, 34, 114
 Бую-челибей 33, 34
 Бут Грицко 65
 Бут Степан 114
 Бугорин Афанасий 60
 Бутримов Иван 174
 Бутурлин Борис 231
 Бутурлин Иван Васильевич 51, 71, 128, 150
 Бутурлин Иван Семенович 241, 446
 Бутурлин Федор Самсонович 171
 Бухарев Алексей 149
 Бухвостов Василий Борисович 18, 358–360, 372, 373, 376, 377, 379–381, 384, 386–388, 390–392
 Буцеллини Юлиус Фридрих 469
 Буш Иван 243
 Буш Юрий (Георг) Иванович 335
Бушкович П. 15
 Бюст Алексей 79

Вагнер М. см. Wagner M.
 Ванцев Василий Клементьевич 220
 Варсагов Андрей 435
 Варфоломеев Ганка 53
 Василевич Герасим 99
 Василевич Михаил 34, 39
Василенко А. 7
 Васильев Алексей 33, 319
 Васильев Андрей 335
 Васильев Николай 499
 Васильев Петрушка 435
 Васильев Яков 68
Ватейшвили Д.Л. 95, 119
 Вейде Адам Адамович 314, 316
Векленко В.А. 147
Великанов В.С. 6, 25, 49, 52, 76, 87, 95, 99, 103, 117, 122, 124, 126, 128, 133, 145, 151, 247, 258, 340, 396, 397, 497, 498
Величко С. 218, 220, 305
 Велиша-бей *см.* Сулешев Велиша
 Веневитинов Гордей Кондратьевич 219
 Венедихтов Иван 54, 149
 Вердеревский Василий Петрович 204, 269, 299
 Веревкин Григорий Иванович (Иванов сын) 184, 447
Вернадский В.И. 216, 310
 Вестов Михаил Захарович 79, 112, 141, 188
 Викентий, архимандрит 448
 Вилгеймон Давыд *см.* Граам Давид Вильгельм
 Вильгельм Оранский (Вильгельм III Оранский) 453, 460
 Виниус Андрей Андреевич 291, 294, 297, 320, 453, 455, 456, 458, 459
 Виноградный Мартин 176
Виноградов А.В. 24
Висковатов К.А. 119, 131, 135, 136, 449
 Витсен Николас 350, 453, 458, 460
 Власов Михаил 169
 Во (Voud), иностранец-полковник 97
Водарский Я.Е. 26
 Воейков Петр Артемьевич 231
Возгрин В.Е. 465
 Возницын Прокофий Богданович 26, 27, 249, 459, 464, 467–470, 472–480, 483
 Воинов Михаил 52, 75
 Волжинский Алексей 125, 126
 Волжинский Василий 128
 Волков Артемий 52
 Волков Иван Григорьевич 418, 419
 Волков Иван Михайлович 251, 252, 282, 464
 Волковский Григорий Васильевич (Васильев сын) 290
Волконская Е.Г. 125, 131, 132
 Волконский Александр Андреевич 149, 152, 174
 Волконский Михаил Андреевич 306, 428

- Волконский Тимофей 151
 Волконский Федор Львович 125, 131
 Волконский Феодул Федорович 149
Володарская Э.Ф. 451
 Волошанин Дмитрий 225
 Волошенин Петр 254
 Вольнский Иван Федорович 135, 148, 149, 172, 176, 178, 204, 246, 248
 Вольтер 350
 Ворона Яков 288
 Воропаев Иван 123
Воротникова И.А. 121, 147, 235
 Ворыпаев Яков Миронович 411, 412
Востоков А.Х. 13, 15, 69–73, 89, 93, 165, 173, 177, 203, 440
 Вред Иван (Яган) Павлович (Павлов сын) 127, 128, 189, 243
 Вуд Иван 84, 97
 Вульф Петр 337, 459, 470, 474
 Вульф Яков 54
 Вуяхевич Михаил 142
 Вяткин Антипка 429

 Габсбурги, династия 476, 507
 Гавриил, архиепископ 448
 Газы-Гирей *см.* Казы-Гирей
Гайворонский А. 284
 Гак (Гаке) Самойло 355
 Галиль-ага 95
 Галишан Азым-паша *см.* Хусейн-паша Кёпрюлю
 Гамалинский *см.* Гомолинский Ян
 Гапп (Гопп) Яков 470
 Гарасимов Роман 176
 Гасан, паша 385
 Гасан-бей *см.* Асан-ага Арасланов сын
 Гасениус Петр Андреевич (Андреев сын) 132, 155, 183, 191–193, 262, 263
 Гаст Иван (Иоганн) 390
 Гваскони Франческо 453
 Гепник Михаил 95
 Герасимов Иван 456
 Геронтий Савицкий 448
 Герцик Павел Семенович 262
 Гжимултовский Кшиштоф 41
 Гизеветтер (Кизивитер) Карель Густав 355
Гильденштедт И.А. 427
Глаголев В.П. 28
 Гладковский, польский губернатор 249
 Гладкой Ярема 286
 Гладовицкий Самойло 227
 Глосковский Стефан 146, 148–151, 154, 167, 215, 217, 218, 225, 250

 Глухов Гаврила 377
 Глуховец Яков 251, 252
 Гневышев Федор Савич 219
 Гнездилов Григорий Гаврилович 219
 Голинищев-Кутузов Андрей Иванович 214, 240
Голикова Н.Б. 420, 422, 431, 432
 Голицын Алексей Васильевич 73, 199, 205, 447, 451
 Голицын Борис Алексеевич 297, 423, 425, 426
 Голицын Василий Васильевич 6, 12–16, 23, 24, 29, 30, 32, 34, 36, 37, 40–42, 44, 50–54, 59, 61, 63, 64, 66, 68–75, 87–101, 103–105, 108–121, 123, 126, 128, 130, 134, 135, 137, 142, 144, 147, 157, 164, 168–173, 176–181, 189, 194–206, 208, 210, 212, 214, 215, 222–225, 228–239, 241, 245, 246, 248–252, 256, 258, 288, 295, 307, 319, 337, 407, 411, 434–443, 445–449, 551, 461, 503–505, 507, 508
 Голицын Дмитрий Михайлович 495, 496
 Голицын Михаил Андреевич 55, 59, 68, 122–124, 167, 188
Голицын Н.С. 12, 13
 Головач Андрей 74
 Головин Автомон (Артамон) Михайлович 310–312, 314, 349, 459
 Головин Матвей Алексеевич 171
 Головин Федор Алексеевич 31, 231, 468, 481, 497, 499, 500, 501
 Головин Борис Васильевич (Васильев сын) 79, 182
 Головцын (Головцев) Сергей 86, 189, 258
 Головченко Яким 247
 Голодный Фома 45
 Гольцман (Боцман, Голсман) Давид (Давыд) 355, 393
 Гольчевский Томаш 38
 Гомолинский (Гамалинский) Ян 470, 472
 Гопт Иван Михайлович 46, 47, 131, 183, 191, 193, 194, 219, 244
 Гоптовец Григорий 123
 Гордиенко Константин 500
 Гордица, командир казацкого отряда 134
 Гордон Патрик (Петр Иванович; Gordon Patrick) 12, 21, 62, 79, 88, 90, 91, 94–97, 115–118, 120, 121, 131, 136, 139, 142, 182, 196, 197, 199, 200, 202, 203, 205–207, 213, 217, 220, 221, 231, 232, 234, 258–260, 287, 292, 297, 298, 300, 301, 308–316, 334–336, 341, 344, 345, 349–357, 361, 365, 366, 370, 373–375, 381–384, 388, 391, 393, 398, 448, 453

- Горезин Михаил 80
 Горленко Дмитрий 294
 Горленко Лазарь Федорович 109
 Городчиков Василий 358
 Госен Юрий 54
 Готфрид Эрнест *см.* Эрнест Яков Христофорович
 Граам Давид Вильгельм (Вилгелм) фон (Вилгеймон Давыд) 79, 98, 102, 132, 155, 182
Грабянка Г. 218
 Грамотин Иван 481
 Гранковский Иван 46
Гребенюк В.П. 456
 Грек Василий Иванович (Иванов сын) 106, 107, 108
Греков И.Б. 14
Грибовский В.В. 19, 280, 289, 294, 501
 Григорий, чернец 473
 Григоров Леонтий 233
 Григорьев Алексей 176
 Григорьев Перфилий Васильевич 220
 Григорьев Федор 154
Григорьян К.Н. 456
 Грицко Сергей 248
 Груздев Савелий Иванович (Иванов сын) 404, 405
 Груздовцев Авдей Степанович (Степанов сын) 231
 Грузинцев Алексей 406
Гузевич Д.Ю. 20, 320, 329, 465, 476, 477
Гузевич И.Д. 20, 320, 329, 465, 476, 477
 Гук Петр 287
 Гулиц Андрей Андреевич 78, 182
 Гулиц Иван Андреевич 188
 Гулиц Кашпир 122, 124, 132, 148
 Гульст ван дер Захарий 54
 Гуляев Михаил 170
 Гундертмарк Тихон 382
 Гунджаб, сын Аюки 389
 Гундоров Владимир 126
 Гусак Иван 262, 282, 291, 361, 394
Гусарова Т.П. 165, 166, 249, 479
Гуськов А.Г. 17, 297, 299, 340, 401, 403, 409, 427, 463, 481, 500
 Давид Иржи 14
 Давож Чиначка 406
 Давыдов Михаил Ильич 241
 Давыдов Фёдор Григорьевич 57, 58, 60
 Данилов Борис 280, 297
 Данилов Калистрат 148
 Даудов Василий Александрович (Александров сын) 481
 Дашков Иван Андреевич 231
 Дашков Петр 402
 Девлет-Гирей (I) (Бекович-Черкасский Александр, Давлет-Кирей, Девлеткирей Бекмурзинов, Кобяков, Мурзабеков) 411, 426, 427, 429, 430, 432
 Девлет-Гирей (II) (Девлет-Гирей II) 37, 212, 216, 345, 365, 367, 387, 391
 Девсен (Девсон) Петр (Карл-Петр) 390
 Девсон (Девсин, Девсен, Делсон) Андрей Семенович (Семенов сын) 128, 155, 191–193, 220, 244, 266
 Девсон Иван 86, 126, 128
 Дегемерт Ян Вилц 431
Дегоев В.В. 11, 19
 Дементеев Борис Федорович 145, 435
Демидова Н.Ф. 235
 Денгизей, князь 421
 Дербиш имельдеш-ага 33
 Деревнин Гаврила Федорович 320
 Деревянный Дорофей 151
 Джамбулатов Бекмурза (Черкесский Бекмурза, Бек-Мурза) 427, 429–431
 Джамбулатов Кайтуко (Куртуха) 427
 Джамбулатовы, род 411
 Джумайка, вож (проводник) 399
 Джуман-ага 269
Дзамихов К.Ф. 18
Дзира Я.І. 89, 218, 221
 Дитрихштейн Фердинанд Йозеф 469
 Диштинларт Яган фохт 176
Дмитријевичъ С. 453
 Дмитриев Еремей 94
 Дмитриев Мокей 176
 Дмитриев-Мамонов Афанасий Михайлович 241
 Дмитриев-Мамонов Василий Михайлович 75, 170, 172, 180, 202, 203, 251
 Дмитриев-Мамонов Илья Михайлович 299, 305
 Довмонт Ежи Доминик 136
 Доймеш-ага 248
 Долберк, «секретарь посольских дел» 325
 Долгоруков Борис Федорович 394, 396
 Долгоруков Владимир Дмитриевич 52, 75, 89, 90, 126–128, 168, 171, 175, 176, 183, 202, 203, 214, 217, 222, 228, 251, 441, 442, 447
 Долгоруков Лука Федорович 368, 370, 372, 384, 390, 394–396
 Долгоруков Яков Федорович 18, 24, 163, 171, 196, 205, 228, 251, 368–377, 379, 382, 384, 387, 388, 390, 393–398, 506

- Домнин Михаил 175
Домрачев Н.Е. 164
 Донец Григорий Ерофеевич 68, 74, 78, 88,
 110, 152–154, 156, 157, 184, 236, 248, 259
 Донец Константин Григорьевич 78, 151, 157,
 184, 236, 248
 Донец Федор 259
 Донец Хвеско 225
 Дордунов Семен Николаевич 55
 Дорошенко Петр Дорофеевич 25, 27, 99,
 225, 440, 441
Дружинин В.Г. 19, 407, 408
 Дружинин Никишка 340, 341
 Друшкевич Станислав 286
 Дубенской Василий Михайлович 241
 Дулак-мурза 353
 Дулдюк (Дюлдюлей), калмыцкий мурза 402
 Дурново Семен 157, 248
 Дуров Алексей 74, 94, 443
 Дуров Илья 84, 188, 243, 360, 388, 390
 Дуров Никифор Никитич (Никитин сын)
 447
 Дуров Тимофей Акимович (Акимов сын) 447
 Дьяков Степан 152
 Дюлдюлей *см.* Дулдюк
 Евгений Савойский 452, 463
 Евенгаген Адольф 54
 Ежов Степан 413
 Елагин Гаврила Кондратьевич 55, 56, 59,
 335
Елагин С.И. 316, 349, 482
 Еленгузен Карлус 54
 Елизаров Ермошка 221
 Елизаров Стенька 149
 Елчанинов Василий 368, 376, 379, 382, 387,
 388, 390
 Емеля, казак 425
 Енакайка-ага 268
 Енгальчев Никифор 125
 Енмамет-мурза Шелмабетев (Шемалбетев)
 404
 Еропкин Федор Федорович 241
Ефрон И.А. 7
 Жабровский Федор 245
 Жаденов Михаил Иванович 38, 39, 52
 Жегула Григорий 68, 74
 Желябужский Иван Афанасьевич 21, 298,
 299, 340, 351–353, 356, 452, 455, 458
 Жерлов Никита 494, 495
 Жилин Иван Терентьевич (Терентьев сын)
 108
 Жирово-Засекин Василий Федорович 91, 92,
 96, 214, 442, 446
 Жировский Иоганн Христофор (Кристоф)
 32, 436, 467
 Жмур Семен 277
 Жуков Дмитрий Романович 310, 435
Жуков Е.М. 7
Заборовский Л.В. 227
Загоровский В.П. 28, 152, 259
 Загряжский Степан Семенович 241
 Заезерской Иван 245
Зайончковский А.М. 460
Зайцев И.В. 213
 Замойский Марцин 249, 251
 Зарбеков Паскедлей 427
 Зароса Федор 224, 226, 253
Заруба В.Н. 10, 18, 161, 212, 227, 284, 292,
 293, 305–307, 358, 360, 374, 386, 396
 Зарудник Григорий 159
 Захарий, протопоп 72, 92
Захаров В.А. 500
 Захаров Иван 78, 182
 Зацной (Зацкой) Василий 388, 413
 Зборовский Федор Данилович 188
Зверев С.В. 63–65, 121, 235
 Звягин Леонтий 149
 Зеленой Никифор Сергеевич 241
 Зембоцкий Ян 31
Зиборов В.К. 460
 Зиновьев Никита 176
Зицер Э. 24
 Змеев Андрей Борисович 228, 446
 Змеев Борис Андреевич 171
 Змеев Венедикт Андреевич 52, 53, 55, 58, 88,
 135, 169–171, 173, 184, 196, 227, 228, 231,
 251, 266, 440
 Змеев Илья Андреевич (Андреев сын) 171,
 228, 238
 Зорум-ага (Зурум-батыр) 37, 38
 Зотов Никита Моисеевич 26, 66, 331
 Зыков Михаил Андреевич 83, 187, 242
 Иаков, патриарх Константинопольский 41
 Ибрагим Эфенди-ага (Магмет-паша (II)) 501
Ибрагимова А.О. 406, 411, 417, 421–423
 Ибраим-ага (Абреим-ага) 268
 Ибраим-паша 395, 396
 Иван (Иоанн) V Алексеевич 29, 30, 40, 42,
 170, 173, 199, 299, 313, 318, 321, 329, 439–
 442, 445
 Иван IV Грозный *см.* Иоанн IV Васильевич
 Иван Артемьевич 217

- Иваненко Петр (Петрик) 142, 258, 262–265, 284, 285, 288–290, 292
- Иваник Федор 47
- Иваницкий (Эваницкий) Яган 247, 258
- Иванов (Софир) Захарий 41
- Иванов Автомон 52
- Иванов Алексашка 149
- Иванов Иван (I), толмач 38
- Иванов Иван (II), курский калмык 241
- Иванов Иван (III), дьяк 391
- Иванов Ивашка 384
- Иванов Костка 402
- Иванов Семен 320, 329
- Иванов Яков 176
- Ивашко (I), полоняник, родом из Каменец-Подольского 67, 105, 106
- Ивашко (II), полтавский казак 101, 105
- Игнатов Василий Иванович 243
- Игнатьев Кирей 277
- Извольский Иван Викулович 248
- Иларион, митрополит 448
- Илдильком Завут-мурза 344
- Ильева И. см. Шварц И.*
- Илмесь, уздень 404
- Ильин Иван 176, 177
- Инин Василей Денисович 219
- Иннокентий XI 32
- Иоаким, патриарх 56, 136, 224, 225, 440, 441, 443, 445
- Иоанн IV Васильевич (Иван IV Грозный) 441, 445, 446, 503
- Иона, митрополит 448
- Исаев Д.П.* 497
- Исаков Иван 428
- Исаков Петр 53, 110, 169, 172
- Искра Иван 207, 284, 367, 401
- Ислам-Гирей *см. Аслам-Гирей*
- Иуда, есаул 94
- Ишкарин (Кашкарин, Кошкарин) Ишейка (Ишей) 265, 311, 410
- Ишков Алексей Сафонович 211, 212, 223, 224, 226, 233
- Йеген Осман-паша 198
- Кабуклуали, янычарский ага в Азове 314
- Кае-абилев Кантемир Мансурова сын 212
- Казанец М., стрелец 423
- Казарцов Левка Степанович (Степанов сын) 420
- Казбулат, князь 426
- Казей, князь 421
- Казы-Гирей (Газы-Гирей) 374, 407
- Казыев Мисост 407–409, 411, 424
- Калалыкоз Хаси Ахмед (Kalaylıkoz Hacı Ahmed Paşa) 333, 342
- Камай, посол Будая 422, 423
- Камамбет-мурза *см. Сулешев Кеман-мурза*
- Камбель Яков 243
- Каменев Сидор 112
- Каменцева Е.И.* 56
- Камынин Григорий Григорьевич 231
- Кантакузин (Кантакузино) Шербан 165, 450
- Кантемир-мурза 292
- Кантемир-султан 133
- Капустин Семен Леонтьевич 247, 258, 310
- Кара-Девлет-Гирей 288, 289
- Карак Метей 406
- Кара-Мустафа 26–28, 253
- Карамышев Осип-мурза 126
- Карасай-мурза Мурзабеков сын 405
- Каргашин (Каршин, Каргошин) Леонтий 414, 415
- Карданова Н.Б.* 453
- Карен Ганс Ильич 219
- Карлович Георг-Карл фон 467
- Карстен Христофор 176
- Карцев Борис 481, 495
- Карцов Федор Степанович 214
- Касаткин-Ростовский Иван Львович 240
- Кауниц Доминик Андреас фон 469
- Кашинцев Михаил 60
- Кашкарин Ишей *см. Ишкарин Ишейка*
- Кашкарин Танай 410
- Кашкин Н.Н.* 410
- Квилон Александр 54, 176
- Квятковский К.* 451
- Келлер Иоганн фан 449
- Келлерман Андрей фан 176
- Келчауш-паша 385
- Кенельский Матвей 132
- Кенигсегг Леопольд Вильгельм фон 319
- Кениксакер, граф 469
- Кепа, паша 391
- Керим-ага 333
- Кизивитер *см. Гизеветтер Карель Густав*
- Килимбетов Арчил 421
- Килимбетов Кульчук 421
- Кинский (Кински) Франц Ульрих (Franz Ulrich Kinsky) 322, 328, 329, 466, 469, 470
- Кирик Александр 245
- Кишкин Иван 78, 182
- Клушин Иван 133
- Ключарев Степан 320
- Ключевский В.О.* 19
- Кляусов Федор 64

- Кляшторный С.Г.* 408
 Кнов Семен Иванович (Иванов сын) 155
 Кобатов Исак 242
 Кобер Элиас 355
Кобзарева Е.И. 19
 Кобин Алексей 48
 Кобыльский Иван Михайлович 310
 Кобяков *см.* Девлет-Гирей (I)
 Кобяков Федор Иевлевич (Иевлев сын) 443
 Коваленко Андрей 123
 Ковальчук Иван 286
 Кожуховский Петр 130, 134, 159
 Козлов А.И. 310
 Козлов Василий 36, 37, 43, 54
Козлов Д.Ю. 24
 Козлов Кузьма Петрович 267
 Козлов Федор 384
 Козловский Григорий Афанасьевич 46
Козловский И.П. 434, 435, 458
 Козловский Петр Тимофеевич 203
 Колбрехт Тобиас 77, 132, 155, 181
Колегов С.С. 464
 Колзаков Федор 248
 Колпаков Андрей 376
 Колпаков Илья 169, 173, 376, 382, 392
 Колтовский Иван Васильевич 241
 Кольтер (Колерс) Иаков 471
 Кольцов-Мосальский Иван Михайлович 75, 171, 497, 498
 Кольцов-Мосальский Яков Иванович 498
 Кольчугин Дмитрий Андрианович 219
 Комов Василий Родионович (Родионов сын) 481
 Кондратьев Андрей 87, 98, 182
 Кондратьев Герасим 78, 107
 Кондратьев Петр 78, 94
 Константин, император 440, 445
 Конти Франсуа-Луи де 320
Копиевский И.Ф. (Копиевский Е.) 461
 Корб Иоанн (Иоган) 340
 Корнилий, митрополит 448
 Коробченко (Коровченко, Коровка-Вольский) Григорий Карпович 247, 248
 Коробьин Степан 390, 395
Королев А.А. 459, 460
 Королев Иван 406
Королюк В.Д. 30
 Коротнев Борис Андреевич 241
 Корсак Богдан Семенович 182
 Корсунец Максим Ильич (Ильин сын) 68, 110, 111
 Косагов Григорий Иванович 23, 45–51, 66, 69, 73, 74, 87, 95, 96, 98–104, 107, 109–113, 130, 135–137, 139, 141, 143, 144, 146–149, 158, 164, 172, 178, 183, 186, 190, 192–194, 199, 205, 235–239, 251, 435, 443
 Косагов Михаил Григорьевич 238
 Костанецкий, ксендз 28
Костомаров Н.И. 17, 359–361, 368, 369, 372, 386, 394, 396, 397
Котков С.И. 341
 Кох Федор Петрович (Петров сын) 85, 126, 128, 189
 Кохановский Григорий 272, 418
 Кохен Кристофор (Христофор) фон 119, 120, 131, 134–136, 449
Кочегаров К.А. 10, 26, 27, 29, 30, 32, 41, 43–48, 53, 67, 70, 113, 120, 297, 340, 438, 467, 498
 Кочекаев Аджачко 130, 207, 209–211
 Кошаев Иван Михайлович (Михайлов сын) 446
 Кошкарин Ишейка *см.* Ишкарин Ишейка
 Кревет (Кревт, Крефт) Андрей Юрьевич 313
 Крен Корнелиус 430
 Кривцов Михаил Фомич 231, 368, 376, 388, 390
 Кро Елизарий 80
 Кро Захарий Елизарьевич 188, 243
 Кро Христофор Томасович 188, 243
 Кровков Семен Матвеевич 193, 220, 244, 310
 Кром Кондратий 79
 Кроткой Иван 424
Крылова Т.К. 19, 20
 Кубек-ага (Кубек, Кубек-мурза) 153, 154, 265–267, 279–281, 309, 333, 344, 352, 353, 362, 367, 389, 398–400, 423, 426, 427
 Кублицкий Костя 65
 Кудаберды-ага 268
Кузнецова О.А. 458
 Куколь Федор 395
 Кулагин Нестер Яковлевич 220
 Кулбацкий Иван 332
 Кулик Дорогомир Иван Федорович 86, 189, 243
 Кулик Осип (Иосиф) 158, 159, 161
 Кульбакин Иван Большой 61
 Кунингам Василий 86, 126, 128
 Купреянов (Куприянов) Герасим 412
Куракин Б.И. 41
Курбатов О.А. 2, 6, 7, 18, 24, 498
Курносова О.Б. 460, 461
 Куроедов Григорий 126
 Куртуха *см.* Джамбулатов Кайтуко

- Курц (Куртц) Иоганн Игнатий 32, 298
 Кутейников Василий 271
 Кутлубеев Караман 228
 Кучук-мурза 421
 Кучумов Полуэкт (Полуэкт, Полиевкт) 54, 228, 481
 Кушева Е.Н. 22, 417
 Кушне Яган 303

 Лаваль Антоний де 357
 Лаврентьев А.В. 199, 202, 203, 205, 206, 213, 215, 224, 226, 231, 232, 234
 Лаврентьев Семен 74
 Лаврецкий Семен Федорович (Федоров сын) 481
 Лаеров А.С. 14, 75, 214
 Лаеров Л.И. 418
 Лаговчин Василий Иванович 68
 Лазаревский А.М. 374
 Лаптева Т.А. 21, 62, 97, 300, 349, 423, 458, 469
 Ларионов Михаил Родионович 34, 496
 Ларонт А. 307
 Ласка Войтех 252
 Лашков В. 26, 37
 Лебедев В.И. 331, 430, 465, 468, 489
 Лебедев Данило 176
 Левшин Афанасий Иванович 53, 55–59, 62
 Лежнев Дмитрий 335
 Лексин Вилим Павлович 187, 243
 Леонтьев Борис Гаврилович 50, 75
 Леонтьев Иван Юрьевич 52, 88, 135, 149, 168, 170, 180, 440
 Леонтьев Иона Гаврилович 75
 Леопольд I 32, 324, 326, 328, 330, 453, 464–466, 475, 477, 479
 Лермонтова Е. 144, 161
 Лесной Зиновий Игнатьевич 219
 Лефорт Амадей (Ами) 96, 97, 300, 310, 422
 Лефорт Франц Яковлевич 17, 22, 96, 97, 119, 184, 300, 302, 309–313, 315, 316, 336, 349–351, 422, 423, 453, 456–459, 469
 Лешуков Иван 139, 177
 Лещиловская И.И. 19
 Либедев Данила 54
 Ливенстон Александр Петрович 80, 183
 Ливенстон Алексей 139
 Лизогуб Яков Кондратьевич 336, 356, 372
 Лима Юрий 139, 182
 Линенбек Осип Васильевич, 220
 Липстром (Липстор, Линстер) Ефимий (Юхан) Еремеевич 122, 124, 191–193, 220, 244
 Лисейцев Д.В. 24, 481

 Лисица Иван 447
 Литаврин Г.Г. 10, 30, 165, 194, 249, 422, 464, 479, 504, 507
 Литвинов Иван 47
 Литензон Юрий Юрьевич (Юрьев сын) 191–193
 Лихарев Иван Иванович Большой 231
 Лихопой Филон 49, 51, 95, 109, 111
 Лихуды, братья Иоанникий и Софроний 457
 Личковский Иван 148, 175
 Лобин А.Н. 6
 Ловзин (Ловзын) Яков Гаврилович 84, 190–193
 Ловчиков Степан Богданович 152–156, 170, 203, 217, 248
 Лозьер Балтазар де 95
 Ломиковский Иван 283
 Лопухин Иван 83, 187
 Лубяник Андрей 129
 Лукин Б.В. 16
 Лукин Иван Денисович 78, 182
 Лукьян, казак 379
 Лукьяшко С.И. 49, 122
 Лутохин Алексей Юрьевич (Юрьев сын) 447
 Лызлов Андрей Иванович 142–144, 234, 446
 Лыкова Е.Е. 21, 97, 300, 349, 423, 458, 469
 Лысковец Тимофей Яковлевич (Яковлев сын) 405
 Львов Петр Григорьевич 357, 425
 Львов Петр Лукич 75, 299
 Любовников Семен 129
 Людовик XIV 325, 466
 Ляпин Исай 64, 65
 Ляпунов Иван 61

 Мильчев В.И. 246, 501
 Маврокордато Александр (Mavrocordato d'Alexandre) 465, 469, 471, 473, 474, 489, 490, 493
 Магмет, пленный «татарский абыз» 237
 Магмет-ага 366
 Магмет-паша (I) 395, 396
 Магмет-паша (II) см. Ибрагим Эфенди-ага (возможно, одно лицо с Магмет-пашой (I)
 Магомет, «перекопский житель» 48
 Мазан Албу Даихнешка 421
 Мазан Микифор (Никифор) 368
 Мазепа Иван Степанович 17, 18, 22, 23, 67, 113, 120, 129, 132, 133–147, 149–151, 154, 156–163, 165, 167, 171, 173, 175, 177, 178, 195, 197, 201, 203, 213, 215, 218, 221, 222, 224–231, 234, 235, 238, 239, 246–248, 251, 252, 257, 260, 262–265, 269, 281–287,

- 289–295, 297–301, 303–307, 311, 336, 344, 358, 359, 361, 362, 368–374, 376, 377, 379, 380, 382, 384, 387, 392–396, 398, 447, 449, 450, 487, 497, 500, 506
- Майкова Т.С.* 21, 312
- Макарьев Василий 171
- Максентий, император 445
- Максимов Лукьян 365
- Малай-батыр 260, 273
- Малаховский Станислав 470–472, 476, 477
- Малеев Константин Григорьевич 147, 185
- Малов А.В.* 24, 147
- Мальгин Федор 60
- Мальцев А.Н.* 14
- Малюта, казак 238
- Мамалаев Исмаил-мурза 126
- Мамбет-ага 428
- Маметев Дунайко 94
- Маметжан-мурза 93
- Мамет-мурза 398
- Манойленко Ю.Е.* 355
- Маноцкий Лев (Левка, Левка) 260, 273, 279, 311, 407–409, 419
- Мансуров Алексей Васильевич (Васильев сын) 447
- Манфелт, «цесарский маршалок» 469
- Мантуров Абрам Иванович 174, 175
- Маралов Черпайка 428
- Мария Иоанновна, дочь Ивана (Иоанна) V Алексеевича 170, 199, 202, 203
- Маркелл, митрополит 446
- Маркош Иван 198
- Мартин, знатный казак 49
- Мартынов Федор 27
- Мартынова Я.В.* 24
- Матвеев Андрей Артамонович 340
- Матишов Г.Г.* 76
- Матчинский Марк 282, 454
- Мевс Иван 384
- Мегорский Б.В.* 431
- Мединский В.Р.* 7
- Меер Иван 430
- Мезенцев Михаил Григорьевич 28
- Мезин С.А.* 350
- Мей Федор Петрович (Петров сын) 219
- Мейн Яков 382
- Мейснер Иван фон 481, 482
- Мельников А.В.* 314, 329, 369, 456
- Мельницкой (Мельницкий) Назарий 27, 29, 241, 393, 394
- Мемет Дербиш (Мемет Дербиш-паша, Мехмед-паша) 366, 375, 385, 388
- Менбулатов Ибрагим-мурза 126
- Менезий (Мезениус) Павел Гаврилович 85, 189
- Мехмед IV 33, 133
- Мехмед Герай 216, 310
- Мехмед-паша см. Мемет Дербиш
- Мешков-Плещеев Андрей Алексеевич 231
- Мещерский Иван Андреевич 221
- Мещерский Никифор 85, 126, 128
- Миклашевский Михаил Андреевич 201
- Милов Л.В.* 52, 113
- Милославские, род 8, 281, 436
- Милоков С.Г.* 297
- Минаев Фрол 45, 74, 265, 278, 279, 298, 311, 334, 350, 356, 399
- Миргалеев И.* 37
- Мирович Иван 292
- Миронов Артем Иванович 220
- Мисост см. Казыев Мисост
- Мисостов Казы 426
- Мисюрка Моисей Васильевич (Васильев сын) 409
- Митрофан, епископ 448
- Митчель Андрей 371, 393
- Михаил Макаревский 448
- Михайленко Иван 45
- Михайленко Кондрашка 264
- Михайло (I), полковник в Варве 134
- Михайло (II), сотник 262, 264
- Михайлов Борис Михайлович (Михайлов сын) 163, 287, 328
- Михайлов Петр 57
- Мишуков Яков Маркович 220
- Мильчев В.* 501
- Можар М., казак 425
- Мозира Дмитрий 263
- Мокиевский Константин 293, 447
- Моконаллов Дмитрий 47
- Молостов Дмитрий 446
- Молчанов Андрей 424
- Молчанов Григорий 197
- Молчанов Иван Тимофеевич (Тимофеев сын) 446
- Молчанов Н.Н.* 19
- Молчанов Федор 419
- Молявка Иван 61
- Момот Иван 159, 161
- Мороз Яков 361
- Морозов Б.Н.* 452, 453
- Мункотемир Солом-Серень 271, 272, 365, 402, 429
- Мурад-Гирей 26, 36
- Мураховец Федор 152
- Мурзабеков см. Девлет-Гирей (I)

- Мурзакевич Н. 26
 Мурзенок Петр 260, 412, 413
 Муртазалей, правитель Эндиреевского владения 410, 418, 419, 423
 Муртаза (I), азовский бей 308
 Муртаза-паша (Муртаза (II) 308, 309, 333, 338, 343, 345, 352, 368, 378, 390, 398, 399
 Мусин-Пушкин Иван Алексеевич 424, 430
 Мусин-Пушкин Петр Саввич 276
 Мушла-ага 367
 Муслин Арзакай 94
 Мустафа, ода-баши 356
 Мустафа II, султан 460, 489, 494, 496
 Мустафа-бей 294, 314
 Мустафин Усейн 339
 Мухаммед-Гирей 212
 Мухаммед-Гирей IV 236
 Мышейков Парамон Кузьмич (Кузьмин сын) 446
 Мышецкий Борис Ефимович 75, 90
 Мюрло Альбер Жозеф 314

 Наврузов Юсуф (Юсуф-мурза) 400, 401
 Нарбеков Василий Саввич 121, 234, 415, 416
 Нарик Суфу, пленный татарин 226, 253
 Нармацкий Андрей 87
 Нарушевский Степан Иванович (Иванов сын) 481
 Нарышкин Лев Кириллович 332, 478
 Нарышкины, род 8, 281, 436
 Наталья Кирилловна (в девичестве Нарышкина) 295, 297, 439
 Наумов Данил 272
 Наумов Яков Петрович 446
 Нежежин Иван 60
 Невилль Фуа де ла 14, 214, 215, 217, 218, 220, 221, 224, 225, 228, 229
 Негри А. 213, 216, 232
 Неклюдов Кузьма 387, 392
 Некрасов Иван Дементьевич 220
 Нелидов Афанасий (Афонасий) 182, 380, 383, 387
 Нелидов Герасим 122, 192, 193
 Нелюбов Сергей Федорович (Федоров сын) 481
 Ненисупка, пленный татарин 211, 224, 253
 Неплюев Емельян Давыдович 170
 Неплюев Леонтий Романович 34, 35, 38–40, 47, 52, 55, 75, 91, 93, 94, 98, 100–113, 115–118, 130, 132, 133, 135–137, 139, 141, 145–152, 154, 156–158, 167, 168, 171, 177, 186, 200, 214, 217, 228, 229, 235, 239, 251, 252, 255, 262–266, 447
 Неплюев Семен Протасьевич 134, 140, 141, 143, 151, 305, 360, 368, 371, 372, 390, 394, 397
 Неронов Иван Григорьевич 446
 Несметный Семен 123
 Несправа Н.В. 147
 Нефимонов Козьма (Кузьма) Никитич (Никитин сын) 20, 318–332, 335, 357, 455, 463
 Нечитайлов М.В. 6, 25, 340, 453
 Никита, архиепископ 448
 Никитин Алексей Васильевич 454, 456, 457
 Никитина А.А. 397
 Николаев Н.И. 455, 461
 Николаев С.И. 455, 461
 Никольский В.К. 30
 Никон, архимандрит 92
 Нилсон Василий Андреевич 127, 128, 189
 Новиков Н.И. 52, 337
 Новицкий Илья 45, 99, 159, 161, 134, 283, 284, 286
 Новомбергский Н. 49
 Новосельский А.А. 26, 46

 Оберучов Иван 51
 Обидовский Иван Павлович 311, 374
 Облов Иван Богданович 243
 Оболенский Василий Матвеевич 235
 Обросимов Андрюшка 214
 Обухов Алексей Лаврентьевич 247, 310
 Огибалов Семен 243
 Огибалов Сильвестр 368
 Огинский Марциан Александр 41
 Оглоблин А. 285, 288
 Одоевский Яков Никитич 30
 Ознобишин Иван Иванович 241
 Озова Ф.А. 411, 427
 Окладников Ерофей 176
 Окраса Ян 30
 Оловенников (Оловянников) Перфилий 52, 75
 Опухтин см. Апухтин Иван Аверкиевич
 Ордин-Нашокин Василий Богданович 443
 Орешкова С.Ф. 166, 213
 Осеки-ага 333
 Остафьев Родион 84, 188
 Остолопов Андрей Андрианович 219
 Островский Григорий Григорьевич 465

 Павел, митрополит 266, 448
 Павлов Василий Кондратьевич 221
 Павлов Никифор Степанович 241
 Палей Семен 283, 284, 286, 292–294, 303
 Паллавиччини Опцио 32

- Памбург (Памбурх) Петр фон 482
Панкратова Н.П. 341
 Панов Кузьма 421
 Парфений Небоза 460
 Парфеньев Дмитрий 29, 34, 35, 36
 Пасылков (Пасынков) Аврам Гаврилович
 (Гаврилов сын) 243, 447
 Пасынков Лаврентий 123
 Пахомов Пименко 214
 Пахомов Савелий (Савка Пахоменко) 279,
 418
 Пашков Иван Большой 155
 Пашковский Григорий 99, 134, 151, 159, 160,
 292
 Перекрестов Иван 58, 78, 87, 93, 152, 153,
 183, 218, 248
 Петр I Алексеевич (Петр Великий) 7, 8, 16,
 17, 21–24, 29, 30, 40–42, 87, 173, 296, 297,
 299, 302, 309–312, 314, 316–318, 320, 321,
 323, 324, 326–332, 341, 349–351, 355, 358,
 359, 368, 388, 422, 423, 425–428, 431, 439,
 440, 443, 445, 453–461, 463, 465–468, 471,
 473, 480, 482, 483, 486, 489, 490, 494–496,
 499, 500, 502, 505, 506
 Петр Пашкевич-Толоконский 457
 Петренко Лукьян 65
 Петрик *см.* Иваненко Петр
 Петров Артемий 54, 176
 Петров Дмитрий 261, 481
 Петров Степан 176
 Петров Тимофей 176
 Петрович, запорожский казак 223
Петровський М. 305
Петрухинцев Н.Н. 397
 Плейер Отто Антон 298
 Плисенко Михаил 134
 Плячник Микита 362
Погодин М.П. 452
 Погорельй Иван 110
 Подгорский Григорий 197
 Подуруев Василий 54, 176
 Поздеев Леонтий 349
 Положиченко Михайло 134, 159
 Полозов Степан Макеевич 219
 Полуботок Леонтий Артемьевич 104, 105,
 109
 Полянский Еремей 52, 171, 442
 Полянский Макар 149
 Поминов Азар Васильевич 220
 Поплонский Никифор 245
 Поплонский Самойла 245
Попов А.Н. 447
 Посников Григорий 171
 Посников Леонтий 35, 36
 Постников (Посников) Василий Тимофее-
 вич 27, 28, 163
 Постников (Посников) Петр Васильевич
 469, 472–474
Потанов Н.И. 16
 Потемкин Петр Иванович 390
 Пофиснев (Похвиснев) Владимир Родино-
 вич (Родинов сын) 215
 Починской Яков 54
Преображенский А.А. 463
 Приимков-Ростовский Никита Иванович 272
 Приклонский Михаил Иванович 235, 446
 Прозоровский Петр Иванович 496
 Прокофьев Федор 176
Пронштейн А.П. 497
 Проский Самуэль 28
 Протопопов Григорий 52
 Протопопов Иван 29, 34–36
 Протопопов Лаврентий 481
 Протопопов Лев 52
 Прохор, келарь 448
 Процкой Петр Николаевич 219
 Пуленко Гаврила 286
 Пулст Данила Яковлевич 78, 132, 184
 Пушкин Петр Петрович 446
 Пушкин Федор Матвеевич 195, 196
 Пушин Иван Афанасьевич 241
 Пэджет Уильям 465, 471, 493
 Рабкеев Петр 54
 Рагозин Афанасий Герасимович 447
 Раддеус Георгиус 459, 460
 Радзеевский (Радзиевский) Августин Миха-
 ил Стефан 330
 Радзивилл Кароль Станислав 472
 Разин Степан Тимофеевич 457
Ракитин А.С. 6
 Рами Мехмед 471, 489
 Расланбек-мурза *см.* Арасланбек-мурза Кас-
 полатов
 Ратьков Иван 320
 Резанов Семен Юрьевич (Юрьев сын) 79,
 182
 Рейер Иоганн 217, 225, 235, 241, 451
 Ретерс П. (Рейтер; P. Roeters) 459, 460
 Ржевский Аким Яковлевич 315, 334
 Ржевский Алексей Иванович 260
Ригельман А.И. 23, 499, 500
 Ригимон (Ригиман) Карл (Карлус) Андрее-
 вич 84, 334, 346, 351, 384
 Ригимон (Ригиман) Христофор Андреевич
 85, 132, 152, 191, 193, 220, 244

- Рогов А.И. 30
 Родионов Никифор 123
 Родостамов Михаил 470
 Розен, инженер 355
 Ролонт Андрей 262, 263
 Романовы, династия 8
 Ромодан-ага 399
 Ромодановский Григорий Григорьевич 73, 100
 Ромодановский Михаил Григорьевич 68, 122–126, 172, 177, 247, 248
 Ромодановский Федор Юрьевич 350
 Ронорт Варфоломей Григорьевич 84, 188
 Роскащик Афанасий 413
 Ростовский, ротмистр 286
 Росформ Артемий 84
 Ртищев Данила Максимович 241
Рубан В.Г. 336
 Рубан, есаул 290
 Рубцов (Рубков) Автомон (Антон) 247, 258
 Рудеев Кузьма 64
 Рудзини Карло (Руццини, Carlo Ruzzini) 324, 326, 329, 470–472, 477–479
 Рудый (Рудов) Антон 178, 179
 Ружицкий Самойло 251
 Руэль Крестьян 357
 Русинов Василий 64
 Рыдар Петр Гедеонович 78, 182
Рыженков М.Р. 21, 365
Рычаловский Е.Е. 24
 Ряховский Роман 149

 Саадет-Гирей, нураддин 431
 Саадет-Гирей III 262, 284
 Сабез-Гирей см. Шахбаз-Гирей
 Саваз-Гирей см. Шахбаз-Гирей
 Сават-Гирей-салтан см. Сафа-Гирей
Савелов Л.М. 224, 225, 447
 Савельев Данила 262, 264
 Сагайдачный Григорий 110
 Сазан (Сазанка), калмык, «ближний чело-
 век» Аюки 268
 Сакаев Я., юртовский татарин 423
 Салеко (Салейко) Николаев сын 335
 Салман-мурза 388
 Салпык (Салпук), мурза, сын Будая 362, 423
 Салтамурат-мурза 426
 Салтыков Алексей Петрович 398, 410
 Салтыков Иван Самойлович 439, 442, 444, 450
 Самойленко Максим 304, 305
 Самойлович Григорий Иванович 92, 93, 98–111, 113, 118, 130, 255
 Самойлович Иван Самойлович 31, 33, 34, 39, 41–43, 48, 51, 54, 65–67, 69, 72–74, 87, 89, 91–94, 98, 99, 113–116, 118–120, 138, 144, 161, 171, 439, 442, 444, 450
 Самойлович Яков Иванович 92, 93
 Сангер Спиридон Юрьевич 219
 Санджаб (Санжи), сын Аюки 389, 402
Санин Г.А. 464, 466
 Сапега Бенедикт 249
 Сапега Казимир Ян 249, 282, 451
 Сапогов Василий 89, 117, 227
 Сапогов Филипп 14
 Сара Сулейман-паша 41
 Сарыев Ешканач 404, 405
 Сарыков Сенька 57
 Сас (Сасов) Иван Семенович 177, 248
 Сафа-Гирей (Сават-Кирей, Сават-Гирей-салтан) 284, 287, 398, 429, 430
 Сафар-ага 427
 Свечка Леонтий Назарович 225, 235–238, 293
 Святополк-Четвертинский Юрий 374
Сейид Мухаммед Риза 213
Селезнев Ю.В. 7, 18, 498
 Селиверст Черницкий 448
 Селим-Гирей I 35–40, 43, 48, 66–68, 93, 101, 102, 105, 106, 108, 110, 112, 114–116, 131, 133, 134, 146, 150, 151, 154, 161, 162, 164, 166, 198, 199, 206–213, 216, 222–227, 229, 231, 233, 239, 250, 253–256, 262, 270, 271, 284, 305, 333, 387, 409, 420–422, 449, 503, 507, 508
Селищев А.М. 454
 Семенов Алексей 47
 Семенов Василий Григорьевич 53, 173, 175, 440
 Семенов Иван 268
 Семенов Кузьма (Козьма) 54, 176, 383
 Семенов Фрол 176
Семенова А.С. 463
Семенова Л.Е. 165
Сень Д.В. 19, 24, 45, 257, 280, 340, 363, 408, 409, 422–425, 430, 431, 485, 502
 Сенька, казак 424
 Сербин Владислав 84
 Сербин Войца Станиславович 120, 156
 Сербин Денис 410, 417–419
 Сергеев Сергей Григорьевич (Григорьев сын) 79, 182, 258
 Сергей, архиепископ 448
 Сереть-мурза 271
 Сибилев Василий Елизарович 447
Силахдар Фындыклылы Мехмед-ага 213

- Симоновский П.* 218
 Синибальди Карло Андреа (Sinibaldi Carlo Andrea) 455, 461
Сквейрс Е.Р. 451
 Скоп Александр 44
 Скорняков-Писарев Федор Парфеньевич 241
 Скоропадский Иван Ильич 109
 Скуратов Иван Петрович 90
 Скуратов Петр Дмитриевич 52, 75, 90
Смирнов В.Д. 166, 213, 216, 223, 225, 227, 228, 254, 271, 287, 306
Смирнов Н.А. 26, 66, 429
Смирнов Н.В. 6
 Собеский Ян см. Ян III Собеский
 Соколов Тимофей 399
Соловьев С.М. 12, 17, 19, 118, 163, 226
Соловьева Т.Б. 21, 62, 97, 300, 349, 423, 458, 469
 Сонцов Иван Яковлевич 241
 Софа Капитан 308
 Софья Алексеевна 12, 13, 29, 30, 41, 70, 73, 75, 87, 92, 173, 257, 275, 434, 440–442, 446, 461, 503
 Спарвенфельд Юхан Габриэль 95
 Спафарий Николай Милеску 482
Станіславський В.В. 22, 120, 129, 133, 137, 146, 151, 154, 281, 282, 285–287, 289, 291, 292, 304
Станков К.Н. 16, 163, 351
 Степанов Василий 91
 Степанов Иван 435
Степовик Д.В. 454
 Стефан, митрополит 453
 Стилла Адам (Свейковский, Швейковский) 325, 435, 451
 Стразборх Родион 182
 Стрекалов Степан 379
 Стремоухов Федор Иванович 148, 185
 Стрешнев Тихон Никитич 376
 Строгановы, «именитые люди» 63
 Судаков Афанасий 412
 Судейкин Любим 63, 169, 171
 Сула Филипп 272
 Сулейман, пушкарь из Казы-Кермена 48
 Сулейман II 133
 Сулешев Айстемир-мурза (Устемир-мурза) 35–37
 Сулешев Велиша (Велиша-бей) 29, 34, 35–37, 39, 40, 114
 Сулешев Кемал-мурза 288
 Сулешев Кеман-мурза 228, 229
 Сулешев Котлуша-мурза 37, 38
 Сулешев Мубарекша-мурза 43, 67
Султанов Т.И. 408
 Сухарев Лаврентий 435
Сухоруков В.Д. 45, 46, 113, 260, 272, 275, 278, 281
 Сухотин Василий 61
 Сухочев Мелешка 221
 Сыгин Лев Андреевич 219
Тайрова-Яковлева Т. см. Яковлева Т.Г.
 Танбеевы, род 429
Тарабасова Н.И. 341
 Тараканов Никита 28, 29, 34, 114
 Тарасевич Леонтий 24, 454
 Тарасов Михаил 28, 33
 Тарханов Семен Иванович 416, 417
 Тахбулат, пленный «нагайской орды озовской житель» 154
 Татаринов Петр 54, 228
 Текели Имре 198
 Темир-ага 269
 Темир-мурза 362
Тепкеев В.Т. 74, 261, 266, 268–271, 273–275, 277, 389, 400, 407, 417, 421, 426, 428, 429
 Терешка, человек И. Протопопова 35
Терлецкий Петр 454
 Термант (Термонт) Яган 54, 176
 Тиль, секретарь 475
 Тиммерман Франц Федорович 314, 316
 Тинбаев Иван 228
 Тинбаев Игидемир Салтамуратов сын 402
 Тинков Микифор (Никифор) Леонтьевич (Леонтьев сын) 369
 Тиноклатов Чин-мурза 418, 419
 Тихонов Микишка 175
 Тоган-мурза Сиюнчев сын 426
 Токлулат, посыльный Будая 414
 Толбухин Федот Семенович 335
 Толочанов Василий Семенович 201
 Толстой Иван Андреевич 499, 500
 Толстой Моисей Петрович 128
 Толстой Петр Андреевич 497, 500
 Толстой Федор 175
 Тонкачов (Тонкачев) Сулейман 54, 228
Топычканов А.В. 24
 Торнавский Севастьян 245
 Траурнихт Афанасий Федорович 83, 187, 214, 242
 Траурнихт Дорофей Афанасьевич 127, 128, 189, 243
Трепавлов В.В. 280, 289, 408
 Трескин Иван Лукьянович (Лукьянов сын) 481

- Трипутин Лукьян 262
Тросин (Трузин) Рейнгольт 354
Трофим Антонович 303
Трубецкой Юрий Юрьевич 494, 495
Трубицын Петр 175
Тугай-бей 230
Туган, едисанской мурза 389
Туманский Ф.О. 440, 456
Тунгат-ага 362
Тункатар-ага 423
Туранский Алексей 447
Тушин Ю. 45
Тхамокова И.Х. 18
Тювень-ага 209
Тюнеев Тударко 247
Тютчев Петр 172
Тяжкогорский (Тяшкогорский) Иван 54, 458
Тяпкин Василий Михайлович 26, 27, 33, 39, 66, 229, 447
- Уколов Дивей 360
Украинцев Алексей Васильевич (Васильев сын) 481
Украинцев Гур Родионович (Родионов сын) 481, 494, 495
Украинцев Емельян Гурович (Гуров сын) 481
Украинцев Емельян Игнатьевич 52, 75, 104, 171, 217, 218, 221, 251, 300, 320, 323, 332, 430, 455, 480–483, 485, 488–490, 492–496, 498, 500, 501
Украинцев Иван Саввич (Савин сын) 481
Ула Эльмурза 362
Уланов Киприан Иванович (Иванов сын) 409
Улигов У.А. 429
Уманец Никита 101, 110
Умер-ага 33
Унитей-бакша 272
Уо Д.К. 452, 453
Уразаев Байтюбетъ 406
Ураков Бек-мурза Кантемиров сын 247
Урак-ула 95
Урусов Иван Никитич 235
Усеин-челибей 40
Усейнко, пленный янычар 338
Усов Лаврентий 57
Устинова И.А. 24
Устрялов Н.Г. 12, 14–16, 76, 87, 89, 128, 180–184, 187, 189–191, 194, 197, 199, 201–206, 213, 215, 218, 221, 225, 227, 229, 231–235, 239, 245, 247, 248, 250, 251, 337, 438, 446, 447, 494
Устюгов Н.В. 26, 56
- Утешев Бибай-мурза 126
Утусерин Кашка 274
Ушаков Иван 247
- Філімонов Д.* 246
Фаизов С.Ф. 29
Фамендин Юрий Андреевич 79, 132, 155, 183
Фанвердин Ефим 371
Фанвердин Николай Григорьевич 78, 183
Фанговен Яган 85, 126, 128
Фанголстин (Фангольстен) Франц Францевич 81, 185, 242
Фандерберхов Иван Степанович 219
Фандервиден Тимофей Андреевич 81, 185
Фанзален Вилим 146, 182, 246
Фанторнер (Фантурнер) Гаврила Гаврилович 80, 184
Фанфеникбир (Фанфеник) Иван (Яган) Иванович 78, 132, 155, 184
Федор, протопоп 172, 199, 445
Федор Алексеич 442
Федоренко, наказной кошевой атаман 379, 382
Федоров Иван (Ивашка) 176, 177, 341
Федоров Самойло 176, 177
Федоров Степан Федорович 219
Федоров Федосий 384
Федосеев Василий Ильич 243
Федосов Д.Г. (*Fedosov Dimitry*) 21, 341, 365
Феофанов Алексей 176
Филарет (*Гумилевский*) 152–154, 156, 217, 218, 225, 249
Филипенко Иван Григорьевич (Григорьев сын) 108
Филюшкин А.И. 7, 8
Фливерк Матвей Иванович 188, 250–252
Фливерк Николай 84, 97
Фливерс (Flivers), иностранец-полковник 97
Флоря Б.Н. 25, 31, 41
Фолт Яган 54
Фоминцов Иван 242
Фоншвенгель (Фаншфенгель) Отто (Ото) Фридрих (Фридерих) 306, 307, 354
Форот (Добрый) Александр Андреевич 184
Францбеков Иван Романович 86, 190
Фридрих Август I см. Август II
Фролов Максим 389
Фустов Василий Савич 241
- Хаджи-Гирей 33
Халим Гирай-султан (*Халим-Гирей*) 216, 254
Халимбек см. Алибек-мурза

- Хальма Франсуа 460
Ханыков Афанасий 57
Хаплар Кеяс Ахмед-ага 499
Харитонов Андрей 54, 176
Хасан-паша (Хасян-паша, Хосян-паша) 499, 500
Хивинец Петр 29, 37, 38, 54, 101, 105, 109, 114, 115, 130
Хижняк Демьян 49
Хитрово Авраам (Абрам) Иванович 51, 68, 121–125, 131, 132, 150, 154–156, 171, 190, 193, 251, 441
Хитрово Венедикт Яковлевич 251
Хитрово Иван Васильевич 123, 124, 241
Хлопов Кирилл Осипович 27, 28, 37
Хлынов Иван 68
Хмельницкий Богдан 31
Хмельницкий Юрий 9
Хованский Петр Иванович 416, 417, 419
Ходырева Г.В. 27, 473
Хорошкевич А.Л. 159, 485
Хрущов Алексей 171
Хрущов Иван Федорович 443
Хурреми-челеби Акай-эфенди (Хурреми Кырыми) 213
Хусейн-паша Кёпрюлю (Алишан Гусейн-паша, Галишан Азым-паша, Хусейн Азем-паша) 489, 492
Хьюз Л. 15
Цаган (Цаган-Батур, Чаган) 113, 269, 272, 275
Цей Андрей Андреевич 81, 102, 107, 185, 191, 193
Цей Данила Иванович 84, 219, 244
Цейль Себастьян Вунибальд 329
Цыклер Иван Елисеевич 79, 182
Чаадаев Иван Иванович 43
Чаган *см.* Цаган
Чакдорджаба, сын Аюки 426
Чалый Яков 361
Чапа, сын Аюки 402
Чаплин Алексей 78, 182
Чаранда Федор 54
Чебанка, татарин 426
Чек-ага 35
Челеби Эвлия 159, 236
Челищев Михаил Тимофеевич 83, 187, 242
Ченцова В.Г. 24, 455, 458
Чепалов (Чопалав, Шиполов), правитель Эндиреевского владения 404–406, 410, 411
Чепухин А.Г. 354
Чередеев Иван Прохорович (Прохоров сын) 480–482, 489, 495
Черкасский Бийбулат-мурза Каспулатов сын 428
Черкасская Таука Салтанбековна 409, 410, 414, 418, 419
Черкасский Адил-Гирей (Алдигирей) 421, 422
Черкасский Дивей 421
Черкес Салом Серен (Черкес-тайша) 271–274, 389
Черкесский Бекмурза *см.* Джамбулатов Бекмурза
Чернавский Василий Матвеевич 219
Чернов А.В. 76, 87, 180
Черный Иван 384
Чеславский Иван 245
Чеснокова Н.П. 41
Чижинский Степан Федорович 481
Чириков Илья Иванович 26, 27, 467
Чорной Ефим 171
Чубаров Афанасий Алексеевич 145, 204, 246–248, 282, 285, 384
Чумалеев Агметко (Агмет) 209–211, 226, 236
Шабдар, сын Аюки 402
Шаган-Гирей 424
Шагин-Гирей 216
Шакловитый Федор Леонтьевич 12, 14, 15, 64, 70, 71, 73, 91, 92, 109, 117–120, 165, 173, 177, 203, 226, 227, 235
Шалаков Станбулат 427
Шамин (Шамов) Ивашка 276
Шамин С.М. 17, 297, 298, 340, 403, 409, 427, 452, 458–460, 481
Шангины, род 452, 453
Шан-Гирей (Шин-Гирей) султан 102, 154, 207, 209, 248
Шанда, князь 276
Шаповалов С.Н. 11
Шарф Александр 194, 219, 244
Шарф Андрей Вилимович 132, 155, 184
Шахбаз-Гирей (Сабез-Гирей, Саваз-Гирей, Шабас-Гирей, Шибас-Гирей) 344, 353, 390, 401, 409, 413, 417, 420, 422, 431
Шахин-Гирей 290, 306, 341, 343, 352, 367, 424
Шварц (Илиева) И. 19, 24, 165, 319, 357, 464
Швейковский Адам Стилла *см.* Стилла Адам
Швэйковский (Швейковский) Владимир Иванович 77, 88, 181
Шегбаз-Герай (возможно, одно лицо с Шахбаз-Гиреем) 213

- Шеин Алексей Семенович 21, 52, 61, 75, 88, 89, 93, 94, 121, 135, 168, 171, 176, 187, 195, 197, 201–203, 214, 215, 228, 235, 251, 307, 334, 336, 347, 349, 351, 354, 355, 357, 365, 366, 372, 384, 425, 441, 442, 446, 457
- Шейхумеров А.А.* 213, 219, 222
- Шемалбетев см. Енмамет-мурза
- Шемшин Авдулаев сын 306
- Шепелев Аггей Алексеевич 52, 78, 88, 90, 182
- Шепель Федор 65
- Шереметев Борис Петрович 23, 24, 43, 131–134, 137, 141, 143, 146, 150, 153–158, 162, 167–169, 171, 172, 191–194, 201–203, 214, 215, 217–220, 227, 228, 244, 248, 251, 257–262, 265, 266, 269, 289, 297–308, 319, 323, 358–361, 368, 437, 446, 454, 456, 506
- Шереметев Василий Борисович 110
- Шереметев Михаил Борисович 220, 297, 298, 447
- Шестаков Лукьян Тимофеевич 220
- Шестаков Михаил Иванович 220
- Шилов (Шидловский) Федор 390, 391
- Шин-Гирей султан см. Шан-Гирей
- Шипалов Василий Васильевич 214
- Шиполов см. Чепалов
- Ширин-бей (Ширим-бей) 237, 391
- Ширков Никифор 242
- Ширяков И.В.* 76, 89, 121, 235
- Шишков Григорий Иванович 181
- Шкот Юрий Андреевич 81, 148, 185
- Шлипербах (Шлиппенбах) Емельян 334
- Шлык Леопольд фон (Леопольд Антон Иосиф Шлик) 470, 471
- Шляткин И.А.* 460
- Шлятор Роман 176
- Шмидт О.Ю.* 7
- Шмидт С.О.* 329, 369
- Шмурло Е.Ф.* 302, 305, 310, 312, 472
- Шневенц Алферий 242
- Шошин Матвей 231
- Штаремберг Эрнст Рюдигер фон 329, 469
- Штарлат (Шатон) Роберт 470
- Штепа Иван 47
- Шубин Аника Парфеньевич (Парфеньев сын) 215
- Шульга Лукьян 391
- Шустер Яган Янов 355
- Шутой В.Е.* 319
- Шхонебек Адриан 24, 458, 460, 461, 482
- Щеголев Владимир 60, 128
- Щедрин Иван Калинович 220
- Щербаков Михаил 173
- Щербатов Дмитрий Нефедьевич 34
- Щербатов Иван Осипович 70
- Щербатов Константин Осипович 52, 88, 442
- Щербатов Юрий Федорович 214
- Щербачев Борис 79, 183
- Щирский Иван 454
- Щукин Лев Юрьевич 412
- Щупеников Ларион 219
- Ысуп см. Юсуф-паша
- Эваницкий Яган см. Иваницкий Яган
- Эварницкий Д.И.* см. *Яворницкий Д.И.*
- Эвенгагин Адольф 76
- Эльмурза Бекович 431
- Эльмурзин Енбулат 410
- Эрлант Петр Александрович (Александров сын) 80, 132, 155, 184
- Эрнест (Эрнст) Яков (Готфрид) Христофорович (Христофоров, Христофоров сын) 46, 132, 183, 190, 243
- Эрролл Джон Хэй 213, 217
- Эттинген (Этинг) Вольфганг 469–471
- Юдин Андрей 52
- Юдин Григорий 481
- Юдин Данила Никитич (Никитин сын) 79, 132, 152, 183
- Юдин П.Л.* 18, 407
- Юзбаши Гусейн-хан 417
- Юмак-ага 267
- Юнгор Томас Балсыревич 81, 185, 242, 334
- Юрасов Федор 104
- Юркин И.Н.* 453
- Юрченко Игнат 363
- Юса см. Юсуф-паша
- Юсуп, толмач 293
- Юсуф-мурза см. Наврузов Юсуф
- Юсуф-паша (Юса, Ысуп) 370, 371, 375, 377, 384, 385, 396, 500
- Ющенко Е.Н.* 159
- Яблоновский Станислав Ян 42, 111, 112, 148, 149, 151, 154, 165, 215, 249–252, 254, 262, 282, 305
- Яворницкий Д.И.* (*Эварницкий Д.И.*) 17, 18, 45, 46, 67, 87, 89, 129, 133, 144, 145, 147, 148, 158, 175, 176, 178, 204, 226, 246, 260, 263, 264, 282, 284–286, 288, 290–294, 344, 361, 372, 420
- Языков Евдоким Саввич (Савин сын) 34
- Языков Иван Андреевич 412, 414
- Яковенко Григорий 368, 372, 379, 383

- Яковлев Андрей 379
Яковлев В.В. 460
Яковлев Иван Иванович 231
Яковлев Тимошка 214
Яковлева (Тайрова-Яковлева) Т.Г. 93, 120, 218
Якшият-мурза 389
Яла-Агаса (Ял-Агаси) 254
Ян III Собеский 28, 30, 32, 43, 44, 52, 114,
136, 251, 252, 255, 281, 282, 294, 317, 320,
327, 329, 437, 471, 506, 507
Янсен Яков (Якушка) 313, 333, 338, 340,
345–347, 457
Ясликовский Гаврила 307
Ястребов А.О. 19, 20, 164, 319
Яфарова М.Р. 25, 41, 73
Яцкий Алексей 171
- Alberti Girolamo см. Альберти Г.
Аваков Р. см. Аваков П.А.
August II см. Август II
- Belkin Stevens C. 56, 59, 62, 130, 504
Bendza M. 32
Burdowicz-Nowicki J. см. Бурдович-Новицкий
Яцек
- Caratafu M. 465, 493
Cernovodeanu P. 465, 493
Chowaniec Cz. 38, 43
- Dixon S. 466
- Fedosov Dimitry см. Федосов Д.Г.
Finkel C. 159, 370
Fraanje M. 466
- Gieysztor A. 464
Gordon Patrick см. Гордон Патрик
Hughes L. 163
- Kalaylıkoz Hacı Ahmed Paşa см. Калалыкоз
Хаси Ахмед
Kamiński A.S. 164
Kinsky Franz Ulrich см. Кинский Франц Уль-
рих
Klein D. 212
Klein J. 466
Kočegarov K. см. Кочегаров К.А.
Kwiatkowski K. 214, 225, 235, 241, 451
- Mavrocordato d'Alexandre см. Маврокордато
Александр
- Ostapchuk V. 159, 370
- Piotr I см. Петр I Алексеевич
Piwarski K. 464
- Ruzzini Carlo см. Рудзини Карло
Roeters P. 460
- Schwarcz I см. Шварц (Илиева) И.
Sinibaldi Carlo Andrea см. Синибальди Карло
Андреа
- Testa S. 455
- Wagner M. 31, 164, 166, 212, 254
Wasilewski W. 31
Waugh D.C. 452
Wimmer J. 30

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею

Архив СПбИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

АИЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (Акты Западной России)

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею

ПБПВ — Письма и бумаги императора Петра Великого

ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки академии наук

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

СККДР — Словарь книжников и книжностей Древней Руси

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы

В оформлении обложки использованы:

на первой стороне — фрагмент гравюры «Взятие турецких крепостей»
Л. Тарасевича, 1695 г. (опубликована в издании: *Terlecki P. Sława heroicznych dzieł
jaśnie wielmożnego jmc pana Borysa Petrowicza Szeremety...* [Чернигов], 1695;
экземпляр в собрании Российской государственной библиотеки);
жалованный золотой в семь червонцев для участников первого Крымского похода
1687 г. с изображением на лицевой стороне царей Ивана и Петра Алексеевичей;

на четвертой стороне — гравюра «Взятие Азова 19 июля 1696 г.»
А. Шхонебека, 1699 г.;
жалованный золотой в семь червонцев для участников первого Крымского похода
1687 г. с изображением на оборотной стороне царевны Софьи Алексеевны.

Научное издание

**Гуськов Андрей Геннадьевич
Кочегаров Кирилл Александрович
Шамин Степан Михайлович**

**РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА
1686–1700 ГОДОВ**

Руководитель Центра историко-обществоведческих дисциплин *К.А. Кочегаров*

Редактор *Л.А. Суворова*

Художественный редактор *С.Н. Якубовский*

Обложка *С.Н. Якубовского*

Корректоры *Л.В. Дельцова, Л.Н. Федосеева*

Вёрстка *Л.Х. Матвеевой*

Подписано в печать 14.11.22. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,9 (+1 вкл.).
Тираж 500 экз. Изд. № 28302. Заказ №

ООО «Русское слово — учебник».
115035, Москва, Овчинниковская наб., д. 20, стр. 2.
Тел.: (495) 969-24-54 (499) 689-02-65
(отдел реализации и интернет-магазин).

ISBN 978-5-533-02732-8

9 785533 027328

«РУССКОЕ СЛОВО»